

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Мих. Ив. СЕМЕВСКАГО.

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1890 Г.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ЮНЬ.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1890.

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОКШАРОВА

1818—1859 гг.

V¹⁾.

Новые порядки.— Императоръ Николай Павловичъ.—Весѣда его величества съ преподавателемъ химіи Г. И. Гессъ.—Впечатлѣніе, производимое Николаемъ Павловичемъ на лицъ, пользовавшихся его милостями.—Случай съ горнымъ инженеромъ Банниковымъ.

Послѣ посѣщенія Горнаго корпуса Императоромъ Николаемъ, преобразование пошло быстрыми шагами. Н. А. Шленевъ былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ генераль-маіоръ Вейценбрейеръ; Остермейеръ тоже былъ уволенъ и помощникомъ директора опредѣленъ полковникъ П. П. Шрейдеръ, бывшій воспитанникъ Горнаго корпуса, а, впоследствии, служившій въ Преображенскомъ и Литовскомъ полкахъ. Равнымъ образомъ, большинство дежурныхъ офицеровъ было уволено и замѣнено гвардейскими офицерами; намъ дали военную форму и стали обучать ружейнымъ приѣмамъ. Новая форма отличалась отъ формы кадетъ Института путей сообщенія только одною выпушкою: у путейцевъ она была зеленая, у насъ горныхъ—голубая. Ружейнымъ приѣмамъ обучалась кондукторская рота, а резервная только маршированію и фронту.

Теперь Государь Николай Павловичъ живо интересовался нами, пріѣзжалъ почти каждую недѣлю и внимательно все осматривалъ. Съ февраля по май мѣсяць 1834 года, онъ посѣтилъ Институтъ семь разъ. Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 601—628.

именно 24-го мая 1834 года, какъ разсказывали, онъ остался очень доволенъ и при своемъ отъѣздѣ сказалъ: «Наконецъ-то я всѣ корпуса привелъ къ одному знаменателю!»

Во время своихъ посѣщеній, Государь обходилъ съ нами по отечески и былъ такъ милостивъ, что мы считали дни его пріѣзда къ намъ счастливѣйшими днями. Какимъ электрическимъ словомъ было для насъ объявленіе: «Государь пріѣхалъ!» Все мгновенно оживало и всѣ опретью бѣжали къ своимъ кроватямъ, чтобы вытянуться во фронтъ при проходѣ Государя по дортуарамъ. Но такъ какъ резервная рота помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, а кондукторская въ верхнемъ, то онъ обходилъ сперва резервную роту, а потомъ поднимался въ кондукторскую. Въ это время смѣльчаки кадеты резервной роты, пользуясь такимъ промежуткомъ, выбѣгали въ швейцарскую, чтобы посмотрѣть на шинель государя, которую держалъ въ рукахъ швейцаръ и очень удивлялись, видя, что шинель во многихъ мѣстахъ была почиена.

Въ послѣдующіе годы, Государь пріѣзжалъ къ намъ обыкновенно разъ въ годъ и при отъѣздѣ приказывалъ увольнять насъ въ отпускъ на день или на два. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Государь особенно отличилъ кадета резервной роты, Колоколова, который имѣлъ довольно красивую наружность, открытое лицо и смотрѣлъ прямо въ глаза, что Николай Павловичъ очень любилъ.—«Какъ твоя фамилія?» спросилъ онъ.—«Колоколовъ, ваше величество!» Затѣмъ Государь подробно распросилъ, кто онъ, кто его родители и взялъ за носъ двумя пальцами. Въ слѣдующее посѣщеніе Государь засталъ уже Колоколова фельдфебелемъ и назвалъ «молодпомъ». Всѣ думали, что Колоколовъ сдѣлаетъ блестящую карьеру, такъ какъ Государь при каждомъ пріѣздѣ милостиво здоровался съ нимъ; но онъ пошелъ обычной дорогой, на ряду съ другими.

Иногда Государь пріѣзжалъ въ классное время и тогда посѣщалъ всѣ классы, входилъ въ разныя подробности и спрашивалъ у преподавателей объясненій, если ему что казалось непонятнымъ. Такъ, на примѣръ, я помню, проходя по офицерскимъ классамъ, въ которыхъ я тогда находился, онъ обратилъ вниманіе на наши металлическія пуговицы, которыя потеряли серебряный цвѣтъ и сдѣлались черными. Это его очень удивило, и онъ спросилъ нашего преподавателя химіи, академика Г. И. Гесса,

что послужило причиною такого превращенія? Гессъ отвѣтилъ, что это слѣдствіе вліянія сѣрно-водороднаго газа на металлъ. Тогда государь, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, сказалъ:

— «Однако-же, если этотъ газъ такъ сильно дѣйствуетъ на металлъ, то какъ-же онъ долженъ дѣйствовать на человѣческія легкія!»

Гессъ объяснилъ, что тутъ играетъ главную роль сѣра, которая, соединяясь удобно съ серебромъ, производитъ особенное тѣло «сѣрнистое серебро», имѣющее черный цвѣтъ, и, что сѣра не только не вредитъ человѣческому организму, но даже нерѣдко употребляется, какъ лѣкарство. Тогда Государь успокоился и, засмѣявшись, сказалъ:

— «Ну, ты это знаешь лучше, нежели я!»

Вообще, Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ особенный даръ привлекать къ себѣ сердца всѣхъ приближавшихся къ нему, и тѣмъ болѣе сильное обаяніе производилъ онъ на тѣхъ лицъ, которыя непосредственно пользовались его милостями. Четыре различные, по званію и состоянію, человѣка, съ которыми мнѣ пришлось встрѣтиться, въ разное время, а именно: Медичи Спада (носившій званіе кардинала до своей женитьбы на гр. Потоцкой), знаменитый геологъ Мурчисонъ, балетмейстеръ Перро, С.-Пбургскій декораторъ Роллеръ, говоря со мною объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, употребили почти одну и ту-же фразу:

— «Пока сердце мое будетъ биться, до тѣхъ поръ жить въ немъ будетъ Императоръ Николай!»

Приведу кстати одинъ случай, извѣстный мнѣ по рассказамъ очевидцевъ, который произошелъ два года спустя послѣ моего выхода изъ Института и достаточно рисуетъ великодушіе Государя Николая Павловича:

Въ такъ наз. «трубочной» (курительной комнатѣ), на офицерскомъ отдѣленіи Института, собирались обыкновенно по вечерамъ молодые офицеры двухъ послѣднихъ классовъ, чтобы покурить и побесѣдовать между собою. Тутъ-же являлась закуска, конечно самая скромная, такъ какъ все были люди небогатые, и дешевое «тенирфское вино», фабрикуемое въ петербургскихъ погребахъ низшаго сорта, а подчасъ и водка. Болтали о разныхъ разностяхъ, о наукахъ, театрѣ, о прекрасномъ полѣ, касались

газетныхъ извѣстій и того, что происходило въ англійскомъ парламентѣ или въ парижской палатѣ депутатовъ. При этомъ разговоръ незамѣтно переходилъ къ Россіи и къ обсужденію разныхъ формъ правленія. Наша русская молодежь, какъ извѣстно, не прочь полиберальничать, а потому, въ особенности подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, бываетъ иногда неумѣренна въ выраженіяхъ и кажется болѣе жесткой, нежели она есть на дѣлѣ. Кто-то справедливо замѣтилъ: «Человѣкъ гораздо лучше, чѣмъ онъ кажется, и гораздо хуже, чѣмъ онъ хочетъ казаться!» Итакъ, въ одинъ прекрасный день, компанія «въ трубочной» порядочно подвыпила и принялась либеральничать, а бывший тутъ молодой офицеръ, по фамиліи Банниковъ, выразился объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ черезчуръ энергично.

Въ описываемый вечеръ «въ трубочной» находился одинъ изъ бывшихъ товарищей учащихса офицеровъ, именно, Мамышевъ, уже давно вышедшій изъ Института, (кажется, по неблаговиднымъ причинамъ), съ которымъ всѣ они были на «ты». На присутствіе Мамышева никто не обратилъ вниманія, и молодежь, разойдясь послѣ пирушки, снова принялась за обычныя занятія и, конечно, совсѣмъ забыла то, о чемъ было говорено. Молодые офицеры окончили успѣшно курсъ и опредѣлились на службу въ разные заводы на Уралѣ, Алтаѣ, въ Нерчинскомъ округѣ, Олонцѣ и пр. Все шло своимъ порядкомъ, какъ, вдругъ, въ одинъ день на заводы являлся фельдъегерь, которому, по высочайшему повелѣнію, поручено было доставить немедленно въ Петербургъ всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые были на вышеописанномъ вечерѣ «въ трубочной» офицерскаго отдѣленія. Велико было смущеніе офицеровъ и ихъ родственниковъ. Никто не понималъ, что это значитъ и терялся въ догадкахъ.

Обвиняемые были препровождены въ 3-е Отдѣленіе, куда они явились въ большомъ страхѣ и полномъ недоумѣніи. Л. В. Дубельтъ принялъ ихъ очень ласково:

— «Что это вы, господа, сказалъ онъ, такъ перепугались, блѣдны, какъ смерть?... Успокойтесь, если вы, какъ объясяете, ничего за собою не чувствуете, то все обойдется благополучно. Въ комнатахъ вашихъ вы найдете бумагу и чернила; на заданные вамъ вопросы пишите, съ полною откровенностью, отвѣты. А пока отдохните и покушайте, я думаю вы проголодались.

Недостатка здѣсь ни въ чемъ не будетъ. Какое вино вы любите, красное или бѣлое,—такое и требуйте»...

Когда слѣдствіе было окончено, тогда сдѣлалось яснымъ, что бывший товарищ ихъ Мамышевъ, котораго они принимали по братски, возвратившись домой съ упомянутаго вечера, записалъ слово въ слово все то, что было говорено въ трубочной, но почему-то замедлилъ доносомъ.

Началось строжайшее слѣдствіе и всѣ были приговорены къ тяжелому наказанію, установленному закономъ въ такихъ случаяхъ. Но, когда составленъ былъ докладъ, то Императоръ Николай Павловичъ, внимательно разсмотрѣвъ дѣло, далъ, какъ мнѣ сказывали, приблизительно, слѣдующую резолюцію, которую я запомнилъ: «Ничего важнаго! Возвратить обвиняемыхъ на мѣсто ихъ служенія, вознаградить всѣ понесенные убытки, въ формуляры ихъ не вписывать и, вообще, чтобы на ихъ службу происшествіе не имѣло никакого вліянія; а Банникова, чтобы у него вышла дурь изъ головы, посадить на одинъ годъ въ Петропавловскую крѣпость. Доносчика наградить по закону».

Вскорѣ потомъ и Банниковъ былъ помилованъ за долго до окончанія срока.

VI.

Дѣятельное участіе К. В. Чевкина въ преобразованіи Горнаго корпуса.— Вліяніе К. В. Чевкина на управленіе вѣреннаго ему заведенія.— Его отношеніе къ воспитанникамъ.—Гр. Е. Ф. Канкринъ.—Г. А. Юсса.—Въ Финляндіи Н. Норденшильдъ.

Самымъ дѣятельнымъ помощникомъ Государя въ преобразованіи Горнаго института въ Институтъ корпуса горныхъ инженеровъ былъ К. В. Чевкинъ, человѣкъ замѣчательныхъ способностей, энергичный, строго относившійся къ дѣлу, человѣкъ государственный и притомъ вполне русскій. Онъ любилъ Россію и искренно желалъ, чтобы она не отставала отъ Европы. По своему уму, образованію и строгимъ нравственнымъ качествамъ, онъ былъ такъ великъ, въ сравненіи съ другими начальствующими лицами, переведенными къ намъ изъ военной службы, что эти послѣдніе казались совершенно ничтожными

передъ нимъ. Если-бы меня спросили: что выигралъ Горный институтъ и вообще все горное вѣдомство черезъ преобразование его въ военное? то я отвѣтилъ-бы: Чевкина ¹⁾. Правда, у него были, если можно такъ выразиться, своего рода капризы. — Трудно его было сбить, когда начнетъ хвалить, а не взлюбить, такъ тоже трудно его было заставить перемѣнить дурное мнѣніе о человѣкѣ. При этомъ онъ былъ положительно упрямъ. Его также упрекали въ мелочности, но онъ былъ только аккуратенъ и желалъ входить въ мелочи, не упуская изъ виду главнаго, такъ что онъ вполне оправдалъ довѣріе Монарха, который ввѣрилъ ему преобразование и главное управленіе Горнымъ институтомъ ²⁾.

Съ этихъ поръ все въ институтѣ дѣлалось, по распоряженію Чевкина и съ его вѣдома; онъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности, касающіяся управленія институтомъ. Вначалѣ К. В. Чевкинъ пріѣзжалъ къ намъ почти ежедневно, то утромъ, то во время обѣда и даже вечеромъ. На экзаменахъ въ двухъ высшихъ (офицерскихъ) классахъ, онъ предсѣдательствовалъ въ экзаменаціонной комиссіи и имѣлъ терпѣніе просиживать въ ней съ девяти до двухъ, а иногда и до трехъ часовъ пополудни.

¹⁾ Къ сожалѣнію, эта счастливая эпоха продолжалась недолго, а именно въ теченіе одиннадцати лѣтъ пребыванія К. В. Чевкина начальникомъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, а затѣмъ во время недолгаго управленія институтомъ е. и. в. герцога Максимилиана Евгеньевича Лейхтенбергскаго. Съ поступленіемъ Чевкина въ сенатъ и со смертью герцога, Горный институтъ утратилъ своеобразный характеръ и сравнялся со всѣми остальными военно-учебными заведеніями.

²⁾ К. В. Чевкинъ оставилъ не только въ Горномъ институтѣ, но и во всемъ горномъ вѣдомствѣ наилучшую по себѣ память. Минералогическій музей обязанъ своимъ обогащеніемъ Чевкину, который предписалъ всѣмъ заводскимъ начальникамъ на Уралѣ, Алтаѣ, Нерчинскомъ краѣ и пр. доставлять лучшие образцы минераловъ въ музей Горнаго института. Русское геологическое собраніе музея, состоящее изъ различныхъ горныхъ породъ и окаменѣлостей, получило прочное основаніе и достигло полнаго развитія, благодаря заботамъ и распоряженіямъ Чевкина, такъ что когда собраніе это ко дню столѣтняго юбилея Горнаго института перенесено было въ новое, назначенное для него помѣщеніе, никто не называлъ его иначе, какъ Чевкинская коллекція. Невольно удивляешься, какимъ образомъ человѣкъ, какъ Чевкинъ, начавшій свою служебную карьеру въ военной службѣ и достигшій въ ней генераль-майорскаго чина, могъ такъ скоро усвоить себѣ горно-инженерное дѣло и въ нѣсколько лѣтъ превзойти, во многихъ отношеніяхъ, своихъ свѣдѣніями людей, постоянно находившихся въ горной службѣ.

Н. И. К.

Своей строгостью на экзаменах Чевкинъ наводилъ на насъ страхъ; но въ то же время, слушая наши отвѣты, онъ знакомился съ способностями каждаго изъ насъ и кажется заранѣе распредѣлялъ въ своемъ умѣ, по какой части горнаго дѣла могъ онъ употребить въ послѣдствіи того или другаго. Въ этомъ отношеніи, онъ какъ будто не допускалъ возможности ошибки съ своей стороны и, между прочимъ, не смотря на мое очевидное стремленіе къ минералогіи, упорно хотѣлъ обратить меня въ палеонтолога ¹⁾. «Что вы все минералогіей занимаетесь? говорилъ онъ мнѣ не разъ. Все это очень хорошо, но вѣдь палеонтологія гораздо важнѣе»... Почти то же самое повторялъ онъ, въ послѣдствіи; за нѣсколько недѣль до своей смерти (въ 1875 г.), когда я провелъ у него въ Парижѣ цѣлый вечеръ, предъ отъѣздомъ его въ Ниццу, и шути замѣтилъ:

— «А все-таки, я вамъ никогда не прощу, мой другъ, того, что я хотѣлъ изъ васъ сдѣлать палеонтолога, а вы сдѣлались минералогомъ».

При Чевкинѣ обращено было особенное вниманіе на преподаваніе горныхъ наукъ въ институтѣ, преимущественно геологіи и математики, также значительно пополнены коллекціи минераловъ, разныхъ породъ и окаменѣлостей, устроена лабораторія и пр. Воспитывавшихся въ офицерскихъ классахъ (прапорщиковъ и подпоручиковъ) К. В. Чевкинъ помѣстилъ въ особомъ зданіи института, такъ наз. «офицерскомъ отдѣленіи», фасадъ котораго выходилъ на 21 линію, и кромѣ того, устроилъ для нихъ отдѣльную комнату, рядомъ со столовой кадетъ, гдѣ они могли получать сытный и хорошій обѣдъ чуть-ли не за 12½ к. съ человѣка.

¹⁾ Склонность къ минералогіи окончательно развилась у меня съ поступленіемъ въ Горный институтъ, когда я сталъ заниматься этой наукой. Я тѣлательно собиралъ минералы и у меня образовалась мало по малу порядочная коллекція, въ особенности, когда я перешелъ въ офицерскій классъ, такъ какъ она пополнялась минералами, купленными мною, на скопленные деньги, у горнаго аптекаря, А. Б. Кеммерера, практическаго минералога, дававшего уроки минералогіи августѣйшимъ дѣтямъ Государя Николая Павловича. Чтобы сохранить мои сокровища отъ хищническихъ набѣговъ товарищей, наносившихъ по временамъ ущербъ моей коллекціи, я упросилъ Кеммерера (жившаго при горной аптекѣ, на углу Набережной и 20-й линіи) дозволить мнѣ перенести мой шкафикъ съ коллекціей въ его аптекарскій кабинетъ, и, съ тѣхъ поръ, часто заходилъ къ нему бесѣдовать съ моими минералами.

Даровое помѣщеніе и дешевый обѣдъ были истиннымъ благодѣяніемъ для молодыхъ учащихся офицеровъ, при ихъ скудномъ жалованьи, тѣмъ болѣе, что это были большею частью люди бѣдные, которыхъ родители жили за нѣскольکو тысячъ верстъ отъ Петербурга.

К. В. Чевкинъ часто посѣщаль офицерское отдѣленіе и бываль очень доволенъ, когда заставазь насъ съ научными книгами на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: онъ не переставаль внушать намъ, что хорошимъ горнымъ инженеромъ можетъ быть только тотъ, кто въ состояніи слѣдить за успѣхами горныхъ наукъ за границей и что для этого необходимо знаніе иностранныхъ языковъ. На лѣтніе каникулы къ родственникамъ и знакомымъ увозьялись только воспитанники младшихъ классовъ, а кадеты среднихъ классовъ отправлялись, съ ружьемъ на плечѣ, на стоянку въ Парголово и Лѣсной институтъ, гдѣ они занимались геодезическими съемками. Что-же касается учащихся офицеровъ, то они посылались, подъ руководствомъ опытныхъ инженеровъ, въ Финляндію (для изученія заводовъ и рудниковъ), по окрестностямъ Петербурга и г. Боровичей (для геологическихъ наблюденій), а также въ Лисинское лѣсничество (для ознакомленія съ лѣсною частью).

Въ мое время въ Лѣсномъ институтѣ не было того множества дачъ, какъ теперь, и мѣсто, въ которомъ находилось каменное зданіе Лѣснаго института и прилежающіе къ нему флигеля, было почти пустынное. Въ одномъ изъ каменныхъ флигелей проводилъ лѣто министръ финансовъ гр. Е. Ф. Канкринъ, а въ деревянномъ — горные кадеты, посланные на практику. Гр. Канкринъ интересовался нашими геодезическими занятіями и, вообще, относился къ намъ съ большимъ вниманіемъ. Каждое воскресенье одинъ изъ насъ приглашаемъ былъ къ нему на обѣдъ. Мы сняли планъ парка Лѣснаго института и, при отбытіи нашемъ, представили его министру, что, повидимому, доставило ему большое удовольствіе.

Въ Финляндію отправлялись мы подъ руководствомъ благороднѣйшаго изъ людей и уважаемаго профессора металлургіи и горнаго искусства Г. А. Юсса, который умѣль заставить насъ серьезно заниматься горнымъ дѣломъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлать для насъ путешествіе чрезвычайно пріятнымъ. Изъ Петербурга

мы отправились на пароходъ въ Ревель, а затѣмъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ мы имѣли постоянную квартиру и откуда разъѣзжали въ разные пункты Финляндіи. Въ Гельсингфорсъ насъ встрѣтилъ тогдашній оберъ-интендантъ горной части Финляндіи, знаменитый минералогъ Нилъ Норденшильдъ, (отецъ не менѣе знаменитаго путешественника, барона Адольфа Норденшильда), который, по соглашенію съ Г. А. Гюсса, составилъ планъ нашего путешествія и сопровождалъ насъ во всѣхъ экскурсіяхъ. Мы были вмѣстѣ съ нимъ на желѣзныхъ заводахъ сенатора Рамзая, на мѣдномъ рудникѣ Оріерви, минеральныхъ кояхъ острова Паргаса, кояхъ Кимито и др. Н. Норденшильдъ, замѣтивъ во мнѣ склонность къ минераламъ, принялъ меня подъ свое особенное покровительство. По цѣлымъ часамъ мы просиживали съ нимъ въ каменоломняхъ Паргаса и другихъ мѣстахъ, съ молоткомъ въ рукѣ, выламывая кристаллы изъ окружающей ихъ горной породы, причемъ Н. Норденшильдъ многое объяснялъ и давалъ наставленія. Съ этихъ поръ дружба его ко мнѣ не прекращалась до конца его жизни и перешла на сына, барона А. Норденшильда, съ которымъ я уже давно нахожусь въ наилучшихъ отношеніяхъ

По возвращеніи съ лѣтнихъ практическихъ занятій, мы обязаны были представить нашему начальству описаніе всего того, что мы видѣли по технической, геодезической и геологической частямъ. Представленные нами записки строго разсматривались компетентными людьми и, съ ихъ замѣчаніями, доставлялись К. В. Чевкину. Занимаясь геологическими наблюденіями, подъ руководствомъ Гельмерсена, мы собрали значительное количество окаменѣлостей изъ пластовъ формаций Петербургской и Новгородской губерній. Собранныя нами окаменѣлости должны были послужить матеріаломъ для ихъ опредѣленія. Мы тщательно разложили окаменѣлости нашей добычи въ комнатахъ, расположенныхъ подъ рекреационной залой, и съ нетерпѣніемъ ожидали заключеній нашего геолога Гельмерсена.

VII.

Сора Г. П. Гельмерсена съ Э. И. Эйхвальдомъ по поводу опредѣленія пластовъ Новгородской губерніи.—Рѣшеніе вопроса берлинскимъ геологомъ Леопольдомъ фонъ-Бухомъ. — Прїѣздъ въ Петербургъ Р. Мурчисона и Э. де Вернёли. — Меня командировалъ К. В. Чевкинъ для сопровожденія иностранныхъ геологовъ.

Въ то время, окаменѣлости представляли новинку для Россіи, и немногіе знали въ нихъ толкъ, не смотря на то, что заграничные геологи съ большимъ рвеніемъ изучали эти остатки древнихъ временъ, считая ихъ единственнымъ средствомъ для опредѣленія возраста геологическихъ формацій. Поэтому Г. П. Гельмерсенъ, хотя и считался отличнымъ практическимъ геологомъ, но, слѣдуя примѣру своихъ предшественниковъ, старался опредѣлять формаціи обследованныхъ нами мѣстностей не по окаменѣlostямъ, но, преимущественно, по минералогическимъ и другимъ физическимъ свойствамъ и отношеніямъ горныхъ породъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства произошло чуть ли не кровопролитное сраженіе между Гельмерсеномъ и Э. И. Эйхвальдомъ, (однимъ изъ немногихъ людей въ Россіи, знавшихъ тогда основательно окаменѣлости и ихъ отношенія къ геологическимъ формаціямъ). Гельмерсенъ, пересмотрѣвъ свои путевыя замѣтки и собранные нами образцы горныхъ породъ и окаменѣlostей, объявилъ, что пласты, залегающіе въ Новгородской губерніи, принадлежатъ къ новому красному песчанику. Между тѣмъ, Эйхвальдъ, едва взглянувъ на окаменѣлости, сказалъ, что это опредѣленіе не вѣрно и что пласты принадлежатъ къ формаціямъ горнаго известняка и Девонской системѣ (по Мурчисону).

Гельмерсенъ, считавшій себя первымъ русскимъ геологомъ, принялъ заявленіе Эйхвальда за величайшую обиду, такъ что К. В. Чевкинъ, чтобы положить конецъ спору, предложилъ Гельмерсену послать надлежащее количество образцовъ упомянутыхъ окаменѣlostей въ Берлинъ, къ знаменитѣйшему въ то время геологу Леопольду фонъ-Буху, для разрѣшенія недоразумѣнія. Гельмерсенъ былъ увѣренъ, что онъ одержитъ побѣду; но, къ его прискорбію, оказалось противное, такъ какъ Леопольдъ фонъ-Бухъ объявилъ, что Эйхвальдъ правъ и сдѣланное имъ

опредѣленіе формаций вполнѣ вѣрно. Съ этихъ поръ Гельмерсенъ и Эйхвальдъ остались до смерти непримиримыми врагами.

Леопольдъ фонъ-Бухъ опубликовалъ результаты своихъ изслѣдованій надъ присланными ему окаменѣlostями въ «*Beiträge zur Bestimmung der Gebirgsformationen in Russland*», и въ то же время не замедлилъ сообщить англійскому геологу Р. Мурчисону, что если онъ отправится въ Россію, то, вѣроятно, найдеть тамъ ту же послѣдовательность палеозойскихъ осадковъ, какую онъ встрѣтилъ въ Англии и Валлисѣ. Вотъ корень предпринятаго, вскорѣ послѣ того, извѣстнаго геологическаго путешествія по Россіи: Р. Мурчисона, Эдуарда де-Вернёля и графа А. Кейзерлинга, въ то время начинающаго зоолога, успѣвшаго зарекомендовать себя съ наилучшей стороны. Мурчисонъ отнесся съ живымъ интересомъ къ сообщенію Леопольда фонъ-Буха и рѣшился, во что бы то ни стало, посѣтить Россію; онъ пригласилъ присоединиться къ нему въ предполагаемомъ путешествіи французскаго палеонтолога Э. де-Вернёля, знатока окаменѣlostей древнихъ формаций. Тогда же баронъ Бруновъ, русскій посолъ при лондонскомъ дворѣ, для осуществленія проекта Мурчисона, исходатайствовалъ высочайшее соизволеніе Государя Николая Павловича.

Мурчисонъ и де-Вернёль пріѣхали въ Петербургъ моремъ въ началѣ весны 1840 года и остановились на Галерной, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ англичанкою Гаувартъ. Баронъ А. К. Мейендорфъ, (братъ бывшаго посла нашего въ Вѣнѣ), занятый въ то время данной ему командировкой, имѣвшей цѣлью изученіе состоянія мануфактурной промышленности и торговли великорусскихъ губерній, просилъ Мурчисона и де-Вернёля присоединиться къ нему и взять къ себѣ двухъ натуралистовъ — графа Кейзерлинга и проф. Блазіуса. Мурчисонъ изъявилъ свое согласіе, хотя трудно было геологамъ, имѣвшимъ специальную цѣль, дѣйствовать заодно съ экспедиціей барона Мейендорфа, задача которой была чисто практическая¹⁾.

¹⁾ Дѣйствительно, экспедиція не долго держалась въ означенномъ составѣ. Въ Вытегрѣ Мурчисонъ и де-Вернёль разстались съ барономъ Мейендорфомъ. Проф. Блазіусъ заболѣлъ въ Устюгѣ и также отсталъ отъ нихъ. Впоследствии, обѣ экспедиціи съѣхались въ Устюгъ и снова разстались; затѣмъ еще разъ случайно съѣхались въ Москвѣ.

Тогдашій министръ финансовъ, графъ Е. Ф. Канкрицъ, отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ предстоявшему путешествію иностранныхъ ученыхъ, равно и К. В. Чевкинъ. Въ концѣ мая 1840 года, когда я уже сдалъ весь мой выпускной экзаменъ, Чевкинъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что я буду командированъ для сопровожденія геологовъ Мурчисона и де-Вернёля въ ихъ путешествіи по великороссійскимъ губерніямъ. При этомъ, онъ добавилъ:

— Вотъ вамъ, мой другъ, предстоитъ хорошій случай ознакомиться ближе, какимъ образомъ производятся геологическія изслѣдованія знаменитыми учеными. Будьте внимательны и не упускайте изъ виду всего того, что можетъ быть полезно для усовершенствованія васъ въ геологіи и палеонтологіи. Обращайте особенное вниманіе на окаменѣлости, которыя теперь играютъ въ геологіи важную роль. Затѣмъ дѣйствуйте къ чести русскаго имени и старайтесь быть пріятнымъ именитымъ иностранцамъ.

Черезъ день, послѣ этого объясненія, я получилъ отъ Чевкина спеціальное предписаніе, съ подробной инструкціей, относительно цѣли командировки, возлагаемыхъ на меня обязанностей и расходованія суммы, ассигнованной мнѣ на путешествіе, въ размѣрѣ 450 руб. сер.

Едва успѣлъ я прочитатъ посланное мнѣ предписаніе, какъ Чевкинъ снова потребовалъ меня къ себѣ; я засталъ у него барона Мейендорфа, Гельмерсена, Мурчисона, де-Вернёля и гр. Кейзерлинга. Чевкинъ съ большимъ оживленіемъ бесѣдовалъ съ Мурчисономъ, касательно плана путешествія. Столъ, за которымъ мы сидѣли, былъ покрытъ географическими и другими картами и разными бумагами. Здѣсь-то былъ окончательно утвержденъ планъ перваго путешествія Мурчисона, сообразно съ которымъ Чевкинъ сдѣлалъ потомъ всѣ необходимыя распоряженія и свесся съ мѣстными властями губерній, какія приходилось посѣтить Мурчисону и его спутникамъ.

Наканунѣ отбытія экспедиціи изъ Петербурга, баронъ Мейендорфъ приказалъ мнѣ отправиться съ возможною послѣдностью въ имѣніе г. Астафьева, (за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Петербурга), чтобы предупредить владѣльца и его семейство о намѣреніи иностранныхъ путешественниковъ посѣтить ихъ для

осмотра находящихся по близости геологическихъ разрѣзовъ. Весь вечеръ и часть ночи я ѣхалъ, не останавливаясь, на перекладной телѣгѣ и прибылъ въ имѣніе г. Астафьева около 4-хъ часовъ утра. Но такъ какъ въ этотъ часъ всё еще спали, то я написалъ письмо Астафьеву и, передавъ слугѣ, отправился въ обратный путь, на встрѣчу экспедиціи. Семейство Астафьевыхъ приняло путешественниковъ самымъ гостепріимнымъ образомъ, какъ привыкло принимать наше дворянство гостей-иностранцевъ.

Затѣмъ путешествіе продолжалось также благопріятно, какъ и началось, чему способствовала прекраснѣйшая погода. Мы обследовали окрестности С.-Петербурга, берега рѣки Волхова, Валдайскія горы, окрестности озера Ильменя, Вологодскую и Архангельскую губерніи, вплоть до Пинеги. На возвратномъ пути мы посѣтили Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Елатьму, Касимовъ, Рязань и Коломну.

VIII.

Р. Мурчисонъ и его отношеніе къ императору Николаю Павловичу.—Значеніе путешествія Мурчисона для изученія Европейской Россіи.—Недостатокъ тогдашнихъ свѣдѣній о Россіи въ геогностическомъ отношеніи.

Р. Мурчисонъ, одинъ изъ богатѣйшихъ англійскихъ ученыхъ, представлялъ собою типъ англичанина высшаго общества; онъ былъ предупредителенъ, учтивъ и крайне деликатенъ въ обращеніи, чѣмъ отличаются немногіе изъ его земляковъ-путешественниковъ. Онъ былъ высокаго роста, не толстъ и не сухощавъ, съ открытымъ, доброжелательнымъ лицомъ, на которомъ отражалась нѣкоторая гордость или, вѣрнѣе сказать, сознаніе собственнаго достоинства. Всегда одѣтый во время путешествія съ особенною опрятностью, (хотя долженъ былъ часто дѣйствовать молоткомъ, разбивая камни), онъ неизмѣнно носилъ на шеѣ лорнетъ, съ привѣшанной къ нему лупой и серебряннымъ карандашемъ, которымъ записывалъ въ свою записную книжку все видѣнное имъ и слышанное.

Вообще Мурчисонъ, по своимъ изящнымъ манерамъ и умѣнію обходиться съ людьми, производилъ на всѣхъ пріятное впечатлѣніе какъ при дворѣ, такъ и въ разнообразныхъ кружкахъ.

среди которыхъ ему приходилось вращаться какъ путешественнику. Милостивое обращеніе съ нимъ государя Николая Павловича возбудило тогда много толковъ. Мурчисонъ явился во дворецъ въ томъ самомъ военномъ мундирѣ полковника, который носилъ во время своего похода въ Испанію съ Веллингтономъ, что, повидимому, было очень пріятно императору; мундиръ этотъ былъ очень красивъ: красный, съ серебряннымъ шитьемъ на черномъ воротникѣ и съ серебрянными эполетами. Во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Петербургѣ, Мурчисонъ часто получалъ отъ государя приглашеніе къ обѣду, и всякій разъ государь Николай Павловичъ долго бесѣдовалъ съ нимъ. При одномъ изъ этихъ разговоровъ, государь спросилъ Мурчисона: доволенъ ли онъ всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано для облегченія и успѣха его будущаго путешествія, и не можетъ ли онъ быть ему еще въ чемъ нибудь полезнымъ?

Мурчисонъ отвѣтилъ, что, хотя онъ осыпанъ щедротами сѣвернаго монарха и казалось бы, что ему уже болѣе нечего желать, но онъ все-таки осмѣливается просить еще объ одной милости.

На вопросъ государя: «какой же?»

Мурчисонъ отвѣчалъ, что онъ, какъ старій воинъ, живо интересуется всѣмъ, что относится къ военной службѣ и желалъ бы получить, во время предстоящаго парада на Царицыномъ лугу, такое мѣсто, съ котораго можно было бы удобно видѣть парадъ, о которомъ онъ такъ много слышалъ...

Отвѣтъ этотъ очень понравился императору, и его величество тутъ же отдалъ приказъ, чтобы Мурчисону была дана лошадь изъ царской конюшни и чтобы во время парада онъ находился при его свитѣ.

Съ этихъ поръ государь сталъ относиться еще дружелюбнѣе къ Мурчисону и, встрѣтивъ его, случайно, (при проѣздѣ пашемъ черезъ Москву), на балѣ въ дворянскомъ собраніи, такъ обласкалъ его и опять такъ долго говорилъ съ нимъ, что всѣ присутствовавшіе были удивлены. Но и Мурчисонъ, съ своей стороны, не забылъ оказаннаго ему вниманія; въ тяжелое для насъ время Севастопольской осады онъ горячо ратовалъ съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые осмѣливались

въ его присутствіи относиться неуважительно къ нашему государю ¹⁾).

Если Мурчисонъ былъ нѣсколько важенъ и имѣлъ манеры придворнаго человѣка, то Эдуардъ де-Вернёль представлялъ въ этомъ отношеніи полную противоположность съ нимъ, и былъ крайне простъ въ обращеніи, хотя принадлежалъ къ числу древнихъ дворянскихъ фамилій Франціи. Это былъ честиѣйшій, добродушнѣйшій человѣкъ, настолько натуральный въ своихъ душевныхъ проявленіяхъ, что названіе „дитя природы,“ данное ему однимъ изъ моихъ друзей, вполне подходило къ де-Вернёлю. Онъ былъ всецѣло преданъ наукѣ, и, въ то же время, страстно любилъ музыку, поэзію и, вообще, все, что касалось эстетики. Какъ часто, во время нашихъ геологическихъ экскурсій, сидя на перекладной телѣгѣ, мы распѣвали съ нимъ аріи и дуэты изъ Нормы, Семирамиды, Вильгельма Телля, Роберта и др.—Э. де-Вернёль былъ средняго роста, имѣлъ пріятное выразительное лицо, но былъ настолько близорукъ, что не могъ сдѣлать шагу безъ лорнетки.

Путешествіе въ обществѣ такихъ лицъ было для меня пріятно и полезно, такъ какъ, помимо живаго интереса, который возбуждала во мнѣ самая цѣль изслѣдованій, я, съ любопытствомъ, слѣдилъ за способами наблюденій первоклассныхъ геологовъ. Изслѣдованія Мурчисона продолжались до двухъ съ половиной мѣсяцевъ и оказали Россіи большую услугу. До этого мы знали весьма мало о Россіи въ геогностическомъ отношеніи и еще менѣе объ ея европейской части. Намъ извѣстны были только, и то, до нѣкоторой степени: Валдай, описанный Гельмерсеномъ, и переходная почва Петербургской губерніи, описанная Стронгвейсомъ и Пандеромъ; о прочихъ частяхъ мы или не имѣли никакого понятія или понятіе самое поверхностное.

¹⁾ Насколько Мурчисонъ вообще дорожилъ расположеніемъ коронованныхъ особъ и умѣлъ угодить имъ, служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что даже на одрѣ смерти онъ не затруднился дать англійской королевы Викторіи пріятный для нея, по любезности, отвѣтъ. Королева, зная, что часы Мурчисона сочтены, послала для утѣшенія умирающаго спросить объ его здоровьѣ. — „Доложите ея величеству, сказалъ Мурчисонъ, что какъ только я получилъ ея милостивое освѣдомленіе о моемъ здоровьѣ, такъ тотчасъ же мнѣ сдѣлалось лучше>....

IX.

Возвращеніе въ Петербургъ.—Представленіе К. В. Чевкину. — Печатаніе отчета въ Горномъ журналѣ.—Сомнѣніе въ выводахъ Мурчисона.—Отъѣздъ въ Екатеринбургъ.—Письмо Мурчисона.—Однообразіе провинціальной жизни.—Театральныя воспоминанія.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ, К. В. Чевкинъ, при первомъ-же свиданіи, далъ мнѣ строгій приказъ представить рапортъ о моихъ научныхъ трудахъ во время путешествія, а также о всемъ, что было сдѣлано иностранными учеными. Я отвѣтилъ, что „во время моего пребыванія съ иностранными геологами, я старался, по возможности, усвоить ихъ приемы и способы изслѣдованія и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ они составляли геологическую карту“.

— „Представьте мнѣ все это и карту при рапортѣ!“ сказалъ Чевкинъ.

Я, конечно, не замедлилъ исполнить это приказаніе; рапортъ мой былъ тогда же напечатанъ въ „Горномъ Журналѣ“ (1840 г. ч. IV, кн. XI, стр. 143—154) подъ заглавіемъ: „Геогностическія замѣчанія о нѣкоторыхъ губерніяхъ Европейской Россіи“ поручика Н. Кокшарова; а карта осталась не напечатанною и передана была Гельмерсену.

Въ представленномъ мною рапортѣ я объяснилъ, что карта, съ означенными на ней формациями почвы сѣверной Европейской Россіи, составлена сообразно съ опредѣленіями и заключеніями Мурчисона. Далѣе, каждая изъ этихъ формаций была описана мною въ отдѣльности, но при описаніи формация древняго краснаго песчаника я осмѣлился противорѣчить Мурчисону и высказалъ сомнѣніе относительно сдѣланныхъ имъ выводовъ:

— «Система древняго краснаго песчаника, писалъ я въ моемъ рапортѣ, образуя осадки огромной толщины, является въ большомъ развитіи по губерніямъ: Олонецкой, Архангельской, Новгородской, Псковской и Лифляндской. а можетъ быть и по Вологодской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и Владимирской. Я говорю «можетъ быть», потому что вопросъ о почвѣ, распространенной въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ, намъ, русскимъ, кажется еще не должно считать совершенно рѣшеннымъ. Есть-ли это система древняго краснаго песчаника, въ чемъ Мурчисонъ почти не сомнѣвался, или другая болѣе

новѣйшая формація (покоющаяся на горномъ известнякѣ),—сказать съ достовѣрностію нельзя до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь обнаженіе не укажетъ сопрякосновенія горнаго известняка съ этой системою, или, пока не найдутся въ ней органическіе остатки, которыхъ до сихъ поръ не отыскалось»... (Горн. Жур. 1840, ч. IV, стр. 148).

Исполнивъ такимъ образомъ требованіе Чевкина и покончивъ съ денежнымъ отчетомъ, я опять попалъ въ общую колею и былъ отправленъ на службу въ Екатеринбургъ, гдѣ сначала меня прикомандировали къ монетному двору.

Велико было мое удивленіе и удовольствіе, когда, съ наступленіемъ зимы того-же 1840 года, я получилъ въ Екатеринбургъ письмо изъ Лондона отъ Мурчисона, оправдывающее мое предположеніе, которое я не разъ высказывалъ ему лично, во время нашего путешествія, а затѣмъ напечаталъ въ „Горномъ Журналѣ“, какъ указано выше.

...„Любезный Кокшаровъ! писалъ, между прочимъ, Мурчисонъ. Пересмотрѣвъ и обсудивъ мои путевыя замѣтки, я нашелъ, что вы были правы, что огромная толща глины и рухляковъ лежитъ дѣйствительно не подъ горнымъ известнякомъ, а надъ нимъ, и потому принадлежитъ формаціи болѣе поздней, нежели горный известнякъ“.....

Я не замедлил отвѣтить Мурчисону, и съ этихъ поръ наша переписка не прекращалась до самой смерти знаменитаго геолога, дожившаго до глубокой старости.

По приѣздѣ въ Екатеринбургъ, я поселился у родителей, такъ какъ, во время моего пребыванія въ горномъ корпусѣ, отецъ вышелъ въ отставку и сдѣлался постояннымъ жителемъ Екатеринбурга, гдѣ выстроилъ себѣ прекрасный домикъ. Мнѣ отвели особую комнату въ нижнемъ этажѣ, въ которой я помѣстился очень удобно съ моей минеральной коллекціей. Отецъ, вскорѣ послѣ моего приѣзда, доставилъ мнѣ большое удовольствіе, подаривъ нѣсколько прекрасныхъ кристалловъ русскихъ минераловъ; матушка также гдѣ-то отыскала корзину съ закупоренными въ ней минералами, оказавшимися очень хорошими. Я не былъ особенно обремененъ службою, и могъ на свободѣ заняться минералогіей и пополненіемъ моей коллекціи. Наша старая лошадь Сѣрко была еще жива, и такъ какъ ее представили въ мое распоряженіе, то я разъѣзжалъ почти каждое

утро, отыскивая минералы у разныхъ екатеринбургскихъ купцовъ. Несмотря на зимнее время, я съѣздилъ на обывательскихъ въ деревню Мурзинку, отстоящую отъ Екатеринбурга почти на 80 верстъ, но кромѣ одного кристалла берилла, куплезнаго у тамошняго священника, я ничего другаго добыть не могъ.

Такимъ образомъ, провелъ я въ Екатеринбургѣ цѣлую зиму. Жизнь моя текла спокойно и довольно однообразно: утромъ я ходилъ на службу, обѣдалъ, большею частью дома, потомъ занимался минералами, между которыми оказалось уже очень много рѣдкихъ и роскошныхъ экземпляровъ. По вечерамъ нерѣдко услаждалъ я мой слухъ мотивами изъ разныхъ оперъ, благодаря моей младшей сестрѣ Аполлиаріи, имѣвшей большія способности къ музыкѣ. Слушалъ игру сестры, на плохомъ фортепіано, я невольно переносился душою въ Петербургъ, гдѣ, въ послѣдніе годы моего пребыванія въ корпусѣ, я часто бывалъ въ театрѣ, особенно въ русской и нѣмецкой операхъ.

Въ русской оперѣ подвизались тогда: г-жа Воробьева—замѣчательнѣйшій контральто, лучше котораго долго не было въ Европѣ; ее превзошла, по моему мнѣнію, одна Альбони. Воробьева была восхитительна въ Семирамидѣ, въ роли „Арзаса“, въ которой выступила въ первый разъ на сцену, и которую пѣла съ одинаковымъ успѣхомъ множество разъ. Впослѣдствіи, она пѣла также Ромео въ оперѣ „Ромео и Джульетта“ Беллини; но уже въ это время голосъ ея нѣсколько измѣнился и она вообще была слабѣе въ этой роли, чѣмъ въ Семирамидѣ. Она вышла замужъ за знаменитаго въ то время баритона Петрова, и теперь (1889 г.), если не ошибаюсь, живетъ въ Петербургѣ.

Г-жа Степанова—довольно сильный сопрано. Это была весьма полезная пѣвица для большихъ оперъ, хотя и не перво-классная.

Осипъ Афанасьевичъ Петровъ—замѣчательный баритонъ, очень долго не сходявшій со сцены и которому русская опера многимъ обязана. Онъ пѣлъ превосходно многія роли, въ особенности Ассуръ въ „Семирамидѣ“ и Бертрама въ „Робертѣ Діаволѣ“ Мейербера, „Цампѣ“ и др., а затѣмъ въ операхъ Глинки.

Нѣмецкая опера была также сформирована очень удачно, въ ней находились:

Голландъ—превосходный актеръ и пріятнѣйшій теноръ. Это былъ лучший когда-либо видѣнный мною Мазанилло или, какъ гласили наши афиши—Фіорелло въ оперѣ „Нѣмая изъ Портичи“, которая давалась у насъ, подъ названіемъ «Фенелла», съ замѣчательнымъ ensemble'емъ и великолѣпіемъ. Голландъ, въ роли Мазанилло, и Новицкая, игравшая Фенеллу, очаровывали слушателей. Затѣмъ слѣдовали: теноръ Брейтингъ—огромный голосъ, который былъ между тенорами то-же, что Лаблашъ между басами, (но только съ меньшимъ умѣніемъ пѣть), и Гофманъ—недурной теноръ нѣмецкой школы; между сопрано отличались г-жи: Нейрейтеръ и Гофманъ.

Капельмейстеромъ русской оперы былъ Кавось, а пѣмечкой—Келлеръ. Они были талантливѣйшіе музыканты, съ любовью относились къ своему дѣлу и прилагали возможное стараніе, чтобы поставить его наилучшимъ образомъ. Благодаря этимъ двумъ капельмейстерамъ, мы слышали самыя разнообразныя оперы: Роберта Діавола, Нѣмую изъ Портичи, Норму, Пирата, Пуританъ, Лукрецію Борджіа, Лучію, Волшебный стрѣлокъ, Цампу, Жидовку, Семирамиду и пр. Между тѣмъ содержаніе русской и нѣмецкой труппъ стоило дирекціи театровъ сравнительно ничтожныхъ суммъ.

Вообще это было блистательное время для С.-Петербургскаго театра: на русской драматической сценѣ подвизался В. А. Каратыгинъ—русскій Тальма, трагикъ, какого съ тѣхъ поръ не являлось въ Европѣ, послѣ Тальма. Брянскій, также прекрасный трагикъ, но уже стоявшій не на той высотѣ, какъ Каратыгинъ. Первое мѣсто между женщинами, игравшими трагическія роли, занимала въ это время А. М. Каратыгина, (жена знаменитаго трагика). И. И. Сосницкій, замѣчательный актеръ для высокой комедіи, неподражаемо исполнялъ роли: Репетилова въ „Горе отъ ума,“ Фигаро въ комедіи Бомарше „Свадьба Фигаро“¹⁾ и городничаго въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“.

¹⁾ Сосницкій, по моему мнѣнію, превосходилъ въ этой роли знаменитаго французскаго актера Самсона, создавшаго эту роль въ Парижѣ. Я видѣлъ обоихъ актеровъ въ этой роли и отдаю предпочтеніе Сосницкому, не изъ патріотическаго пристрастія, а по чувству справедливости. **Н. И. К.**

Затѣмъ слѣдоваль рядъ талантовъ для легкой драмы, водевиля и комедіи, изъ которыхъ первое мѣсто занимали: А. Е. Мартыновъ—любимецъ публики, превосходно игравшій многія роли, въ особенности „Скупаго“ Мольера, и В. В. Самойловъ, также любимый публикой. Приэтомъ Самойловъ былъ мастеръ гримироваться; комедіи, по преимуществу, были его сферою. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ взялся за трагедію, но, по моему мнѣнію, неудачно: въ немъ не было того, что требуется для настоящаго трагика, какимъ былъ напр. Каратыгинъ. Въ числѣ другихъ трагическихъ ролей, Самойловъ не разъ изображалъ короля Лира; его игру въ этой роли всего лучше характеризовалъ одинъ изъ нашихъ провинціальныхъ трагиковъ, который на вопросъ своего знакомаго, какъ онъ находитъ игру Самойлова въ „Королѣ Лирѣ“, отвѣтилъ, что „Самойловъ игралъ не короля Лира, а старика Лира“.

Изъ тогдашнихъ актрисъ особенный успѣхъ имѣла красавица Асенкова по своей неподражаемой игрѣ въ водевиляхъ; сестры В. В. и Н. В. Самойловы были также прекрасныя актрисы.

X.

Новая моя командировка для сопровожденія Мурчисона и де-Вернеля въ ихъ вторичномъ путешествіи по Россіи.—Послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ.—Описаніе путешествія.—Неудачная попытка отысканія алмазовъ на Уралѣ.—А. фонъ Гумбольдтъ.—Дорожное приключеніе.

Наступилъ 1841 годъ. Однообразіе екатеринбургской жизни начинало все болѣе и болѣе томить меня; я мечталъ о Петербургѣ и, видя невозможность туда отправиться, по роду моей службы, очень сожалѣлъ объ этомъ. Каково же было мое удовольствіе, когда, въ одинъ прекрасный день, отецъ вошелъ въ мою комнату и объявилъ, что, по высочайшему повелѣнію, отъ 7 февраля 1841 года, я снова командированъ для сопровожденія иностранныхъ ученыхъ Мурчисона и де-Вернеля въ ихъ вторичномъ путешествіи по Россіи. Мои сборы были непродолжительны, и черезъ день я мчался на перекладныхъ по знакомой дорогѣ.

Въ Петербургѣ я уже засталъ моихъ знаменитыхъ спутниковъ и отправился вмѣстѣ съ ними. Мы обследовали въ геологическомъ отношеніи всю мѣстность отъ Петербурга до Перми; отсюда отправились въ Екатеринбургъ и по всему Уралу отъ Богословскаго завода до самыхъ южныхъ частей хребта. Путешествуя по Уралу и постоянно наблюдая горныя породы и пески, изъ которыхъ вымываютъ золото, я, по примѣру Густава Розе, имѣлъ постоянно въ виду отыскать алмазы, но также, какъ и онъ, безуспѣшно.

Всю мою надежду въ этомъ отношеніи я возложилъ на Биссерскій заводъ (принадлежавшій графу Полье, на сѣверѣ Урала), но и здѣсь мои поиски оказались напрасными. По приѣздѣ въ Биссерскій заводъ, намъ показали ту мѣстность, гдѣ будто бы найдено было нѣсколько алмазовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили, что золотonosная розсыпь, изъ которой они были получены, уже давно не разрабатывается. При этомъ, не трудно было замѣтить, что, служащіе въ заводской администраціи, весьма неохотно, отвѣчали на наши распросы объ алмазахъ. Хотя по всѣмъ минералогическимъ и геологическимъ признакамъ нельзя отрицать существованія алмазовъ на Уралѣ, но для меня, по крайней мѣрѣ, еще вопросъ: дѣйствительно-ли были найдены тѣ алмазы на Уралѣ, которые были доставлены А. фонъ Гумбольдту, какъ бы происходящіе изъ розсыпей въ окрестностяхъ Биссерскаго завода?

Сомнѣваться въ этомъ уже позволительно потому, что съ тѣхъ поръ, какъ Гумбольдтъ былъ въ Россіи, прошло болѣе 60 лѣтъ, а между тѣмъ мы все еще не имѣемъ ни одного крупнаго уральскаго алмаза, тогда какъ всѣ другіе, даже самыя рѣдкіе, минералы, (напр. открытый мною на Уралѣ эвклазъ), представляются въ экземплярахъ большихъ размѣровъ. Даже о мелкихъ зернахъ алмаза ничего не слышно ¹⁾. Если прибавить къ этому довольно романическую исторію открытія алмазовъ на Уралѣ, то являются еще большія сомнѣнія. Какъ извѣстно, баронъ А. фонъ-Гумбольдтъ, представляясь ихъ величествамъ государю Николаю Павловичу и государынѣ Александрѣ Феодоровнѣ,

¹⁾ Проф. Г. Д. Романовскій, любитель и знатокъ минераловъ, долго жившій по службѣ на Миасскомъ заводѣ, употребилъ всѣ усилія для отысканія алмазовъ на Уралѣ и не могъ этого достигнуть.

передъ своей поѣздкой на Уралъ и Алтай, сказалъ государынѣ, что онъ постарается „не покинуть русской почвы до тѣхъ поръ, пока въ ней не будутъ найдены алмазы“.

Гумбольдтъ, путешествуя затѣмъ по Уралу, посѣтилъ Биссерскій заводъ, и вмѣстѣ съ хозяиномъ завода, гр. Полье, отправился осматривать золотосныя розсыпи, лежація въ окрестностяхъ. Мѣстность Кресто-Воздвиженской розсыпи показала Гумбольдту весьма сходною съ тою мѣстностью Бразиліи, въ которой находятся алмазы, что онъ и сообщилъ гр. Полье. Вскорѣ послѣ того, Гумбольдтъ получилъ отъ гр. Полье письмо и при немъ два небольшихъ алмаза, будто бы найденные въ той самой Кресто-Воздвиженской розсыпи, обратившей его вниманіе. Одинъ изъ этихъ кристалловъ Гумбольдтъ послалъ тогдашнему министру финансовъ гр. Е. Ф. Канкрину, а другой поднесъ лично императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ Берлицѣ. Весьма возможно, что въ исторіи нахождения кристалловъ игралъ роль кто-либо изъ усердныхъ слугъ гр. Полье, который, видя напрасныя старанія графа отыскать алмазы на мѣстѣ, указанномъ знаменитымъ ученымъ, выписалъ отъ какого-нибудь ювелира нѣсколько кристалловъ сырыхъ алмазовъ и два изъ нихъ подкинулъ въ камни, вымытые изъ золотоснаго песка Кресто-Воздвиженской розсыпи. Послѣ этого случая и на другихъ рудникахъ Урала заявлены были хозяевами найденные алмазы, въ видѣ одного или двухъ экземпляровъ; но мѣстные жители говорили мнѣ, что это былъ подлогъ, сдѣланный съ цѣлью болѣе выгодной продажи, въ частныя руки, золотосныхъ розсыпей.

Мурчисонъ рѣшилъ закончить осмотръ сѣвернаго Урала горю Качканаръ, которую считаютъ богатѣйшимъ мѣстороженіемъ магнитнаго желѣзняка, хотя оно до сихъ поръ не разрабатывается, такъ какъ лежитъ въ дикой мѣстности, удаленной отъ заводовъ. Мы добрались до Качканара не безъ затрудненій; дороги не было и намъ приходилось пробираться верхомъ по заросшимъ пустошамъ. Съ вершины горы Качканара, на которой мы переночевали, открывался огромный горизонтъ, почему и видъ былъ превосходный. Затѣмъ Мурчисонъ и его товарищи занялись южнымъ Ураломъ, который былъ обследованъ ими съ такой же подробностью, какъ и сѣверный.

Вездѣ иностранные путешественники встрѣчали самый ра-

душный приемъ и содѣйствіе, какъ со стороны горныхъ инженеровъ, такъ и мѣстныхъ жителей. Все шло благополучно и только ночью, на обратномъ пути изъ Илецкой защиты въ Оренбургъ, съ нами случилось небольшое приключеніе, не имѣвшее однако дурныхъ послѣдствій. Мы ѣхали въ большомъ полузакрытомъ тарангасѣ, на подобіе коляски; я сидѣлъ впереди, а противъ меня Мурчисонъ и де-Вернёль, какъ вдругъ нашъ ямщикъ и фореиторъ (башкирцы) начали кричать и погнали что есть силы лошадей, такъ что меня всего засыпали степнымъ пескомъ. Причина этого скоро объяснилась: мы увидѣли, что за нами гонятся въ одноколкѣ три человекъ; они что-то кричали нашему ямщику, на непонятномъ для насъ языкѣ. При этомъ произошла комическая сцена: Мурчисонъ, не имѣя при себѣ никакого оружія, схватилъ опорожненную нами бутылку шампанскаго и выставилъ горлышко изъ тарангаса, въ видѣ пистолета, полагая испугать этимъ гнавшихся за нами разбойниковъ. Но это оказалось лишнимъ, потому что они сами стали мало по малу отставать отъ насъ и, наконецъ, совсѣмъ скрылись изъ виду.

По приѣздѣ въ Оренбургъ, я спросилъ ямщика относительно нашего дорожнаго приключенія.

— „Ничего, бачка, шалятъ!“ отвѣтилъ онъ. Но, такъ какъ онъ плохо говорилъ по русски, то я прекратилъ разговоръ.

Тогдашній оренбургскій генералъ-губернаторъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, чтобы укрыться отъ сильныхъ жаровъ, господствующихъ въ Оренбургѣ, въ это время года, проживалъ лѣто въ горахъ или, какъ говорили, на кочевкѣ, верстахъ въ 60 отъ Оренбурга. Ученые путешественники провели нѣсколько дней въ Оренбургѣ и, осмотрѣвъ всѣ его достопримѣчательности, равно и геологическое строеніе окружающей мѣстности, отправились къ В. А. Перовскому на его кочевку, гдѣ онъ принималъ ихъ съ возможною любезностью и радушіемъ.

Н. И. Божаровъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

Пронеслись мимолетныя грезы!
 Беззаботные минули дни!
 — Словно осенью листья березы
 Незамѣтно умчались они.

Все, что горькаго въ прошломъ прожито
 Наболѣвшей душою моею,
 Хоть на мигъ было мной позабыто
 Среди этихъ безоблачныхъ дней...

Но конецъ пышноцвѣтному лѣту,
 Ужъ грозитъ намъ сѣдая зима,
 И на смѣну и зною, и свѣту
 Наступаютъ и стужа, и тьма.

Принимайся-жь опять за работу
 И за подвигъ борись трудовой:
 Будь готовъ и печаль, и заботу
 Снова встрѣтить отважной душой.

Павловскъ.
 2 октября 1886.

*

Сперва, обуянный гордыней слѣпою,
 Себя одного лишь любя,
 Твоей не плѣнялся душевной красою,
 Цѣнить не умѣлъ я тебя.

По гордое сердце смирилося нынѣ,
 Повязка упала съ очей, —
 И набожно я поклоняюсь святинѣ
 Души несравненной твоей.

Лейпцигъ.
 24 ноября 1887.

К. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.].

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1853 г. ¹⁾.

Январь 7. Вчера былъ въ засѣданіи правленія „Общества поощренія бѣдныхъ“. Объявлено, что попечительство, послѣ покойнаго герцога Лейхтенбергскаго, принимаетъ на себя великій князь Константинъ Николаевичъ. Государь уже изъявилъ свое согласіе. И такъ опасность миновала: общество не перестанетъ существовать подъ охраною сильной руки. Князь (В. О.) Одоевскій говорилъ, что великій князь намѣренъ усердно заняться дѣлами „Общества“. Онъ до сихъ поръ мало зналъ о немъ и былъ даже противъ него предубѣжденъ. Но теперь ближе съ нимъ познакомился и дѣятельность общества, очевидно, пришла къ нему по душѣ. Мы сначала предлагали попечительство великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Она это очень хорошо приняла, благодарила за то, что вспомнили о ней, но все-же отказалась, предложивъ, вмѣсто себя, своего брата.

Герцогъ Лейхтенбергскій былъ хорошій человекъ. Его всѣ любили за любезное, гуманное обращеніе, и когда онъ умеръ, буквально говоря—весь Петербургъ о немъ сожалѣлъ. Онъ ревностно занимался дѣлами нашего Общества и только ему оно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653.

обязано тѣмъ, что уцѣлѣло въ послѣднія смутныя времена. Въ четвергъ назначено общее собраніе, будто бы для избранія новаго попечителя, но это только для соблюденія формы.

8. Праздники кончены. Лекція въ университетѣ. Меня встрѣтилъ (П. А.) Плетневъ съ изъявленіями благодарности и прочее, за мою статью о „Жуковскомъ“, которую уже прочелъ въ первомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“.

— Вы попали прямо въ суть дѣла, сказалъ онъ мнѣ, — и превосходно опредѣлили Жуковскаго со всѣхъ сторонъ. Особенно хорошо опредѣлены у васъ отношенія его къ обществу. Я самъ старался вездѣ показывать, что дѣятельность писателя есть гражданская заслуга.

До меня вообще доходятъ вѣсти, что статья моя принята въ публикѣ очень хорошо. Это ободряетъ меня на писаніе дальнѣйшихъ очерковъ.

Вчера же обѣдалъ у Домонтовича и, по обыкновенію, встрѣтилъ тамъ (Н. В.) Кукольника, сіяющаго отъ успѣха своей новой пьесы: „Костровъ“. Онъ обѣщаль мнѣ билетъ: конечно, надуеть. За обѣдомъ Кукольникъ исправно потягивалъ благородный хересъ и смотрѣлъ съ презрѣніемъ на мою рюмку съ лафитомъ, до которой я едва касался.

14. Сегодня былъ у двухъ министровъ: у министра внутреннихъ дѣлъ, Бибикова, и у министра народнаго просвѣщенія, князя Ширинскаго-Шихматова. Бибикову я представлялся въ первый разъ еще. Рѣчь, разумѣется, шла о римско-католической академіи. Я долженъ былъ объяснить ему въ краткихъ чертахъ правила, которымъ я слѣдую тамъ: „не касаться ни политики, ни религіи, а, по возможности, внушать молодымъ людямъ любовь и довѣріе къ нашей общей матери—Россіи“.

— Такъ вы не касаетесь съ ними вопросовъ географическихъ, не разсуждаете о соединеніи церквей? спросилъ Бибиковъ.

„Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ предметомъ, отвѣчалъ я.—Мое дѣло чисто національно-нравственное“.

— А вы довольны ихъ направленіемъ?

„Вполнѣ доволенъ. Вотъ уже десять лѣтъ, что я у нихъ преподаю и, кромѣ хорошаго, ничего не могу о нихъ сказать“.

— Прекрасно. А какъ они по русски знаютъ? продолжалъ спрашивать министръ.

„Весьма удовлетворительно. Разумѣется, они не обходятся безъ грамматическихъ ошибокъ, но пусть лучше дѣлаютъ ошибки противъ языка, чѣмъ противъ сердца. Я больше всего стараюсь, чтобы они полюбили нашъ языкъ, наши преданія, нашъ бытъ. Они чрезвычайно внимательно слѣдятъ за моими лекціями“.

— Ну, вотъ и отлично. Это-то и надо. И государь того-же желаетъ. А что митрополитъ? Онъ, вѣжета, умный мужикъ?

„Митрополитъ Головинскій, отвѣчалъ я, — весьма умный и тонко образованный человѣкъ“.

— У него есть сходство съ нашимъ Иннокентіемъ — не правда-ли?

„Можетъ быть. Во всякомъ случаѣ, онъ человѣкъ замѣчательный“¹⁾.

Поговоривъ еще въ этомъ тонѣ, онъ прибавилъ:

— Я невѣжда, однакожь читалъ кое-что. Здѣшнихъ дѣлъ я еще не знаю: я всего два мѣсяца тутъ.

Затѣмъ онъ меня отпустилъ. Не знаю, доволенъ-ли будетъ Скрыпичинъ, если узнаетъ о моемъ отзывѣ о Головинскомъ. Онъ съ нимъ въ неладахъ и намекалъ мнѣ о своемъ желаніи, чтобы я возстановилъ министра противъ Головинскаго. Само собой разумѣется, я его намековъ не понялъ и сказалъ о митрополитѣ то, что дѣйствительно о немъ думаю. Я не забочусь объ обращеніи католиковъ въ православіе, да это и не мое дѣло. Моя роль чисто-нравственная.

Князя Ширинскаго-Шихматова я встрѣтилъ въ залѣ собирающимся выѣхать въ каретѣ. Онъ только что всталъ съ постели, въ которой живетъ почти всю зиму. Онъ похожъ на привидѣніе.

22. Прійдя сегодня на лекцію въ университетъ, я засталъ тамъ суматоху. Инспекторъ забиралъ у студентовъ тетради и, забравъ, поѣхалъ съ ними въ третье отдѣленіе. Вотъ въ чемъ дѣло. Графъ Орловъ получилъ, по городской почтѣ, безымянное письмо, съ которымъ тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ. Государь приказалъ непременно отыскать автора письма. Какъ-то добрались до лавочки, гдѣ было подано письмо. Лавочникъ объ-

¹⁾ Въ архивѣ редакціи «Русской Старины» имѣется (съ апрѣля 1876 г.) интересное воспоминаніе покойнаго тайн. сов. О. А. Пржецлавскаго о митрополитѣ Головинскомъ; оно будетъ напечатано въ этомъ изданіи.

явилъ, что его принесъ какой-то бѣдно одѣтый молодой человекъ, въ треугольной шляпѣ: должно быть студентъ. Вотъ и отбираютъ у студентовъ тетради, чтобы сличить почерки ихъ съ почеркомъ письма. Ничего однакоже до сихъ поръ не открыли. Тоже дѣлали и съ тетрадями гимназистовъ, и тоже ни къ чему не пришли. Содержаніе письма никому неизвѣстно.

24. Жить научаешь одна только жизнь. Въ настоящее время недостаточно одной обыкновенной твердости. Нужно геройство, чтобы спасти въ себѣ святая вѣрованія и не дать угаснуть въ себѣ искрѣ Божьей.

26. Вчера, вмѣстѣ съ другими членами правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, представлялся великому князю Константину Николаевичу въ Мраморномъ дворцѣ. Имѣющіе мундиаръ были въ мундирахъ, остальные явились въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

27. Читалъ въ факультетѣ мое донесеніе о диссертацияхъ студентовъ, представленныхъ на золотую медаль. Задача состояла въ разборѣ Сумарокова, Фонъ-Визина, Княжнина и князя Шаховскаго. Представлены три диссертациі. Одна никуда не годится. Двѣ превосходны. Авторы послѣднихъ очень серьезно отпеслись къ дѣлу. Они написали много, а главное умно, добросовѣстно — однимъ словомъ, прекрасно. Я потребовалъ у факультета по золотой медали для каждаго. Къ счастью, нашлась одна въ экономіи: факультетъ и совѣтъ согласились на этотъ разъ выдать двѣ медали. Одна изъ этихъ диссертацийъ написана студентомъ IV-го курса Пышинымъ, другая — студентомъ II-го курса Миллеромъ¹⁾.

31. Еще новое и грандіозное воровство. Былъ нѣкто Политковскій, правитель дѣлъ комитета 18-го августа 1814 года. Въ комитетѣ накопился огромный капиталъ въ пользу инвалидовъ. Политковскій — камергеръ, тайный совѣтникъ, кавалеръ разныхъ орденовъ и пр. и пр. Онъ въ теченіи многихъ лѣтъ кралъ казенный интересъ, пышно жилъ на его счетъ, задавалъ пиры, содержалъ любовницъ. На дняхъ умеръ. Не задолго до его

¹⁾ Оба впоследствии весьма извѣстные и уважаемые ученые, публицисты, профессора и писатели — Александръ Николаевичъ Пышинъ и Орестъ Федоровичъ Миллеръ († 1-го іюня 1889 г.).

смерти открылось, что онъ укралъ миллионъ двѣсти тысячъ рублей серебромъ! Говорятъ, государь очень огорченъ и разгнѣванъ. Въ самомъ дѣлѣ, горько видѣть такой развратъ — и не гдѣ нибудь въ глуши, между приказной мелочью, а въ кругу людей значительныхъ, въ своей столицѣ, чуть не у себя въ домѣ.

Февраль 9. Былъ на актѣ въ университетѣ, а потомъ обѣдалъ у (А. Н.) Карамзина. Послѣ обѣда читаны были неизданныя главы „Мертвыхъ душъ“ Гоголя. Продолжалось ровно пять часовъ, отъ семи до двѣнадцати. Эти пять часовъ были истиннымъ наслажденіемъ. Читалъ, и очень хорошо, князь (В. Ѳ.) Оболенскій.

10. Изучая сочиненія и жизнь представителей нашей умственной дѣятельности отъ Карамзина и до Гоголя включительно, видишь ясно въ ней два большія наслоенія. Въ одномъ господствуетъ первое, такъ сказать, весеннее вѣяніе духа истины и красоты. Души воспримчивыя, благородныя, нѣжно-настроенныя, ощутили надъ собой могущество великихъ вѣрованій челоѣчества и радостно, беззаѣтно отдались первымъ впечатлѣніямъ этого отраднанаго знакомства. Таковы Карамзинъ и Жуковскій. Но въ этомъ прекраснодушіи еще узкій взглядъ на вещи. Это состояніе юношеской неопытности, которая не вѣдаетъ зла. Это, если можно такъ выразиться, сластолюбивое отношеніе къ истинѣ и красотѣ, а не дѣятельность мужей, для которыхъ жизнь есть не игра въ прекрасныя чувства, а подвигъ и побѣда. Но лучшіе умы постепенно отрезвляются и перестаютъ смотрѣть на міръ сквозь близорукіе очки собственнаго сердца, которое видитъ лишь только то, что хочетъ видѣть, т. е. чѣмъ можетъ наслаждаться и съ чѣмъ можетъ мириться. Они ужъ глубже всматриваются въ вещи и находятъ, что тутъ не до сибаритской роскоши чувствъ. Душа болитъ отъ мерзостей и страданій челоѣческихъ. Какъ тутъ быть? Запереться въ поэтическомъ прекраснодушіи, бесплодно томиться въ нѣжномъ участіи къ своимъ братьямъ, успокаивать себя бесплодными чаяніями лучшаго, а суровые, животрепещущіе вопросы о кровныхъ, существенныхъ страданіяхъ челоѣка оставлять безъ разрѣшенія — однимъ словомъ, предоставлять міру идти, какъ онъ хочетъ, лишь бы не нарушалась гармонія нашей внутренней жизни? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... И вотъ, подъ вліяніемъ новаго міровоззрѣнія,

въ литературѣ нашей начинается новое наслоеніе. Переходнымъ звеномъ здѣсь является Пушкинъ: онъ уже недоволенъ, тревоженъ, извѣтеленъ, хотя и въ личномъ еще смыслѣ. За нимъ идетъ Лермонтовъ, а тамъ вдругъ вырастаетъ Гоголь.....

18. Еще воровство и на этотъ разъ воръ оказался юристомъ. Въ Кіевѣ уѣздный казначей укралъ восемьдесятъ тысячъ рублей серебромъ и скрылся, оставивъ письмо слѣдующаго содержания: „Двѣнадцать лѣтъ служилъ я честно и усердно: это извѣстно и начальству, которое всегда было мною довольно. Не смотря на это, меня не награждали, тогда какъ другіе мои сослуживцы получали награды. Теперь я рѣшился самъ себя наградить“ и пр. Вора не нашли. Говорятъ, онъ успѣлъ скрыться за границу.

20. Былъ у меня князь Димитрій Александровичъ Оболенскій и читалъ мнѣ „Исповѣдь Гоголя“. Вещь въ высшей степени любопытная.

Князь Оболенскій разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности о Гоголѣ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ. Онъ находился въ Москвѣ, когда Гоголь умеръ.

Гоголь кончилъ „Мертвыя души“ за границей — и сжегъ ихъ. Потомъ опять написалъ и на этотъ разъ остался доволенъ своимъ трудомъ. Но въ Москвѣ стало посѣщать его религіозное изступленіе и тогда въ немъ бродила мысль сжечь и эту рукопись. Однажды приходитъ къ нему графъ Толстой, съ которымъ онъ былъ постоянно въ дружбѣ. Гоголь сказалъ ему:

— „Пожалуйста, возьми эти тетради и спрячь ихъ. На меня находятъ часы, когда все это хочется сжечь. Но мнѣ самому было бы жаль. Тутъ, кажется, есть кое-что хорошаго“.

Графъ Толстой изъ ложной деликатности не согласился. Онъ зналъ, что Гоголь предается мрачнымъ мыслямъ о смерти и т. п. и ему не хотѣлось, исполненіемъ просьбы его, какъ бы подтвердить его апохондрическия опасенія. Спустя дня три, графъ опять пришелъ къ Гоголю и засталъ его грустнымъ.

— „А вотъ“, сказалъ ему Гоголь, — „вѣдь лукавый меня таки попуталъ: я сжегъ „Мертвыя души““.

Онъ не разъ говорилъ, что ему представлялось какое-то видѣніе. Дня за три до кончины, онъ былъ увѣренъ въ своей скорой смерти.

Въ „Исповѣди Гоголя“ господствуетъ религіозное настроеніе, не исключющее, однако, другихъ чувствъ: оно и благородно и скромно. Но въ Москвѣ послѣднее время онъ предавался такимъ страннымъ религіознымъ излишествамъ, которыя ставятъ въ тупикъ. Тутъ у него церковная формалистика какъ-бы подавляла настоящее религіозное чувство. Неужели это обычный психологическій ходъ религіознаго энтузіазма?

Въ дѣятельности душевныхъ силъ есть свой механизмъ, своя необходимость, по которой принятое понятіе или допущенное чувство непременно должны разрѣшиться такимъ, а не другимъ событіемъ, если только высшая сила, разумъ, не вмѣшается и не измѣняетъ теченія идей. Но почему люди даровитые особенно подвержены этого рода року и становятся его жертвами? Не отъ того-ли, что вообще всѣ явленія ихъ внутренней жизни сильнѣе, реальнѣе? Начавшись, они должны и довершить себя. Въ слабой головѣ все дѣлается и не дѣлается, готово чѣмъ-то быть и перестаетъ быть отъ перваго толчка другой силы, или другаго впечатлѣнія. Въ такой головѣ нѣтъ возможности образоваться чему-нибудь и созрѣть, тогда какъ умъ крѣпкій именно тѣмъ отличается, что у него все, что дѣлается, дѣлается, съ тѣмъ, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Тутъ мѣсто великимъ и прекраснымъ созданіямъ; тутъ также мѣсто и чудовищнымъ, вельпымъ, смотря по тому, какимъ первоначальнымъ наптіемъ или понятіемъ руководится человѣкъ. Это именно свойственно людямъ даровитымъ, ибо дарованіе есть также умъ, но умъ односторонній, спеціальній. Сила его обращена на одно: онъ рѣдко способенъ возвыситься надъ самимъ собою, чтобы столько же править, сколько творить.

23. Къ слѣдующему акту университетскому я назначенъ произносить рѣчь. Не написать-ли: о нравственномъ элементѣ въ наукѣ и искусствѣ? Трудно сказать здѣсь что-либо новое, но предметъ идетъ ко времени.

25. Дѣйствія цензуры превосходятъ всякое вѣроятіе. Чего этимъ хотятъ достигнуть? Остановить дѣятельность мысли? Но вѣдь это все равно, что велѣтъ рѣкѣ плыть обратно. Вотъ изъ тысячи фактовъ нѣкоторые самые свѣжіе. Цензоръ Ахматовъ остановилъ печатаніе одной ариѳметики, потому что между цифрами какой-то задачи тамъ помѣщенъ рядъ точекъ. Онъ подозреваетъ здѣсь какой-то умыселъ составителя ариѳметики.

Цензоръ Елагинъ не пропустилъ въ одной географической статьѣ мѣста, гдѣ говорится, что въ Сибири ѣздятъ на собакахъ. Онъ мотивировалъ свое запрещеніе необходимою, чтобы это извѣстіе предварительно получило подтвержденіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

Цензоръ Пейкеръ не пропустилъ одной метеорологической таблицы, гдѣ числа мѣсяца означены по старому и по новому стилю обыкновенно принятою формулою: ^{по стар. стилю} по нов. стилю. Онъ потребовалъ, чтобы наверху черточки стояло по новому стилю, а слово по старому—внизу. Таблицы, между тѣмъ, какъ состояція изъ цифръ, представлены были на разсмотрѣніе уже по напечатаніи, такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы онѣ могли подвергнуться запрещенію. Издателю предстояло вновь все печатать. Онъ обратился къ попечителю и, наконецъ, тотъ, по долгомъ и глубокомъ размышленіи, на силу согласился разрѣшить, чтобы таблицы остались въ первоначальномъ видѣ.

Цензора всѣ свои нелѣпости сваливаютъ на „негласный комитетъ“, ссылаясь на него, какъ на пугало, которое грозитъ наказаніемъ за каждое напечатанное слово.

Мартъ 4. Сегодня пришелъ ко мнѣ мой добрый (С. Ив.) Б—скій и объявилъ, что его выгнали изъ службы. Какъ? За что? Онъ служилъ начальникомъ счетнаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. На-дняхъ вдругъ велѣно было произвести освидѣтельствованіе по департаменту денежныхъ суммъ, что теперь вошло въ обыкновеніе, послѣ знаменитаго воровства Политковскаго. Б—скій, какъ начальникъ счетнаго отдѣленія, долженъ былъ изготовить вѣдомость. Пересматривая ее въ торопяхъ, онъ не замѣтилъ, что писецъ пропустилъ одну сумму изъ десяти, значившихся въ вѣдомости, причемъ итогъ, однако, былъ вѣренъ. Эту ошибку замѣтилъ министръ, или кто-нибудь ему указалъ ее. По департаменту поднялась тревога. Б—скій рѣшился самъ отправиться въ министру, объяснить ему ошибку и исправить ее. Министръ встрѣтилъ его грозно и рѣзко спросилъ:

— „Какъ это случилось?“

„Ошибка произошла отъ торопливости“.

— „Я не признаю на службѣ ни торопливости, ни ошибокъ“.

И ничего больше. Казалось, все этимъ и кончилось. Не тутъ-то было. На третій день Б—скому велѣли подать въ отставку.

„Помилуйте! За что же? Въ отставку, прослуживъ безукоризненно 25 лѣтъ! У меня восемь душъ на попеченіи“.

— „Что же дѣлать?“ отвѣчалъ директоръ. — „Мнѣ очень жаль, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ настоящаго случая, вы всегда отличались даже педантическою аккуратностью. Но воля министра должна быть исполнена“.

Б—скій рѣшился вторично идти къ министру и просить его объ отъѣнѣ жестокаго приказанія. Покорно предсталъ онъ предъ нимъ и изложилъ свое дѣло.

— „Вы думаете, вѣрно“, отвѣчалъ министр, — „что начальники отдѣленія могутъ водить меня за носъ? Подавайте въ отставку!“

„Но, ваше высовопревосходительство, это погубить цѣлое семейство. Умоляю васъ“...

-- „Что? Вы еще сопротивляетесь? Знайте, что мнѣ всегда и вездѣ повиновались. Ступайте и подавайте въ отставку, или я васъ выгоню“.

Б—скій подалъ въ отставку. Теперь надо всѣми силами хлопотать, чтобы доставить этому бѣдному и достойному человѣку какое-нибудь занятіе, иначе ему дѣйствительно грозитъ гибель со всѣмъ семействомъ. Онъ не бѣденъ, а нищъ. Попытаюсь завтра у (А. М.) Княжевича. Подниму всѣхъ, кого можно.

6. Для бѣднаго Б—скаго все ничего не открывается. Есть свободное мѣсто директора Могилевской гимназіи, но попечитель на-чисто мнѣ отказалъ, говоря, что назначаетъ на эти мѣста только изъ своихъ учителей.

14. Умеръ (Вас. Андр.) Каратыгинъ старшій. Умирать вещь обыкновенная, но вотъ, почти вдругъ, сходитъ со сцены жизни все умное, изящное, даровитое. Какъ гладко очищается поле для всяческихъ ничтожествъ! Русскій театръ въ теченіи послѣднихъ десяти дней потерялъ трехъ талантливыхъ представителей. Умеръ Брянскій. Умерла Гусева,—послѣдняя даже во время самаго представленія. Говорятъ, эти двѣ смерти сильно поразили Каратыгина. Онъ безпрестанно повторялъ слова, сказанныя ему Гусевою на похоронахъ Брянскаго:—„Вотъ и до насъ доходить очередь, Василій Андреевичъ: сперва я, а потомъ и вы“

Такъ и случилось. Да встати, и Московскій театръ сгорѣлъ.

19. Новый предметъ для разговора въ гостиницѣ: Яковлевъ пожертвовалъ миллионъ рублей казнѣ.

Товарищъ министра (народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ) приглашалъ меня, чтобы поговорить объ адъюнктѣ (Вл. Алексѣев.) Милютинѣ¹⁾. Ему какое-то важное лицо говорило о лекціяхъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Милютинъ задавалъ студентамъ темы для сочиненій по исторіи русскаго права. Одна изъ темъ слѣдующая: „Показать на основаніи лѣтописей и другихъ источниковъ, какія были у насъ совѣщательныя лица при князьяхъ, какъ они назначались, въ чемъ состояли ихъ обязанности, какъ они титуловались“

Важное лицо нашло эту тему почему-то либеральною. — „Вотъ“, сказалъ я товарищу министра, какъ истолковываютъ наши дѣла. Каждый считаетъ себя въ правѣ въ нихъ вмѣшиваться и распорядиться ими. Послѣ этого на лекціяхъ нельзя слова сказать, безъ опасенія, что его перетолкуютъ по своему и самую простую общую мысль науки обратятъ въ опасную либеральную идею. Чтобы мы, работники науки и образованія, могли успѣшно совершать свое дѣло, необходимо, чтобы мы были защищены отъ посягательствъ грубаго невѣжества“.

Абрамъ Сергѣевичъ, съ своей стороны, не нашелъ въ выше-означенной темѣ ничего „неблагонамѣреннаго“ и обѣщался поговорить съ министромъ въ этомъ смыслѣ.

25. Никогда не унывай въ настоящей скорби, помня, что ты еще счастливъ тѣмъ, что съ тобой не случилось хуже, ибо худшее всегда возможно.

Отчаяніе—признакъ душевной слабости; надежда есть дитя легкомыслія. Лучше всего мужество, которое все сноситъ и не нуждается въ обольщеніи.

Чтобы ложь могла нравиться или имѣть успѣхъ, надо, чтобы она имѣла, если не вкусъ, то, по крайней мѣрѣ, запахъ и цвѣтъ истины.

Апрѣль 5. Есть одно важное официальное лицо, которое со мною лѣтъ пятнадцать состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и не смотря на свою нынѣшнюю официальную важность, сохраняетъ эти отношенія. Его пытался я заинтересовать въ пользу Б—скаго. Онъ много обѣщалъ и ничего не сдѣлалъ. Между

¹⁾ Профессоръ Влад. Алексѣев. Милютинъ род. 1826 г. † 5-го марта 1855 г.,—застрѣлся. Ред.

тѣмъ бѣдный Б—скій въ страшномъ состояніи. Онъ, какъ выражается, пускаетъ въ оборотъ послѣднія капли крови, чтобы не дать умереть съ голоду семьѣ. Вчера я обращался къ (А. Н.) Карамзину, описалъ ему и женѣ его положеніе несчастнаго и просилъ для него мѣста по ихъ дѣламъ, или у когонибудь изъ знакомыхъ ихъ. Они казались тронутыми, подали надежду.

9. Вчера, въ засѣданіи правленія „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, присутствовалъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ пріѣхалъ въ девять часовъ и просидѣлъ часа полтора, а уѣзжая выразилъ сожалѣніе, что не можетъ остаться дольше, ибо очень занятъ. Онъ былъ веселъ и привѣтливъ. Закурилъ сигару и предложилъ другимъ послѣдовать его примѣру. Однако, никто этимъ не воспользовался. Оно, пожалуй, и хорошо: зала засѣданія не велика и, еслибъ всѣ закурили, можно было бы задохнуться отъ дыму.

Секретарь на этотъ разъ началъ читать журналъ стоя. Великій князь освѣдомился: „развѣ это всегда такъ дѣлается?“ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, приказалъ секретарю сѣсть. Онъ внимательно слѣдилъ за совѣщаніями, которыя шли обычнымъ порядкомъ. По временамъ дѣлалъ вопросы и свои замѣчанія, умно и кстати. Къ лично знакомымъ ему членамъ, какъ-то: князю В. Ѳ. Одоевскому, Хрущову, Лонгинову, обращался особенно часто и любезно. Услышавъ имя одного бѣднаго: Гладкій, великій князь припомнилъ казачьяго атамана Гладкаго и рассказалъ о немъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ некрасовцевъ, которые возвратились въ Россію, во время Турецкой кампаніи, и перевозили въ лодкѣ черезъ Дунай государя. „Тогда всѣ были удивлены, какъ государь вѣрился этимъ людямъ“, прибавилъ великій князь ¹⁾. Потомъ онъ осмотрѣлъ картину одного изъ нашихъ стипендіатовъ въ академіи художествъ, замѣтилъ, что у него большой талантъ и ласково ободрилъ молодого художника, который былъ приглашенъ въ присутствіе. Уѣзжая, великій князь благодарилъ общество за все, что въ немъ видѣлъ и нашелъ. Вообще, посѣщеніе его во всѣхъ оставило хорошее впечатлѣніе.

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» любопытный біографическій очеркъ: «Осипъ Ивановичъ Гладкій, кошевой атаманъ Запорожской сѣчи, 1789 — 1866 гг.» Сообщ. отставной подполковникъ Вас. Осип. Гладкій. 1881 г., томъ XXX, стр. 381—392.

Министръ нашъ, князь Ширинскій-Шихматовъ, уволенъ за границу для излеченія болѣзни. Должность его приказано исполнять товарищу министра, А. С. Норову. Сомнительно однако, чтобы князь доѣхалъ до границы: всего вѣрнѣе, что онъ уѣдетъ за границу жизни.

10. Три экзамена разомъ столкнулись у меня на завтрашній день: въ университетѣ, въ аудиторскомъ училищѣ и въ педагогическомъ спеціальному классѣ Смольнаго монастыря, гдѣ будетъ присутствовать ся высочество цесаревна. Пріятное стеченіе обстоятельствъ! Рѣшаюсь быть тамъ, гдѣ мое присутствіе нужнѣе, а именно въ аудиторскомъ училищѣ. Между прочимъ, ѣздилъ къ попечителю съ просьбою отложить на понедѣльникъ экзаменъ въ университетѣ. По нѣкоторомъ колебаніи, онъ согласился. О невозможности мнѣ быть въ Смольномъ монастырѣ я уже говорилъ Тимаеву. Оставалось съѣздить къ ректору и декану предупредить ихъ о согласіи попечителя. Все утро съ этимъ провозился. За то кончилъ его хорошо. Заѣхалъ къ Карамзину и окончательно устроилъ дѣло Б—скаго. Его опредѣляютъ на контору по Демидовскимъ дѣламъ, сначала на сто рублей серебромъ въ мѣсяць, а потомъ предоставятъ ему мѣсто, которое навсегда можетъ обезпечить его. Б—скій ожилъ. Ну, слава Богу и большое спасибо Карамзину: по крайней мѣрѣ спасенъ челоѣкъ вполне достойный уваженія и участія.

11. Экзаменъ въ аудиторской школѣ. Былъ военный министръ и кое-кто изъ генераловъ, но не много. Большинство поѣхало въ судъ, гдѣ нынче объявляютъ высочайшую конфирмацію по дѣлу о Политковскомъ.

Экзаменъ шель прекрасно. Я, между прочимъ, долго говорилъ съ адмираломъ Рикордомъ. Это одинъ изъ замѣчательныхъ людей нашего времени. Ему семьдесятъ четыре года, но онъ свѣжъ, бодръ, веселъ, полонъ участія ко всему хорошему и благородному, а доброта его готова войти въ пословицу. Я познакомился съ нимъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, слѣдующимъ образомъ. На университетскомъ актѣ ко мнѣ подходитъ морской генералъ и говорить:— „Я уже знакомъ съ вами, но мнѣ пріятно ближе познакомиться. А знаете ли вы, гдѣ я сперва познакомился съ вами? Въ Греціи“.

„Какъ въ Греціи?“

— „Да! Я стоялъ съ эскадрою близъ Пирея и тамъ прочелъ вашу прекрасную статью о дѣвицѣ Кульманъ: съ той поры я далъ себѣ слово, по возвращеніи въ Россію, лично узнать автора ея и вотъ теперь радъ, что вижу васъ“.

Рикордъ—другъ всѣхъ ученыхъ и литераторовъ. Онъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Н. А. Полевымъ; по смерти послѣдняго взялъ подъ свое покровительство семью его и былъ главнымъ виновникомъ денежнаго сбора въ ея пользу, который, говорятъ, принесъ ей тысячъ до двадцатипяти. До сихъ поръ семейство Полеваго видитъ въ Рикордѣ отца и друга. Вообще, гдѣ только доброе дѣло, тамъ и Рикордъ. И доброта его не ограничивается одними теплыми словами и изъявленіями участія. Нѣтъ! Онъ настойчивъ и дѣятеленъ. Онъ готовъ поднять все и всѣхъ на ноги для оказанія помощи и добиться того, чтобы участіе его не было бесплодно. И все это дѣлается у него чрезвычайно просто. Ни тѣни тщеславія, ни капли усталости, или охлажденія! Удивительный, рѣдкій человѣкъ!

14. Сегодня я слышалъ, что обо мнѣ пошло представленіе военному министру отъ начальства аудиторской школы. Меня представляютъ въ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.

15. Былъ вечеромъ у товарища министра, который нынѣ управляетъ министерствомъ. Онъ говорилъ о затруднительномъ своемъ положеніи, жаловался на недостатокъ друзей. Департаментскіе чиновники не болѣе, какъ канцеляристы. Въ трогательныхъ выраженіяхъ припомнилъ онъ нашу старинную дружбу и просилъ меня помогать ему. Мы условились, что важнѣйшія дѣла онъ будетъ сообщать мнѣ для предварительнаго обсужденія и для соображеній. Теперь на очереди важное дѣло: Блудовскій проэктъ о преобразованіи университетовъ. Этотъ проэктъ выработанъ въ комитетѣ, особо учрежденномъ подъ предсѣдательствомъ Блудова. Абрамъ Сергѣевичъ просилъ меня сегодня заготовить по этому дѣлу бумагу.

27. Узналъ сегодня объ исходѣ представленія меня по военному министерству въ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Государь на представленіе отвѣчалъ, что „еще рано“, а когда военный министръ замѣтилъ, что я уже девять лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника, его величество повторилъ: „все таки

рано еще". И впрямь рано: ну какой я, въ самомъ дѣлѣ, генераль.

Май 2. Умеръ докторъ Богуславскій, хорошій врачъ, подъ угрюмой наружностью скрывавшій золотое сердце. Онъ былъ еще не старъ, здоровъ и крѣпокъ, но вотъ его сразила холера. Не мудрено, что послѣдняя опять начала сильнѣе косить: холодно такъ, что хотъ опять полѣзай въ шубу.

5. Умеръ министръ народнаго просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи. Кончина его была тиха и спокойна. За часъ до смерти онъ еще былъ въ полной памяти, говорилъ, прощался съ окружающими, потомъ сказалъ, что хочеть соснуть и просилъ оставить его одного. Онъ и дѣйствительно заснулъ—вѣчнымъ сномъ. Присутствующіе не замѣтили никакихъ признаковъ агоніи, только услышали легкое хрипѣніе: это былъ послѣдній вздохъ.

Князь Шихматовъ былъ добръ и по природѣ и по убѣжденію христіанина, справедливъ, простъ и доступенъ. Онъ не отличался, подобно своему предшественнику (Уварову), ни блестящимъ умомъ, ни даромъ слова. Его умъ вращался въ сферѣ практической администраціи, гдѣ онъ и приобрѣлъ много знанія и навыка. Онъ собственно не былъ государственнымъ человѣкомъ—да и гдѣ же у насъ государственные люди?—и постъ министра засталъ его, такъ сказать, въ располхъ, неожиданно. Онъ самъ сознавалъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. Но, надо сказать правду, что на его долю выпало управлять министерствомъ въ тяжелое время, когда съ одной стороны возстали противъ просвѣщенія поборники прежней до-петровской тьмы, а съ другой смущенное правительство терялось и не знало, чего ему держаться. Министерство оказалось, такъ сказать, ущемленнымъ между негласнымъ архи-ценсурнымъ комитетомъ 2-го апрѣля и между комитетомъ для пересмотра постановленій послѣдняго, подъ предсѣдательствомъ Блудова. Подъ министерство подкапываются со всѣхъ сторонъ; оно сдѣлалось какою-то сомнительною отраслью государственнаго управленія, а представитель его, министръ, скорѣе отвѣтное лицо передъ допросами, чѣмъ государственный чиновникъ. Князь Шихматовъ хотѣлъ честно и добросовѣстно выполнять свою тяжкую миссію.

Въ бумагахъ, которыя я получалъ отъ его товарища по разнымъ важнѣйшимъ вопросамъ, вездѣ видно благородное усиліе защищать дѣло просвѣщенія и отклонять слишкомъ рѣзкія преобразовательныя мѣры, клонящіяся къ стѣсненію его. Но онъ не имѣлъ достаточно ни нравственнаго, ни гражданскаго мужества, чтобы смѣло повернуть противъ вѣтра руль своего корабля, со всѣхъ сторонъ обуреваемого грозною борьбою стихій. Онъ изнемогъ въ этой борьбѣ и, можно съ достовѣрностью сказать, что она сократила срокъ его жизни. Болѣзнь и смерть его были слѣдствіемъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и огорченій. Нельзя оставить безъ вниманія и другихъ скорбей его незавидной доли. Онъ не имѣлъ также никакого значенія, или, какъ говорится, вѣса, даже въ глазахъ своихъ подчиненныхъ. На него смотрѣли съ нѣкотораго рода пренебреженіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ его политическаго безсилія, но котораго онъ не заслуживалъ ни по чувствамъ, ни по дѣламъ своимъ. А сколько и какъ кидали въ него грязью и въ обществѣ и въ кругу ученыхъ! Между тѣмъ никто и не подозрѣвалъ какъ это тяжело ему.

Вотъ уже два министра народнаго просвѣщенія сдѣлались жертвою бури, налетѣвшей на наше и безъ того еще слабое и шаткое просвѣщеніе—онъ и Уваровъ. Уваровъ тоже много вытерпѣлъ въ послѣднее время своего министерства. Когда онъ зашатался на своемъ мѣстѣ, многое ему уяснилось и мнѣ приходилось не разъ быть свидѣтелемъ его скорби. Тогда и я лучше узналъ этого человѣка и могъ оцѣнить его хорошія стороны—его несомнѣнный умъ, который, во время его силы, часто заслонялся тщеславіемъ и мелкимъ самолюбіемъ. Къ сожалѣнію, и онъ, какъ Шихматовъ, не былъ одаренъ силами, необходимыми для временъ бурныхъ и опасныхъ. Правъ Ростовцевъ, который на-дняхъ мнѣ сказалъ:

— „Ни одинъ человѣкъ, глубоко и основательно мыслящій, не согласится теперь принять на себя званіе министра народнаго просвѣщенія. Для этого надо имѣть колоссальную силу, какой у насъ никто не имѣетъ“.

Удержится ли Норовъ на этомъ мѣстѣ? Или и онъ также будетъ жертвою? У него благородное сердце и намѣренія у него благія, но едва ли достанетъ у него силъ. Хотя онъ и говорить,

что готовъ пожертвовать собою, то есть своимъ чиновнымъ значеніемъ, за дѣло просвѣщенія, но станетъ ли у него на это мужества? Ему недостаетъ, между прочимъ, и того практическаго смысла и того навыка къ дѣламъ, какой всетаки былъ у Шихматова, а помощниковъ у него нѣтъ. Пока онъ мнѣ довѣряетъ, я готовъ, по его желанію, помогать ему во всякомъ благородномъ дѣлѣ, со всею добросовѣстностью и на сколько хватитъ моего умѣнья—и я ему это общалъ. Но, во-первыхъ, я здѣсь не оффиціальное лицо и многое можетъ идти мимо меня. Во-вторыхъ, я не могу, ради этого, отказаться отъ всѣхъ остальныхъ моихъ дѣлъ: я долженъ также трудиться для насущнаго хлѣба моей семьи... Но, не будемъ забѣгать впередъ, а будемъ дѣлать то, что предпишетъ совѣсть.

8. Похороны министра Ширинскаго-Шихматова. Его отвезли въ Сергіевскій монастырь. Я проводилъ его до Московской заставы. Изъ первоклассныхъ сановниковъ былъ Блудовъ.

Написалъ письмо къ князю (В. Ѳ.) Одоевскому, что не могу больше состоять дѣятельнымъ членомъ „Общества посѣщенія бѣдныхъ“.

Вечеромъ меня опять призывалъ къ себѣ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ. Еще сильнѣе жаловался онъ на свои затрудненія, говорилъ, что возлагаетъ всѣ свои надежды на меня. Ахъ, плохо! Какъ ожидать стойкости отъ того, кто не полагается прежде всего на самого себя и на силу собственныхъ убѣжденій? Какъ бы онъ ни былъ просвѣщенъ и гуманенъ, онъ неспособенъ долго противиться натиску враждебныхъ обстоятельствъ....

22. Прекрасный теплый день. Утромъ я прошелся по деревнѣ Купшелевѣ, обошелъ весь Беклешовъ садъ: это моя первая прогулка, послѣ довольно серьезной болѣзни, которая и семью мою задержала въ городѣ дольше, чѣмъ слѣдовало. Мы только вчера переѣхали на дачу, хотя погода уже давно манила туда. Теперь сижу въ моемъ крохотномъ кабинетикѣ и przygotowляю къ серьезнымъ работамъ, которыхъ накопилась масса за двѣ недѣли моей болѣзни.

25. Ѣздилъ въ городъ. Вечеромъ работалъ съ Абрамомъ Сергѣевичемъ по дѣламъ комитета о преобразованіи учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я долженъ за-

готовить записку объ этомъ. Удастся ли что нибудь вырвать изъ рукъ всякихъ „негласныхъ“ въ пользу нашего бѣднаго гонимаго просвѣщенія?

Іюнь 2. Въ городѣ. Духота. Вчера вечеръ провелъ за дѣлами съ Абрамомъ Сергѣевичемъ. Записка о проектахъ Блудовскаго комитета, наконецъ, написана. Министръ остался доволенъ. Онъ только пожелалъ смягчить нѣсколько рѣзкихъ мѣстъ. Моя основная идея, съ которой и онъ согласился: ничего не преобразовывать, а только улучшать. Бываютъ эпохи, когда духъ образованій можетъ творить только зло, касаясь учреждений укоренившихся и польза которыхъ доказана опытомъ. Мысль преобразовать министерство народнаго просвѣщенія возникла подъ влияніемъ паническаго страха, вызваннаго европейскими событіями 1848 года. Тогда вошло въ обычай во всемъ обвинять министерство народнаго просвѣщенія. Государю подано было нѣсколько проектовъ преобразованія его—совсѣмъ не государственныхъ. Нѣкоторые отличаются даже изумительной безграмотностью. Напримѣръ, проектъ Переверзева, который былъ когда-то и гдѣ-то губернаторомъ; тамъ, говорятъ, заворовался, былъ уволенъ, долго оставался безъ мѣста, а потомъ былъ причисленъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Я знаю его лично. Это круглый невѣжда, къ тому же не трезвый. Хорошъ также проектъ московскаго генералъ-губернатора Закревскаго. Кажется, слѣдовало бы оставлять безъ всякаго вниманія подобныя изліянія усердія и преданности престолу. Однако былъ назначенъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Блудова, который, конечно, не раздѣляетъ обскурантскихъ идей всѣхъ этихъ господъ, но предлагаетъ замѣнить ихъ мѣры тоже не мудрыя.

Вникая во всѣ эти государственныя и административныя дѣла, приходишь къ одному печальному заключенію: какъ мы бѣдны государственными людьми! Какой-нибудь невѣжда можетъ пустить въ ходъ совсѣмъ нелѣпное понятіе и колебать имъ цѣлый рядъ учреждений, прикрываясь мнимой преданностью и усердіемъ... Вездѣ бьетъ въ глаза петвердость основныхъ началъ, поверхностность, опрометчивость, непослѣдовательность, неумѣнье вникать въ сокровенныя и тонкія соотношенія вещей, что однако необходимо, когда хотять создать изъ нея стройную, богатую послѣдствіями систему.

10. Вчера и сегодня въ городѣ. Вчера до часу ночи занимался съ Абрамомъ Сергѣевичемъ. Сегодня ѣздилъ въ Царское село, по приглашенію графини Клейнмихель, и заѣзжалъ къ М. Н. Мусину-Пушкину. Возвратясь, обѣдалъ у Абрама Сергѣевича.

11. Ночеваль въ городѣ. Былъ на публичномъ экзаменѣ военно-учебныхъ заведеній. Меня на этихъ экзаменахъ всегда радуешь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Онъ и на этотъ разъ, съ одиннадцати часовъ утра и до четырехъ, неутомимо слѣдилъ за экзаменомъ, принимая во всемъ самое радужное и живое участіе. Наука, очевидно, его не пугаетъ. Экзаменъ былъ изъ физической географіи и изъ исторіи.

16. Нынче совсѣмъ не пользуюсь дачной жизнью. Вотъ и теперь всѣ прошедшіе дни обрабатывалъ проектъ о предоставленіи аудиторскому училищу нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Вчера только кончилъ его, а сегодня, какъ говорится, спустилъ съ рукъ, т. е. представилъ кому слѣдуетъ. Работы было много, но будетъ ли успѣхъ? Польза общественная вообще понятіе шаткое. Она страшная кокетка и рѣдко удовлетворяетъ того, кто всего больше за нее распинается.

Есть у Нибура слѣдующее положеніе: „великія эпидеміи или заразы совпадаютъ съ эпохами упадка цивилизаціи“. Мысль эта меня поразила. Наше время какъ бы служить ей подтвержденіемъ. На нашихъ глазахъ, холера и нравственное расслабленіе идутъ рука объ руку, подрывая самыя свѣтлыя и великія вѣрованія. Даже въ частности замѣчаемъ, что люди съ менѣе хилымъ духомъ какъ будто не такъ легко подвергаются заразѣ, или выдерживаютъ ее счастливѣе.

19. Въ городѣ. Читалъ генералу Пильхау, директору департамента военныхъ поселеній, мою записку объ Аудиторскомъ училищѣ. Онъ одобрилъ ее. Генераль Роговской хотѣлъ еще, чтобы я ѣхалъ съ нимъ по этому же дѣлу къ генераль-оберъ-аудитору. Но отъ этого я ужъ отказался: меня ждалъ Норовъ и приближался часъ урока у Бенардаки, который я рѣшился взять на себя, такъ какъ только благодаря ему, могу обезпечить пребываніе на дачѣ моей семьи.

22. Экзаменъ въ римско-католической академіи: ничѣмъ не отличался отъ другихъ экзаменовъ тамъ же. Прескверный обы-

чай у учениковъ этой академіи: все заучивать наизусть! Сколько я ни старался отучить ихъ отъ этого въ моемъ предметѣ, никакъ не могъ. Имъ вѣрно въ богословскихъ наукахъ держаться буквы — вотъ они и вездѣ держатся ея. Воспитанники нашей православной академіи гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи — по крайней мѣрѣ были свободнѣе, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Я имѣлъ тогда сношенія съ этими молодыми людьми. Они были хорошо образованы, прекрасно знали древніе и даже новыя языки, самостоятельно мыслили. Меня съ ними сблизили ихъ литературныя попытки. Я помогъ имъ тогда перевести и издать: „Исторію литературы Вахлера“, — напечатана была только первая часть, остальные были переведены, но переводчики удались въ провинцію, а тотъ, кому они поручили здѣсь изданіе, обманулъ ихъ довѣріе; изданіе, разумѣется, остановилось, не смотря на то, что, по моему ходатайству, министр Уваровъ ввелъ эту книгу въ гимназіи, да и вообще она хорошо шла; — „Курсъ философіи Жерюзе“; „Исторію французской литературы Баранта“ и т. д. Много очень хорошихъ статей также написано ими и напечатано, подъ моею редакціей, въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ“. Но бѣда въ томъ, что нравственное воспитаніе ихъ далеко уступало умственному развитію. Трое изъ нихъ, по окончаніи курса, спились съ круга, а четвертый умеръ въ чахоткѣ. Въ періодъ моего знакомства съ ними, я всячески старался воодушевлять ихъ и пробуждать въ нихъ чувство самоуваженія. При большихъ познаніяхъ, при умѣ и добрыхъ качествахъ сердца, эти молодые люди были проникнуты какимъ-то чувствомъ униженія, которое угнетало ихъ, а въ заключеніе и погубило.

Юль 6. Нѣкто (Левъ Александр.) Мей покупаетъ у Массальскаго „Сынъ Отечества“ и приглашаетъ меня быть редакторомъ его, на томъ же основаніи, какъ въ свое время „Современникъ“. Но я уже испробовалъ прелестей такого редакторства, да въдобавокъ и покупка еще не состоялась. Я отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ, прежде всего, надо подумать о пріобрѣтеніи журнала и о средствахъ его издавать, а потомъ уже разсудимъ, могу я или нѣтъ принять редакторство его.

7. Ѳздилъ съ Краевскимъ въ Ораниенбаумъ къ нашему общему врачу Шипулинскому. Это была хорошая прогулка.

Мы въ четыре часа отправились на пароходъ въ Петергофъ, а оттуда въ дилижансѣ въ Ораніенбаумъ. Я лѣтъ двадцать какъ не былъ въ Петергофѣ. Впрочемъ, я и теперь не вадѣлъ его, такъ какъ не останавливался въ немъ. Дорога отъ Петергофа до Ораніенбаума пріятная: справа заливъ, слѣва—цѣпь холмовъ съ красивыми дачами, тонущими въ зелени садовъ. Я взобрался на козлы дилижанса, рядомъ съ кучеромъ, и оттуда съ высоты обозрѣвалъ окрестности.

9. Холера въ послѣдніе дни въ городѣ дѣйствуетъ слабѣе.

Дядя Маркъ ¹⁾ приглашаетъ меня вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ деревню (въ Витебскую губ.). Онъ самъ взялъ отпускъ на 28 дней и уѣзжаетъ въ субботу. Я не могу такъ скоро собраться и потому, если рѣшусь ѣхать, то поѣду ужъ одинъ попозже. Прежде надо кончить для А. С. Норова дѣло по Блудовскому комитету: тамъ открылось нѣсколько новыхъ обстоятельствъ и то, что я уже написалъ, требуетъ теперь пополненій. Да и уроки у Бенардаки не могутъ быть такъ, сразу, оборваны.

14. Отдалъ А. С. Норову уже совсѣмъ оконченную записку по Блудовскому комитету.

Сентябрь 1. Августъ провелъ въ поѣздѣ въ Витебскъ, а теперь, вернувшись, опять принялся за усиленные занятія съ Абрамомъ Сергѣевичемъ.

27. Ѣздилъ въ Павловскъ къ Норову. Много толковъ о министерскихъ дѣлахъ. Въ заключеніе онъ просилъ меня приготовить двѣ записки: одну о ценсурѣ вообще, другую о Давыдовскомъ комитетѣ. Авось не удастся-ли обуздать и то и другое.

Сильно подумываю оставить аудиторское училище. Силъ моихъ не хватаетъ. Да теперь мнѣ тамъ, собственно говоря, и оставаться не за чѣмъ. Если они захотятъ принять мой проектъ, то и безъ меня осуществятъ его, а не захотятъ, такъ еще меньше поводовъ оставаться мнѣ тамъ.

30. Былъ на актѣ въ педагогическомъ институтѣ. Тамъ праздновался двадцатипятилѣтній юбилей его. Были три чтенія: все хвалебные гимны самимъ себѣ. Особенно странно было слышать, какъ секретарь, читавшій отчетъ, во всеуслышаніе

¹⁾ Членъ государств. совѣта, д. тайн. сов. Маркъ Николаевичъ Любо-
шинскій, † 1889 г., родственникъ жены автора. С. Н.

объявилъ, что опредѣленіе въ директоры педагогическаго института И. И. Давыдова составляетъ эпоху въ исторіи этого заведенія, которое съ этого только времени начало совершенствоваться и процвѣтать. И это говорилось въ глаза Ивану Ивановичу. Онъ выслушалъ, не сморгнувъ.

Октябрь 2. Подалъ генералу Роговскому просьбу объ увольненіи меня изъ аудиторскаго училища. Двадцать одинъ годъ проработалъ я тамъ.

16. Абрамъ Сергѣевичъ отправлялъ составленный мною проектъ системы нашего образованія, особенно университетскаго, Якову Ивановичу Ростовцеву, прося его сообщить ему свои замѣчанія. Проектъ этотъ одновременно служить и отчетомъ министерства на предположенія Блудовскаго комитета. Ростовцевъ не предложилъ никакихъ измѣненій.

20. Война. Говорятъ, турки перешли Дунай, или заняли одинъ изъ островковъ, который командуетъ переправой. Наша флотилія, ходятъ слухи, пострадала на Дунаѣ.

21. Видѣлся съ Гаевскимъ. Дѣло идетъ о передачѣ мнѣ редакціи журнала „Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Ноябрь 15. Празднованіе въ Смольномъ монастырѣ двадцатипятилѣтія со дня принятія императрицею заведеній вѣдомства Маріи въ свое завѣдываніе. Обѣдню служилъ митрополитъ, затѣмъ состоялся торжественный обѣдъ въ большомъ залѣ. Тамъ встрѣтилъ я многихъ изъ своихъ бывшихъ ученицъ: онѣ пріѣхали въ Москву, какъ друга.

27. Въ октябрьской книжкѣ „Библиотеки для Чтенія“ напечатана рецензія на „Пропилей“, гдѣ разобрана и разругана статья Авдѣева о храмѣ Св. Петра въ Римѣ. Въ рецензіи, между прочимъ, сказано:

— Жаль, очень жаль, что «Пропилей» издается не на французскомъ языкѣ: такого вздору не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей и господинъ Леонтьевъ (издатель Пропилей) навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, господинъ Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе, по крайней мѣрѣ, этой наглой нечестности!»

Плоско и неприлично! Но комитетъ 2-го апрѣля, или негласный, вмѣсто литературнаго безвкусія, увидѣлъ здѣсь цѣлое

преступленіе, а именно нашелъ, что тутъ „оскорблены русская литература и русское сужденіе“. Такъ точно донесъ онъ и государю. Велѣно сдѣлать цензору строгій выговоръ и спросить: „Кто писалъ статью?“ Мы съ Абрамомъ Сергѣевичемъ долго ломали голову, какъ бы спасти Сенковскаго, ибо онъ авторъ ея. Рѣшили въ отношеніи комитету сказать всевозможное въ пользу его, снесаясь предварительно съ Дубельтомъ.

29. Недовольство моими лекціями въ университетѣ, которое я нѣсколько времени ощущалъ, слава Богу, прошло. Я опять овладѣлъ собою и это отражается и на моихъ слушателяхъ, которые кажутся наэлектризованными. Аудиторію мою посѣщаютъ даже студенты, не обязанные меня слушать, изъ другихъ факультетовъ.

Декабрь 6. Сенковскому велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ (черезъ министра) съ внушеніемъ, что „такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но, напротивъ, вредятъ ей“. Ну, слава Богу, дѣло обошлось легче, чѣмъ всё мы ожидали.

14. Великолѣнное торжество въ Смольномъ монастырѣ все въ честь того-же двадцатипятилѣтія съ тѣхъ поръ, какъ нынѣ царствующая императрица Александра Федоровна приняла подъ свое покровительство женскія учебныя заведенія. Мы, вмѣстѣ съ Абрамомъ Сергѣевичемъ, поѣхали туда въ семь часовъ. Часъ спустя, прибыла вся царская семья. Начались характеристическіе танцы, которые имѣли цѣлью пантомимой выразить императрицѣ любовь и признательность дѣтей. Хоръ дѣвицъ пропѣлъ стихи, сочиненные на этотъ случай Бенедиктовымъ. Потомъ на нарочно устроенной для того эстрадѣ были поставлены живыя картины съ аллегорическимъ изображеніемъ добродѣтелей государыни: милосердія, любви къ искусствамъ, наукамъ и т. д. Группы изъ молодежьихъ, свѣжихъ и красивыхъ монастыровокъ были очень изящны и эффектны. Затѣмъ пошли обыкновенные танцы, въ которыхъ участвовали и великіе князья. Государь, почти все время стоя, любовался оживленнымъ зрѣлищемъ. Но онъ мало къ кому обращался съ разговоромъ, однако сдѣлалъ исключеніе въ пользу Абрама Сергѣевича, котораго самъ нашелъ въ тѣсной толпѣ военныхъ и статскихъ сановниковъ. Онъ

съ полчаса продержалъ его около себя и, между прочимъ, сказалъ ему:

— „Я очень доволенъ студентами: они такъ хорошо себя держатъ; у нихъ таковой бодрый видъ“.

Норовъ на это отвѣчалъ, что „онъ ручается за то, что каждый изъ нихъ готовъ стать въ ряды русскаго побѣдоноснаго войска и черезъ два мѣсяца быть офицеромъ“.

Государь еще говорилъ съ Броневскимъ и какою-то дамою. Въ началѣ одиннадцатаго дворъ уѣхалъ. Абрамъ Сергѣевичъ очень доволенъ благосклоннымъ вниманіемъ къ нему государя, но, надо ему отдать справедливость, не только лично за себя, но и потому, что видитъ въ томъ залогъ успѣха для дѣла, которому дѣйствительно хочетъ честно служить.

15. Сегодня въ церкви Смоленскаго монастыря—все по случаю юбилея императрицы—былъ молебенъ, на которомъ опять присутствовалъ государь и часть его семьи. По окончаніи молебна всѣхъ присутствовавшихъ представляли государынѣ: у ней для каждаго нашлось ласковое, привѣтливое слово.

17. Съ девяти часовъ утра и до половины четвертаго, почти не вставая съ мѣста, работалъ надъ составленіемъ важной записки для государя. Дѣло идетъ о слияніи комитета 2-го апрѣля съ главнымъ управленіемъ цензуры. Это смѣлый шагъ. Комитетъ дѣлаетъ много зла. Абрамъ Сергѣевичъ хочетъ предварительно показать записку графу Д. Н. Блудову, который тоже весьма не одобряетъ дѣйствиіи комитета.

18. Булгарину велѣно сдѣлать строжайшій выговоръ за статью объ извопикахъ.

23. Былъ, по приглашенію, на выпускномъ экзаменѣ въ Маринскомъ институтѣ. Присутствовала великая княгиня Елена Павловна. При всякой новой встрѣчѣ съ ней не можешь не отдать ей должнаго за умъ, образованіе, за любезность и тактъ. Во время завтрака она много, тонко и умно говорила о Гоголѣ и о Рашели.

На дняхъ Фетъ (Шеншинъ) читалъ у меня свой переводъ Горация. Это капитальный трудъ нѣсколькихъ лѣтъ и дѣйствительно цѣнный вкладъ въ нашу литературу.

25. Въ Еватерининскомъ институтѣ есть дѣвочка Попадопуло, лѣтъ четырнадцать. Изъ газетъ она узнала о смерти

своего брата, убитого въ сраженіи съ турками. Подруги изъявляли ей участіе и одна изъ нихъ спросила: — „Жаль-ли ей брата?“ — „Чего жалѣть“, отвѣчала она: — „онъ погибъ за царя и отечество.“ Объ этомъ довели до свѣдѣнія государя и его величество назначилъ дѣвицѣ Попандопуло пенсію въ тысячу рублей до выхода замужъ — „за религіозно-вѣрноподданническія чувства“, какъ сказано въ оффиціальной бумагѣ. Сверхъ того, при выпускѣ изъ института, ей велѣно выдать еще тысячу рублей, а когда она будетъ выходить замужъ, то довести о томъ до свѣдѣнія двора и тогда ее снабдятъ приданымъ.

30. Вчера въ торжественномъ годичномъ засѣданіи академіи наукъ меня избрали членомъ-корреспондентомъ ея по отдѣленію русскаго языка. Я не былъ въ этомъ засѣданіи.

Теперь занимаетъ меня рѣчь къ университетскому акту. Я выбралъ темою: „объ эстетическомъ элементѣ въ наукѣ“ и пишу ее въ промежутки между приступами жестокой головной боли, которая меня мучаетъ уже двѣ недѣли. Надо во что бы то ни стало дописать рѣчь въ теченіи праздниковъ: потомъ будетъ некогда, а актъ у насъ 8-го февраля.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

VII ¹⁾.

Послѣ Инкерманскаго сраженія.

Неудовлетворительность медицинской помощи.—Главная квартира.—Мародерство.—Буря и наше неумѣніе ею воспользоваться.—Госпитальная часть.—Новый начальникъ Севастопольскаго гарнизона.

Ноябрь и декабрь 1854 г.

Не могу сказать, чтобы намъ было весело послѣ Инкерманскаго дѣла, не смотря на всевозможныя удобства, которыя доставляло намъ присутствіе великихъ князей. Меня помѣстили въ одной комнатѣ дома, занимаемаго великими князьями, съ Краснокутскимъ и Павломъ Шуваловымъ, адъютантами в. кн. Николая Николаевича; для чая, завтрака, обѣда и вечерняго чая собирались всѣ въ большой палатѣ великихъ князей, разбитой на дворѣ занимаемаго нами домика. Погода стояла пасмурная, дождливая, великіе князья безпрестанно посѣщали госпиталю, дома и казармы, въ которыхъ помѣщались раненые. Видъ сихъ послѣднихъ наводилъ на меня грусть неописанную; казалось, что в. кн. Меншиковъ, давая сраженіе, не допускалъ и мысли, что будетъ много раненыхъ; такъ мало было замѣтно, чтобы что либо было приготовлено для успокоенія страдальцевъ, которые лежали въ грязныхъ комнатахъ на грязныхъ нарахъ, а многіе даже на постоянно сыромъ полу безъ всякой подстилки, кромѣ собственныхъ штановъ. Медицинскаго пособія было также недостаточно, перевязки дѣлались рѣдко,—тифъ распространялся

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, стр. 55—90, 551—574; мартъ, стр. 655—680.

съ неизмовѣрною быстротою—смертность даже между легко ранеными была очень значительная. Ежедневно до насъ доходили звуки музыки, съ которою хоронили офицеровъ, между тѣмъ незамѣтно было, чтобы принимались какія либо мѣры для устраненія всѣхъ недостатковъ нашихъ лазаретовъ; кн. Меншиковъ относился ко всему очень равнодушно, и тѣмъ возмущалъ меня противъ себя.

Не знаю, было-ли то уступка, сдѣланная общественному мнѣнiю или просьбамъ великихъ князей, но вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженiя полковникъ Вуншъ снизошелъ до скромной должности старшаго адъютанта или дежурнаго штабъ-офицера, а начальникомъ главнаго штаба былъ назначенъ ген.-м. Семянинъ, командиръ 1 бригады 12 пѣхотной дивизiи. Это былъ хитрый хохоль, ужасный говорунъ и балагуръ, приводившiй въ отчаянiе добрейшаго Алексѣя Илларионовича Философова, которому онъ рѣшительно не давалъ слова вымолвить, когда обѣдалъ у великихъ князей. Однако, упражненiе азыка было настоятельною потребностью для Алексѣя Илларионовича. Онъ уже всѣмъ изъ насъ поочередно, а потомъ и всѣмъ вмѣстѣ неоднократно рассказывалъ, какъ онъ былъ раненъ подъ Силистриею, Карсомъ или Ахалцыхомъ—не помню; его разговоры съ разными значительными лицами, разные анекдоты и т. п., такъ что бывало, когда онъ начнетъ рассказъ, то слушатель, перебивая его и дѣлаясь въ свою очередь рассказчикомъ, досказывалъ начатый имъ рассказъ или анекдотъ. Это показалось невыносимымъ Алексѣю Илларионовичу, и мы замѣтили, что онъ сталъ удаляться немедленно послѣ обѣда. Въ это время прiѣзжалъ въ Севастополь адъютантъ военнаго министра гр. Петръ Шуваловъ. Онъ между прочимъ хотѣлъ удостовѣриться, хорошо-ли содержатся раненные, взятые въ плѣнъ французы и англичане и потому ходилъ въ отведенное для нихъ помѣщенiе въ укрѣпленiе № 4, въ двухъ шагахъ отъ домика, занимаемаго нами. Одинъ изъ плѣнныхъ французовъ, отвѣтивъ на вопросы Шувалова о его содержанiи и леченiи, сказалъ ему, что не только заботятся объ ихъ леченiи, но и объ ихъ удовольствiи, что ежедневно, послѣ обѣда, приходитъ какой-то старый плѣшивый farceur, по его словамъ, qui nous blague, que c'est une bénédiction. L'autre jour il nous assurait qu'il était grand-officier de la légion d'honneur (чудакъ, по его словамъ смѣшив-

пий ихъ до слезъ. На дняхъ онъ увѣрялъ насъ, что онъ имѣтъ большой крестъ почетнаго легіона)... Послѣднее обстоятельство разъяснило намъ дѣло: оказалось, что Философовъ нашелъ между ранеными французами пріятныхъ и покорныхъ слушателей и предпочиталъ ихъ общество нашему.

Нѣсколько дней послѣ Инкерманскаго сраженія, пріѣхалъ къ намъ князь Федоръ Ивановичъ Паскевичъ изъ Кишинева, любознательности ради. Онъ поселился на яхтѣ кн. Виктора Ивановича Барятинскаго, стоявшей на рейдѣ, но ежедневно приходилъ съ нами обѣдать, а потомъ играть въ карты.... это было единственно возможное развлеченіе. Какъ пріѣзжаго, я его сопровождалъ на южную сторону Севастополя, гдѣ мы объѣхали вмѣстѣ всѣ бастіоны на лошадакахъ, обязательно мнѣ доставленныхъ милымъ Шестаковымъ. Этотъ Шестаковъ былъ адъютантомъ Корнилова, считался прекраснымъ офицеромъ, я его зналъ какъ пріятнаго и образованнаго собесѣдника и съ искреннимъ сожалѣніемъ узналъ впоследствии, что онъ погибъ во время ночнаго нападенія непріятеля на Волинскій редутъ, но не помню, было-ли это во время перваго штурма этого укрѣпленія, блистательно отбитаго храбрымъ Хрущевымъ, или при окончательномъ взятіи этого редута непріателемъ.

Между тѣмъ,—въ особенности это стало замѣтнымъ послѣ Инкерманскаго сраженія,—значительно начало развиваться у насъ мародерство; во всѣхъ селеніяхъ, отдѣльныхъ домахъ, дачахъ, садахъ и виноградникахъ стали показываться праздношатающіеся солдаты, которыхъ не досчитывались въ полкахъ и показывали, кого убитыми, кого безъ вѣсти пропавшими. Въ одномъ Бахчисараѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до главнокомандующаго, такихъ мародеровъ скопилось больше тысячи. Это доказываетъ, какой порядокъ соблюдался въ арміи кн. Меншикова и какъ исправно исполняли свою обязанность корпусные и дивизионные гевальдигеры. Донесеніе о разныхъ беспорядкахъ, насильствахъ и даже грабежахъ побудили, наконецъ, кн. Меншикова командировать меня въ Бахчисарай съ порученіемъ, посредствомъ мѣстной и военной полиціи, переловить солдатъ, укрывающихся въ Бахчисараѣ и окрестностяхъ и, составляя изъ нихъ правильныя команды, направлять въ части, которымъ онѣ принадлежали. Въ трое сутокъ удалось мнѣ составить 17 такихъ командъ, благодаря

усердному содѣйствію подполковника Шостака, бахчисарайскаго полиціймейстера, и возвратить въ полки болѣе двухъ тысячъ человекъ; къ сожалѣнію, должно сознаться, что въ этомъ числѣ были и офицеры....

Возвратившись въ главную квартиру, я засталъ тамъ вновь прибывшаго товарища Даню Гербеля, еще совершенно измученнаго дорогой, т. е. ужаснымъ, но уже слишкомъ мнѣ знакомымъ способомъ путешествія на перевладной. Для Гербеля же, постоянно страдавшаго мигренями, тряская телѣга была совершенно невыносима и онъ 400 верстъ проѣхалъ въ телѣгѣ стоя. Это кажется невѣроятнымъ, но Гербель еще живъ (1863 г.), слава Богу, и можетъ подтвердить мои слова. Уже прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда Гербеля и я съ удивленіемъ видѣлъ, что онъ и не помышляетъ объѣхать бастионы. Я ему намекнулъ на это, говоря: „помилуй, каждаго изъ насъ главнокомандующій можетъ ежеминутно отправить къ государю съ донесеніемъ. Государь непременно будетъ каждаго спрашивать, вникая даже въ подробности.... если ты будешь отвѣчать: не знаю, не видѣлъ —государь непременно скажетъ“....

Гербель поспѣшилъ перебить меня и сказалъ: „дуракъ!“

На другой же день онъ перебивалъ на всѣхъ бастионахъ и благодарилъ меня за то, что я надумилъ его это сдѣлать.

2-го ноября была необыкновенно сильная буря, до того сильная и опасная въ Черномъ морѣ для судовъ—заблаговременно не успѣвшихъ удалиться отъ береговъ Крыма, что мы имѣли основаніе ожидать совершенной гибели, если не всѣхъ судовъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе части непріятельскаго флота. Волненіе было такъ сильно, вѣтеръ такъ порывистъ, что много купеческихъ судовъ выбросило на берегъ и разбило о камни. Пароходы непріятельскіе лишь съ большими усиліями избѣгали этой участи, на всѣхъ парахъ съ трудомъ удерживаясь на мѣстѣ. Большія непріятельскія суда, стоявшія противъ устьевъ рѣки Качи, закрыли свои люки и не были въ состояніи нанести намъ ни малѣйшаго вреда, даже если-бы приведенная къ этому мѣсту наша полевая артиллерія открыла по нимъ огонь. Для меня осталось не разъясненнымъ, почему начальство не рассудило полезнымъ содѣйствовать разъяреннымъ стихіямъ и увеличить бѣдствія непріятеля. Я убѣжденъ, что можно было за-

ставить нѣсколько военныхъ кораблей спустить флаги. Увы, и этотъ случай имѣть какой-нибудь успѣхъ былъ упущенъ. На другой день буря стала утихать, вѣтеръ перемѣнился и всякая опасность для непріятельскаго флота миновала. Генераль Данненбергъ двигалъ свои войска къ устьямъ рѣки Качи безъ всякой пользы,—главнокомандующій, сколько мнѣ извѣстно, посылалъ приказаніе жечь суда, подошедшія на выстрѣлъ... результатовъ не оказалось никакихъ.

Въ началѣ ноября общество, постоянно собиравшееся у великихъ князей, значительно уменьшилось: Альбединскій и Грейгъ, контуженные оба однимъ ядромъ, отправлены для леченія въ Симферополь; Владиміръ Меншиковъ, также контуженный, еще ранѣе переѣхалъ въ гостиницу „Золотаго якоря“, зато пріѣхали къ намъ Непгъ Крейцъ и Анатолій Барятинскій. Сей послѣдній состоялъ въ то время адъютантомъ военнаго министра и постоянно разъѣзжалъ для ускоренія доставки въ Севастополь пороха, потребленіе котораго, въ особенности въ первое время обороны Севастополя, производилось въ огромныхъ размѣрахъ и не соответствовало имѣвшимся запасамъ, — и въ особенности медленной доставки изъ заводовъ. Переписка и пререканія объ этомъ между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ велись самыя дѣятельныя; кн. Меншиковъ безпрестанно объ этомъ говорилъ и не затруднялся громогласно и при всѣхъ порицать бездѣйствіе, беспечность и несообразительность кн. Долгорукова. Разъ, повидному, выведенный изъ терпѣнія какой-то бумагой, полученной имъ отъ военнаго министра, кн. Меншиковъ рассказывалъ, какъ мало у него пороху, какъ доставка его ежедневно дѣлается затруднительнѣе, по случаю портившихся дорогъ по времени года и въ заключеніе сказалъ про кн. В. А. Долгорукова: „J'ai beau lui écrire, lui qui ne l'a pas inventée, qui ne l'a jamais tentée—ne sait pas même, comment s'y prendre pour m'en envoyer“. (Напрасно я пишу ему объ этомъ; не выдумавъ пороха, никогда не пробовавъ это, онъ не знаетъ даже, какъ мнѣ его доставить).

Гербель былъ командированъ въ Симферополь для устройства госпиталей и для наблюденія за отправкою всѣхъ раненыхъ и больныхъ, которые въ состоявіи перенести перевозку въ дальніе госпитали, Перекопъ, Херсонъ, Николаевъ, Бериславъ

и Екатеринославъ. Къ несчастію, и въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ нигдѣ ничего не было приготовлено для успокоенія большаго числа больныхъ; отсутствіе заботливости и предусмотрительности военнаго министерства—меня поражали и приводили въ негодованіе.

Въ это время кн. Меншиковъ далъ мнѣ порученіе, которое меня удивило, по своей очевидной несвоевременности и бесполезности, и явно указывало на то, что мое присутствіе при великихъ князьяхъ не правилось главнокомандующему, который придумывалъ предлоги для удаленія меня изъ главной квартиры; онъ мнѣ поручилъ отыскать удобное мѣсто на Салгирѣ за Симферополемъ, для устройства обширнаго ретраншемета для обозовъ всей арміи, и просилъ сдѣлать соображеніе и проектъ для укрѣпленнаго вагенбурга. Я очень хорошо понялъ настоящую цѣль кн. Меншикова и первый разъ въ жизни приступилъ къ исполненію возложеннаго на меня порученія безъ энергіи и усердія, однако немедленно отправился въ Симферополь, откуда предполагалъ дѣлать поиски для выбора удобнаго мѣста для вагенбурга на рѣкѣ Салгирѣ.

Въ теченіи трехъ дней я по утрамъ ѣздилъ на развѣдки, но возвращался ежедневно въ Симферополь, гдѣ мы всѣ собирались для обѣда. Я говорю всѣмъ, подразумѣвая всѣхъ изгнанниковъ по разнымъ причинамъ изъ главной квартиры, т. е. Альбединскаго, Грейга, Меншикова, пользовавшихся отъ контузии, Гербеля, съ ранняго утра хлопотавшаго о больныхъ и часто рассказывавшаго намъ разные ужасы, какъ о положеніи раненыхъ, о недостаткѣ госпитальной прислуги, бѣлья, медицинскаго пособія и т. п. Окончивъ мое порученіе, т. е. выборъ мѣста для вагенбурга, и написавши черновое предположеніе съ отвратительнымъ чертежемъ (я никогда, даже въ молодости, не умѣлъ чертить), прежде чѣмъ возвратиться въ Севастополь—я хотѣлъ собрать нѣкоторыя свѣдѣнія по госпитальной части и потому разговорился съ полковникомъ Кинбурнскаго драгунскаго полка, барономъ Кюстеромъ ¹⁾, служившимъ прежде въ гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ, а тогда назна-

¹⁾ Постоянныя посѣщенія госпиталей не прошли для него безнаказанно; на 3-мъ мѣсяцѣ его дѣятельности онъ скончался отъ тифозной горячки. Д.

ченными завѣдывать всѣми госпиталями въ Симферополѣ. Онъ мнѣ сообщилъ много неутѣшительнаго, но въ особенности меня поразило слѣдующее обстоятельство: когда баронъ Кюстеръ былъ назначенъ на его настоящую должность, онъ уже засталъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, размѣщенныхъ во многихъ частныхъ домахъ Симферополя, и при первомъ его посѣщеніи этихъ домовъ, называвшихся госпиталями только потому, что въ нихъ помѣщались больные, безъ всякихъ госпитальныхъ приспособленій, ему всѣ раненые жаловались, что они не видятъ лекарей и что, по неизмѣнно прислуги, больнымъ некому даже воды подать, не говоря уже о томъ, чтобы перемѣнить бѣлье, поправить постель и т. д.

Вслѣдствіе этихъ заявленій, онъ дѣлалъ представленія по командѣ и, дѣйствительно, въ непродолжительномъ времени (но я увѣренъ, что раненымъ и больнымъ оно показалось безконечнымъ), прибыло нѣсколько лекарей и 400 человекъ изъ разныхъ полковъ, для ухода за больными. По приходѣ этой импровизированной госпитальной прислуги, возникъ вопросъ, какимъ порядкомъ, на какія средства и кому именно слѣдуетъ продовольствовать этотъ маленький батальонъ въ 400 человекъ? Между тѣмъ эти несчастные голодали. Чтобы не дать имъ умереть голодною смертію, баронъ Кюстеръ обратился въ Симферопольскую провіантскую компанію, которая, въ отвѣтъ, требовала аттестатовъ на провіантъ. Оказалось, что таковые не высланы изъ полковъ и людямъ на руки выдаваемы не были. Все это происходило въ теченіи нѣсколькихъ дней, а когда, вслѣдствіе сношенія съ полками, были получены аттестаты на провіантъ, съ объясненіемъ, что по случаю поспѣшности, съ которою требовались нижніе чины въ Симферополь для прислуги въ госпиталяхъ, не успѣли имъ выдать аттестатовъ, вся эта прислуга, отъ изнуренія и госпитальнаго уже заразительнаго воздуха, сама собой превратилась въ больныхъ; эти несчастные валялись на грязныхъ, сырыхъ полахъ, никто ихъ не пользовалъ, не кормилъ, а госпитальное начальство сдѣлало вновь представленіе о недостаткѣ госпитальной прислуги.

Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этихъ ужасныхъ результатовъ страшной неурядицы, безтолковія, безпечности и равнодушія, которыя составляли отличительную черту и характеристику

Меншиковской военной администраціи, я поскакалъ къ главнокомандующему и съ негодованіемъ доложилъ ему о всемъ, что происходило въ Симферополѣ. Я воображалъ, что будетъ назначено строжайшее слѣдствіе и что всѣ виновные, а по моему мнѣнію ихъ было много, получать должное возмездіе за ихъ тяжелыя прегрѣшенія. Князь Меншиковъ сказалъ мнѣ очень спокойнымъ, тихимъ голосомъ:

— „Pouvais-je soupçonner, que la stupidité humaine pouvait aller jusque-là!“ (Могъ-ли я думать, чтобы людская глупость доходила до такой степени).

Затѣмъ потребовалъ отъ меня отчета въ исполненіи даннаго мнѣ порученія и съ большимъ вниманіемъ прослушалъ мои предположенія для устройства совершенно бесполезнаго вагенбурга, къ укрѣпленію котораго нельзя было приступить, не отвлекая рабочихъ силъ отъ Севастополя, гдѣ ихъ было недостаточно. Это происходило вечеромъ; на другой день я отправился къ начальнику главнаго штаба, чтобы узнать, чтò приказано главнокомандующимъ вслѣдствіе моего вчерашняго доклада. Семьякинъ мнѣ отвѣчалъ, что кн. Меншиковъ ничего ему не говорилъ.

Тогда я вспомнилъ Константина Ивановича Истомина, называвшаго всегда кн. Меншикова „аспидомъ“.

— Повѣрьте, повторялъ онъ,—это аспидъ, а не человекъ.

Послѣ этого, мнѣ оставалось только возложить всю надежду на генерала Семьякина; я ему сообщилъ все, что зналъ о симферопольскихъ госпиталяхъ и спрашивалъ его немедленно принять рѣшительныя мѣры для исправленія ихъ отчаяннаго положенія. Еще до Инкерманскаго сраженія носились слухи, что Федоръ Федоровичъ Миллеръ, уже достаточно доказавшій свою полную, никѣмъ не оспариваемую, неспособность командовать Севастопольскимъ гарнизономъ, будетъ смѣненъ въ непродолжительномъ времени, но не было слышно, кѣмъ онъ будетъ замѣненъ. Когда я ѣхалъ въ Симферополь, между станціею Дувалвой и Симферополемъ, встрѣтилъ я, къ моему большому удивленію, бар. Дмитрія Ерошеевича Сакена, съ его адъютантомъ Гротгусомъ; Дмитрій Ерошеевичъ, увидѣвъ меня, приказалъ остановиться, вышелъ изъ своего грузнаго тарантаса, шагомъ тащившагося по глубокой и вязкой грязи и, послѣ обычныхъ объятій и цѣлованій,

жадно сталъ спрашивать меня о положеніи Севастополя;—затѣмъ объявилъ мнѣ, что онъ назначенъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, а фл.-адъют. кн. Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ его начальникомъ штаба.

Я искренне обрадовался этой новости, въ убѣжденіи, что эти двѣ благородныя личности сумѣютъ поднять духъ гарнизона, придать желанное и совершенно отсутствующее единство распоряженіямъ и дѣятельности начальствующихъ лицъ, которыя, по сіе время, хотя съ самоотверженіемъ и усердіемъ выше всякой похвалы, исполняли свои обязанности, но безъ того согласія и желанія помогать другъ другу, которое не можетъ существовать безъ сильнаго всесосредоточивающаго начала. Взявъ съ меня обѣщаніе посѣщать его, какъ скоро возвращусь въ Севастополь, бар. Сакенъ продолжалъ свой путь.

День спустя послѣ моего возвращенія въ главную квартиру, я отправился въ бар. Сакену, думая спокойно побесѣдовать съ нимъ за чашкою чая. Какъ оказалось, я совершенно ошибался: не смотря на поздній часъ (уже было 8 ч. вечера) и страшную темноту, которая заставляетъ жителей Крыма даже въ деревняхъ не ходить безъ фонарей, Дмитрій Ерошеевичъ куда-то собирался... Почти въ одно время со мной, пришелъ и кн. Васильчиковъ. Оказалось, что въ 9 ч. должны были дѣлать вылазку съ 4-го бастіона и бар. Сакенъ желалъ при этомъ присутствовать. Осѣдланныя лошади стояли у подѣзда, мнѣ оставалось только сопутствовать начальнику гарнизона, и потому я попросилъ лошади и позволенія присоединиться къ этой ночной экспедиціи, которой не могъ себѣ объяснить. Спускаясь по лѣстницѣ, кн. Васильчиковъ просилъ меня уговорить бар. Сакена не ѣхать, говоря очень основательно, что присутствіе главнаго начальника совсѣмъ не нужно при маленькой вылазкѣ, рассчитанной для уничтоженія непріятельскихъ траншейныхъ работъ. Я, конечно, совершенно раздѣлялъ это мнѣніе, но пока мы говорили, Дмитрій Ерошеевичъ уже сѣлъ на лошадь и мы должны были послѣдовать его примѣру. Съ нами ѣхалъ адъютантъ барона, Гротгусъ, и два жандарма. Когда мы выѣхали въ сады, отдѣлявшіе городъ отъ 4-го бастіона, лошадь бар. Сакена стала сильно спотыкаться и, наконецъ, чуть-чуть не упала. Онъ приказалъ двумъ жандармамъ ѣхать какъ можно ближе, по обѣ его стороны, а

кн. Васильчиковъ еще разъ просилъ меня уговорить барона не ѣхать далѣе, говоря:

— Помилуй, у него куриная слѣпота, онъ въ потьмахъ ничего не видитъ.

Послѣ этого я рѣшился употребить свое жалкое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Дмитрія Ерооеевича возвратиться; я его убѣждалъ, что онъ ничего не увидитъ, что войска не узнаютъ, что онъ между ними, а что если, чего Боже упаси, одна изъ бомбъ, которая поминутно, но только на мгновенье, освѣщали мѣстность, убьетъ его, то это будетъ для него смерть безславная, для защиты Севастополя бесполезная, и для довершенія прибавилъ:

— А меня въ какое положеніе вы ставите предъ Анною Ивановной ¹⁾; она мнѣ никогда не проститъ, что я не сумѣлъ отговорить васъ безъ пользы подвергать себя опасности.

Эти послѣднія слова подѣйствовали; подозвавъ Гротгуса, онъ приказалъ ему ѣхать на четвертый бастіонъ и, по окончаніи вылазки, доложить ему о результатѣ ея. По возвращеніи домой, бар. Сакенъ обнялъ меня, благодарилъ за Анну Ивановну и прибавилъ:

— Vous m'avez empêché de faire une bêtise (вы помѣшали мнѣ сдѣлать глупость).

Все, что я только что рассказалъ, произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что между начальникомъ и его начальникомъ штаба нѣтъ полного довѣрія, и въ особенности кн. Васильчиковъ, не привыкшій къ странностямъ барона Сакена и подъ впечатлѣніемъ ихъ, не отдавалъ справедливости дѣйствительно рѣдкимъ качествамъ Дмитрія Ерооеевича.

Въ концѣ ноября мнѣ пришлось еще разъ побывать на севастопольскихъ бастіонахъ, для сопровожденія полковника Гангардта, моего стараго одесскаго знакомаго — прибывшаго въ Крымъ съ какимъ-то порученіемъ отъ новороссійскаго генералъ-губернатора. Въ то время до насъ ежедневно доходили слухи о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ непріятельскими войсками, о недостаткѣ пищи, теплой одежды, которыя при изнурительныхъ осадныхъ работахъ порождали болѣзни и распространяли деморализацію,—въ особенности въ рядахъ англичанъ. Эти слухи под-

¹⁾ Его жена, которую онъ страстно любилъ.

тверждались большимъ числомъ перебѣжчиковъ. Кромѣ того я былъ увѣренъ, что мы воспользуемся жалкимъ состояніемъ непріятельскихъ войскъ, чтобы въ теченіи зимы дѣйствовать наступательно, и потому очень понятно, что въ разговорахъ съ полковникомъ Гангардтомъ я не допускалъ и мысли, чтобы Севастополь могъ быть взятъ непріателемъ или оставленъ нами. Впослѣдствіи, къ моему неопisanному удивленію, Н. Н. Набоковъ, служившій въ то время въ военномъ министерствѣ, рассказывалъ мнѣ, что онъ самъ читалъ всеподданнѣйшее донесеніе генералъ-адъютанта Анненкова, въ которомъ сей послѣдній писалъ, между прочимъ: „флигель-адъютантъ Денъ полагаетъ, что Севастополь не будетъ взятъ“.

VIII.

Послѣдніе дни царствованія и кончина Николая Павловича.

Вѣсть о болѣзни императрицы.— Обѣдъ у кн. Барятинскаго.— Отправленіе курьеромъ въ Петербургъ. — Утомительный переѣздъ.— Отношеніе ко мнѣ двора.— Награды.— Болѣзнь государя.— Его кончина.— Слухи, ходившіе въ Петербургъ.— Рѣчь молодого государя.— Дежурство въ первый день новаго царствованія.— Командировка флигель-адъютантовъ.— Похороны императора Николая Павловича.

ноябрь 1855 г.—февраль 1855 г.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, великіе князья получили извѣстіе объ опасной болѣзни императрицы и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе немедленно возвратиться въ Петербургъ; не помню 1-го, 2-го или 3-го декабря они отправились въ путь. Мы ихъ провожали до десятой версты верхомъ и тогда уже окончательно простились. Мнѣ и въ голову не приходило — что я съ ними расстанусь только на нѣсколько дней. У насъ никакихъ замѣчательныхъ событій не было и потому нельзя было предвидѣть отправленія кого либо изъ насъ курьеромъ. Не прошло и часу послѣ нашихъ проводовъ великихъ князей, какъ какой-то писарь пришелъ меня звать къ главнокомандующему. Кн. Александръ Сергѣевичъ, подергивая ртомъ (привычка, которая у него обнаруживалась въ особенности когда ему что-нибудь было непріятно), спросилъ меня—готовъ-ли я ѣхать съ донесеніемъ въ Петербургъ. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ приказалъ зайти

въ нему за депешами на другое утро въ 6 ч. и потомъ, по французски, взялся дѣлать мнѣ топографическое описаніе южной части Крыма, доказывать непроходимость дорогъ и совершенно упуская изъ виду, что онъ самъ себя, какъ главнокомандующаго, жестоко обвиняетъ, рѣшительно совѣтывалъ мнѣ ѣхать до Симферополя верхомъ. По свойственной мнѣ глупости я только гораздо позже догадался, что въ расчеты князя входило, чтобы поѣздва въ Петербургъ курьеромъ изнурила меня до одуренія и чтобы я не былъ въ состояніи передать своихъ впечатлѣній государю. Послѣ этого милого разговора съ главнокомандующимъ, я отправился на импровизированный пиръ къ кн. Анатолію Ивановичу Барятинскому. Я говорю „импровизированный“, потому что, послѣ неожиданнаго отъѣзда великихъ князей, мы еще не успѣли и подумать объ устройствѣ какого-либо хозяйства, т. е. артели. Барятинскій жилъ въ одномъ домѣ съ Крейцомъ, въ такъ называемой, вѣроятно въ насмѣшку, сухой балкѣ, ибо когда я шелъ обѣдать, я совершенно завязъ и, послѣ большихъ усилій, хотя мнѣ и удалось дойти до назначенія, но безъ сапога на лѣвой ногѣ. Тутъ меня ожидалъ самый пріятный сюрпризъ; Барятинскій, узнавъ отъ меня, что я на другой день долженъ ѣхать, объявилъ мнѣ, что онъ также уѣзжаетъ въ Черниговскую губернію и предложилъ мнѣ въ коляскѣ довести меня до Перекопа. Не будь этого благопріятнаго обстоятельства, я бы, можетъ быть, послушался совѣтовъ Александра Сергѣевича и, проѣхавъ верхомъ до Симферополя, не выдержалъ бы пытки ѣзды на перекладной и Богъ вѣсть когда доставилъ бы свои депеши, впрочемъ, какъ оказалось, важныя только по ихъ адресу.

5-го декабря 1854 года оставилъ я Севастополь не безъ горестнаго чувства; я былъ свидѣтелемъ многихъ подвиговъ храбрости, самоотверженія; большинству изъ нихъ суждено было пройти безплодно, безслѣдно. Впервые мнѣ приводилось видѣть въ ея гнусной паготѣ—дурную сторону всего человѣческаго, но надо сознаться, что, вѣроятно, рѣдко можно встрѣтить въ жизни примѣры эксплуатаціи бѣдствій, порождаемыхъ войной, и человѣческихъ страданій, какихъ я былъ свидѣтелемъ въ Крыму. Но и себя я не могу не обвинять въ эгоизмѣ когда вспоминаю, что я не безъ радости оставлялъ мѣста, гдѣ безропотно погибали тысячи людей, съ однимъ большею частью безсознательнымъ

инстинктивнымъ чувствомъ исполненія долга и служенія отечеству.

Съ Анатолиемъ Ивановичемъ мы благополучно доѣхали до Перекопа ¹⁾. Здѣсь я купилъ нагольный тулупъ, чтобы предохранить себя отъ холода, который начиналъ дѣлаться весьма чувствительнымъ, въ особенности для меня, потому что, получивъ приказаніе въ Гатчинѣ немедленно отправиться въ Крымъ, я не имѣлъ никакой возможности позаботиться о своемъ гардеробѣ, и при мнѣ оказалась только шинель, подбитая шелкомъ, и солдатская шинель. Не смотря на курьерскую подорожную и отсутствіе всякаго багажа, я ѣхалъ относительно весьма медленно, въ особенности по случаю темныхъ ночей. Недалеко за Перекопомъ, мой ящикъ сбился съ дороги, возилъ меня по полямъ цѣлую ночь и къ разсвѣту привезъ къ той самой станціи, въ которой я перепрыгалъ лошадей наканунѣ вечеромъ. Уже совершенно измученный, я подѣзжалъ къ станціи въ сѣверной части Екатеринославской губерніи, съ твердымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ отдохнуть и выпить чаю, какъ вдругъ ящикъ сбился опять съ дороги и опрокинулъ мою телѣгу въ канаву, наполненную водой. Промокшіе до костей, съ трудомъ выбравшись изъ канавы, мы проѣздили еще болѣе часу и, наконецъ, доѣхали до станціи, гдѣ я надѣялся согрѣться и обсушиться.

Но моимъ надеждамъ не было суждено осуществиться; на станціи, куда я прибылъ весь измокшій, ночевалъ цѣлый транспортъ сестеръ милосердія, отправленныхъ въ Крымъ для ухода за больными, по распоряженію великой княгини Елены Павловны. Этихъ сестеръ было слишкомъ 30, онѣ расположились во всѣхъ комнатахъ, не исключая смотрительской, и мнѣ, по неволѣ, не оставалось ничего, кромѣ продолженія путешествія,

¹⁾ Не бывавшій въ то время въ Крыму не можетъ себѣ представить въ какомъ состояніи тамъ были дороги: отъ долины Бельбека до Симферополя намъ пришлось ѣхать по глубокой грязи, въ которой нашли смерть сотни изуряченной скотины. Переѣзжая черезъ трупы верблюдовъ и воловъ, невозможно было ускорить ѣзду, а между тѣмъ зараженный воздухъ разлагающимися тѣлами не позволялъ отнимать носоваго платка отъ носа. Но это страданіе только физическія, къ которымъ должно присоединить и моральныя... Какъ тихо мы ни ѣхали, однако обгоняли цѣлые караваны раненыхъ, мучившихся отъ неудобства телѣгъ, въ которыхъ ихъ везли, и испускавшихъ такіе жалостные стоны, что у меня слезы неудержимо лились изъ глазъ и сердце ныло...

уже превратившагося въ мученіе. Всю Харьковскую губернію я проѣхалъ по замершей грязи, проклиная судьбу; въ Бѣлгородѣ я долженъ былъ бросить тулупъ, купленный въ Перевопѣ, и свою солдатскую шинель, которая до того измокли, покрылись и пропитались грязью, что давили плечи и до нихъ нельзя было дотронуться безъ отвращенія. Лицо мое было покрыто грязью и могло уподобиться ласточьему гнѣзду; съ помощью запаса носовыхъ платковъ, мнѣ удавалось лишь расчищать глаза. Въ Бѣлгородѣ я купилъ новый тулупъ и мужицвѣй зипунъ, въ которомъ благополучно доѣхалъ до Курска. Въ этомъ городѣ, меня ожидала двойная радость: во-первыхъ, я засталъ тамъ оставшаго отъ великихъ князей Павла Шувалова, во-вторыхъ, мнѣ объявили на станціи, что отъ Курска начинается санний путь и что меня повезутъ въ кибиткѣ. Радость моя была неопи-санная; я тотчасъ же предложилъ Шувалову, ради скорости, оставить его коляску и ѣхать со мной, съ условіемъ платить за меня прогоны, потому что я предчувствовалъ, что я неминуемо засну мертвымъ сномъ—и, дѣйствительно, я проспалъ до Тулы. Подѣзжая къ Москвѣ, мы встрѣтили Герстенцевейга и Волкова, отправленныхъ въ Крымъ, но разѣхались такъ быстро, что не могли сказать другъ другу ни одного слова.

На седьмыя сутки послѣ моего отъѣзда изъ Севастополя, т. е. 12-го декабря, къ вечеру, нашъ возокъ остановился въ Москвѣ у гостинницы Шевалье. Но и тутъ нельзя было отдыхать; я приказалъ освѣтить и затопить каминъ въ цѣлой амфиладѣ бель-этажа, приготовить роскошный обѣдъ, а самъ поскакалъ на извозчикѣ на Петербургскую желѣзную дорогу объявить о своемъ пріѣздѣ и просить начальника станціи медленно готовить для меня поѣздъ, т. е. не торопясь топить локомотивъ, чтобы дать мнѣ время и возможность оправиться отъ дороги и на другое утро въ приличномъ видѣ предстать предъ лицомъ моего обожаемаго государя. Начальникомъ станціи былъ полковникъ путей сообщенія Шернваль, весьма любезный и услужливый финляндецъ. Его поразилъ мой эксцентрическій костюмъ и онъ предложилъ мнѣ свою енотовую шубу. Принявъ съ благодарностью это милое предложеніе, я возвратился въ гостинницу Шевалье, гдѣ засталъ нѣсколько ожидавшихъ меня любопытныхъ москвичей, въ томъ числѣ Михаила Лонгинава,

Ипата Бартенева и другихъ, которыхъ не помню. Оставивъ ихъ съ Шуваловымъ, я занялся туалетомъ, послѣ чего сѣлъ за хорошо сервированный столъ съ такимъ наслажденіемъ, что, конечно, я не въ состояніи его передать.

Въ 11 ч. вечера — мы съ Шуваловымъ вдвоемъ въ вагонѣ 2-го класса помчались по направленію Петербурга. Въ 10 ч. утра 13-го декабря, Николай Павловичъ принялъ меня съ радушіемъ, только ему свойственнымъ, въ его кабинетѣ Гатчинскаго дворца, въ мундирѣ л.-гв. Финляндскаго полка, потому что собирался отправиться на полковой праздникъ этого полка въ С.-Петербургъ. Прочитавъ депеши, мною привезенныя, при военномъ министрѣ, государь поѣхалъ на желѣзную дорогу и, посадивъ меня въ свой вагонъ, не переставалъ дѣлать мнѣ разные вопросы до пріѣзда нашего въ Петербургъ. Съ желѣзной дороги государь поѣхалъ въ Михайловскій манежъ, а я на дежурной или фельдъегерской тройкѣ въ инспекторскій департаментъ, чтобы, наконецъ, избавиться отъ ненавистой сумки съ бумагами. Эта несчастная сумка сдѣлалась мнѣ ненавистною потому, что въ теченіи секунды, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Тулы, была безвинно причиною самаго ужаснаго испуга, который я когда либо въ жизни имѣлъ случай испытать. Я уже упоминалъ о томъ, что въ Курскѣ, расположившись очень комфортабельно въ прекрасной зимней кибиткѣ, заплативъ прогоны до Орла и поручивъ дальнѣйшія дорожныя распоряженія моему милому и любезному спутнику, я спалъ почти до Тулы. Проснувшись, оказалось, что моей сумки у меня на груди не было; вмѣсто того, чтобы хорошенько поискать въ саняхъ, мнѣ представился въ одно мгновеніе весь ужасъ моего положенія; если я ее не найду, думалъ я, то для поисковъ придется потерять много времени и я доставлю свои депеши, когда уже другіе, позднѣе отправленные изъ Крыма, будутъ въ рукахъ государя, если же мнѣ не удастся ее найти—какъ я явлюсь къ государю?—я уже живо представлялъ себя осрамленнымъ, обезчещеннымъ, когда Шуваловъ вскрикнулъ: „вотъ она“! доставая сумку, (которую я, вѣроятно, снялъ во снѣ) изъ-подъ сѣна, которымъ для тепла наполнена была наша кибитка. Я ожилъ, но еще долго не могъ успокоиться и оправиться отъ испытаннаго испуга.

Наконецъ, я вышелъ изъ инспекторскаго департамента и

поскакалъ къ отцу, жившему тогда совершенно одиново въ Эртелевомъ переулкѣ. Никогда между мной и отцомъ не бывало никакихъ сердечныхъ изліяній, экспансивность были всегда чужды нашимъ характерамъ, но я хорошо зналъ, какъ нѣжно онъ меня любитъ и потому нечего говорить, съ какимъ радостнымъ чувствомъ мы обнялись послѣ четырехъ-мѣсячной разлуки.

Императрица послѣ тяжелой болѣзни оправлялась и, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи государь могъ успокоиться. Пробывъ только трое сутокъ въ Петербургѣ, я успѣшилъ возвратиться въ Гатчину, гдѣ я былъ встрѣченъ великими князьями особенно нѣжными демонстраціями, вѣроятно въ качествѣ боеваго товарища (послѣ Инкерманскаго сраженія, за которое они уже получили Георгіевскіе кресты). Изъ Крыма никакихъ особенныхъ извѣстій послѣ моего пріѣзда не получали, и гатчинская жизнь текла тихо и не представляла ничего замѣчательнаго. Наконецъ, 24-го декабря доктора разрѣшили императрицѣ переѣхать въ Петербургъ и потому весь дворъ оставилъ Гатчину 24-го декабря.

Ma faveur à la cour était à son apogée (отношеніе ко мнѣ двора было въ высшей степени милостивое): меня безпрестанно приглашали на вечера и неоднократно ѣздовые отыскивали меня у знакомыхъ и даже въ театрѣ, чтобы звать на вечеръ къ императрицѣ. При этомъ удобномъ случаѣ я могу отдать себѣ справедливость, что я никогда не увлекался расположеніемъ во мнѣ членовъ императорской фамилии, не смотря на искреннюю признательность, которую я и по сіе время сохранялъ къ Николаю Павловичу и Александрѣ Ѳеодоровнѣ за ихъ постоянныя ко мнѣ милости. Никогда я не создавалъ никакихъ честолюбивыхъ плановъ, основанныхъ на довѣрїи или благосклонности, оказываемыхъ мнѣ великими князьями.

Теперь, я не могу безъ нѣкоторой гордости вспомнить, что я не только всегда былъ чуждъ всякаго искательства, но даже изъ опасенія быть заподозрѣннымъ въ такомъ, былъ часто слишкомъ рѣзокъ въ сужденіяхъ и разговорахъ и иногда безъ надобности, что французы называютъ „cassantъ“ (рѣзокъ) во всѣхъ моихъ отношеніяхъ съ лицами вліятельными и высокопоставленными, вполне сознавая, впрочемъ, что это невыгодно.

Гордость мнѣ никогда не позволяла хлопотать объ отличіяхъ

или наградахъ или даже жаловаться на то, что мнѣ могло казаться несправедливымъ.

Будучи флигель-адъютантомъ Николая Павловича, который имѣлъ особенный даръ награждать выше всякихъ заслугъ однимъ словомъ или пожатіемъ руки, мнѣ и въ голову не приходили расчеты о наградахъ или повышеніяхъ. Такъ и послѣ Инкерманскаго сраженія, въ которомъ я не оказалъ и не могъ оказать ни отличія, ни услугъ,—я и не думалъ, чтобы я могъ быть награжденъ, и потому съ большимъ удивленіемъ и радостью получилъ, въ половинѣ февраля, золотую саблю „за храбрость“, по представленію кн. Меншикова, хотя, по предоставленной ему власти, онъ имѣлъ полное право прислать мнѣ эту саблю самъ. Впослѣдствіи я узналъ черезъ товарищей, оставшихся въ Крыму, послѣ моего отправленія курьеромъ, какъ явно при этомъ высказалось нерасположеніе ко мнѣ кн. Меншикова, и что я обязанъ весьма лестнымъ для меня отличіемъ Грейгу. Вотъ что по этому (поводу) рассказали мнѣ нѣкоторые товарищи, а именно: Исаковъ, графъ Крейцъ, Альбединскій и другіе. Въ день моего отъѣзда изъ Севастополя, Исаковъ, состоявшій въ то время начальникомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, пріѣхалъ по дѣламъ службы къ главнокомандующему; по окончаніи дѣловаго разговора, князь Меншиковъ сказалъ Исакову, съ видимою радостью:

— „J'ai trouvé moyen d'expédier Daehn et il sera bien malin, s'il trouve quelque chose à raconter, je ne lui ai rien dit!“ (Я нашелъ предлогъ отослать Дена; врядъ ли ему удастся что-либо рассказать, я ничего не сообщалъ ему).

Въ половинѣ декабря всѣ мои товарищи, состоявшіе при кн. Меншиковѣ во время Инкерманскаго сраженія, получили отъ него непосредственно награды и были удивлены, что въ числѣ награжденныхъ не было меня. Грейгъ это объяснялъ очень просто тѣмъ, что, какъ отсутствующаго, меня забыли, что онъ обо мнѣ напомнить и что невольная ошибка будетъ немедленно исправлена. Но когда онъ дѣйствительно говорилъ кн. Меншикову объ этомъ, сей послѣдній ему отвѣчалъ:

— „Que puis-je lui donner? Il a tout.“ (Что я могу дать ему! Онъ все имѣетъ...) и никакого результата не послѣдовало. Уже въ январѣ 1855 года, по настоянію Грейга, кн. Меншиковъ рѣшился сдѣлать представленіе, вслѣдствіе котораго я

получилъ золотую саблю. Вотъ почему я всегда и при всякомъ удобномъ случаѣ заявлялъ впоследствии, что за Ингерманское дѣло я былъ награжденъ Грейгомъ. Утвержденіе же представленія кн. Меншикова о награжденіи меня золотой саблею послѣдовало при послѣднемъ докладѣ военнаго министра государю Николаю Павловичу.

Во время послѣдней болѣзни императрицы, жизнь которой была въ опасности, государь проводилъ большую часть ночей безъ сна и, такимъ образомъ, въ нравственнымъ потрясеніямъ присоединилось физическое разстройство, еще усугубленное системою леченія доктора Мандта, основанною на діетѣ. Государь былъ ужасно блѣденъ и замѣтно похудѣлъ, но онъ ни въ чемъ не вмѣнялъ образа жизни и, конечно, никто не подозрѣвалъ, что дни его уже были сочтены. Между тѣмъ, не смотря на холодную погоду, онъ осматривалъ всѣ войска, ежедневно частями проходившія черезъ Петербургъ въ Финляндію. Наконецъ, сколько могу припомнить, въ первой половинѣ февраля, числа не припомню, пріѣхавъ въ манежъ Инженернаго замка, гдѣ былъ назначенъ высочайшій смотръ одного изъ проходящихъ маршевыхъ баталіоновъ, мнѣ сказали, что государь, по нездоровью, поручилъ наслѣднику произвести смотръ. Это заставило меня сильно призадуматься, зная какъ мало государь бережетъ себя; но меня со всѣхъ сторонъ успокаивали, увѣряя, что у государя простой гриппъ, въ которомъ всѣ жители такъ привыкли, что о немъ говорятъ, какъ о самомъ обыкновенномъ насморкѣ. Наконецъ, 15-го февраля я встрѣтилъ государя въ саняхъ катающимся по городу, и совершенно успокоился на счетъ его здоровья.

18-го числа, утромъ, въ 10 часовъ, пріѣхалъ ко мнѣ фельдшеръ и сказалъ: „пожалуйте къ государю“. Въ теченіи 1854 г., я получилъ пять разъ подобное приказаніе въ такой же формѣ, и потому убѣжденный, что дѣло идетъ о командировкѣ, увѣжая изъ дому, я приказалъ камердинеру своему немедленно все приготовить для вѣроятнаго отъѣзда. Нельзя себѣ представить моего ужаса, когда я пріѣхалъ въ Зимній дворецъ и засталъ тамъ уже собранныхъ почти всѣхъ генераль-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, которые мнѣ объявили, что государь умираетъ!!!

Въ часъ и пять минутъ государь скончался, а чрезъ четверть часа вышелъ къ намъ гр. Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ,

облитый слезами, и объявилъ, что можно проститься съ покойнымъ. Въ маленькомъ кабинетѣ, на походной желѣзной кровати, покрытый старою шинелью, съ выпѣвшимъ бровнымъ воротникомъ, лежало тѣло только что преставившагося самодержца всея Руси, столько лѣтъ бывшаго рѣшителемъ судебъ Европы... Съ истинно горькою печалью простился я съ своимъ бывшимъ „генераломъ“ и, машинально вышедши изъ этой комнаты, былъ пораженъ беспорядкомъ и суетой, которые были уже замѣтны во всемъ дворцѣ. Двери были открыты, прислуга бѣгала; наверху, въ большомъ коридорѣ, встрѣтилъ я бѣгущую великую княжну Марію Николаевну, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ,—куда, зачѣмъ такъ поспѣшно, когда уже нельзя было ничему помочь, ничего измѣнить—осталось для меня неразъясненнымъ.

Французы говорили въ старину: „le roi est mort, vive le roi!“ (король умеръ, да здравствуетъ король!). Я вспомнилъ, что я наряженъ дежурнымъ на слѣдующій день, и разсудилъ, что поэтому, не ожидая общей присяги, мнѣ слѣдуетъ немедленно присягнуть новому государю. Я отправился въ большую дворцовую церковь, гдѣ уже многіе присягали. Совершивъ обрядъ присяги и выходя изъ церкви, я встрѣтилъ А. П. Самсонова, адъютанта наслѣдника, а со времени кончины Николая Павловича—государя. Онъ меня остановилъ, чтобы объявить, что отнынѣ ботфорты отмѣняются. Я на него смотрѣлъ въ недоумѣніи, какъ бы не понимая его словъ... тогда онъ счелъ нужнымъ подтвердить эту важную новость—шепелявя по его привычкѣ, и съ необыкновеннымъ, удивительнымъ для меня, присутствіемъ духа, уже называя наслѣдника государемъ, объявилъ, что приказано адъютантамъ не заводить ботфоровъ, которыхъ болѣе носить не будутъ....

Когда я вышелъ изъ дворца чрезъ Салтыковскій подъѣздъ, меня подозвала къ своей каретѣ, стоявшей у тротуара, графиня Анна Баранова, какъ видимо еще ничего не знавшая и только что подѣхавшая ко дворцу, чтобы разспросить о томъ, что происходило во дворцѣ. Когда я ей объявилъ, что государь скончался, она стала метаться въ каретѣ и громко кричать... я крикнулъ ей кучеру: домой!—а самъ поѣхалъ объявить горестную новость

отцу. Увидѣвъ меня, отецъ угадалъ мое горе и сказалъ только: „итакъ, все кончено?“

Крупныя слезы брызнули изъ его глазъ. Для него это была потеря еще болѣе чувствительная, чѣмъ для меня; онъ близко зналъ Николая Павловича съ конца 1812-го года, былъ имъ переведенъ въ гвардію при формированіи л.-гв. сапернаго батальона и постоянно съ тѣхъ поръ пользовался его милостями и особеннымъ расположеніемъ.

Быстро размесшаяся вѣсть о кончинѣ государя привела весь городъ въ какое-то оцѣпененіе. Никто къ ней не былъ приготовленъ, многіе не подозрѣвали даже, что государь боленъ. Немедленно затѣмъ начали ходить нелѣпнѣйшіе слухи объ отравѣ; одни обвиняли доктора Мандта, утверждая, что онъ самъ давалъ принимать государю какіе-то порошки его собственнаго, таинственнаго приготовленія, другіе увѣряли, что государь самъ отравился, объясняя это тѣмъ, что онъ въ своей гордости не могъ перенести нашихъ неудачъ, какъ дипломатическихъ, такъ и военныхъ и не хотѣлъ пережить русскаго престижа, сильно поколебленнаго въ Европѣ событіями послѣдняго года. Мнѣ кажется, было бы лишнимъ пояснять всю нелѣпость этихъ толковъ. Мандта я видѣлъ только два раза у отца; какъ человѣка его не зналъ и никакихъ предположеній не считаю себя вправе дѣлать о томъ—есть-ли возможность его заподозрить въ такомъ ужасномъ преступленіи. Что касается другаго предположенія, то я его рѣшительно отвергаю.... Кто зналъ близко Николая Павловича—не могъ не оцѣнить глубоко религіознаго чувства, которое его отличало и которое, конечно, помогло бы ему съ христіанскимъ смиреніемъ перенести всѣ удары судьбы, какъ-бы тяжки, какъ-бы чувствительны для его самолюбія они бы ни были.

Молодое поколѣніе большею частью привѣтствовало происшедшую переменѣ—если не радостью, то по крайней мѣрѣ надеждами на болѣе либеральное направленіе новаго правителя, на болѣшій просторъ мысли, на воцареніе легальности и огражденіе личныхъ и имущественныхъ правъ, о которыхъ, не могу не сознаться, еще мало имѣли настоящаго понятія въ Россіи. При этомъ нельзя не сказать, что эти самые господа увлекались и были увѣждены, что для всѣхъ желаемыхъ ими реформъ достаточно одного или нѣсколькихъ указовъ, забывая, что безъ надлежащимъ образомъ

подготовленных исполнителей указы остаются мертвою буквою, что у насъ и прежде были законы—законы мудрыя, но законности все-таки не было. Въ то время говорили, что Николай Павловичъ на смертномъ одрѣ просилъ наслѣдника, не откладывая и не смотря на сознаваемые имъ препятствія, освободить крестьянъ, говоря, что, не смотря на искреннее желаніе, онъ не успѣлъ въ этомъ во время своего царствованія.

19-го февраля праздновалось восшествіе на престолъ. Въ 10 часовъ утра государь принималъ свиту покойнаго государя, въ которой самъ принадлежалъ по званію генераль-адъютанта. Онъ обратился къ намъ съ прекрасною рѣчью, въ которой, по волѣ покойнаго государя, благодарилъ насъ за вѣрную и усердную службу и выразилъ убѣжденіе, что мы и ему съ такимъ же усердіемъ и преданностью служить будемъ. Въ заключеніе государь сказалъ, взявшись правою рукою за генераль-адъютантскій аксельбантъ:

„Я считаю однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни тотъ, въ который я получилъ этотъ аксельбантъ, и потому сохрани его навсегда“.

Въ 11 часовъ государь со всѣмъ императорскимъ домомъ, за исключеніемъ вдовствующей императрицы, оставшейся въ своихъ покояхъ по нездоровью, пошелъ чрезъ залы Зимняго дворца, наполненныя знатными обоюгаго пола особами (какъ тогда еще писали въ камерфурьерскихъ объявленіяхъ) въ большую дворцовую церковь, гдѣ послѣ литургіи гр. Панинъ (министръ юстиціи) прочиталъ манифестъ, которымъ государь объявилъ своему народу о своемъ восшествіи на прародительскій престолъ, и наконецъ присягу, во время чтенія которой еще не присягнувшіе стояли съ поднятою правою рукою. Всѣ дамы, во время этого выхода, отличавшагося необыкновенною торжественностью и совершеннымъ безмолвіемъ, были въ бѣлыхъ платьяхъ и напоминали большой выходъ друидовъ въ Нормѣ.

Дежурство мое въ этотъ первый день новаго царствованія было для меня ужасно грустнымъ, не смотря на то, что не было такъ монотонно, какъ прежнія дежурства. Оставаясь цѣлый день во дворцѣ, я еще разъ ходилъ въ кабинетъ покойнаго государя, предварительно убѣдившись, что тамъ никого не было! Это было передъ вечеромъ; покойникъ лежалъ, по прежнему, на желѣзной кровати, но уже былъ покрытъ параднымъ покрываломъ, и что

меня поразило: я нашелъ его черты совсѣмъ измѣнившимися. Утромъ, т. е. нѣсколько минутъ послѣ смерти, я замѣтилъ на лицѣ государя выраженіе утомленія и страданія, вечеромъ, напротивъ, я засталъ лице спокойное, съ той улыбкой, которая придавала, при жизни покойнаго Николая Павловича, особенную прелесть его правильнымъ чертамъ. Сегодня, конечно, никто не заподозритъ меня въ лести, да кто же и льститъ покойникамъ? а потому я положительно утверждаю, что я никогда не видѣлъ ничего прелестнѣе, прекраснѣе лица государя вечеромъ 19-го февраля, т. е. за нѣсколько часовъ до той минуты, когда, представленное неопытнымъ врачамъ, тѣло покойнаго было обезображено, а лице искажено неудавшимся балзамированіемъ.

Вечеромъ, государь Александръ Николаевичъ принималъ разныхъ лицъ, назначенныхъ сообщить иностраннымъ дворамъ о понесенной имъ уtratѣ и о восшествіи своемъ на престолъ. Въ числѣ ихъ были Г. А. Гринвальдъ, ѣхавшій въ Берлинъ, Г. А. Будбергъ—въ Гагу, Ганноверъ, Саксонію, Дармштадтъ, д. ст. сов. Дмитрій Нессельроде въ Штутгардтъ, вн. Ѡ. И. Паскевичъ въ Крымскую армію и многіе другіе, отправляемые въ разные концы имперіи. Ахматову пришлось ѣхать въ Иркутскъ, такъ что ему и не суждено было проводить своего „генерала“ до его послѣдняго жилища. Въ этотъ же вечеръ я выпросилъ у Гримма, камердинера покойнаго государя, себѣ на память саперную фуражку Николая Павловича, въ которой онъ ѣзжалъ въ саперный лагерь въ Петербургъ ¹⁾.

По случаю командированія многихъ флигель-адъютантовъ, насъ было такъ мало въ Петербургѣ въ февралѣ 1855 года, что 26-го числа я опять былъ дежурнымъ, т. е. уже во второй разъ по восшествіи государя Александра Николаевича на престолъ. Когда я вошелъ въ приемную залу, чтобы смѣнить капитана 1-го ранга бар. Фредрикса, на дежурствѣ котораго скончался Николай Павловичъ, военный министръ вн. Долгоруковъ выходилъ изъ кабинета государя. Завидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и поздравилъ съ чиномъ полковника. Оказалось, что государь только что подписалъ или, правильнѣе, утвердилъ

¹⁾ Она у меня хранится въ Петербургѣ, съ бумагами и другими для меня драгоценными предметами. Д.

приказъ, которымъ я былъ произведенъ на вакансію со старшинствомъ. Это исключеніе было сдѣлано на томъ основаніи, что какъ батальонный адъютантъ я имѣлъ право на производство со старшинствомъ на основаніи существовавшихъ правилъ, а званіе флигель-адъютанта не должно было лишать меня преимуществъ, предоставленныхъ мнѣ прежнею службою и званіемъ.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось надѣть полковничьи эполеты —покрытыя крестомъ.

Похороны покойнаго государя происходили съ большою торжественностью, гробъ былъ вынесенъ и поставленъ на колесницу на подъѣздѣ главнаго двора Зимняго дворца, соответствующемъ Иорданскому; до того я рѣшительно никогда не замѣчалъ, чтобы кто либо пользовался этимъ выходомъ. Кучеръ покойнаго государя, Яковъ, съ трудомъ справлялся съ лошадьми, которыя не дружно трогали, и притомъ обливался слезами. Изъ всѣхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ отдать послѣднюю честь Николаю Павловичу, мнѣ особенно памятенъ—австрійскій эрцгерцогъ Вильгельмъ, по случаю удивленія, котораго онъ не могъ скрыть при видѣ многочисленнаго войска, разставленнаго по пути печальнаго шествія. Всѣ резервные гвардейскіе полки были на лицо и это изумляло австрійца, убѣжденнаго, что военныя демонстраціи Австріи заставили Россію сосредоточить всѣ свои силы на югъ и юго-западъ.

В. И. Денъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Городъ Оленскъ въ Сибири.

Къ замѣткѣ Н. В. Латкина.

[«Русская Старина» изд. 1890 г. т. LXV, мартъ, стр. 712].

Н. В. Латкинъ увѣряетъ, что города Оленска, о которомъ такъ подробно, живо и интересно рассказываетъ покойный Н. В. Бергъ въ своихъ бойкихъ воспоминаніяхъ («Русская Старина» изд. 1890 г., январь), сколько ему, г. Латкину, извѣстно, вовсе не было.

На это мы замѣтимъ г. Латкину, что ежели бы онъ обратился къ «Полному Собранію Законовъ», то узналъ бы, что городъ Оленскъ существовалъ. Такъ, по именному указу отъ 2-го марта 1783 г., о составленіи Иркутской губерніи изъ четырехъ областей, въ Якутской области учрежденъ, между прочими, Оленскій уѣздъ, съ тѣмъ, чтобы «селенія въ оныхъ уѣздахъ, кои къ тому способнѣе окажутся. переименовать городами», (П. С. З., т. XXI, стр. 873), а высочайше утвержденнымъ 26-го октября 1790 г. докладомъ сената, о гербахъ городамъ иркутскаго намѣстничества, Оленску данъ слѣдующій гербъ: «въ нижней части, въ голубомъ полѣ, серебряной олень, въ знакъ того, что въ округѣ его великое множество сихъ звѣрей». (П. С. З., т. XXIII, стр. 174).

Г. Е. Рѣпинскій.

3-го марта
1890 г.

Примѣчаніе. Въ виду вышеприведенной замѣтки, мы сожалѣемъ, что успѣли напечатать поправку почтеннаго Н. В. Латкина, каковая оказалась ошибкою; насъ ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что Н. В. Латкинъ пользуется извѣстностью большаго знатока Сибирскаго края и его исторіи.

Р е д.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ ВЪ РОССІИ И ИХЪ ОТМѢНА

1240 ^{апрѣля}_{17-го} 1863. 1)

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»

I.

17-го апрѣля 1863 г., по великой милости Божіей и великодушной волѣ императора Александра II, послѣдовала отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Снята была, наконецъ, съ русскаго народа эта позорная язва, много вѣковъ тяготѣвшая надъ нимъ, даже до половины просвѣщеннаго XIX вѣка, и въ просвѣщенной Европѣ. Поистинѣ великое событіе, для полной и вѣрной оцѣнки котораго недостаточно одного восхваленія его, но необходимо хотя бѣгло обозрѣть всю мрачную картину многовѣковаго существованія этой язвы, сколь ни возмутительно и тяжело изобразить ее.

Откуда же пришла она? Въ первоначальной вѣчевой Руси со временъ христіанства (въ теченіе 2½ вѣковъ) въ ней не существовало тѣлесныхъ наказаній. Ихъ принесли съ собою и насадили на русской землѣ дикіе пришельцы изъ глубины

1) Этотъ интересный очеркъ принадлежитъ маститому военному историку генералъ-отъ-инфантеріи князю Николаю Сергѣевичу Голицыну, бывшему профессору военной академіи, и имъ весьма обязательно сообщенъ «Русской Старинѣ». На девятомъ десяткѣ своего возраста князь Николай Сергѣевичъ продолжаетъ еще неустанно трудиться въ области различныхъ вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ отечественной исторіи.

Ред.

Азіи—язычники монголы, завоевавшіе Русь и 200 лѣтъ державшіе ее подъ тяжкимъ игомъ своимъ. Освободилась, наконецъ, Русь отъ этого позорнаго ига, но, увы! не освободилась вмѣстѣ съ тѣмъ отъ другаго такого же—усвоенныхъ ею тѣлесныхъ наказаній. Они продолжали существовать еще 200 лѣтъ въ московскомъ государствѣ и едва-ли не въ большей еще силѣ. Но вотъ настали времена преобразованія Россіи Петромъ I по западно-европейскому образцу и, казалось бы, тутъ-то долженствовалъ бы быть положенъ конецъ наслѣдію татарщины. Но, увы! рядомъ съ европейскими преобразованіями сохранены и даже усилены были тѣлесныя истязанія временъ минувшихъ. Жестокость уголовныхъ наказаній достигла высшей мѣры въ жестокихъ казняхъ: сажаніемъ на воль, колесованіемъ, зарываніемъ живыхъ въ землю, сожженіемъ на кострахъ, повѣшеніемъ, отсѣченіемъ цѣлымъ сотнямъ людей головъ (какъ напр. въ стрѣльцкихъ бунтахъ), забитіемъ до смерти внутомъ, плетью и батогами, жестокими пытками въ застѣнкахъ отъ которыхъ Петръ не пощадилъ даже собственнаго и единственнаго сына и наслѣдника своего, и многими иными тому подобными.

Для русскаго же войска, преобразованнаго по нѣмецкому и особенно прусскому образцу, тѣлесныя наказанія приняли особенный видъ, свойственный прусской арміи. Въ эту послѣднюю перешли по наслѣдству военно-исправительные и военно-уголовные обычай и уставы извѣстныхъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ XVI-го вѣка. Эти вольнонаемныя военныя дружины, состоявшіяся изъ всякаго сброда и въ сущности бывшія разбойничьими шайками, не дававшими пощады никому и ничему, могли быть удерживаемы въ порядкѣ и повиновеніи только строжайшими мѣрами воинской дисциплины, изложенными въ особомъ военно-уголовномъ уставѣ, суровомъ до жестокости, достойной этихъ головорѣзовъ. Ихъ судили формальнымъ военнымъ судомъ и подвергали жестокимъ казнямъ, между прочимъ—прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами (прутьями и палками), даже до смерти. Вотъ эти-то наказанія перешли по наслѣдству въ прусскую армію, а изъ прусской въ русскую и долго, слишкомъ долго существовали въ послѣдней.

Какъ ни жестока была карательная система при Петрѣ I, но еще жесточе при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и ея лю-

бимцѣ Биронѣ. Объ его безчеловѣчныхъ казняхъ и всякаго рода карахъ страшно и вспомнить. Но исторія на вѣки записала ихъ кровавыми чертами на своихъ скрижаляхъ.

Императрица Елисавета Петровна, не смотря на свое легкомысліе и вовсе не жестокой нравъ, въ карательной системѣ малымъ чѣмъ уступала Бирону. Хотя она уничтожила смертную казнь, но сохранила иную, несравненно болѣе жестокою и безчеловѣчную — публичную, торговую казнь, съ урѣзаниемъ языка, кнутомъ и ссылкой въ отдаленную сѣверную Сибирь (какъ поступили, между прочимъ, надъ Лопухиными: мужемъ, женой и сыномъ, и со многими другими ¹⁾).

Екатерина II, въ первую половину своего царствованія являвшая себя передъ Россіей и особенно передъ западною Европой и ея философами — вольнолюбивою, великодушною и вроткою, втайнѣ была болѣе нежели сурова для своихъ враговъ въ своихъ наказаніяхъ. А во второй половинѣ своего царствованія и уже въ старости, сохраняя наружныя приличія, она втайнѣ карала, съ помощію учрежденной ею тайной канцеляріи и начальника ея Степана Шишковскаго. И казни, и вары ея, въ томъ числѣ и тѣлесныя, подъ наружнымъ видомъ законной справедливости, нерѣдко имѣли безчеловѣчный характеръ. И самъ прежній льстецъ ея, столько же зловѣчивый, сколько и корыстолюбивый, фернейскій философъ Вольтеръ такъ изобразилъ ее двумя стихами:

«Elle a le ciel dans ses yeux (т. е. голубые глаза)
Et l'enfer dans son cœur».

Павелъ I, положившій себѣ правиломъ разрушать все сдѣланное матерью его и вводить свои порядки, не уничтожилъ, однако, карательной системы ея, а, напротивъ, усилилъ ее явно и безгранично до такой степени, что время его царствованія, до извѣстной степени, напоминало времена Бирона. Что касается собственно войска, то главной заботой дѣятелей конца XVIII-го вѣка было выбить (буквально) признанную ими

¹⁾ См. «Les mémoires du Chevalier d'Еон», изд. въ Парижѣ послѣ июльской революціи 1830 года. См. также историческій очеркъ М. И. Семевакаго: Наталья Федоровна Лопухина, «Русскій Вѣстникъ», 1860 г. Кш. Н. Г.

распущенность временъ Екатерины II, особенно въ гвардіи. Будучи ярымъ поклонникомъ Фридриха II, короля прусскаго, прозваннаго философомъ и Великимъ, Павелъ Петровичъ, преобразовавъ русскую армію по прусскому образцу, ввелъ въ нее и суровую карательную систему послѣдней—тѣлесныхъ наказаній, до прогнанія сквозь строй шпицрутенами.

Преемникъ его, благодушный, но иногда двуличный, Александръ Павловичъ, смягчивъ многое изъ суровой карательной системы отца своего, къ немалому удивленію, не уничтожилъ тѣлесныхъ наказаній, но болѣею частію сохранилъ, въ томъ числѣ и прогнаніе сквозь строй въ войскѣ. А во второй половинѣ своего царствованія, ставъ подозрительнымъ, недоувѣрчивымъ, постоянно тревожимый мыслию о революціи въ Европѣ и Россіи, при всемъ своемъ благодушіи, сталъ слѣпымъ и глухимъ къ жестокимъ тѣлеснымъ карамъ въ Россіи, какъ въ народѣ, такъ и въ войскѣ, лишь для Польши и Финляндіи дѣлая исключенія.

Преемникъ его, Николай Павловичъ, восшедшій на престоль среди бунта части гвардіи, возбужденнаго государственными заговорщиками, на всю жизнь и царствованіе свое сохранилъ мрачное впечатлѣніе, произведенное на него этимъ мятежемъ. Притомъ, поставивъ себѣ образцами Петра I и Павла I, онъ усвоилъ себѣ и суровость ихъ дѣйствій въ отношеніи кары преступленій и преступниковъ, между прочимъ, тѣлесными наказаніями во всѣхъ видахъ, до прогнанія сквозь строй включительно. По понятіямъ многихъ, у власти стоявшихъ въ 1826—1855 гт., тѣ лица, военныя и гражданскія, которыя были палками и сѣкли розгами, послѣдними даже въ учебныхъ заведеніяхъ, снискивали себѣ извѣстность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ, а въ противномъ случаѣ—слабыхъ и ни къ чему не способныхъ и не годныхъ.

Все это продолжалось до 19-го февраля 1855 года, но, по милости Божіей, измѣнилось и уже въ первые восемь лѣтъ царствованія истинно-благодушнаго императора Александра II быстрыми шагами пошло къ ослабленію страшной карательной системы, и наконецъ 17-го апрѣля 1863 года послѣдовала все-радостная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, послѣ 623-ти-лѣтняго существованія ихъ на Руси!

Вообще предшественники и предшественницы Царя-Освободителя не рѣшались значительно ослабить примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, что въ XVII, XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣковъ, быть можетъ, обусловливалось бытіемъ въ Россіи крѣпостнаго права: кнутъ и палки — спутники неизмѣнные цѣпей раба. Обратимся къ болѣе частному разсмотрѣнію каждаго изъ періодовъ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

II.

Во время татарскаго владычества, при всей жестокости характера его, пристраивавшей отъ дикихъ азійскихъ завоевателей, послѣдніе являются мучителями русскихъ христіанъ, а эти—христіанскими мучениками, но вовсе не русскіе мучениками русскихъ. Между послѣдними продолжались княжескія междоусобія, кровопролитныя, разорительныя, нерѣдко соединенныя съ жестокостью, но то были войны русскихъ съ русскими, а не позорныя тѣлесныя кары ихъ, однихъ надъ другими. Правда, татарское иго принесло съ собою свои азійскія, жестокія кары и орудія, и нѣкоторымъ образомъ узаконило ихъ, съ ходомъ времени, на русской почвѣ. Но все же это было не русское, а татарское насажденіе, развратившее русскій народъ. Этотъ періодъ татарскаго ига былъ для христіанской Руси нѣкоторымъ образомъ подобенъ тремъ первымъ вѣкамъ христіанства, когда язычники Римской имперіи безчеловѣчно мучили своихъ же согражданъ христіанъ. И сколько у насъ при татарахъ было такихъ христіанскихъ мучениковъ и между русскими князьями, и именитыми людьми, и въ средѣ простаго народа! И это страдальчество за Христа отъ татаръ не превосходило тѣхъ страданій, которыя, съ ходомъ времени, русскому народу пришлось переносить уже отъ своихъ согражданъ-душевладѣльцевъ.

Въ 200 лѣтъ московскаго государства сохраненіе и развитіе тѣлесныхъ наказаній, принесенныхъ татарами, можетъ еще быть объяснено, если и не оправдано, тогдашнимъ политическимъ и общественнымъ состояніемъ Московскаго государства и русскаго народа, недостаточнымъ еще развитіемъ въ нихъ гражданственности и образованности, жестокостями такого царя,

какъ Іоаннъ Грозный, закрѣпленіемъ крестьянъ Борисомъ Годуновымъ, смутнымъ временемъ и даже многими обстоятельствами возрожденной Россіи при царяхъ Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ (даже этотъ „тишайшій“ царь однажды „указалъ нещадно бить батогами“—тогдашній официальный терминъ—переписчика царской грамоты, пропустившаго въ титулѣ названіе одного края, въ родѣ Югорскаго или тому подобнаго), и наконецъ—расколомъ, возникшимъ при послѣднемъ. Все это вмѣстѣ взятое поставило Россію, отрѣзанную отъ западной Европы, уже успѣвшей развить въ себѣ новѣйшую образованность, въ совершенно исключительное положеніе.

Но что сказать о томъ времени, когда Петръ I сблизилъ Россію съ западною Европою, вдвинулъ ее въ общую семью европейскихъ государствъ, всѣми мѣрами старался поставить ее на уровень съ ними и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ и даже усилилъ въ Россіи тѣлесныя наказанія, порожденныя татарскимъ игомъ и уже вовсе неприличныя для „европейской“ Россіи начала XVIII-го вѣка? Это было такое явное противорѣчіе, которое ни разъяснить, ни даже понять нельзя, развѣ только тѣмъ, что Петръ положилъ въ нѣсколько лѣтъ своей жизни насильственными мѣрами исполнить то, на что западно-европейскія государства употребили цѣлый рядъ вѣковъ. А потому, не смотря на введеніе Россіи въ общую семью государствъ Европы, въ послѣднихъ и тогда, и долго еще потомъ Россія считалась полу-азиатскою державою и даже болѣе азиатскою, чѣмъ европейскою. И долго еще потомъ слово „кнутъ“ было тѣсно соединено съ понятіемъ о Россіи,—и съ одной стороны это было вѣрно, потому что это позорное орудіе татарщины существовало въ Россіи почти до самой отмѣны въ ней тѣлесныхъ наказаній. А въ XV (I и XVIII вѣкахъ кнутъ, плети, батоги, палки, розги и тому подобныя орудія тѣлесныхъ наказаній имѣли на Руси полныя гражданскія права и даже существовалъ официальный терминъ „нещадно бить кнутомъ, или плетями, или батогами“.

Словомъ, какъ ни нарядилъ Петръ Россію въ европейскую одежду, а кнутъ и т. под. орудія измѣняли ей и обнаруживали Азію. И однако позорное пятно тѣлесныхъ наказаній лежало на русскомъ народѣ еще 138 лѣтъ—вотъ что удивительно!

Приведемъ нѣкоторые частныя примѣры тѣлесныхъ наказаній въ Россіи въ послѣднее столѣтіе до ихъ отмены.

Павелъ I, тотчасъ по смерти матери своей, ввелъ въ Петербургъ свои гатчинскія войска и распредѣлилъ ихъ по полкамъ гвардіи съ тѣмъ, чтобы, вмѣсто распушенности послѣднихъ во времена Екатерины, строго установить въ нихъ гатчинскіе порядки. Это строгое установленіе ихъ было соединено, конечно, съ строгими тѣлесными наказаніями. Между прочимъ, въ Преображенскомъ полку исполнить это было поручено Аракчееву. На первый смотръ этого полка онъ явился въ сопровожденіи цѣлаго обоза съ прутьями и палками, и съ праваго фланга до лѣваго перебилъ чуть не всѣхъ нижнихъ чиновъ, а штабъ и оберъ-офицеровъ отдалъ подъ опеку гатчинскихъ дядекъ. (Сообщено мнѣ однимъ современникомъ-старожиломъ, служившимъ въ гражданской службѣ, вынѣ уже давно умершимъ). Полки гвардіи при Екатеринѣ были дѣйствительно очень распушены, особенно офицерство, которое нѣсколько походило на французскихъ мушкетеровъ королевы (*mousquetaires de la Reine*); но уничтожить эту распушенность палками было средствомъ вполне Аракчеевскимъ.

Изъ временъ 1820-хъ годовъ приведемъ только одинъ примѣръ, но очень крупный—извѣстную Семеновскую исторію, происшедшую единственно отъ необыкновенной жестокости полковаго командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, ставленника Аракчеева, полковника Шварца, подлинно чернаго человека. Полкъ этотъ, шефомъ котораго былъ, съ самаго рожденія своего, императоръ Александръ Павловичъ, этотъ любимый полкъ его и едва-ли ни лучший изъ всей гвардіи, былъ до того жестоко истязуемъ Шварцемъ, что выведенъ изъ терпѣнія и, не бунтуя, искалъ только избавленія отъ жестокостей Шварца. Неудовольствіе быстро распространилось изъ роты въ роту и на весь полкъ — и послѣдствія того извѣстны. Этотъ прекрасный полкъ былъ въ полномъ составѣ раскассированъ и распредѣленъ по полкамъ арміи, по обвиненію въ бунтѣ и по подозрѣнію въ какой-то революціи—тогдашнему пугалу! И все это изъ-за чего? Изъ-за жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и истязаній Шварца, по вліянію все того же Аракчеева! А истязанія эти дѣйствительно приводили въ ужасъ, такъ что и

описывать ихъ страшно! И все это въ 1820 году, когда времена были далеко уже не тѣ, что въ XVIII вѣкѣ и въ началѣ XIX-го. Необыкновенное ослѣпленіе, имѣвшее вскорѣ печальныя послѣдствія.

Изъ временъ 1826—1854-хъ годовъ приведемъ также только одинъ примѣръ—по случаю дѣйствительнаго бунта, въ 1831 году, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ, созданіи опять того же Аракчеева—этого злобнаго генія временъ Павла I и Александра I. Жестокости его въ своихъ поселеніяхъ произвели уже открытый мятежъ, соединенный также съ крайними звѣрствами мятежниковъ. Но и подавленіе этого бунта и наказанія бунтовщиковъ были соединены съ не меньшею жестокостью всѣми возможными и невозможными тѣлесными наказаніями и истязаніями, до прогнанія сквозь строй до смерти, безъ всякой пощады.

А такихъ или подобныхъ примѣровъ съ 1826 до 1854 г. было и еще немало—въ заключеніе всей печальной исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Сверхъ приведенныхъ выше трехъ примѣровъ тѣлесныхъ наказаній у насъ въ Россіи съ 1796 г. до 1855 г., въ нашей печати съ этого послѣдняго года было сообщено немалое число свѣдѣній по этому же предмету, такъ что изъ нихъ могла-бы составиться цѣлая литература. Между прочимъ, въ ней можно отмѣтить одну любопытную черту—развитіе изъ общей системы тѣлесныхъ наказаній, какъ въ народѣ, такъ особенно въ войскѣ, цѣлаго разрада отдѣльныхъ лицъ, которыя либо по своему злостному характеру, либо просто по любви къ искусству были любителями и охотниками подраться. Изъ множества примѣровъ этого приведемъ нѣсколько.

Въ войнѣ 1813 г. въ Германіи, въ славномъ для насъ бою при Кульмѣ, командиромъ л.-гв. гренадерскаго полка былъ ген.-майоръ Желтухинъ, очень храбрый, но и очень злостный и жестокий. Въ бою, подъ непріятельскими ядрами, онъ оборачивался спиною къ непріятелю, а лицомъ къ полку, стоявшему на мѣстѣ, и солдатъ, кланявшихся ядрамъ, вызывалъ изъ фронта и наказывалъ въ два шомпола—тогда деревянные, позже желѣзные—съ двухъ сторонъ. Любопытная школа не кланяться ядрамъ!

Въ 1829 г., на двухстороннихъ маневрахъ гвардіи при м. Тульчинѣ, Подольской губ., солдаты обѣихъ сторонъ, сошедшихся, наконецъ, на близкое разстояніе, были такъ сильно воз-

буждены даже этимъ примѣрнымъ боемъ, что стали заряжать ружья землею, пескомъ и даже камушками. А одинъ солдатъ, второпяхъ, не успѣвъ вынуть изъ ружья шомполъ, выстрѣлилъ имъ въ противниковъ. Тотчасъ ударили отбой, приказали отыскать виновнаго и тутъ же передъ фронтомъ наказали его въ два шомпола, тогда уже желѣзные. Короткая расправа....

Изъ примѣровъ о любителяхъ-охотникахъ подраться можно привести два изъ 1820-хъ годовъ, а были такіе и прежде и послѣ.

Въ одномъ пѣхотномъ полку гвардіи былъ баталіонный командиръ, который на домашнихъ ученьяхъ, на полковомъ дворѣ, бывало, по любви къ искусству, переберетъ (или передеретъ) по нѣскольку солдатъ изъ каждой роты, а кончивъ ученье и уже уходя въ казарму, оборотится и, какъ будто вспомнивъ что-то, вызоветъ какого-нибудь солдата и, на прощанье, и его также переберетъ.

Про другаго баталіоннаго командира того же полка и въ подобномъ же родѣ—одинъ офицеръ этого полка спросилъ ротнаго фельдфебеля: «каковъ ихъ баталіонный командиръ?» и получилъ слѣдующій любопытный отвѣтъ: «Онъ, ваше благородіе, человекъ добрый, только никакого человеклюбія въ сердцѣ не содержитъ, никакихъ воскресностей не даетъ и заставляетъ насъ всѣ свои огорченія переносить!»—Превосходная характеристика, сдѣланная русскимъ солдатомъ, и не одному этому командиру, но и многomu множеству ему подобныхъ въ минувшія времена.

Изъ всего изложеннаго выше можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ.

1. Прежде всего и болѣе всего — въ христіанскомъ—тѣлесныя наказанія ничѣмъ не могутъ быть оправданы.

2. Со стороны общественныхъ отношеній — также никакого оправданія нѣтъ.—Обычай, ставшій закономъ? Это можно еще допустить во времена неразвита гражданственности и образованности, какъ во времена Московскаго государства, но въ XVIII-мъ и особенно въ XIX-мъ вѣкахъ, когда Россія стояла уже въ семьѣ образованныхъ европейскихъ государствъ—это было уже просто

немыслимо, какъ немислимы наказанія временъ и народовъ варварскихъ во времена всеобщей образованности. Приведемъ по этому поводу два стиха Буалò:

«Le temps, qui change tout, change aussi notre humeur,
Chaque âge a ses plaisirs, son esprit et ses mœurs».

Что Буалò относилъ къ возрастамъ людей, точно тоже относится и къ возрастамъ человѣческихъ обществъ: приличное одному—неприлично другимъ, позднѣйшимъ и болѣе развитымъ.

3. Въ нравственномъ отношеніи также ни малѣйшаго оправданія это не можетъ имѣть и не имѣетъ, по той простой причинѣ, что тѣлесныя наказанія въ высшей степени имѣютъ пагубное, развращающее вліяніе и дѣйствіе.

4. Въ физическомъ отношеніи они всего болѣе вредны. Тѣлесныя наказанія исполнялись надъ человѣческою спиною, а она, въ тѣсномъ соединеніи съ грудью и животомъ, составляетъ съ ними одну общую систему тѣлесныхъ органовъ здоровья и жизни тѣла человѣческаго. Истязаніе спины отражается на органахъ груди и живота и нарушаетъ условія здороваго состоянія ихъ и всего тѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ пагубно вліяютъ и на продолжительность жизни.

Если эти истязанія не прекращали разомъ человѣческой жизни или не сокращали ее болѣе или менѣе, то во всякомъ случаѣ даже до глубокой старости оставляли тяжкіе и прискорбные слѣды.

По этому поводу приведу одинъ примѣръ: однажды зимою, вечеромъ, въ одинъ изъ 1850-хъ годовъ, случилось мнѣ съ однимъ пріателемъ ѣхать на извозникѣ. У подъѣзда одного дома пріятель мой вышелъ на короткое время для справки, а я, оставшись въ саняхъ, замѣтилъ, что извозникъ часто передергиваетъ плечами и спиной. Думая, что онъ озябъ, я спросилъ его: «Тебѣ холодно?» — Что же я услышалъ? «Больно бить былъ, ваше благородіе!»—Но какимъ тономъ онъ произнесъ эти слова — я не могу выразить! это было выраженіе глубокихъ горя и скорби, нашедшее и на меня невыразимую грусть. Оказалось, что это былъ старый отставной солдатъ, можетъ быть прослужившій 25 лѣтъ—и 25 лѣтъ больно битый. — Вотъ что значитъ битье палками по человѣческой спинѣ.

Но, слава Богу, «что было, то давно прошло и того не будет впереди!» по милости императора Александра-Освободителя, которому за то вѣчная благодарность русскаго народа!

17-го апрѣля сего 1890 г. исполнится 27 лѣтъ со времени отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. По поводу этого считаю полезнымъ нынѣ вкратцѣ напомнить о ходѣ этого дѣла съ 1861 г. Въ апрѣлѣ этого года, покойный Императоръ Александръ Николаевичъ, вручивъ статсъ-секретарю графу Блудову представленную Его Величеству генералъ-адъютантомъ княземъ Н. А. Орловымъ записку объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, Высочайше повелѣлъ обратить эту записку на обсужденіе комитета, учрежденнаго при Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи, для разсмотрѣнія новаго воинскаго устава о наказаніяхъ. Комитетъ, по обсужденіи записки князя Орлова, въ связи съ обсужденіемъ воинскаго устава и потребностей времени, арміи, флота и гражданскаго вѣдомства, журналомъ своимъ въ маѣ 1861 г. постановилъ представить Государю свои соображенія объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россійской имперіи и Царствѣ Польскомъ, и о замѣнѣ ихъ судебно-карательными мѣрами. Государь утвердилъ это постановленіе комитета — и 17 апрѣля 1863 г. было объявлено во всеобщее свѣдѣніе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Имперіи и Царствѣ. Что касается записки князя Н. А. Орлова, послужившей первымъ началомъ обсужденія и затѣмъ отмѣны тѣлесныхъ наказаній, то она, по основательности мыслей и глубинѣ патриотическихъ чувствъ, изложенныхъ въ ней, заслуживаетъ всякой хвалы и одобренія и достойна глубокой благодарности русскаго народа — памяти князя Николая Алексѣевича Орлова.

Записка покойнаго кн. Н. А. Орлова объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи — напечатана имъ самимъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1881-го года, томъ XXXI, стр. 75—102.

Князь Н. С. Голицынъ.

19-го февраля 1890 г.

На страстной недѣлѣ.

Женихъ въ полуночи грядеть!
 Но гдѣ-же рабъ Его блаженный,
 Кого Онъ блящаго найдетъ?
 И кто съ лампадою возженной
 На брачный пиръ войдетъ за Нимъ?
 Въ кожѣ свѣта тьма не поглотила?

О, да исправится, какъ дымъ
 Благоуханнаго каддила
 Моя молитва предъ Тобой!
 Я съ безутѣшною тоской
 Въ слезахъзираю падалека
 И своего не смѣю ока
 Водѣтъ къ чертогу Твоему.
 Гдѣ одѣяніе возьму?

О Боже! просвѣти одежду
 Души истерзанной моеи,
 Дай на спасенье мнѣ надежду
 Во дни святыхъ Твоихъ Страстей
 Услышь, Господь, мои моленья
 И тайной вечера Твоеи,
 И всечестнаго омовенья
 Приими причастника меня.
 Врагамъ не выдамъ тайны я,
 Воспоминуть не дамъ Іуду
 Тебѣ въ лобаніи моеи, —
 Но за разбойникомъ я буду
 Передъ святымъ Твоимъ крестомъ
 Взывать колѣнопреклонный:

О помани, Творецъ вселенной,
 Меня во царствіи Твоемъ!

С.-Петербургъ.
 Страстная Среда.
 1887.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

ОСАЖДЕННЫЙ СЕВАСТОПОЛЬ

въ письмахъ убитаго офицера

1853—1855.

Полѣщая вслѣдъ за симъ письма лейтенанта Комстадіуса, умершаго отъ ранъ, полученныхъ при защитѣ Севастополя, предпосылаемъ біографическія о немъ свѣдѣнія, сообщенныя намъ его сестрой, Анной Карловной Дмитриевой, рожденной Комстадіусъ.

Августъ Карловичъ Комстадіусъ родился въ 1826 году, въ деревнѣ Дарьевкѣ, воелѣ Херсона. По окончаніи гимназическаго курса въ Херсонской гимназіи, онъ готовился къ морской службѣ въ городѣ Николаевѣ. Гардемаринномъ плавалъ въ Черномъ морѣ на фрегатѣ «Адрианополь», подъ командой Ф. И. Ратча. Въ апрѣлѣ 1842 года, въ числѣ другихъ гардемаринновъ, былъ отправленъ въ Кронштадтъ, служилъ тамъ въ 1-мъ учебномъ экипажѣ, подъ начальствомъ Курлова. Спустя полтора года, былъ произведенъ въ мичмана, поступилъ въ 11-й экипажъ, плавалъ по портамъ Балтійскаго моря. Въ 1848 г. служилъ на бригѣ молодаго Дурасова. Въ 1849 году перешелъ въ Черноморскій флотъ, чтобы быть ближе къ роднымъ. Въ Черномъ морѣ крейсировалъ у береговъ Кавказа на корветѣ «Андромаха», подъ начальствомъ Винке, а впоследствии Верпаховскаго. Последнее время служилъ на кораблѣ «Уриилѣ». Въ Балтійскомъ флотѣ, какъ и въ Черноморскомъ, былъ экипажнымъ адъютантомъ (казначеемъ).

Отецъ Комстадіуса служилъ въ артиллеріи, вышелъ въ отставку въ чинѣ поручика, жилъ въ имѣніи своемъ Дарьевкѣ, воелѣ Херсона, служилъ по выборамъ херсонскаго дворянства въ Херсонѣ, гдѣ братъ его былъ губернаторомъ. Съ 1820 года по 1835 годъ былъ избираемъ кандидатомъ на должности предводителя и былъ предводителемъ дворянства.

Мать Комстадіуса была урожденная Альбрантъ. Отецъ ея, эмигрантъ французскій, принялъ подданство русское въ 1812 году. Ея братъ, генералъ Альбрантъ, былъ однимъ изъ героевъ Кавказа.

Возвращаясь изъ Одессы, послѣ леченія, въ Севастополь, братъ мой проѣзжалъ черезъ Дарьевку; состояніе его здоровья могло быть исполнѣ основательной причиной ему остаться дома, онъ не считалъ это возможнымъ и свѣшилъ въ Севастополь.

Сколько я знала моего брата, всегда убѣждалась, что правда и любовь къ ближнему неизмѣнно направляли его поступки, также какъ слышались въ его рѣчи.

А. Е. Дмитриева, рожд. Комстадіусъ.

I.

3-е декабря 1853 года.

Севастополь еще не пришелъ въ себя отъ Синопской побѣды; все еще не вѣришь, чтобы можно было такъ блистательно и въ то же время благополучно выйти изъ такого жаркаго дѣла, въ какомъ былъ нашъ флотъ. Я уже писалъ вамъ, что убиты одинъ офицеръ и 37 матросовъ; правда, корабли были сильно повреждены и, какъ выразился Ергомышевъ (командиръ корабля «Великій Князь Константинъ») въ своемъ представленіи къ Нахимову: «Побѣдивъ непріятеля, намъ предстояло еще побѣдить большое затрудненіе: поставить избитый корабль, въ короткое время, въ такое положеніе, чтобы онъ могъ переплыть все Черное море, въ эту бурную пору; но Богъ помогъ намъ; попутный вѣтеръ, самымъ благополучнымъ образомъ, довелъ обезмачтованные корабли до Севастополя. Видно, наше дѣло правое, и, вынужденный воевать, государь съ полной душевной вѣрой заставилъ всю Россію повторить за нимъ молитву: «Господи, на Тя уповаемъ, да не посрамимся во вѣки». Вамъ словесно передать все о синопскомъ сраженіи С.....о, со всѣми блестящими, великодушными, храбрыми, благородными поступками и словами Нахимова. Въ это позднее время, несмотря на бурныя погоды и на то, что корабли ломались отъ постоянной сильной качки, онъ упорно крейсировалъ 40 дней, выжидая непріятеля, и снялъ съ себя теплую рубашку, чтобы имѣть право требовать исполненія обязанности отъ команды своей эскадры, которая почти не знала подъ конецъ, что значить сухая одежда, дрожала отъ холода, но не роптала, видя примѣръ въ начальникѣ, который писалъ въ интендантство: «Я снялъ съ себя теплую рубаху и не надѣну ее пока вы не одѣнете моей команды».

Во время дѣла Ергомышевъ увидѣлъ, что непріятельскія ядра направлены на корабль «Цесаревна Марія», на которомъ сидѣлъ Нахимовъ, и замѣчая, что корабль «Марія» сильно страдаетъ, помѣстился съ своимъ кораблемъ такъ, что прикрылъ корабль «Марія» отъ большей части батарей и тѣмъ спасъ его. Нахимовъ, пріѣхавъ на корабль «Константинъ», взялъ за руку Ергомышева и сказалъ: «Отнынѣ я считаю васъ другомъ моимъ»; потомъ, обратившись къ офицерамъ, сказалъ: «Благодарю, храбрые офицеры» и командѣ сказалъ, что никто не сравнится съ нею въ храбрости.

Всѣ приказы Нахимова исполнены простоты и благородства. Надняхъ онъ устраиваетъ благодарственное молебствіе на могилѣ Лазарева. Здѣсь очень холодно, а корабли, оставленные для защиты Севастополя, стоятъ на рейдѣ. Плохо морякамъ. Соединенный англо-

французскій флотъ, говорятъ, плаваетъ по Черному морю въ числѣ 27-ми кораблей, кромѣ парашововъ; но едва ли какое нибудь дѣло предстоитъ намъ, морякамъ, потому что они не рѣшатся идти въ Севастополь, чтобы не дать намъ возможность побить ихъ. Въ нѣсколько минутъ взлетѣвшіе на воздухъ турецкіе фрегаты показали имъ совершенство нашей артиллеріи. Этихъ 27-ми кораблей будетъ мало для воинственнаго жара, который развитъ теперь у насъ во флотѣ, подвѣржаемаго ненавистью къ англичанамъ.

Мнѣ очень жаль, что я не могу вамъ прислать приказовъ Нахимова, отданныхъ имъ до битвы и послѣ битвы; въ нихъ такой опытъ и знаніе дѣла, что для моряка они должны имѣть цѣну науки. Въ Севастополѣ много говорятъ о Ергомышевѣ и о наградахъ, которыя его ожидаютъ.

Но, вспоминая наши прежнія морскія войны, что мы видимъ? — Напримѣръ: Колтовской, который показалъ чудеса храбрости и военной находчивости, котораго государь цѣловалъ, за которымъ народъ бѣгалъ, чтобы видѣть героя турецкой кампаніи, Вукотичъ, etc. etc. Теперь едва ли, не говорю Россія, но десятая часть флота знаетъ объ ихъ подвигахъ. Но до меня это не касается, я убѣжденъ, что въ случаѣ войны, я, какъ Заруцкій, промарширую тихимъ учебнымъ шагомъ подъ пѣсню ядереъ и, какъ пророкъ Ілія, вознесусь на небо, только на пороховомъ ящикѣ. Но мнѣ все же жаль изъ-за войны утратить предстоявшую мнѣ заграничную кампанію, и жаль подумать, что во-время я не могу предвидѣть возможности для себя принести пользу, такъ какъ я на кораблѣ такая далекая спица въ колесницѣ, что шумъ побѣды и славы будетъ только доходить до меня, не касаясь меня.

27-е апрѣля 1854 года.

Сегодня было освященіе Волоховой башни; эта башня врыта въ землю и вооружена 8-ю большими орудіями; она неприступна — неприятельское ядро не можетъ попасть въ нее, несмотря на то, что она владѣетъ мѣстностью на огромное пространство.

Эта башня сочинена Наполеономъ, а Севастополю пожертвована Волоховымъ. Теперь дула орудій окаймляютъ всѣ оконечности Севастополя. Англійскіе парашовы, дѣлая промѣры, подходили къ Балаклавѣ. Когда бы они скорѣе принялись за дѣло рѣшительное. Дай Богъ, чтобы мы могли оправдать увѣренность Россіи въ свое непобѣдимое воинство и доказать преданность и повиновеніе мудрости и воли нашего царя. Никогда чувство обожанія къ царю не было такъ сильно въ сердцѣ моемъ, какъ теперь. На-дняхъ пришелъ къ Зорину

мужикъ изъ Козлова съ просьбою, чтобы Зоринъ способствовалъ принятію его на службу. Чтобы испытать его, Зоринъ сталъ ему описывать бѣдствія войны, онъ отвѣчалъ: «Знаю, ваше высокоблагородіе; но, буду ли я раненъ, убьютъ ли меня, все же, можетъ быть, милость Божія направить штыкъ мой въ грудь хоть одного англичанина». Не даромъ государь сказалъ: что «у него милліонъ войска, прикажетъ—будетъ два, попроситъ—будетъ три».

Свистать на ученье, къ пушкамъ, а я только что воротился съ береговаго ученья. Съ нѣкотораго времени дожди здѣсь идутъ тропическіе.

Августа 1854 года.

Приказомъ, недавно изданнымъ Корниловымъ, онъ благодаритъ флотъ за доведеніе кораблей до совершенства, и нашъ корабль вступилъ въ число ученыхъ. Нельзя не удивляться, чему только не способенъ нашъ матросъ, и никогда понятливость его не была такъ развита, какъ теперь; причиною этому служить желаніе разбить англичанъ, которымъ они воодушевлены. Для пальбы въ цѣль изъ штуцеровъ, я на щитѣ нарисовалъ англичанина, они воображеніемъ оживляютъ его и не могутъ пройти мимо, чтобы не погрозить штыкомъ или не ругнуть.

Теперь все затихло, какъ будто въ ожиданіи чего-то рѣшительнаго. Мы въ полной готовности встрѣтить десантъ, и теперь еще наши команды воздвигаютъ новую батарею. Вобанъ хотя и сказалъ, что нѣтъ крѣпости, которую нельзя было бы взять, но желалъ бы я посмотреть, какъ онъ достигъ бы этого въ Севастополѣ. Откуда берутся люди, чтобы занять все количество орудій, которыми обставленъ нашъ рейдъ.

Я, наконецъ, получилъ изъ Тулы пистолеты и каждый день упражняюсь въ стрѣльбѣ въ цѣль; довольно порядочно попадаю; тѣмъ болѣе непріятель медлитъ, тѣмъ болѣе опасности предстоитъ ему встрѣтить.

Какъ мнѣ досадно, что письма брата такъ коротки; гдѣ же писать какъ не на Дунаѣ, куда обращены взоры всей Европы и куда сконцентрировала Европа свою военную выставку.

7-е сентября 1854 года.

Я теперь нахожусь въ батальонѣ, который ходитъ черезъ день въ цѣпь на сѣверную сторону по берегу до Бельбека, и я поэтому вкусилъ удовольствіе бессонныхъ бивуачныхъ ночей, и право весело, какъ-то особенно легко на душѣ. Правда, мы были далеко отъ опасности, но нашъ постъ былъ засадою на случай неожиданной ночной

вылазки англичанъ на берегъ и поэтому мы должны были не дремать, да и какъ было дремать намъ, жаждущимъ увидѣть непріятеля; разговорамъ, шуткамъ, смѣху не было конца. Только что пришло извѣстіе, что непріятель тронулся съ мѣста и двинулся берегомъ къ Севастополю; значить—скоро должно завязаться дѣло. Голодь и жажда, вѣроятно, заставили двинуться непріятеля, не дождавшись подкрѣпленія, за которымъ онъ послалъ. Но какъ повоенъ Севастополь; на это спокойствіе способна только Россія, увѣренная въ мудрость и великодушіе своего государя.

Только что я получилъ приказъ быть въ полной готовности отправиться съ баталіономъ въ дѣйствующую армію, которая стоитъ въ 30-ти верстахъ отъ Севастополя. Вы не можете себѣ представить какъ, послѣ долгаго ожиданія, этотъ приказъ обрадовалъ меня; я боюсь только, чтобы не нашлось препятствій къ его осуществленію, потому что это желаніе Меншикова, противъ котораго Корниловъ возстаетъ. Вы, я думаю, знаете уже, что неперечетный лѣсъ кораблей перевезъ къ намъ непріятельское войско, съ кавалеріей и крѣпостными орудіями. Не вѣришь своимъ глазамъ, что подобная армія могла высадиться на бесплодныя и безводныя окрестности Севастополя. Меншиковъ теперь боится, чтобы они не одумались и не возвратились домой, потому что его позиція, которой онъ окружилъ непріятеля, непобѣдимая. Меншиковъ съ нею не двинется и будетъ ждать, чтобы французы его атаковали. Имъ же невозможно достигнуть Севастополя, минуя его, и наднахъ должна разыгратъ еще небывалая битва. Плохо намъ дрогнуть—отдадимъ въ ихъ руки Севастополь; подадутся же они назадъ — они погибли, — Черное море зазоетъ слѣдъ ихъ отважнаго предпріятія. Казаки наши понемногу поддавливаютъ плѣнныхъ. Вчера казаки сожгли у непріятеля все сѣно, привезенное изъ Англіи; это, я думаю, заставитъ ихъ призадуматься. Голодные взятые въ плѣнъ зуавы просятся къ намъ въ службу, увѣрая, что будутъ очень рады бить французовъ. Ревельоти сжегъ свое имѣніе, куда высадились непріятельскія войска. Непріятель на каждомъ шагу встрѣтитъ московскіе пожары и алацкіе взрывы; плохо имъ придется на нашей землѣ. Господи, прости мнѣ мою гордость! Но это увѣренность въ царя и въ святой промыслъ.

Недавно былъ балъ; на балѣ веселились очень много, а завтра можетъ быть будетъ кровопролитное дѣло. Сегодня вторникъ, почта же идетъ въ пятницу; я, конечно, не буду имѣть времени писать вамъ. Теперь, когда пріѣду въ отпускъ, то увѣренъ, что не наведу на васъ тоски своей тоской,—мнѣ весело. Отправляю письмо; досадно будетъ, если мое ожиданіе выйти въ поле не сбудется; тогда мнѣ и совѣмъ

не придется участвовать въ защитѣ Севастополя. Я увѣренъ, что вы благословляете меня въ эту минуту, и потому иду съ полной увѣренностью на счастье.

5-е октября 1854 года.

Вы, вѣроятно, прошлую почту получили письмо отъ Л. А.¹⁾ и знаете, что мы всѣ совершенно здоровы, что непріятель по прежнему вокругъ Севастополя занимается воздѣлываніемъ виноградниковъ, изрѣдка встрѣчая нашихъ охотниковъ, и ежели штуцерная пуля не остановить его, то, надо отдать справедливость, ловко убѣгаетъ, что до невѣроятности бѣситъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, которые не перестаютъ жаловаться на нашу одежду и обувь, дѣйствительно очень тяжелыя въ сравненіи съ одеждой и обувью непріятели, не иначе являющагося въ дѣло какъ въ курточкѣ и башмакахъ. Но непріятель, между прочимъ, сталъ себя оканывать и воздвигать тоже батареи противъ нашихъ. Хотя бы вы издали прислушались къ грохоту, съ которымъ мы сегодня разбивали ядрами и бомбами непріятельскія стѣны. Гулъ ста или двухсотъ орудій уже не дѣйствуетъ на насъ оглушительно; мы привыкли къ пальбѣ, и сегодняшняя бомбардировка сливалась съ общимъ шумомъ или, скорѣй, съ общей тишиной. Не проходило минуты безъ выстрѣла пушечнаго, но мы уже свыкли и не слышимъ. Особенныхъ дѣлъ еще не было никакихъ, исключая отдѣльныхъ отвагъ охотниковъ, которые выходятъ по 10-ти или по 20-ти человѣкъ ночью или даже днемъ тревожить непріятели ружейными выстрѣлами. Въ Севастополѣ ждутъ пріѣзда великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича; ихъ присутствіе будетъ превосходно дѣйствовать на нашихъ солдатъ и вообще на войско, тѣмъ болѣе, что намъ предстоитъ большое кровопролитіе, которое на долгое время удобритъ бесплодными окрестности Севастополя. Непріятель еще не бросалъ бомбъ въ городъ; по словамъ плѣнныхъ, у англичанъ и у французовъ на этотъ счетъ возникло разногласіе: англичане хотятъ во что бы то ни стало разрушить Севастополь, а французы будто бы этого не желаютъ; впрочемъ, плѣнные говорятъ пустяки, вѣрить имъ невозможно, въ особенности французамъ, которые, даже плѣнные, не обходятся безъ каламбуровъ. La Gondie, на вопросъ Меншикова: какъ его зовутъ, подалъ свою карточку и переважно сказалъ: «Pas même une égratignure de sabre, mon Dieu, que diront les journeaux!» Одинъ солдатъ, на вопросъ ка-

¹⁾ Ергомышевъ, который 5-го октября былъ сильно контуженъ. Контузія совершенно разстроила его здоровье. Ергомышевъ былъ женатъ на сестрѣ Л. К.

нимъ образомъ онъ попался, отвѣчалъ: «Je sougis après une oie, et j'attrapai un canard, mais, mon général, ce pays me plait, je veux m'y établir». Больше всѣхъ изъ нашихъ отличаются пластуны; это пѣшіе казаки, которые получили свое названіе оттого, что дѣйствуютъ въ одиночку, ползкомъ, скрываясь за каждымъ кустикомъ, бугоркомъ etc. Они потомки запорожцевъ, носятъ черный костюмъ. Недавно нѣсколько изъ нихъ пробрались въ непріятельскій лагерь и, увидя кучку французовъ, варившихъ кашу, усѣлись между ними; разумѣется, испуганные французы пустились бѣжать, но не далеко убѣжали, потому что пластуны ихъ перекололи, а кашу принесли съ собой. Корфъ отнялъ у непріятели 4,000 штукъ свѣта, что, конечно, посадило ихъ на экваторъ. Плѣнные ужасно жалуются на недостатокъ пищи, въ особенности теплой, а галеты ихъ удивительно не хороши; а иначе думалъ объ англійскихъ заготовленіяхъ.

Помните, я вамъ писалъ, что стою на Малаховомъ курганѣ; теперь насъ поставили на бульварѣ. Если бы это было немного ранѣе и при другихъ условіяхъ, мы были бы очень довольны нашей стоянкой, теперь же мы не замѣчаемъ красоты развернутыхъ передъ нами картинъ, а все боимся, чтобы дождь не принялъ насъ за деревья и не сталъ бы о насъ заботиться. Густыя облака уже нѣсколько дней покрываютъ небо, которое еще не рѣшается обидѣть насъ, лишенныхъ крова, но рано или поздно, конечно, выйдетъ изъ терпѣнія и накажетъ насъ за безпечность. Желалъ бы очень въ будущемъ письмѣ сообщить вамъ что-нибудь болѣе пріятное. Пишите, безъ писемъ вашихъ тоска.

7-е октября 1854 года.

Какъ я счастливъ, что видѣлъ брата!

Положеніе Севастополя не такъ дурно, какъ вы полагаете; непріятель приступилъ къ бомбардированію и вотъ уже третій день какъ мы прислушиваемся къ полету непріятельскихъ бомбъ. Я до сихъ поръ здоровъ. На-дняхъ Меншиковъ начнетъ дѣйствовать наступательно. Это, дастъ Богъ, облегчитъ наше положеніе.

26-е октября 1854 г.

(Похоронивши брата, павшаго въ Инкерманскомъ сраженіи).

Благодаря Бога, я до этихъ поръ даже не раненъ.

12-е ноября 1854 г.

Я до этихъ поръ совершенно здоровъ. Непріятель все ближе поды наши батареи ведетъ свои саперныя работы и прекратилъ совершенно пальбу, мы же смотримъ на его работы и изрѣдка пострѣливаемъ.

Вотъ все, что я могу вамъ сказать о настоящемъ, а будущее такъ темно и невѣдомо, что намъ остается молиться, чтобы Богъ не оставлялъ до сихъ поръ сберегаемую Имъ Россію. Господи, помоги намъ побѣдить врага!

14-е декабря 1854 г.

Я все нахожусь на 4-мъ бастионѣ, но уже командиромъ праваго фаса. Бомбардировка стала немного живѣе, но новаго нѣтъ ничего. Мы ждемъ войско, чтобы начать полевую войну. Каждый день къ намъ перебѣгаетъ человекъ до 20-ти неприятеля, жалующихся на тяжелое положеніе войска. Ежели не будете получать отъ меня писемъ каждую почту, пожалуйста, не беспокойтесь: не всегда можно найти время писать. Володя, Орестъ, Викторъ ¹⁾ здоровы. Орестъ не перестаетъ смѣшнить. Нахимовъ спрашивалъ о здоровьѣ Ергомышева. Если буду живъ, то въ слѣдующую (почту) опишу вамъ подробно все, что здѣсь дѣлается, теперь некогда. Не забывайте васъ любящаго сына и брата.

16-е декабря 1854 г.

Тороплюсь вамъ сказать нѣсколько словъ. Изъ того, что я пишу, вы можете заключить, что я, благодаря Бога, здоровъ и продолжаю на 4-мъ бастионѣ переговариваться съ неприятелемъ съ помощью мортиръ; но теперь положеніе наше на бастионѣ очень облегчено уже тѣмъ, что намъ приходится дежурить черезъ день. Я вамъ писалъ, что намъ сдѣлали погребъ, въ немъ надежнѣе отъ неприятельскихъ выстрѣловъ, также въ свободныя минуты есть мѣсто, куда можно укрыться и даже отдохнуть. Неприятель продолжаетъ работать дни и ночи съ цѣлью приблизиться къ намъ, а мы осыпаемъ его бомбами etc, и, кажется, не мало приносимъ ему вреда. Я угостилъ его залпомъ, отъ котораго, надѣюсь, ему не поздоровилось. Представьте себѣ картину: въ одну секунду 160 гранатъ разной величины завизжали въ воздухъ, и музыку, которую они должны были произвести въ неприятельской траншеѣ своимъ разрывомъ. Къ какому концу приведетъ война, одинъ Богъ знаетъ! Мы ждемъ со дня на день новаго войска, и, говорятъ, Меншиковъ самъ хочетъ начать наступательную войну. Видите, неприятель отложилъ намѣреніе дѣлать высадку въ Перекопъ; я вамъ говорилъ, что онъ не имѣетъ достаточно войска, чтобы раздѣлать свои силы. Но Богъ поможетъ намъ изгнать враговъ нашей дорогой Россіи. Я не знаю рѣшительно ничего о томъ, что дѣлается въ мірѣ политическомъ, приказовъ тоже не читаю. Володя, Орестъ,

¹⁾ Богдановичи.

Викторъ здоровы, Дровецкій еще на пароходѣ, но хочетъ просить, чтобы его назначили на батарею, но между тѣмъ онъ уже получилъ Анну съ бантомъ. Сколько офицеровъ въ десятеро меньше меня участвовавшихъ въ дѣлѣ получили награды; говорю, право, безъ зависти, но не могу не удивляться судьбѣ.

31-е декабря 1854 г.

Все же ни слова отъ васъ, и даже сестры какъ будто забыли обо мнѣ, что это значить? Не можетъ быть, чтобы въ продолженіе мѣсяца даже одно письмо не могло бы проскочить сквозь мошенничество почтмейстеровъ; не боленъ-ли ктонибудь? Ради Бога, нѣсколько строчекъ о вашемъ и всѣхъ здоровьѣ. Вы не можете повѣрить, какъ ваше молчаніе увеличиваетъ тягость жизни, т. е. такой, какую мы ведемъ на нашихъ бастионахъ: сырость, штуцера, бомбы.... Въ Севастополѣ все идетъ по прежнему; на-дняхъ готовится вылазка. Сегодня пришелъ одинъ англичанинъ и объявилъ, что ихъ войско до того изнурено, работами, службою, что съ однимъ батальономъ можно овладѣть всѣми непріятельскими батареями.

4-е января 1855 года.

Великіе князья въ Севастополѣ; имъ тоже приходится переносить разныя неудобства; они заѣхали на батарею къ одному изъ нашихъ офицеровъ и съ удовольствіемъ выпили очень дурнаго кофе и закусили хлѣбомъ съ колбасой.

Тотлебенъ крѣпко боленъ; боятся воспаленія мозга.

Я встрѣтилъ Новый годъ у Старченковыхъ; такъ было весело, что всѣ забыли объ осадномъ положеніи; тамъ собралось нѣсколько человѣкъ, всѣхъ родовъ оружія и состоянія. Теперь на Севастополѣ сильно начинаетъ выказываться осадное положеніе,—очень мало домовъ, сохранившихъ свой прежній видъ, всѣ повреждены бомбами, или засадами; въ домѣ, гдѣ жила сестра, стоитъ постой изъ матросовъ съ ближайшей батареи. Вчера былъ приказъ Савена: «желая сбить непріятельскія батареи, рекомендую господамъ батарейнымъ командирамъ сосредоточить орудія въ назначенныхъ направленіяхъ». Не понимаю, въ чему можетъ служить этотъ приказъ; теперь не только трудно, но невозможно сбивать батареи, такъ какъ земля замерзла, и также необходимо двинуть войско, а по этому снѣгу нѣтъ возможности двигать не только артиллерію, но даже пѣхоту; впрочемъ, вѣроятно, приказъ будетъ отмѣненъ.

Вотъ вамъ всѣ новости, касающіяся Севастополя; пока еще онъ не дуренъ, но чего должны мы ожидать весной? Ужасно: поля усыяны трунами людей и животныхъ. Благодарю васъ, цѣлую ваши ручки

за письма, я уже былъ въ отчаяннѣ. Какъ-то были похороны мичмана Мессера, братъ горько плакалъ, отецъ же спокойно шелъ за гробомъ и, наконецъ, сказалъ сыну: «не грѣхъ-ли тебѣ плакать, развѣ ты не понимаешь за какое святое дѣло онъ легъ, ежелибы и ты былъ убитъ, я жалѣлъ бы объ одномъ, что не имѣю еще сына, который занялъ бы ваше мѣсто въ рядахъ». Это въ духѣ времени, въ духѣ русскою.

Слава Богу, сегодня получилъ я ваше письмо еще отъ 12-го декабря; если и мои письма идутъ такъ долго, то чтѣ вы передумаете! Я же пишу вамъ каждую почту. Дороги, говорятъ, такъ нехороши, что одиннадцать почтъ остановились въ Перекопѣ, не имѣя возможности двинуться. Здѣсь станціи уже не существуютъ,—нѣтъ возможности поддержать ее при страшныхъ дорогахъ; запасовъ корма для лошадей нѣтъ нигдѣ. Воловая подвода отъ Севастополя до Симферополя стоитъ 20 руб. Не удивительно: отъ послѣднихъ чиселъ октября до этихъ поръ не прекращались дожди, теперь же свѣтъ выпалъ такой, что любой англичанинъ зароется въ немъ съ головой; въ добавокъ, сегодня свѣжій, сѣверный вѣтеръ съ порядочнымъ морозомъ. Ежели люди встаютъ противъ насъ, то Богъ за насъ: въ первый морозъ, который доходилъ всего до 3-хъ градусовъ, къ намъ перебѣжало нѣсколько человѣкъ, даже съ отмороженными носами, а по сказанію ихъ, у непріятеля до 800 человѣкъ отморожило ноги, такъ что 170-ти надо ихъ отрѣзать. Положеніе непріятеля ужасное, наши пользуются холодами и дѣлаютъ каждую ночь вылазки въ непріятельскія траншеи; это совершенно варооломеевскія ночи: замерзшіе непріятели не въ состояніи защищаться, а ихъ въ это время горами наваливаютъ наши матросики. Рассказываютъ, что во время этихъ вылазокъ они стоятъ и плачутъ; тѣхъ же, которые получили болѣе легкія раны, берутъ въ плѣнъ, и надобно видѣть, что это за несчастный народъ, и какъ они рады, когда попадаютъ въ наши руки.

Капроберъ писалъ Меншикову, просилъ укротить звѣрство нашихъ солдатъ, а между тѣмъ взглянулъ бы онъ на то, что дѣлается у него. Представьте себѣ, что непріятель завали своихъ траншей утопцаетъ трупами нашихъ, ежели, какимъ нибудь образомъ, они остаются въ ихъ рукахъ. Я видѣлъ самъ, какъ они положили пять труповъ на наружную сторону своего завала. Между тѣмъ англичане выдумываютъ всевозможные теплые костюмы. Надняхъ прибѣжалъ одинъ англичанинъ въ теплой мѣховой шапкѣ, въ родѣ шапокъ Наполеоновской гвардіи, въ тепломъ бѣльѣ, сверхъ котораго было на немъ надѣто два теплыхъ пальто, замшевые сапоги выше колѣнъ, а сверхъ всего—пальто гуттаперчевое съ капিশономъ. Такимъ образомъ у

нихъ одѣто 500 человекъ вновь присланныхъ артиллеристовъ. Когда его спросили, почему онъ перешелъ, онъ сказалъ: «вся армія ждетъ полшубковъ, чтобы бѣжать, потому что знаютъ, что въ Россіи холодно».

Удивительная война: воетъ одна дисциплина; война совсѣмъ не въ духъ нашего непріятеля.

Я простудился на 4-мъ бастионѣ. Пироговъ предписалъ мнѣ серьезное леченіе; хорошо если мѣсяца черезъ два я буду годенъ на что-нибудь. Увзжать изъ Севастополя, пробывши столько времени подъ бомбами, не хочется; согласитесь, тяжело мнѣ будетъ не раздѣлять трудъ, опасность и побѣду дѣйствительнымъ участіемъ, если намъ суждено побѣдить, а если пропадать, то за одно со всѣми пріятіи, нежели лечиться далеко отъ Севастополя.

25-е февраля 1855 г.

Погоды стоятъ довольно теплыя, но большіе туманы дѣлаютъ воздухъ нездоровымъ. Бѣда для нашей арміи: начали проявляться болѣзни. Какъ надобѣлъ мнѣ видъ непріятельскихъ пароходовъ, которые стоятъ противъ входа въ рейдъ. Ни батареи, ни лагеря непріятельскіе не дѣлаютъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, какъ непріятельскіе пароходы; мнѣ кажется, что они одни отнимаютъ у насъ свободу, тяготятъ надъ Севастополемъ. Съ какимъ удовольствіемъ я бросился-бы жечь ихъ, чтобы раскрыть видъ свободнаго моря. Хотя я никогда не былъ настоящимъ морякомъ въ душѣ, мнѣ часто является непреодолимое желаніе пробороздить море, покачаться на волнѣ, и это потому что непріятельскіе пароходы загородили выходъ въ море. Вчера рассказывали о новомъ удачномъ дѣлѣ подъ Козловымъ, но ничего вѣрнаго еще неизвѣстно. Меншиковъ оставляетъ насъ, на его мѣсто назначенъ Горчаковъ, а здѣсь ожидали, что Сакенъ займетъ это мѣсто. Орестъ вступилъ въ свою обязанность веселиться; въ эту минуту онъ ѣдетъ на свою батарею, за неимѣніемъ лошади и корма для лошади, на ослѣ; никто не сравнится съ нимъ въ изобрѣтательности. Благодарю за присланный табакъ, здѣсь онъ чрезвычайно дуренъ и дорогъ.

28-е марта 1855 г.

Сегодня второй день Пасхи; французы открыли въ 5 часовъ утра сильную бомбардировку. Ядра, бомбы етс. такъ и свистутъ по улицамъ; одна 8-ми орудійная непріятельская батарея совершенно уничтожена нашими выстрѣлами, а Нахимовъ далъ по батареямъ отдыхъ на два часа.

Подлецы французы: у нихъ въ этомъ году праздники совпадаютъ съ нашими праздничными днями, и они въ такой день открыли бомбардировку; секунды не проходитъ безмолвной. Говорятъ, Львову, племяннику Лазарева, оторвало обѣ ноги; жаль бѣднаго,—славный, храбрый офицеръ. Я написалъ панегирикъ Виктору ¹⁾ и отослалъ въ «Одесскій Вѣстникъ»; если напечатаютъ—прочтете. Тѣ, кому я читалъ этотъ панегирикъ, восхищались имъ. Если буду живъ, то опишу для печати ночь на Селенгинскомъ редутѣ наканунѣ Пасхи; картина торжественно религіозна! Возлѣ бруствера ниша, въ которой помѣщена икона съ лампадой; священникъ служитъ молебствіе, всѣ на колѣняхъ, бомбы непріятельскія, падая на редутъ, не смѣютъ задѣть никого изъ молящихся. Да поможетъ Господь перетерпѣть это время. Правду сказалъ государь: трудное время! Здѣсь всѣ увѣрены, что Наполеонъ пріѣхалъ въ армію, и что для него открыли бомбардировку; но дождь такой сильный идетъ, еще со вчерашняго вечера, что если-бы бомбардировка и была удачна, все же они никакъ не могли-бы двинуть войска, и потому это даромъ пролитая кровь. Что будетъ завтра? Бомбардировкѣ, я думаю, не будетъ конца, развѣ выстрѣляютъ всѣ запасы. Я сижу дома; не могу выходить.

28-го марта 1855 года.
12 часовъ. Продолженіе.

Только что былъ Володя, подтвердилъ на счетъ срытія французской батареи; онъ выпилъ чашку кофе и убѣждалъ, въ ожиданіи какой-нибудь посылки отъ начальства, а также хочетъ провѣдать Дмитріева и Дровецкаго; обоимъ на батареяхъ жутко! До сихъ поръ 100 человѣкъ убили.

Вчера вечеромъ Дмитріевъ и Дровецкій были у меня, и мы рѣшили семейно пить чай; для этого поставили на столъ самоваръ, паску и т. д. и цѣлый часъ проболтали за чаемъ. Прійдется-ли нашему семейному кружку еще собраться. Дождь перестаетъ, пальба какъ будто утихаетъ, выстрѣлы рѣже; когда-бъ завтра было покойнѣе.

Володя прійдетъ разсказать результатъ сегодняшней бомбардировки; я вамъ опишу. Уже вечеръ, пальба продолжается. Только что пришелъ Меньчаки, контуженный въ голову; изъ уха кровь идетъ, на рукѣ рана и опухоль. Володя не приходитъ, вѣрно побѣжалъ куда-нибудь по службѣ. Погода все хуже и хуже, вѣтеръ совершенно осенній, даже холодно. Грустное время!

¹⁾ Убитъ на Волынскомъ редутѣ.

27-е мая 1855 г.

Непріятель не былъ въ состояніи держаться на Волинскомъ и Селевгинскомъ редутахъ и принужденъ былъ оставить ихъ, а укрѣпится въ Еникале, но если не будетъ имѣть удачи въ Севастополѣ, то укрѣпленія Еникальскія сами собой распадутся. Мы выстроили на инкерманскихъ высотахъ 8 редутовъ. Съ гигантскими средствами непріятеля, онъ вотъ уже два мѣсяца предпринимаетъ—только пустя дѣла, въ которыхъ несетъ большія потери. Въ эти два дѣла траншейныхъ редутовъ у нихъ вышло изъ строя болѣе 20,000 человѣкъ; эта цифра для нихъ непополнимая, тѣмъ болѣе, что придется отдѣлать отрядъ въ Азіатскую Турцію, куда отзываетъ ихъ Муравьевъ. Въ этихъ дѣлахъ непріятель двигалъ почти всѣми своими резервами, между тѣмъ какъ съ нашей стороны дѣйствовали какихъ-нибудь два полка. Войска наши находится въ самомъ лучшемъ настроеніи; даже Горчаковъ, говорятъ, повеселѣлъ.

8-го іюни 1855 г.

Начиная отъ 29-го мая, до сихъ поръ болѣе 100 человѣкъ флотскихъ вышло изъ строя. Бѣдный Шестаковъ пропалъ безъ вѣсти, Юрковскій лишился руки и ноги.

Можете себѣ представить, какъ всѣ ожили, какой тяжелый камень отвалился отъ сердца. Вотъ что насъ подняло на ноги: непріятель сдѣлалъ нападеніе на 1-й, 2-й и 3-й бастіоны, послѣ смертоносной бомбардировки, но былъ отбитъ съ величайшимъ урономъ, оставилъ 600 человѣкъ плѣнными. Подвиги нашихъ превосходятъ вѣроятіе. По моему расчету, непріятель въ этомъ дѣлѣ долженъ былъ потерять до 25,000, потому что онъ не могъ дѣлать штурма на эти бастіоны менѣе какъ съ 60,000 человѣкъ, а можете себѣ представить, не говорю о ихъ потерѣ во время наступленія подъ картечнымъ огнемъ цѣлаго ада, но во время безпорядочнаго отступленія, преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ штыками и артиллеріей. Не скоро послѣ этого штурма ихъ поправиться. Я убѣжденъ еще болѣе прежняго, что непріятелю до побѣды въ Россіи слишкомъ далеко. Я узналъ, что въ нашемъ рвѣ и на бастіонахъ осталось 3,000 непріятельскихъ труповъ; кромѣ того, пространство между нашими и непріятельскими траншеями усыпано трупами, слѣдовательно, мое предположеніе о 25,000 человѣкъ потери со стороны непріятеля оправдывается.

Мы съ бомбардировкой потеряли до 3,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Какова пропорція! Дай Богъ, чтобы Целисье еще сдѣлалъ

штурмъ; я увѣренъ, что онъ захочетъ еще одной попыткой поправить свое положеніе, чтобы предупредить смѣну. Но теперь скоро должны прибыть въ Севастополь три дивизіи.

Болѣзнь и леченіе въ Одессѣ.

10-го августа 1855 г.

Сегодня, въ 10 часовъ вечера, я пріѣхалъ въ Севастополь и остановился на Сѣверной батарее; такъ какъ сегодня пятница, то я не хочу сегодня начинать службу и являться, а послалъ Максима разузнать о томъ, что дѣлается съ моими вещами. Пальба не прекращается ни на минуту, хотя нѣтъ бомбардировки. На Дувангѣ, послѣдней станціи отъ Севастополя, я долго ждалъ лошадей; ни одной станціи не проѣхалъ безъ самыхъ скучныхъ препятствій, изъ Симферополя едва-едва выѣхалъ и то благодаря тому, что подобралъ меня какой-то коммисіонеръ, ѣхавшій въ Бахчисарай. Въ Бахчисараѣ тоже прождалъ нѣсколько часовъ и, чтобы развлечься, отправился верхомъ ко дворцу, уже обращенному въ госпиталь. Наружный видъ дворца все еще неподражаемъ; въ каждомъ уголкѣ видно желанье прохлады и нѣги, всюду журчащая вода, густая тѣнь виноградныхъ кустовъ, тоненькія рѣшетки бесѣдокъ, пропускающія вѣтерокъ, все такъ хорошо, что если только я буду раненъ, то непременно буду просить, чтобы меня отправили въ Бахчисарайскій госпиталь. По дорогѣ я встрѣтилъ дружину; у меня глаза наполнились слезами, глядя на нихъ. Что за чудный народъ! какъ костюмъ, съ крестомъ на шеѣ, отвѣчаетъ ихъ дѣлу! Но невольно приходитъ мысль, что мы, военные, виноваты тому, что тысячи семействъ разрознили, чтобы помочь намъ, что мы не сумѣли защитить ихъ. Я не боюсь умереть, но грустно мнѣ подумать, что моя смерть будетъ безъ пользы для отечества. Какое грустное чувство испытывалъ я, подѣзжая къ Севастополю послѣ неудачнаго дѣла. Куда меня назначать, неужели я все же не получу назначенья, какого-бы желалъ? Только что узналъ, что Хрущеву оторвало ногу. О дѣлѣ 4-го не знаю ничего положительнаго; говорятъ, что все было чрезвычайно неудачно, что убито 3 генерала, нѣсколько полковыхъ командировъ, въ числѣ ихъ славный храбрый Скъудери. Какъ тяжело ложатся на душу эти вѣсти, ждешь чего-то страшнаго, готоваго обрушиться не на одну мою голову, но на множество головъ. Отъ Симферополя до Севастополя замѣтно только еще пока одно желаніе устроить шоссе, но желаніе кажется не сильное; изрѣдка попадаются кучи набросаннаго камня. Въ Бахчисараѣ я встрѣтилъ генераль-адъютанта Чернышева; онъ,

между прочимъ, сказалъ, что на-дняхъ надо ожидать новаго отъ насъ нападенія на непріятеля. Дорогой и не могъ собрать вѣрныхъ свѣдѣній о 4-мъ бастионѣ и о Севастополѣ; вообще, каждый говоритъ на свой ладъ.

18-го августа 1855 г.

Продолженіе.

Обиженный Бельбекъ какъ будто съ расчетомъ заманилъ меня картиной жизни. Мы взобрались на возвышенности, пили чай, и такъ какъ всѣ съ бастионовъ, то всѣ молчали, всѣ одинаково любовались и какъ будто выжидали какой-то ласки въ отвѣтъ на нашъ восторгъ; но солнце начало заходить, нечего дѣлать—опять на лошадей и въ Севастополь.

Проѣхавъ почти 40 верстъ верхомъ, я, съ непривычки, очень усталъ и какъ убитый уснулъ, даже не почувствовалъ сотрясенія отъ двухъ взрывовъ на непріятельской батарее противъ Малахова кургана, нашими выстрѣлами взорванъ былъ пороховой погребецъ. У насъ же, благодаря Бога, все благополучно; почти нѣтъ потерь, убываетъ не больше 4-хъ человѣкъ въ сутки. Шульцъ, хотя нѣмецъ, но спасибо ему, очень исправилъ и укрѣпилъ 4-й бастионъ, сдѣлалъ его самымъ надежнымъ пунктомъ во всей оборонительной линіи. И потому, съ нѣкоторой надеждой на свою силу, выжидаемъ мы бомбардировки, которую непріятель противъ нашего бастиона все откладываетъ, но не умолкаетъ противъ Малахова кургана, который представляетъ собой видъ зимой дымящейся деревни. Богъ милостивъ, прошу васъ не отчаиваться и молиться. Какъ ни хитри непріятель, ни рассчитывай на свои гигантскія силы и средства, одному Богу извѣстны пути, которыми Онъ помогаетъ.

19-го августа 1855 г., пятница.

Я вступилъ въ дежурство, ходилъ по бастиону; раненныхъ только одинъ, а такъ какъ на бастионѣ у насъ молодежь прекрасная, то день прошелъ незамѣтно. Право не наудивляешься безпечности и хладнокровію въ опасности русскаго человѣка; дни проходятъ въ работахъ подъ выстрѣлами, а смотришь—прибаутка веселая не сходитъ съ азыка, а по вечерамъ, подъ гармонику или скрипку пляска, да какая еще лихая! Только на-дняхъ убило скрипача, и матросы, съ досады, разбили скрипку.

На бастионѣ, на высокомъ шестѣ, вмѣсто флюгарки, сдѣлали кукулу француза, и разумѣется каждый, проходя мимо, считаетъ долгомъ обратиться къ этой кукулѣ съ какою-нибудь остротой: «а что ваши

кофе уже пили, или послать имъ огонька въ траншею?». Надо быть хорошимъ писателемъ, чтобы описать русскаго солдата.

Возлѣ одного матроса упали три бомбы, онъ легъ и командуетъ бомбамъ: по очереди: пли! За второй его ранило въ ногу, но онъ спокойно прокомандовалъ третьей, потомъ сѣлъ на носилки и уѣхалъ на перевязочный пунктъ. Покойной ночи!

20-го августа, суббота, 1855 г.

Сегодня я свободенъ. Ко мнѣ зашелъ лейтенантъ Ильинъ и предложилъ прогулку въ Бахчисарай; отказался ѣхать такъ далеко, изъ боязни не воротиться во-время, а чтобы на чемъ-нибудь помириться, опять отправились на Дуванку, тамъ обѣдали, отдыхали и, возвращаясь, встрѣтили дѣвицъ Антипа, скачущихъ амазонками и сопровождаемыхъ молодежью. Надо сознаться, нами овладѣла зависть. Вызванные природой на мечтательность, мы въ этихъ дѣвицахъ видѣли героинь, достойныхъ романа, прекрасныхъ амазонокъ.

Вечеромъ непріятелю вздумалось бросать бомбы на нашъ бастионъ и 8 разъ въ нашемъ блиндажѣ гасилъ свѣчу сотрясеніемъ воздуха. Мы отвѣчаемъ тоже бомбами, и дѣло, можетъ быть, затянлось-бы на долго, если-бы взрывъ съ нашей стороны не развлекъ вниманія. На третьемъ бастионѣ и днемъ пальба была усиленная. Посылалъ на почту, но писемъ отъ васъ нѣтъ; жду—не дождусь. Что дѣлаете вы?—Какіи безпокойства нанесъ вамъ гренадерскій корпусъ, проходя черезъ Дарьенку? Я все знакомясь съ усовершенствованіями 4-го бастиона и непріятеля, расположеннаго противъ него.

21-го августа 1855 г., воскресенье.

Мое дежурство непріятель началъ съ утра взрывами, но чрезвычайно для насъ благоприятными; вечеромъ было еще три взрыва, но тоже ни одинъ человекъ не былъ раненъ, ни убитъ. Ночью непріятель сильно бросалъ бомбы, но мы рады подобнымъ бомбардировкамъ, которыя только расходуютъ ихъ снаряды безъ вреда для насъ. За весь день моего послѣдняго дежурства, только шесть человекъ убито ранеными, а навѣрное они бросили на насъ до 600 бомбъ; люди называютъ это чертовой почтой. Залпъ былъ за залпомъ. Поговариваютъ опять о штурмѣ: но всѣмъ работамъ непріятеля видно, что онъ готовится къ чему-то, но и мы готовимся, слѣдовательно, à qui mieux, mieux. Говорятъ гренадерскій корпусъ уже близко. Хотѣлось-бы дожить до результата этой войны. Сегодня кончились груши; что за прелесть! Бутаковъ, съ которымъ я нахожусь въ одномъ блиндажѣ, не можетъ достаточно оцѣнить варенье, морсъ и груши.

22-го августа 1855 г., понедѣльникъ.

Я сегодня не пошелъ въ городъ; далеко слишкомъ, въ самомъ городѣ нѣтъ ничего, а ходить на Сѣверную сторону не стоитъ, усталость путешествія не вознаграждается развлеченіями Сѣверной стороны—только поѣсть винограду. Къ намъ, на бастионъ, маркитантъ приноситъ вино, пряники и фрукты. Вино—одинъ изъ главныхъ двигателей веселости въ нашей военной жизни. У насъ на бастионѣ есть, пріѣхавшій изъ Петербурга, штабсъ-капитанъ Фадѣевъ; онъ предсѣдатель виннаго общества и сильно жалуется на то, что не находитъ достойнаго помощника.

Завтра его именины, и онъ дѣлаетъ пышный пирогъ съ шампанскимъ, etc. Я этому очень недоволенъ, потому что прійдется пить, я шампанскаго не люблю, а въ добавокъ завтра мое дежурство.

23-го августа 1855 г., вторникъ.

Я проснулся съ полной увѣренностію, что будетъ бомбардировка, но въ 11 часовъ—все тихо и спокойно, исключая трехъ взрывовъ отъ непріятели. Сейчасъ будетъ взрывъ отъ насъ; надо приготовить залпъ по траншеямъ непріятельскимъ. Дастъ Богъ, до свиданія.

Взрывъ и пирогъ прошли благополучно, мы дали залпъ картечью, они, разумѣется, отвѣчали намъ бомбами.

23-го августа 1855 г., вторникъ.

Продолженіе.

Гдѣ конецъ этой войны, чѣмъ развяжется этотъ узелъ? За одну только жизнь на бастионѣ, говоритъ Караваевъ, насъ-бы слѣдовало вставить въ золотыя рамки. Но на чью долю достанется пережить эту войну? Мы въ отношеніи къ Севастополю, какъ индѣйскія жены.—Сегодня ночью непріятель дѣлалъ нападеніе на наши волчьи ямы, противъ 2-го бастиона, но его отбили и сильно побили. Я послалъ унтеръ-офицера для развѣдыванія; онъ только что возвратился, говоря: что все мѣсто усыяно французскими трупами. Я боюсь теперь, чтобы желанье возвратиться въ Севастополь (эту ступку, какъ его называетъ Зоринъ) не охватило Ергомышева, ежели онъ станетъ немножко поправляться. Шульцъ звалъ меня обѣдать, я отказался службой; всю ночь приходится не спать, а ходить по бастиону, обѣдая же у него, не успѣешь выспаться.

2-го сентября 1855 г., Бельбекъ.

Какое несчастіе: почта перенесена въ Бахчисарай; теперь нѣтъ возможности отправить письма, ни получать ихъ. Я просилъ Комаровскаго, чтобы онъ вошелъ въ мою бѣду и какъ-нибудь помогъ мнѣ писать вамъ. Я поручилъ Полю Рашевскому сообщить вамъ о моей ранѣ; воображаю, какъ тяжело было ему выполнить это порученіе. Мнѣ легче становится, когда я говорю съ вами, хотя письменно, а тогда забываю страшную дѣйствительность. Пользуюсь отъѣздомъ счастливица Я. . . . и прошу его взять мое письмо, захватить къ вамъ и рассказать вамъ, какимъ молодцомъ я переношу перевязки, — никто не слышалъ ни одного крика моего. Это можетъ васъ утѣшить, какъ доказательство, что я не страдаю. Бутакову вчера было хуже, едва-ли онъ бѣдный переживетъ свою рану! — Рядомъ со мной лежитъ Лазаревъ; онъ раненъ штуцерной пулей, которая скользнула по животу, задѣвши правый бокъ, — рана не такъ опасна, но мучительна. Остальные, которые лежатъ со мной, всѣ сегодня ѣдутъ въ Николаевъ, 17 человекъ офицеровъ. Богъ знаетъ, что будетъ со мной, сколько времени я буду лежать, въ случаѣ выздоровленія. Я вамъ, кажется, писалъ, что я лежу въ домѣ Бибикова, въ садикѣ Бельбека, но природой не люблюсь, не вижу ее. Что дѣлается съ даліями нашего сада, поправились-ли онѣ, цвѣтутъ-ли еще клумбагумъ? Если-бы были аэростаты или паровозы, я бы съ моей раной переѣхалъ къ вамъ, лечиться у васъ; теперь же нѣтъ возможности двинуться съ мѣста ранѣ 15-го сентября, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и то на воловой подводѣ.

3-го сентября 1855 г.

Тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы прислали мнѣ Анисію варенье, корнію, бѣлье; это все, въ чемъ я чувствовалъ маленькую необходимость. За нами, благодаря правительству, хорошо смотреть; сестры милосердія обязаны выполнять всѣ требованія больныхъ, и дѣлаютъ это съ большимъ стараніемъ.

Ко мнѣ приходилъ Мансуровъ, предлагалъ мнѣ денегъ, но я отказался; если же рана моя пойдетъ къ выздоровленію, то я попрошу у него денегъ на проѣздъ и леченье.

Бутаковъ бѣдный ужасно страдаетъ; онъ помѣщенъ въ одной комнатѣ со мной. Онъ не перестаетъ стонать.

Сегодня десять дней, что я лежу; докторъ говоритъ, что черезъ пять дней мнѣ можно будетъ сидѣть.

Мой фельдшеръ стоитъ въ ожиданіи письма.

4-го сентября 1855 г.

Я сегодня довольно хорошо провелъ ночь. Какъ кстати вашъ морсъ и варенье; вода очень не хороша, и потому когда я ее пью съ морсомъ, то всякій разъ переношусь домой съ чувствомъ большой благодарности, и вспоминаю, что мнѣ такъ не хотѣлось брать его съ собой. Чтобы вамъ еще сказать? О дѣлахъ военныхъ не хочется,—грустная матерія, пусть рассказываютъ другіе.

Большая часть нашихъ моряковъ идетъ въ Николаевъ, въ томъ числѣ и Володя; какъ я ни радъ его отъѣзду, но грустно будетъ остаться совершенно одному. Володя добрыйшее существо, онъ былъ внимателенъ ко мнѣ. какъ самый лучший братъ; его отъѣздъ для меня огромная потеря.

Благодаря моему портфелю, могу еще вамъ писать.

Мой поклонъ всѣмъ нашимъ крестьянамъ въ деревнѣ.

6-го сентября 1855 г.

Не знаю, какъ благодарить васъ за вниманіе: вы предъугадали все, въ чемъ я могъ имѣть нужду. Пріѣздъ Анисія для меня одна изъ самыхъ большихъ необходимостей, потому что съ уходомъ нашего экипажа, я остался безъ человѣка; варенье и морсъ вышли накануне пріѣзда Анисія. Хотя за нами присмотръ прекрасный, сестры милосердія исполняютъ все возложенное на нихъ съ большимъ стараніемъ, но все же бѣлье жесткое, почему я очень благодаренъ за простыни и наволочки. Вообще, вы предупредили и угадали всѣ мои нужды; но, ради Бога, не безпокойтесь обо мнѣ, рана моя идетъ очень хорошо.

Къ счастью моему, со мною вмѣстѣ лежитъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ докторовъ Мишгольдъ, который принимаетъ во мнѣ большое участіе и помогаетъ мнѣ совѣтами. Ежели Богъ будетъ милостивъ во мнѣ и рукъ моей не будетъ хуже, то въ субботу или воскресенье я отправлюсь въ Симферополь. Я жду не дождусь той минуты, когда мнѣ можно будетъ выѣхать въ Симферополь; все же я буду ближе отъ васъ, а тамъ, если Богъ поможетъ мнѣ выздоровѣть, то черезъ мѣсяцъ я буду дома, и такъ въ концѣ октября я увижу васъ. Анисій лучше всякой сестры милосердія смотритъ за мной и ловко принимаетъ участіе въ перевязкахъ, которыя докторъ дѣлаетъ мнѣ каждый день два раза.

Теперь мнѣ начали прижигать рану яписомъ. Утромъ я выходилъ на балконъ. Какъ пріятно взглянуть на природу. Я нахожу прелесть въ каждомъ листѣ. Теперь только я вижу, какъ я люблю жизнь и какъ дорога она для человѣка.

6-го сентября 1855 г.

Продолженіе.

Боже мой, Боже мой, когда я васъ увижу и скоро-ли? Меня хотѣлъ взять къ себѣ для леченія Беръ (генераль-штабъ-докторъ); у него было-бы мнѣ превосходно, но въ ту ночь, что я долженъ былъ перебраться къ нему, бомба вырвала у него въ домѣ окна и рамы. Ради Бога, не предпринимайте путешествія въ Симферополь,—дорога ужасная. Вы не найдете въ Симферополѣ мѣста, гдѣ преклонить голову.

7-го сентября. (Сестрамъ въ Симферополь).

Зачѣмъ вы пустились въ такую дорогу? Я былъ-бы счастливъ васъ видѣть, но доктора запретили прїѣзжать вамъ на Бельбекъ; они говорятъ, что малѣйшее волненіе можетъ повредить мнѣ, а радость видѣть васъ—не изъ малыхъ волненій. Если ранѣ моей не будетъ дурно, я прїѣду въ Симферополь и не иначе, какъ на воловой подводѣ, во избѣжаніе толчковъ отъ скорой ѣзды. Сегодня уже 15 дней послѣ операціи, доктора говорятъ, что рана идетъ хорошо, я исполняю всѣ предписанія докторовъ съ самымъ большимъ терпѣніемъ. Что будетъ дальше, то отъ Бога; надобно надѣяться на Его милосердіе и молиться. Чтобы я далъ, чтобы быть скорѣе въ Симферополѣ!

Сегодня пошло обо мнѣ представленіе въ золотой саблѣ. Ничего я такъ не желалъ, какъ золотую саблю: это вполнѣ военная награда и остается въ семействѣ памятникомъ прошлаго.

Мнѣ рѣшительно ничего не надобно, ни денегъ, ни бѣлья, у меня все это есть, а чего нѣтъ, тѣмъ снабжаютъ сестры милосердія. Итакъ не прїѣзжайте на Бельбекъ. Въ одной комнатѣ со мной лежатъ Бутаковъ и Лазаревъ; они сильно ранены и ужасно страдаютъ. Завтра будетъ насъ смотрѣть Пироговъ. Посмотримъ, что онъ скажетъ? Сегодня я одной рукой сдѣлалъ папиросу.

14-го сентября 1855 г., Симферополь.

(Къ матери).

Мнѣ все хочется писать вамъ, говорить съ вами въ послѣднія минуты моей жизни, утѣшать васъ. Я умираю совершенно покоенъ. Я прїобцался, исповѣдывался и Господь смилостивился надъ мной: съ того времени душѣ моей стало такъ легко, какъ будто я узрѣлъ вторую жизнь.

Ради Бога, не предавайтесь печали, хвалите Бога въ испытаніяхъ, которыя Онъ вамъ посылаетъ. Обратитесь къ Богу съ теплою молитвой, вѣруйте въ Его безпредѣльное милосердіе. Онъ убиваетъ, Онъ же живить. Господь смиряетъ и высить! И вы не вѣчны, на

томъ свѣтѣ мы увидимся, а покуда христіанскимъ терпѣніемъ поддержите свою жизнь для блага семейства вашего. Вы должны жить для вашихъ дочерей, которыя достойнѣ насъ вашей любви. Я никогда не могъ достаточно любоваться ими.

Да поддержитъ васъ Богъ, и же стою одной ногой въ могилѣ, емя не должна уже занимать меня. Впрочемъ, все еще надѣюсь. Господи, спаси меня!

15-го сентября 1855 г.

Вчера послѣ причастіи мнѣ все утро было такъ легко, такъ покойно; вечеромъ я надѣялся на выздоровленіе, потому что докторъ вынулъ изъ раны кусочекъ лигатуры, которая была причиной раздраженія въ ранѣ и лихорадки, но ночью опять былъ сильный намоксизмъ. Мнѣ невыносимо тяжело, жду съ смиреніемъ послѣдней минуты.

Молитесь за меня, ваша молитва спасетъ меня.

Не тревожьте себя горемъ, я счастливъ мыслью, что умираю за многолюбимое мною отечество. Вы вправѣ сказать, что сыновья ваши умерли, какъ слѣдуетъ умирать въ эту тяжелую пору русскому, и что любовь ихъ къ отечеству была имъ внушена вами.

Да поддержитъ васъ и поможетъ вамъ Господь!

Едва-ли въ мірѣ можно встрѣтить лучшую мать, какъ вы. Еще разъ цѣлую ваши ручки и прошу молиться за вашего сына.

Примѣчаніе. Лейтенантъ Августъ Карловичъ Комстадіусъ скончался отъ ранъ, полученныхъ при оборонѣ Севастополя, 17-го сентября 1855 г., на разсвѣтѣ.

(Сообщ. графъ Лидерсъ-Веймарнъ.)

* *
*

Ты въ жизни скорби и мученій
 Не избалована судьбой,
 И много бѣдъ и огорченій
 Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
 Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
 Переносила неизмѣнно
 Ты всѣ страданія свои.

Своимъ безропотнымъ терпѣньемъ
 Ты скорбь умѣла побороть,
 Приемля все съ благоговѣньемъ,
 Что посылалъ тебѣ Господь.

О вѣрѣ! сторицею съ годами
 Вознаградится этотъ трудъ:
 — Не всѣ-ль, кто сѣяли слезами,
 Святою радостью пожнутъ?

Штутгартъ.
 25 октября 1887.

* *
* *

Озеро свѣтлое, озеро чистое,
 Гладь, тишина и покой!
 Солнце горячее, солнце лучистое —
 Надъ голубою волной!

О! еслибъ сердце тревожное, бурное
 Такъ-же могло быть свѣтло,
 Какъ это озеро въ утро лазурное,
 Только что солнце взошло!

Фридрихсгафенъ.
 27 октября 1887.

К. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

КЪ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Въ степи у киргизъ-кайсаковъ

МАРТЪ—1774—ЮНЬ.

III ¹⁾.

Въ тетради, въ которой мы напечатали документы въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, мартъ, стр. 790—796, нѣсколько листовъ чистыхъ, три слѣдующихъ за ними листа вырваны, а на четвертомъ уже идетъ наложение отчета майора Мирзабека Ваганова о его миссiи къ Нурали-хану, къ которому онъ, съ нѣсколькими товарищами, былъ посланъ отъ астраханской губернской канцелярiи съ тою же дипломатическою цѣлью, какую исполнилъ въ Астрахани секретно Тонкачевъ.

Отчетъ этотъ начинается описанiемъ путя Ваганова отъ Калмыковского форпоста на Яикъ.

В. С.

По прибытiи въ Калмыковскiй форпостъ, взявъ тутъ послѣднихъ четырнадцать же человекъ, черезъ рѣку Яикъ переправился и поѣхалъ съ тою командою къ Нурали-хану и ѣхалъ до кочевья его, Нурали ханова, по отпращиванiю съ Калмыковского форпоста, пять дней и еще не доѣхавъ до него, ночевалъ у ближняго его мурзы, именемъ Кабула, гдѣ и увѣдомился онъ отъ киргизцы Кердаринскаго рода, именемъ Четана, о взятыхъ нашихъ съ Волги въ плѣнъ русскiхъ людей, которые де находятся у ближнихъ его, хана, подвластныхъ людей, а именно Кердаринцевъ, Бабдбактинцевъ и Вершевцевъ и никуда де еще не проданы, а хотя де и проданы, — развѣ въ Хиву малое дѣло.

А на другой день тотъ ближнiй его мурза Кабулъ поѣхалъ къ хану и о прiѣздѣ его сказалъ, что де прiѣхалъ изъ Астрахани посланникъ, майоръ,

¹⁾ См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1890 г., т. LXV, февраль, стр. 790—796.

обще съ нашими посланцами; съ чѣмъ его ханъ возвратилъ къ нему, маіору, который по прибытіи сказалъ ему, что онъ у хана былъ и объ немъ, маіорѣ, ему, хану, объявилъ, который приказалъ, чтобъ ѣхалъ я къ нему, хану, съ письмами только одинъ, а команда-оъ моя совсѣмъ осталась у него въ аулѣ, ибо де я, маіоръ, отдавъ хану письма, самъ отъ него скоро возвращусь и буду находиться до отправленія у него, Кабула, въ аулѣ; на что я ему объявилъ, что мнѣ въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ хана жить невозможно, ибо я отправленъ къ нему, хану, съ высочайшею ея императорскаго величества грамотою и съ разными, какъ отъ господина астраханскаго губернатора, такъ и товарищей его, письмами; да при отданіи оныхъ еще что надлежитъ и словесно мнѣ приказано съ нимъ, ханомъ, переговорить и напротивъ того взять отъ него отвѣтъ; да и самому мнѣ при немъ всегда быть лутче. На что сказалъ мурза: «очень хорошо», и тутъ обще со мною поѣхалъ къ хану; и пріѣхали мы въ аулъ около десятого часу, пріѣхавъ прямо въ отведенную намъ отъ него, хана, полатку, которая стояла неподалеку отъ ханской кибитки. И тутъ пріѣхавшій съ нами мурза, побывъ малое время, поѣхалъ къ хану; а потомъ, послѣ обѣда, часу въ шестомъ, пришелъ отъ него, хана, его Диванъ съ тѣмъ мурзою Кабуломъ и велѣлъ намъ, по приказанію ханскому, идти къ нему; съ чѣмъ я обще съ нимъ, Диваномъ, и пошелъ и по пришествіи учтивымъ и искуснымъ образомъ высочайшую ея императорскаго величества грамоту, и отъ господина губернатора, и отъ господъ товарищей его письма ему, хану, отдалъ, которые онъ взявъ, приказалъ мнѣ неподалеку отъ себя сѣсть; гдѣ были у него дѣти его родныя Ишимъ и Перали Салтаны и при томъ меня во первыхъ спросилъ, что здоровылъ господинъ губернаторъ и господа товарищи его, на что я ему объявилъ, что все благополучны и приказали мнѣ засвидѣтельствовать вашему высокопочтенству свои почтеніи. Сказалъ ханъ: «очень хорошо», и потомъ, мало помолча, приказалъ мнѣ идти во отведенную полатку, а онъ де прочтетъ присланную отъ ея императорскаго величества грамоту и отъ гг. губернатора и товарищей его письма, а потомъ, призвавъ меня къ себѣ, и что надлежитъ переговора, съ чѣмъ я отъ него, хана, и вышелъ во отведенную полатку, а потомъ уже, подъ вечеръ, пришелъ ко мнѣ отъ него, хана, мурза, именемъ Кабулъ, котораго я спросилъ, что читалъ ли ханъ грамоту и письма и велитъ ли мнѣ отправить излишнихъ казаковъ назадъ, а самому остаться до времени при немъ, на что мнѣ тотъ мурза объявилъ, что де ханъ грамоту и письма прочелъ и приказалъ писать на оныя отвѣтныя письма и уоуасть, (что) и меня, маіора, со всею командою дни черезъ четыре отправить назадъ; что слыша я принужденнымъ нашелся ему, мурзѣ, объявить, что такъ скоро ханъ приказалъ писать отвѣтныя письма, ибо я, маіоръ, имѣю нужду съ нимъ, ханомъ, о собственной его пользѣ переговорить, и потомъ тотъ мурза, посидя мало, отъ меня возвратился къ хану.

А на другой день прибытія моего былъ у него, хана, братъ его родной Акчувакъ-Солтанъ съ нѣкоторыми при немъ старшинами; однако-жъ ханъ въ бытность ихъ у него меня не призывалъ и что у нихъ между собою происходило—не знаю; а по выходѣ-жъ ихъ онъ, ханъ, часу въ пятомъ, прислалъ ко мнѣ своего муллу, именемъ Дивана, и велѣлъ мнѣ одному идти съ собою къ хану, на что я ему сказалъ, что невозможно-ль мнѣ взять съ собою и сего толмача, ибо онъ посланъ со мною обще; о чемъ онъ, Диванъ, пошелъ хану доложить и въ скоромъ времени возвратясь, велѣлъ идти обще и съ нимъ. И по пришествіи къ хану, отдали учтивымъ образомъ почтеніе; а потомъ онъ, ханъ, писарю своему Аббасу приказалъ выдти вонъ, а намъ съѣсть и потомъ объявилъ, что онъ присланную отъ ея императорскаго величества грамоту и отъ господина губернатора и товарищей его письма прочелъ и весьма повелѣніемъ ея императорскаго величества доволенъ въ томъ, что научилъ и повелѣла отъ другихъ (?) поступковъ предъ удержаться; однако-жъ де степной и легкомысленной ихъ народъ того не знаетъ. На что я ему объявилъ, что нѣбу его высокопочтенству въ пользу нѣчто доложить. Ханъ сказалъ: «очень хорошо». И тутъ во первыхъ я ему объявилъ о переходѣ его черезъ рѣку Яикъ со степной на внутреннюю сторону, ибо онъ, ханъ, нѣбуть издавна отъ Россійской имперіи повелѣніе, что-бъ чрезъ рѣку Яикъ не переходить, а всемірно оставаться на той сторонѣ рѣки Яика и то со всякою тишиною, а нынѣ для чего онъ, ханъ, перешелъ и съ чьего точно повелѣнія? На что ханъ во отвѣтъ ничего не сказалъ. Потомъ еще я ему объявилъ, что хотя-бъ черезъ рѣку Яикъ и передти, только надлежало-бъ сидѣть тихо и смирно, а не такъ, что-бъ грабить ватаги и разорять форпосты, жечь припасы и брать Россійскихъ людей въ плѣнъ и скотъ, зачиная отъ самаго Оренбурга по рѣкѣ Яику до Гурьева городка, а отъ Гурьева—зачиная по Волгѣ рѣкѣ и до Дубовки. На что онъ, ханъ, ему объявилъ, что де сіе произошло отъ замѣшательства между Россією съ Пугачевымъ, а народъ ихъ степной и легкомысленной на то попустились. На что я ему соотвѣтствовалъ: но правда, ибо онъ, злодѣй Пугачевъ, супротивникъ былъ Богу и всемилостивѣйшей нашей государыни, потому онъ такъ и поступалъ, а народу бы вашему, по данной ея императорскому величеству присягѣ, въ согласность тому злодѣю Пугачеву поступать не надлежало. И намъ ханъ объявилъ, что онъ съ нимъ, Пугачевымъ, никакого согласія не нѣбуть, да и сожалѣеть еще о томъ, что посылалъ онъ, ханъ, въ Большой Яицкой городокъ сына своего роднаго большаго Перали-Солтана съ тысячею человекими въ помощь тамошнему коменданту, а болѣе для истребленія находящагося у злодѣя въ толгѣ брата своего Досали-Солтана сына (его) и просилъ тамошняго коменданта, чтобъ до того допустилъ, да и злодѣй Пугачевъ въ то время былъ безслепъ и можно-бъ было мнѣ его преодолѣть; на что онъ, г. комендантъ,

ниѣ объявилъ, что де онъ на то повелѣнія не имѣеть ¹⁾; а послѣ жъ того къ нему, Пугачеву, изъ лежащихъ по Янку рѣкѣ до Гурьева городка форпостовъ казаки всѣ склонились, а потомъ уже присланы были ко ниѣ какъ отъ него, коменданта, такъ и отъ оренбургскаго г. губернатора, письма, чтобъ тѣ форпосты, на которыхъ люди пришли въ согласіе къ Пугачеву, раззорять, почему я, ханъ, такъ и поступалъ. На сіе я ему, хану, сказалъ: это де правда, что онъ, ханъ, тѣ форпосты раззорялъ, потому что съ нихъ люди склонились къ Пугачеву и сверхъ того ниѣлъ онъ на то повелѣніе, а лежація по Волгѣ рѣкѣ ватаги и съ нихъ людей въ плѣнъ брали и припасы жгли съ его повелѣнія, ибо они Пугачеву не согласны? На что взговорилъ ханъ, что де «это правда, по Волгѣ раззоряли киргизцы безвинно и меня не послушали; а былъ тутъ предводительжъ Бершева рода Кара-Батыръ и . . . , который еще зимою, какъ былъ на разбоѣ въ Астрахани и оттуда возвратясь, откочевалъ подъ Мангашлакъ, въ называемое тамо мѣстечко Айраскы». Противъ чего я ему, хану, говорилъ: какъ же захваченные ниѣ въ Астраханѣ киргизцы по допросамъ хотя на него, Батыра, что онъ для воровства по рѣкѣ Волгѣ ѣздилъ, и показали, однако-жъ еще нигдѣ онъ ватагъ не разбивалъ, да и людей въ плѣнъ брать было негдѣ, ибо онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ российскими войсками и разбитъ, гдѣ нѣсколько изъ нихъ побито, а шестнадцать человекъ взято въ плѣнъ и тѣмъ онъ посрамленъ, возвратился. А въ плѣну наши российскіе люди у ближнихъ его, хана, людей, а именно большая часть у Байбактинскаго рода Айдара Кривога, Эсенбаева, а протчіе у Кердаринскаго Аланбатыра, да у Бершева рода Курбанъ-Бая. И на то ханъ ниѣ объявилъ: «хотя, правда, у нѣкоторыхъ изъ сихъ трехъ родовъ наши российскіе люди и есть, только ихъ теперь сыскать невозможно, ибо они кочуютъ отъ меня въ дальнемъ разстояніи, на степѣ, да и народъ дикой и легкомысленной, какъ Сайгаки, да сверхъ же сего много дураковъ». Что слыша я пакъ ему, хану, предложилъ: «для дураковъ опредѣлялъ Богъ на земли царя у протчихъ наибольшихъ, чтобъ дураковъ за нѣхъ продерзости наказывать, дабы они отъ дурачества были воздержны, также и онъ, ханъ, надъ своимъ народомъ—властителемъ; да сверхъ же сего подпоясываетъ онъ, ханъ, саблю не напрасно, а по повелѣнію Божію и если уже онъ тотъ свой народъ наказаніемъ или увѣщаніемъ тѣхъ дураковъ отъ нѣхъ дурачества не предупреджатъ, то сіе будетъ въ противность обонхъ законовъ, ибо онъ довольно знать можетъ, что когда пастухъ имѣеть у себя сто барановъ и одного изъ нихъ потеряетъ, то онъ долженъ, оставя 99 на степѣ, (и) искать пропалаго, а

¹⁾ На предложеніе ханомъ своихъ услугъ, говорится въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пушкина (изд. 2-е, стр. 16), что его благодарили и отвѣчали, что надѣются управиться съ матежникомъ безъ его помощи. Искренности его намѣреній не вѣрили.

когда найдеть отъ того паства во отдаленности, то долженъ хотя на себѣ до того донести и при томъ объявить своимъ пріятелямъ, что пропалой его баранъ нашелся. Не въ примѣръ сому всемилостивѣйшая наша государыня подданныхъ своихъ за доброусердіе награждая и зловредныя наказуешь. И такъ-бы разсудилъ онъ, ханъ, что російскихъ людей, кромѣ что взятыхъ по рѣкѣ Яику, только съ Волги 256 человѣкамъ не будетъ возвращенія, а своихъ шестнадцать человѣкъ требуетъ». И на то ханъ сказалъ, что изъ города Балха, Дашкента, Бухари и изъ Хивы, изъ Большаго Передняго Юза и изъ прочихъ лѣсть все ему, хану, пріятеля и онъ не знаетъ, что мы думаемъ, ибо ему, хану, противъ нашихъ Нагайцевъ ни къ кому нельзя влезть въ пазуху. На что я ему соотвѣтствовалъ: «сего вамъ никто не повелѣваетъ, чтобы къ кому-нибудь влезть въ пазуху, да и самимъ вамъ извѣстно, что наша Всемилоствѣйшая Государыня уже нѣсколько лѣтъ производитъ съ Туркомъ баталію, однакожъ отъ васъ никакой помощи на то и ничего не требуетъ, а кромѣ того, что всехъ васъ награждаетъ; а что-жъ вы объявили о вышеисчисленныхъ мѣстахъ: Балхѣ, Дашкентѣ, Хивѣ и о прочихъ, что они съ вами въ дружбѣ, то о семъ и Російской Имперіи довольно извѣстно, что не только въ дружбѣ, но еще доводятся вамъ и въ родствѣ; однако-жъ каждый по раздѣленію сидитъ на своемъ мѣстѣ и никому всякъ своего мѣста не отдаетъ; такъ и вамъ досталась здѣшняя Яицкая стѣнь и вы въ ней властны и никто васъ съ нее согнать не можетъ—куда хотите, туда и кочуете; такъ я думаю, что и вы никого уже другаго на нее не пустите. Такъ по сему видется, что если вы, оставя данное вамъ издревле мѣсто, куда идти можете и гдѣ съ такимъ немалымъ народомъ виѣститься? Никто, я думаю, вамъ своего мѣста не отдастъ, кромѣ того, развѣ, что возьмете саблю; но токмо можетъ быть на-противъ вашей сабли вынетъ другой саблю-жъ, и тутъ еще надобно думать, кому Богъ дастъ и можетъ быть кто между снѣмъ останется несчастливъ, тогда уже принужденъ быть одинъ у другаго подъ властію; а вы изволили сказать, что ни къ кому въ пазуху не влезете. Однако-жъ я думаю, что эта Яицкая стѣнь для васъ—такъ, какъ суопутное море съ портами; во первыхъ большой портъ Оренбургъ, а потомъ Яицкій городокъ и вся яицкая линія, до Гурьева городка простирающаяся, также и Астрахань во всехъ свѣхъ мѣстахъ можете вы производить торги и получать себѣ немалую чрезъ сіе прибыль, если только тихо и смирно и годъ отъ году будете исправнѣе. Я думаю и изъ тѣхъ мѣстъ, то есть Хивы, Бухары и изъ прочихъ очень желаютъ быть въ близости къ російскимъ границамъ, для своей прибыли; и въ томъ-бы ваше высокостепенство повѣрили мнѣ, яко вѣрному своему слугѣ, что я вамъ подлинно сказываю, ибо мнѣ отъ господина губернатора и товарищей его извѣстно, что о прошедшемъ киргизцами причиненіи вы неизвѣстны и ни малѣйшаго въ томъ на ваше высокостепенство сумнительства не имѣютъ, кромѣ одного только ихъ, киргизцевъ, самовольства; а если-бъ мнѣ о вашемъ

къ російской сторонѣ доброжелательствѣ было неизвѣстно, то по прибытіи въ Кулагинскій форпостъ какъ-бы могъ я задержаннаго въ томъ форпостѣ вашего подвластнаго киргизца Малбая изъ-подъ караула сдѣлать свободнымъ и привести къ вамъ? Однако-жъ и вашему высокостепенству, по должности вашей, тѣхъ легкомысленныхъ и самовольныхъ людей сыскать и за ихъ дерзости винныхъ наказать и взятыхъ въ плѣнъ російскихъ людей, и скотъ, и прочее непрежнему возвратити и въ томъ-бы не оставить на себѣ подозрѣнія, ибо ваше высокостепенство возвратомъ сихъ людей не оскудѣете; и несумнѣнно и точно васъ со всѣми вашими старшинами и народомъ увѣряю, что вы будете никогда лишены за сіе Ея Императорскаго Величества мило сѣрдія».

И на то ханъ сказалъ: «очень хорошо. Это правда — мнѣ должно исполнить, только теперь, въ лѣтнее время, никомъ образомъ дикой мой народъ собрать невозможно; а особливо первой начальникъ и предводитель всѣмъ сямъ дѣламъ, что учинено по Волгѣ и въ прочихъ мѣстахъ, Досали-Солтанъ кочуетъ отъ меня весьма въ дальнемъ разстояніи, да и глазъ ко мнѣ нынѣ не кажетъ и меня не слушаетъ. Однако-жъ писалъ я нынѣ во Рта-Езъ къ брату своему Ирали-Солтану, чтобъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нѣсколькимъ числомъ народомъ для усмиренія сихъ монхъ противниковъ и уповаю, что помощію Божіею ихъ усмирю и повелѣніе Ея Императорскаго Величества исполню; да сверхъ сего писано отъ меня и самому ему, Досали-Солтану, также и сыну его злодѣю, который находился у Пугачева въ толпѣ, что-бъ пріѣхали ко мнѣ и если-жъ онъ самъ ко мнѣ не пріѣдетъ, то я его гдѣ поймаю и убью до смерти. А что касается Яицкой стороны, о томъ я еще имѣю съ тѣми яицкими казаками учинити во Оренбургской губерніи слѣдствіе и посылаю нынѣ во Оренбургъ посланниковъ, нѣкоторыхъ старшинъ и изъ ближнихъ своихъ, а ко двору Ея Императорскаго Величества объ ономъ письмо, ибо мы ихъ форпосты разоряли, какъ выше значить, по повелѣнію, да и они, казаки, немало разграбили у подвластныхъ монхъ людей скота рогатаго и лошадей до нѣскольکو табуновъ».

Я, майоръ, еще объявилъ ему о взятыхъ съ Волги російскихъ людяхъ: если его высокостепенство всѣхъ тѣхъ взятыхъ съ Волги російскихъ людей собрать не можетъ, то хотя малое число; на что онъ въ отвѣтъ ничего не сказалъ.

На другой день призвалъ меня ханъ къ себѣ и во первыхъ сказалъ о злодѣѣ Пугачевѣ, что уже де мнѣ о немъ довольно извѣстно и имѣю съ разныхъ мѣстъ теперь объ ономъ письма, что онъ въ Татищевой и Сакмарѣ крѣпостяхъ былъ разбитъ и бѣжалъ съ малымъ числомъ людьми въ Башкирцы; однако-жъ увѣдомился де я нынѣшняго дня отъ подвластныхъ своихъ людей, которые были около Оренбурга и видѣли яко-бы они въ Башкирской сторонѣ великую пыль и спрашивали,—что это за пыль, на что имъ сказано, что де это Пугачевъ съ башкирцами идетъ подъ Оренбургъ.

Подлинное Изображение
Бунтовщика Исаакиевича
Емельки Пугачева

Включено в журнал «РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1890 г.

На то я ему, хану, объявилъ: когда былъ Пугачевъ со всею воровскою силою около города Оренбурга, и доходило до того, что во Оренбургѣ по сту по двадцати рублевъ былъ пшеничной муки мѣшокъ и тутъ онъ ничего не сдѣлалъ, а нынѣ вамъ извѣстно, что онъ въ разныхъ мѣстахъ былъ разбитъ, да и самъ едва могъ идти въ Башкирцы; а нынѣ, пришедъ съ башкирскою силою, стрѣлами и копьями, Оренбургъ взять не можетъ, ибо тамъ есть регулярныя войски, генераль князь Голицынъ и генераль Ферманъ, да и никакъ ему, хану, о семъ вѣрить не можно.

Ханъ на сіе сказалъ: „этому и я не вѣрю: однако дикой и легкомысленной народъ, а особливо согласники его, Пугачева, сему повѣрятъ; да и нынѣ мнѣ изъ пріѣхавшихъ съ вами въ конвоѣ яицкихъ казаковъ двое оба изъ татаръ, одинъ, именемъ Чебдарябъ, сказывалъ здѣсь подвластнымъ мюнцъ киргизцамъ о бѣглыхъ изъ его, Пугачева, воровской партіи яицкихъ казакахъ, которые де шатаются около рѣки Янку сто человекъ, да на узеняхъ сто пятьдесятъ человекъ, да еще бѣглыхъ де изъ команды г. генерала Демедома яицкихъ же казаковъ около Мергеневского форпоста пятьдесятъ человекъ и разглашаетъ о немъ, злодѣѣ Пугачевѣ, что де онъ къ нимъ въ маѣ мѣсяцѣ будетъ самъ на Янкъ. Другой, Булатай, разглашалъ у меня-жъ въ аулѣ подвластнымъ мюнцъ киргизцамъ о Пугачевѣ-жъ, что хотя де Пугачевъ разбитъ, но токмо это у травы посохшій верхъ, а когда не изсохнетъ середина и корень, то въ то время посмотрите. И по снѣгъ ихъ рѣчамъ какъ не будутъ сему вѣрить легкомысленной нашъ народъ!“

Однако-жъ, выслушавъ я отъ него, хана, о сихъ бывшихъ при мнѣ въ конвоѣ изъ татаръ яицкихъ казаковъ слова, и содержалъ все въ памяти до прибытія въ Яицкой городокъ, а по прибытіи во оной объявилъ тамошнему г. генералу и тамошнему коменданту; которыхъ и приказали посадить подъ караулъ.

На третій день призвалъ меня ханъ къ себѣ и при немъ былъ только одинъ писарь Абась, писалъ письма, гдѣ мнѣ ханъ сказалъ: «вотъ это де пишутъ отвѣтныя письма»; а на то я ему объявилъ, что слышалъ отъ его старшинъ, что присланная отъ Ея Императорскаго Величества грамота писана во первыхъ на его, хана, имя, а потомъ всѣмъ салтанамъ и старшинамъ и всему его народу, а топерь его высокостепенство отвѣтъ пишетъ только отъ себя или отъ всего общества?»

Ханъ на то соотвѣтствовалъ, что де ихъ совѣтъ и слова всѣ у него, хана. И такъ я хотѣлъ ему, хану, на сіе объявить о требуемыхъ нашихъ плѣнныхъ російскихъ людяхъ, ибо онъ сказываетъ, что народъ его дикой и легкомысленной и его, хана, не слушаютъ, а о отвѣтныхъ письмахъ объявляетъ, что всѣ ихъ совѣтъ и слова у него и все сіе со общаго согласія, однако-жъ не сказалъ, дабы онъ не пришелъ въ сумнѣніе.

Затѣмъ паки ханъ говорилъ, что «слышалъ де я о Хундровскихъ татаряхъ,

будто-бы между ними есть съ тамошнимъ муллою тяжба»; а на сіе я ему сказалъ, что и о семъ слышалъ, только какое нѣ дѣло—о семъ мнѣ неизвѣстно, и для нѣ разбираательства приставленъ къ нимъ майоръ да переводчикъ и можетъ быть дѣло ихъ послѣ насъ кончилось.

Напротивъ чего ханъ спросилъ о Астраханской сторонѣ, что де какія есть извѣстія? Я на то ему объявилъ: слава Богу, все благополучно. — И такъ на сіе ханъ сказалъ, что я отъ него скрываю, ибо де ему извѣстно изъ всѣхъ мѣстъ—и съ Кубанской стороны, какъ пріѣхалъ крымской Герей-Солтанъ на Кубань и о протчемъ въ тамошнихъ сторонахъ и о ихъ намѣреніяхъ.—А на то уже я ему объявилъ: когда былъ онъ, Герей-Солтанъ, прежде со всею своею силою благополученъ и въ то время не могъ съ Россією противиться и оставилъ всѣхъ своихъ людей и всѣ свои мѣста подъ властію російскою, а самъ едва ушелъ въ Царь-Градъ; однако-жъ хотя собралъ онъ малое число пѣшихъ людей и пріѣзжалъ черезъ Черное море, и тутъ разбитъ, а самъ наки бѣжалъ.

Послѣ-жъ сего объявилъ я ему, хану, о плѣнныхъ нашихъ съ Астраханской стороны російскихъ людяхъ, что когда можно ихъ собрать, и поставитель вы сему срокъ, черезъ колкое время сіе окончатъ можно?—На что ханъ соотвѣтствовалъ: «когда мои подвластные киргизцы соберутся въ одно мѣсто». И такъ, сказалъ я ему, что это видно будетъ въ глубокую осень, что и ханъ увѣрилъ и однако-жъ де онъ писалъ и г. губернатору, что-бы отпустить къ нему нѣ плѣнныхъ кайсакъ, также о семъ велѣлъ и мнѣ доложить г. губернатору: егда онъ, г. губернаторъ, тѣхъ киргизцевъ къ нему пришлетъ, то будетъ ему подлинно помощникъ и тѣмъ его, хана, между кайсацкимъ народомъ сдѣлаеть полномочнымъ, «а о своихъ де російскихъ людяхъ никакого сумнительства не имѣйте, что-бы они были вамъ не отданы, ибо уже въ семъ дѣлѣ останусь должнымъ я, а не вы». А притомъ выговорилъ, что онъ слышалъ, что они, его кайсаки, очень въ худомъ мѣстѣ и скованы содержатся. Я на то соотвѣтствовалъ ему, что о семъ не знаю и гдѣ они—ихъ не видалъ. Съ чѣмъ рѣчи и прекратились.

Сверхъ же сего по данной мнѣ изъ губернской канцеляріи инструкціи велѣно секретно развѣдать, что у кого въ рукахъ наши плѣнные и скотъ, взятые при Волгѣ, состоятъ и въ какомъ онъ, ханъ, состояніи находится; да и для чего онъ, ханъ, съ братомъ своимъ Досали-Солтаномъ имѣеть ссору и давно-ль оная между ними произошла, да и не имѣеть-ли онъ, ханъ, съ Пугачевымъ какого согласія? Объ ономъ губернской канцеляріи представленіемъ доношу.

1) О захваченныхъ киргизцами російскихъ людяхъ. Хотя онъ, ханъ, и показываетъ на Досали-Солтана, да на Кара-Батыра, однако-жъ Досали-Солтанъ хотя и Пугачеву былъ согласникъ, точію какъ у него, такъ и у Кара-Батыра взятыхъ въ плѣнъ съ астраханской стороны людей нѣтъ; а увѣ-

домился я тамо отъ плѣнника, персіянина Навруза, да и отъ киргизца Чотана и отъ протчихъ, что въ плѣну наши россійскіе люди у ближнихъ его, хана, людей, а именно Байбактинскаго рода Айдара, Кризова, Эсенбаева, слишкомъ съ двѣсти душъ, а протчіе у Вершева рода Курбанъ-Бая да у Кердаринскаго рода Жоланъ-Батыра.

2) О ссорѣ его, хана, съ братомъ своимъ Досали-Солтаномъ; то видно, что прежде оной между ними не было, а началась съ самаго того времени, какъ появился Пугачевъ. Однако-жъ и сынъ его, Досали-Солтана, находился у злодѣя въ толпѣ не безъ согласія ханскаго, ибо онъ, ханъ, сказалъ Досали-Солтану, что если будетъ Пугачевъ несчастливъ, то ему, хану, объ немъ легко можно упросить; а если быть ему, хану, у него, то Досали объ немъ, ханѣ, никакъ упросить не можетъ.

3) О состояніи его, хана, и о согласіи съ Пугачевымъ,—то объ ономъ также видно, что онъ, ханъ, согласіе съ нимъ, Пугачевымъ, имѣлъ, ибо я увѣдомился въ Кулагинскомъ форпостѣ, чрезъ яицкаго казака Семіона Болдырева, который знаетъ татарскій разговоръ, что чрезъ него послано было отъ Пугачева къ хану письмо, которое онъ, ханъ, при немъ и прочелъ и во оборотъ на то къ нему, Пугачеву, прислалъ съ нимъ-же, Семіономъ, письмо, которое онъ по прибытіи Пугачеву отдалъ и Пугачевъ, оное распечатавъ, прочелъ и видитъ, что ханъ новолѣнія его не исполнялъ и все обманываетъ, и при томъ сказалъ, что «если я возвращусь назадъ, то веди его, хана, повѣсить за ребра». Гдѣ я того казака и еще спросилъ, что для чего Пугачевъ такъ крѣпко на хана осердился, на что онъ мнѣ сказалъ, что де «требовалъ онъ, Пугачевъ, отъ него, хана, помощи и хотѣлъ ѣхать въ Татищеву крѣпость, а онъ, ханъ, ему не прислалъ». А предъ симъ де онъ, ханъ, подарилъ ему, Пугачеву, двухъ самыхъ хорошихъ лошадей.

4) О состояніи его, хана, и въ какихъ онъ точно мысляхъ,—о семъ подлинно доказую, что ханъ имѣетъ съ кубанской или съ турецкой стороны письмо, либо извѣстіе, ибо онъ, какъ выше писано, и самъ мнѣ сказывалъ, что онъ имѣетъ изъ всѣхъ мѣстъ извѣстія. Въ такомъ случаѣ онъ, ханъ, нашихъ плѣнныхъ киргизцами россійскихъ людей и не отдаетъ, а ожидаетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ откроется.

А находились мы при ханѣ четыре дни, а въ пятый, то есть мая 16 дня, подъ вечеръ, призвалъ насъ ханъ къ себѣ и отдалъ мнѣ отвѣтныя письма, причѣмъ подарилъ меня лошадью, а бывшему при мнѣ ученику далъ трехрублевый червонецъ и опредѣлилъ намъ въ препровожденіе сына своего роднаго, Бекъ-Али-Солтана, до Яицкаго городка. И отправилъ и доѣхалъ его ханскій сынъ только до Айчувакъ-Солтанова аула, который разстояніемъ былъ отъ него, хана, въ тридцати верстахъ, гдѣ встрѣтился намъ посланный отъ хана въ Яицкой городокъ посланникъ Яшибай; и тутъ ханскій сынъ насъ и съ собою остановилъ до прибытія отъ отца его на то, присланное черезъ

Якъ изъ Оренбурга, письмо извѣстія. Однако-жъ на другой день прислано къ нему отъ отца его письмо, чтобъ возвратился назадъ, который пришедъ намъ сказалъ, что отецъ его требуетъ къ себѣ и съ тѣмъ поѣхалъ. Гдѣ и ожидали мы его два дни у тамошникъ хундровцевъ въ аулѣ. И между тѣмъ увѣдомился я отъ тамошникъ хундровскихъ татаръ, также и кайсацкихъ старшинъ, которые меня очень прилежно спрашивали о здѣшнихъ астраханскихъ кондровцахъ, что де «гдѣ они кочуютъ и какая у нихъ съ муллою тяжба, да и правда ли, что яко-бы запрещено ихъ пускать на сию сторону рѣки Волги?» На что я имъ сказалъ, что правда, это только было сдѣлано для нихъ въ пылѣшнюю зиму, ибо они, кайсаки, хотя и считаютъ себя магометанцами, однако-жъ ни русскихъ, ни магометанцевъ не оставляютъ, а всѣхъ грабятъ, то для того не только имъ, но и российскимъ людямъ всѣмъ велѣно было отъ нихъ предостерегаться; въ такомъ случаѣ и ихъ не велѣно было, для опасенія, пускать на сию сторону рѣки Волги, а нынѣ, слава Богу, всѣ они кочуютъ по сию сторону, на степѣ и съ своимъ скотомъ.

Послѣ-жъ сего на третій день ханъ прислалъ къ намъ въ препровожденіе пріѣхавшаго изъ Яика съ письмомъ киргизца Якшибая и велѣлъ ему, чтобъ сказано было мнѣ, что онъ, ханъ, изъ Оренбурга черезъ Яикъ получилъ благополучное извѣстіе и имѣетъ нѣкоторое повелѣніе и «намѣренъ во Оренбургъ послать сына того, который былъ съ вами, а его де прислалъ къ вамъ быть проводникомъ до Яицкаго городка съ тремя киргизцами», съ которыми я былъ бѣжать весьма опасенъ; однако-жъ ханъ никого кромѣ сего киргизца не прислалъ, почему уже принужденнымъ я нашелся ѣхать съ нимъ. А какъ видно, узнавъ о семъ его легкомысленной народъ, что онъ, ханъ, сына своего отъ меня возвратилъ, и не выѣхалъ я отъ ханскаго аула болѣе ста пятидесяти верстъ, то начали появляться воровскія киргизскія партіи. Во первыхъ въ передѣ увидя казаки и ханской киргизецъ начали дѣлать намъ маякъ, къ которому мы и поѣхали съ поспѣшеніемъ и по прибытіи увидали впереди пыль, а послѣ-жъ сего оставшіе отъ насъ неподалеку казаки увидя еще около себя киргизцевъ три партіи и полагали быть въ нихъ около 20 человекъ, что увидя оное и поѣхали къ намъ гораздо поспѣшнѣе, за которыми тѣ киргизцы и гнались, однако-жъ поворотили отъ нихъ на лѣвую сторону, а казаки пріѣхавъ о семъ мнѣ сказали, а одинъ де изъ донскихъ казаковъ остался позади. А время было уже весьма при вечерѣ, гдѣ мы принуждены были ночевать и ждавъ того казака, не дождался. И точно узналъ, что тѣ воровскія киргизскія партіи отъ насъ неподалеку. И такъ, принявъ въ ту ночь предосторожность, приказалъ я командѣ своей, казакамъ, что-бы ни одинъ не спалъ и каждый былъ въ готовности. И такъ переночевавъ тутъ, на разсвѣтѣ появился неподалеку отъ насъ, на бугрѣ, человекъ, къ которому и послалъ я казаковъ три человекъ, уводя, что не

нашъ-ли оставшей донской казакъ, а за ними послалъ еще и киргизца Якшибая, который доѣхавъ до тѣхъ, посланныхъ отъ меня, казаковъ, и увидалъ того человѣка, и сказалъ имъ, что де это не казакъ, а киргизецъ и тутъ вскричалъ ему по татарски, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему ничего не опасаясь, ибо де онъ отъ Нурали-хана посланникъ, но однако-жъ тотъ киргизецъ смотрѣлъ весьма долго и хотѣлъ было поворотить прочь, точію уже казаки подѣхали къ нему близко; и такъ вида онъ, что ему удти будетъ невозможно, принужденъ уже сдѣлался къ нимъ подѣхать, котораго они взявъ, привезли ко мнѣ, гдѣ я его спросилъ: что онъ за человѣкъ и зачѣмъ тутъ ѣздитъ, который объявилъ, что онъ киргизецъ байбактинскаго роду, а ѣздилъ для отысканія пропавшихъ своихъ коней и есть де у него еще на кошу товарищи, во первыхъ сказалъ пять человѣкъ, а потомъ четыре. Однако-жъ послалъ я на тотъ ихъ кошъ казаковъ десять человѣкъ да киргизца Якшибая и велѣлъ какъ невозможно ихъ передоить. Точію посланные отъ меня казаки, по прибытіи на тотъ ихъ кошъ, поймали только двухъ человѣкъ да десять лошадей, а одинъ изъ нихъ бѣжалъ, а тѣхъ двухъ киргизцевъ привезли ко мнѣ и потомъ объявили, что на томъ ихъ кошу много экипажу, кошеть, сѣдель и протчево; однако-жъ ничего тѣ казаки не взяли. Гдѣ уже я и тѣхъ двухъ киргизцевъ спросилъ: «что они за люди и для чего здѣсь ѣздятъ?» которые также объявили, что они киргизцы байбактинскаго рода; на что я имъ еще сказалъ, что много-ль ихъ человѣкъ, которые объявили, что ихъ девять человѣкъ, на что я имъ во отвѣтъ сказалъ: «хотя-бъ васъ девять или десять человѣкъ, да для чего-жъ у васъ на кошу такъ много экипажу, сѣдель, кошеть и протчево; да и сами мы вечеръ видѣли, что васъ было человѣкъ съ двадцать; да гдѣ-жъ нашъ казакъ?» На что они объявили, что «де мы казака вашего не выдали да и у нихъ нѣтъ; развѣ де, что вы говорите видѣли вечеръ съ двадцать человѣкъ и можетъ быть не у нихъ-ли, ибо мы ихъ и сами видѣли, только они не наши товарищи, а наши де товарищи уѣхали для воровства къ Янку».

И такъ, взявъ я ихъ всѣхъ трехъ человѣкъ и поѣхалъ къ Янку; и доѣхали мы около полдень до воды, гдѣ надлежало кормить лошадей, остановились; то пришедъ къ намъ ханскій подданный, киргизецъ Якшибай, и со вѣтуетъ мнѣ, что-бъ одного изъ тѣхъ киргизцевъ отпустить для отысканія того казака, на что я согласясь и давъ ему изъ тѣхъ ихъ киргизскихъ десяти лошадей одну лошадь, его и отпустилъ прямо къ хану, а самъ съ тѣми двумя киргизцами и съ бывшею при мнѣ командою прибылъ въ Янцкій городокъ благополучно и по прибытіи тѣхъ двухъ киргизцевъ, съ ихъ девятью лошадьми и со всѣмъ экипажемъ, представилъ г. генералъ-майору и ковалеру Павлу Дмитріевичу Мансурову при репортѣ, а онъ, г. генералъ, наслалъ тамошнему коменданту о принятіи тѣхъ киргизцевъ, съ ихъ девятью лошадьми, двумя ружьями и одною саблею и экипажемъ, ордеръ, а мнѣ при-

казалъ нѣсколько день пообождать для нѣкоторой опасности, ибо де онъ послалъ на здѣшнюю стѣнь драгунскаго майора и яицкаго старшину Мартемьяна съ командою для сысканія ставропольскихъ калмыкъ и другихъ бѣглыхъ изъ пугачевой партіи яицкихъ казаковъ, гдѣ и ожидалъ я три дни, а на четвертый посланная отъ него, господина генерала, команда возвратилась и немалое число изъ тѣхъ шатающихся ставропольскихъ калмыкъ съ женами и съ дѣтьми захватили и привезли въ Яицкій городокъ; конкъ онъ, г. генераль, и отдавалъ всѣмъ тамо офицерамъ, а между тѣмъ отдалъ и мнѣ двоихъ—одного мальчика да дѣвку.

А послѣ-жъ того, въ седьмой день, черезъ ханское стараніе, привезли киргизцы Хажки-Бая и Макельди захваченнаго отъ меня донскаго казака, котораго я взявъ и увидѣлъ, что онъ раненъ и нѣкоторыя у него вещи распропала, за что и взялъ я отъ того киргизца Хажки-Бая лошадь и отдалъ тому казаку; а вмѣсто его захваченныхъ двухъ киргизцевъ приказали, какъ господинъ генераль, такъ и комендантъ, съ одною лошадью отпустить.

А въ бытность мою въ Яицкомъ городкѣ разбили киргизцы Каленовскій форпостъ и отогнали до 300 скотинъ и табуновъ, а потомъ я Каршу форпостъ-же и взялъ въ плѣнъ мужеска и женска полу до 30 человекъ.

Потомъ онъ, г. генераль-майоръ и ковалеръ Мансуровъ, мѣя 31, давъ подорожную и въ конвой яицкихъ казаковъ 24 человекъ, по сей сторонѣ рѣки Яика, черезъ форпосты, меня и отправилъ; и повхалъ и съ тою командою чрезъ форпосты въ Астрахань. А по прибытіи въ Калмыковскій форпостъ, взявъ тутъ, выбѣгшихъ изъ киргизъ-кайсацкаго полону, калмыцкую женку съ сыномъ, князя Дундукова владѣнія, да одного персіянина, по самовольному ихъ желанію, съ собою-жъ и отправился въ Астрахань. А по прибытіи въ Красныя Яръ взятыхъ мною изъ онаго по повелѣнію изъ гувернской канцелярии 3-хъ подводныхъ лошадей, которыхъ я ему, г. красноярскому коменданту при репортѣ со всѣмъ приборомъ и отдалъ. А потомъ онъ, г. комендантъ, отправилъ насъ до Астрахани. Прибыли мы въ Астрахань іюня 16 дня благополучно.

Да сверхъ-же сего привез(енными)шими донскаго казака киргизцами Хажки-Баемъ и Мылкавемъ показано, что де послѣ ихъ отъѣзда, собравъ ханъ къ себѣ солтановъ и старшинъ, сказалъ имъ, что «уже де немало вы раззорали русскіихъ жительствовъ и брали въ плѣнъ людей, однако-жъ если вы хотите кочевать по сей Яицкой рѣкѣ и стѣнѣ, то отъ сего каждый подвластныхъ своихъ кайсакъ предупержите и виновныхъ за ихъ злоупотребленія накажите; а если хотите, сію Яицкую стѣню оставя, куда-либо идти на другое мѣсто,—въ томъ какъ хотите».

Да сверхъ сего дополняю, что прибыло въ препровожденіи меня въ Астрахань посланныхъ отъ г. генераль-майора и ковалера Мансурова яицкихъ казаковъ восемь человекъ, въ томъ числѣ одинъ хорунжий Тимофей Набатовъ;

да кромѣ-жъ ихъ еще состоитъ оставленныхъ близъ Краснаго Яру, для пастьбы собственныгъ ихъ лошадей, яицкигъ-же казаковъ шестнадцать человекъ, конгъ и требуетъ объ отправленіи попрежнему на Янкъ революціи.

О чемъ астраханской губернской канцеляріи симъ покорнѣйше и репортую. А что изъ выданныхъ имѣ изъ губернской канцеляріи денегъ шестидесяти рублей въ расходъ употреблено и затѣмъ въ остаткѣ, — при семъ прилагаю реэстръ. Мирзабекъ Вагановъ.

Іюня 25 дня 1774 года.

Реэстръ,—сколько издержано мною, будучи въ пути отъ губернской канцеляріи въ Киргизъ-Кайсацкому Нурали-хану, изъ выданныхъ изъ оной канцеляріи денегъ 60 рублей:

Два сафьяна желтыхъ .	2 р. — к.	} Оное все употреблено въ подарки.
Сапоги желтые сафьянные-жъ	1 » 15 »	
Подзорная трубка	1 » 80 »	
Пороховой рогъ .	1 » — »	
Зеркаль пять .	— » 70 »	
Наперстковъ мѣдныхъ 34	— » 75 »	
Табаку папушнаго и мелкаго на .	1 » 30 »	
Чаю и съ сахаромъ .	1 » 80 »	
Пшена акулинскаго 1 пудъ	1 » 60 »	
Сухарей и кренделей пшеничныхъ .	1 » 30 »	
Корницъ, имбирю, луку, мяса и рыбы да уксусу и два боченка	2 » 29 »	} Для собственного своего продовольствія.
Вина одно ведро	3 » — »	
Да въ бытность мою въ Яицкомъ городѣ издержано денегъ на харчъ и прочее	2 » 25 »	
Да посланникамъ, вмѣсто потерянной ихъ узды, куплена и отдана таковая-жъ, цѣна .	— » 20 »	
На содержаніе ученика Маслова, какъ то: на покупку верхней и нижней одежды, равно и обуви употреблено	. 10 » — »	
Итого въ расходѣ . . 31 р. 12 к.		
А затѣмъ въ остаткѣ . . 28 » 88 »		

Мирзабекъ Вагановъ.
Сообщ. В. Снѣжневскій.

ПОВѢГЪ БЕНІОВСКАГО ИЗЪ КАМЧАТКИ

1771.

Читателямъ „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, уже извѣстно имя Августа Беніовскаго, этого сказочнаго героя конца XVIII-го столѣтія, сосланнаго въ Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины Второй. Смѣлый побѣгъ этого авантюриста изъ Камчатки на небольшомъ суднѣ, плаваніе его въ Тихомъ и Индѣйскомъ океанѣ, наконецъ высадка на Мадагаскарѣ, гдѣ, какъ говорятъ, онъ провозгласилъ себя королемъ—все это вмѣстѣ взятое окружило личность его какимъ-то ореоломъ героизма и загадочности. О немъ много говорили и писали и даже похождения его, насколько помню, служили темою историческихъ романовъ. Самъ Беніовскій въ яркихъ краскахъ описываетъ свое путешествіе и подвиги; не мало было также историческихъ изслѣдованій о «Камчатскомъ бунтѣ»—словомъ, и далеко отъ мысли, чтобы эпизодъ этотъ могъ представить изъ себя особенную новость. Но мнѣ кажется, что предлагаемый ниже отрывокъ не лишень интереса уже потому, что онъ представляетъ изъ себя матеріалъ, собранный на мѣстѣ лицомъ, имѣвшимъ, благодаря официалъному своему положенію, полную возможность изслѣдовать происшествіе въ истинномъ его свѣтѣ. Спустя 25 лѣтъ послѣ бѣгства Беніовскаго, въ Камчаткѣ находился дѣйствительный камергеръ Н. П. Резановъ, отправленный въ 1803 г. въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Японію. Возвратясь оттуда и обозрѣвая въ 1805—1806 гг. Камчатку и владѣнія наши въ Сѣверной Америкѣ, Резановъ посѣтилъ и Большерѣцкъ ¹⁾, гдѣ между прочимъ ему удалось собрать отъ мѣстныхъ жителей и властей свѣдѣнія о Беніовскомъ. Имѣя подъ рукою бумаги покойнаго Резанова, касающіяся его путешествія по Камчаткѣ и Сѣверной Америкѣ, мнѣ случайно удалось напасть на этотъ любопытный автографъ Резанова, вѣроятно еще не издав-

¹⁾ Мѣсто побѣга Беніовскаго.

шій свѣта. Документъ этотъ я представляю на стр. «Русской Старины» безъ всякаго измѣненія текста подлинника.

Е. Военскій

Свѣдѣнія, какія можно было собрать отъ Большерѣцкихъ жителей въ разсужденіи Августа Бениовскаго, просто ими именуемаго Алодаромъ.

Въ 1771 году, когда въ Охотскомъ портѣ былъ начальникомъ полковникъ Пленистеръ, управляющій и всѣмъ Камчатскимъ краемъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ пришли въ Большерѣцкой рейдъ два казенныхъ транспорта, одинъ подъ командою штурмана офицерскаго чина Чуринна, другой—штурмана унтеръ-офицерскаго чина Софьяна; на первомъ изъ нихъ привезенъ Бениовскій самъ-пять, въ числѣ коихъ были полковникъ Батуринъ (не лишенный чина, но какъ сумасшедшій), какой-то Пановъ и Адольфъ, полякъ. Той же осенью разбило близъ Явипой рѣки судно кушца Холодилова. Промышленники съ онаго на зимовку прѣѣхали въ Большерѣцкъ съ передавникомъ своимъ мѣщаниномъ Чулошниковымъ.

Въ Большерѣцкѣ начальствовалъ тогда капитанъ Ниловъ, человекъ лѣтъ пятидесяти, малограмотный, пьющій запоемъ и весьма физически сильный. Состоящей при немъ команды было 14 человекъ, безъ оружія и амуниціи. Артиллерія состояла въ двухъ пушкахъ безъ станковъ, лежащихъ въ магазинѣ.

Ниловъ обходился съ Бениовскимъ дружески, все было тихо и никакого подозрѣнія во всю зиму не было, кромѣ, что подъ видомъ перевозки скарба и провіанта съ Чекавошной пристани, 40 верстъ отъ Большерѣцка отстоящей, перевозили они тайно тесаки и ружья въ острогъ, чего никто не зналъ, но открылось уже послѣ. Сіе обстоятельство заставляетъ мыслить, что они въ Охотскомъ портѣ были снабжены оными. Впродолженіе зимы холодиловскіе прикащики Торговиковъ и Кузнецовъ, жившіе въ Большерѣцкѣ же, стали послать промышленниковъ въ Нижне-Камчатскъ для постройки новаго судна. Сіе имъ не понравилось — вышла ссора, коею Бениовскій воспользовался, тайно привлекая ихъ на свою сторону. Не трудно было ему получить согласіе буйныхъ головъ на предложеніе бѣжать съ нимъ изъ Камчатки.

Въ маѣ мѣсяцѣ (жители не запомнятъ числа) предъ разсвѣтомъ одного дня, вдругъ пришедъ къ дому Нилова, закрыли всѣ ставни, сами влезли черезъ окошко въ стпяющую съ огнемъ и

тотчасъ бросились спящаго Нилова бить, а двухъ мальчишекъ, вѣстовыхъ его, связали. Нилонъ, въ первомъ движеніи къ оборонѣ себя, схватилъ Августа за галстухъ и удавилъ бы его конечно, еслибы одинъ изъ промышленниковъ не отрѣзалъ ему пальцевъ. Однакоже при всемъ томъ Нилонъ успѣлъ у Беніовскаго разбить грудь и изломать руку, такъ что онъ принужденъ былъ послѣ сего, во все время окончанія трагедіи, лежать въ канцеляріи. Вскорѣ Нилонъ былъ убитъ и тотчасъ зарытъ въ землю. Разбойники жъ кричали, что умеръ скоропостижно, глупо желая скрыть свое бездѣльничество.

Тогда же какъ управлялись съ Ниловымъ, ко всемъ домамъ были приставлены люди, обѣщающіе застрѣлить каждаго, кто тронется съ мѣста. Казна, состоящая въ мѣдныхъ деньгахъ и нѣсколько серебра, была разграблена, и что всего смѣшнѣе, на сіи деньги нужные товары у купцовъ покупали, а не грабили. Взята была большая предосторожность, чтобъ не выѣхалъ кто изъ острога и не далъ бы знать. Однакожъ одинъ камчадалъ успѣлъ уйтись по Тагильскому берегу; но къ несчастью былъ задержанъ штурманомъ Неводчиковымъ, зимовавшимъ при Колпаковской рѣкѣ. И вѣсть до Тагиля, по побужденію уже унтеръ-офицера Балашова, дошла поздно, такъ что отправленные изъ сей крѣпости двѣсти человекъ пришли шестью днями позже ихъ отбытія изъ Большерѣцка.

Грабежъ и снарядъ въ Большерѣцкѣ продолжались 4 дни. Въ сіе время судно было уже вооружено. На нагрузку судна и проведеніе онаго къ устью употреблено также дней 5, и потомъ благополучно изъ устья вышли.

На суднѣ отправилось человекъ сорокъ, въ томъ числѣ штурманъ Измайловъ, который, по открывшемся заговору, былъ высаженъ съ женою и камчадаломъ на первой Курильской островъ. Женскаго пола было только четыре персоны, въ томъ числѣ дочь казака Назарова, увезенная Августомъ какъ его любовница.

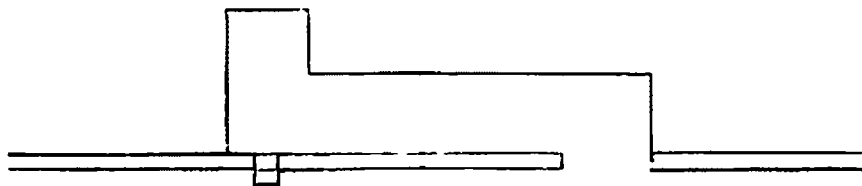
Больше сего ничего не извѣстно, но сіе довольно доказываетъ какими язами наполнено путешествіе Беніовскаго, имъ самимъ изданное. Но и то сказать, кто не любитъ рассказывать про себя, мѣшаясь съ небыллицей; особливо гдѣ надобно прикрыть злодѣйство, вѣчное безславіе наносящее.

Сообщ. Е. Военной.

Кочубей и Племянниковъ

(XVIII в.).

Въ двухъ верстахъ отъ Сѣвска за р. Марицей стоитъ древній мужской монастырь, называющійся Спасскій. По упраздненіи, онъ перешелъ нынѣ къ Сѣвской женской обители за внесенную обителью сумму. Монастырь этотъ обнесенъ зубчатою каменною стѣною съ башнями по угламъ. Въ одной изъ каменныхъ построекъ показываютъ мѣшокъ, гдѣ, по преданіямъ, былъ заключенъ Кочубей, но когда именно и какъ долго было это заключеніе—никто объяснить не могъ; мѣшокъ этотъ имѣетъ слѣдующій видъ:

мал. окно.

Ширина корридора и ниши не болѣе аршина, длина корридора около 5 шаговъ.

Внутри ограды стоитъ церковь древней архитектуры съ толстыми сводами, иконостасъ рѣзной тяжелой работы съ слѣдами позолоты.

Около церкви есть нѣсколько уцѣлѣвшихъ надгробныхъ памятниковъ, изъ коихъ замѣчательны слѣдующіе:

1) На каменномъ фундаментѣ желѣзная, какъ видно реставрированная позже, плита, окаймленная четырёхугольнымъ бордюромъ; въ верхней ея части арматуръ: овалъ изъ лавровыхъ листьевъ, въ срединѣ овала щитъ выпуклый съ 8 фестонами вокругъ, каждый фестонъ отдѣланъ на подобіе сянiя, верхній срѣзанъ и вмѣсто него 7 страусовыхъ перьевъ, расходящихся кверху вѣеромъ на подобіе хвоста павлина; внизу подъ вѣеромъ на лентѣ, продѣтой въ кольцо, гладкій крестъ, напоминающій формою орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія; подъ этимъ крестомъ на щитѣ скрещены между собою мечъ и лукъ, у нижняго фестона, окаймляющаго щитъ, внизу такой-же крестъ, какъ и сверху, также на лентѣ, продѣтой въ ушко креста, и два креста по обѣимъ сторонамъ фестона; изъ нихъ тотъ, который по

правую сторону, имѣеть большое сходство съ орденскимъ знакомъ св. Анны, а находящійся по лѣвую сторону имѣеть въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно дѣлаются мечи, круглыя тычинки по угламъ, сдѣланныя точно изъ проволоки и оканчивающіяся шариками. Подъ арматурою этимъ напечатана слѣдующая эпитафія (выпуклыми печатными буквами):

«Здѣ остановись на часъ мимо проходящій
Знать когда хочь кто на семь мѣсти есть лежащій
Петръ есть пмя по отцѣ Григорьевичъ звался
Племянникъ по своей фамилии писался
Потринадсѣтѣмъ служилъ солдатомъ былъ году
Жизнь и службу окончалъ лѣтъ имѣеть отъ роду
Шездесѣть и два служилъ сорокъ девѣть равно
Отечеству и пети государямъ славно
Свидѣтельствуетъ о семь польща азѡвъ скривомъ
Молдавія днестръ рѣка ачаковъ схотиномъ
Швеція цесарія сепруссомъ вонна кунно
Впродолженіи коен былъ онъ неотступно
За труды и подвигы былъ полнымъ генераломъ
Трехъ орденовъ кавалеръ извѣнь смертнымъ жаломъ
Родился 1711 году Іюня 18 дня
Преставился 1773 году іюля 11 дня.
Богъ да упокоятъ душу его со святыми».

Внизу подъ эпитафіей гробъ выпуклый, подъ нимъ черепъ и кости.

2) Другой памятникъ состоитъ изъ гранитовой колонны на пьедесталѣ; верхняя часть колонны сбита; на четырехъ сторонахъ колонны надпись:

а) Подъ камнемъ симъ положено тѣло приміеръ маіора Ивана Вязмитинова скончавшагсѣя 1818 года іюня 30 дня на 66 году отъ рожденія своего.

- б) Возри, прохожій, и спроси
Что значить камень сей?
Онъ вѣрный есть предметъ
И для судьбы твоей.
- в) Кто благодарителя
Цѣнилъ велицемѣрно
Тому потеря въ немъ
Чувствительна безмѣрно
- г) Таковъ есть смертнаго
Назначенный предѣлъ,
Отдалъ природѣ долгъ
И въ вѣчность перешелъ.

Орель.

Сообщ. 18 окт. 1879 г. М. О.

РУССКІЕ СОЛДАТЫ ВЪ ПРУССКОЙ СЛУЖБѢ

1713—1817.

I.

Въ исторіи дружественныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей любопытны два эпизода, одинъ въ началѣ прошлаго вѣка, а другой въ началѣ текущаго, но оба однородные.

Первый изъ нихъ ¹⁾ относится ко времени войны Петра I противъ Швеціи. Петръ I, не успѣвъ привлечь къ союзу съ нимъ перваго прусскаго короля Фридриха I, всячески старался привлечь къ тому сына и преемника его, Фридриха Вильгельма I, пользуясь для того слабостями его и стараясь угождать имъ. Главными-же слабостями его были скупость и алчность его и особенно страсть къ великанамъ-солдатамъ въ потсдамской гвардіи его ²⁾. Первымъ двумъ Петръ I старался удовлетворять разными подарками, пріятными королю, или исполненіемъ его желаній и причудъ; послѣдней-же преимущественно — присылкою ему «въ подарокъ русскихъ солдатъ великановъ» для его гвардіи.

Уже въ 1713 г. царь Петръ Алексѣевичъ послалъ прусскому королю «въ подарокъ 80 русскихъ солдатъ-великановъ, съ полною боевою и походною аммунициею» и сверхъ того «такую-же полную аммуницию на 1200 чел.». Все это было доставлено въ Потсдамъ въ январѣ

¹⁾ См. изданную въ Москвѣ, въ 1878 г., небольшую книжку подъ заглавіемъ: «Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей.—Русскіе великаны въ прусской службѣ (1711—1716), составилъ М. Пуцилло», но подлиннымъ документамъ и матеріаламъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ числѣ историческихъ портретовъ, въ 1873—1874 гг. находился портретъ, во весь ростъ, короля Фридриха Вильгельма I (но безъ его названія), неблагообразный лицомъ и особенно большимъ, отвратительнымъ животомъ.

К. Г.

1714 г.—12 самыхъ рослыхъ солдатъ король выбралъ въ свою гвардію, а прочихъ разослалъ въ разные полки прусской арміи.

Годъ спустя, въ 1715 г., король, «ради закрѣпленія дружбы съ Петромъ I», пожелалъ присылки ему, королю, «въ подарокъ, еще нѣсколькихъ сотъ русскихъ солдатъ-великановъ». На это Петръ I обѣщаль прислать изъ русскаго корпуса въ Помераніи не только нѣсколько сотъ русскихъ рослыхъ солдатъ, но даже «цѣлый баталіонъ или полкъ», съ тѣмъ однако, чтобы этотъ баталіонъ или полкъ никогда не былъ распредѣляемъ по прусскимъ полкамъ, но всегда былъ содержанъ особо съ русскими офицерами. Однако это обѣщаніе, по какому-то случаю, не было сообщено королю и осталось неисполненнымъ. Но король, не удовлетворившись первою присылкою солдатъ и амуниціи, просилъ прислать ему «рослыхъ лошадей для его конной гвардіи и еще человекъ 60 или 70 рослыхъ солдатъ», а въ благодарность за то обязался продолжать союзъ съ Петромъ I. Желаніе его было исполнено присылкою ему, въ 1716 г., 80-ти человекъ рослыхъ русскихъ солдатъ, изъ которыхъ 14 самыхъ рослыхъ были назначены въ гвардію, а прочіе разосланы въ разные полки.

Въ 1718 г. Петръ I, въ благодарность королю за возобновленіе имъ въ 1717 г. союза, послалъ ему еще «55 рослыхъ русскихъ солдатъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ подарки: «токарный станокъ, баржу и кубокъ собственноручной работы».

Но присылки русскихъ солдатъ не ограничились этимъ, а продолжались и въ слѣдующіе годы. Такъ, въ 1720 г. было прислано еще «10 солдатъ», а въ 1724 г., въ послѣдній разъ, «23 человекъ». Такимъ образомъ, съ 1714 г. до 1724 г. включительно, королю было прислано всего «248 чел. русскихъ рослыхъ солдатъ». Они набирались отчасти изъ русскихъ полковъ, отчасти изъ русскихъ крестьянъ разныхъ губерній. Объ участи и положеніи ихъ въ прусской военной службѣ не имѣется свѣдѣній, но легко можно представить себѣ, каковы они были. По нѣкоторымъ даннымъ, можно утвердительно сказать, что, не смотря на относительно хорошую, можетъ быть, жизнь ихъ, благодаря заботамъ о нихъ короля, положеніе ихъ было очень тяжкое. Тоска по родинѣ, отъ которой они были насильно и надолго оторваны и гдѣ многие оставили женъ и дѣтей, не имѣя надежды скоро возвратиться въ Россію, — многолѣтняя (даже до 35 лѣтъ) служба ихъ, притомъ при строгой и даже суровой дисциплинѣ въ прусскихъ войскахъ, — старость и даже дряхлость многихъ изъ нихъ, такъ какъ ихъ выбирали не по лѣтамъ, а по росту, — наконецъ, неизвѣстно, имѣли-ли они утѣшеніе исполнять свои христіанскія обязанности по православному обычаю — все это не можетъ не

представить положенія ихъ достойнымъ всякаго сожалѣнія. Имѣются, впрочемъ, свѣдѣнія, что, вслѣдствіе просьбъ ихъ, Петръ I въ 1723 г. (по окончаніи войны съ Швеціей заключеніемъ мира, когда въ союзѣ съ Пруссіей не было уже надобности) просилъ возвратить въ Россію, «на переѣзду», только тѣхъ солдатъ, которые были высланы изъ полковъ. Такихъ оказалось 95 (изъ 248), которые и были отправлены въ пограничный городъ Мемель, а «въ обмѣнъ» на нихъ туда же были высланы 95 другихъ, изъ полковъ, стоявшихъ въ Ригѣ, Черновѣ и Ревельской губерніи. Но изъ этихъ 95 человекъ, прусское военное начальство въ Мемелѣ выбрало, «по росту», только 30 чел., а остальные 65 были найдены ниже мѣры роста въ прусскихъ полкахъ, и король просилъ замѣнить ихъ людьми такой мѣры. Но исполнить это было очень трудно, и только въ апрѣлѣ 1725 г., уже по смерти Петра I, Екатерина I приказала выслать въ Мемель 10 чел. въ счетъ 65-ти, а остальныхъ 55 розыскать и выслать, но были-ли они высланы—неизвѣстно.

Въ 1731 г. императрица Анна Іоанновна послала королю «въ подарокъ» разныхъ рекрутовъ (неизвѣстно сколько) и 4 русскихъ великановъ «для услуженія при дворѣ». А въ 1733 году, по желанію самого короля и по ходатайству русскаго посланника въ Берлинѣ князя Голицына, она послала въ Потсдамъ — на этотъ разъ уже не русскихъ солдатъ, «а русскаго священника и 4 причетниковъ», для совершенія церковныхъ службъ и духовныхъ требъ русскимъ солдатамъ, находившимся въ Потсдамѣ. Эти священникъ и причетники получали жалованіе и содержаніе отъ короля и жили «въ Потсдамѣ при церкви». Но неизвѣстно, съ какого времени существовала эта церковь, и вообще — имѣли-ли русскіе солдаты въ прусской службѣ утѣшеніе исполнять свои духовныя обязанности. Можетъ быть — только въ Потсдамѣ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, не имѣли. Во всякомъ случаѣ, посылка въ Потсдамъ, въ 1733 г., русскаго священника и 4 причетниковъ заслуживаетъ большой хвалы Аннѣ Іоанновнѣ и королю. Но это утѣшеніе для русскихъ солдатъ въ Потсдамѣ продолжалось лишь 7 лѣтъ — до смерти Фридриха Вильгельма I и воцаренія сына его, Фридриха II, въ 1740 г. Тогда вся церковная утварь потсдамской русскаго церкви была сдана въ берлинское русское посольство и богослуженіе въ этой церкви было прекращено, потому что новый король упразднилъ эту церковь! Это было первое, но, къ сожалѣнію, не послѣднее, безсердечное дѣло короля, по отношенію къ русскимъ солдатамъ, состоявшимъ въ прусской военной службѣ. По показаніямъ причетниковъ этой церкви, возвратившихся въ Россію, въ 1740 г. было въ Потсдамѣ русскихъ солдатъ

съ женами и дѣтьми, всего 240 душъ, и всѣ они разомъ были лишены навсегда русской церкви! Но новый король не удовольствовался однимъ этимъ, а оставилъ въ Потсдамѣ только 30 или 40 солдатъ (вѣроятно, самыхъ старыхъ и къ службѣ болѣе неспособныхъ), остальныхъ-же разослалъ по разнымъ прусскимъ полкамъ.

По возвращеніи въ Россію, 25 ноября 1741 г., императрицы Елисаветы Петровны, отношенія между Россіей и Пруссіей совершенно измѣнились, изъ прежнихъ дружественныхъ постепенно становясь болѣе и болѣе недружественными. Первымъ поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство. Въ іюнѣ 1743 г. въ Петербургъ явилась жена одного изъ русскихъ солдатъ, находившихся въ Пруссіи, и отъ имени ихъ всѣхъ подала императрицѣ прошеніе о возвращеніи ихъ въ Россію, такъ какъ «они были уже очень стары, изнурены долговременной службой и лишены исполненія для нихъ духовныхъ требъ». Императрица приняла это прошеніе горячо къ сердцу и сначала осторожно и ласково, а потомъ настойчиво стала помогать, чрезъ русскаго послаицеа въ Берлинѣ, графа Чернышева, возвращенія въ Россію «всѣхъ русскихъ солдатъ». Но прусскіе министры и самъ король явно уклонялись не только отъ возвращенія русскихъ солдатъ, но даже и отъ доставленія свѣдѣній о числѣ ихъ. Дѣло объ этомъ затнулось до самаго 1745 г., когда король приказалъ заявить Чернышеву, что «не желаетъ приказати полкамъ о доставленіи требуемыхъ свѣдѣній, а если угодно Чернышеву самому узнать, гдѣ и сколько находится русскихъ солдатъ, то онъ, король, возвратитъ ихъ». Вслѣдствіе того Чернышевъ розыскалъ въ Берлинѣ, Потсдамѣ и др. мѣстахъ 90 русскихъ солдатъ ¹⁾ и потре-

¹⁾ Изъ 4 росписей, представленныхъ Чернышевымъ императрицѣ въ 1746 г., оказалось, что русскихъ солдатъ въ Пруссіи тогда находилось: 1) въ Берлинѣ—8 чел. состоявшихъ въ службѣ отъ 7—8 мѣсяцевъ до 25 лѣтъ; 2) въ Потсдамѣ—32 чел., въ службѣ отъ 10 до 25 лѣтъ; 3) въ Шпандау—6 чел., въ службѣ отъ 20 до 33 лѣтъ; 4) въ Магдебургѣ—11 чел., въ службѣ отъ 21 года до 35 лѣтъ, всѣ—отставные и дряхлые; 5) въ Вердерѣ—7 чел., въ службѣ отъ 21 года до 30 лѣтъ, — всѣ—отставные и дряхлые, и 6) 26 чел. бывшіе въ службѣ отъ 2 до 33 лѣтъ и въ 1743 г. находившіеся въ Потсдамѣ, а въ 1746 г.—неизвѣстно гдѣ и въ какихъ полкахъ. Слѣдовательно, въ 1746 г. Чернышевымъ розыскано было всего 90 чел., кромѣ тѣхъ, о которыхъ невозможно было достать свѣдѣній. Изъ сличенія лѣтъ службы означенныхъ 90 чел. видно: 1) что старѣйшіе по службѣ, даже до 35 лѣтъ, должныствовали быть уже весьма старыми, даже дряхлыми, и 2) младшіе же по службѣ отъ 7—8 мѣсяцевъ и отъ 2—3 лѣтъ вѣроятно должныствовали уже быть сыновьями старѣйшихъ,—родившимися въ Пруссіи отъ женатыхъ солдатъ, которыхъ въ 1746 г. было уже нѣмало. Но ни тѣхъ, ни другихъ король не возвращалъ и они остались навсегда въ Пруссіи.

бывалъ возвращенія ихъ. Но обѣщаніе короля «не было исполнено», за безконечными отговорками, подъ пустыми предлогами. Тогда императрица, прекраснымъ рескриптомъ на имя Чернышева, приказала ему объявить прусскому министерству, что «она никакъ не ожидала, чтобы король, своимъ отказомъ, пожелалъ сдѣлать ей непріятность, и изъ этого ничего инаго не предвидитъ, какъ только стараніе произвести между обоими дворами холодность и даже, можетъ быть, ссору; а между тѣмъ самъ король знаетъ, что нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ обычая удерживать у себя чужихъ людей; армія-же прусская русскими солдатами не могла быть ни усилена, ни ослаблена, и потому не для чего было-бы удерживать ихъ и не давать имъ увольненія». (Этими словами здѣсь выражено только содержаніе рескрипта Чернышеву, а не подлинный текстъ его, приносящій императрицѣ величайшую честь). Но любопытенъ отвѣтъ на него короля, «что русскіе солдаты были присланы Петромъ I съ тѣмъ, будто-бы, чтобы они вѣкъ свой на службѣ въ Пруссіи окончили» (чего никогда не было), «и никакихъ контрактовъ о срокѣ службы заключаемо не было!» Къ этимъ неблаговиднымъ предлогамъ король прибавилъ еще жалобу на холодность, оказанную ему императрицей по «одному дѣлу» (какъ можно предполагать—отказомъ въ помощи ему противъ Саксоніи и Австріи). А въ заключеніе всего король просилъ императрицу, «въ доказательство дружбы ея, навсегда оставить у него русскихъ солдатъ, подаренныхъ его отцу ея отцомъ!» (Это было уже не только безсердечно, но даже дерзко). Императрица, конечно, не согласилась на это, а когда король внезапно напалъ на Саксонію, императрица оказала ей помощь, по смыслу договора съ нею и Австріею.

Замѣтимъ при этомъ, что во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ годахъ (1757—1758—59 гг.) Семилѣтней войны русскія арміи разбили прусскія при Гросъ-Егерндорфѣ, Цорндорфѣ и Куннерсдорфѣ, и что въ составѣ этихъ прусскихъ армій легко могли быть младшіе по службѣ русскіе солдаты, сражавшіеся такимъ образомъ противъ своихъ соотечественниковъ и проливавшіе кровь свою за Пруссію, что можетъ показаться просто чудовищнымъ! — и еще болѣе усилить состраданіе къ несчастнымъ русскимъ солдатамъ въ прусской службѣ. Троекратное-же пораженіе прусскихъ армій русскими было достойнымъ возмездіемъ королю за его недобросовѣстное удержаніе навсегда русскихъ солдатъ въ Пруссіи, — особенно третье изъ этихъ пораженій, поставившее короля почти на край гибели и заставившее его уже помышлять только объ оборонѣ для своего спасенія.

Общій выводъ изъ всего изложеннаго выше, отъ Петра I до Елисаветы Петровны включительно, тотъ, что какъ начало дружественныхъ

отношеній между Россіей и Пруссіей при Петрѣ I и далѣе, такъ и конецъ ихъ при Елисаветѣ Петровнѣ составляютъ крайне при-скорбное явленіе. Къ сожалѣнію, оно было не единственное: 100 лѣтъ спустя оно повторилось — и на этотъ разъ послужило уже къ продолжительному и тѣсному сближенію Россіи и Пруссіи до нашихъ временъ.

II.

Второй изъ передаваемыхъ въ нашемъ разсказѣ эпизодовъ изъ исторіи дружественныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей относится къ тому времени послѣ вѣнскаго конгресса и общаго умиротворенія Европы, когда прежніе: дружба и союзъ императора Александра I и прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III стали еще тѣснѣе вслѣдствіе бракосочетанія великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля, получившею имя Александры Феодоровны. Въ это время король изъявилъ императору желаніе — имѣть у себя въ Потсдамѣ «русскихъ военныхъ пѣсенниковъ». Императоръ исполнилъ это желаніе, приславъ королю цѣлый хоръ такихъ пѣсенниковъ, числомъ съ роту. Король помѣстилъ ихъ въ выстроенную для нихъ близъ Потсдама настоящую русскую деревню, съ крестьянскими избами и всѣми принадлежностями ихъ, и эта русская деревня была названа, по имени императора, «Александровскою колонією» (понѣмски: «*Colonie Alexandrowka*»). Императоръ Александръ «вновь отстроилъ», при этой колоніи, русскую церковь, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась прежняя въ 1133—1740 гг., закрытая Фридрихомъ II. Такимъ образомъ присылка королю, «въ подарокъ», русскихъ военныхъ пѣсенниковъ была однородна съ такими же присылками, за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, Петромъ I и послѣ него до 1741 г., русскихъ солдатъ-великановъ «въ подарокъ» прусскому королю Фридриху-Вильгельму I. Но разница состояла уже въ томъ, что подаренные русскіе военные пѣсенники были помѣщены вмѣстѣ, въ русской деревнѣ и крестьянскихъ избахъ, съ своими семействами, женами и дѣтьми, (какъ слѣдуетъ предполагать потому, что потомство ихъ существуетъ до сихъ поръ) и имѣли при своей колоніи русскую церковь. Императоръ Николай I построилъ на мѣстѣ этой церкви другую, каменную, весьма изящную снаружи и внутри, во имя св. царицы Александры, и богато снабженную иконами и всею церковною утварью. Въ бытность мою, въ 1869 г., въ Потсдамѣ, я видѣлъ эту церковь и колонію Александровку, а на избахъ ея русскія имена и прозванія

козневъ, но не видалъ послѣднихъ, и остался въ большомъ недоумѣніи. Показывавшій мнѣ церковь, нѣмецъ, а не русскій, сказалъ мнѣ, что службы въ церкви совершались по временамъ священникъ берлинской церкви русскаго посольства, а позже я узналъ, что въ великомъ посту священникъ пріѣзжалъ въ колонію на цѣлую недѣлю, для говѣнія, исповѣди и причащенія колонистовъ. Предполагая, что въ 50 лѣтъ времени, русскіе колонисты Александровки, во 2-мъ и 3-мъ поколѣніяхъ, уже совершенно оиѣмечились и вѣроятно не говорили и не разумѣли по русски, я недоумѣвалъ, какъ же они могли разумѣть церковныя, особенно великопостныя, службы, исповѣдываться и причащаться, и на какомъ же языкѣ?—русскомъ или нѣмецкомъ? Къ сожалѣнію, ни въ Потсдамѣ, ни въ Берлинѣ недоумѣніе мое на могло быть разрѣшено. Знаю, что колонія Александровка близъ Потсдама существуетъ и теперь, но не знаю, есть-ли при ней русская школа, говорятъ-ли и разумѣютъ-ли колонисты порусски и особенно—какъ они совершаютъ свои религіозныя обязанности въ русской церкви ихъ колоніи. Все это такъ и осталось для меня неразъясненнымъ и довольно страннымъ, какъ и то, что касалось русскихъ церквей: въ Потсдамѣ и Берлинѣ. Страннымъ казалось мнѣ, что въ изящной и помѣстительной каменной церкви въ колоніи Александровкѣ церковныя службы совершались не постоянно, а лишь по временамъ, священникомъ русской посольской церкви въ Берлинѣ, такъ какъ въ колоніи при церкви особаго священника не было. Въ домовою же церкви русскаго посольства въ Берлинѣ, малопомѣстительной, для постоянно и временно-живущихъ въ Берлинѣ русскихъ, церковныя службы совершались постоянно во всѣ воскресныя и праздничныя дни и въ посты, особенно въ великій, и слѣдовательно единственный при этой церкви священникъ не могъ совершать такіа же церковныя службы въ Потсдамѣ иначе, какъ по временамъ, между службами въ Берлинѣ. Страннымъ казалось мнѣ и то, что при существованіи прекрасной русской церкви въ Потсдамѣ, въ Берлинѣ не было русской церкви въ видѣ отдѣльнаго храма, какіе существуютъ теперь во многихъ мѣстахъ за границей, и въ самомъ Берлинѣ такіа иновѣрческіа церкви, какъ католическая и французская, не говоря уже о протестантскихъ.

Но обращаясь затѣмъ къ русскимъ колонистамъ Александровки, потомкамъ русскихъ военныхъ пѣсенниковъ, «подаренныхъ» Александромъ I Фридриху-Вильгельму III, я нахожу судьбу ихъ въ Пруссіи, если и не совсѣмъ однородною съ судьбою русскихъ солдатъ-великановъ, «подаренныхъ» Петромъ I Фридриху-Вильгельму I, то во всякомъ случаѣ весьма схожую съ нею. Хотя теперешніе русскіе

колонисты живутъ вмѣстѣ, въ хорошемъ помѣщеніи и имѣютъ при немъ русскую церковь, но, выродившись и онѣмечившись, лишились и русской народности и также навсегда оторваны отъ Россіи и присуждены, по слову Фридриха II, «вѣкъ свой доживать вдали отъ нея, въ чуждой имъ Пруссіи». Въ этомъ отношеніи судьба ихъ кажется столь же печальною, сколько была и судьба «подаренныхъ» Петромъ I. Начало же и чрезъ 100 лѣтъ продолженіе и скрѣпленіе «дружественныхъ отношеній между Россіей и Пруссіей» на основаніи «подарковъ» первою второю «живыми людьми» на вѣки—во всякомъ случаѣ не можетъ быть сочувственно русскимъ людямъ въ настоящее время. Но чтó было—тò прошло и, конечно, не будетъ впродолженіе.

Князь Н. С. Голицынъ.

— — —

АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ СУВОРОВЪ.

Письмо къ кн. Г. А. Потемкину.

Помѣта: 11 декабря 1784.

Свѣтлѣйшій Князь. Милостивыя Государь! Съ наступающимъ новымъ Годомъ Вашу Свѣтлость всенижайше поздравляю.

Изтекающей годъ я прожилъ въ деревнѣхъ при некоторыхъ войскахъ въ ожиданіи отъ Вашей Свѣтлости особой мне команды какъ я обыкновенно командовалъ дивизіею или корпусомъ, особливо Милостивыя Государь! ваканціи мне по дивизіямъ Брюсовой и Решина: въ сторонѣ первой я имѣю деревни, но все ровно Свѣтлѣйшій Князь! гдѣ бы я отъ высокои милости Вашей Свѣтлости особую команду ни получилъ хотя въ Камчаткѣ.

Въ праздности купилъ я 92 души подъ вексель которои въ два года выплачу. Оставилъ на Кубанѣ экономіи болше 100.000 и по краткому времени на 4 мѣсяца месячныхъ. Вотъ мое корыстолюбие.

Подъ Коныломъ командовалъ не Фелисовъ, а Ник-ръ Рахмановъ которой въ поле съ полкомъ съ поля съ баталиономъ; противъ его одного года я во всю мою службу столько людей не потратилъ = и сочинялъ на меня пасквили.

Служу я Милостивыя Государь! болше 40 лѣтъ и почти 60-ти лѣтнѣй, одно мое желаніе чтобъ кончить Высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ приобрѣло мне грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердце и удалило отъ познания свѣтскихъ наружностей, препроводя мою жизнь въ полѣ поздно мне къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели; я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цесарь, постояненъ какъ Тюренъ и праводушенъ какъ Аристидъ: не разумѣа изгибовъ лести и ласкательствъ къ моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелѣй, былъ щастливъ потому что я повелѣвалъ щастьемъ.

Успокоите духъ невиннаго предъ Вами въ чемъ и на странномъ Божиемъ Судѣ отвѣчаю, и пожалуйте мне особую команду.. изторгните меня изъ праздности, но не мните при томъ чтобъ я чемъ хотя малышъ Г-мъ Ивановъ Петр-мъ недоволенъ былъ, токмо что въ роскоши жить не могу. Въ чужие край.. тоже праздность.

Уповаю на высокую милость Вашей Свѣтлости и буду по пробѣ мой съ глубочайшимъ почитаниемъ.

Свѣтлѣйшій Князь Милостивый Государь! Вашей Свѣтлости все-нижаншій слуга

Александръ Суворовъ.

Ч: 10. Декабря 1784 г.

С. Ундаль.

Примѣчаніе. Письмо это сохранилось въ бумагахъ покойнаго профессора О. М. Боданскаго; въ редактировавшемся имъ изданіи «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» напечатано не было; послѣ кончины Боданскаго — съ частью его бумагъ пріобрѣтено А. А. Гатцукомъ, которымъ и подарено мнѣ, а мною въ Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Быть можетъ, документъ этотъ когда либо и вошелъ, цѣликомъ или въ отрывкахъ, въ тотъ или другой сборникъ матеріаловъ, быть можетъ его вѣдали и кое кто изъ біографовъ безсмертнаго полководца, но, во всякомъ случаѣ, письмо до того характеризуетъ Суворова, что многочисленные читатели «Русской Старины», безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ его прочтутъ.

Баронъ Э. А. Вюлеръ.

Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій

письмо къ Г. Р. Державину

(1794 г.).

Печатаемое ниже стихотвореніе графа А. В. Суворова-Рымникскаго, отъ 21 дек. 1794 г., изъ Варшавы, было напечатано Я. К. Гротомъ въ его превосходномъ академическомъ изданіи сочиненій Державина (см. т. VI, стр. 22—23). Тѣмъ не менѣе, имѣя въ архивѣ «Русской Старины» списокъ этого посланія въ экземплярѣ современномъ Суворову и Державину—мы напоминаемъ эти курьезныя вырши, какъ характерныя по отношенію къ нихъ автору-героку и вѣку Екатерины II-й.

Ред.

Милостивый государь мой Гаврила Романовичъ. Простите мнѣ, что я на сей разъ, чувствуя себя утомленнымъ, не буду вамъ отвѣтствовать такъ, какъ громкой лирикъ, но въ простотѣ солдатскаго сердца моего излію чувствія души моея:

Царица, съверомъ владѣи,
Предписываетъ всѣмъ законъ:
Въ десницѣ жезлъ судьбы имѣи,
Вращаетъ сферу безъ препонъ.
Она свѣтила возжигаетъ,
Она и меркнуть имъ велитъ;
Черезъ громы гнѣвъ свой возвыщаетъ,
Черезъ тихость благость всѣмъ явитъ.
Героевъ русскихъ мощны длани
Ея велѣнья лишь творятъ;
Речеть! — вселенная заплатитъ дани,
Глаголь Ея могущественъ и святъ!

О вы, Варшавскіе калифы!
Какую смерть должны пріять!
Предъ кѣмъ дерзнули быть строптивы,

Не должно-ль мститъ вамъ и карать?...
 Ахъ, сродно-ль той прибѣгнуть къ мщенью,
 Кто въѣкъ своей милости творить?
 Карать оставитъ Провидѣнью;
 Сама какъ солнце возблеститъ,
 Согрѣя всѣхъ лучемъ щедротъ,—
 Се царь нль богъ..... исполненный доброты!

Счастливъ витія, могущій достойно воспѣть дѣянія толико мудраго,
 кроткаго, человѣколюбиваго, сидящаго на тронѣ божества! — Вы,
 имѣя талантъ, не косните вступить въ сіе поприще: слава ожидаетъ
 васъ. Гомеры, Маровы, Осіаны и всѣ доселѣ славящіеся витіи
 умолкнутъ предъ вами. Пѣсни ваши какъ важностію предмета, равно
 и красотою искусства, возгремятъ въ наипозднѣйшихъ временахъ,
 плѣняя сердце... душу... разумъ.

Парнасскій юнона на лирѣ здѣсь играетъ:
 Имяникъ князя музъ достойно стихъ сплетаетъ,
 Какъ Майковъ, возрастеть онъ, уснитъ сирень:
 Попретъ онъ злобы ковь... правъ имъ ты, Демосеентъ!

Вѣнчаю себя милостыми вашего превосходительства; въ триумфѣ
 моей къ вамъ, милостивому государю моему, преданности, чистѣйшая
 къ особѣ вашей моя дружба не исчезнетъ, и пребуду до гроба моего
 съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ, милостивѣйшій государь мой, вашего
 превосходительства покорнѣйшій слуга графъ Александръ Суворовъ-
 Рымникскій.

Декабра 21-го дня 1794 года.
 Варшава.

Сообщ. 19-го февраля 1875 г. Н. К. Меллеръ.

ВЪГЛЕЦЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА

въ 1800 г.

I.

По именному Его Императорскаго Величества указу, объявленному сенату сего марта въ 19-й день господиномъ генераль-лейтенантомъ, генераль-прокуроромъ и кавалеромъ Петромъ Хрисанфовичемъ Обольяниновымъ, въ коемъ изображено: «Его Императорское Величество Высочайше указалъ, что какъ лейбъ-кирасирскаго Ея Императорскаго полку эстандартъ-юнкеръ Соколовской, будучи въ мартѣ съ означеннымъ полкомъ въ австрійскомъ владѣніи на начлегѣ изъ мѣстечка Кодка отлучился и по сдѣланнымъ чрезъ австрійскихъ комиссаровъ публикаціямъ не найденъ,—то о семъ публиковать съ тѣмъ, что какъ таковой побѣгъ дворянина служить посрамленіемъ прочимъ, то бы публикація о семъ поступкѣ его прибита была вездѣ въ публичныхъ мѣстахъ къ виселицамъ». Правительствующій сенатъ приказали: о должномъ и непремѣнномъ по сему высоко-монаршему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненіи всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ предписать печатными указами. Марта -го дня 1800 года.

II.

По именному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу объявленному сенату сего октября въ 3-й день господиномъ генераломъ отъ инфантеріи, генераль-прокуроромъ и кавалеромъ Петромъ Хрисанфовичемъ Обольяниновымъ, въ коемъ изображено: «Его Императорское Величество получа рапортъ Гранодерскаго Розенберха полку,

что подпрапорщикъ того полку изъ дворянъ Николай Апушкинъ минувшаго августа 28-го числа во время слѣдованія полку изъ Каменца-Подольскаго къ мѣстечку Катербурху съ начлега изъ мѣстечка Ермолаецъ неизвѣстно куда бѣжалъ и по многимъ искамъ и распубликованіямъ нигдѣ не найденъ: Высочайше указать соизволилъ, дабы о такомъ поступкѣ дворянина было вездѣ опубликовано, имя же его, Апушкина, прибить къ виселицѣ». Правительствующій сенатъ приказали: о должномъ и непремѣнномъ по сему Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненія предписать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами, каковыми дать знать военной, адмиралтействъ и прочимъ коллегіямъ, такожъ и всѣмъ присудственнымъ мѣстамъ, а въ святѣйшій правительствующій синодъ и въ московскіе сената департаменты сообщить вѣденіи. Октября 4-го дня 1800 года.

III.

По имянному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному сенату сего октября въ 21-й день господиномъ генераломъ отъ инфантеріи, генераль-прокуроромъ и кавалеромъ Оболяниновымъ, въ которомъ изображено: «Его Императорское Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ гарнизоннаго генераль-маіора и крѣпости св. Дмитрія коменданта Альвинцова полку изъ дворянъ подпрапорщика Цесарскаго 26-го сентября сего года съ квартиры отлучившагося и по многимъ искамъ не найденнаго, лишивъ дворянства, прибить имя къ виселицѣ». Правительствующій сенатъ приказали: о должномъ и непремѣнномъ по сему Высочайшему Его Императорскаго величества повелѣнію исполненіи предписать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами, каковыми дать знать военной, адмиралтействъ и прочимъ коллегіямъ, такожъ и всѣмъ присудственнымъ мѣстамъ, а въ святѣйшій правительствующій синодъ и въ московскіе сената департаменты сообщить вѣденіи. Октября 25-го дня 1800 года.

IV.

По имянному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному сенату минувшаго октября въ 31-й день господиномъ генераломъ отъ инфантеріи, генераль-прокуроромъ и кавалеромъ Оболяниновымъ, въ которомъ изображено: «Его Императорское Величество получа сего дня рапортъ шефа Гранодерскаго полку генераль-

маіора Данзаса, что полку его имяни прапорщикъ князь Гедроицъ 22-го числа сего мѣсяца отлучась отъ роты безъ позволенія не ночевалъ въ своей квартирѣ и по многимъ искамъ нигдѣ въ городѣ не найденъ, то и уповаеть, что онъ бѣжалъ, указать соизволилъ: для надлежащаго о побѣгѣ означеннаго прапорщика князя Гедроица публиковать и чтобъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ имя его прибито было къ виселицѣ, объявить правительствующему сенату». Правительствующій сенатъ приказали: о должномъ и неизмѣнномъ по сему Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненіи предписать всѣмъ губернскимъ правленіямъ указами, каковыми дать знати военной, адмиралтействъ и прочимъ коллегіямъ, таже и всѣмъ присудственнымъ мѣстамъ, а въ свѣтѣйшій правительствующій синодъ и въ московскіе сената департаменты сообщить вѣденіи. Ноября 2-го дня 1800 года.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

КНЯЗЬ ПАВЕЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ ЦИЦАНОВЪ.

I').

Имя князя Цицанова, продолжателя дѣйствій князя Зубова по завоеванію Кавказа и покоренію Закавказья, должно горѣть яркою звѣздой въ нашихъ военныхъ лѣтописяхъ. Екатерина II обратила на него вниманіе, еще въ 1793 году, когда онъ былъ командиромъ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка и назвала его «своимъ генераломъ», а рѣшительными своими дѣйствіями противу польскихъ конфедератовъ въ 1794 году онъ до такой степени понравился Суворову, что тотъ, въ одномъ изъ своихъ дневныхъ приказовъ, предписывалъ войскамъ: «сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Цицановъ».

Въ 1797 году Цицановъ, на короткое время, былъ въ Баку, какъ бы знакомясь съ мѣстами своихъ будущихъ дѣйствій, а въ 1802 г., послѣ генерала Кнорринга, онъ назначенъ начальникомъ войскъ на Кавказѣ и главнокомандующимъ въ Грузіи.

Громадныя приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ, Аустерлицкій погромъ и начало борьбы съ Франціею, отвратили вниманіе Россіи отъ подвиговъ Цицанова, а между тѣмъ, съ 1802 по 1806 годъ, князь Павель Дмитріевичъ, имѣя подъ начальствомъ не болѣе 10.000 войска при 30 орудіяхъ, успѣлъ прочно утвердиться въ горахъ и на западномъ каспійскомъ прибрежьи. Взявъ приступомъ, 4-го января 1804 года, Ганжу; разбилъ и отбросилъ за Араксъ 70,000 персидскую

1) Помѣщаемый здѣсь очеркъ принадлежитъ покойному генералъ-лейтенанту, нѣкогда извѣстному профессору Военной Академіи и редактору „Русскаго Инвалида“ Петру Семеновичу Лебедеву. Его же перу принадлежатъ напечатанные въ 1875-мъ году въ „Русской Старинѣ“ очерки очевидца: „Послѣдняя польская смута, 1863—1864 гг.“.

Ред.

армію; подчинилъ власти русскаго монарха Закавказье и былъ измѣнивически убитъ передъ покоренною имъ Баку 8-го февраля 1806 года, на 52 году своей славной жизни.

Имя Цицѣанова памятно на Кавказѣ; какое-то несокрушимое мужество видно во всѣхъ дѣйствіяхъ этого желѣзнаго человѣка, у котораго сила духа заставляла забывать физическія страданія, а чувство долга оживляло на новые подвиги для славы Россіи. Пусть вспомнятъ, какъ шелъ онъ подъ Баку, въ исходѣ ноября 1805 года. Пославъ къ хану бакинскому объявить, «что идетъ взять Баку, какъ взялъ Ганжу, или умереть подъ ея стѣнами», Цицѣановъ двинулся съ 1,600 войска при десяти орудіяхъ. У него была лихорадка, не позволявшая ему вставать съ постели. Онъ, однако, ѣхалъ верхомъ передъ войсками; на переходѣ его нѣсколько разъ снимали съ лошади и клали на землю подъ открытымъ небомъ, а послѣ этого отдыха Цицѣановъ снова былъ на конѣ и велъ свое безтрепетное войско къ Баку, гдѣ ожидала ихъ или побѣда, или смерть.

Надъ нимъ почивало благословеніе Суворова, который приказывалъ: «сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Цицѣановъ».

Прахъ героя (кромѣ головы) покоится въ немъ же обновленномъ Сіонскомъ соборѣ въ Тифлисѣ; князю поставленъ тамъ памятникъ; заслуги его безсмертны, но имя не пользуется въ рядахъ русскихъ войскъ тою извѣстностью, которой оно вполне заслуживаетъ.

Пора бы заняться разработкою жизнеописаній Цицѣанова, Барклай-де-Толли и немногихъ избранниковъ, съ честью послужившихъ землѣ русской.

Цицѣановъ, кромѣ военныхъ дарованій, замѣчательнъ былъ любовію къ тогдашней военной литературѣ и былъ вообще однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Имѣя 21 годъ отъ роду (въ 1775 году), онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Егоромъ Дмитріевичемъ, перевелъ книгу «Полевой инженеръ»; спустя три года, находясь съ Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ въ Выборгѣ, перевелъ Фоларда, имя котораго пользовалось тогда большою извѣстностью ¹⁾.

Мнѣ удалось найти сборникъ сочиненій кн. Павла Дмитріевича

¹⁾ Трактатъ Фоларда о колоннахъ и глубокомъ строѣ былъ въ большомъ почетѣ у военныхъ людей XVIII-го столѣтія. Самъ Фолардъ до такой степени былъ влюбленъ въ свое произведеніе, что разъ, открывъ нечаянно библію, сказалъ: «Знаете-ли, Моисей былъ великій полководецъ—онъ открылъ мою колонну». — Суворовъ былъ почитателемъ Фоларда и совѣтовалъ читать его книгу.

Цицанова, начатый имъ въ февралѣ 1787 и продолжающійся до декабря 1790 года; сборникъ этотъ носитъ заглавіе: «Собраніе разныхъ моихъ сочиненій, относящихся какъ къ наставленію офицеровъ вѣрннаго мяѣ полка, такъ и другія разсужденія мои по военной части, начатое 1787 года въ февралѣ».

Оглавленію статей предиславо слѣдующее предисловіе:

«Перенная у людей, порядокъ любящихъ, вздумалъ я въ сію книгу вписывать все то, что мнѣ на умъ взбредеть по военной части. Сколько для того, что на лоскуткахъ растерять удобно, столько для того, чтобъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, при старости своей, взглянувъ, видѣть несправедливыя свои разсужденія, иногда дѣлаемыя, которыя чрезъ испытанія потомъ уллучились; также находить тогда удовольствіе, видя время свое, не въ праздноствіи провожденное.

«Не боюсь я критики, увѣренъ будучи, что сію книгу, до смерти моей никто не увидитъ, кромѣ истинныхъ и вѣрныхъ моихъ друзей, которыхъ критика пріятна, поелику на безпристрастіи бываетъ основана».

Въ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи:

1. Наказъ, данный господамъ ротнымъ командирамъ, при вступленіи въ командованіе полкомъ въ 1787 г.

Наказъ этотъ имѣетъ слѣдующее любопытное «предвореніе»:

«Есть люди, которые наши въ семъ наказѣ критиковать то, что тутъ весьма учтиво трактуется ротный командиръ и именно, что я его называлъ: почтенный господинъ ротный командиръ, государь мой. Я радуюсь, что инаго критиковать не нашла, хотя и достойно-бы было; и тѣмъ больше сіе осмѣяніе я не заслуживаю, что титуло, то данное, имѣетъ причины, какъ, напримѣръ тѣ, что во всѣхъ полкахъ, да смѣло сказать можно во всей службѣ, чинъ офицерскій униженъ есть разными образы, и больше, по моему мнѣнію, обхожденіемъ, которое съ ними имѣютъ начальники; а я не хотѣлъ и не думалъ съ ними грубо обходиться, и только учтивостію можно дать имъ почувствовать, что всякую подлость, предо мной сдѣланную, я терпѣть не буду».

2. Разсужденіе о Хотинской блокадѣ, писанное въ 1788 г. подъ самыми хотинскими стѣнами.

3. Разсужденіе о Гангурской экспедиціи, предводимой генералъ-аншефомъ Михаиломъ Оедотовичемъ Каменскимъ, писанное 1788 г., послѣ той экспедиціи.

4. Наставленіе офицеру, находящемуся у присмотра въ полкомъ лазаретѣ, писанное 1788 года въ декабрѣ.

5. Строевое мое примѣчаніе, данное всѣмъ господамъ ротнымъ командирамъ, писанное 1788 года въ декабрѣ.

6. Планъ военнаго положенія въ Россіи, съ показаніемъ неудобствъ нынѣшняго и польза отъ предполагаемаго. Раздѣленное на три части; писанное въ Молдавіи, Оргѣвскаго цыгута, въ деревнѣ Селищахъ, на рѣчкѣ Сатвилѣ, 1788 года въ декабрѣ. Часть 1-я: О потерѣ людей въ государствѣ отъ образа наполненія войскъ рекрутами; о несбереженіи ихъ, также о способахъ къ отвращенію того зла.

7. Должность капрала или унтеръ-офицера, управляющаго капральствомъ, данная сержанту Панкратову, при полученіи имъ капральства; писано 1789 года. Апрѣль.

8. Безпристрастный живописецъ ошибокъ Россійскихъ генераловъ, послѣдовавшихъ въ теченіи разныхъ кампаній, дѣланныхъ противъ турокъ въ Молдавіи. Раздѣленное на кампаніи; съ мнѣніями примѣчаніями. Кампанія 1789 года.

9. Правила къ точному наблюденію въ выполненіе строеваго моего примѣчанія, даннаго господамъ ротнымъ командирамъ, писанное въ 1790 году.

9. Бесѣда трехъ російскихъ солдатъ въ царствѣ мертвыхъ, которые служили въ трехъ разныхъ войнахъ противу турокъ, то есть, при генералъ-фельдмаршалѣ Минихѣ; при генералъ-фельдмаршалѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ и при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ; писанное въ декабрѣ мѣсяцѣ (1790 г.), въ Яссахъ.

* *
*

Я выбралъ, на первый разъ, статьи 2, 3 и 8-ю, какъ наиболѣе обрисовывающія личность автора, его взглядъ на военное дѣло и критическую оцѣнку дѣйствій своихъ современниковъ.

Цицѣановъ, какъ видно, не любилъ князя Потемкина за его недоступность и высокомеріе и, вслѣдствіе этого, не отдавалъ ему должной справедливости и несочувствовалъ его гуманнымъ нововведеніямъ въ улучшеніи образованія, управленія и быта русскаго солдата. Это онъ выразилъ словами Сергѣя Двужильнаго, убитаго на Измаильскомъ штурмѣ (см. разговоръ въ царствѣ мертвыхъ). Суворовъ также не былъ идеаломъ Цицѣанова и онъ набрасываетъ тѣнь на личное мужество великаго полководца (что, впрочемъ, согласуется съ рассказомъ В. Л. Энгельгардта о поведеніи Александра Васильевича графа Суворова-Рымникскаго при штурмѣ Праги).

И между тѣмъ, отзывъ Цицѣанова о принцѣ Кобургскомъ, въ рассказѣ о взятіи Хотина, увеличиваетъ еще болѣе заслуги Суворова въ кампанію 1789 г., потому что, съ нашимъ непобѣдимымъ полководцемъ, и принцъ Кобургскій являлся героемъ въ сраженіи при Фокшанахъ и Рымникѣ.

Послѣднею побѣдою мы вполне обязаны рѣшительности, мужеству

и хладнокровію Суворова; его пособникомъ (какъ говоритъ Циціановъ) былъ «честнѣйшій, благороднѣйшій, но неопытный въ военномъ дѣлѣ» принцъ Кобургскій; что-жъ до остальныхъ, даже русскихъ генераловъ, долженствовавшихъ дѣйствовать въ этомъ сраженіи, то вотъ какъ Суворовъ начинаетъ свою реляцію Потемкину о Рыбникскомъ (впослѣдствіи Рымникскомъ) сраженіи 11 сентября 1789 г.

«Я выступилъ, писалъ Суворовъ, въ полночь на 8-е число изъ Подпущена, съ батальонами двумя егерскими, четырьмя гренадерскими, четырьмя мушкетерскими и легкимъ, сформированнымъ изъ мушкетеръ, на шесть кореевъ въ двѣ линіи, при нихъ въ первой—генераль-майоръ и кавалеръ Позняковъ; во второй—бригадиръ Вестфаленъ, на сей случай дѣла прикомандированный съ 12 карабинерными эскадронами, при сихъ бригадиръ Бурнашовъ; протчій генералитетъ за болѣзнію остался назадъ».

Екатерина II, которой Потемкинымъ была представлена эта реляція, отыскала на планѣ сраженія рѣку Рымну и сдѣлала Суворова графомъ Рымникскимъ, а не Рыбницкимъ и спрашивала Потемкина: «кто были генералы, оставшіеся за болѣзнію назадъ?» Потемкинъ отвѣтилъ на это: «Къ чему вамъ, матушка, всемлюстивѣйшая государыня, знать сихъ срамцовъ; они уже и безъ того наказаны общимъ презрѣніемъ»¹⁾.

Желаю, чтобы при содѣйствіи уважаемой «Русской Старины» публика наша ближе узнала Екатерининское время и убѣдилась, что великая монархиня, во всѣхъ случаяхъ своей правительственной дѣятельности, руководилась принятымъ ею правиломъ: «хвалить вслухъ, а бравить потихоньку».

29 іюля 1874 г.

П. С. Лебедевъ.

II.

Безпристрастный живописецъ ошибокъ російскихъ генераловъ, послѣдовавшихъ въ теченіи разныхъ кампаній, дѣланыхъ противъ турокъ въ Молдавіи; сочиненіе, раздѣленное на кампаніи; съ моими примѣчаніями.

Предговоріе.

Я критики писать охоты не имѣю,
Хоть живописцемъ я себя здѣсь и нарекъ,
Да тѣни подбирать совсѣмъ я не умѣю;

¹⁾ Генералы эти были Отто-фонъ Дерфельденъ, прославившійся въ кампаніи 1799 года; Фодоръ Берхманъ, князь Шаховской и Николай Ланской.

А по пословицѣ «учитъся надо вѣкъ».
 А я ученіе свое въ томъ поставляю,
 Что, видя дѣйствія военны, разсуждаю:
 Къ чему, на что, какой тому предметъ?
 Когда на станъ придешь, то первая забота,
 Чтобъ осмотрѣть вокругъ ручьи, лѣса, болота,
 И слабыя мѣста, гдѣ тотъ имѣешь станъ;
 А послѣ, мысленно, атакъ дѣлать планъ,
 Гдѣ конницѣ идти, гдѣ дѣйствовать пѣхотой,
 Иль гору укрѣпить, гдѣ земляной работой,
 Которое крыло прикрито-ли рѣкой,
 Иль на горѣ стоитъ, гдѣ всходъ весьма крутой.
 Все въ мысляхъ сообрази, сужденьемъ занимаюсь,
 И какъ вести войну, я онымъ научаюсь.
 Вотъ правило мое, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ служить,
 И точно для того, чтобъ не напрасно жить,
 Класть мнѣнія свои я вздумалъ на бумагу,
 И всякому, при томъ, готовъ я дать присягу,
 Что я хулить дѣла чужія не хотѣлъ,
 И въ мысляхъ я того во вѣки не имѣлъ.
 Писавши, почему отъ правилъ удалился,
 Закрою имена тѣхъ, кои преступились,
 И вмѣсто ихъ имянъ поставлю знакъ иной
 Иному звѣздку дамъ, иному крестъ двойной;
 А знаковъ тѣхъ я ключъ и отъ друзей закрою
 И лиры для того во вѣки не настрою;
 Да, сверхъ того, никто, опрѣчь моихъ друзей,
 Не будетъ видѣть ихъ и до смерти моей.

Блокада и взятіе Хотина ¹⁾.

Описывая блокаду Хотина въ 1788 году, кончившуюся тѣмъ, что турецкій гарнизонъ, принужденный къ сдачѣ, былъ выпущенъ изъ крѣпости съ оружіемъ и багажемъ, Цицановъ объясняетъ эту неудачу слѣдующимъ образомъ:

«За нужное нахожу сдѣлать картину цесарскаго войска, съ нами подъ Хотиномъ бывшаго».

«Начальникомъ былъ принцъ Саксъ-де-Кобургъ, человекъ пречестнѣйшій и преблагороднѣйшій, но не великой тактикъ и съ турками въ войнѣ никогда не бывавшій; слѣдовательно, ни правилъ ихъ, ни высокоумія ихъ, при самой даже крайности, не зналъ, что ниже

¹⁾ Въ началѣ подробности, мало занимательныя для не специалистовъ.

видно будетъ. Пѣхота столько дурпа (была), что превосходить все воображеніе; а имьяно: неопратна, безъ повиновенія, безъ малѣйшаго почтенія къ начальникамъ, безъ всякаго порядка. Лагерь ихъ ничто иное, какъ дурная ярмарка: весь лагерь набить женщинами, сидящими между палатокъ и торгующими виномъ и прочимъ. Духота и вонь оттого преужасная.

Если судить о всей пѣхотѣ по сей, то ни въ какомъ государствѣ хуже ея нѣтъ. Но сужденіе будетъ несправедливо, потому что то были, говорятъ, третьи батальоны, которые и у нихъ худшими считаются.

Бабы отпращиваютъ свои торги, мной сказанные, даже и въ ретраншаментѣ, когда цесарцы бывають тамъ на караулѣ.

Гусары хороши, то есть ѣздоки совершенные и молодцы, по въ должности не точны, то есть, на ведетахъ стоя, когда жена придетъ, то онъ слѣзетъ съ лошади и сядетъ съ ней обѣдать тутъ же.

Артиллерія и вся упряжь, всѣ чины и должности, принадлежащія къ войску, въ отличномъ порядкѣ и самые лучшіе.

Съ симъ-то войскомъ мы держали городъ въ блокадѣ и сіе то войско было причиною, что турки, сдѣлавъ перемиріе и потомъ, когда имъ наши требованія сказаны были, и они, взявъ сроку на пять дней, слова не сдержали и на тотъ разъ не сдались вотъ отчего: въ теченіи тѣхъ пяти дней ведеты цесарскіе, стоявшіе со стороны Брачи, пропустили въ городъ двухъ шпионовъ, которые, какъ видно, для прибавленія храбрости защитникамъ города, посланы были пашами нарочно, чтобъ, возвратясь, сказали, что сикурсъ къ городу идетъ. Что они и сдѣлали съ удачею, для того, что остановили тѣмъ сдачу города. Гусары тѣ (на ведетахъ) приговорены были быть разстрѣлянными; но императоръ или начальникъ, по великодушію, простилъ ихъ. Потомъ, когда турки были доведены до крайности, то принцъ Саксъ-де-Кобургъ, не дождавшись, чтобъ они требовали капитуляцію (которую бы они, конечно, черезъ день послѣ того потребовали, не смотря что графъ Ива (нъ) Пе (тровичъ Салтыковъ) его уговаривалъ, чтобъ не посылать, а дожждаться отъ нихъ, чтобы быть властителями тѣхъ условій, послалъ спросить: желаютъ ли они сдаться? Турки же, согласясь, потребовали повѣренныхъ особъ для переговоровъ. Итакъ, съ нашей стороны, отправленъ генераль-маіоръ князь Иванъ Ивановичъ Прозоровскій, а съ цесарской генераль-маіоръ Левенеръ. Палатки были поставлены между ретраншаментовъ, нами и цесарскими занимаемыхъ спереди. А вся сія церемонія кончилась сказанными мною выше условіями.

Турки оказывали цесарцамъ презрѣніе примѣтное и говорили

публично цесарскимъ офицерамъ, что если бы русскихъ не было, то они не только бы не отдали крѣпость, но прогнали бы ихъ за Черновицу.

Сколь ни невыгодными почитаютъ сіи условія, но городъ взять, такъ что онъ російскимъ войскамъ стоитъ только семи человѣкъ жизни (которые были убиты), да равныхъ человѣка три; одинъ изъ сихъ былъ раненъ на ночной батарей и на моемъ караулѣ. Въ заплату сей малой потерѣ, нашъ корпусъ много потерялъ побѣгами частыми и для бѣглецовъ удобными, потому что цесарцы, съ нами стоящіе, ихъ прннимали почти явно, не выдавая назадъ.

Вотъ вкратцѣ бывшее подъ Хотиномъ; болѣе писать некогда, для того, что занять службою и картежною игрою.

III.

Разсужденіе о Гангурской экспедиціи, предводимой генераль-аншефомъ Михаиломъ Ѳедотовичемъ Каменскимъ 1788 года въ декабрѣ.

Экспедиція дѣлалась декабря 17-го; морозы были до 20 градусовъ, мятелицы превеликія, снѣга были большіе и непроходимые.

Польза сей экспедиціи была та, чтобъ обезпечить зимовыя квартиры отъ набѣговъ.

Слѣдствіемъ было то, что 600 человѣкъ турокъ положено на мѣстѣ и 70 взято въ полонъ.

Но когда послѣ вышесказаннаго прибавить, что отъ стужи своихъ замерзло до 200 человѣкъ до смерти, что болѣе 300 человѣкъ лишились пальцевъ, ушей или совсѣмъ ногъ, что всѣ обыватели молдаване, намъ преданные и нами защищаемые, обобраны до послѣдней рубашки, что Салхуца и Гангура выжжены, и что потому тѣ жители, съ женами ихъ и съ младенцами, безъ кровли и безъ одежды оставленные, всѣ безъ изытія замерзли и тѣлами сихъ невинныхъ весною было покрыто поле,—тогда человѣчество вопіетъ отмщенія въ нынѣшній просвѣщенный вѣкъ: ибо война не съ такимъ варварствомъ и тиранствомъ, какъ прежде, производится, и занятіе нужныхъ и выгодныхъ мѣстъ, движенія, сообразныя мѣстоположенію и ведущія къ побѣдѣ, предпочитаютъ старинному правилу, чтобъ предавать все встрѣчающееся огню и мечу.

Прозелить сего начальника мѣѣ скажетъ: «что онъ выжегъ деревню для того, чтобы отнять у турокъ убѣжище». Но для чего же бы не дать пособія жителямъ выхъать въ занимаемыя нами селенія,

не обирая ихъ до нага въ такую несносную стужу? Если и послѣ сего скажетъ: «что онъ хотѣлъ наказать жителей за то, что они даютъ убѣжище нашему непріятелю», то надобно подумать, могли-ли противиться жители туркамъ и не пускать ихъ въ свое селеніе. И пахарь, каковъ есть молдаванъ, вооруженъ ли и умѣетъ ли владѣть оружіемъ къ недопущенію войска турецкаго, необузданнаго въ своей дерзости и смѣлаго жить въ той деревнѣ?

Да, пусть такъ, что все это возможное есть: чѣмъ же младенцы виноваты за ихъ отцовъ, будучи преданы той-же смерти? Итакъ, по моему мнѣнію, сія экспедиція, далеко будучи отъ доставленія славы россійскому оружію, можетъ служить къ вѣчному оужденію за варварство и потерю своихъ людей безъ нужды.

Еслибъ мы не съ турками воевали, то и диспозиція (наша) могла бы имѣть весьма для насъ несчастныя слѣдствія. Въ нечаянныхъ нападеніяхъ, каковое было сдѣлано тогда нашими войсками на Гангуру и Сахулдуру, главнѣйшимъ почитается, чтобы исполненіе было точно и чтобы войска, съ разныхъ сторонъ къ наступленію назначенныя, пришли къ тому мѣсту, не только въ одинъ часъ, но, если возможно, въ одну минуту. Въ такихъ случаяхъ дѣло знающаго генерала состоитъ въ томъ, чтобы знать всѣ дороги, по коимъ тѣ части войска пойдутъ, разстояніе и вѣрнѣйшее знаніе о времени, во сколько придти кто можетъ. А потому, наставя частныхъ начальниковъ, предписать имъ часъ и минуту, основанные на вышесказанномъ мною вѣрнѣйшемъ познаніи о мѣстоположеніи.

Но при семъ нечаянномъ нападеніи ничего не соблюдено, да и соблюсти было невозможно, поелику и самыя большія дороги завесены были снѣгомъ, такъ что ни малѣйшаго слѣда не было; пушки и ихъ ящики должны были быть везомы нѣсколькими парами воловъ, да и то съ помощію людей, къ мученію сихъ послѣднихъ.

Сообщ. 29 іюля 1874 г. П. С. Лебедевъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

16-го ноября 1846 года.

«Если бы не военные, то было бы плохо».

(Слова императора Николая Павловича).

Не многимъ въ Россіи извѣстно происшествіе, случившееся 16-го ноября 1846 года въ Ковнѣ, — происшествіе, къ величайшему счастью, не имѣвшее никакихъ послѣдствій, но по праву принадлежащее исторіи, такъ какъ въ этотъ день жизнь покойнаго государя Николая Павловича подвергалась опасности.

Около трехъ часовъ пополудни этого дня неожиданно прискакалъ въ Ковно фельдъегерь и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ будетъ государь, и, не останавливаясь, проѣдетъ далѣе, а потому приказалъ на почтовой станціи, чтобы лошади переведены были немедленно за р. Нѣманъ, въ м. Алексоту. Тогда еще существовала здѣсь граница, и какъ въ Ковнѣ, такъ и въ Алексотѣ, мѣстечкѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу Нѣмана, противъ Ковна, были таможни, а переправа чрезъ эту рѣку, когда мостъ былъ разведенъ, равно какъ и самый мостъ, находились въ вѣдѣніи особой команды, имѣвшей пребываніе въ м. Алексотѣ, слѣдовательно подвѣдомственной управленію Царства Польскаго. Въ 1846 году, въ началѣ еще ноября, наступили сильные морозы, а въ этотъ день ледъ шелъ по Нѣману густыми массами, такъ что мостъ былъ святъ и на обоихъ берегахъ рѣки приготовлены уже были доски, сбитыя по двѣ вмѣстѣ, изъ которыхъ дѣлалась обыкновенно каждый годъ настилка по льду для пѣшеходовъ, какъ только льдины сопрутся и Нѣманъ станетъ. Эти-то доски, какъ увидимъ ниже, и спасли насъ отъ страшнаго бѣдствія, хотя, быть можетъ, тогда никто этого и не замѣтилъ, кромѣ меня, дѣйствующаго

лица, какъ въ этотъ, такъ и въ слѣдующіе дни — дни, для меня слиш-комъ памятные.

Лавируя среди льдинъ, ходилъ между тѣмъ цѣлый день по Нѣману на шестахъ паромъ и на немъ перенесли въ Алексоту всѣхъ почтовыхъ лошадей подъ царскіе экипажи, а также фельдъегерскіи перекладныя. Мостовая команда м. Алексоты славилась искусствомъ въ переправахъ; мы часто даже изумлялись ея необыкновенной ловкости; мы не разъ видѣли, какъ нѣсколько человѣкъ этой команды огромную 4-хъ-мѣстную карету, со всѣми важами и сундуками, съ высокаго, отвѣснаго берега, спускали на паромъ по двумъ доскамъ, подложеннымъ подъ колеса, придерживая только экипажъ за веревки, привязанныя къ задней оси. Кто-же послѣ этого могъ думать и воображать, что эти-то самые люди не съумѣютъ переправить благополучно коляски государя!

Но кромѣ шедшаго льда, приходилось сладить еще съ другою бѣдою: берегъ замерзъ сажени на двѣ или на три—и чтобы пристать парому къ берегу, надо было или прорубить весь этотъ ледъ, еще довольно тонкій, или настлатъ на немъ доски, чтобы сдѣлать проѣздъ до паромъ болѣе прочнымъ и благонадежнымъ. Команда избрала послѣднее средство и рѣшилась на это еще потому, что, по увѣренію фельдъегеря, государь долженъ былъ пріѣхать вслѣдъ за нимъ и не было времени заняться рубкою льда. Просто по льду постлали доски и какъ по нимъ перевели на паромъ до 40 почтовыхъ лошадей и перевезли нѣсколько перекладныхъ, то настилка эта показалась вполне надежною и пока было свѣтло, можно было надѣяться, что все обойдется благополучно.

Но вотъ проходитъ пятый, шестой часъ; проходитъ девятый и десятый—а государя все нѣтъ да нѣтъ! Полиціймейстеръ, старикъ, полковникъ Магнушевскій, на своемъ бѣломъ, какъ и онъ самъ, конѣ, давно отправился ко въѣзду въ городъ, на встрѣчу государя, и не знаетъ что дѣлается на Нѣманѣ. Губернаторъ, военные и порядочное число жителей стояли у таможи, а тутъ же за рогаткою была и переправа, у которой поставлено было человѣкъ 60 солдатъ мѣстнаго баталіона, для спуска экипажей на паромъ. Къ несчастію, незадолго до проѣзда въ этотъ разъ государя черезъ Ковно, я получилъ предписаніе, въ которомъ было сказано, что его величеству не угодно, чтобы жандармы, во время проѣзда государя императора, подходили близко къ царскому экипажу или къ его особѣ. Что тутъ дѣлать?—На часахъ пробилъ, наконецъ, одиннадцать; ночь темная, по Нѣману, бѣлѣя, густо и быстро несутся огромныя льдины. Зажгли нѣсколько смоляныхъ бочекъ на обѣихъ берегахъ, но онѣ не освѣ-

пѣаютъ средины широкой рѣки. Неужели государь рѣшится переѣзжать теперь, ночью, Нѣманъ, когда идетъ такой густой ледъ?—говорю я губернатору.—«Переѣдутъ!» отвѣчаетъ мнѣ К., не любившій слушать постороннихъ замѣчаній. Государь проѣзжаетъ не останавливаясь; встрѣчи нѣтъ, а намъ не велѣно и приближаться! Какъ тутъ предупредить князя А. Ѳ. Орлова, что переправа опасна? А губернаторъ этого не думаетъ и, конечно, не скажетъ ни слова! Какъ бы почувствавъ бѣду, я думалъ уже ѣхать на первую отъ Ковна станцію и тамъ сказать князю Алексѣю Ѳедоровичу, что по Нѣману идетъ густой ледъ, мостъ разведенъ и что лучше бы переночевать въ Ковнѣ. Но какъ ѣхать? Ни одной почтовой лошади на станции, всѣ переведены за Нѣманъ, а на своихъ успѣю ли? Притомъ я могъ встрѣтить государя уже на дорогѣ и останавливать экипажъ было неловко. Но подѣхавъ къ берегу, самъ же государь увидитъ какова переправа, а, наконецъ, быть можетъ, мнѣ удастся подойти незамѣтно къ шефу. Подумавъ все это, я рѣшился ждать недалеко отъ берега, спрятавшись въ толпѣ.

Наконецъ, раздалось: «Ѣдетъ, Ѣдетъ!» — Полицеймейстеръ показался верхомъ, а за нимъ и царская коляска. Подѣхавъ къ берегу, коляска остановилась и мигомъ стали выпрыгать лошадей, что, какъ извѣстно, дѣлалось очень скоро, такъ какъ стоило только свѣтъ построжки съ крючьевъ. Сидѣвшій на козлахъ спереди человѣкъ не слѣзавъ, а тотъ, который сидѣлъ сзади, соскочилъ и объявилъ, что государь спитъ. Коляска оставалась закрытою и даже фартухъ въ ней былъ застегнутъ. Водворилась тишина. Подъ вліяніемъ приказанія: не приближаться и не показываться—я стоялъ въ толпѣ на террасѣ у стараго костела, тутъ же противъ таможни, и снялъ даже каску, чтобы мой бѣлый султанъ не былъ замѣченъ; но, удивляясь, что коляска остается закрытою, что государь не выходитъ, и видя, что лошадей уже выпрягли, солдаты берутся уже за колеса и рессоры, чтобы спускать коляску на паромъ, я пустился бѣжать къ берегу; во мнѣ приходилось пробѣжать шаговъ пятьдесятъ по террасѣ назадъ и затѣмъ спуститься съ нѣсколькихъ ступенекъ отъ костела внизъ, ступенекъ крутыхъ и скользкихъ, съ натоптаннымъ на нихъ снѣгомъ и неровныхъ; я скользилъ, сбрасывалъ валопи и шинель, пробивался сквозь толпу—но уже было поздно! Лишь только царская коляска вкатилась на доски, положенныя на льду, между берегомъ и паромомъ, окруженная 60-ю человѣками солдатъ и нѣсколькими офицерами, ледъ, не выдержавъ всей этой тяжести, треснулъ; вмѣстѣ со льдомъ осѣла настилка, вокругъ коляски выступила вода, колеса правой стороны попали между расшедшимися досками,

экипажъ вдругъ погнулся на правую сторону и въ толпѣ раздался крикъ: «Государь тонегъ!»

Можете себѣ представить эту страшную минуту! Эту картину, освѣщенную догоравшими огнями: эти глыбы льда, съ шумомъ несущіяся по быстрой рѣкѣ и задѣвающія даже паромъ и берегъ, гдѣ стояла погнувшаяся на бокъ царская коляска, все еще закрытая и застегнутая; солдаты и офицеры, по грудь въ водѣ, поддерживаютъ экипажъ; крикъ нѣсколькихъ голосовъ: «Люди назадъ! Открыть коляску!»—Голосъ кн. Орлова: «Господа, государь здѣсь!» Все это, хотя этому минуло уже 23 года,—я вижу и слышу еще сегодня, какъ страшное видѣнье!

Можно тоже себѣ представить положеніе губернатора и cadaго, на чью долю приходилась хотя частица отвѣтственности: одни, совсѣмъ растерявшись, стояли неподвижно, съ выраженіемъ ужаса на лицахъ; другіе засуетились, заметались и, не зная что дѣлать, ничего не дѣлали; но вдругъ, опомнившись, покаявшись отрывали коляску, я схватилъ за руки двухъ стоявшихъ вблизи меня солдатъ и, подзвавъ еще нѣсколькихъ, указалъ имъ на лежавшія тутъ, упомянутыя выше, сбитыя по двѣ вмѣстѣ доски. По моему приказанію солдаты живо начали таскать эти спасительныя доски, подкладывая ихъ подъ экипажъ и устилать ими дорожку, чрезъ выступившую воду, отъ берега до самой коляски; одну же изъ нихъ я приказалъ положить концомъ въ открытыя уже дверцы коляски, съ лѣвой стороны, на которой былъ государь. Коляска такъ сильно погнулась на правую сторону, что когда ее открыли, кн. Орловъ казался сидѣвшимъ по крайней мѣрѣ на аршинъ ниже государя. Наконецъ, можно было вздохнуть свободнѣе. Коляска не погружалась глубже и не опрокидывалась. Государь всталъ и, поддерживаемый подъ руки солдатами и офицерами, ступилъ на тотъ конецъ доски, который лежалъ въ дверцахъ, сошелъ по ней благополучно до устроенной изъ прочихъ досокъ дорожки и дошелъ невредимо до берега, не замочивъ даже ногъ. Затѣмъ, такимъ же образомъ вышелъ и кн. Орловъ.

Хотя всѣ мы ожидали, что многимъ изъ насъ порядочно достанется, но когда мы увидали государя на сухомъ берегу и внѣ всякой опасности—страхъ былъ забыть. И что-же, вмѣсто заслуженной грозы, мы только улышались слова:

— Ай да переправа! Полиціймейстеръ, какъ же вы мнѣ сказали, что переправа хороша?

Что отвѣчалъ тогда Магнушевскій и куда дѣвался губернаторъ—я не слышалъ и не видѣлъ.

— Гдѣ моя шкатулка, спросилъ затѣмъ государь,—подать сюда шкатулку.

Изъ таможни или изъ парома принесены были веревки; ихъ привязали къ заднимъ рессорамъ коляски; солдаты дружно взялись за концы и чрезъ нѣсколько минутъ она стояла уже на сухомъ берегу. «Хорошо, спасибо, ребята!», сказалъ государь солдатамъ и, не говоря затѣмъ ни съ кѣмъ ни слова, пошелъ назадъ отъ берега, по улицѣ, ведущей къ плацу; прошелъ мимо дворца и направился къ почтовой ставціи. Въ молчаніи и Богъ вѣдаетъ съ какимъ волненіемъ въ груди слѣдовали позади и губернаторъ, и мы всѣ военные.

Въ Ковнѣ, недалеко отъ Нѣмана, на плацу, стоитъ старинное зданіе—бывшая ратуша,—съ высокою башнею. Эта ратуша передѣлана была на такъ называемый дворецъ,—помѣщеніе, въ которомъ обыкновенно останавливались проѣздомъ государь и другія высокія особы. Предвидя ночлегъ, я заблаговременно послалъ начальника жандармской команды, съ приказаніемъ распорядиться освѣщеніемъ лѣстницы и комнатъ этого дворца, къ счастью, теплыхъ, и когда государь шелъ мимо, все уже было готово. Баталіонный командиръ, видя что государь не заходитъ во дворецъ, подошелъ и сказалъ: «Ваше величество, здѣсь помѣщеніе», но государь отвѣчалъ: «не хочу»—и пошелъ далѣе на почтовую станцію, находящуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца; но въ ней было темно, холодно, пусто и не чисто, такъ какъ смотритель съ лошадьми былъ за Нѣманомъ; оставалась одна сонная служанка, которая, услышавъ что кто-то взошелъ и требуетъ огня, стала раздувать головешку, чтобы зажечь сальную свѣчу; государь, простоявъ нѣсколько секундъ на порогѣ, отвернулся и пошелъ назадъ во дворецъ, у подъѣзда котораго, между колоннами, замѣтилъ стоявщую въ гражданскомъ мундирѣ личность.

— Кто это, губернаторъ? спросилъ государь.

— Къ несчастію, ваше величество, отвѣчалъ, кланаясь, К.

— Что такое, губернаторъ?

— Къ несчастію, губернаторъ, ваше величество.

Тогда, оглянувшись и увидѣвъ Магнушевскаго, государь подозвалъ его и, обратясь къ К., сказалъ:

— У васъ полиціймейстеръ... онъ мнѣ сказалъ, что переправа хороша, и,—отвернувшись отъ обоихъ, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

Нашъ шефъ не помѣстился съ государемъ во дворцѣ, хотя обширномъ, но гдѣ бы онъ не могъ имѣть отдѣльной спальни, а занялъ помѣщеніе въ маленькомъ флигелѣ, ко дворцу же принадлежавшемъ. Съ сжатымъ сердцемъ и, признаюсь, не безъ страха, пошелъ я къ Орлову. Принявъ отъ меня рапортъ, онъ сердито бросилъ его на столъ; но я хорошо его зналъ и, пользуясь тѣмъ, что онъ ко мнѣ всегда благоволилъ, я всегда говорилъ съ нимъ смѣло; а тутъ

мнѣ предстояло оправдать и себя, и другихъ; и потому, не запинаясь и не смотря на его сердитый видъ, я сказалъ ему:

— Ваше сіятельство, здѣсь никто не виноватъ, что случилось это несчастіе: вѣдь переправа въ вѣдѣніи начальства Царства Польскаго; здѣсь граница, таможня, за рогатку которой никто изъ насъ перейти не имѣлъ права, а потому мы не имѣли возможности ни вмѣшиваться въ устройство переправы, ни удостовѣриться въ ея благонадежности: при томъ же, кто могъ предполагать, что въ виду такой переправы его величеству не угодно будетъ выйти, по крайней мѣрѣ, изъ экипажа.

Алексѣй Фёдоровичъ выслушалъ меня спокойно, лицо его прояснилось и онъ сейчасъ же пошелъ къ государю, сказавъ мнѣ, улыбаясь:

— Ты мнѣ пришли своего человѣка и постель,—у меня ничего нѣтъ.

Не всѣ, конечно, спали спокойно въ эту ночь тревоги и страха. Губернаторъ былъ въ отчаяніи; намъ всѣмъ было и совѣстно, и досадно. Переправа, конечно, была не наша, но какъ не предупредить государя, что она опасна потому уже, что шелъ ледъ и что поэтому необходимо выйти изъ коляски. Губернаторъ стоялъ возлѣ коляски, съ рапортомъ въ рукахъ; какъ было ему этого не сдѣлать.

Государь приказалъ кн. Орлову объявить начальнику XII округа путей сообщенія, имѣвшему, съ цѣлымъ управленіемъ, пребываніе въ Ковнѣ, что переправа и мостъ на Нѣманѣ поступають отнынѣ въ его вѣдѣніе, и чтобы къ утру переправа была готова. Нарядили солдатъ изъ мѣстнаго баталіона, въ нѣсколько часовъ прорубили ледъ у берега, сдѣлали пристань для царя вполне исправную—и къ шести часамъ утра все было готово, а тутъ и рѣка очистилась отъ льда. Часу въ шестомъ, когда было еще темно, я поѣхалъ посмотрѣть на эти работы, а затѣмъ ко дворцу, изъ котораго вскорѣ вышелъ кн. Орловъ и, сѣвъ на мои сани, приказалъ везти себя къ переправѣ. Удовольствившись въ ея исправности, онъ возвратился во дворецъ, гдѣ и оставался до полного разсвѣта; затѣмъ, спускаясь съ лѣствицы и увидѣвъ меня:

— Пойди, надѣнь сюртукъ и приди сюда, сказалъ онъ мнѣ, — поѣдешь въ Варшаву, а мы возвратимся въ Петербургъ, да пошли ко мнѣ почтоваго чиновника.

Черезъ четверть часа почтовый чиновникъ, командированный для заготовленія лошадей, получилъ приказаніе отправиться обратно въ С.-Петербургъ передовымъ, такъ какъ фельдъегеря не было, а я, надѣвъ сюртукъ и саблю, съ фуражкой въ рукахъ, стоялъ въ большой залѣ дворца, чрезъ двѣ комнаты отъ спальни императора. Про-

шелъ, быть можетъ, часъ. Вдругъ растворилась дверь и кн. Орловъ, искавшій меня, вошелъ послѣдно и сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою идти за нимъ. Мы вошли въ комнату сосѣдную съ спальней и кн. Орловъ, указывая мнѣ мѣсто посрединѣ, противъ ея отворенныхъ дверей, сказалъ:

— Жди здѣсь.

Я ожидалъ довольно долго и слышалъ, какъ государь два раза звалъ своего камердинера: «Малышевъ!» Государь въ это время писалъ.

Наконецъ, государь показался и, остановясь въ дверяхъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ головою подойти. Въ эту минуту Орловъ выпрямился и сталъ вправо отъ меня, руки по швамъ.

Государь держалъ въ рукахъ два письма, и когда я, поклонясь, подошелъ, сказалъ мнѣ:

— Прошу васъ поѣхать въ Варшаву и отвезти это письмо моему сыну; да скажите ему, чтобы онъ былъ остороженъ на этой переправѣ, а это письмо отдайте брату, Михаилу Павловичу. Кланяйтесь отъ меня фельдмаршалу Паскевичу и расскажите ему, что здѣсь со мною случилось. Скажите ему, что я къ нему не пишу, потому что тороплюсь назадъ въ Петербургъ.

Когда государь возвратился въ свою спальню, Орловъ подошелъ ко мнѣ и съ обычными своими жестами руками сказалъ въ польскомъ голосѣ:

— Скажи фельдмаршалу, что это его переправа.

Не успѣвъ я еще выйти изъ этой комнаты, какъ государь опять вышелъ изъ своей спальни и, потирая руки, подошелъ съ Орловымъ къ столу, на которомъ приготовленъ былъ чай.

Здѣсь мнѣ стоило сказать, почему тогда государь такъ неожиданно предпринялъ поѣзду въ Варшаву: великая княгиня Елисавета Михайловна, бывшая въ супружествѣ за герцогомъ Нассаускимъ, скончалась—и великій князь Михаилъ Павловичъ, бывшій по этому случаю за границею, на обратномъ пути остановился въ Варшавѣ, кажется, въ ожиданіи прибытія туда печальнаго кортежа съ останками своей дочери. Сначала проѣхалъ въ Варшаву наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а затѣмъ и самъ государь Николай Павловичъ пожелалъ неожиданно посѣтить опечаленнаго брата.

Получивъ, какъ выше сказано, изъ собственныхъ рукъ его величества письма, а отъ кн. Меншикова (сына) курьерскую подорожную, а также сто червонцевъ на прогоны, я переправился черезъ Нѣманъ на вполне уже исправномъ паромѣ, около 11-ти часовъ утра, а какъ вездѣ по Варшавскому тракту, въ ожиданіи высочайшаго проѣзда, почтовые лошади и перекладныя для фельдъегерей стояли впереди

почтовыхъ станцій на шоссе готовыми, то, объявляя вездѣ, что государь не будетъ, я только пересаживался изъ одной перекладной на другую и скакалъ истинно по курьерски, такъ что въ первомъ часу пополудни на другой день, т. е. въ сутки съ небольшимъ, сдѣлавъ 375 верстъ, я былъ уже въ Варшавѣ, въ Брилевскомъ замкѣ, сначала у наслѣдника, а потомъ у Михаила Павловича.

На докладъ мой цесаревичу, при врученіи письма, что его величеству угодно было возвратиться изъ Ковна въ С.-Петербургъ и прислать меня съ письмами курьеромъ, его высочество, нынѣ (1870 г.) его величество государь императоръ, съ крайнимъ безпокойствомъ, спросилъ меня:

— Что? Что случилось?

И когда я рассказалъ о происшествіи на Нѣманѣ и успокоилъ цесаревича на сдѣланные мнѣ вопросы, что государь совершенно здоровъ и не замочилъ даже ногъ, присовокупивъ, что имѣю письмо и къ великому князю Михаилу Павловичу, его высочество приказалъ провести меня скорѣе на другую половину замка. Всегда говорили, что покойный великій князь Михаилъ Павловичъ никогда не носилъ халата; я, однако-жъ, засталъ его въ легкомъ бухарскомъ халатѣ, накинутымъ на плечи, одѣтымъ, впрочемъ, въ полную форму, кромѣ мундира, съ орденами на груди. Принявъ письмо и выслушавъ мой докладъ, великій князь сказалъ:

— Я такъ и думалъ, что что-нибудь случилось.

Затѣмъ я отправился въ Лазенки, къ фельдмаршалу Паскевичу, который въ полной формѣ ходилъ по залѣ съ княземъ М. Д. Горчаковымъ, и передалъ ему слова государя и кн. Орлова.

Поразспросивъ меня о подробностяхъ происшества, фельдмаршалъ съ кн. Горчаковымъ пошли пѣшкомъ въ Брилевскій замокъ, къ наслѣднику. Я слѣдовалъ за ними. На улицѣ къ нимъ присоединилось нѣсколько генераловъ и штабныхъ. Меня спрашивали и я всѣмъ повторялъ одно и то-же. Кто-то изъ адъютантовъ сказалъ мнѣ: «Запишитесь въ дежурствѣ гдѣ вы остановились», — и я, исполнивъ это, отправился въ Краковскую гостинницу отдохнуть послѣ двухъ ночей, проведенныхъ безъ сна и послѣ ломки, испытанной при переездѣ изъ Ковна въ Варшаву, на перекладныхъ, въ однѣ почти сутки, по шоссе то скользкому, то занесенному снѣгомъ, болѣею частью, на колесахъ.

Въ первый разъ въ жизни я былъ въ Варшавѣ и думалъ провести тамъ нѣсколько дней, но едва наступили сумерки, прискакалъ казакъ, съ приглашеніемъ къ кн. М. Д. Горчакову. Буду и получаю приказаніе: «Отправиться сейчасъ обратно въ Ковно и объявить на стан-

ціяхъ, чтобы лошади были вездѣ готовы для наслѣдника, такъ какъ его высочество сегодня же вечеромъ выѣзжаетъ въ Петербургъ; а на послѣдней станціи, не доѣзжая Ковна, или въ м. Алексотѣ, если переправа на Нѣманѣ затруднительна, приготовить для его высочества ночлеги; въ Ковнѣ же указать цесаревичу то мѣсто, гдѣ коляска государя провалилась» (собственными слова кн. Горчакова).

Поскакалъ я опять на курьерской тройкѣ и на другой день, вечеромъ, остановясь на послѣдней станціи, не доѣзжая Ковна, приготовилъ для его высочества ночлеги; но какъ цесаревичъ, вскорѣ за мною прибывшій, пожелалъ слѣдовать далѣе, то и я поѣхалъ вслѣдъ за его экипажемъ; когда-же, во время переправы чрезъ Нѣманъ, на паромѣ, наслѣдникъ вышелъ изъ коляски, я подошелъ и указалъ мѣсто, гдѣ случилось происшествіе.

Этимъ и оканчивая описаніе случая, не имѣвшаго, благодаря Бога, никакихъ несчастныхъ послѣдствій, я не могу не упомянуть о самоотверженіи, не помню какого полка, поручика Кардиналовскаго, который, вида, что коляска валится на бокъ и государю грозитъ опасность, сталъ ее поддерживать изо всѣхъ силъ и самъ провалился по шею въ воду. Еще два другихъ офицера, съ нѣсколькими солдатами, тоже были по поясъ въ водѣ, что самъ государь замѣтилъ, и я, по приказанію кн. Орлова, подалъ о нихъ записку. Они тогда же получили награды. Въ память же счастливаго исхода этого случая упраздненный древній костель, вблизи котораго все это случилось, передѣланъ въ православную церковь.

На всѣхъ насъ, служившихъ въ то время въ Ковнѣ, это происшествіе, весьма естественно, должно было произвести самое тяжелое впечатлѣніе; но мы, военные, утѣшали себя тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что намъ однимъ принадлежала честь и слава спасенія государя отъ несомнѣнной опасности — и самъ государь сказалъ, какъ передалъ мнѣ князь Орловъ: «Если бы не военные, то было бы плохо».

Отставной генераль-маіоръ Е. Маньковскій.

23-го сентября 1870 г.

Г. Ольгополь.

Примѣчаніе. Разсказъ этотъ находится въ архивѣ «Русской Старины» вотъ уже двадцать лѣтъ; быть можетъ, въ это время г. Маньковскій напечаталъ его, по другой копіи, въ какомъ либо изданіи, что не помѣшаетъ однако читателямъ «Русской Старины» прочесть его и на страницахъ этого изданія.

Ред.

СТАНИСЛАВЪ СЕСТРЕНЦЕВИЧЪ БОГУШЪ ¹⁾.

I.

Уроженецъ одной изъ Бѣлорусскихъ губерній, Станиславъ Сестреничъ принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ немногихъ родовъ польскаго дворянства, которые въ прѣжнее время послѣдовали учению Кальвина. Поприще свое онъ началъ съ военной службы въ прусскихъ гусарахъ. Въ отставку вышелъ съ чиномъ поручика; онъ былъ человѣкъ образованный и даже ученый. По стеченію обстоятельствъ, изложеніе которыхъ ближе относилось бы къ подробной биографіи, чѣмъ къ настоящему бѣглому очерку, — Сестреничъ принялъ католицизмъ и вступилъ на духовное поприще. На немъ онъ сталъ быстро подвигаться и постоянно покровительствуемый императрицей Екатериной онъ вскорѣ достигъ высшей духовной степени. По предложенію русскаго правительства, онъ былъ возведенъ папою въ санъ могилевскаго архіепископа, съ которымъ соединяется званіе митрополита всѣхъ въ Россійской имперіи римско-католическихъ церквей. По особому къ нему расположенію императрицы, исходатайствована была для него кардинальская порфира, однако-жь, безъ кардинальскаго сана, а впослѣдствіи пурпуровое облаченіе присвоено и преемникамъ Сестренича на могилевской архи-каедрѣ.

Сестреничъ имѣлъ всѣ качества тонкаго придворнаго; онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе даже императора Павла. Въ тог-

¹⁾ Помѣщаемый здѣсь очеркъ принадлежитъ покойному тайному совѣтнику Осипу Антоновичу Пржецлавскому, усердному при своей жизни сотруднику «Русской Старины» и «Русскаго Архива». Это былъ человѣкъ весьма просвѣщенный и обширной памяти, много видѣвшій и слышавшій въ своей долготѣйшей жизни, о чемъ онъ и сообщалъ на страницахъ этихъ изданій въ своихъ интересныхъ очеркахъ и воспоминаніяхъ.

дашнее время орденъ Мальтійскихъ кавалеровъ потерялъ свое прежнее значеніе и, увидя себя безъ поддержки со стороны католическихъ державъ, обратился къ императору Павлу съ просьбою принять санъ гротмейстера. Извѣстно, какъ этому монарху, отличавшемуся рыцарскимъ духомъ, предложеніе это было пріятно; онъ сталъ дѣятельнымъ покровителемъ ордена. Въ Петербургѣ, посреди зданій Пажескаго корпуса, устроена была мальтійская капелла. Въ ней главный образъ представлялъ патрона ордена, св. Іоанна Крестителя. Видны тамъ и теперь эмблемы ордена: бѣлый осьмиконечный крестъ и тронъ для императора, присутствовавшего иногда при богослуженіи, украшенный государственнымъ гербомъ, съ такимъ же большимъ крестомъ. Императоръ, въ качествѣ великаго магистра, раздавалъ мальтійскіе кресты и званія. Митрополитъ Сестренцевичъ назначенъ былъ великимъ милостынникомъ (*Grand Aumonnier*), а графъ Юлій Помпеевичъ Литте великимъ судьей (*Grand Bailli*) ордена. Есть современные портреты, въ которыхъ Павелъ Петровичъ представленъ въ пурпуровомъ костюмѣ великаго магистра, съ большимъ бѣлымъ крестомъ на груди.

Но и съ Сестренцевичемъ, однако, случилась при этомъ государѣ невзгода. Онъ какъ-то, зимою, ѣхалъ въ каретѣ съ своимъ капелланомъ, который, страдая зубною болью, имѣлъ лицо, повязанное широкимъ бѣлымъ платкомъ. Встрѣтясь на Невскомъ проспектѣ съ императоромъ, митрополитъ, по принятому тогда обычаю, хотѣлъ выйти на первую ступень экипажа, но государь сдѣлалъ знакъ, что этого не желаетъ, и старикъ поѣхалъ домой. На другой или на третій день былъ у двора выходъ, на который Сестренцевичъ, не смотря на свои 75 лѣтъ, не преминулъ явиться. Говоря съ присутствовавшими, государь по очереди обратился къ нему и спросилъ въ шутку:

— «*Mr. l'Archeveque, quelle était la jolie femme, coiffée de blanc, que j'ai vue l'autre jour en voiture avec vous?*».

Сестренцевичъ довольно не кстати отвѣчалъ:

— «*Sire, à mon âge, se serait bien flatteur...*»

Императоръ, не давъ ему договорить, сказалъ:

— «*Flatteur! Sachez, monsieur, que l'Empereur de Russie ne flatte personne*» ¹⁾.

Въ тотъ-же день митрополиту приказано было выѣхать въ 24 часа въ Нарву.

¹⁾ — «Господинъ архіепископъ, кто была эта хорошенькая женщина, въ бѣлой наколѣ, которую я видѣлъ тогда въ каретѣ съ вами?»

— «Государь, въ мои годы очень лестно...»

— «Лестно!.. Знайте, сударь, что русскій императоръ никому не льститъ».

Вскорѣ послѣ кончины императора Павла Сестрениевичъ былъ возвращенъ въ столицу.

Со времени Екатерины II, въ началѣ царствованія императора Александра I, въ Петербургѣ оставались иезуиты. При нихъ коллегіи состояло учебное заведеніе, считавшееся лучшимъ въ Петербургѣ. Въ немъ, кромѣ католиковъ, немало молодыхъ людей изъ русской знати получили высшее образованіе. Не смотря на это, иезуиты вели себя такъ осторожно, что ихъ нельзя было не только обвинить, но и заподозрить въ пропагандѣ и хотя впоследствии нѣкоторые изъ русскихъ учениковъ оказались католиками, по ихъ словамъ, переходъ ихъ къ римской церкви совершился будто самъ собою, безъ всякаго внушенія со стороны наставниковъ и учителей.

Митрополитъ не благоволилъ къ иезуитамъ и нѣсколько разъ пытался удалить ихъ изъ столицы, но они всякій разъ находили сильную протекцію и, съ своей стороны, относились недружелюбно къ начальнику католической церкви въ Россіи. По мнѣнію ихъ, онъ былъ недовольно усерденъ къ пользамъ церкви, что приписывали остаткамъ въ немъ бывшаго протестантизма и фран-масонства, къ которому высокопреосвященный когда-то принадлежалъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I иезуиты были высланы изъ Петербурга. На ихъ мѣсто выписаны изъ провинціи священники-монахи ордена проповѣдниковъ (доминикановъ). Священниками этого ордена завѣдуется и теперь въ Петербургѣ многочисленный католическій приходъ св. Екатерины (1).

Во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, со времени императрицы Екатерины II, Сестрениевичъ, по своему положенію, уму и свѣтскому образованію, принадлежалъ къ кругу высшаго общества. Онъ былъ богатъ, жилъ открыто и слылъ ревнителемъ просвѣщенія. Большой домъ въ Большой Мѣщанской улицѣ, гдѣ помѣщается одна изъ петербургскихъ гимназій (вторая), пожертвованъ имъ въ казну на это назначеніе. Самъ же онъ жилъ въ своемъ домѣ, на углу Торговой улицы и Английскаго проспекта, съ садомъ, доходящимъ до Малой Мастерской улицы. На углу послѣдней Сестрениевичъ своимъ иждивеніемъ выстроилъ церковь во имя своего патрона св. Станислава епископа, а рядомъ съ ней въ Малой Мастерской домъ для помѣщенія выписанныхъ имъ священниковъ общины пиаристовъ (Scholarum piarum), которымъ ввѣрилъ завѣдываніе учрежденнымъ тамъ-же приходомъ. До того на весь Петербургъ существовалъ только одинъ приходъ св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ; учрежденіе прихода св. Станислава было благодѣяніемъ для католиковъ, живущихъ въ такъ называемой Коломнѣ и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ города.

Кромѣ разныхъ мелкихъ сочиненій, Сестренцевичъ напечаталъ исторію и описаніе Крыма на французскомъ языкѣ. Онъ былъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ и академіи наукъ.

II.

Когда я, въ 1822 году, пріѣхалъ въ Петербургъ, Сестренцевичъ былъ ужъ очень старъ, ему было за 90 лѣтъ. Не смотря на это, онъ еще въ большіе праздники служилъ торжественную литургію въ церкви св. Екатерины и совершалъ епископскія требы: рукоположеніе священниковъ, конфирмацію съ миропомазаніемъ, освященіе елеевъ и т. п. Онъ пріѣзжалъ въ церковь шестернею, въ позолоченной каретѣ. Я не бывалъ у него въ домѣ, но встрѣчалъ его у греко-уніятскаго митрополита, Брестскаго епископа Зосафата (Булгака), помѣщика моего уѣзда и моего родственника, (2). Въ глубокой старости Станиславъ сохранилъ свѣжесть ума и удивительную память. Онъ былъ веселъ и любилъ шутить. Когда ему было уже 95 лѣтъ, онъ говорилъ, что всякій порядочный человекъ долженъ дожить по крайней мѣрѣ до ста лѣтъ, и что онъ намѣренъ доказать это на себѣ. Онъ, однако, не сдержалъ обѣщанія и умеръ въ 1826 году, не отъ старости, а отъ страсти быть придворнымъ и отъ крайней неисправности своей прислуги. По своимъ лѣтамъ онъ давно могъ себѣ разрѣшить не являться ко двору; однако-жъ, на 96 году жизни, въ какой-то праздникъ, зимою, онъ пріѣхалъ во дворецъ. Когда стали разѣзжаться, митрополитъ, выйдя на лѣстницу, не нашелъ своего лакея съ шубой. Пока отыскивали лакея и карету, старецъ, въ одной своей легкой сутапѣ, съ Андреевской лентой, простудился и чрезъ вѣсколько дней послѣ этого умеръ.

Митрополитъ велъ жизнь чрезвычайно воздержную, въ послѣднія 45 лѣтъ онъ не ѣлъ ничего мяснаго и не пилъ ничего, кромѣ воды.

При немъ и съ его согласія учреждена была въ Петербургѣ римско-католическая духовная коллегія, состоявшая подъ предѣтельствомъ митрополита, изъ депутатовъ (ассессоровъ) отъ всѣхъ епархій моголевской архіепископской провинціи. Она составляетъ единственное этого рода учрежденіе и существуетъ независимо отъ каноническихъ архіепископальныхъ учреждений, находящихся въ Моголевѣ на Днѣпрѣ.

При жизни Сестренцевича не было особаго управленія для дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; всѣ они, вмѣстѣ съ дѣлами господствующей вѣры, завѣдывались министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ

дѣль, княземъ Александромъ Ник. Голицынымъ. Съ нимъ Сестреничъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ и этимъ объясняется многое въ тогдашнемъ состояніи католической церкви въ Россіи.

По управленію въ теченіе многихъ лѣтъ этой паствой, митрополитъ подвергся и у іезуитовъ, и у католиковъ одному важному упреку. Здѣсь приходится намъ записать одинъ знаменательный историческій фактъ.

Въ бывшей Польшѣ, начиная съ послѣднихъ 20—25 лѣтъ царствованія послѣдняго короля Станислава-Августа, по примѣру его и вслѣдствіе хроническаго недуга поляковъ, слѣднаго подражанія французамъ, развилась до высокой степени религіозная и нравственная распущенность. Вольнодумство въ дѣлѣ религіи проникло даже въ среду духовенства и имѣло на своей сторонѣ симпатіи прекраснаго пола.

Замѣчательно, что эта распущенность приняла въ Польшѣ особую форму. Она не столь глубоко выразилась въ открытомъ безвѣріи, сколько повела къ извращенію понятій о семейныхъ обязанностяхъ и о самой основѣ ихъ, брачномъ союзѣ. У большинства онъ потерялъ значеніе таинства и постановленія церкви, признающія его неразрывнымъ, провозглашены тираническими, насилующими человѣческую природу. Многие стали превозносить протестантизмъ, въ которомъ разводъ супруговъ допускается легко. Когда такіа понятія однажды установились въ обществѣ, за ними, естественно, послѣдовало стремленіе многихъ супруговъ къ разводу. Первые примѣры подала аристократія, а извѣстно, какъ заразительны эти примѣры для другихъ классовъ, особенно для тѣхъ, которые почему нибудь имѣютъ притязаніе принадлежать къ аристократіи. Отъ послѣднихъ эпидемія пошла далѣе и сдѣлалась модною болѣзнью. Имѣть въ родѣ хоть одного разведеннаго мужа или одну разведенную жену считалось хорошимъ тономъ. Разводы получались легко при тогдашнемъ вольнодумствѣ. Духовенство, быть можетъ и безсознательно, поддавалось господствовавшему духу французскаго энциклопедизма и ничего столько не боялось, какъ упрека въ строгости и фанатизмѣ. Изъ Польши, собственно такъ называемой, мода разводовъ скоро перебралась въ Литву и сдѣлалась тамъ уже эпидемическимъ повѣтріемъ.

Всякое зло, не ограничиваясь кругомъ прямого дѣйствія, имѣетъ свойство пускаться изъ своего корня отпрыски, размножающіе зло въ его разновидностяхъ. Поборники правды, которымъ извѣстенъ этотъ законъ природы, не довольствуясь истребленіемъ видимыхъ проявленій зла, старались вырвать его съ корнемъ и возбуждали такую къ себѣ ненависть со стороны не только прямо заинтересованныхъ, но

и цѣлыхъ массъ, принимающихъ слѣпо на вѣру искусственное общественное мнѣніе.

Извѣстно, что католическіе каноны не допускаютъ собственно развода, когда при заключеніи брака не было уничтожающихъ его препятствій (*impedimenta dirimentia*). Когда же существованіе хотя одного изъ такихъ препятствій обнаружится впоследствии, то не разводъ дается, а бракъ признается недействительнымъ, т. е. не состоявшимся. Словомъ, говоря языкомъ судебныхъ уставовъ, въ бракоразводныхъ дѣлахъ допускается принципъ не апелляціи, а только кассациіи.

Однимъ изъ такихъ препятствій, содѣлывающихъ брачный обрядъ недействительнымъ, есть отсутствіе добровольнаго согласія на бракъ обонхъ или хотя одного изъ сочетавшихся. Отсутствіе же согласія бываетъ, когда одинъ изъ супруговъ приволенъ изъявить его при вѣчаніи. Принужденію, естественно, можетъ подвергаться невѣста, но каноны требуютъ, чтобы принудительныя или угрожающія мѣры были настолько сильны и жестоки, чтобы могли преодолѣть сопротивленіе не только женщины, дѣвцы, но и мужчины. И это обстоятельство обыкновенно приводило искавшіе расторженія брака. Жена заявляла духовному суду, что она была принуждена къ вступленію въ бракъ родителями или опекунами; это могло быть доказано только свидѣтельскими показаніями подъ присягой. Ихъ можно было набрать изъ лицъ домашней прислуги; они, по естественному желанію видѣть свою барышню счастливою и свободною, рѣшались на жесвидѣтельство. Къ нимъ присоединялись и нѣкоторые изъ помѣщиковъ сосѣдей, считавшихъ бракъ, по тогдашнимъ понятіямъ, инстинктомъ тираническимъ, а противодѣйствіе ему, хотя бы и цѣною ложной присяги подвигомъ на пользу цивилизаціи. Но чаще всего свидѣтельства пріобрѣтались за деньги. Составилось даже особое сословіе свидѣтелей по найму и всѣмъ извѣстны были центры, гдѣ можно было нанять ихъ за опредѣленную плату. Эти люди рассказывали въ судѣ цѣлые романы о страшныхъ физическихъ и моральныхъ истязаніяхъ, которымъ будто бы подвергалась въ родительскомъ домѣ дѣвица, для вынужденія ея согласія на бракъ. Такимъ образомъ манія разводовъ породила особую преступную промышленность, цѣлый рядъ клятво-преступленій. Добросовѣстному суду, конечно, легко было бы уличить этихъ людей въ жесвидѣтельство, но суды мирволили разводамъ.

Язва разводовъ производила еще другое непосредственное большее зло. Это были послѣдствія относительно дѣтей, оставшихся отъ расторгнутаго брака. Понятно, какое пагубное вліяніе на развивающіяся чувства молодого поколѣнія долженъ былъ имѣть разрывъ

между родителями. Такое положеніе продолжалось болѣе 10-ти лѣтъ (1810—1820-е года). Въ теченія этого времени почти ни въ одномъ бракоразводномъ дѣлѣ духовными судами не было произнесено отказа.

Благомыслящіе католики сѣтовали на такое положеніе. Распространеніе разводовъ въ Литовской провинціи (3) приписывалось частью потворству со стороны архипастыря, частью же бездѣйствію его вслѣдствіе глубокой старости. Его упрекали въ томъ, что онъ не удаляется на покой и не уступаетъ мѣста болѣе способному и дѣятельному преемнику. Между тѣмъ поляки прослыли во всемъ католицизмѣ націю, не уважающую таинства брака.

Не смотря на послабленіе, оказываемое духовными судамъ въ дѣлѣ разводовъ, послѣдніе стоили не малыхъ денегъ. Секретари митрополита и консисторій, прокуроры духовной коллегіи, наживали скандалезныя состоянія. Такимъ образомъ, деморализація, порожденная однимъ злоупотребленіемъ, распространялась въ краѣ, производя въ свою очередь другія беззаконія.

Вскорѣ послѣ учрежденія въ 1815 году Царства Польскаго, Александръ I обратилъ вниманіе на злоупотребленіе тамъ разводовъ и повелѣлъ правительству Царства составить и внести на сеймъ проектъ закона, имѣющій цѣлью ограничить разводъ строгимъ примѣненіемъ къ брачнымъ дѣламъ каноническихъ правилъ. Такой проектъ былъ внесенъ, но сеймъ, подъ вліяніемъ оппозиціи, во главѣ которой стояли братья Немоіовскіе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, оставилъ его безъ послѣдствій.

Что-же касается литовской провинціи, то есть католической церкви въ Россіи, то описанное нами положеніе продолжалось еще нѣкоторое время и по кончинѣ Сестренцевича, послѣдовавшей въ 1827 (1826?) году. Первую преграду вопіющему злу положено назначеніемъ въ исходѣ 1820-хъ годовъ виленьскимъ епископомъ извѣстнаго профессора богословія въ бывшемъ виленьскомъ университетѣ прелата Клонгевича. Этотъ пастырь первый въ своей епархіи подалъ примѣръ строгаго въ бракоразводныхъ дѣлахъ исполненія церковныхъ законовъ, а увлеченіемъ и преданіемъ суду жесвидѣтелей и подкупавшихъ ихъ обуздалъ это преступное проявленіе деморализаціи. Примѣръ его подѣйствовалъ и на другихъ епископовъ; разводы получались гораздо труднѣе прежняго, однако, мода на нихъ продолжалась и прекратилась только въ 1840-хъ годахъ, при митрополитѣ Игнатіи (Головинскомъ). Вслѣдствіе объявленной ему Николаемъ I непремѣнной высочайшей воли, архіепископъ принялъ въ своей провинціи рѣшительныя мѣры. Съ того времени разводы стали очень рѣдки.

Митрополитъ Сестренцевичъ похороненъ въ построенной имъ въ Петербургѣ приходской церкви св. Станислава.

Примѣчанія.

(1) Въ католическомъ приходѣ св. Екатерины, въ С.-Петербургѣ, считается (въ 1873-мъ году) болѣе 20,000 лицъ обоего пола. Это духовное стадо раздѣляется на четыре націи: польскую, нѣмецкую, французскую и итальянскую. Къ послѣдней причисляются испанцы, португальцы, бразильцы и всѣ народы средней и южной Америки, изъ бывшихъ испанскихъ владѣній. Англичане и ирландцы причисляются къ націи нѣмецкой. Каждая нація имѣетъ своего пастыря, обязаннаго вести отдѣльно акты гражданскаго состоянія (метрическія книги). Проповѣди въ воскресныя и праздничныя дни говорятся по очереди на одномъ изъ четырехъ языковъ означенныхъ народностей. Это учрежденіе содержится, кромѣ обыкновенныхъ церковныхъ, доходомъ съ большого, принадлежащаго церкви, дома. При церкви состоитъ школа, гдѣ около ста молодыхъ казюшковъ получаютъ бесплатно полное гимназическое образованіе, и двѣнадцатилѣтній пансіонъ, содержимый на проценты съ капитала, пожертвованнаго благотворителями, главнѣйше графиней Александриной Потockой, рожденной графиней Потockою, и извѣстнымъ въ Петербургѣ часовымъ мастеромъ Вивтергальтеромъ.

(2) Высокопр. Иосафатъ Булгакъ былъ послѣднимъ митрополитомъ греко-уніатской церкви въ Россійской имперіи. Онъ происходилъ изъ древняго польскаго дворянства и имѣлъ значительное помѣстье въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи. По происхожденію онъ принадлежалъ къ католической церкви и, получивъ духовное образованіе въ Римѣ, предназначалъ себя къ священническому поприщу. Но папа Пій VII, желая возвысить греко-уніатское духовенство въ Литвѣ, находящейся на очень низкой степени образованности и значенія, убѣдилъ молодаго Булгака принять уніатство и назначилъ его сперва Брестскимъ епископомъ, а впоследствии и митрополитомъ, съ сохраненіемъ этого епархіальнаго званія. Съ того времени Иосафатъ жилъ постоянно въ Петербургѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ въ греко-уніатской духовной коллегіи, состоявшей, какъ и римско-католическая, изъ депутатовъ отъ епархіи.

Не смотря на ревностныя старанія почтеннаго архипастыря, возлагаемыя на него Піемъ VII надежды не вполне могли быть осуществлены. Иосафатъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы возстановить духовенство, вѣренное его началству; но это оказалось слишкомъ труднымъ; онъ на всякомъ шагѣ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія. Они состояли въ необразованности духовенства, въ его крайней бѣдности и недостаткѣ средствъ къ улучшенію этого положенія. Только монастыри (всѣ одного Базилианскаго ордена) были обезпечены и нѣкоторые даже богаты: но быть приходскихъ священниковъ немногимъ отличался отъ быта литовскихъ и бѣлорусскихъ крестьянъ, изъ которыхъ паства ихъ исключительно состояла. Не только не было уніатовъ изъ дворянскаго сословія, но пажиточнѣйшіе крестьяне и всѣ дворовые, составлявшіе прислугу помѣщиковъ, переходили въ латинство. Переходъ изъ одного въ другое вѣроисповѣданіе совершался безъ всякихъ обрядовъ; достаточно было, чтобы уніатъ исповѣдался у римско-католическаго священника и принялъ причастіе по обряду католицизма. Почти всѣ дочери и вдовы приходскихъ священниковъ служили въ помѣщачьихъ домахъ, въ должностяхъ горничныхъ и ключницъ,

и считались въ числѣ дворян. Духовные римской церкви смотрѣли свысока на своихъ собратьевъ по униі и не имѣли съ ними никакого общенія; помѣщики не менѣе гордо и даже презрительно относились къ приходскимъ пастырямъ своихъ крестьянъ. Все это унижало униатовъ и дѣлало ихъ чуждыми среди литовскаго населенія: они отстали отъ своей первобытной вѣры, а тѣ, съ которыми вошли въ единеніе (унию), не хотѣли имѣть съ ними ничего общаго.

Для выхода изъ такого положенія всѣ старанія умнаго митрополита были безуспѣшны. Это кончилось тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться, то есть воссоединеніемъ литовскихъ и бѣлорусскихъ униатовъ съ православною церковью; но это совершилось только по кончинѣ Иосафата.

Униатской церкви въ Петербургѣ не было, митрополитъ имѣлъ только у себя, въ комнатахъ, маленькую часовню. Въ ней, по праздникамъ, собирались къ обѣднѣ, кромя духовныхъ, членовъ упомянутой коллегіи, очень немногіе свѣтскіе прихожане. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный сотрудникъ Сперанскаго, начальникъ II отдѣленія собственной е. и. вел.—ва канцеляріи Балугьянской, родомъ словакъ изъ Венгріи.

По кончинѣ папы Пія VII, униатскій митрополитъ, также какъ и католическій, обязанъ былъ отслужить заупокойную литургію. По неизмѣннѣ своей церкви, онъ это совершилъ въ римско-католической церкви св. Екатерины (на Невскомъ проспектѣ), въ сослуженіи двухъ архимандритовъ. Пѣвчіе даны ему были изъ придворной капеллы. Петербургскіе католики всѣхъ народностей въ первый и въ послѣдній разъ увидѣли въ своемъ храмѣ богослуженіе со всею торжественностью обрядовъ православной церкви, слышали въ мессѣ славянскій языкъ и прекрасныя мелодіи Бортиянскаго. Русскіе, мало знающіе, что такое униа, не могли понять значенія небывалаго зрѣлища и по городу разнеслись самыя фантастическіе слухи.

Иосафатъ Булгакъ былъ замѣчательно красивый почти 80-ти-лѣтній старикъ, высокаго роста, съ величественной осанкой. Онъ былъ изъ тѣхъ личностей, къ которымъ императоръ Николай оказывалъ особое благоволеніе. Въ духовномъ завѣщаніи онъ изъявилъ желаніе, чтобы его похоронили въ его имѣніи Добропольѣ, въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, гдѣ имъ нарочно для этого была построена часовня. Однако, по распоряженію Д. П. Блудова, тогда главноуправлявшаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, Иосафатъ похороненъ въ Сергіевскомъ монастырѣ, близъ Стрѣльны.

(3) Литовская провинція.—провинція въ католической іерархіи есть архіепископство; она составляется изъ нѣсколькихъ епархій, управляемыхъ епископами. Они считаются помощниками (суфраганами) архіепископа, но подчинены ему лишь въ общемъ административномъ и дисциплинарномъ отношеніи, въ дѣлахъ же чисто-духовныхъ каждый епископъ есть полновластный, независимый пастырь своего стада. Архіепископъ имѣетъ также свою отдѣльную паству; она называется архи-епархією.

О. А. Пржецлавскій.

27-го декабря 1874 г.

Императоръ Николай Павловичъ въ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербурга.

Въ августовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1888 г., на стр. 418—420, сообщены официальные данныя о посѣщеніи императоромъ Николаемъ I губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ въ С.-Петербургѣ. Данныя эти ничего не говорятъ о томъ, въ какомъ положеніи представились присутственныя мѣста своему государю, ни о томъ, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ, со старшихъ до младшихъ, внезапное высочайшее посѣщеніе, представляющее, къ тому же, единственный примѣръ въ этомъ родѣ и до, и послѣ 1833 г. Последнее мы и намѣрены передать здѣсь со словъ нѣсколькихъ современниковъ событія, большинства которыхъ нѣтъ уже въ живыхъ, причемъ считаемъ своею обязанностію оговориться, что рассказы объ этомъ событіи были нами въ свое время записаны.

Съ 1803 по 1876 гг. присутственныя мѣста помѣщались въ домѣ, бывшемъ графа А. Н. Самойлова, на углу Гороховой улицы в Адмиралтейской площади, что нынѣ домъ градоначальства. Бель-этажъ зданія или третій, выходящій съ одной стороны на Гороховую улицу, съ другой на площадь, съ нѣсколькими балконами, занятъ былъ присутствіемъ и канцеляріей губернскаго правленія, однимъ изъ департаментовъ гражданской палаты и камерой губернскаго прокурора; во второмъ этажѣ помѣщались приказъ общественного призрѣнія и палаты, въ томъ числѣ и казенная, а въ нижнемъ и четвертомъ этажахъ находились типографія, чертежная, казначейство, суды и проч.

24-го апрѣля 1833 года, въ поведѣльникъ, во второмъ часу дня, государь изволилъ прогуливаться по Адмиралтейскому бульвару и, поравнявшись съ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, перешелъ площадь, на которой нынѣ расположенъ Александровскій садъ. Неожиданное прибытіе его величества произвело не только переполохъ и сумятицу, но и страхъ. Государь не нашелъ ни губернатора Ив. Сем. Храповицкаго (съ 1829 по 1835 г.) въ губернскомъ правленіи и

приказъ общественнаго призрѣнія, ни вице-губернатора Ив. Григ. Желѣзнова (съ 1827—1834 г.) въ казенной палатѣ, ни губернскаго прокурора Александра Мартыновича Мейера (съ 1825—1847 г.) въ его камерѣ. Журналъ губернскаго правленія 24-го апрѣля оговариваетъ отсутствіе губернатора изъ правленія торгами въ казенной палатѣ, но послѣдняя помѣщалась этажемъ ниже, а государь не напелъ тамъ ни Храповицкаго, ни непосредственнаго начальника палаты въ то время—вице-губернатора. Губернаторъ никуда не отлучался, а просто не былъ въ этотъ день на службѣ, и потому журналъ приказа, указывающій на прибытіе губернатора въ присутствіе въ 11 часовъ, говоритъ неправду. Заглавіе журналовъ, въ коихъ означалось начало присутствія, писалось однажды навсегда по намѣченному шаблону. Члены губернскаго правленія—совѣтникъ и ассессоръ, подписавшіе журналъ 24-го апрѣля, рискнули лучше обмануть своего государя, нежели сказать правду о губернаторѣ, т. е. что онъ не былъ на службѣ ¹⁾.

При возгласѣ: «Государь!» все засуетилось и растерялось, а небритое и неформенное попрыталось другъ за друга и по разнымъ угламъ. Губернскій прокуроръ Мейеръ—личность характерная, бывший въ нѣкоторомъ родѣ для канцелярій гоголевскимъ значительнымъ лицомъ, умалился до минимума.

— Это былъ въ свое время гроза канцелярій, говорилъ о немъ современникъ событія—Ф. И. Давыдовъ, служившій много лѣтъ въ камерѣ прокурора.

Мейеръ явился въ этотъ день на службу въ пестрыхъ брюкахъ и жилетѣ, чего въ то время не допускалось, особенно среди начальствующихъ лицъ. Неудивительно, что этотъ юпитерь (кавалеръ св. Владимира 4-й степени) потерялся: въ попыхахъ, отыскивая глазами укромное мѣстечко, куда бы ступеваться съ глазъ государя, прокуроръ намѣтилъ платяной шкафъ, въ который вѣшали пальто и шинели служащихъ въ его камерѣ, быстро юркнулъ туда и, притворяя за собой дверцу, далъ своимъ подчиненнымъ надлежащее приказаніе на случай вопроса о немъ со стороны государя.

Его величество не нашелъ въ помѣщеніи большинства присутственныхъ мѣстъ чистоты и порядка, которыми въ особенности не отличались въ то время одиѣ изъ департаментовъ гражданской палаты и низшіе суды, такъ какъ туда ежедневно сходилась масса

¹⁾ Съ 1780 по 1837 г. губернаторы обязывались посѣщать засѣданія ежедневно, исключая праздниковъ и субботу.

заинтересованныхъ дѣлами просителей. По разсказамъ современниковъ, на столахъ канцелярій вмѣсто чернильницъ и песочницъ стояли помадные банки; чиновники и канцелярскіе служители, случалось, сидѣли вмѣсто стульевъ на круглыхъ полѣвняхъ. Съ другой стороны, между дѣлами и за ними помѣщались полуштофы съ приличною закуской. Если столичныя губернскія присутственныя мѣста измѣнили свой внутренній видъ къ лучшему, то этому были причиною какъ высочайшее повелѣніе 5-го января 1837 г., въ силу коего начали поступать на службу молодые люди дворянскаго происхожденія или окончившіе курсъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и капитальные ремонты зданія въ 1839 и 1845 гг.

Войдя въ камеру прокурора, государь спросилъ:

— Что тутъ такое?

— Камера прокурора, ваше величество! отвѣтили ему.

— А гдѣ же прокуроръ?

— Отправился въ тюрьму по дѣламъ арестантовъ!

Можно вообразить себѣ положеніе ока закона въ шкафѣ въ это, хотя и краткое, время. Что если бы государю ненарокомъ вздумалось заглянуть въ помѣщеніе губернскаго прокурора? Въ виду такого пассажа и явнаго обмана, око могло бы улетѣть въ солдаты, какъ въ 1831 году правитель дѣлъ комитета гг. министровъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскій, или прогуляться по Владимірскѣ.

Между тѣмъ случилось нѣчто иное: черезъ четыре дня послѣ высочайшаго посѣщенія, 28-го апрѣля, Мейеръ всемілостивѣйше пожалованъ годовымъ окладомъ жалованья въ 2,500 руб. ассигнаціями за отличное усердіе къ службѣ, а 13-го іюня того же года добавочнымъ жалованьемъ въ 500 руб. ассигнаціями въ годъ, присвоеннымъ не должности, а лично Мейеру. Первое изъ этихъ ходатайствъ, очевидно, возбуждено было раньше 24-го апрѣля, такъ какъ нужно было время пройти по инстанціямъ и чрезъ комитетъ гг. министровъ, а второе если и послѣ, то проскользнуло счастливо лишь потому, что путешествіе въ шкафъ 24-го апрѣля сошло для Мейера благополучно. Подчиненные его, въ родѣ Ѳ. И. Давыдова, много лѣтъ скрывали отъ постороннихъ о путешествіи ихъ грознаго начальника въ шкафъ.

Въ казенной палатѣ встрѣтилъ и сопровождалъ государя старшій совѣтникъ Осипъ Аванасьевичъ Тукалевскій, бывшій впослѣдствіи вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ (съ 1835—1837 гг.). Окидывая на ходу все свойственнымъ ему быстрымъ взглядомъ, государь скорымъ шагомъ обошелъ помѣщеніе палаты, обративъ вниманіе на особенности этого помѣщенія, состоявшія въ перегородкахъ и напихавшія собою стойки.

— Не угодно ли вашему величеству обозрѣть кассу, гдѣ хранятся деньги и гербовая бумага? предложилъ Тукалевскій. Государь не соизволилъ, отвѣтивъ:

— У васъ все тутъ на кабацкомъ основаніи ¹⁾.

Весь обходъ Государемъ присутственныхъ мѣстъ занялъ не болѣе часа времени.

На другой день экзекуторъ губернскаго правленія Никитинъ, по порученію губернатора, обошелъ всѣ присутственныя мѣста съ приказаніемъ: «соблюдать всевозможную чистоту и опрятность въ комнатахъ ими занимаемыхъ, а также, чтобы текуція дѣла были на столахъ въ надлежащемъ порядкѣ, а для законныхъ книгъ имѣть приличные шкафы». Это распоряженіе подтверждаетъ отчасти тотъ сумбуръ, какой представился Государю. Начальствующіе мѣстъ возложили обязанность о чистотѣ и порядкѣ на секретарей и чиновниковъ и тутъ же повели рѣчь объ ассигнованіи денегъ на покупку приличной мебели, такъ какъ не имѣли возможности сдѣлать подобный расходъ изъ тѣхъ ограниченныхъ средствъ, какія полагались въ то время на содержаніе присутственныхъ мѣстъ.

Въ отвѣтъ на одно изъ подобныхъ ходатайствъ со стороны 1-го департамента надворнаго суда, губернское правленіе послало указъ: «въ семь правленій никакихъ суммъ, изъ которыхъ можно было бы отдѣлить часть на надобности судовъ, не имѣется, причѣмъ подтверждается, чтобъ приказаніе г. гражданскаго губернатора касательно содержанія комнатъ въ чистотѣ и опрятности и сохраненія порядка въ дѣлахъ исполняемо было во всей точности».

Государь общалъ бытъ вторично; и, дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ подѣхалъ на саняхъ къ зданію присутственныхъ мѣстъ, но спросилъ только у швейцара:

— Губернаторъ здѣсь?

— Такъ точно, ваше императорское величество!

Государь не выходилъ изъ экипажа и продолжалъ путь.

Должно быть посѣщеніе 24-го апрѣля (1833 г.) оставило въ его величествѣ сомнѣніе въ вѣрности отзыва членовъ губернскаго правленія объ отлучкѣ губернатора со службы на торги.

Г. И. Студеникинъ.

¹⁾ Журналъ казенной палаты 24-го апрѣля 1833 г. удостовѣряетъ посѣщеніе Государемъ и казначейства, помѣщавшагося въ 1-мъ этажѣ; вѣрно, современникъ событія—Н. Х. Альбрехтъ, † 1886 г., запоминатель или послѣдній слова государя относились къ чему-либо другому. Палата пережестилась во вновь отстроенный домъ у Кокушкина моста 30-го ноября 1847 г. Г. С.

ГРАФЪ НИКИТИНЪ И БАРОНЪ ФОНЪ-ДЕРЪ-ЛАУНИЦЪ.

Изъ давняго прошлаго.

По складу человѣческой жизни, и даже самой природы, въ самыхъ дурныхъ вещахъ часто находится и сторона хорошая. Поэтому, нисколько не умаляя похвалъ, расточаемыхъ генералу В. Ф. фонъ-деръ-Лауницу его бывшимъ адъютантомъ Зеге-фонъ-Лауренбергомъ въ Юльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г., я приведу два разсказа изъ дѣятельности покойнаго фонъ-деръ-Лауница, — болѣе полно и, какъ мнѣ кажется, вѣрнѣе характеризующіе качества его какъ администратора и указывающіе, на что отваживались въкоторыя изъ дѣятелей давно, слава Богу, минувшаго времени.

Во время существованія плачевной памяти военныхъ поселеній, управленіе ими, а также и расположенною въ нихъ кавалеріею сосредоточивалось въ одвѣхъ рукахъ,—а именно въ Кременчугѣ, гдѣ владѣствовали графъ Никитинъ и начальникъ его штаба, фонъ-деръ-Лауницъ. Войска получали все натурой, кромѣ обмундированія, отъ поселеній, которыя за это освобождались отъ податей и отъ рекрутства. Солдатамъ приварочныхъ денегъ не полагалось,—и справочныя цѣны на фуражъ для лошадей отсутствовали. Поэтому, натурально, полки не имѣли никакихъ экономическихъ средствъ, между тѣмъ какъ поселенія пользовались ими въ изобиліи. Поселяне притѣсняли войска до невѣроятности, и когда жалобы войскъ доходили до Кременчуга,—то дѣло рѣшалось всегда въ пользу поселеній. Множество примѣровъ несправедливости кременчугской администраціи можно было бы привести, но мы ограничимся двумя самыми разительными. Первый изъ нихъ совершился во время пребыванія еще въ Кременчугѣ графа Никитина, а второй, когда графъ уже былъ отозванъ въ Петербургъ, военныя поселенія уже расформировались и фонъ-деръ-Лауницъ на послѣдяхъ завѣдывалъ ими и расположенными въ нихъ войсками, на правахъ инспектора резервной кавалеріи.

Первая кирасирская дивизія квартировала въ Уманскомъ военномъ поселеніи, въ коемъ все было приспособлено для ея дивизионнаго кампента, въ отношеніи барака и военного поля. Вдругъ получается распоряженіе, чтобы дивизія, на время кампента, шла въ Мендзибожь, Подольской губерніи, что туда и обратно составляло 600 верстъ походу, на справочныхъ цѣнахъ. Начальникъ штаба того корпуса, въ составѣ коего состояла означенная дивизія, флигель-адъютантъ Дубельтъ, отнесся къ фонъ-деръ-Лауницу письмомъ, въ коемъ изложилъ всю необходимость подобнаго распоряженія, а также и его для казны невыгодность, — и получилъ въ отвѣтъ, что это дѣло направлено лично графомъ Никитинымъ, и что если Дубельтъ того желаетъ, то долженъ обратиться лично къ нему. Дубельтъ поѣхалъ въ Кременчугъ.

Графъ принялъ Дубельта очень любезно, пригласилъ его обѣдать и рассказалъ ему слѣдующее: «Во время крымской кампаніи, сказалъ графъ, эта дивизія была въ составѣ дѣйствующей арміи, охраняла австрійскія границы въ Подольской губерніи и стояла на справочныхъ цѣнахъ. Я тогда написалъ главнокомандующему князю М. Д. Горчакову и просилъ его отвести дивизію пѣсколко назадъ, до Мендзибожскаго поселенія, гдѣ имѣется казенный фуражъ, что и составитъ для правительства значительную экономію. Но князь Горчаковъ не только на это не согласился, но даже намекнулъ мнѣ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло. Такъ теперь, батюшка, что война кончена, и эта дивизія опять находится въ моемъ вѣдѣніи, я хочу, чтобы она съѣла тотъ самый овесъ, да на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ».

— «Но позвольте доложить вашему сіятельству, возразилъ Дубельтъ, что этой цѣли можно достигнуть, не передвигая дивизію изъ Умани, и даже съ нѣкоторой выгодой для казны, а именно, перевозкою тѣхъ самыхъ 15 тысячъ четвертей овса изъ Мендзибожа въ Умань, вольнымъ наймомъ. Мною исчислено, что эта операція обойдется въ 15 тысячъ руб., между тѣмъ какъ дивизія, за два похода, получить по справкамъ 28 тысячъ руб., значитъ сохранятся для казны 13 тысячъ руб., кромѣ утраты матеріальной части дивизіи отъ 600 верстнаго похода».

— «Э, батюшка, ты молодой человекъ, и въ этихъ вещахъ ничего не понимаешь», сказалъ графъ.

Дубельтъ вернулся въ Елизаветградъ, а дивизія ушла въ Мендзибожь.

Вскорѣ послѣ ея туда прибытія, Дубельтъ получилъ отъ начальника дивизіи, генерала Мазуркевича, отчаянное письмо, коимъ онъ умолялъ его спасти дивизію, такъ какъ начальникъ поселеннаго

округа, баронъ Ганъ, требуетъ чтобы во все время дивизионнаго сбора, продолжающагося 6 недѣль, вся дивизія пользовалась половинной дачей фуража, выдавая квитанціи полностію. Мазуркевичъ объяснялъ, что причиной тому растрата Ганомъ казеннаго овса и сѣна, но что крупныя кирасирскія лошади не вынесутъ усиленныхъ трудовъ кампанента, получая 2 гарнца овса вмѣсто 4-хъ и 10 фунтовъ сѣна вмѣсто 20-ти. Дубельтъ подлинное письмо Мазуркевича послалъ фонъ-деръ-Лауницю, объяснивъ, что по его убѣжденію обстоятельства эти ему, фонъ-деръ-Лауницю, неизвѣстны, и что Дубельтъ не сомнѣвается, что, узнавъ ихъ, фонъ-деръ-Лауницъ неотлагательно возстановитъ законный порядокъ. На это Дубельтъ получилъ отъ фонъ-деръ-Лауница выговоръ за неумѣстное вмѣшательство въ дѣла, до его начальства относящіяся. Тогда Дубельтъ написалъ фонъ-деръ-Лауницю письмо, въ которомъ изложилъ, что въ немъ соединяются два лица,—начальникъ штаба, подчиненный фонъ-деръ-Лауницю и заслужившій выговоръ, и флигель-адъютантъ Государя, имѣющій обязанностію доносить въ собственныя руки Его Величества о всѣхъ злоупотребленіяхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ по службѣ, даже до его прямыхъ обязанностей не относящихся. Поэтому Дубельтъ будетъ ожидать укаванія генерала фонъ-деръ-Лауница, какъ ему въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать.

Дубельтъ получилъ отъ В. Ф. благодарственное письмо за то, что онъ открылъ ему глаза, и вслѣдъ затѣмъ баронъ Ганъ былъ преданъ суду, а дивизія, во все время кампанента, получала полную дачу фуража.

* * *

Когда послѣ крымской кампаніи, Бугскій уланскій полкъ, подъ командою барона Радена, расположился въ Вознесенскомъ военномъ поселеніи, то нижніе чины полка не получали отъ поселянъ никакого продовольствія. Никакія требованія барона Радена, обращенныя къ начальнику поселеннаго округа, полковнику Андрузскому, ни донесенія его начальнику дивизіи, генералу Фишбаху, положенія не улучшали. Надѣясь, что время образумитъ поселенное начальство, баронъ сталъ собственными средствами пріобрѣтать провіантъ, но когда его личный расходъ на этотъ предметъ достигъ до 12 тысячъ руб., онъ поневолѣ былъ вынужденъ остановить эту операцію. Тогда люди полка стали болѣть, поступать въ госпиталь и умирать отъ изнуренія, въ чемъ выдавались Радену медицинскія свидѣтельства. Дойдя до отчаянія и не видя выхода изъ ужаснѣйшаго положенія, баронъ донесъ въ собственныя руки Государя Императора, какъ о чрезвычайномъ происшествіи, что во ввѣренномъ ему полку люди

буквально умирають голодною смертію, и что поселенное начальство, не смотря на его неоднократныя требованія, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ отстраненію этого бѣдствія. На основаніи закона, копія съ всеподданнѣйшаго рапорта была представлена имъ по начальству.

Фонъ-дерь Лауницъ, получивъ эту копію, сѣлъ въ коляску, прилетѣлъ въ Вознесенскъ, моментально устроилъ для Бугскаго полка разливное море продовольствія, и затѣмъ отдалъ приказъ, что, убѣдившись лично, удаляеть барона Радена отъ командованія полкомъ за ложное донесеніе Его Императорскому Величеству.

Баронъ Радень пріѣхалъ въ Елисаветградъ и изложилъ все это дѣло начальнику штаба Дубельту, который имѣлъ уже тогда уведомленіе отъ военнаго министра, что должность инспектора резервной кавалеріи, въ скоромъ времени, упразднится, что сформируется отдѣльный сводный кавалерійскій корпусъ, и что 5-я кавалерійская дивизія поступитъ въ составъ означеннаго корпуса. Командиромъ корпуса у Дубельта былъ тогда баронъ Оффенбергъ, личность замѣчательная по благородству, уму, энергіи и справедливости. По докладу Дубельта, баронъ Оффенбергъ тотчасъ же телеграфировалъ военному министру, и просилъ его, по полученіи донесенія фонъ-дерь-Лауница, не дѣлать никакого распоряженія, но дождаться донесенія его по дѣлу барона Радена, такъ какъ онъ, Оффенбергъ, убѣжденъ въ невинности полковаго командира, и прикажетъ произвести строгое слѣдствіе, лишь только 5-я дивизія поступитъ подъ его начальство. О результатахъ же слѣдствія донесетъ военному министру. Желаніе Оффенберга было исполнено, но по важности дѣла Государь прислалъ для производства слѣдствія своего генераль-адъютанта Шварца, и вотъ подлинный текстъ резолюціи императора по этому вопіющему дѣлу:

— «Генералу фонъ-дерь-Лауницу объявить высочайшій выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ. Полковника Андрузскаго предать суду. Барону Радену возвратитъ командованіе Бугскимъ уланскимъ полкомъ, и возстановитъ его въ томъ отличномъ о немъ мнѣніи начальства, которое онъ всегда заслуживалъ».

М. Д.

ГРАФЪ МАТВѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДМИТРІЕВЪ-МАМОНОВЪ

изъ воспоминаній Н. А. Дмитріева-Мамонова.

I.

Въ 1860-мъ году, не помню какого именно мѣсяца и числа, я былъ назначенъ опекуномъ надъ имѣніемъ и личностью правнучатаго дяди моего графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова. До моего назначенія опека эта существовала болѣе 30-ти лѣтъ, такъ какъ еще въ началѣ царствованія императора Николая Павловича, графъ Матвѣй Александровичъ, по свидѣтельству докторовъ, былъ признанъ умалишеннымъ и тогда-же послѣдовалъ высочайшій указъ о взятіи его подъ опеку, съ предоставленіемъ московскому генералъ-губернатору права назначать къ нему двухъ опекуновъ изъ числа дворянъ, живущихъ въ Москвѣ и пользующихся добрымъ именемъ. Въ прежнее время московскіе генералъ-губернаторы смотрѣли на эту весьма доходную опеку какъ на сивекуру и назначали опекунами своихъ приближенныхъ чиновниковъ; но назначенный въ 1860 г. московскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютантъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, со свойственною ему рыцарскою честностью, руководившею имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, посмотрѣлъ на это дѣло иначе и назначилъ опекунами родственниковъ и наследниковъ графа Мамонова ¹⁾, а именно: меня и Ивана Сергѣевича Фонвизина. Впослѣдствіи третьимъ опекуномъ былъ назначенъ князь Александръ Петровичъ Щербатовъ, приходившійся родственникомъ графу Мамонову по матери послѣдняго, урожденной княжнѣ Щербатовой.

¹⁾ Мысль эта впрочемъ, какъ я слышалъ, была ему внушена его предмѣтникомъ, графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ, бывшимъ весьма короткое время московскимъ генералъ-губернаторомъ. Н. Д.-М.

Мнѣ неизвѣстно былъ-ли дѣйствительно сумасшедшимъ графъ Матвѣй Александровичъ въ моментъ взятія его подъ опеку, но, повидимому, въ первое время съ нимъ обращались чрезвычайно строго и даже жестоко, чему служить доказательствомъ горячешныя рубашки и бинты, которыми его привязывали къ постели, найденные мною тридцать лѣтъ спустя въ его гардеробѣ.

Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что уже въ 1820-хъ годахъ за нимъ замѣчались кое-какія странности. Такъ, напримеръ: живя почти безвыѣздно въ имѣніи своемъ селѣ Дубровицахъ, въ 35-ти верстахъ отъ Москвы, онъ выстроилъ тамъ крѣпость, учредилъ роту солдатъ изъ своихъ дворовыхъ людей, завелъ пушки и т. д. Конечно, въ настоящее время такимъ затѣямъ богатаго барина, имѣющаго достаточныя средства для ихъ исполненія, не придали-бы особеннаго значенія, но тогда были другія условія жизни. Говорятъ также, что онъ учредилъ общество «русскихъ рыцарей», нѣчто въ родѣ масонскихъ рыцарей, и что члены этого общества собирались у него въ Дубровицахъ, но и это еще недостаточное основаніе для признанія его сумасшедшимъ, другихъ же поводовъ или, лучше сказать, признаковъ, по которымъ свидѣтельствовавшіе его доктора могли-бы дать заключеніе, что онъ сумасшедшій, въ то время, кажется, никакихъ не было, или по крайней мѣрѣ мнѣ это не извѣстно. Изъ Дубровицъ онъ былъ взятъ жандармами, такъ какъ не хотѣлъ добровольно выѣхать оттуда, перевезенъ въ Москву и помѣщенъ въ его собственномъ домѣ, томъ самомъ, гдѣ въ настоящее время находится Лазаревскій институтъ. Здѣсь онъ прожилъ недолго: московское начальство нашло почему-то неудобнымъ его пребываніе внутри города и потому въ 1830 году онъ былъ перевезенъ на Васильевскую дачу, находящуюся на Воробьевыхъ горахъ, пріобрѣтенную нарочно по этому случаю отъ князя Юсупова. Дача эта, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ ней графа Матвѣя Александровича, и до сего времени извѣстна московскимъ жителямъ подъ именемъ Мамоновской дачи.

Положеніе Мамоновской дачи на Воробьевыхъ горахъ, у подножія которыхъ протекаетъ Москва рѣка, очень красиво. Большой двухъ-этажный домъ съ террасами и высокимъ бельведеромъ построенъ знаменитымъ архитекторомъ Растрелли и замѣчательенъ по своей красотѣ и изяществу. Когда я, однажды, привелъ извѣстнаго англійскаго туриста Кобдена на верхнюю террасу этой дачи, то онъ былъ восхищенъ видомъ, открывающимся съ нея на Москву, и нашелъ, что этотъ видъ одинъ изъ самыхъ поразительныхъ, оригинальныхъ и красивыхъ въ цѣломъ свѣтѣ. Дача эта была окру-

жена большимъ тѣнистымъ садомъ, входъ въ который постороннимъ лицамъ былъ воспрещенъ.

Здѣсь, удаленный отъ всякаго общества, подъ строгимъ надзоромъ и подъ присмотромъ двухъ докторовъ, ежедневно чередовавшихся, графъ Матвѣй Александровичъ прожилъ затворникомъ болѣе 30-ти лѣтъ.

Я не описываю полную его биографію—скажу только, что богатство, знатность рода, умъ, красота, здоровье, необыкновенная физическая сила и т. д., словомъ, все дары природы, которыми въ изобиліи обладалъ въ молодости этотъ человѣкъ, проведенный потомъ болѣе половины своей жизни въ невольномъ затворничествѣ, еще не могутъ служить залогомъ счастья, а напротивъ того, возбуждая зависть, а нерѣдко даже и ненависть, могутъ быть причиной всякихъ невзгодъ. Конечно, рѣзкость выдающагося ума и пылкость характера были причиною многихъ его неудачъ; но едва-ли я ошибусь, если скажу, что главнымъ образомъ зависть и злоба людей сломили и обездолили эту жизнь, которая могла-бы быть до конца блестяща и, вѣроятно, не бесполезна, ибо по своему уму, образованію, энергій, добротѣ и по своей рыцарской честности, при огромныхъ матеріальныхъ средствахъ, онъ могъ бы быть замѣчательнымъ дѣятелемъ.

И дѣйствительно, враговъ и завистниковъ у него вѣроятно было не мало, судя по списку лицъ, найденному мною въ его бумагахъ. Списокъ этотъ составленъ имъ, должно полагать, еще въ 1820-хъ годахъ и написанъ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Catalogue des gens qui ont contribué à ma perte*. Нѣкоторыя лица, вошедшія въ составъ этого каталога, охарактеризованы имъ очень рѣзко, такъ напримѣръ: *Agaktcheieff—Tristan l'ermite de notre siècle, Comte G.—voleur publique, prince W.—une espèce de vieille salope* и т. д. Всего въ этомъ каталогѣ, сколько мнѣ помнится, было записано около 30 лицъ, болѣе или менѣе значительныхъ въ то время по своему общественному и служебному положенію, но нельзя не замѣтить, что имена лучшихъ людей того времени, какъ-то: Строгановыхъ, Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Кочубеевъ, Сперанскаго, Ермолова и т. д., въ этомъ каталогѣ не значились.

Графъ Матвѣй Александровичъ былъ сынъ извѣстнаго генералъ-адъютанта императрицы Екатерины II-й Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова, получившаго графскій титулъ и женатаго на фрейлинѣ княжнѣ Дарьѣ Ѳеодоровнѣ Щербатовой. Свадьба эта состоялась, какъ достоверно извѣстно, въ 1789 году и слѣдовательно въ моментъ, когда я въ первый разъ увидѣлъ графа Матвѣя Александровича, ему не могло быть болѣе 70 лѣтъ, однако онъ мнѣ

показался много старѣе. Отъ того-же брака была дочь—графиня Марья Александровна, ненавидѣвшая брата, который съ своей стороны никогда не признавалъ ее сестрой. Эта графиня Марья Александровна была фрейлиной и умерла въ 1850-хъ годахъ за границей. Она была назначена первой опекуной надъ графомъ Матвѣемъ Александровичемъ, но вскорѣ лишена этого званія и сама взята подъ опеку.

Всѣ мои старанія узнать съ точностію о годѣ и днѣ рожденія графа Матвѣя Александровича остались тщетными и, кажется, никакихъ документальныхъ свѣдѣній объ этомъ не сохранилось; достоверно извѣстно только то, что еще въ очень молодыхъ лѣтахъ онъ уже былъ оберъ-прокуроромъ сената и что въ 1812-мъ году онъ сформировалъ на свой счетъ конный полкъ въ 1,000 человекъ, причѣмъ былъ назначенъ шефомъ этого полка съ производствомъ въ генераль-майоры. Съ этимъ полкомъ онъ особенно отличился въ сраженіяхъ при Тарутинѣ и при Малоярославцѣ, что видно изъ имѣющагося у меня подлиннаго высочайшаго рескрипта, текстъ котораго слѣдующій:

«Божіею милостію Мы, Александръ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр. — Нашему генераль-майору, уволенному отъ службы графу Дмитріеву-Мамонову. Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличія, оказаннаго въ сраженіяхъ противу французскихъ войскъ 1812 года октября 6-го при Тарутинѣ и 12-го подъ городомъ Малоярославцемъ, гдѣ вы по служенію вашему въ бывшей московской военной силѣ въ 1-мъ казачьемъ полку шефомъ, бывъ употребляемы по кавалеріи съ разными порученіями въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, исполняли оныя съ отличною храбростію, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ, въ 21-й день декабря 1812 года, золотою саблею съ надписью за храбрость. Грамоту сію во свидѣтельство поднисомъ и орденскою печатью укрѣпить указомъ нашимъ въ 4-й день февраля 1820 года повелѣли Мы капитулу Россійскихъ императорскихъ орденовъ. Дана въ С.-Петербургѣ, въ 27-й день ноября 1825 года. Подписалъ, за отсутствіемъ канцлера, генераль отъ инфантеріи князь Лобановъ-Ростовскій, скрѣпилъ орденскій казначей генераль-майоръ Крыжановскій».

Почему эта награда была пожалована графу Мамонову 21 декабря 1812 года, указъ о ней послѣдовалъ 4-го февраля 1820 года, а грамота выдана только лишь 27-го ноября 1825 г.—я объяснить не умѣю.

II.

Въ концѣ 1820-хъ годовъ графъ Матвѣй Александровичъ уже былъ удаленъ отъ общества, взятъ подъ особый присмотръ и прожилъ въ этомъ невольномъ затворничествѣ до своей смерти, т. е. до 11 июня 1863 года. Повстинѣ, ужасная превратность судьбы, выпадающая болѣею частію только на долю натуръ недюжинныхъ: кому много дано, съ того много и взыщется.

Я уже сказалъ, что въ 1860-мъ году я и Фонвизинъ были назначены опекунами надъ имѣніемъ и личностію графа Матвѣя Александровича. Къ нашему великому удовольствію, намъ пришлось принимать опеку отъ честиѣйшихъ людей — Федора Петровича Корнилова и Федора Ивановича Тимирязева и потому дѣло это совершилось очень скоро и безъ малѣйшей неприятности. Приняли мы отъ нихъ слѣдующее имущество: около пятнадцати тысячъ душъ крестьянъ, при 90-ти тысячахъ десятинъ земли, расположенныхъ въ 10-ти губерніяхъ и 29-ти уѣздахъ, дачу въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ, домъ въ Петербургѣ на Конногвардейскомъ бульварѣ и капиталъ слишкомъ въ двѣсти тысячъ рублей въ билетахъ государственнаго банка. Все это имѣніе было чистое, т. е. незаложенное и никакихъ долговъ за графомъ Мамоновымъ не числилось, а капиталъ во время нашего четырехлѣтняго управления опекой увеличился до пятисотъ тысячъ рублей. Все же остальное движимое имущество графа, какъ то: золотыя, серебряныя и брилльантовыя вещи въ давнее время были сданы опекунами въ Московскую дворянскую опеку и хранились въ ея кладовыхъ, а потому ни наши предѣстники, ни мы сами при приемѣ опеки вещей этихъ не принимали, а когда мнѣ и Фонвизину, уже послѣ смерти графа Мамонова, пришлось ихъ принять, для опредѣленія дѣйствительной ихъ стоимости и для раздѣла между наслѣдниками, то вещей этихъ оказалось примѣрно на двѣсти тысячъ рублей, хотя по описи, по которой они были сданы въ Дворянскую опеку, цѣнность ихъ была опредѣлена всего въ шесть тысячъ рублей. Къ чести охранителей нужно отнести, что всѣ эти драгоцѣнности оказались въ полной сохранности, отъ самаго крупнаго брилльанта внѣ оправы, до мелкихъ розетокъ, все было на лицо согласно описи. Этотъ фактъ весьма краснорѣчиво говоритъ въ пользу тогдашняго персонала Московской дворянской опеки, члены которой при уtratѣ этихъ вещей въ концѣ концовъ отвѣтили бы только шестью тысячами рублей за стоимость

въ сорокъ разъ большую. Вотъ была бы находка для современныхъ нашихъ хищниковъ общественнаго и частнаго добра, изъ которыхъ многие угодили за свои хищенія въ мѣста отдаленныя...

Не знаю, какъ было въ прежнее время, но наши предшественники содержали графа Матвѣя Александровича прекрасно, то есть вполне соотвѣтственно его званію и его богатству, такъ что намъ въ этомъ отношеніи не пришлось ничего измѣнять или добавлять. Послѣ официального приѣма опеки я, одновременно съ Фонвизиннымъ, прѣѣхалъ на Васильевскую дачу, гдѣ былъ встрѣченъ дежурнымъ въ тотъ день докторомъ Гиппюсомъ и управляющимъ. Въ большомъ вестибюлѣ дачи стояли восемь официантовъ, одѣтыхъ въ синіе фраки съ металлическими пуговицами, на которыхъ былъ изображенъ Мамоновскій гербъ. Тутъ же находился любимецъ графа, двадцатилѣтній полудидло Митька, весьма уродливый собой, въ какомъ-то военномъ костюмѣ и въ большихъ эполетахъ.

Этотъ Митька, съ разрѣшенія прежнихъ опекуновъ, былъ принятъ графомъ Матвѣемъ Александровичемъ семилѣтнимъ ребенкомъ и съ того времени съ нимъ не разставался. Когда Митькѣ минуло 16-ть лѣтъ, графъ выпросилъ ему у опекуновъ военную форму, разумѣется фантастическую, и толстыя эполеты. Обращался онъ съ Митькой всегда очень вѣжливо и даже нѣжно и говорилъ ему «вы»; Митька-же, напротивъ того, обращался съ нимъ довольно грубо, иногда называлъ его старымъ чертомъ, но былъ преданъ ему безгранично. Я это описываю только какъ фактъ, но никогда не позволю себѣ по этому поводу посмѣяться надъ бѣднымъ старикомъ, въ продолженіе почти сорока лѣтъ прожившимъ въ отчужденіи отъ общества себѣ подобныхъ людей. Мысль въ немъ еще не совсѣмъ угасла, сердце видимо требовало какой-нибудь привязанности и вотъ онъ взялъ къ себѣ этого Митьку и сосредоточилъ на немъ всѣ свои заботы и всю свою нѣжность.

Не знаю, какъ было прежде, но въ моментъ принятія мною опеки графъ Матвѣй Александровичъ уже находился въ положеніи вполне неизлечимаго маниака, такъ какъ манія величія развилась въ немъ въ высшей степени и онъ воображалъ себя то царемъ, то всемогущимъ средневѣковымъ папой, имѣющимъ власть всѣхъ карать и миловать и т. д. Говорятъ, что еще при генераль-губернаторѣ князѣ Голицынѣ московскій митрополитъ Филаретъ посѣтилъ графа Матвѣя Александровича съ цѣлію уговорить его говѣть и причаститься святыхъ таинъ, но посѣщеніе это не увѣнчалось успѣхомъ и впоследствии объ этомъ предметѣ уже не было и рѣчи. Однако, по временамъ, на старика находили совершенно ясныя минуты, въ которыя онъ могъ

вполнѣ толково высказать свою мысль и даже умно написать нѣсколько строчекъ, но затѣмъ все это кончалось такой чепухой, которую невозможно было понять.

Въ доказательство того, что на него дѣйствительно находили свѣтлыя минуты, когда онъ все помнилъ, я расскажу здѣсь о моемъ первомъ свиданіи съ нимъ, во время котораго въ сущности сумасшедшимъ оказался я, а не онъ.

По прїѣздѣ на Васильевскую дачу и послѣ представленія персонала служащихъ, Фонвизинъ, не пожелавшій, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, итти знакомиться съ старымъ графомъ, пошелъ осматривать и принимать движимость, кухню, оранжереи и т. д. Что-же касается до меня, то я прежде всего хотѣлъ удостовѣриться въ личности опекаемаго, столь интересной самой по себѣ и какой-то мифической вслѣдствіе разныхъ легендъ, сложившихся о ней въ народѣ во время сорокалѣтняго ея затворничества. Движимый любопытствомъ, а отчасти и родственнымъ чувствомъ, я настойчиво требовалъ, чтобы докторъ Гиппіусъ велъ меня немедленно къ старому графу. Сперва докторъ всячески отговаривалъ меня и старался увѣрить, что графъ Матвѣй Александровичъ, пообѣдавшій уже въ тотъ день, всегда послѣ обѣда бываетъ болѣе или менѣе покоенъ и что появленіе незнакомаго лица можетъ произвести въ немъ припадокъ ярости, не безопасный для этого лица, но видя, что такіе нелѣпные доводы не помогаютъ, докторъ Гиппіусъ придумалъ слѣдующую комбинацію: онъ меня увѣрилъ, что графъ Матвѣй Александровичъ, очень любившій въ молодости моего отца, ничего не знаетъ о томъ, что мой отецъ давно скончался, считаетъ его живымъ и часто о немъ вспоминаетъ, а потому всего лучше будетъ, по мнѣнію его, Гиппіуса, если я, войдя къ графу Матвѣю Александровичу, скажу, что присланъ къ нему моимъ отцемъ для узанія о его здоровьѣ и что онъ, Гиппіусъ, иначе не рѣшится вести меня къ старику, такъ какъ появленіе незнакомаго человѣка и притомъ въ военномъ мундирѣ ¹⁾ можетъ его серьезно разстроить.

Я согласился на это предложеніе и мы отправились.

Пройдя нѣсколько большихъ комнатъ, весьма роскошно убранныхъ, мы вошли въ обширный кабинетъ, стѣны котораго были обиты штофной матеріей темно-зеленаго цвѣта. Въ углу въ триклиніумѣ стояло большое распятіе изъ слоновой кости католической формы.

¹⁾ Я въ то время былъ старшимъ адъютантомъ находившагося въ Москвѣ штаба резервовъ. Н. Д.-М.

За большимъ рабочимъ столомъ въ вольтеровскихъ креслахъ сидѣлъ маститый старецъ съ сѣдою, почти бѣлою, бородой. Черты лица его были правильны и выраженіе глазъ доброе и пріятное. На видъ ему можно было дать лѣтъ восемьдесятъ. Одѣтъ онъ былъ въ бархатный халатъ темномалиноваго цвѣта на бѣличьемъ мѣху. На головѣ была надѣта черная тафтяная шапочка такой формы, какую обыкновенно носятъ римскіе папы въ домашнемъ быту.

Въ тотъ моментъ, когда мы вошли, онъ курилъ трубку и читалъ или разсматривалъ иллюстрированный журналъ *Le tour du monde* ¹⁾

Когда докторъ Гиппиусъ, послѣ нѣсколькихъ поклоновъ, сказалъ, что сынъ Александра Ивановича Дмитріева-Мамонова желаетъ его видѣть, то я, согласно моему условію съ докторомъ, съ своей стороны заявилъ, что мой отецъ прислалъ меня спросить о его здоровьѣ. Но каково же было мое удивленіе и досада, когда старикъ, осмотрѣвъ меня пристально съ ногъ до головы, тихимъ старческимъ, но очень пріятнымъ голосомъ проговорилъ:

— «Если-бы вы были дѣйствительно сыномъ Александра Ивановича, то должны были бы знать, что онъ двадцать лѣтъ тому назадъ умеръ».

Сказавъ это, онъ повернулся къ намъ спиной и началъ шептать что-то очень скоро. Докторъ сталъ показывать мнѣ отчаянными жестами, что нужно удалиться, и мы вышли.

Мнѣ было въ высшей степени досадно на доктора, заставившаго меня, быть можетъ и не преднамѣренно, разыграть такую глупую роль и совѣстно передъ самимъ собою, но дѣлать было нечего и такимъ образомъ первое мое свиданіе съ старикомъ поселило въ немъ нѣкоторое ко мнѣ недовѣріе. Впрочемъ впослѣдствіи онъ призналъ меня за сына Александра Ивановича Дмитріева-Мамонова и со всеміи своими просьбами или, лучше сказать, требованіями, которыя онъ всегда излагалъ письменно, обращался ко мнѣ, а не къ Фонвизину.

Что же касается сего послѣдняго, то его первое и единственное свиданіе съ графомъ Матвѣемъ Александровичемъ было еще неудачнѣе. Войдя однажды въ кабинетъ къ старику, Фонвизинъ сказалъ ему,

¹⁾ Здѣсь встаетъ нужно сказать, что мы выписывали для него много журналовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ ихъ читалъ, ибо нерѣдко появлялись на поляхъ этихъ журналовъ его собственноручныя замѣтки, иногда очень разумныя и дѣльныя. Онъ воспитывался во Франціи, въ знаменитомъ Іезуитскомъ училищѣ, въ которое за время его пребыванія тамъ была внесена его отцомъ значительная сумма.

что онъ такой-то и желаетъ съ нимъ познакомиться, но на это получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Et qu'est ce qu'il y a de commun entre moi et le sieur Visin?». Разумѣется, послѣ такого пріятнаго пріема Фонвизинъ уже болѣе не посѣщалъ старика и не тревожилъ его своимъ присутствіемъ.

III.

Жизнь графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ велъ очень регулярную: вставалъ въ 5-ть часовъ утра, обѣдалъ въ часъ пополудни, ужиналъ въ 8 часовъ вечера и ложился спать въ девять часовъ. Обѣдъ былъ всегда превосходный, состоялъ изъ пяти блюдъ и сервировался на серебрѣ, причемъ все готовилось на десять персовъ, не смотря на то, что обѣдали только двое, т. е. графъ и Митька, всегда за обѣдомъ сидѣвшій напротивъ него. Остатки обѣда и ужина отдавались прислугѣ.

Поваръ былъ въ мое время одинъ изъ лучшихъ въ Москвѣ, получалъ 300 рублей въ годъ жалованья и ежедневно ему выдавались 10 руб. на провизію.

На обязанности дежурнаго доктора лежало пробовать кушанья, наблюдать за свѣжестью провизіи и вмѣстѣ съ отчетомъ о здоровьѣ графа представлять опекунамъ меню обѣда. Такъ было при мнѣ и тотъ-же самый порядокъ былъ установленъ моими непосредственными предѣстниками, но не ручаюсь, что порядокъ этотъ существовалъ и въ прежнее, давно прошедшее, время. Старикъ вина почти не пилъ, а имѣлъ обыкновеніе какъ передъ обѣдомъ, такъ и передъ ужиномъ выпивать двѣ небольшія рюмки кюмелю.

Въ январѣ или февралѣ 1863 года Митька простудился, заболѣлъ и умеръ.

Смерть этого единственнаго дорогаго ему существа страшно подействовала на графа Матвѣя Александровича. Онъ какъ-то сразу опустился и сдѣлался совершенно мрачнымъ и безучастнымъ къ жизни. Однако, судя по мощной натурѣ его, можно было ожидать, что онъ проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Но 5-го или 6-го іюня того же года, теперь числа вѣрно не помню, во время моего отсутствія изъ Москвы, съ нимъ случилась катастрофа, ускорившая окончательный расчетъ его съ земнымъ существованіемъ. Въ тотъ день онъ уже былъ не совсѣмъ здоровъ и докторъ констатировалъ у него сильный жаръ. Вѣроятно болѣзнь эта кончилась-бы выздоровленіемъ, но по уходѣ доктора старикъ вздумалъ самъ

закуривать трубку, искра огня упала на рубашку, пропитанную одеколономъ, рубашка загорѣлась и когда дежурный офиціантъ затушилъ огонь, то у больного оказались довольно значительные обжоги на груди и на лицѣ. Обжоги эти сами по себѣ не могли бы быть причиной смерти, но испугъ и нервное сотрясеніе усилили жаръ и старикъ впалъ въ бредъ, изъ котораго уже не выходилъ до своей кончины.

Меня извѣстили телеграммой и я засталъ графа Матвѣя Александровича уже въ совершенно безсознательномъ положеніи.

Онъ скончался 11-го іюня 1863-го года.

Мы его похоронили въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ могилой его отца, графа Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова—фаворита императрицы Екатерины II.

Н. А. Дмитріевъ-Мамоновъ.

Докторъ Мандтъ.

Сенаторъ В. И. Денъ въ своихъ Запискахъ упоминаетъ о докторѣ Мандтѣ и его леченіи императора Николая Павловича отъ недуга, сведшаго его, 18-го февраля 1855 г., въ могилу («Русск. Стар.» изд. 1890 года, томъ LXVI, стр. 66—68). По этому поводу замѣтимъ здѣсь, что интересный рассказъ Мандта о кончинѣ Николая I напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1884 года, кн. I, стр. 192—198. Въ томъ же сборникѣ «Русск. Арх.» изд. 1885 г., кн. I, стр. 57—58, передаются народные слухи яко-бы объ отравленіи Мандтомъ своего августѣйшаго пациента. Денъ, какъ видѣли читатели, упоминая объ этихъ толкахъ, указываетъ на ихъ нелѣпность.

В—Я.

ЕЛЕНА АНДР. ГАНЪ И ОСИПЪ ИВ. СЕНКОВСКІЙ

въ 1836—1838 г.

Въ майской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г., томъ LXII, стр. 273—312, помѣщена статья подъ названіемъ «Осипъ Ивановичъ Сенковскій», Е. Н. Ахматовой, состоящая преимущественно изъ писемъ перваго ко второй. Въ одно изъ писемъ Сенковскій заводитъ рѣчь о Еленѣ Андреевнѣ Ганъ, писавшей въ концѣ 1830-хъ годовъ подъ псевдонимомъ Зенанды Р***, и передаетъ о ней совершенно невѣрные отзывы, которые унижаютъ ея достоинство и представляютъ совѣтъ не той, какою она въ дѣйствительности была. Я, какъ сестра г-жи Ганъ, считаю необходимымъ возстановить истину, которая всегда дорога для столь серьезнаго историческаго журнала, какова «Русская Старина».

Въ статьѣ о Сенковскомъ во второмъ письмѣ его къ г-жѣ Ахматовой обратившейся къ нему изъ Астрахани съ просьбой напечатать въ издаваемой имъ «Библиотекѣ для Чтенія» ея переводную повѣсть, Сенковскій, осыпая ее множествомъ восторженныхъ комплиментовъ, для вящаго поощренія въ литературныхъ упражненіяхъ, приводитъ въ примѣръ г-жу Ганъ (умершую предъ тѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ), о которой передаетъ слѣдующія извѣстія, упомянувъ предварительно о ея блестящемъ литературномъ талантѣ и назвавъ своимъ покойнымъ другомъ.

— «Она начала далеко не съ такою образованностію и не съ такимъ приготовленіемъ, какъ вы. Когда дрожая, несѣлая, искала она во мнѣ помощи и руководства на поприщѣ умственнаго труда, ей было только двадцать два года; она не знала даже правописанія своего языка, имѣла очень слабыя свѣдѣнія во французскомъ языкѣ и никакого другаго языка не знала. Воспитаніе ея было очень небрежно, чтобъ не сказать болѣе,—идеи дикі, способности ничего не общали. Чтобъ помочь ей, надлежало прежде всего научить ее писать: изъ участія, не смотря на мои занятія, я принужденъ былъ пройти съ нею грамматику

Греча, толковать каждое правило языка и показывать ей ошибки въ собственномъ трудѣ ея, грубою переводѣ Годольфина, романа lady Charlotte Burg. Я уговорилъ ее потомъ писать что нибудь оригинальное, потому что переводить она рѣшительно не могла. Первую свою повѣсть написала она почти въ моемъ домѣ, подъ моимъ руководствомъ. Я долженъ былъ поправлять ей каждое слово. Въ короткое время этотъ самородный талантъ развернулся такъ счастливо и сдѣлалъ такіе успѣхи въ образованіи, что русская словесность приобрѣла въ ней чрезвычайно примѣчательную писательницу. Когда я сравниваю вашу образованность, вашъ слогъ, вашъ тонкій вкусъ и милый умъ при первомъ началѣ съ началомъ Е. А. Ганъ, я не могу не прельщаться самою лестною надеждою на то, чѣмъ вы быть можете... Не зная вашихъ мнѣній объ Е. А. Ганъ, я спѣшу прибавить маленькое объясненіе слова «мой другъ», употребленнаго возлѣ ея имени. Она, дѣйствительно, долгое время питала ко мнѣ, могу сказать, живѣйшую признательность и почти романтическую преданность, что весьма понятно при восторженности ея характера, пользовалась дружбой моего семейства, ея родные были мои друзья, и ея даровитая молодость, ея неопытность привлекли къ себѣ мое полное участіе: она тогда была мнѣ другомъ, потому уже не знаю чѣмъ была! Миръ праху ея».

Елена Андреевна Ганъ, по рожденію, принадлежала къ семейству, въ которомъ серьезное воспитаніе, начитанность, разностороннее солидное образованіе составляли неотъемлемое достояніе его. Мать ея, Елена Павловна Фадѣева, рожденная княжна Долгорукая, женщина замѣчательная по высокому уму, глубокимъ многостороннимъ познаніямъ, любви къ научнымъ занятіямъ, при всей скромности своей тихой жизни, посвященной исключительно семейству, сдѣлалась извѣстна европейскому ученому міру по отзывамъ первоклассныхъ людей науки, которыми случалось съ ней познакомиться и которые съ уваженіемъ и удивленіемъ къ ея познаніямъ упоминаютъ о ней въ своихъ сочиненіяхъ. Елена Павловна воспитывала свою дочь съ нѣжной заботливостію любящей матери и высоко свѣдушей, просвѣщенной наставницы. Кромѣ того, ей преподавали уроки лучшіе учителя, какіе были въ городѣ. Елена Андреевна воспользовалась заботами о ея воспитаніи и образованіи съ такимъ успѣхомъ, какой только былъ возможенъ при ея воспримчивомъ умѣ, любознательности, живомъ воображеніи, прекрасной памяти и далеко не заурядныхъ способностяхъ. У насъ до сихъ поръ сохранились ея ученическія тетради, неоспоримо доказывающія, что въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ она вполне знала правописаніе своего языка, была знакома съ грамматикой Греча не менѣе самого Сенковского и писала сочиненія хотя и дѣтскія, но въ которыхъ уже выражались ея необыкновенныя способности. Переводы ея, — даже въ то время, — съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, которые она знала превосходно, — по правильности, чистотѣ изложенія и вѣрности передачи мысли, не только

не уступали нисколько переводнымъ романамъ послѣдующихъ періодическихкихъ изданій Е. Н. Ахматовой, но несравненно превосходили многіе изъ нихъ. Съ французскихъ и нѣмецкихъ языками Елена Андреевна была знакома какъ съ своими отечественными, а потомъ уже сама выучилась англійскому и въ совершенствѣ итальянскому языку.

«Я долженъ былъ ей поправлять каждое слово», — сообщаетъ Сенковский. Да это у него была ужъ такая несчастная страсть. Онъ не поправлялъ, а совсѣмъ переиънялъ слова, вставлялъ цѣлыя страницы своего собственнаго сочиненія, измѣнялъ весь смыслъ, искажалъ содержаніе, конецъ повѣстей. И не у одной Е. А. Ганъ, а у всѣхъ и во всемъ, что онъ печаталъ въ «Библиотекѣ для Чтенія». Всѣ жаловались на это странное самоуправство, по этому поводу былъ общій крикъ противъ него. Онъ не могъ удержаться отъ своей маніи даже въ переводныхъ статьяхъ, и передѣлывалъ по-своему романы Бальзака, Дюма, Сю, — такъ что ихъ узнать было нельзя. По этой-то причинѣ Е. А. Ганъ, возмущавшаяся такимъ безобразіемъ, тщетно просившая Сенковского не искажать ея сочиненій своими поправленіями, вынуждена была бросить «Библиотеку для Чтенія» и перенести свои повѣсти въ другой журналъ, — что и разозлило Сенковского до крайности и чего онъ не могъ ей простить ¹⁾.

Удивительно, какъ человекъ такой уныный, какъ Сенковский, допускалъ себя увлекаться до такого мелочнаго, комическаго, чисто глестакскаго самохвальства, заявленнаго имъ въ вышеприведенныхъ его строкахъ. Описавъ Е. А. Ганъ необразованной, неспособной, дикой, безграмотной, — онъ объявляетъ себя ея образователемъ и создателемъ ея удивительнаго таланта, то-есть просто какимъ-то чудотворцемъ, — да и все это произошло такъ же скоро, какъ совершается чудо. Все личное знакомство Е. А. Ганъ съ Сенковскимъ продолжалось не болѣе полугода. Она пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ въ 1836 году, обратилась съ первою своею рукописью къ Сенковскому во второй половинѣ года, уѣхала изъ Петербурга въ самомъ началѣ 1837 года и никогда уже туда не возвращалась, не смотря на отчаянные призывы Сенковского, заклинавшаго ее возвратиться въ столицу или хотя иногда пріѣзжать. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, т. е. до перехода Е. А. въ другой журналъ, неутомимый баронъ Брамбеусъ бомбардировалъ ее своими письмами съ такимъ немовѣрнымъ усердіемъ, что ихъ набрался положительно цѣлый тюкъ, занимающій и понынѣ значительное пространство въ одномъ изъ шкафовъ нашей бібліотеки. Непостижимо какъ при его обширныхъ занятіяхъ, да еще враждѣ къ перепискамъ, — какъ онъ самъ увѣряетъ, — онъ успѣвалъ справляться съ такими необъятными корреспонденціями, и безъ всякой къ тому необходимости. И писалъ

¹⁾ На это имѣется доказательство: письмо А. А. Краевского.

письма вѣдь не то что въ обыкновенный почтовый листъ, а въ 20, 30 страницъ. Четвертое письмо къ Е. Н. Ахматовой,—съ которой онъ былъ вовсе тогда незнакомъ,—уже состоитъ изъ 20-ти страницъ. Такія-же пространныя письма онъ писалъ и Е. А. Гавъ. При подобной письменной плодовитости, понятно, невозможно даже и такому гению, какииъ обладалъ баронъ Брамбеусъ, рассуждать дѣльно и серьезно, невольно втянешься въ болтовню, а тутъ, при случаѣ, натурально приходится и завратъся,—что очевидно и приключилось съ нимъ по поводу скорбнаго воспоминанія о его неблагодарномъ покойномъ другѣ Е. А. Гавъ!

Впрочемъ, многоученый баронъ Брамбеусъ сообщаетъ все это, какъ и все остальное въ своихъ письмахъ къ незнакомой ему Е. Н. Ахматовой, подъ условіемъ строжайшаго секрета: «благодарю васъ очень, пишетъ онъ, за обѣщаніе никому изъ постороннихъ не сообщать моихъ писемъ; это обѣщаніе я считаю залогомъ вашей дружбы, святымъ залогомъ, и только подъ его защитою могу откровенно изливать мои мысли, чувствованія, мнѣнія и огорченія». Поэтому слѣдуетъ думать, что еслибы покойный баронъ могъ предполагать, что со временемъ этотъ святой залогъ дружбы будетъ нарушенъ, и письма его опубликуются,—то вѣроятно онъ бы ограничилъ болѣе умѣренными предѣлами откровенныя изліанія своихъ чувствованій и огорченій. Однако, несмотря на гигантское воображеніе барона, оно зачастую какъ бы истощается, и въ перепискѣ съ своими различными корреспондентами онъ безпрестанно впадаетъ въ повторенія, особенно по отдѣлу любезностей и комплиментациі¹⁾. Такъ, при сравненіи нинѣшнихъ писемъ къ Е. А. Гавъ съ таковыми къ Е. Н. Ахматовой, встрѣчаются не только однѣ и тѣ же фразы, изреченія, восклицанія, но цѣлыя длинные періоды слово въ слово одинаковыя. Очевидно, баронъ писалъ ихъ по одному общему шаблону, или же они ужъ такъ врѣзались въ его памяти, что сдѣлалась привычкой; онъ не бралъ на себя труда придумывать чего нибудь новаго и преподносилъ всѣмъ одинъ и тотъ же десертъ. Жаль, что нельзя помѣстить здѣсь эти милыя фразы для нагляднаго сравненія въ удостовѣреніе ихъ тождественности. А корреспондентокъ у него, кажется, было не мало; въ одномъ изъ писемъ къ матери г-жи Гавъ, Е. П. Фадѣевой, Сенковскій пишетъ между прочимъ: *vos soins éclairés ont formé et développé ce beau talent et cet excellent coeur qui nous rend si précieuse son amitié*, и молитъ мать уговорить свою дочь возвратиться въ Петербургъ, гдѣ она должна, по его словамъ, найти славу, бессмертное имя, богатство, чего въ провинціи не добиться; предлагаетъ всю помощь своей опытности въ литературной про-

¹⁾ Такъ, дочь Ел. Андр., В. П. Желиховская, на два дѣловыхъ письма Сенковскому имѣетъ отъ него три огромныхъ посланія, не менѣе переполненныя невозможно-восторженными комплиментами, весьма сходными по стилю съ тѣми фразами, которыя г-жа Ахматова приняла за чистую монету. Ф.

фессии и прибавляетъ: «et pourquoi ne le ferai-je pas pour elle, quand je le fais en pure perte pour d'autres, à qui mes peines ne profitent même pas». Значитъ, въ отношеніи другихъ и чудотворство не помогало, только даромъ тратились комплименты и лестныя надежды прахомъ разлетались.

Впрочемъ, въ письмахъ къ Е. А. Ганъ есть еще исключительный, преобладающій оттѣнокъ. Онѣ наполнены изъясненіями пламенной любви, которой Осипъ Ивановичъ къ ней воспылялъ съ перваго знакомства. Онъ ее преслѣдовалъ этими изъясненіями, надѣдалъ и, наконецъ, опротивѣлъ. Передъ отъѣздомъ ея изъ Петербурга, въ присутствіи сестры ея, Екатерины Андреевны Витте (тогда еще Фадѣевой), которая слава Богу жива, здорова и отлично все это помнитъ,—почтенный баронъ, съ плачемъ, заливаясь обильными слезами, заклиналъ Елену Андреевну не уѣзжать. Елена Андреевна была молоденькая, красивая, вполне свѣтская женщина, привыкшая къ успѣхамъ въ обществѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ была прекрасной матерью семейства, страстно любила своихъ дѣтей, сознавала свой нравственный долгъ, и эти навязчивыя изъясненія пожилаго, безобразнаго, изрытаго оспой, женатаго человѣка, хотя и барона Брамбеуса, вселяли ей отвращеніе къ нему, которое она и не скрывала ни въ словахъ, ни въ письмахъ своихъ. Романическая преданность, о которой онъ рассказывалъ Е. Н. Ахматовой въ утѣшеніе своего fiasco, происходила совершенно наоборотъ,—не отъ нея къ нему, а отъ него къ ней, и была ею такъ рѣшительно и энергично осмѣяна, что баронъ, несмотря на всѣ иллюзіи своего самолюбія, наконецъ, въ этомъ долженъ былъ убѣдиться. Поэтому-то только онъ и началъ находить съ тѣхъ поръ, что: «воспитаніе ея было очень небрежно, идеи дикі, способности ничего не обѣщала». Къ тому же Е. А. стала печатать свои повѣсти въ другомъ журналѣ и Сенковскій, окончательно удостовѣрившись въ дикости ея идей, сдѣлался ея врагомъ и ненавистникомъ.

Что же касается до ея грубаго перевода Годольфина, по которому Сенковскій рѣшилъ въ письмѣ къ Е. Н. Ахматовой, что переводить Ганъ рѣшительно не могла,—мы находимъ очень умѣстнымъ представить здѣсь первое письмо изъ обширной коллекціи писемъ Сенковского къ Е. А. Ганъ по поводу этого же самаго безграмотнаго перевода, когда она принесла его къ нему въ первый разъ, дрожащая, не смѣлая, не объявивъ своего имени, сказать, что пришлетъ за отвѣтомъ послѣ.

Madame. Le billet dont vous m'avez honoré, me cause une surprise si agréable que je ne saurais vous l'exprimer. Tant de grâce, d'esprit, de candeur et de style on dû, vous le pensez bien, Madame, m'étonner dans une personne qui s'enveloppe dans une modestie aussi rare, et la confiance que cette personne daigne m'être en moi, ne peut que me porter à employer tous mes moyens pour être agréable et utile à son talent gracieux, vif et piquant.

Soyez bien persuadée, madame, que cette confiance ne pourrait être mieux placée et que je sais l'apprécier avec toute la délicatesse imaginable. Je suis bien fâché, madame, d'avoir été absent au moment où vous vous-êtes arrêtée à mon humble porte. J'ai perdu par la l'inappréciable occasion de faire votre connaissance et le moyen de m'expliquer avec vous sur le ravissant manuscrit que vous daignez confier à mes soins,—chose impossible au moyen d'une correspondance. Veuillez donc bien, Madame, compléter votre acte de confiance en moi, et me permettre un moment d'entrevue avec vous, pour que nous puissions parler à notre aise de cette affaire et de mes projets sur votre talent. Fixez le jour et l'heure où je pourrais me présenter chez vous, ou bien ordonnez moi de vous attendre tel jour et telle heure dans notre maison, où ma femme sera enchantée de vous recevoir et de faire votre connaissance. La commission que vous me donnez, madame, demande une explication détaillée; je serais bien aise de m'en entretenir avec vous sous tous les rapports afin d'éviter tout mésentendu. Et d'ailleurs mes occupations nombreuses ne me permettent pas de multiplier mes correspondances. Si pour prix de mon dévouement à vos ordres, l'agrément de faire votre connaissance et la perspective de mériter votre amitié ne seront pas jugés comme des faveurs trop exorbitantes, j'ose, Madame, briguer positivement ces deux faveurs, en vous présentant mes hommages respectueux. Сенковскій. P. S. Vous pouvez complètement compter sur ma discrétion, si vous en avez besoin. Je vous supplie de ne pas me cacher votre nom dans la réponse que j'attends.

(Переводъ). «Мил. Гос. Не умѣю выразить какими пріятными сюрпризомъ была для меня записка, которою вы почтили меня. Столько прелести, ума, чистосердечія и стѣла не могли, какъ вы сами, конечно, понимаете, не удивить меня въ особѣ, облакающей въ такую рѣдкую скромность, и то довѣріе, которое эта особа соблаговолила мнѣ выказать, не можетъ не заставить меня употребить всѣ средства для того, чтобы быть полезнымъ ея изящному, живому, плѣнительному таланту. Повѣрьте, что я исполнѣ дѣню ваше довѣріе и съумѣю отнестись къ нему съ самымъ тонкимъ вниманіемъ. Крайне сожалѣю, что меня не было дома въ ту минуту, когда вы остановились у моего скромнаго порога. Этими я упустилъ неоцѣненный случай познакомиться съ вами и объясниться на счетъ вашей очаровательной рукописи, которую вы удостоили поручить моимъ заботамъ, — что невозможно сдѣлать посредствомъ переписки. Будьте такъ добры, дополните доказательство вашего довѣрія и позвольте мнѣ увидѣться съ вами, чтобы спокойно поговорить объ этомъ дѣлѣ и моимъ выдать на вашъ талантъ. Назначьте мнѣ день и часъ, когда я могу явиться къ вамъ, или прикажите мнѣ ожидать васъ въ такой-то

день и такой-то часъ у насъ въ домѣ, гдѣ моя жена будетъ въ восторгѣ васъ принять и познакомиться съ вами. Ваше порученіе требуетъ весьма тщательнаго обсужденія; я буду очень радъ поговорить о вашемъ дѣлѣ какъ можно подробнѣе, дабы избѣжать какихъ либо недоразумѣній. Къ тому же мои многочисленныя занятія не позволяютъ мнѣ увеличивать мои переписки. Если въ награду за мою приверженную готовность къ исполненію вашихъ приказаній, удовольствіе познакомиться съ вами и надежда заслужить вашу дружбу не будутъ вами сочтены за слишкомъ великія милости, то я положительно ослѣпляюсь рассчитывать на нихъ, съ просьбою принять увѣреніе въ моемъ почтительнѣйшемъ уваженіи. Сенковскій. P. S. Въ случаѣ надобности, прошу васъ рассчитывать на подлѣйшую скромность съ моей стороны. Умоляю васъ не скрывать долге отъ меня вашего имени въ ожидаемомъ мною отъ васъ отвѣтѣ».

Сопоставленіе двухъ столь различныхъ мнѣній ученаго мужа объ одномъ и томъ же предметѣ весьма знаменательно и не требуетъ комментарий.

Когда въ концѣ 1830-хъ годовъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія», считавшейся тогда лучшимъ журналомъ, появились повѣсти подъ псевдонимомъ Зенанды Р***, — онѣ обратили на себя общее вниманіе. Новый, свѣжій, несомнѣнный талантъ, проявившійся въ нихъ, привлекъ къ себѣ живое сочувствіе, сердечныя симпатіи читающей публики, возраставшія все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Литературная дѣятельность Елены Андреевны Ганъ продолжалась недолго, всего пять лѣтъ, — изнурительная болѣзнь свела ее въ могилу на двадцать седьмомъ году отъ рожденія.

На памятникѣ ей въ Одессѣ начертана надпись: «сила души убила жизнь».

Заслуга ея состояла не въ продолжительности писательскихъ трудовъ, а въ силѣ творческаго дарованія. О ней всѣ жалѣли, кромѣ немногихъ завистливыхъ душъ, не прощавшихъ ея превосходства надъ ними. Съ тѣхъ поръ прошло почти полъ-вѣка. Нынѣшнее читающее общество уже не знаетъ ее, но проблескъ ея дарованія, несмотря на всю краткость его, мелькнулъ не безслѣдно, и имя Елены Андреевны Ганъ осталось навсегда въ исторіи русской словесности однимъ изъ первыхъ и лучшихъ именъ въ числѣ русскихъ писательницъ. Авторитеты отечественной литературы, какъ напримѣръ Бѣлинскій, Тургеневъ, цѣнили ее очень высоко, и ихъ задушевные отзывы о ней поставили ее на пьедесталъ, съ котораго она уже не сойдетъ и съ котораго ее никакъ не могутъ свести никакія клеветы давно умершаго Сенковского, пресловутаго барона Брамбеуса.

Н. Фадѣева.

Послѣ грозы.

Громъ затихъ. Умчались тучи,
 Бурю вѣтромъ унесло;
 Снова блещетъ поддень жгучій, —
 Въ небѣ ясно и свѣтло.

Въ садъ скорѣе! Потѣнитъ
 Мы дорожку наберемъ;
 Зелень здѣсь еще душистѣй
 Теплымъ вспрыснута дождемъ.

Хорошо намъ здѣсь на волѣ
 И такъ дышется легко!
 Посмотри, какъ это поле
 Разосталось широко.

Здѣсь зеленый всходитъ колосъ
 Средь раздольной ширини...
 — Слышишь: жаворонка голосъ
 Льетъ съ синей вышины.

Въ той дали голубоватой
 Ослѣпленный тонетъ взоръ....
 — Такъ и таетъ насъ куда-то
 Въ тотъ заманчивый просторъ.

К. Р.

Альтенбургъ.
 16 октября 1887.

[Изъ книги «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

ПАВЕЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ѲЕДОТОВЪ ¹⁾.

БАСНИ.

I.

ТѢНЬ И СОЛНЦЕ.

Давно когда-то отъ боговъ,
Не знаю, кажется посредствомъ облаковъ,
Сообщено было на солнце отношенье,
Что на него къ богамъ пришло съ земли прошенье,
 Что будто бы оно
 Не грѣеть всѣмъ равно,
А солнце, кажется, на то и создано!
Что на землѣ цвѣтки нинѣ не отъ лѣни
Цвѣсти не могутъ, а отъ тѣни.
Нельзя-ли тѣмъ нибудь поправить это зло?...
 И солнце разъ пятьсотъ прочло
И со вниманіемъ со всѣхъ сторонъ глядѣло
 Эго дѣло,
Желая угодить богамъ.
Да только что въ бумагахъ тамъ
Изъ главныхъ словъ одно такое было слово,
Которое для солнца вовсе ново
 И солнце стало въ пень,—
 То слово было: тѣнь.
Ну, разумеется, тотчасъ за лексикономъ
Академическимъ, и въ ономъ
Открывши съ словомъ тѣнь листокъ,
Понявши съ первыхъ строкъ
 Намѣкъ
 На недостатокъ свѣта,
Вскричало солнце: «вздоръ все это!

¹⁾ Род. 1815, † 1852 г. См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., томъ V и VI, «Маіоръ», шутка-поэма; изд. 1889 г., т. LXI, басни: стр. 167—171

Гоня землю вѣкъ на кордѣ кувыркомъ,
 Я знаю всю ее кругомъ
 И въ жизнь не видѣло ни одного предмета,
 Чтобъ свѣта не было на немъ.
 Конечно, круглое въ краямъ всегда темнѣе,
 Но нѣтъ-ли въ словарѣ чего и поумнѣе?»

Давай опять
 Про тѣнь читать.

— Тѣнь, сказано, лежитъ всегда за тѣмъ предметомъ,
 Который озарится свѣтомъ.
 «Давай, попробуемъ, свалимъ такой предметъ,
 Который болѣе собою заслоняетъ,
 И если ничего за нимъ не обтааетъ
 Чего мой лучъ не знаетъ,
 И недостатка въ свѣтѣ нѣтъ,
 Такъ боги подшутили!»
 И тотчасъ на бовъ башню городскую повалило,
 Гладь—точно! Мѣсто, бывшее за ней, какъ все, свѣтло,
 И все знакомое.—Новинки

Ни пылинки.

«Ну, солнце говорить, отъ сердца отлегло,
 А то и въ правду было-бъ стыдно,
 Что если отъ меня кому нибудь обидно,
 Что если бы и мой
 На вещи взглядъ былъ не прямой,
 И только съ добротой моею
 Я не жалѣю,
 Что опытъ дѣлало хотя по пустякамъ.
 За то теперь ужъ явственно доказано богамъ,
 Что слово тѣнь лишь выдумка пустая
 Для пополненья словарей.

Ей, ей!».

И жалоба земная,
 За недостаткомъ смысла въ ней,
 Назадъ отпривалена скорѣй.

Естественно, что радостью сияютъ
 Тѣ, кто по счастью попадаютъ
 На лучъ свѣтила земныхъ.
 Любуясь солнышко судьбою озаренныхъ
 Собою, не хотя довольнѣе за нихъ
 И видя, все въ лучахъ своихъ,
 Поймутъ-ли горе заслоненныхъ?...

II.

КОТЪ.

Разъ у однихъ моихъ знакомыхъ
 Въ опасности былъ цѣлый домъ ихъ;
 Огромнѣйшя стаи развелись
 И преогромныхъ крысъ,
 Такихъ, что кошкамъ не спускали:
 Какихъ ни заводили, всѣхъ
 На смѣхъ
 Онѣ же за хвосты и за усы щипали.
 Вѣда,
 Къ съѣстному прогрызуть, не спрячешь ни куда.
 Да ужъ пускай къ съѣстному!
 А то къ яному.
 Чуть напомажены жирно волоса...
 Вонъ, гдѣ у барышни коса,
 Онѣ отъѣли
 Въ самомъ дѣлѣ.
 Тогда взбѣсившись мать, отецъ,
 Купили наконецъ
 Кота, да ужъ такого
 Большаго, злаго,
 И отдали сейчасъ
 На цѣлый домъ приказъ,
 Чтобъ ни крохи коту съѣстнаго не давали,
 Отнюдь не баловали.
 Вотъ мѣра умная замѣтно въ прокъ идетъ
 И котъ
 День ото дня, глядя, становится жирнѣе
 Да и съѣстное все цѣлѣе,
 Да и въ поднолицѣ смириѣе
 И слава разошлась въ народъ,
 Печатають о Васькѣ всѣ газеты
 И продають его портреты;
 И дамскіе къ нему направлены лорнеты
 И, наконецъ, поэты
 Шлютъ сонеты,
 Ну, слава по уши. Вотъ Васька годъ, другой,
 Ѣсть провіантъ все только свой.
 А если при столахъ чуть просьбу промяучать,
 Одно всегда получитьъ:
 «Брысь!
 Ѣшь крысъ!»
 А крысъ ужъ стало
 И отъ него же въ домѣ мало.

А что осталось, то съблалось умнѣй;
 И Васькѣ стало голоднѣй.
 Ужъ онъ маучеть чаще;
 Отвѣтъ не слаще.
 Вотъ Васькѣ старость подошла,
 И крыса не одна ужъ изъ когтей ушла.
 Онъ, походы, мяу! невольно повторяетъ;
 Все ничего не получаетъ,
 И вотъ честнѣйшій въ мірѣ котъ,
 Увидѣвши, что честью не беретъ,
 Какъ онъ усердно ни маучить,
 (Какая честь, коль голодъ мучить!)
 Кой-что у повара стигнулъ
 И услыжавъ, какъ тотъ ругнулъ
 По старому, хватясь пронажи, крысу,
 А на него, на кису,
 Нѣтъ подозрѣнія; вотъ онъ на счетъ чужой
 Что день, то утолить нечисто голодъ свой
 И вскорѣ, по привычкѣ,
 Онъ въ клѣтку къ барской птичкѣ,
 Межъ проволочекъ лапку занустить...
 За крылышко однимъ ужъ ногтемъ зацѣпиль,
 Пока та билась,
 Но вдругъ случилось,
 Что тутъ за разъ
 И клѣтка сорвалась
 И въ комнату вошла и двери затворилъ,
 Взглянувъ на встрепанную птичку, возопилъ.
 Хоть котъ шмыгнулъ
 Подъ стулъ,
 Хоть въ темный уголъ, но блестяи
 И прямо привели съ грозой вдуцнхъ къ цѣли
 И сами нѣкогда крысиная гроза—
 Съ отливомъ золотымъ зеленые глаза.
 Всѣ прямо на кота! кричать: «Убить злодѣя!
 Убить тирански не жалѣя!
 Ворами въ урочъ».
 Велѣли повару сейчасъ принести мѣшокъ;
 Кота за шиворотъ схватили,
 Хоть натопорщился, урчалъ, но посадили.
 И вотъ
 Несчастнѣй котъ
 Завязанъ;
 Кто чѣмъ попалъ, билъ нещадно по мѣшку.
 А пресмирѣлъ—мѣшокъ въ рѣку:
 Злодѣй наказанъ.

Слынуть подъ часъ и тѣ прехлѣбными мѣста,
 Гдѣ жалованіе мало значить;

Такъ совѣсть въ комъ чпста
 На этомъ мѣстѣ вѣрно плачетъ.
 Коль приношеніями онъ,
 Какіе ввелъ уже въ законъ
 Его предмѣстникъ-прижимало,
 И не побреагуетъ, такъ будетъ сытъ сначала,
 Да коль подумаетъ, что совѣсть что-жъ марать
 И вновь не станетъ прижимать,
 Такъ будетъ у него дохода
 Все меньше, меньше годъ отъ года.
 Конечно, съ этимъ честь растеть;
 И все таки вокругъ него, какъ мыши
 Скребуть законы тише,—
 Но скоро онъ до своего дойдетъ,
 До маленькаго жалованья только.
 Тогда изволь-ка,
 Коль свыше жданныхъ нѣтъ наградъ,
 Какъ штатное и одному не сыто—
 А тутъ еще глядишь супруга плодовица,
 Пособія себѣ хоть самъ проси стократно,
 То можетъ вслухъ ему не сважутъ.
 Но мною покажутъ:
 «Брысь!
 Ёшь крысь!
 Вѣдь это мѣсто ужъ само есть награжденья».
 Дай, Господя, ему терпѣнья!
 Чтобъ не покончилъ онъ потомъ
 Монимъ котомъ!

III.

Хавронья.

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году,
 Въ одномъ саду,
 Любимая изъ всѣхъ хозяйскихъ дочекъ,
 Лѣтъ четырехъ, сама цвѣточекъ,
 Хотѣла розончикъ сорвать,
 Да позабывши про колючки,
 Съ разбѣга хватъ!
 Черепорола ручки.
 Ай! ай!—Швырнула прочь цвѣтокъ,
 Бѣдняжка зарыдала!
 На звонкій голосокъ
 Мамаша прибѣжала.
 Увидѣвши въ крови любимое дитя,
 Перепугалась не шутя,

Сейчасъ ребенка подхватила,
 Пославъ за докторомъ, въ хоромы потащила.
 Ребенокъ на рукахъ у матери реветъ,
 Колючки острыя кланетъ;
 За нимъ и мать вопить, колючки проклиная:
 «Вотъ я ихъ!.. говорить ребенка утѣшая,—
 Колючки гадкія!.. вишь, смѣли обижать
 Малюточку мою!.. Сейчасъ ихъ всѣ содрать!»
 Конечно, это все была лишь прибаутка,
 Чтобы увячь лишь крикъ малютки.
 Хавронья-жь, горничной, случилось вблизи стоять,
 Привыкли въѣзъ и все буквально исполнять.
 При томъ-же съ барыней холопья что за шутки.
 Хавронья и на этотъ разъ
 Все приняла за истинный приказъ.
 Къ тому же добрая была она такая,
 И потому припоминая,
 Что этотъ плачь и вой
 Въ дому съ колючекъ не впервой,
 Ей было по душѣ скорѣй бѣду поправить,
 Чтобы и впередъ отъ бѣды боярышень набавить
 И дому барскому усердье доказать,—
 Хорошія дѣла зачѣмъ же отлагать,—
 Давай сейчасъ ножемъ колючки оскребать.
 Очистишь съ розановъ, отправила въ шиповникъ,
 Потому въ крижовникъ,
 Въ малину—погляди, вездѣ колючки есть.
 На всѣ колючки изволила наѣсть,
 Съ колючками кой-гдѣ и кожу ободрала,
 И неколючее вокругъ все перемяла.
 Черезъ недѣлю все завяло.
 Колотся нечѣмъ. Бабѣ честь.
 За то понюхать или поѣсть
 Ужъ нечего. Въ саду бывало прежде густо,—
 А нынче —пусто!

Павелъ Андр. Ѧдотовъ.

Сообщ. П. В. Шейнъ.

НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧЪ ОГАРЕВЪ.

ЛІХ.

П ѣ с н я.

Ты откуда туча, туча
Пролетаешь надъ горой?
Не встрѣчался ли могучій
Воинъ гдѣ нибудь съ тобой?

Свѣжъ какъ утро молодое,
Примъ какъ тополь среди полей,
Смѣлъ какъ левъ въ отвагѣ боя,
Конь его теби быстрѣй
Пролетаетъ среди степей?

Туча мрачно отвѣчала:
«Нѣтъ его я не видала».

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
«Ахъ! ему я говорила,
Не ходи, мой милый, въ бой,
Не бросай своей ты милой.
Иль милѣй тебѣ война
Тайныхъ въ полночи свиданій,
Съ дѣвой сладостнаго сна,
Съ дѣвой пламенныхъ лобзаній?
Но коня онъ осѣдлалъ
И на битву усккалъ».

«Ты отколь летншь, орлица?
Не видала ли порой
Въ блескѣ утренней денницы
Скачетъ воинъ молодой?»

Гордо смотреть подъ чалмою,
 Нѣтъ усоль его чернѣй,
 Брови висятся дугою
 И еще твонхъ очей
 Очи война ярчѣй?»

И орлица отвѣчала:
 «Нѣтъ его я не видала».

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
 «Ахъ ему я говорила
 Не ходи, мой милый, въ бой,
 Не бросай своей ты милой.
 И когда взойдетъ луна,
 Сонъ мы стражи околдуемъ,
 Ты придешь на ложе сна
 Ты придешь за поцалуемъ,
 Но кони онъ осѣдлалъ
 И на битву усккалъ».

«Ты отколь въ пути летучемъ,
 Буря, мчнись надо мной?
 Буря! съ витяземъ могучимъ
 Не встрѣчалась ли порой?»

Пылко сердце молодое,
 Нѣтъ любви его жарчѣй,
 Онъ спѣшитъ на праздникъ боя,
 Конь его тебя быстрѣй
 Пролетаетъ средь степей».

Буря съ свистомъ отвѣчала:
 «Въ полѣ мертвого видала».

Плачетъ дѣва надъ рѣкой:
 «Ахъ! ему я говорила
 Не ходи, мой милый, въ бой,
 Не бросай своей ты милой.
 Унесла его война!
 Не дождусь его лобзанья!
 Такъ умчи-жь меня волна
 Къ другу, къ другу на свиданье».
 И надъ трупомъ алобный валъ
 Вѣлой вѣной заплескалъ».

Бѣло-Омутъ. Мартъ 1839 г.

Н. П. Огаревъ

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

Подъ этимъ заглавіемъ въ Москвѣ, въ 1846 г., въ типографіи А. Евреннова, съ одобренія цензора Н. Зернова, напечатана была брошюрка въ 16-ю долю. 24 стр. Какъ ни невинна болтовня ненавѣстнаго составителя брошюры, но она вызвала вниманіе московской полиціи: въ ней усмотрѣны были какіе-то намеки на мѣстныя полицейскія власти, и едва-ли ни по ихъ распоряженію, брошюра быстро исчезла изъ продажи. П. В. Шейнъ сообщалъ намъ эту библіографическую рѣдкость; она нынѣ имѣетъ лишь интересъ для характеристики тогдашнихъ отношеній къ печати.

Ред.

Робкія попытки выставить на публичное осмѣяніе бездѣйствіе или злоупотребленіе властью общественныхъ или административныхъ дѣятелей не новость въ нашей литературѣ. Онѣ начались еще въ царствованіе императора Николая Павловича, но были каждый разъ устраняемы, какъ только стали замѣчать, что публика читаетъ ихъ съ особенною жадностью и упорно приписываетъ изображеннымъ въ нихъ качества и дѣйствія лицамъ, поставленнымъ во главѣ какой-либо отрасли правленія. Книга или журналъ, гдѣ напечатано было что-нибудь подобное, тотчасъ запрещались и отбирались полиціей. Чувствительнѣе всего приходилось при этомъ платиться непроницательному цензору. Что въ тогдашней обличительной гласности и не было тѣни того, что мы теперь привыкли называть этимъ именемъ, между прочимъ, можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ книжечка, напечатанная въ Москвѣ въ 1846 году, подъ заглавіемъ: «Турусы на колесахъ», которую мы здѣсь перепечатываемъ, слово въ слово, съ экземпляра, счастливымъ случаемъ у насъ уцѣлѣвшаго, въ увѣренности, что ее не безъ любопытства прочтутъ всѣ, кто интересуется исторіей нашей цензуры.

Эта книжечка появилась въ 1846 году, въ Москвѣ, на Никольской, въ лавкѣ Кольчугина и у буквинетовъ, и продавалась по 20 коп., но черезъ недѣлю за нее вдругъ стали платить по синенькой и даже красненькой, т. е. по пяти и по десяти рублей ассигнаціями, только потому, что, неизвѣстно по какой причинѣ, ее запретили и полиція ее отобрала у всѣхъ книгопродавцевъ. Молва тотчасъ растолковала себѣ это дѣло по своему, что тутъ де изображены московскій оберъ-полицеймейстеръ и городской голова. Сколько было вѣроятности въ этихъ единогласныхъ догадкахъ—предоставляемъ рѣшить московскимъ старожиламъ.

Вотъ эта библіографическая рѣдкость.

П. В. Шейнъ.

1874 г.

Вались, народъ,
Отъ Яузскихъ воротъ!

Что честный людъ повѣсилъ головушку на правую сторонушку? Иль плохо можется-нездоровится! Взглянь-ко глазкомъ, поздравь съ праздникомъ. Други, иль забыли, какъ въ старину жили? Ай люли-люли! въ старину-въ старину. Любо! народъ простой, тороватой; хоть золото гребни лопатой. Были, были времена! не то что нынѣ, отъ большого ума у каждого сума; и въ двадцать лѣтъ ужъ постылъ бѣлой свѣтъ.

Лихихъ болѣстей не знали, винъ заморскихъ не пивали, лишь мадеру Деверье, безъ посуды сорокъ двѣ, медку, да русской бражки, сердца для отважки. Жили братцы не тужили, въ пору други старились, въ пору къ краснымъ дѣвамъ ластились, за чужихъ добромъ не гонялись съ багромъ; слову честному цѣну знали и на деньги совѣсть не мѣняли, вотъ какъ жили да поживали. Ахти старина-старина! бывало крикнешь, гаркнешь: вались, народъ, отъ Яузскихъ воротъ!—народъ какъ волна и шалка полна.

Ну-же, ребяташки, встряхнитесь, встрепенитесь! Намъ-ли еще горевать? намъ-ли еще унывать! намъ-ли пѣть на голосъ слезной, съ грудью желѣзной. Иль страшень бой, коль сорокъ два подъ рукой. Ась, родные ненаглядные! Послушайте-ка какъ дядя ласы точить, да людей морочить. Былъ, вѣдь, касатки, и на морѣ я—былъ, касатки, и за моремъ я: насмотрѣлся—наглядѣлся что, ахти мнѣ! другому не приснится и во снѣ: видѣлъ какъ честно иѣмецъ добываетъ хлѣбецъ и какъ по одежкѣ протягиваетъ ножки. Какъ французъ...
.....¹⁾ вѣ, живетъ спустя рукава, сытъ крупницей, пьянъ водичей; шиломъ брѣтся и дымомъ грѣтся. И какъ иные бары, опустошивъ родные амбары, за моремъ утѣхъ ищутъ, а дома въ кулакъ свивутъ. Россіюшку нашу прошолъ вдоль и поперегъ, родныхъ ножекъ не берегъ. Не разъ встрѣчался носъ съ носомъ съ такимъ морозомъ, что бѣднаго иѣнца, какъ муху свернетъ: на лету птицу бьетъ, желѣзо рветъ, а нашему брату только жару поддаетъ. Катался на
.....²⁾, что не ржутъ други, не лаютъ, а ножками лишь снѣгъ взметають. Сылалъ на такой постелюшкѣ, что столуютъ вьюги, да мятелюшки. Да и тамъ-то былъ, гдѣ песокъ вѣсто печи яйца пекъ; взбирался, гдѣ орлы дѣтей выводятъ и тучи подъ ногами ходятъ; откуда бѣсы черкесы на добычу отправляются и въ шапки забавляются. Гулялъ и по Крымскимъ горамъ и по Херсонскимъ доламъ; былъ и въ батюшкѣ Кіевѣ и въ батюшкѣ Питерѣ; и тамъ, гдѣ шведъ отъ русскаго кулачка проплясалъ казачка; и гдѣ татаринъ позналъ кто его баринъ; и гдѣ французъ со всей Европой сѣлъ на мель.... О охъ! тяжело слово, вымолвить не хочется, языкъ не ворочется. Не разъ былъ въ бѣлокаменной красавицѣ, ѣлъ сайки, да яйца, пивдомъ

¹⁾ Вырвано.

²⁾ Вырвано.

бархатнымъ зашиваль, горе житейское забываль. То-то, матушка, то-то, разлюбезная разлапушка! ужъ куда хлѣбъ соль водить умѣть и гостей заѣзжихъ приголубить, приделѣять....

Кому, матушка бѣлокаменная, не хотѣлось хлѣба-то соли твоего покушать, звону краснаго послушать? Были въ гостяхъ у тебя и поляки, и татары, и французы сухонары; ласково ты ихъ встрѣчала, привѣтливо провожала. Помнить ихъ внучаты, правнучаты, какъ ихъ дѣдушки, бабушки пировали у тебя, матушка; какъ ты имъ баньку натопила, напоила, накормила и спать уложила; какъ красавицы русскія, вьюжка да мятелюшка, одѣяльцами бѣлыми ихъ покрыли и пѣсенками усынили. Покой ихъ вѣчной отъ души сердечной! спите, спите, дорогіе гости—мы не шевелимъ ваши кости; когда же приснится, други, вамъ, что хотѣть на пиръ внучаты къ намъ, шепните имъ любя, чтобъ не губили себя, что-де и дѣду было не до ласки, растерялъ свои подвязки. Нешто, залетные мои, хорошъ русакъ на ласки, да только не замай — загнетъ злодѣй салазки.

Ахти, старина-старина! уюдила старика. Кабы теперь-то мнѣ побывать въ тебѣ, матушкѣ Москвѣ, — полюбоваться на тебя съ высокаго Кремля, — авось бы помолодѣлъ я; свиснулъ бы, гаркнулъ по старому, по удалому: вались, народъ, отъ Лузскихъ воротъ! и ахъ! что кому до насъ, когда праздничекъ у насъ — мы зароемся въ солонуху, не найдутъ насъ. Тюхъ-тюхъ-тюрюрюшечки, ахъ вы, душечки! вѣдь наша матушка все бѣднѣла, да блѣднѣла, все хромала, да головушкой хворала, пришла къ ней правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенія въ Кадашахъ, и стала матушка въ барышахъ; перестала матушка хромать, перестала матушка хворать. Други! вотъ почетъ, такъ почетъ, не денежкамъ въ зачетъ. Молвить въ добрый часъ, кабы каждой-то взъ насъ жилъ, какъ дѣдушка Андрей, было-бъ дѣло поспорѣй; а то всякой Иванъ смотритъ только въ свой карманъ; вотъ нешто и нашъ староста стянулъ у батюшки свитку, а у матушки свинку, да и прощай Левушка—забубенная головушка: махнулъ любезный другъ отъ сѣвера на югъ. Неча, други, молвить—хорошъ мастеръ, хорошо и мастерствомъ правилъ, да и славныхъ подмастерьевъ оставилъ: одинъ съ темной ночи оброкъ бралъ, а другой записнаго плута оправдалъ. Живите-ка лучше не такъ, какъ хочется, а какъ Богъ велѣлъ; не горюйте, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешъ палатъ каменныхъ. Вѣдь всѣмъ придется въ тотъ домикъ влѣзть, гдѣ ни стать, ни сѣсть, и тамъ въ жизни дать отвѣтъ, гдѣ ни судовъ, ни слѣдствій нѣтъ.

Такъ-то, други сердечные, тараканы запечные! наша матушка Москва бѣеть родимая съ носка, ужъ городъ, такъ городъ! отъ заставы до заставы пройдешь, не разъ вздохнешъ; народъ затѣйной, что ни шагъ то съѣстной, да питейной; есть гдѣ вздохнуть, есть гдѣ мошной тряхнуть. Бывало въ стары годы съ базару прямеюнько на теплы воды къ Назару, чайку покушать, да варганчика послушать; невзначаемъ ерошки хватишь передъ чаемъ, распа-

ришься, расжаришься, какъ боровъ въ знойный день и встать-то дѣнь, и думать позабыль, что жена и дѣти дома ждутъ хозяина Пахома, знай пируй, да покатывай, да мошною потряхивай.

А гульбищъ, гульбищъ! и счету нѣтъ. Видалъ, братцы, какъ поясы заморскіе не на животь, а на смерть перегибаются, русскаго грошника домогаются; какъ куколки заграничныя задаютъ на ящикѣ пляски различныя: какъ наши красныя дѣвицы на качеляхъ качаются—орѣшками забавляются, какъ пострѣлы ребятишки ломаютъ коврижки, какъ квасникъ молодой продаетъ квасъ медовой, и какъ народъ простодушной русскаго пируетъ за полштофикомъ съ закуской,—кушаетъ ветчинку-ржавчину и всяку всячинку.

Будетъ что-ли, други, съ вами, на первый разъ? Пора и нѣтъ на покой, хоть пусть горшокъ, да самъ большой. И то, братцы, укатали бурку крутыя горки, убѣдили молодца трактиры легкокрылы, да кабачки дурачки.

Любо вамъ въ своей деревнѣ при матушкѣ сохѣ-андревнѣ, самъ съешь—самъ орешъ, самъ и пѣсенки поешь; жена, какъ лебедь птица, да дѣтей станица, жить не умирать, а не горе горевать; нужды нѣтъ, что мужичокъ, да сѣрой армячокъ. Когда придетъ, касатки, пора, что курносая турнетъ гостей со двора, тогда не спросятъ кто въ чемъ явился и въ чемъ принарядился, кто сладко ѣлъ и сладко пилъ, а кто какъ жилъ? Станутъ все тамъ рядомъ, и въ свитѣ, и въ жунахъ, и въ кафтанѣ, и енералы, и напралы, и въ звѣздахъ, и въ лаптяхъ: бываетъ еще мужичокъ-то иной стаетъ къ енералу-то спиной, особенно къ тому, который масляно маслали кашу, да забижалъ милость нашу.

Да что далеко ходить, хорошиимъ людямъ почетъ и на землѣ идетъ; вѣдь знаете сами, и дѣдушка Мининъ развѣ не нашъ братъ съ бороною, да съ усами; за то, что для Россіюшки не жалѣлъ-то ничего, нишъ куда голубчика вздернули его! а иной и енераль, да коли ближнихъ обиралъ, умретъ, какъ трава завянетъ, никто не помянетъ.

Расказалъ бы еще кой-что вамъ, да пора, братцы, ко двораимъ. Благодаримъ за пироги, за горохъ, за щи, за кашу, за милость вашу: къ намъ милости просимъ, съ копѣйкой на восемь; то-то уважу, то-то покуражу! свисну, гаркну, раздайся народъ, старикъ идетъ въ хороводъ; красны дѣвы, ленточки снимайте, старикову шляпу украшайте; тоухъ-тоухъ-тюрюрюшечки! ахъ вы, душечки! запоете у меня пора-пора, матушка,—пора-пора, батюшка, косу русу расплетать, фатою бранной убирать, а дядя-то Ипать тому и радъ, на свадьбкѣ пошьемъ, поѣдимъ, придутъ люди, да подивуются; молвятъ: то-то простота, то-то пито-ѣдино было безъ хитрости.

К О Н Е Ц Ъ .

Продается въ Москвѣ, въ книжной лавкѣ Н. Г. Кольчугина, на Никольской улицѣ. Цѣна 20 коп. серебромъ.

Рейссигъ—основатель Рисовальной школы

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ ноябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. помѣщена статья С. И. Лаврентьевой подъ заглавіемъ «С.-Петербургская рисовальная школа въ воспоминаніяхъ одной изъ ея ученицъ». Статья эта вообще очень живо и бойко написана, но въ нее вкралась одна немаловажная ошибка, требующая непременно поправки — для восстановленія доброй памяти о самомъ учредителѣ школы. Дѣло въ томъ, что полагаясь на рассказы Нотбека, одного изъ преподавателей, хотя и служившаго въ школѣ съ 1844 г., тѣмъ не менѣе сообщившаго совершенно превратныя свѣдѣнія, по скрытой-ли неприязни къ ея основателю, или просто напросто по невѣдѣнію, С. И. Лаврентьева совершенно невольно передала въ краткихъ словахъ невѣрную исторію того учрежденія, гдѣ получила свое образованіе.

Начать съ того, что школа не существовала до назначенія Рейссига попечителемъ всѣхъ петербургскихъ рисовальныхъ школъ, въ то время (въ 1836—1842 гг.), только что основанныхъ при министерствѣ финансовъ по проектамъ, представленнымъ имъ графу Е. Ф. Канкрину, который и назначилъ его на эту должность, послѣ высочайшаго утвержденія «Положеній» и «Штатовъ» означенныхъ школъ. Во вторыхъ, графъ (впослѣдствіи князь) А. И. Чернышевъ, бывший въ тѣ годы военнымъ министромъ, не имѣлъ ровно никакого отношенія къ этому опредѣленію и развѣ только у него было испрошено согласіе на такое назначеніе, такъ какъ Рейссигъ былъ не только членомъ мануфактурнаго совѣта, но еще раньше профессоромъ и директоромъ механическаго заведенія при генеральномъ штабѣ и военно-топографическаго депо. Онъ дѣйствительно не былъ художникомъ, но никогда не служилъ при придворныхъ конюшняхъ, а былъ чисто

ученый, притомъ, судя по составленнымъ имъ запискѣ о вновь проектированныхъ рисовальныхъ школахъ въ разныхъ промышленныхъ центрахъ Россіи и учебному плану для Петербургской школы,— съ головой, ничѣмъ не затемненной, и съ очень обширными понятіями. Наконецъ, только благодаря его хлопотамъ и попеченіямъ, школы и могли существовать послѣ смерти графа Е. Ф. Каякина († 1845 г.), такъ какъ преемники послѣдняго смотрѣли на это дѣло уже далеко не съ такими широкими идеями и подѣ-часъ отказывали этимъ учрежденіямъ въ самомъ необходимомъ.

Никогда при Рейссигѣ не было никакихъ неурядицъ и никогда министръ финансовъ Брокъ не просилъ объ избавленіи его отъ этихъ школъ, да и некого было ему просить объ этомъ разъ онъ являлся полновластнымъ хозяиномъ и отъ него одного зависѣло продолженіе или прекращеніе этого полезнаго предпріятія.

Никогда С.-Петербургская рисовальная школа не отходила и въ академіи художествъ, почему Рейссигъ не могъ и вооружать ее противъ ея новаго дѣтища. Въ совѣтѣ академіи разсматривался только проектъ одного изъ преподавателей школы Малевскаго о передачѣ ея въ его вѣдѣніе, когда пошелъ вопросъ о закрытіи этого учрежденія въ видахъ сокращенія государственныхъ расходовъ, но провалился, и школа была передана, по высочайшему повелѣнію, въ 1857 г., въ вѣдѣніе «Общества Поощренія Художниковъ». Документальная исторія всего этого дѣла изложена въ «Историческомъ сборникѣ Рисовальной Школы», составленномъ по случаю ея 50-ти-лѣтняго юбилея въ 1889 году.

Н. П. Собко.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

[† 7-го апрѣля 1885 г.]

въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ.

Въ 1830-хъ годахъ въ городѣ Харьковѣ, на мѣстѣ, нынѣ принадлежащемъ купцу Гладкову (гдѣ общественный садъ «Тиволи»), стояло длинное одноэтажное деревянное зданіе, выходившее угломъ на Благовѣщенскую и Дмитріевскую улицы. Въ этомъ, довольно некрасивомъ въ архитектурномъ отношеніи, зданіи, тогда помѣщался благородный пансіонъ для мальчиковъ, содержателемъ котораго былъ иностранный выходецъ изъ Швейцаріи, Адольфъ Ивановичъ де-Роберти: пансіонъ въ то время считался однимъ изъ лучшихъ среднихъ учебныхъ заведеній, содержаемыхъ частными лицами. Преподаватели въ пансіонѣ де-Роберти въ старшихъ классахъ были все профессора харьковского университета, а именно: извѣстный математикъ Дьяченко, Лапшинъ, Н. И. Срезневскій, Степановъ, Сокальскій, директоръ гимназіи І. В. Корженевскій и другіе, а въ младшихъ классахъ преподавали: М. П. Клобуцкій, А. Л. Метлинскій (Амвросій Могіла, малорусскій писатель), М. И. Ильенко, Н. И. Костомаровъ, французъ Дэнъ, нѣмецъ Метлерканифъ (оба преподавали въ университетѣ) и много другихъ достойныхъ учителей, давно уже отошедшихъ въ вѣчность...

Своихъ пансіонеровъ Адольфъ Ивановичъ содержалъ прекрасно, даже, можно безъ преувеличенія сказать, роскошно, въ чемъ много помогала его жена, почтенная Роза Ивановна, бывшая для воспитанниковъ настоящею матерью. А. И. также не скупился щедро оплачивать трудъ и преподавателей, такъ, напримѣръ: нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности преподававшіе въ высшихъ классахъ, получали за двухъ-часовой урокъ по золотому, а законоучители: про-

фессоръ богословія харьковскаго университета, магистръ Іоаннъ Звиниъ и старшій соборный протоіерей, о. Стефанъ Антоновскій — получали по два червонца, — что, по тогдашнему курсу, составляло тридцать шесть рублей ассигнаціонныхъ, — сумма для того времени очень значительная ¹⁾.

Николай Ивановичъ Костомаровъ поступилъ учителемъ въ пансіонъ де-Роберти въ 1837 году, и преподавалъ во 2 классѣ, въ которомъ я тогда былъ его ученикомъ. Прошло уже пятьдесятъ три года, но я и теперь съ особенною любовью вспоминаю Николая Ивановича — и думаю, что никогда его не забуду. Н. И. тогда только окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ со степенью кандидата, будучи всего 20 лѣтъ. Онъ преподавалъ намъ, второклассникамъ, русскую исторію (удѣльный періодъ—предметъ, какъ извѣстно, вообще довольно сухой) и, къ нашему сожалѣнію, былъ преподавателемъ нашимъ недолго—всего одинъ годъ, но за это короткое время Н. И. принесъ много пользы своимъ ученикамъ, любившимъ его до обожанія... Этотъ умный педагогъ умѣлъ такъ пріохотить своихъ юныхъ питомцевъ къ серьезнымъ усидчивымъ занятіямъ по своему сухому предмету, что каждый изъ насъ старался какъ можно лучше знать свой урокъ—и незнаекъ у него въ классѣ не было. Гуманная доступность и кроткое, простое обращеніе съ учениками дѣлали Николая Ивановича нашимъ кумиромъ, словомъ, мы его боготворили... Средняго роста, широколицый, но симпатичный на видъ, всегда одѣтый въ мѣшковатый неуклюжій суконный сюртукъ, по складу своего характера большой эксцентрикъ,—Николай Ивановичъ своей задушевной теплотой, какъ учитель и человѣкъ, производилъ на насъ какое-то магическое дѣйствіе, — и мы не смѣли или, лучше сказать, не могли не учиться у него хорошо... Рѣдко кто изъ его учениковъ получалъ по его предмету отмѣтку—4; постоянно же всѣ ученики стремились отвѣчать на—5, т. е. получила полный баллъ.

Методъ преподаванія у Н. И. Костомарова былъ точно такой-же, какъ и у И. И. Срезневскаго; онъ также изъ своего двухъ-часоваго урока каждый разъ обязательно посвящалъ полчаса для дружеской бесѣды съ учениками, рассказывая имъ разные смѣшные историческіе анекдоты, преимущественно изъ малороссійскаго быта. Нужно было ви-

¹⁾ А. И. де-Роберти держалъ свой пансіонъ въ Харьковѣ болѣе 35 лѣтъ, за что былъ высочайше награжденъ орденомъ св. Анны 3 ст. Не смотря на столь долгое время содержанія пансіона и взиманіе съ богатыхъ родителей за нинихъ воспитанниковъ—отъ 1000 до 1,500 руб. ассигн. въ годъ, А. И. умеръ въ крайней нищетѣ. Г.

дѣтъ,—съ какимъ вниманіемъ мы, тогда мальчуганы, слушали его интересные рассказы, которыми Н. И. умѣлъ придавать какой-то особый юморъ, свойственный его мягкой, южной натурѣ... Мы отъ души хохотали какъ школьвики, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда держали себя весьма прилично, не позволяя себѣ ни малѣйшей шалости въ его классѣ. Затѣмъ, когда начиналось спрашиваніе урока — тишина въ это время водворялась образцовая; каждый тогда изъ насъ обращался въ-слухъ и затаивалъ свое дыханіе: только былъ слышенъ голосъ ученика, громко отвѣчающаго свой урокъ, и по окончаніи класса ученики чуть не на рукахъ выносили своего любимаго наставника...

Вотъ какъ мы, тогда еще дѣти, умѣли цѣнить незабвеннаго Николая Ивановича Костомарова! Онъ, кромѣ нашего развитія умственно, имѣлъ благотворное вліяніе и на нашу нравственную сторону,—за что будетъ добрая память о немъ вѣчно жить въ сердцахъ его признательныхъ и благодарныхъ учениковъ.

Е. Гр. Гвоздиковъ.

Харьковъ.

22-го февраля 1890 года.

Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій.

Въ «Русской Старинѣ», которую я читаю уже десять лѣтъ, я встрѣтилъ ошибку, въ книгѣ за октябрь, изд. 1889 г. На стр. 225-й, въ 7-й строкѣ снизу, сказано, что К. Д. Ушинскій уроженецъ города Тулы, т. е. русакъ. Нѣтъ! это не такъ; онъ малороссъ среди насъ взросъ. Объ этомъ очень ясно изложено г. Чалымъ, въ «Кіевской Старинѣ» (май и іюнь 1889 г.); г. Чалый былъ товарищемъ и одноклассникомъ Ушинскаго въ Новгородсѣверской гимназіи. Я самъ былъ въ 3 классѣ той-же гимназіи, въ 1839 — 1840 учебномъ году, когда г. Чалый съ Ушинскимъ были въ послѣднемъ тогда седьмомъ классѣ.

Про Тулу, ради сей ошибки, я вспомнилъ анекдотъ. Гдѣ-то въ писаніи сказано: «и уготоваша стрѣлы въ тулѣ и поразиша ими врази своя». Бурсаки тульскіе и рѣшили, что Тула городъ библейскій, въ родѣ Ниневіи или Вавилона.

Врачъ Павелъ Музыкантовъ.

7 марта 1890 г.

г. Кролевецъ, Чернигов. губ.

Почтовый ямъ Яжелбицъ.

Въ весьма интересномъ очеркѣ Ф. Ф. Пардалоцкаго «Валдайская Старица» на стр. 788-й, «Русск. Стар.» изд. 1890 г. мартъ, тамъ гдѣ говорится о с. Едровѣ, мѣсто упокоенія праха моего отца—вкралась опечатка:

Напечатано: Пшельбицъ, читай: Яжелбицъ.

Авг. А. Герье.

ЕПИСКОПЪ КИРИЛЛЪ МЕЛИТОПОЛЬСКІЙ

въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову

1857—1865 г.

IX ¹⁾.

5-го февраля 1860 г. Іерусалимъ.

Полагаю, что два предшествовавшихъ сему письма мои вы получили. Полагаю, впрочемъ, что, не смотря на это, вы не побраните меня за отправляемое теперь третье, хотя въ немъ интереснаго будетъ мало, а грустнаго много. Не въ часъ попадетъ, можно, вѣдь, и отбросить.

Пишу это письмо подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, которое вотъ ужъ другой день давить меня: разумію дѣйствіе на меня полученной вчера вѣсти объ о. Валеріанѣ, который будто бы уволенъ отъ должностей и посланъ къ вамъ подъ надворъ. Вѣрите ли, эта вѣсть поразила меня больше, чѣмъ всѣ вѣсти, какими приходилось мнѣ иногда лакомиться по милости своихъ друзей .

О здѣшнихъ новостяхъ писать много нечего. Все по старому; святой святится еще, скверный сквернится еще. Успѣлъ я въ одномъ только, что, какъ когда-то Сербиновича, вывелъ друзей своихъ въ открытое поле. О, порядочная наука! Третьяго дня одинъ кавалеристъ, пріѣзжавшій сюда дня на четыре, послушавъ моихъ разсказовъ о томъ, что было вынесено и вывезено, сознался, что «можно посѣдѣть отъ одного разсказа». Но я не теряю пока бодрости духа, которую еще хранить благодать Господня... Вы думаете, что я говорю все о старомъ? Нѣтъ! У меня есть и новыя исторіи. Бор—на отличилась еще разъ: не даромъ мнѣ говорили въ К—гѣ, что Т. П. больше

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, декабрь, стр. 795—804, изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 131—142.

всего вредить мнѣ своею услужливостью. Она прислала мнѣ довольно грубое письмо, въ которомъ извѣстила, что N. N. (чего я и ожидалъ послѣ нѣкоторыхъ не очень музыкальныхъ прелюдій) снова взбѣшенъ и—не безъ причины. «Мы выдали шпагу эту и не въ этакихъ рукахъ». Я оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ. Но не скрою, на этотъ разъ мое презрѣніе къ міру подходило къ самымъ границамъ моего терпѣнія. Я рѣшился успокоить себя службой: кстати подошли такіе дни. Предъ послѣдней службой я получилъ извѣстіе отъ нѣкоторыхъ господъ, изъ С.-Петербурга, что Бр—на сама не знаетъ, какъ теперь просить прощенья у меня въ послѣдности и ошибкахъ

! Спасибо, есть и уницы! Почти въ то же время получилъ я посылочки отъ другихъ, въ иноузъ родѣ... Когда-то мы увидимся съ вами, безцѣннѣйшій владыко мой! Вотъ вамъ будетъ бѣда: не дамъ спать! И увидите отъ меня, да не уснете; сами позовете, чтобы продолжалъ.

X.

Мая 23-го 1860. Іерусалимъ.

Сію минуту получалъ письмо ваше, мой безцѣннѣйшій владыка, отъ 8-го апрѣля, бродивши Богъ вѣсть гдѣ и «via France» доѣхавши до Константинопольскаго русскаго почтамта, чтобы добраться до меня на русскомъ пароходѣ. Сію же минуту принимаюсь за отвѣтъ: видите, какъ я жалкую бесѣды съ вами.

Богъ, конечно, проститъ, что такъ долго томилъ гладомъ преданную вамъ душу. Знаю, какъ много у васъ хлопотъ и дѣла. Но все таки не скрою, что долгое напрасное ожиданіе—мучительнѣйшая вещь. Въ другой разъ будьте, дорогой мой владыка, почеловѣколюбивѣе.

Много порадовали меня строки о васъ, хотя онѣ мнѣ новаго ничего не сказали. Мнѣ много рассказывали здѣсь о томъ, какъ васъ любили въ Тамбовѣ и любятъ въ Харьковѣ. Отъ васъ самихъ пріятно было узнать, что и вамъ Харьковъ по сердцу: одно изъ первыхъ благъ въ жизни; прочая приложатся....

Не предвижу, владыка мой, возможности утѣшенія видѣть васъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Во всякомъ случаѣ, проситесь самому не вижу надобности, хотя погостившая у насъ недѣлька княг. Васильчикова и убѣждала меня въ необходимости побывать въ Петербургѣ. Можетъ, было бы и полезно; да не необходимо: ибо главнѣйшее устроилось, агенцію уничтожили, пріятели моего, Д — нова, уволили. Между тѣмъ и здѣсь есть немножко работы. Вопросъ греко-унитскій пришелъ къ развязкѣ. Недѣлю назадъ я только что возвратился изъ Бейрута съ бумагою въ рукахъ о присоединеніи. Хлопотъ

было бездна, какъ и затрудненій, съ которыми нужно бороться. Надо было много терпѣнья, чтобы свести всѣ концы въ одинъ узелъ; между тѣмъ обстоятельства нудили окончить дѣло какъ можно скорѣе. Еще одинъ день и — мы все потеряли бы. Теперь мы съ своихъ плечъ сложили бремя, переславъ его по почтѣ въ Константинополь. Однако-жъ, можетъ еще понадобится наше участіе и трудъ: потому-то проситься и нельзя. Можетъ быть, пошлютъ еще въ Константинополь, гдѣ встрѣтятся много вопросовъ. Послѣ не вызовутъ-ли сами? Это другое дѣло: я бы очень не прочь. И такъ — ваше слово: да будетъ воля Божія!

Чтобы разомъ покончить съ собою, отвѣчу тутъ же на другіе ваши вопросы обо мнѣ. Духовные журналы доходятъ до меня, обыкновенно, гуртомъ черезъ годъ — черезъ два по выходѣ: ибо шлются изъ синода.

Читаю-ли получаемые? Увы, только для того, чтобы иногда поплакать, иногда посмѣяться. Въ этомъ отношеніи и красно-рѣчивое самохвальство пр. пользы не принесло; все таки на мой вкусъ д. б. отзывается семинарщиной. Досадно-то то, что звону много изъ-за ничего: накричатъ, нашумятъ, да и срѣжуются въ ковецъ. До насъ здѣсь доходятъ толки, не совсѣмъ питерскіе-самоусладительные: и смѣхъ, и горе. Отъ свѣтскихъ журналовъ я почти совсѣмъ отсталъ. Выписалъ, но почему-то не высылаютъ до сихъ поръ. Что приходилось читать, удивляетъ подъ часъ своею смѣлостью. Оно бы, можетъ, и хорошо — тамъ, гдѣ порядокъ есть хоть какойнибудь. А какъ подумаешь объ огородѣ, гдѣ и Щедрины растутъ и Бурачки процвѣтаютъ, гдѣ и медвѣдь оретъ и корова реветъ, и самъ чертъ не разберетъ, кто кого деретъ, — поневолѣ привадумаешься и о хорошемъ иногда спросишь: хорошо-ли? Вѣдь было же времячко, когда подносили выписочки и смущали души, и поворачивали фуру на окольную дорогу. А о нѣ-которыхъ изъ прочитанныхъ вещей даже нельзя сказать и хорошаго слова. Странный муравейникъ.

Однако жъ и самъ я, какъ муравей, уполозъ отъ преднамѣренной дѣли: вѣдь о себѣ хотѣлъ говорить. По французски я болтаю смѣло, хоть и дурно: ибо учусь, говоря; по гречески порядочно, хотя тоже намѣренно не учился; по арабски только нѣсколько необходимѣйшихъ фразъ знаю, да и не рассчитываю на большее, — что-то охоты нѣтъ; полезнѣйшимъ нашелъ поучиться англійскому языку: и литература интересуется, да и много знакомствъ приходится здѣсь дѣлать съ упрямыми англами и американцами, которые не говорятъ иначе, какъ по англійски; а народъ прелюбопытный. Сочиняю-ли я что, кромя проповѣдей? Даже и проповѣдей не сочиняю: говорю что Богъ пошлетъ въ церкви. Въ поклоннической періодъ хлопотъ такая бездна, что иногда нѣтъ времени скушать тарелку супу; изнемогаешь до того, что ужъ не сочиняешь и плановъ для будущаго: единственный родъ сочиненій, въ которомъ приходится здѣсь упражняться.

Бѣдный Валеріанъ: я, истинно, болю о немъ душою. И неужто нѣтъ уже ни малѣйшей надежды на исправленіе? Но вѣдь это ужасно!.....

Къ слову, потерявши зубы, Василій Андреевичъ нашелъ себѣ обнову—убѣжденіе, что до сихъ поръ онъ обманывался самъ и другихъ обманывалъ еврейской грамотой. Выучившись читать по самаритански и познакоившись съ этими текстомъ, онъ нашелъ, что еврейскій текстъ есть смѣсь ошибокъ, лжей и болѣе или менѣе преднамѣренныхъ пропусковъ и измѣненій. Теперь онъ сильно работаетъ на новомъ поприщѣ. Дай Богъ успѣха!

Изъ современныхъ здѣшнихъ новостей важнѣйшая — война друзовъ съ христіанами на Ливанской горѣ. Дня черезъ два—три послѣ моего отъѣзда изъ Бейрута, война разразилась со всеми ужасами здѣшнихъ дракъ народныхъ. Сорокъ селеній уже сожжено; въ Бейрутѣ распространился такой паническій страхъ, что купцы закрыли лавки и прекратили торговлю. Консулъ пишетъ мнѣ, что не знаютъ ни что дѣлать, ни чего ожидать. Бѣдственное положеніе. По несчастью, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и турецкое народонаселеніе загѣваетъ ссоры междуусобныя. Около насъ пока тихо, хотя разные слухи о возможныхъ столкновеніяхъ создаются здѣсь подземнымъ гуломъ. Что за время, которое мы переживаемъ!

Не слышно что-то ничего о планахъ преобразованія духовныхъ училищъ въ Россіи, составленныхъ пр. Димитріемъ. А очень любопытно.

Новости моск—кія доходятъ и до насъ. Пріятно то, что старцы обновляются, яко орли. Было здѣсь одно дѣло, тамъ разсмотрѣнное: ужъ и я перепугался,—такъ широко растворились дѣри! По другому дѣлу (Горскаго) былъ ко мнѣ запросъ, вполне достойный. Иногда мы съ старцемъ переписываемся, пикируясь на бумагѣ, хотя духовно ладимъ.

ХІ.

5-го сентября 1860 г. Іерусалимъ.

Давненько уже вы не дарили меня дорогими вашими словечкомъ. Недосугъ-ли только, или нѣтъ-ли мѣста гнѣву за что нибудь? Скучаю, жду, продолжая усердную непрестанную молитву мою грѣшную за васъ. Знаю, что и дѣла много, и не претендую, не жалуясь; жду.

Около насъ—все еще запахъ крови. Въ послѣднее время протекла струя и мусульманской. Въ Дамаскѣ 55 человекъ разстрѣляно (въ томъ числѣ и мой личный знакомецъ, Ахмедъ-наша, бывшій сераскиръ въ Дамаскѣ); 110 человекъ повѣшено, до 2,000 сослано на галеры и столько же сдано въ солдаты. Эта струйка угасить-ли пожаръ,—Богъ вѣсть; вѣрится съ трудомъ. Мы сидимъ здѣсь на бочкѣ пороку,—одна искра и—прощай. Это говорить не трусость, вовсе нѣтъ; напротивъ, я такъ спокоенъ и такъ заинтересованъ въ дѣлѣ попеченія о здѣшнихъ и пособіи сирійскимъ несчастнымъ, что въ эту минуту менѣе, чѣмъ когда либо желалъ бы побѣзжать въ нашу прекрас-

ную отчизну. Но нельзя-жъ не сказать того, чего нельзя не видѣть и не предвидѣть. .

Путаница, которая идетъ у васъ тамъ, слышится, а иногда и отражается на дѣлѣ и у насъ здѣсь ¹⁾). Много пришлось побесѣдовать о «матерьяхъ важныѣхъ»; много пришлось нажить себѣ и новыхъ друзей, и новыхъ враговъ. Къ какой категоріи отнести бывшего здѣсь недавно преемника Якова Аникѣвича (блаженной памяти)—еще не знаю; но и сколько дичи оповѣствовалося здѣсь! сколько сказалося опасеній за будущее, не смотря на перемѣны, которыя надѣлала смерть! Увы, улы! Куда-жъ заѣдетъ кивотъ завѣта, привязанный къ этимъ кривамъ? Утѣшительнаго что-то мало! Мы здѣсь тоже видимъ маленькіе опыты того, что въ иной странѣ бываетъ удивительный—«порядокъ»!.. Охъ, этотъ злой пренедобный лѣтописецъ! Испортилъ все дѣло, заклеивъ пророчествомъ своимъ землю великую!

Если-бъ не кровавыя событія здѣсь, желалъ бы быть тамъ, подалеже отсюда, поближе къ вамъ. И нынѣ нѣкинъ того же желалось бы: вѣдь какіе злые и истительные бывають . . . Но, какъ слышу, надежды сѣютъ на будущее лѣто. Посмотримъ.

30 августа заложили мы русскую церковь у вратъ св. града. Торжество вышло прекрасное, хоть мнѣ и не здоровилось въ тѣ дни порядочно. Для любопытства прилагаю экземплярчикъ сказанной мною рѣчи, отлитографированной В. А. Левисономъ для облегченія моей несчастной руки, единственнаго моего секретаря. Рѣчь *ad hominem*, или лучше *ad Iosim*; здѣсь она произвела впечатлѣніе. Не знаю, раскусить-ли ее тамъ? Вѣдь рѣчь при нареченіи раскусили только полгода спустя; да и то раскусили Сербиновичъ.

..... Счастливъ былъ-бы, если-бы поскорѣ дождался вѣсточки и о васъ. Поклонники приносятъ поклоны; но что они скажутъ путнаго? Что васъ любятъ въ Харьковѣ, восхищаются вашей службой и проновѣдьями? Да это ужъ не новость, особенно для меня. Напишите, пожалуйста, хоть нѣ сколько строчекъ.

ХII.

17-го декабря 1860 г. Иерусалимъ.

Которое ужъ письмо къ душевно чтимому и приснопоминаемому владыкѣ приходится мнѣ начинать словами: «ужъ не гнѣвается-ли за что владыка мой, что молчать такъ уорно?» Въ самомъ дѣлѣ, пресвященнѣйшій владыко, вы совсѣмъ забыли строчкой преданнѣйшаго вамъ. Становится скучно, и очень-очень. Разлюбливать трудно, а, любя, чувствовать себя какъ будто забытымъ и брошеннымъ—еще труднѣе.

¹⁾ Нынѣшній годъ (1860 г.) особенный урожай у насъ на гостей; то и дѣло знать.
К.

Но не отсюда должны и могутъ идти горькія строки. Приближается все-радостнѣйшій праздникъ, который будемъ мы совершать на самомъ мѣстѣ всемірнаго событія. По поводу его съ разныхъ сторонъ и въ разныя стороны (только отъ меня по начальству—никогда!) летятъ взаимныя привѣтствія, воспомясыя благожеланіями по случаю, кстатѣ, и наступленія новаго года. Отсюда-ли не послать вамъ, возлюбленнѣйшій мой и многоуважаемый владыка, искренняго привѣта съ праздникомъ Рождества Христова? Какъ бы вы ни посмотрѣли на этотъ привѣтъ, потребность сдѣлать его во мнѣ непреодолима, какъ неизмѣнны мои чувства къ вамъ. Примите его, по крайней мѣрѣ, какъ струйку дыма изъ благословеннаго Вилеоема, гдѣ вознесется къ небу усердная о васъ молитва, знакомая моеи душѣ по повторенію каждое утро и вечеръ.....

.....О нашихъ здѣшнихъ событіяхъ можно бы написать томы. Но на сей разъ, какъ и на тысячу другихъ, мѣшаютъ написать и нѣсколько строкъ толкомъ. Вотъ доложили о французскомъ генералѣ изъ Бейрута; а того и смотри, нагрянетъ еще греческій командиръ судна, вчера получившій отказъ. Буду продолжать, когда освобожусь, насколько могу. Кстатѣ, можетъ быть, услышу что новенькое.

18-го. Вотъ освободился къ вечеру на другой день. Такъ нерѣдко бываетъ здѣсь, гдѣ не легко установить время пріемовъ и еще труднѣе дѣлать отказъ гостямъ, то прибывающимъ, то отбывающимъ. Есть своя и хорошая сторона во всѣхъ этихъ хлопотахъ: все-таки людей повидишь; но ужъ и наскучить подь-часъ.

Гости принесли немного новаго пріятнаго; пріятны только поклоны моимъ бейрутскихъ друзей; а новостей и не могли они привести. Кто-же здѣсь заранѣе не предвидѣлъ, что горы мышь родятъ? У первой части свѣта у самой, теперь, дразгъ много: не до размысленій и сужденій о кости, которая у всѣхъ подь зубами и пока еще не совсѣмъ сгнила; подождать. Другое дѣло: у себя если дѣлается ни вѣсть что, что сдѣлаешь у сосѣда? А вѣдь, правду сказать, европейскія-то извѣстія для насъ азіатцевъ теперь что твой добрый романъ. Здѣсь инымъ горламя можетъ и боязно; ну, да вѣдь это единицы; свѣтъ не сталъ же вверхъ дномъ, что тамъ-сямъ позабавились надъ христіанскими горламями. Помяните, владыко, насъ грѣшныхъ въ случаѣ, если опять завопятъ газеты о новостяхъ съ востока.

Что сказать вамъ, владыка мой, о новостяхъ ближайшихъ? Самая близкая—по пространству: драка, какими мы здѣсь обыкновенно чтимъ святыя праздники, между армянами и нашими въ Вилеоемѣ. И на сей разъ почтили праздникъ Господень; и на сей разъ, — честь и слава!—побѣда полная и блистательная осталась за православіемъ. Какія бы долгія бесѣды пришлось намъ вести о сихъ «особенностяхъ», еслибъ Господь привалъ свидѣться. Но и теперь еще одно словцо: ясновельможный пріятель мой, латинскій патріархъ, чай, и въ Харьковѣ извѣстный, устроилъ въ пику французскому консулу

такъ, что въ день Рождества не было у нихъ службы на мѣстѣ событія. Злодѣи даже и «вѣрующіе» всѣхъ увлекъ изъ «дома хлѣба или, вѣрнѣе, мяса» въ свой хлѣвъ, приготовивъ жирный «плавъ». Знаетъ мудрецъ натуру своихъ!

По времени ближайшая новость—ожидаемое на дняхъ прибытіе ко мнѣ изъ Константинополя возлюбленнѣйшихъ чадъ по духу. новопріобрѣтенныхъ главъ новопріобрѣтающагося стада «отторженныхъ насиліемъ, присоединяемыхъ любовію». Слава Господу Богу, дѣло, томившее насъ три года. кончилось и весьма счастливо. Много нужно было терпѣнія и пр. Но пришелъ же конецъ! Теперь, можетъ быть, нужно будетъ еще разъ, вмѣстѣ съ гостями, прокатиться въ Бейрутъ. Посмотримъ, сколько выдетъ всего въ итогѣ.

Въ связи съ послѣднимъ событіемъ только со стороны «минувшаго», при посредствѣ саккосовъ, приготовленныхъ для новыхъ владыкъ, состоятъ мои недавнія хлопоты по «обмундированію» доброй сотни перивей на Ливанѣ и около, разграбленныхъ до нитки. Спасибо добрымъ людямъ, дали средства, прямо пригодныя для доброй цѣли. Къ празднику мы многихъ сдѣлали съ праздникомъ. Пошлемъ, можетъ, еще и хлѣба для подкрѣпленія силъ празднующимъ.

Дальше, кажись, сказать нечего, т. е. такого, чтобы теперь могло быть интересно и что, съ большей пользой, не могло бы быть отвесено къ будущей нашей непосредственной бесѣдѣ, которой жажду всей душой. Сказать о себѣ что нибудь? Ираво, нечего. Скучать не скучаю, ничѣмъ особенно не занимаюсь, худѣть не худѣю, пожалуй, даже потолстѣлъ немного, ѣмъ мало, силу славно, гадчайшимъ образомъ болтаю на разныхъ языкахъ и—съ кѣмъ, съ кѣмъ не болтаю! Не вижу, какъ проходятъ мѣсяцы, хоть иногда и часы выходятъ долгоньки и тяжеловѣсны. Служу часто, то въ подземельяхъ, то на водѣ (въ сентябрѣ служилъ на фрегатѣ), и вездѣ всегда усердно молюсь за васъ.

Вотъ, наконецъ, приблию къ берегу! Въ этомъ-то все и дѣло, что крайне хотѣлось бы знать, какъ поживаетъ мой владыка? Какъ нарочно, ни откуда слуху нѣтъ, а какъ нарочно—такъ и хотѣлось бы слетать къ вамъ, взглянуть однимъ глазкомъ, что подѣлываетъ и какъ можетъ мой владыка? Не дожидайтесь, пожалуйста, іюля или августа, когда, если Господу угодно, можетъ устроиться наше свиданіе. Многаго не прошу; но на нѣсколько строкъ претендую. Извините! Смерть хочется узнать о васъ хоть что-нибудь. Да ужъ давно не видалъ и знакомаго почерка.

XIII.

27-го декабря 1860 г. Іерусалимъ.

Въ порывѣ признательности за драгоценное посланіе ваше, дорогой владыка мой, отъ 20-го ноября, доѣхавшее до меня не черезъ Францію, а чрезъ Константинополь, въ самый день праздника и моего рожденія, я сразу накаталъ

было вамъ чуть не «лазаревскую простыню». Объемъ не помѣшалъ бы простынѣ отправиться по назначенію, если бы почта не измѣнила и мнѣ не пришлось бы перечитать написанное сегодня. Но, прочитавъ свою «простыню» сегодня, я

и устыдился — такъ много злоупотреблять вашими терпѣніемъ. И полетѣла простыня въ пещку и принялся я за новое письмо къ вамъ: часъ добрый!

Отчасти я уже промолвился на счетъ чувствъ, пробужденныхъ во мнѣ вашими безцѣнными строками: съ чего-жъ нибудъ былъ порывъ! Смѣло могу увѣрить васъ, что давно не имѣлъ я такихъ отрадныхъ минутъ, какія подарили вы мнѣ, какъ красное яичко, къ Свѣтлому дню. Благодарю васъ всей душой. Если бы почаще! Не смотрите, пожалуйста, на свою старость; а вѣтъ-лѣтъ, да и вспомните о своей молодежи, начертите страничку, другую. Вездѣ съ юными молодить. Молодежь же ваша, увм, досчитывающаяся и сама до 36-ти, не такая рѣзвая и невнимательная, чтобъ не стоило истратить на нее нѣсколько минутъ — хоть въ два мѣсяца.

О новостяхъ іер — скихъ слышалъ. Надъ одними изъ нихъ призадумался, другимъ порадовался. Вотъ не угадаете, которой порадовался больше всего. Призадумался надъ тѣми, которыя вызвали меня на размышленіе о томъ, что въ нѣкоемъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ стѣишь, напр., владыкѣ к — му прїѣхать куда-нибудъ посидѣть годокъ на креслѣ (извините, но другого слова, вѣдь, нѣтъ), и онъ ужъ сила, а прїатели его — сауды проводятся во пророцы. Какъ все экономно, обдуманно, принаровлено къ нуждамъ. Еще говорятъ, что «порядка въ ней нѣтъ!» Всѣ вакансіи не праздны: вотъ и порядокъ! Да и дѣятельность — просто, чудо! Что недѣля, то перетасовка! Скоро доскачуть до того, что почтовое вѣдомство вважеться и будетъ просить себѣ нѣкоторыхъ льготъ. И точно, будто что обожжеть или укусить ихъ тамъ! Е — іи написалъ въ донесеніи о своихъ странствіяхъ чудесныя вещи: ну, отчего-жъ не представить его въ В — ву? Не удалось; ну, и въ М — ѣ мѣсто есть. Лишь бы только прокатить Е — іа! Въ угѣ (виновать, Уфѣ) не успѣютъ воды вскипятить, а ужъ рыба уплыла! Полтаву обручаютъ съ Арханг — комъ: почему-бы? Да, вѣрно, потому, что два сапога — вышли пара! Только въ бѣдной О — ѣ никакъ не могутъ разойтись другъ съ другомъ, угрюмый мужъ съ неугомонной женою. Для обыкновенныхъ смертныхъ это — задача; для необыкновенныхъ.... порядокъ! Одно странно: хлопчуть о томъ, чтобы вл. Д. посадить на мѣсто почившаго перво-старца и даже напередъ радуются своему успѣху (какъ это я видѣлъ своими глазами, точно также, какъ и скрежетъ зубовый при вѣсти объ иномъ распорядкѣ); а того, чего тотъ слезно вымаливаетъ три года, устроить не умѣютъ. Или ужъ судьба такая вл. Д. сидѣть у одного моря и ждать непрѣжно другого? Разныя судьбы бывають. Призадумаетесь.

Но пора и къ тому, чему я порадовался. Знаете-ли, чему это? Тому, что «ослицѣ Валаамовой» пришло въ голову заговорить, когда ее не спрашивали (Василій Андреевичъ, знатокъ еврейской древности, увѣряетъ, будто именно поэтому самому она и была ослица, что заговорила, когда ее не спрашивали). Задолго еще до вашего письма, я призадумывался объ В—вѣ и смиренномъ отцѣ I—кии. Результатъ думы былъ весьма утѣшительнымъ, не скрою отъ васъ. Слава Богу, что мимо шла чаша сія отъ «знаемыхъ» монахъ. Въ настоящее время единственная привлекательная сторона В—вы—преданія сороковыхъ годовъ. Но К. и К² въ послѣднее время подорвали репутацію В., отбивъ у этой барыни право пересылать «своихъ» въ первопрестольную. А затѣмъ, что остается дальше?.. Ухъ, какъ зло досталось было В—вѣ въ сожженной «простынѣ»! Коротко сказать, отъ стараго осталась тамъ теперь выѣденная шелуха; отъ стариннѣйшаго—вся старая мерзость. Наболѣла-бы тамъ мощная душа въ невольномъ бездѣйствіи, въ томительной борьбѣ—при связанныхъ рукахъ. Мудреное время—особенно на краяхъ! Чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше. Сему я и порадовался. Винавать!

Печалать меня ваши жалобы на здоровье, особенно на разстройство желудка. Да неужто, наконецъ, и въ просвѣщенномъ Харьковѣ нѣтъ порядочнаго доктора, который сьумѣлъ бы изучить его капризы и добрыми совѣтами помочь вамъ въ горѣ? Мнѣ казалось бы, это не мудреная вещь. Знаете ли, что мнѣ не разъ приходило въ голову? Жаль, что у насъ такъ любятъ держать людей взаперти. То ли бы дѣло, если-бы владыка мой, напримѣръ, покатался бы дней 14 по морю, да мѣсяцъ-другой погулялъ бы по Сиріи, Палестинѣ и Египту съ своимъ преданнѣйшимъ Мелитопольскимъ! Какое дивное вліяніе произвели купанья въ Яффѣ на моихъ нынѣшне-лѣтнихъ гостей! Какое чудо сдѣлало путешествіе со мной до Іерусалима и безъ меня въ Египетъ для владыки Вейрутскаго, который ужъ боялся Богу душу отдать, какъ ни хотѣлось ей посидѣть еще въ тучномъ, отбормленномъ, великолѣпномъ (охъ, безъ водяной бы въ животѣ!) тѣлѣ! Одинъ мѣсяцъ гулянья измѣнилъ и спасъ человѣка. А ужъ я-то какъ бы радъ былъ своему владыкѣ! Что такое славянскія воды! Вотъ, у насъ воды! А природа? А впечатлѣнія? Здѣсь—все! Я увѣренъ, что владыка мой, пріѣхавъ сюда 45-ти-лѣтнимъ старцемъ, возвратился бы отсюда 35-ти-лѣтнимъ юношею. Я не говорю: жить—другое дѣло! Но погостить! Ей, было бы хорошо.

Предназначенному вами журналу—мой искреннѣйшій привѣтъ! Помогите вамъ Богъ! Радуюсь его появленію, съвозъ слезъ отъ публикацій о предначинаемыхъ у насъ журналахъ: куда ѣдемъ? Въ вашемъ, и исключительно только въ вашемъ журналѣ, я готовъ участвовать, хоть, увѣренъ, безъ особенной пользы, такъ какъ... ну, мало-ли причинъ?.. Я далъ себѣ слово ничего не печатать въ Петербургѣ, и не буду, пока будетъ тамъ сумбуръ,

. Покойникъ
 Гр. ругалъ меня на чемъ свѣтъ стоять. Но хоть бы онъ и проклятію меня предалъ (простилъ бы ему Богъ!), я ему не послалъ бы ни чего. — Ваше предпріятіе—другое дѣло. Я увѣренъ, что тутъ будетъ толкъ.

Буду ждать указаній. Я лѣнивъ сталъ, очень лѣнивъ; даже въ министерство пишу мало. Но—добрый примѣръ заразителенъ... Въ письмѣ третьяго дня другое было написано. Простыня за то!

Боюсь, какъ бы опять не вышло «простыни». Къ бѣдѣ и печка топится; того и смотри, что придется приниматься за третье письмо.

Антонія вашего съ радостью приму, особенно, если у него есть голосъ и хоть мало-мальски сноровка пѣть. Въ пѣвчихъ очень нуждаюсь. Что до его разочарованія, то оно меня удивляетъ. Если бы знали православные, чего мнѣ стоила здѣсь эта всечестная гора!.. Только шапокъ жаль. О семь, при свиданіи, много побесѣдуемъ.

Объ увольненіи пр. Идіодора я слышала, и читала. Пора! Слышала и о назначеніи туда С., ректора М. Ак.; должно быть, созрѣлъ. Что же до претензій о. Л. удивляюсь только. Правда, что при нынѣшнихъ порядкахъ все возможно. Онъ-же, кстати, въ Питерѣ по уши.

. О, времена! О, правы! Какъ припомнишь старину, диву даешься!

Что мы здѣсь еще живы, объ этомъ распространяться нѣтъ нужды: письмо—доказательство. Что мы здѣсь не безъ дѣла, въ этомъ могу свидѣтельствоваться всѣми раззоренными на Ливанѣ церквами, снабжаемыми теперь утварью и одеждами: просто, портной сталъ; то шилъ рубашки, теперь—ризню; спасибо добрымъ людямъ, что даютъ средства. Что будетъ дальше, вѣдаетъ только Господь. Уюваемъ, что, не смотря на глупости человѣческія разныхъ племенъ и народовъ, все-таки старыхъ исторій не будетъ. Обаче, если и будутъ: Божья воля! Въ такомъ случаѣ просимъ помолиться объ упокоеніи душъ нашихъ. Епископъ Мелитопольскій Кириллъ.

Сообщ. Е. Н. Вулгазова.

Графы Бобринскіе.

РОДОСЛОВІЕ.

На происхожденіе фамиліи графовъ Бобринскихъ указываютъ «Русская Старина» 1873 г., ноябрь, стр. 738—739, «Русскій Архивъ» 1876 г., книга 3, стр. 1—58, и 1877 г., книга 3, стр. 116—165, и «Записки А. Т. Болотова» 1778—1779 г., изд. «Русской Старины», изд. 1873 г., т. IV.

Кольно I.

1. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринской, род. въ С.-Петербургѣ, 11 апрѣля 1762 г., жилъ за границей, откуда вернулся въ Россію для поступленія въ сухопутный кадетскій корпусъ, въ которомъ и пребылъ съ 1774 до 1782 г., поручикъ гвардіи или капитанъ арміи съ 24-го марта 1782 г., путешествовалъ по Россіи съ 1782 по 1783 г. и по Европѣ съ 1783 по 1787 г., секундъ ротмистръ 1 января 1785 г., ротмистръ конной гвардіи 1 января 1788 г., жилъ въ Ревелѣ съ 1788 до 11 ноября 1796 г. Уволенъ отъ службы съ чиномъ бригадира 18 іюня 1790 г., возведенъ съ потомствомъ въ графское достоинство 12 ноября 1796 г., шефъ 4 конно-гвардейскаго эскадрона 18 ноября того же года, генераль-майоръ 5 апрѣля 1797 г., зачисленъ по арміи съ пошениемъ общаго кавалерійскаго мундира 17 сентября 1797 г., управлялъ С.-Петербургскимъ воспитательнымъ домомъ, въ званіи почетнаго опекуна и съ чиномъ генераль-майора съ 24 декабря 1797 г. по 25-е сентября 1798 г., скончался въ своемъ имѣніи — городѣ Богородицкѣ, Тульской губерніи, 20 іюня 1813 г. и похороненъ въ селѣ Бобрिकाхъ, той же губерніи.

Ж. (Съ 16 января 1796 г.) баронесса Анна Владиміровна Унгернъ-Штернбергъ, род. 9 января 1769 г., † въ С.-Петербургѣ, 28 марта 1846 г., похоронена въ Бобрикахъ.

КОЛѢНО II.

2. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, род. 9 октября 1796 г., † 20 іюля 1797 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ С.-Петербурѣ. (О немъ см. «Русская Старина» 1873 г., ноябрь, стр. 739).

Графиня Марія Алексѣевна, род. 30 января 1798 г., † 30 іюля 1835 г., похоронена тамъ же. Она была за гофмейстеромъ княземъ Николаемъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ, род. 19 іюля 1786 г., † 25 іюля 1842 г. и похороненъ тамъ-же, въ Александро-Невской лаврѣ. (Рос. Род. кн. князя Долгорукова ч. I, стр. 244, № 179 и «Петербургскій Некрополь», стр. 31).

3. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, род. 6 января 1800 г. Въ службѣ въ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части съ 10 іюля 1817 г., въ л.-гв. гусарскомъ полку съ 15-го октября того же года, въ кавалергардскомъ полку, съ 17 апрѣля 1824 г., уволенъ изъ военной службы штабсъ-ротмистромъ, и переименованный въ коллежскіе ассесоры, пожалованъ въ камеръ-юнкеры съ причисленіемъ къ Департаменту Удѣловъ 21 января по 31 октября 1827 г., служилъ по министерству финансовъ съ 17 ноября 1833 г., членъ мануфактуръ совѣта съ 29 марта 1835 г., надворный совѣтникъ 7 апрѣля 1836 г., статскій совѣтникъ 17 октября 1841 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ 25 апрѣля 1845 года; камергеръ 21 апрѣля 1834 г., въ должности перемоніймейстера 5 декабря 1834 г., шталмейстера—1 іюля 1846 г., шталмейстеръ Высочайшаго двора 9 апрѣля 1854 г.; состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ и учреждений; имѣлъ ордена: св. Станислава 1 ст. (30 іюня 1846 г.), св. Анны 1 ст. (6 декабря 1848 г.), св. Владимира 2 ст. (17 апрѣля 1863 г.) и Вѣлаго орла (31 октября 1865 г.). Умеръ въ своемъ имѣніи: мѣстечкѣ Смѣла, Киевской губерніи, 4 октября 1868 г. и похороненъ въ С.-Петербурѣ, въ Невскомъ монастырѣ. Въ Кіевѣ поставлена его статуя съ надписью: «Полезной дѣятельности гр. А. А. Бобринскаго». («Русскій Архивъ» 1876 г. кн. 3, стр. 8 и «Петербургскій Некрополь» стр. 19).

Ж. (Съ 27 апрѣля 1821 г.) графиня Софія Александровна Самойлова, фрейлина Высочайшаго двора, род. 4 октября 1799 г., † въ Парижѣ, 11 ноября 1866 г.; похоронена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. (Родословная книга, составл. кн. А. В. Лобановымъ-Ростовскимъ, изд. «Русской Старины» 1873 г., ч. I, стр. 84).

4. Графъ Павелъ Алексѣевичъ, род. 27 ноября 1801 г., служилъ въ л.-гв. гусарскомъ и Елисаветградскомъ гусарскомъ полкахъ по 23 октября 1827 г. и уволился съ чиномъ штабсъ-ротмистра, † во Флоренціи, 7 января 1830 г., похороненъ въ Бобринкаѣ.

Ж. (Съ 10 апрѣля 1822 г.) Юлія Станиславовна Собакина, урожденная графиня Юноша-Бѣлинская, род. 5 февраля 1804 г. (Род. кн. изд. «Русск. Стар.» ч. I, стр. 299 и Рос. Род. кн. ч. II, стр. 174).

5. Графъ Василій Алексѣевичъ, род. 13 января 1804 г., служилъ сперва въ л.-гв. гусарскомъ полку, а потомъ былъ тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, † въ Москвѣ, 2 сентября 1874 г. и похороненъ въ Бобрिकाхъ.

Ж. 1-я (съ 6 іюля 1824 г.) княжна Лидія Алексѣевна Горчакова, род. 10 іюня 1807 г., † за границей, 22 мая 1826 г. и погребена въ Бобрикахъ. (Рос. Род. кн. князя Долгорукова, ч. I, стр. 63).

Ж. 2-я (съ 18 апрѣля 1830 г.) Софія Прокофьевна Соковнина, род. 12 мая 1812 г., † въ Москвѣ, 9 февраля 1868 г. и похоронена въ Андроніевскомъ монастырѣ.

Ж. 3-я (съ 21 февраля 1869 г.) Александра Петровна Ушакова, род. 19 мая 1821 г., † въ С.-Петербургѣ, 4 февраля 1880 г. и похоронена въ Бобрикахъ.

Дѣти были только отъ втораго брака

Колѣно III.

6. Графъ Александръ Алексѣевичъ, род. 17 мая 1823 года, въ службѣ въ С.-Петербургскомъ губернскомъ вѣдомствѣ съ 2 іюля 1846 года, чиновникъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 16 ноября 1850 г., вице-директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ съ 3 марта 1853 г., на службѣ въ государственномъ ополченіи съ 1 апрѣля 1855 г., причисленъ къ канцеляріи С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора съ 3 іюня 1856 г., С.-Петербургскій губернаторъ съ 1 января 1861 года по 13 марта 1864 г., С.-Петербургскій губернский предводитель дворянства 21 марта 1869—1872 г.; коллежскій ассесоръ 29 сентября 1852 года, надворный совѣтникъ 9 апрѣля 1853 г., коллежскій совѣтникъ 3 іюня 1856 г., статскій совѣтникъ 19 октября 1858 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ 1 января 1861 г.; состоялъ при Высочайшемъ дворѣ въ званіяхъ: камеръ-юнкера 3 апрѣля 1850 г., церемоніймейстера 19 октября 1858 г., камергера 12 января 1861 г., и шталмейстера 13 марта 1864 г.; имѣеть ордена: св. Станислава 1 ст. (30 августа 1863 г.), св. Анны 1 ст. (1 января 1870 г.) и Вѣлаго орла (5 апрѣля 1887 г.).

Ж. (съ 30 апрѣля 1850 г.) графиня Софія Андреевна Шувалова, род. 17 іюля 1829 года, фрейлиня Высочайшаго двора. (Родослов. кн. князя Долгорукова, ч. II, стр. 150).

7. Графъ Владиміръ Алексѣевичъ, род. 2 октября 1824 года,

на службу въ С.-Петербургскомъ губернскомъ вѣдомствѣ съ 23 мая 1846 г., Черкасскій уѣздный предводитель дворянства 18 мая 1853 г., въ военной службѣ съ 24 апрѣля 1854 г., гдѣ послѣдовательно получилъ всѣ чины отъ корнета, участвуя въ Турецкой и Севастопольской кампаніяхъ; Ковенскій военный губернаторъ съ 17 апрѣля по 21 іюля 1863 г., товарищъ министра путей сообщенія съ 4 іюня 1868 г., министръ путей сообщенія съ 20 апрѣля 1869 г. по 2 сентября 1870 г.; полковникъ 30 августа 1861 г., генераль-маіоръ—4 мая 1863 г., послѣ генераль-лейтенантъ въ отставкѣ; состоялъ въ званіи: камеръ-юнкера съ 23 апрѣля 1850 года и флигель-адъютанта съ 24 апрѣля 1855 года; имѣеть ордена: св. Станислава 1 ст. (1 января 1870 г.) и св. Анны перв. степени (съ 1886 г.), холостъ.

8. Графъ Левъ Алексѣевичъ, род. 8 ноября 1831 г., служилъ въ военной службѣ, участвуя въ походѣ противъ турокъ и при оборонѣ Севастополя, съ 1854—1855 г., адъютантъ главнаго начальника военныхъ поселеній Новороссійскаго края съ 1856—1860 г., нынѣ штабсъ-ротмистръ въ отставкѣ; имѣеть знакъ отличія Военнаго Ордена (1855).

Ж. (со 2 сентября 1860 г.) Александра Алексѣевна Золотарева, род. 11 августа 1831 г., въ 1-мъ бракѣ находилась за Мих. Агеевич. Абазой (Род. сборн. русск. дворянск. фамилій, т. I. стр. 7, № 93).

Графиня Юлія Павловна, род. 4 февраля 1823 г., была фрейлиной Высочайшаго двора. Въ 1-мъ бракѣ (съ 17 сентября 1851 г.) за флигель-адъютантомъ графомъ Владиславомъ Ивановичемъ Езерскимъ, † 1856 г.; во 2-мъ—съ 2 мая 1859 г.— за прусскимъ подданнымъ графомъ Цезаремъ Броель Платеромъ; въ 3-мъ—съ 4 августа 1871 г.— за французомъ Виконтомъ де-Жюльенъ барономъ де-Виньоль.

Графиня Ольга Павловна, род. 10 апрѣля 1825 г., † 26 января 1888 г., за шведскимъ графомъ Эдмундомъ Энгестромъ, † 187...

9. Графъ Алексѣй Павловичъ, род. 19 марта 1826 г., служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ съ 4 іюля 1844 г., богородицкій уѣздный предводитель дворянства съ 16 декабря 1846 г. по 13 апрѣля 1855 г., на военной службѣ съ 13 апрѣля 1855 г., капитанъ съ 26 августа 1856 г., подполковникъ съ 30 августа 1857 г., флигель-адъютантъ съ 19 февраля 1858 года, полковникъ 30 августа 1861 г., свиты Его Величества генераль-маіоръ съ 30 августа 1868 г., товарищъ министра путей сообщенія 20 мая 1871 г., министръ путей сообщенія съ 2 сентября 1871 г. по 10 іюля 1874 года, генераль-лейтенантъ съ 16 апрѣля 1872 г., въ отставкѣ съ 28 февраля 1880 года, имѣеть орденъ св. Анны 1 ст. (съ 30 августа 1873 г.).

Ж. (съ 15 января 1861 г.) Александра Алексѣевна Писарева, род. 14 апрѣля 1843 г.

Графиня Лидія Павловна, род. 17 декабря 1827 г. (съ 23 сентября 1848 г.) за итальянскимъ маркизомъ Робертомъ Гораціевичемъ Пуччи, род. 17 октября 1822 г.

10. Графъ Павелъ Павловичъ, род. въ 1829 г., служилъ по департаменту министерства юстиціи, † въ Интерлакенѣ, въ Швейцаріи, 31 мая 1860 г. и похороненъ въ Парижѣ, на Монмартрѣ.

Ж. Людмила Степановна Колпашникова, род. 29 января 1836 г.; во 2-мъ бракѣ за сенаторомъ генераломъ отъ кавалеріи графомъ Генрихомъ Кипріяновичемъ Крейцемъ.

11. Графъ Алексѣй Васильевичъ, род. 1 сентября 1831 г., на службѣ въ государственной канцеляріи съ 1854 г., въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ съ 1856 г., по московскому главному архиву съ 1861 г., московскій губернскій предводитель дворянства съ 1875 г.; въ должностяхъ: камеръ-юнкера — съ 1859 года, церемоніеистра — съ 1873 г., егермейстера — въ 1875 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ съ 1875 г., егермейстеръ Высочайшаго двора и членъ государственнаго совѣта съ 1883 г., † въ Москвѣ, 24 ноября 1888 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ; имѣлъ орденъ св. Станислава 1 степени.

Ж. 1-я (съ 25 апрѣля 1855 г.) княжна Екатерина Александровна Львова, род. 25 ноября 1834 г., † 25 декабря 1855 г., въ Венеціи и похоронена въ Донскомъ монастырѣ (Рос. Род. кн. князя Долгорукова, ч. 1, стр. 189).

Ж. 2-я (съ 11 февраля 1859 г.) Софія Алексѣевна Шереметева, род. 23 іюля 1842 г., † 15 марта 1871 г. и похоронена въ Донскомъ монастырѣ.

Графиня Софія Васильевна, род. 12 октября 1837 г., (съ 15 августа 1860 г.) за графомъ Викторомъ Федоровичемъ Келлеръ.

КОЛѢНО IV.

12. Графъ Алексѣй Александровичъ, род. 19 мая 1852 г., служилъ по канцеляріи комитета министровъ съ 9 октября 1873 г., предводитель дворянства с.-петербургскаго уѣзда (1876), с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства съ 1877 г. по 1890 г., дѣйствительный статскій совѣтникъ съ 15 мая 1883 г., въ званіи камергера съ 17 апрѣля того же года; вице-президентъ императорской академіи художествъ съ 10 декабря 1889 г.; имѣетъ орденъ св. Станислава 1 степени (1888).

Ж. (съ 11 февраля 1883 г.) Надежда Александровна Половцова, род. 15 мая 1865 г.

13. Графъ Владиміръ Александровичъ, род. 28 октября 1853 г.,

служилъ въ военной службѣ съ 1875 г. и участвовалъ въ послѣдней Турецкой кампаніи; раненый въ дѣлѣ при Орханіе. въ Балканахъ, 16 ноября, умеръ отъ раны, въ чинѣ поручика, въ Боготѣ, въ Болгаріи—30 ноября 1877 г. и похороненъ въ Вартемянахъ (с.-петербургскаго уѣзда).

14. Графъ Александръ Александровичъ, родился 25 апрѣля 1855 г., на военной службѣ съ 23 августа 1877 г., участвовалъ въ послѣдней Турецкой кампаніи, корнетъ съ 25 февраля 1878 г., поручикъ съ 20 апрѣля 1880 г., зачисленъ въ запасъ кавалеріи 12 декабря 1882 г., камеръ-юнкеръ съ 1884 года; имѣетъ знакъ отличія Военнаго Ордена за Телишъ (1877).

15. Графъ Андрей Александровичъ, род. 30 апрѣля 1859 г., въ военной службѣ съ 1881 г., предводитель дворянства Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи съ 1882—1887 г., по министерству народнаго просвѣщенія съ 1887 г., камеръ-юнкеръ съ 1885 г.; по канцеларіи государственнаго совѣта 1888 г.

Ж. (съ 16 сентября 1881 г.) графиня Елена Петровна Шувалова, род. 11 августа 1864 г., фрейлина Высочайшаго двора.

16. Графъ Георгій Александровичъ, род. 11 июля 1863 г., въ военной службѣ съ 1882 г., корнетъ въ 1883 г., адъютантъ военнаго министра въ 1886 г., поручикъ съ 1887 г., штабъ-ротмистръ 1888 г.

Ж. (съ 7 января 1885 г.) княжна Ольга Ивановна Трубецкая, род. 5 февраля 1863 г.

17. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, род. 27 октября 1861 г., † 20 февраля 1862 г., похороненъ въ Бобринкахъ.

18. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, род. 6 мая 1864 г.

Графиня Софія Алексѣевна, род. 14 января 1866 г.

Графиня Юлія Алексѣевна, род. 31 января 1867 г.

19. Графъ Владиміръ Алексѣевичъ, род. 28 декабря 1867 г., въ военной службѣ съ 1888 г.

20. Графъ Петръ Алексѣевичъ, род. 18 ноября 1869 г. } Близ-

21. Графъ Павелъ Алексѣевичъ, род. 18 ноября 1869 г. } нецы.

22. Графъ Левъ Алексѣевичъ, род. 24 октября 1878 года.

Графиня Людмила Павловна, род. 2 февраля 1856 г., фрейлина Высочайшаго двора (съ 31 октября 1876 г.) за Дмитріемъ Сергѣевичемъ Бутурлинымъ, род. 3 февраля 1850 года (Род. книга кн. Долгорукова, ч. II, стр. 163).

Графиня Елена Павловна, род. 17 апрѣля 1857 г., фрейлина Высочайшаго двора, (съ 11 ноября 1881 г.) за адъютантомъ короля Баварскаго графомъ Альфредомъ-Карломъ-Николаемъ-Александромъ Экбрехтъ-Дюркгеймъ-Монмартенъ.

23. Графъ Василій Алексѣевичъ, род. 26 марта 1860 г., † 29 сентября 1861 г. }
 24. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ, род. 9 декабря 1861 г., служилъ въ военной службѣ съ 1882 г., въ запасъ съ 1884 г. }
 25. Графъ Владиміръ Алексѣевичъ, род. 12 іюля 1863 года. } 11
 Графиня Екатерина Алексѣевна, род. 24 сентября 1864 г., фрейлина Высочайшаго двора, (съ 19 января 1886 г.) за княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Святополкъ-Ширскимъ, род. 18 августа 1857 г. }

КОЛѢНО V.

- Графиня Екатерина Алексѣевна, род. 23 ноября 1883 г. }
 Графиня Надежда Алексѣевна, род. 17 сентября 1884 г. } 12
 Графиня Домна Алексѣевна, род. 7 августа 1886 года. }
 Графиня Софія Алексѣевна, род. 25 декабря 1887 года. }
 Графиня Софія Андреевна, род. 24 мая 1862 г. }
 Графиня Елена Андреевна, род. 3 ноября 1884 года. } 15
 26. Графъ Александръ Андреевичъ, род. 21 іюля 1887 года. }
 27. Графъ Владиміръ Георгіевичъ, род. 29 марта 1886 года. } 16
 Графиня Ольга Георгіевна, род. 5 февраля 1888 года. }

Гербъ графовъ Бобринскихъ: щитъ раздѣленъ горизонтально на двѣ части; въ нижней части, въ серебряномъ полѣ, красная городская стѣна, по коей идетъ медвѣдь въ золотой коронѣ и съ золотымъ ошейникомъ (гербъ Ангальтскаго дома); верхняя часть раздѣлена перпендикулярно на двѣ половины; правая половина раздѣлена перпендикулярно на два поля: серебряное и голубое; въ ней одноглавый орелъ, голубой на полѣ серебряномъ и серебряный на голубомъ (тоже гербъ Ангальтскаго дома). Лѣвая половина раздѣлена горизонтально на два поля: верхнее—серебряное, нижнее—красное, и въ ней, отъ праваго нижняго угла къ лѣвому верхнему, идетъ боберъ, красный въ серебряномъ полѣ и серебряный въ красномъ. Посреди герба малый золотой щитокъ съ русскимъ двуглавымъ орломъ. На гербѣ графская корона; на ней шлемъ съ графскою короною и надъ сею послѣднюю русскую двуглавыи орелъ. Наметь, справа золотой, слѣва черныи, подложенъ голубымъ. Девизъ: Богу слава, жизньъ тебѣ.

Г. И. Студенинъ.

Въ Альбомъ.

Измученный въ жизни тревоги и золь,
Опять, моя радость, я душу отвелъ
Съ тобою:

И на сердцѣ вновь и свѣтло, и тепло,
Какъ будто-бы жаркое солнце взошло
Весною.

Оно растопило и льды, и снѣга,
И пышно опять запестрѣли луга
Цвѣтами;

И снѣга блещутъ опять небеса,
Крылатыми вновь огласились лѣса
Пѣвцами.

— Спасибо, о солнце! Спасибо твоимъ
Лучамъ вѣтозарнымъ, лучамъ золотымъ
И зною.

Тебѣ-жь, моя радость, сказать я пришелъ
Спасибо за то, что я душу отвелъ
Съ тобою!

К. Р.

Павловскъ.
10 августа 1887.

[Изъ книги «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ БОТКИНЪ

† 12-го декабря 1889 г.

[Читано 22-го декабря 1889 г. въ засѣданіи врачебнаго совѣщанія врачей Маріанской больницы для бѣдныхъ].

Этотъ живой и сердечно написанный уважаемымъ докторомъ Е. А. Головинымъ очеркъ — мы, съ согласія автора, одного изъ выдающихся учениковъ и послѣдователей славнаго Боткина, перепечатаваемъ изъ „Больничной Газеты“ имени „Боткина“ (мартъ, 1890 г.) на страницы „Русской Старины“.

Мы съ безпредѣльнымъ уваженіемъ чтимъ память С. П. Боткина въ ряду знаменитѣйшихъ дѣятелей новой, освобожденной отъ крѣпостныхъ путъ, Россіи и всегда будемъ видѣть его имя въ числѣ тѣхъ именъ, которыя составляютъ гордость и славу дорогаго нашего Отечества.

Ред.

12-го декабря умеръ СергѢй Петровичъ Боткинъ, съ именемъ котораго неразрывно связана исторія развитія русскаго врачебнаго дѣла за послѣднія 28 лѣтъ. Чтобы вполне оцѣнить значеніе покойнаго, необходимо припомнить, въ какомъ положеніи находились у насъ русскіе врачи и русская медицина лѣтъ 30-тъ тому назадъ, т. е. во время начала его дѣятельности.

Двѣ выдающіяся личности, Пироговъ и Иноземцевъ, тогда уже сошли съ общественной арены. Медицинскія кафедръ во всѣхъ русскихъ университетахъ были заняты людьми, лучшіе изъ которыхъ не выдавались изъ уровня посредственности. Уче-

нымъ считали уже того, кому удавалось перевести съ иностраннаго на русскій языкъ или скомпелировать, съ грѣхомъ пополамъ, какое-нибудь руководство. О профессорахъ, просматривавшихъ Schmidt's Jahrbücher, говорили, что они слѣдятъ за наукою. Большинство же повторяло изъ года въ годъ одиѣ и тѣ же, разъ навсегда заученныя, лекціи, сообщая подъ-часъ свѣдѣнія, носившія средне-вѣковой отпечатокъ.

Еще живы люди, слышавшіе, что печень есть „многажды свернутый кишечный каналъ“, что все разнообразіе хирургическихъ приѣмовъ сводится въ тремъ основнымъ правиламъ: „мягкія части рѣжь, твердыя пили, гдѣ течетъ—тамъ перевязывай“. Изъ клиницистовъ одни проповѣдовали о молокѣ, всасывающемся въ кровь въ послѣродовомъ періодѣ; другіе, съ невѣроятною для насъ развязностью, рисовались передъ своими слушателями способностью открывать въ больномъ организмѣ такія измѣненія, какихъ усмотрѣть не представляется никакой возможности, или щеголяли діагностиками на разстояніи.

Научной медицины, такимъ образомъ, не было. Практическая медицина находилась въ то время, какъ всегда и вездѣ, въ рукахъ больничныхъ врачей. Въ больницахъ же, особенно петербургскихъ, инородный врачебный персоналъ преобладалъ настолько, что скорбные листки велись на нѣмецкомъ языкѣ, и бывали случаи, когда врачи затруднялись объясняться по-русски со своими пациентами. Но ихъ дисциплина, сплоченность, стояніе другъ за друга въ нуждѣ и ревнивое охраненіе круга своей дѣятельности отъ вторженія чуждыхъ, по направленію, элементовъ повели къ тому, что во всемъ обществѣ невольно сложилось убѣжденіе, будто хорошо можетъ лѣчить только врачъ не русскаго происхожденія. Русскіе тѣмъ временемъ разговывались по разнымъ захолустьямъ — кто въ батальонѣ, кто въ уѣздѣ, а уцѣлѣвшіе въ столицахъ прозябали, занимая самое низменное положеніе въ средѣ медицинскаго сословія. Не только наше высшее общество, но, по примѣру его, купцы и даже зажиточные ремесленники лѣчились у врачей нѣмцевъ или евреевъ, предоставляя русскимъ дѣлать, въ опредѣленные сроки, медико-полицейскіе осмотры своихъ рабочихъ.

Гдѣ за-границей было-бы возможно подобное положеніе дѣла?

Во второй половинѣ 1850-хъ годовъ управленіе Медико-хи-

ругическою академію попало, по счастью, въ руки человѣка весьма просвѣщеннаго, энергичнаго и желавшаго добра, П. А. Дубовицкаго, нашедшаго себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ Н. Н. Зинина, въ высшей степени даровитаго и многосторонне-образованнаго профессора химіи и вице-президента академіи И. Т. Глѣбова, который ранѣе былъ выдающимся профессоромъ физиологіи въ Московскомъ университетѣ и, какъ человѣкъ, горячо преданный научнымъ интересамъ, ясно сознавалъ плачевное положеніе академіи.

Эти лица пригласили на кафедру физиологіи и гистологіи Н. М. Якубовича, работы котораго надъ строеніемъ спиннаго мозга обратили на себя вниманіе выдающихся ученыхъ Европы.

По указанію этого почтеннаго профессора были приглашены въ академію И. М. Сѣченовъ и С. П. Боткинъ, въ то время люди хотя и молодые (С. П. было тогда лѣтъ 28), но получившіе уже нѣкоторую извѣстность своими учеными работами въ средѣ профессоровъ Германіи и Франціи.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Сергѣй Петровичъ былъ назначенъ адъюнктомъ къ завѣдывавшему академическою клинкою внутреннихъ болѣзней проф. Шипулинскому.

Около двухъ лѣтъ Сергѣй Петровичъ совсѣмъ не занимался частной практикой, всецѣло отдаваясь клиникѣ и изученію представлявшагося матеріала, причѣмъ прилагалъ къ дѣлу тѣ методы, съ которыми основательно познакомился во время многолѣтняго своего пребыванія за-границей. У него впервые стали практически примѣняться химическія изслѣдованія и микроскопъ у постели больного въ клиникахъ академіи; опредѣленіе температуры тѣла термометромъ сдѣлалось насущною потребностью; перкуссия, аускультация, осмотръ больного, словомъ всѣ способы изслѣдованія вырабатывались до тонкости; данныя собирались съ безпристрастіемъ судебного слѣдователя, а сопоставленіе ихъ и строго логическіе выводы давали слушателямъ стройную картину болѣзненнаго процесса.

Естественно, что увлеченіе дѣломъ, новизна пріемовъ и мыслей возбудили вниманіе студентовъ. Около него сгруппировалась молодежь, которая, по мѣрѣ болѣе близкаго знакомства, все сильнѣе увлекалась не только знаніями Боткина, но и его выдающимся умомъ и симпатичными сторонами характера.

Въ то время истекалъ срокъ службы проф. Шипулинскаго; на его мѣсто прискивали другаго. Можетъ быть, искреннее убѣжденіе, что изъ русскаго врача никогда не выработается что-либо путное, а можетъ быть—желаніе сохранить въ медицинскомъ мірѣ первенствующее значеніе за людьми не русскаго происхожденія, побудило большинство членовъ конференціи академіи предложить кандидатомъ проф. Феликса Нимейера, который былъ не прочь пріѣхать въ Петербургъ и давалъ, сколько помнится, обѣщаніе выучиться русскому языку.

Эта затѣя возбудила, однако, справедливое негодованіе среди студентовъ высшихъ курсовъ. Заявленіе ихъ о плодотворной дѣятельности Сергѣя Петровича съ одной стороны, а съ другой—желаніе Дубовицкаго, Зинина и Якубовича предоставить возможность развернуться и нашимъ роднымъ силамъ, привели, послѣ бурныхъ сценъ, какъ въ конференціи, такъ и въ аудиторіяхъ, къ назначенію С. П. Боткяна профессоромъ академической клиники по внутреннимъ болѣзнямъ.

И вотъ на петербургскомъ горизонтѣ появляется хорошо подготовленный, развитой человекъ; даровитая, могучая молодая сила, не боявшаяся, а искавшая труда; пытливый логическій умъ, не мирившійся съ одряхлѣвшей рутинной и грозившій въ своемъ развитіи пошатнуть наличные авторитеты и авторитетники, причемъ могло пострадать не только ихъ самолюбіе, но и не заслуженное преимущество положенія. Само собою разумѣется, что появленіе такого человека было неудобно, непріятно, невыгодно для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находилось медицинское дѣло и у которыхъ молодой ученый не заискивалъ, полагаясь на свои собственные силы.

Понятно, что ему пришлось испытать участь всѣхъ выдающихся людей: видѣть проявленіе зависти, старанія найти слабую сторону и ошибки, наконецъ подпасть клеветѣ и навѣтамъ. Но не великъ тотъ, въ кого съ пѣною у рта не бросаетъ грязью та или другая клика!

На первыхъ порахъ старались названіемъ „шарлатанъ“ поколебать въ глазахъ слушателей научный авторитетъ молодого профессора, и очень обрадовались, когда Боткянъ поставилъ диагностику тромбоза воротной вены на одномъ больномъ въ клиникѣ. Больной этотъ прожилъ нѣсколько недѣль, тѣша зло-

радство недоброжелателей Боткина. Несмотря на то, что Сергій Петрович давалъ вполне разумное объясненіе этому обстоятельству, противники не желали признавать основательности его доводовъ, опасаясь разстаться съ надеждою, посредствомъ возможной для всякаго клинической ошибки, наглядно доказать якобы заносчивость молодого профессора. Наконецъ, больной умеръ. Анатомическій театр переполнился друзьями и врагами Сергія Петровича и просто любопытными. Въ область науки и знанія вторгалась страстность партійныхъ элементовъ; легко поэтому представить себѣ настроеніе этой толпы, когда проф. Ильинскій (тогдашній патолого-анатомъ) извлекъ воротную вену, дѣйствительно содержавшую тромбъ.

Читая описаніе этого случая, изумляешься умѣнью Боткина группировать факты, критически освѣщать ихъ и дѣлать логическіе выводы: все такъ просто, послѣдовательно, лишено всякихъ натяжекъ, что читателю кажется, будто и онъ, на мѣстѣ Боткина, безъ затрудненія пришелъ бы къ такому же заключенію.

Эта-то кажущаяся простота и общедоступность приѣмовъ мышленія, отличительный признакъ великихъ умовъ, была органически присуща Сергію Петровичу.

Такая жемчужина діагностики послужила бы украшеніемъ лучшаго изъ клиницистовъ гдѣ бы то ни было. У насъ же она получила, сверхъ того, еще общественное значеніе, благодаря вышеуказаннымъ обстоятельствамъ. Недоброжелатели Сергія Петровича въ конференціи академіи, не имѣвшие за собой научнаго авторитета, притихли съ этихъ поръ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, имя Боткина стало сразу популярнымъ и за стѣнами академіи. Посыпались приглашенія на консультаціи къ трудно больнымъ какъ со стороны врачей, ему сочувствовавшихъ, такъ и, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, со стороны врачей враждебнаго лагеря.

Популярность его росла, чему значительно способствовали особенности его характера и, если можно такъ выразиться, организаціи.

Въ интонаціи голоса, въ улыбкѣ, въ жестѣ сквозили врожденныя добродушіе и благожелательство, обаянію которыхъ невольно подчинялся всякій, вступавшій съ нимъ въ личныя

сношенія, и дѣйствительно, вся его жизнь запечатлѣна добрымъ и теплымъ отношеніемъ къ ближнему. Не было затруднительнаго положенія, заботы, несчастія, неудачи—къ какому бы роду эти невзгоды ни относились, съ которыми нельзя было бы пойти къ Сергѣю Петровичу и котораго онъ не принялъ бы къ сердцу. Совѣтъ, сочувствіе, а подчасъ и прямая помощь были гарантированы всякому, обращавшемуся къ нему. При этомъ онъ не разбиралъ національностей: по его ходатайству получилъ возможность ѣхать за-границу, на счетъ военнаго министерства, д-ръ Ціонъ, позднѣе профессоръ физиологіи; его энергическому заступничеству одинъ врачъ, нѣмецъ, испытавшій несправедливое гоненіе, обязанъ спасеніемъ своего добраго имени и общественнаго положенія. Можно было бы привести много другихъ подобныхъ примѣровъ, но достаточно и этихъ.

Медицина въ глазахъ Сергѣя Петровича являлась не ремесломъ, а однимъ изъ способовъ изученія человѣка съ конечною цѣлью облегчать его страданія и недуги. Въ кругъ своихъ обязанностей Боткинъ ставилъ не только опредѣленіе болѣзни и назначеніе соответствующаго лѣченія, но и врачующее нравственное вліяніе. Онъ вникалъ въ условія жизни обращающихся къ нему за совѣтомъ, стараясь, по возможности, согласовать свои указанія съ данными обстоятельствами. Успокоить и ободрить безнадежно больного, утѣшить окружающихъ—онъ умѣлъ, какъ никто другой. Но практика не мѣшала ему самымъ добросовѣстнымъ образомъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ—работою въ клиникѣ.

Понятно, что такой человѣкъ сдѣлался идеаломъ врача въ глазахъ своихъ слушателей и публики.

Вскорѣ около него образовался кружокъ учениковъ, тогда какъ и впоследствии, все русскихъ. Это послѣднее обстоятельство можетъ, пожалуй, вызвать предположеніе, что Сергѣй Петровичъ былъ не безпристрастенъ по отношенію къ національностямъ на почвѣ науки, но никто не укажетъ, чтобы Боткинъ когда-либо отказалъ въ приѣмѣ къ занятіямъ у себя кому бы то ни было изъ инородцевъ, такъ что отсутствіе ихъ можно искать только въ сплоченности и дисциплинѣ партіи петербургскихъ врачей практиковъ и администраторовъ, состоявшей, хотя отчасти, изъ лицъ и русскаго происхожденія, но руководимой начальниками, насажденными у насъ въ былое время, главнымъ образомъ, нѣмцами.

Легко возможно, что молодые врачи из нѣмцевъ не смѣли приблизиться къ нему изъ опасенія испортить себѣ карьеру. Они видѣли и знали, что вся сила и власть въ рукахъ ихъ компатриотовъ, которые не простили бы имъ отщепенства.

Такъ или иначе, но ординаторами въ клиникѣ и ближайшими учениками Боткина были исключительно русскіе.

Окруженный преданною молодежью, Сергѣй Петровичъ уже на первыхъ порахъ обнаружилъ изумительную и плодотворную дѣятельность, которую проявлялъ въ пропорціи, все возрастающей въ теченіе всей остальной жизни. Трудно понять, какъ у него хватало времени и силы физической и нравственной при выполненіи всѣхъ задачъ, принятыхъ имъ на себя отчасти добровольно, отчасти навязанныхъ обстоятельствами. Несмотря на огромную консультативную практику и чтеніе лекцій, онъ никогда не покидалъ медицинско-литературной дѣятельности. Едва влачившій существованіе „Медицинскій Вѣстникъ“ и никому ненужный „Военно-Медицинскій журналъ“ ожили, сдѣлались интересными, приобрѣли читателей благодаря, главнымъ образомъ, сотрудничеству Боткина и его учениковъ. Не считая мелкихъ статей, печатаніе лекцій продолжалось до послѣдняго времени.

Когда число работъ, сдѣланныхъ въ клиникѣ, стало разрастаться, Боткинъ началъ издавать ихъ отдѣльными сборниками подъ именемъ „Архива клиники“.

Позднѣе онъ основалъ „Еженедѣльную Клиническую Газету“.

При всемъ томъ онъ не переставалъ руководить занятіями молодыхъ врачей, черпая новыя силы въ непрестанномъ общеніи съ молодежью, и симъ пополнялъ свои знанія, поучая другихъ. Пытливое наблюденіе больныхъ непрерывно зарождало все новыя и новыя вопросы, требовавшіе разрѣшенія, и задавши тему, Сергѣй Петровичъ постоянно справлялся о ходѣ работы, интересуясь мельчайшими подробностями. А когда у молодого человека при работѣ, подъ вліяніемъ неудачъ или отъ наплыва побочныхъ вопросовъ, опускались руки, тогда онъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ, находилъ и указывалъ возможность получить нѣчто цѣнное при разработкѣ результатовъ уже добытыхъ, и молодой врачъ, послѣ бесѣды съ нимъ, уходилъ обновленный, съ новымъ запасомъ силъ и съ болѣею увѣренностью въ самомъ себѣ.

Умственная жизнь ключемъ была вокругъ Сергѣя Петровича. Слава его росла годъ отъ году, и въ лучахъ этой славы засвѣтились имена его учениковъ. Все чаще и чаще стали встрѣчаться на страницахъ иностранныхъ медицинскихъ изданій работы русскихъ врачей, сдѣланныя подъ руководствомъ Боткина.

Въ медицинской академіи и въ провинціальныхъ университетахъ кафедры замѣщались его учениками, которые насаждали начала, усвоенныя въ его клиникѣ.

Возникла русская медицинская школа.

Больные всѣхъ сословій и состояній искали случая пользоваться совѣтами учениковъ Боткина. Положеніе Сергѣя Петровича упрочилось настолько, что его уже не могли поколебать ехидныя сплетни въ 1866 году, когда, по прискорбному недоразумѣнію, былъ арестованъ одинъ изъ его молодыхъ ординаторовъ, будто бы замѣшанный въ дѣлѣ Каракозова.

Достоинства Боткина еще ярче выступали на фонѣ темныхъ интригъ, и въ началѣ 1872 года, совершенно неожиданно, ему поручены были заботы о здоровьѣ заболѣвшей серьезно Государыни Императрицы. Энергическими мѣрами Сергѣю Петровичу удалось возстановить угасавшія силы ея величества и на много лѣтъ продлить ея жизнь.

При Дворѣ, какъ и вездѣ, онъ скоро приобрѣлъ довѣріе и любовь, и изъ профессора, доктора Боткина, превратился въ Сергѣя Петровича, получившаго свободный доступъ въ царской семьѣ и пользовавшагося ея благосклоннымъ расположеніемъ.

Самъ Сергѣй Петровичъ почестей и высокаго положенія не домогался. И то, и другое явилось какъ послѣдствіе добросовѣстной, неустанной, плодотворной дѣятельности. Но воплія завистливыхъ и ненавистливыхъ недоброжелателей, пытавшихся даже въ концѣ 1870-хъ годовъ сдѣлать клеветническій навітъ на Сергѣя Петровича, какъ на главу анархистовъ. Эта инсинуація то же не произвела ожидавшагося впечатлѣнія. Кругъ дѣятельности Боткина продолжалъ расширяться. Занятія въ клиникѣ, наблюденіе за работами многочисленныхъ учениковъ, вечерніе приемы на дому и неотложныя консультаціи, отъ которыхъ онъ, нерѣдко даже больной, не могъ уклониться въ силу своего общественнаго и служебнаго положенія, медицинская литература какъ отдыхъ—

все это должно было бы, казалось, совершенно поглощать его время. Но нѣтъ, запросы жизни требовали еще болѣеи затраты силъ.

Со времени перехода больницъ приказа общественнаго призрѣнія въ вѣдѣніе города, Сергѣй Петровичъ, какъ гласный думы, не могъ отказаться отъ руководящей роли въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ въ Петербургѣ. Онъ отдался этому дѣлу со всею страстностью своей природы, стараясь всѣми силами улучшить и поднять эту пришедшую въ значительный упадокъ отрасль общественной жизни столицы. При массѣ вновь возникшихъ вопросовъ и задачъ Сергѣю Петровичу были нужны помощники и сотрудники, воспитанные въ его духѣ, врачи научно образованные, вполне посвятившіе себя избранному призванію, на которыхъ онъ могъ бы опереться съ безусловнымъ довѣріемъ. Мыслимо ли было найти такихъ помощниковъ въ средѣ лицъ, выросшихъ при старыхъ порядкахъ, сжившихся съ ними и утратившихъ способность критически относиться къ нимъ, видѣть недостатки дѣла и его отсталость?

Боткину пришлось выдвинуть своихъ учениковъ. Другаго исхода не было. Такимъ образомъ открылся для врачей русскаго происхожденія доступъ въ петербургскія больницы, дотолѣ или вполне закрытый, или затрудненный до крайности. У врачей его школы явилась возможность развиваться практически въ больницахъ—обстоятельство первостепенной важности для медицинскаго дѣла всей Россіи, такъ какъ до этого времени для нихъ была открыта только одна Медицинская Академія; но ея гостепріимнымъ кровомъ могли пользоваться весьма немногіе, огромное же большинство увядало въ захолустьяхъ, отправляясь туда прямо со школьной скамьи.

И вотъ, благодаря Боткину, русскій врачъ поставленъ на самостоятельную ногу; его дальнѣйшее развитіе обезпечено; онъ вышелъ изъ положенія парія, въ которомъ находился лѣтъ 30 тому назадъ; научная медицина пустила прочные корни.

Русская медицинская школа заняла почетное мѣсто въ ряду западныхъ сестеръ.

Но не дешево обошелся Сергѣю Петровичу этотъ успѣхъ: утомленіе отъ неустанной работы, глубокія нравственныя волненія, накопляясь изъ года въ годъ, надломили его могучій организмъ.

Постоянное умственное и нравственное напряженіе, недоспанные ночи, рѣдкій и неполный отдыхъ, даже во время болѣзней—все это отразилось на сердцѣ—органѣ, наиболѣе доступномъ пагубному вліянію подобныхъ причинъ.

Сергѣй Петровичъ умеръ. Но призванная имъ къ жизни русская научная и практическая медицина осталась.

Пусть-же не умретъ духъ, оживлявшій и руководившій дѣятельностью Сергѣя Петровича Боткина. Пусть его ученики и послѣдователи достойно продолжать его дѣло!

Е. А. Головинъ.

Поправки къ статьѣ М. А. Бѣлуха-Кохановскаго.

Въ напечатаннаго въ мартовской книгѣ «Русской Старины» изд. 1890 г. «Воспоминанія царскосельскаго лицеиста IV выпуска, 1820—1826 гг.», вкрались, вслѣдствіе ошибокъ переписчика рукописи, съ каковыми ошибками та рукопись и была доставлена въ редакцію, слѣдующіе погрѣшности:

	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стран. 839, 840 и 842	Гольдгофъ	Гольдгоеръ.
» 841	Тимо	Тихло.
834	Вранченко	Врангель.
847	прожковъ	персяковъ
849	Н. А. Бѣлуха- Кохановскій. 1889 г 9-го октября.	М. А. Бѣлуха- Кохановскій. 1889 г. 19-го октября.

ДВОРЯНСКІЙ ПОЛКЪ.

83-я годовщина его учрежденія.

1807 ^{марта}_{14-го} 1890 ¹).

Ежегодный обѣдъ—14-го марта 1890 г.—въ память учрежденія Дворянскаго полка и преемственныхъ ему учрежденій Константиновскаго кадетскаго корпуса и втораго Константиновскаго военнаго училища привлечь большое собраніе бывшихъ своихъ воспитанниковъ. Тутъ были представители длиннаго ряда выпусковъ, начиная съ 1880 и восходя до 1838 года, т. е. за цѣлое полустолѣтіе ²). Фельдфебелемъ Дворянскаго регимента былъ единодушно провозглашенъ генераль-лейтенантъ Г. П. Власовъ (выпуска 1842 г.).

Одушевленную, отъ сердца сказанную, рѣчь свою Георгій Петровичъ предпослалъ тостамъ за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всей Августѣйшей Фамиліи. Тостъ былъ подхваченъ восторженными кликами «ура», долго не смолкавшими и перешедшими въ гимнъ «Боже, Царя храни!»

¹) О годовщинахъ учрежденія Дворянскаго полка и вообще объ этомъ учебномъ заведеніи, даровавшемъ Россіи, вмѣстѣ съ преемственными ему учрежденіями Константиновскимъ кадетскимъ корпусомъ и военнымъ училищемъ, многія тысячи не только вояновъ-офицеровъ (до 20 т.), но и дѣятелей въ различныхъ сферахъ государственной, общественной, ученой и литературной,—см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXIV, стр. 797; изд. 1887 г., т. LIII, стр. 791—802; т. LIV, стр. 712; изд. 1888 года, т. LVIII, апрѣль, стр. 273; изд. 1889 г., т. LXI, апрѣль, стр. 263—272.

²) А именно воспитанники слѣдующихъ выпусковъ:

1880 г.—поруч. Дандре. 1871 г.—подполковникъ М. А. Вихаревъ. 1869 г.—капитанъ Рудановскій. 1868 г.—полковн. Перепелицынъ. 1867 г.—полковн. И. П. Медвѣдевъ. 1861 г.—отставн. поруч. И. В. Керновскій; полковн. Демьяновичъ. 1860 г.—полковн. Борисовъ; генер-

По единодушному желанію всѣхъ присутствовавшихъ, была послана военному министру, для представленія Государю Императору, слѣдующая телеграмма съ выраженіемъ чувствъ вѣрнопоподданнической преданности:

«Бывшіе воспитанники Дворянскаго полка и преемственныхъ ему Константиновскихъ кадетскаго корпуса и военнаго училища, собравшись въ 83-ю годовщину дня основанія полка, почтительнѣйше просятъ ваше высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ Монарха выраженія чувствъ безпредѣльной вѣрнопоподданнической преданности и всегдашней готовности положить живнъ за обожаемаго Государя и дорогое Отечество подобно тому, какъ сложили головы на ратномъ полѣ многія сотни ихъ товарищей. Отъ лица всѣхъ собравшихся, по ихъ уполномочію, бывшій воспитанникъ Дворянскаго полка, выпуска 1842 года, генераль-лейтенантъ Георгій Власовъ».

Ген.-лейт. Г. П. Власовъ, чрезъ посредство генераль-адъютанта Ванновскаго, былъ осчастливленъ слѣдующимъ отвѣтомъ:

«Телеграмма вашего превосходительства съ выраженіемъ чувствъ всеподданнѣйшей преданности бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка и Константиновскаго кадетскаго корпуса и военнаго училища, праздновавшихъ 14-го марта 83-ю годовщину основанія Дворянскаго полка, была повергнута мною на Высочайшее благовозрѣніе. Государю Императору благоугодно было на представленномъ при этомъ докладѣ собственноручно начертать: «Искренно благодарю».

«Генераль-адъютантъ Ванновскій»¹⁾.

генер.-маіоры: Костенко, А. А. Тилло, Р. В. Шпидбергъ и Шуляченко. 1859 г.—подполковн. Исуповъ; полковники: Л. К. Биронъ, Лукошковъ и Штевенъ; ген.-маіоръ Васютинскій. 1858 г.—статскій совѣт. Хоменко; генер.-маіоры: Г. И. Ермолаевъ и Р. Т. Мевесъ. 1857 г.—отст. штабсъ-капит. М. И. Надвѣиъ. 1856 г.—полковн. Хрвистичъ; генер.-маіоръ Мих. Баевъ; дѣйств. стат. сов. Пановъ. 1855 г.—полковники: Бетаки, Германъ, Худяковъ; генер.-маіоры: М. Г. Гольмдорфъ, Каверскій, Линевичъ, А. Ѳ. Маккавѣевъ; генераль-лейтенанты: Н. Н. Гавриловъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, Петровъ; айный совѣтникъ М. И. Семейскій. 1854 г.—генер.-маіоры: Головинъ, Шарскій и Онопріенко. 1853 г.—отставн. поручикъ Полторацкій; колл. сов. Н. Х. Фрезе. 1851 г.—полковникъ Ритчеръ. 1850 г.—генераль-лейтенантъ С. Лейхтъ. 1848 г.—генер.-маіоръ Давидовъ. 1847 г.—отст. поруч. Ю. Лосъ-Ротковскій; дѣйств. ст. сов. А. Путята. 1845 г.—отст. штаб.-капитанъ Н. И. Шлейферъ; полковн. А. Пустошкинъ; отставн. генер.-маіоръ Ибрагимовъ; генер.-лейтенантъ Г. Д. Соханскій. 1842 г.—генер.-лейтенантъ Г. П. Власовъ. 1839 г.—полковникъ Ровенскій. 1838 г.—подполковникъ В. И. Ляпуновъ.

¹⁾ Газета «Новости» 1890 г., марта 16 и 17.

Затѣмъ слѣдовалъ тостъ «въ память Дворянскаго полка, Константиновскаго кадетскаго корпуса и за процвѣтаніе Константиновскаго военнаго училища — достойнаго преемника своего славнаго дѣда — полка». Какъ всегда, этотъ тостъ сопровождался исполненіемъ музыкальной старой «дворянской» пѣсни:

«Въ день торжества мы пѣсню грянемъ».....

Трогательное воспоминаніе о павшихъ на ратномъ полѣ,—а ихъ пало въ длинномъ ряду битвъ русскаго воинства съ 1808 года болѣе 500 офицеровъ изъ воспитанниковъ одного только Дворянскаго полка, не говоря объ убитыхъ офицерахъ изъ преимущественныхъ ему заведеній,—сопровождалось старой пѣсней «дворянъ»:

«Братя, всё въ одно колене
«Души русскія сольемъ.....»,

пропѣтой хоромъ. На этотъ разъ къ этой общей трезнѣ присоединены были поминки за опочившихъ вѣчнымъ своимъ смерти въ истекшемъ году питомцевъ Дворянскаго полка; въ числѣ ихъ были дѣятели на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія дорогому отечеству: генералъ-лейтенантъ А. А. Тимофѣевъ—этотъ рыцарь безъ страха и упрека, одинъ изъ благороднѣйшихъ и славнѣйшихъ представителей гвардіи, явившій замѣчательное мужество и распорядительность въ войнѣ 1877—1878 гг.; д. с. сов. В. В. Петровъ, выпуска 1851 г. въ гвардію, затѣмъ прослужившій многіе годы земству на различныхъ должностяхъ и явившійся впоследствии столь же усерднымъ дѣятелемъ на административномъ поприщѣ, въ должности вице-губернатора, въ отдаленномъ Иркутскѣ и въ Вильнѣ; полковникъ М. И. Богаевскій—батальонный командиръ Константиновскаго военнаго училища, одинаково любимый какъ воспитанниками, такъ и товарищами и начальствомъ за его гуманное обращеніе и горячую преданность взрослому его Константиновскому военному училищу, которому онъ, по окончаніи курса въ военно-юридической академіи, посвятилъ многіе годы послѣдовательно на разныхъ должностяхъ.

М. И. Семейскій въ задушевной и прослушавшій собраніемъ съ большимъ вниманіемъ рѣчи, посвященной названнымъ умершимъ товарищамъ, перешелъ къ воспоминанію о Дм. Дм. Минаевѣ¹⁾. Окончивъ воспитаніе въ Дворянскомъ полку въ 1852 году и выйдя изъ него съ чиномъ XIV класса, для опредѣленія въ гражданскую

¹⁾ Д. Д. Минаевъ род. въ 1835 г., въ Симбирскѣ. Изъ того же Дворянскаго полка вышелъ, въ 1848 г., поэтъ Вас. Степ. Курочкинъ (род. 1831 г. † 1875 г.)

службу, Д. Д. Минаевъ, послѣ кратковременной службы въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, уже съ 1857 года выйдя въ отставку, всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Въ этой области труда онъ составилъ себѣ имя писателя замѣчательнаго дарованія, отличнаго переводчика лучшихъ произведеній поэтовъ Данте, Байрона, Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Барбье, Мюссе, Надё, Гейне и др. Оригинальныя поэтическія произведенія Минаева блистали умомъ и талантомъ сатирика бойкаго и поэта, владѣвшаго стихомъ легко и свободно. М. И. Семевскій прочелъ, какъ образчикъ, прекрасное стихотвореніе Д. Д. Минаева «Смѣхъ». Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи напомнить читателямъ «Русской Старины» это поэтическое произведеніе, вошедшее въ сборники лучшихъ произведеній русскихъ поэтовъ:

Смѣхъ.

Всегда неподкупленъ, великъ
И страшенъ для всѣхъ безъ различья
Смѣхъ честный—живой проводникъ
Прогресса, любви и величья.

Наивно-прямой, какъ дитя,
Какъ мать—многолюбящій, нѣжный,
Онъ мудрости учить шутя,
Смягчаетъ удѣлъ безнадежный.

Струясь, какъ по камнямъ вода,
Какъ чистый фонтанъ водоема,
Торжественный смѣхъ иногда
Доходить до грохота грома.

Сливаясь въ густыхъ облакахъ
Въ немолчное, грозное эхо—
И тотъ, кто забылъ всякій страхъ,
Дрожить отъ подобнаго смѣха.

Смирля рыданья порывъ,
И гордую скорбь гражданина
Подъ маской шута затанъ,
Запрятавъ подъ плащъ арлекина,

Стремленіе къ лучшей судьбѣ
Родить онъ въ груди всего міра
И, съ гидрой пороковъ въ борьбѣ,
Сверкаетъ и бьетъ какъ сѣквиря.

Онъ сонную мысль шевелитъ
И будитъ во мракѣ глубокомъ:
Плясалъ вокругъ ковчега Давидъ,
Но былъ и царемъ и пророкомъ.

Д. Д. Минаевъ.

Р. В. Шпицбергъ дополнилъ характеристику Минаева прочтениемъ его шутиваго фельетона и его куплетовъ по поводу Дворянскаго полка, изъ-подъ сѣни котораго вышелъ Д. Д. Минаевъ, вновь показавшій, что изъ рядовъ Дворянскаго полка выходили на службу Отечеству не одни лишь доблестные воины, съ честью служившіе въ рядахъ арміи и гвардіи, но и писатели, ученые, художники, техники, словомъ—самые разнообразныя дѣятели, привнесшіе на службу Россіи талантъ и энергію труда.

Товарищеское собраніе не обошлось безъ добраго дѣла: собрана нѣкоторая сумма въ фуражку, обошедшую собесѣдниковъ, въ пользу вдовы одного писателя, оставшейся послѣ кончины мужа съ дѣтьми въ ужасномъ положеніи, вынуждающемъ ее просить милостыню, — и еще собрана, въ другорядъ, въ ту-же фуражку сумма для приращенія капитала Дворянскаго регимента; эта сумма, по сообщ. о ней Н. Н. Гаврилова, простирается нынѣ до 2,436 р. Проценты съ нея предназначаются на уплату за образованіе дѣтей бывшихъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, и тутъ же рѣшено отнести на эти средства издержки по воспитанію дѣтей осиротѣвшихъ съ кончиною полковника М. И. Б—го, бывшаго воспитанника Константиновскаго военнаго училища.

На обѣдѣ также напомнили, что въ библиотекѣ Константиновскаго военнаго училища имѣется особый отдѣлъ изъ трудовъ и изданій бывшихъ воспитанниковъ этого и предшествовавшихъ ему учрежденій Дворянскаго полка и Константиновскаго кадетскаго корпуса. — Собраніе постановило просить всѣхъ одноклассниковъ, имѣющихъ таковыя труды и не доставившихъ ихъ, прислать въ помянутый отдѣлъ; особенно просить объ этомъ гг. М. И. Венюкова, А. Путяту, акад. Н. Ѳ. Дубровина и друг.

Отсутствующіе товарищи не забыли дня основанія Дворянскаго полка. Вотъ телеграмма генераль-адъютанта Г. Г. Даниловича:

«Спб. Анничковъ Дворецъ.

«14-го марта 1890 г.»

«М. И. Семеvesкому. Шлю черезъ васъ сердечный привѣтъ дорогимъ товарищамъ и совоспитанникамъ Дворянскаго полка и Константиновскаго военнаго училища. Съ живѣйшею благодарностью вспоминаю о заведеніи и о наставникахъ. Радуюсь, что въ Константиновскомъ училищѣ достойно поддерживаются завѣты Дворянскаго полка о преданности Государю и Отечеству, о любви къ войскамъ, объ уваженіи къ наукамъ, освѣщающей пути къ полезной общественной дѣятельности. Г. Даниловичъ».

На обѣдѣ же прочитано было отъ сердца написанное стихотвореніе ген. М. Г. Гольмдорфа—энергическаго устройства этихъ собраній, — и интересное воспоминаніе генер. М. И. Венюкова, присланное имъ къ товарищамъ по Дворянскому полку, собравшимся на этомъ обѣдѣ.

Въ живомъ очеркѣ талантливый ученый и публицистъ Мих. Ив. Венюковъ вспоминаетъ лучшихъ наставниковъ Дворянскаго полка: Ир. Ив. Введенскаго (литература), Э. К. Стандершильда (химія и помощникъ инспектора классовъ), Ф. Л. Ястржембскаго (статистика, преподаватель до 1849 г.) и протоіерея Ив. Вас. Рождественскаго (Заковъ Божій).

«Парижъ, 1-го (13-го) марта 1890 г.

«Милостивые государы! Изъ моего далека,— которое даже по дугѣ большаго круга равно 2,095 верстамъ, какъ не откажутъ удостовѣрить геодезисты,— я давно уже слѣжу съ сочувствіемъ за вашими годовыми товарищескими бесѣдами. Къ сожалѣнію, больше всего я знаю ихъ по газетамъ, а это немного, потому что, если газеты частенько извѣщаютъ о томъ, чего вовсе не было, то еще чаще онѣ умалчиваютъ о томъ, что дѣйствительно было. Поэтому извините, если я являюсь предъ вами, заочно, съ предложеніемъ, которое, можетъ быть, сдѣлано уже было кѣмъ нибудь прежде меня.

«Предложеніе это состоитъ въ слѣдующемъ:

«Въ виду доставленія матеріаловъ будущему историку Дворянскаго полка, не признаете ли вы полезнымъ, чтобы ежегодно на этихъ обѣдахъ, среди личныхъ воспоминаній каждаго о прежнихъ товарищахъ, вспоминать вслухъ и о нѣкоторыхъ изъ нашихъ бывшихъ наставниковъ, особенно симпатичныхъ или представлявшихъ типы педагоговъ стараго времени?

«Я, напримѣръ, позволю себѣ на этотъ разъ вспомнить о четырехъ моихъ бывшихъ учителяхъ: Ир. Ив. Введенскомъ, Фр. Людв. Ястржембскомъ, Эд. Карл. Стандершильдѣ и Ив. Вас. Рождественскомъ, и увѣренъ, что никто меня за это не упрекнетъ.

«Иринархъ Ивановичъ былъ, какъ извѣстно, западникомъ; на него, сорокъ лѣтъ тому назадъ, иные косились; но это не мѣшало ему идти честно своею дорогою, т. е. служить объективной наукѣ и гуманизму. Многіе изъ васъ, вѣроятно, помнятъ, какъ онъ пользовался однимъ параграфомъ своей программы исторіи русской словесности: «О литературѣ Екатерининскаго вѣка». Не называя почти именъ писателей, которые вдохновляли эту литературу, онъ развивалъ предъ нами привлекательную картину философскаго и человѣколюбиваго движенія XVIII столѣтія, и заветы его, всегда серьезные, т. е. не приправленные малѣйшею шуткою или занимательнымъ анекдотомъ, глубоко западали въ молодыя сердца. Да что въ молодня? Иринарха Ивановича пріѣзжали слушать генералы, изъ которыхъ иные были втрое и вчетверо старше каждаго изъ кадетъ.

«Эдуардъ Карловичъ Стандершильдъ былъ тоже западникомъ,

даже, можетъ быть, нѣсколько утрированнымъ, но честнымъ и благороднымъ воспитателемъ. Думаю, что между инспекторами классовъ Дворянскаго полка и Константиновскаго училища ему принадлежить одно изъ почетныхъ мѣстъ, не смотря на нѣкоторыя слабости, какъ нѣсколько поверхностный энциклопедизмъ и кокетничанье заграничными журналами, которые онъ приносилъ въ классы. А я лично вспоминаю его еще и потому, что онъ развилъ и поддержалъ во мнѣ (да и не въ одномъ мнѣ) любовь къ самой основной части естествознанія—химіи. Многие, вѣроятно, помнятъ, что у насъ тогда, между отцами-командирами, ротными и другими, были такіе, что любившихъ эту науку называли «шимистами, что по формуламъ доходить до сотворенія міра»: заниматься ею въ то время было опасно, если не для головы, то для строевой карьеры. Но хотя мы, шимисты, и знали это, да знали и Стандершильдъ, однако, вспыхнувшая въ насъ святая искра любви къ точной наукѣ не заглохла именно благодаря Эдуарду Карловичу, и за это ему хвала. Чтобы поддержать въ насъ интересъ къ химіи, онъ не затруднился, въ свободные часы, безмездно читать намъ, юнымъ любителямъ, аналитическую химію, которой въ программѣ не было. Особенно цѣню я въ немъ то, что, любя меня, какъ усерднаго ученика, онъ не затруднился сбавить мнѣ на экзаменѣ баллъ, съ 12 на 11, за то, что я пренебрегъ кое-что въ отвѣтѣ моемъ, съ юношескимъ высокомеріемъ считая, что о мелочахъ говорить не стоитъ. Это былъ урокъ, который я и вспомнилъ лѣтъ 30—40 спустя, предъ входомъ въ аудиторію Бутлерова и Гребя, Вюрца и Бертелло.

«Теперь о Ф. Л. Ястржембскомъ, о которомъ многіе изъ васъ, вѣроятно, не слыхивали совсѣмъ, развѣ отъ стариковъ, прошедшихъ школу до 1849 года. Это былъ оригиналъ, пожалуй, даже эксцентрикъ, но умѣвшій возбуждать идеи самаго широкаго гуманизма въ молодыхъ головахъ. Онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи. Программа послѣдней, разумѣется, была самая непривлекательная, въ духѣ Ж. Б. Сая, т. е. теоріи своекорыстной наживы немногихъ, сильныхъ, на счетъ большинства слабыхъ; но Ястржембскій, исполняя ее, умѣлъ научить насъ смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія, болѣе современной и человѣчной

«Пятнадцать лѣтъ спустя, приступая, подъ руководствомъ Н. А. Милютина, къ устройству 230,000 крестьянъ въ Люблинской губерніи, я помнилъ завѣтъ, изложенный въ этой коротенькой бесѣдѣ, и такіа случались нерѣдко на лекціяхъ Ястржембскаго.

«Теперь мнѣ хотѣлось бы вспомнить еще о И. В. Рождественскомъ, нашемъ знаменитомъ законоучителѣ, котораго всѣ мы такъ

задушевно любилъ; но пусть это сдѣлаетъ кто другой, не шимистъ. И безъ того моя рѣчь вышла длинна, а потому спѣшу ее кончить. Быть можетъ, въ 1891 году кто нибудь скажетъ нѣчто болѣе законченное на ту-же тему о наставникахъ: искренно буду радъ, особенно, если въ основу рѣчи будетъ положено не лицемерное латинское правило: «о мертвомъ ничего или хорошо», а греческій афоризмъ: «другъ Сократъ, другъ Платонъ, но лучшей другъ—истина».

М. Г. Гольмдорфъ получилъ во время обѣда отъ А. М. Миклашевскаго, бывшаго воспитанника Дворянскаго полка, воспоминаніе о полку 1840-хъ годовъ, посвященное товарищамъ «14-го марта», и съ просьбою автора передать этотъ очеркъ въ «Русскую Старину»,—что и исполнено ¹⁾).

Вотъ привѣты прочихъ товарищей, присланные по телеграфу:

Гельсингфорсъ. Искренній привѣтъ собравшимся однокашникамъ плетъ старѣйшій Дворянскаго полка. Генералъ Кононовичъ.

Спб. Отъ всей души сожалею, что болѣзнь вновь лишаетъ меня отрады видѣть дорогихъ товарищей-однополчанъ и однокашниковъ. Прому ихъ принять мой сердечный привѣтъ. Да держитесь всегда и крѣпко товарищеское единеніе—намъ, старикамъ, въ ободреніе и утѣшеніе, молодымъ же—въ поддержку и поученіе. В. Коховскій.

Спб. Внезапная болѣзнь лишаетъ меня великаго удовольствія откушать сегодня «Дворянскихъ» шей. Первый бокалъ, который я смогу выпить, я выпью за здравіе и благоденствіе своихъ однокашниковъ и за неувыдаемость лавровъ Дворянскаго полка. Передайте сегодняшнимъ сотрапезникамъ мой теплый привѣтъ и крайнее сожалѣніе, что не могу чокнуться съ ними. С. Лейхтъ.

Кіевъ. Кіевскіе однокашники дворяне и константиновцы шлютъ товарищамъ поклонъ, привѣтъ и благія пожеланія за всѣхъ. Драгомировъ, Колкуновъ, Новицкій, Савостьяновъ, Коштеръ, Мокржицкій.

Тифлисъ. Дворяне-константиновцы, празднуя въ Тифлисѣ годовщину основанія дорогаго заведенія, шлютъ привѣтъ, поздравленія и добрыя пожеланія петербургскимъ товарищамъ. Генералъ Парчевскій.

Вильна. Товарищи уфимцы шлютъ свой привѣтъ. Полковникъ Базилевскій, подполковники Анухтинъ, Бржозовскій, капитанъ Василевскій, поручики: Яновскій, Краморенко, Войцеховскій.

¹⁾ Очеркъ оказался довольно интереснымъ: въ немъ авторъ, воспитанникъ Дворянскаго полка, выпуска 1848 г., вспоминаетъ объ Иринеархѣ Ив. Виеденскомъ, Ив. Вас. Рождественскомъ и о воспитанникѣ Дворянскаго полка—Василіи Степановичѣ Курочкинѣ (выпуска 1848 г.).

Вильна. Искренно любя училище и душевно желая ему процвѣтанія, мы, бывшіе воспитанники, шлемъ сердечный привѣтъ собравшимся на обѣдъ. Подполковникъ Путырекій, капитанъ Курторга.

Варшава. Собравшіеся въ Варшавѣ, бывшіе воспитанники Дворянскаго полка и Константиновскаго училища, пьютъ за здоровье своихъ однокашниковъ. Тяхменевъ, Мамонтовъ, Постоискій, Николай Тыртовъ, Разгильдоевъ, Бардовскій, Штутцеръ, Шульгинъ, Гребенщиковъ, Варняндеръ, Крутиковъ, Паго, Адамовичъ. Поручики: Бергеръ, Рабцевичъ, Булашевичъ.

Дорогобужъ. Привѣтъ однокашникамъ и товарищамъ! 1854-го года выпуска полковникъ Святенковъ.

Бѣлый ключъ. Шлемъ привѣтъ и поздравленіе нѣмъ однокашникамъ; да здравствуютъ константиновцы! Грузинскаго полка Меркуловъ 1867. Ромишовскій 1870. Побыванецъ 73. Баратовъ 75. Нольде 79. Васильевъ, Ганбовъ 1883. Брохоцкій 85. Мюгге, Бочкаревъ, Толгиловъ 87. Чековскій, 1888 г.

Ольгополь. Привѣтствую васъ, дорогіе товарищи константиновцы: съ удовольствіемъ вспоминаю наше родное училище. Выпуска 3-го спеціальнаго класса 1862 года, Ольгопольскій уѣздный воинскій начальникъ полковникъ Владиміръ Богдановъ.

Отвѣтныя телеграммы отсутствующимъ товарищамъ и однополчанамъ были посланы: Г. Г. Даниловичу—«Бывшіе воспитанники Дворянскаго полка и Константиновцы, глубоко-искренно уважая васъ, шлютъ привѣтъ, сердечно благодарятъ за память и пьютъ за ваше здоровье.»; М. Г. Черняеву—съ поздравленіемъ въ виду предстоящаго 15-го іюня 1890 г. двадцатипятилѣтія взятія имъ штурмомъ Ташкента и начала завоеванія Средн. Азій; ген. В. П. Коховскому М. И. Венюкову, М. И. Драгомирову и генер. Парчевскому.

Вотъ нѣкоторыя телеграммы: М. Г. Черняеву: «Въ виду наступающей двадцатипятилѣтней годовщины взятія вами Ташкента, ваши товарищи и однокашники шлютъ вамъ, побѣдителя, привѣтъ какъ герою, положившему почину покоренія Средней Азій».

В. П. Коховскому: «Привѣтъ вамъ, дорогой товарищъ, да пошлетъ Господь здоровье на продолженіе вашей общественной плодотворной дѣятельности».

М. И. Венюкову: «Сердечно благодаримъ за привѣтъ и за ваши протрутованные строки о дорогихъ, бывшихъ общихъ нашихъ наставникахъ въ Дворянскомъ полку. Жалѣемъ, что насъ не видимъ въ нашемъ товарищескомъ кругу».

Здравицами за старѣйшаго по выпуску В. И. Ляунова, за Г. Г. Давиловича, Г. П. Власова, Г. Д. Соханскаго, М. И. Драгомирова, М. И. Семейскаго и М. Г. Гольмдорфа, принятыми съ радостными кликами и добрыми пожеланіями, закончилась товарищеская бесѣда.

Необходимо отмѣтить, что нынѣ же рѣшено: приглашать всегда на ежегодныя собранія 14-го марта начальника Константиновскаго 2-го Военн. училища, какъ почетнаго гостя, хотя бы онъ и не былъ изъ воспитанниковъ Дворянскаго полка или преемственныхъ ему заведеній.

Собраніе разошлось въ 10 часовъ вечера.

А. Н. П.

Михаилъ Ильичъ Богаевскій

† 24-го ноября 1889 г.

Полковникъ Михаилъ Ильичъ Богаевскій, родился 24-го апрѣля 1846 года, изъ дворянъ Екатеринославской губерніи, православнаго вѣроисповѣданія, воспитывался въ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ и окончилъ курсъ во 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ, съ производствомъ въ офицеры въ л.-гв. Литовскій полкъ 7-го августа 1865 г. Въ 1871 г., 3-го декабря, онъ былъ прикомандированъ къ Константиновскому училищу и съ 6-го мая 1872 года по 20-е мая 1875 года занималъ должность адъютанта училища, а затѣмъ поступилъ въ военно-юридическую академію, гдѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду 7-го октября 1876 года. 30-го октября 1876 г. вновь поступилъ въ Константиновское военное училище младшимъ офицеромъ и началъ въ немъ преподаваніе военной администраціи. Съ 1879 года марта 10-го командовалъ ротой до 4-го ноября 1881 года, когда былъ назначенъ помощникомъ инспектора классовъ. Эту должность занималъ до 20-го февраля 1887 года, когда былъ вазначенъ баталіоннымъ командиромъ: въ послѣдней должности состоялъ по день смерти, 24-го ноября 1889 года, не прерывая своихъ обязанностей преподавателя въ училищѣ.

Въ лицѣ покойнаго Михаила Ильича Богаевскаго Константиновское военное училище потеряло человѣка глубоко преданнаго своему дѣлу, сѣмъвшаго своими личными высоко-нравственными качествами и служебнымъ тактомъ приобрѣсти общую любовь и уваженіе какъ товарищей, такъ и подчиненныхъ. Будучи самъ воспитанникомъ Константиновскаго училища и всецѣло посвятивъ затѣмъ ему-же большую часть своей службы, онъ тѣсно сжился съ нимъ и все касающееся этого учебнаго заведенія, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, живо его интересовало. Миръ праху твоему добрый, благородный дѣятель и товарищъ.

А. Э. Маклазвѣвъ.

14-го марта 1890 г.

К. Д. Пиль

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОКШАРОВА

1818—1859 гг.

XI ¹⁾.

Оренбургскій генераль-губернаторъ В. А. Перовскій. — «Кочевка». — Приемъ, оказанный путешественникамъ въ «Кочевкѣ». — Стрѣльба въ цѣль. — Отъѣздъ. — Обратная экскурсія въ Оренбургъ. — Недовольство К. В. Чевкина. — Посылка за границу.

В. А. Перовскій умѣлъ поставить себя наилучшимъ образомъ въ управляемомъ имъ краѣ: всѣ не только любили и уважали его, но и боялись. Между мѣстнымъ башкирскимъ и остальнымъ населеніемъ онъ пользовался особенною популярностью, такъ что его называли не иначе, какъ Василій Алексѣевичъ. Онъ жилъ роскошно, платилъ за все съ царскою щедростью, что также производило впечатлѣніе на народъ и заставляло смотрѣть на него какъ на большаго барина. На «Кочевкѣ» у В. А. Перовскаго былъ выстроенъ просторный деревянный домъ съ небольшими деревянными пристройками, въ которыхъ жила свита и прислуга. Насъ помѣстили самымъ комфортабельнымъ образомъ въ одной изъ пристроекъ. В. А. Перовскій, какъ гостепрѣимный хозяинъ, умный и благовоспитанный человекъ, умѣлъ устроить все къ полному удовольствію иностранцевъ, которые были отъ него въ восхищеніи и провели на «Кочевкѣ» нѣсколько дней настолько же пріятно, какъ и разнообразно.

Утромъ, съ молотками въ рукахъ, мы ходили геогнозировать по окрестнымъ горамъ, а потомъ большую часть дня проводили

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1890 г., томъ LXV, мартъ, стр. 601—628; т. LXVI, апрѣль, стр. 1—23.

въ обществѣ В. А. Перовскаго и подъ открытымъ небомъ, въ виду прекраснѣйшей природы. Тѣмъ не менѣе, благодаря такту и распорядительности любезнаго хозяина, мы находили достаточно времени, чтобы привести въ порядокъ наши путевыя замітки и собранные экземпляры горныхъ породъ и окаменѣлостей. Обѣдали мы и ужинали въ домѣ В. А. Перовскаго, гдѣ все было сервировано, какъ при дворѣ; не только имѣлась гастрономическая изысканная кухня, но и разныя лакомства, въ видѣ консервовъ, страсбургскіе пироги, дорогія вина и проч.

Въ числѣ развлеченій устроена была охота на птицъ; вечеромъ играла зорю башкирская стража на особыхъ духовыхъ инструментахъ. Но за день до нашего отъѣзда изъ «Кочевки» произошелъ довольно неприятный случай. Передъ обѣдомъ, В. А. Перовскій пригласилъ насъ на стрѣльбу въ цѣль. Запоздавъ немного, я спѣшилъ присоединиться къ собравшейся передъ цѣлью компаніи, посреди которой стоялъ Перовскій съ пистолетомъ въ лѣвой рукѣ, а правой что-то показывалъ Мурчисону. Въ это время неожиданно послѣдовалъ выстрѣлъ; пуля прожужжала мимо моего уха и я очутился передъ Перовскимъ, который стоялъ съ окровавленной рукой и спрашивалъ: «Не убилъ ли я васъ?» Оказалось, что Перовскій, держа пистолетъ, положилъ на заряженное дуло указательный палецъ лѣвой руки, верхній суставъ котораго уже былъ отнятъ у него нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе такой же неосторожности на охотѣ. Теперь онъ отстрѣлилъ себѣ и второй суставъ того же несчастнаго пальца.

Несмотря на довольно значительную рану, В. А. Перовскій старался принять равнодушный видъ и, сдѣлавъ наскоро повязку, пошелъ съ нами обѣдать, хотя лихорадка стала видимо одолевать его. Между тѣмъ, одинъ изъ его адъютантовъ, не теряя ни минуты, сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ Оренбургъ за докторомъ, котораго не оказалось въ «Кочевкѣ». Когда все успокоилось и мы вернулись въ отведенное намъ помѣщеніе, Мурчисонъ сказалъ мнѣ по поводу избѣгнутой опасности:

— Ну, мой любезный, вы были сегодня на ваканціи!...

Въ какой степени В. А. Перовскій былъ предупредителемъ къ своимъ гостямъ, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ. Когда онъ узналъ, что одинъ изъ членовъ экспедиціи,

именно молодой графъ А. А. Кейзерлингъ (зоологъ), интересуется мышами, то онъ призвалъ къ себѣ башкиръ и отдалъ имъ приказаніе наловить для графа къ утру слѣдующаго дня столько мышей, сколько могутъ. Не мало было наше удивленіе и смѣхъ, когда на другое утро, войдя въ комнату гр. Кейзерлинга, мы увидѣли его заваленнымъ сотнями всякаго рода мышей. Какихъ только мышей тутъ не было — мелкихъ и большихъ, сѣрыхъ, пестрыхъ, летучихъ и пр. Графу было что анатомировать.

Черезъ день послѣ упомянутаго несчастнаго случая, мы выѣхали изъ «Кочевки» и отправились въ дальнѣйшій путь. У подножія какой-то горы мы сдѣлали привалъ, чтобы пообѣдать и тутъ съ удивленіемъ увидѣли, что наша коляска наполнена значительнымъ количествомъ жестянокъ съ парижскими консервами, бутылокъ съ шампанскимъ и другими винами. Благодаря В. А. Перовскому, мы еще разъ великолѣпно пообѣдали.

Съ Урала, Мурчисонъ, со своими спутниками, предпринялъ путешествіе въ Екатеринбургъ и другія южныя губерніи Европейской Россіи. Въ этомъ путешествіи я сопровождалъ ихъ только вначалѣ и долженъ былъ съ дороги вернуться въ Оренбургъ, по желанію Мурчисона. Онъ не былъ увѣренъ въ нѣкоторыхъ записанныхъ имъ фактахъ, по близости Оренбурга, именно въ мѣстности горы «Гребни», и просилъ меня отправиться туда для разъясненія его сомнѣній. По окончаніи возложеннаго на меня порученія, я долженъ былъ присоединиться къ нему въ Москвѣ. Польщенный такимъ довѣріемъ одного изъ первыхъ ученыхъ авторитетовъ Европы, я поспѣшилъ исполнить задачу такъ добросовѣстно, какъ только могъ, и заслужилъ полное одобреніе Мурчисона и де-Вернея ¹⁾.

Но въ то-же время моя экскурсія въ Петербургъ навлекла на меня сильное неудовольствіе К. В. Чевкина, который, по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, сдѣлалъ мнѣ внушительный выговоръ за неисполненіе «во всей строгости данной мнѣ инструкціи, по которой я не долженъ былъ, по его словамъ, отставать отъ путешественниковъ ни на шагъ. «Въ этихъ случаяхъ, любезный другъ мой, добавилъ онъ, надо быть не только

¹⁾ Впослѣдствіи они нашли нужнымъ выразить мою долю участія въ ихъ работахъ, упомянувъ мое имя на ряду съ ихъ именами въ надписи къ извѣстной геологической картѣ Россіи, изданной ими въ 1845 году. Н. И. Б.

ученымъ, но и дипломатомъ!" ... Какъ видно, мой начальникъ и покровитель не на шутку разсердился тогда на меня, потому что, не довольствуясь словеснымъ выговоромъ, велѣлъ отмѣнить заготовленное всеподданнѣйшее представленіе о награжденіи меня орд. Станислава 4-й степени за мою двухлѣтнюю командировку.

Мурчисонъ и де Вернель оставались недолго въ Петербургѣ и, представившись императору и нѣкоторымъ властямъ, отправились во-свояси; первый уѣхалъ въ Англію, второй—въ Парижъ. Передъ отъѣздомъ, Мурчисонъ спросилъ меня, чѣмъ онъ можетъ мнѣ быть полезевъ, и чтобы я откровенно высказалъ ему мои желанія. Я отвѣтилъ, что мое самое горячее желаніе отправиться въ заграничное путешествіе какъ для усовершенствованія въ занимавшей меня минералогіи, такъ и для того, чтобы взглянуть на страны, о которыхъ я такъ много слышалъ...

Хотя я былъ вторымъ по выпускному экзамену Горнаго института, и поэтому имѣлъ право быть посланнымъ, со временемъ, на казенный счетъ за границу, однако, ходатайство Мурчисона, по всѣмъ вѣроятіямъ, ускорило дѣло. Едва иностранные путешественники выѣхали изъ Россіи, какъ уже К. В. Чевкинъ заготовилъ всеподданнѣйшій докладъ о командировкѣ меня за границу, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ К. И. Раевскимъ, который вышелъ первымъ изъ института. К. В. Чевкинъ, выразивъ свое неудовольствіе по поводу моей поѣздки въ Оренбургъ, теперь хлопоталъ самымъ усерднымъ образомъ о посылкѣ меня за границу, выставяя ее въ видѣ награды, за мое путешествіе съ гг. Мурчисономъ и де-Вернелемъ.

Высочайшее повелѣніе не замедлило послѣдовать, и вотъ, съ начала весны 1842 г., мы съ Раевскимъ были уже на дорогѣ въ Берлинъ. Послѣ длиннаго и утомительнаго путешествія по неустроеннымъ дорогамъ Россіи, въ плохомъ тарантасѣ, мы достигли, наконецъ, прусской границы и отсюда доѣхали очень спокойно и удобно до Берлина, благодаря прусскому министру Наглеру, который къ почтѣ присоединилъ кареты для путешественниковъ. Мы невольно удивлялись правильности, съ которой ходила прусская почта: все было рассчитано на минуты.

По приѣздѣ въ Берлинъ, мы остановились, по совѣту одного изъ путешествовавшихъ съ нами нѣмцевъ, въ гостинницѣ «König von Portugal», которая, какъ мы узнали впоследствии, пре-

имущественно посѣщалась комерсантами. Это была весьма приличная гостинница, которая находилась въ центральной части города и содержалась въ большомъ порядкѣ.

Все въ Берлинѣ было ново для насъ и возбуждало любопытство. Когда мы немного оправились отъ дороги, первымъ нашимъ дѣломъ было обзавестись штатскимъ платьемъ, такъ какъ въ Петербургѣ мы носили постоянно военную форму. Эту операцію мы произвели весьма быстро, потому что въ нашихъ сѣрыхъ шинеляхъ нельзя было показаться на улицѣ. Не имѣя никакого понятія о статской одеждѣ, мы нарядились довольно страннымъ образомъ: купили себѣ пальто гороховаго цвѣта, сюртуки, не отличавшіеся вкусомъ, пестрые галстуки и проч., словомъ, сдѣлались похожими, какъ говорятъ, на «шутовъ гороховыхъ». Мы успѣли отыскать нашего бывшего товарища горнаго инженера Авдѣева, раньше насъ посланнаго за границу для занятія химіей. Это былъ очень способный молодой человекъ; онъ весьма усердно занимался тогда въ лабораторіи профессора Гейнриха Розе, и подъ его руководствомъ успѣлъ уже сдѣлать весьма существенное открытіе въ области химіи.

Авдѣевъ водилъ насъ цѣлый день по городу и показалъ всѣ главныя его достопримѣчательности. На другой день, облачившись во фракъ, мы явились къ нашему посланнику П. К. Мейендорфу, который принялъ насъ очень ласково и, узнавъ, что по данной намъ инструкціи, мы должны отправиться въ Парижъ, мѣсто назначенное Чевкинымъ для нашихъ занятій, очень сожалѣлъ, что намъ нельзя будетъ воспользоваться лекціями берлинскихъ ученыхъ. Науки процвѣтали тогда въ Берлинѣ; по нашей части были знаменитости: А. Гумбольдтъ, Вейсъ, Гейнрихъ Розе, Густавъ Розе, Раммельсбергъ и друг.

Затѣмъ мы сдѣлали визиты нѣкоторымъ ученымъ: Раевскій, занимавшійся преимущественно химіей, отправился къ химикамъ, а я — къ минералогамъ и геологамъ.

XII.

Прибытіе въ Берлинъ.—Свиданіе съ А. фонъ Гумбольдтомъ.— Леопольдъ фонъ Бухъ. — Профессоръ С. С. Куторга. — Мемуаръ герцога Лейхтенбергскаго. — Характеръ Леопольда фонъ Буха. — Столкновеніе съ австрійской полиціей.— Княгиня Волгонская.

Баронъ А. Гумбольдтъ удостоилъ меня ласковымъ приеомомъ; этимъ я былъ обязанъ гг. Мурчисону и де-Вернелю, которые на обратномъ пути изъ Россіи, во время своего проѣзда черезъ Берлинъ, говорили обо мнѣ Гумбольдту съ большою пріязнью. А. Гумбольдтъ, узнавъ изъ разговора, что я ѣду въ Парижъ, сказалъ мнѣ, что онъ также скоро будетъ тамъ и рассчитываетъ встрѣтиться со мною. Затѣмъ онъ далъ мнѣ свою визитную карточку для знакомства съ знаменитѣйшимъ геологомъ того времени, Леопольдомъ фонъ Бухомъ, къ которому всѣ въ Берлинѣ относились съ большимъ почтеніемъ, а молодые геологи даже съ нѣкоторою боязнью, потому что, по общему отзыву, у Л. Буха «языкъ былъ, какъ бритва». По этому поводу о немъ ходило тогда много анекдотовъ.

Леопольдъ фонъ Бухъ во всемъ былъ своеобразенъ и оригиналенъ; несмотря на свое богатство, онъ жилъ весьма просто. Квартира его помѣщалась въ нижнемъ этажѣ дома, а на двери, выходящей на улицу, надъ колокольчикомъ, прибита была мѣдная доска, съ надписью: «Leopold von Buch». Когда я позвонилъ, то черезъ нѣсколько минутъ мнѣ отворилъ дверь небольшого роста человекъ, съ синими очками на глазахъ, въ бархатномъ длинномъ сюртукѣ, грудь котораго была покрыта пылью отъ разбиваемыхъ камней. Подозрѣвая, что это самъ Бухъ, я съ величайшимъ почтеніемъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— «Здѣсь-ли живетъ г. фонъ Бухъ?»

— «Милости просимъ, — отвѣтилъ онъ ласково, — я тотъ самый, кого вы ищете».

Повидимому, онъ былъ доволенъ, что я не принялъ его за привратника ¹⁾.

¹⁾ Нашъ профессоръ С. С. Куторга былъ въ этомъ отношеніи менѣе счастливъ, нежели я. Позвонивъ одинъ разъ и не дождавшись скораго открытія дверей, онъ позвонилъ изъ всѣхъ силъ въ другой разъ. Черезъ нѣсколько

Бухъ показалъ мнѣ часть своей палеонтологической коллекціи и при этомъ мимоходомъ задѣлъ нашего палеонтолога Э. И. Эйхвальда. Показывая мнѣ образцы русскихъ окаменѣлостей изъ рода трилобитовъ, съ отломленною головою, какъ ихъ всегда находятъ, онъ сказалъ:

— «Вотъ это «Asaphus Eichwaldi!»—онъ всегда безъ головы!...»

При второмъ моемъ посѣщеніи, я засталъ Леопольда фонъ Буха, занятаго разсматриваніемъ только что полученнаго мемуара герцога Максимилиана Евгеніевича Лейхтенбергскаго объ окаменѣлостяхъ Петербурга. По этому поводу Бухъ сказалъ мнѣ:

— Я очень признателенъ его высочеству, что онъ почтилъ меня этой присылкой. Вообще, мемуаръ прекрасно изданъ, хотя герцогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порядкомъ меня критикуетъ. Впрочемъ, на это я сказалъ бы герцогу то-же, что сказалъ Буало Людовику XIV-му.

Я долженъ былъ сознаться, что не имѣю никакого понятія о томъ, что Буало сказалъ французскому королю.

Тогда Бухъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Буало читалъ однажды свои стихи королю и тотъ безпрестанно останавливалъ его, совѣтуя ему измѣнить написанное такъ, какъ онъ предлагаетъ. При первомъ возраженіи Буало отвѣтилъ низкимъ поклономъ, при второмъ—сдѣлалъ то-же, и, наконецъ, сказалъ королю:

— Господу Богу не угодно было, чтобы ваше величество знали это лучше, нежели я! — То-же самое сказалъ бы я его и. в. герцогу Лейхтенбергскому, добавилъ Бухъ.

Вообще Бухъ, повидимому, не стѣснялся съ великими міра сего. Родной братъ его былъ гофъ-маршаломъ прусскаго короля, но онъ не придавалъ никакого значенія этому факту, какъ пока-

минуть послышались шаги и старческій голосъ: «Gleich! Gleich!», а затѣмъ открылась дверь. С. С. Куторга, полагая, что имѣетъ дѣло съ привратникомъ, довольно рѣзко спросилъ стоявшаго передъ нимъ старика: «Здѣсь живетъ профессоръ Бухъ?». Тотъ отвѣтилъ ему: «Никакого профессора здѣсь нѣтъ!» Тогда Куторга съ неудовольствіемъ возразилъ: «Какъ нѣтъ. Я знаю навѣрно, что здѣсь живетъ профессоръ Бухъ». На это послѣдовалъ отвѣтъ: «Я вижу, что вы сами г. профессоръ, милости просимъ, войдите!..»

Н. И. К.

зываетъ слѣдующій случай. Одинъ изъ принцевъ, пріѣхавшихъ въ гости къ прусскому королю, выразилъ желаніе познакомиться съ Леопольдомъ фонъ Бухомъ, какъ одной изъ замѣчательныхъ личностей того времени, и король, чтобы доставить удовольствіе своему гостю, пригласилъ Буха къ себѣ на вечеръ. Когда Бухъ былъ представленъ августѣйшему пріѣзжему, то этотъ, желая сказать что нибудь пріятное знаменитому ученому, началъ разговоръ словами:

— Г. Бухъ, вы братъ гофмаршала?

— Нѣтъ, ваше высочество, гофмаршалъ мой братъ! отвѣтилъ Бухъ такимъ тономъ, что этимъ короткимъ разговоромъ окончилось знакомство.

Леопольдъ фонъ Бухъ любилъ подмѣчать слабости своихъ друзей и при случаѣ подшутить надъ ними. Такъ, напримѣръ, зная, что Мурчисонъ былъ нѣсколько тщеславенъ и хотѣлъ получить званіе баронета, которое давало бы ему право прибавить слово сэръ къ своему имени и фамиліи, а женѣ его называться леди, вмѣсто мистриссъ, онъ безпощадно преслѣдовалъ его. Между прочимъ, путешествуя на пароходѣ съ Мурчисономъ, въ то время, когда этотъ еще не былъ баронетомъ, Л. Бухъ не иначе обращался къ нему, какъ со словами: «Мурчисонъ, Родерикъ, Родерикъ!» (вмѣсто сэръ Родерикъ или сэръ Родерикъ Мурчисонъ). Я слышалъ это отъ самаго Буха, который не могъ понять, какъ такой великій ученый можетъ придавать какое либо значеніе прибавкѣ лишняго слова къ титулу.

Леопольдъ фонъ Бухъ, вслѣдствіе своей непредставительной фигуры и простоты, съ которой онъ путешествовалъ, былъ поставленъ однажды въ довольно затруднительное положеніе. Онъ геогнозировалъ въ окрестностяхъ Праги, съ молоткомъ въ рукѣ, неизмѣннымъ зонтикомъ подъ мышкой и небольшимъ дорожнымъ мѣшкомъ съ инструментами, который также служилъ вмѣстелищемъ для собранныхъ камней, когда для послѣднихъ не оставалось больше мѣста въ карманахъ. Л. Бухъ, проходивъ цѣлый день, хотѣлъ войти въ городъ не черезъ заставу, а окольнымъ путемъ, черезъ горы. Австрійская полиція, замѣтивъ старика, съ молоткомъ и инструментами, который долго блуждалъ около Праги, и, наконецъ, сталъ пробираться въ городъ необычнымъ путемъ, приняла его за шпиона или за крайне подозри-

тельнаго человѣка. Поэтому, только что Бухъ хотѣлъ вступить въ городъ, какъ агенты полиціи окружили его и, несмотря на всѣ возраженія, объявили ему, что онъ арестованъ. Бѣднаго барона Буха отвели въ полицейское управленіе, гдѣ онъ очутился въ крайне непріятномъ положеніи. Напрасно увѣрялъ Бухъ, что онъ баронъ и камергеръ двора прусскаго короля, что въ этомъ можно убѣдиться изъ его паспорта,—полицейскіе со смѣхомъ отвѣчали ему:

— «Какой вы камергеръ! Камергеры въѣзжаютъ въ городъ черезъ заставу въ экипажахъ, а не пробираются, какъ воры, по закоулкамъ! Что касается паспорта, то еще неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ принадлежитъ вамъ. Вотъ, когда наше начальство разсмотритъ дѣло, тогда будетъ извѣстно, какъ поступить съ вами...»

Между тѣмъ, Л. фонъ Бухъ сильно проголодался послѣ утомительнаго странствованія по горамъ, и видѣлъ, что его надежда хорошенько пообѣдать въ Прагѣ оказывается напрасною. Наконецъ, онъ упросилъ полицейскихъ доставить написанную имъ наскоро записку кому-то изъ жителей Праги, (едва ли не прусскому консулу), что и вывело его изъ непріятнаго положенія.

Присшествіе это напомнило мнѣ такой же случай съ нашей соотечественницей, свѣтлѣйшей княгиней Волконской, супругой фельдмаршала князя П. М. Волконскаго, министра двора, при императорѣ Николаѣ Павловичѣ. Княгиня была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, давно не жила съ мужемъ и постоянно находилась за границей, гдѣ, время отъ времени, совершала небольшія путешествія. При своей крайней скупости, она жила болѣе нежели просто, одѣвалась бѣдно и небрежно. Въ тогдашнія времена желѣзныхъ дорогъ не было, путешественники перемѣщались съ одного мѣста на другое въ почтовыхъ каретахъ, въ которыхъ были мѣста двухъ сортовъ: внутреннія одной цѣны и наружныя (на имперіалѣ кареты), болѣе дешевыя. Княгиня постоянно занимала дешевыя мѣста, скрывая свое высокое званіе подъ скромной одеждой. На одной изъ таможенъ, при осмотрѣ ея вещей, таможенныя чиновники обратили вниманія на прекрасныя брилліантовыя вещи, находившіяся въ чемоданѣ княгини и, между прочимъ, на портретъ императрицы, осыпанный брилліантами. Чиновники, усумнившись въ личности княгини,

дали знать полиціи, которая не замедлила задержать ее для разбора дѣла. На ея заявленіе, что она свѣтлѣйшая княгиня и супруга фельдмаршала, ей отвѣтили:

— «Свѣтлѣйшія княгини не ѣздятъ на верху кареты!..»

Не мало стоило хлопотъ свѣтлѣйшей освободить себя изъ рукъ полиціи.

XIII.

Визитъ къ профессору Густаву Розе.—Знаменитый химикъ Митчерлихъ.—Осмотръ фрейбергскихъ рудниковъ и минеральной Вернеровской коллекціи.—Пріѣздъ въ Парижъ.—Первое впечатлѣніе.—Г-жа Ленорманъ.—Знакомство съ Эли де-Бомономъ.—Мишель Шевалье.

Въ Берлинѣ я сдѣлалъ визитъ проф. Густаву Розе, добродушнѣйшему изъ людей, который былъ тогда одинъ изъ самыхъ крупныхъ минералоговъ Европы. Онъ принялъ меня и Раевского крайне любезнымъ образомъ и въ разговорѣ вспомнилъ о томъ широкомъ гостепрѣимствѣ, какое онъ встрѣтилъ въ Россіи, во время своего путешествія съ барономъ А. Гумбольдтомъ. Затѣмъ, какъ жителямъ Россіи и молодымъ людямъ, выступающимъ на путь науки и рекомендованнымъ ему К. В. Чевкинѣмъ, онъ далъ въ честь насъ вечеръ съ ужиномъ, на который были приглашены многіе изъ ученыхъ Берлина, въ томъ числѣ Раммельсбергъ, который произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Знаменитый химикъ Митчерлихъ также удостоилъ меня благосклоннымъ пріемомъ и показалъ мнѣ нѣкоторые изъ приборовъ и инструментовъ своего физическаго кабинета и лабораторіи. Узнавъ, что я ѣду въ Парижъ, онъ просилъ меня передать его поклонъ членамъ парижской академіи, его сотоварищамъ. «Я всѣхъ тамъ знаю, потому что уже давно состою членомъ Парижской академіи!» добавилъ онъ не безъ гордости. Вообще Митчерлихъ не былъ такъ простъ и добродушенъ въ обращеніи, какъ Густавъ Розе; въ Митчерлихѣ проглядывала нѣкоторая важность и сознаніе, что онъ принадлежитъ къ числу первыхъ свѣтилъ науки. Когда я потомъ рассказалъ Авдѣеву о моемъ визитѣ къ Митчерлиху, то Авдѣевъ спросилъ меня:

— «Какъ же ты называлъ въ разговорѣ заслуженнаго берлинскаго химика?»

— «Herr Professor!»—отвѣтилъ я.

— «Ну, братъ, сказалъ Авдѣевъ, — хорошо, что ты уѣзжаешь изъ Барлина, а то не одобровать бы тебѣ съ Митчерлихомъ; онъ терпѣть не можетъ, когда его зовутъ «Herr Professor», а надо было бы тебѣ сказать: Herr Geheimrath!...

Страннымъ показалось мнѣ такое чиновочитаніе въ знаменитомъ ученомъ, и я невольно сравнилъ Митчерлиха съ Леопольдомъ фонъ Бухомъ, который придавалъ значеніе только своимъ научнымъ заслугамъ.

Въ Берлинѣ, вмѣсто назначенныхъ двухъ дней, мы прожили съ Раевскимъ цѣлую недѣлю, съѣздили отсюда въ Фрейбергъ, гдѣ встрѣтили нашего товарища по корпусу А. Г. Бояршинова; онъ показалъ намъ во всѣхъ подробностяхъ серебряные рудники, въ которые мы спускались болѣе, чѣмъ на 300 сажень въ глубину. Но меня еще больше заинтересовала знаменитая минеральная коллекція Фрейбергской горной академіи, называемая «Вернеровской», въ честь знаменитаго фрейбергскаго минералога Вернера. Въ Дрезденъ мы отправились изъ Берлина по желѣзной дорогѣ, (которая, если не ошибаюсь, была тогда единственная во всей Германіи), осмотрѣли картинную галерею, «Grüne Gewölbe», и я порядкомъ раззорился, купивъ множество литографированныхъ копій съ лучшихъ картинъ.

Согласно предписанію К. В. Чевкина, мы отправились въ Парижъ, мѣсто нашего назначенія, черезъ Бельгію, и посѣтили Лютихъ, гдѣ подробно осмотрѣли каменноугольныя копи и желѣзодѣлательный заводъ Серень; но въ Брюсселѣ остались всего сутки и, затѣмъ, ѣхали безъ остановокъ.

Моя давнишняя мечта увидѣть Парижъ, наконецъ, исполнилась; грандіозный городъ сразу произвелъ на меня сильное впечатлѣніе: оживленность улицъ, безконечное число магазиновъ, красота бульваровъ—все было для меня ново и восхищало меня. Мы остановились въ первой попавшейся гостинницѣ, которая оказалась настолько плохой, что мы должны были немедленно отправиться на поиски болѣе приличнаго помѣщенія, и, послѣ долгаго странствованія, нашли себѣ небольшую квартиру въ Rue de l'Université.

Устроившись наскоро въ новомъ помѣщеніи, мы отправились бродить по городу, и въ одной изъ галерей Пале-Рояля встрѣтили А. И. Динокура, бывшаго нашего учителя французскаго языка въ Горномъ корпусѣ, который, выслуживъ въ Россіи свой пансіонъ, вернулся доканчивать послѣдніе дни своей жизни въ любимый всѣми французами Парижъ. Динокуръ тотчасъ же узналъ насъ, вступилъ въ разговоръ и былъ очень доволенъ, видя наше восхищеніе.

— «А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, хорошъ нашъ Парижъ, не правда-ли?»—сказалъ онъ прощаясь съ нами.

Мы не разъ вспомнили его въ этотъ день. Дѣйствительно, Парижъ, помимо театровъ и другихъ развлеченій, съ чисто внѣшней стороны, заслуживаетъ названіе всемірнаго города; даже самыя улицы, переполненныя магазинами, въ которыхъ выставлены предметы искусствъ и художествъ или товары группированные съ большимъ вкусомъ, вечернее волшебное освѣщеніе, бульвары, съ ихъ своеобразною жизнью,—все это можетъ служить источникомъ наслажденія. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, д-ръ Кранцъ изъ Бонна, говоря со мной о Парижѣ, его театрахъ и другихъ болѣе или менѣе дорого стоящихъ удовольствіяхъ, добавилъ: «все-таки самый лучший даровой спектакль въ Парижѣ—его улицы и бульвары!...» Поэтому неудивительно, что въ то время, въ лучшую пору моей молодости, я, на первыхъ порахъ, совершенно увлекся Парижемъ, все мнѣ нравилось въ немъ, все было пріятно.

Когда мы вернулись на ночлегъ въ нанятую нами квартиру, rue de l'Université, то узнали, что на этой самой улицѣ живетъ знаменитая ворожея Ленорманъ, къ которой не разъ обращался императоръ Наполеонъ I. Намъ сказали, что она все еще практикуетъ и что если мы хотимъ узнать нашу будущность, то можемъ завтра же отправиться къ ней. Но какъ ни интересно было познакомиться съ этой исторической личностью, я не рѣшился идти узнавать мою судьбу, потому что чувствовалъ себя настолько счастливымъ и у меня на душѣ было такъ легко, что я боялся испортить мое благодатное настроеніе духа предсказаніями и еще, быть можетъ, не совсѣмъ для меня пріятными.

На другой день утромъ, мы отправились съ визитомъ къ горному инженеру С. В. Гурьеву, занимавшему много лѣтъ

въ Парижѣ мѣсто агента по горной части министерства финансовъ, который долженъ былъ вернуться въ Россію и уступить свое мѣсто моему товарищу Раевскому. Гурьевъ, извѣщенный Чевкинымъ о нашемъ приѣздѣ, принялъ насъ очень любезно, самъ вызвался осмотрѣть нашу квартиру и, найдя, что она слишкомъ дорога, предложилъ намъ за умѣренную цѣну помѣститься у него, до его отъѣзда въ Петербургъ, и въ тотъ же день перевезъ насъ. Черезъ Гурьева познакомился я съ нѣкоторыми изъ нашихъ соотечественниковъ, проживавшихъ тогда въ Парижѣ: Бор. Гр. Глинкой (нынѣ генераль-адъютантъ Глинка-Мавринъ), А. И. Бутовскимъ (нынѣ сенаторъ), В. В. Балабинымъ (впоследствии русскій посолъ при австрійскомъ дворѣ) и др. Въ это время находился въ Парижѣ и баронъ А. К. Мейендорфъ, извѣстный мнѣ по первому путешествію съ Мурчисономъ, который занималъ тогда мѣсто агента по мануфактурной части министерства финансовъ.

Покончивъ визиты къ моимъ соотечественникамъ, я отправился къ Эдуарду де Вернелю, который жилъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ и кузеномъ виконтомъ де Видаръ и занималъ великолѣпную квартиру въ rue de la Madeleine, почти рядомъ съ могилою несчастнаго Людовика XVI-го, надъ которой былъ тогда построенъ склепъ. Въ семьѣ де Вернеля я встрѣтилъ самый дружескій приемъ; Э. де Вернель тотчасъ же принялъ меня подъ свое покровительство и познакомилъ со многими французскими учеными: извѣстнымъ палеонтологомъ Деге, де Росси, А. д'Орбиньи, Валансьенъ, Дюфренуа, Делафоссъ и др.

Извѣстному геологу Франціи, Эли де Бомону, другу Леопольда фонъ Буха, представилъ меня баронъ А. К. Мейендорфъ, имѣвшій отчасти претензію считать себя геологомъ. Визитъ къ Эли де Бомону сохранился въ моей памяти по той, болѣе нежели скромной, обстановкѣ, въ которой мы застали эту ученую знаменитость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богатаго человѣка. Онъ жилъ по близости дома Инвалидовъ, въ мезонинѣ или, вѣрнѣе сказать, на чердакѣ одного изъ находящихся тамъ домовъ. Мы застали его за маленькимъ письменнымъ столомъ, въ крошечной комнатѣ, заваленной книгами, картами, инструментами и другими учеными принадлежностями. Эли де Бомонъ былъ довольно высокаго роста, съ круглымъ лицомъ, умными выразительными глазами и не-

большой плѣшью, которую онъ тщательно прикрывалъ длинными волосами затылка. Онъ говорилъ довольно медленно и тихо:

— Я очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ мнѣ, такъ какъ я много слышалъ о васъ отъ моего товарища по академіи, г. Мурчисона. Прошу васъ, не стѣсняясь, обращаться ко мнѣ со всякими просьбами, всегда буду готовъ быть вамъ полезнымъ...

Я не замедлилъ воспользоваться его дозволеніемъ и попросилъ дать мнѣ разрѣшеніе слушать его лекціи, на что онъ изъявилъ согласіе и подробно сообщилъ дни и часы лекцій, добавивъ, что полный курсъ геологіи онъ читаетъ въ Горной школѣ, а въ Collège de France только нѣкоторыя спеціальныя статьи.

Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ, я прекрасно устроился въ Парижѣ, и, не теряя времени, приступилъ къ слушанію лекцій. Въ Горной школѣ я слушалъ полный курсъ геологіи Эли де Бомона и его же въ Collège de France—объ осадкахъ дилювіальнаго и новѣйшаго происхожденія; затѣмъ я слушалъ курсъ минералогіи Дюфренуа и проф. Валансіена—о моллюскахъ. Для занятій по палеонтологіи, я ходилъ нѣсколько разъ въ недѣлю на квартиру А. д'Орбиньи, гдѣ у него былъ превосходный палеонтологическій кабинетъ, и, кромѣ того, время отъ времени, посѣщалъ лекціи геологіи Констана Прево.

Вообще я не мало слышалъ тогда всякихъ лекцій и по поводу одной изъ нихъ испыталъ первое разочарованіе въ печатномъ словѣ. Еще въ Петербургѣ попалась мнѣ модная, въ то время, книга «Histoire de dix ans» Луи Блана; я съ увлеченіемъ прочелъ ее и особенно заинтересовался ученіемъ санъ-симонистовъ и личностью одного изъ главныхъ проповѣдниковъ этого ученія—Мишель Шевалье. И вотъ въ Парижѣ, въ одинъ прекрасный день, встрѣчаю объявленіе, что въ Collège de France читаетъ лекціи политической экономіи «бывшій санъ-симонистъ, извѣстный ученый и государственный сановникъ Мишель Шевалье». Я тотчасъ же устремился въ Collège de France и заранѣе готовился увидѣть коренастаго человѣка, въ синей блузѣ и угловатыми манерами, но, вмѣсто этого, явился поджарый французикъ во фракѣ, лакированныхъ сапогахъ и бѣлыхъ перчаткахъ; передъ нимъ стоялъ стаканъ сахарной воды, который онъ бралъ двумя пальцами во время лекціи. Но я еще больше

удивился, когда мнѣ сообщили, что бывшій санъ-симонистъ сдѣлался чиновникомъ и состоитъ на службѣ у Луи Филиппа. Вскорѣ послѣ того я встрѣтилъ Мишель Шевалье въ одномъ изъ самыхъ модныхъ парижскихъ салоновъ, а именно у графини Сиркуръ (Circourt).

XIV.

Графиня Сиркуръ.—Ея приемы и рауты.—Своеобразный ученый.—Знакомство съ легитимистами.—Маркизъ де Виллетъ.—Описание его замка.—Знакомство съ П. А. Чихачевымъ.—Слушаніе и записываніе лекцій.—Парижскіе театры: Дюпре, Рашель, Гризи.

Графиня Сиркуръ была наша соотечественница, изъ Москвы, урожденная Хлюстина; она вышла замужъ за француза, графа Сиркуръ, постоянно жила въ Парижѣ, сдѣлалась почти француженкой, а подъ конецъ своей жизни даже перешла въ католичество. Она была высокаго роста, стройна и вовсе не хороша собой, но по своему уму, такту и элегантности, достигла того, что весь образованный Парижъ преклонялся передъ нею. Многие называли ее «Кориной сѣвера». Въ ея аристократической гостиной собирались лучшіе представители аристократіи, знаменитости науки, литературы и искусствъ. Здѣсь можно было встрѣтить герцогиню де Розанъ, съ которой графиня Сиркуръ была очень дружна, нашу извѣстную соотечественницу Свѣчину, Ламартина, Полиньяка, де Груши, гр. Кавура, гр. Бельвеза, Поль де ла Роша, съ его красавицей женой (дочерью Гор. Верне), Альфреда де-Виньи, Мишеля Шевалье, многих академикомъ и пр. Поэтому знакомство съ графиней Сиркуръ считалось большою честью. Наконецъ, и меня представили знаменитой «Коринѣ сѣвера», которая съ перваго раза приняла меня такъ радушно, что я сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ ея гостиной, и съ тѣхъ поръ находился съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ до ея смерти.

Графиня Сиркуръ жила по близости Елисейскихъ полей, въ небольшой квартирѣ третьяго этаже, rue de Saussés, № 11; но эта квартира была убрана съ большимъ вкусомъ и даже нѣкоторою роскошью. Графиня принимала каждый день утромъ, отъ трехъ до шести часовъ, а по четвергамъ у ней былъ вечерній

раутъ, на который собиралось избранное французское общество, нѣсколько знатныхъ русскихъ дамъ, представители русскаго и другихъ посольствъ. На этихъ раутахъ неизмѣнно присутствовалъ хозяинъ дома, графъ Сиркуръ, который представлялъ собою довольно своеобразный типъ ученаго, отличаясь необыкновенною памятью и знаніемъ генеалогіи, историческихъ и географическихъ фактовъ. Спросите невзначай графа, кто царствуетъ въ Китаѣ или Японіи, и онъ тотчасъ изложитъ вамъ всю родословную царствующихъ тамъ домовъ; спросите вы его, какія горы или рѣки находятся въ той или другой отдаленной и малоизвѣстной странѣ, и онъ дастъ подробный, безошибочный отвѣтъ. Это настолько заинтересовало меня, что я обратился къ графу Сиркуръ съ вопросомъ, какъ можетъ онъ помнить столько собственныхъ именъ и цифръ?

— «Нѣтъ ничего легче, возразилъ онъ,—нужно только классифицировать мысли въ головѣ. Вообразите себѣ, что голова наша раздѣлена на нѣсколько ящичковъ, кладите въ каждый изъ нихъ, что ему принадлежитъ, и вы достигнете цѣли...»

Въ это время, кромѣ графини Сиркуръ, я всего чаще бывалъ въ семействѣ Э. де Вернеля, и встрѣчалъ здѣсь многихъ представителей науки и французскаго легитимистскаго общества а съ наступленіемъ лѣта даже гостилъ по нѣсколько дней въ замкѣ Saultemont, принадлежавшемъ отцу де Вернеля, по близости Парижа. Изъ тогдашнихъ легитимистовъ, съ какими я познакомился, всего типичнѣе показался мнѣ маркизь де Виллетъ, замокъ котораго находился по сосѣдству съ замкомъ де Вернеля и, такъ сказать, весь дышалъ стариною и памятью о несчастномъ королѣ Людовикѣ XVI-мъ; вездѣ были портреты этого короля, вездѣ мебель и бронза времени его царствованія¹⁾. Маркизь де Виллетъ благоговѣлъ передъ именемъ своего покойнаго монарха и слышать не хотѣлъ о царствовавшемъ тогда королѣ Луи Филиппѣ, слѣдуя девизу своей фамилии: «Toujours

¹⁾ Въ замкѣ было много замѣчательныхъ вещей, подаренныхъ фамилиі де Виллетъ разными королями, а въ одной комнатѣ находилась статуя Вольтера на пьедесталѣ, внутри котораго сохранилось сердце Вольтера: на пьедесталѣ этомъ помѣщена была надпись, окруженная звѣздочками: «Son esprit est partout et son coeur est ici».

Villette, toujours fidèle!» (слова Генриха IV). Маркизь жилъ еще тогда съ своей женой, которая была рѣдкой красоты и превосходная пѣвица.

Тогда же познакомился я съ маркизою и маркизомъ де Фудра (de Foudras), извѣстнымъ французскимъ романистомъ. Оба были не первой молодости. Маркизь де Фудра слылъ въ Паряжѣ за человѣка любившаго хорошо пожить; французы говорили о немъ: «с'est un bon vivant, qui a mangé la fortune de sa femme!» Вслѣдствіе этого, быть можетъ, супруги жили не въ ладахъ между собой и часто ссорились. Прежде они были въ большой дружбѣ съ графиней Сиркуръ, но послѣ одного романа, написаннаго маркизомъ де Фудра, въ которомъ графиня была зло охарактеризована, они разошлись и больше не видѣлись.

Такимъ образомъ, кругъ моихъ знакомыхъ въ средѣ избраннаго французскаго общества все увеличивался; а вскорѣ затѣмъ Платонъ Александровичъ Чихачевъ (братъ извѣстнаго путешественника и члена парижской академіи, Петра Александровича Чихачева), ввелъ меня въ дома русскихъ аристократовъ, дававшихъ въ Парижѣ блестящіе балы и рауты. Въ числѣ ихъ была графиня Разумовская, grande dame, въ полномъ значеніи этого слова, гр. А. Г. Строгоновъ, М. Я. Нарышкина, семейства Васильчиковыхъ, гр. Гудовичъ и пр.

Съ Платономъ Александровичемъ Чихачевымъ я познакомился на лекціи Эли де Бомона и скоро сошелся съ нимъ, такъ какъ это былъ человѣкъ вполне добраго, честнаго и благороднѣйшаго сердца, какихъ я рѣдко встрѣчалъ на долгомъ пути моей жизни. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ шесть лѣтъ, а наши дружескія отношенія остаются тѣ-же и поддерживаются перепиской, такъ какъ П. А. Чихачевъ уже много лѣтъ живетъ за границей. Онъ началъ службу въ Россіи офицеромъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку и съ увлеченіемъ предался путешествіямъ, которыя были для него осуществленіемъ любимой мечты. Говоря на многихъ европейскихъ языкахъ, какъ на родномъ языкѣ, и въ томъ числѣ, по турецки, онъ вездѣ былъ какъ дома, объѣхалъ всю Европу, Америку и часть Азіи. Но это не мѣшало ему слѣдить съ живымъ интересомъ за тѣмъ, что дѣлалось въ Россіи, и онъ всегда готовъ былъ служить своему отечеству, когда въ этомъ оказы-

валась надобность. Такимъ образомъ, П. А. Чихачевъ былъ въ числѣ членовъ экспедиціи гр. В. А. Перовскаго въ Хиву, а затѣмъ явился съ ружьемъ на плечѣ, во время осады Севастополя, на Малаховомъ курганѣ. Но когда все успокоилось въ Россіи, онъ опять занялся путешествіями и наукой. П. А. Чихачевъ не гонялся за чинами и крестами и былъ вполне доволенъ тѣмъ положеніемъ, какое имѣлъ, благодаря хорошему состоянію и своему высокому образованію. Онъ былъ строенъ, красивъ собою, отличался лоскомъ высшаго общества и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его. Наше правительство могло быть довольно, имѣя за границей такого виднаго представителя русской націи.

Между тѣмъ, несмотря на множество знакомыхъ, театральныя и другія развлеченія, мои научныя занятія въ Парижѣ шли довольно успѣшно. Я изучалъ окаменѣлости подъ руководствомъ А. д'Орбиньи и, сообразно данной мнѣ инструкціи, каждый мѣсяцъ писалъ о томъ Чевкину, который тогда же исходатайствовалъ для д'Орбиньи высочайшій подарокъ, въ видѣ брилліантоваго перстня, что доставило большое удовольствіе французскому ученому. Но все-таки палеонтологія была для меня на второмъ планѣ и я, по прежнему, увлекался минералами, закупалъ все, что меня интересовало и было по карману, и моя минеральная коллекція постоянно увеличивалась. Утро я посвящалъ лекціямъ или же занимался дома приведеніемъ въ порядокъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на лекціяхъ, читалъ, изучалъ минералы и пр., а вечеромъ отправлялся къ кому либо изъ знакомыхъ или въ театръ, гдѣ было что посмотреть и послушать.

Въ Большой оперѣ (національномъ театрѣ) пѣлъ тогда незабвенный Дюпре, приводившій меня въ восторгъ. Съ тѣхъ поръ я не слыхалъ подобнаго тенора, какъ Дюпре; сила его голоса, глубокое чувство, энергія, выразительность пѣнія неотразимо дѣйствовали на слушателя и очаровывали его. Вотъ уже съ тѣхъ поръ прошло почти полу столѣтіе, а между тѣмъ впечатлѣніе, производимое на меня талантомъ Дюпре, все еще не изгладилось изъ моего сердца ¹⁾. Онъ былъ неподражаемъ въ роли

¹⁾ Дюпре до сихъ поръ живъ и, не смотря на преклонный возрастъ, все еще, по слухамъ, даетъ уроки пѣнія въ Парижѣ. Когда Дюпре оставилъ сцену и старая большая опера Парижа сгорѣла, я невольно вспомнилъ то высокое

Рауля въ «Гугенотахъ» Мейербера, жида Элеазара въ «Жидовкѣ» Галеви, а затѣмъ Арнольда въ «Вильгельмъ Телъ», гдѣ онъ въ совершенствѣ исполнялъ тріо втораго акта и послѣднюю арію, гдѣ Арнольдъ съ обнаженнымъ мечомъ призываетъ своихъ соотечественниковъ къ оружію. Старожилы Парижа рассказывали мнѣ, что когда Дюпре первый разъ исполнялъ въ Парижѣ партію Арнольда, то въ послѣдней своей аріи онъ произнесъ слова: «За мной!» съ такой силой, чистотой голоса и увлеченіемъ, что наибольшая часть партера вскочила съ своихъ мѣстъ.

Въ Большой оперѣ, кромѣ Дюпре, отличались тогда гг. Баруалэ (баритонъ) и Ализаръ, г-жа Стольцъ, блестящая драматическая пѣвица, г-жа Дорюсъ-Гра (для граціознаго пѣнія). Въ комической оперѣ была талантливая Россія-Качія.

Во французскомъ театрѣ блистала звѣзда первой величины Рашель. Кто не слыхалъ и не читалъ объ этой необыкновенной

наслажденіе, какое доставлялъ мнѣ Дюпре въ дни моей молодости, и, подъ этимъ впечатлѣніемъ, написалъ слѣдующіе стихи, которые привожу въ отрывкахъ:

Тебя на сценѣ больше явѣтъ—
 Артистъ безцѣнный, незабвенный,
 Парижа теноръ несравненный,
 Пѣвцовъ Европы лучшей цвѣтъ!...

Я помню время золотое...
 Когда, бывало, ты пѣвалъ,
 Мы забывали все земное —
 Небесный пламень въ насъ пылалъ!
 Изъ глазъ порой катились слезы,
 Порою стыла въ жилахъ кровь...
 То были сладостныя грезы!..
 Дождусь ли я когда ихъ вновь?..
 Хотя давно не слышно, дивный,
 Тебя на сценѣ вѣковой,
 А будто все еще призванный
 Звучить «Арнольда» гласъ: «За мной!» и проч.

Стихи эти, напечатанные въ 1879 г. («Воспоминанія о Дюпре», во Второмъ прибавленіи къ книжкѣ «Мелкія стихотворенія», Николая Кокшарова), были посланы мною два года тому назадъ въ Парижъ, для передачи Дюпре отъ моего имени. Знаменитый пѣвецъ отвѣтилъ на мое посланіе залушевнымъ письмомъ и четырехстишіемъ на своемъ родномъ языкѣ (См. Прил. II).

Н. И. К.

артистка! Театръ дрожалъ отъ рукоплесканій, когда Рашель достигала апогея своего увлеченія. Помню, разъ, когда давали «Марію Стюартъ», рядомъ со мной въ театрѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, который, при сценѣ Маріи Стюартъ съ Елизаветой, пришелъ въ неописанный восторгъ и не могъ иначе выразить его, какъ восклицаніемъ: «Voilà Rachel! Voilà Rachel!»

Самымъ моднымъ театромъ была тогда итальянская опера, гдѣ составъ труппы былъ такой, какого Парижъ, конечно, не скоро дождется. Здѣсь были такіе первоклассные артисты, какъ Персіани, Лаблашъ, Маріо, Тамбурини и, наконецъ, Гризи. Сколько я ни слышалъ потомъ знаменитыхъ пѣвицъ, ни одна изъ нихъ не могла сравниться съ Гризи въ операхъ: Норма, Семирамида, Донъ-Жуанъ, Лукреція Борджіа, Пуритане и проч. Но я слишкомъ увлекся моими театральными воспоминаніями...

Приложенія.

I.

Штабъ корпуса горныхъ инженеровъ. С.-Петербургъ, 25 мая 1840 года № 2543. О командированіи взятъ для сопутствованія геологовъ: Мурчисона и де Вернёля въ геогностической поѣздкѣ ихъ по Россіи.

Корпуса горныхъ инженеровъ г. подпоручику Кокшарову.

Г. Главноуправляющій корпусомъ горныхъ инженеровъ приказать изволить: вмѣстѣ съ геологами Мурчисономъ и де Вернёлемъ, иѣющими объѣхать съ г. дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ барономъ Мейендорфомъ, въ отношеніи геогностическомъ, нѣкоторыя изъ Велико-Россійскихъ губерній, командировать ваше благородіе какъ для составленія при этомъ надлежащихъ о тѣхъ странахъ геологическихъ и палеонтологическихъ коллекцій, кои у насъ еще весьма не полны, такъ и для того, чтобы воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для практическаго ознакомленія васъ, подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ геологовъ, съ геогностическими изысканіями, въ особенности съ формациями каменноугольными, столь хорошо изученными г. Мурчисономъ; для пособія-же при составленіи помянутыхъ коллекцій отправить съ вами одного изъ нижнихъ чиновъ горныхъ.

О такомъ приказаніи г. главноуправляющаго корпусомъ давая знать вашему благородію, предлагаю вамъ:

1) По полученіи сего предписанія явиться къ г. дѣйствительному статскому совѣтнику барону Мейендорфу и, освѣдомившись отъ его превосходительства о времени отъѣзда его съ г. Мурчисономъ и де Вернёлемъ, отправиться вамъ вмѣстѣ съ барономъ Мейендорфомъ для сопутствованія помянутымъ ученымъ въ геогностической поѣздкѣ ихъ по Велико-Россійскимъ губерніямъ; по окончаніи же сей поѣздки вы возвратитесь сюда вмѣстѣ съ гг. Мурчисономъ и де Вернёлемъ, для представленія надлежащаго отчета въ занятіяхъ вашихъ и затѣмъ для полученія дальнѣйшаго назначенія по службѣ. 2) Въ продолженіи таковой поѣздки вашей, кромѣ изученія страны въ геогностическомъ отношеніи и возможнаго съ вашей стороны содѣйствія къ удобнѣйшему путешествію гг. Мурчисона и де Вернёля—поставляется вамъ главнѣйше въ обязанность собирать для Горнаго института, со всею тщательностію, образцы горнокаменныхъ породъ и особенно окаменѣлостей тѣхъ странъ, кои вы будете осматривать, съ тѣмъ, чтобы, по жрѣ сообщенія штуфовъ породъ и окаменѣлостей высылать ихъ при первомъ удобномъ, но вѣрномъ случаѣ, при рапортахъ, въ корпусный штабъ въ надежной укупоркѣ и съ надлежащими реестрами, въ кои подробно означать мѣсторожденіе штуфовъ. 3) Для пособія при составленіи минеральныхъ коллекцій имѣете вы взять съ собою ожидаемаго сюда на дняхъ съ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ кандидата Денисова, коему по прибытіи приказано будетъ явиться къ вашему благородію. 4) Во все время пребыванія вашего въ настоящей командировкѣ доносить корпусному штабу объ успѣхѣ занятій вашихъ по возможности чрезъ каждыя двѣ недѣли, а въ нужныхъ случаяхъ неотлагательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляю я ваше благородіе, что предъ отъѣздомъ вашимъ вы получите отъ корпуснаго штаба денежную сумму четыреста пятьдесятъ рублей серебромъ, на слѣдующіе расходы:

На подѣшъ вамъ.	100 руб. — коп.
Кандидату Денисову на подѣшъ 30 руб. и суточное по положенію содержаніе по 15 коп. на три мѣсяца, 13 ¹ / ₂ рублей .	43 50
На добавочное вамъ по чину вашему содержаніе, примѣрно на три мѣсяца, на прогоны вамъ съ Денисовымъ на 3 лошади примѣрно на 3,500 верстѣ, на разъѣзды, на отправленіе коллекцій и непредвидимые расходы	306 50
Итого.	450 руб. серебромъ.

Для надлежащаго прихода-расходванія назначенной къ отпуску вамъ суммы препровождается у сего шнуровая тетрадь на 12 листахъ, которую по возвращеніи вашему имѣете представить для повѣрки.

Къ сему присовокупляю, что получаемое вашимъ благородіемъ и канди-

датою Денисовымъ обыкновенное содержаніе будетъ производиться на прежнемъ основаніи и что съ симъ же вмѣстѣ сообщено мною гг. дѣйствительному статскому совѣтнику барону Мейендорфу и директору горнаго института о настоящемъ командированіи вашемъ.

Начальникъ штаба, свиты его императорскаго величества генераль-маіоръ Чевкинъ.

Старшій адъютантъ, подполковникъ Самарскій-Быховецъ.

II.

Письмо французскаго тенора Дюпре (G. Duprez).

Valmondois. 27 Septembre 1887.

Monsieur, Monsieur Des Cloizeaux ¹⁾ vient de m'adresser la traduction de votre trop flatteuse poésie, inspirée par le souvenir de mes travaux passés. Permettez moi, Monsieur, d'être fier d'un hommage, que ma modestie ne saurait accepter entièrement, mais de me glorifier cependant, d'avoir gravé dans votre mémoire les sensations, que j'ai été assez heureux de vous faire éprouver.

Depuis près de 40 ans, dévoué à une autre branche de mon art, je ne suis plus guère habitué aux louanges, que l'on donnait à l'ancien chanteur; grâces vous soient donc rendues, Monsieur, pour cet écho de mes anciens succès, que vous voulez bien raviver; c'est une fleur assez rare, que vous venez de jeter sur mon passé: Merci!

De vie humaine approchant les limites,
Qu'en mon hiver mes rêves soient vermeils;
Puissé je encore revoir les marguerites
Longtemps fleurir à mes derniers soleils!

Pardon, Monsieur, pour ce voeu en quatre pauvres vers. Mais veuillez bien agréer, je vous prie, avec l'expression de ma gratitude, celle aussi de mes sentiments les plus distingués. G. Duprez.

Сообщ. Н. И. Кокшаровъ.

¹⁾ Г. Деклуазо, извѣстнѣйшій французскій минералогъ, членъ института Франція, (по академіи наукъ), старинный другъ Н. И. Кокшарова и сотоварищъ по Парижской, С.-Петербургской и др. академіямъ.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА ВИКИТЕНКО

1854 г. ¹⁾.

Январь. 26. Все это время я работалъ, какъ говорится, на перевода духа, дни и ночи. Управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія хочетъ просить аудіенціи у государя. Надо было приготовить нѣсколько докладовъ и, кромѣ того, написать рѣчь къ университетскому акту, которую праздниками я только началъ. Къ счастью, здоровье пока выноситъ. Послѣ приѣма порошокъ Шипулинскаго, головныя боли мои прекратились. На долго ли? Между тѣмъ, я чуть было не уѣхалъ въ Одессу, Харьковъ и Кіевъ, по порученію министерства. Почти все уже было готово, оставалось министру переговорить съ попечителемъ. Но когда я предупредилъ послѣдняго, онъ заупрямился. Министръ не захотѣлъ вступать съ нимъ въ бой, я не настаивалъ, такъ дѣло и кончилось ничѣмъ.

Февраль. 8. Понедѣльникъ. Азтъ въ университетѣ. Я читалъ рѣчь: „Объ эстетическомъ элементѣ въ наукѣ“. Получилъ много похвалъ и благодарностей, но иные жаловались, что я тихо читалъ. Какой-то архіерей, сидѣвшій возлѣ Авраама Сергѣевича, замѣтилъ, что „рѣчь очень хороша, но въ ней мало религіознаго“.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—316; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629—653; томъ XLVI, апрѣль, стр. 25—48.

Вѣрно онъ ожидалъ услышать съ каеэдры университетской отрывокъ изъ Четы-Минеи или Патерика.

14. Въ четвергъ была страшная вьюга. Я отправился въ университетъ пѣшкомъ, потому что такъ и здоровѣе, и дешевле, и пріятнѣе—пріятнѣе потому что изъ всѣхъ зимнихъ прелестей нашей природы я больше всего люблю вьюгу, а лѣтомъ грозу. На переходѣ черезъ Неву вѣтеръ сбивалъ меня съ ногъ и заметалъ тропинку такъ, что мои калоши наполнились снѣгомъ. За это я поплатился простудою.

16. Въ истинѣ есть что-то такое, что ощущается тотчасъ, какъ скоро она проникаетъ въ сознаніе. Этого не докажешь никакими фактами, формулами и выводами. Тѣ, которые требуютъ совершеннаго объясненія истины, похожи на людей, которые, не довольствуясь тѣмъ, что видятъ свѣтъ, но хотѣли бы захватить его рукою и поднести къ носу.

Цѣлую жизнь мою я стремился къ одному: чтобы быть возвѣстителемъ и защитникомъ чистой красоты въ жизни и въ искусствѣ. Многіе ли меня поняли? Не знаю. Но я знаю мое дѣло. Много ли сдѣлано въ этомъ родѣ? Конечно, тысячная доля изъ того, что я могъ бы, и билліонная изъ того, что можно. Но это не мѣшаетъ мнѣ продолжать идти такъ, какъ я шелъ доселѣ, и кончить такъ. Это было не юношеское одушевленіе, не поэзія возраста—нѣтъ, у меня это была строгая, непреложная задача жизни,—знамя, подъ которымъ я стоялъ и стою среди людей и на которомъ запеклось много крови изъ моего сердца. Сначала мнѣ хотѣлось, чтобы меня поняли. Но потомъ я убѣдился, что это невозможно и къ тому же самолюбиво. Не дѣлиться должно съ людьми, а давать имъ, ничего не требуя взаимнѣ.

18. Управляющій министерствомъ въ день акта былъ у государя для личнаго доклада. Государь принялъ его милостиво, и благосклонно утвердилъ всѣ наши доклады, въ томъ числѣ: объ основаніи при С.-Петербургскомъ университетѣ факультета восточныхъ языковъ, съ закрытіемъ его въ Казанскомъ университетѣ и вездѣ, гдѣ они есть по министерству. Другой докладъ весьма важенъ для нашей литературы: испрошено соизволеніе государя представлять ему каждую третью года вѣдомость о лучшихъ русскихъ сочиненіяхъ, и даже переводныхъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ указаніемъ ихъ достоинствъ,

чтобы государь видѣлъ, что въ нашемъ умственномъ мѣрѣ не однѣ гадости творятся, какъ ему постоянно доносить пресловутый комитетъ 2-го апрѣля. Государь и это принялъ благоклонно.

19. Такъ какъ воображаютъ, будто я нынѣ пользуюсь значеніемъ и кредитомъ въ министерствѣ, то тѣ, которые еще недавно ни во что считали оскорблять меня за то, что я имъ былъ нѣкогда полезенъ, а потомъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлался бесполезенъ, —теперь опять обращаются ко мнѣ съ изъявленіями своей преданности, высокаго мнѣнія о моихъ всяческихъ заслугахъ и пр. и пр. Вотъ, на примѣръ, Г., изъ Москвы, цѣлый часъ говорилъ мнѣ въ этомъ смыслѣ: ему нужно мое содѣйствіе у министра, чтобы изданная имъ книга была признана единственною въ своемъ родѣ для учебныхъ заведеній. И это уже не первый случай.

Мартъ. 6. Докторскій диспутъ (Н. Н.) Булича: я былъ оппонентомъ.

12. Вчера до двухъ часовъ ночи проработалъ съ управляющимъ министерствомъ. Кажется, удалось побѣдить одно зло. Я давно уже направлялъ батарею противъ гнуснаго Давыдовскаго комитета. Авраамъ Сергѣевичъ вполне вошелъ въ мою идею. Съ цѣлью уничтожить это нехорошее дѣло покойнаго министра, рѣшено сдѣлать государю докладъ о возстановленіи Главнаго правленія училищъ, въ которомъ долженъ потонуть и оный комитетъ. Вчера я приготовилъ докладъ. Директоръ министерской канцеляріи тоже изготавилъ проесть, но въ противномъ духѣ, а именно клонящійся въ продолженію комитета. Такимъ образомъ мы столкнулись, однако мнѣ удалось одолѣть. Удивительные люди эти директора канцелярій! Никто ужъ и не ждетъ отъ нихъ ни ума, ни сообразительности, ни государственной смѣтливости,—но они не умѣютъ даже только составить бумагу. Вотъ хоть бы директоръ министерской канцеляріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Б..... Всѣ сколько нибудь серьезные дѣла, проходящія черезъ его руки, цѣликомъ передѣлываются или мною, или самимъ министромъ. А между тѣмъ, какое чванство, высокоуміе! Какое презрѣніе къ наукѣ и ея представителямъ! Другой. П. И. Г..... бывший ценсоръ, тайный совѣтникъ, смотрящій въ товарищи министра, то, что называется почтенный человекъ, то есть, когда говорить—не кричать, не машеть руками, не смѣется громко,

не пьеть, не волочится, не воруетъ и—не имѣеть собственнаго мнѣнія. Но этотъ, по крайней мѣрѣ, отлично знаетъ канцелярскія формы. Онъ очень резонабеленъ, ходитъ ощупью даже при свѣтѣ дня по широкому тротуару; все чего-то боится, во всемъ сомнѣвается, ничего не видитъ дальше своего директорскаго носа, который очень коротокъ. Но надо ему отдать справедливость, онъ не надувается, добронравно стряпаетъ свои бумаги на канцелярской кухнѣ, гдѣ изъ нихъ приготовляетъ департаментскій винегретъ отношеній за номерами.

13. Государь утвердилъ нашу мысль о сляніи Давыдовскаго комитета съ Главнымъ правленіемъ училищъ. Вчера докладъ посланъ, а сегодня вернулся съ резолюціей: „Согласенъ“.

21. Всѣ эти дни работалъ надъ отчетомъ за прошлый годъ по министерству, который на этой недѣлѣ представится государю. Тутъ вся суть въ заключеніи. Это экстрактъ всего: выводы и виды правительства, приведенные въ исполненіе или еще ожидающіе очереди. Вчера я читалъ первые листы Аврааму Сергѣевичу: онъ поблагодарилъ меня жаркимъ объятіемъ. Остается кончить немного. Если не успѣю сегодня, завтра придется пожертвовать какимъ-нибудь другимъ дѣломъ.

Апрѣль. 11. Праздникъ Пасхи. Авраамъ Сергѣевичъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія. Заутреню я слушалъ въ министерской церкви. Нынче праздникъ и для меня не безъ пріятныхъ сюрпризовъ. Наконецъ, признали, что не рано произвести меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но самое пріятное это то, что Авраамъ Сергѣевичъ выхлопоталъ мнѣ пособіе въ 1000 р. с. Это меня буквально спасаетъ въ настоящую минуту, ибо, по случаю двухъ серьезныхъ болѣзней въ семьѣ, я находился въ полной невозможности свести концы съ концами.

14. Сегодня министръ принималъ поздравленія въ департаментской залѣ. Мое появленіе тамъ произвело неожиданный эффектъ. Когда я вошелъ, множество лицъ устремилось въ мою сторону, такъ что я невольно обернулся посмотреть, какая важная особа идетъ за мной слѣдомъ. Особа оказалась—я самъ. Меня засыпали поздравленіями и любезностями, улыбками и рукопожатіями. Я, очевидно, возвысился—только не въ собственныхъ глазахъ. Завтра—новый поворотъ колеса, и я опять смять, затерть. Но—всякому дню довлѣетъ злоба его, и потому отложимъ

попеченія о завтра, а сегодня—смѣло, во всеоружіи впередъ. Вліяніе, какое мнѣ въ данный моментъ приписываютъ на дѣла министерства, налагаетъ на меня новый долгъ и, какъ бы оно мимолетно ни было, изъ него надо извлечь всю возможную пользу для нашего просвѣщенія и для подвизающихся на благо ему.

17. Государь остался очень доволенъ нашимъ отчетомъ. Онъ говорилъ это наслѣднику и приказалъ ему прочесть его. Наслѣдникъ читалъ „съ удовольствіемъ“, какъ самъ о томъ сообщилъ Аврааму Сергѣевичу.

И. И. Давыдовъ, сей великій ловець благъ, получилъ владимірскую звѣзду и, кажется, совсѣмъ помутился отъ радости. Для поощренія начальства къ доставленію ему вящихъ и вящихъ наградъ, онъ придумалъ слѣдующее. Съ большимъ шумомъ словъ онъ на дняхъ подалъ министру бумагу, съ сообщеніемъ, что педагогическій институтъ весь рѣшается стать подъ ружье и просить, что бы его теперь же немедленно начали учить военнымъ эволюціямъ. Министръ изумился и не зналъ, что дѣлать съ такимъ радикальнымъ усердіемъ. А Иванъ Ивановичъ хлопочетъ объ одномъ: чтобы это дошло до государя. Между тѣмъ, въ этомъ есть и своя неловкая сторона, которую И. И. упустилъ изъ виду. Предложеніе такой крайней мѣры вѣдь какъ бы намекаетъ на недостаточность нашихъ военныхъ силъ и на критическое положеніе ихъ. Въ заключеніе: Авраамъ Сергѣевичъ распорядился прекрасно. Онъ далъ этому характеръ милаго, но ребяческаго усердія юношей, и въ такомъ тонѣ передалъ дѣло великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и наслѣднику. Его высочество замѣтилъ: „да, вѣдь, намъ нужны также и образованные педагоги“. Онъ выразилъ удовольствіе, что Авраамъ Сергѣевичъ не далъ этому официальнаго хода. Такъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ остался, какъ говорится, съ носомъ.

Май 9. Я вполнѣ сознаю шаткость моего положенія при министрѣ, а слѣдовательно, и нашего съ нимъ дѣла. Боюсь, чтобы большинство нашихъ надеждъ не разсѣялось дымомъ. Характеръ его мнѣ извѣстенъ. Онъ благомыслящъ, просвѣщенъ, гуманенъ, но слабъ. Горе ему и общеплезному дѣлу, если онъ попадетъ въ недобросовѣстныя руки искателей и ловцовъ личныхъ благъ. А на него изподтишка уже готовится облава! Много будетъ тогда сдѣлано ошибокъ. Вотъ почему я старался и до

сихъ поръ стараюсь оградить его отъ вредныхъ вліаній, такъ сказать, своей грудью прикрыть его отъ нихъ. Трудная и неблагодарная роль. Надо быть постоянно на сторожѣ.

11. Моя семья переѣхала на дачу. Но я остался еще здѣсь— у меня экзамены, комитеты и тому подобное.

15. На дачѣ и я. Сильно надоѣлъ мнѣ этотъ Лѣсной корпусъ, въ немъ все перемѣнилось—лѣсъ истребленъ, поля заняты огородами, населеніе умножилось, развелись кабаки—однимъ словомъ, вышелъ дрянной городишка.

17. Въ городѣ. Экзаменъ въ аудиторскомъ училищѣ и докладъ министру.

28. Авраамъ Сергѣевичъ переѣхалъ въ министерскій домъ. Я былъ на молебнѣ въ его новомъ жилищѣ. Оно великолѣпно.

Іюнь 17. Почти не живу на дачѣ. Ѣзжу то въ городъ, то въ Павловскъ на свиданія съ министромъ. Вчера ѣздилъ въ Царское село къ попечителю, объясняться съ нимъ по дѣлу объ открытіи восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ. Оттуда отправился опять-таки въ Павловскъ и вечеромъ возвратился въ городъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ Сергѣевичемъ, и продолжали работать еще далеко за полночь. О собственныхъ литературныхъ трудахъ почти и думать не приходится. Между тѣмъ, очень хочется написать хоть біографію Галича, которая давно у меня просится подъ перо.

Сентябрь 8. Сегодня мы переѣхали съ дачи. Самое интересное событіе нынѣшняго лѣта для меня—это моя поѣздка въ Москву. Я поѣхалъ туда 19-го іюля и вернулся 4-го августа. Тамъ я былъ принять съ распростертыми объятіями учеными собратами: Катевымъ, Соловьевымъ, Леонтьевымъ, Кудрявцевымъ, Драшусовымъ. У Каткова я провелъ нѣсколько дней въ Петровскомъ паркѣ. Радостно и любовно встрѣтилъ меня также Калайдовичъ, котораго, увы! теперь ужъ нѣтъ. Онъ умеръ очень скоро послѣ моего отъѣзда изъ Москвы, какъ говорятъ, отъ холеры. Горькая для меня потеря!

Двѣ недѣли въ Москвѣ прошли очень пріятно въ бесѣдѣ съ ученой братіей и въ странствованіяхъ съ Калайдовичемъ по Блочнокаменной и ея окрестностямъ. Возвратный путь тоже былъ хорошъ. Съ тѣмъ же поѣздомъ ѣхалъ Я. И. Ростовцевъ. Онъ перетащилъ меня въ свой вагонъ и мы незамѣтно доѣхали до Петербурга.

Нынѣшнее лѣто, своей необычайной прелестью, рѣдкое въ Петербургѣ. Никто не помнитъ подобнаго. Теперь и холера почти прекратилась, за то въ Москвѣ, говорятъ, она была свирѣпа. Въ настоящее время все вошло въ обычную колею. Я опять одѣлся въ боевые доспѣхи, вооружился бодростію духа и смѣло иду на встрѣчу случайностямъ. Да будетъ, что будетъ!

19. А вотъ и борьба. Надежды на улучшение цензуры меркнутъ. Сегодня я началъ говорить министру о ея злоупотребленіяхъ и безсмысліи. Но онъ обнаружилъ такое равнодушіе, что мнѣ даже стало досадно, и я круто повернулъ разговоръ на другой предметъ. Отложимъ атаку до болѣе благопріятной минуты.

Было между прочимъ говорено, по случаю настоящихъ событій, о томъ, что у насъ на высшихъ ступеняхъ государственной и общественной дѣятельности нѣтъ людей способныхъ. Я замѣтилъ, что это въ связи со всей системой управленія у насъ. Со мной согласились. Дѣйствительно, настоящая эпоха — это эпоха нравственныхъ и умственныхъ ничтожествъ. Забавно, что всѣ это понимаютъ, но и находятъ, что такъ тому и быть. Ростовцевъ, ѣдучи со мной изъ Москвы, сильно напиралъ на то, что матеріалы у насъ прекрасные, но нѣтъ распорядителей, которые съ толкомъ употребляли бы ихъ въ дѣло. Да, прибавилъ я, и это наше горе вездѣ: и на гражданскомъ и на военномъ поприщѣ.

19. Обѣдалъ у министра, гдѣ былъ также ректоръ Казанскаго университета, Симоновъ. Это умный человѣкъ, говоритъ хорошо. За обѣдомъ и послѣ обѣда я навелъ разговоръ на его кругосвѣтное путешествіе съ капитаномъ Биллинсгаузеномъ. Онъ поразсказалъ много интереснаго и сопровождалъ свои рассказы умными, дѣльными замѣчаніями. Министру онъ очень понравился. Онъ пріѣхалъ сюда лечиться отъ полипа, хочетъ просить Пирогова сдѣлать ему операцію.

21. Было совѣщаніе между нашимъ министромъ и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Синавинымъ. Дѣло шло объ устройствѣ восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ. Я присутствовалъ въ качествѣ члена комитета, учрежденнаго по этому вопросу, и дѣлопроизводителя.

Вотъ какъ у насъ, между прочимъ, назначаютъ людей на

важные посты. Умеръ попечитель Дерптскаго учебнаго округа Крафштремъ: На-дняхъ я засталъ министра въ кабинетѣ задумавшимся надъ адресь-календаремъ.

— Вотъ, говорить онъ, — думаю, думаю и ума не приложу, кого назначить на мѣсто Крафштрема.

И при этомъ онъ прочелъ вереницу именъ, гдѣ между прочимъ упоминались: Дюгамель, Бронченко, Брадке.

— На комъ же изъ нихъ вы думаете остановиться? спросилъ я.

— Право, не знаю. Не укажете ли вы кого?

— Вы въ числѣ другихъ назвали Брадке, отвѣчалъ я. Чего же лучше? Онъ ужъ былъ попечителемъ въ Кіевѣ. Это человѣкъ опытный, образованный и благородный.

— А что вы думаете? сказалъ министръ. И въ самомъ дѣлѣ! Не написать ли ему и не попросить ли его заѣхать ко мнѣ завтра?

Я зналъ, что написаніе письма можетъ быть отложено до завтра. Завтра придетъ Павелъ Ивановичъ Гаевскій и испортитъ дѣло своими вѣчными затрудненіями, которыхъ нетрудно найти всегда, когда захочешь.

— Не лучше ли, Авраамъ Сергѣевичъ, возразилъ я, — если дѣлать, то дѣлать сейчасъ же. Не угодно ли вамъ: я съѣзжу къ Брадке и переговорю съ нимъ отъ вашего имени?

— Прекрасно! Возьмите мой экипажъ и поѣзжайте немедленно.

Къ сожалѣнію, я не засталъ Брадке дома, но возвратясь постарался такъ настроить Авраама Сергѣевича, что онъ тутъ же написалъ записку и послалъ къ Брадке на дачу, гдѣ тотъ теперь живетъ. Въ настоящее время и государь уже согласился на его опредѣленіе. Лица достойныя и способныя къ отправленію высшихъ должностей у насъ такъ мало поставлены на видъ, что опредѣленіе на соотвѣтственное мѣсто одного изъ нихъ является просто случайной находкой.

25. Въ „Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатано нѣсколько народныхъ пѣсенъ не совсѣмъ нравственнаго содержанія — разумѣется въ видѣ матеріала для изученія нашей народности. Негласный комитетъ, управляемый нынѣ (М. А.) Корфомъ, донесъ о томъ государю. Велѣно: губернатору сдѣлать

выговоръ, цензировавшаго газету, директора гимназіи, выдержать мѣсяць на гауптвахтѣ и спросить министра: „благонадеженъ ли онъ продолжать дольше службу“? Министръ самъ написалъ очень умный докладъ въ защиту бѣднаго директора, который дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ нашихъ губернскихъ директоро́въ. Сегодня докладъ посланъ.

Одна дама въ Москвѣ хотѣла издать сборникъ изъ хорошихъ статей, подаренныхъ ей знакомыми московскими учеными ¹⁾. Бывшій министръ Ширинскій-Шихматовъ исходатайствовалъ повелѣніе считать сборники за журналы и потому на этотъ новый сборникъ пришлось испрашивать высочайшаго разрѣшенія. Послѣдовала резолюція: „и безъ того много печатается“. На самомъ же дѣлѣ, у насъ вовсе не выходитъ никакихъ книгъ, а какъ и сборники запрещены, то литература наша въ полномъ застоѣ. Только и есть, что журналы: „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Библіотека для Чтенія“, „Москвитянинъ“ и „Пантеонъ“. Но и въ нихъ бѣльшую частью печатаются жалкія, безцвѣтныя вещи.

26. Слава Богу! Саратовскій директоръ, ценсоровавшій вышеупомянутыя народныя пѣсни, по ходатайству министра, прощенъ. Ему велѣно одновременно объявить мѣсячный арестъ и помилованіе.

Но тутъ же новое горе для литературы. Въ „Москвитянинѣ“, кажется въ іюньской книжкѣ, напечатана повѣсть Лихачева: „Мечтатель“. Въ ней мѣста три—четыре, дѣйствительно, лучше было бы не пропускать, во избѣжаніе худшаго зла, но ценсора, Похвистневъ и Ржевскій пропустили ихъ. Министръ велѣлъ подать имъ въ отставку. Сколько ни убѣждалъ я, чтобы съ ними было поступлено не такъ строго, министръ на этотъ разъ остался при своемъ рѣшеніи. Къ сожалѣнію, это подастъ поводъ здѣшнимъ цензорамъ быть еще неукротимѣе въ своихъ запрещеніяхъ.

30. Я написалъ и представилъ министру еще въ первыхъ числахъ августа планъ преобразованія и улучшенія „Журнала

¹⁾ Эта дама была извѣстная впоследствии писательница и издательница журнала для дѣтей «Игрушечка»—Татьяна Петровна Пассекъ († 1889 года). Сборникъ предполагался для юношества, онъ былъ педагогическаго содержанія.

Министерства Народнаго Просвѣщенія“, редакцію котораго предположено передать мнѣ. Авраамъ Сергѣевичъ, какъ обыкновенно, съ жаромъ торопилъ меня заняться предварительными соображеніями о журналѣ, а когда я это сдѣлалъ, онъ совсѣмъ о немъ замолчалъ. А журналъ дѣйствительно въ плохомъ состояніи.

Октябрь 1. Что сдѣлалось съ Авраамомъ Сергѣевичемъ? Не понимаю! Онъ поступаетъ съ ценсурой чуть не хуже, чѣмъ его робкій и неспособный предшественникъ. На него напалъ какой-то паническій страхъ. Онъ привязывается къ самымъ невиннымъ фразамъ и стѣбитъ только кому-нибудь, Комаровскому или Волкову, указать на самое безупречное мѣсто въ книгѣ или журналѣ, чтобъ взволновать его, и у него тотчасъ готово строгое предписаніе, выговоръ. Сегодня Берте показывалъ мнѣ кучу заготовленныхъ бумагъ этого рода. Надо приготовить записку о ценсурѣ и подать ее министру. Но это потребуетъ довольно времени, да и надежды мало на успѣхъ. Какой-то рокъ влечетъ нашу эпоху. Куда?—Не знаемъ.

Мы только плачемъ и взываемъ:

О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!

Но честный человѣкъ не долженъ слагать оружія и предаваться бездѣйствію доколѣ есть хоть тѣнь возможности дѣйствовать.

7. Хлопоталъ у министра за Ласковскаго, чтобы ему дали катедру химіи въ Москвѣ. О немъ всѣ, и специалисты и неспециалисты, отзываются одинаково хорошо, какъ объ ученомъ и какъ о человѣкѣ. На бѣду, онъ докторъ медицины, а не химіи, по закону же надо быть докторомъ той науки, по которой желаешь занять катедру. Однако, министръ обѣщалъ опредѣлять его исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора, а тамъ его ученые заслуги какъ-нибудь проведутъ его и дальше. Кстати: у насъ есть благодѣтельное какъ-нибудь, которое производитъ неисчислимыя зла на Руси, но иногда помогаетъ и добру.

Измѣняться свойственно человѣку, но неужели онъ долженъ измѣняться только къ худшему? Сколькихъ людей я зналъ и знаю, которые начали свое поприще по человѣчески, а продолжали его или кончили такъ, что сязать стыдно. Они все повалили разомъ: и юношескія увлеченія, и прекрасныя вѣрованія въ добро, правду и истину. Да, видно, вѣрованія-то ихъ были не

иное что, какъ тоже только юношескія увлеченія или броженіе неустановившейся мысли, навѣянное чтеніемъ иностранныхъ книгъ. Вотъ, напримѣръ, М... человекъ съ замѣчательнымъ умомъ, учившійся у насъ въ университетѣ,—какъ скоро занялъ значительное мѣсто, такъ и сталъ кривиться на одинъ бокъ. Прежде это была свѣтлая голова, воздававшая Божіе Богови и Кесарю Кесарево, понимавшая и дѣло и мысль, движущую дѣлами, а теперь онъ чуть не гонитель науки. У него всё науки—безполезныя теоріи, и только тотъ чего-нибудь стоитъ, кто постигъ практику дѣловую и житейскую, то есть, кто ничего не видитъ и видѣть не хочетъ, кромѣ того болота, въ которомъ копошится.

8. Составилъ и отдалъ въ канцелярію для переписки докладъ государю и списокъ о лучшихъ произведеніяхъ нашей учено-литературной дѣятельности съ января по октябрь. Набралось шестнадцать сочиненій.

16. Министръ поручилъ мнѣ рассмотреть и обсудить нѣсколько важныхъ вопросовъ, касающихся нашихъ университетовъ. Ко мнѣ прислана для справокъ и наблюденій куча дѣлъ. Теперь я весь утонулъ въ нихъ.

19. Бѣда съ людьми, у которыхъ больше добрыхъ намѣреній, чѣмъ силъ приводить ихъ въ исполненіе. Обѣщавъ Лясковскому опредѣлить его исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора, министръ ничего не предпринялъ для осуществленія своего обѣщанія, а сегодня директоръ департамента объявилъ бѣдному Лясковскому, чтобы онъ объ этомъ и не помышлялъ, что министръ вѣроятно ошибся, забылъ и т. д.

23. Вечеромъ присылалъ за мною министръ: нѣкоторые изъ нашихъ докладовъ возвратились отъ государя утвержденными. Между ними меня особенно интересовали два, составленные мною: объ образованіи восточнаго факультета при здѣшнемъ университетѣ и докладъ о лучшихъ учено-литературныхъ произведеніяхъ, появившихся въ промежутокъ времени съ января по октябрь, и гдѣ, между прочимъ, испрашивалось благоволеніе „Обществу древностей“ въ Москвѣ, Соловьеву (за его исторію), Калачову (за сборникъ) и Федоренкѣ (за астрономическія вычисленія). Все это труды въ высшей степени почтенныя и я съ особеннымъ удовольствіемъ на нихъ остановился: пусть приу-

чаются тамъ, гдѣ слѣдуетъ, смотрѣть на нашу научно-литературную дѣятельность не какъ на пугало, а какъ на нѣчто заслуживающее уваженія и поощренія.

Большаго труда стоило мнѣ отклонить отъ представленія въ государственный совѣтъ нашего перваго доклада. Однако это удалось: министръ, наконецъ, согласился обратиться прямо къ государю. Такимъ образомъ, дѣло это теперь поставлено прочно.

Удалось мнѣ также добиться того, что министръ, по крайней мѣрѣ, далъ слово, по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, сдѣлать Лясковскаго исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора.

24. Много толковъ объ отставленныхъ цензорахъ. Приѣхалъ изъ Москвы Погодинъ хлопотать о себѣ и о другихъ. Я видѣлся съ нимъ у министра.

25. Недоволенъ собой. Чувствую сильную усталость, вслѣдствіе которой, должно быть, не выказалъ должной настойчивости: одну изъ предложенныхъ мною за эти дни мѣръ вовсе не сумѣлъ отстоять, а двѣ другія подверглись канцелярскимъ передѣлкамъ и поправкамъ, сильно ихъ исказившимъ. Мои виды честные и надо поддерживать ихъ съ бѣльшей энергіей мысли и слова.

27. На вечерѣ у министра. Авраамъ Сергѣевичъ по середамъ принимаетъ у себя многочисленное общество. Онъ, чуть ли не первый изъ нашихъ министровъ, завелъ, чтобы гости его состояли не изъ однихъ игроковъ въ преферансъ, но и изъ людей съ ученымъ и литературнымъ именемъ. На этотъ разъ я у него встрѣтилъ нашего Фишера, Буняковскаго, Чебышева и другихъ. Я довольно много говорилъ съ Погодинымъ. Онъ нынѣ занимается собираніемъ портретовъ русскихъ писателей. Не хочетъ ли онъ потомъ и эту коллекцію продать также выгодно, какъ свое древнехранилище, за которое онъ взялъ съ правительства 150 тысячъ рублей серебромъ? Онъ написалъ еще какое-то посланіе къ раскольникамъ, которое мнѣ очень хвалилъ министръ. Погодинъ общался мнѣ прочесть его. Умный и плутоватый мужикъ! Долго разговаривалъ я также съ генераломъ Висковатовымъ о нынѣшнихъ военныхъ событіяхъ и неожиданно встрѣтился съ княземъ Мещерскимъ (А. В.), съ которымъ не видался семнадцать лѣтъ. Онъ все это время служилъ въ Варшавѣ, а теперь переведенъ сюда. Мы нѣвогда были съ нимъ близко знакомы и сегодня съ удовольствіемъ встрѣтились

28. Безалаберность—вот девизъ нашего общества, а ложь его кумиръ. Оно жжетъ ежеминутно, мыслью и дѣломъ, сознательно и бессознательно. Подъ вліяніемъ послѣднихъ чрезвычайныхъ событій, въ немъ какъ будто и начала шевелиться мысль: она куда-то рвется, что-то хочетъ понять, выяснить. Но ей не удалось развиться логически, ей не достаетъ опоры науки и она кружится въ пространствѣ, бьется, какъ подстрѣленная птица.... Нѣтъ, тутъ надо еще цѣлое столѣтіе, чтобы могла выработаться какая-нибудь разумная сила.

29. Сегодня мы долго говорили съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. И, между прочимъ, сказалъ ему о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производить, при вышшихъ обстоятельствахъ, отрѣшеніе двухъ цензоровъ (Похвистнева и Ржевскаго), что въ публикѣ это приписываютъ вліянію графа Панина, будто-бы обратившаго вниманіе на глупыя фразы, которыхъ никто другой не замѣтилъ и которыми никто не думалъ соблазняться, и т. д.

Просвѣщеніе, наука—это не иное что, какъ опыты вѣковъ. Вопросъ въ томъ: принять эти опыты, или отвергнуть ихъ? Но, разъ принявъ ихъ, надо уже видѣть такими, какъ они есть, иначе то будутъ не опыты, порождающіе мудрость, а призраки, ведущіе къ блужданью среди мнимыхъ пропастей и западней.

— А вѣдъ ларчикъ просто отпирается: не надо лгать.

29. Говорилъ съ министромъ о необходимости составить инструкцію для цензоровъ, чтобы они знали, чего держаться и чтобы обуздать ихъ произволъ, часто невѣжественный и эгоистичный. На этотъ разъ министръ меня выслушалъ, казался убѣжденнымъ и просилъ меня заняться этимъ.

Каролина Павлова, написавшая: „Разговоръ въ Кремлѣ“, ужасно хвастаетъ фразою: „Пусть гибнуть наши имена, да возвеличится Россія“. Любовь къ отечеству—чувство похвальное, что и говорить. Но выраженіе этой любви хорошо, когда оно истинно, когда оно не пустая звонкая фраза, а мысль реальная и вѣрная. Сказать: „пусть гибнуть наши имена, лишь бы возвеличилось отечество“, значитъ сказать великолѣпную нелѣпость. Отечество возвеличивается именно сынами избранными, доблестными, даровитыми, которые не гибнутъ безъ смысла, безъ достоинства и самоуваженія. Оно первое чтитъ славныя имена этихъ сыновъ, сохраняетъ ихъ въ своей благодарной памяти, какъ святыню, и

гордится ими, указывая на нихъ грядущимъ поколѣніямъ, какъ на образецъ для подражанія. То, что говоритъ Павлова, — гипербола и фальшь. Вообще, госпожа эта — особа крайне напыщенная. Она не безъ дарованія, но страшно всѣмъ надоѣдаетъ своей болтовней и навязчивостью. Къ тому же, единственный предметъ ея разговора — это она сама, ея авторство, стихи. Она всякому встрѣчному девламируетъ ихъ, или вѣрнѣе выкрикиваетъ и поетъ. Лѣтомъ, на дачѣ, она жила близко отъ меня и не давала мнѣ проходу, также какъ и Плетневу: мы буквально отъ нея бѣгали.

Кстати о поэтахъ. Между ними теперь вообще въ модѣ патриотическіе стихи. Въ этомъ, конечно, ничего предосудительнаго. Но бѣда въ томъ, что всѣ эти признанные и непризнанные поэты — особенно послѣдніе — вдохновляются не столько дѣйствительнымъ патриотизмомъ, сколько вождельніями къ перстнямъ, табакеркамъ и т. д. Стихи подносятся министру, въ надеждѣ, что бьющія въ нихъ черезъ край вѣрнопопуданническія изліянія будутъ повергнуты къ стопамъ монарха и принесутъ желаемые плоды. Не разъ уже ставили они въ затрудненіе добраго Авраама Сергѣевича. Легко поддающійся первому впечатлѣнію, онъ еще надняхъ взялся представить такіе стихи — одни изъ лучшихъ — государю, а теперь не знаетъ, какъ отъ этого отвертѣться. Не время, право, занимать государя такими пустяками, и люди съ дарованіемъ могли бы дѣлать болѣе достойное употребленіе изъ своего таланта.

Ноябрь 7. Странное и страшное происшествіе въ городѣ: сегодня рано утромъ появился на улицахъ бѣшенный волкъ. Онъ съ Елагина острова пробрался на Петербургскую сторону, обѣжалъ Троицкую площадь вокругъ крѣпости, промчался по Троицкому мосту, черезъ Сергѣевскую, къ Таврическому саду и обратился вспять къ Лѣтнему саду, гдѣ, наконецъ, и былъ убитъ двумя мужиками. По пути онъ искусалъ до тридцати восьми человѣкъ и вообще надѣлалъ пропасть бѣдъ. Несчастныя жертвы его отправлены въ больницы.

8. Говорятъ, что это Иванъ Ивановичъ Давыдовъ указалъ графу Панину на извѣстныя фразы въ напечатанной въ „Москвитянинѣ“ повѣсти „Мечтатель“, за которыя были отставлены цензора Похвистневъ и Ржевскій. Если это правда, такъ Иванъ

Ивановичъ сдѣлалъ дѣло, для котораго трудно подобрать приличное названіе.

9. Я только что отъ министра: онъ ввѣрилъ мнѣ нѣсколько важныхъ дѣлъ, которыя я долженъ обработать для его личнаго доклада государю. Все должно быть готово къ половинѣ декабря. Тутъ, между прочимъ, дѣло объ отмѣнѣ ограниченія числа студентовъ, принимаемыхъ въ университетъ, и другое—о возвращеніи дополнительнаго жалованья профессорамъ, и прочее. Работы много, и работы трудной, ибо тутъ все о разныхъ отмѣнахъ. Зато это не текущіе пустяки, а вопросы важные, надъ которыми пріятно поработать.

10. Переговоры съ Сербиновичемъ о „Журналѣ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія“. Сербиновичъ проситъ, чтобы его оставили еще на годъ моимъ соредакторомъ. Я буду входить въ сношенія съ нашими учеными и привлекать ихъ къ участию въ журналѣ и вообще заниматься литературною частью. Жалованье пополамъ.

Декабрь 9. Кончилъ доклады государю. Сегодня читалъ ихъ министру. Онъ остался очень доволенъ и, по обыкновенію, горячо обнялъ меня. Больше всего труда стояло мнѣ грамата Московскому университету, по случаю столѣтняго юбилея, который будетъ праздноваться 12-го января слѣдующаго года. Мнѣ хотѣлось какъ можно рельефнѣе означить заслуги университета и придать всему торжественный характеръ. Авраамъ Сергѣевичъ все одобрилъ.

12. Министръ просилъ меня передѣлать докладъ о пенсіяхъ, написанный въ департаментѣ и очень плохо. Самая несносная работа—это передѣлыванье. Несравненно легче написать самому. Надо просидѣть за дѣломъ ночь, такъ какъ докладъ долженъ быть готовъ къ утру.

13. Докладъ о пенсіяхъ готовъ. Министръ желалъ, между прочимъ, сдѣлать кое-какія перестановки, чтобы сообщить всему болѣе мягкій характеръ. Главная трудность въ томъ, что приходится хлопотать объ отмѣнѣ прежнихъ и еще очень недавнихъ постановленій. Министерство въ настоящее время только и занято тѣмъ, что вытаскиваетъ изъ воды камни, набросанные предшествовавшими управленіями, особенно при Шихматовѣ. Надо отдать справедливость Аврааму Сергѣевичу: онъ вообще дѣй-

стуеть благородно и смѣло. Первое, впрочемъ, ему присуще, но долго ли его хватить на второе—не знаю. Сегодня мы съ нимъ имѣли откровенный разговоръ. Во всякомъ случаѣ, намѣренія его чисты, какъ ясный день.

— „Я не боюсь“, сказалъ онъ между прочимъ,— „представлять государю доклады даже объ отмиѣнѣ того, что имъ самимъ повелѣно, потому что ничего не ищу для себя, а по крайнему моему убѣжденію думаю только о томъ, что полезно для него и для отечества. Если я ошибаюсь, пусть меня просвѣтятъ; но скрывать отъ него истину я не хочу, какъ вѣрнопопданный и какъ сынъ Россіи“.

Съ министромъ, такъ благородно настроеннымъ—хорошо и работать. Въ минуты подобнаго одушевленія у Авраама Сергѣевича мы вполне сходимся съ нимъ въ видахъ. Совѣщаясь тогда о какомъ-нибудь дѣлѣ, я заранѣе знаю его мнѣніе, а онъ мое и мы безъ усилія соглашаемся въ подробностяхъ, потому что съ самаго начала согласны сердцемъ. Ахъ, еслибъ только не эти канцелярскіе тормазы!...

Онъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ любопытное правило, которымъ руководствовался князь Шихматовъ. „Авраамъ Сергѣевичъ!“ говорилъ онъ ему при каждомъ серьезномъ случаѣ, гдѣ требовалось энергическое дѣйствіе,— „да будетъ вамъ извѣстно, что у меня нѣтъ ни своей мысли, ни своей воли — я только слѣпое орудіе воли государя“.

15. Наконецъ, всѣ наши доклады перечитаны, переписаны, еще перечитаны и совсѣмъ готовы. Министръ меня благодарилъ, какъ другъ. Работы было много, но работы хорошей, серьезной и я не уставалъ, работалъ съ одушевленіемъ, могу сказать—съ любовью. Если благія намѣренія министра осуществляются, я буду вправѣ себѣ сказать: „тутъ есть капля и моего меду“. Самое важное изъ настоящихъ дѣлъ то, которое касается цензуры, то есть уничтоженія негласнаго комитета, а съ нимъ вмѣстѣ и большинства ценсурныхъ бѣдствій и нелѣпостей. Задача въ томъ, чтобы ввести цензуру въ рамки, гдѣ не было бы мѣста произволу людей недобросовѣстныхъ и невѣжественныхъ, которые теперь располагають ею ко вреду просвѣщенія. Теперь не грѣшно немножко и отдохнуть.

17. Не въ добрую минуту подумалъ я объ отдыхѣ. Едва

успѣлъ я снять съ себя боевыя доспѣхи, какъ опять приходится въ нихъ облекаться. Прїѣзжаю изъ Смольнаго и нахожу у себя записку отъ министра: зоветь къ себѣ. Ъду. Онъ поручаетъ мнѣ передѣлать еще одну записку къ государю, составленную въ департаментѣ. Я передѣлываю, онъ одобряетъ и... снова передаетъ въ департаментъ, гдѣ ее вторично передѣлываютъ и, разумѣется, съ негодованіемъ на меня. Это большая неловкость со стороны Авраама Сергѣевича, которая ставитъ меня въ непріязненное отношеніе съ его чиновниками. Это бездѣлица, но она еще обостряетъ ихъ непріязнь ко мнѣ. Возвращаюсь домой около полуночи и застаю опасную болѣзнь: мой бѣдный мальчикъ захворалъ крупомъ....

18. Опасность миновала. Можно опять свободнѣе вздохнуть.

19. Толкуютъ объ юбилей Греча. Многіе находятъ его неумѣстнымъ. Во, первыхъ, литературныя заслуги Греча, которыя у него конечно есть, не таковы однако, чтобы дать ему право на этотъ почетъ. Какъ же послѣ того должно общество выражать свою признательность дѣятелямъ, подобнымъ Крылову, Пушкину, Жуковскому, Гоголю? Во-вторыхъ, репутація Греча двусмысленна. Въ чемъ только не подозрѣваютъ его! Да и дружба съ Булгаринымъ не дѣлаетъ ему чести и не возбуждаетъ къ нему довѣрія. Въ случаяхъ торжественнаго изъявленія кому-нибудь уваженія отъ имени общества, надо же, наконецъ, брать въ расчетъ также и нравственность, Настоящій юбилей—личный, а не общественный, хотя въ газетахъ и было воззваніе на всю Россію. Его затѣяли прїатели Греча съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, у котораго много подчиненныхъ и знакомыхъ, такъ что юбилей вѣроятно состоится, то есть соберется сумма, достаточная для хорошаго обѣда—въ чемъ и вся сила. Но затѣмъ же эту прїательскую фикцію раздувать въ дѣло общественное?

Я рѣшительно уклонился отъ участія въ немъ, на что у меня, кромѣ нравственныхъ, есть еще и матеріальная причина: я не въ состояніи такъ непродуманно бросить рублей двадцать пять. Будемъ надѣяться, что это не зачтется тѣмъ, кто не явится на готовящійся триумфъ.

Между тѣмъ почтенный и добрѣйшій генералъ П. Ив. Рикордъ, который, какъ солнце, безразлично улыбается и правымъ и не правымъ, ѣздитъ по городу и вербуетъ участниковъ. Наднахъ

онъ былъ у нашего министра, но тотъ отвѣчалъ на его приглашеніе сухо и холодно.

При мнѣ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ докладывалъ министру проектъ адреса, которымъ академія наукъ намѣрена привѣтствовать Московскій университетъ въ день юбилея. Онъ написанъ высокопарно и пусто. Министръ радикально отвергъ его. Особенно не понравилась ему фраза: „Елисавета послѣдовала гласу своего родителя, который произнесъ: да будетъ въ Россіи свѣтъ — и бысть“. Онъ даже увидѣлъ въ этомъ профанацію священныхъ словъ библии. Я все время доклада молчалъ и только при фразѣ: „Академія, участвуя съ Московскимъ университетомъ въ славѣ просвѣщенія Россіи, радостно его поздравляетъ“ и т. д. — подумалъ про себя, что со стороны академіи было бы скромнѣе и тактичнѣе не выставлять и себя также просвѣтительницею Россіи.

Государь назначилъ министру аудіенцію завтра въ половинѣ 12-го часа. Авраамъ Сергѣевичъ уже сегодня ѣдетъ въ Гатчину, гдѣ будетъ ночевать. Онъ пригласилъ меня быть у него завтра вечеромъ, чтобъ узнать о результатѣ его докладовъ. „Помолитесь за успѣхъ“, сказалъ онъ мнѣ на прощанье.

Да, я молюсь, и еще какъ горячо! Эти доклады имѣютъ въ виду добро и пользу нашего просвѣщенія, а, право, оно всего больше нужно Россіи. Мы еще дѣти въ немъ. Полуобразованность — наше бѣдствіе. Отсюда лживость и поверхностность — эти два бича, удручающіе наше, такъ называемое, образованное общество. Чѣмъ больше и основательнѣе будемъ мы учиться, тѣмъ скорѣе отъ нихъ избавимся.

Вотъ примѣръ того, какъ смотреть у насъ на истину люди, призванные быть ея глашатаями и опорой въ дѣлѣ воспитанія. Въ комитетѣ для разсматриванія учебныхъ руководствъ, надняхъ разсматривалась „Исторія“ Смарагдова (новое изданіе). Предсѣдатель комитета, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, потребовалъ исключенія изъ книги всего, что касается Магомета, такъ какъ тотъ былъ „негодяй и основатель ложной религіи“. Члены изумились. Профессоръ Фишеръ обратился къ предсѣдателю и сказалъ: „Чего же вы хотите, ваше превосходительство? Чтобы учащіяся исторіи не знали того, что происходило на свѣтѣ? Тогда для чего же и исторія? Что же сказать о магометанахъ: какую вѣру они исповѣдуютъ? Неужели наука въ томъ, чтобы

завѣдомо распространять ложь?" Фишеръ еще много говорилъ въ этомъ смыслѣ, не щадя Давыдова, который, наконецъ, долженъ былъ взять назадъ свое предложеніе.

20. Попечитель очень со мной любезенъ. Недавно онъ посѣтилъ мою лекцію въ университетѣ: я говорилъ о Державинѣ. Когда я кончилъ, попечитель сказалъ:— „Я никогда не слыхалъ литературной лекціи столь основательной и изящной“. Я самъ о себѣ знаю только то, что все это время чувствую себя особенно одушевленнымъ, а мои лекціи въ университетѣ—это часть моей души и та отрасль моей дѣятельности, для которой я сознаю себя всего больше приспособленнымъ.

20-го вечеромъ. Министръ вернулся отъ государя. Я поѣхалъ къ нему узнать, что тамъ происходило. Государь былъ очень милостивъ. Грамата московскому университету подписана, съ замѣчаніемъ, что она очень хорошо написана. Записку о допущеніи въ Московскій и С.-Петербургскій университеты неограниченнаго числа студентовъ государь прочелъ внимательно, сказалъ, что онъ очень доволенъ здѣшнимъ университетомъ, но разрѣшилъ принимать въ оба университета, сверхъ 300, еще по 50 только. Наслѣдникъ, присутствовавшій при докладѣ, вмѣстѣ съ министромъ просили еще увеличить это число.

— „Не просите меня“, сказалъ государь:— „довольно на этотъ разъ. А тамъ,—посмотримъ“.

Однако, министръ еще осмѣлился сказать:— „Позвольте мнѣ, ваше величество, у васъ спросить: доходили ли до васъ какимъ-нибудь путемъ дурные слухи о нашихъ университетахъ?“

— „Отвѣчу тебѣ также искренно, какъ ты искренно спрашиваешь“, сказалъ государь:— „нѣтъ!“

Записку о ценсурѣ онъ оставилъ у себя, съ замѣчаніемъ:

— „Дай мнѣ это самому прочесть и обдумать“.

Записку о пенсіяхъ велѣлъ внести въ комитетъ министровъ.

— „Я готовъ сдѣлать по твоему“, сказалъ государь,— „только прежде надо выслушать мнѣніе и другихъ“.

— „Государь“, попытался вставить Норовъ, — „я боюсь тамъ возраженій. Прочіе министры не знаютъ дѣлъ нашихъ такъ хорошо. Министерство народнаго просвѣщенія находится въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ, чѣмъ другія министерства“.

Записка, однакожъ, все-таки пойдетъ въ комитетъ министровъ. Всѣ прочіе доклады государь утвердилъ.

Мы съ Авраамомъ Сергѣевичемъ горячо обнялись.

22. Заходилъ въ министерскую канцелярію. Не добромъ пахнуло на меня тамъ.

25. Рождество. Былъ у обѣдни въ министерской церкви, но обѣдать у министра отказался. Вечеромъ обдумывалъ рѣчь къ столѣтнему юбилею Московскаго университета, на который я назначенъ депутатомъ отъ здѣшняго университета.

26. Узналъ о разныхъ противъ меня канцелярскихъ козняхъ. Не весело. Второй часъ ночи. Я было легъ въ постель, но не спится, хотя я и прошлую ночь провелъ почти безъ сна за работой. Мысль шагаетъ далеко, но все, на чемъ она останавливается, немедленно подергивается туманомъ грусти.

Что значать успѣхи какихъ бы то ни было начинаній въ жизни? Превращеніе одной тяжелой заботы и призывъ къ другой—тягчайшей. Это безконечная смѣна усилій, труда, строгихъ бдѣній и тревогъ,—безконечная града волнъ, которыя поглощаютъ одна другую. Во всякомъ успѣхѣ—готовый зародышъ бѣды, которая ждетъ только минуты, чтобы напасть на васъ врасплохъ и поразить васъ глубже и неисцѣлимѣе, когда вы всего меньше ожидаете пораженія.

— Истинная человѣчность въ томъ, чтобъ въ каждомъ человѣкѣ уважать его особенности, его личность—права, призваніе и убѣжденія, если они разумны и законны, и прощать ему, если они незаконны и неразумны. Но, увы! чѣмъ больше узнаешь людей, тѣмъ менѣе находишь ихъ достойными уваженія и тѣмъ труднѣе становится ихъ прощать.

И самая продолжительная, и самая благополучная жизнь все таки не болѣе, какъ сонъ. Ежедневно приходится повторять съ Шекспиромъ: „Какъ ничтоженъ и суетенъ и малъ дѣяній ходъ на свѣтѣ!“

Самообразование, непрерывное самоусовершенствованіе, внутреннее самоустройство, въ видахъ возможнаго умственнаго и нравственнаго возвышенія — вотъ великая задача жизни, вотъ трудъ, который стоитъ величайшихъ усилій.

Весьма важная вещь въ своемъ внутреннемъ хозяйствѣ забыть про то, что могутъ сказать о насъ люди, что подумаютъ о насъ люди. Кто колеблется отъ людскихъ толковъ или прельщается ихъ хвалами; кого—одни въ состояніи унижить, а другіе воз-

высить въ собственныхъ глазахъ, тотъ обреченъ быть рабомъ и жертвою, тотъ никогда не вкуситъ сладости свободы и душевнаго мира.

Художникъ истощаетъ всѣ силы ума, чтобы изобразить на полотнѣ или извлечь изъ мрамора совершеннѣйшій идеальный образъ, сдѣлаться творцомъ изящнаго созданья. Почему же мы не хотимъ употребить такихъ же усилій, чтобы создать нѣчто подобное изъ самихъ себя? Развѣ наша личность такой негодный матеріалъ, что надъ нимъ не стоитъ и трудиться?

28. По утру принялся за рѣчь къ Московскому юбилею. Работа не ладилась. Вотъ теперь, вечеромъ, голова начала проясняться и мысли, какъ весенніе цвѣты, кой-гдѣ пробиваются на почвѣ усталого духа. Тутъ вдругъ, какъ рой комаровъ, налетѣла вуча разнообразныхъ дразгъ.... Но какъ бы то ни было, а надо вооружиться терпѣніемъ и мужествомъ и сдѣлать свое дѣло.....

Юбилей Греча состоялся 27-го, т. е. вчера, въ понедѣльникъ. Я, разумѣется, на немъ не былъ. Говорятъ, народу было много, но ученыхъ и литераторовъ, сколько нибудь извѣстныхъ—мало. Вотъ странность однако: государь ничего не пожаловалъ Гречу. Этого еще не случалось въ подобныхъ случаяхъ, и это тѣмъ знаменательнѣе, что въ то же самое время Востокову дана Станиславская звѣзда и лента.

29. Сегодня было публичное собраніе въ академіи наукъ, на которое явился и Гречъ, точно хвастаясь, что вотъ я, хоть и не членъ академіи, однако сама публика меня увѣнчала. Но вышло нѣчто для него непріятное. Отчетъ читалъ Плетневъ. Исчисляя и превознося заслуги Востокова, онъ особенно на нихъ налегъ, на зло Гречу, котораго терпѣть не можетъ. Когда Плетневъ кончилъ, всталъ министръ и, обратясь къ Востокову, въ лестныхъ выраженіяхъ поздравилъ его съ царскою милостью. Гречъ немедленно скрылся.

30. Весь день велъ себя, какъ нельзя хуже. Вчера узналъ нѣкоторыя новости объ университетахъ и такъ огорчился, что не спалъ до семи часовъ утра. Первая слабость. Днемъ послѣдовали другія: въ видѣ тревожнаго состоянія духа и т. д. Пора бы, вѣжется, усвоить себѣ болѣе спокойное и безстрастное возрѣніе на дѣла мірскія и человѣческія. Обѣдалъ у Авраама Сергѣевича.

Вечеромъ Майковъ читаль свои патріотическіе стихи, а потомъ мы съ министромъ ушли въ его кабинетъ, гдѣ я ему чистосердечно высказалъ мои сомнѣнія. Онъ старался меня успокоить и прочее. Авраамъ Сергѣевичъ несомнѣнно добрый, хорошій человѣкъ, но его слишкомъ легко сбить съ толку, а съ этимъ — и не министру бѣда!

Получилъ отъ университета бумагу о назначеніи меня депутатомъ на Московскій юбилей, билетъ на проѣздъ и 44 рубля на расходъ. Не особенно щедро, но я надѣюсь выпутаться съ помощью остатка отъ 1000 рублей, выданныхъ мнѣ недавно. Рѣчь моя написана, а затѣмъ уже не трудно приготовиться въ отъѣздъ.

1855-й г.

Январь. 2. Новый годъ встрѣтилъ у Авраама Сергѣевича. Его видимо осаждали тревожныя мысли, какъ и меня, хотя отъ разныхъ причинъ. Онъ предложилъ мнѣ тостъ именно за наши думы. Кстати. Я чокнулся съ нимъ, перечокался еще съ разными лицами. Вернулся домой около двухъ часовъ и засталъ тамъ еще нѣсколькихъ добрыхъ друзей, встрѣчавшихъ Новый годъ съ моей семьей. Мы выпили еще по рюмкѣ вина и разошлись.

Сегодня читаль у Плетнева мою поздравительную рѣчь Московскому университету отъ нашего. Ее съ жаромъ одобрили. Позже пріѣхалъ князь Щербатовъ, помощникъ нашего попечителя. Это умный человѣкъ. Онъ отлично знаетъ нашу часть, особенно гимназіи, которыя онъ неоднократно осматривалъ и изучалъ. Онъ говоритъ, что со времени введенныхъ Шихматовымъ измѣненій, онѣ начали быстро падать. Я не разъ пытался внушить Аврааму Сергѣевичу желаніе съ нимъ сблизиться, но тотъ, не знаю почему, отъ него пятится.

9. Сегодня ѣдемъ въ Москву. Семь часовъ утра. Все готово. Къ десяти я долженъ быть у Авраама Сергѣевича, а въ одиннадцать ужъ, вмѣстѣ съ нимъ, на желѣзной дорогѣ.

17. Вторникъ. Вчера пріѣхалъ изъ Москвы больной и разстроенный. Была уже половина двѣнадцатаго, когда поѣздъ остановился у цѣли, вмѣсто девяти, какъ слѣдовало. Замедленіе

произошло отъ вьюги, которая бушевала всю ночь и заметала рельсы.

Въ Москвѣ я провелъ недѣлю. Изъ Петербурга я отправился съ министромъ. Намъ дали особый вагонъ, гдѣ помѣщался также и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Поѣздъ былъ огромный: масса народу ѣхала на юбилей Московскаго университета. Предстоящее торжество возбуждало замѣчательное сочувствіе во всѣхъ, кто когда-нибудь и чему нибудь учился. Съ нами ѣхали депутаты отъ всѣхъ петербургскихъ ученыхъ сословій и учебныхъ заведеній. Яковъ Ивановичъ большинство изъ нихъ созвалъ въ нашъ вагонъ. Тутъ были: Остроградскій, Шульгинъ, Милютинъ, директора: Пажескаго корпуса, школы Правовѣдѣнія и т. д. Яковъ Ивановичъ устроилъ настоящій пиръ; подали завтракъ; не жалѣли вина; общество сдѣлалось шумнымъ и веселымъ. Потомъ, играющіе въ карты сѣли за карточные столы, остальные раздѣлились на группы, гдѣ разговоръ затянулся далеко за полночь. Итакъ путешествіе, благодаря Ростовцеву, было оживленное. Вагонъ нашъ былъ хорошо прибранъ и натопленъ. Въ Москву мы пріѣхали на слѣдующее утро, ровно въ девять часовъ. На дебаркадерѣ министра встрѣтили попечитель, ректоръ и деканы университета.

Помѣщеніе намъ отвели въ самомъ зданіи университета. Едва успѣлъ я расположиться въ моей комнатѣ, какъ ко мнѣ явились другіе наши депутаты: Баршевъ, Воскресенскій и Благовѣщенскій. Мы порѣшили, не теряя времени, немедленно сдѣлать необходимые официальные визиты. Но насъ предупредили любезные москвичи: попечитель Назимовъ, оберъ-полицеймейстеръ Берингъ, ректоръ Альфонскій и Шевыревъ. Берингъ, между прочимъ, просилъ меня къ себѣ обѣдать. Проводивъ гостей, я надѣлъ мундиръ и мы отправились съ визитами. Были у ректора, попечителя, генераль-губернатора и, наконецъ, у митрополита Филарета. Онъ былъ очень любезенъ и выразилъ удовольствіе лично со мной познакомиться. Вообще, насъ вездѣ принимали съ большимъ почетомъ.

Обѣдалъ я у Беринга, а вечеръ провелъ съ министромъ въ совѣщаніяхъ о предстоящемъ юбилеѣ.

11-го вечеромъ состоялась торжественная всеобщая въ университетской церкви. Для меня лично этотъ день былъ прене-

пріятный: у меня произошло глупѣйшее столкновѣніе съ состоящимъ при министрѣ вице-директоромъ Кисловскимъ. Этотъ человекъ уже давно выказывалъ нерасположеніе ко мнѣ и къ моимъ дѣйствіямъ, которыя всячески старался тормозить; не разъ пытался онъ встать между мною и министромъ и поселить въ немъ недоувѣріе ко мнѣ. Въ настоящемъ случаѣ его постоянная оппозиція до того раздражила меня, что я не вытерпѣлъ и сказалъ ему нѣсколько невѣжливыхъ словъ. Не могу простить себѣ этой вспышки. Она поселила во мнѣ сильное недовольство собой, которое набросило тѣнь на все дальнѣйшее пребываніе мое въ Москвѣ. А это пребываніе, между тѣмъ, могло бы принести мнѣ большое удовлетвореніе: московскіе ученые такъ радушно меня вездѣ принимали и такъ горячо выражали мнѣ свое сочувствіе и свою признательность за мою дѣятельность по министерству, что я невольно былъ тронуть....

12-го, въ среду, въ половинѣ одиннадцатаго началась обѣдня. Служилъ митрополитъ Филаретъ. Проповѣди его я не слышалъ, потому что, за тѣсною и духотою, почувствовалъ себя дурно и принужденъ былъ выйти изъ церкви. Вечеромъ, въ семь часовъ, актъ. Въ теченіи его была минута дѣйствительно свѣтлая и торжественная: это когда различныя депутаціи привосили университету свои поздравленія. Тутъ и я сказалъ свою рѣчь. По окончаніи ея раздались восклицанія: „браво! прекрасно!“ Но потомъ меня упрекали за то, что я читалъ не довольно громко и задніе ряды почти не слышали меня. Было невыносимо тѣсно и душно. Я больше не могъ выносить нестерпимаго жара и изъ парадной залы удалился въ боковую, гдѣ и оставался уже до конца акта, т. е. до одиннадцати часовъ. Издали слышалъ только восторженные крики, заключившіе рѣчь Шевырева, и стихи, проговоренные речитативомъ однимъ изъ студентовъ.

13-е, четвергъ, провелъ весь день въ своей комнатѣ, больной и физически и нравственно. Сегодня былъ парадный обѣдъ въ университетѣ, на которомъ, говорятъ, присутствовало четыреста пятьдесятъ человекъ. Вечеромъ Леонтьевъ и еще нѣкоторые другіе приглашали меня къ себѣ. Я не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнию.

14-го, въ пятницу, состоялся студентскій обѣдъ въ университетѣ: тутъ и я уже долженъ былъ присутствовать. Восторги

студентовъ и крики: „ура!“ дошли, наконецъ, до неистовства. Тутъ, конечно, было и чувство, но оно приняло уже какой-то дикій характеръ, такъ что въ заключеніи нельзя было разобрать, что это такое: чувство, или нервическое раздраженіе, подогрѣтое шампанскимъ? Мнѣ стало грустно. Истина и убѣжденіе такъ не выражаются. Извѣстно, что у насъ за официальными обѣдами никогда не бываетъ недостатка въ восторгахъ, также какъ и въ винѣ.

Приглашенія на вечера сыпятся со всѣхъ сторонъ, но я не былъ ни на одномъ. Московская ученая братія всячески старается устроить мнѣ овацію, а я стараюсь всячески этого избѣгнуть. Они слишкомъ преувеличиваютъ мое вліяніе въ министерствѣ и участіе во всемъ, что дѣлается въ немъ порядочнаго.

Грамата государя университету произвела большой эффектъ. Всѣ утверждаютъ, что писалъ я. Разумѣется, я вездѣ стараюсь увѣрить въ противномъ. Просилъ Каткова и Шевырева поддерживать мое отрицаніе. Но крайней мѣрѣ, не говорили бы во всеуслышаніе, иначе это можетъ еще обострить мои отношенія съ министерствомъ и быть непріятно Аврааму Сергѣевичу.

16-го, въ субботу, обѣдъ у генераль-губернатора Закревскаго и вечеръ у Назимова. Тамъ со мной были очень любезны мои бывшія ученицы: Назимова, Козакова и новая моя знакомая, фрейлина великой княгини Елены Павловны, Эйлеръ.

Изъ московскихъ профессоровъ чуть ли не больше всѣхъ оказывалъ мнѣ любезностей и знаковъ уваженія Шевыревъ, который еще недавно и печатно и словесно меня жестоко ругалъ. Мнѣ же всѣхъ больше по душѣ пришелся Грановскій. Это человѣкъ высокаго таланта и благородныхъ чувствъ. Онъ вполне очеловѣченъ наукою. Въ немъ какая-то классическая правота и благородство. Не менѣе уменъ, талантливъ и образованъ Катковъ, но Грановскій ближе моему сердцу.

Въ воскресенье, 17-го, мы покинули Москву. Проводы были блестящіе. На желѣзную дорогу явились всѣ члены университета, съ попечителемъ и ректоромъ во главѣ. Министръ оставилъ по себѣ въ Москвѣ очень пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ, искреннимъ обращеніемъ.

Возвращались мы тѣмъ же порядкомъ, какъ ѣхали въ Москву. Я. И. Ростовцевъ опять всѣми завладѣлъ, опять устроилъ сытный завтракъ съ винами. Яковъ Ивановичъ, между прочимъ,

предложилъ тостъ: „за здоровье урода двѣнадцатаго года!“ т. е. за Авраама Сергѣевича Норова, который, какъ извѣстно, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, лишился ноги и теперь ходитъ на деревяшкѣ.

Много было толковъ о юбилеѣ: всѣ въ восторгѣ отъ него.

Я чувствовалъ себя нездоровымъ и сидѣлъ въ сторонѣ, разговаривая то съ тѣмъ, то съ другимъ. Меня совсѣмъ плѣнилъ генераль Д. А. Милютинъ. Это человѣкъ съ благороднымъ образомъ мыслей, свѣтлымъ умомъ и широкимъ образованіемъ. Онъ отлично понимаетъ настоящее положеніе вещей, скудость нашего образованія и необходимость лучшаго. Его товарищъ по военной академіи, (П. С.) Лебедевъ, съ которымъ я уже былъ и прежде знакомъ, — умъ легкій и раскидистый. Мы съ нимъ много говорили во время дороги. По временамъ къ намъ присоединились Остроградскій и Шульгинъ. Министръ и Ростовцевъ играли въ карты.

Ночью поднялась вьюга. Это задержало движеніе поѣзда, такъ что мы опоздали пріѣздомъ въ Петербургъ на два съ половиною часа.

20. Былъ у попечителя, у ректора, а вечеромъ у министра.

23. Нездоровится до того, что вечеромъ не могъ выйти къ тѣмъ, которые пришли навѣстить меня послѣ пріѣзда. А днемъ я на силу дотащился до залы, чтобъ принять нѣсколькихъ казанскихъ профессоровъ и К. Д. Кавелина, который пришелъ, какъ онъ говорилъ, за тѣмъ, чтобы поблагодарить меня за многое въ юбилеѣ, полагая, что это мой подвигъ. Право, право, господа, лучше бы поменьше объ этомъ говорить! Да и что смогъ бы я, еслибъ не пожелалъ того-же и министр?

25. Вчера были у меня съ визитами ректоръ Московскаго университета и Шевыревъ, пріѣхавшіе депутатами благодарить государя. Къ удовольствію моему, навѣстили меня также Д. А. Милютинъ. Позже пріѣхалъ Лебедевъ, отъ имени Ростовцева, пригласить меня на обѣдъ, который военная академія даетъ московскимъ депутатамъ. Врядъ ли я буду въ состояніи поѣхать.

26. Былъ на лекціи въ университетѣ, хотѣлъ сдѣлать визиты пріѣзжимъ изъ Москвы и не могъ. Вотъ и настоящая болѣзнь.

Февраль. 17. До сихъ поръ все еще не могу раздѣлаться съ болѣзнюю.

18. Часу въ 3-мъ пополудни входитъ ко мнѣ въ кабинетъ Звегинцевъ, мужъ сестры моей жены, служащій казначеемъ при наследникѣ. Лицо у него, какъ говорится, было перевернутое и глаза красные.

— „Знаете ли вы, что случилось?“ спросилъ онъ.

Я не зналъ, но мысль моя почему-то обратилась ко двору: я подумалъ, что умерла императрица, которая давно больна, а въ послѣднее время даже была опасно больна. Но мой посѣтитель вдругъ сказалъ:

— „Государь скончался!“

Эта вѣсть прежде всего поразила меня неожиданностью. Я всегда думалъ, да и не я одинъ, что императоръ Николай переживетъ и насъ, и дѣтей нашихъ, и чуть не внуковъ. Но вотъ, его убила эта несчастная война. Начиная ее, онъ не предвидѣлъ, что она превратится въ такое бремя, котораго не вынесутъ ни нравственныя, ни физическія силы его. Въ настоящихъ обстоятельствахъ смерть его является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи очевидно наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ Императоръ! Длинная и, надо такъ сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца. Новая страница перевертывается въ ней рукою времени: какія событія занесетъ въ нее новая царственная рука, какія надежды осуществить она?...

А. В. Никитенко.

18-го февраля 1855 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ,

ученый русскій химикъ.

Въ январьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1890 г., томъ LXV, въ весьма интересной статьѣ М. И. Венюкова: «Русскіе въ Парижской Академіи Наукъ», на стр. 244—246, напечатана фамилія «Лучининъ», (термохимія). Это не опечатка, такъ какъ фамилія эта повторяется нѣсколько разъ, а видимо неразобранная, по нечеткости рукописи, фамилія—Лугининъ.

Дѣйствительно, русскій ученый—любитель химіи, имѣвшій, а быть можетъ и до сихъ норъ имѣющій свою лабораторію въ Парижѣ и сообщающій результаты своихъ научно-химическихъ работъ въ разныхъ журналахъ, носитъ фамилію Лугининъ.

Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ содержалъ нѣсколько лѣтъ два городскія училища въ С.-Петербургѣ на свой счетъ, имѣлъ химическую лабораторію въ С.-Петербургѣ и въ концѣ 1870-хъ годовъ или въ началѣ 1880-хъ перебрался съ своею лабораторіею въ Парижъ.

В. Ѳ. Лугининъ—богатый землевладѣлецъ Костромской губерніи, гдѣ имѣетъ громаднѣйшія площади лѣсовъ, что и даетъ ему значительные доходы.

М. А. Берманъ.

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

IX ¹⁾.

Первый годъ царствованія Александра II.

Положеніе дѣлъ послѣ кончины императора Николая.—Увольненіе гр. Клейн-михеля.—За обѣдомъ у императрицы.—Смотръ гренадерскаго корпуса.—Отгавъ гр. Вл. Фед. Адлерберга о почтовыхъ трактахъ.—Назначеніе командиромъ 13-го Смоленскаго полка.—Представленіе Александру II. — Сборы. — Прощальные обѣды. — Прощальная аудіенція у императрицы Александры Федоровны.

1855 г.

Первое время послѣ кончины Николая Павловича многіе петербургскіе жители, въ томъ числѣ и я, совсѣмъ пріуныли; не смотря на неудачи и удары, нанесенные національному чувству, въ послѣдніе дни царствованія Николая Павловича, довѣріе къ его величественно-энергической личности было еще такъ сильно, что когда его не стало, всѣ себѣ задавали неразрѣшаемый вопросъ: что теперь будетъ?

Дѣйствительно, обстоятельства были далеко не утѣшительныя. Крымская армія, разобщенная отъ центра Россіи, не смотря на всевозможныя усилія, не могла получать въ время необходимѣйшихъ средствъ не только для военныхъ дѣйствій, но и для существованія. Съ наступленіемъ весны надо было ожидать появленія вновь непріятельскихъ эскадръ въ виду Кронштадта; заграничная торговля была почти совсѣмъ пріостановлена, отпускъ нашего товара за границу производился медленно, съ большими

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, стр. 55—90, 551—574, 655—680; т. LXVI, стр. 49—71.

затрудненіями, по одному лишь Петербурго-варшавскому шоссе на прусскую границу. Не смотря на преклонность лѣтъ и совсѣмъ разстроенное здоровье, батюшка мой не могъ не уступить настояніямъ государя—и потому, какъ въ 1854-мъ году, до вскрытія Невы переѣхалъ со своимъ штабомъ въ Кронштадтъ; къ счастью, ему были даны въ 1855-мъ году другіе помощники, а именно гг. Граббе и Шварцъ.

Въ теченіи всего лѣта 1855 года я не получалъ никакихъ особенныхъ порученій, но приходилось часто ѣздить съ государемъ въ Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. Съ катальной горы государь часто слѣдилъ посредствомъ телескопа за движеніями неприятельскаго флота, желая угадать его намѣренія. Я по сіе время не могу понять бездѣйствія англо-французовъ въ Финскомъ заливѣ и ихъ чрезмѣрную осторожность. Гидрографическія карты у нихъ были чуть ли не лучше нашихъ; въ 1854-мъ году они дѣлали во многихъ мѣстахъ безпрепятственно промѣры; кромѣ того, къ нимъ переѣжало много англичанъ, прожившихъ цѣлые годы въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, и потому мы не могли льстить себя надеждой, чтобы имъ были неизвѣстны наши слабыя стороны, а у насъ — „къ чему лукавить“—было ихъ много.

Не смотря на все это, неприятель ограничился бомбардированіемъ на огромномъ разстояніи Свеаборга, въ которомъ, не смотря на большой расходъ дорогихъ снарядовъ, причинялъ не много вреда и, наконецъ, взятіемъ Аландскихъ укрѣпленій, —подвигъ, о которомъ всѣ газеты въ одинъ голосъ кричали какъ о необыкновенномъ военномъ успѣхѣ, не упоминая о томъ, что Аландскія укрѣпленія далеко не были окончены удовлетворительно и только отчасти вооружены, и не могли вмѣщать значительнаго гарнизона. Въ сентябрѣ 1855 г. главныя силы англо-французовъ снѣшили оставить Финскій заливъ, оставляя только нѣсколько судовъ для блокады нашихъ гаваней; тогда государь уступилъ своему давнишнему желанію побывать на южномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и отправился въ городъ Николаевъ, гдѣ Тотлебенъ послѣ оставленія нами Севастополя, превращеннаго въ груды камней, строилъ огромныхъ размѣровъ укрѣпленный лагерь. Я былъ назначенъ сопутствовать государю, но по болѣзни долженъ былъ отложить отъѣздъ свой на нѣкоторое время....

По отбытіи всѣхъ непріятельскихъ судовъ изъ Финскаго залива, отецъ мой поѣхалъ инспектировать крѣпости западнаго инженернаго округа. Немедленно по пріѣздѣ государя въ Николаевъ, было отправлено гр. А. Ѳ. Орловымъ письмо въ главноуправляющему путями сообщенія гр. П. А. Клейнмихелю, письмо, которымъ сей послѣдній, по волѣ государя, приглашался оставить занимаемый имъ постъ. Я упоминаю объ этомъ, видимо, незначительномъ событіи потому, что это было одно изъ первыхъ популярныхъ дѣйствій императора Александра Николаевича. Гр. Клейнмихель, объ интимныхъ отношеніяхъ котораго къ покойному государю ходило въ то время столько нелѣпныхъ и неосновательныхъ слуховъ, котораго называли Аракчеевымъ царствованія Николая Павловича, никогда не имѣлъ и сотой доли силы и вліянія своего покровителя Аракчеева; чѣмъ именно гр. Клейнмихель приобрѣлъ всеобщую ненависть, я и по сіе время не знаю; онъ былъ грубъ, несвѣдуецъ, надмѣненъ, но безкорыстенъ, это я утверждаю не смотря на весьма распространенное совершенно противоположное мнѣніе. Какъ бы то ни было, увольненіе его отъ должности составило настоящее „événement“ (событіе) въ Петербургѣ; даже люди, никогда не бывшіе съ нимъ въ соотношеніи, радовались и поздравляли другъ друга съ его удаленіемъ и, какъ я говорилъ императрицѣ, это увольненіе заставило забыть въ два дня полученное въ то время печальное извѣстіе объ отбитомъ штурмѣ Карса Н. Н. Муравьева. Впослѣдствіи я неоднократно упрекалъ себя за неосновательное увлеченіе общественнымъ мнѣніемъ; министерство путей сообщенія переходило отъ гр. Клейнмихеля къ Чевкину, а отъ сего къ Мельникову. Чевкинъ былъ умнѣе своего предшественника и контрастомъ его по образованности; Мельниковъ человекъ честный, специально образованный и все-таки, еще годъ тому назадъ (1870 г.), я имѣлъ случай слышать отъ людей свѣдушихъ, что какъ главноуправляющій путями сообщенія гр. Клейнмихель былъ лучше и Чевкина, и Мельникова. Чтобы хотя отчасти дать понятіе какъ велись дѣла при гр. Клейнмихелѣ, какъ онъ входилъ въ дѣла, понималъ планы и т. д., я не могу не привести здѣсь того, что слышалъ отъ своего тестя Александра Александровича Вонлярлярскаго, имѣвшаго разныя столкновенія съ гр. Клейнмихелемъ по случаю постройки

взятой на себя Лярскимъ шоссейныхъ дорогъ между Москвой и Брестомъ и впоследствии между Рославлемъ и Витебскомъ.

При одномъ изъ ежеведѣльныхъ докладовъ у государя Николая Павловича, гр. Клейнмихель представилъ государю проектъ шоссе отъ Рославля на Смоленскъ къ Витебску. Государь, разсмотрѣвъ планъ, упрекнулъ гр. Клейнмихеля въ томъ, что въ проектѣ не обращено вниманія на неоднократныя требованія государя, заключавшіяся въ томъ, чтобы вновь устраиваемыя дороги направлялись такъ, чтобы по возможности сокращать число мостовъ и, указывая на планъ, съ сердцемъ сказалъ:

— „А здѣсь полюбуйся: твоя дорога въ трехъ мѣстахъ пересѣкаетъ Днѣпръ“.

Гр. Клейнмихель, котораго самолюбіе было очень чувствительно, привезъ домой неутвержденный проектъ, созвалъ въ себѣ цѣлый департаментъ чиновниковъ и, осыпавъ ихъ предварительно бранными словами, объяснилъ причину неудовольствія государя. Составитель проекта просилъ указанія, въ какихъ мѣстахъ именно государемъ замѣчены эти пересѣченія Днѣпра дорогою. Тогда гр. Клейнмихель, тыкая пальцемъ бумагу, закричалъ:

— „Вотъ, вотъ и вотъ“....

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, отвѣчалъ чиновникъ, что на указываемыхъ вами мѣстахъ проектированное шоссе пересѣкаетъ не Днѣпръ, а старую дорогу ¹⁾.

Клейнмихель опять взбѣсился и закричалъ: „какъ же я теперь это доложу государю?“—и, конечно, государю никогда не было доложено, что онъ принялъ старую, чрезвычайно извилистую, дорогу за рѣку и что гр. Клейнмихель не понималъ никакого плана, да и не давалъ себѣ труда разсматривать и изучать что либо подробно.

Наконецъ, кажется это было въ октябрѣ 1855 г., я оправился отъ лихорадки, которою страдалъ, и поѣхалъ въ Царское село, откланяться императрицѣ и спросить не будетъ ли порученій къ его величеству. Императрица оставила меня обѣдать въ Царскомъ селѣ. За обѣдомъ только и было разговору о Севастополѣ, потому что въ числѣ трехъ приглашенныхъ былъ вн. Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ, прославившійся храбростью, а

¹⁾ Государь Николай Павловичъ не разглядалъ нѣкоторыхъ цѣтвовъ. В. Д.

еще болѣе примѣрнымъ самоотверженіемъ, и послѣдній оставилъ Севастополь, предварительно принявъ всѣ надлежащія мѣры для благополучной переправы всего гарнизона на сѣверную сторону. Князь Васильчиковъ между прочимъ за этимъ обѣдомъ отзывался съ большою похвалою о службѣ моего брата Ивана въ Севастополѣ и говоря, что онъ присутствовалъ при перевязкѣ его раны послѣ того, что, будучи раненъ осколкомъ гранаты въ лѣвую челюсть, онъ пѣшкомъ добрелъ до перевязочнаго пункта. Съ ужасомъ онъ говорилъ объ этой ранѣ и прибавилъ, что онъ никогда не видывалъ такихъ нервовъ, какъ у моего брата, съ геройскою стойкостью перенесшаго продолжительную и мучительную операцію, не подавая ни малѣйшаго признака страданія.

Императрица не поручила мнѣ ничего кромѣ передачи ея поклона государю и прибавила, что государя я врядъ-ли застаю въ Николаевѣ; военный министръ подтвердилъ то же самое и потому я отправился на Кіевъ, ибо обратно государь предполагалъ ѣхать на этотъ городъ.

До Кіева я доѣхалъ быстро и благополучно, но далѣе мнѣ пришлось испытать всѣ мученія, которымъ въ то время подвергались всѣ обыкновенные смертные, вынужденные проѣзжать по тракту, подготовляемому тогда усердными исправниками и становыми для высочайшаго проѣзда. Осень была прекрасная, народу на дорогѣ было вездѣ множество, дорогу ровняли и гладили, но чтобы ее сохранить въ ея дѣвственномъ видѣ для государя, вездѣ были устроены барикады и злосчастные путешественники должны были ѣхать возлѣ дороги, по пахотѣ, рывинамъ и канавамъ.

При свиданіи съ государемъ въ Бахчисараѣ, я не упустилъ доложить по какой причинѣ я медленно ѣхалъ отъ Кіева, говоря, что въ этой губерніи земскія власти ожидаютъ его съ барикадами... Я не смущался; не въ первый разъ и не въ послѣдній разъ мнѣ приходилось обращать вниманіе государя на слишкомъ большое усердіе чиновнаго люда, вслѣдствіе котораго возбуждается ропотъ не противъ... начальства, а, увы, противъ высшей власти, не подозрѣвающей до какой утонченной изобрѣтательности доходитъ—чиновничья угодливость.

Государя я не засталъ въ Николаевѣ, онъ только что отправился въ Севастополь или, правильнѣе, въ Бахчисарай, ибо Севастополь былъ занятъ непріателемъ и государь помѣстился въ

частномъ домѣ въ Бахчисараѣ, а оттуда объѣзжалъ расположеніе войскъ и сѣверныя укрѣпленія. На 2-ое ноября (1855 г.) былъ назначенъ смотръ Гренадерскому корпусу, собранному близъ станціи „Трехъ Абломовъ“ въ голой степи. Зная, что въ день выѣзда государя мнѣ никакъ не удастся достать лошадей, я уже наканунѣ вечеромъ оставилъ Бахчисарай и поѣхалъ просить ночлега у г.-л. (Вл. Ив.) Фелькнера, бывшаго моего начальника, когда я былъ юнкеромъ, а въ то время состоявшаго начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса у генерала Плаутина. Мои предвидѣнія вполнѣ оправдались: вмѣсто многочисленной свиты, ожидающей обыкновенно государя въ томъ мѣстѣ, гдѣ государь садится на лошадь, оказался всего одинъ адъютантъ! Мое присутствіе удивило государя, который меня спросилъ, какъ я успѣлъ пріѣхать.

Гренадерскій корпусъ представлялъ печальное зрѣлище: малое число рядовъ, изнуренный видъ нижнихъ чиновъ— все свидѣтельство о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергались эти полки, расквартированные въ безлюдной мѣстности окрестностей Евпаторіи. Но видно было, что присутствіе государя оживляло и радовало солдатиковъ.

Послѣ смотра, у государя обѣдали въ станціонномъ домѣ всѣ начальствующія лица въ одной комнатѣ, въ другой же расположились лица свиты, въ томъ числѣ гр. Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, еще завѣдывавшій почтовымъ вѣдомствомъ.

Не помню, кто именно изъ флигель-адъютантовъ воспользовался присутствіемъ главы почтоваго департамента, чтобы представить довольно рѣзкими красками печальное состояніе почтовыхъ трактовъ, преимущественно главнаго, служившаго единственнымъ сообщеніемъ Москвы съ Крымомъ; я упоминаю объ этомъ разговорѣ потому, что не могъ надивиться безцеремонности отвѣта гр. Владиміра Ѳедоровича, котораго мы привыкли считать челоувѣкомъ умнымъ и образцемъ самой утонченной учтивости. На этотъ разъ, вѣроятно раздраженный рѣшеніемъ государя ѣхать до Москвы не съ нимъ, а съ его сыномъ, Александромъ, онъ вдругъ напустился на остроумнаго разскащика и заключилъ слѣдующими словами, обращаясь уже ко всѣмъ:

„Вы, гг., забываете, что почтовая гоньба была установлена, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, исключительно для казенной надобности, и если вамъ теперь дозволено ею пользоваться, то будьте благодарны, а не порицайте и не глумитесь“.

Я былъ пораженъ и, конечно, еще бы долго оставался въ видѣ истукана, если бы не подали экипажъ государя...

Я поѣхалъ въ расположеніе Азовскаго пѣхотнаго полка, которымъ въ то время командовалъ бар. Виллибрантъ, съ тѣмъ чтобы, переночевавъ въ его саклѣ, на другой день отправиться также въ Петербургъ, но не на Одессу, чтобы не ѣхать на лошадахъ, измученныхъ проѣздомъ 18 нумеровъ, составлявшихъ императорскій поѣздъ. Въ это время, а именно 3-го ноября, настали значительные для Крыма морозы, доходившіе до 8-ми градусовъ; въ холодныхъ станціяхъ безъ зимняго платья это было очень непріятно, но зато захваченная морозомъ сухая гладкая дорога представляла идеальное шоссе, по которому я скоро и благополучно доѣхалъ до Москвы. Здѣсь меня ожидалъ сюрпризъ; желая отдохнуть, я хотѣлъ пробыть сутки въ Москвѣ и побывать у старыхъ знакомыхъ. Приѣхалъ къ Аннѣ Евграфовнѣ Шиповой—она встрѣтила меня поздравленіемъ, а сначала не понималъ, потомъ не вѣрилъ, наконецъ, принесли наканунѣ полученный въ Москвѣ высочайшій приказъ отъ 6-го ноября, которымъ я назначался командиромъ 13-го Смоленскаго полка, бывшаго слишкомъ 20 лѣтъ герцога Веллингтона. Мнѣ страннымъ показалось одно, что если государь имѣлъ намѣреніе мнѣ дать это назначеніе, что онъ мнѣ объ этомъ не сказалъ ни слова въ Крыму, гдѣ видѣлъ и полкъ и меня, во вторыхъ, мнѣ казалось это назначеніе, въ смыслѣ удаленія отъ государя, обиднымъ, тѣмъ болѣе, что до тѣхъ поръ подобныя назначенія считались немилостью (*disgrâce*), что кромѣ кн. Михаила Волконскаго еще никто изъ флигель-адъютантовъ не получилъ подобнаго назначенія, и наконецъ, что еще при жизни покойнаго Николая Павловича я всегда принадлежалъ къ числу флигель-адъютантовъ, которымъ можно было давать порученія. По всѣмъ этимъ причинамъ мнѣ нелегко было свыкнуться съ мыслью, что государь удаляетъ меня отъ себя... Какъ бы то ни было, мнѣ надо было слѣзнуть въ Петербургъ и распорядиться тамъ своими дѣлами, чтобы спокойно вновь, уже третій разъ, отправиться въ Крымъ.

На другой день послѣ возвращенія моего въ Петербургъ, я, какъ всегда, отправился въ Царское село, для представленія государю, не подозревая, что меня тамъ ожидало неиспытанное

мною дотолѣ огорченіе. Представляющихся было довольно много и, вѣроятно, по этой причинѣ ихъ не звали, какъ это дѣлалось обыкновенно, въ государю въ кабинетъ, а приняли въ маленькой приѣмной, украшенной статуэтками конныхъ ординарцевъ разныхъ полковъ. Обходя представляющихся, — государь, проходя мимо меня, показалъ видъ, что меня не замѣчаетъ, но когда возвращался въ кабинетъ, взглянувъ сердито на меня, сказалъ: „а ты подожди, я тебя позову“ При Николаѣ Павловичѣ во время моей службы при немъ, я не испытывалъ никогда ничего подобнаго; за всѣ исполненныя мною порученія я получалъ только благодарности, и не имѣлъ еще случая навмечь на себя немилость — и вовсе не былъ, да и по характеру и убѣжденіямъ своимъ, не могъ быть подготовленъ (къ немилости).

Гордость моя, — а надо сознаться, что я мало грѣшилъ христіанскимъ смиреніемъ, — возмутилась и когда чрезъ пять минутъ меня позвали въ государю, я уже все передумалъ и твердо рѣшился объявить государю, что подаю въ отставку..... Въ кабинетѣ меня государь встрѣтилъ словами: „по какому случаю ты здѣсь?“

Я отвѣчалъ, что возвращаясь вслѣдъ за нимъ изъ Крыма, я, совсѣмъ неожиданно для себя, въ Москвѣ прочиталъ въ приказѣ о новомъ назначеніи и пріѣхалъ въ Петербургъ сдѣлать необходимыя распоряженія и проститься съ отцомъ, который, какъ оказалось еще, не возвратился изъ Варшавы.

На это государь сказалъ: „такъ ты не отказываешься?“

Тутъ я рассказалъ государю — что еще при моемъ назначеніи флигель-адъютантомъ, Николай Павловичъ выразилъ убѣжденіе, что я буду усерднымъ и неотказнымъ адъютантомъ, что я никогда ни отъ какой службы не отказывался и что въ военное время отказываться отъ командованія полкомъ, расположеннымъ въ виду непріятеля, считаю безчестнымъ и потому до приѣма въ той комнатѣ мнѣ и въ голову не приходило отказываться. Послѣ этихъ словъ государь совсѣмъ измѣнился, поцѣловалъ меня нѣсколько разъ и прежде чѣмъ отпустить, позволилъ выждать въ Петербургѣ возвращенія отца. Само собой разумѣется, что мысль объ отставкѣ исчезла, но неукротенное самолюбіе мнѣ твердило: „а всетаки, всѣ сегодня представлявшіеся видѣли (немилость къ тебѣ) государя“; къ стыду своему

долженъ сознаться, что эта мысль еще долго меня язвительно преслѣдовала.

Отецъ возвратился въ Петербургъ лишь въ началѣ декабря, а между тѣмъ я успѣлъ приготовиться къ предстоявшей мнѣ новой жизни. Всеволодъ Стремоуховъ, служащій аматѣромъ, послѣ 26 лѣтъ проведенныхъ въ отставкѣ, въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и прїѣхавшій въ Петербургъ, по разнымъ порученіямъ своего полковаго командира кн. А. М. Дондукова-Корсакова, былъ мнѣ очень полезенъ своими совѣтами и даже содѣйствіемъ при заказахъ щегольской палатки, со всѣми принадлежностями походной посуды, и т. п.

Между тѣмъ, для арміи были отмѣнены эполеты, далѣе—сабли, вмѣсто полусабель, кивера уменьшены, вообще форма упрощена до того, что португези были просто кожаныя, не обшитыя галуномъ. Само собой разумѣется, что я обмундировался немедленно по новой формѣ. Никогда не забуду, какъ я впервые показался въ публикѣ въ новомъ мундирѣ,—это было въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ, какъ нарочно, въ тотъ вечеръ собралось много моихъ знакомыхъ. Я не успѣлъ найти своего кресла и усѣсться, какъ уже всѣ бинокли были направлены на меня.... дѣйствительно форма была не красива: красный воротникъ, обшитый узкимъ золотымъ галуномъ, уподоблялъ меня кадету, говорили дамы,—писарю, говорили мужчины; — *j'aime à constater cette différence d'appréciation, selon les sexes!!* (любопытно отмѣтить эту разницу въ выраженіяхъ лицъ разнаго пола).

Въ это время я получилъ нѣсколько анонимныхъ записокъ съ пожеланіями, образокъ и медальонъ на счастье и сохраненіе дней — отъ неизвѣстныхъ доброжелательницъ, а Иванъ Ивановичъ Набоковъ подарилъ мнѣ древній крестъ, которымъ его благословила бабушка, и просилъ принять и носить для предохраненія отъ всякихъ невзгодъ. Не могу вспомнить безъ живѣйшей признательности, что не только товарищи, Николаевскіе флигель-адъютанты, но и старые саперные сослуживцы, пожелали на прощаніе пообѣдать со мной и выпить за мое здоровье. Первые давали мнѣ обѣдъ у Дюссо, вторые—у Дюонъ. Этотъ послѣдній былъ два раза прерванъ, потому что вдовствующая императрица Александра Федоровна, никого не принимавшая по болѣзни, назначила мнѣ аудіенцію въ 7 часовъ вечера, когда

сапернаго обѣда, назначеннаго въ тотъ самый день, нельзя было отмѣнить, — и потому я во время обѣда поѣхалъ въ Аничкинъ дворецъ; тамъ мнѣ сказано, что императрица еще не вставала и просить пріѣхать въ 8 часовъ. Я возвратился въ веселый товарищескій кружокъ, но въ 8 часовъ уже опять былъ во дворцѣ.

Вдовствующая императрица, постоянно страдавшая недугами, которыхъ не дано было разгадать всѣмъ извѣстнѣйшимъ европейскимъ медикамъ, подвергалась еще душевнымъ страданіямъ, при ея положеніи неизбѣжнымъ; она испытывала горечь неблагодарности облагодѣтельствованныхъ ею въ теченіи десятковъ лѣтъ приближенныхъ въ ней людей; кромѣ того, не могла не замѣчать, что въ отношеніи къ ней многіе измѣнились; подъ этимъ впечатлѣніемъ она при мнѣ разъ говорила — въ Царскомъ селѣ:

— „J'ai été bien heureuse dans ma vie; un de mes grands bonheurs a été celui d'avoir toujours été aimée de mes serviteurs— il m'ont toujours bien servie et ne m'ont j'amaï quittée... cependant il faut faire une exception—Gibbon et Sch*** ¹⁾ m'a abandonnée“. (Я была очень счастлива въ жизни; одно изъ величайшихъ для меня счастлиѣ— была любовь, которую оказывали мнѣ всегда мои служащіе—они всегда хорошо служили мнѣ и никогда не покидали меня... за двумя лишь исключеніями, Гиббона и Ш***, которые покинули меня).

Я засталъ Александру Феодоровну обруженною великою княгинею Александрою Іосифовною, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, Лизою Раухъ, впослѣдствіи графинею Ферзенъ и маленькою Б—вою, которая впослѣдствіи сошла съ ума и была помѣщена въ одной изъ Дрезденскихъ лечебницъ. Императрица, бывшая всегда ко мнѣ чрезвычайно милостивою, и при этомъ случаѣ не измѣнила своему обычаю; много меня разспрашивала о Крымѣ, моемъ новомъ назначеніи, говорила о новой формѣ, причеиъ замѣтила, что она никогда не привыкнетъ къ отсутствію эполетъ. Я защищалъ новую форму, представляя всѣ удобства и говоря, что мнѣ стоитъ только снять единственный мой Анненскій крестъ, чтобы ока-

¹⁾ Гиббонъ былъ французскій поварь, а покойный гр. Ш*** сначала гофъ, а потомъ оберъ-гофмаршалъ двора, посидѣвшій оставить императрицу Александру Феодоровну и пристроиться къ новому большому двору послѣ кончины Николая Павловича.

заться въ сюртуѣ; при этихъ словахъ я взялся за верхнюю пуговицу мундира, чтобы отцѣпить крестъ. Показалось-ли императрицѣ, что я собираюсь снимать мундиръ, я не знаю, но она замахала руками, и когда, снявши крестъ, я объявилъ, въ доказательство моихъ доводовъ на счетъ удобства моей формы, что я въ сюртуѣ, она много и громко смѣялась. Это обрадовало и развеселило всѣхъ ея окружавшихъ; одна изъ присутствовавшихъ потомъ вспоминала мнѣ этотъ эпизодъ при каждой встрѣчѣ, даже много лѣтъ спустя, и всегда повторяла: „je n'oublierai jamais comme vous avez fait rire maman, qui n'a pas souri depuis la mort de l'empereur Nicolas“. (Я никогда не забуду, какъ вы рассмѣшили маман, которая ни разу не улыбнулась со смерти императора Николая). Затѣмъ императрица, показывая на свое руководѣіе, сказала, что это для меня она вяжетъ манжетки (Pulswärmer), что она постарается на другой день ихъ кончить и что поручить гр. Тизенгаузенъ мнѣ ихъ доставить ¹⁾; просила кланяться князю Радзивиллу-Леону и графу Кутузову ²⁾, которые оба въ то время находились въ Крыму, и, желая счастья и всякихъ успѣховъ, отпустила. Вспоминая съ

¹⁾ Красныя гарусныя манжетки эти, дѣйствительно, мнѣ были на другой день доставлены графиней Е. О. Тизенгаузенъ, при письмѣ, которое я храню съ грамотами и дипломами на чины.

²⁾ Гр. Кутузовъ, Василій Павловичъ, въ концѣ 1820-хъ годовъ служилъ въ кавалергардскомъ полку полковникомъ и флигель-адъютантомъ. Государь Николай Павловичъ, (такъ какъ Кутузовъ не хорошо вѣдѣлъ верхомъ), перевелъ его въ Преображенскій полкъ.... Кутузовъ оставилъ затѣмъ службу, оставаясь въ отставкѣ до 1854 г., но тогда поступилъ прежнимъ чиномъ въ Киевскій гусарскій полкъ, принадлежавшій Крымской арміи. Вслѣдствіи этого самый графъ Кутузовъ былъ назначенъ командиромъ Киевскаго гусарскаго полка и флигель-адъютантомъ, произведенъ въ генералъ-майора, съ назначеніемъ въ свиту Е. В. и, наконецъ, назначенъ состоять при Е. В. королѣ прусскомъ, при которомъ ему суждено было быть свидѣтелемъ кампаніи 1866 г. противъ австрійцевъ и 1870 г. противъ Наполеона. Кутузова очень любятъ при прусскомъ, нынѣ (1871) германскомъ дворѣ. Пріятель мой, прусскій генеральный консулъ въ Варшавѣ, бар. Рейхенбергъ рассказывалъ мнѣ, что однажды у короля Вильгельма, послѣ охоты и хорошаго обѣда, когда шла крѣпкій пуаншъ, разговорились о фамиліи Кутузовыхъ. Василій Павловичъ рассказывалъ, что его предки—германскіе выходцы и что первоначальная ихъ фамилія была просто Куту; это подхватилъ присутствовавшій при этомъ графъ Эйленбургъ и сказалъ: «ja, den Soff haben sie sich schon später angethan». «Да, пьяницами они стали лишь впоследствии». Игра словъ: Soff по нѣмецки значитъ пьянство).

В. Д.

сладостнымъ чувствомъ существовавшія въ то время и при Николаѣ Павловичѣ отношенія между государемъ, его семействомъ и его военнымъ домомъ, „maison militaire“, я увѣренъ, что флигель-адъютанты 1871-го года объ этихъ отношеніяхъ не имѣютъ никакого понятія—и, чего добраго, рассказы о нихъ могутъ принять за лживое хвастовство!

На другой день я откланивался государю, который видимо былъ доволенъ, что я обмундированъ по новой формѣ, и императрицѣ Маріи Александровнѣ, которая меня благодарила за то, что я наканунѣ заставилъ смѣяться государыню Александру Теодоровну.

X.

Командованіе Смоленскимъ полкомъ.

Путешествіе.—Пріѣздъ въ Харьковъ.—Встрѣча новаго 1856-го года.—Всеобщая неурядица и деморализація общества.—Печальное состояніе, въ какомъ я засталъ полякъ.—Полковые командиры.—Случай въ Полоцкомъ полку.—Моя нововведенія.—Генералъ Ушаковъ.

1855—1856 гг.

Не помню, котораго числа я оставилъ С.-Петербургъ, но хорошо помню, что я пріѣхалъ совсѣмъ больной въ Москву, гдѣ долженъ былъ пробыть нѣсколько сутокъ,—и что я не могъ отправиться въ дальнѣйшій путь ранѣе 25 декабря и выѣхалъ изъ Москвы подъ звонъ сорока сороковъ въ то время, когда вся Москва стекалась въ церкви для молитвы по случаю Рождества Христова и для того, чтобы благодарить за спасеніе Россіи въ 1812 году и молить Бога, да благословитъ наше оружіе въ Крыму, да сохранить русскую армію, уже многими тяжкими жертвами запечатлѣвшую свою преданность отечеству и государю.

Путешествіе мое совершалось медленно, во-первыхъ, потому что безчисленные и огромные ухабы дѣлали скорую ѣзду невозможною, а во-вторыхъ, потому что вслѣдъ за моею коляскою, поставленною на полозья, ѣхала еще большая кибитка подъ надзоромъ моего рейтенехта, отставнаго младшаго вахтмейстера л. гв. коннаго полка, рекомендованнаго мнѣ гр. Григорьемъ Александровичемъ Строгановымъ, Михаленко. Теперь, т. е. въ

1871 году, невольно изумляешься, вспоминая тѣ удобства, которыми пользовалась въ Россіи путешествующая публіка въ 1855 году. Не говоря объ отвратительныхъ станціяхъ, о безпрестанномъ недостаткѣ лошадей и, вслѣдствіе того, неприличныхъ сценахъ между проѣзжающими и зрителями,—это считалось неизбѣжнымъ зломъ,—нельзя не рассказать о пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ.

Харьковъ уже въ то время считался однимъ изъ лучшихъ городовъ Россіи, и потому я льстил себя надеждою хорошо поужинать (это было ночью) и переночевать въ хорошей комнатѣ. Въѣзжая въ городъ, я приказалъ ямщику везти меня въ лучшую гостиницу, которая, какъ оказалось, называлась «благородною», т. е. устроенною при собраніи. Взобравшись по лѣстницѣ, освѣщенной однимъ чаднымъ ночникомъ, я долженъ былъ будить служителя. *Son premier mouvement en dépit — du dicton, s'est trouvé être mauvais*, онъ мнѣ объявилъ, что все занято, но потомъ вспомнилъ о какомъ-то свободномъ номерѣ, и повелъ меня въ какой-то корридоръ, обязательно предупредая, что онъ засвѣтитъ огня, безъ котораго не пройдешь. Оказалось, что этотъ корридоръ, служащій сообщеніемъ для всѣхъ номеровъ этой гостиницы, служилъ дортуаромъ для прислуги всѣхъ гг. наѣхавшихъ ради праздниковъ въ губернской городъ. Прислуга эта расположилась на полу, поперекъ корридора такъ, что еслибы я послѣдовалъ примѣру моего провожатаго, мнѣ пришлось бы перескочить чрезъ нѣсколько десятковъ спящихъ, по выраженію того времени, холопей. Но я рѣшительно отказался отъ предложенной мнѣ гимнастики и даже рѣшился уже уѣхать, какъ вдругъ, къ счастью моему, возвратился домой какой-то прикащикъ и, видя мое затрудненіе, сдѣлалъ мнѣ слѣдующее предложеніе: „Если вы желаете только переночевать и не боитесь спать въ большой комнатѣ, то я васъ помѣщу-съ“.

Это меня заинтересовало, а потому я потребовалъ объясненія; оказалось, что, за неимѣніемъ помѣщеній, мнѣ предлагали большую залу благороднаго харьковскаго собранія. Само собою разумѣется, что я принималъ предложеніе съ радостью, но на другой день долженъ былъ уѣхать ранѣе, чѣмъ хотѣлъ, потому что утромъ пришли полотеры и, кромѣ того, растворили всѣ окна для освѣженія залы предъ назначеннымъ въ тотъ день маскарадомъ; это было наканунѣ новаго 1856-го года.

Не зная, гдѣ мнѣ придется встрѣчать этотъ годъ, я на всякій случай запасся въ Харьковѣ двумя бутылками шампанскаго. Въ 11 часовъ вечера я приѣхалъ, сколько могу припомнить, на станцію Водологи; тоска сильно овладѣла мной, но я бодрился.... приказалъ какъ можно лучше освѣтить комнату, подать ужинать и вино, позвалъ смотрителя и спросилъ его: „нѣтъ ли проѣзжающихъ, которыхъ бы я могъ пригласить встрѣтить со мной новый годъ“; оказалось, что въ сосѣдней комнатѣ спалъ г. Осиповъ, художникъ-живописецъ, но по случаю военного времени—промѣнявшій палитру на саблю и ѣхавшій вступить въ ряды Калужскаго ополченія, въ дружину кн. С. В. Кочубея. Я приказалъ его разбудить и покоряѣйше просить ко мнѣ; онъ оказался очень пріятнымъ человѣкомъ, впоследствии я его встрѣчалъ въ Крыму, и онъ даже снималъ съ меня портретъ для Кочубея.

Подъѣзжая къ Екатеринославлю, мой старый Михаленко захворалъ и потому я долженъ былъ два дня прожить въ этомъ, *soi-disant*, городѣ. Само собой разумѣется, я никого не видалъ, т. е. не дѣлалъ никакихъ визитовъ и когда докторъ объявилъ, что Михаленко въ состояніи отправиться въ дальнѣйшій путь, поспѣшилъ оставить Екатеринославль. Безъ особенныхъ приключеній, не помню котораго числа, кажется 7-го или 8-го января 1856 г., я прибылъ въ грязный Бахчисарай, гдѣ просилъ пріюта у стараго товарища по Петергофскому лагерю, Николая Федоровича Козлянинова. На сего послѣдняго я рассчитывалъ чтобы ознакомиться не съ личнымъ составомъ главнаго штаба,—онъ былъ мнѣ хорошо знакомъ,—но совсѣмъ, что въ арміи происходитъ, однимъ словомъ: съ новостями, съ разными толками и т. п. Я болѣе десяти дней никого не видѣлъ, газетъ не читалъ и потому считалъ любопытство въ этомъ случаѣ извинительнымъ. Николай Федоровичъ Козляниновъ былъ именно тотъ человѣкъ, который мнѣ былъ нуженъ въ этихъ обстоятельствахъ. Я съ нимъ былъ знакомъ лѣтъ пятнадцать и помнилъ его въ мундирѣ инженеровъ путей сообщенія, но съ эксельбантомъ военной академіи, потомъ офицеромъ гвардейскаго генеральнаго штаба и, наконецъ, капитаномъ гвардейскаго конно-піонернаго дивизіона. Потомъ онъ былъ произведенъ въ полковники Ольвіопольскаго уланскаго полка, командиромъ котораго былъ братъ его П. Ф. Козляниновъ.....

Въ Севастополѣ Н. Ф. Козляниновъ, будучи помощникомъ

ки. В. Н. Васильчикова, получилъ нѣкоторую извѣстность и былъ произведенъ въ генералы, но честолюбіе его не было удовлетворено и потому я ожидалъ услышать отъ него сильныя порицанія всего, что дѣлалось въ главной квартирѣ и въ арміи вообще. Но я ошибся въ расчетѣ; вообще, пробывъ два дня въ Бахчисараѣ, я не могъ надивиться (полному) равнодушію, царствовавшему въ обществѣ къ главнымъ дѣятелямъ нашей арміи, находившейся въ положеніи далеко не завидномъ, не говоря уже о томъ, что существовавшіе порядки, по интендантской и госпитальной частямъ, хотя и встрѣчали порицанія, но какъ-то слегка, въ видѣ юмористическихъ привѣтствованій, милыхъ анекдотовъ; серьезно къ этимъ глупостямъ никто не относился. Съ личностями, настоящее мѣсто которыхъ было бы, по моему мнѣнію, у позорнаго столба, не только знались, но и кутили. Не краснѣя рассказывали о хозяйственныхъ оборотахъ находчивыхъ полковыхъ командировъ, бравшихъ на себя доставку овса и мяса изъ новороссійскихъ губерній, посылавшихъ въ Полтавскую губернію соль, и т. п. Однимъ словомъ, я былъ пораженъ общою деморализаціею, и мнѣ казалось, что я попалъ въ среду, гдѣ не дѣлается различія между зломъ и добромъ; въ тому же, только что совершившаяся перемѣна главнаго начальства пошатнула положеніе многихъ лицъ, считавшихъ себя вліятельными, что еще усиливало ту неурядицу, которую я не могъ не замѣтить и которая должна была меня сильно опечалить. Новый главнокомандующій уже пріѣхалъ, старый начальникъ главнаго штаба былъ еще на лицо, новый еще не прибылъ изъ Николаева.

Я успѣшилъ явиться къ генералу Лидерсу, потомъ къ генералу Коцебу; въ сему послѣднему, какъ старому знакомому, я обратился съ просьбой дать мнѣ добрый совѣтъ, какъ приступить въ дѣлу, говоря, что я никогда не служилъ въ арміи и, вѣроятно, не разъ буду находиться въ затрудненіи; на это сей генералъ отвѣчалъ мнѣ съ невозмутимымъ спокойствіемъ:

— „Постарайтесь, чтобы все у васъ въ полку было исправно“.

Впослѣдствіи я часто вспоминалъ эти слова, когда я зналъ полки, въ которыхъ начальствомъ все признавалось исправнымъ, но въ которыхъ дисциплина не существовала, полковые командиры имѣли право на полнѣйшее презрѣніе, а офицерамъ нельзя было поручить продовольствованіе взвода солдатъ....

Кажется, 12-го января 1856 г., въ самомъ мрачномъ настроеніи я выѣхалъ изъ Бахчисарая и поѣхалъ прямо въ Орто-Коралесъ къ своему начальнику дивизіи, временно, послѣ отбытія генерала Сухозанета, командовавшему 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, Александру Клеониковичу Ушакову. Съ этимъ господиномъ я познакомился при самыхъ оригинальныхъ обстоятельствахъ, послѣ гулянья въ Павловскѣ, въ С.-Петербургѣ, лѣтъ десять передъ этимъ; мы цѣлый вечеръ провели вмѣстѣ и послѣ этого встрѣтились въ первый разъ, въ Коралесѣ. О службѣ у насъ съ нимъ, какъ при первомъ свиданіи, такъ и впослѣдствіи, разговора не было, если не считать служебнымъ разговоромъ то, что онъ мнѣ говорилъ о кн. Эристовѣ, командовавшемъ Смоленскимъ полкомъ, о томъ, что онъ прекрасный человекъ, что онъ принялъ полкъ при исключительныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и т. п., что, какъ я узналъ впослѣдствіи, обыкновенно говорятъ дивизионные начальники вновь назначеннымъ полковымъ командирамъ, чтобы склонить ихъ къ снисходительной приѣмѣ. Строгій приѣмъ полка составляетъ самый серьезный контроль взгляда на службу и требовательности начальника дивизіи, и потому такіе начальники, какъ А. К. Ушаковъ, всегда сильно заинтересованы въ снисходительности новыхъ полковыхъ командировъ. Вскорѣ оказалось, что Смоленскій полкъ, которымъ мнѣ приходилось командовать, былъ во всѣхъ отношеніяхъ въ бѣдственномъ положеніи. Но что всего хуже, разстройство его не ограничивалось хозяйственною частью; неуваженіе къ начальству пошатнуло дисциплину и я, къ отчаянію своему, долженъ былъ убѣдиться, что, при всей моей неопытности, мнѣ приходилось работать безъ помощниковъ; знакомясь съ офицерами, я приходилъ въ уныніе, потому что засталъ совершенно безграмотнаго вазначя, вмѣсто адъютанта — писаря, котораго ни за что не согласился бы держать въ своей канцеляріи, будучи баталіоннымъ адъютантомъ л.-гв. Сапернаго баталіона. Нѣкоторые штабъ-офицеры напивались до пьяна, а прапорщики, что называется, до чертиковъ, и все это никого не поражало, это считалось въ порядкѣ вещей. На мнѣ лежала тяжелая обязанность возстановить порядокъ, не измѣняя состава, потому что не еѣмъ было замѣнить не только неспособныхъ, но даже тѣхъ, которые своимъ поведеніемъ ежедневно доказывали, что они недостойны офицер-

скаго званія.

Въ надеждѣ въ скоромъ времени исправитъ большую часть главныхъ недостатковъ полка, я отпустилъ вн. Э—ва съ чистою квитанціею и взялся за новое и трудное для меня дѣло съ отвращеніемъ, потому, во-первыхъ, что хозяйскія дразги всегда мнѣ были противны, а во-вторыхъ, потому что при каждомъ моемъ приказаніи квартирмейстеръ и казначей смотрѣли на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ, выражающимъ, по моему мнѣнію, два вопроса: „Что онъ: просто глупъ или сумасшедшій?“ Если прибавить, что я не могъ не только получить разумнаго совѣта отъ начальника дивизіи или бригаднаго командира, но даже не могъ ни съ кѣмъ откровенно поговорить, то каждый пойметъ трудность моего положенія и извинитъ уныніе, въ которое я приходилъ иногда по вечерамъ, въ одиночествѣ, въ своей, впрочемъ довольно уютной, землянкѣ.

Могилевскимъ полкомъ командовалъ полковникъ Вознесенскій, Витебскимъ—Оленичъ и Полоцкимъ — О***. Оленичъ считался въ дивизіи честиѣ прочихъ; О*** же, умный человѣкъ и храбрый офицеръ, полякъ и воспитанникъ варшавскихъ пiarовъ положительно считалъ ввѣренный ему полкъ фольваркомъ, даннымъ ему въ аренду.

Чтобы дать хотя маленькое понятіе о томъ, что происходило въ Полоцкомъ полку, я долженъ рассказать о происшествіи, которое меня изумило и привело въ негодованіе, но только меня; вся дивизія, которой сдѣлался извѣстнымъ случай, о которомъ я сейчасъ расскажу, осталась совершенно равнодушною....

Въ одинъ вечеръ у меня играли въ карты, и какъ теперь помню, я игралъ съ О*** и дружиннымъ начальникомъ Калужской губерніи, полковникомъ Альбединскимъ, который для выраженія удивленія всегда говорилъ: „скворецъ небесный“, какъ вдругъ близъ моей землянки послышался совсѣмъ необыкновенный шумъ и въ то же время ворвался ко мнѣ безъ доклада офицеръ Полоцкаго полка. Оказалось, что это былъ дежурный по полку, видимо весьма разстроенный, пришедшій въ сопровожденіи цѣлой толпы полоцкихъ солдатъ къ моей землянкѣ, чтобы доложить полковому командиру, что ужина солдаты не разби-

раютъ, говоря, что его невозможно ѣсть. О*** вскочилъ съ своего мѣста и выбѣжалъ на дворъ. Въ непродолжительномъ времени онъ возвратился, но пріятное расположеніе духа, которымъ онъ отличался въ началѣ нашей партіи, его оставило— онъ былъ красенъ какъ ракъ и вполголоса неоднократно повторялъ: „негодяи!“

Какъ онъ успокоилъ голодныхъ солдатъ и вообще въ чемъ заключалось его распоряженіе, такъ какъ мнѣ было неловко и щекотливо наводить справки, я и по сіе время не знаю.

Хотя не такого скандальнаго свойства, по и у меня въ Смоленскомъ полку были происшествія; напримѣръ, прапорщикъ А***, вслѣдствіе какаго-то неудовольствія, подѣхалъ верхомъ въ пьяномъ видѣ къ землянкѣ прапорщика Вановича и выстрѣлилъ два раза въ окно изъ револьвера; къ счастью, пули никого не задѣли, и Вановичъ самъ на другой же день умолялъ меня не предавать суду Адамова. Я согласился, но съ А*** началъ составлять списокъ, по которому вполсѣдствіи заставилъ выйти изъ полка 28 офицеровъ, въ томъ числѣ майора И***, произведеннаго въ майоры генераломъ Ушаковымъ, по той уважительной причинѣ, что долѣе оставить его ротнымъ командиромъ было бы опасно и невозможно. Крутыя мѣры, принятая мной для огражденія солдатскихъ интересовъ, и перемѣны, произведенныя въ полковомъ хозяйствѣ, возбудили сильное неудовольствіе между полковыми командирами 7-й дивизіи; однако никто изъ нихъ не рѣшился объясниться со мной по этому щекотливому вопросу, одинъ разъ только бар. М***¹⁾, адъютантъ генерала Ушакова, коснулся этого вопроса, но былъ немедленно вынужденъ замолчать слѣдующими словами: „Я команду полкомъ по своей совѣсти, какъ умѣю; во всякомъ случаѣ, я вашихъ совѣтовъ не прошу и удивляюсь, что вы вздумали мнѣ давать таковыя“.

Генералъ Ушаковъ.

. устраивалъ у бригадныхъ и полковыхъ командировъ по очереди одуряющія вечеринки; я долженъ былъ покориться установленному порядку и по субботамъ принимать всѣхъ иска-

¹⁾ Нынѣ (1871 г.) командуетъ Новочеркасскимъ пѣхотнымъ полкомъ и, говорятъ, пользуется милостью начальства.... В. Д.

телей партіи въ преферансъ, сомнительнаго достоинства ужина и отвратительнаго Крымскаго вина ¹⁾).

Не смотря на близость непріятели, отъ моего полка аванпостовъ не высылалось, и вообще царствовало какое-то затишье, окончательно наводившее тоску на жителя землянки, пріѣхавшаго въ Крымъ ужъ, конечно, не для того, чтобы контролировать раненыхъ артельщиковъ, ѣздить къ Т*** въ Орто-Коралесъ и играть въ ненавистный ералашъ, въ невыносимомъ для меня обществѣ полковыхъ командировъ

Тутъ встаетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ генералѣ, фамилія котораго сдѣлалась извѣстною, по случаю жадно читавшихся по всей Россіи первыхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ на Дунаѣ въ 1853 г. Генералъ Ушаковъ, котораго я помню еще командиромъ Галицкаго егерскаго полка, былъ въ послѣдствіи начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса у генерала Купріянова ²⁾ и,

¹⁾ Мнѣ говорили, впрочемъ, что въ началѣ военныхъ дѣйствій въ Крыму можно было имѣть вино очень порядочное, но что запасы его истощались. Я этому не вѣрю, потому что мнѣ не случалось пить хорошаго Крымскаго вина, даже въ сентябрѣ 1854 года. Д.

²⁾ Генерала Купріянова я помню съ 1832 года, т. е. онъ тогда уже командовалъ дивизіею и былъ извѣстенъ какъ несправедливый начальникъ; въ 1835 году онъ отличился выходкою, которую я часто вспоминаю, ежедневно приходя въ негодованіе, по случаю отсутствія достоинства, которымъ пользуется (1871 г.) въ Царствѣ Польскомъ гр. N. N., по своей скупости, лживости, пустословію и мелкимъ хитростямъ, которыми онъ, слава Богу, уже давно ничего не достигаетъ.... На международномъ Калишскомъ высочайшемъ смотру 1835 года, генералъ Ф. Б. ., бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, по свойственной ему суевѣ и страсти выѣшиваться не въ свое дѣло, подѣхалъ къ линейнымъ унтеръ-офицерамъ 7-й пѣхотной дивизіи, когда баталіоны уже вводились въ линіи, и занялся ровненіемъ ихъ.... Генералъ Купріяновъ, бывшій при этомъ и притомъ будучи не въ духѣ, послѣ проигрыша п вочи, проведенной безъ сна, обратился къ Ф. Ф. Б. . съ слѣдующею рѣчью, которую и въ то время даже 7-я дивизіи съумѣла назвать: «*ren parlementaire*», а именно: «в. пр—во, я вамъ совѣтую убраться»; удивленный, но не смущенный Ф. Ф. Б. . ., въ отвѣтъ на это милое привѣтствіе, обратился къ бывшимъ при немъ офицерамъ и сказалъ: «*Messieurs, je crois que nous ferions bien de nous en aller d'ici—n'est ce pas? un peu de galop, messieurs*». (Мнѣ кажется, господа, что намъ лучше бы уѣхать отсюда, не правда ли? Двинемтесь галопомъ, господа). Затѣмъ, приширилъ лошадь, и пріятныя отношенія между начальникомъ 7-й дивизіи и генералъ-квартирмейстеромъ какъ будто не нарушались. Купріянова, не смотря на старость и увѣчья (онъ лишился ноги подъ Дебречиномъ, во время венгерской кампаніи) не уважають, а государь даже на праздникахъ л.-гв. Финляндскаго

наконецъ, командуя 7-ю пѣхотною дивизіею, въ 1853-мъ году, очутился начальникомъ отряда на низовьяхъ Дуная. Этому отряду было предписано переправиться чрезъ Дунай одновременно съ нашими главными силами и взять слабо укрѣпленную крѣпостцу Тульчу. Подробности распоряженій генерала Ушакова для достиженія предписанной цѣли, по своей несообразности, поспѣшности и необдуманности, еще теперь, когда я лишь вспоминая рассказы десятковъ очевидцевъ этого блистательнаго *soi-disant* дѣла, меня приводятъ въ негодованіе. Тульча была атакована Могилевскимъ полкомъ и 2-мъ и 3-мъ батальонами Смоленскаго полка безъ предварительныхъ рекогносцировокъ, именно съ той стороны, съ которой турки ожидали нападенія и которая поѣтому представляла сильное вооруженіе; съ другихъ же сторонъ, какъ и показали послѣдствія, защита ея была ничтожна и не смотря на камыши, вѣроятно считавшіеся турками непродоходимыми, легко могла быть взята безъ значительныхъ потерь, понесенныхъ въ этомъ дѣлѣ 1-ю бригадою 7-й пѣхотной дивизіи убитыми и ранеными до 700 человекъ. Весь отрядъ генерала Ушакова находился въ этотъ день на правомъ берегу Дуная, на лѣвомъ оставался лишь 1-й баталіонъ Смоленскаго полка, всѣ знамена 7-й дивизіи, и о ужасъ! кто бы повѣрилъ? самъ храбрый и распорядительный командиръ ея—Александръ Клеонокъвичъ.

4-го августа 1855 г., въ постыдный для главнаго начальства и хотя несчастный, но славный день для нашего войска, въ особенности для 12-й дивизіи, которая своею атакою Ѳедюхиныхъ горъ удивила французовъ ¹⁾, 7-я дивизія почти не была

полка, въ которомъ Купріяновъ числится, не показывать ему никакого вниманія. На это послѣднее обстоятельство обратилъ мое вниманіе генералъ Безакъ, года четыре или пять тому назадъ, послѣ обѣда, даннаго государемъ л.-гв. Финляндскому полку въ Зимнемъ дворцѣ, а я, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, сказалъ Безаку, что есть достоинства и въ Купріяновѣ, и рассказалъ ему вышеприведенный анекдотъ, за достовѣрность котораго я ручаюсь, потому что слышалъ его отъ своего дяди К. Н. Дена, бывшаго въ 1835 г. шт.-капитаномъ генеральнаго штаба и находившагося при Ѳ. Ѳ. Б., когда его облакалъ ген. Купріяновъ. В. Д.

¹⁾ По заключеніи мира, многіе французскіе офицеры говорили мнѣ, что они съ восторгомъ и удивленіемъ (*stupéur*) смотрѣли на 12-ую дивизію, когда она, подъ предводительствомъ неустрашимаго генерала Мартинау, атаковала Ѳедюхины горы, и прибавили: «nous n'avons pas pu nous empêcher d'applaudir ces héros (мы не могли не апплодировать этимъ героямъ). В. Д.

въ дѣлѣ

Вся дивизія, если не видѣла, то знала объ этомъ — это, къ несчастію, не послужило Ушакову препятствіемъ къ дальнѣйшему командованію 7-ю дивизіею, а впослѣдствіи, во время польскаго возстанія 1863 и 1864 гг., завѣдыванію военнымъ отдѣломъ въ городѣ Радомѣ, гдѣ его распоряженія и дѣятельность были настолько неудовлетворительны, что поспѣшили прозвести его въ генералы отъ инфантеріи и дать его дивизію генералу Бельгарду. Къ сожалѣнію, я еще не могу сказать теперь: довольно о генералѣ Ушаковѣ, миръ праху его.

Однако, я далеко забѣжалъ впередъ, надо возвратиться къ незавидной эпохѣ зимы 1855 и 1856 годовъ.

XI.

Полковья дѣла.

Поставка мяса.—25, 000 руб. пропали даромъ.—Недостатокъ дровъ и фуража.—Новый способъ добыванія сѣна.—Первая вѣсть о перемиріи.—Встрѣча русскихъ генераловъ съ французскими уполномоченными.—Заключеніе условій перемирія.

1856 г.

Генералъ Затлеръ пользовался въ то время (1856 г.) репутаціею отличнаго генералъ-интенданта, а впослѣдствіи, когда открылись злоупотребленія въ громаднѣхъ, ужасающихъ размѣрахъ, совершавшихся и уже давно совершившихся въ его управленіе, я слышалъ многихъ его сторонниковъ, говорившихъ:

— „Нельзя гоняться за строгою экономіею, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы войска были сыты; а съ тѣхъ поръ, что русскія арміи существуютъ, при Затлерѣ впервые войска не голодали“...

Будучи въ Крыму, не вдаваясь ни въ какія штабныя сплетни, я скажу только то, за что могу поручиться, и опишу то, что самъ испыталъ, въ качествѣ полковаго командира.

Въ началѣ 1856 г., въ теченіи трехъ недѣль, у насъ не было хлѣба, но зато была увеличена дача крупы. Мясная порція отпущалась постоянно, но я сомнѣваюсь, чтобы она приносила ту пользу, которой отъ нея ожидали для силъ и здоровья солдата, и вотъ по какой причинѣ: подрядчики, взявшіеся поставлять мясо вой-

сеамъ, гнали свои гурты изъ отдаленныхъ губерній, безъ подножного, слѣдовательно, совсѣмъ безъ корма; я самъ видѣлъ, что несчастные волы, совершенно истощенные безкормицею и продолжительнымъ путешествіемъ, падали на дорогѣ и испускали духъ въ глубокой грязи нашихъ черноземныхъ степныхъ дорогъ. Когда кому нибудь изъ подрядчиковъ удавалось пригнать гуртъ свота въ расположеніи той дивизіи, которую онъ взялся снабжать мясомъ, то, въ ожиданіи случая попасть во щи, волы бродили по степи и, подобравши остатки бурьяна, питались своимъ собственнымъ пометомъ. Немудрено при этомъ, что при всей своей снисходительности, военные врачи бывали вынуждены браковать говядину, объявляя ее вредною или даже негодною. Въ нѣкоторыхъ полкахъ, какъ, напримѣръ, въ Полоцкомъ, поставку мяса брали на себя полковые командиры; тамъ, конечно, браковка говядины не имѣла мѣста, но потому-ли, что мясо было доброкачественное? Не смотря на высокія цѣны, по которымъ обходилась казнѣ мясная и винная порція, подрядчики были недовольны и жаловались. Въ одно утро ко мнѣ явился еврей Френкель, подрядчикъ Смоленскаго и Могилевскаго полковъ, называвшій Варшавскаго банкира своимъ дядею, и съ радостною фізіономіею объявилъ мнѣ, что ходатайства полковыхъ командировъ увѣнчались успѣхомъ и что главнокомандующій приказалъ увеличить цѣну еще на 50 коп. съ пуда. Я на это объявилъ г. Френкелю, что онъ ошибается, что я объ этомъ не ходатайствовалъ, что у него съ Смоленскимъ полкомъ заключенъ контрактъ и что онъ не имѣетъ права его нарушать... Въ это время ко мнѣ вошелъ полковой квартирмейстеръ ш.-к. Клименко, съ бумагами, подтвердилъ слова Френкеля и подалъ мнѣ печатное приказаніе по полкамъ, именемъ главнокомандующаго отданное, но подписанное начальникомъ главнаго штаба Н***. Меня все это бѣсило, потому что я инстинктивно чувалъ какую нибудь продѣлку..... Пробѣжавъ краткое печатное приказаніе, гдѣ дѣйствительно было сказано, что главнокомандующій, во вниманіе къ ходатайству полковыхъ командировъ, согласился увеличить цѣну на говядину еще на 25 коп., передалъ это приказаніе Френкелю, говоря:

— „А ты все-таки врешь, потому что прибавлено не 50, а только 25 коп. сер.“

.... Не смотря на негодование, возбуждаемое во мнѣ, когда я убѣждался, что у насъ..... такъ безцеремонно занимались (сдѣлками съ подрядчиками), я былъ настолько остороженъ, что изъ всего этого не поднялъ шума, никому не писалъ, не говорилъ, но спряталъ оба экземпляра приказаній по арміи, т. е. то, которое было получено въ полку официальнымъ путемъ, а равно и то, которое было выдано подрядчику

До какой степени одолѣвала меня въ то время бессильная злоба, можно судить потому, что теперь (1872 г.), по прошествіи 16-ти лѣтъ, у меня, при одномъ воспоминаніи о томъ, холодѣютъ и дрожатъ руки, такъ что я рѣшительно не въ состояніи писать...

...Уже три недѣли послѣ моего водворенія въ землянкѣ полковаго командира Смоленскаго полка, я удалился настолько отъ общества А. Н. У*** и бригадныхъ ¹⁾ и полковыхъ командировъ, что вскорѣ составилъ себѣ репутацію мизантропа. Въ это время я научился курить и, выписавши себѣ сигаръ, скоро сдѣлался настоящимъ курильщикомъ.

Не смотря на совершенное бездѣйствіе, собственно въ военномъ отношеніи, нельзя сказать, чтобы наши войска, на Бельбекѣ расположенныя, отдыхали. За неимѣніемъ дровъ и лѣсу на Бельбекѣ, надо было, для отопленія землянокъ и для варки пищи, посылать цѣлыя отряды въ такъ называемый лѣсъ, т. е. мелкій дубовый кустарникъ; его вырубали и за 8 верстъ приносили на рукахъ. Я было хотѣлъ посылать подводы, но это оказалось совершенно невозможнымъ: во-первыхъ, наши огромныя и тяжелыя полуфурья не могли пройти тамъ, гдѣ проходили пѣшеходы, а во-вторыхъ, $\frac{1}{3}$ часть противъ числа по штату положенныхъ подъемныхъ лошадей, принятыхъ мною съ полкомъ, были изнурены до того, что не были въ состояніи передвигать ноги. Фуражъ, доставляемый интендантствомъ, *soi-disant*, натурою, уже давно получался очень неаккуратно: случалось, что по двѣ недѣли не получался вовсе. Смоленскія подъемныя лошади стояли подъ навѣсомъ и когда

¹⁾ Бригадными командирами были у насъ Г. М. Бялый и С***, получившіе звѣстность команду Якутскимъ и Селенгинскимъ полками; оба были очень храбрые офицеры, но люди совершенно необразованные, а С*** въ тому-же пьяница. Первый вышелъ въ отставку въ 1857 г., а второй умеръ керченскимъ комендантомъ, кажется, въ 1865 г. В. Д.

я замѣтилъ квартирмистру, что слѣдовало бы что нибудь сдѣлать для предохраненія ихъ отъ стужи, то Клименко повазалъ мнѣ, что конюшня вмѣла прежде стѣны изъ плетня, но что этотъ плетень былъ не только обгложенъ, но почти до основанія съѣденъ лошадьми, пользующимися интендантскимъ сѣномъ. За этимъ сѣномъ приходилось посылать, когда получалось извѣщеніе, что на такомъ-то пунктѣ оно заготовлено, но такъ какъ оно заготовлялось постоянно въ пропорціи гораздо меньшей противъ дѣйствительной необходимости, то часто бывало, что годовныя лошади, съ трудомъ двигая тяжелыя и хотя пустыя полуфурги по глубокой грязи, возвращались домой съ тѣмъ, чтобы по прежнему объѣдать свою плетневую конюшню.

Такъ какъ это положеніе меня возмущало и я настоятельно требовалъ помощи этому горю, то рѣшено было не жалѣть денегъ для добыванія сѣна. Это производилось слѣдующимъ образомъ: когда офицеръ, назначенный для полученія сѣна, пріѣзжалъ къ интендантскому чиновнику, распорядившемуся раздачею фуража, и упрасивалъ его отпустить должное и уже давно просроченное количество сѣна, онъ обыкновенно получалъ слѣдующій отвѣтъ:

— „Вы видите сами: сѣна мало, выдается оно по очереди поступленія требованія, а уже записанныхъ у меня пріемщиковъ 36,—вы будете 37-мъ“.

Недостатокъ фуража былъ до того ощутителенъ, по непрости- тельному недостатку самой обыкновенной предусмотрительности, что главнокомандующій былъ вынужденъ приказать перевести артиллерійскихъ лошадей за Переконъ, такъ что у насъ въ передовой линіи стояли цѣлыя батареи безъ лошадей, а нѣкоторыя съ третьею частью необходимыхъ лошадей для передвиженія. Это положеніе нашей арміи заставляло призадумываться даже самыхъ неустрашимыхъ оптимистовъ. Въ это время стали доходить до насъ слухи о предстоявшемъ близкомъ заключеніи мира, а какого именно числа—не припомню. А. Е. Тимашевъ увѣдомилъ меня, что ему поручено заключить мѣсячное переми- ріе и что онъ для сего на другой день предполагаетъ ѣхать на Черную рѣчку для переговоровъ съ генераломъ Martinpré, начальникомъ главнаго штаба французской арміи, уполномоченнымъ со стороны враждебныхъ намъ союзныхъ войскъ вести перего-

воры и заключить перемирие. Извѣстіе это пролетѣло, какъ электрическая искра, съ поразительною скоростью по всѣмъ бивуакамъ, и было встрѣчено повсюду съ радостью; никто не спрашивалъ: какія жертвы потребуются отъ Россіи для заключенія мира? чѣмъ вознаградятся ужасныя потери, понесенныя нами во время безпримѣрной, почти годовой, защиты Севастополя? Всѣ радовались, что будетъ, наконецъ, положенъ предѣлъ лишеніямъ, которымъ всѣ уже такъ давно подвергались, а возможность скорого возвращенія въ Россію дѣлала всѣхъ просто малодушными.

Rendez-vous былъ назначенъ на Мекензіевой горѣ, въ расположеніи Селенгинскаго пѣхотнаго поля; отсюда генералъ А. Е. Тимашевъ, съ многочисленною свитой, отправился верхомъ къ трактирному мосту, гдѣ была назначена встрѣча съ генераломъ Martinpré. А. П. Озеровъ, считавшійся одною изъ главныхъ причинъ еще некончившейся войны, былъ командированъ главнокомандующимъ въ помощь генералу Тимашеву для заключенія условій перемирія. Кромѣ меня, много любопытныхъ присоединилось къ нашему кортежу; тутъ были представители всевозможныхъ войскъ въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ. Покойный Андреевскій, въ мундирѣ л.-гв. гусарскаго поля, кв. Сергѣй Викторовичъ Кочубей, въ мундирѣ калужскаго ополченія (сѣромъ), Василій Шереметевъ, въ бѣломъ кафтанѣ орловскаго ополченія, и много другихъ...

Генералъ Martinpré встрѣтилъ насъ во главѣ многочисленной свиты, не доѣзжая версту трактирнаго моста, возлѣ котораго, по лѣвую сторону Черной рѣчки, были разбиты шатры для нашего приема. Кромѣ того, на этомъ же мѣстѣ собралась многочисленная, весьма разнообразная публика изъ англійскаго, сардинскаго и турецкаго лагерей. Тутъ меня очень скоро познакомили съ многими французскими и англійскими генералами; не многихъ я теперь могу припомнить, но нѣкоторыхъ не забыть, а именно: Винуа, général de division, и почтенную личность Sir Collin Campbell'а, также начальника дивизіи и, кажется, командира шотландской пѣхоты, именуемой cold-stream.

Послѣ первыхъ привѣтствій, Тимашева и Озерова просили войти въ палатку, гдѣ былъ приготовленъ письменный столъ, а всѣхъ прочихъ лицъ пригласили въ другія палатки, въ которыхъ были приготовлены освѣжительные запасы. День былъ

сырой и холодный; туманъ, сырость, видъ представителей враждебныхъ намъ націй, все это нисколько не располагало къ веселію, а напротивъ того, повергало въ раздумье и дѣлало меня болѣе обыкновеннаго молчаливымъ. Послѣ продолжительнаго, довольно нескладнаго разговора съ двумя вышепоименованными генералами, я не могъ не согласиться войти въ одну изъ палатокъ и, по самому любезному приглашенію старика Collin Campbell'я, выпить рюмку хереса. Каково было мое удивленіе, когда, войдя въ эту палатку, я засталъ въ ней въ то время всей арміи хорошо извѣстнаго весельчака, запѣвалу, кутилу и поэта А. Н. Амосова, въ дружескомъ и интимномъ разговорѣ съ англійскимъ артиллерійскимъ капитаномъ Моррисомъ. Не смотря на полное незнаніе Амосовымъ англійскаго, а Моррисомъ французскаго языка, они не только понимали другъ друга, но уже успѣли угоститься, и когда я вошелъ, Амосовъ уже предлагалъ Моррису пить Bruderschaft. Tout cela m'a laissé une impression pénible... (Все это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе..).

В. И. День.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАМЯТНЫЯ ЗАМѢТКИ Е. Н. МОЛЛЕРЪ,

рожденной Муравьевой.

1820—1872.

Для возлюбленныхъ дѣтей моихъ написала я эти воспоминанія о вѣкоторыхъ эпизодахъ моей жизни, оставившихъ въ памяти и въ сердцѣ моемъ, съ самаго дѣтства, сильное и незабываемое впечатлѣніе. Пусть эти воспоминанія сохранятся на страницахъ всѣми уважаемой «Русской Старины». В. М.

I.

Первое событіе, которое я сознательно помню, случилось когда мнѣ было, полагаю, не болѣе двухъ лѣтъ; какъ теперь помню: я сижу въ красной колясочкѣ, меня возятъ по саду, въ деревнѣ у дѣдушки, Николая Михайловича Мордвинова, отца моей матери; колясочка опрокинулась и я выпала, но не ушиблась, а заплакала.

Послѣ этого, помню, мы въ Новгородѣ, въ губернаторскомъ домѣ (отецъ мой, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, былъ тамъ губернаторомъ); однажды вечеромъ, мать моя взяла меня на руки, поставила на стулъ, надѣла на меня красный сарафанъ, повязку на голову и красные, шитые золотомъ, башмаки, которые мнѣ очень нравились, и повела меня въ большую очень свѣтлую залу, гдѣ играла музыка и было много наряженныхъ дѣтей. Мать велѣла мнѣ дать руку одному мальчику, но я не захотѣла, потому что у него были надѣты перчатки, и расплакалась; меня унесли изъ залы.

Еще помню, что однажды утромъ вошли къ намъ въ залу священники и много монашенокъ и запѣли; это было Рожде-

ство; я испугалась, закричала и убѣжала въ дѣтскую, гдѣ спряталась подъ кровать; няня вытащила меня оттуда и посадила въ себѣ на колѣни. Потомъ помню — мы уже въ Петербургѣ; однажды мать поставила меня и сестеръ моихъ Александру и Вѣру на колѣни передъ образомъ и учила насъ молитвъ: „Пресвятая Троица, помилуй насъ“.

Затѣмъ воспоминаніе переноситъ меня въ деревню Ратчино; я сижу подлѣ мамы, въ саду, съ вѣюлою на рукахъ, а мама шьетъ ей очень красивое, пестрое одѣяло; потомъ помню себя опять въ Петербургѣ; я больна и лежу въ кровати около мамы; у меня, какъ я послѣ узнала, была скарлатина и я прохворала долго; помню, что разъ я проснулась и мама принесла мнѣ въ чашкѣ бульону и поила меня имъ съ ложечки; онъ казался мнѣ очень вкуснымъ, я смотрѣла на маму и чувствовала, что я ее очень люблю.

Послѣ этого помню, что однажды мать моя поѣхала съ отцомъ къ дѣдушкѣ на обѣдъ, а вечеромъ, когда они возвратились домой, нашу бѣдную маму двое вели подъ руки и она была совсѣмъ согнувшись; я испугалась, намъ сказали, что мама больна; мы просились къ ней, но насъ не пустили въ ея спальню, какъ всегда; мнѣ было очень скучно. Вскорѣ послѣ этого, какъ-то утромъ, слышу няня говорить кому-то:

— „Какая барыня блѣдная, она померла“.

Хотя я не совсѣмъ поняла смыслъ этихъ словъ, но онѣ поразили меня и я крѣпко заплакала и закричала; няня взяла меня на руки, ласкала меня, но я была неутѣшна; я до сихъ поръ помню горестное чувство, наполнившее тогда мою дѣтскую душу. Дядя ¹⁾, помнится, давалъ мнѣ съ ложечки сахарную воду; кажется, я заснула и не помню какъ успокоилась.

Мы опять стали проситься къ мамѣ, но насъ не пускали; старшій братъ мой, Николай, плакалъ. Мы спрашивали: „гдѣ мама?“

— Она у Бога, отвѣтили намъ.

Мнѣ было скучно, что я ее болѣе не увижу. Мы просились къ отцу; намъ сказали: „папа не здоровъ“; мы очень скучали.

Послѣ этого, помню, что тета, сестра моего отца, Е. Н. Десятникова, повезла насъ въ деревню: двухъ моихъ сестеръ, меня и

¹⁾ Александръ Николаевичъ Мордвиновъ, впоследствии сенаторъ и действительный тайный совѣтникъ.

маленькаго нашего брата съ кормилицей. Мы сидѣли и лежали въ большой, удобной, мягкой каретѣ и намъ это очень нравилось. Помню, какъ мы пріѣхали въ деревню, принадлежавшую отцу нашему, въ маленькой домикъ, къ другой тетѣ, О. Наз. Набоковой, также родной сестрѣ моего отца. Тамъ намъ было тепло и хорошо и мы стали жить у этой тети, лѣтомъ, въ деревняхъ моего отца: Ратчинѣ и Борѣ, а зимою въ Новгородѣ. Помню, какъ она насъ берегла, сама учила насъ читать, писать и постепенно всѣмъ другимъ наукамъ. Такъ жили мы у нея долгое время; радостные дни были для насъ, когда отецъ и два старшіе наши брата пріѣзжали къ намъ на праздникъ изъ Петербурга въ Новгородъ или въ деревню; мы обожали отца и крѣпко любили братьевъ и намъ бывало очень скучно, когда они уѣзжали.

Одинъ разъ, вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, тетя вышла къ намъ и говорить:

— „Знаете-ли, дѣти, у васъ будетъ скоро молодая мама; папа вашъ женится на Betsy Моллеръ“.

Мы спросили: „какая она, добрая-ли?“

На это гувернантка наша, знавшая ее, отвѣчала, что она добрая, молодая и красивая. Мы обрадовались и хотѣли ее видѣть; желаніе наше исполнилось. Отецъ нашъ вскорѣ написалъ тетѣ, чтобы она пріѣхала съ нами въ Петербургъ; мы отправились; насколько помню, это было весною. Въ Петербургѣ мы увидѣли нашу молодую маму, она насъ обласкала, подарила намъ красивыя вуклы и разныя игрушки; мы ее полюбили.

Петербургъ намъ очень понравился, но на лѣто мы уѣхали опять съ тетей въ деревню, куда на этотъ разъ вскорѣ пріѣхалъ погостить и отецъ съ нашей молодой мамой. Мы были вѣ себя отъ радости; всякій день гуляли съ ними по саду, по полямъ; за то день ихъ отъѣзда насъ очень сокрушилъ, впрочемъ не надолго.

Забыла упомянуть объ одномъ, довольно интересномъ, эпизодѣ, случившемся во время нашего пребыванія съ тетей, лѣтомъ, въ Бору, который находился недалеко отъ Грузина, имѣнія гр. Аракчеева. Въ то время Аракчеевъ былъ въ большой силѣ; отецъ мой, по волѣ государя, служилъ у него. Аракчеевъ очень уважалъ отца моего, говорятъ, даже боялся его и, пріѣзжая въ Новгородъ по службѣ, всегда заѣзжалъ къ тетушкамъ, говоря:

— „Я желаю видѣть дѣтей Николая Назарьевича Муравьева, чтобы ему привезти добрую вѣсть о нихъ“.

Зная, что имѣнне наше находится по близости отъ его Грузино, онъ былъ такъ любезенъ, что просилъ тетю разъ навсегда ѣздить туда съ нами лѣтомъ, когда вздумается погулять, и даже гостить тамъ, чѣмъ мы и пользовались и не разъ ѣздили въ Грузино на пароходѣ съ нашими сосѣдями, которые, по приглашенію тети, присоединялись къ намъ съ ихъ дѣтьми. Веселились мы тамъ по царски; насъ угощали всевозможными яствами, лакомствами и разными рѣдкостями. Домъ и садъ въ Грузино были великолѣпные и мы были тамъ какъ дома; принимала насъ извѣстная Настасья, которая намъ и прислуживала.

Однажды утромъ, мы пошли играть въ садъ; насъ поставили на скамейку къ рѣшеткѣ сада; скоро проѣхала мимо насъ, довольно тихо, коляска, въ которой сидѣлъ государь Александръ Павловичъ, котораго мы видѣли первый разъ, и гр. Аракчеевъ, который громко сказалъ государю:

— „Вотъ дѣти Николая Назарьевича Муравьева“.

Государь ласково поклонился намъ, а мы и тетя наша были этимъ очень довольны.

Осенью 1824 г., отецъ опять написалъ тетѣ, чтобы она пріѣхала съ нами въ Петербургъ, этотъ разъ уже навсегда. Мы были счастливы тѣмъ, что болѣе не будемъ разставаться съ отцомъ и братьями, которыхъ мы любили всею силою нашей дѣтской души. Какъ теперь помню, мы пріѣхали въ Петербургъ подъ вечеръ, подѣхали къ большому дому на набережной Невы и поднялись по большой, прекрасной лѣстницѣ въ бель-этажъ, въ большое нарядное зало съ колоннами. Отецъ вышелъ намъ на встрѣчу, обнялъ насъ; тутъ была и молодая наша мама и другіе родные, которые всѣ насъ ласкали; намъ было очень радостно. Помню, какъ намъ не хотѣлось идти спать, но тетя отправила насъ съ гувернанткой.

Утромъ мы проснулись въ восхищеніи при мысли, что мы въ Петербургѣ и больше не уѣдемъ изъ него, и тотчасъ зацѣли наши дѣтскія пѣсни, что было у насъ въ обыкновеніи. Съ этого дня началась для насъ новая жизнь, раздольная, веселая. Дѣдушка вашъ былъ большой хлѣбосоль и весьма гостепріимный, онъ любилъ чтобы у него въ домѣ было людно, чтобы всѣ были веселы и кушали вдоволь, большіе и малые.

Домъ былъ у насъ собственный, огромный, въ четыре этажа, мы занимали его весь одни; насъ было у отца десять человѣкъ дѣтей; комнаты у насъ были большія, нарядныя, удобныя; было гдѣ бѣгать, играть и рѣзвиться. Намъ взяли новую гувернантку французенку, очень добрую, и разныхъ учителей. Мы стали гораздо больше учиться.

Со старшими братьями мы еще не видѣлись и съ нетерпѣніемъ ожидали субботы; наконецъ, въ четыре часа прѣехали братья Николай и Валеріанъ изъ Пажескаго корпуса ¹⁾); наша радость свиданія съ ними, послѣ долгой разлуки, была невыразима; начались рассказы, разспросы, игры; насъ было три сестры и три брата, младшій братъ тоже присоединился къ намъ, мы играли во всевозможныя игры, даже въ солдаты, играли и бѣгали до упада и веселились райски. Такъ протекала наша дѣтская жизнь нѣсколько лѣтъ сряду весело и беззаботно.

Однажды утромъ, то было осенью, мы готовились ѣхать въ танцъ-классъ къ родителямъ нашей belle-mère, морскому министру Моллеру, на Англійскую набережную, какъ вдругъ началось наводненіе. Слышимъ пушечныя выстрѣлы изъ крѣпости; вода показалась на набережной и мы не могли ѣхать; сѣли на окно и стали съ ужасомъ смотрѣть на рѣку, которая разлилась до нашего дома. Вдругъ кто-то закричалъ:

— „Вода въ нижнемъ этажѣ, въ комнатахъ нашихъ братьевъ!“ но, къ счастью, они были въ корпусѣ.

Мы перепугались; на Невѣ поднялась страшная буря, по рѣкѣ неслись лодки съ людьми, доски, мебель, крыши, цѣлыя домики, оторванные плашкоуты съ людьми, которые поднимали руки къ небу, прося о помощи. Зрѣлище было ужасное; мы были въ большомъ страхѣ; къ вечеру наводненіе стало уменьшаться и мы легли спать; проснувшись по утру, съ радостью увидѣли, что наводненіе кончилось.

Вскорѣ послѣ этого, дорогая наша тетя, О. Н. Набокова, уѣхала отъ насъ къ своей дочери, которая была за мужемъ въ

¹⁾ Муравьевы — Николай Николаевичъ, впоследствии графъ Амурскій, членъ Государственнаго Совѣта и Валеріанъ Николаевичъ Псковской губернаторъ, умершій сенаторомъ въ Москвѣ, отецъ нынѣ извѣстнаго прокурора Московской Судебной Палаты.

Новгородѣ. Горько было намъ разставаться съ нею, мы любили ее, какъ вторую мать, которую она намъ замѣняла въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; она была наша истинная благодѣтельница и берегла насъ, какъ свой глазъ. Вы поймете, дѣти, какъ грустно было намъ съ нею разстаться, но она насъ утѣшала и обѣщала скоро опять пріѣхать, и добрая тетя исполняла свое обѣщаніе ежегодно.

II.

Мы продолжали учиться и занимались много, но любимые наши дни были суббота и воскресенье, когда пріѣзжали къ намъ изъ корпуса старшіе братья. Братъ Александръ учился еще дома и былъ всѣхъ насъ моложе, но потомъ онъ поступилъ въ лицей. Лѣтомъ мы переѣхали съ мачихой нашей въ Ораниенбаумъ, на дачу къ ея родителямъ, на пароходѣ, который былъ въ распоряженіи ея отца. Нашъ отецъ оставался постоянно въ Петербургѣ, не имѣя времени, по службѣ, отлучаться изъ города; на дачѣ мы очень веселились, насъ было много дѣтей вмѣстѣ; въ саду у дѣда Моллера всякій день игралъ оркестръ музыкантовъ-моряковъ; мы часто ѣздили въ Петергофъ на гулянья, на царскіе праздники, на иллюминаціи, которыя насъ восхищали; мы помѣщались тамъ въ кавалерственномъ домѣ, который отводили отцу, а онъ, наша belle-mère и ея родители отправлялись во дворецъ; также и братъ Николай, который 13-ти лѣтъ былъ уже камеръ-пажемъ.

По возвращеніи нашемъ осенью въ Петербургъ, мы поѣхали, однажды, въ воскресенье, по обыкновенію, обѣдать къ родителямъ мачихи; тамъ мы услышали печальную вѣсть о томъ, что государь Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ; всѣ были печальны. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, приходитъ утромъ няня насъ одѣвать и говорить, что нашъ папа уѣхалъ рано утромъ во дворецъ, а отъ belle-mère мы узнали, что онъ поѣхалъ присягать новому государю Николаю Павловичу.

Долго ждали мы отца, но онъ не возвращался; мы очень беспокоились; вдругъ слышимъ, что мимо нашего дома, по Гагаринской набережной, несутся кавалерія, артиллерія, идетъ пѣхота по направленію къ Зимнему дворцу. Въ это время вбѣгаютъ

няня и горничная и говорят: „Бунтъ на Дворцовой площади, тамъ стрѣляютъ“.

Мы хотѣли бѣжать къ нашей belle-mère, но гувернантка насъ не пустила, говоря, что она не совсѣмъ здорова и что не надобно ее беспокоить. Наконецъ, довольно поздно вечеромъ возвратился отецъ; мы обрадовались, онъ насъ поцѣловаль, благословиль и послалъ спать.

На другой день утромъ входитъ въ дѣтскую наша belle-mère и говорить: „Знаете ли, дѣти, вчера былъ бунтъ на Дворцовой площади, тамъ стрѣляли изъ заряженныхъ ружей и пушекъ; и знаете ли кто спасъ нашу царскую фамилію? мой двоюродный братъ, полковникъ Александръ Ѳедоровичъ Моллеръ; папа вашъ разсказалъ мнѣ какъ это было. Мой cousin, А. Ѳ. Моллеръ, полковникъ л.-гв. Финляндскаго полка, былъ дежурнымъ по караулу, со своимъ баталіономъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Вдругъ подходитъ къ нему молодой кавалерійскій офицеръ, съ командою, и говорить, что онъ посланъ смѣнить внутренній караулъ въ царскихъ комнатахъ и спрашиваетъ, гдѣ ходъ къ нимъ, что онъ его не знаетъ. Мой двоюродный братъ усумнился въ немъ, но скрылъ это и указалъ ему совершенно противоположный и дальній ходъ черезъ эрмитажъ и, вслѣдъ затѣмъ, послалъ своего офицера предупредить коменданта дворца, генерала Мартынова, и министра двора, кн. Волхонскаго, чтобы послѣшно были приняты мѣры для задержанія подозрительнаго караула, направленнаго имъ черезъ эрмитажъ. Вслѣдствіе этого, была выслана немедленно, по указанному ходу, команда на встрѣчу кавалерійскому караулу, который и былъ задержанъ; оказалось, что это были переодѣтые измѣнники и злоумышленники, посланные начальствомъ своимъ для совершения ужаснаго злодѣянія, на погибель всей нашей царской фамиліи; отецъ вашъ, мой братъ и всѣ сановники, находившіеся тогда во дворцѣ, также сдѣлались бы жертвою измѣнниковъ; письменное приказаніе объ этомъ было найдено у офицера, ведшаго караулъ, который во всемъ сознался“.

На другой день послѣ бунта, когда все миновало, 15-го декабря 1825 года, было назначено всѣмъ представляться новому государю, Николаю Павловичу. Когда государь вошелъ въ залу,

онъ подозвалъ полковника Моллера и обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ съ слѣдующими незабвенными словами:

— „Вотъ молодой офицеръ, которому я обязанъ тѣмъ, что имѣю сегодня удовольствіе говорить съ вами, и который доказалъ, что не довольно быть усерднымъ и преданнымъ, но надобно еще быть и умнымъ“.

Въ этотъ день полковникъ Моллеръ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Все это потомъ рассказалъ намъ нашъ отецъ, который былъ въ то время статсъ-секретаремъ и начальникомъ собственной Его Величества канцеляріи; онъ находился 14-го декабря во дворцѣ и былъ всему свидѣтелемъ; а 10 лѣтъ спустя, когда я сдѣлалась женою отца вашего, Александра Ѳедоровича Моллера, бывшаго въ то время уже командиромъ л.-гв. Егерскаго полка, онъ подтвердилъ мнѣ все рассказанное выше, а равно и незабвенныя слова государя Николая Павловича.

Отецъ вашъ постоянно говорилъ, что онъ считаетъ величайшимъ счастьемъ, что Богу угодно было избрать его, чтобы отвратить гибель и страшное бѣдствіе отъ нашего царственнаго дома и отъ нашего дорогаго отечества. Господь читалъ въ сердцѣ отца вашего чистую и пламенную любовь къ монарху и къ отечеству, которая не покидала его до конца жизни.

Продолжаю рассказъ о служебной карьерѣ полковника, флигель-адъютанта А. Ѳ. Моллера, впоследствии отца вашего.

Въ 1826 г., лѣтомъ, отецъ мой, братъ Николай и флигель-адъютантъ Моллеръ поѣхали въ Москву, на коронацію, а мы, съ нашей belle mère и двумя братьями, остались въ Петербургѣ. Мы скучали и ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія отца и брата; они вернулись, къ большой нашей радости, съ преинтересными рассказами о празднествахъ коронаціи, много было роздано всѣмъ награды, въ томъ числѣ и отцу моему.

Наша дѣтская жизнь не измѣнилась, прибавились только науки и занятія.

Въ 1829 г. я и сестры мои были въ горѣ: была объявлена война Турціи; старшій братъ нашъ Николай, а вашъ дядя, (впоследствии графъ Муравьевъ-Амурскій), долженъ былъ идти на войну. За годъ передъ тѣмъ, онъ поступилъ, по желанію государя, изъ камеръ-пажей въ л.-гв. Финляндскій полкъ, въ батальонъ полковника флигель-адъютанта Моллера, съ которымъ

былъ очень друженъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ въ походъ. Это очень успокивало отца, но мы чрезвычайно за него боялись.

Война кончилась черезъ годъ; братъ и полковникъ Моллеръ возвратились невредимы въ Петербургъ, хотя были часто въ сраженіяхъ; радость наша и отца нашего была невыразима. Но недолго продолжался миръ; въ 1831 г. началось возстаніе въ Польшѣ и опять весь гвардейскій корпусъ пошелъ въ походъ, въ Царство Польское, усмирять поляковъ; на этотъ разъ пошелъ и второй нашъ братъ ¹⁾, недавно произведенный въ офицеры, но они пошли въ разныхъ отрядахъ, а фл.-адъют. полковникъ Моллеръ пошелъ съ своимъ полкомъ; онъ былъ во многихъ дѣлахъ, часто подъ пулями и ядрами и особенно отличился подъ Текочиномъ, гдѣ подъ нимъ гранатою была ранена лошадь, но онъ остался невредимъ. За штурмъ Варшавы съ Финляндскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ, по болѣзни полковаго командира, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры. По усмиреніи поляковъ, вся гвардія и оба наши брата возвратились благополучно въ Петербургъ, къ великой радости отца и всѣхъ насъ.

Наконецъ, насталъ давно желанный миръ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ. Братъ, послѣ польской кампаніи, пріѣхали на продолжительный отпускъ къ намъ и, по желанію отца, занялись хозяйствомъ; одинъ—въ имѣніяхъ его въ Новгородской губ., а другой, братъ Николай, въ Царствѣ Польскомъ, въ высочайше пожалованномъ отцу арендномъ имѣніи. Удачное ихъ хозяйничанье привело въ порядокъ всѣ отцовскія имѣнія; братья опять отправились на службу, на Кавказъ, получивъ назначеніе къ главнокомандующему, генералу Евгенію Александр. Головину.

Спустя нѣкоторое время я была помолвлена съ генераломъ Моллеромъ, въ то время командовавшимъ л.-гв. егерскимъ полкомъ и 2-й гвардейской пѣхотной бригадой; братья мои взяли отпускъ, пріѣхали на мою свадьбу и были моими шаферами.

Вышедши замужъ за отца вашего, я была счастлива такъ, какъ какъ только можно быть счастливой на землѣ съ человѣкомъ, горячо любимымъ и одареннымъ лучшими качествами души,

¹⁾ Валеріанъ, впоследствии сенаторъ, тайный совѣтникъ.

которыя привязали меня къ нему безгранично. Богъ благословилъ насъ дѣтьми милыми и добрыми; вы были лучшею нашею отрадою и утѣхою; жизнь моя была въ высшей степени счастливая.

Служба отца вашего была дѣятельная, но онъ былъ неутомимъ и счастливъ, пользуясь постоянно милостивымъ благоволеніемъ государя Николая Павловича; отецъ вашъ былъ назначенъ въ свиту, оставаясь командиромъ полка, а черезъ нѣсколько лѣтъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ командиромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи. Впослѣдствіи государю угодно было назначить его начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

Мы жили постоянно лѣтомъ въ лагерѣ, въ Красномъ селѣ, и не разъ, какъ вы помните, милыя дѣти, государь подвозилъ, ѣдучи со смотровъ, отца вашего въ своей коляскѣ къ нашей дачѣ; мы выбѣгали ему на встрѣчу и всегда слышали нѣсколько самыхъ милостивыхъ словъ отъ обожаемаго нами государя Николая Павловича!

Однажды, въ 1840-хъ годахъ,—вы были еще малютками,—я жила съ вами въ лагерѣ, въ деревнѣ Фабрикантской, въ маленькомъ домикѣ; отецъ вашъ ушелъ со своей дивизіей на продолжительные маневры. Вдругъ, вечеромъ, когда вы уже спали, слышу, съ изумленіемъ, конскій топотъ подъ моими окнами и дядя вашъ, а мой братъ, Николай Николаевичъ, уже молодымъ генераломъ, влетаетъ неожиданно въ мою гостинную, обнимаетъ меня и говоритъ, что онъ только что сегодня пріѣхалъ въ Петербургъ съ Кавказа изъ Бамборъ (гдѣ онъ былъ начальникомъ) и привезъ съ собою депутацію горцевъ, не помню хорошенько, изъ сколькихъ человекъ, изъ покореннаго имъ аула, съ которыми онъ долженъ былъ на другое утро отправиться на маневры, чтобы представить ихъ государю императору.

Было уже поздно, я была очень обрадована свиданіемъ съ братомъ; напивъ его чаемъ и поужинавъ съ нимъ, я приказала накормить его команду и уложить горцевъ на ночь по сараямъ. На другое утро, братъ, напившись со мною кофе, поспѣшилъ отправиться на маневры; вы еще спали, когда дядя выстроилъ своихъ смуглыхъ азіатовъ передъ моими окнами, скомандовалъ имъ отдать мнѣ честь и съ крикомъ: „Аллахъ, Аллахъ“, они поскакали маршъ-маршемъ, съ братомъ моимъ во главѣ, что

было очень красиво и воинственно. За покорение аула дядя вашъ получилъ изъясненіе царскаго благоволенія и былъ награжденъ орденомъ, а мы съ отцомъ вашимъ имѣли утѣшеніе видѣть его часто у себя и слышать много интересныхъ разсказовъ о боевой его жизни на Кавказѣ.

III.

Въ 1848 г. былъ назначенъ Венгерскій походъ и отецъ вашъ выступилъ со своей дивизіей въ Вильно, гдѣ оставался нѣсколько мѣсяцевъ; я съ вами также поѣхала въ Вильно къ отцу вашему. Это было лѣтомъ; Вильно намъ понравилось и наше тамъ пребываніе было бы очень пріятное, если бы не внезапная кончина великаго князя Михаила Павловича, которая глубоко сокрушила отца вашего, либившаго безпредѣльно великаго князя, его августѣйшаго благодѣтеля.

Служебное положеніе вашего отца послѣ этого совсѣмъ измѣнилось; отъ возвышеннаго и благодѣтельнаго начальника власть попала въ руки человѣка завистливаго и крайне недоброжелательнаго, особенно къ старшимъ по немъ, подчиненнымъ ему генераламъ.

Въ 1852 г., мы помѣстили брата вашего, Колю, въ Пажескій корпусъ; поступленіе его въ корпусъ было самое счастливое, сверхъ заслугъ мальчика. Е. и. в. наслѣдникъ цесаревичъ, въ послѣдствіи государь императоръ, Александръ Николаевичъ, пріѣхалъ въ тотъ день въ корпусъ и самъ удостоилъ представить брата вашего начальству корпуса.

— „Рекомендую вамъ этого пажу, сказалъ его высочество, онъ славный мальчикъ,— прошу его любить и жаловать, какъ я его люблю“.

Говоря это, наслѣдникъ обнялъ его; только съ ангельской душою можно было поступить такимъ образомъ. Коля его боготворилъ, да и могло ли быть иначе?

Наслѣдникъ цесаревичъ требовалъ иногда по праздникамъ Колю нашего во дворецъ, играть съ ихъ высочествами, великими князьями, покойнымъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ,

нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ нашимъ. Разъ, помните, прѣѣхавъ къ намъ изъ дворца, Коля рассказывалъ намъ съ восторгомъ, что вел. кн. Николай Александровичъ, который бралъ его всегда въ играхъ въ свою партію и былъ имъ доволенъ, сказалъ ему:

— „Моллеръ, я хочу, чтобы ты всегда былъ моимъ; дай честное слово, что ты будешь моимъ всегда“.

На это Коля отвѣчалъ:

— Клянусь, что я буду всегда вашимъ!

И великій князь Николай Александровичъ его обнялъ. Впослѣдствіи эти слова оказались какъ бы пророческими. Братъ вашъ Коля былъ славный мальчикъ, съ бойкими способностями, добрымъ сердцемъ, былъ любимъ товарищами, которыхъ онъ часто выручалъ, помогая имъ готовить уроки и дѣлясь съ ними всѣмъ братски; начальники также любили его и всегда намъ его хвалили; казалось, ему предстояла будущность блестящая и счастливая. Но Богъ судилъ иначе!

Въ 1854 г. началась крымская война, гвардейскій корпусъ былъ раздѣленъ на два отряда: дѣйствующій и резервный, которымъ командовалъ ген. Сумароковъ, а дѣйствующимъ государь императоръ назначилъ командовать отца вашего и приказалъ перевести этотъ отрядъ въ Петергофъ; главнокомандующимъ отряда былъ самъ государь. Отцу вашему была отведена въ Петергофѣ большая, прекрасная дача, куда и я съ вами перѣѣхала на лѣто изъ Павловска. Войска были расположены по всему берегу залива для наблюденія и защиты отъ десантовъ англо-французскаго флота, который находился въ Финскомъ заливѣ, что и держало его въ теченіи лѣта въ почтительномъ отдаленіи.

Подхожу къ тяжкимъ воспоминаніямъ.... Гвардейскій корпусъ выступилъ, осенью, въ походъ къ западнымъ границамъ, и отецъ вашъ, какъ вы знаете, также пошелъ изъ Петергофа въ походъ со своей дивизіей; я оставалась съ вами въ Петербургѣ. Узнавъ, что гвардія зимуетъ въ Вильно, всѣ семейства военныхъ, въ томъ числѣ и я съ вами, рѣшились ѣхать на зиму въ этотъ городъ; горько было мнѣ оставлять моего Колю и я поѣхала умолять директора Пажескаго корпуса, чтобы его отпустили со мною на время пребыванія моего въ Вильно; просила объ этомъ

какъ-бы предчувствуя что-то недоброе. Къ несчастью, мнѣ его не отдали, и я оставила дорогаго моего Колю въ Петербургѣ, на попеченіе родныхъ, которые всѣ его любили.

Мы уѣхали изъ Петербурга въ октябрѣ и черезъ недѣлю были уже въ Вильно; вы помните нашу радость при свиданіи съ отцомъ вашимъ! Вскорѣ было получено высочайшее повелѣніе отцу вашему выступить съ отрядомъ изъ Вильно и идти дальше. Но демонстрація Австріи противъ насъ не удалась, и дѣйствующій отрядъ былъ остановленъ въ Бѣлостокѣ, гдѣ и была назначена ему зимовка; черезъ мѣсяцъ и мы туда пріѣхали по глубокому снѣгу.

Мы помѣстились въ крошечномъ домикѣ, выстроенномъ по лѣтнему, гдѣ мы очень забыли; прошло нѣсколько ночей, а мы не получали писемъ отъ нашего Коли, о чемъ я сильно беспокоилась. Вдругъ пришло изъ Петербурга роковое извѣстіе о кончинѣ нашего ангела Коли!

Скорбь, отчаяніе отца вашего и всѣхъ насъ были невыразимы! Заболѣла я, потому отецъ вашъ, наконецъ и вы, наши бѣдныя дѣвочки! печаль и страхъ за васъ доходили до помраченія ума! Смерть казалась мнѣ легче того, что мы тогда терпѣли, но Господь сжалился надъ нами, вы обѣ были спасены и Онъ подкрѣпилъ насъ силою Своею все перенести!

Не успѣли мы опомниться отъ нашего горя, какъ другое ужасное, неожиданное извѣстіе изъ Петербурга поразило насъ какъ громомъ; обожаемый нашъ государь Николай Павловичъ скончался! Отецъ вашъ горевалъ неутишно, скорбь была общая.

Крымская война кончилась; вашъ отецъ получилъ новое назначеніе въ Петербургъ; по здоровью его, новая служба была довольно утомительная, но онъ исполнялъ ее, какъ всегда, усердно. Все утѣшеніе наше было въ васъ двухъ; отецъ вашъ, любившій музыку, радовался вашему милому таланту къ музыкѣ и пѣнію; лѣтомъ онъ былъ постоянно въ разъѣздѣ по службѣ, а я съ вами проводила лѣто то въ Ревелѣ, то въ Гансалѣ; тамъ мы имѣли счастье видѣть часто нашу многолюбимую императрицу Марію Александровну, которая была ко мнѣ и въ вамъ очень милостива.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ; въ 1860-мъ году Богъ благоволилъ насъ рожденіемъ сына Александра; съ его рожденіемъ

намъ просіяло какъ бы новое счастье, вы были въ восторгѣ имѣть брата, я блаженствовала и благодарила Бога! Малютка Саня сдѣлался нашимвъ общимъ любимцемъ и утѣхою, что впоследствии онъ вполне заслужилъ своимъ благонаравіемъ, своими бойкими способностями и горячею къ намъ любовью. Онъ былъ крестникомъ государя Александра Николаевича, который всегда его ласкалъ и былъ къ нему очень милостивъ; маленькій братъ вашъ былъ зачисленъ въ Пажескій корпусъ. Но счастье наше было непрочно! Здоровье отца вашего стало слабѣть, онъ несъ службу пока было силъ, былъ произведенъ въ генералы отъ инфантерій и вскорѣ тяжко заболѣлъ и скончался, къ великому нашему огорченію и несчастію! Не стало дорогой нашей опоры и все для насъ измѣнилось; горе мое было смертельное! Только глядя на васъ троихъ я оживала, вы давали мнѣ силы переносить мою невозвратимую потерю, а теперь, дорогія дочери мои, вы дѣлите всѣ трудности мои и заботы, помогаете мнѣ съ любовью воспитывать маленькаго брата вашего и я, любя васъ всею силою моей души, имѣю силы нести крестъ свой съ покорностью къ волѣ Всевышняго ¹⁾!

IV.

Я должна прибавить здѣсь, милые дѣти мои, къ моимъ воспоминаніямъ нѣсколько словъ объ отличительныхъ свойствахъ моихъ трехъ братьевъ, съ которыми насъ связывала самая искренняя дружба; для васъ это будетъ интересно потому, что вы ихъ также любите.

Начну съ брата Николая, впоследствии гр. Амурскаго, какъ со старшаго. Онъ былъ характера веселаго, живаго, былъ шутивъ и остроуменъ, пріятенъ въ обращеніи, какъ съ взрослыми, такъ и съ дѣтьми, что и вы сами знаете. Къ этому онъ имѣлъ бойкія способности, превосходно учился, выдержалъ экзаменъ въ

¹⁾ Впоследствии, волею Всевышняго, крестъ этотъ былъ страшно отягченъ: составительница этихъ Записокъ имѣла величайшее несчастіе лишиться двухъ своихъ дочерей — въ полномъ разцвѣтѣ ихъ красоты и отличныхъ дарований, обѣ дѣвушки, одна за другой, въ сравнительно короткое время, скончались, — оставя нѣжно любившую ихъ мать безутѣшною на всю жизнь.

Ред.

Пажескій корпусъ однимъ изъ первыхъ, былъ произведенъ 13-ти лѣтъ въ камеръ-пажи, много читалъ и былъ очень любознательнъ; главная черта его была любовь ко всему военному; онъ съ юности жаждалъ войны, былъ храбръ, но сознавался, что въ началѣ, слыша во время сраженій свистъ пуль, невольно присѣдалъ, но вскорѣ побѣдилъ это чувство; веселость никогда не покидала его, какъ въ болѣзняхъ, такъ и въ трудныя минуты жизни; онъ имѣлъ особый даръ развеселять и ободрять каждаго, что помню и мы испытывали, живя еще дома, у отца. Въ семьѣ онъ былъ любимъ всѣми, отъ мала до велика; иногда онъ, бывало, вспылитъ, но умѣлъ себя сдерживать; впоследствии, прошедши всѣ фазисы военной, вполнѣ боевой, службы, въ которой онъ не разъ заслуживалъ отличія, онъ былъ тяжело раненъ въ руку на Кавказѣ и послѣ поѣздки своей, для леченія за границу, перешелъ въ административной дѣятельности и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Тулу, а черезъ годъ, государь Николай Павловичъ, который очень благоволилъ къ брату моему Николаю и имѣлъ къ нему большое довѣрiе, проѣзжая черезъ Тулу, лично назначилъ его генераль-губернаторомъ Восточной Сибири. Тамъ онъ прослужилъ 14 лѣтъ, преодолювая постоянно неимоверныя трудности, особенно въ поѣздкахъ своихъ въ странѣ дикой, безлюдной, не имѣвшей порядочныхъ путей сообщеній, на пространствѣ многихъ тысячъ верстъ, и отличавшейся крайне суровымъ климатомъ. Онъ вездѣ побывалъ самъ и совершилъ въ непродолжительное время, вопреки всѣмъ препонамъ, почти чудо, устроивъ на необозримомъ пространствѣ дороги, станціи, города, крѣпости съ гарнизонами и, наконецъ, приобрѣлъ рѣку Амуръ и весь Приамурскій край, не проливъ ни капли крови, за что и получилъ отъ императора Александра II титулъ графа Амурскаго; все это братъ мой, а вашъ дядя—Николай Муравьевъ исполнилъ въ теченіи 14-ти лѣтъ своего служенія въ Восточной Сибири, но за то сильно поплатился здоровьемъ. Окончивъ важнѣйшія дѣла въ Восточной Сибири, онъ долженъ былъ для поправленія разстроеннаго здоровья ѣхать лечиться за границу, въ теплыя края, гдѣ проживъ нѣсколько лѣтъ скончался въ 1881 году, къ великому горю нашему.

Дядю вашего Валеріана Николаевича, моего втораго брата, вы хорошо знали; всѣ мы его также сердечно любили. Онъ былъ

совсѣмъ другаго темперамента, чѣмъ братъ Николай Николаевичъ, хотя въ дѣтствѣ былъ живой и рѣзвый до нельзя, но потомъ въ немъ оказались наклонности болѣе къ мирной и домашней жизни; онъ былъ добръ, смысленъ, практиченъ и предпочиталъ всему семейную жизнь. Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, онъ вышелъ въ отставку и, по желанію отца, принялся за хозяйство во всѣхъ его имѣніяхъ и жилъ съ нами въ домѣ нашего родителя. Мы были очень счастливы этимъ; въ немъ мы имѣли любящаго, заботливаго брата и друга и вѣрную подпору нашей юности; черезъ нѣсколько лѣтъ онъ поступилъ вторично на службу, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чиновникомъ особыхъ порученій къ гр. Перовскому, а потомъ былъ назначенъ губернаторомъ во Псковъ, гдѣ онъ прослужилъ съ пользою нѣсколько лѣтъ, былъ оцѣненъ государемъ Александромъ Николаевичемъ, въ губерніи былъ любимъ и уважаемъ всѣми и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ назначенъ сенаторомъ; онъ скончался въ 1869 г., еще въ бодрыхъ лѣтахъ, къ глубокой скорби своей семьи и всѣхъ насъ ¹⁾).

О младшемъ братѣ моемъ, Александрѣ Николаевичѣ, котораго вы знаете и любите, скажу, что онъ менѣе извѣстенъ на поприщѣ служебномъ, но заслужилъ глубоко похвальное слово отъ семьи отца своего, которой онъ оказалъ, какъ сынъ и братъ, величайшую услугу; характеромъ онъ болѣе походилъ на брата Николая Николаевича, но не имѣлъ призванія къ военной службѣ; весьма живой и горячій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно добрый и снисходительный, онъ обладалъ свѣтлымъ умомъ, былъ весьма ученъ, страстно любилъ чтеніе и вообще былъ человекъ весьма способный. Окончивъ лицей, 17-ти лѣтъ, съ золотою медалью, онъ вскорѣ былъ назначенъ чиновникомъ къ статсъ-секретарю Позену, въ собственную Е. В. канцелярію, былъ тамъ на лучшемъ счету и отличался примѣрнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей. Карьера ему предстояла, повидимому, блестящая, но

¹⁾ Съ уваженіемъ вспоминаемъ о Валеріанѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, какъ начальникѣ Псковской губерніи; мы его знали на этомъ посту въ 1862—1864 гг.. въ годы весьма трудные, когда ему довелось вводить въ вѣрренной ему губерніи великія реформы Царя-Освободителя. В. Н. Муравьевъ выполнялъ эту святую миссію съ усердіемъ и разумомъ.

онъ порвалъ ее не задумавшись, чтобы придти на помощь своему престарѣлому отцу, который вызвалъ его къ себѣ на помощь, въ тяжелую минуту своей жизни.

Въ то время оба старшіе брата мои были на службѣ, но не въ Петербургѣ; отцу угрожало большое бѣдствіе: его имѣнія должны были быть проданы съ публичнаго торга, до того ихъ разорили прикащики злоупотребленіями или, лучше сказать, грабительствомъ. Братъ, какъ ни былъ молодъ, не смотря на прекрасное свое положеніе по службѣ, съ радостью поспѣшилъ къ старику отцу, пожертвовавъ для него своей карьерой. Своимъ основательнымъ знаніемъ законовъ и правильнымъ ихъ примѣненіемъ, онъ въ короткое время устроилъ все дѣло, спасъ отъ продажи отцовскія имѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣльными хозяйственными распоряженіями въ имѣніяхъ, порученныхъ ему отцомъ безотчетно, сумѣлъ выручить и собрать, къ сроку, необходимую сумму для удовлетворенія кредиторовъ, чѣмъ пріобрѣлъ ихъ довѣріе; хотя бѣдному моему брату пришлось много претерпѣть за это время, но онъ достигъ великой цѣли: спасъ состояніе и честь отца своего, и каждый изъ насъ обязанъ ему хорошимъ кускомъ хлѣба, полученнымъ въ наслѣдство отъ отца. Скажу въ похвалу брату, что онъ никогда не хвасталъ этимъ, а говорилъ, что это былъ его святой долгъ; не смотря на свою молодость, онъ исполнялъ это важное и трудное дѣло съ полнымъ самоотверженіемъ и любовью къ отцу и къ намъ, его братьямъ и сестрамъ. Приведа въ порядокъ семейныя дѣла, онъ поступилъ опять на службу, но, конечно, много потерялъ и былъ назначенъ предсѣдателемъ казенной палаты въ Смоленскъ, гдѣ пріобрѣлъ репутацію человека умнаго и высоко-честнаго. Тамъ онъ вскорѣ счастливо женился и, прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ, вышелъ въ отставку и занимается, какъ вы знаете, хозяйствомъ въ имѣніяхъ жены своей ¹⁾.

Прибавлю еще, что цѣль этихъ памятныхъ замѣтокъ была составить ихъ для дѣтей моихъ, которые непременно желали ихъ имѣть. Впослѣдствіи, многіе родные и друзья уговаривали меня напечатать эти наброски; я долго на это не рѣшалась, но наконецъ

¹⁾ Дорогой братъ мой Александръ Николаевичъ Муравьевъ скончался въ 1885 г., къ великой скорби семьи своей и моей. **М.**

должна была уступить ихъ настойчивому желанію; я никогда не готовилась быть писательницей и записала самыя интимныя воспоминанія моего дѣтства и юности, съ ихъ фактами и нѣкоторыми историческими эпизодами, которые передаю слово въ слово, какъ ихъ слышала не разъ отъ отца моего и отъ другихъ моихъ родныхъ, бывшихъ всего разсказаннаго мною свидѣтелями и очевидцами и которые будутъ имѣть большую цѣну и интересъ для семьи моей и, если Богъ велитъ, для потомковъ моихъ, чѣмъ цѣль моя и будетъ достигнута.

Да сохранить уважаемая „Русская Старина“ эти замѣтки, набросанныя съ искренностью сердца, на своихъ страницахъ.

Е. Моллеръ,
рожденная Муравьева.

ДАТСКІЙ КОРОЛЕВИЧЪ ВОЛЬДЕМАРЪ ВЪ МОСКВѢ

въ 1644—1645 гг.

Помѣщаемыя здѣсь первыя три «памяти» изъ Посольскаго приказа въ Сибирскій приказъ (заимствованныя, равно какъ и 4-я память, изъ дѣлъ послѣдняго приказа, хранящихся въ Москов. Архивѣ Министерства Юстиціи—столб. № 141, л. л. 360—366), отъ 17 и 18 августа 1645 г., относятся къ исторіи послѣднихъ дней пребыванія въ Москвѣ королевича Вольдемара передъ отъѣздомъ въ Данію. Документы говорятъ о тѣхъ денежныхъ милостяхъ, какими московское правительство расплатилось съ королевичемъ за всѣ вынесенныя имъ раньше въ Москвѣ душевныя муки... Остальныя памяти относятся къ событіямъ 1644 г.

Н. О.

1) «Лѣта 7153-го, августа въ 17 день, по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу боярину кн. Никитѣ Ивановичю Одоевскому да дьяку Григорью Протопопову: указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи объявити при себѣ государѣ и дати въ дарѣхъ Дацкому королевичю Волдемару Христіанусовичю 20 сороковъ соболей на 3515 рублей, и тѣ соболи изъ Сибирскаго приказа взяты и при государѣ королевичю на отпускѣ объявлены и къ королевичю отосланы, и послѣ того какъ королевичъ былъ у государя на отпускѣ, на другой день былъ челомъ государю королевичъ, чтобъ государь пожаловалъ—вмѣсто соболей велѣлъ ему дати еимками или деньгами тужъ цѣну 3515 рублей, а соболи велѣлъ бы государь взять въ свою государеву казну. И государь царь... указалъ у королевича соболи взять, а въ тѣхъ... (пробѣлъ)... и дьяку Григорью велѣти тѣ соболи въ государеву казну приняти, а еимки на 3515 рублей отослати въ приказъ государевы Большіе Казны, а за тѣ еимки деньги 3515 рублей взявъ изъ Большіе Казны, прислати въ Посольской привазкѣ дьякомъ къ думному къ Григорью Львову да къ Степану Кудрявцову,

а изъ Посольскаго приказу тѣ деньги отошлютъ къ королевичю. Дьякъ Степанъ Кудрявцовъ». — Помѣта: «послать сѣимки въ приказъ государевы Большіе Казны».

2) «Лѣта 7153-го, августа въ 17 день, по государеву... указу боярину кн. Н. И. Одоевскому да дьяку Гр. Протопопову: указалъ государь... дати своего государева жалованья Дацкому королевичю Волдемару Христіанусовичю на служилыхъ ево людей и на дворовой чинъ и въ дорогу на всякіе расходы 7000 рублей изъ Сибирскаго приказу. И по государеву... указу боярину кн. Никитѣ Ивановичю и дьяку Григорью велѣти тѣ деньги прислати въ Посольской приказъ....., а изъ Посольскаго приказу тѣ деньги отошлютъ къ королевичю. Діакъ Степанъ Кудрявцовъ». — Помѣта: «послать и въ расходъ записать».

3) «Лѣта 7153-го, августа въ 18 день по государеву... указу боярину кн. Н. И. Одоевскому да дьяку Гр. Протопопову: пожаловалъ государь... Дацкаго королевича Волдемара Христіанусовича моршалка да чашника и розныхъ чиновъ людей всего 17 человекъ велѣлъ имъ дати своего государева жалованья деньгами изъ Сибирскаго приказу, а что кому дать—и тому роспись подѣ сею памятью. И по государеву... указу боярину кн. Никитѣ Ивановичю и дьяку Григорью государеву жалованье деньги, что дати королевичеву моршалку и чашнику и розныхъ чиновъ людямъ, велѣтъ по росписи прислатъ въ Посольской приказъ....., а изъ Посольскаго приказу тѣ деньги отошлютъ къ королевичю на дворъ. Діакъ Ст. Кудрявцовъ».

«Роспись—что дати государева жалованья королевичевымъ розныхъ чиновъ людямъ: дворовому моршалку—150 рублей, чашнику—130 руб.; комнотному дворянину, конюшему, ловчому—тѣмъ 3 человекомъ по 100 рублей человекъ; дворяномъ: Бристу, Боту, Гаделену, Буддѣ, Базовицу, Бѣлаву, дохтуру—тѣмъ 7 человекомъ по 90 рублей человекъ; дворовому проповѣднику да секретарю, комнотному писарю, комнотному человекъ Индрику Гантеру, кормовому моршалку Варгарду—тѣмъ 5 человекомъ по 80 рублей человекъ. Діакъ Ст. Кудрявцовъ».

Помѣты: 1) «послать деньги и въ расходъ записать»; 2) «по сей памяти и по росписи государеву жалованье королевичевымъ людямъ 1610 рублей взялъ въ Посольской приказъ Посольскаго приказу подьячей Федька Арѣховъ и руку приложилъ».

4) «Лѣта 7153-го, августа въ 20 день, по государеву... указу боярину кн. Н. И. Одоевскому да дьяку Гр. Протопопову: въ прошломъ въ 152 г. галанецъ Еремей Оенцель везъ съ Вологды до Москвы Датскаго королевича Волдемара Христіанусовича 2 4 бочки

питья на наемныхъ подводахъ, а изошло-де у него въ дорогѣ до Москвы всякихъ харчей и найму отъ подводъ 110 рублей 31 алтынъ 4 деньги, да у него же Еремѣя къ королевичю взяты часы, цѣна 16 рублей. И государь царь.... указалъ тѣ деньги заплатить изъ своей государевы казны изъ Сибирского приказу. И по государеву.... указу боярину кн. Никитѣ Ивановичю и дьяку Григорью деньги велѣтъ прислать въ Посольской приказъ къ діакомъ къ думному къ Григорью Львову да къ Степану Кудрявцову. Діакъ Ст. Кудрявцовъ».—Помѣта: «послать и въ расходъ записать».

5) «Лѣта 7152-го, генваря въ 25 день, по государеву.... указу боярину кн. Н. И. Одоевскому да дьяку Гр. Протопопову: велѣти прислати въ Казенной приказъ къ казначею къ Богдану Миничю Дубровскому да къ дьякомъ къ Григорью Панкратьеву да къ Алмазу Иванову сорокъ соболей въ чотыреста рублей, 40 соболей въ 300 р., 40 соболей въ 250 р., 40 соболей въ 200 р., 40 соболей въ 150 р., 40 соболей въ 100 р., 40 соболей въ 80 р., пара соболей въ 30 или 25 р., пара соболей въ 20 р. А тѣми соболями дарить государю царевичю князю Олексѣю Михайловичю Датцково королевича Вольдемара Христіанусовича.—Діакъ Григорей Панкратьевъ». (Сибир. приказа столб. № 230, л. 179).

Сообщ. Н. Оглоблинъ.

ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ.

Мраморная доска въ память его рожденія.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1889 года, томъ LXIII, августъ, стр. 665—667, рассказано о томъ, какъ многіе почитатели памяти славнаго профессора, писателя и публициста О. Э. Миллера — вошли въ Думу города Гапсаля (Эстляндской губ.) съ просьбою разрѣшить постановку мраморной доски съ подобающею надписью на домѣ, въ которомъ, въ этомъ городѣ, родился Орестъ Ѳедоровичъ, и какъ Гапсальская городская дума, въ засѣданіи 1-го августа 1889 года, единодушно ходатайство это разрѣшило.

Затѣмъ доска была исполнена въ С.-Петербургѣ у Томсона, (Дмитровскій переулокъ, д. № 4) и на ней вѣзными, тщательно вызолоченными, буквами начертано:

Въ семь домѣ

4-го августа 1833 года родился

ОРЕСТЪ ѲЕДОРОВИЧЪ МИЛЛЕРЪ,

с.-петербургскаго университета профессоръ [1863—1887 гг.],

ислѣдователь русской литературы, славистъ и патриотъ.

Скончался въ С.-Петербургѣ 1-го іюня 1889 г.

[Постав. Гапсальской Городской Думы 1-го августа 1889 г.].

Доска эта отправлена нами въ гор. Ревель на имя начальника Эстляндской губерніи, которымъ получена она 17-го января 1890 г., и, какъ пишетъ къ намъ кн. С. В. Шаховской (въ письмѣ отъ 27-го января 1890 года за № 519), препровождена имъ въ гор. Гапсаль г. городскому головѣ К. Мирзалису, для прибитія ея на домикъ наслѣдниковъ А. фонъ-Шеферъ, на углу Большой Морской улицы и Дѣвичьяго переулка, въ каковомъ домикѣ родился О. Э. Миллеръ.

Мих. Семевскій.

ШТУДЕНТЫ—ДОМАШНИЕ НАСТАВНИКИ

въ 1712 г.

Школы, открытыя Петромъ Великимъ, наполнились вызванными на смотръ въ Москву недорослями, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что добровольцевъ просвѣщенія оказывалось значительное меньшинство, и на ряду съ княземъ Ефимомъ Мышецкимъ, «самовольно ушедшимъ за моря для науки» ¹⁾, не рѣдкостью являлись школьники, «пойманные изъ бѣговъ» и посаженные вновь за букварь лишь непреклонностью строгаго указа: «...а которые учиться волею не похотятъ и тѣхъ никуда, кромѣ служилаго (низшаго) чина не назначать».

Первыми сподвижниками великаго Преобразователя въ дѣлѣ истиннаго просвѣщенія, разумно взглянувшими на цѣль и средства послѣдняго, выступили—иноземцы. Заполнивъ на Руси первый кадръ ревнителей науки, они еще глубже коснулись предмета образованія своихъ поколѣній, перенеся послѣднее много ранѣе за предѣлы школьнаго обученія и тѣмъ поднявъ вопросъ о домашней педагогикѣ. Сохранившаяся въ архивныхъ богатствахъ артиллерійскаго музея и дошедшая до нашихъ дней переписка извѣстныхъ современниковъ Петра, братьевъ Романа и Якова Брюсъ, живыми штрихами рисуетъ передъ нами картину той горячей родительской заботливости въ области просвѣщенія, которой можно было бы позавидовать и въ наше время. Заботливость эта становится еще знаменательнѣе, если обратить вниманіе на узанія, встрѣчающіяся въ перепискѣ, тѣхъ затрудненій и серьезныхъ препятствій, съ какими сопряженъ былъ въ тѣ дни вопросъ о пріисканіи педагоговъ, даже при всей крайней снисходительности предъявляемыхъ къ послѣднимъ требованій,

¹⁾ Архивъ стар. дѣлъ. Спб. Артл. Музея. Дѣла шт. ген.-фельдц., св. 11, л.

доходящихъ подъ часъ до курьеза. Приводимъ полностью этотъ любопытный памятникъ ¹⁾:

«Государь братецъ, Яковъ Вилимовичъ, пишетъ Романъ Брюсъ брату,—пожалуй, ежели возможно, достать во Гданскѣ или въ Эльбингѣ молодаго и смирнаго студіоза, который бы могъ быть въ домѣ моемъ для ученья моего сына Александра; я бы ему довольную за то даль плату, особливо ему у меня будетъ вольная квартира, одинъ ему служитель, пить, ѣсть готовое; сверхъ того, пожалуй, братецъ, по своему разсужденію изволь ему денегъ погодно обѣщать кольки потребно и съ нимъ договориться, по которому договору я съ благодареніемъ платить радъ. И ежели такого человѣка изволите сыскать, пожалуй, братецъ, прикажи его къ намъ отправить и дать ему денегъ по разсмотрѣнію, чѣмъ бы ему было можно было доѣхать безъ нужды. Такого студента обѣщаль мнѣ прислать племянникъ нашъ Латорфъ, который не токмо студента прислалъ, но и о томъ ко мнѣ не писывалъ, и ежели вы, братецъ, пожалуете такого студента сыщете, пожалуй изволь отписать въ Берлинъ къ Латорфовой матери, чтобъ они больше о томъ не трудились. За симъ, остаюсь послушнѣйшій братъ и слуга вашъ Романъ Брюсъ».

Письмо отправлено 5-го января ²⁾ и, мѣсяцъ спустя, былъ полученъ отвѣтъ отъ Якова Брюса:

«Государь мой братецъ Романъ Вилимовичъ, — писалъ онъ, — изволили вы, братецъ, ко мнѣ писать, дабы мнѣ здѣсь достать для ученія дѣтей вашихъ студента и я о томъ старатись вседушно готовъ, токмо извольте ко мнѣ отписать на сколькихъ бы языкахъ ученаго искати, для того что, буде да на многихъ языкахъ говорить умѣющаго искати, то гораздо будетъ дорого давать; я мыслю, что вынѣ довольно бы и такого, который бы по нѣмецки и по латывѣ искусенъ былъ и возможно легко такого сыскать, только не чаю, чтобъ дешевле 100 еемковъ взять; къ тому-жъ и проѣздъ до васъ нѣсколько еемковъ станеть. И вы ко мнѣ отпишите, намѣрены ли вы толикое число дать. А когда дѣти свыше десяти лѣтъ будутъ, тогда надлежитъ нного человѣка промыслить, чтобъ въ гоемеysterомъ (sic) къ нимъ и былъ бы не только искусенъ многимъ языкомъ, но и бывалъ въ разныхъ государствахъ».

Безконечно обрадованный этимъ письмомъ, Романъ Вилимовичъ спѣшилъ согласіемъ на предъявленныя условія:

¹⁾ Тамъ-же, св. 20, л. 351—361, 456.

²⁾ 1712 года.

«Писаніе ваша (sic) изъ Мокрова двора,—отписывалъ онъ брату, — я получилъ, за которое покорнѣйше благодарствую, а особливо, что вы изволите стараніе имѣть о студентѣ, о которомъ я къ вамъ на предѣ сего писалъ, о чемъ еще нижайше подтверждаю и прошу, дабы вы изволили, приславъ одного, ко мнѣ отправить. А что вы, братецъ, изволите въ письмѣ своемъ упомянуть, что дешевлѣй 100 еемиковъ достать не чаете и вы пожалуйста извольте за ту цѣну нанимать: я ему съ благодареніемъ платить радъ, сверхъ того, пожалуй ему и на проѣздъ нѣсколько еемиковъ, чѣмъ бы ему было можно до Риги на почтѣ доѣхать, а отъ Риги я всегда найду способъ его сюда привести. Особливо прошу васъ, братецъ, когда будете такого студента принимать, прикажи освѣдомиться, чтобъ былъ молодецъ смирной и добраго житія и сверхъ годоваго его жалованья, почему вы съ нимъ договоритесь, изволь ему обѣщать вольную квартиру, пить, ѣсть готовое, также и хлопецъ ему для услуженія. И какъ скоро такого студента принять изволите и сюда отправите, пожалуй, братецъ, прикажи ко мнѣ отписать чрезъ почту, дабы я могъ заранѣй въ Ригу отписать къ господину бригадиру Бушу, дабы онъ его безъ задержанія ко мнѣ отправилъ. Пожалуй, братецъ,—заканчивалъ Романъ Брюсъ,—не прогнѣвайся, что вамъ такой трудъ чиню; во истинно ни для чего янаго: жаль мнѣ на дѣтей своихъ смотрѣть, что безъ всякой науки празностью время свое теряють».

«О студентѣ въ гомейстеры дѣтямъ вашимъ, — отвѣтствовалъ Яковъ Вилимовичъ,—я сыскалъ въ Королевцѣ человека молодаго, который и искусенъ довольно латинскаго языка, и по французски говорить, только-жъ не вовсе мастеръ, однако-жъ хощатъ тщиться, чтобъ вскорѣ въ переекцію прийти. И просить оной студентъ у меня, на чемъ я съ нимъ договорюсь, чтобы ему дать напередъ годовой заплаты половину или, по меньшей мѣрѣ, четвертую долю; а какъ онъ ко мнѣ прійдетъ, то я его немедленно отсель отправлю до Риги. Того ради, извольте вы туда кого для приему его прислать, для того что ежели ему одному отъ Риги до Санктъ-Петербурга ѣхать, то не безъ нужды будетъ. А янаго,—категорически заявлялъ онъ въ концѣ письма,—не могъ сыскать, кто-бъ осмѣлился ѣхать въ нашу землю».

Но едва было отправлено это письмо, какъ Яковъ Вилимовичъ снова взялся за перо, чтобы горько разочаровать брата въ надеждахъ.

«Писалъ я къ вамъ, братецъ, начиналъ онъ, — о студентѣ, что онаго сыскавъ къ вамъ отправлю, и когда онъ сюда ко мнѣ пріѣхалъ, то я его разсмотрѣлъ, что такой неудобенъ, понеже гораздо мотовать; къ тому-жъ и латинскаго языка не доволенъ, а француз-

скаго и того меньше знаетъ. Того ради, я его къ вамъ не рекомендовалъ, для того, что можетъ дѣтей пущей къ худобѣ привести, нежели чему научить; и я, давъ ему 5 еениковъ на проѣздъ, отпустилъ его отсель и писалъ еще въ Кенезбѣрхъ, дабы другаго сыскали и какъ сыщется, то немедленно къ вамъ отправлю».

Впрочемъ, по всей вѣроятности, Романъ Брюсъ не успѣлъ получить эти письма и, ходатайствуя передъ братомъ объ опредѣленіи жалованьемъ почмestера Якова Брандта, «чтобъ ему праздно между дворовъ не скитаться»,—какъ-то неопредѣленно напоминалъ просьбою: «пожалуй, отпиши о студентѣ, какую мнѣ въ томъ надежду имѣть». Это предположеніе становится вполнѣ справедливымъ, такъ какъ отвѣтъ Якова Вилимовича начинается съ повторенія словъ его послѣдняго письма.

«Письмо ваше, — писалъ онъ отъ 2-го августа изъ Грильсвальда,—я получалъ, въ которомъ изволите писать о студентѣ, какую вамъ въ томъ надежду имѣть, и я вамъ доношу, что я студента было въ Кенезбергѣ нашель, который у меня въ Эльбингѣ былъ договоренъ учить; но въ бытность его при мнѣ, усмотрѣлъ я, что оной гораздо мотовать. Того ради, я ему отказалъ и писалъ въ Кенезбергъ о другомъ, и къ вамъ о томъ писалъ прежде сего. Также будучи въ мѣстечкѣ Гарцъ, посыдалъ нарочно въ прусской городъ Пренцлоу, который отъ Стетина въ шти миляхъ, оберъ-аудитора инаго студента искать, и такого тамо вамъ нашель, который хотѣлъ только договоръ учинить и я къ нему о томъ писалъ. Но отъ него отповѣди еще никакой по се число не могъ получить, а какую онъ ко мнѣ отповѣдь отпишетъ, о томъ я васъ увѣдомлю немедленно. Засимъ остаюсь навсегда вамъ, братецъ, вѣрный вашъ братъ и слуга Іаковъ Брюсъ».

Этимъ письмомъ обрывается полугодовой переписка и, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ любопытное обстоятельство: удалось-ли, наконецъ, хотя бы еще полгода спустя, братьямъ Брюсъ добыть педагога. Требования, сведенныя до «тщанія скорой переѣздки», вступили бы, при дальнѣйшихъ повскахъ, быть можетъ, въ область еще большихъ компромиссовъ по пути педагогическаго ценза; но, во всякомъ случаѣ, нельзя было и не быть уступчивымъ при тѣхъ условіяхъ, когда, по заявленію Якова Брюса: «инаго нельзя сыскать, кто-бъ осмѣлился ѣхать въ нашу землю».

Д. П. Струвовъ.

ПЕРВЫЕ КАДЕТОКІЕ СМОТРЫ

1734—1737 гг.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, время отъ времени, лѣтомъ или осенью, были смотры кадетамъ 1-го шляхетскаго кадетскаго корпуса. Смотры состояли въ то время въ ружейныхъ приѣмахъ, оборотахъ, движеніяхъ, стрѣльбѣ и другаго рода экзерциціяхъ.

Первый смотръ кадетамъ, въ присутствіи императрицы, былъ сто пятьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, 8-го октября 1734 года.

Кадеты были одѣты въ кафтаны изъ темнозеленаго сукна, съ отложнымъ воротникомъ, съ золотыми по борту позументами, имѣли изъ суконнаго лосиннаго цвѣта камзолы и брюки. У гренадеръ были шапки, съ вырѣзанною бляхою, а фузелеры имѣли шляпы съ золотыми галунами. Галстухи были бѣлые, головы были напудрены и убранны въ косу, заплетенію въ черную ленту. Вооруженіе кадетъ состояло: гренадеры имѣли ружья гренадерскихъ полковъ, съ желѣзными штыками и шомполами; фузелеры имѣли фузеи драгунскія; капралы и сержанты имѣли алебарды. Въ каждой ротѣ были свои знамена.

На первомъ смотру кадетами командовалъ инженеръ-маіоръ Де-Ганонъ. «Кадеты экзерциціи дѣлали, говорится въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ, съ великою исправностію къ особливому увеселенію ея императорскаго величества». На первомъ смотру, какъ видно, особенныхъ вознагражденій никому не было, хотя въ то время, послѣ успѣшныхъ полковыхъ смотровъ, офицеровъ «жаловали къ рукѣ императрицы, и разными напитками для прохладженія, а солдатъ поили пивомъ и водкою въ довольствѣ».

Второй смотръ кадетамъ шляхетскаго (1-го) корпуса былъ въ 1737 г., 14-го сентября. Смотръ былъ, вѣроятно, блестящій, что

видно изъ того, что послѣ ученья, которое происходило съ пальбой передъ дворцомъ, на лугу, кадеты (говорится въ тогдашнихъ вѣдомостяхъ) получили отъ императрицы «аппробацію», офицеры «трактованы» были во дворцѣ, а кадеты на лугу; имъ выслано было нѣсколько бутылокъ виноградныхъ винъ. «Отъ многихъ тысячъ зрителей кадеты получили похвалу».

На этихъ смотрахъ въ строю находились кадетами впоследствии ознаменовавшіеся боевыми и гражданскими заслугами, а именно: Василій Допухинъ, гр. Мартынъ Скавронскій, Яковъ Брантъ, кн. Михаилъ Волконскій, кн. Александръ Прозоровскій, Андрей Гендриковъ, Иванъ и Андрей Ефимовскіе, кн. Петръ Репнинъ, кн. Петръ Долгоруковъ, Адамъ Олсуфьевъ, Алексій Обрѣсковъ, Михаилъ Деденевъ, Алексій Мельгуновъ, Петръ Александровичъ Румянцовъ и друг.

Кромѣ строевыхъ смотровъ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, кадеты шляхетскаго (1-го) корпуса принимали участіе въ придворныхъ торжествахъ. Такъ, 20-го января 1735 г., при дворѣ праздновался день восшествія на престолъ императрицы. По этому случаю во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, на которомъ были и кадеты; на хорахъ играла музыка и пѣли итальянцы (*La gaza del amore et del zelo*, т. е. соревнованіе въ любви и привязанности). Передъ обѣдомъ, въ числѣ поздравителей, были представлены императрицѣ кадеты Олсуфьевъ и Розенъ, которые говорили привѣтственные, сочиненные ими, стихи. Первый говорилъ по русски, а послѣдній—по нѣмецки.

Сообщ. Ал. Ив. Савельевъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

въ воспоминаніяхъ Теобальда ¹⁾.

Въ 1849 году, въ Динабургѣ, былъ оконченъ постройкою двухъ-пушечный траверсъ на валу 4-го бастіона. Съ окончаніемъ земляной насыпи на сводахъ, траверсъ рухнулъ, но такъ неисправимо и невозвратно, что буквально не осталось камня на камнѣ.

Причинъ разрушенія траверса было только двѣ: халатность инженера-строителя и экономическіе расчеты подрядчика, который поровилъ возвести траверсъ по-дешевле, и потому не далъ ему и понюхать ни шепотка цементу, ни желѣзныхъ скрѣпленій; известка же, на половину съ пескомъ, была плохимъ звеномъ, связующимъ разнородные кирпичи.

Встревоженные, командиръ инженерной команды полковникъ Федоровъ и командиръ лифляндскаго инженернаго округа генералъ-майоръ Кокаревъ прибѣжали на могилу преждевременно погибшаго траверса и нашли, что прахъ его мирно почилъ подъ землянымъ курганомъ.

Что между собою говорили инженеры — неизвѣстно; надгробныхъ ихъ рѣчей исторія не сохранила. Довольно, что послѣ поминокъ траверса, Кокаревъ и Федоровъ пришли къ коменданту генералъ-лейтенанту Симборскому, съ просьбою не доносить объ этомъ печальномъ событіи инженерному департаменту, такъ какъ инженеры сами построятъ, въ теченіи лѣта, на свой счетъ, новый траверсъ, хотя стоимость его и обойдется въ 10 тысячъ рублей.

— Ну, нѣтъ, Александръ Никитичъ! отвѣчалъ комендантъ Кокареву. На это вышени не уговаривайте! Тутъ идетъ дѣло не о

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1839 г., томы: LXI, стр. 355—368; LXII, 43—58; LXIV, 67—102.

10 рубляхъ, а о 10 тысячахъ. Такой случай, какъ разрушеніе траверза, оставаться въ тайнѣ не можетъ. Не только инженерный департаментъ, но и государь непремѣнно о немъ узнають. Совѣтую и вамъ, съ своей стороны, донести департаменту; иначе насъ могутъ спросить, почему мы не донесли—и обоихъ уволить отъ службы.

Такъ и сдѣлали. Обѣ стороны донесли о несчастіи. Доложили государю. Его величество императоръ Николай Павловичъ положилъ короткую резолюцію:

— «Построить на счетъ виновныхъ».

Вотъ и началась погоня за поисками «виновныхъ». Оказались виноватыми не только строители, но и тѣ, которые рассматривали и утверждали смѣту; а таковыми были: начальникъ округа, инженерный департаментъ, его высочество генераль-инспекторъ по инженерной части и даже самъ государь императоръ, тѣмъ, что его величество изволилъ повелѣть: соорудить траверзъ непремѣнно «въ опытъ бомбы»; а какъ пятки сводовъ имѣли непрочныя основанія на насыпной, а не на грунтовой землѣ, то онѣ и не вынесли тяжести давленія и провалились. Такимъ образомъ, по раскладкѣ расходовъ на всѣхъ виновныхъ, по размѣру получаемого каждымъ жалованья, Кокареву и командиру инженерной команды приходилось заплатить чуть-ли не по одному рублю; остальной же расходъ падалъ на высшія власти.

Дѣло это танулось довольно долго: норовили протянуть его до предстоящаго въ будущемъ году 25-лѣтнаго юбилея царствованія императора Николая (1850 г.), при каковомъ юбилейѣ рассчитывали на Высочайшій манифестъ и сложеніе всѣхъ казенныхъ взысканій. Но государь, «уразумѣвъ лукавство» инженеровъ, настоялъ на скорѣйшемъ окончаніи дѣла.

По докладѣ дѣла, государь размѣялся и сказалъ:

— Ну, такъ и есть: Государь во всемъ виноватъ! *Ce moi qui rayurai les pots casses!* Виноваты инженеры, а я вѣдь также инженеръ!—Прекратить дѣло и принять постройку траверза на счетъ казны.

Резолюція эта и слова государя стали потомъ извѣстны изъ устъ генераль-адъютанта Геруа, бывшаго тогда директоромъ инженернаго департамента.

По полученіи официальнаго предписанія о принятіи постройки траверза на счетъ казны, генераль Кокаревъ пришелъ къ коменданту Симборскому благодарить за то, что онъ не исполнилъ первоначальной просьбы его—и донесъ департаменту, отчего 10 тысячъ рублей остались у инженеровъ въ карманѣ.

Траверзъ на этотъ разъ былъ построенъ прочно, добросовѣстно и стоитъ неизблемо до нынѣ на валу 4-го бастиона.

Вообще, покойный императоръ Николай Павловичъ не любилъ, чтобы молва и разныя ожиданія царскихъ милостей предугадывали его державную волю. Такъ, предъ своимъ юбилеемъ въ 1850 г.; онъ спросилъ у графа Орлова, какіе толки въ народѣ?

— Всѣ находятся въ ожиданіи великихъ и богатыхъ милостей вашего величества: ждуть сложенія недоимокъ и просроченныхъ податей, повышений, наградъ и разныхъ льготъ.

— Такъ вотъ что—возразилъ государь: ты скажи, что слышалъ отъ «вѣрнаго человѣка», что все это вздоръ.

Извѣстно, что никакихъ милостей тогда и не послѣдовало.

Министры представили государю отчеты за 25-лѣтній періодъ его царствованія. Военный министръ прибавилъ: «за первое двадцатипятилѣтіе», что очень понравилось государю.

Однажды, начальникъ гвардейской артиллеріи Сергѣй Павловичъ Сумароковъ давалъ большой балъ, на которомъ присутствовала вся царская фамилія. Когда пришло время ужина и всѣ пошли къ столу, Сергѣй Павловичъ, убѣжденный, что послѣ ужина всѣ начнутъ разѣзжаться, имѣлъ неосторожность отпустить музыку.

Вдругъ, послѣ ужина, великая княгиня Марія Николаевна хлопнула въ ладоши.

— Господа! Еще одну кадрили!

— Нельзя, ваше высочество! доложили ей: хозяинъ отпустилъ уже музыку.

— Какъ?... Не спрося у насъ??...

Ея высочество уѣхала и на другой день пожаловалась отцу, прибавя:

— Я не пойду болѣе къ Сумарокову, какъ-бы онъ меня ни упрашивалъ.

— Нѣтъ! возразилъ государь: если онъ будетъ приглашать тебя еще разъ—ты должна быть, а потомъ уже не бывать.

Этимъ императоръ выразилъ, что царская семья стоитъ выше возможности оскорбленія ея кѣмъ-нибудь изъ подданныхъ.

О добротѣ императора Николая Павловича также много ходило разказовъ.

Въ концѣ 1840-хъ годовъ (1847 или 1848), государь встрѣтилъ на улицѣ караулъ со знаменемъ, подъ начальствомъ унтеръ-офицера—и при немъ ни одного офицера. Преступленіе, съ военной точки зрѣнія, конечно, было неслыханное. Знамя принадлежало л.-гв. Егерскому полку. По слѣдствію оказалось, что начальникъ караула, по смѣнѣ въ Зимнемъ дворцѣ, отправилъ, какъ и слѣдовало по уставу,

знамя съ первымъ взводомъ, въ полкъ, подъ начальствомъ младшаго офицера прапорщика Бракеля: но г. прапорщикъ, разсудивъ, что взводъ со знаменемъ можетъ довести и унтеръ-офицеръ, уѣхалъ на извозчикѣ впередъ, чтобъ встрѣтить знамя передъ квартирою командира полка. Строгий служака-царь приказалъ: прапорщика Бракеля выдержать въ казематѣ Петропавловской крѣпости одинъ годъ.

Вотъ посадили раба Божія. Прошелъ мѣсяцъ. Несчастный прапорщикъ плачетъ, стонетъ, убивается; остались изъ него лишь кости, да кожа. Комендантомъ крѣпости былъ тогда Скобелевъ, дѣдъ Михаила Дмитріевича, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ Настрогова. Жаль стало благородному Скобелеву бѣднаго мальчугана. Вотъ онъ и написалъ къ военному министру князю Чернышеву письмо, по обыкновенію своему—въ шуточномъ тонѣ.

«Молодой человекъ — писалъ онъ между прочимъ — глубоко раскаивается въ своей винѣ: плачетъ и чахнетъ. Нѣмчизъ этотъ, какъ видно, сформированъ на благородную стать, и я боюсь, какъ-бы онъ совсѣмъ не зачахъ въ казематѣ. Пожалуй, нѣмцы тогда сжажутъ, что его уморили въ тюрьмѣ. А потому, не изволите-ли, ваше сіятельство, признать возможнымъ исходатайствовать перемѣщеніе прапорщика Бракеля въ мѣсто менѣе грозное — на гауптвахту?»

Черезъ два дня Скобелевъ получилъ отъ военнаго министра обратно свое письмо, съ собственноручною на немъ надписью государя императора:

«Старику Скобелеву я ни въ чемъ не откажу. Надѣюсь, что послѣ его солдатскаго увѣщанія изъ Бракеля выйдетъ еще хорошій офицеръ. Освободить изъ-подъ ареста и перевести тѣмъ-же чиномъ въ армію».

Скобелева до слезъ тронула эта резолюція. Онъ тотчасъ-же написалъ къ государю письмо, въ которомъ горячо благодарилъ за новую монаршую милость къ нему и въ концѣ прибавилъ:

«Могъ-ли я думать, что ничтожный случай ходатайства моего о облегченіи участи узника, предпринятый мною по обязанности тюремнаго стража, послужить поводомъ къ новой Высочайшей милости ко мнѣ вашего величества? Впрочемъ, все ваше царствованіе — для меня Свѣтлый праздникъ!»

У меня сохранилась копія съ этой переписки ¹⁾.

См. о томъ-же въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., томъ I, изд. третье, стр. 548—550: а) Письма Ив. Ник. Скобелева къ воен. министру гр. Чернышеву, 1 ноября 1848 г., съ собственноручною резолюціею императора Николая Павловича; б) письмо Скобелева къ императору Николаю, — 4 ноября 1848 г. Тамъ-же біографическія свѣдѣнія объ Ив. Никит. Скобелевѣ.

Служителя загородныхъ царскихъ дворцовъ, изъ старыхъ инвалідовъ, обласканные государемъ и осчастливленные ежедневнымъ царскимъ привѣтомъ, больше любили своего Батюшку-Царя, нежели боялись.

— Я служу Богу и Царю, — бывало говорить такой солдатъ. Къ Богу могу обращаться съ молитвами; стало быть, и къ Царю могу обращаться съ просьбами.

На основаніи этой логики, вотъ что случилось однажды:

Въ Царскомъ селѣ, зимою, въ сумерки, государь шелъ по аллеѣ, расчищенной отъ снѣга. Вдругъ, съ высоты фонарнаго столба, надъ головою его, раздался голосъ:

— Ваше величество! а ваше величество!

Государь оглянулся—фонарщикъ, прикрытый рогожею, какъ буркою, стоя на лѣсенкѣ, протиралъ стекла фонаря.

— Тебѣ что нужно? спросилъ его государь.

— Осмѣлюсь спросить: а фонарщикамъ есть отставка, аль нѣтъ?

— Спроси у полиціймейстера.

— И!... Ни, ни, ваше величество! Запретъ на смерть!

— Какъ ты называешься?

Фонарщикъ замолчалъ.

— Какъ ты называешься? повторилъ настойчиво государь императоръ.

— А полицместеру не скажете?

Вѣроятно, государю вопросъ этотъ показался больше наивнымъ— нежели дерзкимъ, потому что его величество отвѣтилъ:

— Ну, ладно: не скажу.

Солдатъ назвалъ себя по имени и фамиліи.

— Сколько же лѣтъ ты служишь?

— Да почитай половину другаго стрѣлка дослуживаю.

— Хорошо. Ты получишь отставку.

Вслѣдствіе этого императоръ повелѣлъ составить штаты для всѣхъ нестроевыхъ командъ; до того-же времени, если нижніе чины попадали въ инвалидныя команды, то бывали какъ-бы забытыми и дѣйствительно служили чуть не по два срока, а не рѣдко до самой смерти или до совершенной неспособности ни къ какой службѣ.

Объ этомъ эпизодѣ самъ императоръ Николай Павловичъ рассказывалъ неоднократно.

Николай Павловичъ очень не долюбивалъ остряковъ, которые могли затрогивать его хотя-бы даже самымъ косвеннымъ образомъ. Къ числу такихъ принадлежалъ и кавказскій чудо-богатырь Алексѣй

Петровичъ Ермоловъ. Императоръ Николай не жаловаль его по поводу извѣстной басни Крылова «Конь», а пуще по поводу его остротъ на разные случаи.

Такъ, напримѣръ, однажды Ермоловъ выразился въ Зимнемъ дворцѣ, за столомъ:

— Слышали, господа, какой выдающійся подвигъ совершилъ на Кавказѣ главнокомандующій?

Всѣ превратились въ слухъ. Государь также началъ вслушиваться; какой подвигъ? Ужъ не схватилъ-ли онъ Шамиля?

— Выучилъ военнаго министра «лезгинку» танцовать.

Военный министръ, въ поѣздку свою на Кавказъ, былъ такъ очарованъ тифлисскими дамами, что даже, какъ говорили тогда, дѣйствительно принималъ участіе въ «лезгинкѣ», которую танцовали любители и любительницы на балу у главнокомандующаго.

Въ другой разъ, когда главнокомандующимъ кавказскою арміею былъ Евгенийъ Александровичъ Головинъ, въ Зимнемъ дворцѣ, на балу, сошлись предшественники его, бывшіе главнокомандующими на Кавказѣ: Ермоловъ, баронъ Розенъ и Нейдгардтъ. Всѣ трое очутились у ломбернаго стола, и когда одинъ изъ двухъ послѣднихъ предложилъ Ермолову съиграть втроемъ въ «бостонъ», тотъ отвѣтилъ:

— Подождемъ Головина.

Государь въ тотъ-же вечеръ узналъ объ этой ядовитой остротѣ и окончательно охладѣлъ къ Алексѣю Петровичу Ермолову.

Примѣчаніе. Теобальдъ—одинъ изъ сотрудниковъ «Русскаго Архива» и «Русской Старины», скрывающій свою фамилію подъ псевдонимомъ Теобальда—род. въ 1819 г., воспитывался послѣдовательно въ двухъ гимназіяхъ, съ 1840 г. состоитъ въ офицерскихъ чинахъ и въ 1885 г. произведенъ въ генералы.—Въ теченіе полувѣковой усердной службы Царю и Отечеству г. Теобальдъ (будемъ его такъ называть)—много видалъ, много испыталъ, и видѣнное и испытанное не остались для него безплодными. Въ 1863 г. онъ выступилъ на поприще журналистики въ качествѣ корреспондента «Москов. Вѣдомостей» изъ Варшавы, съ самаго очага польской смуты, а послѣдніа десять лѣтъ помѣщалъ свои интересныя воспоминанія въ названныхъ историческихъ журналахъ и въ «Виленскомъ Вѣстникѣ». Нынѣ, въ 1890 г., г. Теобальдъ выпустилъ въ свѣтъ свои рассказы и воспоминанія особымъ изданіемъ, подъ названіемъ: «Воспоминанія Теобальда», Вильно, 1890 г., въ 8 д., четыре выпуска, стр. 128+104+140+168. Все изданіе напечатано въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи. Вотъ содержаніе этихъ воспоминаній: Часть первая.—Воспоминанія изъ путешествій: Гибель парохода «Inflexible».—2. Камбриоло,

калалійскій бандитъ.—3. Необыкновенный феноменъ въ Кандійскомъ морѣ (съ рисункомъ).—4. Бородинская годовщина.—5. Встрѣчи съ Царемъ-Освободителемъ.—6. Шоссейно-дилижансовый вѣтъ.—7. Мумія герцога Бирона.—8. Изъ Одесской жизни.—Часть вторая: Виленскія воспоминанія (двѣнадцать рассказовъ).—Часть третья: Динабургскія воспоминанія: А. М. Симборскій, динабургскій комендантъ.—2. Дѣтское орудіе Людовика XVI, въ Виленскомъ музеѣ древностей, съ возраженіемъ дѣйств. тайн. сов. В. Д. Философова.—3. Динабургское комиссаріатское дѣло, и проч., всего девять рассказовъ.—Часть четвертая: Варшавскія воспоминанія: 1) Дѣя службы.—2) Загадочная кончина генерала Герштенцвейга.—3) Еще нѣсколько словъ о томъ же.—4) Безпорядки въ 4-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ.—5) Войтъ гмани Гура-Кальварія.—6) Воспоминанія о Долѣ Монтесъ, и проч., всего тринадцать рассказовъ.— Съ живостью и образностью изложенія, искренностью и правдою рассказовъ Теобальда читатели «Русской Старины» и «Русскаго Архива» знакомы; но въ вышедшихъ книгѣ, отдѣльнымъ изданіемъ, книжкахъ рассказовъ Теобальда читатель найдетъ много новыхъ характеристическихъ подробностей къ бывшимъ рассказамъ и вообще эти очерки полезны и любопытны какъ сказанія о недавнемъ, во многомъ, слава Богу и Александру II, навсегда отошедшемъ въ пропастъ забвенія, прошломъ. Необходимо добавить, что Теобальдъ, посвящая досуги воспоминаніямъ о прошломъ, не безучастенъ и къ наукѣ. Посвятивъ много времени изученію исторіи и археологій, онъ составилъ обширное сочиненіе «Полная Литовская Мнѣологія и сводъ мнѣній о ней различныхъ писателей». Императорская академія наукъ еще недавно, въ 1889 году, весьма сочувственно и одобрительно отнеслась къ этому труду, который по ея отзыву: «по обилію приведенныхъ въ немъ источниковъ и матеріаловъ можетъ съ удобствомъ замѣнить собою цѣлую бібліотеку». (Письмо изъ академіи къ автору отъ 6 сент. 1889 г. за № 729).

А. П.

*
* *

Сотни лѣтъ назадъ звучало
Слово истины святой,
Но въ сердца люде запала
Только капля правды той.

Мракъ надъ свѣтомъ издѣвался,
И Спаситель былъ распятъ....
Но съ тѣхъ поръ уже промчался
Поколѣній длинный рядъ.

Снова правда поднималась
На борьбу со зломъ и тьмой,
Снова громко раздавалось
Слово истины святой.

Но по прежнему надъ міромъ
Страсти низкія царятъ,
Пала правда предъ кумиромъ;
Гордо ложь и тьма стоятъ.

Человѣчество смѣтается
Надъ свободой, надъ борьбой,
И бесплодно раздается
Слово истины святой.

К. Д. Бальмонтъ.

1. Шуя, 1885 г.

Примѣчаніе. К. Д. Бальмонтъ принадлежитъ къ группѣ новыхъ русскихъ поэтовъ. Въ 1890 году вышелъ «Сборникъ» его стихотвореній, напечатанныхъ въ Ярославлѣ; въ него вошло 87 стихотвореній, частью оригинальными, частью переводными (изъ А. Мюссе, Гейне, Ленау, Сюли Прюдомъ и Жанъ-Лагера). Нѣкоторые изъ произведеній музы г. Бальмонта весьма недурны, таковы «Я пѣсню услыхалъ родную»... «Сходство»... «Легенда» и друг.

А. П.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

въ разсказахъ его служащихъ.

I.

Императоръ Николай Павловичъ въ 1844 году, въ маѣ мѣсяцѣ, находясь въ Лондонѣ, получилъ грустное извѣстiе, что заболѣла въ Петербургѣ великая княгиня Александра Николаевна. Государь немедленно выѣхалъ. Изъ Берлина онъ поѣхалъ черезъ Штетинъ, на маленькомъ пароходѣ до Свинемюнде, куда прѣхалъ вечеромъ во время сильнѣйшаго шторма и приказалъ командиру парохода «Богатырь» немедленно сниматься съ якоря и отбыть въ море. Командиръ парохода, видя, что вѣтеръ свѣжѣетъ, просилъ государя остаться у пристани до утра, но императоръ, торонясь къ дочери, и слышать не хотѣлъ. Пароходъ вышелъ въ море.

Вѣтеръ бушевалъ всю ночь. Пароходъ качало, метало, какъ щепку. Государь страдалъ морскою болѣзнію, но терпѣливо и молча переносилъ страданiя. Къ утру погода стихла, государь поправился и, выйдя на палубу, сказалъ командиру парохода:

— «Вотъ видишь, а если мы остались бы до утра въ Свинемюнде, вѣтеръ дулъ бы до сихъ поръ, стало быть мы побороли стихію».

II.

Въ 1845 году императоръ Николай Павловичъ путешествовалъ по Россiи и изъ Чернигова ѣхалъ по Могилевской губерніи, по весьма несчаной почтовой дорогѣ. Онъ никогда не допускалъ, чтобы, минуя пески, везли его объѣздомъ, т. е. стороною, выбирая болѣе твердую почву земли. Онъ почему-то былъ убѣжденъ и всегда говорилъ, что по проселку и ѣм попадешь въ яму, или провалишься сквозь гнилой мостъ. На одной изъ станцій государь назначилъ себѣ обѣдъ,

который долженъ былъ быть готовымъ между 12-ю и часомъ дня; но прѣхалъ на означенную станцію раньше, чѣмъ предполагалъ, ибо скорая ѣзда въ экипажѣ зависѣла отъ многихъ причинъ: и отъ погоды, и отъ дороги, и отъ лошадей. Не чувствуя аппетита, государь сказалъ мундеху Сниткину, заранѣе отправленному для приготовленія обѣда, что ему вовсе не хочется кушать, ибо слишкомъ рано, и поэтому не можетъ ли онъ съ приготовленнымъ обѣдомъ переѣхать на слѣдующую станцію. «Слушаю», отвѣтилъ Сниткинъ. Государю положили лошадей и онъ отправился; станція была съ чѣмъ-то 20 верстъ, дорога несносная, лошади тащили экипажъ все время шагомъ (считалось иногда большою заслугою ямщика и то, что лошади хоть шагомъ да идутъ, но не останавливаются). Сниткинъ собралъ накрытый столъ, уложилъ всѣ вещи и на перекладной пустился на слѣдующую станцію, держа въ рукѣ вострую со щами. (Государь очень любилъ щи и грешневую кашу.) Ямщикъ за обѣщанную Сниткинымъ награду обѣщаль привезти его раньше государя, и покатилъ въ объѣздъ—стороною, гдѣ было ближе и дорога для телѣжки отличная; онъ присккавалъ на станцію, и, о радости! царь еще не прѣхалъ. Мгновенно развелъ огонь, накрылъ столъ на двѣ персоны, т. е. для его величества и для графа А. Ѳ. Орлова, съ которымъ путешествовалъ государь. Когда все было готово, прѣхалъ государь и радостно былъ удивленъ, что Сниткинъ встрѣчалъ на крыльцѣ его. «Какъ ты прѣхалъ раньше и я не видѣлъ, чтобы ты обгонялъ меня?» спросилъ государь. Сниткинъ доложилъ, что онъ ѣхалъ объѣздомъ, гдѣ и ближе и дорога не песчана. Государь поблагодарилъ его за смѣтку и рѣшился самъ проѣхать стороною, минуя нески. Попытка удалась, и по пути къ Могилеву выброшена была изъ маршрута, въ одномъ мѣстѣ цѣлая станція.

III.

Въ 1849 году императоръ Николай Павловичъ былъ въ Москвѣ и почему-то вздумалось ему уѣхать въ Петербургъ раньше назначеннаго дня. Призываетъ передоваго фельдъегерскаго капитана Яковлева, который, не зная объ отъѣздѣ его величества, явился къ нему въ мундирѣ и въ каскѣ съ султаномъ. Увидѣвъ его въ мундирѣ, государь сказалъ: «что ты на балъ что-ли собрался въ полной формѣ, когда тебѣ нужно сію же минуту ѣхать и заготовлять мнѣ лошадей,—твоя тройка готова и мнѣ уже заложены лошади въ дорожный экипажъ, спрятанный въ сараѣ. Маршъ въ дорогу въ этой формѣ, да смотри молодцомъ, чтобы я тебя не нагналъ».

Яковлевъ ту-же минуту выѣхалъ, проскакалъ безъ оглядки впередъ царя Тверь, Новгородъ, какъ вдругъ на станціи Подсолнечной государь нагналъ его. Государь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и потому не сердясь сказалъ: «что? не уѣхалъ? ну ступай теперъ за мной и я буду заготовлять тебѣ тройку». Проѣхавъ позади нѣсколько станцій, Яковлевъ воспользовался остановкою царя на станціи для чая, удралъ опять впередъ и заготовлялъ лошадей, а доѣхавъ до послѣдней станціи къ Петербургу остановился въ ожиданіи, чтобы не въѣзжать въ столицу ранѣе его величества (такъ было принято при Николаѣ Павловичѣ). Государь благодарилъ Яковлева и видя его измученнымъ, въ мундирѣ проскакавшимъ на телѣжкѣ 700 верстъ, приказалъ выдать ему годовой окладъ жалованья.

IV.

Въ 1852 году Государь дѣлалъ смотры и маневры въ разныхъ мѣстахъ, былъ, между прочимъ, въ мѣстечкѣ Гомелѣ и въ день отъѣзда изъ Гомеля были назначены маневры. Фельдмаршалъ князь И. Ѳ. Паскевичъ предложилъ государю отмѣнить маневры по случаю сильнѣйшаго дождя, но государь не согласился на отмѣну и, отъѣзжая отъ подѣзда, приказалъ коляску открыть и, сѣвъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ, поѣхалъ на военное поле. По пріѣздѣ къ войскамъ, дождь пересталъ, небо прояснилось и показалось солнце. Маневры состоялись благополучно. По окончаніи маневровъ государь сказалъ Паскевичу:— «Вотъ видишь, если бы мы остались дома, то дождь лиль-бы до сихъ поръ».

V.

Въ 1853 году императоръ Николай Павловичъ дѣлалъ смотръ войскамъ въ разныхъ городахъ Россіи. По окончаніи смотра въ Елисаветградѣ, государь обратился къ своему берейтору Шпакову съ вопросомъ, какая верховая лошадь находится въ Вознесенскѣ? Берейторъ назвалъ лошадь. «Какъ это досадно, сказалъ государь, она такая безпокойная, всегда меня сердить» и, обратившись къ стоявшей около него лошади, на которой онъ только-что дѣлалъ смотръ въ Елисаветградѣ, повелъ съ нею такую рѣчь (имя лошади было Уланъ):

— «Уланчакъ! ты мнѣ давно и хорошо служишь, сослужи еще одну службу и я во вѣки тебя не забуду; отправься ты сейчасъ въ Вознесенскъ, будь тамъ завтра къ 12-ти часамъ дня, я сдѣлаю на

тебѣ смотрѣ и маневры». Послѣ этого разговора съ Уланомъ, государь обратился къ берейтору и сказалъ: «ты слышалъ мой разговоръ съ Уланомъ?»

— «Слышалъ, в. и. в.», былъ отвѣтъ берейтора.

— Такъ приведи его въ исполненіе.

Разстояніе отъ Елисаветграда до Вознесенска 180 верстъ, которыя значить нужно было пройти Улану менѣе чѣмъ въ сутки. Берейторъ задумался. Посовѣтовавшись съ своими помощниками, берейторъ немедленно сѣлъ на верховую лошадь, взялъ подъ уздцы Улана и отправился въ путь. Вскорѣ за нимъ выѣхалъ на почтовыхъ и государь. Въ Вознесенскѣ все уже было готово въ ожиданіи государя. Государь пріѣхалъ, переодѣлся и вышелъ на подъѣздъ, у котораго стояла та верховая лошадь, которую онъ называлъ безпокойною. Государь сдѣлалъ недовольную мину, но, не сказавъ ни слова, сталъ сходить съ лѣстницы, какъ изъ-за угла дворца явился къ подъѣзду Уланъ. Государь видимо обрадовался, сѣлъ на него, отправился къ войскамъ, сдѣлалъ смотрѣ и маневръ и возвратился въ хорошемъ расположеніи духа. Сошелъ съ Улана, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «спасибо тебѣ, Уланчикъ, за службу, ты ублажилъ меня, съ тобою я былъ спокоенъ и остался всѣмъ доволенъ. Ну, а теперь, Уланчикъ, расскажи, какъ ты успѣлъ прибыть ко мнѣ?» Тогда берейторъ подошелъ и за Улана доложилъ государю такъ: «съ той минуты, какъ ваше императорское величество изволили приказать мнѣ отправиться съ Уланомъ въ Вознесенскъ, я немедленно уѣхалъ изъ Елисаветграда верхомъ, взявъ Улана подъ уздцы, проѣхалъ 15 верстъ, далъ ему отдохнуть, покормивъ его кускомъ хлѣба съ солью, однимъ ковшомъ овса и далъ ему $\frac{1}{4}$ ведра воды; потомъ проѣхалъ еще отъ 20 до 25 верстъ, остановился на отдыхъ, положилъ Улана минутъ на 15 на солому, далъ ему также кусокъ хлѣба, овса и ковшъ воды; отправился далѣе самою мелкою рысью; затѣмъ ѣхалъ шибче, станціи дѣлалъ больше и заставлялъ его лежать по часу и, такимъ образомъ, путь въ 180 верстъ былъ совершенъ благополучно, менѣе чѣмъ въ 24 часа».

Государь, поблагодаривъ берейтора за прекрасное исполненіе желанія его, приказалъ выдать берейтору въ награду годовое жалованье.

Сообщ. А. И. Михайловъ.

2-го декабря 1888 г.

ВЛАДИМІРЪ ѲЕДОСѢВИЧЪ РАЕВСКІЙ

въ 1822—1846 гг.

Къ числу малонавѣстныхъ, но довольно даровитыхъ русскихъ поэтовъ первой четверти текущаго столѣтія принадлежалъ маіоръ В. Ѳ. Раевскій. Въ 1822 г. онъ, завѣдывавшій ланкастерскою школою при дивизіи извѣстнаго генерала Мих. Ѳедоров. Орлова, былъ заподозрѣнъ въ какомъ-то преступленіи, за которое подвергнутъ, 6-го февраля того же года, тюремному, содержанію, а нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ октябрѣ 1827 г., и ссылкѣ. Замѣтки, написанныя имъ въ Сибири, въ 1844 г., о заключеніи въ крѣпости, слѣдствіи и судѣ надъ нимъ и надъ его братомъ, корнетомъ Григорьемъ, въ 1822—1827 гг., напечатаны, въ сообщеніи Евгенія Ив. Якушкина, въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 376—379 и 720. Въ 1850-хъ годахъ В. Ѳ. Раевскій — «человѣкъ умный и энергическій игралъ значительную роль при главномъ управленіи Восточною Сибирью».

Здѣсь мы приводимъ съ подлинной рукописи В. Ѳ. Раевского, весьма обязательно сообщенной въ 1883 г. Ел. Ив. Дошанской, нѣсколько его стихотвореній, частью въ отрывкахъ, частью цѣликомъ. А. С. Пушкинъ зналъ поэта Раевского и имъ интересовался.

Ред.

I.

Къ друзьямъ въ Кишеневъ.

Крѣпость Тираспольская. 1822 г. 28 марта.

И такъ я здѣсь, за стражей я!
Дойдутъ-ли звуки изъ темницы
Моей расстроенной цѣвницы
Туда, гдѣ вы, мои друзья?
Еще въ полусвободной долѣ
Даръ Гебы пьете вы, а я
Утратилъ даръ ея въ неволѣ
И меркнетъ здѣсь заря моя!

Въ союзѣ съ вѣрой и надеждой,
 Съ мечтой поэзіи живой,
 Вы ждете жизни боевой,
 Тамъ слышенъ голосъ вальса мятежный,
 Васъ не тревожитъ дѣтскій страхъ!
 Еще на розовыхъ устахъ
 Волшебницъ милыхъ сладострастныхъ,
 На персяхъ дѣвъ, какъ май прекрасныхъ,
 Вы рвете свѣжіе цвѣты
 Цвѣтущей дѣвства красоты...
 Еще разцвѣтъ душистой розы
 И сводъ лазоревыхъ небесъ
 Для вашихъ взоровъ не исчезъ.
 Вамъ чужды темныя угрозы
 Какъ мраморъ хладнаго суда,
 И не коснулась клевета
 До вашихъ дѣлъ и жизни тайной,
 И не дерзнулъ еще порокъ
 Съ усмѣшкой сдѣлать вамъ упрекъ,
 Чтобы встревожить духъ печальный...
 Еще небесный воздухъ тамъ
 Вамъ вѣетъ легкими крылами
 И не гнететь дыханья вамъ
 Какъ въ гробѣ душными парамъ.
 Не будитъ васъ въ ночи глухой
 Угрюмый окликъ часоваго
 И рѣзкій темпъ ружья стального
 При смѣлихъ стражи за стѣной.

О, пусть благое Провидѣнье
 Отъ васъ отгонитъ страшный громъ!
 Онъ грянулъ грозно надо мною,
 Но я отъ извы лютыхъ стрѣлъ
 Еще, друзья, не поблѣднѣлъ;
 И предъ свирѣлою судьбою
 Не преклонилъ рамень съ главою!
 Наемной лжи передъ судомъ
 Я слышалъ голосъ друязычный
 И презрѣлъ видъ ея двуличной!
 Съ какимъ-то рабскимъ торжествомъ,
 Въ порокахъ рабскихъ законѣний,
 Предатель рабскимъ языкомъ
 Дерзнулъ вопросъ мнѣ сдѣлать смѣлый:
 Но я замолъкъ передъ судомъ!

И этотъ тайный трибуналъ
 Искать не правды обнаженной,
 Онъ двухъ свидѣтелей искалъ
 Въ толпѣ — — презрѣнной.

Но я сослался на законъ,
 Какъ на гранитъ народныхъ зданій:

И такъ исчезъ прелестный сонъ.
 Пловецъ, твой конченъ путь надъ бездною!
 Мужайся, жди всему конца
 Съ спокойнымъ взоромъ мудреца
 И въ сердцѣ съ крѣпостью желѣзной!
 Мужайся! близокъ грозный часъ —
 Онъ загремитъ въ дверяхъ цѣплями,
 И, можетъ быть, въ послѣдній разъ
 Еще окинешь ты глазами
 Луга и горы, и лѣса
 Надъ свѣтлой Тираса струю,
 И Феба золотой стезею
 Полетъ по яснымъ небесамъ
 Надъ сердцу памятной страной,
 Гдѣ ты надеждою дышалъ,
 И къ мѣтѣ тайной устремлялъ
 Взоръ свѣтлый съ пламенной душою.
 Исчезнетъ все, какъ въ вѣчность день,
 Изъ милой родины изгнанный,
 Среди черни дикой, звѣронравной,
 Я буду жизнь влачить какъ тѣнь,
 Вдали отъ васъ, друзья, отъ свѣта,
 Въ жильѣ тунгуса, или бурета,
 Гдѣ вѣчно царствуетъ зима
 И гдѣ природа, какъ тюрьма!
 Гдѣ прежде жертвы — — власти,
 Какъ я, свои влачили дни;
 Гдѣ я погибну, какъ они,
 Подъ ношей скорби и напасти...
 Быть можетъ, о, молю душой!
 И силъ и мужества отъ неба!
 Быть можетъ черный судъ Феба
 Мнѣ жизнь, люте смерти злой
 Готовитъ тамъ, гдѣ слышны звуки
 Подземныхъ стоновъ и цѣпей..
 И вздохи безпрерывной муки...
 Гдѣ тайно зоркій стражъ дверей
 Свои отъ взоровъ кроетъ жертвы
 Полуняги, полумертвы,
 Безъ силъ, безъ памяти, безъ словъ,
 Подъ ѣдкой ржавчиной оковъ
 Сид живущіе скелеты

Въ гнилой соломѣ глѣбютъ тамъ,
 И безразличны ихъ очамъ
 Темницы хладныя предметы...
 Но пусть, не я, другой пѣвецъ,
 Страстей высокыхъ юный жрецъ
 Снѣ подземныя картины
 Страданья, пытки Уголины,
 Стихами Данта воспоетъ!
 Сковала мысль мою какъ ледъ
 Уже темничная зараза,
 Жилецъ темницы отдастъ
 Тебѣ сей лавръ, пѣвецъ Кавказа.
 Оставь другимъ пѣвцамъ любовь:
 Любовь ли пѣть, гдѣ льется кровь;
 Гдѣ — — съ насмѣшкой и улыбой
 Терзаетъ насъ кровавой пыткой.

Когда-жь дойдетъ до васъ, о други,
 Сей голосъ потаенной муки,
 Сей звукъ встревоженной мечты
 Противъ враговъ и клеветы,
 Я не прошу отъ васъ защиты
 Враги презрѣнныи убиты
 Иссохнутъ сами какъ трава;
 Но вотъ послѣднія слова:
 Скажите отъ меня Орлову ¹⁾,
 Что я судьбу мою сурову
 Съ терпѣньемъ мраморнымъ сносилъ!
 Нигдѣ себѣ не измѣнилъ,
 И въ дни убійственные жизни
 Не мраченъ былъ, какъ день весной,
 И даже мыслью и душой
 Отвергнулъ право укоризны.

Простите, тамъ для васъ, друзья,
 Горятъ денница на востокѣ,
 И отразилася заря
 Въ шумящемъ кровію потокѣ.
 Подъ сѣнь свищенную знаменъ
 На поле славы боевое
 Зоветъ васъ долгъ, добро святое;
 Снѣшите, тамъ волкальный (?) звонъ
 Поколебалъ подземны своды,
 Пробудить оны народный сонъ
 И гидру дремлющей свободы ²⁾.

Генералъ-маіору Михаилу Федоровичу Орлову. См. его Записки и свѣдѣнія о немъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., томъ XX; изд. 1878 г., томъ XXI; изд. 1872 г., томъ V.

Возстаніе народовъ Греціи противъ ига турецкаго.

Ред.

II.

Августа 1-го, 1829 г. Село Омони.

Она одна казалась мнѣ мила,
 Какъ роза свѣжая весною;
 Какъ роза юная цвѣла
 Вдали отъ свѣта, бурь и зла
 Она прекрасною душою.
 Улыбка, легкой стань, ее уборъ простой —
 Все было зеркаломъ авроры
 И въ новомъ мѣрѣ къ ней одной
 Невольно мрачные мои стремились взоры.
 Всегда безвѣчна, весела
 Она казалась мнѣ мила
 Невпниностью своей и дѣтской простотою —
 Все въ ней для глазъ моихъ дышало красотою.

Стыдливость, дѣтскій страхъ, звукъ трепетный рѣчей,
 Ея рука въ рукѣ моей
 И первый поцѣлуй дрожащими устами
 И нѣжное «люблю» въ полѣ голоса, съ олеванш,
 Улыбка райская, видъ дѣвственный лица,
 И все для глазъ, для чувствъ земное совершенство
 Могли-бъ вдохнуть небесное блаженство
 Въ стальную грудь темничнаго жилища,
 Могли-бъ разжечь любви опасный пламень,
 Но грудь моя была какъ камень.

О сколько разъ вечернею порой
 Она мой кровъ убогій посѣщала,
 И думы гордыя и ропотъ правый мой
 Улыбкой дѣтскою смирала.
 Поблекъ румянца цвѣтъ живой,
 Прелестное чело задумчивость покрыла
 И тайная печаль грудь слабую стѣснила!
 Она жила надеждою одной,
 Какъ срѣзанный цвѣтокъ еще живетъ росой, —
 Родныхъ, забавы, свѣтъ для пришлеца забыла —
 И къ небу взоръ поднявши свой
 У неба мнѣ душѣ молила.
 Безвѣчная, зачѣмъ ты встрѣтилась со мной?
 Зачѣмъ ты странника узнала?
 Вся жизнь его загадка для тебя,
 Ты съ тайнъ его не знаешь покрывала.
 Не встрѣтишь съ нимъ ты радостнаго ды
 И совѣсть мрачная, преслѣдую меня,
 Душѣ холодной говорила:

Она живетъ теперь надеждою одной,
 Какъ срѣзанный цвѣтовъ еще живетъ росой,
 Родныхъ, забавы, свѣтъ для пришлеца забыла!

И эта мысль летѣла вслѣдъ за ней,
 Въ печальную тайгу, на пажити полей,
 Черезъ волны быстрня за свѣтлою струею
 И въ мирный домъ ея отца,
 Гдѣ блѣдная она, съ растерзанной душою
 Молила за меня Творца!
 Безпечная, зачѣмъ ты странника узнала?
 Вся жизнь его загадка для тебя?
 Ты съ тайнъ его не снимешь покрывала;
 Не встрѣтишь съ нимъ ты радостнаго дня,
 Ты къ сердцу не прижмешь дрожащею рукою
 Вѣнчальнаго кольца!
 И въ радости его безмолинаго лица
 На лонѣ роскоши не оросишь слезою.

Задумчивый, одянь повсюду предъ собою
 Я видѣлъ домъ ея отца,
 Гдѣ блѣдная она, съ растерзанной душою
 Молила за меня Творца!
 Но я не зналъ, что пламень потаенный
 Давно горѣлъ въ груди моей,
 Я выше былъ судьбы своей
 И весь блѣднѣлъ предъ дѣвою смиренной..
 Гдѣ-жъ твой обѣтъ, сынъ праха и земли?
 Свѣтильникъ твой надъ бездною роковою?
 Что-жъ мрачныя твои гаданья прорекли?
 Ты дышешь вновь любовію земною!

Она моя, она теперь со мною,
 Нераздѣленное одно!
 Ея рука съ моею рукою,
 Какъ крѣпкое съ звономъ звено!
 Она мой путь какъ вѣтра озарила.
 Какъ дѣва рая и любви,
 Она сказала мнѣ отрадное «живи»
 И раны сердца залечила!
 Упалъ съ души моей свинецъ,
 Ты мнѣ дала ключи земнаго рая —
 Возьми кольцо, надѣнь вѣнецъ,
 Пойдемъ впередъ, спутница младая!

III.

На смерть моего скворца.

[Въ крѣпости Тираспольской 1824 г.].

Еще ударъ душѣ моей,
 Еще авено къ звену цѣлой!
 И ты, товарищъ тайной скуки,
 Тревогъ души, страданій, муки,
 И ты, о, добрый мой скворецъ,
 Меня покинулъ, наконецъ!
 Скажи же мнѣ, земной пришлецъ,
 Ужели смрадъ моей темницы
 Стѣснилъ твой духъ, твою земницу?
 Но тихо все .. безмолвнѣе оное,
 Мой юный другъ, мой пелисонъ,
 И былъ свидѣтель Обоюто
 Моей встревоженной разлуки!
 Такъ вѣрю я, о жрецъ науки,
 Тебѣ, о мудрый Писагоръ!
 Не можетъ быть сей ясный взоръ,
 Сей разногласный разговоръ,
 Ко мнѣ прилетѣть его послушный
 Удѣломъ твари быть бездушной:
 Онъ созданъ съ нѣжною душой,
 Онъ вѣрно мучился тоской..
 Какъ часто рѣзвый голосъ свой
 Онъ намѣнялъ на звукъ печальный,
 Какъ бы внимая скорби тайной.
 О, вы жестокиа сердца!
 Сотрите стыдъ душъ съ лица.
 Учитесь чувствовать отъ скворца!
 Онъ былъ не узникъ—и въ темницѣ.
 Летая вольныхъ птицъ въ станицѣ,
 Ко мнѣ обратно прилеталъ;
 Мою онъ горестъ уважалъ,
 Для друга вольность забывалъ!
 И всѣ за то его любили,
 И всѣ за то скворца хвалили,
 Что онъ средь скорби и недугъ,
 И въ ухахъ былъ мнѣ вѣрный другъ.
 Что онъ ни мщенія, ни мукъ
 Для друга въ ухахъ не боялся
 И другу смѣло улыбался.
 Когда жъ, какъ ржавчиною стальъ,
 Терзала грудь мою печальъ:
 Кому-жъ? — скворцу лишь было жаль!

И мнилось—пѣлъ мой другъ сердечный:
 «Печаль и жизнь не безконечны».
 И я словамъ его внималъ
 И друга нѣжнаго ласкалъ,
 И вдругъ свободнѣе дышалъ.
 Когда-жъ вражда со клеветою
 Въ судѣ шипѣли предо мною,
 И тщетно я взывалъ права,
 Онъ пѣлъ ужасныя слова:
 «Враги изсохнутъ, какъ трава».
 И были то послѣдні звуки,
 И умеръ мой скворецъ отъ скуки!
 О, вы жестокія сердца,
 Сотрите стыдъ души съ лица,
 Учитесь чувствамъ отъ скворца!

IV

Дума.

Туранскія минеральныя воды. 1840 г., 15 августа.

Шуми, шуми Икаугунъ,
 Твой шумъ глухой, однообразный
 Слиясь въ одно съ толпою думъ,
 Съ мечтой печальной и безсвязной!

Далеко мой стремится взоръ
 Черезъ эти снѣжныя вершины,
 Гряды гранитныхъ стѣнъ и горъ
 На отдаленныя равнины.

Кто ихъ увидитъ, кто найдетъ?
 Одинъ орелъ подъ облаками...
 Для насъ здѣсь неба ясный сводъ
 Закрываетъ ущесами, лѣсами.

Зачѣмъ же ты, пришлецъ, смѣнялъ
 Свои прелестныя долины
 На дикій лѣсъ, громады скалъ,
 На эти мрачныя тѣсенины?

Зачѣмъ оставилъ домъ, дѣтей,
 Привѣтъ ихъ, ласковые взоры
 И непритворный смѣхъ друзей?
 Зачѣмъ принесъ твой ропотъ въ горы?

Не самъ ли ты себѣ сказалъ,
 Любуясь дикою природой:

«Средь этихъ горъ, гранитныхъ скалъ,
Дышу я силой и свободой!»

Ты здѣсь нашелъ принятъ родной
И жизни хилой обновленье;
Ты самъ воздвигъ сей крестъ святой
Въ завѣтъ любви и примиренья!

Здѣсь все въ согласіи съ душой
Твоею мрачной, своевольной,
Здѣсь нѣтъ людей, ты самъ съ собой!
Чего жъ желаешь, недовольный?

Въ вершинахъ горъ гремитъ перунъ,
Прибрежныхъ скалъ колебля своды...
Внизу шумитъ Икаугунъ,
Ревутъ его въ утесахъ воды...

Зачѣмъ они кипать струей,
Куда бѣгъ пѣной свѣжой,
Какъ бурей валоманной стезей
Несутъ свой шумъ, разбѣгъ мятежный?

Спроси природу — гдѣ уставъ
Для силъ надменныхъ и свободы?
Они не знаютъ нашихъ правъ, —
Здѣсь горы, каменные своды

И зимній ледъ ихъ волю жмутъ;
Съ вершинъ гранитнаго Саяна
Они летятъ, они бѣгутъ
Къ брегамъ привольнымъ океана!

Кто-жъ остановитъ вѣчный бѣгъ?
О, сколько власти, воли, силы,
Себѣ присвоилъ человѣкъ,
Пришлецъ земли, жилецъ могилы

Прости, ключъ жизни, ключъ святой,
Съ объѣтомъ мпра и надежды
Пришлецъ прощается съ тобой!
Сынъ рока, волей непобѣдной
Онъ призванъ рано въ міръ страстей...

Прошли темничной жизни годы,
И эти каменные своды,
Во тьмѣ двѣ тысячи ночей
Легли свинцемъ въ груди моеѣ.

Текутъ впередъ изгнаныя годы,
 Все тѣ же солнце и луна,
 Такая-жъ осень и весна,
 Все тотъ-же гулъ отъ непогоды.

И та-же книга прошлыхъ лѣтъ,
 Въ ней только прибѣли страницы,
 Въ умахъ все тотъ же мракъ и свѣтъ,
 Но въ драмѣ жизни, жизни нѣтъ,
 Предметъ одинъ, другія лица....

Прости-жъ, ключъ жизни, ключъ святой,
 Твой я пилъ цѣлебныя воды,
 И снова жизнью и весной
 Дышала, какъ юный сынъ природы!

Вдали отъ свѣта, отъ людей
 Здѣсь все, какъ въ родинѣ моей
 Свѣтлѣло кожною зарею;
 Забилось сердце веселѣй—

И въ темной памяти моей
 Минуты счастья прежнихъ дней
 Блеснули яркою чертою...
 И все вокругъ меня цвѣло
 И думы гордыя молчали,
 И сонъ страстей изображали
 Уста и блѣдное чело.

У.

Предсмертная дума.

1842 г. Ноябрь. С. Олонки.

Меня жалѣть? О, люди, ваше-ль дѣло?
 Не вамъ мнѣ назначено страдать!
 Моя болѣзнь, разрушенное тѣло —
 Есть жизни слѣдъ, душевныхъ связей печать!

Когда я былъ младенцемъ въ колыбели—
 Кто жизни планъ моей чертилъ,
 Тотъ волю, мысль, призывъ къ высокой цѣли
 У юноши надменнаго развилъ.

Въ моихъ рукахъ протекающаго страницъ—
 Онъ тайну въ нихъ грядущаго мнѣ вскрываетъ;

И гость земли, я съ ней протисъ входилъ,
Какъ въ домъ родной, въ мои темницы!

И жизнь страстей прошла какъ метеоръ,
Мой конченъ путь, конецъ борьбы съ судьбою;
Я выдержалъ съ людьми опасный споръ
И падаю предъ силой неземною!

Къ чему же мнѣ бесплодный толкъ людей?
Предъ Нимъ отчетъ мой конченъ безъ ошибки;
Я жду не слезъ, не скорби отъ друзей,
Но одобрительной улыбки!

VI.

Авдотѣ Васильевнѣ Раевской.

1846 г.

Мой милый другъ, твой часъ пробилъ,
Твоя заря взошла для свѣта;
Вдали-безвѣстной жизни мѣта
И трудный путь для слабыхъ силъ.
Теперь въ твои святые годы
Явленья чудныя природы:
Блескъ солнца въ радужныхъ лучахъ.
Свѣтило ночи со звѣздами
Въ невидимыхъ небесахъ.
Раскаты грома за горами,
Рѣки взволнованный потокъ,
Луга, покрытые цвѣтами,
Огнемъ пылающій востокъ...
Зовутъ твой взоръ, твое вниманье.
Тревожатъ чувства и мечты;
Ты дышешь міромъ красоты
И міръ твое очарованье!...

Твой вѣкъ младенческій какъ день
Прошелъ, погасъ невозвратно;
Въ незрѣлой памяти какъ тѣнь
Исчезнетъ жизни слѣдъ счастливый.

Тебя вскормила въ пеленахъ
Не грудь наемницы холодной —
На вѣжныхъ матери рукахъ,
Подъ властью кроткой и природной,

Ты улыбаяся взросло.
 Ты доли рабской не видала
 И силъ души не подавляла
 Въ тебѣ печальная нужда.
 Отецъ, забывши судъ людей,
 Ночныя думы, крестъ тяжелый,
 Игралъ какъ юноша песелый
 Съ тобою въ кругу своихъ дѣтей.
 И лучъ безоблачной денницы
 Сіялъ такъ свѣтло для тебя!
 Ты знала только близъ себя
 Одни привѣтливыя лица.
 Не какъ изгнанника дитя,
 Но какъ дитя отца-счастливица!

И ты узнаешь новый свѣтъ,
 И ты, мой другъ, людей увидишь;
 Ты встрѣтишь ласки и привѣтъ
 И голосъ странный ихъ услышишь.
 Тамъ вѣчный шумный маскарадъ,
 Въ немъ театральныя наряды,
 Во всемъ размѣръ, во всемъ обряды,
 На все судейскій строгій взглядъ.
 Ты не сочтешь смѣшной прою
 Торговлей лжи, наборомъ словъ,
 Поддѣльной, грубой мишурою
 И бредомъ страждущихъ головъ...
 Нѣтъ, для тебя блестятъ, алѣютъ
 И дышетъ мѣръ еще весной,
 Твой ликъ невинный не блѣднѣетъ
 И не сверкаетъ взоръ враждой.

А я въ твои младые годы
 Людей и свѣта не видалъ...
 Я много лѣтъ не зналъ свободы,
 Однихъ товарищей я зналъ,
 Въ моемъ учебномъ заключены,
 Идѣ время шло, какъ день одинъ
 Безъ жизни, красокъ и картинъ
 Въ желаньяхъ, скукѣ и ученьи.
 Тамъ въ книгахъ я людей и свѣтъ
 Узналъ. Но съ волею мятежной,
 Какъ видитъ бои вдали атлетъ,
 Въ себѣ самомъ самонадежный
 Пустякъ черезъ океанъ безбрежный
 Челнокъ мой къ цѣли роковой.
 О, другъ мой, съ бурей и грозой
 И съ разъяренными волнами

Отец боролся долго твой...
 Онъ видѣлъ берегъ въ отдаленнѣ,
 Тамъ свѣтъ зари ему блисталъ;
 Онъ взоромъ пристани искалъ
 И смѣло вѣрилъ въ Провидѣнье:
 Но громъ ударилъ въ тишинѣ...
 Какъ будто бы въ ужасномъ снѣ
 На брегѣ дикомъ и бесплодномъ,
 Почти безлюдномъ и холодномъ
 Борьбой измученный пловецъ
 Себя увидѣлъ, какъ пришлецъ
 Другаго міра.

Въ свѣтѣ новомъ,
 Своекорыстномъ и суровомъ
 Съ полудня жизни обреченъ
 Нести въ молчаннѣ рабскомъ онъ
 Свой крестъ безъ слезъ, безъ укоризны,
 И не видать своихъ друзей,
 Своихъ родныхъ, своей отчизны,
 И всѣ надежды юной жизни
 Изгнать изъ памяти своей...
 О помню я мнѣхъ судей,
 Ихъ смѣхъ торжественный, ихъ лица,
 Мрачнѣе стѣнъ моей темницы
 И ихъ предательскій вопросъ:
 «Ты людямъ славы зовъ мятежный,
 Твой ранній блескъ, твои надежды
 И жизнь цвѣтущую принесть,
 Что жъ люди?»

Съ набожной мечтою
 И съ чистой вѣрой—не искалъ
 Я власти, силы надъ толпою;
 Не удивленья, ни похвалъ
 Отъ черни я безсильной ждалъ;
 Я не былъ увлеченъ мечтою,
 Что скажутъ люди—я не зналъ!

О добродѣтели! гдѣ-жъ непрочный
 Твой гордый храмъ, твои жрецы, —
 Твои поклонники слѣпцы
 Съ обѣтомъ жизни непорочной?
 Гдѣ мой кумиръ и гдѣ моя
 Обѣтованная земля?
 Гдѣ трудъ тяжелый и бесплодный?
 Онъ для людей давно пропалъ,
 Его никто не записалъ,
 И человекъ къ груди холодной
 Тебя, какъ друга, не прижалъ!...
 Когда громъ грянулъ надъ тобою —

Гдѣ были братья и друзья?
 Раздался-ль внятно за тебя
 Ихъ голосъ смѣлый подъ грозою?
 Нѣтъ, ихъ раскрашенныя лица
 И въ счастья гордое чело,
 При словѣ казни и темницы
 Могильной тѣнью повело...

Скажи—чѣмъ люди заплатили
 Утрату силъ, души уронъ,
 И твой въ болѣзняхъ тягкій стонъ
 Какою лаской облегчили?
 Какою жертвой окупили
 Оня твой трудъ и подвигъ твой?
 Не ты-ль какъ мученикъ святой
 Молилъ изгнанья, какъ свободы.
 Въ замѣну многихъ тяжкихъ лѣтъ,
 Молилъ увидѣть солнца свѣтъ
 И не темницъ, а неба своды?

И что-жъ отъ пламенныхъ страстей
 Надеждъ, возвышенныхъ желаній,
 Мольбы и набожныхъ мечтаній
 Въ душѣ измученной твоей
 Осталось?

Вѣра въ Провидѣнье,
 Познанье вѣрное людей,
 Жизньъ безъ желаній, безъ страстей,
 Въ болѣзняхъ сила и терпѣнье,
 Все та же воля, какъ законъ,
 Давно-прошедшаго забвенья
 И надъ могилой сладкій сонъ!

Вотъ, другъ мой, книга предъ тобою
 Протекшаго. Ты видишь въ ней
 Мою борьбу съ людьми, съ судьбою
 И жизньъ труда, терпѣнья и страстей.
 Не видѣлъ я награды за терпѣнье
 И цѣли я желанной не достигъ,
 Не встрѣтилъ и за трудъ мой одобренья,
 Никто не зналъ, не видѣлъ слезъ моихъ.
 Съ улыбкой я несу на сердцѣ камень,
 Никто, мой другъ, его не приподнялъ,
 Но странника вездѣ одушевлялъ
 Высокихъ думъ, страстей завѣтный пламень.

Печальный сонъ, но ясно вижу я,
 Когда людей еще облиты кровью
 Я сладко спалъ подъ бурьей у огня,—

Тогда я не горѣлъ къ высокому любовью,
 Высокихъ тайнъ постигнуть не алкалъ,
 Не жалъ руки гонимому украдкой,
 И шопотомъ надежды сладкой
 Жилъцу темницы не вливалъ...
 Но для слѣпца свѣтъ свыше просіялъ...
 И все, что мнѣ казалось загадкой
 Упрель людей болѣзненный сказалъ....
 И Богъ простилъ мнѣ прежнія ошибки,
 Не для себя я въ этомъ мірѣ жилъ,
 И людямъ жизнь я щедро раздарилъ...
 Не злата ихъ—я ждалъ одной улыбки.
 И что жъ они? какъ парій встрѣтилъ я
 Вездѣ одиѣ блѣднѣющія лица,
 И братъ и другъ не смѣлъ узнать меня;
 Но мнѣ блистала прекрасный лучъ денницы
 Какъ для другихъ людей;
 Я вопрошала у совѣсти моея
 Мою вину... она молчала
 И свѣтлая заря въ душѣ моея сіяла!....

Богъ видѣлъ все... Онъ трудъ мой освятилъ....
 Онъ мнѣ дѣтей, какъ даръ святой, завѣтныя,
 Какъ мысль, какъ цѣль, какъ мира вѣтъ вручилъ!
 И такъ, мой другъ, я волей безотчетной
 И мысль и цѣль тебѣ передаю,
 Тотъ знаетъ ихъ, кто знаетъ жизнь мою.
 Я эту жизнь провелъ не въ ликованьи,
 Ты видѣла на розахъ-ли я спалъ;
 Шесть лѣтъ темничною заразою дышалъ
 И двадцать лѣтъ въ болѣзняхъ и въ изгнаньи,
 Въ трудахъ для васъ, безъ мѣры, выше сналъ...
 Не падаю, иду впередъ съ надеждой,
 Что жизни тревожной и мятежной
 Я вашу жизнь и счастье оплатилъ....
 Иди-жь впередъ, иди къ призванью смѣло,
 Люби людей, дай руку имъ въ пути,
 Они слѣпцы, но, другъ мой, наше дѣло
 Жалѣть о нихъ и вѣшу ихъ нести.
 Нѣтъ, не карай судомъ и приговоромъ
 Ошибки ихъ. Ты знаешь кто виной,
 Кто ихъ сковалъ желѣзною рукой
 И клеймилъ и рабствомъ и позоромъ.

Не вѣрь любви ласкательнымъ словамъ,
 Ни дружества коварнымъ увѣреньямъ,
 Ни зависти безчестнымъ похваламъ,
 Ни гордости униженной—смиренью.
 Не довѣрай усердію рабовъ:

Предательство потребность рабской доли...
 Не преклоняй главы для сплзной воли,
 Не расточай въ толпѣ безплодныхъ словъ...
 Иди впередъ... прощай другимъ пороки,
 Пусть жизнь твоя примѣромъ будетъ имъ,
 И дѣломъ ты и подвигомъ святымъ
 Заставишь чтить и понимать уроки.
 Ты миръ пройдеши поросшею стезей,
 Но не блѣдиши предъ тайной клеветой,
 Не обличай предъ наглою толпою
 Борьбу души невольною слезой.
 Будь выше ты безмысленнаго мнѣнья...
 И люди, вѣрь, прочтутъ съ благоговѣньемъ
 Въ глазахъ твоихъ спасительный упрекъ...

Я знаю самъ, трудна твоя дорога,
 Но радостно по ней идти впередъ,
 Тебя не звукъ хвалы кимвальной ждетъ,
 Но милость праведнаго Бога!...

Когда я въ миръ завѣтный отожду,
 Когда меня не будетъ больше съ вами,
 Не брошу васъ, я къ вамъ еще прииду
 И вытнми, знакомыми словами,
 Къ отчету васъ я строго призову.
 Отъ васъ мой иль вѣчныя страданья,
 Иль вѣчное блаженство—все отъ васъ.
 Исполните надежды и призванье
 И трудъ земной пройдетъ какъ день, какъ часъ
 Для нераздѣльнаго небснаго свиданья.

Вл. Федосѣев. Раевскій.

Примѣчаніе. Стихотворенія В. Ф. Раевского напечатаны нами съ подлинной рукописи, весьма обязательно сообщенной намъ въ г. Великихъ Лукахъ, 17-го іюня 1883 г., вдовою ген.-маіора Елисаветою Ивановною Дошанскою. Рукопись въ листъ, 1846 г.

Ре

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО ¹⁾).

Митрополитъ Головинскій

1807—1855.

I.

Знаменитый польскій писатель, Могилевскій архіепископъ, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей, Игнатій Головинскій, происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, но былъ сыномъ бѣдныхъ родителей, жителей Волыни. Образование получилъ въ Виленской духовной академіи. По переводѣ ея въ Петербургъ, онъ прибылъ туда, въ 1842 году, для занятія должности ректора оной. Тогда онъ былъ каедральнымъ каноникомъ Луцко-Житомирской епархіи и имѣлъ степень магистра богословія. Для помѣщенія академіи отведено было въ 1-й линіи Васильевскаго острова и перестроено, согласно съ новымъ назначеніемъ, зданіе бывшей Россійской академіи.

Занявши этотъ постъ, прелатъ Игнатій съ перваго времени

¹⁾ См. «Воспоминанія тайнаго совѣтника О. А. Пржецлавскаго» въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. V—«Маршаловъ Пусловскій»; изд. 1874 г., т. XI—«Очерки Петербургской жизни», 1818—1832 гг.; изд. 1875 г., т. XIII—«А. С. Шишковъ въ 1824—1828 гг.»; изд. 1878 г., т. XXI и т. XXII—«Князь Ксаверій Друцкой-Любецкой, 1777—1846 гг.»; изд. 1875 г., т. XIV—«Статьи-секретарь Игнатій Турзулъ, 1797—1857 гг.»; изд. 1875 г., т. XIV—«Цензура въ Россіи въ 1830—1865 гг.»; изд. 1883 г., т. XXXIX—«Бѣгле очерки».

Оснпъ Антоновичъ Пржецлавскій род. въ 1799 г., умеръ 10-го декабря 1879 г., въ Твери, на 80-мъ году отъ рожденія. См. о немъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., т. XXXIX, стр. 406.

оказался на высотѣ положенія. Бывъ знаменитымъ ученымъ, онъ умѣлъ подобрать достойныхъ себѣ помощниковъ. Изъ профессоровъ и другихъ подчиненныхъ ректору, были впоследствии разновременно удостоены епископскаго сана: преосв. Волончевскій, Боровскій, Войткевичъ, Липскій, Ивашкевичъ. При содѣйствіи такихъ помощниковъ, ректоръ успѣлъ возбудить въ воспитанникахъ любовь къ наукѣ, глубокое чувство долга, и, не смотря на свою энергичность и строгость въ нужныхъ случаяхъ,—внушить искреннюю къ себѣ привязанность. И во время своего ректорства, и впоследствии, когда уже былъ епископомъ, а потомъ митрополитомъ, Головинскій занималъ въ академіи кафедру гомилетики и образовалъ замѣчательныхъ проповѣдниковъ, до самой кончины оставаясь ректоромъ академіи.

Онъ вполне достигъ разрѣшенія задачи своего официального положенія: согласить обязанности къ церкви, къ которой принадлежалъ, съ преданностью закону правительству. Оно имѣло въ немъ всегда ревностнаго слугу, усерднаго дѣятеля. Онъ явилъ на себѣ примѣръ, какъ эти два элемента могутъ быть совмѣстимы, при полной добросовѣстности съ одной стороны, а съ другой, при несостоятельности недобросовѣстныхъ или неразумныхъ покушеній на противодѣйствіе. Эти качества Головинскаго были оцѣнены Государемъ. Николай Павловичъ очень благоволилъ къ нему. Притомъ онъ забавлялъ Государя своею наивною откровенностью, выражаемою полу-русскимъ, полу-украинскимъ жаргономъ.

Головинскій читалъ французскія, нѣмецкія и англійскія книги, но не могъ говорить на этихъ языкахъ. Въ виду того, что по посвященія его въ суфраганы тогдашняго митрополита, (о чемъ уже происходили трактации съ римскою куріей), придется ему имѣть дѣло съ проживавшими въ Петербургѣ иностранцами, онъ сознавалъ необходимость выучиться говорить по французски. Мы, приближенные, посовѣтовали ему распределить вечера такъ, чтобы бывать по очереди въ нашихъ домахъ, гдѣ не должно быть другаго разговора какъ французскій. Начала языка преподавалъ ему учитель, а для практики, всѣми любимый и уважаемый, сановитый ученикъ проводилъ вечера въ домахъ генерала Штюрмера, графа Генриха Ржевускаго, г-жи Станцани, доктора Мяновскаго и моемъ. Мы поправляли его, иногда забав-

ныя, солецизмы, никто однакожь при этомъ не позволялъ себѣ даже улыбнуться, не смотря на то, что имъ это было разрѣшено. Послѣ трехъ-мѣсячной практики, Головинскій могъ уже объясняться свободно; у него была удивительная память, онъ нарочно разнообразилъ предметы бесѣдъ и помнилъ всѣ сдѣланныя ему замѣчанія на ошибки.

Изъ Луцка, гдѣ былъ кафедральнымъ каноникомъ, Головинскій совершилъ, въ 1839 году, путешествіе въ Іерусалимъ. Тамъ, какъ прелатъ, онъ служилъ литургіи на всѣхъ святыхъ мѣстахъ. Наиболеѣ выдающееся изъ его сочиненій есть описаніе этого странствованія, изданное въ пяти томахъ въ 1842—1845 годахъ. Для большаго удобства въ изліяніи оживлявшихъ его на святой землѣ чувствъ, онъ далъ своей книгѣ форму письма къ брату. Это безспорно самое обстоятельное и самое оживленное изъ всѣхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, которыя намъ случилось читать. Этотъ эпизодъ жизни остался для Головинскаго навсегда дражайшимъ воспоминаніемъ. Въ квартирѣ въ Петербургѣ, покои его были убраны произведеніями роскошной растительности, которую созерцалъ на мѣстѣ. Пальмы, особенно прекрасные экземпляры *Sanna galilaea*, онъ лелѣялъ съ любовью. При обширномъ умѣ и большой учености, это была чувствительная, глубоко поэтическая натура: качества рѣдко встрѣчаемыя вмѣстѣ.

Головинскій написалъ много, въ томъ числѣ стихотвореній. Таковы Легенды, собранныя изъ простонародныхъ, преимущественно польскихъ, литовскихъ и малороссійскихъ повѣрій; Іисусъ Младенецъ—собраніе народныхъ сказаній, а также преданій изъ апокрифныхъ евангелій, о Божественномъ Отрокѣ и о Богородицѣ, Церковныя Гимны. Въ этихъ стихотвореніяхъ много истинной поэзіи.

Въ прозѣ: Путешествіе по святой Землѣ; Разныя мелкіе труды; Рахиль, повѣсть; Сочиненія жеготы Костроваца (его-же псевдонимъ). Сюда вошли и переводы бѣлыми стихами Шекспировыхъ піесъ: «Гамлетъ» и «Ромео и Джуліетта», сдѣланныя въ молодости; Рѣчи надгробныя; Воскресныя и праздничныя проповѣди; Мѣсяць Май ¹⁾;

¹⁾ Надо замѣтить, что этотъ мѣсяць у католиковъ посвященъ культу Богородицы и что во все его продолженіе, производятся особенныя службы въ честь пресвятой Маріи.

Гомилѣтика. Все это на польскомъ языкѣ, на русскомъ же: Акты и грамоты объ устройствѣ римско-католической церкви.

Въ послѣдніе годы жизни Головинскій предпринялъ обширный трудъ: «Новыя комментаріи на Библію». Я не знаю какъ далеко онъ зашелъ въ этой работѣ, но эти комментаріи напечатаны не были. Извѣстно, что въ послѣднее время, вслѣдствіе геологическихъ изысканій и открытій Кювье (Cuvier), особенно по выходѣ сочиненія ученаго кардинала Уайсмана (Wieseman) «О согласіи науки съ священнымъ писаніемъ», также вслѣдствіе болѣе тщательнаго перевода Библии, взгляды католическихъ богослововъ на нѣкоторыя мѣста ея, и именно первой книги, значительно противъ прежняго буквальнаго пониманія измѣнились. Взгляды эти были усвоены и Головинскимъ; онъ намъ прочитывалъ первыя главы своего сочиненія.

Кромѣ исчисленныхъ литературныхъ его трудовъ, онъ, со времени прибытія въ столицу, былъ почти постояннымъ сотрудникомъ издаваемой мною съ 1830 по 1859 годъ политико-литературной газеты на польскомъ языкѣ. Однѣ статьи его подписаны его же именемъ, другія псевдонимомъ: «Костровецъ». Наиболѣе замѣчательны изъ нихъ: разборы новыхъ беллетристическихъ и ученыхъ сочиненій на разныхъ языкахъ. Оцѣнки эти отличались высшими взглядами, зрѣлостью и проникательностью суда, — этими необходимыми качествами истинно полезной критики. Головинскій былъ постоянно въ письменныхъ сношеніяхъ съ пребывающею въ Варшавѣ г-жею Земенцкой, и его совѣты съ пользою отражались въ сочиненіяхъ этой знаменитой писательницы.

Въ одномъ изъ сборниковъ сочиненій Головинскаго, изданномъ въ 1844 году, выдающееся мѣсто занимаетъ «Жизнеописаніе матери». Тутъ онъ съ глубокою сыновнею любовью рассказываетъ подробности «борьбы за существованіе» матери-вдовы, оставшейся въ крайней бѣдности съ малолѣтними дѣтьми и сознававшей необходимость дать имъ приличное воспитаніе. Она работала день и ночь, поддерживаемая въ этой борьбѣ упованіемъ на Бога, повторяемымъ пѣніемъ извѣстнаго гимна «Къ Промыслу», и Богъ выслушалъ ее. Ничто не можетъ быть трогательнѣе этого разсказа и ничто лучше не характеризуетъ прекрасной души знаменитаго сановника церкви.

Къ проявленіямъ неутомимой умственной дѣятельности его слѣдуетъ причислять и проповѣди, провозглашаемыя почти во всѣ большіе праздники въ петербургскихъ католическихъ церквахъ. Онъ проповѣдывалъ и бывши уже митрополитомъ, въ пурпуровомъ облаченіи, присвоенномъ сану Могилевскаго архіепископа. Онъ никогда не читалъ своихъ рѣчей, обыкновенно длившихся болѣе часа; это были образцовыя произведенія духовнаго краснорѣчія. Впечатлѣнію ихъ на слушателей много способствовала величественная декламація, благородная, красивая наружность проповѣдника. Умное его лицо представляло поразительное сходство съ лицомъ Наполеона I, особенно того времени, когда онъ не былъ еще императоромъ. Извѣстный портретъ генерала Бонапарте на мосту при Аркола былъ такъ похожъ на Головинскаго, что еслибы не различіе костюмовъ, то можно было принять его за портретъ послѣдняго.

Въ другомъ мѣстѣ я сказалъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ преосв. Игнатія къ намъ, его духовнымъ сынамъ ¹⁾. Я повторю здѣсь эти слова: «Строгій настырь на своемъ архіепископскомъ креслѣ, онъ былъ веселый, умный собесѣдникъ въ интимномъ кружкѣ, который самъ собой составилъ около него».

Въ этомъ кружкѣ, могу, отложивъ излишнюю скромность, сказать, что я пользовался особенною симпатіею Головинскаго и въ первое время пребыванія его и по достиженіи имъ высокаго духовнаго сана. Онъ относился ко мнѣ какъ къ любимому сыну и допускалъ къ откровеннымъ объясненіямъ моихъ убѣжденій, конечно, въ предѣлахъ относительныхъ нашихъ положеній. Такъ, зная, что я когда-то былъ масономъ, мой сановитый другъ часто заводилъ разговоръ объ орденѣ; ему хотѣлось вывѣдать отъ меня самую суть дѣла. Это было невозможно, какъ знаютъ бывшіе масоны; они даже на духу не въ состояніи передать все, что составляетъ эту суть. Вотъ это-то и было предметомъ нашихъ словопреній. Преосв. Игнатій, исповѣдывавшій многихъ раскаявшихся масоновъ, былъ увѣренъ, что постигъ уже все касающееся ордена. Я же утверждалъ, что посредствомъ даже самой искренней исповѣди возможно узнать лишь несущественныя стороны вопроса. Это требуетъ объясненія.

¹⁾ Воспом. о Туркулѣ. «Русск. Стар.» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 684—714.

А тутъ я долженъ сказать нѣчто такое, что покажется недобопонятнымъ профану, а будетъ легко понято всякимъ членомъ мистическаго общества. Можно разказать все, что прямо или косвенно стало кому нибудь извѣстнымъ о той или другой отрасли масонства, (ихъ нѣсколько). Даже кто либо самъ изъ масоновъ, хотя бы самой высшей степени, можетъ объявить все, что знаетъ, и это будетъ достаточно для познанія символики, обрядности и, до извѣстной степени, тенденціи общества. Но все это знаніе будетъ лишь поверхностное, оно останется недостаточнымъ для того, чтобы не-масонъ могъ усвоить себѣ настоящій духъ ордена и одною силою логичныхъ выводовъ изъ такихъ данныхъ уразумѣть внутреннее состояніе самого адепта.

Однимъ словомъ, я хочу сказать, что никакой разказъ не можетъ замѣнить инициціи, то-есть, полнаго обряднаго посвященія въ тайны. То же самое относится ко всѣмъ родамъ подобнаго дѣйствія внѣшнихъ обрядовъ на внутренняго человѣка. Такъ, напримѣръ, (*si profana licet componere sacris*), язычникъ, магометанинъ или еврей можетъ изучить въ совершенствѣ христіанскую доктрину, хотя бы все, что требуется для полученія степени доктора богословія, а за всѣмъ тѣмъ, даже при твердомъ вѣрованіи, онъ не усвоитъ себѣ истиннаго духа христіанства, не сдѣлается настоящимъ членомъ тѣла церкви, какъ невѣсты Христовой, пока не подвергнется инициціи, пока надъ нимъ не будетъ совершено таинство крещенія. То же самое примѣняется къ рукоположенію въ священники и къ освященію епископовъ. Все это инициція и она понимается не иначе, какъ чрезъ нایتіе Духа—въ священныхъ обрядахъ Святаго, въ другихъ инаго, но всегда духа, дѣйствующаго на субъектъ извнѣ.

Вотъ что я представлялъ митрополиту Игнатію; онъ меня понялъ и согласился, что дабы вполне уразумѣть масонство, надо быть самому масономъ.

II.

Въ 1848 году ректоръ академіи былъ назначенъ и освященъ епископомъ Карстиенскимъ, въ странѣ невѣрныхъ, (in partibus infidelium), и коадьюторомъ (помощникомъ) тогдашняго митрополита Казимира (Дмоховскаго) съ правомъ преемства по немъ, (cum jure successionis) ¹⁾.

Преосвящ. Казимиръ, бывшій тогда уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вскорѣ потомъ умеръ.

Извѣстно, что, по установленному порядку, всякій разъ, когда кто изъ сановниковъ, по возвращеніи изъ отсутствія, вступаетъ въ должность, то обязанъ испрашивать на то высочайшее соизволеніе. Преосв. Головинскій полагалъ, что его случай не подходитъ подъ это правило, что за силою высочайшаго соизволенія на булгу, назначавшую его преемникомъ митрополита, съ, со смертью послѣдняго, ipso facto вступаетъ во всѣ права покойнаго и что не слѣдуетъ утруждать Государя испрашиваніемъ особаго на то повелѣнія. Поэтому преосвящ. Игнатій, на сообщеніи министру внутр. дѣлъ о послѣдовавшей кончинѣ митрополита Казимира, подписался полнымъ титуломъ архіепископа Могилевскаго, митрополита всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей.

Въ то время Головинскій былъ уже въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Скрыпичинымъ ²⁾. Этому поводомъ было слѣдующее обстоятельство. Головинскій съ нѣкотораго времени сталъ замѣчать, что, помимо его, ректора, Валерій Валеріевичъ Скрыпичинъ вмѣшивается въ его управленіе духовной академіею. Онъ вызываетъ къ себѣ профессоровъ, дѣлаетъ имъ замѣчанія и вникаетъ даже въ такія подробности матерьяльнаго завѣдыванія учрежденіемъ, которыя не могли подлежать контролю департамента. Разъ,

¹⁾ По общему правилу епископъ долженъ имѣть степень доктора богословія. Для Головинскаго, бывшаго только магистромъ, напаче допустилъ исключеніе какъ по уваженію его богословскихъ сочиненій, такъ и потому, что степень доктора могла быть ему признана только той духовной академіей, которой самъ онъ былъ ректоромъ.

²⁾ Характеристика его изображена въ воспоминаніяхъ мопхъ о Туркулѣ, «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 684—714. О. П.

когда Головинскій возвратился изъ какой-то поѣздки, швейцаръ пожаловался ему, что заѣзжавшій въ его отсутствіе Скрыпицынъ, вѣроятно разсердясь за то, что не засталъ ректора дома, обругалъ всю прислугу за какой-то замѣченный имъ мнимый безпорядокъ въ освѣщеніи корридоровъ. Головинскій положилъ себѣ дать почувствовать непрошеному наблюдателю порядка неумѣстность его вмѣшательства: бывши на вечернемъ чаѣ у одного изъ членовъ духовной коллегіи, гдѣ, въ числѣ гостей, былъ и Скрыпицынъ, ректоръ, обратился къ нему, сказалъ:

— «В. пр-во, вы были такъ добры, что, заѣхавши на дняхъ ко мнѣ, хорошенько побранили моего швейцара и сторожей за какую-то неисправность. Я очень вамъ благодаренъ и прошу заѣзжать почаще въ академію, чтобы держать этихъ лѣнтыевъ въ субординаціи, а мои корридоры въ исправности».

Скрыпицынъ сконфузился, отвѣчалъ что-то не кстати, но никогда не простилъ Головинскому его горькой ироніи. Послѣдствіемъ этого, вѣроятно, было то, что случилось.

По полученіи министромъ внутр. дѣлъ упомянутаго сообщенія о кончинѣ митрополита Дмоховскаго, сдѣлано было Головинскому замѣчаніе и отъ имени Государя объявлено, чтобы онъ управлялъ архіепархією, но не титуловался митрополитомъ впредь до повелѣнія.

Духовнымъ, возводимымъ въ санъ архіепископа, папа присылаетъ при буллѣ, такъ пазываемый, палліумъ (pallium). Это родъ воротника, съ кистями, всящими спереди и сзади, и съ черными крестами, въ которыхъ зашиты мощи. Палліумъ надѣвается только для торжественнаго богослуженія и носится пониже шеи, поверхъ облаченія. Онъ вытканъ изъ шерсти бѣлыхъ ягнятъ и только одинъ женскій монастырь въ папскихъ владѣніяхъ имѣетъ привиллегію на это издѣліе.

Такой знакъ архіепископскаго сана присланъ былъ для преосв. Игнатія, изъ римской куріи, чрезъ нашего посланника, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. По всеподданнѣйшему объ этомъ докладу, Государь велѣлъ доставить палліумъ къ себѣ, въ Царское Село, гдѣ тогда изволилъ проводить лѣто. Прошло немало времени; наконецъ, Императоръ велѣлъ вызвать къ себѣ Головинскаго, и сказавъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ, что хотѣлъ лично отдать этотъ символъ высокаго сана, вручилъ ему

палліумъ. По этому случаю была большая церемонія въ церкви св. Екатерины, гдѣ, при большомъ стеченіи народа, два, нарочно для этого вызванные, епископа торжественно возложили даръ церкви на молодаго, всѣми любимаго, архипастыря.

Въ Воспоминаніяхъ о Туркулѣ ¹⁾ я упомянулъ о столкновеніяхъ, часто случавшихся между управленіемъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и католическимъ духовенствомъ. Я тамъ сказалъ, что эти столкновения были слѣдствіемъ недоразумѣній, происходившихъ отъ недостаточнаго знанія этимъ управленіемъ каноническихъ уставовъ р.-католической церкви. Отъ этого возникали такія требованія, на которыя духовенство не могло отвѣчать иначе, какъ словами Піа IX: «*non possumus*». Такимъ образомъ оно всякій разъ навлекало на себя безвинно упрекъ въ какой-то неразумной оппозиціи. Вотъ для примѣра случай съ Головинскимъ, котораго покорность и преданность правительству не подлежала сомнѣнію.

По недостаточному знанію языка, онъ обыкновенно обращался ко мнѣ, когда ему нужно было въ важнѣйшихъ дѣлахъ написать что нибудь по русски. Разъ, бывши уже митрополитомъ, пріѣзжаетъ крайне разстроенный. Онъ получилъ отъ министра внутр. дѣлъ бумагу, въ которой объявляется ему, исходатайствованное военнымъ министромъ, слѣдующее высочайшее повелѣніе: Для квартирующихъ въ Царствѣ Польскомъ войскъ, онъ, митрополитъ, имѣеть, изъ священниковъ, окончившихъ курсъ въ академіи, избрать четырехъ, на (мѣста) дивизіонныхъ священниковъ и отправить ихъ въ Варшаву, гдѣ они будутъ распределены по войскамъ, но съ тѣмъ, что должны оставаться въ полной зависимости отъ него, митрополита, безъ всякаго подчиненія ихъ власти мѣстныхъ епархіальныхъ епископовъ.

Тутъ высокопреосвященный рассказалъ мнѣ, какъ строго власть епископовъ опредѣлена каноническими законами. Никакой духовный, даже епископъ или архіепископъ, находясь въ чужой епархіи, не можетъ отслужить обѣдни, или совершить какія бы то ни было требы, безъ позволенія мѣстнаго епископа. Нарушеніе этого правила наказывается устраненіемъ духовнаго отъ преимуществъ его сана, (*suspensio*). «Итакъ, (говорилъ онъ), моя провинція состоитъ изъ шести епархій, всѣ ихъ епископы —

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1875 г., т. XIV, стр. 684—714.

мои суфраганы, но у себя они такъ полновластны, что еслибы я, найдясь, напримѣръ, въ Вильнѣ, Минскѣ или Каменцѣ, позволилъ себѣ, не спросивъ на то согласія мѣстнаго епископа, отслужить тамъ литургію, или хотя исповѣдывать кого нибудь, даже прихожанина собственной моей Могилевской паствы, то за одно это, (*ipso facto*), лишаясь архіепископскаго и даже священническаго сана. То же самое случилось-бы сомною, еслибы я въ чужихъ епархіяхъ имѣлъ священниковъ, подчиненныхъ непосредственно мнѣ, помимо мѣстной духовной власти. Теперь вотъ мое положеніе: если я сдѣлаю требуемое распоряженіе, то, во 1-хъ, оно ни для кого не будетъ канонически обязательнымъ, а во 2-хъ—отрекусь отъ моего сана, который ношу по волѣ Государя и потому не могу оставить его самопроизвольно, безъ нарушенія вѣрноподданническаго долга. Вотъ безъисходная дилемма, въ которую я поставленъ по милости того, кто испросилъ повелѣніе, не справясь сперва—возможно ли будетъ выполнить его!»

Результатъ совѣщанія былъ тотъ, что мы съ митрополитомъ составили официальное письмо къ министру графу Перовскому, съ изложеніемъ всего вышесказаннаго, и тутъ же были прописаны подлинныя латинскіе, съ переводомъ, тексты относящихся къ дѣлу церковныхъ уставовъ. Письмо оканчивалось просьбою повергнуть его на всемилостивѣйшее воззрѣніе.

Это было исполнено и проектируемое распоряженіе отмѣнено.

Въ организмѣ Головинскаго былъ зародышъ смертельной болѣзни, но до 1855 года онъ оставался какъ-бы въ инкубаціи. Это былъ скирръ въ желудкѣ. Лѣтомъ этого года болѣзнь развилась вполнѣ. Высокопреосвященный страдалъ несказанно, однакожь до послѣдней минуты сохранилъ полное сознаніе. Я навѣщалъ его каждый день.

13 октября 1855 года, утромъ я, заѣхавъ къ нему. Въ комнатахъ засталъ профессоровъ академіи и много воспитанниковъ; всѣ въ слезахъ. Сказали, что митрополитъ очень плохъ. Къ нему нельзя было войти, тамъ былъ докторъ Мянговскій. Вдругъ онъ выбѣгаетъ изъ комнаты больного и, увидѣвши меня, восклицаетъ: «Ахъ, вы здѣсь, какое счастье! только что хотѣлъ послать за вами». Тутъ, отведя меня въ сторону Мянговскій, говоритъ:

— «Архіепископъ сегодня или въ эту ночь умретъ. Для успо-

коенія его на счетъ будущности церкви, нужно, чтобы онъ, такъ хорошо знающій людей, самъ заявилъ, кого изъ епископовъ признаеть наиболѣе достойнымъ быть его преемникомъ. Онъ уже объ васъ спрашивалъ, вѣрно хочеть, чтобы вы были свидѣтелемъ его послѣдней воли. Онъ въ полномъ сознаніи, но очень слабъ. Пойдемте».

Мы вошли; больной страшно стоналъ; сидѣлками при немъ были двѣ дамы: жена его брата и г-жа Станцани. Онъ хотѣли удалиться, но Мяновскій ихъ остановилъ, говоря, что тутъ нѣтъ никакого секрета. Мы подошли къ смертному одру. Больной узналъ меня и благодарилъ. Тогда Мяновскій спросилъ его, кого желалъ-бы онъ имѣть своимъ преемникомъ? Но какъ больному трудно было говорить, то мы стали называть епископовъ. Когда по очереди назвали Виленскаго, Жилинскаго, то умирающій сказалъ: «да, да, его; онъ умный и *grata persona* для правительства». Затѣмъ я спросилъ, можетъ ли онъ подписать всеподданнѣйшее письмо съ изображеніемъ его желанія и отзывъ къ министру съ препровожденіемъ этого письма? Больной сказалъ, что можетъ. Я тотчасъ изготовилъ обѣ бумаги. Отношеніе къ министру было кое-какъ подписано, но на прошеніи Государю умирающій подписался не параллельно къ строкамъ, а вертикально, сверху внизъ. Мы тотчасъ отправили бумаги къ министру Сергѣю Степановичу Ланскому.

Вечеромъ тогожь дня митрополють скончался; ему было 48 лѣтъ.

Министръ призывалъ къ себѣ Мяновскаго и меня, каждого отдѣльно допрашивалъ о дѣйствительности воли покойнаго и о подлинности подписей и съ насъ взялъ въ этомъ подписки.

Вскорѣ потомъ Могилевскимъ архіепископомъ, митрополитомъ всѣхъ римско-католическихъ въ Россійской имперіи церквей, назначенъ былъ Виленскій епископъ Вѣнцеславъ Жилинскій.

О. А. Пржецлавскій.

8 апрѣля 1876 г. Спб.

Твоей люблюсь красотой
И взоромъ ласково-стыдливимъ,
Пять свѣтлыхъ дней провелъ съ тобой
Я въ упоеніи счастливомъ.

Прошли тѣ радостные дни,
Какъ все проходить въ мірѣ этомъ,
Но вѣрь, не могутъ быть они
Забыты любящимъ поэтомъ.

Твой образъ въ памяти моей
Запечатлѣлся такъ глубоко,
Что, вѣрь мнѣ, послѣ многихъ дней,
Скитаясь долго и далеко,

Его я вспомию!—И опять,
Какъ звѣзды неба въ мракѣ ночи,
Твои задумчивыя очи
Мнѣ будутъ издали сіять.

Шверинъ.
10 октября 1887.

К. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.].

ПЕТРОВСКІЙ ПОЛТАВСКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ ОДНОГО ИЗЪ ЕГО ВОСПИТАННИКОВЪ

1852 — 1859.

[Къ пятидесятилѣтію учрежденія корпуса, 1840—декабрь—1890 гг.]

I.

Въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1886 г. напечатана интересная статья И. Ф. Павловскаго «Петровский Полтавскій корпусъ». Въ статьѣ своей г. Павловскій, напоминая о томъ, что въ декабрѣ 1890 года будетъ праздноваться пятидесятилѣтній юбилей корпуса и что въ этому дню предполагается издать исторію заведенія за этотъ періодъ, обращается къ прежде служившимъ въ корпусѣ и бывшимъ воспитанникамъ съ просьбою подѣлиться своими воспоминаніями, такъ какъ особенно скуденъ матеріалъ перваго періода корпуса, до преобразованія его въ военную гимназію.

Приглашеніе г. Павловскаго вызвало и въ моей памяти много воспоминаній о дорогомъ для меня Петровскомъ корпусѣ, гдѣ я получилъ мое образованіе, гдѣ я провелъ беззаботные годы моего дѣтства и юности; но заботы о семьѣ, хозяйственныя хлопоты и должность участковаго мирового судьи, въ которой я состою ужъ пятое трехлѣтіе, мѣшали мнѣ взяться за перо, чтобы подѣлиться съ интересующимися моими воспоминаніями. Но вотъ въ іюньской книгѣ «Русской Старины» изд. 1887 года явилась статья: «Воспоминанія стараго учителя» И. К. Зайцева. Почтенный авторъ статьи, бывшій учитель рисованія въ Полтавскомъ корпусѣ, рассказывая объ «Юрьевской» эпохѣ и объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ ея эпизодовъ, вызвавшихъ взрывъ негодованія всѣхъ преподавателей противъ бывшаго директора

генералъ-маіора Юрѣва, очевидно не знаетъ настоящей причины, вызвавшей сочиненіе пресловутаго «Акаѳиста», и упоминая по слухамъ, что «Акаѳистъ» написанъ кадетомъ спеціального класса, передаетъ также предположеніе, что сочиненіемъ этимъ руководилъ бывший инспекторъ классовъ Бодявскій.

Такъ какъ я былъ невольнымъ виновникомъ этого сочиненія и однимъ изъ его авторовъ, то считаю своимъ долгомъ выгородить тѣмъ почтеннаго и всѣми нами, въ особенности выпускными, кадетами глубоко уважаемаго Бодявскаго, которому многіе изъ насъ обязаны своимъ развитіемъ. Бодявскій въ этомъ сочиненіи никакого участія не принималъ. Чтобы передать причины, вызвавшія появленіе «Акаѳиста», я долженъ въ моихъ воспоминаніяхъ обратиться нѣсколько назадъ.

II.

Я поступилъ въ корпусъ въ августѣ 1852 года, въ веранжированную роту, которою командовалъ капитанъ Владиміръ Васильевичъ Нарѣжный. И. д. фельдфебеля былъ унт.-оф. Бутовскій. Директора корпуса, генералъ-лейтенанта Врангеля, мы всѣ боялись, но уважали. Боялись его преимущественно за его костью, съ которымъ онъ обыкновенно приходилъ къ намъ въ роты и когда кого изъ кадетъ распекалъ, то стучалъ костью объ полъ такъ, что у близъ стоявшихъ мурашки пробѣгали по тѣлу... Въ сущности же Врангель былъ человѣкъ добрый и съ большимъ тактомъ. Не помню ни одного случая, чтобы онъ кому-нибудь изъ офицеровъ дѣлалъ выговоръ при кадетяхъ, что потомъ случалось сплошь и рядомъ при Юрѣвѣ, подрывая авторитетъ офицера въ глазахъ кадетъ, особенно младшихъ возрастовъ. Помню, какое впечатлѣніе производилъ на всѣхъ насъ, не только маленькихъ кадетъ, но и на взрослыхъ, такъ прозванный нами «Страшный судъ», который при Врангелѣ бывалъ ежегодно по окончаніи полугодичныхъ экзаменовъ передъ Рождествомъ, накануне отпуска на рождественскіе праздники. Послѣобѣденныхъ классовъ въ тотъ день ужъ не было и всѣ роты, въ новыхъ курткахъ, сводились въ залѣ гренадерской роты. Двѣ роты, 1-я и 2-я, ставились въ колоннахъ спиной ко входнымъ дверямъ залы изъ корридора, гренадерскую и веранжированную роты ставили тоже въ колоннахъ другъ противъ друга по узкимъ концамъ залы; а вся стѣна съ окнами противъ входныхъ дверей оставалась свободною. Посрединѣ этой стѣны ставилось кресло и нѣсколько стульевъ, тутъ же разставлялся боль-

шой столъ, на который инспекторъ классовъ клалъ экзаменаціонные списки, и когда все было готово—являлся баталіонный командиръ полковникъ Дубровинъ, съ своимъ помощникомъ подполковникомъ Ливеничемъ, а вслѣдъ за ними приходилъ и директоръ. Поздоровавшись съ нами и обойдя роты, причеиъ Врангель внимательно всматривался въ глаза каждому кадету и обращалъ особенное вниманіе на худыхъ и блѣдныхъ, разспрашивая здоровы-ли они, директоръ садился на приготовленномъ для него креслѣ; около него садились: инспекторъ классовъ, баталіонный командиръ, его помощникъ, а ротные командиры и офицеры, недежурные въ тотъ день, становились возлѣ стола; дежурные же были на своихъ мѣстахъ при ротахъ. Затѣмъ, послѣ команды: «смирно!» баталіонный адъютантъ начиналъ читать приказъ. Въ приказѣ этомъ отдавалась особая благодарность кадетамъ, получившимъ на полугодичныхъ экзаменахъ 10, 11 и 12 балловъ, причеиъ они вызывались изъ фронта и, поклонившись директору, становились по правую его сторону. Затѣмъ вызывались кадеты, получившіе прибавку балловъ за поведеніе, получившіе погонны (погонны тогда не сразу давались. новичку, а послѣ полугодичнаго экзамена, за хорошіе успѣхи въ наукахъ и по фронту). Вызывались произведенные приказомъ по корпусу въ ефрейторы и унтеръ-офицеры; эти были большею частію ужъ изъ вызванныхъ ранѣе 10, 11 и 12 балльныхъ воспитанниковъ; они опять выходили изъ своихъ рядовъ и, поклонившись директору, становились въ свои мѣста, но ужъ не по балламъ, какъ прежде, а произведенные въ ефрейторы — вмѣстѣ въ одну шеренгу, унтеръ-офицеры — тоже вмѣстѣ въ одну шеренгу. Затѣмъ вызывались получившіе 5 и менѣе балловъ—эти становились по лѣвую сторону директора, за ними шли получившіе сбавку балловъ за поведеніе, присужденные комитетомъ къ снятію погонъ и къ записи въ классъ на черную доску; эти становились совсѣмъ отдѣльно.

По окончаніи чтенія приказа, Врангель вставалъ съ своего кресла и вмѣстѣ со всею свитой подходилъ къ «праведникамъ», то-есть къ стоявшимъ по правую сторону его кресла. Онъ благодарилъ ихъ за успѣхи, поздравлялъ произведенныхъ и получившихъ награды, затѣмъ, опираясь на свой костыль, переходилъ къ «грѣшникамъ». Остановясь передъ ними и сильно стуча костылемъ объ полъ, онъ дѣлалъ имъ выговоръ за неуспѣхи, грозилъ принять крутыя мѣры и, обернувшись затѣмъ къ той группѣ «грѣшниковъ», которые присуждены были къ записанію на черную доску и къ снятію погонъ, Врангель, браня ихъ, еще сильнѣе стучалъ костылемъ, наводя на всѣхъ насъ панический страхъ и въ заключеніе, обратившись къ ротнымъ командирамъ, приказывалъ наказать ихъ розгами. Потомъ всѣ, кромѣ приговоренныхъ

къ наказанію розгами, шли на свои мѣста и роты выводились прямо къ ужину, а приговоренные уводились въ ротные пейхгаузы, гдѣ, во время ужина, надъ ними и производилась экзекуція.

Помню, что на меня особенно сильное впечатлѣніе произвелъ первый «Страшный судъ», на которомъ я присутствовалъ, и врѣзался въ моей памяти, такъ что, рассказывая о немъ черезъ 35 лѣтъ, я представляю его себѣ также живо, какъ бы что случившееся нѣсколько недѣль назадъ, хотя на томъ «Страшномъ судѣ» я былъ въ числѣ праведниковъ, такъ какъ за успѣхи получилъ погоны, а за хорошее поведение — прибавку балла.

Во время лагерей 1856 года, воспитанниковъ 4-го общаго класса, перешедшихъ въ 1-й специальный классъ, въ послѣдній разъ увезли въ Петербургъ въ Дворянскій полкъ, и ужъ былъ слухъ, что слѣдующій, то есть нашъ, классъ не поѣдетъ въ Петербургъ, такъ какъ предполагалось учредить два специальныхъ класса при губернскихъ корпусахъ и только воспитанники желающіе, слушать лекціи 3-го специального класса, будутъ отправляться въ Дворянскій полкъ.

III.

Въ июлѣ 1856 года прибылъ къ намъ новый директоръ, генералъ-майоръ Юрьевъ.

По первому впечатлѣнію Юрьевъ намъ понравился и показался добрымъ и ласковымъ. Хотя въ то лѣто ужъ были введены матросскія рубахи, но мы носили ихъ не во фронтѣ, а надѣвали послѣ ученья; на баталіонныя же ученья насъ выводили почему-то въ курткахъ и въ полной амуниціи, кромѣ ранцевъ. Юрьевъ приказалъ производить всѣ строевыя занятія въ матросскихъ рубахахъ, въ фуражкахъ и безъ амуниціи, съ одними ружьями. Однимъ этимъ распоряженіемъ, онъ сразу заслужилъ наше расположеніе.

Насколько помню, лагеря прошли благополучно и ничего особеннаго не случилось; но при частыхъ посѣщеніяхъ директора, который любилъ окружать себя кадетами и разговаривать съ ними, мы, старшіе, подмѣтили въ немъ многія смѣшныя стороны, такъ напр., при всякомъ случаѣ, кстати и не кстати, онъ въ теченіи одного посѣщенія лагеря нѣсколько разъ повторялъ одни и тѣ же выраженія, напр., что онъ имѣлъ счастье лично говорить съ тѣмъ-то и тѣмъ въ Петербургѣ.

По возвращеніи изъ лагерей, съ начала учебнаго года, при посѣщеніяхъ директоромъ классовъ, начали все болѣе и болѣе распростра-

няться между кадетами разные смѣшныя о директорѣ анекдоты, передавались его выходки и замѣчанія, дѣлаемые во время лекцій въ томъ или другомъ изъ старшихъ классовъ; но за всѣмъ тѣмъ новый директоръ, если и не приобрѣталъ нашего уваженія, то все таки мы не относились къ нему враждебно. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ сознаться, что кое-чѣмъ мы обязаны были и Юрьеву.

Онъ первый обратилъ вниманіе на нашу виѣшность, на нашъ наружный видъ, на нашъ лоскъ, на нашу, такъ сказать, свѣтскость. При немъ типъ стараго кадета, «закала», какъ они сами себя называли, сталъ все менѣе и менѣе пользоваться авторитетомъ между слабохарактерными кадетами, а потому самъ собою исчезъ. Юрьевъ сталъ приглашать кадетъ по нѣсколько человекъ къ себѣ на обѣды по воскресеньямъ и на танцевальныя вечера, даже иногда и въ будніе дни, если танцевальный вечеръ устраивался въ будній день. По просьбѣ директора, кадетъ хорошо танцовавшихъ стали приглашать на балы губернаторъ и во многіе частныя дома: Позень, Милорадовичъ, М. А. Бѣлуха-Кохановскій и другіе. Юрьевъ почти постоянно посѣщалъ танць-классы, на которые прежде не только кадеты, но и ближайшее начальство не обращало вниманія, и танцовали мы по командѣ, даже тѣ воспитанники, которые дома танцовали ловко и любили танцы, въ корпусѣ на урокъ танцевъ, подъ влияніемъ «закаловъ», какъ бы конфузились показать свою ловкость и умѣніе управлять дамой въ легкихъ танцахъ; а ужъ о «закалахъ» и говорить нечего: тѣ просто безобразничали и нерѣдко послѣ танць-класса попадали въ карцеръ, или «къ барабанщику» во время обѣда. Иногда на урокъ танцевъ директоръ приводилъ съ собою жену и дочь. Присутствіе дамъ заставляло кадетъ быть сдержаннѣе. Тутъ ужъ танцоры, нестѣсняемые постороннимъ влияніемъ, выказывали свою ловкость и танцовали съ увлеченіемъ, и даже «закалы» старались, по возможности, попадать въ тактъ, чтобы не быть осмѣянными. По окончаніи экзаменовъ въ 1857 году, мы перешли въ 1-й специальный классъ и намъ объявили, что въ Дворянскій полкъ мы не поѣдемъ.

По окончаніи лагерей, къ началу учебнаго года къ намъ явились изъ Петербурга два молодыхъ офицера, преподавателя военныхъ наукъ: артиллеріи—лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка подпоручикъ Смирновъ, а тактики и военной исторіи,—лейбъ-гвардіи Литовскаго полка поручикъ Р—ръ; фортификацію же читалъ намъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка поручикъ Попелло-Давыдовъ.

Р—ра мы всѣ полюбили, онъ былъ очень обходителенъ съ нами, смотрѣлъ на насъ не какъ на дѣтей, а на юношей. Классъ учился у него очень хорошо, и онъ часто лучшихъ воспитанниковъ по его пред-

метамъ приглашалъ къ себѣ по праздникамъ на чай. Въ числѣ часто его посѣщавшихъ былъ и я, какъ имѣвшій по обимъ его предметамъ по 12 балловъ. Тамъ, въ уютной квартирѣ Александра Павловича Р—ра, за стаканомъ чая, у насъ шли оживленные бесѣды о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ, о новыхъ обличительныхъ статьяхъ, которыя стали появляться въ періодическихъ журналахъ. «Откупное дѣло», напечатанное въ «Современникѣ», я прочелъ по ночамъ, не имѣя времени читать днемъ, хотя въ то время чтеніе постороннихъ книгъ не только не запрещалось, а даже поощрялось инспекторомъ классовъ Бодянскимъ, который обращалъ особенное вниманіе на развитыхъ умственно кадетъ и протезировалъ имъ, не любя «зубрилъ» или, какъ онъ ихъ называлъ, «долбашекъ». Конечно, въ бесѣдахъ съ Риттеромъ разговоръ переходилъ иногда и на нашу внутреннюю корпусную жизнь и тогда главной темой были новыя выходки директора въ классахъ, его чудачества, или его распоряженія по корпусу. Впрочемъ, въ этихъ разговорахъ Риттеръ былъ довольно сдержанъ и, выслушивая наши рассказы, самъ передавалъ намъ только самые пикантные анекдоты, ходившіе о Юрьевѣ въ городѣ.

При вечернихъ посѣщеніяхъ нашей 1-й роты, переименованной тогда изъ гренадерской, гдѣ были по преимуществу сосредоточены всѣ воспитанники спеціального класса, кромѣ небольшихъ ростомъ, бывшихъ въ 3-й ротѣ, рекреационный залъ которой помѣщался въ одномъ корридорѣ съ нашимъ заломъ, инспекторъ классовъ Бодянский собиралъ около себя воспитанниковъ и, переваливаясь своей тучной фигурой съ ноги на ногу, ходилъ съ нами все время, которое оставалось до ужина, по длинному корридору 1-й и 3-й ротъ и здѣсь бесѣда, начинавшаяся сначала о научныхъ предметахъ, переходила затѣмъ на критику нашихъ генераловъ, которые, послѣ неудачъ Крымской кампаніи, не пользовались уваженіемъ Бодянского вообще, а нашъ генералъ въ особенности. Бодянский критически относился къ его распоряженіямъ, къ его вмѣшательству въ классныя занятія, называлъ его «мѣднымъ лбомъ», «красноштанникомъ», подсмѣивался надъ его безхарактерностью и самодурствомъ. Впрочемъ всѣ эти разговоры не могли вооружать насъ противъ директора, слабыя и смѣшныя стороны котораго нами самими отлично были подмѣчены; а его безтактность и безхарактерность и насъ начали злить. Какъ образцы безхарактерности и неустойчивости мнѣній директора приведу слѣдующіе два случая. Разъ, во время гулянья въ нашемъ корпусномъ саду, расположенномъ прямо противъ параднаго подъѣзда, прійдя въ куртину 1-й роты, директоръ, по обыкновенію, собралъ возлѣ себя кучку кадетъ спеціального класса и, говоря съ ними, высказалъ мнѣніе,

что ему кажется страннымъ запрещеніе взрослымъ кадетамъ имѣть при себѣ карманныя деньги, что онъ желаетъ, чтобы насъ не стѣсняли этимъ. Мы, конечно, остались весьма довольны такимъ его мнѣніемъ; а какъ многіе изъ насъ тайно имѣли при себѣ деньги, то черезъ нѣсколько дней, одинъ изъ воспитанниковъ, во время гулянья, не стѣсняясь присутствіемъ дежурнаго офицера штабъ-капитана Полонскаго, сталъ покупать у пирожника пирожки. На замѣчаніе дежурнаго офицера онъ отвѣтилъ, что директоръ разрѣшилъ имѣть при себѣ деньги, что было подтверждено и другими; а когда Полонскій доложилъ объ этомъ ротному командиру капитану Рубану, тотъ, не зная о такомъ разрѣшеніи, вѣроятно доложилъ директору и, по приказанію Юрьева, воспитаникъ тотъ, за имѣніе при себѣ денегъ, былъ посаженъ въ карцеръ на сутки.

Въ другой разъ, также прійдя къ намъ въ куртину, Юрьевъ въ нашемъ присутствіи развивалъ ту мысль, что какъ нелѣпо запрещеніе курить, что черезъ это кадеты курятъ въ душники, въ форточки, что слѣдуетъ даже отвести особую курительную комнату, гдѣ бы не стѣсняясь могли курить старшіе воспитанники и черезъ это куреніе уничтожилось-бы между младшими, такъ какъ старшіе, не стѣсняемые запрещеніемъ, сами слѣдили бы за маленькими кадетами и не позволяли бы имъ курить; тогда, какъ при запрещеніи, иногда даже унтеръ-офицеры ставятъ караулить маленькихъ кадетъ во время ихъ куренья и за это даютъ имъ въ награду или табаку, или свои окурки. Все это было вполне справедливо. «Я желаю, чтобы тѣ, кто курятъ—курили безъ стѣсненія», закончилъ свою рѣчь директоръ, обратясь къ батальонному командиру и къ дежурному по корпусу капитану и глядя по головѣ близъ стоявшаго возлѣ него кадета. (Это было обыкновеніе у Юрьева: или гладить по головѣ, или держать за погоню близъ стоявшаго кадета). Послѣ этого ужъ совершенно официальнаго разрѣшенія курить, всѣ курильщики, а въ числѣ ихъ и я, на гулянья курили не стѣсняясь присутствіемъ дежурнаго офицера и часто угощая его папиросами; а многіе завели даже портъ-сигары. Въ особенности доволенъ былъ разрѣшеніемъ курить одинъ изъ нашихъ товарищей, кадетъ Петрини, курившій, если можно такъ выразиться, запоемъ и прятавшій обыкновенно свой табакъ и всѣ курительныя принадлежности въ душлѣ дерева, ему одному извѣстнаго.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого разрѣшенія, директоръ пришелъ въ садъ и прямо въ куртину нашей 1-й роты, которая была крайняя направо отъ входа въ садъ, противъ губернаторскаго дома. Въ куртинѣ было сильно накурено. Юрьевъ почему-то былъ не въ духѣ.

Въ то время я былъ ужъ унтеръ-офицеромъ знаменщикамъ и за-

вѣдывалъ 1-мъ отдѣленіемъ въ 1-й ротѣ. Изъ ун.-оф. я первымъ попался ему на глаза. «Кто курилъ?» спросилъ у меня Юрьевъ, по обыкновенію прищуривъ глазъ и взявъ меня за погонь. Не видя болѣе въ куревнѣ запретнаго плода, я, можетъ быть, и назвалъ-бы того, кто курилъ, если бы видѣлъ, кто именно курилъ передъ приходомъ въ куртину директора; но не видавъ курившихъ, отвѣтилъ: «не знаю». «Какъ ты можешь не знать», вспылилъ Юрьевъ, «когда накурено возлѣ тебя; сейчасъ отвѣчай мнѣ: кто курилъ?» «Не знаю, не замѣтилъ, ваше превосходительство», отвѣтилъ я. «Снять съ него галуны!» сказалъ Юрьевъ, обращаясь къ Дубровину; тотъ щелкнулъ шпорами и дѣло тѣмъ кончилось. Я очень хорошо зналъ, что директоръ своею властью снять съ меня галуны не смѣетъ, безъ рѣшенія комитета, который долженъ былъ обсудить мой проступокъ, а проступка съ моей стороны никакого не было. Черезъ часъ послѣ этого, во время обѣда, Юрьевъ, подойдя ко мнѣ и положивъ одну руку мнѣ на голову, другою пробовалъ щи изъ моей тарелки, какъ бы ничего и не было.

Такія сумасбродства директора, неустойчивость во мнѣніяхъ, постоянныя колебанія взглядовъ, запрещеніе того, что нѣсколько дней передъ тѣмъ разрѣшалось, не могли внушать къ нему ни довѣрія, ни уваженія, не только со стороны взрослыхъ воспитанниковъ, но даже и младшихъ. Младшіе офицеры во время дежурствъ, въ разговорахъ съ нами, поддерживали своими разказами о директорѣ сложившееся у насъ о немъ мнѣніе. Но въ особенности возмущала насъ безхарактерность Юрьева въ дѣлѣ одного изъ нашихъ товарищей, кадета Ограновича.

Мы были ужъ во 2-мъ специальномъ классѣ, это было осенью 1858 года, за полъ-года до нашего производства. Когда наша 1-я рота строилась къ обѣду, въ залъ вошелъ командиръ роты капитанъ Рубанъ, бывшій въ тотъ день дежурнымъ по корпусу. Когда ужъ скомандовали «смирно» и фельдфебель дѣлалъ расчетъ по столамъ, во второмъ отдѣленіи произошелъ какой-то шумъ, кого-то изъ кадетъ вытолкнули изъ рядовъ. Ограновичъ стоялъ какъ разъ сзади того, кого вытолкнули. Рубанъ, не любившій Ограновича и предполагая, что вытолкнулъ онъ, приказалъ ему идти подъ арестъ. Ограновичъ, будучи совершенно не виноватъ, отвѣтилъ, что толкалъ не онъ. «А я вамъ все-таки приказываю идти подъ арестъ», возвыся голосъ сказалъ Рубанъ, и, обратившись къ дежурному по ротѣ ун.-оф., приказалъ отвести Ограновича въ карцеръ. «Я подъ арестъ не пойду», сказалъ Ограновичъ, «потому что я не виноватъ». «А когда такъ», закричалъ Рубанъ, «такъ я вамъ покажу какъ слушиваться и разговаривать во фронтѣ!» И съ этими словами, не приказавъ дежур-

ному офицеру вести роту къ столу, Рубанъ отправился къ директору. Черезъ четверть часа явился Юрьевъ и, вызвавъ Ограновича изъ фронта, приказалъ ему идти подъ арестъ. Тотъ повиновался. Больше мы Ограновича не видали. Недѣли черезъ три, изъ приказа по корпусу узнали, что Ограновичъ выписанъ на два года въ юнкера. Нѣкоторымъ изъ товарищей удалось проникнуть въ карцеръ, заплативъ солдату, и имъ Ограновичъ рассказывалъ, что Юрьевъ былъ у него и давалъ ему слово, что будетъ о немъ хлопотать въ комитетѣ, что ему арестъ вѣннтся въ наказаніе и сбавятъ нѣсколько балловъ за поведеніе,—что само-собою должно было помѣшать ему выйти въ артиллерію, куда онъ имѣлъ право рассчитывать быть выпущеннымъ, по своимъ успѣхамъ. И это было-бы весьма строгое наказаніе за его проступокъ; но Юрьевъ не только ни слова не замолвилъ о немъ въ комитетѣ, а напротивъ настаивалъ на болѣе строгомъ наказаніи. Все, что происходило въ комитетѣ, мы узнали отъ одного изъ преподавателей. Бѣдный Ограновичъ прослужилъ юнкеромъ почти 4 года и въ 1863 году, во время польскаго возстанія, я встрѣтился съ нимъ случайно въ мѣст. Избицѣ, куда временно былъ откомандированъ нашъ эскадронъ. Ограновичъ былъ только-что произведенъ въ подпоручики; а я ужъ былъ штабсъ-ротмистромъ.

Сочиненіе «Акаѳиста» было вызвано также безхарактерностью директора и неустойчивостью его въ своихъ мнѣніяхъ.

IV.

Дѣло было такъ. Передъ рождественскими праздниками 1858 года я получилъ отъ моего дяди и опекуна письмо и деньги съ просьбою пріѣхать къ нему въ отпускъ въ г. Кременчугъ, гдѣ онъ жилъ зиму. Дядя не могъ пріѣхать за мной самъ и зная, что воспитанниковъ спеціальнаго класса отпускаютъ въ отпускъ безъ «проводатыхъ», писалъ, что онъ не сомнѣвается, что меня отпустить одного, тѣмъ болѣе, что отъ Полтавы до Кременчуга всего 113 верстъ. Отпускъ этотъ для меня былъ крайне необходимъ. Не предполагая ѣхать въ 3-й спеціальный классъ и зная, что кончу курсъ съ правомъ на выпускъ въ артиллерію, я хотѣлъ посоветоваться съ моимъ двоюроднымъ дѣдомъ, командовавшимъ въ то время Кирасирскимъ Военнаго Ордена полкомъ, штабъ котораго былъ расположенъ въ 22 верстахъ отъ Кременчуга, въ г. Крыловѣ (Новогеоргиевскѣ), не будетъ-ли онъ противъ, если, отказавшись отъ выпуска въ артиллерію, я выйду къ нему въ полкъ, такъ какъ верховую ѣзду и лошадей я любилъ съ дѣтства

до страсти. Письмо отъ дяди было мною получено наканунѣ отпуска, слѣдующій день былъ воскресенье и въ деревню хотя отпустили въ субботу, но ротный командиръ объявилъ мнѣ, что такъ какъ за мной никто не прѣхалъ, то своей властью онъ отпустить меня одного не можетъ, чтобы я просился у директора. Я рѣшилъ попроситься послѣ обѣдни. Когда мы, по окончаніи службы, пришли въ роты, я вышелъ на площадку противъ боковыхъ церковныхъ дверей, съ которой шла лѣстница внизъ въ швейцарскую, и сталъ дожидать выхода изъ церкви директора. Черезъ вѣсколько минутъ онъ вышелъ, разговаривая съ полковникомъ Дубровинимъ, и замѣтивъ меня, прищуривъ глазъ, спросилъ: «что тебѣ, мой милый, надо?» Я объяснилъ ему мою просьбу. «Ну, что же», сказала Юрьевъ, положивъ мнѣ руку на голову, «поѣзжай, мой милый, съ Богомъ», и обращаясь къ Дубровину:—«черезъ полъ-года онъ будетъ офицеръ и не съумѣетъ взять подорожной; я полагаю, что онъ настолько надеженъ, что его можно отпустить одного». Дубровинъ щелкнулъ шпорами, въ знакъ согласія, и я, довольный успѣхомъ, вслѣдъ за нимъ, сбѣжалъ по лѣстницѣ въ квартиру ротнаго командира. Передавъ, что директоръ меня отпускалъ, я просилъ подписать билетъ; но Рубанъ, взглянувъ на мои волосы, сказалъ, что билета мнѣ не дасть до тѣхъ поръ, пока я не остригу волосъ. Не хотѣлось ѣхать въ отпускъ съ остриженными подъ гребенку волосами и потому я просилъ Рубана отпустить меня скорѣе; но онъ упорно стоялъ на своемъ приказаніи. Дѣлать было нечего. Я отправился на верхъ въ спальню, гдѣ барабанщикъ, по фамиліи «Савка», стригъ и брилъ отпускныхъ кадетъ. Попросивъ кого-то изъ товарищей уступить мнѣ очередь, я приказалъ Савкѣ не очень коротко остричь меня и, примочивъ водою выощіея волосы, пригладилъ ихъ щеткой, такъ чтобы Рубанъ не замѣтилъ, что они не коротко острижены, и опять пошелъ къ нему. Но Иванъ Романовичъ, запустивъ свои пальцы мнѣ въ волосы, нашелъ, что я остригся недостаточно коротко, и отправилъ меня опять наверхъ. Когда я вернулся во второй разъ въ его квартиру, Рубанъ сказалъ, что директоръ присылалъ за мной вѣстоваго съ приказаніемъ прійти къ нему на квартиру.

Взявъ шинель и фуражку, я отправился къ Юрьеву. Въ гостиной засталъ все семейство директора за кофе. Увидавъ меня, Никаноръ Ивановичъ всталъ и, положивъ руку мнѣ на голову, какъ бы извиняясь, сказалъ:

— «Знаешь-ли, мой милый, я передумалъ; не лучше-ли тебѣ праздники остаться здѣсь? Тебѣ скучно не будетъ, будешь приходить ко мнѣ, у насъ будутъ вечера, будешь съ нами на вечерахъ

въ другихъ домахъ; а отпустить тебя одного я не рѣшаюсь,—вдругъ гдѣ-нибудь на станціи встрѣтишься съ флигель-адъютантомъ; что подумають о нашемъ корпусѣ, увидавъ, что кадетъ ѣдетъ одинъ безъ провожатаго,—узнають въ Петербургѣ, мнѣ можетъ быть непріятность».

Выслушавъ эту тираду, я въ душѣ проклиналъ безхарактерность Юрьева и, вѣроятно, это отразилось на моемъ лицѣ, потому что дочь директора, Людмила Никаноровна, участливо предложила мнѣ танцовать съ ней на всѣхъ вечерахъ. Отказавшись отъ предлагаемаго мнѣ кофе, я вернулся въ роту.

Въ тотъ день дежурнымъ по ротѣ былъ поручикъ Коллертъ 1-й (Михаилъ), съ которымъ я былъ очень хорошъ и на имя котораго получалъ деньги. Коллертъ сидѣлъ, какъ теперь помню, за столикомъ около средней двери изъ корридора, возлѣ него были и. д. фельдфебеля нашей роты у.-о. Величковскій, у.-о. Прокофьевъ, кажется у.-о. Соболевскій и кадетъ нашего 2-го спеціального класса Пущкаренко-Овсѣенко. Я имъ разсказалъ всѣ подробности моего посѣщенія квартиры директора. Всѣ хотели и остряли надъ Юрьевымъ. «Давайте, господа, прославимъ и воспоемъ всѣ его глупости въ акаеистѣ»,—кому-то изъ насъ пришла мысль. «Отлично». Живо открыли ящики, достали карандаши и бумагу и каждый сталъ писать все, что зналъ и слышалъ о Юрьевѣ смѣшнаго. Потомъ все написанное порознь свели въ одно дѣлое, редактировали и озаглавили такъ: «Хваленіе акаеистомъ, рекомое мужу лису Никанору». Полнаго текста акаеиста я не помню. Свой экземпляръ потерялъ давно, во время моей военной службы; выдержки, приведенныя И. К. Зайцовымъ, (въ «Русской Старинѣ» изд. 1887 года, томъ LIV, стр. 686), вѣрны и напомнили мнѣ его окончаніе: «О преглупый педагоге! избави корпусъ отъ себя и не являйся къ намъ въ классы никогда, да забудь о тебѣ, вопіемъ-ти отъ сердца ай-люми!» Каждый изъ насъ участниковъ списалъ себѣ на память по экземпляру, давъ слово не распространять этого сочиненія между кадетами, никому не давать списывать, а прочесть только нѣкоторымъ изъ товарищей. Коллертъ получилъ также одинъ экземпляръ. Въ тотъ же день я телеграфировалъ дядѣ, что меня одного не отпускають и просилъ прислать за мной. Черезъ день за мной былъ присланъ дядей одинъ изъ его слугъ, въ видѣ провожатаго, и я уѣхалъ въ Кременчугъ. Такъ какъ четыре дня отпуска были для меня потеряны, то я, желая ихъ наверстать, запасся медицинскимъ свидѣтельствомъ и явился въ корпусъ только 12-го января.

Пріѣхавъ подъ вечеръ и не заѣзжая въ гостиницу, я прямо поѣхалъ къ парадному подъѣзду. Войдя въ швейцарскую и поздоровавшись

съ швейцаромъ, съ первыхъ же его словъ замѣтилъ, что въ мое отсутствіе въ корпусѣ произошло что-то неладное. Швейцаръ какъ-то таинственно и шепотомъ объявилъ мнѣ, что въ роту я идти не могу, а долженъ въ дежурной комнатѣ дожидаться дежурнаго по корпусу капитана. Подождая съ полъ-часа въ пріемной, туда вошелъ капитанъ Евдокимовъ, командиръ 3-й роты, у котораго я тоже былъ въ ротѣ, хотя и недолго. Я ему передалъ мой билетъ и свидѣтельство о болѣзни.

— «Викторъ Ивановичъ, почему это у насъ завелись такія строгости?» спросилъ я его, когда мы вмѣстѣ вышли изъ пріемной.

— «Кадеты сами виноваты», отвѣчалъ онъ. «Вотъ вы опоздали на цѣлую недѣлю, а не позаботились заранѣе увѣдомить о вашей болѣзни; вотъ пойду съ рапортомъ къ генералу, вѣроятно прикажутъ посадить васъ подъ арестъ».

— «Да какъ же я могъ знать заранѣе, что заболѣю»,—возразилъ я ему и при этомъ вспомнилъ ходившій между кадетами объ Евдокимовѣ анекдотъ объ «Артаксерксѣ въ коробочкѣ».

Обыкновенно, кадеты, имѣвшіе деньги, по субботамъ составляли записку, чего желаютъ купить, и по этой запискѣ ротный командиръ покупалъ имъ лакомства въ воскресенье, которое въ кулекъ и присылалось въ роту съ солдатомъ. Какой-то школяръ и написалъ въ запискѣ: «1 фунтъ Артаксеркса въ коробочкѣ». Конечно, ему ничего не было куплено; а вечеромъ, придя въ роту, Евдокимовъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ: «ну, братъ, извини, такого лакомства, что ты записалъ, весь городъ выходилъ, нигдѣ не нашелъ». Насколько справедливъ этотъ анекдотъ—не знаю, это случилось до моего поступленія въ корпусъ; но что этотъ анекдотъ былъ всѣмъ извѣстенъ, я увѣренъ, что всѣ мои одноклассники, прочтя эти воспоминанія о дорогомъ для всѣхъ насъ времени нашего дѣтства и юности, вспомнятъ и добрѣйшаго Виктора Ивановича Евдокимова и его розыскъ по городу «Артаксеркса въ коробочкѣ».

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

V.

Войдя въ роту, съ первымъ я встрѣтился съ Величковскимъ. «Будь остороженъ», шепнулъ онъ мнѣ, «а когда улягутся, я тебѣ расскажу чтѣ случилось». Кровати наши были рядомъ. Величковскій передалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ товарищей, Ромашкевичъ, списалъ у кого-то акаенствъ и распространилъ его по городу. Что одинъ экземпляръ попалъ къ жандармскому полковнику, который, за немѣнимымъ въ то время другихъ занятій, сообщилъ его въ Петербургъ, шефу жандармовъ, тотъ передалъ Ростовцову. Отъ Юрьева потребовали объясненій, а онъ самъ объ акаенствѣ не имѣлъ понятія. Что поэтому онъ приказалъ эконому Иванову, во что бы то ни стало, раздобыть ему акаенствъ, и Ивановъ, подмѣтя, что во время завтрака Коллертъ читалъ что-то дежурнымъ офицерамъ и положилъ прочитанное въ книгу, подсмотрѣлъ заглавие книги и передалъ о томъ директору. Юрьевъ послалъ вѣстоваго на квартиру Коллерта и, отъ имени мужа, просилъ М-ше Коллертъ прислать такую-то книгу, чтѣ она исполнила, ничего не подозрѣвая, и такимъ нечестнымъ путемъ акаенствъ былъ добытъ Юрьевымъ. Что прочтя этотъ памфлетъ, Юрьевъ заподозрилъ авторами его всѣхъ трехъ братьевъ Коллертовъ, и въ классѣ ариметики младшаго Коллерта Юрьевъ придрался къ нему и между ними произошла та сцена, которая совершенно вѣрно описана почтеннымъ И. К. Зайцовымъ ¹⁾. Сцена съ Коллертомъ произошла ужъ послѣ моего возвращенія изъ отпуска, во второй половинѣ января, и вотъ, послѣ отправленной учителями эстафеты съ жалобой на директора, Юрьевъ испросилъ разрѣшеніе ѣхать въ Петербургъ для объясненій. Въ день его отъѣзда, по окончаніи утреннихъ классовъ, въ роту зашелъ Рубанъ и приказалъ фельдфебелю, мнѣ и остальнымъ тремъ ун.-оф. 1-й роты и, кажется, еще нѣкоторымъ кадетамъ 2-го спеціального класса, въ числѣ которыхъ помню Федоровскаго, взять фуражки, накинуть шинели и идти съ нимъ. Мы не знали, куда и для чего и, исполнивъ приказаніе, нежными корридорами вышли на улицу и пришли въ квартиру директора, гдѣ увидѣли такъ-же унтеръ-офицера и нѣкоторыхъ кадетъ 2-го спеціального класса 3-й роты, а также ун.-оф. 2-й роты. Всѣ четыре ротныхъ командира были на лицо. Черезъ нѣсколько минутъ, изъ запертой двери въ гостинную вышелъ батальонный нашъ адъютантъ поручикъ Маралевскій

¹⁾ «Русская Старина» изд. 1887 г., т. LIV, стр. 687—688.

и передалъ приказаніе ввести кадетъ въ слѣдующую комнату. Тамъ, за столомъ, поставленнымъ посреди комнаты, на которомъ лежали какія-то раскрытыя книги, стоялъ Юрьевъ въ разстегнутомъ пальто, около него—батальонный командиръ, полковникъ Дубровинъ, затѣмъ стали сбоку всѣ ротные командиры, а насъ поставили противъ стола. Маралевскій сѣлъ сбоку стола, передъ нимъ лежали бумаги.

Объявивъ намъ, что онъ сегодня же уѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ будетъ имѣть счастье лично говорить съ государемъ императоромъ, Юрьевъ сказалъ, что онъ убѣжденъ, что кадеты не участвовали въ сочиненіи написаннаго на него пасквиля, что это дѣло нѣкоторыхъ изъ молодыхъ учителей, находившихся подъ вліяніемъ всегда враждебно къ нему относившагося инспектора классовъ, Бодянского. Потомъ вдругъ Юрьевъ сталъ задавать намъ вопросы. «Называлъ-ли меня Бодянский мѣдный лобъ?»—«Называлъ-ли меня красноштанникомъ?» «Говорилъ-ли передъ вами, что я невѣжда и, посѣщая классы, мѣшаю занятіямъ, ничего не смысля въ наукѣ?» И еще много вопросовъ, въ теченіи получаса, задавалъ намъ Юрьевъ. Пораженные необычайной для насъ обстановкой и какою-то таинственностью, которую былъ обставленъ этотъ допросъ, мы молчали. Одинъ только кадетъ 3-й роты нашего класса Р—скій, влюбленный въ Людмилу Никаноровну, на нѣкоторые вопросы отвѣчалъ утвердительно. «Я выгорожу васъ изъ этого дѣла», продолжалъ Юрьевъ, окончивъ допросъ; «мой кадеты не могутъ имѣть обо мнѣ такого мнѣнія. Я знаю, дѣти, что вы меня любите и не вы написали этотъ пасквиль, хотя вамъ его хотятъ приписать. Я лично доложу государю императору, что это не вы. Прощайте!» Насъ увели, приказавъ никому ничего не рассказывать о происшедшемъ. Въ тотъ-же вечеръ Юрьевъ уѣхалъ.

Съ отъѣздомъ Юрьева и мы приуныли; видимъ, что заварилась каша, а кому-то придется ее расхлебывать. Вѣдь, до производства оставалось всего четыре мѣсяца. Повѣрятъ-ли въ Петербургѣ, что аканстъ написанъ не кадетами? Оставить-ли розыскъ авторовъ и займутся-ли только разборомъ жалобы учителей на директора; или же захотятъ открыть авторовъ, что не трудно, такъ какъ въ дѣлѣ, въ которомъ участвуетъ не одно лицо, трудно сохранить тайну, хотя мы дали другъ другу клятву не выдавать никого, къ какимъ бы мѣрамъ при розыскѣ не прибѣгали, и если бы даже насъ разсадили подъ арестъ порознь и увѣрили, что остальные сознались, то допрашиваемый долженъ стоять на одномъ, что какъ самъ не писалъ, такъ и об участіи остальныхъ, сознавшихся, ничего не знаетъ.

Недѣли черезъ три вернулся Юрьевъ и вступилъ въ управленіе корпусомъ; а при посѣщеніи нашего 1-го отдѣленія 2-го спец. класса

не преминулъ хвастнуть, что имѣлъ счастье лично говорить съ государемъ императоромъ. Вступленіе Юрьева въ управленіе корпусомъ, насколько теперь припомню, встревожило всѣхъ подавшихъ на него жалобу; а назначеніе инспектировать корпусъ генерала Шлипенбаха еще болѣе приводило къ убѣжденію, что дѣло учителей проиграно. Почему-то предполагали, что Шлипенбахъ непременно приметъ сторону директора.

Кажется, въ половинѣ марта 1859 года, пріѣхалъ Шлипенбахъ.

Почтѣнный И. К. Зайцовъ ошибается, рассказывая, что передъ пріѣздомъ Шлипенбаха должность директора была передана Бодянскому ¹⁾). Насколько я помню, должность директора была передана Дубровину.

Въ первый же день пріѣзда, послѣ утреннихъ классовъ, генералъ осмотрѣлъ насъ въ спальняхъ у кроватей, былъ въ столовой во время нашего обѣда, а вечеромъ, не дежурный по ротѣ унт.-офицеръ, какъ всегда бывало, а ротный командиръ прочелъ намъ приказъ Шлипенбаха, изъ котораго мы узнали, что инспекторъ классовъ статскій совѣтникъ Бодянской устраняется отъ должности, а поручикъ Риттеръ арестуется. Въ этотъ же вечеръ мы узнали, что на слѣдующій день Шлипенбахъ произведетъ баталіонное ученіе въ залѣ 1-й роты, чтобы показать намъ, что онъ прислалъ инспектировать корпусъ, а не производить слѣдствіе надъ нашимъ директоромъ.

На слѣдующій день, послѣ утреннихъ классовъ, мы одѣлись въ полную форму и 1-й взводъ нашей роты отправился въ квартиру директора за знаменемъ. Я съ Маралевскимъ вошли въ залъ взять знамя; двери въ слѣдующую комнату были заперты. Этотъ этажъ занималъ Шлипенбахъ. Ученіе состояло изъ ружейныхъ пріемовъ и церемональнаго марша. Шлипенбахъ ученіемъ остался очень доволенъ, и этимъ смотромъ тревоги наши закончились. Насъ оставили въ покоѣ и о ходѣ слѣдствія мы ничего не знали, да намъ было и не до того, такъ какъ наступили выпускные экзамены, присутствовать на которыхъ въ выпускномъ классѣ былъ присланъ генералъ Политковский. Вслѣдъ за отъѣздомъ Шлипенбаха уѣхалъ вторично въ Петербургъ Юрьевъ и всѣ выпускные экзамены прошли въ его отсутствіе.

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1887 г., т. LIV, стр. 688.

VI.

Я окончилъ экзамень съ правомъ на выпускъ въ артиллерію, но, желая служить въ кавалеріи и въ виду того, что весною 1859 года кирасирскіе полки были переформированы изъ полковъ въ дивизіоны, по совѣту дѣда, записался въ Елисаветградскій гусарскій ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Николаевны полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Богущевскій, пріятель моего дѣда, человекъ, по рекомендаціи его, весьма строгій и требовательный по службѣ, «но который сдѣлаетъ изъ тебя лихого кавалериста», такъ закончилъ свою рекомендацію будущаго моего полковаго командира мой покойный дѣдъ.

Въ концѣ нашихъ экзаменовъ вернулся изъ Петербурга Юрьевъ, но ужъ не вступалъ болѣе въ должность и были слухи о назначеніи къ намъ директоромъ генераль-маіора Тихоцкаго. По окончаніи всѣхъ экзаменовъ, когда присланныя намъ ваканціи были разобраны, Юрьевъ пожелалъ проститься съ выпускными кадетами. Намъ привели къ нему на квартиру и поставили въ залѣ по экзаменнымъ балламъ: на правомъ флангѣ—изъявившихъ желаніе ѣхать въ 3-й специальный классъ и артиллеристовъ, затѣмъ выходящихъ подпоручиками въ пѣхоту, послѣ нихъ кавалеристовъ, потомъ выходящихъ въ пѣхоту прапорщиками и на лѣвомъ флангѣ выпускаемыхъ въ линейные батальоны и въ гарнизонъ. Никаноръ Ивановичъ вышелъ къ намъ въ сюртукъ безъ эполетъ. Мы его около двухъ мѣсяцевъ не видали и онъ намъ показался очень измѣнившимся и печальнымъ. Поздоровавшись съ нами и поздравивъ съ окончаніемъ экзаменовъ, Никаноръ Ивановичъ сталъ обходить ряды и у каждого спрашивалъ, куда онъ выходитъ. Остановившись передо мною и узнавъ, что я выхожу въ гусары, онъ выразилъ изумленіе. Я ему объяснялъ, что по экзамену имѣю право ѣхать въ 3-й специальный классъ, или выйти въ артиллерію и саперы, но выхожу старшимъ корнетомъ въ гусары, желая служить въ кавалеріи. «Отчего же, мой милый, ты не записался въ конную артиллерію?» спросилъ меня Юрьевъ. — «Оттого, ваше превосходительство, что въ конную артиллерію не было прислано ни одной ваканціи». — Жаль, мой милый, что ты мнѣ не сказалъ объ этомъ ранѣе, когда я ѣздилъ въ Петербургъ, я бы выхлопоталъ для тебя имянную ваканцію въ конную артиллерію».

Обойдя всѣхъ, Юрьевъ вышелъ на среднюю залу и произнесъ намъ рѣчь, изъ которой я помню, что нашъ выпускъ онъ считаетъ своимъ, «въ лицѣ васъ всѣхъ я даю арміи отличный процентъ»,

воскликнулъ Юрьевъ и, пожелавъ намъ счастливой службы, перецѣловалъ насъ и простился.

Болѣе мы его не видали и черезъ нѣсколько дней онъ выѣхалъ съ семьей изъ Полтавы.

Съ уходомъ кадетъ въ лагери, мы остались въ городѣ въ отвѣденной для насъ выпускныхъ казармѣ, такъ какъ въ самомъ зданіи корпуса начались обыкновенныя ремонтировки. Казарма эта была для насъ на-скоро приготовлена; въ ней помѣщалась, кажется, швальня. Помѣщеніе состояло изъ одной большой залы, которая служила намъ и спальней и столовой. Чтò здѣсь происходило,—одному Богу извѣстно! Безначаліе было полное. Для вида, къ намъ назначали дежурить раненыхъ офицеровъ, которые, въ числѣ нѣсколькихъ человекъ, были прикомандированы къ корпусу, послѣ крымской кампаніи. Между ними я помню Веймарскаго гусарскаго полка поручика Бѣлявскаго, раненнаго въ руку, и безногаго маіора, какого-то пѣхотнаго полка, Ивана Ивановича Половскаго, нашего общаго любимца. Офицеры эти иногда и заходили къ намъ, но замѣчаній никакихъ не дѣлали; да и некому было дѣлать, потому что ни фельдфебелей, ни унтеръ-офицеровъ ужъ болѣе не было, а были прапорщики, подпоручики и корнеты. Впрочемъ, въ этихъ казармахъ, или вѣрнѣе «Содомахъ», я прожилъ нѣсколько дней, потому что получилъ отпускъ для обмундировки, и уѣхалъ къ себѣ въ нѣвніе, въ Орловскую губернію, а потомъ въ Харьковъ, гдѣ мнѣ дѣлалась обмундировка. Наконецъ, высочайшимъ приказомъ, отданнымъ въ Петербургѣ 15-го іюля 1859 года, мы были произведены въ офицеры со старшинствомъ съ 16-го іюня. Восторгъ былъ неописанный! 10-го августа мы присягали въ корпусной нашей церкви, подъ нашимъ знаменемъ, которое я передалъ, назначенному послѣ меня знаменщикомъ, унтеръ-офицеру Маламѣ 2-му. Послѣ присяги мы обѣдали въ корпусной столовой и въ тотъ же вечеръ большинство изъ насъ, получивши 28 дневный отпускъ, разъѣхалось. Новаго директора корпуса, генераль-маіора Тихоцкаго, мы видѣли только въ день присяги.

Къ декабрю 1890 года минетъ 31 годъ съ того дня, когда мы съ офицерскими эполетами получили право гражданъ. Группа товарищей кадетъ передо мною. Гдѣ они? Много-ли соберется насъ, въ день юбилея, подъ кровъ роднаго и дорогаго намъ Петровскаго Полтавскаго кадетскаго корпуса?

Л. В. Бартавцовъ.

5-го августа 1887 года.

С. Знаменское.

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ МАЛОАРХАНГЕЛЬСКѢ

въ 1830-хъ гг.

Въ исторіи государства Россійскаго ничѣмъ не знаменитъ этотъ городокъ Орловской губ., въ географическомъ отношеніи расположенный на болотѣ, при впаденіи въ него большой лужи и нѣсколькихъ малыхъ ручьевъ.

Не славенъ онъ даже тѣмъ, что составляетъ гордость обывателей той же губерніи города Болхова, построеннаго, по мѣстному преданію, на «свиной дорогѣ», какъ называется преданіе тотъ горькій историческій путь, которымъ съ огнемъ и мечомъ прошолъ Батый землю русскую, раздорами и ничтожествомъ своихъ великихъ и обыкновенныхъ князей преданную ему на разграбленіе.

Между прочимъ такому историческому, хотя не особенно завидному, происхожденію Болхова приписываются замѣчательные нравы его гражданства и купечества, равно мѣщанъ, славившихся нѣкогда на всю губернію своею грубостію въ жизни, въ одеждѣ, но въ особенности—въ рѣчи. Употребленіе извѣстныхъ бранныхъ словъ и выраженій пользовалось въ недавнію старину въ Болховѣ полнымъ правомъ гражданства. Эти этнографическія особенности болховскихъ обывателей настолько выдавались, что въ губерніи образовался особый типъ, такъ называемой, «болховщины», хорошо знакомый всякому коренному жителю Орловской губерніи.

Но даже и такую извѣстностью не пользуется г. Малоархангельскъ, по внѣшности своей развѣ мало чѣмъ уступающій классическому г. Землянку: соломенные крыши, заросшіе пустыри, скотоводство на улицахъ, каменный острогъ и нѣсколько таковыхъ же партикулярныхъ зданій.

Изъ новѣйшей, пореформенной исторіи этого города извѣстны и

уже, если не ошибаюсь, имѣли мѣсто въ печати, два историческихъ факта; оба они относятся къ явленіямъ одного и того же порядка и характерны въ бытовомъ отношеніи. А именно, многоль, малоль лѣтъ тому назадъ, въ одинъ мрачный осенній день на улицѣ Малоархангельска, передъ зданіемъ его присутственныхъ мѣстъ, совершенно утонула въ грязи (sic) и погибла корова. Такая же опасность угрожала, во второмъ случаѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, человѣку; но своевременными и дружными усиліями представителей города, земства и администраціи онъ былъ спасенъ отъ смерти.

Тѣмъ не менѣе въ этомъ городѣ былъ Пушкинъ, и вотъ какое преданіе о посѣщеніи Малоархангельска великимъ поэтомъ слышалъ я отъ одного старожила.

Пушкинъ былъ въ Малоархангельскѣ проездомъ, въ послѣднюю эпоху своей жизни, когда слава его гремѣла по всей Россіи. Извѣстно было, что онъ камеръ-юнкеръ, вхожъ ко двору и что къ нему милостивъ даже самъ суровый государь Николай Павловичъ. Послѣднія обстоятельства извѣстны были, разумѣется, съ надлежащими въ провинціи искаженіями и преувеличеніями, и приказному люду города Малоархангельска, и придавали Пушкину, въ глазахъ этого люда, значеніе большого столичнаго начальства, по крайней мѣрѣ генерала. Это неправильное представленіе объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ было причиной крушнаго недоразумѣнія, происшедшаго между поэтомъ и малоархангельскими властями.

Пушкинъ, гласитъ преданіе, пріѣхалъ въ Малоархангельскъ поздно вечеромъ, и сильно утомленный дорогою, захотѣлъ переночевать здѣсь. Понятно, въ тѣ времена никакой цивилизаціи въ Малоархангельскѣ еще не было и, украшающее нынѣ городъ, общественное, рѣшительно универсальное, учрежденіе съ надписью «кофе-ресторанъ» отсутствовало, такъ что великому поэту пришлось остановиться и расположиться на постояломъ дворѣ.

Власти тотчасъ узнали о пріѣздѣ Пушкина и провели ночь тревожно, въ ожиданіи, быть можетъ, ревизіи; а съ ранняго утра всѣ они въ полномъ комплектѣ, въ парадныхъ мундирахъ, при старшихъ орденахъ и съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ во главѣ, сочли своей обязанностью, по долгу службы и присяги, явиться на постоялый дворъ и представиться А. С. Пушкину, какъ начальству: не будетъ-ли какихъ-либо приказаній.

Итакъ облачившись и принявъ видъ, каждый сообразно своему чину, съ почтеніемъ переступили они за порогъ постоялаго дома, вошли въ переднюю и представились сначала человѣку Пушкина.

Тотъ принялъ ихъ хорошо и объяснилъ, что баринъ его почиваетъ, а когда проснется неизвестно — должно быть нескоро, потому что сильно утомленъ дорогой.

Вполнѣ удовлетворенные объясненіями челоѣка, власти въ передней и въ сѣняхъ расположились дожидаться пробужденія особы....

Бѣдные прождали до самаго полудня, когда, наконецъ, проснулся Пушкинъ и всталъ въ дурномъ расположеніи духа.

Услышавъ за стѣной, въ нѣкоторомъ родѣ, «шопоть, робкое дыханье», поэтъ обратился за объясненіемъ причины къ своему челоѣку, и тотъ доложилъ ему все подробно.

— Гоня ихъ въ шею, дураковы! закричалъ, неизвестно съ чего разсердившійся, Пушкинъ своему челоѣку, къ неопisanному удивленію и еще большому ужасу малоархангельскихъ властей, ясно слышавшихъ грозный окрикъ и, такъ сказать, во исполненіе его, мгновенно исчезнувшихъ съ постоялаго двора.

Но когда первый страхъ прошелъ и когда Пушкинъ, напившись чаю, уѣхалъ изъ города безъ всякихъ послѣдствій, малоархангельскія власти не знали куда дѣваться отъ радости и поздравляли другъ друга, если съ не вполнѣ благосклоннымъ приѣмомъ ихъ Пушкинымъ, то съ вполнѣ благополучными проводами столь знаменитой и важной начальственной особы.

Примѣчаніе. Записано въ 1882 г., въ Малоархангельскѣ, на постояломъ дворѣ.

Сообщ. Влад. Вас. Птицынъ.

БОЛГАРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ въ 1876 — 1878 гг.

V¹⁾.

По скромному виду болгарскихъ ополченцевъ, по ихъ простотѣ и спокойствію, никакъ нельзя было бы въ нихъ допустить боевыхъ качествъ, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, это были «львы-воины»; всѣ они воодушевлены были чувствами любви къ угнетенному своему отечеству, въ идеѣ у нихъ было одно—пролить кровь за освобожденіе дорогой родины. По причинѣ-ли такой скромной наружности болгарскихъ ополченцевъ, или же въ силу сложившагося общаго убѣжденія въ томъ, что болгары утратили всякія боевыя качества и что, поѣтому, какъ боевой матеріалъ, они ничего не стоятъ²⁾, начальникъ полевого штаба былъ такого мнѣнія, чтобы не пускать въ дѣло болгарскаго ополченія, изъ одного, конечно, опасенія, чтобы болгарскіе ополченцы не подверглись паническому страху при встрѣчѣ съ вооруженными турками, какъ это случилось съ сербскими войсками въ бояхъ ихъ съ турками въ 1876 году. Генераль-адъютантъ Непокойчицкій находилъ, поѣтому, болѣе подходящимъ для болгарскаго ополченія возложить на него несеніе гарнизонной службы въ городахъ, по мѣрѣ освобожденія ихъ отъ турокъ нашими войсками. Я не разъ пробовалъ убѣдить А. А. Непокойчицкаго, что болгарское ополченіе не только что не допустить себя до такого скандала, какому подвергались сербскія войска въ 1876 году, но что оно будетъ очень храбро драться съ турками, такъ какъ турки для него совсѣмъ нестрашны; съ другой стороны, и генераль Столѣтовъ, при всѣхъ случаяхъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1889 г., томъ LXII, апрѣль, стр. 135—141.

²⁾ У насъ въ Россіи только сербовъ считали народомъ храбрымъ, но война сербовъ съ турками въ 1876 г., да съ болгарами въ 1885 г., показала въ нихъ инія качества.

И. С. И.

старался доказать необходимость допущения болгарских дружин участвовать в боях с турками, но начальник полевого штаба оставался непоколебим в своем убеждении. По крайней мере, 31-го мая болгарское ополчение выступило из Плоешть, по направлению к Дунаю, не будучи зачисленным в состав каких-либо частей войск. Затем, когда великий князь главнокомандующий сдѣлалъ послѣднія распоряженія о передвиженіяхъ и сосредоточеніи войскъ въ окрестностяхъ, прилежавшихъ къ пунктамъ переправы, болгарское ополчение получило приказаніе идти за 12-мъ корпусомъ по направленію къ Зимницѣ, но все-таки оно не вошло в составъ тѣхъ частей войскъ, которыя перешли Дунай съ 14-го на 15-е іюня. Спустя, однако, три дня послѣ переправы у Систова известныя части войскъ, болгарское ополчение, въ составѣ 6-ти дружинъ, уже назначено было въ составъ передоваго отряда, сформированнаго по приказу, состоявшемуся по арміи 18-го іюня, и съ 20-го на 21-е іюня, вмѣстѣ съ кавалеріею, назначенною въ составъ этого отряда, перешло Дунай, не входя въ Систовъ, чтобы показать себя болгарамъ и порадовать ихъ собою, двинулось къ Церевицу съ передовымъ отрядомъ. Назначенный начальникомъ отряда и, какъ извѣстно, вызванный изъ Петербурга, генераль-лейтенантъ Гурко нагналъ свой авангардъ уже на походѣ за Царевцомъ въ Ботакѣ, гдѣ онъ осматривалъ и болгарское ополчение, произведшее на генерала прекрасное впечатлѣніе, который ободрилъ его надеждою на скорое и безусловное въ этотъ разъ освобожденіе Болгаріи. Воодушевленные мыслью, что будутъ участвовать въ великомъ событіи—освобожденіи родины, болгарскіе воины съ такимъ воодушевленіемъ совершали свой походъ, что, кажется, они и земли подъ своими ногами не чувствовали. Столица славныхъ болгарскихъ царей—Тырново, этотъ красивѣйшій въ мірѣ по своей природѣ городъ, гдѣ никогда не угасала великая идея о восстановленіи болгарскаго царства, у нихъ изъ головы ни на минуту не выходилъ: на яву и во снѣ мерещилась имъ Трепезица—гдѣ красовались пятьсотъ лѣтъ тому назадъ дворцы царей болгарскихъ. Рекогносцировка окрестностей, какъ Тырново, такъ и Сельви, Ловчи, Плевны и другихъ, составлявшая предметъ этого доблестнаго отряда, обратилась въ скорости въ наступленіе. Передъ вечеромъ 25-го іюня, Тырново—этотъ важный стратегическій пунктъ, составляющій ключъ къ горнымъ балканскимъ проходкамъ—былъ уже въ рукахъ освободителей. Въ Тырново первымъ вошелъ, какъ извѣстно, съ сотнею казаковъ, князь Цертелевъ, въ качествѣ урядника Кубанскаго полка, какъ знакомый еще прежде съ внутреннимъ расположеніемъ этого города. Это былъ, поистинѣ, день великій, день воскресенія болгаръ отъ пивѣковаго турецкаго раб-

ства. Въ восторгѣ отъ этого величайшаго событія, такого событія, котораго болгарскій народъ ждалъ цѣлыхъ пять столѣтій, болгары—мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти, бросались къ ногамъ солдатъ и офицеровъ, не разбирая званій, и, цѣлуя имъ руки и ноги, кричали: «ура! да живѣй нашъ Царь-Освободитель!»...

30-го іюня прибылъ въ Тырново съ полевымъ штабомъ и августѣйшій главнокомандующій и былъ встрѣченъ болгарами съ необыкновенною торжественностью и воодушевленіемъ. Все населеніе, отъ велика до мала, во главѣ съ духовенствомъ, въ облаченіяхъ, съ хоругвями, крестами, встрѣчало великаго князя главнокомандующаго на морномъ полѣ. Всѣ дома украшены были флагами, улицы покрыты коврами, къ его высочеству подходили съ букетами, цѣлуя у него фалды и его лошадь. Всѣ тырновскія болгарки и воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній, во главѣ съ наивтеллигентнѣйшею въ Тырновѣ болгаркою-патриоткою Евгенею Кисимовою, явились къ его высочеству въ палатку и, послѣ пропѣтія хвалебнаго и благодарственнаго гимна, Кисимова произнесла по болгарски рѣчь въ томъ смыслѣ, что болгарскій народъ, не перестававшій съ момента утраты имъ политической самостоятельности уповать на царей Россійскихъ, нынѣ получаетъ свою свободу изъ рукъ величайшаго изъ царей—царя Александра Николаевича, которому да даруетъ Всевышній Господь многолѣтія на радость и славу Болгаріи и Россіи, «вашему же высочеству», сказала Кисимова,—«желаемъ быть царемъ нашей великой Болгаріи». На это великій князь отвѣтилъ: «Это дѣло послѣднее, а теперь, да поможетъ намъ Господь пойти впередъ, чтобы освободить и другія части вашей обильной и прекрасной Болгаріи». Еще раньше, именно 16-го іюня, систовское населеніе имѣло счастье видѣть въ своемъ городѣ, первомъ изъ освобожденныхъ въ Болгаріи, державнаго виновника начатаго великаго дѣла—освобожденія Болгаріи—Государя-Освободителя. Трудно описать восторженныя чувства радости, которыми, такъ сказать, пылало болгарское населеніе. Весь рѣшительно народъ, отъ старца до груднаго ребенка—все это встрѣчало, съ чувствомъ особаго благоговѣнія, сопровождало по городу государя императора, цѣлуя его руку, одежду, лошадь, поднося его величеству цвѣты и бросая ихъ ему въ ноги.

Въ одно изъ посѣщеній г. Ситово, Государь Императоръ, прѣзжая по городу, въ сопровожденіи своей августѣйшей свиты, изволилъ обратить свое милостивое вниманіе на одинъ выдававшійся по своей фигурности домикъ въ нижней части города, прилегающей къ Дунаю, и пожелалъ войти въ этотъ домъ, оказавшійся принадлежавшимъ одному изъ братьевъ Станчевыхъ, выдававшихся передъ войною систовскихъ негодяиновъ. Въ это время въ домъ не оказалось никого

изъ членовъ семейства, такъ какъ семья эта сопровождала государя во время его проѣзда. Направленіе его величества къ этому дому первая замѣтила молодая 15-ти лѣтняя дочь Станчева и побѣжала впередъ въ домъ, на-скоро успѣла взять поднось, поставить на немъ банку съ вареньемъ и выйти на встрѣчу государю, въ то время, когда его величество входилъ въ залу, и бойко подойдя къ его величеству, поставила поднось на столъ передъ государемъ и потомъ поцѣловала его руку, привѣтствовала Царя-Освободителя по болгарски словами: «добрѣ хошелъ царю честитый, Освободителю славный». Государь императоръ милостиво предложилъ молодой, живой и бойкой болгарочкѣ сѣсть на диванъ рядомъ съ его величествомъ и изволилъ спросить ее: какіе языки она знаетъ, на что Станчева отвѣтила: «знамъ болгарски», — а еще какой языкъ?—«іюште знамъ», сказала Станчева, «по грѣцки»,—а еще? изволилъ продолжать спрашивать ее государь, «знамъ турски»,—а еще?—«іющо», отвѣтила Станчева на этотъ разъ, «іюшти знамъ по нѣмски». — «Ну такъ теперь, изволилъ сказать государь, мы разговоримся съ вами». Въ это время тихонько, почти украдкой, какъ бы желая быть незамѣченнымъ, вошелъ въ комнату самъ Станчевъ, отецъ этой дѣвушки, и, подбираясь къ стѣнѣ, протянулъ руку, чтобы снять висѣвшій на ней между другими портретъ султана, но когда это замѣтилъ великій князь главнокомандующій, махнулъ ему рукою и сказалъ: «не снимай султана, это мой пріятель». Далѣе государь продолжалъ спрашивать Станчеву по нѣмецки, гдѣ она выучилась нѣмецкому языку,—«въ Вѣнѣ», отвѣтила она,—а рады-ли болгары нашему приходу?—«Ваше царское величество!» отвѣтила Станчева, «мы ожидали васъ какъ Бога-избавителя, безъ вашей царской помощи болгары всѣ до одинаго погибли бы»... Затѣмъ государь вышелъ и дошелъ пѣшкомъ до катера, на которомъ изволилъ отправиться въ Зимницу. Весь городъ провожалъ его величество до самой гавани, привѣтствуя его и бросая въ его ноги цвѣты... На другой день государь императоръ изволилъ прислать m-lle Станчевой брилліантовыя серьжки, а ея отцу золотую медаль. Всѣ приходившіе поздравлять Станчевыхъ съ царскими подарками цѣловали эти вещи, какъ святошь, вышедшую изъ рукъ Царя-Избавителя.

Въ Систовѣ, въ скорости послѣ его занятія, возстановленъ былъ городской совѣтъ, въ родѣ нашего городского общественнаго управленія, но съ тою разницею, что при турецкомъ управленіи членами были турки, а теперь членами его стали одни только болгары-систовцы, да затѣмъ послѣдовало и назначеніе губернатора. Выборъ палъ на филиппольскаго болгарина Найдена-Герова, человѣка пожилыхъ лѣтъ, получившаго образованіе въ Одессѣ, въ Ришельевскомъ лицѣѣ, который

передъ тѣмъ долгое время состоялъ русскимъ вице-консуломъ въ Филипполѣ. Назначеніе губернаторомъ въ первомъ занятомъ нашими войсками придунайскомъ городѣ природнаго болгарина не могло не произвести самаго лучшаго впечатлѣнія на населеніе Систова и другихъ городовъ ¹⁾. Въ этомъ болгары увидѣли особенное къ нимъ благоволеніе, вполне убѣдившись въ то-же время, что иностранные агенты только злословили на Россію, приписывая ей передъ тѣмъ завоевательные замыслы, т. е. что будто бы она освобождаетъ Болгарію для того, чтобы ее затѣмъ присоединить къ своимъ владѣніямъ.

Систовъ—весьма интеллигентный придунайскій городъ; онъ производилъ на всѣхъ вообще прекрасное впечатлѣніе, а на меня особенно пріятное, такъ какъ съ нимъ меня связывали хорошія воспоминанія о давно минувшихъ временахъ, когда я впервые тамъ въ училищѣ, гдѣ я учился, прочелъ въ данной мнѣ учителемъ какой-то исторіикѣ, подъ заглавіемъ «Царственникъ», о томъ, что когда-то было Болгарское царство и что въ Тырновѣ царствовали болгарскіе цари. Это было давно, 30 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1847 году. Въ этомъ городѣ я учился въ одномъ изъ существовавшихъ тамъ училищъ, учителемъ котораго сначала состоялъ болгаринъ Енчо, а потомъ сталъ таковымъ Михайловскій, болгаринъ изъ Елены, окончившій курсъ средняго образованія въ Одессѣ; учился я тамъ съ моимъ товарищемъ, извѣстнымъ дѣятелемъ Драганомъ Цанковымъ ²⁾ и вмѣстѣ съ нимъ жилъ въ домѣ его отца, въ то время старика уже весьма набожнаго, читавшаго по цѣлымъ ночамъ псалтырь и акаѣсты, а затѣмъ, осенью въ томъ-же 1847 году, я былъ отправленъ моимъ отцомъ для полученія средняго и высшаго образованія въ Кіевъ. Тамъ, именно въ Кіевѣ, я уже засталъ Драгана Цанкова, на полгода раньше меня туда отправившагося и уже приготавливашагося къ поступленію во 2-й классъ гимназіи. Въ Кіевѣ въ то время была дѣлая компанія молодыхъ болгаръ, стекшихся туда изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи для образованія, именно ихъ было до 50 юношей, по возрасту отъ 15 и до 22 лѣтъ. Въ числѣ ихъ былъ преспособнѣйшій молодой болгаринъ, родомъ изъ Систова, Дмитрій Катроновъ, впоследствии студентъ московскаго университета, гдѣ онъ сталъ извѣстенъ Тургеневу, изобразившему его въ извѣстномъ своемъ романѣ «Наканунѣ», подъ именемъ Инсарова.

¹⁾ Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года г. Геровъ, вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній, дошедшихъ до князя Черваскаго, былъ отчисленъ отъ этой должности и систовское губернаторство перешло въ вѣдѣніе генерала Золотарева, считавшагося рущукскимъ губернаторомъ.

²⁾ Тогда онъ носилъ имя Дмитрій, а фамилію Гика.

За эти тридцать лѣтъ ¹⁾, въ продолженіе коихъ я не видѣлъ Болгаріи, эта страна стала неузнаваемою во всѣхъ отношеніяхъ. Болгарія особенно поражала своими гигантскими успѣхами въ дѣлѣ образованія и распространенія грамотности въ особенности. Въ 1847 г., когда я еще учился въ Сивтовѣ, во всѣхъ церквахъ преобладалъ еще греческій языкъ, на которомъ совершалось и богослуженіе болгарскими священниками, умѣвшими только читать по гречески, но ни одного слова непонимавшими. Первымъ дѣломъ Дмитрія Гики или, впоследствии, Драгана Цанкова въ 1876 г. было, когда въ Сивтовѣ пріѣхалъ тырновскій митрополитъ грекъ Иларіонъ, сдѣлать ему непріязненныя демонстраціи, а потомъ послѣдовало и сожженіе всѣхъ церковныхъ греческихъ книгъ. Этому примѣру послѣдовали затѣмъ и во многихъ другихъ городахъ и не переставали истреблять греческія книги въ Болгаріи, пока тамъ господствовала греческая іерархія, но съ возстановленіемъ болгарской іерархіи, въ 1863 году, все получило вполне національное направленіе ²⁾. Церковный вопросъ въ Болгаріи—это былъ чисто политическій вопросъ въ полномъ смыслѣ.

Проѣзжая деревни и города въ Болгаріи въ 1877 г., я изумился громадному числу грамотныхъ и образованныхъ молодыхъ болгаръ. Болгарія, по грамотности населенія, еще въ 1877 г. стояла выше своихъ сосѣдей, какъ напримѣръ, сербовъ и румынъ. Располагая такимъ контингентомъ образованныхъ людей, гражданское управленіе въ Болгаріи въ 1877—1878 гг. не встрѣчало ни малѣйшаго затрудненія въ организованіи общественныхъ управленій, какъ городскихъ совѣтовъ (городскихъ управъ), окружныхъ совѣтовъ (губернскихъ земскихъ управъ) и управительныхъ совѣтовъ—учрежденій въ родѣ нашихъ губернскихъ управленій, а также судебныхъ совѣтовъ (окружныхъ судовъ) и, впоследствии, апелляціонныхъ судовъ. Всѣ должности въ поименованныхъ учрежденіяхъ были замѣщены, большею частью, мѣстными болгарами, получившими среднее и высшее юридическое образованіе частью въ Россіи, частью въ разныхъ мѣстахъ Западной Европы, но миссіонерское училище «Robert Kollege» въ Константинополѣ дало наибольшій контингентъ молодыхъ образованныхъ болгаръ, владѣвшихъ французскимъ, англійскимъ и турецкимъ языками. Вотъ эти молодые болгары, во все время войны,

¹⁾ Считая, конечно, съ того времени, т. е. съ 1877 года.

²⁾ Никогда ничѣмъ Болгарія не оплатится и передъ гр. Н. П. Игнатьевымъ за тотъ сильный толчокъ, который онъ далъ ея національному дѣлу.

И. С. И.

состояли переводчиками при разныхъ начальникахъ частей войскъ, какъ, напримѣръ, у начальниковъ дивизій, корпусныхъ командировъ и т. п., содѣйствуя имъ и по всѣмъ другимъ дѣламъ.

Мѣстность отъ Дуная до Тырнова въ состояніи была очаровать кого угодно. Эти прекрасныя поля, на которыхъ собранный хлѣбъ и сѣно стоялъ уже въ то время въ копнахъ, усѣянные прекрасными фруктовыми деревьями, эти фонтаны съ прекрасною ключевою водою ¹⁾, отличныя шоссежныя дороги, прекрасныя дома, при томъ полныя скотомъ двory болгаръ—все это представляло панораму. А древняя болгарская столица Тырново?—это въ высшей степени очаровательный городъ. Это, повистивъ, красивѣйшая панорама. Никто такъ щедро не пользовался произведеніями страны въ это лучшее время года, какъ интендантскія транспортныя отдѣленія: проѣзжая по этимъ очаровательнымъ полямъ, командиры ихъ вдоволь кормили своихъ лошадей снопами овса и ячменя, затѣмъ, наполняя повозки хлѣбомъ и сѣномъ, шли дальше, но, вѣдь, вся эта добыча не мѣшала имъ получать исправно ежемѣсячно изъ интендантства положенную сумму денегъ на свое содержаніе!. Я зналъ нѣкоторыхъ командировъ подобныхъ интендантскихъ отдѣленій, которые въ окрестностяхъ Тырнова успѣли заготовить въ короткое время по 250,000 пуд. сѣна, обошедшагося имъ не болѣе, какъ по 5 к. за пудъ, которое они черезъ мѣсяца два-три послѣ этого продали интендантству-же по 2¹/₂ франка за пудъ!

Когда я пріѣхалъ въ Тырново и отъ великаго князя главнокомандующаго пошелъ къ начальнику полеваго штаба, то генералъ-адъютантъ Непокойчицкій встрѣтилъ меня слѣдующими словами:

— Ну, мой милый Ивановъ, наговорили же вы намъ въ Кишиневѣ, что ваши болгары бѣдствуютъ, что они угнетены и пр., но я, вѣдь, въ Германіи не встрѣчалъ такихъ цвѣтущихъ селеній, да дай-то Богъ нашимъ поселянамъ въ Россіи черезъ 50 лѣтъ достигнуть такого благоустройства, но я увѣренъ, что у насъ и черезъ 100 лѣтъ того не будетъ».

На это я только и могъ отвѣтить ген. Непокойчицкому, что я представлялъ болгаръ бѣдными въ томъ смыслѣ, что они не пользуются политическими правами и пр.

— «Да, да,—сказалъ А. А. Непокойчицкій,—многого вы захотѣли сразу; но я скажу, что болгаръ не отъ чего было освобождать: они

¹⁾ Предполагая, что въ Болгаріи трудно будетъ достать хорошую воду, нѣкоторыя части войскъ запасались фильтрами, которыя впоследствии побросали въ Болгаріи.

въ лучшемъ положеніи, чѣмъ господствующіе здѣсь турки,—поэтому выходитъ, что мы здѣсь разыгрываемъ одну комедію».

И дѣйствительно, болгары во всѣхъ отношеніяхъ стояли выше турокъ, что за послѣдними только и оставалось одно лишь громкое имя господствующаго племени. Извѣстный когда-то рущукскій генералъ-губернаторъ Митхадъ-паша, по рассказамъ болгаръ, пріѣхавъ, однажды, въ Тырново, пожелалъ побывать въ болгарскихъ училищахъ, конхъ въ то время уже было шесть и всѣ они переполнены были учащимися, число конхъ превышало тысячу дѣтей. Выходя изъ болгарскихъ училищъ, Митхадъ хвалилъ болгаръ за усердіе ихъ къ образованію. Оттуда Митхадъ отправился въ турецкое—одно единственное на весь городъ училище, въ коемъ оказалось всего 15 учащихся турчочокъ. Такое равнодушіе турокъ къ дѣлу образованія такъ возмутило пашу, что онъ плюнулъ и вышелъ изъ училища раздраженнымъ, крикнувъ:

— «Вы, турки, не достойны носить имя мусульманъ: вы господствующее племя, но вы стоите ниже гяуровъ—это стыдно».

Болгары опередили турокъ даже и въ отношеніи званія ихъ языка. Какъ въ Тырновѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ, гдѣ были губернаторы, часто призывали въ конаки болгарскихъ учителей для прочтенія получавшихся изъ Константинополя отъ Порты бумагъ, писанныхъ на ученомъ арабскомъ языкѣ. Но чѣмъ выше турокъ чувствовали себя болгары, тѣмъ тяжелѣе становилось для нихъ господство сихъ послѣднихъ. Идея о низверженіи съ себя, поэтому, владычества мусульманъ такъ быстро назрѣвала и такъ сильно обхватывала сердца болгаръ, что въ послѣднее время, именно въ 1870-хъ годахъ, уже не было, кажется, ни одного болгарина, который бы не принималъ участія въ политическихъ движеніяхъ, не смотря на то, что результатомъ ихъ были несомнѣнныя жертвы. Въ 1875 и въ особенности въ 1876 году, турки довершили свое дѣло извѣстными своими насиліями и избиеніями въ Батакѣ, Перушицѣ и т. д., вызвавшими уже послѣдній, доковавшій Турцію, бой Россіи.

Говоря о движеніяхъ въ Болгаріи въ разныя времена, нельзя пройти молчаніемъ одинъ выдающійся политическій фактъ, именно, что одновременно съ выдвигавшимся такъ называемымъ іерархическимъ вопросомъ въ Болгаріи, имѣвшимъ своею цѣлью замѣну греческихъ митрополитовъ болгарскими, болгарскій революціонный комитетъ въ Бухарестѣ послалъ замѣчательный мемуаръ султану, въ коемъ предлагалось падишаху составить дуализмъ съ Болгаріею, съ тѣмъ, чтобы султанъ именовался и королемъ Болгарскимъ. Что было бы, въ самомъ дѣлѣ, если бы этотъ дуализмъ могъ бы въ то время осуществиться? Безъ сомнѣнія, онъ былъ бы въ пользу

Турціи, потому что не было бы поводовъ кому либо воевать съ нею, а Болгарія объединилась бы, сохранивъ за собою всё тѣ части, которыя, въ силу берлинскаго трактата, присоединены къ Румыніи и Сербіи, какъ ея собственныя части. Но, однакожь, дуализмъ съ государствомъ, исповѣдующимъ иную религію, діаметрально противоположную высокимъ началамъ нашей христіанской вѣры, былъ бы не сообразенъ ни съ направлениемъ Болгаріи, какъ страны христіанской, и притомъ имѣющей иное историческое назначеніе, ни тѣмъ болѣе съ историческимъ призваніемъ Россіи. Возвращаюсь къ ходу дѣлъ.

Въ началѣ іюля въ Тырновѣ введено было и гражданское управленіе, гдѣ губернаторомъ, по повелѣнію августѣйшаго главнокомандующаго, назначенъ былъ директоръ канцеляріи завѣдывающаго гражданскими дѣлами генераль-маіоръ М. А. Домонтовичъ, а должность правителя канцеляріи кн. Черкаскаго занялъ полковникъ Соболевъ.

Лучшаго губернатора для древней болгарской столицы, извѣстной притомъ своею интеллигенціею, и желать нельзя было. М. А. Домонтовичъ, этотъ теплый души и сердца человекъ, своимъ образомъ дѣйствій и симпатичными отношеніями ко всѣмъ, привлекъ къ себѣ чувства любвіи всего населенія какъ Тырнова, такъ и всѣхъ другихъ городовъ и селеній этой губерніи. Въ скоромъ времени онъ привлекъ на службу по гражданскому управленію всѣхъ интеллигентныхъ молодыхъ болгаръ, безъ всякой съ ихъ стороны просьбы. Достаточно было, чтобы только дошло до свѣдѣнія М. А. Домонтовича о какомъ либо образованномъ молодомъ болгаринѣ, какъ безъ всякаго замедленія ему посылалось приглашеніе, съ предложеніемъ того или иного рода службы, сообразно его образованію ¹⁾).

Князь В. А. Черкасскій пробылъ въ Тырновѣ со своимъ управленіемъ мѣсяца, такъ какъ въ скорости послѣ выѣзда изъ Тырнова главнокомандующаго, 9-го іюля, въ Бѣлу, вслѣдствіе нашихъ неудачныхъ дѣлъ подъ Плевною, выѣхалъ въ главную квартиру и князь Черкасскій, хотя на телеграмму его къ великому князю: «не

¹⁾ Еще во время стоянки нашей подъ Плевною, именно въ началѣ ноября, М. А. Домонтовичъ долженъ былъ оставить службу и уѣхать въ Петербургъ, потому что усиленная его служебная дѣятельность до такой степени изнурила его, что онъ просто взнемогъ и ему нуженъ былъ отдыхъ на нѣкоторое время. Но затѣмъ, назначенный пмпер. комиссаромъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ послѣднимъ пригласилъ его къ себѣ въ сотрудники и вмѣстѣ съ нимъ князь пріѣхалъ въ Болгарію. Его плодотворная новая дѣятельность въ Болгаріи оставила самыя лучшія о немъ воспоминанія. Онъ, впоследствии, въ Петербургѣ разъяснялъ многія недоразумѣнія по болгарскимъ дѣламъ. **И. С. В.**

слѣдуетъ ли ему также выѣхать изъ Тырнова съ своимъ управленіемъ», начальникъ полевого штаба, по приказанію его высочества, отвѣтилъ ему въ томъ смыслѣ, что предоставляется его усмотрѣнію остаться въ Тырновѣ или выѣхать оттуда.

Во все время своего пребыванія въ Тырновѣ, кн. Черкасскій, какъ можно было видѣть изъ всего, не отличался вполнѣ спокойнымъ духомъ, особенно послѣ выѣзда великаго князя главнокомандующаго въ Вѣлу, все же это отражалось на извѣстныхъ его отношеніяхъ къ его подчиненнымъ. Однажды, зайдя въ кабинетъ одного выдающагося по своему положенію должностнаго лица, князь сразу такъ неспокойно сталъ съ нимъ объясняться, да такъ возвышать голосъ, что это должностное лицо, чтобы выйти изъ неловкаго положенія по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, занимавшимся въ сосѣдней съ его кабинетомъ канцеляріи, которые легко могли видѣть и слышать все,—преспокойно усѣлся на свой письменный столъ и, опустивъ внизъ ноги, закурилъ папиросу въ то время, когда кн. Черкасскій стоялъ на ногахъ. На вопросъ князя Черкаскаго о томъ, что это означаетъ, подчиненное лицо отвѣчало ему:

— «Князь, вѣдь, вы такъ кричите, что чиновники въ сосѣдней комнатѣ, слышащіе и видящіе все, непременно подумаютъ, что это вы на меня такъ кричите, а послѣ этого, какое же я могу имѣть на нихъ вліяніе! Между тѣмъ, увидѣвши, что я сижу на столѣ и курю папиросу, они, безъ сомнѣнія, вашъ крикъ примутъ за обыденный между нами разговоръ».

Другое подобное лицо тоже имѣло крупныя объясненія съ помощникомъ завѣдывающаго гражданскими дѣлами, возникшія по поводу того, что оно обращалось къ стоявшему въ Тырновѣ корпусному командиру, съ просьбою объ указаніи ему, что дѣлать, въ виду тревоги въ населеніи, по поводу слуховъ о томъ, что турки идутъ на Тырново? Вообще, выѣздъ изъ Тырново великаго князя главнокомандующаго встревожилъ не только населеніе, но и представителя гражданского управленія, тѣмъ болѣе, что онъ оставался въ невѣдѣніи, что дѣлать. Эту тревогу еще болѣе усилили шедшіе изъ-за Балканъ массами несчастные болгары: мужчины, женщины и дѣти, какими-то чудомъ спасшіеся отъ ужаснѣйшей рѣзни, которой подверглось нѣсколько тысячъ болгаръ-жителей Ени-Загры, Ески-Загры, Казанлыка и многихъ другихъ мѣстъ, послѣ отступленія 6-го отряда генерала Гурки, вслѣдствіе натиска арміи Сулеймана. Слушая рассказы этихъ несчастныхъ, бросившихъ на мѣстѣ все рѣшительно свое имущество и бѣжавшихъ безъ всякихъ средствъ, нельзя было этимъ не прійти въ содроганіе. Изъ числа этихъ бѣженцевъ были люди,

имѣвшіе состояніе на 100 и 200 тысячъ франковъ, даже и болѣе, потому что, какъ извѣстно, Казанлыкъ и Ески-Загра были самые интеллигентные и самые богатые города, которые въ Тырновѣ получали подаваніе, чтобы не умереть съ голода. Ени-Загра, Казанлыкъ, Ески-Загра, Калиферъ были окончательно разорены, какъ разорены были и жители ихъ, бѣгствомъ сохранившіе ихъ жизнь, но эти жертвы составляли менѣе чѣмъ третью часть всего истребленнаго населенія. Были приняты мѣры о размѣщеніи этихъ бѣженцевъ въ Тырновской и частью въ Систовской губерніяхъ, но горе этихъ людей далеко не утолялось, не смотря на то, что само населеніе, по своей инициативѣ, принимало теплое участіе въ ихъ судьбѣ. Отпуская ничтожныя денежныя суммы въ распоряженіе губернаторовъ для оказанія вспомошествованія этимъ жалкимъ людямъ, наше гражданское управленіе имѣло на первомъ планѣ—сбереженія изъ этой суммы, исходя изъ того, чтобы выдачею пособій въ большемъ размѣрѣ не пріучить этихъ людей къ тунеядству. Это такъ смотрѣло гражданское управленіе на людей, располагавшихъ громадными своими средствами на своихъ мѣстахъ, которые, въ силу только постигшихъ ихъ роковыхъ обстоятельствъ, должны были получать нищенское подаваніе, чтобы только не допустить своихъ дѣтей до голодной смерти!..

Въ то время, когда за Балканами шелъ бой съ арміею Сулеймана, главная квартира пребывала еще въ Тырновѣ. Мнѣ случилось быть у генераль-адъютанта Непокійчицкаго въ то время, когда къ нему пріѣхалъ оттуда офицеръ съ докладомъ о событіяхъ тамъ. Первымъ вопросомъ ген. Непокійчицкаго былъ вопросъ о болгарскомъ ополченіи

— Какъ вело себя болгарское ополченіе въ бояхъ? спросилъ этого офицера начальникъ полевого штаба.

— Неподражаемо храбро, отвѣтилъ офицеръ.

— Не горячились ли дружинники-болгары? вновь спросилъ генералъ Непокійчидкій офицера.

— Вели себя стойко и, по виду, спокойно, отвѣтилъ офицеръ, —но никогда не уступали непріятелю своихъ позицій.

Въ роковой день, 19-го іюля, когда должно было спасти населеніе отъ гибели, болгарскіе дружинники выказали чудеса храбрости. Они именно оказались «львами-воинами», защищая каждую пядь родной земли, какъ о нихъ отозвался герцогъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, въ отрядѣ коего состояли болгарскія дружины. Разстрѣлявъ свои патроны, дружинники бросались въ штыки, мужественно разрываяцѣпъ турокъ и, не смотря на то, что турецкій резервъ встрѣчала ихъ залпомъ гранатнаго огня, отъ котораго эти истинные герои-патріоты падали десятками, они не уступали ни на шагъ своей позиціи.

Геройски пали въ этомъ бою съ турками: подполковникъ Калигинъ, командиръ 3-й дружины, капитанъ Федоровъ и штабсъ-капитанъ Усовъ. Смерть Калигина покрыта славой. Когда, во время штыковой атаки болгаръ на турокъ, былъ убитъ знаменщикъ 3-й дружины, унтеръ-офицеръ Марченко, и съ нимъ повалилось на землю то знаменательное знамя, которое было подарено болгарскому ополченію гор. Самарою, Калигинъ моментально соскочилъ съ лошади, хвативъ за древко, вскочилъ вновь на лошадь и, съ высоко поднятымъ знаменемъ предъ фронтомъ своей храброй дружины, крикнулъ: «дружинники, знамя наше съ нами, впередъ за нимъ, за мною!» Когда въ рядахъ потянувшихъ за нимъ болгаръ-ополченцевъ раздавалась уже боевая, патриотическая болгарская пѣсня и ятаганы ихъ и шаспо засверкали вокругъ Калигина, турки начали отступать, но вдругъ Калигинъ свалился съ лошади: онъ былъ пораженъ нѣсколькими пулями. Знамя, съ перебитымъ древкомъ, было вынута изъ его рукъ однимъ унтеръ-офицеромъ, который тотъ же часъ былъ пораженъ турецкою пулею; знамя у него выхватилъ другой унтеръ-офицеръ, но и онъ былъ убитъ тутъ же, когда бой шелъ съ упоръ съ турками. Въ это время нѣсколько турокъ схватили знамя и потащили его на свою сторону, но на нихъ съ яростію бросились дружинники-болгары и мужественно, съ торжествомъ, вырвали изъ рукъ турокъ, поразивъ ятаганами на мѣстѣ нѣсколькихъ изъ нихъ и спася свое драгоценное первое болгарское знамя. Геройская защита болгарскими ополченцами роднаго своего города, по отзыву герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергскаго, дала возможность, въ то время, когда они дрались съ турками въ садахъ и виноградникахъ около Мурадлы, тысячамъ стариковъ, женщинъ и дѣтей болгарскихъ спастись изъ подъ турецкихъ гранатъ и другихъ насилій и бѣжать изъ пылавшаго огнемъ города по направленію къ ущелью, куда направлялись и отступавшія наши войска. Такъ доблестно исполнили свой долгъ 19-го іюля болгарскіе войны и покрыли себя военною славой.

Также геройски дрались они съ турками и на Шибкѣ. Послѣ взятія Шибки генералъ Скобелевъ подъ Шейновомъ, поздравляя болгарскихъ дружинниковъ передъ фронтомъ съ ихъ геройствомъ, такъ выразился: «молодцы вы, болгары: такъ драться, какъ вы дрались, можетъ только войско, существующее триста лѣтъ!»

Въ Боготѣ, при первомъ случаѣ, я отправился къ начальнику полевого штаба съ цѣлью видѣть какъ онъ выскажется еще о болгарскомъ ополченіи. Только что я вошелъ къ нему, онъ, съ улыбкою, принимая меня, сказалъ: «ваши болгары — молодцы; вы, значить, имѣли основаніе настаивать на допущеніе ихъ къ участію въ бояхъ».

Это мужество, оказанное болгарскими ополченцами въ бояхъ съ турками подъ Ески-Загрою и на Шибкѣ, затѣмъ храбрость молодыхъ болгарскихъ войскъ въ войнѣ съ сербскими войсками, существующими болѣе полустолѣтія, въ 1885 году, совершенно разсѣяли существовавшее мнѣніе объ утратѣ болгарами военного духа и вполнѣ, кажется, убѣдили уже весь міръ въ присутствіи въ нихъ выдающихся боевыхъ качествъ. Не обвинясь можно сказать, что двухъ сотъ тысячъ такого болгарскаго войска въ авангардѣ съ двумя корпусами русскихъ войскъ было бы достаточно, чтобы менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ овладѣть Константинополемъ съ суши ¹⁾.

Печальныя послѣдствія забалканскаго въ высшей степени смѣлаго похода передоваго отряда русской арміи въ то время, когда занятымъ частямъ въ Сѣверной Болгаріи грозила поминутно опасность, — послѣдствія, выразившіяся въ истребленіи разъяренными турками нѣсколькихъ тысячъ жителей болгаръ и въ сожженіи такихъ прекрасныхъ и богатыхъ городовъ, какъ Ески-Загры, Казанлыка, Калифера и другихъ, не могли не произвести серьезной паники въ Тырновѣ и во всей почти Сѣверной Болгаріи.

Подъ влияніемъ-ли этой паники или же по другимъ причинамъ, какъ напримѣръ, изъ желанія, быть можетъ, стать ближе къ главной квартирѣ, по той или другой причинѣ, все гражданское управленіе, въ скорости, послѣ выѣзда великаго князя главнокомандующаго, 19-го іюля, изъ Тырнова и послѣдовавшаго за нимъ выѣзда князя Черкаскаго, выбралось изъ Тырнова въ г. Студень, что, конечно, еще болѣе усилило тревогу. На меня, между тѣмъ, было возложено, по порученію полеваго штаба, имѣть наблюденіе за постройкою двухъ мостовъ: на рѣкѣ Янтрѣ у д. Ряковицы и на р. Русидѣ у Драганова села, для чего прикомандированы были въ мое распоряженіе два

¹⁾ 1. Болгарское военное министерство еще въ 1883 году стало собирать матеріалы для составленія исторіи возникновенія болгарскаго войска. Письмомъ отъ 13-го марта 1885 года, за № 1,902, оно обратилось ко мнѣ съ просьбою сообщить ему свѣдѣнія, но я не могъ въ то время заняться приведеніемъ въ систему моихъ замѣтокъ по этому предмету.

2. Разсказываютъ, что будто бы рушукскій митрополитъ Григорій, шутя, сказалъ русскимъ офицерамъ, возвращавшимся въ Россію въ 1885 году, передъ войною съ сербами: «Вы насъ бросаете на произволъ судьбы въ это критическое для насъ время, но знайте же, что безъ насъ и вы Константинополя не возьмете». Вѣренъ ли или невѣренъ этотъ разсказъ, но, во всякомъ случаѣ, нельзя не сожалѣть глубоко объ образовавшихся отношеніяхъ между Болгаріею и Россіею. Взаимная польза одного и другаго народа требуетъ устраненія недоразумѣній и восстановленія родственныхъ связей. Болгарія безъ Россіи немислима, какъ немислима жизнь безъ воздуха.

инженера. Эти мосты, являшіеся крайне важными въ виду предстоявшаго передвиженія войскъ, построены были при содѣйствіи окрестныхъ селеній, давшихъ весь почти строевой матеріалъ, такъ что изъ казны пришлось сдѣлать самую незначительную затрату. Въ половинѣ же августа я былъ вызванъ княземъ Черкасскимъ въ Горній Студень.

Гражданское управленіе какъ въ Горномъ Студнѣ, такъ, затѣмъ, и въ Боготѣ, куда оно перешло вслѣдъ за главною квартирою въ концѣ августа, не имѣло что дѣлать, такъ какъ нужно было, прежде всего, освободить край, а потомъ устроить его. Князь Черкасскій, потому, во все время пребыванія своего въ Боготѣ, исполнялъ только обязанности главно-уполномоченнаго по Красному Кресту, но не обязанности завѣдывающаго гражданскими дѣлами, такъ какъ, повторяю, такихъ дѣлъ въ это время, когда взятіе Плевны составляло одну единственную пѣль, не было и быть не могло. Я, по крайней мѣрѣ, все это время занятъ былъ исполненіемъ порученія князя Черкаскаго по Красному Кресту, между тѣмъ какъ я состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при завѣдывающемъ гражданскими дѣлами; другимъ же чиновникамъ по гражданскому управленію рѣшительно нечего было дѣлать, хотя князь Черкасскій не переставалъ по нѣскольку разъ въ день посылать то за однимъ, то за другимъ, но дѣла не было, а были разговоры, да, къ тому, разговоры всегда неприятнаго свойства, такіе разговоры, которые производили впечатлѣнія, не легко забываемыя. Однажды, утромъ, на примѣръ, приходитъ ко мнѣ М. С. Дриновъ¹⁾, также состоявшій при завѣдывающемъ гражданскими дѣлами, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, чтобы передать мнѣ, что князь Черкасскій проситъ меня представить ему болгарскую депутацію изъ Плевны. Это было, какъ записано у меня въ моей памятной книжкѣ, 10-го ноября. На вопросъ мой г. Дринову, почему онъ, какъ такой же болгаринъ, какъ и я, не представляетъ князю Черкасскому эту депутацію, онъ отвѣтилъ мнѣ, что такъ князь пожелалъ. Послѣ этого я отправился къ князю Черкасскому и, не войдя еще къ нему, увидѣлъ стоявшихъ тамъ во дворѣ кн. Черкаскаго нѣсколько болгаръ и во главѣ ихъ архимандрита Константина, считавшагося намѣстникомъ Ловчинскаго митрополита, которые, какъ оказалось, передъ тѣмъ за два-три дня бѣжали изъ Плевны. Когда я вошелъ къ князю Черкасскому въ комнату, онъ, не отвѣчая

¹⁾ Профессоръ харьковскаго университета, родомъ болгаринъ, изъ Панагюрицы, въ южной Болгаріи; послѣ взятія Софін онъ былъ назначенъ тамъ вице-губернаторомъ, а губернаторомъ былъ д. ст. сов. Ал. Алек. Алабинъ, затѣмъ при управленіи импер. комиссара г. Дриновъ былъ назначенъ завѣдывающимъ отдѣломъ М. Н. Пр. И. С. И.

миѣ на мой поклонъ, сказалъ: «позовите сюда этихъ болгаръ, которые стоятъ на дворѣ; вы ихъ видѣли?» спросилъ онъ меня. — «Да, я ихъ видѣлъ». — Затѣмъ, когда, по моему приглашенію, эти люди и архимандритъ Константинъ вошли въ комнату, князь поднялся съ своего мѣста и сталъ размѣщать ихъ, усаживая кого на скамейку, кого на стульяхъ, а миѣ указалъ мѣсто на своей походной кровати. Когда всѣ усѣлись, онъ началъ дѣлать депутаціи свои нотаціи:

— «Вы когда изъ Плевны вышли?» спросилъ этихъ болгаръ князь Черкасскій.

— «Будетъ дня три-четыре», — отвѣчали они ему.

— «Почему же вы раньше не явились, чтобы доставить намъ свѣдѣнія о вооруженныхъ силахъ Османа, о его направленіи и пр., а явились теперь, когда мы, послѣ столь громадныхъ жертвъ, кончаемъ уже дѣло?» спрашиваетъ ихъ вновь Черкасскій.

— «Да, ваша высокосвѣтлость, мы такъ заперты были все это время въ Плевнѣ, что сами не знали, сколько турокъ было сосредоточено въ окрестностяхъ Плевны, такъ какъ мы только и видѣли ихъ, когда Османъ-паша прошелъ черезъ городъ съ нѣсколькими своими таборами; немислимо было, чтобы кто-либо изъ болгаръ вышелъ изъ города» и т. п.

— «Ну такъ что же могло быть, если бы кто-либо изъ васъ и вышелъ изъ города? Ну, одного зарѣзали бы, какъ барана, а тамъ двухъ, — да хотя бы и сотню повѣсили бы, а одинъ какой-либо пробрался бы до насъ и сообщилъ бы намъ свѣдѣнія о туркахъ».

Въ этомъ духѣ разговоръ тянулся около получаса. Архимандрита же Константина князь Черкасскій спросилъ, гдѣ онъ воспитывался.

— «Въ Римѣ», — отвѣчалъ онъ.

— «Въ Римѣ?!» — съ удивленіемъ спросилъ его князь. «Вы учились, значить, тамъ, гдѣ рождаются наши враги, тамъ, гдѣ растлѣваютъ нравственность, гдѣ религія топчется ногами», и т. п.

— «Я, ваша свѣтлость», — объяснялъ арх. Константинъ, «отвезенъ былъ въ Римъ еще мальчикомъ, когда я только чувствовалъ потребность въ образованіи, но не могъ судить объ его направленіи».

— «Я, батюшка, увѣренъ, продолжалъ князь Черкасскій, что и тогда вы могли различить добро отъ зла, но васъ тянуло и тянетъ западъ» и т. п.

Послѣ всѣхъ этихъ разговоровъ князь поднялся съ мѣста, а тогда и депутація, какъ опаренная, вышла изъ комнаты князя Черкаскаго, забывъ даже сказать ему «прощайте». Я тоже, ничего не сказавши князю, вышелъ изъ его комнаты вслѣдъ за депутаціею, но депутаты,

особенно арх. Константинъ, были до такой степени взволнованы, что, не оглядываясь назадъ, посѣшнво вышли со двора и пошли впередъ по другой улицѣ. Меня не столько удивлялъ такой приемъ депутаціи со стороны князя Черкаскаго, такъ какъ на его любезность трудно было рассчитывать, благодаря его «несимпатичному характеру», какъ г. Анучинъ охарактеризовалъ его, сколько озадачивало меня то обстоятельство, почему онъ потребовалъ, чтобы я, а не г. Дриновъ, представлялъ ему плевненскую депутацію. Я не допускаю, что тутъ было желаніе поставить меня въ непріязненное отношеніе, по отношенію къ этой депутаціи, хотя, какъ оказалось впоследствии, мое присутствіе при этой нотаціи со стороны князя Черкаскаго наводило депутацію на такую мысль. По крайней мѣрѣ это можно было видѣть изъ отношенія ко мнѣ арх. Константина, съ которымъ впоследствии я нѣсколько разъ встрѣтился въ Болгаріи, а потомъ, въ августѣ 1879 года, и въ Плевнѣ, куда я, въ качествѣ рущукскаго губернатора ¹⁾, пріѣзжалъ по дѣламъ службы.

Замѣчательную пользу приносилъ въ Боготѣ «Красный Крестъ». Подъ руководствомъ кн. Черкаскаго, весь персоналъ Краснаго Креста, какъ сестры милосердія, врачи и прочія лица, дни и ночи проводили за больными и ранеными воннами. Какъ только доставлялись раненые въ Боготѣ, имъ моментально давали чай и горячій бульонъ, затѣмъ размѣщались по палаткамъ въ имѣвшемся въ Боготѣ госпиталѣ. Князь Черкасскій почти весь день проводилъ въ палаткахъ Краснаго Креста, которыя расположены были передъ самымъ госпиталемъ. Тутъ всѣ мы часто обѣдали изъ общаго котла, въ шалашѣ, во главѣ съ кн. Черкасскимъ. Госпиталь былъ расположенъ на косогорѣ, такъ что во время разившейся сильной грязи, вслѣдствіе частыхъ дождей въ началѣ ноября, съ трудомъ можно было добраться туда. Однажды Государь Императоръ пріѣхалъ изъ Парадина прямо въ госпиталь въ Боготѣ, какъ разъ въ самый проливной дождь, въ гуттаперчевомъ плащѣ, и, вышедши изъ экипажа, пошелъ пѣшкомъ, но въ это время была такая грязь и притомъ такъ скользко, что невозможно было сдѣлать шага безъ помощи палки. Какъ разъ въ это время, какъ Государь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, долженъ былъ остановиться, вслѣдствіе невозможности идти дальше, шла въ госпиталь сестра милосердія, подпираясь палкою. Увидѣвъ эту сестру милосердія, Его Величество обратился къ ней съ слѣдующими словами: «сестра, позвольте вашу палочку, чтобы пройти по

¹⁾ По желанію князя Болгарскаго я оставался въ Болгаріи рущукскимъ губернаторомъ еще мѣсяца два-три послѣ упраздненія русскаго управленія.

палаткамъ». Вручая Государю свою палку, сестра поцѣловала руку Его Величества. Въ это самое время шелъ на встрѣчу Государю князь Черкасскій, а я за нимъ.

— «Князь, вы всегда тамъ, гдѣ вы нужны», сказала ему Государь. «Я желалъ бы осмотрѣть турецкихъ раненыхъ: не найдется-ли у васъ, князь, чиновникъ, знающій турецкій языкъ?» Въ это время князь повернулся ко мнѣ и спросилъ меня, знаю-ли я турецкій языкъ. Чрезвычайно порадовалъ кн. Черкаскаго мой отвѣтъ: «могу перевести разговоръ», о чемъ онъ тутъ же поспѣшилъ доложить государю, указывая рукою на меня, и въ отвѣтъ на это его величество изволилъ сказать: «очень радъ». Въ одной палаткѣ было нѣсколько турокъ, тяжело раненыхъ, которые и подняться не могли съ постели. Государь изволилъ спросить ихъ, гдѣ они взяты? Подъ Телишемъ, отвѣчали они.

— «Спроси ихъ», — изволилъ приказать мнѣ Государь, «откуда они родомъ?»

— «Изъ Азіи», отвѣтили они, и я перевелъ.

— «Пользуются-ли они здѣсь, спроси ихъ, хорошимъ уходомъ за собою?»

Когда я передалъ туркамъ эти милостивыя слова Его Величества, то у нихъ слезы изъ глазъ покатались. Руками они начали показывать чувства глубокой благодарности за такую высокую къ нимъ милость великаго Государя. Выходя изъ палатки, Его Величество, обратясь ко мнѣ, изволилъ приказать спросить турокъ, не чувствуютъ ли они потребности въ чемъ либо? Когда я передалъ имъ слова Государя, — турки отвѣтили, что имъ все дадутъ, но если можно, они просили бы приготовить имъ немного плавчу. По переводѣ ихъ просьбы, Его Величество приказать соизволилъ приготовить имъ плавчу. Турки подняли руки и глаза къ небу и сказали: «да даруетъ Господь Великому Царю долголѣтіе и счастье! что они до глубины души тронуты царскою милостью, и что о такомъ счастьи они напишутъ своимъ роднымъ домой». Когда все это я перевелъ, Государь Императоръ изволилъ приказать объявить имъ, что имъ разрѣшается писать. На другой день турки вручили мнѣ два письма на турецкомъ языкѣ къ своимъ роднымъ, которыя, съ разрѣшенія князя Черкаскаго, я слалъ на почту. Затѣмъ Государь обошелъ всѣ палатки и каждого солдата изволилъ милостиво расспрашивать, гдѣ и когда раненъ, какъ себя чувствуетъ, и, заливаясь слезами, собственноручно жаловалъ знаки военнаго отличія.

По осмотрѣ больныхъ, Его Величество изволилъ направиться къ экипажу, но вспомнивъ, когда уже садился, о палочкѣ, взятой у

сестры милосердія, изволилъ спросить: «гдѣ же та сестра милосердія, у которой я взялъ ея палочку, позовите ее».

Все время, пока пришла эта сестра милосердія, Государь Императоръ изволилъ ожидать, не садясь въ экипажъ.

— «Извольте вашу палочку, сестра», изволилъ сказать Государь пришедшей сестрѣ, которая поцѣловала руку Его Величества, получая свою палочку. Въ это время государь Императоръ до такой степени было изнемогъ, что съ большимъ трудомъ шелъ по палаткамъ.

Красный Крестъ въ Боготѣ располагалъ большимъ запасомъ съѣстныхъ предметовъ, но въ свѣжемъ хлѣбѣ чувствовался недостатокъ; добыть же его было очень трудно. Изрѣдка привозили хлѣбъ изъ Ловчи, но качества очень плохаго. Однажды кн. Черкасскій призываетъ меня и поручаетъ распорядиться, чтобы жители Боготскіе въ течение сутокъ приготовили тысячу хлѣбовъ. Легко было отдать такое приказаніе, но не легко было его исполнить. Можно сказать, что Боготъ—деревушка самая небольшая, и притомъ самая бѣдная, а если къ этому прибавить и то, что въ окрестностяхъ Богота было расположено много слишкомъ войскъ, то получится въ результатѣ, что въ это время не только въ Боготѣ, но и въ окрестностяхъ его нельзя было, что называется на лѣкарство, найти курицу, тѣмъ не менѣе, однако, находились тамъ люди, которые и тогда утверждали, что болгары прячутъ все и куръ за деньги не даютъ, что, конечно, производило непріятное впечатлѣніе на другихъ, которые вѣрили такимъ рассказамъ. Былъ одинъ дипломатъ чиновникъ при главной квартирѣ М., который пользовался всѣми удобными и неудобными случаями, чтобы выставять ихъ людьми неблагодарными. Что имѣлъ онъ въ виду, подготавливая такую нехорошую почву въ дѣлѣ взаимности двухъ столь близкихъ между собою народовъ, не могу сказать, но дѣло въ томъ, что онъ не переставалъ трубить: «Болгары», говорилъ онъ, «все рѣшительно прячутъ отъ насъ, свою птицу они и за деньги не даютъ намъ». По поводу же порученія князя о приготовленіи тысячи хлѣбовъ я объяснялъ и доказывалъ ему, что невозможно приготовить даже двѣ сотни хлѣбовъ, но тѣмъ не менѣе онъ требовалъ приказать сельскому старостѣ, чтобы онъ, во что бы то ни стало, приготовилъ тысячу хлѣбовъ, а въ противномъ случаѣ—угостить его розгами... Объясненія, что не за что подвергать кмета ¹⁾ такой экзекуціи, потому что нѣтъ возможности изготовить въ однѣ сутки тысячу хлѣбовъ, да и не изъ чего приготовить, потому что сколько либо сносной муки нѣтъ, да

¹⁾ Староста—это у болгаръ кметъ.

при томъ наказаніе розгами здѣсь, въ этомъ краѣ, даже при турецкомъ владычествѣ, никогда не практиковалось, что вообще это не идетъ и не идетъ тѣмъ болѣе освободителямъ, — кн. Черкасскимъ не принимались въ уваженіе.

— «Дипломатія эта—чистѣйшій вздоръ, эти соображенія мнѣ не нужны, я исполняю здѣсь,—говорилъ князь Черкасскій,—русское дѣло». Въ виду положительной невозможности приготовить тысячу хлѣбовъ съ одной стороны, приказанія кн. Черкаского о наказаніи старосты—съ другой, я распорядился послать въ Ловчу, откуда, къ счастью, привезли на другой день 500 хлѣбовъ, въ родѣ лепешекъ, и послѣдшій доложить кн. Черкасскому, что хлѣбъ боготскій староста приготовилъ. «А что? видите, что дѣлаетъ палка: не сказали бы старостѣ, что будетъ розгами наказанъ, такъ и хлѣба бы не было. Болгаръ нужно поприжать, тогда они иначе будутъ себя вести».

Въ помощь мнѣ прикомандированъ былъ изъ Краснаго Креста болгаринъ изъ г. Карлова—Райновъ; это былъ чрезвычайно практичный, проворный и полезный человѣкъ. Благодаря ему, изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ, гдѣ, конечно, не было войскъ, умудрялись доставлять въ Красный Крестъ всякаго рода птицу, даже и индѣекъ, изъ которыхъ кн. Черкасскій удѣлялъ и для генерала М. Д. Скобелева, которому я часто и посылалъ на знаменитую Зеленую гору, гдѣ, въ травшеяхъ, этотъ герой—Бѣлый паша, и проводилъ все время подъ выстрѣлами турокъ.

Правителемъ канцеляріи кн. Черкаского по званію завѣдывающаго гражданскими дѣлами при главнокомандующемъ продолжалъ оставаться полковникъ Л. Н. Соболевъ.

Всѣдуя со мною, однажды, въ палаткахъ Краснаго Креста о результатѣ войны, о будущемъ Болгаріи — конечно, все это по поводу раздраженій иностранной прессы — онъ предложилъ мнѣ такой вопросъ: «А что, будутъ удовлетворены болгары княжествомъ изъ одной сѣверной Болгаріи? Вѣдь, они все-таки получаютъ то, о чемъ они никогда и думать не могли».

— «Да, этимъ можно удовольствоваться, разумѣется, временно, отвѣтилъ я ему,—исходя только изъ того, что лучше что-либо, чѣмъ ничего; но имѣйте въ виду, что оставить въ зависимости этихъ варваровъ-турокъ южную Болгарію, подвергавшуюся такимъ насиліямъ съ ихъ стороны, ту именно часть Болгаріи, изъ-за которой только и начата настоящая война—это будетъ вопіющею несправедливостью».

— «Не дай Богъ, чтобы наша война съ Турціей имѣла такіе только результаты,—сказалъ г. Соболевъ, но, вѣдь,—это можно допустить въ крайнемъ случаѣ».

Какъ разъ въ это время, когда между нами шель этотъ энергическій разговоръ, подошелъ неожиданно кн. Черкасскій.

— «О чемъ вы это такъ спорите?» спросилъ онъ полковника Соболева.

— «Да вотъ, князь, сущность нашего разговора», сталъ объяснять князю Черкасскому его правитель канцелярѣи.

— «Батюшки, это дѣло будущаго, сказалъ князь Черкасскій, да къ тому, скажу еще: это и не дѣло ваше». Затѣмъ князь повернулъ и пошелъ дальше по палаткамъ Краснаго Креста, а мы тоже разошлись. Вскорѣ послѣ этого разговора и Османъ-паша преклонилъ голову передъ русскимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, сдавшись со всею своею арміею.

Рано утромъ, на другой день послѣ этого историческаго событія, по порученію князя Черкаскаго, я поѣхалъ въ Плевну вмѣстѣ съ д. с. с. Влад. Алек. Алабынымъ, чтобы предупредить плевненскихъ болгаръ о предстоящемъ посѣщеніи Государемъ Императоромъ Плевны. Приѣхавъ въ Плевну верхомъ, мы съ В. А. Алабынымъ увидѣли всѣхъ первенствующихъ тамъ болгаръ и передали имъ, что его величество изволить посѣтить Плевну. Вѣсть эта принята была ими съ восторгомъ и въ скоромъ времени уже все населеніе, съ духовенствомъ во главѣ, было уже на концѣ города и ожидало приѣзда Царя-Освободителя. Когда Государь Императоръ поѣхалъ за р. Видъ, чтобы осмотрѣть стоявшихъ тамъ массама турецкихъ плѣнныхъ и осѣянный оружіемъ ихъ плевненскія поля, мы, между тѣмъ, отправились въ домъ одного изъ почетныхъ плевненскихъ болгаръ, Златона, чтобы что-либо перекусить, потому что изъ Боготы мы выѣхали не закусивши ничего. Приѣдя въ домъ Златона, который съ депутаціей поѣхалъ за р. Видъ, мы застали тамъ молодую дѣвушку-болгарочку, очень красивую и по первымъ ея разговорамъ показавшуюся намъ и весьма интеллигентною.

Встрѣтила она насъ съ выраженіемъ восторженной радости по поводу освобожденія Плевны и чувствъ глубокой благодарности Царю-Освободителю за принесенное имъ болгарское счастье, а мы, въ свою очередь, поздравили ее съ свободою уже Плевною. Затѣмъ я, безъ церемоніи, спросилъ у нея, не будетъ-ли она такъ любезна дать намъ что-либо перекусить.

— «Съ великимъ удовольствіемъ», отвѣтила она, «но, къ сожалѣнію, ничего нѣтъ готоваго въ эту минуту».

Далѣе она насъ повела во второй этажъ дома, чтобы показать намъ, что всѣ рамы побиты отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Намъ прежде всего бросилась въ глаза, когда мы взошли на верхъ, кар-

тина усѣянныхъ по стѣнамъ кругомъ говяжихъ вяленыхъ колбасъ. Не спрашивая позволенія, я сорвалъ нѣсколько штукъ и, сойдя внизъ, попросилъ у дѣвушки хлѣба, чтобы закусить, но она отвѣтила, что хлѣбъ запертъ въ шкапѣ и ключъ у хозяйки.

— «А вы, чтó такое?» спросилъ я ее.

— «Я служанка», отвѣтила она, «прошу васъ: подождите, сейчасъ должны прійти мои господа, и они васъ угостятъ».

Но однако намъ пришлось ожидать до самаго почти вечера. До того однако депутація почтенныхъ болгаръ и болгарокъ представлялась Государю Императору и Его Величество былъ привѣтствованъ одною изъ интеллигентныхъ болгарокъ, сколько припоминаю, Еленою Златановою или Вацовою, по болгарски слѣдующими словами:

«Всемиловѣйшій Государь! Велико твое благодѣяніе къ намъ. Ты не только предпринялъ великую войну изъ любви и состраданія къ намъ, но и удостоилъ нашу убогую страну твоимъ царскимъ посѣщеніемъ, подвергнувъ себя всѣмъ трудностямъ походной жизни! Всемиловѣйшій Государь! Наша признательность къ тебѣ не имѣетъ предѣловъ, но извини, Великій Государь, нашей простотѣ, неумѣющей достойно встрѣтить тебя и показать свою глубокую признательность. Болгары будутъ до конца міра благословлять твое великое имя и имя твоего августѣйшаго дома!»

Намъ же вечеромъ у Златана задавъ былъ роскошный ужинъ.

Въ этотъ же день спроектированъ былъ отъ имени гражданъ города Плевны особый адресъ Государю Императору. Вотъ содержаніе его:

«Великій Государь! прошли вѣка страданій болгарскаго народа; они прошли безвозвратно, потому только, что ты, Государь, положилъ свой мечъ на вѣсы судьбы.

«Ты, Великій Государь, щитомъ своимъ прикрылъ насъ отъ варварства невѣрныхъ. Ты далъ намъ новую жизнь. Какъ солнце, Ты озарилъ нашу землю своимъ посѣщеніемъ, воскресивъ болгарскій народъ, и какъ снѣгъ таетъ отъ солнечныхъ лучей, такъ распались цѣли, насъ отъ ряда вѣковъ отягощавшія! Можемъ-ли мы оставаться равнодушными къ этому великому событію, плоды котораго должны вкусить не только мы, но и наши дѣти и дальніе потомки! Своими страданіями во время пяти-мѣсячной осады мы, жители гор. Плевны, купили право стать во главѣ болгарскаго народа при стремленіи выразить тебѣ, Государь, отъ имени этого народа свои живѣйшія чувства. Мы вѣруемъ, освобожденіе Плевны—заря освобожденія древней Болгаріи. Плевна нынѣ воскресла первая, какъ вѣка назадъ она умерла послѣдняя. Въ память нашимъ потомкамъ о воскресеніи,

въ видимое на будущіе вѣка воспоминаніе о томъ счастіи, какое ты, Государь, даровалъ намъ своимъ посѣщеніемъ нашего городка, мы просимъ позволенія устроить въ Плевнѣ мужскую гимназію, наименовавъ ее святымъ для каждого болгарина именемъ Вашего Императорскаго Величества Царя-Освободителя!

«Осчастливленная тобою, Государь, Болгарія въ тебѣ, вѣщественный стратегъ, видитъ свое спасеніе. Тебѣ она должна посвящать дѣтей своихъ, свою надежду и упованіе страны своей, залогъ ея преуспѣянія въ духѣ истинной цивилизаціи и братскаго соединенія съ Россіею.

«Было время: на многія столѣтія померкло солнце Болгаріи въ царствованіе Александра Георгіевича Стратеміра надъ тѣми же высотами Плевны, надъ которыми оно возсіяло нынѣ силою новаго Александра, Георгіемъ вѣчнаго, страхомъ міру рабства и тираніи по праву именуемаго!

«Душевно и вѣчно преданные и благодарные болгарскіе граждане и гражданки города Плевны!»

Этотъ адресъ въ тотъ же вечеръ депутація повезла въ Боготъ чтобы оттуда поѣхать въ Порадинъ и тамъ поднести Его Величеству. Депутація отправилась съ нами вечеромъ 30-го ноября въ Боготъ, но цѣлую ночь мы ѣхали и вмѣсто того, чтобы попасть въ Боготъ, мы опять вернулись въ Плевну. Мѣстность Плевны была до того изрыта укрѣпленіями и траншеями турокъ, которая къ тому была покрыта выпавшимъ въ этотъ же вечеръ снѣгомъ, — что даже мѣстные жители не могли распознать дорогъ въ Боготъ, отстоящій отъ Плевны на 10—15 верстъ. Этотъ адресъ, потому, сколько я припоминаю, представленъ былъ Государю Императору черезъ кн. Черкаскаго; сему же послѣднему, т. е. кн. Черкасскому, депутацію онъ былъ представленъ только 2-го декабря, такъ что очень можетъ быть, что кн. Черкасскій представилъ адресъ Его Величеству въ Петербургѣ. Однако, это прекрасное желаніе плевненскихъ болгаръ объ учрежденіи въ Плевнѣ гимназіи имени Государя Императора осталось неосуществленнымъ. Всему этому причиною, безъ сомнѣнія, княжеское министерство народнаго просвѣщенія. Черезъ нѣсколько дней я вновь поѣхалъ въ Плевну, по порученію кн. Черкаскаго, чтобы просить отъ его имени генерала Скобелева, который въ это время состоялъ тамъ военнымъ губернаторомъ, принять зависящія отъ него мѣры, чтобы солдаты не разоряли турецкихъ домовъ. Когда я передалъ генералу Скобелеву, онъ сказалъ мнѣ:

— «Передайте князю, что до сихъ поръ отпущено три тысячи палокъ, но остановить солдата отъ военнаго трофея — это равносильно непризнанію его побѣдителемъ».

За выступленіемъ ген. Скобелева, я, вмѣстѣ съ В. А. Алабиньмъ, который уже считался софійскимъ губернаторомъ, хотя Софія еще не была въ нашихъ рукахъ, былъ у полковника Панютина, состоявшаго комендантомъ въ Плевнѣ, все по этому же предмету. Мы какъ разъ пришли къ нему, когда тамъ у него во дворѣ, передъ его окнами, жарили какого-то несчастнаго подрядчика за то, что онъ, прійдя къ полковнику Панютину, не снялъ шапки. Жарили его два казачка такъ: одинъ держалъ его за одну руку, а другой за другую, и стоя лупили нагайками по задней части:

— «Ой, господа! за что же вы такъ меня обижаете? вѣдь я никому ничего дурнаго не сдѣлалъ», кричалъ бѣдный подрядчикъ.

Всѣ мечети и другія общественныя помѣщенія въ Плевнѣ были переполнены больными и ранеными воинами русскими и турецкими. Городъ былъ зараженъ млявами, развившимися тамъ ужасный тифъ. Медики наши и сестры милосердія работали до изнеможенія. Изъ Плевны я поѣхалъ въ Тырново, по порученію кв. Черкаскаго, для распоряженій къ размѣщенію больныхъ по селеніямъ, въ виду чрезмѣрнаго ихъ скопленія въ Тырновѣ и невозможности эвакуированія въ Зимницу, по случаю затруднительной переправы черезъ Дунай. Этотъ городъ тоже переполненъ былъ больными и ранеными, а эвакуировать дальше черезъ Систово въ Зимницу не было возможности, такъ какъ переправа черезъ Дунай была разломана льдинами. Въ Тырновѣ наши врачи, что называется, дня и ночи не знали. Не мало услугъ оказалъ тамъ кишиневскій врачъ, д—ръ медицины, Влюменфельдъ, въ особенности по части хирургическихъ операцій. Объ очисткѣ города отъ больныхъ крѣпко настаивалъ тырновскій губернаторъ, каковымъ въ то время состоялъ стат. сов. Щербинскій, человекъ весьма энергичный и распорядительный. Объѣздивъ окрестныя селенія Тырнова, я нашелъ возможнымъ помѣститъ въ нихъ до тысячи больныхъ. Въ короткое время это число больныхъ было перевезено въ разныя селенія, гдѣ они размѣщены были преимущественно въ училищныхъ зданіяхъ. Засимъ, по полученіи отъ князя Черкаскаго телеграммы изъ Адрианополя, я долженъ былъ отправиться туда. Долго колебался я какъ ѣхать: черезъ Габрово—Шибку или черезъ Елену—Твардицкій перевалъ. Но, въ виду рассказовъ о томъ, что Шипкинскій перевалъ заваленъ войсками и артиллерійскими снарядами, я предпочелъ Еленинскій перевалъ, куда и направился 20-го января. Дорога отъ Елены, гдѣ я имѣлъ ночлегъ въ первый день моего выѣзда, была чрезвычайно тяжелая. Въ ночь съ 20-го на 21-е января выпалъ большой снѣгъ и мнѣ пришлось ѣхать въ экипажѣ четвернею шагомъ, между тѣмъ какъ я думалъ на второй день попасть, по крайней мѣрѣ,

въ Твардицу. Какъ разъ на самой вершинѣ Балканъ мнѣ пришлось отбыть второй ночлегъ, потому что дальше нельзя было ѣхать уже потому, что я попалъ между двумя интендантскими транспортными отдѣленіями, изъ которыхъ первое остановилось, потому что лошади совершенно пристали. На другой день, около двухъ часовъ пополудни, я добрался до спуска на Твардицу, но тамъ перевалъ занятъ былъ артиллерійскими обозами и спускомъ орудій, такъ что я могъ добиться помощи у солдатиковъ, чтобы спустить мой экипажъ, заплативши имъ десять полуимперіаловъ. Около 5-ти часовъ вечера я уже былъ въ Твардицѣ, гдѣ представлялась мнѣ совершенно другая природа. Нѣсколько часовъ тому назадъ, на вершинѣ Балканъ, я не чувствовалъ на себѣ довольно тяжелого мѣховаго пальто, между тѣмъ какъ здѣсь мнѣ жарко было въ совершенно лѣтнемъ пальтишкѣ. Здѣсь поля покрыты были разноцвѣтными растеніями, а полевая птичка заливалась пѣніемъ. Вотъ здѣсь, пока накормили моихъ лошадей, возвратившимся твардицкими бѣженцами наловлена была мнѣ въ протекаемой тутъ рѣчонкѣ цѣлая корзина твардицкой форели. Третій ночлегъ я провелъ въ одной деревушкѣ недалеко отъ Твардицы, въ одномъ пустомъ домѣ, а на четвертомъ ночлегѣ я уже былъ въ Сливнѣ. Особенное вниманіе обращали на себя сливенскіе виноградные сады, расположенные у подошвы Балканъ на возвышеніи; пятый ночлегъ я провелъ въ Ямболѣ, а затѣмъ отсюда и до самаго Адрианополя я все это время ѣхалъ тоже въ экипажѣ, потому что разломанное отрядомъ генерала Гурко полотно желѣзной дороги отъ Ямболя не было еще исправлено. Грустно было видѣть развалины въ этихъ городахъ церквей, училищныхъ зданій, гдѣ и лучшіе дома были сожжены турками одновременно съ уходомъ своимъ передъ наступленіемъ нашихъ войскъ. Далѣе отъ Ямболя и до самаго Адрианополя селенія были почти что въ цѣлости. Города и селенія отъ Твардицы и вплоть до самаго Ямболя представляли печальную картину. Одинъ видъ этихъ мѣстностей указывалъ на коренное разореніе населенія, которому сначала подверглось болгарское населеніе, послѣ отступленія отряда генерала Гурко, а потомъ и турецкое, послѣ вторичнаго наступленія нашихъ передовыхъ отрядовъ.

Болгарскіе женскіе костюмы меня приводили въ восторгъ въ селеніяхъ къ Адрианополю.

Отъ Тырнова до Адрианополя на ночлегахъ я занималъ квартиры не по указанію властей, а прямо заѣзжалъ во дворъ перваго попавшагося мнѣ на глаза дома, и я нигдѣ не видалъ у хозяевъ недовольной мины; моментально выходилъ ко мнѣ на встрѣчу кто-либо изъ членовъ семейства, съ обычнымъ у болгаръ привѣтствіемъ «добрѣ

дошелъ». Не проходило иногда часу времени послѣ моего въѣзда во дворъ, какъ уже на столъ подавалась жареная курица, яичница, сметана или по болгарски каймакъ, плацинда, вино, а за этимъ слѣдовало приглашеніе: «Заповѣдай, господине, на наша бѣдна болгарска софра». Узнавали же хозяева о болгарскомъ моемъ происхожденіи уже послѣ ужина, когда я начиналъ уже съ ними бесѣду по болгарски. Первый вопросъ, съ которымъ ко мнѣ обращался глава семейства, былъ: «Отъ какъ мѣста си твоя милостъ?» Лицо, конечно, у всей семьи принимало иной видъ, видъ весьма самодовольный. Объясненія начинались очень откровенныя. Вопросъ: «щели бядемъ чести ты да видамъ нашия бѣли царь?» почти что вездѣ мнѣ предлагался. Меня, поэтому, всегда немало удивляли рассказы нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ о негостепримствѣ болгаръ. Между тѣмъ какъ это качество у нихъ, какъ я на дѣлѣ увидѣлъ, очень развито. Отличительная черта болгаръ—это именно замѣчательное ихъ гостепримство. Вѣдь, оно доходило даже до того, что мало-мальски почетному гостю, кто бы онъ ни былъ, прежде всего, конечно въ деревняхъ, дочь хозяйна или его невѣстка должна вымыть ноги, потомъ подать ему вымыть руки, сливая ему, конечно, изъ мѣднаго рукомойника съ такимъ же газомъ, затѣмъ подается ужинъ, а послѣ ужина опять подается мыть руки. Это я встрѣтилъ въ большей части болгарскихъ домовъ въ селеніяхъ, хотя, конечно, я всегда отклонялъ отъ себя это гостепримство, но за то, Боже сохрани, если болгарское семейство замѣтитъ у гостя что либо имѣющее связь съ нарушеніемъ нравственныхъ ихъ принциповъ, то уже тамъ никто изъ членовъ семейства гостю больше не покажется, особенно женскій полъ.

Изъ Степ. Ивановъ.

25-го февраля 1889 года.

Клшиневъ.

Примѣчаніе. Почтенный И. С. Ивановъ, авторъ напечатанныхъ выше воспоминаній, болгаринъ по происхожденію, относится къ излагаемымъ имъ событіямъ съ чисто болгарской точки зрѣнія, поэтому его оцѣнка дѣятельности князя В. А. Черкаскаго нѣсколько односторонняя. Мы печатаемъ настоящія воспоминанія, какъ любопытный матеріалъ, какъ голось болгарина, отнюдь не считая сужденія автора судомъ исторіи надъ такимъ выдающимся государственнымъ челоувѣкомъ, какимъ несомнѣнно былъ и остался до конца покойный князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій.

Ред.

МИТРОПОЛИТЪ АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ.

Историческая замѣтка.

Въ рукописномъ сборникѣ библиотеки Киево-Софійскаго собора за № 168-й сохранилась слѣдующая интересная копія съ письма сенатора и кавалера Ивана Владиміровича Лопухина къ преосвященному Вологодскому, впоследствии митрополиту Киевскому, Евгенію Болховитинову, отъ 14-го октября 1813 года, въ отвѣтъ на запросъ послѣдняго объ извѣстномъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣвичѣ.

— «Извѣстно, пишеть Лопухинъ, что сперва онъ пострадалъ за ревность (и смѣю сказать не по разуму) противъ отбора монастырскихъ вотчинъ; а послѣ уже, конечно, его несчастіе было примѣрное. За нѣкоторыя слова недоказанныя и тысячами, конечно, говоренныя, онъ (бывшій митрополитъ съ 1741 г.) въ 1767 г., бывъ лишень и монашества, и одѣтый въ крестьянское платье и въ шапку архангелогородскую, названный Андреемъ вралемъ, перевезень былъ изъ монастыря Архангелогородской епархіи въ ревельскую крѣпость, и тамъ заключень былъ въ комнату 10¹/₂ футовъ длины и 7 ширины, на гривенную прежде, а послѣ 15-ти копѣечную порцію: при томъ на окошко положень былъ кляпъ, чтобъ кляпаты ему ротъ, ежели что выговорить дерзкое. Оттуда еще его возили запирать въ погребѣ и въ Динамидскую крѣпость, какъ видно изъ отрывка при дѣлѣ, которое я все читалъ въ архивѣ Тайной Экспедиціи, имѣвъ способъ видѣть всѣ ея дѣла. Для меня показалось очень куріозно и достойно награвировать эту картинку ¹⁾). Костюмъ въ ней съ подлиннаго дѣла, а лице съ самаго вѣрнаго портрета покойникова. Онъ точно на окошкѣ казематномъ у себя вырѣзалъ слова: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси».

Сообщ. Н. И. Полетаевъ.

Примѣчаніе. Портретъ бывшаго митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣвича, изображающій его узникомъ въ казематѣ, съ «кляпомъ» на окнѣ, приложенъ въ гравюрѣ академика Л. А. Сѣрякова при «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 176.

Ред.

¹⁾ Она была приложена къ настоящему письму, но, къ сожалѣнію, не сохранилась.

Н. П.

ОПИСАНІЕ КУРИЦЫ,

ИМѢЮЩЕЙ ВЪ ПРОФИЛѢ ФИГУРУ ЧЕЛОВѢКА,

СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ

НѢКОТОРЫХЪ НАВЛЮДЕНІЙ И ЕЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ,

ИЗДАННОЕ

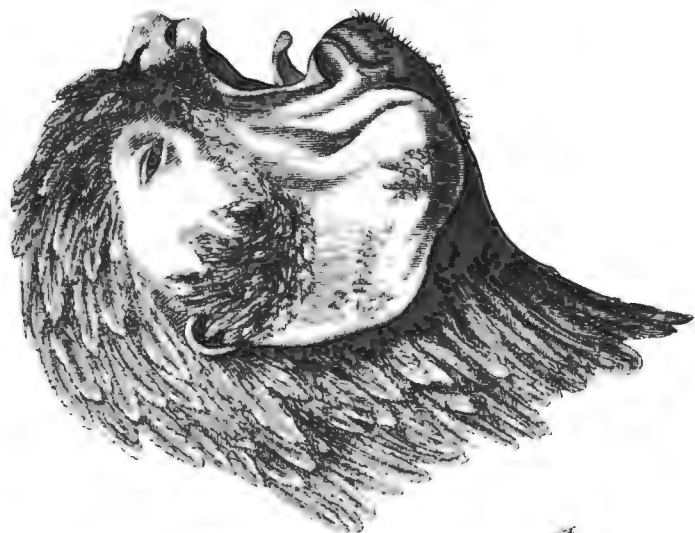
ПРОФЕССОРОМЪ ФИШЕРОМЪ

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1815.

Никогда курица не обращала на себя такого всеобщаго вниманія, никогда животное, даже самое рѣдкое, не возбуждало такого любопытства, какъ курица, выходящая въ профиль фигуру человѣка, найденная Тульской губерніи въ Бѣлевской округѣ и въ императорскій московскій университетъ присланная его превосходительствомъ, г-мъ тульскимъ гражданскимъ губернаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, ордена святыя Анны 1-го класса и разныхъ другихъ кавалеромъ, Николаемъ Ивановичемъ Богдановымъ.

Сообщивъ краткое, но вѣрное описаніе сей птицы, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ надъ нею наблюденій, я надѣюсь чрезъ то услужить тѣмъ, которые любятъ размышлять объ уклоненіяхъ природы.

Курица, о которой здѣсь говорится, величиною съ курицу средняго роста (она вышиною въ 8, а длиною въ 14 дюймовъ).—Перья на ней сѣраго жемчужнаго цвѣта съ примѣсью бѣлага; впрочемъ цвѣтъ сей болѣе или мене долженъ переимѣниться, потому что курица теперь линяетъ.

Видъ ея такой же, какъ и другихъ куръ, съ которыми она сходствуетъ и въ нравахъ, или въ образѣ жизни; но голова ея въ частяхъ, служащихъ для жеванія пищи, представляетъ такое образованіе, которое придаетъ ей, въ профиль, фигуру человѣка, особенно старухи. Клюва или носа у нее нѣтъ; челюсти такъ коротки, что простираются только до ноздрей; онѣ покрыты мясотою.—Гребень, выдавшійся впередъ, образуетъ родъ носа, который тѣмъ болѣе кажется удивительнымъ, что ноздри находятся между концомъ сего носа и челюстью. Въ нитъ можно иногда видѣть нѣсколько капель жидкости, что ни мало не уничтожаетъ кажущагося сходства.—На нижней челюсти есть мясистый наростъ, котораго у другихъ куръ нѣтъ, и который образуетъ родъ подбородка или бороды.—Ворода сія простирается до настоящаго уха, какъ и у другихъ куръ. Глаза круглые, черные, окруженные радужною перепонкою краснаго цвѣта. Часть головы подъ глазами мяснаго цвѣта, почти голая или усажена жесткими волосками, такъ какъ и подбородокъ.

Всѣ сія обстоятельства, если только не принимать въ разсмотрѣніе перья на головѣ, производятъ удивительное сходство съ профилемъ старухи, которое становится тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ пристальнѣе и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ смотришь на сію странную профиль, особливо когда курица жуетъ.

По причинѣ такого образованія птица сія подвержена нѣкоторымъ затрудненіямъ въ разсужденіи своего питанія. Такъ какъ клюва (носа) у нее

нѣтъ, или есть только одно его основаніе; то ей весьма трудно клевать, а пить, по причинѣ близости новдрей, она вовсе не можетъ; потому-то и кормятъ эту курицу хлѣбомъ, въ водѣ или въ молокѣ размоченнымъ. — Больше всего любитъ она ѣсть бѣлой хлѣбъ со сливками; до коноплянаго сѣмени очень лакома; но любитъ и рубленное мясо, такъ какъ другія куры; я имѣлъ случай видѣть также, что она хватала сыръ съ нѣкоторою жадностію. Она очень ручна, какъ то обыкновенно бываетъ со всѣми птицами, лишенными клюва или случайно, или отъ руки человѣка; охотнѣе ѣсть съ руки, потому что когда бы она клевала съ жесткихъ тѣлъ, то мягкія части, подлѣ рта находящіяся (гребень и подбородъ), легко могла бы повредить или натрудить. — Съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько дней держалъ ее у себя въ комнатѣ и кормилъ съ своей руки, она меня отличала отъ другихъ, подходила къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ я за обѣденнымъ столомъ или за чайнымъ столикомъ, и какъ будто чего нибудь просила. — Голосъ у нее слабый, но такой же, какой и у другихъ куръ; часто издаетъ она, особливо когда одна, такой же крикъ, какой издаютъ и другія куры передъ снесеніемъ яицъ. — Хотя и нѣтъ у нее клюва, однакожъ послѣ ѣды, чтобъ оттереть какъ одну, такъ и другую сторону своего клюва о какое нибудь твердое тѣло, она дѣлаетъ такое же движеніе съ боку своею головою, какое примѣчается и у другихъ куръ, когда онѣ чистятъ свой клювъ.

Съ людьми она смирише, нежели съ подобными себѣ птицами. Если принести другую курицу въ комнату и подогнать къ ней поближе, то она начинаетъ сердиться, опускаетъ крылья напоподобіе обыкновенныхъ или индѣйскихъ пѣтуховъ, надувается, поднимаетъ на себѣ перья и издаетъ особый крикъ, подобный крику пѣтуха, готовящагося къ дракѣ. Какъ она смирна ни кажется, но на кузнѣ дерется съ другими курами, прогоняетъ ихъ, а сама убѣгаетъ отъ пѣтуха. Такимъ же образомъ при видѣ воронъ или коршунновъ прячется она въ травѣ. Будучи въ комнатѣ на окнѣ и видя летающихъ воронъ, при каждомъ ихъ движеніи нагибается и отъ страху развѣваетъ ротъ.

Она теперь линяетъ; но и кромѣ того перья ея, кажется, показываютъ болѣзненное состояніе, потому что бородка ихъ чрезвычайно нѣжна и рѣдка, и при корнѣ у многихъ изъ нихъ нѣтъ перушковъ, особливо на головѣ и на шеѣ. Сверхъ того она имѣетъ еще другой недостатокъ, именно: хотя ноги ея и крѣпки и чешуйки на нихъ толсты (такъ что я думаю, что ей уже второй годъ); однако нѣтъ на нихъ нѣкоторыхъ ногтей, которые, какъ кажется, она отморозила. На правой ногѣ палецъ безъ ногтя, а на лѣвой нѣтъ двухъ ногтей.

Вотъ описаніе курицы, какъ она есть. — Теперь я намѣренъ отвѣтствовать на нѣкоторые вопросы, какіе могли бы мнѣ сдѣлать мои читатели.

Первой вопросъ: Въ самомъ ли дѣлѣ эта курица имѣетъ фигуру человѣка? — Это такая же курица, какъ и другія; но съ боку, чѣмъ болѣе ее

рассматривать, имѣть удивительное сходство съ профилемъ старухи. Но это ничего больше не значитъ, какъ только то, что какая нибудь фигура можетъ походить на другую, такъ напр. облако можетъ имѣть фигуру льва, голова мухи, между листомъ бумаги раздавленная, можетъ имѣть фигуру головы быка или каймана (американскаго крокодила), или тысячи другихъ разныхъ вещей.—Физиономы, начиная отъ Порты до Лафатера, обратили вниманіе всѣхъ на то, что фигура животныхъ и въ натуральномъ ихъ состояніи часто походить на фигуру человѣка.—Выраженіе, орлиный носъ, означаетъ сходство носа съ клювомъ орла, чѣмъ никто не оскорбляется.—Что же касается до истиннаго существа профили этой курицы, то все зависитъ въ ней отъ того, что нѣтъ у нее клюва. Отъ сего произошло, что гребень на головѣ протянуть и образуетъ подобіе носа. Ноздри дѣйствительно находятся подъ снѣгомъ носомъ; но онѣ находятся на томъ же мѣстѣ, какъ и у другихъ куръ, т. е. онѣ простираются въ клювъ, а не въ сей такъ называемый носъ, такъ какъ бы тому надлежало быть, если бы этотъ носъ вещественно походилъ на носъ человѣка или какого нибудь другаго сосцекопмщаго животнаго. Впрочемъ сіи ноздри не равны и гораздо меньше, нежели у другихъ куръ. Правая ноздря кажется даже совсѣмъ закрытою. Ротъ состоитъ только изъ основанія челюстей. Отъ сего происходитъ, что отверстіе, будучи короче, нежели какъ обыкновенно бываетъ, снизу имѣетъ большую ширину, и представляетъ родъ мѣшка или подбородка. Подбородокъ этой курицы есть не иное что, какъ протяженіе голой перепонки, находящейся подъ глоткою у другихъ куръ, и самой глотки.

Второй вопросъ: Родилась ли такъ эта курица, или оторвали у нее носъ, когда она была цыпленкомъ?—Я думаю, что она такъ и родилась: ибо природа котя и простымъ образомъ устроила клювъ, но столь тѣсно соединила его съ челюстями, концы роговая часть составляетъ только покрывку, что весьма трудно отнять эту часть, не причинивши смерти птицы.—Сверхъ того было бы весьма трудно изъяснить, какимъ образомъ эти переломленные части остались покрытыми мясомъ тамъ, гдѣ вовсе онаго не бываетъ: ибо оторвавши носъ, необходимо должно было бы оторвать часть челюстей и языка. Стороны челюстей чрезъ то были бы удалены одна отъ другой, и конецъ языка весьма трудно было бы вылѣчить, по той причинѣ, что язычная кость при каждомъ движеніи раскрывала бы рану. Наконецъ птица должна бы была умереть съ голоду прежде, чѣмъ всѣ сіи части могли быть вылѣчены. Но ежели и допустить возможность сего столь мало вѣроятнаго излѣченія, то и теперь видны бы были слѣды этого, именно рубцы или ранки.—Но кажется, что части сіи натурально соединены между собою: языкъ коротокъ, мясистъ и длиною почти съ язычную кость, коея и очертаніе видѣть можно.—На небѣ примѣчаются нѣкоторыя морщинки, но ихъ никоимъ образомъ нельзя сравнивать съ зубами. Можетъ быть мнѣ возразятъ,

что цыпленокъ, образовавшійся въ яйцѣ безъ клюва, не могъ бы разбить твердой и известковой скорлупы, чтобы выйти изъ онаго. Я на сіе отвѣтствую, что дѣйствительно клювъ часто служитъ птенцамъ для разбитія скорлупы яйца; но чаще случается, что сія скорлупа растрескивается по длинѣ отъ величины и движенія цыпленка; ибо весьма часто находятъ растреснувшуюся скорлупу и въ то время, когда цыпленокъ еще бываетъ во внутренней перепонкѣ или оболочкѣ, содержащей его вмѣстѣ съ окружающими жидкостями. О такихъ цыплятахъ можно сказать, что они родятся въ сорочкѣ.

Третій вопросъ: Особенная фигура этой курицы не предназначуетъ ли чего нибудь сверхъестественнаго?—Совѣтъ ничего. Лучшее. Не рѣдко случается находить несовершенныхъ цыплятъ, наиболѣе же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высиживаютъ искусственною теплою. Бываютъ изъ нихъ такія, у которыхъ нѣтъ клюва, крыльевъ, одной или обѣихъ ногъ; но сохранять ихъ не стараются, потому что жизнь ихъ сопряжена съ величайшими трудностями, и зависитъ почти единственно отъ особливыхъ попеченій человѣка. Бываютъ также цыплята, имѣющіе образованіе, подобное образованію этой курицы; около десяти лѣтъ тому назадъ въ Польшѣ показывали курицу, подобную нашей.

Послѣдній вопросъ: Какъ разсуждаютъ о семъ явленіи натуралисты?—Натуралисты почитаютъ оное уклоненіемъ природы или уродомъ.—Уродомъ, уродливостію вообще называется въ натуральной исторіи и въ анатоміи всякое естественное органическое тѣло, въ образованіи своемъ показывающее что нибудь противное общимъ законамъ образованія для существъ его рода.

Уклоненія природы или уроды бываютъ по излишеству и по недостатку, т. е. нѣкоторыя органическія тѣла имѣютъ нѣсколько частей лишнихъ, каковы напр. четвероногія о двухъ головахъ, обѣ осьми лапахъ и пр.; весьма любопытный уродъ сего же рода, доставленный его превосходительствомъ, Николаемъ Сергеевичемъ Всеволожскимъ, вице-президентомъ медико-хирургической академіи, находится въ университетской коллекціи; сей уродъ есть цыпленокъ о четырехъ лапкахъ и съ признаками четырехъ крыльевъ ¹⁾, Можно привести здѣсь въ особенности уклоненія природы (*écarts de la nature*), изданныя Реньютомъ (въ Парижѣ 1775 г., въ листѣ).—Другіе уроды бываютъ по недостатку какихъ либо частей, каковы напр. живот-

да и въ книгахъ натуральной исторіи подобныя случаи не рѣдко описываются.—

¹⁾ Его превосходительство, господинъ попечитель университета, Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ во время печатанія сего описанія прислалъ другаго цыпленка о четырехъ лапкахъ безъ крыльевъ, котораго онъ видѣлъ живаго въ Петербургѣ.

Профес. Фишеръ.

ные циклопы, съ однимъ только глазомъ; въ университетскомъ музеѣ была чучела собаки съ однимъ только глазомъ по срединѣ лба. Я видѣлъ здѣсь, въ Москвѣ, живаго теленка о трехъ ногахъ, который прыгалъ съ чрезвычайною быстротою. Къ симъ-то существамъ принадлежить и наша курица, которая, при недостаткѣ клява, пятается довольно хорошо, и любитъ получать отъ людей хорошій для себя кормъ.—Со временемъ она составитъ для нашего музея любопытный предметъ, за доставленіе коего мы обязаны усердію г-на Богданова.

Гг. Фроловъ и Осиповъ, университетскіе артисты, срисовали сію курицу; рисунки ихъ посланы къ его превосходительству, господину почечителю университета, Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову.

Для публки я изготовилъ другой рисунокъ, представляющій голову курицы въ натуральной ея величинѣ, снятый г-мъ Валеріемъ, артистомъ, заслуживающимъ всякую похвалу какъ по генію и дарованіямъ своимъ, такъ и по любезнымъ качествамъ и прилѣжанію.

Изображеніе курицы въ профиль весьма вѣрно и представляетъ старушку, такъ какъ она есть.

Вторая фигура представляетъ голову съ лица и показываетъ въ ней настоящего сатира, который легко можетъ заставитьъ насъ думать, что древніе занимались басни свои отъ подобныхъ игръ природы.

Третья фигура представляетъ ее зѣвущею и виѣстѣ показываетъ ея языкъ.

продается

въ Москвѣ въ университетѣ у самого издателя и въ университетской книжной лавкѣ; въ Петербургѣ, въ домѣ Щербакова, подъ № 107, насупротивъ Адмиралтейства, у книгопродавца Вильгельма Грефа.

Примѣчаніе. Давніе читатели «Русской Старины», вѣроятно, помнятъ остроумную шутку, брошюру: «О Царѣ-Горохѣ. Подарокъ ученымъ на MDCCCXXXIV годъ. Когда царствовалъ государь царь Горохъ, гдѣ онъ царствовалъ и какъ царь Горохъ перешелъ, въ преданіяхъ народовъ, до отдаленнаго потомства». Брошюра эта была составлена Касторомъ Никиф. Лебедевымъ, впоследствии сенаторомъ. Она была, въ сообщеніи Д. Θ. Кобеко, перепечатана въ «Русской Старинѣ», изд. 1878 г., т. XXII, стр. 347—368. Остроумная эта шутка-сатира, появившаяся впервые въ Москвѣ, въ 1834 г., была направлена именно противъ мнимо-ученыхъ трактатовъ педантовъ и ученыхъ тупицъ, трактовавшихъ на темы, не имѣвшія ни малѣйшаго для науки и общества значенія, но трактовавшихъ со всею обстановкою важности, серьезности

и научнаго значенія. Таковыхъ диссертацийъ въ то, довольно мрачное для русской науки время (1825—1850-ые года) выходило довольно много, и вотъ помѣщенное выше изслѣдованіе о курицѣ съ профилею человѣка есть отличный образецъ именно этого рода праздныхъ измысленій ученыхъ педантовъ.

Брошюра «Описаніе курицы, какъ курьезъ, сообщена на стр. «Русской Старины» Николаемъ Николаевичемъ Селифонтовымъ, который пишетъ намъ:

«Годъ издавія брошюры—не весьма отдаленный, тѣмъ не менѣе случай, взволновавшій умы москвичей и вызвавшій науку на усюкоеніе общественнаго мнѣнія, а равно и самый способъ изложенія брошюры настолькоъ оригинальны, что дѣлають эту брошюру въ настоящую минуту весьма интересною».

Спб.

1882 г., апрѣля 11-го дня.

Ред.

Табачникъ и порицатель

[изъ народныхъ сатирическихъ произведеній].

Порицатель. Откуда, брате, грядеши?

Табачникъ. Есть человекъ во градѣ семь, ему же ния Ѳеодоръ, по прозванію Зубковъ, отъ него граду азъ.

Пориц. Кія ради potrzeby ходилъ еси къ сему человекъу?

Табачн. Нѣсть-ли ти вѣстно, яко у сего благодѣтельнаго человекъа купуется земіе, табакомъ зовомое, сего ради и азъ ходилъ къ нему да и мнѣ хотя малую толику дасть сего земія.

Пориц. Повѣждь ми, брате, кіа ради potrzeby купуеши зловреднаго земія?

Табачн. Худу глаголеши, брате, нѣсть сіе земіе зловредно, но вельми полезно и умодательно есть.

Пориц. Кая отъ него польза, кромѣ вреда, истощаетъ бо казну?

Табачн. Соблазнился еси, брате, писаніе повелѣваетъ намъ избѣгать сребролюбія. Сего ради и азъ, купуя сіе земіе, избѣгаю сребролюбія.

Пориц. Нѣсть-ли сіе вредъ, яко носъ, исполненный сего земія, изрыгаетъ, яко гора Везувій, нечистыя и отвратительныя изверженія, зане всякому гнушатся и отвращати лице свое?

Табачн. Ложь, брате, во устѣхъ твоихъ обретесе: нѣсть-ли писано во уставѣ вселенскихъ табачниковъ: очисти носъ твой, яко трубу рожану, зане вѣтромъ вѣяти и выкриятъ играти.

Пориц. Сіе зловредное земіе, брате, дѣетъ вредъ самому ти, вельми пагубно оно кружитъ главизну твою.

Табачн. Велія клевета, брате, исходитъ изъ устъ твоихъ; како можешь глаголати о невѣданномъ самому ти? Имѣй вѣру, брате, яко аще воспріму сего благодѣтельнаго злака, о чудесе! не можно изрещи, яковую пользу приносить сей злакъ: отгоняетъ дреканіе отъ очима моима, отгоняетъ мракъ и слѣпоту очесъ моихъ, оживляетъ мой (духъ) бодрствовати и егда бываетъ сонѣніе въ предѣлахъ носа моего, ради долгаго неупотребленія сего земія, прошибаетъ е и дѣлаетъ носъ мой, яко трубу благовзвучну.

Пориц. Достаточна вина нюханія сего земія, брате, обаче не прельстивши мя, вельми бо безобразитъ лице твое.

Табачн. Заблудился еси, брате, вельми заблудился еси. Имаши воздати судъ

Зубковымъ и Парковымъ за толкое поношеніе сего зелія. Аще будещи твердо и непреложно хранить заповѣди вселенскихъ табачниковъ, то не исказитъ лице твое, но дасть красоту ему, ибо аще кто имѣетъ лице свое яко хлѣбъ печеный, носъ же яко бородавку нѣкую, то сіе зеліе раздуваетъ носъ его, яко волынку, ноздри же яко печурки, зане и по ланитамъ расширятся, обаче въ умѣренномъ носѣ не имать таковыя силы; азъ же, брате, вижу, яко носъ твой вельми малъ и убогъ есть, сего ради вкуси сего благодѣтельнаго злака.

Пориц. Въ малѣ, брате, не прельстиши мя, обаче да не будетъ сіе: грѣхъ бо велій обрѣтается въ семь зеліи.

Табачн. Неправда, брате! Нѣсть грѣха въ нюханіи табака, ибо и Давидъ глаголетъ: «всякъ злакъ на службу человѣкомъ», онъ же во иномъ мѣстѣ глаголетъ: «яко всяко даваніе благо». Понеже и табакъ есть даваніе Божіе. то и онъ есть благо. Кій-же грѣхъ обрѣтается въ немъ? Да и внемли, брате, мыслію! Богъ созда травы на службу для скотовъ и прочее для человѣка, а понеже табакъ скоти не ядятъ, то кому же, какъ не человѣку, созда его Богъ! Сказано бо есть въ писаніи: «ядать убозін и насытятся», еже есть немущіе хлѣба нюхаютъ сіе зеліе и насыщеніе имутъ. Итакъ, что можещи рещи противу сего, брате?

Пориц. Горе мнѣ окаянному! Согрѣшихъ предъ Зубковымъ и Парковымъ отъ моего заблужденія! Что имамъ рещи предъ ними, яко только благодѣтельное зеліе дерзнулъ поносить и ругаться усты моими и злымъ языкомъ моимъ!

Табачн. Не буде отчаяваяся, брате, милостивъ бо сынъ Феодоръ Зубковъ и Парковъ: вся, елика согрѣшилъ еси, отпустятъ ти, только унотребляя сіе зеліе и велію обращайшь предъ ними похвалу.

Пориц. Нынѣ возвеселися сердце мое и възграса утроба моя. Ты обратилъ мя еси на путь истины, сего ради молю тя, брате, прости моему заблужденію и отверзи ковчежець твоій да и азъ многгрѣшный сподоблюся благодѣяній Елисея Паркова, Феодора Зубкова и обрящу велію милость.

Оба. Восхвалимъ убо и воздадимъ благодареніе симъ лицамъ за толкое благодѣяніе. Хвала вамъ, добріи и доблестные мужи! питателя наши Зубковъ, Парковъ, Безрукій и иніи, иже подражаютъ симъ!..

Примѣчаніе. Списано со старой рукописи дѣячка Казанской губ. въ 1864 г., октября 16-го дня.

Александръ Можаровскій.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Род. 12-го іюля 1828 г., † 17-го октября 1889 г.

(Біографическія и бібліографическія свѣдѣнія).

Николай Гавриловичъ Чернышевскій является со времени своей кончины только историческимъ лицомъ, дѣятельности котораго будетъ въ свое время отведено подобающее мѣсто. Газеты и ежемѣсячные журналы сообщили уже некрологи и списки литературныхъ трудовъ покойнаго писателя. «Русская Старина», какъ изданіе представляющее обширное собраніе матеріаловъ для исторіи русской литературы и для біографій ея дѣятелей, помѣщаетъ нынѣ относительно Н. Г. Чернышевскаго голые факты, которые въ свое время послужатъ матеріаломъ.

I.

Н. Г. Чернышевскій родился въ Саратовѣ 12-го іюля 1828 г. Отецъ его, проходившій сначала должность инспектора въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, былъ священникомъ, еще съ конца 1830-ихъ годовъ ставшимъ во главѣ приходскаго духовенства (съ того времени онъ былъ благочиннымъ), потомъ о. Гавріилъ былъ возведенъ въ протоіерея, а съ 1856 г. занялъ мѣсто кафедральнаго протоіерея. Гавріилъ Ивановичъ Чернышевскій (1795 года, † 22-го октября 1861 г.), отлично знавшій языки греческій, латинскій и французскій, обладалъ обширнымъ умомъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ каждому дѣлу (въ началѣ своей духовной службы онъ былъ и членомъ консисторіи); честностью и сердечностью онъ снискалъ себѣ всеобщую любовь не только прихожанъ, но и всѣхъ имѣвшихъ случай сталкиваться съ нимъ въ жизни. Старикъ страдалъ порокомъ сердца и умеръ, сидя въ креслѣ, за разговоромъ съ Н. Д. Пыпинымъ, отцомъ извѣстнаго ученаго и писателя А. Н. Пыпина, двоюроднаго брата Н. Г. Чернышевскаго.

Н. Г. былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, и отецъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы развить въ Н. Г. любовь къ наукѣ; старикъ почти лично приготовилъ сына къ поступленію прямо въ семинарію, — только немного помогли ему учителя гимназій и семинаріи. Впрочемъ, Н. Г. былъ въ это время (до 16-ти лѣтъ) и самъ развить не по лѣтамъ: онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и имѣлъ научныя свѣдѣнія довольно обширныя, какъ свидѣтельствуешь А. И. Розановъ (см. «Русскую Старину 1889 г., кн. 11, стр. 499—592). Въ это же время Н. Г. былъ первымъ другомъ, руководителемъ и воспитателемъ А. Н. Пыпина, который года на четыре моложе Чернышевскаго. У Н. Г. была особенная способность къ языкамъ, о чемъ довольно интересныя свѣдѣнія см. въ книжкѣ «Очерки по исторіи г. Саратова», Хованскаго, стр. 152—153.

Въ семинаріи Н. Г. пробылъ только два года (одинъ въ классѣ реторики, другой — философіи) и здѣсь добросовѣстно изучалъ библію, литературу и древніе языки. Жажда знаній тянула Чернышевскаго дальше и онъ въ 1846 году поступилъ въ с.-петербургскій университетъ, въ I-е отдѣленіе философскаго факультета по разряду общей словесности. Въ теченіи университетскаго курса Н. Г. серьезно занимался древними языками, общею словесностью, а также славяновѣдѣніемъ.

Познакомившись, какъ говорятъ, черезъ Изм. Ив. Срезневскаго, съ Иринархомъ Ивановичемъ Введенскимъ, Н. Г. имѣлъ возможность бывать на вечерахъ у Иринарія Ивановича, разъ въ недѣлю, по средамъ; на эти вечера собирались немногіе друзья. Здѣсь, въ дружескомъ кругу, Н. Г. открылся новый міръ понятій, и, чтобы не отстать отъ друзей, онъ началъ дома старательно изучать литературу близкую къ предметамъ споровъ (соціальныя, историческія, экономическія, а также естественныя науки), и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явился съ такими свѣдѣніями, что занялъ первое мѣсто среди друзей.

Толчекъ въ развитіи Чернышевскаго, данный бесѣдами на вечерахъ у Введенскаго, однако, не сбиль его съ толку, университетскія занятія шли своимъ чередомъ, при чемъ Н. Г. не покидалъ занятій и по изученію славянскихъ нарѣчій. Въ 1850 г. Чернышевскій былъ вынужденъ 11-мъ кандидатомъ и оставленъ для занятій при университетѣ.

Въ 1851 г. Н. Г.—чѣ уѣзжалъ въ Саратовъ, куда тянула его любовь къ родителямъ; тамъ онъ занялъ мѣсто учителя въ гимназій. Товарищи по службѣ, съ отсталыми воззрѣніями, мало интересовали Чернышевскаго, и потому онъ имѣлъ почти единственнымъ друзей въ Саратовѣ отца съ матерью, да книги. Жизнь въ Саратовѣ, однако, доставила Н. Г.—чу и радость: тамъ онъ женился на любимой дѣвушкѣ, скоронивъ предъ этимъ глубоко любимую имъ мать. Вскорѣ послѣ женитьбы, Н. Г. перешелъ на службу въ Петербургъ.

«Военный министръ, читаемъ мы въ одной официальной справкѣ, сообщилъ попечителю Казанскаго учебнаго округа, что вслѣдствіе ходатайства его импе-

раторскаго высочества государя наследника цесаревича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, старшій учитель Саратовской гимназіи Чернышевскій, высочайшимъ приказомъ 24 января 1854 г. за № 5, порученъ во 2-й Кадетскій корпусъ въ должность учителя 3-го рода»¹⁾).

Преподавателемъ Ник. Гавр., по свидѣтельству знавшихъ его лицъ, былъ весьма хорошимъ; онъ владѣлъ превосходно своимъ предметомъ и излагалъ его увлекательно, но совершенно не заботился о томъ, чтобъ воспитанники работали; Н. Г. вовсе ихъ не спрашивалъ и не задавалъ имъ сочиненій; а это было наруку юношамъ—слушать они слушали Н. Г.—ча охотно, но сами не работали. Тщетно инспекторъ указывалъ на это явленіе Чернышевскому и на то, что такъ идти дѣло не можетъ, предъ нимъ-де все же школьники, отъ 14 до 17-ти лѣтъ не болѣе. Ник. Гавр. отшучивался—увѣряя, что онъ успѣетъ задать своимъ слушателямъ сочиненія. Долго-ли продолжалось бы такъ дѣло—неизвѣстно, но однажды разыгрался слѣдующій эпизодъ: была перемѣна, воспитанники зашумѣли въ одномъ классѣ, дежурный офицеръ (изъ финляндцевъ) вошелъ и водворилъ въ классѣ порядокъ; зашумѣли въ другомъ, между тѣмъ уже перемѣна кончилась и учителя пошли по классамъ; въ шумящій классъ, вслѣдъ за Чернышевскимъ, который шелъ туда на лекцію, вошелъ тотъ же офицеръ для водворенія порядка; вдругъ Н. Г. оборачивается и, останавливая слегка рукою офицера, говоритъ: «а теперь вамъ войдти сюда нельзя!»—Это чрезвычайно оскорбило офицера. Послѣ окончанія классовъ онъ принесъ инспектору и директору жалобу и требовалъ, чтобы Н. Г. извинился. Тщетно инспекторъ классовъ, человекъ, вообще отличавшійся большимъ тактомъ и деликатностью, старался склонить Н. Г. къ извиненію: тотъ подтверждалъ справедливость изложенія дѣла со стороны офицера, но наотрѣвъ отказался передъ обиженнымъ извиниться и подалъ въ отставку. Такъ кончилось кратковременное, кажется не болѣе года, пребываніе Н. Г. въ релі преподавателя въ кадетскомъ корпусѣ²⁾).

Покончивши навсегда съ педагогической дѣятельностью, прослужа на этомъ поприщѣ не болѣе 3—5 лѣтъ, Чернышевскій началъ литературную дѣятельность въ «Отечественныхъ Запискахъ», занимаясь переводомъ романовъ, составленіемъ библиографическихъ и критическихъ статей для этого изданія. Работая безъ усталы, Н. Г.—чѣ въ то-же время готовилъ магистерскую диссертацию, которая хотя и была написана и одобрена совѣтомъ университета, но не была утверждена министромъ просвѣщенія А. С. Норовымъ, была конфискована, и такимъ образомъ Чернышевскій, уже сдавшій магистерскій экзаменъ и очень удачно защитившій диссертацию на диспутѣ, не былъ

¹⁾ «Сиб. Сенат. Вѣд.» 1854 г., февр. 5, № 11.

²⁾ Разказъ одного изъ учителей-сослуживцевъ въ то время Н. Г. Чернышевскаго по корпусу.

удостоенъ степени магистра. Диссертация, все же сдѣлавшаяся извѣстною публикѣ, познакомила ея автора съ редакторами «Современника», и съ 1854 г. Н. Г. является постояннымъ, неотъемлемымъ и главнымъ сотрудникомъ этого журнала. Оцѣнка его дѣятельности въ этомъ журналѣ составляетъ почти оцѣнку всей его жизни: онъ здѣсь имѣлъ возможность выказать себя критикомъ, экономистомъ и публицистомъ, и исторія журнала съ 1854 до 1863 г. есть собственно исторія жизни Чернышевскаго, который, явившись новаторомъ во взглядахъ на искусство и общественные вопросы, сразу обратилъ вниманіе общества на «Современникъ», поразивъ читателей обширными свѣдѣніями, глубиною и новизною излагаемыхъ воззрѣній.

Во второй половинѣ 1857 года «Современникъ» заручился постояннымъ сотрудничествомъ Н. А. Добролюбова, и такъ какъ тогда былъ на очереди жгучій крестьянскій вопросъ, то Чернышевскій, сдавши Добролюбову критическій отдѣлъ въ журналѣ, самъ принялся за вопросы объ общинномъ владѣніи, за всестороннюю разработку быта помѣщичьихъ крестьянъ и за другіе экономическіе вопросы, и только изрѣдка Н. Г. возвращался къ критикѣ литературной, или вѣрнѣе сказать—къ роли публициста, по поводу тѣхъ или другихъ произведеній изящной литературы: въ то время жизнь выдвинула слишкомъ много роковыхъ и существенныхъ вопросовъ, и тогда произведенія искусства служили для критиковъ «Современника» только предлогами для того, чтобы обсуждать тѣ факты жизни, которые въ этихъ произведеніяхъ отразились. Вліяніе Чернышевскаго, по отзывамъ современниковъ всѣхъ партій, было громадное, особенно на молодое поколѣніе, и «Современникъ» въ то время былъ самымъ распространеннымъ журналомъ.

Одно время, въ 1858 г., Н. Г. былъ редакторомъ «Военнаго Сборника», но не долго продолжалось его редакторство,—вскорѣ же онъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ него:

Всѣ почти статьи Чернышевскаго печатались въ «Современникѣ», и только въ 1858 г. онъ помѣстилъ одну статью въ «Атеней».

Въ 1862 году, 7-го іюля, Н. Г. Чернышевскій былъ арестованъ.

Дальнѣйшая судьба Чернышевскаго будетъ ждаться исторіи; извѣстно, что сосланный 13-го іюня 1864 года въ Нерчинскіе заводы на 7 лѣтъ для отбыванія каторжной работы (хотя «каторги» собственно не было), Н. Г. послѣ этого срока былъ поселенъ въ г. Вилюйскъ, откуда въ 1875 г., 12-го іюля, хотѣлъ было освободить его нѣкто Мышкинъ, но это тогда не удалось, хотя самъ Чернышевскій въ этомъ заговорѣ и не принималъ никакого участія. Въ Вилюйскѣ Н. Г. пробылъ до 1883 г., когда, по высочайшему повелѣнію, былъ разрѣшенъ ему возвратъ въ Россію, съ поселеніемъ въ Астрахань; въ 1889 г. разрѣшено было Н. Г. переѣхать въ Саратовъ, гдѣ онъ и скончался въ 12

часовъ 37 минутъ ночи съ 16-го на 17-е октября того-же года, отъ кровоизліянія въ мозговую область. Къ литературной дѣятельности Н. Г. вернулся только въ 1885 году и доказалъ, что тяжелая полоса въ его жизни нисколько не сломила его энергіи: въ послѣдніе три года онъ сдѣлалъ столько, что иному не сдѣлать во всю жизнь.

Покойный, по словамъ саратовскихъ газетъ, велъ жизнь замкнутую, уединенную; онъ былъ съ головою погруженъ въ свои литературныя занятія, хотя въ обществѣ своихъ знакомыхъ отличался рѣдкимъ одушевленіемъ и говорливостью... Покойный былъ высокими житейскими правилами и невлобивый, кроткій человѣкъ.

Страдалъ Н. Г. давнишнимъ недугомъ—катарромъ желудка; передъ смертью онъ лишился сознанія, долго и много бредилъ, иногда диктуя изъ Вебера. Похоронили его на 4-й день послѣ смерти, въ присутствіи многочисленной публики, послѣ отпѣванія въ Сергіевской церкви, на Воскресенскомъ (Пичугинскомъ) кладбищѣ, гдѣ похороненъ и отецъ его.

II.

Большинство статей Н. Г. Чернышевскаго напечатано безъ его подписи; нѣкоторыя не всецѣло принадлежатъ ему (такъ отдѣлы библіографія и замѣтки о журналахъ въ «Современникѣ»), и потому съ библіографической стороны свѣдѣнія объ его дѣятельности не могутъ быть точными; здѣсь могли бы оказать существенную услугу литературѣ нѣкоторые изъ здравствующихъ литераторовъ, работавшихъ съ нимъ вмѣстѣ и стоявшихъ близко къ редакціи «Современника»¹⁾.

— Опытъ словаря къ Ипатьевской лѣтописи. Прибавленіе къ Изв. II отд. имп. акад. наукъ (Матеріалы для словаря и грамматики), тетрадь. 3-я, 1853 г., л. 32—36, стр. 512—576. Тоже, отд. отт. Спб., 1853, тип. имп. ак. наукъ, 8^о, 94 стр.

— Рецензія на соч. Гильфердинга «О сродствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ». «Отеч. Зап.» 1853, № 7, стр. 16—24.

— Рецензія на «Федонъ или о безсмертіи души» Мендельсона. Тамъ же, 1854, № 5.

¹⁾ При составленіи библіографическаго списка произведеній Н. Г. Ч.—го, мы руководились указаніями Виктора Петровича Острогорскаго въ его «Систематическомъ каталогѣ журнальныхъ статей бібліотеки Макалинскаго» (Спб., 1864 г.), а также и другими библіографическими пособіями; кромѣ того, всѣ почти статьи списаны нами de visu, что дало намъ возможность отмѣтить число страницъ.

— Рецензія на «Справочный энциклопедический словарь», изданный подъ редакцію А. Старчевскаго. Тамъ же, 1854, № 6, стр. 112—134, и № 11, стр. 16—22.

— Критическая статья на книгу «О поэзіи» Аристотеля, въ переводѣ В. Ордынскаго. Тамъ же, 1854, № 9, стр. 1—28.

— Рецензія на «Пѣсни разныхъ народовъ», въ переводѣ Н. Берга. Тамъ же, 1854, № 12, стр. 53—59.

— Семейство Доддовъ за-границей. Романъ Чарльза Ливера. Перевелъ Чернышевскій. Тамъ же, 1854, № 12; 1855, № 1, стр. 77—146, № 2, стр. 207—292; № 3, стр. 131—190, и № 4, стр. 271.

— Критическая статья на «Путешествія» А. С. Норова. Тамъ же, 1855, № 1, стр. 23—52.

— Рецензія на «Осада или взятіе Византіи турками» Стасюлевича. Тамъ же, 1855, № 3, стр. 4—10.

— Рецензія на «Романъ и повѣсти» Авдѣева. 2 тома. «Современникъ», 1854, № 2, стр. 39—53.

— Рецензія на комедію Островскаго «Бѣдность не порокъ». Тамъ-же, 1854, № 5, стр. 14—24.

Есть указаніе библиографическое, что Чернышевскому принадлежитъ «библиографія» въ №№ 5 и 6 за 1854 г., но какія книги разобраны имъ — трудно сказать. Далѣе ему приписываютъ критическую статью въ 7 № («Объ искренности въ критикѣ», библиографію въ № 10 (разборъ 11 книгъ, стр. 39—78) и критическую статью въ № 11, стр. 1—32 («Пѣсни разныхъ народовъ», въ переводѣ Н. Берга). Изъ этихъ статей несомнѣнно ему принадлежитъ въ № 6 рецензія на «О землѣ, какъ элементъ богатства», А. Львова (стр. 65—77), критическая статья въ № 11 и въ № 10 ему принадлежитъ рецензія на «Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича», соч. Медовикова (стр. 46—54), а въ № 12, стр. 62—65, разборъ «Учебника русской словесности» Охотина, и въ томъ же № критическая статья на «Временникъ Моск. Общ. Истор. и древн.».

— Критическая статья на «Сочиненія Пушкина», изд. П. В. Анненковымъ. «Соврем.», 1855 г., № 2, стр. 27—58; № 3, стр. 1—34; № 7, стр. 1—26, и № 8, стр. 27—52.

— Критич. статья на «Процнлен», сборникъ, изд. П. Леонтьевымъ. Тамъ-же, 1855, № 4, стр. 53—74, и № 5, стр. 1—22.

Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности (Магист. диссертация). Спб. 1855. 8°, 105 стр.—Тоже, изд. 2-е (А. Н. Пышина). Спб., т. Твблена, 1865, 16°, 152 стр.

— Очерки гоголевскаго періода русской литературы. (Сочиненія и переписка Н. В. Гоголя). «Соврем.», 1855, № 12, стр. 21—66; 1856, № 1, стр. 27—64; № 2, стр. 65—132; № 4, стр. 25—76; № 7, стр. 1—24;

№ 9, стр. 1—32; № 10, стр. 33—80; № 11, стр. 1—24, и № 12, стр. 25—52.

Изъ рецензій, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1855 г., Чернышевскому принадлежатъ слѣдующія (другихъ мы не знаемъ): разборъ книгъ: «Московская самоварница», соч. Петра Мед...а (№ 1, стр. 19); «Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова» М. Богоявленскаго (№ 2, стр. 60), «Осада и взятіе Византіи турками» Стасюлевича (стр. 65), «Россійская родословная книга», изд. кн. П. Долгорукова (№ 3, стр. 5), «Русская геральдика» А. Лакиера (стр. 11), «Новыя повѣсти» и «Воспоминанія поклонника святой земли» Виктора Каминскаго (стр. 24), «О правахъ иностранцевъ въ Россіи» Андреевскаго (№ 4, стр. 40), «Грамматическія замѣтки» Классовскаго (стр. 47), «Отчетъ императорской публичной бібліотеки» за 1854 годъ (№ 5, стр. 5), «О древне-русскихъ училищахъ» Лавровскаго (стр. 7), «О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ» Благовѣщенскаго (стр. 12), «Повѣсть о Цареградѣ» Срезневскаго (стр. 15), «Политическое равновѣсіе въ Англіи» Вернадскаго (стр. 15), «Высшій курсъ грамматики» Стоюнина (стр. 16), «О договорѣ Новгорода съ нѣмцамии городами» Андреевскаго (стр. 20), «Азовское сидѣнье» Кукольника (№ 6, стр. 28), «О жизни и ученыхъ трудахъ Френа» Савельева (стр. 36), «Записки русскаго географич. общества» (стр. 37), «Отчетъ импер. русск. географич. общества» (стр. 46), «Подвигъ матери» Ор. Миллера (стр. 49), «Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ» (стр. 50), «Крымская экспедиція» (стр. 51), «Записки о войнѣ 1813 года» Ортенберга (стр. 65), «Приятное препровожденіе времени» (стр. 66), «Восточная война» (№ 8, стр. 41), «Новыя письма о имѣн» Либиха (стр. 44), «Игра пикетъ» (стр. 46), «Исслѣдованіе о о лѣтописи Яковинской» (стр. 47), «Архивъ» Калачова (№ 9, стр. 3), «Руководство начальной геометріи» (стр. 16), «Православный Собесѣдникъ» (стр. 18), «Рассказъ солдата Сидорова» (стр. 18), «Практическое руководство» Оболенскаго (стр. 19), «Палитра, стихотворенія» (стр. 19), «Актъ восьмага выпуска» (стр. 22), «Учрежденіе» и «Записки Юрьевскаго общества» (стр. 22), «О званіи генерала» Дюра-Ласала (стр. 25), «Венгерская грамматика» Дешко (стр. 29), «Воспоминаніе 12-го января 1855 г.» (№ 10, стр. 33), «Бібліотека для дачъ» (стр. 66), «Полное собраніе сочиненій Греча» (стр. 67), «О цѣнахъ на хлѣбъ», «Егуново» (стр. 72), «Руководство статистики» Соколовскаго (стр. 76), «Премудрость и благодѣе Вожія» (стр. 76), «Сказаніе о странствіи... инока Паренія» (стр. 77), «Сельско-хозяйственная статистика» Я. Соловьева (№ 11, стр. 1), «Полное собраніе сочиненій В. Л. Пушкина» (стр. 14), «Матеріалы къ ученію» Кашина (стр. 31), «Археологическіе и нумизматическіе отрывки» Савельева (стр. 31), «Права и обязанности домовладѣльцевъ» (стр. 32), «О значеніи практики» Мейера (№ 12, стр. 37), «Памятная книжка Лицея» (стр. 40), «Цыганенокъ»

Шпилевскаго (стр. 41), «О бытѣ крестьянъ» (стр. 42), «О значеніи сельскохозяйственныхъ обществъ» Палмана (стр. 43), «Ложь и дѣйствительность восточной войны» Жоли (стр. 45), «Руководство къ всеобщей исторіи» Лоренца (стр. 46).

Въ 1856 году началъ сотрудничать въ «Современникѣ» Добролюбовъ; Чернышевскій, кромѣ окончанія критическихъ статей о «тоголевскомъ періодѣ», понятно, продолжалъ усиленно работать и по другимъ отдѣламъ, но анонимность статей и здѣсь лишаетъ насъ возможности точно указать статьи его. Вотъ нѣкоторыя, на которыя есть библиографическія указанія:

Въ № 3-мъ принадлежать ему рецензіи на слѣдующія книги: «Стихотворенія гр. Ростопчиной», стр. 1—18, и въ № 10, стр. 72—77, «Вѣстникъ естественныхъ наукъ», «Журналъ садоводства», «Очерки Сибириака», «Силуэты» Попова, «Разведеніе свекловицы», «Фабрикація стеариновыхъ свѣчей», «Практика золоченія», «Первое чтеніе и первые уроки» и «Нѣкоторыя замѣтки Липранди», «Стихотворенія» И. Никитина (стр. 56); въ № 5: «Стихотворенія» Кольцова (стр. 3), «Значеніе Пушкина въ исторіи литературы», Булича (стр. 20); въ № 7: «Понятія Гошкенса о народномъ хозяйствѣ», В*** (стр. 5), «Статистическое описаніе Кіевской губерніи», И. Фундуклея (стр. 9), «О золотѣ и серебрѣ», Тарасенко-Отрѣшкова (стр. 10, и въ № 12, стр. 49), «Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ», Стасюлевича (стр. 11); въ № 8: «О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», И. Бабста (стр. 26); въ № 9: «Стихотворенія» Огарева (стр. 1), «Областныя учрежденія Россіи въ 17-мъ вѣкѣ», Чичерина (стр. 9—29), «Дворяне-благотворители», В. Порошина (стр. 33), и остальное въ этомъ №; въ № 10: «Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества» (стр. 41), «Римскія женщины», Кудрявцева (стр. 47), «Собраніе стихотвореній» Венедиктова (стр. 54).

— Критическая статья въ № 8 на «Статистическое описаніе Кіевской губерніи», И. Фундуклея (стр. 25—64).

— Хроника современныхъ военныхъ извѣстій. №№ 1, 2 и 5.

— Замѣтки о журналахъ. Тамъ же, 1856, № 3, № 6, стр. 235—256; № 7, стр. 119—138; № 9, стр. 111—132; № 10, стр. 254—270, и № 11, стр. 152—171.

— Заграничныя извѣстія. Тамъ же, 1856, № 7, стр. 99—118; № 8, стр. 222—230.

Безспорно, ему принадлежать и другія рецензіи, но мы ихъ не можемъ указать.

— Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность. «Современ.», 1856 № 10, стр. 67—112; № 11, стр. 27—64; № 12, стр. 65—92; 1857 г., № 1, стр. 13—48; № 3, стр. 39—64; № 4, стр. 105—134, и № 6, стр. 121—163. То же. отд. отт. Спб., 1857, 8^о.

— Рассказы изъ исторіи Англіи при короляхъ Іаковѣ II и Вильгельмѣ III, и королевѣ Аннѣ. Изъ Маколея. «Соврем.», 1856, № 10, стр. 191—215; № 11, стр. 53—99; № 12, стр. 215—239; 1857 г., № 1, стр. 1—53; № 2, стр. 236—276; № 3, стр. 33—81; № 4, стр. 205—251; № 5, стр. 1—55; № 6, стр. 141—230; № 7, стр. 1—66; № 8, стр. 167—267, № 9, стр. 1—81; № 10, стр. 167—251; № 11, стр. 17—95, и № 12, стр. 147—234.—Тоже, отд. отт. Спб., 1857. Ц. 3 р. 50 к.

— Критическая статья на «Дѣтство и Отрочество» и «Военные рассказы», гр. Л. Н. Толстаго, «Соврем.», 1856, № 12, стр. 53—64.

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ. Спб., 1856, 16°.—Тоже, Спб., 1865, 16°. Ц. 50 к.

Въ 1857 г. Н. Г. помѣстилъ слѣдующія статьи въ «Современникѣ»:

— Забѣтки о журналахъ. № 2, стр. 358—374; № 3, стр. 187—202; № 4, стр. 333—350; № 5, стр. 113—138; № 6, стр. 298—318; № 7, стр. 133—165.

— Современное Обзорѣніе. № 9, стр. 130—162; № 10, стр. 252—280; № 11, стр. 134—144, и № 12, стр. 285—312.

Критическія статьи на слѣдующія книги:

— «Письма объ Испаніи», В. П. Боткина. № 2, стр. 43—72.

— «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича», изд. П. Бартедьевымъ, № 3, стр. 1—18.

— «Губернскіе очерки», Салтыкова. Два тома. № 6, стр. 25—66.

— Studien über die innern Zustände, etc. (Исслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденіяхъ Россіи», бар. Авг. Гакстгаузена), № 7, стр. 1—58.

— «Сочиненія и письма Н. В. Гоголя», изд. Кулиша. № 8, стр. 85—132.

— О поземельной собственности. Критику «Современника». Статьи г. И. Вернадскаго: «Экономическій Указатель», 22, 25, 27 и 29. «Современникъ», 1857, № 9, стр. 1—76, и № 11, стр. 1—48.

— «О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала», рѣчь И. Бабста. № 10, стр. 77—112.

Изъ рецензій, принадлежащихъ Н. Г., мы можемъ указать въ 1857 г. на слѣдующія книги:

— «Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ. Лирическія стихотворенія». Изд. Гербеля. № 1, стр. 1—6.

— «Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Чудодѣй», А. О. Вельтмана. № 1, стр. 9—11.

Есть библиографическое указаніе, что вся «библиографія» въ №№ 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 писана Чернышевскимъ. Если это такъ, то можемъ указать, что находятся рецензіи на слѣдующія книги:

Въ № 2: «Записки объ уженьи рыбы», С. Аксакова (стр. 43); «Вирже-

вья операціи», Везобразова (стр. 43—45); «Труды членовъ російской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. 3-й (стр. 45—49); «Новый опытъ о богатствѣ народномъ», Г. Каменскаго; «Сочиненія» Грановскаго; «Руководство къ познанію законовъ», Проскурнякова (стр. 50).

Въ № 3: «Стихотворенія» Н. Щербини (стр. 1—19); «Исторія Сербіи», Ранке (стр. 19—31); «Русскій библиографическій указатель за 1855 годъ» (стр. 32).

Въ № 4: «Стихотворенія» Н. Арбузова (стр. 33—38); «Очерки изъ крестьянскаго быта», Писемскаго (стр. 38—50); «Записки Имп. Россійск. Географическаго общества» и «Записки Сибирскаго отдѣла» того же общества (стр. 50—58); «Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей», Корша (стр. 58—60); «Для легкаго чтенія» (стр. 60).

Въ № 5: «Сочиненія Жуковскаго», томы 10—13, (стр. 1—15); «Отчетъ имп. публ. бібліотеки за 1856 г.» (стр. 16—21); «Отчетъ правленія одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 г.» (стр. 24—35), и «Статистическіе труды Штуценберга. Ст. 1. Описаніе Архангельской губерніи» (стр. 35—36).

Въ № 6: «Труды комиссіи для описанія губерній Киевскаго учебнаго округа» (стр. 37—46); «Хлопчато-бумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи», А. Шипова (стр. 47—58); «О свободной международной торговлѣ», Сербера-Медальгейма (стр. 58—59); «Путешествіе по восточной Сибири», Булычева (стр. 59) и «Статистическіе труды И. Штуценберга. Ст. II и III. Описаніе Оренбургской и Ставропольской губерній» (стр. 60).

Въ № 7 нѣтъ «библиографіи», а въ № 8: «Мертвыя Души. Окончаніе поэмы Гоголя», Ващенко-Захарченко (стр. 1—7); «Очеркъ русскаго вексельнаго права», Мейера (стр. 7—10), и «О погашеніи государственныхъ долговъ», А. Запасника (стр. 10—20).

За 1858 и 1859 гг. мы не знаемъ, за исключеніемъ статьи въ «Атеней», ни одной статьи Чернышевскаго, которая относилась бы къ литературной критикѣ; видимо, въ эти годы занимали его другіе вопросы.

— Кавеньякъ. «Современникъ», 1858, № 1, стр. 1—37, и № 4, стр. 303—332.

— Отвѣтъ на замѣчанія (въ № 3-мъ) Провинціала о поземельной собственности. № 3, стр. 104—113.

— Обзорніе мѣръ, принятыхъ до сего времени (1858 г.) къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ. № 1. Мѣры, принятыя къ ограниченію помѣщичьей власти въ царствованіе императрицы Екатерины II, Александра I и Николая I. «Современн.», 1858, № 6, въ особомъ приложеніи, стр. 1—40.—№ 2. По поводу статьи г. Тройницкаго «О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи». — Библиографія журнальныхъ статей по вопросу объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ

крестьянъ.— № 3. О финляндскихъ крестьянахъ. «Соврем.», № 8 (въ приложеніи).— № 4. Правительственныя распоряженія по устройству быта пом. крестьянъ.— Библиографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу. «Соврем.» 1858 г., № 10 (въ прилож.), стр. 1—32. № 5. Библиографія журнальныхъ статей по крест. вопросу.— О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ. Статья Чернышевскаго. «Соврем.», 1858, № 11 (въ прилож.), стр. 64—94 и 95—112.— № VI. Труденъ-ли выкупъ земли? Статья Чернышевскаго. «С.» 1859, № 1, въ приложеніи, стр. 1—74.— № VII. Библиографія журн. статей по крестьянскому вопросу. «Соврем.» 1859, № 2, стр. 75—106 (въ прилож.), и № 7, стр. 1 — 34 (въ приложеніи).

— Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. «Совр.» 1858, № 8, стр. 309—344, и № 9, стр. 133—184.

— «Тюрго. Его ученая и литературная дѣятельность или начало преобразования во Франціи XVIII вѣка». Соч. С. Муравьева. (Критич. статья). «Соврем.» 1858, № 9, стр. 24—49.

— Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія. Тамъ-же, № 12, стр. 575—614.

— Русский человекъ на rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася». «Атеней» 1858, ч. 3, № 18, стр. 65—89.

— Вредная добродѣтель. «Современникъ», 1859, № 1, «Свистокъ», стр. 184—189.

— Экономическая дѣятельность и законодательство. (Это 2-я статья; 1-я: «Критика фил...»). «Соврем.» 1859, № 2, стр. 313—368.

— «Возвращеніе князя Милославскаго въ Сербію» (рецензія). «Соврем.», 1859, № 3, стр. 87—104.

— Г. Чичеринъ, кавъ публицистъ. («Очерки Англіи и Франціи», Чичерина). «Соврем.» 1859, № 5, стр. 28—58.

— Вульвичскій арсеналъ и пушка Армстронга. Тамъ же, 1859, № 6.

— Суевѣріе и правила логики. Тамъ-же, № 10, стр. 503—524.

— Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса. № 10, стр. 1—30.

— Вопросъ о свободѣ журналистики во Франціи. № 10, стр. 239—266.

— Библиографія (вся). № 10, стр. 357—384.

— Политика. Во всѣхъ №№ «Современника» за 1859 годъ.

— Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» 1859 года по губерніямъ и городамъ. Тамъ же, 1860, № 1, стр. 225—236.— За 1860, тамъ же, 1861, № 1, стр. 183—215 (вѣрнѣе: 206).— За 1861, тамъ же, 1862, № 1, стр. 167—198.

— Июльская монархія. «Совр.», 1860, № 1, стр. 177—238; № 2, стр. 699—738, и № 5, стр. 127—159.

— Капиталь и трудъ. («Начала политической экономіи», соч. Ив. Горлова. Т. I-й). «Совр.» 1860, № 1, стр. 1—66.

— Лѣность грубаго простонародья. № 2, стр. 227—264.

— Основанія политической экономіи, съ нѣкоторыми изъ нихъ примѣненій къ общественной философій, Джона Стюарта Милля. Переводъ Н. Чернышевскаго, дополненный замѣчаніями переводчика. Т. I. Сиб., въ тип. К. Вульфа. 1860, 8°. Этотъ 1-й томъ сначала прикладывался по частямъ къ книжкамъ «Современника» за 1860 г. № 2, стр. 1—80; № 3, стр. 81—128; № 4, стр. 129—160; № 5, стр. 161—208; № 7, стр. 209—288; № 8, стр. 289—336, и № 11, стр. 337—426. Этотъ томъ тогда же поступилъ отдѣльно въ продажу.

— Антропологическій принципъ въ философій. («Очерки вопросовъ практической философій», соч. П. Л. Лаврова. I. Личность). «Совр.», 1860, № 4, стр. 329—366, и № 5, стр. 1—46.

— Замѣчаніе на «Послѣднее слово г. Погодину», Костомарова. «Совр.», 1860, № 5, стр. 84—88.

— Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной; № 6, стр. 249—278.

— Прадѣдовскіе нравы. («Записки Г. Р. Державина»). (Критич. статья). № 7, стр. 1—40, и № 8, стр. 265—282.

— Предложеніе г. Закревскаго относительно виннаго акциза. «Совр.», 1860, № 12, стр. 195—214.

— Нынѣшніе англійскіе виги. (Маколей. Полное собраніе сочиненій. Т. I). Тамъ же, 1860, № 12, стр. 221—244.

— Политика. Тамъ же, 1860, № 1, стр. 183—224; № 2, стр. 303—322; № 3, стр. 161—196; № 4, стр. 513—558; № 5, стр. 119—164; № 6, стр. 307—360; № 7, стр. 147—202; № 8, стр. 331—356; № 9, стр. 147—216; № 10, стр. 409—446; № 11, стр. 165—194, и № 12, стр. 409—444.

Изъ рецензій 1860-го года Н. Г. Чернышевскому приписываютъ:

Въ № 5: «Лѣтописи русской литературы и древности», изд. Н. С. Тихо-нравовымъ, кн. 1—3 (стр. 47—53); «Дневными Записки... Якова Марковича» (стр. 53—62); «Пермскій сборникъ», кн. 2-я (стр. 62 — 66), и «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь», Измайлова (стр. 67—72).

Въ № 6: «Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій», Ор. Новицкаго (стр. 217—230); «Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ мѣологій», Н. Готорна (стр. 230—245), и «Историческая бібліотека. Исторія Шлоссера», 8 томовъ (стр. 245—248).

Въ № 7: «Путевыя письма», П. И. Якушкина (стр. 61—66); «Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки» А. П. Смирнова (стр. 66 — 73) и «Изъ Украйны. Сказки и повѣсти», Г. П. Данилевскаго (стр. 74).

Въ № 8: «Новѣйшая исторія», Лоренца (стр. 292 — 294), и «Исторія университета св. Владиміра», В. Шульгина (стр. 295—304).

Въ № 9: «Молинари. Курсъ политической экономіи». Ч. I (стр. 89—99); «Исторія цивилизациі въ Европѣ», Гизо (стр. 99—104); «Быть Подольнъ», Шейковского (стр. 104—109); «Азбука», архим. Викторина (стр. 110—111); «Мемуары о дядюшкахъ и тетюшкахъ», Ващенко-Захарченко (стр. 111—113); «О лутыахъ карточной игры», Зоркина (стр. 113 — 115); «Опытъ книги для грамотнаго простонародья», А. Зеленаго (стр. 115—116).

Въ № 10: «Записки Льва Ник. Энгельгардта» (стр. 293—304); «Исторія русской словесности», Шевырева (стр. 305 — 313), и «Современныя мысли и предположеніе о повсемѣстномъ обогащеніи», Ст. Карпенко (стр. 313—318).

Въ № 12: «Материалы для географіи и статистики Россіи» Барановича (стр. 245—260); «Экономическая бібліотека.—Промышленныя предриятія», Курсель Сенёля (стр. 260—263) и «О судоустройствѣ», Бентама (стр. 289—304).

— Кредитныя дѣла. «Совр.» 1861, № 1, стр. 249—252.

— «Политико-экономическія письма къ президенту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ», Г. К. Кэре. (Рецензія). № 1, стр. 35—52.

— «О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи». Записка Гана. (Рецензія). № 1, стр. 52—65.

— Новыя періодическія изданія. («Основа» и «Время»). № 1, стр. 66—90.

— Отвѣтъ на вопросъ, или освистанный вмѣстѣ со всѣми другими журналами «Современникъ». № 1, въ «Свисткѣ», стр. 37 - 40.

— Что слѣдуетъ сдѣлать «Русскому Обществу Пароходства и Торговли?» (Отвѣтъ директора-распорядителя Русск. Общ. парох. и торговли, Н. А. Новосельскаго, на статьи противъ управленія дѣлами этого общества). № 2, стр. 235—248.

— Предисловіе къ нынѣшнимъ австрійскимъ дѣламъ. Тамъ же, 1861, № 2, стр. 581—618.

— Извлеченіе изъ постановленій о всемілостивѣйшемъ дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей и объ устройствѣ ихъ быта. Особое приложеніе къ «Современнику» 1861 г. Спб., 8°. Къ № 3, стр. 1—88, и къ № 4, стр. 89—194.

«Политическая экономія настоящаго и будущаго», Б. Гильдебрандта. (Рецензія). № 3, стр. 67—74.

— «Письма Карамзина къ Малиновскому и Грибоѣдова къ Бѣгичеву». (Рецензія). № 3, стр. 74—86.

— «Стихотворенія А. Н. Плещеева». (Рецензія). № 3, стр. 86—100.

— «Начала народнаго хозяйства», В. Рошера. Переводъ И. Вабста. (Рецензія). № 4, стр. 419—435.

— «Картины изъ русскаго быта», В. Даля. (Рецензія). № 4, стр. 435—439.

- «Архивъ юго-западной Россіи». (Рецензія). № 4, стр. 439—448.
- О рекрутской повинности. № 5, стр. 171—186.
- О причинахъ паденія Рима. Подражаніе Монтеスキа. («Исторія цивилизаціи во Франціи», Гизо). № 5, стр. 89—117.
- Рецензіи на книги: «Краткое изложеніе русской исторіи», Н. Тихаева (№ 5, стр. 147—149); «Краткій учебникъ всеобщей исторіи», Н. Тихаева (стр. 149—151); «Тетрадь всеобщей географіи», Н. Тихаева (стр. 151—153); «Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства» (стр. 153—161); «Опытъ историческаго оправданія Петра I», К. Задлера (стр. 161—172).
- Очерки изъ политической экономіи (по Миллю). «Совр.» 1861, № 6, стр. 477—548; № 7, стр. 119—184; № 8, стр. 397—442; № 9, стр. 183—254; № 10, стр. 519—574, и № 12, стр. 521—597.
- Непочтительность къ авторитетамъ. («Демократія въ Америкѣ», А. Токвилля). № 6, стр. 313—336.
- Рецензіи: «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и др. Росс.» (№ 6, стр. 337—349); «Пѣсни», собр. П. Кирѣвскимъ и П. Рыбниковымъ; «Калѣбкіе переходы», П. Безсонова (№ 6, стр. 349—366).
- Полемическія красоты. Коллекція первая. Красоты, собранныя изъ «Русскаго Вѣстника». № 6, стр. 447—478. Коллекція вторая. Красоты, собранныя изъ «Отечественныхъ Записокъ», № 7, стр. 133—180.
- Национальная безтактность («Слово». Рочникъ первый. Числа 1, 2. Львовъ). № 7, стр. 1—18.
- Русскій реформаторъ («Жизнь графа Сперанскаго», соч. бар. М. Корфа). № 10, стр. 211—250.
- Народная безтолковость («День», №№ 1 и 2). № 10, стр. 285—310.
- Н. А. Добролюбовъ. (Некрологъ). № 11, стр. 1—8.
- Не начало ли перемѣны? («Разказы» Н. В. Успенскаго). № 11, стр. 79—106.
- Политика. Тамъ же, 1861, № 1, стр. 153—182; № 2, стр. 401—428; № 3, стр. 173—194; № 4, стр. 487—500; № 5, стр. 213—244; № 6, стр. 493—506; № 7, стр. 181—200; № 8, стр. 435—460; № 9, стр. 175—188; № 10, стр. 355—366 и № 11, стр. 107—122.
- Рецензіи: «Воронежскій Литерат. Сборникъ», изд. В. Гарденинымъ (№ 12, стр. 189—194); «Воронежская Бесѣда на 1861 годъ», изд. М. Де-Пуле (стр. 195—210); «Записки русск. энтомологическаго общества» (стр. 210—216), и «Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи», Пютца (стр. 216—218).
- Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. (Записка М. А. Кострова о его дѣтствѣ.—Записка М. Е. Лебедева о его семинарскихъ годахъ.—Семинарскій дневникъ Н. А. Добролюбова. — Записка А. А. Радонежскаго объ

институтских годах Н. А. Добролюбова.—Отрывки из институтского дневника Н. А. Добролюбова). «Совр.», 1862, № 1, стр. 259—319.

— Г. магистръ Н. Де-Безобразовъ—псевдонимъ! Библиографическое открытіе! Тамъ же, 1862 г., въ «Свѣтѣ», № 1, стр. 50—56. Подписано: Вѣюль.

— «Руководство къ сравнительной статистикѣ», Г. Кольба. (Рецензія). 1862, № 2, стр. 291—314.

— О росписи государственныхъ расходовъ и доходовъ. № 2, стр. 337—348.

— Въ изъявленіе признательности. Письмо къ г. З—ну. № 2, стр. 389—394.

— Самозванные старѣйшины. № 3, стр. 47—58.

— «Ясная Поляна», журналъ, издав. 1р. Л. Н. Толстымъ. (Рецензія). № 3, стр. 122—140.

— Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія. № 3, стр. 141—176.

— Внутреннее обозрѣніе. № 4, стр. 298—344.

— Научились-ли? № 4, стр. 345—356.

— Политика. Тамъ же, 1862, № 1, стр. 187—166; № 2, стр. 395; № 3, стр. 177—190 и № 4, стр. 357.

— Что дѣлать? Изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. (Посвящается моему другу Ольгѣ Сократовнѣ Чернышевской). «Совр.». 1863, № 3, стр. 5—142; № 4, стр. 373—526, и № 5, стр. 55—197.

— Вопросъ о поземельномъ устройствѣ алжирскихъ арабовъ. Тамъ же, 1863, № 4, стр. 213—224.

— Новый Вавилонъ. (Подпись: Скиѣъ). «Современникъ», 1863, № 4, стр. 203—212.

— О проклятыхъ герояхъ. (Le Maudit par l'abbé ***). (Подпись: Скиѣъ). «Совр.». 1864, № 2, стр. 179—200.

Кромѣ перечисленнаго, Н. Г. Чернышевскій съ конца 1861 г. редактировалъ переводъ «Всемирной Исторіи» Шлоссера; перевалъ, съ примѣчаніями, «Исторію XVIII-го вѣка» того же автора; полный переводъ политической экономіи Милля былъ напечатанъ послѣ его ссылки. Наконецъ, только благодаря Н. Г., русская публика могла ознакомиться съ «Сочиненіями» Н. А. Добролюбова въ отдѣльномъ изданіи.

Годы ссылки надолго прервали литературныя занятія Чернышевскаго. Въ это время за границей нѣкто Элиидинъ предпринялъ изданіе сочиненій его и выпустилъ тринадцать книгъ и статей, изъ которыхъ три были неизвѣстны у насъ, прочія-же были перепечаткой прежнихъ до 1863 г. трудовъ Н. Г. Чернышевскаго, изданныхъ въ Петербургѣ либо въ журналахъ, либо отдѣльными книгами .

Въ 1883 году Николай Гавриловичъ былъ прощенъ и возвращенъ въ Россію; чрезъ нѣсколько времени явилась возможность опять заняться литературой. Понятно, онъ уже не могъ занять прежнее мѣсто въ литературѣ, и отдался почти всецѣло переводу на русскій языкъ «Всеобщей исторіи» Вебера; 1-й томъ этого перевода вышелъ въ 1886 году. Сочиненіе Вебера обширно, увѣсисто, каждый томъ заключаетъ около 1,000 страницъ; всѣхъ томовъ 15 въ оригиналѣ. Рѣшиться переводить такое сочиненіе едва ли кто еще взялся бы, и потому мы можемъ заявить, что не будь у насъ Чернышевскаго и не будь истиннаго ревнителя просвѣщенія Козьмы Терентьевича Солдатенкова, мы едва-ли ниѣли бы на русскомъ языкѣ изданіе полного перевода «Всеобщей исторіи» Вебера. Чернышевскій успѣлъ перевести, а Солдатенковъ напечатать—11 томовъ; двѣ трети 12-го тома также переведены Чернышевскимъ, а послѣднюю треть этого тома, уже вышедшаго изъ печати и поступившаго въ продажу, перевелъ Невѣдомскій; надо надѣяться—это изданіе будетъ доведено до конца.

Къ послѣднимъ томамъ Н. Г., въ видѣ введеній, прикладывавалъ оригинальные очерки по исторіи, и желательно, чтобы они были изданы отдѣльно.

Вотъ перечень этихъ очерковъ:

— Предисловіе къ русскому переводу.—О правописаніи мусульманскихъ и, въ частности, арабскихъ собственныхъ именъ. «Всеобщ. Ист.» Вебера, томъ VI-й стр. XIII—XVI.

— Предисловіе къ русскому переводу. «Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» 1. О расахъ. Тамъ-же, томъ VII, стр. XIII—XXXIII.

— Прибавленіе къ русскому переводу. «Очеркъ научныхъ понятій» и т. д. — 2. «О классификаціи людей по языку». Тамъ-же, томъ VIII, стр. XIII—LX.

— Тоже. 3. «О различіяхъ между народами по національному характеру». Тамъ-же, т. IX, стр. XIII—XLVII.

— Тоже. 4. «Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ». Тамъ-же, т. X, стр. XIII—XXXVI.

— Тоже. 5. «Климаты. Астрономическій законъ распредѣленія солнечной теплоты». Тамъ-же, т. XI, стр. XIII—XXXVI.

Кромѣ того, во 2-мъ изданіи 1-го тома, вмѣсто небольшого предисловія въ нѣсколько строкъ, Чернышевскій помѣстилъ «Очеркъ научныхъ понятій о возникновеніи обстановки человѣческой жизни и о ходѣ развитія человѣчества въ доисторическія времена».

1-й томъ, не смотря на дорогую цѣну, уже распроданъ и въ началѣ 1890 г. вышло уже 2-е изданіе его, нѣсколько измѣненное, которое успѣлъ подготовить покойный нашъ неутомимый переводчикъ и писатель.

Кромѣ перевода исторіи Вебера, Н. Г. возобновилъ свою писательскую

дѣятельность обширною научною статьею въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», подъ заглавіемъ «Характеръ человѣческаго знанія», и, кромѣ того, напечаталъ въ «Русской Мысли»:

— Гимнъ Дѣвѣ Неба. Стихотвореніе. Подпись: Андреевъ. «Русская Мысль» 1885, № 7.

— Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь. (Предисловіе къ нѣкоторымъ трактатамъ по ботаникѣ, зоологій и наукамъ о человѣческой жизни). Подпись: Старый трансформистъ. «Русская Мысль», 1888, № 9, стр. 79—114.

— Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова. (Сообщено Андреевымъ) «Русск. Мысль», 1889, № 1, стр. 76—93, и № 2, стр. 29—46.

Подъ псевдонимомъ Андреевъ выходилъ и переводъ исторіи Вебера.

Послѣ Чернышевскаго осталось нѣсколько начатыхъ имъ, но недоконченныхъ статей,—таковы: повѣсть «Вечера у княгини Старобѣльской» и «Отвѣтъ стараго трансформиста автору помѣщенной въ 1888 г. въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» критики на «Теорію благотворности борьбы за жизнь». Наконецъ, по извѣстію «Новостей», въ Москвѣ печатается 1-й томъ «Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова».

А. В. Смирновъ.

6-е ноября 1889.

6-е марта 1890.

Къ портрету Емельяна Пугачева.

[«Русская Старина», изд. 1890 г., кн. IV].

Портретъ этотъ, подлинникъ, писанъ на холстѣ, въ $\frac{1}{4}$ долю натуральной величины; подпись подъ нимъ воспроизведена въ точности, равно какъ и самый портретъ, награвированный отличнымъ художникомъ - граверомъ на деревѣ Г. И. Грачевымъ, по фотографіи Г. А. Петрожицкаго, въ губернскомъ городѣ Ярославѣ. Фотографія исполнена весьма заботливо и хорошо. На оберткѣ апрѣльской книги «Русской Старины» 1890 г. ошибочно показано, что гравюра эта исполнена художникомъ И. И. Матюшинимъ.

Ред.

Къ воспоминаніямъ Н. И. Кокшарова.

двѣ поправки.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1890 г., т. LXVI, апрѣль, стр. 19, въ весьма интересныхъ «Воспоминаніяхъ академика Н. И. Кокшарова» вкрались двѣ опіски:

1) Напечатано, что «г-жа Новицкая въ роли Фенеллы очаровываеа слушателей».

Фенелла, какъ извѣстно, глухонѣмая, и, слѣдовательно, ее слушать нельзя, но что ее прекрасно играла Марья Дмитріевна Новицкая (тогда танцовщица), вышедшая потомъ замужъ за извѣстнаго актера Дюръ—это вѣрно.

2) Въ выноскѣ, на той же страницѣ, извѣстный всей Европѣ актеръ Сансонъ названъ Самсономъ—это опечатка.

Сообщ. А. Андреевъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

двадцатипятилѣтній юбилей президентства въ этомъ обществѣ
е. и. в. князя Николая Максимиліановича Романовскаго, герцога
Лейхтенбергскаго,

1865 ^{MM}/₇ 1890.

I.

7-го мая текущаго 1890 г. исполнится двадцатипятилѣтіе со дня 7-го мая 1865 г., когда Е. И. В. князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, принялъ предложенное ему званіе президента въ Императорскомъ Минералогическомъ обществѣ и поручилъ, явившейся депутаціи, передать членамъ общества свою благодарность за такое «лестное», по выраженію Его Высочества, «вниманіе» и увѣрить ихъ, что «онъ употребить всѣ усилія, чтобы способствовать процвѣтанію общества».

Слова эти, блестящимъ образомъ, оправданы непрерывными заботами Е. И. В. о благосостояніи Общества, за послѣднія двадцать пять лѣтъ его существованія. Такъ, князь Николай Максимиліановичъ, при самомъ вступленіи въ званіе президента, изъявилъ желаніе принять участіе въ назначенной Обществомъ преміи за лучшія сочиненія по минералогіи, геологіи и палеонтологіи и увеличилъ предполагаемую награду изъ собственныхъ суммъ.

Вслѣдъ затѣмъ, Его Императорскимъ Высочествомъ была предложена задуманная имъ программа геогностическихъ изысканій въ Россіи, и имъ-же исходатайствованы требуемыя для

этого денежныя средства, чѣмъ онъ оказалъ громадную услугу для геологической картографіи Россіи и научнаго изслѣдованія ея минеральныхъ богатствъ. Какъ велико значеніе подробнаго геологическаго изученія Россіи, начатаго по инициативѣ Е. И. В. Князя Николая Максимиліановича, лучше всего можно видѣть при сравненіи результатовъ дѣятельности Минералогическаго Общества въ данномъ направленіи, въ первые десятки лѣтъ его существованія, — съ результатами послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ.

Говоря это, мы ни въ какомъ случаѣ, не думаемъ умалять прежнихъ заслугъ Минералогическаго общества, которыя, въ силу естественнаго историческаго развитія, должны были подготовить путь для его дальнѣйшихъ успѣховъ, и, только благодаря имъ, программа геологическихъ изслѣдованій Россіи могла быть осуществлена въ размѣрахъ, предположенныхъ княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что «все то, что сдѣлано въ Россіи по минералогіи, геологіи и палеонтологіи русскими подданными или лицами, находящимися на русской службѣ, представляетъ результатъ труда членовъ Минералогическаго общества», начиная съ первыхъ лѣтъ его существованія. Равнымъ образомъ, съ этого же времени въ спискахъ членовъ общества мы встрѣчаемъ имена извѣстныхъ ученыхъ; нѣкоторые изъ нихъ оставили по себѣ капитальныя сочиненія, какъ, напримѣръ: кристаллографическіе и физическіе труды Купфера, минералогическіе — Н. Норденшильда, палеонтологическіе — Пандера и друг.

С.-Петербургское Императорское Минералогическое общество возникло въ 1817 г., по почину частныхъ лицъ, и такъ какъ Горный институтъ, со времени его основанія въ 1773 г., былъ главнымъ разсадникомъ минералогическихъ наукъ въ Россіи, то естественно, что его бывшіе питомцы были въ числѣ главныхъ учредителей и дѣятелей общества. Но собственно честь основанія Минералогическаго общества принадлежитъ доктору философіи Лаврентію Ивановичу Павснеру, который, по опредѣленію Н. И. Кокшарова, «если не принадлежалъ къ числу тѣхъ гениальныхъ людей, которые своими важными, блестящими и часто неожиданными открытіями оставляютъ по себѣ неуывающую славу, то все-таки онъ занималъ видное мѣсто между тѣми умными, знающими и прилежными дѣятелями, которыхъ потом-

ство вспоминаетъ съ благодарностію и которыхъ имена сохраняются въ исторіи наукъ и ученыхъ обществъ»¹⁾).

Въ первомъ же собраніи Минералогическаго общества, состоящаго изъ тридцати трехъ членовъ, утверждены были главные основанія его устава, который былъ написанъ на нѣмецкомъ языкѣ Панснеромъ и переведенъ на русскій языкъ. Цѣлью общества было занятіе минералогіей въ обширномъ значеніи этого слова; поэтому оно не ограничилось изслѣдованіями въ области физики, минералогіи и химіи, и вскорѣ включило геологію въ кругъ своихъ изысканій.

Въ началѣ средства общества были крайне скудны; оно существовало на сумму, образовавшуюся изъ добровольныхъ пожертвованій и членскихъ ежегодныхъ взносовъ въ 25 р. асс., уплата которыхъ производилась весьма неисправно. Дѣла находились въ этомъ положеніи до 1825 г., когда императоръ Александръ I, по докладу дѣйствительнаго члена общества, статсъ-секретаря П. А. Кюкина, повелѣлъ указомъ 31-го марта, «для поддержанія Сиб. Минералогическаго общества», производить по пяти тысячъ рублей ежегодно изъ суммъ государственнаго казначейства. Такая же сумма была дарована обществу императоромъ Николаемъ I, указомъ 11-го марта 1827 г., по ходатайству графа Александра Григорьевича Строгонова, и упрочила его существованіе.

Что касается успѣховъ общества въ научномъ отношеніи, то въ это время они не могли быть особенно быстры. Геологія и палеонтологія въ первую четверть нынѣшняго столѣтія находились въ зачаточномъ фазисѣ своего развитія, а тѣмъ болѣе у насъ въ Россіи, гдѣ число дѣйствительныхъ ученыхъ, стоявшихъ въ уровень европейской науки, было весьма ограничено, и гдѣ между членами возникшаго Минералогическаго общества было не мало дилетантовъ или только любителей минералогическихъ наукъ. Только черезъ извѣстный промежутокъ времени, съ накопленіемъ научныхъ силъ, общество могло приступить къ разработкѣ геологическаго строенія Европейской Россіи.

Но такого рода изслѣдованія русскихъ и иностранныхъ

¹⁾ См. «Пятидесятилѣтній юбилей Имп. Сиб. Минералогическаго общества 7-го января 1867 года», Сиб. 1868, стр. 43—44.

геологовъ и палеонтологовъ представляли мало взаимной связи, и пока не могло быть и рѣчи объ общемъ планѣ геологическаго изученія почвы Россіи. Вслѣдствіе этого, мѣстности особенно интересныя въ какомъ-либо отношеніи подвергались весьма частымъ развѣдкамъ, а другія, занимавшія нерѣдко большія пространства, оставлены были безъ вниманія. Геологическія карты составленныя при этихъ условіяхъ, необходимо должны были представить множество пробѣловъ, которые были до извѣстной степени попомнены экспедиціями Мурчинсона 1840 и 1841 гг. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ накопилось не мало новыхъ изслѣдованій, не мало матеріаловъ для болѣе подробной геологической карты Россіи; но этотъ вопросъ оставался открытымъ.

Что касается ученыхъ изданій Минералогическаго общества, то оно, по мѣрѣ своихъ средствъ, дѣлало все возможное для распространенія свѣдѣній о минеральныхъ и вообще объ естественныхъ произведеніяхъ Россіи. Оно издавало въ неопредѣленные сроки, на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, отдѣльныя сочиненія по минералогіи, геологіи, палеонтологіи, горному искусству и металлургіи. Первое-же періодическое изданіе появилось въ 1830 году, на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Труды Минералогическаго Общества», часть первая. — Вторая часть вышла въ 1842 г., и тогда общество основало подобное же изданіе на нѣмецкомъ языкѣ: «Schriften»; а періодическія изданія Общества измѣнили свое названіе на «Verhandlungen», подъ которымъ печатались до 1866 года. Эта первая серія періодическихъ изданій Минералогическаго Общества появилась въ количествѣ шестнадцати томовъ.

Такова въ общихъ чертахъ исторія дѣятельности Императорскаго Минералогическаго общества за первые десятки лѣтъ его существованія до 1865 года, когда званіе президента принялъ на себя е. и. в. князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, а на должность директора, въ томъ-же 1865 г. (12-го марта), былъ выбранъ академикъ Н. И. Кокшаровъ ¹⁾.

¹⁾ Марта 12-го дня 1890 г. члены Императорскаго Минералогическаго Общества, находящіеся въ С.-Петербургѣ, посѣтили Н. И. Кокшарова и поздравили его съ четверть-вѣковымъ юбилеемъ его директорства и съ непрерывною дѣятельностію на пользу этого ученаго общества. Въ тотъ же день Николай Ивановичъ получилъ много телеграммъ и писемъ съ самыми сердечными привѣтами отъ отсутствующихъ членовъ.

Ред.

II.

Новая дирекція, при вступленіи своемъ въ управленіе, съ согласія общества, измѣнила самый планъ его періодическихъ изданій; она предложила печатать статьи на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, по усмотрѣнію авторовъ. Вслѣдствіе этого, началась новая вторая серія періодическихъ изданій, подъ названіемъ: «Записки Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго общества», которыя печатаются по плану и редакціи Н. И. Кокшарова. Въ настоящее время уже вышло двадцать шесть томовъ «Записокъ». Въ нихъ помѣщаются статьи общаго научнаго значенія и, преимущественно, работы по минералогіи, геологіи и палеонтологіи.

Вслѣдъ за переменой плана періодическихъ изданій общества, е. и. в. князь Николай Максимиліановичъ поднялъ вопросъ объ осуществленіи задуманной имъ программы геогностическихъ изысканій въ Россіи, съ цѣлью составленія новой общей геологической карты, такъ какъ существовавшая до этого карта Мурчисона, изданная въ 1845 году, не вполне удовлетворяла современнымъ требованіямъ. Необходимость составленія новой общей геологической карты Россіи давно сознавалась обществомъ; но главнымъ препятствіемъ къ осуществленію такого важнаго предпріятія былъ недостатокъ денежныхъ средствъ, и это препятствіе было устранено княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ.

По ходатайству его императорскаго высочества, Государю Императору, въ 1866 году, угодно было повелѣть: «предоставить Минералогическому обществу въ распоряженіе по три тысячи рублей ежегодно, въ теченіи пяти лѣтъ, исключительно для геологическихъ изслѣдованій Россіи»¹⁾. Въ виду такой высочайшей милости, Общество, въ засѣданіи своемъ 22 апрѣля 1866 года, утвердило правила для предполагаемыхъ геологическихъ изслѣдованій и назначило для руководства ими и обработки собираемаго матеріала особую Редакціонную комиссію,

¹⁾ Эта правительственная субсидія Минералогическому Обществу была возобновляема черезъ каждыя пять лѣтъ, по ходатайству е. и. в. князя Николая Максимиліановича, что и продолжается до сихъ поръ.

состоящую изъ трехъ членовъ, выбираемыхъ изъ наиболее извѣстныхъ геологовъ. Въ этомъ же засѣданіи, 22-го апрѣля, опредѣлена была главная цѣль изслѣдованій: составленіе геологической карты Россіи, въ возможно большемъ масштабѣ. Въ виду этой важной цѣли, общество также нашло необходимымъ собрать и приготовить матеріалы и вмѣнило въ обязанность ученымъ, отправляющимся для геологическихъ изслѣдованій, производить ихъ возможно тщательно, подробно и съ возможною полнотою.

Съ этихъ поръ Общество ежегодно посылаетъ геологовъ въ различныя мѣстности Россіи, для изученія геологическаго строенія почвы, и, на основаніи собранныхъ данныхъ, издаетъ частныя карты отдѣльныхъ губерній и областей или частей ихъ. Эти изслѣдованія начались собственно съ 1866 года. Такимъ образомъ, по вызову Минералогическаго общества, профессоръ Петровской земледѣльческой академіи И. Б. Ауэрбахъ и докторъ Г. А. Траутшольдъ приняли на себя изслѣдованіе Московской губерніи. Одновременно съ этимъ производилось изслѣдованіе пермской системы Казанской губерніи, которое было поручено Минералогическимъ обществомъ Н. А. Головкинскому, доценту Казанскаго университета, тогда какъ въ область изслѣдованія, порученнаго И. С. Боку, вошло довольно значительное пространство, обнимающее восточную часть Петербургской губерніи, юго-западную Олонецкой и сѣверо-западную Новгородской. Затѣмъ приступлено было къ изслѣдованіямъ Смоленской губерніи, Киевской, Казанской, Вятской, Тверской, Печорскаго края, Владимирской губерніи, Костромской, южной части Нижегородской губерніи, Заонежья, Ветлужскаго края и пр. Всѣ эти отдѣльныя карты войдутъ въ общую геологическую карту Россіи, которая составляется геологическимъ правительственнымъ Комитетомъ, учрежденнымъ въ 1882 году.

Упомянутыя карты губерній и областей или частей ихъ и описанія къ нимъ, равно и отдѣльныя относящіяся сюда монографическія статьи по геологій, палеонтологій и минералогіи помѣщаются въ такъ называемыхъ «Матеріалахъ для геологій Россіи», которые издаются съ 1869, подъ редакціей профессора минералогіи въ Горномъ институтѣ, П. В. Еремѣева, занимающаго должность секретаря Минералогическаго общества съ 1870 года. Въ настоящее время вышло уже тринадцать томовъ «Мате-

риаловъ для геологіи Россіи» и они пользуются такою же заслуженною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, какъ и вышеупомянутыя «Записки Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго общества».

III.

Изъ приведенныхъ вѣдѣсь фактовъ можно видѣть насколько разрослась дѣятельность ученыхъ соучастниковъ общества за послѣднія двадцать пять лѣтъ его существованія, благодаря просвѣщенному покровительству и содѣйствію Князя Николая Максимилиановича. Содѣйствіе это является тѣмъ болѣе активнымъ, что Его Императорское Высочество, въ качествѣ Президента, не остался чуждымъ научной дѣятельности общества и, занимаясь специально минералогіей, представилъ рядъ ученыхъ трудовъ, преимущественно, въ видѣ сообщеній, напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества¹⁾:

— О лейхтенбергитѣ, («Записки И. Спб. М. Общ.», т. I, стр. 33).

— Результаты анализовъ лейхтенбергита. Прот. общ. засѣд. 8 октября 1865 г. (Зап., т. I, стр. 347).

— Демонстрированіе вростковъ горнаго хрустала въ горномъ же хрусталѣ. Прот. общ. зас. 22 апрѣля 1866 г. (Зап., т. II, стр. 403).

— Демонстрированіе уральскихъ апатитовъ. Прот. общ. зас. 10 ноября 1866 г. (Зап., т. II, стр. 417).

— О кочубейтѣ, кеммеритѣ и пеннинѣ. (Зап., т. III, стр. 289).

— Исслѣдованія химическаго состава и свойствъ кочубейта. Прот. общ. зас. 30 января 1868 г. (Зап., т. IV, стр. 333).

— О результатѣ разложенія магнитнаго колчедана изъ Валлисса. Прот. общ. зас. 12 марта 1868 г. (Зап., т. IV, стр. 338).

— Демонстрированіе образца Пултусскаго метеор-

¹⁾ См. Указатель статей ко второй серіи «Записокъ Имп. Спб. Минералогическаго Общ.» и «Матеріаловъ для геологіи Россіи», изд. Обществомъ съ 1866-го по 1884 г. Е. С. Фодорова. Спб. 1885 г.

наго камня. Прот. общ. зас. 25 февраля 1869 г. (Зап., т. V, стр. 415).

— Демонстрированіе кристалловъ берилла. Прот. год. зас. 7 января 1870 г. § 10. (Зап., т. VI, стр. 370).

— О двухъ новыхъ формахъ, открытыхъ въ кристаллахъ русскаго брукита. (Зап., т. VII, стр. 82).

— Кристаллографическія изслѣдованія брукита изъ Атыланской золотоносной россыпи на Уралѣ. Прот. общ. зас. 6 апрѣля 1871 г. § 44. (Зап., т. VII, стр. 368).

— Демонстрированіе нѣкоторыхъ минераловъ. Прот. общ. зас. 17 марта 1881 г. § 28. (Зап., т. XVII, стр. 368).

Ученая статья е. и. в. Князя Николая Максимиліановича напечатана также въ Сборникѣ (стр. 657—663), изданномъ Императорскимъ С.-Петербургскимъ Минералогическимъ обществомъ, въ память совершившагося пятидесятилѣтія его существованія, 7 января 1867 года, подъ заглавіемъ: «Краткое описаніе нѣсколькихъ замѣчательныхъ экземпляровъ русскихъ минераловъ» (топазъ и самородки золота).

Кромѣ указанныхъ нами ученыхъ работъ, е. и. в. Князь Николай Максимиліановичъ изъ любви къ минералогіи и горному дѣлу, совершилъ поѣздку на Уралъ, гдѣ внимательно осмотрѣлъ все замѣчательное и гдѣ, съ особеннымъ увлеченіемъ, разыскивалъ минералы, которыми такъ богатъ Уралъ. Благодаря этой поѣздкѣ, онъ составилъ превосходную минеральную коллекцію, которая охотно предоставляется имъ каждому, кто занимается минералогическими работами или ищетъ матеріалы для своихъ работъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ упомянуть о пожертвованіяхъ, какія были сдѣланы въ разное время е. и. в. Княземъ Николаемъ Максимиліановичемъ Минералогическому обществу:

- a) Коллекція мраморовъ Олонецкой губерніи.
- b) Кристаллъ топаза изъ Мурзинки на Уралѣ.
- c) Самородокъ золота вѣсомъ 60 зол. 30 долей изъ присковъ гг. Асташевыхъ на Уралѣ.
- d) Экземпляры каменныхъ углей, собранныхъ е. и. в. въ каменноугольномъ бассейнѣ Тульской губерніи.

e) Замѣчательный по величинѣ и красотѣ штуфъ уваровита на хромовомъ желѣзнякѣ и большой кристаллъ ильменита изъ Ильменскихъ горъ.

Въ виду перечисленныхъ выше ученыхъ работъ е. и. в. Князя Николая Максимилиановича и его почтенной общественной дѣятельности, какъ президента одного изъ нашихъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ ученыхъ обществъ, — празднованіе предстоящаго 25-ти лѣтняго юбилея е. и. в. является вполне понятнымъ и несомнѣнно вызоветъ сочувствіе русской образованной публики. Минералогическое общество, съ своей стороны, рѣшило увѣковѣчить память о двадцати-пятилѣтнемъ президентствѣ Его Императорскаго Высочества учрежденіемъ золотой «Николае-Максимилиановской» медали для награжденія ежегодно, въ видѣ почетной преміи, авторовъ лучшихъ сочиненій по минералогіи, геологіи и палеонтологіи. На это, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, послѣдовало милостивое Его Величества Государя Императора соизволеніе, и новая Николае-Максимилиановская медаль достойно увѣнчаетъ общественныя и ученые заслуги Е. И. В. Князя Николая Максимилиановича.

Живой интересъ, возбуждаемый въ насъ видимою научною и общественною дѣятельностью неволью переносится нами на личность самого дѣятеля и являются вопросы: объ его первыхъ впечатлѣніяхъ дѣтства, воспитаніи и дальнѣйшихъ вліяніяхъ, направившихъ его на служеніе наукѣ и общему благу. Въ данномъ случаѣ вопросы эти были труднѣе разрѣшимы, нежели когда либо, вслѣдствіе высокаго общественнаго положенія е. и. высочества. Но и здѣсь Князь Николай Максимилиановичъ поставилъ себя въ уровень избравшихъ его ученыхъ членовъ Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго общества.

Въ автобіографической запискѣ, составленной въ исполненіе просьбы, съ которою обратился къ Князю Николаю Максимилиановичу редакторъ «Русской Старины», Его Императорское Высочество сообщилъ главныя біографическія данныя, относящіяся къ его дѣтству и воспитанію, и къ лицамъ, которымъ Его Императорское Высочество обязанъ своимъ духовнымъ развитіемъ.

Редакція «Русской Старины», печатая вслѣдъ за симъ помянутый очеркъ, приноситъ глубокую и почтительнѣйшую благодарность его составителю.

5-го марта 1890 г.
Спб.

Ред.

ОЧЕРКЪ МОЕГО ДѢТСТВА И ЮНОШЕСТВА.

Диктовано моему сыну.

Рожденіе мое, 23-го іюля 1843 года, было большой семейной радостью, въ особенности доволенъ этимъ событіемъ былъ императоръ Николай Павловичъ—я былъ его первымъ внукомъ.

Въ день моего рожденія онъ находился на маневрахъ въ Копорьѣ, откуда онъ, по полученіи извѣстія о радостномъ событіи, въ экипажѣ прибылъ на Сергіевскую дачу, и къ вечеру опять вернулся къ войскамъ.

У меня есть небольшая картина, подаренная мнѣ покойнымъ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, изображающая возвращеніе императора Николая въ Копорье, въ коляскѣ на сѣрой четверкѣ и въ бѣлой конногвардейской фуражкѣ; возлѣ коляски (экипажа) изображенъ верхомъ, въ шляпѣ, наследникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, бывший въ этотъ день дежурнымъ по войскамъ.

До шестилѣтняго возраста я находился на рукахъ нянекъ, но не вполне: по принятому обычаю, какъ при мнѣ и моихъ братьяхъ, такъ и вообще при дѣтяхъ великихъ князей, состояли дядьки, заслуженные унтеръ-офицеры, болѣею частью герои 1828—1829 гг., перваго польскаго возстанія и Кавказа.

Кромѣ обученія фронтовой службы, обращенія съ ружьями и орудіями, они постоянно сопровождали насъ на прогулкахъ и наблюдали за нами во время игръ,—оно было далеко не лишнее, въ особенности относительно меня, такъ какъ я былъ живой, головоломный мальчуганъ.

Первые уроки грамоты на пятомъ году были преподааны мнѣ Варварой Павловной Барыковой, урожденной Каблуковой, воспитательницею старшей моей сестры. Съ этого же времени я началъ почитать дѣтскія книжки, а съ дядькой моимъ Котелкинымъ, знанія грамоты котораго не многимъ превосходили мои, мы не безъ труда прочли, чуть не по слогамъ, въ теченіи двухъ зимъ, два тома Робинзона Крузе въ русскомъ переводѣ, не для дѣтей составленныхъ и не знаю откуда добытыхъ.

На шестомъ году я окончательно перешелъ въ мужскія руки. Воспитателемъ моимъ назначенъ былъ Ѳ. Д. Алопеусъ, адъютантъ моего отца, женатый на баронессѣ Фредериксѣ.

Съ этого времени начались болѣе правильныя занятія русскимъ языкомъ съ В. И. Классовскимъ и священной исторіей съ И. В. Рождественскимъ, который только что поступилъ ко двору великой княгини Маріи Николаевны изъ Дворянскаго полка. Но параллельно съ этимъ не пренебрегали и моимъ физическимъ развитіемъ: я ежедневно занимался гимнастикой и фронтальной выправкой—на нее тогда обращали большое вниманіе.

Однажды императоръ Николай Павловичъ, послѣ фамильнаго обѣда, приказалъ мнѣ продѣлать ружейные приемы со всѣми требовавшимися тогда тонкостями, съ палкой вмѣсто ружья; онъ до такой степени остался доволенъ мною, что подарилъ мнѣ двѣ прекрасно сдѣланныя модели, въ $\frac{1}{4}$ естественной величины, полевой пушки и единорога. Эти два орудія много лѣтъ къ ряду, въ счастливые годы дѣтства, служили намъ для производства салютовъ въ торжественные дни, всегда съ исполненіемъ уставныхъ правилъ артиллерійской прислуги.

На развитіе моихъ физическихъ силъ было обращено особенное вниманіе по слабости моего здоровья, хотя насъ далеко не нѣжили. Во всякую погоду мы обязательно выѣзжали въ открытомъ экипажѣ, карета разрѣшалась лишь въ случаѣ сильной простуды. Комнаты, въ особенности спальня, были холодныя (отъ 12°—10°). Спали мы всегда на походныхъ кроватяхъ, лѣтомъ на тюфякахъ, набитыхъ сѣномъ, и покрывались лишь однимъ пикейнымъ одѣяломъ. Родился я ребенкомъ здоровымъ и крѣпкимъ, но, вслѣдствіе недостатка въ ногѣ, я былъ подвергнутъ четыремъ операціямъ: первую, шесть недѣль послѣ рожденія, произвелъ профессоръ Тифенбахъ, а вторую, на четвертомъ

году,—профессоръ Арндтъ; о двухъ слѣдующихъ будетъ сказано ниже. Операція эта, которая дѣлается теперь почти безболѣзненно и безъ потери крови, была произведена надо мною хотя извѣстнымъ тогда хирургомъ, но весьма неудачно: говорить, я потерялъ тогда цѣлую локханку крови; врядъ ли эта потеря когда либо вознаградилась и, вѣроятно, имѣла большое вліяніе на мое здоровье. Слабое состояніе его было причиною поѣздки моей въ 1849 г. на купанія въ Ревель, гдѣ я жилъ въ Лихтенвальскомъ дворцѣ, въ сопровожденіи Алопеуса, его супруги, его племянницы, И. В. Рождественскаго и профессора гимнастики Де-Рона. Передъ тѣмъ я заѣзжалъ съ матушкой на пароходѣ «Грозящій» навѣстить отца моего въ Фалъ (гдѣ, можетъ быть, и понынѣ существуетъ посаженная мной береза), передъ отъѣздомъ его на Мадеру.

Въ 1851 году я вновь отправленъ былъ на купанье въ Галсаль, гдѣ жилъ съ двоюродными братьями, великими князьями Николаемъ, Александромъ и Владиміромъ Александровичами; цесаревичъ Александръ Николаевичъ и цесаревна Марія Александровна тоже провели тамъ лѣто 1851 года. Воспитателемъ моимъ въ то время былъ А. А. Философовъ, впоследствии директоръ Пажескаго корпуса.

Въ эти два года кругъ моихъ занятій расширился: кромѣ русскаго языка и Закона Божьяго, начались уроки французскаго языка съ Б. Курьяромъ, ариметики съ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, географіи съ К. Б. Эргардтомъ; впоследствии профессоромъ географіи былъ П. Н. Бѣлохъ.

Вскорѣ затѣмъ, по приказанію Николая Павловича, я сталъ брать уроки греческаго языка съ К. А. Косовичемъ, извѣстнымъ лингвистомъ, бібліотекаремъ императорской публичной бібліотеки.

Въ 1852-мъ году скончался мой отецъ. Николай Павловичъ, желая порвать всякія связи нашей семьи съ Германіей, приказалъ, съ разрѣшенія короля баварскаго, приступить къ продажѣ княжества Эйхштеть и остальнаго имущества въ Баваріи, и дарована намъ фамилія князей Романовскихъ.

Въ 1853 г. я въ первый разъ былъ отправленъ за границу въ Капштадтъ, возлѣ Штутгарта, и помещенъ въ ортопедическое заведеніе доктора Гейне. Здѣсь меня подвергли двумъ операціямъ, не особенно искусно сдѣланнымъ; затѣмъ въ теченіе

нѣсколькихъ мѣсяцевъ надо мной примѣнялся и отчасти испытывался весьма сложный курсъ ортопедическаго леченія, который продолжался даже по возвращеніи моемъ позднею осенью въ Петербургъ. Результатомъ этого леченія было полное расслабленіе больной ноги, нѣкоторое ея окороченіе и боль въ груди отъ десяти-часоваго лежанія въ машинѣ въ сутки.

Матушка моя, озабоченная перемѣной въ общемъ состояніи моего здоровья, созвала консилиумъ изъ докторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Н. И. Пироговъ. Этому замѣчательному человѣку обязанъ я тѣмъ, что изъ слабаго ребенка, которому грозила незавидная жизнь всегда больнаго человѣка, я выросъ достаточно здоровымъ и ловкимъ молодымъ человѣкомъ, способнымъ переносить даже трудности такого рода, какъ переходъ черезъ самыя высокія и недоступныя тѣснины Альпъ и т. п. Какъ теперь помню, каждый изъ докторовъ, большинство нѣмцевъ, высказался за продолженіе начатаго леченія; выслушавъ всѣ эти мнѣнія, Н. И. Пироговъ сказалъ слѣдующія слова, оставшіяся въ моей памяти:

— «Если бы это былъ мой сынъ, я бросилъ бы всѣ машины и сталъ развивать его гимнастикой!» — затѣмъ, поклонившись, вышелъ.

Такъ, къ счастью моему, и было сдѣлано.

Года Турецкой и Крымской кампаній проводили мы зимою въ Петербургѣ, лѣтомъ—на дачѣ подъ Петергофомъ. Въ это время памятнымъ событіемъ была смерть императора Николая Павловича.

Дня за два передъ тѣмъ государь заѣхалъ къ намъ во дворецъ—рѣдкій день проходилъ, чтобъ онъ насъ не навѣщалъ—мы были поражены его дыханьемъ и сильнымъ кашлемъ: онъ жаловался на простуду, которую схватилъ въ саняхъ на возвратномъ пути изъ Аничкинскаго манежа, гдѣ имѣлъ привычку ѣздить верхомъ.

Въ 1855 г. восемнадцатаго февраля, часовъ въ пять утра, насъ подняли и повезли въ Зимній дворецъ; вся семья была собрана въ передней комнатѣ, предшествовавшей его спальнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рабочему кабинету. Одна только императрица Александра Феодоровна и цесаревичъ Александръ Николаевичъ неотлучно находились въ его комнатѣ. Чувствуя при-

ближеніе смерти, онъ потребовалъ къ себѣ поочередно всѣхъ и всѣмъ сказалъ нѣсколько словъ; благословляя насъ, онъ сказалъ:

— «Служите вѣрно».

Вскорѣ, окруженный семьей и самыми близкими къ нему лицами, онъ скончался при чтеніи протоіереемъ Бажановымъ отходной.

Въ эти годы вплоть до 1857-го года, занятія велись систематично, постепенно расширяясь; такъ прибавились уроки англійскаго языка съ Б. Шау (Shaw), нѣмецкаго съ Т. Мюнцлеромъ, физики съ Э. Эвальдомъ и исторіи съ М. М. Стасюлевичемъ.

Къ концу 1857 года здоровье мое снова пошатнулось, постоянные бронхиты заставляли опасаться развитія чахотки, отъ которой скончался мой отецъ. Рѣшено было отправить меня съ братомъ моимъ Евгеніемъ за границу.

Двѣ зимы проведены нами въ Римѣ; лѣто—на купаніи въ Остендѣ или Англій, третью зиму 1859—1860 гг. провели мы въ Англій въ Брайтонѣ.

Такія постоянныя перемѣны мѣстъ, а такъ какъ занятія не прекращались—и постоянныя перемѣны профессоровъ не могли не отразиться неблагоприятно на нашемъ ученіи, несмотря на всѣ усилія и заботы воспитателей нашихъ К. Г. Ребиндера (нынѣ скончавшагося) и Э. К. Дитрикса (нынѣ директора Пажескаго корпуса) и сопровождавшихъ насъ профессоровъ Классовскаго и В. В. Бауера. К. Г. Ребиндеръ поступилъ къ намъ въ 1854 г. и неотлучно оставался при мнѣ вплоть до 1868 г. Съ 20-го моего года по 25-й онъ былъ назначенъ моимъ опекуномъ.

Въ 1860-мъ году мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. По существовавшему обычаю мнѣ слѣдовало поступить на службу, но покойной Государь, сознавая, что условія времени другія, что на шестнадцатомъ году нельзя кончать своего воспитанія, по просьбѣ моей разрѣшалъ мнѣ продолжать мои занятія до двадцати перваго года. Въ виду усиленныхъ занятій этихъ лѣтъ, я даже пользовался специальными привилегіями, такъ: на вечерахъ и балахъ, гдѣ присутствіе мое было болѣе или менѣе обязательно, мнѣ разрѣшалось уѣзжать раньше конца, даже до отъѣзда Государя Императора.

Въ этотъ періодъ времени и среди этихъ занятій утвердились мои дружескія отношенія со многими профессорами, изъ которыхъ многіе теперь занимаютъ высокія мѣста. Назову здѣсь нѣкоторыхъ изъ нихъ: М. И. Драгомірова, И. А. Вышнеградскаго, Н. А. Астафьева, И. Е. Андреевскаго, М. С. Куторгу, Ѳ. Г. Тернера, Н. Ѳ. Эгерштрома, Н. И. Кокшарова, благодаря которому я пристрастился къ минералогіи и съ которымъ связанъ самой искренней дружбой, и наконецъ академика Н. Н. Зинина, имѣвшаго громадное вліяніе на мое умственное развитіе. Всякій знавшій его пойметъ, что этотъ широкій умъ, эта свѣтлая голова, эта масса знаній, не поверхностныхъ, но глубокихъ, не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ на молодой натурѣ. Онъ пріучилъ меня къ строгой логикѣ въ сужденіяхъ, благодаря которой многіе вопросы, кажушіеся запутанными и неразъяснимыми, становятся ясными и разрѣшимыми.

На двадцать третьемъ году кончилось мое правильное ученіе, хотя, собственно говоря, оно и по сіе время не прекращается.

Н. Л.

*
* *

Когда меня волной холодной
 Объемлетъ міра суета —
 Звѣдой мнѣ служить путеводной
 Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
 Однажды данный мнѣ обѣтъ:
 Любовь мнѣ согрѣваетъ душу,
 Она мнѣ жизнь и свѣтъ.

Не зная усталы, ни лѣны,
 Отважно къ цѣли я святой
 Стремлюсь, чтобъ преклонить колѣны
 Предъ вѣчной красотой.

Берлинъ
 5 Декабря 1887.

*

Прошла зима! Не видно снѣга,
 Запѣли птицы съ высоты. . .
 — Что за чарующая нѣга
 Кругомъ разлита! — Это ты,
 Весны желанная прима!
 Теченьемъ льдины унесло
 И въ этотъ ясный часъ разсвѣта
 Благоуханно и тепло!
 Весна! Въ душѣ стихаютъ буня,
 Какъ въ небѣ таютъ облака.
 Весна! Душа полна лазури,
 Какъ эта тихая рѣка.

С.-Петербургъ.
 11 Апрѣля 1888.

Е. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Сиб. 1889 г.]

Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ

1790 ^{мая}_{15-го} 1890.

I.

Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го марта 1884 года старшинство лейбъ-гвардіи Павловскаго полка установлено считать съ 15-го мая 1790 года. Такимъ образомъ, въ виду нашемъ столѣтняя годовщина существованія одного изъ самыхъ доблестныхъ полковъ русскаго войска—лейбъ-гвардіи Павловскаго. Это обстоятельство даетъ намъ поводъ хотя мелькомъ взглянуть въ лѣтопись его боевой жизни.

Предки «Павловцевъ»—Тенгинскій пѣхотный полкъ съ 1726-го по 1790-й годъ, затѣмъ Московскій Гренадерскій съ 1790-го по 1796-й годъ, далѣе Павловскій гренадерскій съ 1796-го по 1813-й годъ и, наконецъ, съ 1813-го года является лейбъ-гвардіи Павловскій—нашъ столѣтній юбиляръ. Полкъ зачисленъ въ составъ гвардіи за отличіе при пораженіи и изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году, а въ 1831 году, также за боевыя отличія, ему даны права старой гвардіи.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ военною-отечественною исторіею XVIII-го вѣка, тотъ часто встрѣчалъ на ея страницахъ Тенгинскій пѣхотный полкъ, прославившій русское оружіе въ рядахъ арміи, ведомой къ побѣдамъ фельдмаршаломъ Минихомъ (1737—1739 гг.), а затѣмъ графомъ П. А. Румянцевымъ (1769—1774 гг.). Преемникъ Тенгинцевъ—Московскій гренадерскій—отличается въ 1794 году въ Литвѣ, въ особенности при взятіи Вильно, а съ 23 ноября 1796-го года изъ двухъ баталіоновъ и двухъ ротъ Московскаго полка, по волѣ Павла I-го, составляется нашъ родной Павловскій полкъ и располагается въ Павловскѣ и Гатчинѣ подъ главенствомъ своихъ шефовъ, которые быстро смѣняются другъ друга; таковы были: камергеръ

переименованный въ генераль-поручики, Федоръ Федоровичъ Вадковский, занимъ генераль-лейтенантъ герцогъ фонъ-Голштейнбекъ и затѣмъ 25-ти лѣтній генераль Адамовичъ. — Шефства двухъ послѣднихъ были лишь по нѣсколько мѣсяцевъ. Только четвертый шефъ полка, генераль Эмме, оказался болѣе счастливымъ на своемъ посту, такъ какъ его командованіе протянулось года два, и подъ его начальствомъ полкъ совершилъ въ высшей степени мучительную экспедицію въ полузатопленную Голландію, а оттуда на зимовку на негостепріимные острова тогдашней нашей союзницы Англіи. Въ полку въ 1798-мъ году состояло: 5 штабъ и 40 оберъ-офицеровъ, 96 унтеръ-офицеровъ и 1,375 нижнихъ чиновъ.

Не знаемъ, что было для полка мучительнѣе—переездъ-ли на корабляхъ въ Голландію, причѣмъ корабли нагружены были солдатами, буквально какъ сельдями бочки, пребываніе-ли въ низменной сырой Голландіи, гдѣ приходилось бороться не только съ храбрымъ и искуснымъ непріателемъ, каковы французы, но и съ стихіями, голодовка-ли и стужа на островѣ Джерсеѣ въ Англіи или же вахтъ-парады и вся ужасная муштровка полка жестокимъ Аракчеевымъ въ 1796—1798 годахъ, въ Павловскѣ и въ Гатчинѣ! Страницы, посвященныя историкомъ полка этимъ годамъ, являются въ высшей степени характерными.... Чего только не вынесъ Павловецъ въ павловское время! Тогдашняя одежда, тогдашніе головные уборы, булки, косы, до того напитиваемыя саломъ, что ими лакомились крысы, отгрызавшія у «убранныхъ» солдатъ кончики косъ во время ночи, вся мелочность воинскаго устава Павла Петровича, замѣнившаго дѣльный, замѣчательный, для своего времени, уставъ великаго Петра. трости въ рукахъ офицеровъ, какъ «средство для обученія и наказанія нерадивыхъ», шпицрутены, сыпавшіеся на спины солдатъ сотнями, тысячами ударовъ верѣдко за такіе проступки, за которые теперь едва-ли накажутъ арестомъ, — мелочность регламентація не только службы, но и быта всѣхъ чиновъ безъ изыятія, регламентація, доходившая до того, что опредѣлено было количество кушаній, на какое имѣлъ право по уставу Павла I—штабъ-офицеръ полка,—все это такія черты, которыя ярко отдѣляютъ 1796—1801 года отъ всего послѣдующаго времени въ исторіи Павловцевъ. Историкъ полка указываетъ намъ, что съ этого же времени проявилась слѣдующая особенность полка: офицерами его, по крайней мѣрѣ большинство, явились мелкопомѣстные дворяне; наиболѣе состоятельные владѣли не болѣе, какъ 200-ми душъ, и эта особенность, замѣтимъ, проходитъ до позднѣйшихъ лѣтъ, до освобожденія крестьянъ.

До чего было тяжело время перваго десятилѣтія въ жизни «Павловскаго гренадерскаго полка» всего лучше видно изъ мѣсячныхъ

рапортовъ, хотя бы за 1801, 1802 и 1803 года. Въ этихъ документахъ историкъ сохранилъ намъ весьма краснорѣчивыя данныя. Больныхъ при полку оказывается въ эти годы: 669, 940, 366; Павловцевъ больныхъ въ госпиталяхъ: 1,538, 1,401, 571. Ужасны цифры умиравшихъ солдатъ въ тѣ годы: 85, 56, 57! Не менѣе характерны цифры бѣглыхъ изъ полка: въ 1801 г.—9, въ 1802—15, въ 1803—10. И это тогда, когда наказанія за побѣгъ сопровождались невѣроятною жестокостью, а между тѣмъ, на 100 съ небольшимъ солдатъ строевыхъ въ ротѣ приходился одинъ бѣглець ежегодно. Эти цифры лучше всякаго разсказа свидѣтельствуютъ, какъ тяжелы были условія, среди которыхъ проходилъ службу Павловець въ началѣ XIX-го вѣка, въ Петербургѣ, обитая въ нынѣшнихъ Петровскихъ казармахъ на Петербургской сторонѣ, и притомъ въ самое либеральное время царствованія Александра I. Но за то это были едва-ли не послѣдніе, особенно тяжкіе годы въ жизни полка. Съ октября 1803 г., въ командованіе полкомъ вступилъ генералъ-майоръ Николай Николаевичъ Мазовской. Время командованія имъ Павловцами по справедливости, считается счастливою эпохою въ исторіи полка; честный, справедливый, отлично знавшій службу и ея требованія, самъ прошедшій ее съ званія солдата — Мазовской былъ первый, по времени, командиръ полка, который положилъ въ основаніе своихъ отношеній къ подчиненнымъ нравственное вліяніе и призналъ, что его «гренадеры настолько отличны, что совершенно не нуждаются въ палкахъ».

1806-й годъ внесъ нѣсколько славныхъ страницъ въ исторію Павловскаго гренадерскаго полка; онъ вошелъ въ составъ дивизіи, начальникомъ которой былъ графъ Остерманъ-Толстой, имя котораго тѣсно связано съ славою Павловцевъ. Въ декабрѣ Павловцамъ довелось сражаться съ самимъ Наполеономъ, и именно, въ ночь на день рожденія императора Александра I-го, т. е. на 12-е декабря 1806 года, два баталіона Павловскихъ гренадеръ выдержали нѣсколько самыхъ упорныхъ атакъ французовъ близъ деревни Чарнова, предъ глазами самого Наполеона. Павловцамъ же довелось прикрывать отступленіе дивизіи Остермана-Толстого, совершенное съ изумительною строгостью. Семь русскихъ баталіоновъ выдержали кровавый бой съ сорока тысячами французовъ. И это, повторяемъ вслѣдъ за историкомъ полка, въ виду самого Наполеона. Оба баталіонныхъ командира и шефъ полка за Чарново получили Георгія 4-го класса. Полкъ потерялъ тогда 232 человекъ, выбывшихъ изъ строя.

1806 и въ особенности 1807 года славны въ исторіи полка не только храбростію и стойкостію Павловскихъ гренадеръ, но и не-

обыкновенною выносливостью солдатъ и офицеровъ въ борьбѣ съ стихіями; особенно мучительна была борьба съ такъ называемою пятою стихіею, именно—невызлазною 'грязью въ нынѣшнемъ Царствѣ Польскомъ и въ западной Россіи. Записки Дениса Давыдова, Ермолова, рапорты командира Павловскаго полка Мазовскаго, да еще недавно изданные «Русской Стариной» «Записки Толубѣева» рисуютъ яркія картины всего того, что должна была испытать русская армія въ эти чрезвычайно трудные годы весьма кровопролитныхъ битвъ и ужасныхъ походовъ. «Павловскіе гренадеры», доносятъ между прочимъ Беннигсенъ о сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау, «съ отрицною храбростію на полѣ сраженія ободряли геройственнымъ своимъ видомъ другъ друга, чрезъ что только равнодушнымъ фронтомъ поразили сильно стремившуюся на нихъ неприятельскую колонну». Полкъ, уложившій тысячи враговъ, остался самъ въ составѣ съ небольшимъ двухсотъ человекъ. Безъ малаго 500 Павловцевъ вышло изъ строя. Полкъ получилъ 90 знаменъ Георгія для нижнихъ чиновъ и длинный рядъ разныхъ орденовъ для уцѣлѣвшихъ и раненыхъ офицеровъ. Съ этихъ же годовъ гренадерки (кички) Павловцевъ сохраняютъ «доброславныя дыры отъ пуль». Что выносили тогда герои-солдаты русскіе, сражаясь за предѣлами отечества, за чуждые совершенно намъ интересы—просто выразить невозможно, и это тогда, когда офицеры и солдаты цѣлыми мѣсяцами не получали жалованья; заразительныя болѣзни опустошали ряды полка гораздо болѣе, нежели неприятельскія ядра,—когда въ одномъ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 года мы видимъ больныхъ въ полку до 540 человекъ, а между тѣмъ госпитали того времени, безъ преувеличенія, по отзыву очевидцевъ, представляли «ужасы человѣчества», и вотъ тутъ-то для полка было дѣйствительно отрадою, что въ челѣ его стоялъ генераль Мазовской—не только храбрый воинъ, но и вполне добрый, заботливый начальникъ.

Павловцы были участниками Фриландской битвы. Въ этомъ бою славный начальникъ славнаго полка генераль Мазовской, раненый пулею въ руку, пулею въ ногу и не имѣя возможности сидѣть на лошади, былъ носимъ впереди полка гренадерами и одушевлялъ своихъ Павловцевъ. Предъ самымъ предѣльемъ Фриланда онъ убитъ наповалъ: Мазовскаго сразила картечная пуля. Последними словами его былъ кличъ къ Павловцамъ: «Друзья, не робѣйте!» Въ этомъ сраженіи полкъ потерялъ убитыми и ранеными офицеровъ и нижнихъ чиновъ до 440 человекъ.

20-го января 1808 года императоръ Александръ I особымъ указомъ, даннымъ военной коллегіи, свидѣтельствуя «объ отличномъ мужествѣ, храбрости и неустрашимости, съ каковыми подвизался Пав-

ловскій гренадерскій полкъ при неоднократныхъ сраженіяхъ 1806—1807 гг. противу французовъ войны»,—повелѣлъ «въ почете оного полка нынѣ состоящія въ немъ шапки оставить въ немъ, въ томъ видѣ, въ какомъ сошелъ онъ съ мѣста сраженія, хотябъ нѣкоторые изъ нихъ были повреждены: да пребудутъ они всегдашнимъ памятникомъ отъѣнной его храбрости».

532 прострѣленные пулями гренадерки по настоящее время свидѣтельствуютъ объ этой славной для полка годинѣ—упорныхъ и кровавыхъ битвахъ: изъ 45 человекъ оставшихся въ живыхъ офицеровъ было раненыхъ 37; за рѣдкими исключениями—всѣ фельдфебеля и унтеръ-офицеры въ Павловскомъ полку были ранены.

Съ ноября 1807-го по январь 1812 го года, во главѣ полка является шефомъ генералъ Дм. Петров. Невѣровскій, гигантъ по росту, отличный стрѣлокъ, столь-же храбрый воинъ, какъ и умный хозяинъ полка. Заботы его о развитіи мѣткости стрѣльбы въ полку и вообще о томъ, чтобы каждый солдатъ представлялъ собою въ отдѣльности «сильное и разумно-дѣйствующее лицо»—сдѣлали бы честь новѣйшему времени, когда такъ высоко стоитъ военное дѣло и развитие солдата какъ отдѣльной личности. Отечественная война—вызвавшая къ борьбѣ съ многочисленнымъ врагомъ почти всѣ вооруженныя силы Россіи — не обошлась, конечно, безъ участія Павловцевъ. 1-й и 3-й баталіоны полка, подъ начальствомъ генерала Цвиленева, вошли въ составъ 1-й арміи генерала Барклая де-Толли. На поляхъ Бородина—предъ строемъ Павловцевъ—палъ смертью героя начальникъ корпуса Николай Алексѣев. Тучковъ, который лично повелъ этихъ гренадеръ въ бой. Павловцы были въ страшномъ огнѣ; атаки ихъ въ штыки на Утицкой высотѣ, на лѣвомъ крылѣ русской арміи, отличались несокрушимостью ударовъ; въ нихъ являлись тѣ же грозные гренадеры, мужество которыхъ озарено было славою со времени битвъ 1806—1807 годовъ. Полковникъ Рихтеръ, командиръ полка, тяжело раненый, былъ унесенъ съ мѣста боя; пало семь офицеровъ и 251 нижнихъ чиновъ. Павловцы были затѣмъ доблестными участниками въ цѣломъ рядѣ битвъ: подъ Тарутиномъ (6-го октября), въ фланговомъ преслѣдованіи французовъ по Смоленской дорогѣ, бой подъ Краснымъ (5-го и 6-го ноября); у Смоленска (6-го ноября) — ими встреблена колонна Иллирійскаго полка; но до чего упорны были эти битвы, видно изъ того, что въ два только дня вышло изъ строя 255 Павловцевъ!

Въ то время, когда 1-й и 3-й баталіоны этого полка участвовали въ разсѣяннн и изгнаннн французской великой арміи, 2-й баталіонъ того же полка прославилъ себя подвигами въ арміи Вит-

генштейна; такъ Павловцы подъ Клястицами прошли по горящему мосту подъ градомъ пуль и штыками выбили непріятеля; подвигъ этотъ изображенъ на большой живописной картинѣ въ Зимнемъ дворцѣ; — 7-го октября Павловцы участвуютъ во взятіи штурмомъ Полоцка. 15-го, 16-го, 17-го ноября—въ истребленіи французовъ на рѣкѣ Березинѣ....

Въ походахъ 1813 и 1814-хъ годовъ изъ трехъ баталіоновъ Павловскаго полка участвовали 1-й и 3-й; 2-й оставался въ герцогствѣ Варшавскомъ и составлялъ для полка резервъ и обучалъ для него рекруты; дѣйствующіе баталіоны требовали укомплектованія, — при переходѣ черезъ границу въ нихъ всего было 300 человекъ; до 900 человекъ оставалось въ госпиталяхъ за ранами и по болѣзненности.

Еще въ Дрезденѣ, 13 апрѣля 1813-го года, полкъ узналъ изъ высочайшаго приказа—о великой къ нему милости: за то, что «твердые ряды Павловцевъ, по засвидѣтельствуванію фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, служили вѣрнымъ оплотомъ противу силъ непріятеля, а храбрость и быстрота» этихъ гренадеръ «предшествовала побѣдамъ» полкъ—поступилъ въ составъ гвардіи и сталъ именоваться лейбъ-гвардіи Павловскимъ.

Мы не послѣдуемъ за полкомъ въ его походахъ въ 1813 и 1814 годахъ на поля битвъ. Во всѣхъ этихъ бояхъ—вплоть до Парижа—Павловцы поддержали свою боевую славу.

Вошли они въ столицу Франціи подъ начальствомъ новаго шефа генераль-майора Макарова (приказъ о его назначеніи 13 декабря 1813 г.). Ко времени пребыванія Павловцевъ въ Парижѣ (мартъ—1814 г.—май) относится находчивый отвѣтъ рядоваго этого полка Тропина, который на вопросъ императора Александра I, — «покойнѣли кивера шапокъ?»—отвѣчалъ: «Покойнѣ, ваше величество, но въ гренадерскихъ шапкахъ непріятель насъ зналъ и боялся, а къ новой формѣ еще придется пріучать его». Этотъ находчивый отвѣтъ — сохранилъ для полка его доброславныя «гренадерки» или «кички», которыя уже предполагалось было замѣнить киверами.

Не располагая свободнымъ мѣстомъ для нашихъ замѣтокъ, — отмѣтимъ въ простомъ перечнѣ нѣкоторые факты изъ дальнѣйшей исторіи полка:

6-го сентября 1814 г.—входъ въ Петербургъ. 1-й и 3-й баталіоны помѣщены въ зданіи стараго ломбарда, на Царицыномъ лугу и Мильонной улицы, противъ Мраморнаго дворца; второй—по домамъ обывателей въ Галерномъ портѣ.

7-го декабря 1815 г. умеръ шефъ полка ген. Макаровъ. Съ 17-го декабря 1815 г. назначенъ командиромъ полка генераль-майоръ

Адамъ Ивановичъ Бистромъ 2-й, человекъ вспыльчивый и выскательный; девять лѣтъ его командованія—рядъ со всѣхъ чиновъ полка высканій; время было довольно печальное для полка. Герои-гвардейцы должны были втягиваться во всю ту мелочную, вахтъ-парадную муштровку, отъ которой отвыкли въ пороховомъ дыму сраженій.

Въ 1818 г. бывшее зданіе стараго ломбарда, передѣланное и перестроенное, приняло названіе казармъ л.-гв. Павловскаго полка.

Съ 14-го марта 1825 г. командиромъ полка назначенъ полковникъ Арбузовъ; шефомъ полка оставался съ 1815 г. ген.-адъют. графъ А. И. Остерманъ-Толстой, герой Бульма. Въ день 14-го декабря 1825 г. Павловцы остались вѣрны данной ими присягѣ новому императору Николаю Павловичу; ни одинъ изъ чиновъ Павловскаго полка не измѣнилъ своему долгу. Командиръ полка Арбузовъ, назначенный въ этотъ день флигель-адъютантомъ, былъ изъ питомцевъ Дворянскаго полка (вып. 1810 г.); отсюда онъ вынесъ много хорошаго—любовь и усердіе къ службѣ, но и замѣчательную грубость и шегольство самую отборною бранью. Въ тридцать лѣтъ, съ 1825-го по 1855 годъ, достигнувъ высшихъ степеней офицерской службы, будучи генералъ-адъютантомъ и занимая высокіе посты, Арбузовъ славился въ гвард. корпусѣ какъ изобрѣтательный на ругательства; самыя отборныя пріяныя выраженія, какъ горохъ, сыпались у него на плацу, предъ строемъ, во всеуслышаніе... Въ то же время, однако,—какъ командиръ полка, онъ былъ весьма заботливый, по своему, о солдатахъ начальникъ.

19-ое декабря 1825 года — дорогой день въ исторіи Павловскаго полка. Императоръ Николай, въ присутствіи бывшаго шефа полка, гр. Остермана-Толстаго, назначилъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича шефомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Затѣмъ исторія полка полна воспоминаніями о знакахъ вниманія Августѣйшаго шефа Александра Николаевича, съ самаго нѣжнаго его возраста оказываемыхъ всегда имъ любимому своему полку лейбъ-гвардіи Павловскому.

Въ 1828 году 1 и 2 баталіоны Павловцевъ участвуютъ въ Турецкой кампаніи. Обложеніе и сдача крѣпости Варны. Затѣмъ полкъ въ Польской компаніи 1831 г. Охотники изъ рядовъ полка вынесли на себѣ, вмѣстѣ съ удалцами изъ другихъ полковъ, всѣ ужасы штурма города Варшавы: охотники Павловцы, идя впереди, взяли шесть орудій и, очистивъ путь штыками, первые вошли на городской валъ. Изъ сотни героев-Павловцевъ ранено и убито 46 человекъ.

Лейбъ-гвардіи Павловскому полку за отличную храбрость въ кампаніи 1831 года пожалованы права и преимущества, присвоенныя

полкамъ старой гвардіи (приказъ 13 сентября 1831 года). Такимъ образомъ все, что получилъ этотъ доблестный полкъ, все добыто было имъ подвигами на ратномъ полѣ.

Въ мартѣ 1832 года полкъ вернулся въ Петербургъ; два баталіона помѣстились въ казармахъ, одинъ баталіонъ расположился за городомъ по квартирамъ.

Во всѣхъ выдающихся торжествахъ по различнымъ случаямъ въ царствованіе императора Николая Павловича лейбъ-гвардія Павловскій полкъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми своими отдѣлами, постоянно принималъ участіе, таковы, между прочимъ, были торжества: открытіе памятника императору Александру Павловичу—30 августа 1834 года: маневры русскихъ и прусскихъ войскъ въ окрестностяхъ Калиша въ іюль—сентябрь 1835 года; открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ—въ 1839 году; закладка храма Христа Спасителя въ Москвѣ—въ 1839 году; парадъ при въѣздѣ въ Петербургъ принцессы Маріи Гессенской, вполѣдствіи императрицы Маріи Александровны; походъ къ границамъ Имперіи въ 1849 году; открытіе памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ въ 1851 году и проч.

Командиры полка—смѣняли другъ друга довольно часто. Такъ, въ декабрѣ 1836 года назначенъ ген.-м. Моллеръ 2-й; въ декабрѣ 1844 года—ген.-м. Магнусъ Рейтернъ; въ апрѣлѣ 1852 года—ген.-м. Гольтгойеръ.

26 февраля 1845 года Августѣйшій шефъ полка лично сообщилъ Павловцамъ: «Господь далъ мнѣ сына и Государь изволилъ его зачислить къ вамъ въ полкъ». Такимъ образомъ, въ самый день своего рожденія Е. И. В. Великій Князь Александръ Александровичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, зачисленъ въ ряды доблестнаго лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, что было знакомъ высокаго благоволенія къ полку со стороны Августѣйшаго Дѣда новорожденнаго.

19 декабря 1850 года полкъ праздновалъ 25-лѣтнюю годовщину назначенія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича шефомъ полка. Достоиню вниманія, что въ числѣ участниковъ торжества былъ Его Высочество, 6 лѣтній тогда (безъ 2½ мѣсяцевъ), Великій Князь Александръ Александровичъ, который въ качествѣ дежурнаго по ротѣ Его Высочества, встрѣтилъ, Августѣйшаго шефа. Августѣйшія дѣти были въ гренадерскихъ шапкахъ.

Въ 1854 году «дѣйствующій» Павловскій полкъ направился походомъ въ Западную Россію, а «резервный», подъ начальствомъ полковника Ведемейера, первоначально остался въ Петербургѣ, а въ октябрѣ 1855 года вступилъ въ Москву. Въ маѣ того же года коман-

даромъ полка назначенъ ген.-м. А. В. Паткуль, товарищъ дѣтства и воспитанія императора Александра Николаевича. Въ августѣ 1856 года Паткуль назначенъ генераль-адъютантомъ.

II.

Время съ іюня 1855 по ноябрь 1861 года свѣжо въ воспомина- нійхъ пишущаго настоящія замѣтки. Въ чинѣ пралорщика, а затѣмъ подпоручика, мы имѣли честь служить, въ тѣ годы, въ Павловскомъ полку и сохранили объ этомъ времени самыя добрыя воспоминанія.

Съ первыхъ же дней царствованія Александра II повѣяло человѣч- ностью, мягкостью, и въ рядахъ полковъ гвардіи и арміи грубость и жестокость, столь обычныя въ недавнее предѣ тѣмъ прошлое, стали отходить съ каждымъ днемъ въ область преданія. Еще Н. А. Ве- демейеръ—командиръ резервнаго Павловскаго полка, да два—три старыхъ капитана—Ш. фъ, Прж—скій († 21 августа 1856 года) и немногіе другіе любили шегольнуть разсыпчатымъ, прянымъ русскимъ словомъ или съѣздить «по зубамъ» того или другаго солда- тика, но это все дѣлалось рѣже и рѣже. Начинали—стыдиться. Въ 1857 году, кажется, въ послѣдній разъ пропущенъ сквозь строй, въ Михайловскомъ манежѣ, солдатикъ Павловскаго полка за самоволь- ную отлучку изъ полка, сопровождавшуюся утратою медали и другой какой-то казенной вещи, но все это были послѣдніе отклики прежняго суроваго склада полковаго быта. Дисциплина начи- нала водворяться не изъ-подъ страха палки, а по сознанію каж- дымъ чиномъ своего служебнаго долга. Шли усиленныя заботы объ обученіи солдатъ мѣткой стрѣльбѣ, въ чемъ и офицеры и солдаты соревновали другъ передъ другомъ¹⁾; свѣточъ науки сталъ ярче и ярче горѣть въ средѣ офицеровъ гвардіи. Живо помнимъ мы какъ расши- рялась полковая бібліотека, какъ въ дежурной комнатѣ стали появ- ляться все больше и больше журналы и газеты, какъ въ Московѣ офицеры стали посѣщать бібліотеки, являлись на лекціяхъ въ Москов- скій университетъ, а по возвращеніи въ Петербургъ, десятки офицеровъ

¹⁾ Еще лѣтъ за пять до того времени, ружье было лишь потѣхою для сол- датъ гвардейцевъ и ихъ начальниковъ. «Кромѣ недостатковъ тогдашняго ружья,— читаемъ мы въ «Исторіи л.-г. Павл. полка»,—начальство, какъ это ни кажется несообразнымъ при теперешнемъ взглядѣ на сбереженіе оружія, ухудшало его качество допуская, а иногда и требуя, развинчиваніе ружей для большаго треска при ружейныхъ приемахъ и чистку пескомъ, кирпичемъ и т. п. для приданія блеска стволамъ...» (стр. 261).

стали готовиться и затѣмъ другъ за другомъ поступать въ академію генеральнаго штаба и другія академіи, либо переходить на педагогическое военно-учебное поприще; явилось обученіе грамотѣ солдатъ, явились спектакли при участіи офицеровъ полка въ казармахъ, причемъ полкъ имѣлъ счастье видѣть на этихъ спектакляхъ своего Августѣйшаго Шефа ¹⁾).

Доброта и гуманность незабвеннаго императора Александра Николаевича, какъ извѣстно, отличала и всѣхъ близкихъ къ нему людей. Лихой, бравый генералъ Паткуль жесткость и грубость, нерѣдко совершенно напускную, своихъ предшественниковъ командировъ полка, заставилъ забыть благородствомъ, пріятливостью и умѣлъ сплотить вокругъ себя всю семью офицеровъ, да такъ, какъ ни до него, ни, кажется, послѣ него это уже болѣе въ полку не повторялось. Въ высшей степени пріятнымъ явленіемъ въ жизни полка была достойная супруга Паткуля, Марія Александровна, урожденная маркиза де-Траверсе, которая была вполне на высотѣ своего положенія. Мать многочисленнаго семейства, весьма образованная, пріятливая и живая, Марія Александровна была самою радушною командиршою. На ея вечера, вообще подъ гостепріимный кровъ квартиры командира полка, мы всѣ съ радостью спѣшили и проводили здѣсь самые пріятные часы. Не надо забывать, что полкъ, какъ повелось то изстари, имѣлъ въ средѣ офицеровъ значительное большинство бѣдняковъ, жившихъ почти однимъ только жалованьемъ, а отсюда, понятно, что семья добраго командира и прекрасной командирши полка являлась при этомъ еще болѣе мѣстомъ отрады для бѣдняковъ офицеровъ. Наиболѣе младшіе изъ насъ, положительно, жили впроголодь, питались въ сквернѣйшихъ кухмистерскихъ, а нерѣдко по нѣсколько двѣй наполняли чрево свое плохимъ молокомъ и засохшей колбасой изъ мелочной лавки. Офицерскихъ полковыхъ собравій съ ихъ столовыми, — этого превосходнаго учрежденія, явившагося въ 1875 г., — тогда еще не было. Маленькое жалованье прапорщика, выдававшееся даже не помѣсячно, а по третямъ, въ значительной части своей распозалось на вычеты, и какихъ только вычетовъ тогда ни было! Охъ, ужъ эти вычеты, вычеты, тяжеленьки они и до сихъ поръ для офицеровъ, живущихъ однимъ жалованьемъ!... И вотъ за длиннымъ обѣденнымъ столомъ хлѣбосольнаго и добраго генерала Паткуля и его супруги сколько разъ офицеры-молодежь съ удовольствіемъ отъѣдались за голодные дни...

Вахтъ-парадная служба прежнихъ дней смягчалась все болѣе и болѣе. Офицерскому караулу не доводилось уже почти ежеминутно,

¹⁾ 23-го декабря 1856 г., 12-го декабря 1857 г., 19-го декабря 1859 г.

какъ то бывало встарь, сломя голову выскакивать изъ караулки на платформу каждому военному чину, кого только часовой приметъ было за генерала. И сюда, въ караулку, вѣстовой приносилъ офицеру кулекъ съ книгами, и юный воня сидя въ своей гренадеркѣ, зачитывался—все училось, все стало читать, всѣ стали стыдиться брани и побоевъ, нравы быстро смягчились, то была пора счастливая, пора кануна великихъ реформъ Царя-Освободителя ¹⁾.

И вотъ явились эти реформы, и изъ рядовъ того-же Павловскаго полка, какъ изъ рядовъ другихъ полковъ, вышли дѣятели, приведшіе эти реформы въ жизнь и плоть русскаго народа. Мы говоримъ о тѣхъ офицерахъ, которые преобразились, по вызову Царя-Освободителя, въ мировыхъ посредниковъ, въ членовъ и предсѣдателей комиссій по крестьянскимъ дѣламъ въ Западной Россіи, въ комиссаровъ—вполнѣ русскихъ дѣятелей въ Царствѣ Польскомъ..... А между тѣмъ полкъ и безъ ужасовъ муштровки стараго времени, которое такъ охотно называется «добрымъ временемъ» вѣроятно за то только, что оно кануло въ вѣчность, всѣми признавался блестящимъ полкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Незабвенный отзывъ Августѣйшаго Шефа: «Я лучшаго ничего не видѣлъ и видѣть не желаю»,—слова императора Александра Николаевича, обращенныя къ полку 9 мая 1858 г., были для Павловцевъ безцѣнной наградою.

28-го октября 1866 г. полкъ былъ осчастливленъ назначеніемъ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича вторымъ Шефомъ полка; съ 21-го сентября 1860 г. въ ряды полка былъ зачисленъ в. кн. Павелъ Александровичъ, а 6-го мая 1868 г. л.-гв. Павловскій полкъ вписалъ въ ряды свои Е. И. В. великаго князя Николая Александровича — нынѣ Наслѣдника Цесаревича. Все это свидѣтельствуешь, какъ любилъ своихъ Павловцевъ незабвенный Монархъ-Преобразователь Россіи....

¹⁾ Достоинно вниманія, что 1858 годъ былъ первый годъ въ исторіи Павловскаго полка, когда изъ его рядовъ не было ни одного бѣглеца! Генераль Паткуль отмѣтилъ это отраднo явленіе въ одномъ изъ своихъ приказовъ по полку. Вотъ послѣдствія здраваго человѣчнаго обращанія съ нижними чинами!

III.

Замѣтки наши однако выходятъ изъ рамокъ сжатого очерка. Отсылаемъ читателей къ «Исторіи Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка». Съ удовольствіемъ отмѣтимъ, что и въ этомъ отношеніи нашему родному полку, какъ говорится, повезло. Въ 1875 году, ко дню полулѣтняго юбилея назначенія шефомъ полка Цесаревича, впоследствии императора Александра Николаевича, явилась объемистая книга—Исторія этого полка, (Спб., 8 д., XIV + 474 стр.), доведенная до 1870 года. Бóльшая часть этого труда принадлежитъ подпоручику, нынѣ полковнику, начальнику штаба 1-й гвард. пѣхотной дивизіи, П. Н. Воронову, а нѣкоторыя главы написаны шт.-капитаномъ В. Д. Бутовскимъ (нынѣ покойнымъ). Трудъ весьма интересный, составленный съ замѣчательнымъ умѣньемъ и даже талантомъ. Читатель найдетъ въ этой книгѣ, нынѣ цѣлкомъ вошедшей во второе изданіе, дополненное очеркомъ исторіи полка за послѣднія 20 лѣтъ (1870—1890 г.), многое для характеристики жизни полка, а именно живое описаніе боевыхъ подвиговъ полка, отлично составленныя характеристики шефовъ, командировъ полка и различныхъ выдававшихся почему-либо чиновъ полка отъ генерала до солдата и даже до нестроеваго чина включительно, все это весьма оживляетъ трудъ П. Н. Воронова и покойнаго В. Д. Бутовскаго, —трудъ, вполне заслуженно отличенный военно-ученымъ комитетомъ полною премією; всѣ эти характеристики, равно какъ очерки внутреннего быта полка за различное время его существованія, составлены по документамъ полковаго и другихъ архивовъ и по воспоминаніямъ нѣсколькихъ лицъ, служившихъ въ разное время въ лейбъ-гв. Павловскомъ полку.

П. Н. Вороновъ, горячо любя полкъ, лично вызвалъ многихъ изъ старослужившихъ къ составленію и сообщенію ему своихъ записокъ и воспоминаній. Вообще трудъ П. Н. Воронова—образцовый въ этомъ родѣ и это мы тѣмъ съ бóльшею увѣренностью можемъ сказать, что еще въ 1860 году въ двухъ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», книги 10 и 11, подъ заглавіемъ «Полковые исторіографы», рассмотрѣли длинный рядъ исторій полковъ, въ 1830—1860 гг. изданныхъ: бóльшая ихъ часть была ниже всякой посредственности, между тѣмъ какъ «Исторія л.-г. Павловскаго полка»—трудъ, повторяемъ, образцовый ¹⁾).

¹⁾ Второе изданіе ея съ помянутымъ дополненіемъ выпущено въ 1890-мъ году, подъ редакціей офицеровъ л.-г. Павловскаго полка поручика Карепова и штабсъ-капитана Вальберга, книга въ 6. 4-ю д., стр. 423+72; она украшена

Вторая часть «Исторіи л.-гв. Павловскаго полка»—за время съ 1870 по 1890 годъ, трудъ гг. Вальберга и Каренова, составлена также очень добросовѣстно. Каждый, кому близко сердцу развитіе русскихъ военныхъ силъ, и во главѣ ихъ—доблестной нашей гвардіи, съ особеннымъ любопытствомъ прочтетъ въ очеркѣ исторіи л.-гв. Павловскаго полка, за время съ 1870-го по 1890 годъ, весьма обстоятельное изложеніе необыкновенно быстро, во всѣхъ отношеніяхъ, развитія всего, такъ сказать, нравственнаго облика полка, всего, что составляетъ его существо. Какой высокій подъемъ нравственной личности рекрута-новобранца, изъ котораго нынѣ въ четыре мѣсяца создается отличный солдатъ!—какъ привлечены къ дѣлу офицеры, къ дѣлу настоящему, для котораго они и поступили на службу; какъ заботливо уменьшено отвлеченіе всѣхъ чиновъ полка отъ полковыхъ занятій—караульною службою, въ сущности поддерживавшею въ старину праздность, самую тупую, и для солдата и для офицера... Въ новѣйшее время число постовъ караульныхъ въ Петербургѣ уменьшено до минимума, равно почти уничтожены послышки солдаты «на вѣсти»—къ разнымъ чинамъ, у которыхъ солдаты были обыкновенно въ старину баклуши по переднимъ, да по кухнямъ этихъ чиновныхъ лицъ... Довольно сказать, что еще въ 1870 году въ С.-Петербургѣ ежедневно наряжалось въ караулъ и на вѣсти 1067 человекъ, а въ 1888 году всего лишь 496. Множество благотворныхъ мѣръ въ дѣлѣ подъема и развитія нравственныхъ силъ въ полкахъ гвардіи особенно является съ того времени когда, по волѣ въ Божѣ почивающаго государя Александра II, поставлень, въ 1874 г., во главѣ Гвардейскаго корпуса Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Учреждена, дана жизнь и самая правильная организація офицерскимъ собраніямъ; расширены полковыя бібліотеки; явились, изданныя иждивеніемъ Августѣйшаго командира корпуса, цѣлыя серіи книгъ, въ высшей степени не только полезныхъ, но прямо необходимыхъ для образованія офицеровъ, изучающихъ военное дѣло (упомянемъ, напр.,

множествомъ изящныхъ виньетокъ и фототипическими снимками съ картинъ, изображающими событія изъ столѣтней жизни полка, а также портретами его шефовъ и командировъ полка.—Художественныя приложенія исполнены извѣстнымъ профессоромъ А. I. Шарлеманемъ. Изданіе, роскошно напечатанное, въ 300 экз., продается по 25 р. экз.; есть и болѣе дешевое изд. по 3 р. экз. необходимо также замѣтить, что начальство полка озаботилось еще въ 1888-мъ году выпустить въ свѣтъ краткое изложеніе исторіи полка въ брошюркѣ «Павловская памятка». Спб., 1888 г., въ м. 8 д., 16 стр. Это извлеченіе изъ исторіи полка назначено для его солдатъ, для которыхъ также вполнѣ дорога лѣтопись дѣяній того полка, въ рядахъ которыхъ они усердно служатъ Царю и Отечеству.

о «Военной Библиотекѣ» — въ 14 объемистыхъ томахъ, уступаемыхъ офицерамъ за небольшую, и то въ разсрочку, цѣну... А вспомогательные капиталы для пособія офицерамъ въ часы ихъ безденежья, а разумное распредѣленіе занятій для всѣхъ чиновъ полка и, между ними, особенно упроченіе и развитіе занятій тактическихъ, равно чтенія и сообщенія изъ военной исторіи въ собраніяхъ офицеровъ; доведеніе до величайшаго совершенства употребленія огнестрѣльнаго оружія, со всѣми къ тому поощреніями; полковое хозяйство—чуждое малѣйшихъ злоупотребленій «добраго стародавняго времени», — когда командиръ полка распоряжался имъ на помѣщичьемъ правѣ, что, впрочемъ, настолько было давно, что въ полковыхъ исторіяхъ даже не охотно объ этомъ вспоминаютъ... Но мы далеко бы увлеклись, если бы стали перечислять все, что введено въ жизнь Павловскаго полка, а разумѣется—и въ жизнь прочихъ полковъ, въ 1870—1880 годахъ.

Да, счастливы поколѣнія, которымъ довелось именно въ это время становиться въ ряды славнаго русскаго воинства—счастливы противъ старѣйшихъ поколѣній, давняго, якобы добраго стародавняго времени.

Нѣтъ, ужъ пусть старина (по отношенію къ тяжкимъ условіямъ быта) остается только на страницахъ «Русской Старины» и не воскресаетъ болѣе въ жизни....

IV.

Въ день столѣтней годовщины бытія лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, 15-го мая 1890 года, подъ гостепріимную кровлю Павловскихъ казармъ соберется, конечно, много представителей различныхъ эпохъ въ жизни полка, имѣвшихъ честь служить въ его рядахъ.

Для насъ, старослужившихъ, въ высшей степени отрадно видѣть, что къ концу перваго столѣтія своего существованія доблестный, славный л.-гв. Павловскій полкъ стоитъ, во всѣхъ отношеніяхъ, на той высотѣ, на которой находятся полки войскъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ.

Обойдемте эти казармы. Давно-ли въ нихъ съ трудомъ размѣщалось до тринадцати ротъ, а теперь помѣщается весь полкъ, въ четыре баталіона, т. е. шестнадцать ротъ, и помѣщается свободно въ свѣтлыхъ, поразительно чистыхъ палатахъ, соединенныхъ свѣтлыми, теплыми галереями. Вы идете по казармамъ какъ по дортуарамъ кадетскаго корпуса; спускаетесь внизъ, по одной изъ трехъ широкихъ лѣстницъ—и что же вы видите: вмѣсто подваловъ затхлыхъ, полныхъ грязи и стоячей воды, нѣсколько вершковъ глубины, что

было весьма вредно для здоровья обитателей казармъ,—предъ вами громадѣйшія залы; площадь ихъ занимаетъ пространство до 800 квадратныхъ сажень; мастерски исполненная сѣтъ спусковъ—осушила подвалъ отъ грунтовой воды и отъ малѣйшей сырости; полъ этихъ залъ прекрасно вымощенъ непроницаемымъ для сырости, на бетонѣ и глинѣ, асфальтомъ; эти залы, освѣщаемыя газомъ, добываемымъ на собственномъ заводѣ,—и окнами на тротуаръ Царицынскаго луга—представляютъ столовыя, въ которыхъ одновременно обѣдаетъ и ужинаетъ весь полкъ 4-хъ баталіоннаго состава; тутъ же въ этихъ столовыхъ котлы и очаги для варки кушаній, при чемъ вентиляція, весьма сильная, при помощи четырехъ громадныхъ вентиляціонныхъ трубъ, нагрѣваемыхъ излишнимъ тепломъ артельныхъ очаговъ, устроена съ такимъ совершенствомъ, что ни на одну секунду вы не чувствуете никакого чада или кухоннаго запаха, безпokoящаго, конечно, до сихъ дней многихъ изъ нашихъ читателей въ ихъ собственныхъ квартирахъ. Устройство этихъ столовыхъ и кухонъ послѣднее слово строительнаго искусства; полкъ обязанъ ими, какъ и многимъ другимъ весьма хорошимъ въ своемъ внутреннемъ бытѣ, заботливости и энергіи нынѣшняго своего начальника ген.-м. Р. Т. фонъ-Мевеса, своего давняго павловца ¹⁾; работы по устройству столовыхъ и кухонъ въ подвалахъ произведены талантливымъ военнымъ инженеромъ Н. В. Смирновымъ.

Помнимъ мы отъ нашего времени (1855—1861 гг.) грязноватые дворы казармъ, струи грязи изъ-подъ воротъ въ Аптекарскій переулокъ, вѣчно загрязненный громадный камень, который везли когда-то, въ началѣ XIX вѣка, подъ «Апостола» у Казанскаго собора, не доезжали, да здѣсь и бросили... Нынѣ этого камня не увидите, онъ вошелъ въ матеріалъ для фундамента подъ храмъ Воскресенія, а

¹⁾ Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ — воспитанникъ Константиновскаго кадетскаго корпуса, бывшаго Дворянскаго полка,—поступилъ въ л.-гв. Павловскій полкъ въ 1858 году (июнь); 19-го дек. 1875 г. назначенъ флигель-адъютантомъ; 16 іюля 1878 г. назначенъ командиромъ л.-гв. 2-го Стрѣлковаго баталіона, а въ 1884 г.—командиромъ л.-гв. Павловскаго полка и произведенъ въ генералъ-майоры. «Систематическій сборникъ» его приказовъ по полку, 1884—1888 гг. (два летографированныя изданія), — вмѣщая въ себѣ указанія и требованія по всемъ предметамъ службы, занятій и условій быта вѣрннлаго генер. Мевесу полка, отлично знакомыя съ его заботами и дѣятельностью по отношенію къ дорогимъ Павловцамъ, съ которыми онъ такъ давно дѣлитъ и радости, и труды. Р. Т. фонъ-Мевесъ участвовалъ, въ рядахъ Павловцевъ, въ усмиреніи Польской смуты въ 1863 г. и въ походахъ и битвахъ за независимость славянъ въ 1877—1878 гг.

Помянутый «Сборникъ», будучи совершенно необходимымъ, какъ руководство и справочная книга, для чиновъ полка, въ то же время хорошо знакомитъ съ тѣмъ—на какой высотѣ, во всевозможныхъ отношеніяхъ, какъ духовномъ, такъ и материальномъ, стоятъ теперь всѣ условія быта л.-гв. Павловскаго полка.

чистота дворовъ и всѣхъ закоулковъ въ обширныхъ казармахъ роднаго полка поистинѣ замѣчательна, она вамъ невольно бросится въ глаза. А помните грязную мелочную лавчонку на углу—то былъ клуб нашихъ гвардейскихъ «кавалеровъ»-солдатиковъ; теперь ея нѣтъ, да и прекрасно; лавчонку замѣнила въ самомъ зданіи казармъ прекрасная «артель нижнихъ чиновъ»; здѣсь выборные хозяева изъ самихъ солдатъ полка; войдите,—весело, шумно, сытно, чисто и свѣтло... Здѣсь за самую дешевую цѣну каждый чинъ полка найдеть разные сорта хлѣба, чай, закуску, посидить да побесѣдуетъ въ чистыхъ комнатахъ за чистенькими столиками, въ виду картинъ и портретовъ лицъ и событій изъ отечественной исторіи. Все это чисто, все это устроено весьма заботливо и по отношенію къ скудному карману, и къ здоровью солдата нашего. Пройдитесь по хозяйственнымъ постройкамъ полка, напр. зайдите въ хлѣбопекарню: устройство ея опять-таки послѣднее слово строительнаго искусства... Да почему же всего этого не было встарь? Вѣдь ужъ тогда-ли ни дорожили солдатомъ? Солдаты стоялъ вездѣ и всюду. А вотъ поди-жь! Дѣло просто,—наука, наука была не въ чести (мы говоримъ, конечно, про самую сѣдую старину), а вѣдь она только и освѣщаетъ все и вся, одна только наука и умудряетъ всѣхъ и каждого и притомъ во всѣхъ сферахъ быта не только гражданскаго, но и военнаго. Не даромъ же говорятъ, что въ 1870—1871 гг. Германія только наукой и сокрушила Францію.....

Да, нѣтъ теперь въ нашемъ родномъ полку, нѣтъ и во всей славной русской арміи—ни палокъ, ни розогъ, нѣтъ ни доведенной до прежнихъ утонченныхъ крайностей вахтъ-парадной службы—этихъ диковинныхъ разводовъ—старой памяти, нѣтъ ни безцѣльнаго муштрованія солдатиковъ-новичковъ,—и вотъ смотрите: тѣ же солдаты, но уже грамотные, но уже созданные въ 4, много въ 5 мѣсяцевъ,—чудные стрѣлки, живые, расторопные, превосходные гимнасты, бодрые, веселые, смышленные,—они являютъ чудеса храбрости и въ лѣсахъ Западной Россіи при усмирении польской смуты (1863 года), и на поляхъ битвъ въ борьбѣ за независимость славянъ на Балканскомъ полуостровѣ (1877—1878 гг.).

Заканчиваемъ нашъ очеркъ нѣсколькими цифровыми данными воплію интересными по отношенію къ родному л.-гв. Павловскому полку.

Въ теченіе столѣтней жизни этого полка въ рядахъ его перебувало 1,096 офицеровъ, отъ прапорщиковъ до полныхъ генераловъ.

Изъ нихъ убито или умерли отъ ранъ—37. Пересмотрѣвъ внимательно весь списокъ офицеровъ полка за сто лѣтъ, мы нашли, что за равами, на поляхъ битвъ полученныхъ, должны были раньше или

позже выйти въ отставку 43 офицера Павловцевъ, слѣдовательно всего выбыло изъ нашего полка изъ строя, проливъ кровь свою, 60 офицеровъ.

За сто лѣтъ своего существованія полкъ провелъ въ походахъ болѣе десяти съ половиною лѣтъ и участвовалъ въ 39 сраженійхъ.

Къ 20-му апрѣля 1890-го года въ полку по списку состояло: 8 генераловъ, 6 штабъ-офицеровъ, 66 оберъ-офицеровъ, 113 унтеръ-офицеровъ и 1,859 нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, къ полку прикомандировано, для перевода въ полкъ, 6 оберъ-офицеровъ, и для ознакомленія со строевою службою—1 штабъ-офицеръ и 1 оберъ-офицеръ.

Грамотныхъ, раздѣляя ихъ на грамотныхъ хорошо и на малограмотныхъ, 1,214 человекъ; изъ нихъ хорошо грамотныхъ 825 и малограмотныхъ 389 человекъ.

Библиотека полка состоитъ изъ 1,364 названій русскихъ книгъ, въ количествѣ 2,180 томовъ. Французскихъ книгъ 1,442 названія, въ количествѣ 2,930 книгъ. Журналовъ ежемѣсячныхъ 26 названій, въ количествѣ 2,707 томовъ.

Офицерскій заемный капиталъ простирается до 23,249 руб.; въ него входятъ, между прочимъ, суммы, % съ которыхъ, ежегодно, 30 августа, выдаются наибѣднѣйшимъ семейнымъ и найдостойнѣйшимъ нижнимъ чинамъ; офицерскій капиталъ, выдавая ссуды офицерамъ, является чрезвычайно полезнымъ подспорьемъ въ ихъ бытѣ.

М. С.

Бывшій офицеръ л.-гв. Павловскаго полка
1855—1861 гг.

24-го апрѣля 1890 г. Спб.

ЛЕИВЪ-ГВАРДІИ ГРОДНЕНСКІЙ ГУСАРСКІЙ ПОЛКЪ

1824 $\frac{1865}{1890}$ 1890.

29-го мая 1890 г. исполнится двадцатипятилѣтіе со дня назначенія Е. И. В. Великаго Князя Павла Александровича шефомъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Этотъ дорогой для полка праздникъ далъ Гродненцамъ поводъ озаботиться въ особомъ историческомъ трудѣ, составленномъ штабсъ-ротмистромъ того же полка Ю. Л. Ельцомъ, обозрѣть свое прошедшее, полное и боевыхъ отличій, и выдающихся личностей, бывшихъ въ рядахъ полка.

Гродненскій Гусарскій—самый молодой изъ гвардейскихъ полковъ—былъ сформированъ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ въ 1824 году, въ г. Сѣдльце, въ 85 верстахъ отъ Варшавы. Цесаревичъ съ большою заботливостью слѣдилъ за первыми шагами своего дѣтища, обращая вниманіе на всѣ мелочи сложнаго полковаго организма. Въ главѣ, посвященной формированію полка, историкомъ его приводится переписка Цесаревича съ императоромъ Александромъ I по поводу цвѣта мундировъ, формы кушаковъ и другихъ подробностей гусарской обмундировки.

Первыя шесть лѣтъ своего существованія Гродненцы провели въ Варшавѣ; за этотъ періодъ времени спокойное теченіе полковой жизни было встревожено исторіею декабристовъ, изъ которыхъ одинъ, а именно подполковникъ Лунинъ, человекъ весьма начитанный и остроумный, блестящій представитель военно-образованнаго общества своего времени, находился тогда въ Гродненскомъ полку.

Въ 1830 г. императоръ Николай Павловичъ за отличное состояніе, въ которомъ имъ найденъ былъ полкъ, пожаловалъ ему 15 серебряныхъ трубъ. Ночь съ 17-го по 18-е ноября 1830 года останется навсегда памятною Гродненскимъ гусарамъ. Свидѣтель этой ужасной ночи, полкъ на карьерѣ вынесся къ Бельведеру для защиты Цесаре-

вича. Лишившись всего своего имущества, разграбленнаго мятежниками, гусары, терпя всевозможныя лишеныя, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ выступили изъ Варшавы и изъ предѣловъ Царства и вступили въ предѣлы Россіи. Въ рядахъ полка, не смотря на то, что было много поляковъ, какъ офицеровъ, такъ и въ средѣ нижнихъ чиновъ, не нашлось измѣнниковъ, т. е. Гродненцы не покинули Цесаревича Константина. Едва оправившись, полкъ началъ кампанію 1831 года. Бой подъ Раціонжемъ, гдѣ Гродненцы разметали дивизію кракусовъ, и участіе въ штурмѣ Варшавы доставили этимъ гусарамъ права старой гвардіи; командиръ же ихъ, формировавшій полкъ и водившій его къ побѣдамъ, извѣстный генералъ Штрандтманъ, сынъ ветерана Екатерининскаго времени, обширныя и интересныя записки котораго находятся въ распоряженіи «Русской Старины» и будутъ изданы на ея страницахъ,— былъ украшенъ Георгіемъ 3-й степени.

По окончаніи войны 1831 года, стоянкою полка былъ назначенъ 1-й округъ пахотныхъ солдатъ, твореніе графа Аракчеева, на пустынномъ берегу рѣки Волхова, въ 150 верстахъ отъ Петербурга. Гродненцы вступили на мѣсто новаго пребыванія вскорѣ послѣ трагическаго конца не длинной, но ужасной исторіи военныхъ поселеній. Рассказываютъ, что офицеры въ квартирахъ своихъ находили еще слѣды крови и мозга на стѣнахъ, а цѣлыя горы обломковъ шинцрутезовъ въ манежѣ свидѣтельствовали о мѣрахъ возмездія за убійства.

На Волховѣ протекли тридцать лѣтъ полковой жизни; за это время въ ней свѣтлыми метеорами промелькнули образы нашего великаго поэта М. Ю. Лермонтова и достопамятнаго государственнаго дѣятеля графа Михаила Таріелловича Лорисъ-Меликова, носившихъ гродненскій гусарскій мундиръ.

Два раза за свое пребываніе на Волховѣ, полку приходилось оставлять свое насиженное гнѣздо: въ 1849 г., когда гусары въ венгерскомъ походѣ дошли до Гродненской губерніи, и въ 1855 году, когда полкъ былъ посланъ въ Финляндію и содержалъ посты и пикеты на скалахъ и островахъ Ботническаго и Финскаго заливовъ, сторожа берега суровой Финляндіи отъ авглійскаго и французскаго десанта.

Въ 1863 году вспыхнуло возстаніе въ Царствѣ Польскомъ.—Гродненцамъ пришлось съ обнаженнымъ оружіемъ быть представителями императорской гвардіи въ странѣ, охваченной мятежемъ. Здѣсь полкъ кровью запечатлѣлъ свое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Геройская смерть Граббе и Ермолова тогда же сильно взволновала Россію. За это время въ полку, въ чинѣ поручика, находился М. Д. Скобелевъ.

Подавивъ мятежь, Гродненцы-гусары остались въ Варшавѣ, гдѣ находятся и по сіе время: полкъ оставлялъ Варшаву лишь въ 1877 году, когда уходилъ въ кампанію на Балканскій полуостровъ, за участіе въ которой получилъ Георгіевскій штандартъ.

Шефами полка за время его существованія были: Цесаревичъ В. Кн. Константинъ Павловичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ В. Кн. Николай Александровичъ и Великій князь Павелъ Александровичъ; кромѣ того, много особъ Императорской фамиліи числилось и теперь состоитъ въ спискахъ полка.

Данными при составленіи штабесъ-ротмистромъ Ю. Л. Ельцомъ ист.-рѣд. Гродненскаго гусарскаго полка послужили богатые матеріалы москов. отдѣленія архива главнаго штаба, архива варшавскаго окружнаго штаба, военно-ученаго архива въ Спб., архива штаба войскъ гвардіи и петербург. военнаго округа, полковой архивъ и воспоминанія лицъ, служившихъ или имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ полку. Трудъ составленъ заботливо; бойкій разсказъ полонъ подробностями, хорошо рисующими бытъ полка, въ особенности за первые годы по его учрежденію; вообще «Исторія» Гродненскихъ гусаръ читается живо и съ интересомъ ¹⁾.

А. Н. П.

П о п р а в к и.

(См. мартовскую книгу «Русской Старины», т. LXV, изд. 1890 г.).

	Напечатано:		Слѣд. читать:	
783 стр., 5 строка снизу	Шуйской		Шумской.	
787 » 19 » сверху	Николая		Никиты.	
835 » 12 » »	1820 г.		1817 г.	
836 7 »	шитьемъ		шитыми.	

¹⁾ Книга издава въ б. 4-ю д., въ Слб., въ 1890 г., съ вѣнзетками и картинками, и все изданіе отлично отпечатано въ извѣстной типографіи В. С. Балашева, въ С.-Петербургѣ.

А. Н. П.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ въ 1889 году.

Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея общества.

Къ 1 января 1889 г. въ обществѣ числилось 743 члена; въ теченіе года вновь избрано 37 лицъ; скончалось 18 лицъ (въ томъ числѣ члены-учредители: В. П. Безобразовъ, А. А. Краевскій, М. Е. Салтыковъ и Н. Г. Чернышевскій); сложили съ себя званіе членовъ 5 лицъ; такимъ образомъ, къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ числится 757 членовъ.

Комитетъ, управляющій дѣлами общества, послѣ выборовъ 2 февраля 1889 г., составился изъ предѣдателя К. К. Арсеньева, помощника предѣдателя В. Л. Манассеина, казначея Я. Г. Гуревича, секретаря В. И. Семеновскаго и членовъ: Ф. Ф. Воропонова, П. А. Гайдебурова, А. М. Жемчужникова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова, С. Л. Муромцова (въ Москвѣ), В. Ю. Скалона и А. К. Шеллера. На мѣсто выбывшихъ, по уставу, П. А. Гайдебурова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова и С. А. Муромцова, Общимъ собраніемъ 2 февраля 1890 г. выбраны: Н. И. Кирѣевъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Лесевичъ и Н. С. Таганцевъ. Въ настоящее время бюро комитета состоитъ изъ предѣдателя К. К. Арсеньева (Спб., Васильевскій островъ, 14-я линія, домъ № 23, принимаетъ по воскресеньямъ отъ 11 до 12 часовъ), помощника предѣдателя В. А. Манассеина (Выборгская сторона, Сибирская улица, д. № 12, принимаетъ ежедневно отъ 4¹/₂ до 5¹/₂ ч.), казначея В. Г. Котельникова (Малая Подъячская, д. № 6, кв. № 4, принимаетъ по средамъ отъ 5 до 7 ч. веч.) и секретаря В. Ю. Скалона (Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 16, принимаетъ по вторникамъ отъ 6 до 7 ч.).

Къ 1 января 1890 г. капиталъ общества равнялся 142,759 р. 15 к.

Въ теченіе года были выданы слѣдующія денежныя пособія:

Пенсій на сумму 7,730 р. (на попеченіи фонда было пансіонеровъ и пансіонерокъ 34, за смертью четырехъ изъ нихъ осталось 30 человекъ). Размѣръ пенсій простирался отъ 120 до 600 р. въ годъ.

Единовременныхъ пособій выдано 8,488 р. и безсрочныхъ ссудъ 4,525 р. (тѣхъ и другихъ 141 лицу въ размѣрѣ отъ 10 до 600 р.); продолжительныхъ пособій 1,582 р.

Стипендій на сумму 1,590 р. и за воспитаніе дѣтей писателей 2,933 руб. 75 коп.

Срочныхъ ссудъ выдано на сумму 1,425 р. (9 лицамъ).

Не денежныя пособія состояли въ слѣдующемъ: дочери 6 писателей воспитывались на предоставленныхъ литературному фонду бесплатныхъ вакансіяхъ въ гимназіяхъ М. Н. Стоюпной, кн. Оболенской и г-жи Таганцевой; дочь писателя была освобождена, по ходатайству комитета, отъ платы за обученіе на педагогическихъ курсахъ, а братъ писателя—отъ платы за слушаніе лекцій въ казанскомъ университетѣ (ему же университетъ назначилъ пособие въ 50 р.). Одинъ писатель былъ опредѣленъ, по просьбѣ комитета, въ больницу; двумъ писателямъ выдавались бесплатно лекарства изъ аптеки проф. Пела. Четыре

врача оказывали, по просьбѣ комитета, медицинскую помощь больнымъ писателямъ. По просьбѣ 6-ти писателей, комитетъ принималъ на себя посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями повременныхъ изданій.

Отказано было: въ просьбѣ о пенсіяхъ 5 лицамъ, о пособіяхъ и безсрочныхъ ссудахъ 69 лицамъ, въ срочныхъ ссудахъ 11 лицамъ, въ прочихъ просьбахъ 8 лицамъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Ихъ Императорскія Величества дозволили пожаловать Обществу: Государь Императоръ 1,000 р. и Государыня Императрица 300 р.; Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна—100 р.; Великіе Князья Владиміръ Александровичъ 200 р. и Алексій Александровичъ 100 р., Великій Князь Константинъ Константиновичъ и Принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская по 50 р.

Отъ министерства народнаго просвѣщенія получено 1,000 рублей.

Что касается содѣйствія дѣятельности общества частными лицами въ различной формѣ, то здѣсь будетъ упомянуто только о томъ, о чемъ не было заявлено въ прежнихъ отчетахъ комитета, печатаемыхъ нѣсколько разъ въ теченіе 1889 года.

В. А. Гольцевъ и директоръ филармоническаго общества въ Москвѣ г. Шестаковскій устроили въ Москвѣ музыкальный вечеръ въ пользу Общества.

Типографія М. М. Стасюлевича безплатно печатала отчеты и бланки Общества, а газеты: «День», «Новости», «Новое Время», «Недѣля», «Петербургскій Листокъ», «Петербургская Газета», «Правительственный Вѣстникъ», «Русскія Вѣдомости», «Кіевлянинъ», «Волжскій Вѣстникъ», «Казанскій Биржевой Листокъ», «Одесскій Листокъ», «Одесскій Вѣстникъ», «Одесскія Новости», «Саратовскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ» и нѣкоторые другія, а также журналы: «Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина» и «Русская Мысль» печатали извещенія изъ отчетовъ Общества, указанныя же петербургскія газеты печатали безплатно и объявленія и извѣщенія Общества.

По духовному завѣщанію члена-учредителя Общества Андрея Александровича Краевского получено пожертвованіе въ 10,000 руб., которое и зачислено въ неприкосновенный имени А. А. Краевского капиталъ.

Въ капиталъ имени учредителя общества М. Е. Салтыкова, съ 1 сентября 1889 г. по 1 января 1890 г., поступило: отъ Е. А. Салтыковой—1,000 р., изъ г. Шацка черезъ г. Смоленскаго 53 р., изъ г. Рязани черезъ г. Баженова 40 р., изъ г. Вятки черезъ г. Воронина 50 р., отъ неизвѣстныхъ 12 р. 20 к., всего же въ капиталъ имени М. Е. Салтыкова въ теченіе 1889 г. поступило 2,861 р. 24 к.

Въ концѣ года въ комитетъ Общества стали поступать пожертвованія для образованія капитала имени учредителя общества Н. Г. Чернышевскаго отъ астраханскихъ почитателей 100 р., отъ минскихъ почитателей 15 руб. и отъ В. К.—25 р.

Лицо, желавшее остаться неизвѣстнымъ, приобрѣло отъ Е. М. Гаршина $\frac{3}{4}$ доли литературнаго наслѣдства, оставшагося послѣ В. М. Гаршина, и пожертвовало литературному фонду въ полную собственность. Фонду принадлежить теперь $\frac{3}{4}$ этого наслѣдства.

Всѣмъ означеннымъ лицамъ, учрежденіямъ и редакціямъ комитетъ изъавляетъ глубочайшую признательность.

ПЕТРЪ ФЕДОРОВИЧЪ
СОКОЛОВЪ.

ОСНОВАТЕЛЬ АКВАРЕЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ВЪ РОССИИ,
† 1848 г.

Географія съ рисунка, сдѣланнаго свинымъ карандашомъ. съ натуры,
Иваномъ Брюловымъ въ 1833 г.

ВОСПОМИНАНІЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КОКШАРОВА

1818—1859 гг.

XV ¹⁾.

Танцевальный завтрак у г-жи Думерь.—Подарокъ императора Николая I.—Мастерская Гораса Верне.—Назначеніе Бутовскаго на мѣсто барона Мейендорфа.—А. Гумбольдтъ.

Въ числѣ моихъ тогдашнихъ парижскихъ знакомыхъ былъ почтенный графъ де Понъ (comte de Pons), типичный представитель прежняго французскаго двора и неизмѣнный другъ старушки Хлюстиной, (матери графини Сиркуръ), къ которой онъ являлся ежедневно съ визитомъ. Старый графъ былъ человѣкъ добраго сердца, но по волѣ судьбы обреченъ на полное одиночество; будучи вдовцомъ, онъ лишился любимаго сына и единственнаго наслѣдника, такъ какъ во время французской революціи большая часть его родственниковъ погибла подъ гильотиной, другіе перемерли. Съ перваго же знакомства графъ отнесся ко мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ.

Однажды я получилъ отъ него письмо съ увѣдомленіемъ, что если я желаю видѣть одинъ изъ блестящихъ французскихъ праздниковъ, то онъ будетъ ожидать меня въ такой-то день и часъ на станціи Версальской желѣзной дороги. Въ томъ-же письмѣ, графъ де Понъ писалъ мнѣ, что праздникъ будетъ въ Версалѣ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1890 г., томъ LXV, мартъ, стр. 601—628; т. LXVI, апрѣль, стр. 1—23; май, стр. 249—270.

у г-жи Думеръ, богатой женщины, которая давала «танцевальный завтракъ», гдѣ долженъ будетъ присутствовать цвѣтъ французскаго общества. Это было лѣтомъ. Стояла удивительная, хотя и жаркая, погода, и вотъ, въ назначенный день, я катился по рельсамъ Версальской желѣзной дороги, подъ покровительствомъ добродушнаго графа де Понъ.

Домъ г-жи Думеръ былъ небольшой одноэтажный дворецъ, кажется принадлежавшій некогда несчастной Маріи Антуанетъ, съ помѣстительнымъ дворомъ, гдѣ и находился главный подъѣздъ. Праздникъ, дѣйствительно, оказался блестящимъ и тѣмъ болѣе памятенъ для меня, что на немъ я познакомился съ знаменитымъ французскимъ живописцемъ Горасомъ Верне. Въ то время, какъ я стоялъ въ сторонѣ и любовался на множество танцующихъ паръ, отличавшихся роскошью туалета, красотой и изяществомъ, ко мнѣ подошелъ человекъ, не слишкомъ старый на видъ, съ рыжеватыми волосами, открытымъ, пріятнымъ лицомъ и, назвавъ себя Горасомъ Верне, сказалъ мнѣ: «Я узналъ, что вы русскій; когда я былъ въ Россіи, ваши земляки привяли меня весьма дружелюбно, а потому мнѣ пріятно съ вами познакомиться. Позвольте доставить вамъ небольшое удовольствіе, для котораго потребуется не болѣе пяти минутъ времени; потрудитесь только спуститься со мною къ подъѣзду».

Едва вышли мы на крыльцо, какъ, по знаку, данному Верне, къ намъ подъѣхалъ русскій экипажъ,—дрожки, запряженныя парю лошадей на русскій манеръ и съ танцующей пристяжной; кучеръ былъ одѣтъ въ русскій кафтанъ и русскую шляпу. Я былъ озадаченъ такою неожиданностью и еще больше удивился, когда Верне сказалъ мнѣ: «Съ кучеромъ вы можете даже говорить по русски»!...

Оказалось, что кучеръ и дрожки съ лошадьми было подарены живописцу императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Съ тѣхъ поръ Верне ѣздилъ постоянно въ русскомъ экипажѣ. Въ бесѣдѣ со мной, онъ отозвался объ императорѣ Николаѣ

¹⁾ Графъ де Понъ, довольно богатый человекъ, оставшись единственнымъ въ преклонныхъ лѣтахъ, усыновилъ молодого талантливаго художника-бѣдняка, который, послѣ смерти графа, наследовалъ его имя и состояніе.

Павловичѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ и съ чувствомъ глубокой признательности.

Нѣсколько дней спустя, пользуясь приглашеніемъ Гораса Верне, я посѣтилъ его мастерскую, которая помѣщалась въ зданіи конюшенъ Версальскаго дворца. Я засталъ художника за работой одной изъ большихъ картинъ, заказанной королею Людовикомъ Филиппомъ и представлявшей этюдъ какого-то сраженія въ Алжирѣ. На огромномъ полотнѣ ничего не было видно, кромѣ значительнаго числа головъ офицеровъ и солдатъ, почти окончательно отдѣланныхъ масляными красками. Я замѣтилъ Горасу Верне, что головы эти какъ живыя и что, съ перваго взгляда, ихъ можно принять за портреты.—«Да это портреты и есть», возразилъ онъ,—«Но съ какихъ-же оригиналовъ писали вы? спросилъ я, гдѣ портреты?»—«Вотъ гдѣ!» отвѣтилъ Верне, указывая на свою голову.

Въ это время уже было рѣшено, что баронъ А. К. Мейендорфъ оставитъ свой постъ агента министерства финансовъ по мануфактурной части, такъ какъ на его мѣсто уже былъ назначенъ бывший его секретарь А. И. Бутовскій, тогда еще молодой человѣкъ, почти одинаковыхъ со мною лѣтъ. Баронъ Мейендорфъ, вслѣдствіе своего образованія, утонченныхъ свѣтскихъ манеръ и добродушія, пользовался общимъ расположеніемъ въ парижскомъ обществѣ, и такъ какъ въ публикѣ онъ былъ неразлученъ съ русскимъ посольствомъ, то занимаемая имъ должность пріобрѣла въ глазахъ иностранцевъ болѣе важности, нежели это было въ дѣйствительности. Въ этомъ я могъ убѣдиться изъ моей вторичной встрѣчи съ барономъ А. фонъ Гумбольдтомъ, которая произошла въ Парижѣ при довольно куріозныхъ обстоятельствахъ.

Послѣ отъѣзда Гурьева въ Россію, Раевскій, съ которымъ я жилъ тогда, остался хозяиномъ въ его квартирѣ. Мы купили множество литографированныхъ портретовъ чуть-ли не всѣхъ ученыхъ Парижской академіи и развѣсили въ нашей пріемной надъ диваномъ. Среди нихъ красовался портретъ, нѣсколько большаго размѣра, барона А. фонъ Гумбольдта, которымъ я особенно дорожилъ.

Однажды, въ отсутствіе Раевскаго, сижу я одинъ дома, какъ поспѣшно входитъ портьерша и объявляетъ, что баронъ А. Гум-

больдтъ, узнавъ, что я дома, поднимается на третій этажъ. Смущенный такой неожиданностью, я бросился къ нему на встрѣчу и, заставъ старика на полпути, медленно поднимающагося по скользкой деревянной лѣстницѣ, умолялъ его не беспокоить себя такимъ крутымъ подъемомъ. Однако, не смотря на всѣ мои убѣжденія, баронъ Гумбольдтъ все-таки дошелъ до моей квартиры. Войдя въ комнату, онъ бросилъ взглядъ на портреты и, насколько я могъ замѣтить, ему было пріятно видѣть себя въ центрѣ представителей учености Франціи. Баронъ А. Гумбольдтъ просидѣлъ у меня около получаса времени и былъ крайне любезенъ; только одно показалось мнѣ страннымъ, что въ разговорѣ, онъ нѣсколько разъ возвращался къ мануфактурѣ, хотя я не придавалъ этому особеннаго значенія.

На другой день, я отправился въ Академію Наукъ, гдѣ у Гумбольдта былъ отдѣльный кабинетъ, чтобы поблагодарить его за оказанную мнѣ честь. Но Гумбольдтъ принялъ меня довольно сухо и сказалъ съ нѣкоторою поспѣшностью, что вышло недоразумѣніе, что онъ желалъ сдѣлать визитъ лицу, заступающему мѣсто барона Мейендорфа...

Мнѣ показалось это настолько обиднымъ, что я отвѣтилъ съ нѣкоторымъ волненіемъ: «Тысячу разъ прошу у васъ извиненія, баронъ, что я былъ невольной причиной труда, который вы дали себѣ подняться въ мою скромную квартиру. Лицо, замѣняющее барона Мейендорфа—его бывший секретарь, А. И. Бутовскій, который, впрочемъ, такой-же русскій дворянинъ, какъ и я, и въ служебномъ отношеніи тоже стоитъ не выше или немного выше меня».

Гумбольдтъ, при своей добротѣ и деликатности, видя, что задѣлъ мое самолюбіе, тотчасъ же перемѣнилъ тонъ, заговорилъ со мною о наукѣ и, подъ конецъ, вызвался познакомить меня съ семействомъ А. Броньяра, знаменитаго французскаго геолога того времени, съ которымъ онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ записку отъ А. Гумбольдта, въ которой онъ просилъ меня перевести для него русскій вѣсъ найденнаго тогда самородка на французскій вѣсъ. Съ этихъ поръ Гумбольдтъ всегда относился ко мнѣ самымъ дружелюбнымъ образомъ и остался моимъ покровителемъ до конца своей жизни.

XVI.

Прїѣздъ въ Лондонъ.—Р. Мурчисонъ.—Поездка въ Ирландію.—Собраніе ученыхъ.—Домъ Окконея.—Геологическая экскурсія.—Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Балъ у барона Брунова.

Время шло своимъ порядкомъ; съ каждымъ днемъ приближался срокъ, въ который, согласно данной мнѣ инструкціи, я долженъ былъ ѣхать въ Англію. Простившись съ друзьями и знакомыми, я отправился въ Лондонъ. При выѣздѣ нашемъ изъ Гавра, погода стояла хорошая, но къ ночи все покрылось непроницаемымъ туманомъ, такъ что капитанъ парохода цѣлую ночь не сходилъ съ палубы, безпрестанно приказывалъ звонить въ колоколъ и пускать ракеты. Наконецъ, взошло солнце, туманъ разсѣялся, и мы вошли въ Темзу сквозь лѣсъ мачтъ огромнаго количества судовъ разныхъ націй. Картина была величественная. Но при въѣздѣ въ городъ меня неприятно поразила перемѣна воздуха, который, вслѣдствіе отопленія каменнымъ углемъ и сырости, показался мнѣ очень тяжелымъ.

Я помѣстился въ New Bond Street, въ мебелированномъ домѣ г-жи Кингъ. За три гинеи въ недѣлю я имѣлъ небольшую, прекрасно устроенную, спальню и полное содержаніе. Утромъ, въ просторной столовой, для всѣхъ жильцовъ готовъ былъ первый завтракъ, состоявшій изъ чая или кофе, яицъ и холодныхъ мясныхъ блюдъ, затѣмъ въ 1 часъ пополудни сервировался другой, уже горячій, завтракъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ блюдъ, между которыми играли большую роль ростбифъ и картофель. Въ 8 ч. вечера намъ подавали почти роскошный обѣдъ, послѣ чего слѣдовалъ чай. Въ общей просторной и прекрасно мебелированной гостиной собирались жильцы во всѣ часы дня и занимались чтеніемъ книгъ и газетъ, а дамы, сверхъ того, рукодѣльемъ.

Устроившись такимъ образомъ, я поспѣшилъ отыскать Мурчисона, который жилъ въ собственномъ домѣ № 16, на площади Belgrave Square. Мурчисонъ принялъ меня съ открытыми объятіями и познакомилъ съ женой, которая также отнеслась ко мнѣ весьма пріятливо. Она была неразлучна со своей собакой Жюликъ, привезенной ея мужемъ изъ Россіи. Это была двор-

вяшка съ длинной стоячей шерстью; отъ комнатной жизни и хорошей обильной пищи она такъ растолстѣла, что г-жа Мурчисонъ принуждена была часто пускать ей кровь. Домъ Мурчисона былъ вполнѣ барскій. При входѣ, у лѣстницы, красовалась огромная ваза изъ авантюрина, присланная императоромъ Николаемъ I; внизу помѣщалась библіотека, (гдѣ хозяева обыкновенно принимали гостей), и столовая зала; въ бель-этажѣ были парадныя комнаты, а наверху спальни. Одна изъ комнатъ бель-этажа была занята сувенирами изъ Россіи, вещами, полученными Мурчисономъ въ подарокъ, при посѣщеніи русскихъ фабрикъ и заводовъ, и тѣми, которые онъ приобрѣлъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ Новгородѣ и въ другихъ городахъ Россіи. Все было разставлено въ порядкѣ и съ большимъ вкусомъ, а на стѣнѣ этой-же комнаты красовался портретъ Жюлика, любимой собаки леди Мурчисонъ.

Осмотрѣвъ во всей подробности Геологическій институтъ и другія достопримѣчательности Лондона, я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Мурчисона, который пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ Ирландію, въ городъ Коркъ, гдѣ назначено было собраніе британскихъ ученыхъ (British Association). Мы отправились на пароходѣ черезъ Бристоль, въ сообществѣ лорда Россъ, (обладателя величайшаго въ то время телескопа - рефлектора), геолога Филиппа, Ляйэля и другихъ ученыхъ.

Въ Коркъ мы прибыли въ то время, когда тамъ производилъ большую сенсацію знаменитый ирландскій патріотъ Оккелль, вслѣдствіе чего на морѣ стояло нѣсколько судовъ съ направленными на городъ и заряженными пушками. Лордъ Россъ пригласилъ нашу геологическую кампанію осмотрѣть ихъ. Мы отправились на шлюпкѣ къ судамъ, которые приняли своего лорда троекратнымъ салютомъ изъ пушекъ, а мы, снявъ шляпы, въ это время держали ихъ надъ головой.

Собраніе ученыхъ было прекрасно организовано. Оно началось общимъ собраніемъ, въ которомъ произнесено было нѣсколько рѣчей, послѣ чего начались частныя засѣданія по отдѣламъ. Я посѣщалъ отдѣлы геологіи и физической географіи, гдѣ президентами были: Мурчисонъ и Гриффисъ (Griffith), а вице-президентами — гг. Ляйэль, Гопкинсъ и Тейлоръ. Засѣданія отдѣловъ продолжались цѣлую недѣлю. Проживая въ это время

въ Коркѣ, родномъ городѣ знаменитаго патріота, я воспользовался его отсутствіемъ, чтобы видѣть такъ называемый «замокъ Окконеля». Стоитъ только представить себѣ домъ одного изъ нашихъ прежнихъ мелкихъ помѣщиковъ, чтобы имѣть полное понятіе о жилищѣ извѣстнаго освободителя Ирландіи. Запущенный садъ, часы и мебель во вкусѣ, напоминающемъ готическій, или вовсе безъ вкуса, на стѣнахъ картины и фамилные портреты, заставляющіе подозрѣвать въ хозяинѣ мало склонности къ живописи, бібліотека въ безпорядкѣ, разбросанныя дѣтскія игрушки и всюду нечистота, — вотъ все, что я видѣлъ въ домѣ Окконеля, который, очевидно, ничѣмъ не интересовался кромѣ политики. Англичане не упустили случая, чтобы посмѣяться надъ нимъ и ирландцами; они называли Ирландію «Le pays des mendiants», а Окконеля «Le grand mendiant» и «Le père des mendiants». Поводомъ къ этой насмѣшкѣ служило и то, что Окконель собиралъ по одному су съ каждаго присутствовавшаго на его митингахъ.

По окончаніи ученыхъ засѣданій, Мурчисонъ взялъ меня съ собою въ путешествіе по Ирландіи. Въ западной части острова, одинъ изъ мѣстныхъ дворянъ, кавалеръ Керрей, старинный другъ Мурчисона, принялъ насъ самымъ гостепріимнымъ образомъ. Чтобы доставить намъ возможность видѣть нѣсколько любопытныхъ геологическихъ разрѣзовъ на берегу одного изъ заливовъ острова, кавалеръ Керрей предложилъ отправиться туда вмѣстѣ съ нимъ въ гребной, довольно просторной, лодкѣ, говоря, что погода благоприятна и опасности не предвидится. Такимъ образомъ, намъ пришлось плыть нѣсколько часовъ по водамъ Атлантическаго океана, втеченіе которыхъ погода не разъ хмурилась, и насъ порядочно покачало. Наконецъ, мы достигли цѣли нашего путешествія. Разрѣзы, дѣйствительно, оказались замѣчательными. Они представляли систему пластовъ аспиднаго сланца, перемежающихся съ пластами плотнаго песчаника. Какъ тѣ, такъ и другіе представляли правильнѣйшую сланцеватость, вслѣдствіе чего изъ нихъ получались аспидныя доски съ весьма ровными поверхностями ¹⁾.

¹⁾ Сланцеватость, бывшая слѣдствіемъ метаморфизма, проходила по названнымъ двумъ породамъ съ математическою правильностью; но въ аспидномъ сланцѣ подъ однимъ угломъ, а въ песчаникѣ подъ другимъ угломъ къ гори-

Изъ Корка я отправился вмѣстѣ съ Мурчисономъ въ Дублинъ, гдѣ, благодаря строителямъ-инженерамъ, я прокатился по выстроенной для опыта желѣзной дорогѣ, дѣйствовавшей сжатымъ воздухомъ. Система этой дороги была мало практична, и, вѣроятно, поэтому не вошла въ употребленіе. По всему пространству дороги между рельсами положены были трубы съ продольною скважиною, закрывающеюся упругимъ клапаномъ; изъ этой скважины высовывался стержень, къ которому и прикрѣплялись вагоны. Но въ Дублинѣ мы остались всего одни сутки, такъ что я видѣлъ только наружность города, расположеннаго въ красивой мѣстности.

По возвращеніи въ Лондонъ, мнѣ пришлось представиться Е. И. В. великому князю Михаилу Павловичу, который въ одно воскресенье, послѣ обѣдни, принялъ насъ, русскихъ, очень милостиво. Во время представленія, которое происходило въ посольствѣ, былъ и знаменитый графъ М. С. Воронцовъ, бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, котораго я видѣлъ вторично на раутѣ у барона Брунова, данномъ въ честь великаго князя, гдѣ собрано было все высшее лондонское общество. Вслѣдъ затѣмъ, по случаю прибытія въ Лондонъ Е. И. В. принца П. Г. Ольденбургскаго, мнѣ случилось быть на блестящемъ балѣ у барона Брунова, на которомъ присутствовалъ герцогъ Кембриджскій и лондонская знать. Балъ былъ очень оживленъ и удался во всѣхъ отношеніяхъ. Нигдѣ не видѣлъ я столько красивыхъ женщинъ; англичане такъ развеселились, что въ котильонѣ выдумали фигуру, въ которой кавалеръ долженъ былъ перепрыгнуть черезъ нѣсколько стульевъ, сложенныхъ въ барикаду, чтобы имѣть честь танцовать съ дамой. Однако баронъ Бруновъ, опасаясь несчастнаго случая, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ прыжковъ ловкихъ англичанъ, собственноручно разобралъ стулья.

На балу барона Брунова я встрѣтилъ довольно много извѣстныхъ мнѣ лицъ, которымъ я былъ представленъ Мурчисономъ, и, хотя онъ самъ предложилъ ввести меня въ лондонскій «большой свѣтъ», но видя, что кругъ моихъ знакомыхъ все увеличивается и что я предаюсь съ увлеченіемъ свѣтской жизни,

зонту. Это представляло подобіе рисунка, означающаго прохожденіе луча свѣта изъ одной средины въ другую.

Н. И. К.

не разъ говорилъ мнѣ: «Ah, mon cher Cossk, (какъ онъ обыкновенно называлъ меня), я боюсь, что вы, оставаясь въ Лондонѣ, совсѣмъ забудете ваши науки. Наши англичанки хоть кого сведутъ съ ума!...»

Однако опасенія Мурчисона были напрасны, потому что я всегда помнилъ русскую пословицу: пей, да дѣло разумѣй!

XVII.

Предписаніе К. В. Чевкина.—Пріѣздъ въ Берлинъ.—Хлопоты А. Гумбольдта.—Продленіе командировки.—Семейство министра Наглера.—Вечера у графини Росси.—Музыкальныя знаменитости Берлина.—Шведскій посланникъ.

Въ то время, когда я только что обжился въ Лондонѣ и вошелъ, такъ сказать, во вкусъ этой жизни, получилъ я предписаніе отъ К. В. Чевкина, въ которомъ мой строгій начальникъ, объявляя, что «дальнѣйшее пребываніе въ Англии не принесетъ мнѣ желаемой пользы», предлагалъ мнѣ переѣхать прямо въ Германію и «заняться изученіемъ палеонтологіи, а также минералогіи» въ Берлинскомъ университетѣ. (См. Прилож. III).

Дѣлать было нечего. Слѣдуя полученному предписанію, я простился съ знакомыми, сложилъ свои пожитки и, переплывъ Ламаншъ, отправился въ Парижъ, чтобы еще разъ взглянуть на городъ, въ которомъ прожилъ столько хорошихъ дней. Но здѣсь я оставался недолго, и, получивъ достаточный запасъ рекомендательныхъ писемъ, поспѣшилъ въ Берлинъ, къ назначенному мнѣ сроку. По прибытіи въ столицу Пруссіи, первымъ моимъ дѣломъ было явиться къ нашему посланнику, добрѣйшему барону П. К. Мейендорфу; затѣмъ я отправился въ университетъ, чтобы записаться слушателемъ лекцій знаменитаго кристаллографа Самуила Вейса и не менѣе извѣстнаго минералога Густава Розе. На слѣдующій день, сдѣлавъ визиты ученымъ минералогамъ и геологамъ, я направился къ барону А. Гумбольдту.

Онъ принялъ меня очень ласково и, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Надѣюсь, вы теперь останетесь съ нами болѣе продолжительное время; у насъ вы найдете много пищи для вашей любознательности, особенно въ отношеніи вашей любимой науки,

минералогіи». Я отвѣтилъ, что, къ моему крайнему сожалѣнію, останусь въ Берлинѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ срокъ моей командировки оканчивается.—«Но что же вы сдѣлаете въ такое короткое время? возразилъ Гумбольдтъ. Не могу ли я быть вамъ полезенъ? Я готовъ написать вашему министру финансовъ и попросить его, чтобы онъ продлилъ срокъ вашей командировки еще на одинъ годъ». Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поблагодарить Гумбольдта за его предложеніе; но я добавилъ, что будучи всѣмъ обязанъ моему прямому начальнику К. В. Чевкину, я не рѣшаюсь дѣйствовать помимо его. На это Гумбольдтъ, съ поспѣшностью, объявилъ, что напишетъ письмо К. В. Чевкину.

На слѣдующее утро, Гумбольдтъ прислалъ мнѣ обѣщанное письмо, которое я немедленно отправилъ въ Петербургъ, и, въ непродолжительномъ времени, получилъ отъ К. В. Чевкина увѣдомленіе, что «по всеподданнѣйшему докладу г. министра финансовъ о ходатайствѣ барона Гумбольдта, Его Величество Государь Императоръ соизволилъ продлить мою заграничную командировку еще на одинъ годъ».

Это извѣстіе привело меня въ восторгъ. Теперь я могъ подробно познакомиться съ кристаллографическою методою знаменитаго Вейса и прослушать курсъ минералогіи Густава Розе, что было для меня въ высшей степени интересно и важно. Съ особеннымъ рвеніемъ принялся я за свои занятія въ университетѣ, и послѣ каждой лекціи Вейса тщательно записывалъ все мною слышанное, стараясь уяснить для меня непонятное съ помощью сочиненій маститаго прусскаго кристаллографа ¹⁾. Прекрасный минералогическій кабинетъ Берлинскаго университета также не мало способствовалъ увеличенію моихъ знаній и опытности въ отношеніи минеральнаго царства.

Устроившись съ занятіями въ университетѣ, я рѣшилъ воспользоваться рекомендательными письмами, данными мнѣ въ Парижѣ. Сперва пошелъ я къ министру почтъ Наглеру или,

Замѣтки эти, переписанныя и приведенныя мною въ порядокъ, по окончаніи моего пребыванія въ Берлинѣ, составили четыре толстыхъ тома in quarto, которые до сихъ поръ сохраняются у меня и которыми я не переставалъ пользоваться въ теченіе всей моей дальнѣйшей жизни.

вѣрнѣе сказать, къ его супругѣ, которая находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ съ графиней Сиркуръ и приняла меня съ величайшимъ радушіемъ; она представила меня своей сестрѣ, графинѣ Фернемонъ, и министру, который былъ человѣкъ небольшого роста, нѣсколько сутуловатый и худощавый, съ выразительнымъ умнымъ лицомъ ¹⁾. Супруга министра и ея сестра, графиня Фернемонъ были довольно пожилыя, довольно тучныя и чрезвычайно добрыя дамы. Графиня Фернемонъ приняла меня подъ свое особое покровительство и старалась познакомить почти со всѣмъ высшимъ свѣтомъ Берлина, который собирался въ домѣ министра Наглера (на Königsstrasse, въ зданіи Главнаго почтамта), каждую среду, на вечерній рауть. Гостей бывало до ста и болѣе человѣкъ, и она не переставала представлять меня на этихъ раутахъ то одной, то другой изъ модныхъ дамъ, тому или другому изъ выдающихся лицъ Берлина.

Такимъ образомъ, я познакомился съ графинею Росси, женою сардинскаго посланника при прусскомъ дворѣ, (бывшею знаменитою пѣвицею Зонтагъ). Она была еще въ полномъ блескѣ своего таланта и все еще очаровательная женщина съ задумчивымъ, добрымъ взглядомъ, привлекавшая къ себѣ всѣхъ, кто къ ней приближался, хотя въ это время ей было, вѣроятно, около сорока лѣтъ. Она отнеслась ко мнѣ очень милостиво и, видя, что я люблю музыку и понимаю ея красоты, пригласила меня бывать у ней запросто, по вечерамъ, помимо большихъ раутовъ, на которыхъ собиралось все высшее берлинское общество, весь дипломатическій корпусъ и, нерѣдко, присутствовалъ тогдашній наслѣдникъ прусскаго престола Вильгельмъ.

¹⁾ Министръ Наглеръ устроилъ то знаменитое почтовое сообщеніе въ Пруссіи, которое дѣйствовало также правильно, какъ часы. Почта развозилась въ прекрасныхъ дорожныхъ каретахъ, внутри которыхъ помѣщались пассажиры, а снаружн были мѣста для кучера и почтальона. Въ случаѣ надобности, присоединялась еще карета, такъ называемая *Weiwagen*. Эта замѣчательная организація прусскихъ почтъ держалась очень долго, несмотря на постепенное распространеніе желѣзныхъ дорогъ, къ которымъ министръ Наглеръ, какъ мнѣ говорили, относился съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ. Впрочемъ, въ началѣ 1840-хъ годовъ желѣзныхъ дорогъ было немного и на нихъ смотрѣли только, какъ на курьезный опытъ. Въ это время, насколько мнѣ извѣстно, въ Европѣ, (кромя Англіи), были открыты всего три дороги: а) между Парижемъ и Версалемъ по правому и лѣвому берегу Сены; б) ме ду Берлиномъ и Дрезденомъ и в) между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ.

Небольшіе интимные вечера у графини Росси были необыкновенно пріятны и носили преимущественно музыкальный характеръ. Въ числѣ наиболѣе частыхъ посѣтителей этихъ вечеровъ былъ англійскій посолъ, маститый лордъ Вестмореландъ, страстный любитель музыки, и знаменитый маэстро Мейерберъ. Обыкновенно, по просьбѣ лорда Вестмореланда, Мейерберъ садился за фортепіано и графиня Росси пѣла подъ его аккомпаниментъ. Такимъ образомъ, мнѣ одному изъ первыхъ случилось слышать небольшую піесу, въ родѣ романса, сочиненную Мейерберомъ и посвященную графинѣ Росси, подъ названіемъ «Зингарà». — «Хотите, милордъ, прослушать піесу, сочиненную для меня Мейерберомъ?» сказала однажды графиня Росси англійскому послу и прелестно пропѣла это граціозное произведеніе знаменитаго маэстро. Вообще, о графинѣ Росси я сохранилъ какое-то особенное благоговѣйное воспоминаніе, такъ какъ она представляла собою рѣдкое соединеніе выдающагося таланта, ума и самой привлекательной внѣшности ¹⁾.

Въ это время въ Берлинѣ все дышало музыкой и было кого послушать. Знаменитая Альбони, проѣздомъ изъ Петербурга въ Парижъ, остановилась въ Берлинѣ, дала нѣсколько концертовъ и одно представленіе въ театрѣ. Такого густаго, чистаго, груднаго контральто я никогда не слыхивалъ. Не менѣе знаменитая Жени Линдъ появилась въ берлинскомъ оперномъ театрѣ въ самое лучшее время своей артистической карьеры; тогда-же теноръ Моріани восхищалъ всѣхъ своимъ сильнымъ выразительнымъ голосомъ. Если прибавить къ этому присутствіе въ Берлинѣ графини Росси, Мейербера и Мендельсона-Бертольди, то нельзя не удивляться такому богатому сочетанію первоклассныхъ талантовъ.

¹⁾ Въ томъ же году, проѣздомъ черезъ Дрезденъ, я познакомился съ матерью графини Росси, жившей тамъ въ скромной квартирѣ, лучшимъ украшеніемъ которой служилъ большой портретъ графини Росси, превосходно написанный масляными красками знаменитымъ Полемъ де ла Рошемъ. На этомъ портретѣ, замѣчательно схожемъ съ оригиналомъ, графиня была изображена въ костюмѣ донны Анны изъ оперы Моцарта «Донъ-Жуанъ». Я досталъ себѣ копію съ этого портрета въ уменьшенномъ видѣ, исполненную аква-тинта. Гравюра эта сохранилась у меня до сихъ поръ и всегда виситъ надъ моимъ письменнымъ столомъ.

Не мало было тогда въ Берлинѣ музыкальныхъ домовъ, гдѣ можно было видѣть вблизи и слышать пѣніе и игру первыхъ музыкальныхъ знаменитостей. Между прочимъ, приглашенъ я былъ однажды на обѣдъ къ англійскому посланнику, лорду Вестморланду, который жилъ роскошно, считался большимъ хлѣбосоломъ и страстнымъ любителемъ музыки. Онъ самъ сочинялъ и исполнялъ у себя свои посредственныя музыкальныя произведенія. Послѣ обѣда леди Вестморлендъ (уже старуха) надѣла свои большіе, чуть-ли не синіе, очки и пробренчала что-то на фортепіано, чтобы дать примѣръ для приглашенныхъ на вечеръ артистовъ. Когда леди Вестморлендъ окончила свою прелюдію, за фортепіано сѣлъ Мендельсонъ-Бартольди и импровизировалъ довольно большую піесу съ свойственнымъ ему талантомъ. Послѣ него долженъ былъ пѣть Моріани; но, къ сожалѣнію, я не могъ слышать его, такъ какъ долженъ былъ къ извѣстному часу отправиться къ профессору Густаву Розе.

Въ это время бывалъ я довольно часто въ домѣ шведскаго посланника барона д'Оссона, жена котораго, вида, что я восхищаюсь пѣніемъ ея соотечественницы Жени Линдъ, дала мнѣ къ ней рекомендательное письмо и, такимъ образомъ, доставила, мнѣ возможность видѣть вблизи «шведскаго соловья», какъ тогда называли Жени Линдъ. Она была не красавица и скорѣе дурна собою, но очень симпатична и одѣвалась очень скромно. Разговоръ нашъ, разумѣется, вращался около музыки и пѣнія; я сказалъ ей въ какой восторгъ она привела меня наканунѣ въ «Нормѣ» и, въ особенности, въ послѣдней ея каватинѣ.—«Да, съ живостью отвѣтила Жени Линдъ, вѣдь это было одно изъ лучшихъ моихъ представленій Нормы». Затѣмъ она заговорила о женѣ шведскаго посланника, баронесѣ д'Оссонъ, и отозвалась о ней съ большой похвалою.

Приведу, кстати, одинъ курьезный случай, доставившій не мало волненій этой почтенной дамѣ. Ея супругъ, баронъ д'Оссонъ, уже довольно пожилой въ описываемое время, былъ человѣкъ любознательный, высокообразованный и даже ученый, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно оригинальный. Онъ отправился однажды, вмѣстѣ съ женою, смотрѣть на полетъ какого-то воздухоплавателя на воздушномъ шарѣ. Въ моментъ, когда уже все было готово къ полету, баронъ вдругъ вступилъ въ кор-

зину шара и, къ удивленію и отчаянію своей супруги, полетѣлъ въ верхнія области нашей атмосферы. Несчастливая женщина въ слезахъ бросилась къ своей пріятельницѣ баронессѣ Мейендорфъ, чтобы излить свое горе. Но было уже поздно. Такимъ образомъ, баронесса д'Оссонъ провела въ тревогѣ цѣлый день и только къ вечеру увидѣла своего супруга, который вернулся домой здравъ и невредимъ.

XVIII.

Русскіе въ Берлинѣ.—Маіоръ Вранкенъ.—Операція Пирогова и Дифенбаха.—Лекціи профессора Вейса.—Минеральный магазинъ д-ра Кранца.—Петербургскія окаменѣлости.—Д-ръ Жираръ.—Леопольдъ фонъ Бухъ.

Въ мое время въ Берлинскомъ университетѣ изъ русскихъ были: К. М. Теофилактовъ (впослѣдствіи профессоръ и ректоръ университета св. Владиміра въ Кіевѣ), Роговичъ (будущій профессоръ того же университета), Соляниковъ и др. Нашъ агентъ по мануфактурной части, фонъ Рененкамфъ, жилъ въ одномъ домѣ со мною; военнымъ агентомъ нашего правительства былъ тогда генераль-адъютантъ Мансуровъ, женатый на княжнѣ Трубецкой. Какъ онъ, такъ и жена его, были добрые и симпатичные люди, и я охотно посѣщалъ ихъ. У нихъ познакомился я съ маіоромъ Вранкеномъ. Онъ былъ тяжело раненъ на Кавказѣ; пуля раздробила ему часть нижней челюсти, выбила нѣсколько зубовъ и своротила челюсть на сторону. Первую операцію сдѣлалъ ему нашъ знаменитый Пироговъ и, окончивъ ее, сказалъ Вранкену, что «больше ничего не можетъ сдѣлать». Казалось, болѣе нечего было и желать, такъ какъ Вранкенъ не былъ обезображенъ, хотя нижняя челюсть осталась нѣсколько свороченною въ бокъ. При длинныхъ усахъ недостатокъ этотъ былъ не особенно замѣтенъ, и храбрый маіоръ пользовался вождѣннымъ здравіемъ.

Однако Вранкенъ, наслышавшись о чудесахъ, совершаемыхъ знаменитымъ берлинскимъ операторомъ Дифенбахомъ, захотѣлъ попытать счастья и пріѣхалъ въ Берлинъ, чтобы просить Дифенбаха поставить челюсть на прежнее мѣсто. Вѣроятно, Дифенбахъ находилъ эту операцію нелегкою, (Пироговъ счи-

талъ ее невозможно), потому что въ теченіе многихъ дней являлся къ Вранкену для наблюденій. Наконецъ, онъ увѣрилъ маіора, что берется сдѣлать его такимъ-же красавцемъ, какимъ онъ былъ прежде; а для этого, по словамъ знаменитости, «нужно было только сперва разрѣзать хрящъ, образовавшійся на одной сторонѣ, а затѣмъ вдвинуть челюсть на свое мѣсто».

Въ день, назначенный для операціи, на квартирѣ Вранкена, (въ гостинницѣ Stadt Rom), собралась большая часть берлинскихъ хирурговъ, чтобы присутствовать при замысловатой операціи. Дифенбахъ смѣло приступилъ къ дѣлу, но дѣйствуя внутри рта, не могъ разрѣчь хрящъ, не смотря на всѣ свои старанія. Възбѣшенный неудачей и не думая долго, онъ сдѣлалъ огромную рану на щекѣ своего паціента и, черезъ эту отверстую пасть, разрѣзалъ, наконецъ, хрящъ и вдвинулъ челюсть на свое мѣсто. Въ заключеніе, онъ надѣлъ на больнаго проволочную каску, въ родѣ тѣхъ, какія употребляются при фехтованіи, чтобы удержать челюсть въ надлежащемъ положеніи.

Послѣ обѣда фонъ-Рененкампфъ и я зашли провѣдать Вранкена и пришли въ ужасъ: все лицо его запеклось; глазъ не было видно и онъ едва могъ невнятно произнести нѣсколько словъ. Вскорѣ пріѣхалъ Дифенбахъ и, увидя Вранкена въ такомъ жалкомъ положеніи, сталъ его бранить, что, при такой сильной опухоли, онъ не снялъ каски. Въ концѣ концовъ Вранкенъ оправился; но въ его наружности не замѣтно было почти никакого улучшенія; онъ напрасно перенесъ страданія и дорого заплатилъ за операцію, такъ что нельзя было не пожалѣть, что онъ не послушался нашего Пирогова.

Между тѣмъ, я усердно занимался въ Берлинскомъ университетѣ, и по прежнему съ особенною любовью слушалъ лекціи профессора Вейса, тѣмъ болѣе, что его кристаллографическая метода была вовсе неизвѣстна въ Россіи и мало извѣстна во Франціи,—а для меня совершенно нова. Вейсъ, на своихъ лекціяхъ, представлялъ собою весьма внушительную и типичную фигуру. Онъ былъ худощавъ, имѣлъ тонкія черты лица и когда увлекался преподаваемымъ предметомъ, то глаза его блестяли. Бѣлоснѣжные сѣдые волосы падали почти на плечи; одѣтъ онъ былъ очень чисто. всегда въ бѣломъ галстухѣ съ накрахмаленномъ жабо и въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Держа въ лѣвой

рукѣ кристаллъ или деревянную модель кристалла, правою рукою, вооруженною перочиннымъ ножикомъ, онъ указывалъ на разныя части кристалла, слегка касаясь ихъ острымъ концомъ ножика. При движеніи рукъ, постоянно сверкалъ превосходный крупный брилліантъ его перстня съ гранью, исполненною по всѣмъ правиламъ шлифовальнаго искусства. Если кто либо изъ слушателей обращалъ вниманіе на солитеръ перстня и хвалилъ его качества, то старикъ Вейсъ съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ обыкновенно: «Это подарокъ его величества прусскаго короля!»

Иногда Вейсъ устраивалъ для насъ практическія бесѣды. Во время такихъ бесѣдъ старикъ Вейсъ сидѣлъ въ своемъ бѣломъ галстухѣ съ перочиннымъ ножомъ въ рукѣ, окруженный множествомъ ящичковъ, наполненныхъ минералами. Выбравъ одинъ изъ нихъ, онъ обращался къ каждому изъ насъ съ вопросомъ: какъ называется минералъ? Но въ нашей аудиторіи было мало практиковъ-минераловъ, и въ этомъ отношеніи я былъ едва ли не изъ самыхъ сильныхъ, такъ какъ имѣлъ и въ Россіи и за границей собственныя коллекціи, постоянно пополняемыя покупкою минераловъ. До этихъ бесѣдъ Вейсъ считалъ меня однимъ изъ самыхъ слабыхъ слушателей-иностранцевъ, такъ какъ мои товарищи, повидимому, выказывали на лекціяхъ больше вниманія къ его преподаванію. Но, замѣтивъ на практическихъ бесѣдахъ, что я удовлетворительно отвѣчаю на его вопросы, онъ видимо перемѣнилъ мнѣніе и сталъ относиться ко мнѣ съ большою благосклонностью. Однажды я особенно угодилъ ему: проходя ряды присутствовавшихъ, онъ показывалъ очень рѣдкій минералъ изъ Шотландіи, гренокитъ, съ которымъ слушатели были мало знакомы, но который былъ мнѣ хорошо извѣстенъ, такъ какъ я купилъ нѣсколько экземпляровъ этого минерала въ Лондонѣ. Вейсъ спросилъ: «Съ какимъ минераломъ сходенъ наружный видъ гренокита? но конечно, добавилъ онъ, съ минераломъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго». За этимъ вопросомъ послѣдовало полное молчаніе. Видя, что никто не отвѣчаетъ, я рѣшился сказать «съ корундомъ». Старикъ пришелъ въ восхищеніе отъ моего отвѣта, такъ какъ оказалось, что онъ былъ того-же мнѣнія. Съ этихъ поръ онъ началъ обращать на меня особенное вниманіе и чаще прежняго задавалъ тѣ или другіе вопросы.

Съ другой стороны, успѣху моихъ минералогическихъ занятій не мало способствовалъ прекрасный минеральный кабинетъ Берлинскаго университета и минеральный магазинъ доктора Августа Кранца, у котораго я часто покупалъ минералы для умноженія моей коллекціи. Однажды Кранцъ, вмѣстѣ съ собраніемъ русскихъ минераловъ, получилъ нѣсколько довольно рѣдкихъ окаменѣlostей изъ Силлурийскаго известняка окрестностей Петербурга. Видя, что Кранцъ мало знакомъ съ окаменѣlostями и поэтому назначилъ имъ цѣну весьма умѣренную, я купилъ многія изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы промѣнять ихъ, при случаѣ, на минералы.

Это обстоятельство едва не поссорило меня съ Леопольдомъ фонъ Бухомъ, и вотъ какъ это случилось. Въ университетѣ, консерваторомъ минеральной коллекціи былъ нѣкто д-ръ Жираръ, посредственный ученый, но довольно ловкій человекъ. Онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ нашего посланника барова Мейендорфа, который черезъ него получалъ свѣденія о русскихъ молодыхъ людяхъ, посѣщающихъ Берлинскій университетъ, окончившихъ курсъ въ Педагогическомъ институтѣ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Жираръ также сильно ухаживалъ за Леопольдомъ фонъ Бухомъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, мои молодые соотечественники старались поставить себя въ добрыя отношенія съ Жираромъ и незамѣтно очутились въ нѣкоторой зависимости отъ него. Но такъ какъ я не принадлежалъ къ числу молодыхъ людей, присланныхъ въ Берлинъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, то держался въ извѣстномъ отдаленіи отъ Жирара, что ему не нравилось и онъ, такъ сказать, вострилъ на меня зубы.

Между тѣмъ, получивъ отъ Кранца упомянутыя окаменѣlosti, я показалъ ихъ Жирару съ просьбой обмѣнять ихъ на минералы и, если возможно, на кристаллы эпидота изъ Арендаля, въ Норвегіи. Жираръ, увидя рѣдкія вещи, представлявшія особенный интересъ для Буха, выбралъ изъ нихъ все наилучшее ¹⁾ и оставилъ мнѣ нѣсколько экземпляровъ трилобитовъ,

¹⁾ Это были разныя энкриныты, описанныя нашимъ Фольбортомъ, но относительно которыхъ Л. фонъ Бухъ былъ несогласнаго съ нимъ мнѣнія. Но объ этомъ я не имѣлъ тогда ни малѣйшаго понятія, вслѣдствіе моихъ недостаточныхъ свѣдѣній въ палеонтологіи.

уже всѣмъ извѣстныхъ. Но такъ какъ я не собиралъ окаменѣлостей и оставшіеся у меня трилобиты представлялись мнѣ цѣнными, то при первомъ свиданіи съ Бухомъ я просилъ его принять ихъ въ подарокъ, какъ представителей моей родины. Бухъ былъ, видимо, доволенъ и благодарилъ меня самымъ любезнымъ образомъ.

Велико было мое удивленіе и досада, когда, черезъ нѣсколько дней, Жиранъ принесъ мнѣ обратно, подаренные мною Буху, трилобиты и съ нѣкоторымъ злорадствомъ сказалъ: «это отъ барона Буха, который присоединяетъ къ нимъ еще одинъ экземпляръ краснаго гранита изъ Піемонта». Очевидно, Бухъ обидѣлся и мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что Жиранъ съ цѣлью возстановить его противъ меня объяснилъ, что я всѣ лучшія окаменѣлости промѣнялъ на минералы, а ему представилъ одни оборыши. Я отправился немедленно къ Буху, чтобы объяснить ему, что, по моимъ слабымъ свѣдѣніямъ въ палеонтологіи, я не подозрѣвалъ, что окаменѣлости, отданныя мною для обмена г. Жирану или, вѣрнѣе, университету, представляли для него особенный интересъ. Этимъ дѣло и кончилось. Бухъ, повидимому, удовольствовался моимъ объясненіемъ и сталъ опять дружелюбно относиться ко мнѣ.

XIX.

Рауты, балы и обѣды у англійскаго и русскаго посланниковъ. — Встрѣча новаго 1846-го года. — Сборы въ дорогу. — Графъ Вьельгорскій. — Порученіе Зиновьева. — Затрудненіе съ багажемъ.

Однако, не смотря на усиленные занятія въ университетѣ и дома, молодость брала свое, и я, по прежнему, пользовался всѣми свѣтскими удовольствіями, посѣщалъ театры, бывалъ на балахъ и раутахъ модныхъ домовъ Берлина. Здѣсь я встрѣчалъ то-же общество, что и на интимныхъ вечерахъ у моихъ знакомыхъ. Берлинъ не Парижъ: въ Парижѣ существуетъ нѣсколько кружковъ высшаго или, такъ называемаго, «большаго свѣта»; въ Берлинѣ, какъ у насъ въ Петербургѣ, всего одинъ, и потому вступившій въ этотъ свѣтъ, необходимо, встрѣчаешь все тѣхъ-же лицъ какъ въ одной гостиной, такъ и во всѣхъ остальныхъ.

Особеннымъ блескомъ и роскошью отличались тогда въ Берлинѣ рауты, балы и обѣды англійскаго посла Вестморленда, а также нашего посланника барона Мейендорфа, который, хотя и не часто, давалъ подобные праздники, но они всегда были многочисленны и блестящи. Этому способствовала отчасти любезность и тактъ барона, а также роскошное помѣщеніе нашего посольства въ домѣ, купленномъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который былъ вообще превосходно меблированъ и содержался въ большомъ порядкѣ.

Такимъ образомъ, въ Берлинѣ я проводилъ время также пріятно и разнообразно, какъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Между тѣмъ, время моего возвращенія въ Россію приближалось; наступилъ канунъ новаго, 1846 года, а въ первыхъ числахъ января, по новому стилю, назначенъ былъ день моего отъѣзда. Я встрѣтилъ новый годъ на блистательномъ балу у лорда Вестморленда. Ровно въ полночь мазурка была прервана, и всѣ присутствовавшіе, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, поздравляли другъ друга съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ. Невольно подумалъ я: каково-то будетъ мое новое счастье! Впереди ничего опредѣленнаго не представлялось мнѣ, тѣмъ болѣе, что, по возвращеніи въ Россію, я уже не могъ застать К. В. Чевкина на прежнемъ постѣ; онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ сенаторомъ.

Мой отъѣздъ изъ Берлина устроился наилучшимъ образомъ. Въ одно время со мною, отправляясь въ Петербургъ курьеромъ кабинета молодой графъ Вьельгорскій, причисленный къ нашему посольству въ Берлинѣ. Онъ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на половинныхъ расходахъ, что было для меня весьма удобно. Но здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы объяснить постигшую меня непріятность. Дня за три до нашего отъѣзда, неожиданно, пришелъ ко мнѣ молодой Зиновьевъ, (кажется камеръ-юнкеръ), съ которымъ я былъ знакомъ по экспедиціи Мурчисона, при которой онъ находился нѣкоторое время, въ качествѣ любителя. Зиновьевъ, поздоровавшись со мною, сказалъ: «Я слышалъ, Николай Ивановичъ, что вы ѣдете съ графомъ Вьельгорскимъ, курьеромъ кабинета, вслѣдствіе чего будете избавлены отъ таможеннаго осмотра на границѣ Россіи; а я ѣду съ дамами... Мы накупили множество

брошекъ, серегъ и другихъ бездѣлушекъ; у меня есть также воздушное ружье, котораго ввозъ въ Россію кажется запрещенъ. Будьте добры, возьмите всѣ эти вещи на ваши руки и провезите ихъ, а я беру на себя доставить въ цѣлости вашъ ящикъ съ минералами». Я имѣлъ неосторожность согласиться на это предложеніе, о чемъ пришлось пожалѣть впоследствии.

Графъ Вьельгорскій (сынъ извѣстнаго меломана, имѣвшаго собственный домъ на Михайловской площади), мой товарищъ по предстоявшему путешествію, почти передъ самымъ отъѣздомъ объявилъ мнѣ, что въ Тильзитѣ намъ придется купить повозку и ѣхать на почтовыхъ, такъ какъ получено извѣстіе, что между Тильзитомъ и Петербургомъ установилась санная дорога: «зачѣмъ будемъ мы стѣснять себя багажемъ, добавилъ онъ, тѣмъ болѣе, что я везу ящики на имя государя и императорской фамилии, съ которыми не могу разстаться. Отправимъ прямо нашъ багажъ въ Тильзитъ, съ почтовымъ транспортомъ; онъ придетъ раньше насъ, потому что мы выѣдемъ днемъ или двумя позже».

Противъ этого нечего было возражать, и въ назначенный день, забравъ съ собою только дорожныя мѣшки и курьерскіе пакеты, мы удобно размѣстившись въ почтовой каретѣ и отправились въ Тильзитъ, гдѣ насъ встрѣтили неожиданнымъ извѣстіемъ, что нашъ багажъ не прибылъ къ сроку, по случаю внезапно замершихъ рѣкъ. Дѣлать было нечего. Курьеру кабинета ждать было нельзя, и поэтому, не теряя времени, мы купили себѣ повозку на полозьяхъ и покатали по прекрасной санный дорогѣ въ Петербургъ. Все шло прекрасно; но по приѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ пришлось пережить дня два въ непріятномъ ожиданіи. Багажъ мой не замедлил прибыть въ Петербургъ, но на присланной мнѣ повѣсткѣ было сказано, что вещи мои отосланы въ таможенную, изъ которой я имѣю ихъ получить, по исполненіи таможенныхъ правилъ. Тутъ только я вспомнилъ, что мой чемоданъ наполненъ на половину вещами Зиновьева. Моя тревога еще болѣе увеличилась, когда я услышалъ отъ знакомыхъ, что моимъ вещамъ будетъ сдѣланъ подробный реестръ, и я долженъ буду заплатить за каждую бездѣлицу, купленную за границей, и что запрещенныя вещи будутъ конфискованы. Но, при этомъ, одинъ изъ моихъ бывшихъ

товарищей по корпусу, горный инженеръ Н. А. Дмитріевъ, далъ мнѣ весьма полезный совѣтъ: «Отправляйся ты, сказалъ онъ мнѣ, къ директору «Мануфактуръ и Торговли» и проси его, чтобы онъ далъ предписаніе таможенѣ выпустить твои вещи на основаніи пассажирской собственности».

Совѣтъ этотъ былъ тѣмъ болѣе кстати, что мнѣ помогли непредвидѣнные обстоятельства. По приходѣ въ департаментъ «Мануфактуръ и Торговли», я былъ встрѣченъ дежурнымъ чиновникомъ, очень бойкимъ, задирающимъ носъ, молодымъ человекомъ. Услыхавъ, что я хочу видѣть директора, онъ непременно захотѣлъ знать о чемъ именно я буду говорить съ нимъ. На мой отвѣтъ, что я желаю лично объяснить мою просьбу самому генералу, онъ съ недовольнымъ видомъ сказалъ мнѣ: «Въ такомъ случаѣ, г. поручикъ, не угодно ли вамъ здѣсь подождать,—генералъ теперь занятъ».

Я сѣлъ на первый попавшійся стулъ и сталъ терпѣливо ждать рѣшенія моего дѣла. Но вотъ уже проходитъ полчаса, часъ, и, наконецъ, полтора часа. Въ это время молодой чиновникъ нѣсколько разъ проходилъ мимо меня и каждый разъ на мой вопросъ о директорѣ, отвѣчалъ: «Генералъ все еще занятъ». Наскучивъ долгимъ ожиданіемъ, я началъ прохаживаться по анфиладѣ комнатъ и дошелъ, такимъ образомъ, до директорскаго кабинета. Я невольно бросилъ взглядъ въ пріотворенную дверь и увидѣлъ двухъ военныхъ генераловъ, весело бесѣдующихъ у стола и курящихъ сигары. Директоръ, (не припомню теперь его фамиліи) замѣтилъ меня и позвонилъ въ колокольчикъ. На звонъ этотъ опростетью прибѣжалъ мой юркій чиновникъ и я услышалъ слѣдующій разговоръ: «Скажите, кто тамъ? я уже давно слышу, какъ онъ здѣсь рассказываетъ». — «Это г. поручикъ горныхъ инженеровъ Кокшаровъ», отвѣчалъ дежурный. «Зачѣмъ онъ здѣсь?» — «Желаетъ объясниться съ вашимъ превосходительствомъ!» — «Такъ что же вы мнѣ не доложили объ этомъ?» — «Видя, что ваше превосходительство заняты, я не смѣлъ васъ беспокоить!» — «Не ваше дѣло разсуждать, а ваше дѣло докладывать.... просите г. поручика ко мнѣ».

Вѣроятно, мое долгое терпѣніе расположило директора въ мою пользу, потому что онъ выслушалъ меня очень ласково и сказалъ, что съ удовольствіемъ исполнить мою просьбу. На вто-

ричный звонокъ, явился снова дежурный, которому директоръ передалъ мое прошеніе съ приказомъ, чтобы немедленно было заготовлено предписаніе въ таможеню и принесено ему для подписи, а мнѣ сказалъ, чтобы я подождалъ немного и что тогда бумага будетъ вручена мнѣ. Теперь мнѣ недолго пришлось ждать. Получивъ предписаніе, я устремился въ таможеню, гдѣ приняли меня очень любезно, полагая вѣроятно, что я пользуюсь особенной протекціей директора департамента. Съ моими вещами таможенные также обошлись самымъ снисходительнымъ образомъ, и хотя открыли чемоданъ, но ничего не тронули.

Какъ будто гора свалилась съ моихъ плечъ, когда я выѣхалъ изъ таможи съ моимъ чемоданомъ. Отобравъ дома вещи Зивовьева, я немедленно отвезъ ихъ къ нему на квартиру.

XX.

Профессоръ Г. А. Юсса. — «Королева» Христина. — Хлопоты о принсканіи уроковъ. — Занятія въ Дворянскомъ полку. — Учебникъ физической географіи.

Въ Петербургѣ я остановился по Кадетской линіи Васильевского острова, въ гостинницѣ Гейде, которая уже больше не существуетъ. Вообще это была хорошо организованная гостинница на скромную ногу; но я оставался въ ней недолго, такъ какъ у меня въ карманѣ оказалось очень мало денегъ. Хотя вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ меня произвели въ штабсъ-капитаны и я сталъ получать около 400 р. въ годъ, но изъ нихъ, кромѣ вычета за чинъ и на инвалидовъ, высчитывали 150 р., занятыхъ мною въ посольствѣ, передъ отъѣздомъ изъ Берлина. Что касается Горнаго Института, куда я былъ назначенъ репетиторомъ съ 1-го января 1846 года, то я не получалъ тамъ никакого вознагражденія.

Признаться сказать, я поставленъ былъ въ довольно бѣдственное положеніе, тѣмъ болѣе замѣтное для меня, что вмѣсто 1500 р. ежегоднаго содержанія, получаемого за границей, — я очутился, въ первый годъ моего возвращенія въ Россію, на самомъ скудномъ содержаніи (около 200 р.). Я нанялъ себѣ квартиру на Васильевскомъ острову, на углу 18 линіи и Большаго проспекта, въ домѣ Мюнстера, и поспѣшилъ переѣхать сюда изъ гостин-

ицы Гейде. Квартира моя находилась въ верхнемъ этажѣ дома, съ окнами на дворъ; но такъ какъ она стоила 10 р., то на хозяйство оставалось немного. Я могъ только купить въ Андреевскомъ рынкѣ за три рубля клеенчатый диванъ, (внутренность котораго послужила для помѣщенія моего гардероба, книгъ и другихъ вещей), затѣмъ письменный столъ и два стула, стоившіе полтора рубля, и подушку, стоимости которой не помню; купилъ я также важной для себя провизіи—чаю и сахару, что составляло мой завтракъ при помощи сухарей и другихъ сортовъ хлѣба, отпускаемыхъ мнѣ въ кредитъ, приходившимъ по утрамъ булочникомъ. Но такъ какъ все это происходило во время довольно суровой зимы, то пришлось также купить полсажени дровъ. Спалъ я на диванѣ, а одѣяломъ служила моя сѣрая офицерская шинель.

Однако, вскорѣ мое положеніе нѣсколько улучшилось. На одной лѣстницѣ со мной помѣщалась квартира профессора Горнаго института, (тогда полковника, впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, † въ 1874 г.), Григорія Андреевича Юсса, перваго нашего металлурга, высокообразованнаго, добрѣйшаго и честнѣйшаго человѣка, котораго девизомъ могли бы служить слова: «Всѣмъ добро и никому зло!» Видя, что я бѣдствую, онъ принялъ меня подъ свое особенное покровительство.—«Послушайте, Николай Ивановичъ, сказалъ онъ мнѣ, пожалуйста, не стѣсняйтесь, когда вы не отозваны куда нибудь обѣдать, приходите прямо ко мнѣ; я всегда обѣдаю дома и мы раздѣлимъ нашу скромную трапезу. Если меня, по какому нибудь случаю, не застанете дома, то васъ накормить, чѣмъ Богъ послалъ, моя королева Христина», (такъ называлъ онъ свою кухарку, спокойно проживавшую, втеченіе многихъ лѣтъ, у добраго холостяка).

Между тѣмъ сдѣланный мною запасъ дровъ истощился, и въ квартирѣ сдѣлалось очень холодно; а купить опять дровъ не представлялось никакой возможности. Поэтому писать что либо у себя дома нельзя было и подумать, что заставляло меня нерѣдко спускаться по лѣстницѣ въ квартиру Г. А. Юсса и заниматься тамъ письменными работами.

Королева Христина, чтобы мнѣ было теплѣе ночью, принесла мнѣ какую-то старую большую перину, которая на ночь растлгалась на полъ и на которой я однако, подъ пледомъ и

шинелью, едва могъ отогрѣться. Получая сухари и булки отъ булочника, на книжку, въ кредитъ, я запасался ими въ довольно большомъ количествѣ и каждое утро дѣлился ими съ собакою Шарикъ изъ породы сетеровъ, никому не принадлежавшей и устроившей себѣ мѣсто жительства въ конюшнѣ, по милости кучера доктора Л. Э. Фробена, проживавшаго также въ домѣ Мюнстера. Каждый день я бросалъ Шарикъ изъ форточки порядочное количество сухарей, такъ что, по прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ твердо зналъ часъ, въ который я пью чай и въ это время ежедневно являлся на дворъ подъ моими окнами, виляя хвостомъ. Мало по малу онъ совсѣмъ перебрался ко мнѣ на квартиру и спалъ рядомъ со мною на перинѣ. Г. А. Юсса часто говаривалъ: «У Николая Ивановича на квартирѣ довольно холодно, около 7 или 8 градусовъ, да это не бѣда, его грѣетъ Шарикъ!» Между тѣмъ, моему Шарикъ было хорошее житье: у меня онъ пилъ чай, а на кухнѣ, у Г. А. Юсса, получалъ онъ отъ королевы Христіаны вдоволь костей и другой провизіи, въ видѣ обѣда и ужина.

Утромъ, напившись чаю, я отправлялся въ качествѣ репетитора въ Горный Институтъ, затѣмъ занимался на квартирѣ Г. А. Юсса, обѣдалъ у него или у кого либо изъ знакомыхъ, а на мою холодную квартиру возвращался уже ночью и ложился спать съ моимъ другомъ Шарикомъ. Однако такая жизнь скоро сдѣлалась для меня тягостной и я рѣшилъ отыскать себѣ болѣе подходящее помѣщеніе. Къ счастью, въ это время, въ домѣ Мюнстера, оказалась свободная меблированная комната, въ семействѣ почтенной вдовы Миллеръ, которую я нанялъ за 10 р. въ мѣсяцъ съ прислугой и самоваромъ. Комната была теплая и свѣтлая и во всѣхъ отношеніяхъ удобная для моихъ ученыхъ занятій; но во всемъ остальномъ положеніе мое не улучшилось.

По роду моей подготовки мнѣ слѣдовало искать уроковъ въ какихъ-нибудь учебныхъ заведеніяхъ, но такъ какъ я не рассчитывалъ получить ихъ въ зимнее время, когда всѣ мѣста уже были заняты, то отложилъ хлопоты до осени и, что называется сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Въ этомъ отношеніи мы, русскіе, представляемъ замѣчательный примѣръ терпѣнія или, вѣрнѣе, безпечности; до тѣхъ поръ, пока намъ не предстоитъ опасность умереть съ голоду, мы спокойно переносимъ всевозмож-

ныя лишенія. Г. А. Юсса, видя, что я принадлежу къ числу такихъ русскихъ, часто говаривалъ мнѣ: «Да что это вы, Николай Ивановичъ, не шевелитесь, не ищите себѣ какого нибудь заработка, который бы вывелъ васъ изъ вашего, далеко некрасиваго положенія. Съ васъ, все, какъ съ гуся вода».

Эти понуканія, наконецъ, вывели меня изъ неподвижнаго положенія, и я началъ спрашивать, гдѣ и какъ можно получить мѣсто преподавателя минералогіи и геологіи. Но такихъ лекцій не оказалось; и Г. А. Юсса убѣдилъ меня взять вакантное мѣсто преподавателя горнаго искусства и металлургіи въ Горной школѣ Технологическаго института, не смотря на мои возраженія, что предметы эти не моя специальность: «Что за бѣда, сказалъ онъ, что вы занимаетесь, преимущественно, минералогіей; вѣдь горное искусство и металлургія вамъ не чужды, какъ горному инженеру. Возьмите мои записки и приготовляйтесь по нимъ къ лекціямъ».

Такъ и было сдѣлано мною. Это былъ первый шагъ къ улучшенію моего положенія и я вполне обязанъ имъ Г. А. Юсса, о которомъ я всегда вспоминаю съ глубокой благодарностью. Многимъ также обязанъ я моему однокласснику Ивану Петровичу Илимову, съ которымъ былъ друженъ въ Горномъ институтѣ ¹⁾ и который былъ тогда преподавателемъ химіи въ Дворянскомъ полку. Въ это время, въ немъ открылось мѣсто преподавателя физической географіи, а поэтому И. П. Илимовъ, видя, что я нуждаюсь въ занятіяхъ, предложилъ отрекомендовать меня директору, генералу Пущину, и остальному начальству. Заручившись моимъ согласіемъ, онъ достигъ желаемаго результата, и осенью 1846 года я былъ опредѣленъ преподавателемъ физической географіи въ Дворянскомъ полку.

До этого, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ преподавались минералогія и геологія, которыя съ 1846 года рѣшено было замѣнить смѣшанной наукой, въ которой бы говорилось не только о геологіи и минералогіи, но о разныхъ физическихъ явленіяхъ,

¹⁾ И. П. Илимовъ еще кадетомъ съ увлеченіемъ занимался химіей, какъ и минералогіей, и также любилъ поэзію, музыку, театръ, что не мало способствовало нашему сближенію. Впослѣдствіи И. П. Илимовъ вышелъ въ отставку и сдѣлалъ блестящую карьеру на техническо-коммерческомъ поприщѣ, на которомъ съ честью подвизается до сихъ поръ. Н. И. К.

подъ названіемъ «физической географіи». Предметъ былъ совершенно новый, и на русскомъ языкѣ не имѣлось учебниковъ, которые бы отвѣчали требованіямъ выработанныхъ программъ. Такой учебникъ поручено было написать академику Ленцу; но онъ не успѣлъ его приготовить, а поэтому первыя записки физической географіи для Дворянскаго полка пришлось составить В. В. Беку и мнѣ, какъ двумъ преподавателямъ этого предмета въ полку. Мы раздѣлили работу пополамъ и, худо или хорошо, однако приготовили оригинальный учебникъ къ сроку и приступили къ преподаванію ¹⁾.

Лекціи въ Дворянскомъ полку, доставлявшія мнѣ около 500 руб. въ годъ, сверхъ жалованья, были для меня тѣмъ болѣе важны, что дали мнѣ возможность оставить мѣсто преподавателя металлургіи и горнаго искусства въ Горной школѣ Технологическаго института, которое тяготило меня, такъ какъ не относилось къ моей спеціальности, что далъ мнѣ тоже замѣтить инспекторъ классовъ, сказавъ однажды, что «я профессорствую не по своей части». У насъ въ Россіи невыгодно получить извѣстность по какой либо отдѣльной научной отрасли, потому что въ этомъ случаѣ человѣка считаютъ пригоднымъ только въ предѣлахъ его спеціальности. Такъ и здѣсь: если-бы я не имѣлъ репутаціи минералога, то для меня было бы достаточно званія Горнаго инженера, чтобы спокойно преподавать всѣ горные предметы въ любомъ учебномъ заведеніи.

¹⁾ Мы имѣли истинное удовольствіе быть ученикомъ Н. И. Кокшарова и съ наслажденіемъ вспоминаемъ о его лекціяхъ. Ясность, простота и увлекательность изложенія, обширное знаніе предмета и начитанность человѣка весьма образованнаго чувствовались во всемъ преподаваніи; молодежь любила Николая Ивановича и хорошо у него училась. Ред

XXI.

Первыя самостоятельныя работы.—Письмо Густава Розе.—Отзывъ въ журналѣ Эрмана.—Отзывы другихъ ученыхъ.—Женитьба.

Съ поступленіемъ въ Дворянскій полкъ, положеніе мое настолько улучшилось, что я рѣшилъ завести собственное хозяйство, нанялъ себѣ небольшую отдѣльную квартиру въ томъ-же домѣ Мюнстера и за сходную цѣну купилъ себѣ шкапъ, въ которомъ и размѣстилъ собранныя мною коллекціи минераловъ. Устроившись такимъ образомъ, я началъ прилежно заниматься минералогическими работами, тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ получилъ матеріалъ, который представлялъ собою новизну и могъ возбудить интересъ ученаго міра.

Князь П. Р. Багратіонъ, адъютантъ Е. И. В. герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, (впослѣдствіи рижскій генералъ-губернаторъ), вывезъ тогда съ Урала, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ герцогомъ, — довольно богатую коллекцію минераловъ, между которыми былъ большой черный кристаллъ, выросшій на бѣломъ діопсидѣ, который я и выпросилъ у князя Багратіона для подробнаго изслѣдованія. Съ горячностью принялся я за эту работу, и такъ какъ у меня дома былъ обыкновенный гониометръ Волластона, то обратился въ Минералогическій кабинетъ Императорской Академіи наукъ, гдѣ находился болѣе точный и сложный гониометръ Митчерлиха, который и былъ предоставленъ въ мое распоряженіе консерваторомъ музея, К. И. Гревингомъ (впослѣдствіи профессоромъ Дерптскаго университета). Съ помощью этого гониометра, я измѣрилъ упомянутый кристаллъ съ величайшею подробностью и нашелъ, что онъ принадлежитъ къ новому минералу, который я назвалъ «багратіонитомъ», въ честь князя Багратіона, а затѣмъ напечаталъ свою работу на русскомъ языкѣ въ Горномъ журналѣ (Г. Ж., 1847, ч. I, стр. 434) и на нѣмецкомъ языкѣ въ изданіи Поггендорфа, (Poggendorff's Annalen, 1848, Bd. LXXII S. 182).

По окончаніи этой работы я принялся за другую, менѣе трудную, а именно за изученіе кристалловъ магнитнаго желѣзняка изъ Ахматовской копи на Уралѣ, и опредѣлялъ нѣсколько новыхъ формъ. Это были мои двѣ первыя самостоятельныя работы,

которыя были приняты очень благосклонно ученымъ міромъ, и мой знаменитый учитель Густавъ Розе написалъ мнѣ письмо отъ 8 сентября 1847 года, которое хранится у меня до сихъ поръ и гдѣ овъ, называя мои «кристаллографическіе этюды плодотворными для науки», выражалъ надежду, что «за ними послѣдуютъ другія цѣнныя работы, въ виду обширнаго матеріала, доставляемаго богатыми петербургскими коллекціями и неисчерпаемымъ Ураломъ». Эрманъ, издатель берлинскаго журнала, посвященнаго научному изученію Россіи, помѣстилъ цѣликомъ мои двѣ статьи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ съ замѣчаніемъ, что я «первый выступилъ въ русскомъ Горномъ журналѣ съ самостоятельными кристаллографическими работами»¹⁾. Въ то же время ученые, какъ Науманъ, Гайдингеръ и Миллеръ дали самый лестный отзывъ о моихъ работахъ, что меня душевно радовало, такъ какъ это былъ мой первый шагъ на научномъ поприщѣ, и я продолжалъ мои наблюденія съ удвоеннымъ рвеніемъ. Въ этомъ отношеніи я также съ особенной благодарностью вспоминаю знаменитаго финляндскаго минералога Н. Норденшильда, который, въ каждый изъ своихъ пріѣздовъ въ Петербургъ, являлся на мою скромную квартиру, въ домѣ Мюнстера, и поддерживалъ меня своимъ одобреніемъ.

Между тѣмъ, число моихъ лекцій настолько увеличилось, что я могъ существовать безбѣдно. Въ 1847 году, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, я читалъ, втеченіе цѣлаго курса, лекціи минералогіи и геологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, до возвращенія изъ командировки Э. К. Гофмана, и получалъ въ это время половинное содержаніе ординарнаго профессора. Въ томъ же году я былъ назначенъ преподавателемъ геологіи въ бывшемъ 2-мъ кондукторскомъ классѣ Горнаго института, а черезъ нѣкоторое время преподавателемъ минералогіи въ 5-мъ классѣ. Тогда-же началъ я хлопотать о полученіи казенной квартиры въ Горномъ институтѣ. Пользуясь улучшеніемъ моихъ денежныхъ средствъ, я выписалъ изъ Берлина отъ знаменитаго механика Эртлинга дорогой инструментъ для точныхъ измѣреній угловъ кристалловъ (гоніометръ Митчерлиха), и потому мнѣ важно было получить такое помѣщеніе, въ

¹⁾ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. Herausgegeben von A. Ermann, Achter Band, Berlin, Verlag von G. Keimer, 1850, S. 123 u. a. w.

которомъ бы я могъ устроить неподвижный пьедесталь. Небольшая квартира, занимаемая въ Горномъ институтѣ г. Бекомъ, человѣкомъ женатымъ, была для него слишкомъ тѣсна, но вполне подходила для предположенной мною цѣли. Поэтому я рѣшилъ воспользоваться расположеніемъ ко мнѣ тогдашняго начальника штаба корпуса горныхъ инженеровъ, В. Е. Самарскаго-Быховца, и объяснилъ ему мое желаніе получить квартиру преподавателя Бека, который на то охотно согласился, подъ условіемъ, что ему будетъ дана болѣе помѣстительная квартира.

Самарскій-Быховецъ тотчасъ-же написалъ полуофициальное письмо къ директору Горнаго института, генераль-маіору Шрейдеру; но этотъ какъ человѣкъ военный, вообще не сочувствовавшій никакимъ наукамъ, принялъ неблагоклонно предложеніе начальника штаба, имѣвшее видъ предписанія: «Я здѣсь хозяинъ, а не Самарскій!» сказалъ онъ кому-то изъ приближенныхъ, и по пословицѣ, гдѣ паны дерутся, у хлопцевъ чубы летятъ!—гнѣвъ генераль-маіора обрушился на меня съ Бекомъ. Въ одно прекрасное утро, едва очнувшись отъ сна, я получилъ отчаянное письмо отъ Бека, въ которомъ онъ писалъ, что вслѣдствіе бѣдъ, полученной изъ штаба Корп. Горн. Инженер., директоръ Горнаго института Шрейдеръ объявилъ, что «отдастъ квартиру Бека штабсъ-капитану Кокшарову, а его, Бека, выселить на вольную квартиру, такъ какъ въ управляемомъ имъ заведеніи лишняго помѣщенія не имѣется». Разумѣется, я тотчасъ-же успокоилъ Бека, написавъ ему, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, я не возьму его квартиры, еслибы даже мнѣ насильно ее навязывали. Этимъ дѣломъ окончилось: Бекъ остался на своей казенной квартирѣ, а я на своей въ домѣ Мюнстера ¹⁾).

Занятія мои въ Горномъ институтѣ продолжались по прежнему, а равно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и, между прочимъ, въ земледѣльской школѣ Вольнаго экономическаго общества, гдѣ я также получилъ мѣсто преподавателя. Но въ

¹⁾ Въ 1849 году я переѣхалъ изъ дома Мюнстера въ зданіе главной физической обсерваторіи, гдѣ былъ назначенъ смотрителемъ и гдѣ мнѣ было отведено небольшое помѣщеніе. Вслѣдствіи, съ 1852 по 1855 г., во время отсутствія директора обсерваторіи А. Я. Купфера, я часто занималъ его мѣсто.

1849 году я порядочно прихворнулъ, и если бы во мнѣ не принялъ участіе старикъ докторъ Е. И. Раухъ, страстный любитель минераловъ, то, вѣроятно, отправился бы на тотъ свѣтъ.

Не знаю, вслѣдствіе ли этой болѣзни или усиленныхъ занятій,—я уже не чувствовалъ прежнихъ силъ, и поэтому лѣтомъ 1851 года поѣхалъ для поправленія здоровья на минеральныя воды Кеммерна (около 40 верстъ отъ Риги). Здѣсь я познакомился со многими курляндскими фамиліями и, между прочимъ, съ семействомъ барона Стромбергъ. Старшая дочь барона, Елизавета, мнѣ очень понравилась; однако я не рѣшился тогда сдѣлать предложеніе и свободнымъ вернулся въ Петербургъ къ моимъ книгамъ и занятіямъ. Но разъ мысль о женитьбѣ закрадывается къ намъ, рѣдко бываетъ возможно освободиться отъ нея. Находясь въ нерѣшимости, я отправился къ графу І. К. Ламберту, (полковнику, адъютанту Е. И. В. Александра Николаевича, тогда наслѣдника престола), очень умному человеку, въ расположеніи котораго я не могъ сомнѣваться, и просилъ дать мнѣ совѣтъ: «Вы желаете знать мое мнѣніе, относительно вашей женитьбы, отвѣтилъ графъ, и я откровенно скажу вамъ, что не совѣтую. Но я предсказываю вамъ, что, несмотря на это, вы все-таки женитесь!»... Такъ и случилось. Въ началѣ зимы 1852 года, я написалъ письмо баронессѣ Генриеттѣ Стромбергъ, въ которомъ просилъ руки ея дочери, на что и получилъ согласіе какъ отъ матери, такъ и дочери.

Лѣтомъ того-же года, отправился я въ курляндское имѣніе барона Стромбергъ и обвѣнчался въ Митавѣ, 2 іюля 1852 года. Тогда же написалъ я о своей женитьбѣ Мурчисону, который, по прежнему, относился ко мнѣ съ самымъ живымъ участіемъ. Мурчисонъ отвѣтилъ мнѣ дружескимъ письмомъ, въ которомъ, не смотря на шутливый тонъ, проглядывало неодобреніе безразсудному браку и заботливость объ ожидавшей меня будущности, такъ какъ богатый англичанинъ не могъ понять, чтобы человекъ могъ рѣшиться вступить въ семейную жизнь безъ обезпеченныхъ средствъ. (См. Прилож. IV).

XXII.

Изданіе перваго тома «Materialien zur Mineralogie Russland's».—Избраніе въ члены иностранныхъ ученыхъ учреждений.—Письмо А. Гумбольдта.—Вторичная командировка за границу.—Пріѣздъ въ Берлинъ.—Осмотръ минералогическаго кабинета при Берлинскомъ университетѣ.—Весѣда съ А. Гумбольдтомъ.

Я поселился съ молодой женой въ новой квартирѣ, (на углу Большой Подьяческой и Екатерингофскаго проспекта), нанятой мной передъ отъѣздомъ въ Курляндію, и прожилъ въ ней довольно долгое время. Въ 1853 году, я приступилъ къ печатанію моего сочиненія «Materialien zur Mineralogie Russlands», въ которомъ жена моя оказала мнѣ большую помощь. Въ то время, мои знанія въ нѣмецкомъ языкѣ были довольно неудовлетворительны, и, хотя я писалъ книгу на нѣмецкомъ языкѣ, все-таки женѣ моей приходилось производить въ моихъ рукописяхъ значительныя исправленія и такъ сказать, переводить съ нѣмецкаго на нѣмецкій языкъ. Равнымъ образомъ, жена нерѣдко помогала мнѣ въ рѣшеніи задачъ, такъ какъ, сидя возлѣ меня, когда я производилъ многочисленныя вычисленія, она мало по малу научилась употребленію таблицы лагориомовъ и примѣненію ихъ.

Несмотря на множество лекцій, безъ которыхъ немислимо было существовать съ семьей, я усердно работалъ для науки, и мои труды принимались съ большимъ вниманіемъ и снисхожденіемъ въ ученomъ мѣрѣ, что доставило мнѣ почетное избраніе въ члены многихъ иностранныхъ ученыхъ учреждений¹⁾. Такъ прошло одиннадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился изъ моего перваго заграничнаго путешествія, и въ это время мнѣ пришлось столько поработать, что я чувствовалъ нѣкоторое утомленіе. Естественно, что мнѣ хотѣлось отдохнуть и развлечься и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомиться съ тѣми успѣхами, которые, втеченіе одиннадцати лѣтъ, сдѣлала Европа въ области минералогіи. Поэтому я снова началъ мечтать о заграничномъ путешествіи.

¹⁾ См. списокъ ученыхъ обществъ, академій и университетовъ, которыхъ я состою членомъ, въ Приложеніи къ описанію моего юбилея: «Пятидесятилѣтній юбилей академика Николая Ивановича Кокшарова» 6 іюня 1888 года и пр. Сост. А. Э. Мюнстеръ. С.-Пб., 1887, стр. 117—122.

Предлогъ представился очень удобный въ 1857 г., а именно назначено было собраніе нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ городѣ Боннѣ; но не такъ легко было найти денежные средства для заграничнаго путешествія. Я вспомнилъ слова А. Гумбольдта, сказаннымъ имъ при отъѣздѣ моемъ изъ Берлина въ 1845 году, что «если я вздумаю когда нибудь ѣхать за границу, то онъ окажетъ мнѣ возможное содѣйствіе». Я взялъ перо и написалъ довольно длинное письмо барону А. Гумбольдту, которое адресовалъ моему бывшему учителю Густаву Розе, съ просьбой доставить его по назначенію и подкрѣпить мою просьбу своимъ авторитетомъ.

Густавъ Розе не могъ тотчасъ исполнить мое порученіе вслѣдствіе серіозной болѣзни Гумбольдта; но вскорѣ однако онъ увидался съ нимъ и прочиталъ мое письмо. Баронъ А. Гумбольдтъ, все еще больной, велѣлъ подать себѣ бумаги и чернила и, сидя въ постели, написалъ письмо нашему министру финансовъ Броку, которое было представлено въ оригиналѣ Государю Императору, вслѣдствіе чего я былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, за границу на семь мѣсяцевъ, «для осмотра лучшихъ минеральныхъ коллекцій Германіи, Франціи и Англіи и принятія участія въ собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, имѣющемъ быть лѣтомъ 1857 года въ городѣ Боннѣ».

Хотя мнѣ было тяжело разстаться съ женою и дѣтьми, но я не безъ удовольствія пустился въ путь, и ^{20-го апреля}/_{11-го мая} былъ уже въ Берлинѣ, гдѣ помѣстился въ томъ самомъ Meinhardt's Hotel unter den Linden, въ которомъ жилъ въ то время, когда слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университетѣ. Отдохнувъ съ дороги и сдѣлавъ визитъ нашему послу барону Брунову, я отправился къ А. Гумбольдту, который жилъ въ той-же самой квартирѣ (Oranienburger Strasse, № 67), въ которой я былъ у него одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Я поднялся во второй этажъ по деревянной лѣстницѣ и позвонилъ у двери со стеклами. Ко мнѣ тотчасъ-же вышелъ старый камердинеръ А. Гумбольдта, (съ которымъ онъ не разставался втеченіи всей его жизни), чисто одѣтый, тщательно причесанный, съ нафабранными усами, и объявилъ, что «баронъ уѣхалъ въ Потсдамъ и, вѣроятно, останется тамъ до вечера».

Чтобы не терять времени, въ тотъ-же день отправился я

послѣ обѣда въ университетъ, въ компаніи съ Густавомъ Розе, и подробно осмотрѣлъ минералогическій кабинетъ, гдѣ въ числѣ новыхъ любопытныхъ для меня вещей я увидѣлъ превосходную коллекцію аэролитовъ, которыми занимался тогда Густавъ Розе. При этомъ, онъ съ нѣкоторою гордостью показалъ мнѣ большой кристаллъ сивяго топаза изъ Мурзинки (на Уралѣ), пожертвованный университету А. Гумбольдтомъ, которому этотъ кристаллъ подаренъ былъ извѣстнымъ золотопромышленникомъ Татомъ Поликарповичемъ Зотовымъ.

На слѣдующій день я снова отправился къ Гумбольдту и, проходя по знакомымъ улицамъ Берлина, мимо домовъ, гдѣ нѣкогда жили графиня Росси, д'Оссонъ, лордъ Вестморлендъ и другіе знакомые мнѣ люди, я невольно вздыхалъ, такъ какъ ихъ квартиры уже были заняты новыми лицами. Сколько переимѣнъ въ такой короткій промежутокъ времени! думалъ я, и, занятый моими мыслями, незамѣтно подошелъ къ дому, гдѣ жилъ Гумбольдтъ. Въ дверяхъ встрѣтилъ меня его старый камердинеръ съ привѣтливымъ лицомъ и словами: «милости просимъ, баронъ приметъ васъ!».

Я прошелъ изъ передней черезъ двѣ небольшія комнаты, извѣстныя мнѣ съ давнихъ поръ, заваленныя книгами, картами и пр.; на стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками. Камердинеръ ввелъ меня въ кабинетъ своего господина и сказалъ: «подождите немного, я доложу о вашемъ приходѣ барону».... Оставшись одинъ, я бросилъ бѣглый взглядъ на окружавшіе меня предметы. Кабинетъ былъ не великъ. Прежде всего бросился въ глаза колоссальный бюстъ Араго (съ которымъ Гумбольдтъ былъ очень друженъ), между тѣмъ, какъ остальная обстановка не представляла ничего особеннаго: письменный столъ, небольшая кушетка, значительное число портретовъ и маленькихъ картинъ, между которыми находилось много головокъ красивыхъ женщинъ. Но я имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы разсмотрѣть всѣ детали кабинета, потому что на порогѣ показался Гумбольдтъ, одѣтый въ черный застегнутый фракъ, и радушно протянулъ мнѣ руку ¹⁾.

¹⁾ Описаніе этого и слѣдующихъ визитовъ моихъ къ Гумбольдту, а равно и многія подробности моего втораго и третьяго путешествія за границу заим-

Я началъ съ выраженія благодарности за оказанное мнѣ покровительство, но А. Гумбольдтъ прервалъ меня словами, что «я не могъ сомнѣваться въ его участіи въ виду заслугъ, оказанныхъ мною для минералогіи Россіи. Ваши работы, добавилъ онъ, считаются среди лучшихъ и самыхъ точныхъ; ихъ очень цѣнятъ въ Европѣ».... Мнѣ ничего не оставалось какъ отвѣтить на это глубокимъ поклономъ. Онъ придвинулъ къ себѣ кресло своими слабыми руками и, не смотря на мой протестъ, усадилъ меня на диванъ передъ собою, такъ что я могъ хорошо разглядѣть его. Глаза Гумбольдта еще сохранили прежнюю живость, но мнѣ показалось, что съ тѣхъ поръ, какъ его не видѣлъ, онъ очень постарѣлъ. Полнота исчезла и желтоватый оттѣнокъ замѣнилъ здоровый цвѣтъ его лица стараго времени. Гумбольдтъ извинился, что не отвѣтилъ на мое послѣднее письмо, и объяснилъ болѣзнь: «Впрочемъ, добавилъ онъ, благодаря тому, что я нахожусь при особѣ короля, который раздастъ кресты, медали и всякаго рода награды,—меня осаждаютъ письмами, я ихъ получаю до двухъ тысячъ. Но такъ какъ я не имѣю привычки держать секретаря, то я самъ отвѣчаю на письма; это беретъ у меня много времени, и часто безъ всякой пользы. Мнѣ кажется, что я уже потерялъ всякій кредитъ при дворѣ»...

Однако Гумбольдтъ тутъ-же предложилъ представить меня королю и совѣтовалъ взять съ собою мою книгу «Materialien zur Mineralogie Russlands» для поднесенія его величеству, но добавилъ, что по его мнѣнію нужно предварительно устроить это дѣло черезъ нашего посланника Брунова. Затѣмъ Гумбольдтъ спросилъ меня видѣлъ-ли я Густава Розе, Митчерлиха и другихъ берлинскихъ ученыхъ и сталъ жаловаться, что, не смотря на нездоровье, долженъ ѣздить въ Потсдамъ! Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать Гумбольдту, что извѣстіе о его болѣзни глубоко огорчило его друзей въ Петербургѣ и теперь всѣ довольны, что здоровье его снова возстановилось.

стнованы мною изъ случайно сохранившагося дневника, который я велъ въ это время и по частямъ пересылалъ въ Петербургъ женѣ въ видѣ писемъ.

В. И. Е.

—«Да, замѣтилъ Гумбольдтъ, доктора преувеличили мою болѣзнь. Въ виду моихъ преклонныхъ лѣтъ, они боялись паралича, что, однако, не случилось». Изъ этихъ словъ было видно, что Гумбольдтъ не придавалъ особеннаго значенія своей болѣзни, хотя въ Берлинѣ всѣмъ было извѣстно, что это былъ настоящій апоплексическій ударъ.

XXIII.

Дни «трехъ святыхъ» въ Берлинѣ.—Вторичное свиданіе съ А. Гумбольдтомъ.—Отъѣздъ Гумбольдта отъ министръ народнаго просвѣщенія Норовѣ.—Приглашеніе на королевскій обѣдъ.—Представленіе прусскому королю и королевы.—Наслѣдственный принцъ.—Королевскій обѣдъ.—Графъ Келлеръ.

Отъ Гумбольдта я отправился къ знаменитому химику и кристаллографу Митчерлиху, который принялъ меня очень ласково и отозвался самымъ лестнымъ образомъ о моей книгѣ «Materialien zur Mineralogie Busslands», сожалея, что я напечаталъ мое сочиненіе въ слишкомъ маломъ количествѣ экземпляровъ. Затѣмъ онъ представилъ меня своей женѣ и просилъ бывать у него въ домѣ. Я вышелъ отъ Митчерлиха въ самомъ веселомъ настроеніи духа, хотя улицы имѣли мрачный видъ при дождливой и холодной погодѣ. Это были дни 11-го, 12-го и 13-го мая новаго стиля, которые въ Пруссіи почти всегда бываютъ холодные и даже называются здѣсь «Die Tagen von drei gestrengten Herren—дни трехъ строгихъ святыхъ (но какихъ именно не помню). Мы говорили, что эти дни сдѣлались особенно знаменательными во время царствованія короля Вильгельма II, который, обольщенный теплымъ временемъ ранней весны, приказалъ своему садовнику высадить растенія изъ оранжерей въ садъ, не смотря на замѣчаніе садовника, что еще не прошли «drei gestrengten Herren». Сначала все шло прекрасно, но когда наступили упомянутые дни, наступилъ внезапный холодъ и всѣ тропическія растенія погибли.

Время въ Берлинѣ проходило незамѣтно; я часто видѣлся съ учеными: Густавомъ Розе, Дове (знаменитымъ физикомъ метеорологомъ), Раммельсбергомъ, Бейрихомъ, Поггендорфомъ и другими и узналъ отъ нихъ много новаго относительно занимавшихъ меня научныхъ вопросовъ. 21-го мая, я снова былъ у

Гумбольдта, который принялъ меня также дружелюбно, какъ и въ первый разъ, усадилъ меня на диванъ и пр., и въ разговорѣ выразилъ неудовольствіе на нашего профессора Эйхвальдта: «Представьте себѣ, сказалъ онъ, Эйхвальдтъ послалъ мнѣ 42 экземпляра своихъ замѣтокъ, чтобы я роздалъ ихъ здѣсь въ Берлинѣ. Какъ будто у меня много времени для такихъ комисій, особенно въ мои годы!»... Затѣмъ Гумбольдтъ сообщилъ мнѣ, что получилъ письмо отъ Абиха ¹⁾, который былъ недоволенъ денежными средствами, ассигнованными на его сочиненія. «Вашъ теперешній министръ народнаго просвѣщенія, Норовъ, продолжалъ Гумбольдтъ, человекъ добрый и просвѣщенный, насколько я могу судить по дѣламъ, которыя я имѣлъ съ нимъ; странно, что онъ такъ мало покровительствуетъ Абиху».

Я возразилъ, что, по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія дошли до меня, наше горное вѣдомство назначило какую-то сумму для изданія сочиненій Абиха. «Однако, сказалъ Гумбольдтъ, Абихъ ничего не публикуетъ такого, что можно было бы считать началомъ его большой работы о Кавказѣ. Недавно онъ послалъ мнѣ свое сочиненіе „Über das Steinsalz und Seure Geologische Stellung in russischen Armenien“, но это отдѣльная работа, не имѣющая ничего общаго съ его большимъ начатымъ сочиненіемъ». Съ этимъ словами, Гумбольдтъ вышелъ въ другую комнату и вернулся съ книгой въ рукахъ. «Вотъ посмотрите, сказалъ онъ, вы можете взять ее и держать сколько хотите, только передайте потомъ Густаву Розе... Но, къ сожалѣнію, мнѣ придется васъ оставить: сегодня я обѣдаю у короля, а времени остается немного. Пожалуйста, заходите ко мнѣ, когда вздумается, и чтобы вы не напрасно стучались у моей двери, напишите накануне, когда будете». На мое возраженіе, что я не осмѣлюсь беспокоить его такими записками, Гумбольдтъ замѣтилъ: «Я всегда поступаю такъ съ друзьями!» Затѣмъ мы разстались.

¹⁾ Абихъ (Abich) знаменитый геологъ (род. въ Берлинѣ 29-го ноября—(11-го декабря) † 1-го (13-го) юля въ Вѣнѣ), особенно извѣстный геологическими изслѣдованіями на Кавказѣ и обработкой матеріаловъ, собранныхъ въ этой странѣ. Въ юнѣ 1845 г. онъ совершилъ восхожденіе на гору Араратъ.

Дня два спустя, а именно 23 мая новаго стиля, около десяти часовъ утра, въ мою комнату вошелъ гофкурьеръ и объявилъ, что его величество король приглашаетъ меня сегодня къ обѣду въ Санъ-Суси, въ 4 часа пополудни. Собравъ все необходимое для моего туалета, я отправился въ два часа на желѣзную дорогу и черезъ 40 минутъ былъ уже въ Потсдамѣ, гдѣ остановился въ гостинницѣ и нарядился въ мою военную форму подполковника Корпуса Горныхъ инженеровъ. Изъ дворца присланы были для приглашенныхъ коляски, и мнѣ пришлось ѣхать съ Галаховымъ, (бывшимъ оберъ-полицеймейстеромъ Петербурга). По прибытіи въ дворецъ Санъ-Суси, насъ ввели въ столовую, имѣвшую видъ большой ротонды съ мраморными колоннами, бѣлымъ куполомъ и бронзовыми украшеніями, гдѣ нѣкогда Фридрихъ Великій давалъ праздники Вольтеру. За столовой была небольшая зала, гдѣ мы должны были ожидать появленія короля. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединился графъ Адлербергъ (братъ бывшаго министра двора), графиня Гаакъ, любимая фрейлина королевы и другіе придворные; меня представляли направо и налево; при этомъ графъ Келлеръ, узнавъ, что я знакомъ съ его братомъ въ Петербургѣ, принялъ меня подъ свое особенное покровительство.

Наконецъ, двери открылись и мы услышали возгласъ: его величество король! Всѣ мы стояли неподвижно на своихъ мѣстахъ. Сначала король подошелъ къ дамамъ и, поговоривъ съ ними немного, обратился къ намъ; послѣ Галахова, камергеръ представилъ меня, но перевернулъ мою фамилію и сказалъ: «подполковникъ Кокшаковъ!» — Король спросилъ съ улыбкой: «Такъ ли, въ самомъ дѣлѣ, онъ называется?» и добавилъ: *c'est m-eur Kokscharoff!* (этимъ, конечно, я былъ обязанъ Гумбольдту). Затѣмъ его величество спросилъ меня о цѣли моего приѣзда и долго-ли я останусь въ Берлинѣ и, выслушавъ мой отвѣтъ, сказалъ: «Надѣюсь, вы найдете здѣсь много вещей интересныхъ для васъ. Очень радъ съ вами познакомиться!» Я отвѣтилъ низкимъ поклономъ; король удалился и заговорилъ съ другими лицами.

Прусскій король значительно постарѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ первый разъ въ Берлинѣ, чему, конечно, не мало способствовали политическія волненія 1848 года. Лицо его

стало задумчивѣе; по временамъ, онъ впадалъ въ разсѣянность и со вздохомъ повторялъ вполголоса: «Ахъ, да! да!».... Вскорѣ послѣ появленія короля, вошла королева. Она была одѣта очень просто, но съ большимъ вкусомъ, въ чепчикѣ изъ бѣлыхъ кружевъ, въ колье изъ крупнаго жемчуга и лиловомъ платьѣ съ бѣлыми кружевами. Лицо ея было нѣсколько блѣдно; но взглядъ привѣтливый и полный доброты. Я невольно смутился, когда меня представили королевѣ; но она обошлась со мной такъ милостиво и непринужденно, что я тотчасъ овладѣлъ собою. Она спросила меня, давно ли я пріѣхалъ, сухимъ путемъ или моремъ? затѣмъ сказала: «Я знаю, что вы знакомы съ г-жею де-Люкъ¹⁾. видѣлись-ли вы съ нею по пріѣздѣ?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, продолжала: «навѣстите ее, если можно; вы найдете въ ней большую перемену, послѣ ея послѣдней тяжелой болѣзни; мужъ ея также очень постарѣлъ». Я отвѣтилъ, что «буду счастливъ исполнить приказаніе ея величества и сегодня же сообщу г-жѣ де-Люкъ, что ея величество соблаговолила вспомнить о ней». Королева ласково наклонила мнѣ голову и перешла къ другимъ лицамъ.

Разговоръ, который осчастливила меня королева, видимо, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе на графа Адлерберга, который до этого третировалъ меня немного свысока и, представляя разнымъ лицамъ, повторялъ: «извините, пожалуйста, я все забываю вашу фамилію!»

Затѣмъ меня представили наслѣдному принцу, (впослѣдствіи, маститый императоръ Вильгельмъ, братъ царствовавшего тогда короля), который началъ со мной разговоръ съ вопроса о цѣли моего пріѣзда, пожелалъ узнать подробности о предстоявшемъ ученomъ съѣздѣ въ Боннѣ и спросилъ: познакомился ли я съ Берлиномъ? Я отвѣтилъ, что «давно знакомъ съ Берлиномъ, такъ какъ, въ теченіи двухъ зимъ, слушалъ лекціи въ берлинскомъ университетѣ». — «Но когда это было?» — «Въ 1844 — 1845 гг., ваше высочество», — «Очень радъ слышать это, но почему вы

¹⁾ Г-жа де-Люкъ, жена извѣстнаго прусскаго генерала, которая пользовалась особеннымъ расположеніемъ королевы и въ домѣ которой я часто бывалъ, во время моего перваго пребыванія въ Берлинѣ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ.

не представились тогда ко двору?» — «Посѣщая университетъ, какъ студентъ, я полагалъ, что мое званіе было недостаточно для того, чтобы имѣть счастье быть представленнымъ вашему королевскому высочеству». — «Но кажется въ это время вы были уже офицеромъ, не правда ли?» — «Я былъ тогда поручикомъ, ваше высочество». — «Разумѣется, лучше представляться подполковникомъ, нежели поручикомъ», возразилъ принцъ, и произнесъ слово «lieutenant-colonel» съ особеннымъ удареніемъ. Но тутъ наша бесѣда была прервана приближеніемъ короля, такъ какъ мы должны были посторониться, чтобы дать пройти его величеству, послѣ чего наслѣдный принцъ прикоснулся рукою къ моему Станиславскому кресту и съ удивленіемъ спросилъ: «Это у васъ новинка!» и съ этими словами обернулся къ генералу Галахову, чтобы сравнить его крестъ съ моимъ. Я объяснилъ его величеству, что «только недавно придали Станиславскому кресту форму, нѣсколько отличную отъ прежней». — «Другими словами, сказалъ принцъ, поставили орлы съ поднятыми крыльями, вмѣсто бывшихъ прежде орловъ съ опущенными крыльями»...

Вторичное появленіе короля возвѣстило моментъ обѣда. Когда ихъ величества, принцы и приглашенные гости вошли въ ротонду, я обратился къ графу Келлеру съ просьбой указать мое мѣсто. — «Вы сядете рядомъ со мною, отвѣтилъ графъ самымъ любезнымъ образомъ, и во время обѣда называлъ мнѣ фамиліи всѣхъ присутствовавшихъ. Столъ имѣлъ форму подковы; рядомъ съ королемъ по лѣвую сторону сидѣли министры, А. Гумбольдтъ рядомъ съ королевой по правую сторону, графъ Дона (Dohna) и дамы, затѣмъ графъ Келлеръ, я, графъ Мантѣйфель и др. На столѣ стояли продолговатыя корзинки съ цвѣтами и, между ними, хрустальные вазы съ конфетами. Обѣдъ былъ сытный и состоялъ изъ многихъ, преимущественно мясныхъ, блюдъ. Графъ Келлеръ, узнавъ, что жена моя изъ Курляндіи, удвоилъ свою любезность, и во время десерта, отобралъ конфеты въ цвѣтныхъ бумажкахъ, сунулъ ихъ мнѣ въ руку, вмѣстѣ съ лежавшей передъ нимъ картой тѣпи обѣда, говоря: «Передайте это вашей супругѣ, моей землячкѣ!»....

XXIV.

А. Гумбольдтъ.—Свиданіе съ г-жей де Люкъ.—Пріѣздъ въ Парижъ.—Визитъ къ герцогинѣ де Розанъ.—Случай съ графиней Бурбонъ Бюссе.—Засѣданіе въ академіи наукъ.

Когда кончился обѣдъ, король, королева, а за ними всѣ присутствовавшіе направились къ двери, ведущей въ садъ, и вышли на террасу, съ которой открывался роскошный видъ, освѣщенный яркимъ лѣтнимъ солнцемъ; внизу былъ большой фонтанъ, особенно эффектный среди зелени цвѣтовъ. Я подошелъ къ графинѣ Гаакъ, такъ какъ былъ старый знакомый ея матери и сестеръ; она была очень любезна со мной и заговорила о Берлинѣ прежняго времени. Немного погодя къ намъ подошла королева и спросила меня: долго-ли я намѣренъ прожить въ Берлинѣ и вообще за границей?—Я отвѣтилъ, что останусь въ Берлинѣ еще нѣсколько дней, но за границей останусь семь мѣсяцевъ.—«Вы, конечно, видѣли уже много вещей, интересующихъ васъ?» спросила опять королева.—«Я осмотрѣлъ всѣ минеральныя коллекціи и увидѣлся съ моими старыми учителями».—«Значить, вы довольны вашимъ пребываніемъ у насъ?»—«Какъ нельзя болѣе, ваше величество!»....

Едва королева удалилась отъ насъ, какъ я встрѣтилъ взглядъ А. Гумбольдта, пристально устремленный на меня; онъ сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы я подошелъ къ нему: «Гдѣ-же ваша книга?» спросилъ Гумбольдтъ, на что я отвѣтилъ, что «книгу мою я отдалъ въ посольствѣ».—«Вѣдь я совѣтовалъ вамъ захватить книгу съ собою!»—«Я не забылъ вашего наставленія, баронъ, но у насъ въ посольствѣ формалисты; мнѣ сказали тамъ, что я долженъ раньше представиться королю, и потомъ будетъ представлена книга».—«Ну, сказалъ съ досадой Гумбольдтъ, лучше было-бы, еслибы вы меня послушали. Но дѣлать нечего! Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, чтобы ваша книга была завтра доставлена его величеству; послѣ завтра король уѣзжаетъ на нѣсколько дней».... ¹⁾.

¹⁾ Книга моя не была послана во-время и залежалась въ посольствѣ, и такъ какъ я уѣхалъ изъ Берлина, то вѣроятно нашли неудобнымъ въ мое отсутствіе представить ее королю. Такимъ образомъ я не получилъ прусскаго ордена, о которомъ особенно хлопоталъ Гумбольдтъ. **Н. И. К.**

Шагахъ въ десяти отъ насъ, стоялъ король, окруженный принцами и придворными. На головѣ короля была фуражка, всѣ остальные стояли съ обнаженными головами, равно и Гумбольдтъ. Признаться сказать, я удивлялся стойкости Гумбольдта: непонятно, какъ онъ могъ выносить придворный этикетъ при своихъ преклонныхъ лѣтахъ и разстроенномъ здоровьѣ. Онъ стоялъ на вѣтру; его сѣдые волосы развѣвались, а онъ какъ ни въ чемъ не бывало; также желудокъ его долженъ быть хорошъ, чтобы переваривать придворные обѣды, составленные изъ множества блюдъ.

Въ то время, какъ я стоялъ въ сторонѣ и занимался наблюденьями, ко мнѣ подошелъ сынъ наследнаго принца, красивый юноша, съ открытымъ простымъ лицомъ, (несчастный императоръ Германіи, царствовавшій такое короткое время), и спросилъ меня дружескимъ тономъ: «Ну, полковникъ, какъ правится вамъ Санъ-Суси?» Но едва успѣлъ я отвѣтить его высочеству, какъ всѣ разговоры моментально прекратились. Король, уходя, обратился ко мнѣ со словами: «Очень радъ былъ видѣть васъ». Онъ удалился черезъ тѣ-же двери, въ которыя вошелъ; за нимъ вышла королева и всѣ остальные.

Я отправился на желѣзную дорогу съ генераломъ Галаховымъ и скоро прибылъ въ Потсдаму, гдѣ поспѣшилъ на дачу генеральши де Люкъ. Она жила въ красивомъ домикѣ, подаренномъ ей королемъ въ окрестностяхъ Потсдама. Старикъ лакей, часто видѣвшій меня у своихъ господъ въ былыя времена, тотчасъ-же узналъ меня и настойчиво просилъ подождать возвращенія генеральши де Люкъ, которая, по его словамъ, должна была пріѣхать черезъ полчаса. Онъ принесъ мнѣ сигару и предложилъ подняться на гору, у подошвы которой былъ расположенъ домъ, чтобы полюбоваться видомъ, что я съ удовольствіемъ исполнилъ. Дѣйствительно, видъ былъ восхительный: заходящее солнце бросало золотистые лучи на зеленыя окрестности Потсдама, усѣянные красивыми дачами.

Сойдя съ горы, я очутился у дверей дачи г-жи де Люкъ, которая вернулась домой почти вслѣдъ за мной. Когда она вошла въ комнату, я едва узналъ ее. Одинадцать лѣтъ тому назадъ, я оставилъ г-жу де Люкъ свѣжей, довольно полной и красивой женщиной, остроумной и блестящей, съ оживленнымъ

взглядомъ, свидѣтельствовавшимъ объ ея французскомъ происхожденіи, а теперь передо мною стояла худощавая сгорбленная старуха, съ дрожащими руками. Однако, несмотря на эту поразившую меня перемену,—когда она заговорила, я узналъ въ ней прежнюю *Madame de Lusk*;—живость ума, французское остроуміе проявлялись въ ней время отъ времени, какъ искра или огонекъ угасающаго факела. Я передалъ ей разговоръ, которымъ удостоила меня королева, и видѣлъ, что она была тронута и довольна участіемъ ея величества.

Послѣ лестнаго приема, оказаннаго мнѣ во дворцѣ, я дважды обѣдалъ у нашего посланника барона Брунова, получалъ и другія приглашенія и вообще могъ замѣтить, что, съ этихъ поръ, многіе стали относиться ко мнѣ дружелюбнѣе прежняго и удвоили любезности. Передъ отъѣздомъ, я зашелъ къ А. Гумбольдту, который принялъ меня такъ же ласково, какъ всегда; но былъ почему-то въ особенно хорошемъ настроеніи духа и говорилъ о разныхъ предметахъ. Между прочимъ, упомянувъ о А. С. Норовѣ, онъ спросилъ меня: «не имѣютъ ли вліяніе его религіозныя взгляды на ходъ дѣлъ въ министерствѣ?» На этотъ вопросъ я не могъ дать ему удовлетворительнаго отвѣта, послѣ чего разговоръ нашъ перешелъ на Парижъ и нашихъ общихъ знакомыхъ и продолжался около часа. Наконецъ, я простился съ Гумбольдтомъ и еще разъ выразилъ ему мою глубокую признательность за его благосклонность ко мнѣ.

Отъ Гумбольдта я отправился въ наше посольство, къ Густаву Розе, Поггендорфу и др. и, сдѣлавъ прощальныя визиты, вернулся въ гостиницу, уложилъ вещи и въ 6¹/₂ часовъ вечера выѣхалъ изъ Берлина по желѣзной дорогѣ; а на другой день къ ночи уже былъ въ Парижѣ. Быстрота ѣзды была для меня тѣмъ поразительнѣе, что въ былыя времена я совершалъ этотъ самый путь на лошадахъ, въ почтовомъ экипажѣ. Мнѣ казалось, что я вижу сонъ: Магдебургъ, Брауншвейгъ, Ганноверъ, Кельнъ, Литтихъ, Намюръ и пр. промелькнули предъ моими глазами, какъ картины въ двигающейся панорамѣ. Покончивъ съ таможеню, которая обошлась съ нами, путешественниками, довольно милостиво, я нанялъ фіакръ и отправился къ знакомому мнѣ дому № 50, rue de Lille, гдѣ провелъ столько счастливыхъ дней. вмѣсто прежнихъ portiers, я встрѣтилъ, къ моему нема-

лону огорченію, незнакомыя лица; но миѣ все таки удалось найти себѣ здѣсь помѣщеніе.

Въ Парижѣ я оставался около двухъ недѣль. Втеченіе этого времени, я осмотрѣлъ все то, что могло интересовать меня по минералогіи, а также увидѣлся съ моими друзьями и знакомыми, которыхъ я засталъ въ живыхъ: графомъ де Понъ, старушкой Хлюстиной, отъ которой узналъ, что ея дочь, графиня Сиркуръ, живетъ на своей дачѣ, далеко отъ Парижа, что, по недостатку времени, лишило меня возможности навѣстить ее въ этотъ пріѣздъ. Но герцогиня де Розанъ была въ Парижѣ и, по словамъ г-жи Хлюстиной, находилась въ отчаянномъ положеніи, такъ какъ половина ея тѣла была разбита параличемъ. Дѣйствительно, я нашелъ въ ней такую-же перемѣну, какъ и, съ *M-me de Luck* въ Берлинѣ. Я оставилъ герцогиню, въ 1843 году, высокою, стройною и въ высшей степени элегантною женщиною, а теперь она преобразилась въ дряхлую старуху и была неузнаваема. Въ ея гостиной было нѣсколько модныхъ дамъ и кавалеровъ Парижа, которые съ большимъ оживленіемъ говорили о несчастномъ происшествіи, жертвою котораго была 23-хъ лѣтняя знатная дама, *comtesse de Bourbon Busset*.

Графиня *Busset* поѣхала съ мужемъ въ недавно купленное ими имѣніе, въ которомъ разрабатывались пласты каменнаго угля. Пока графъ толковалъ съ рабочими и дѣлалъ разныя распоряженія, графиня приблизилась къ шахтѣ; но тутъ, по роковому и непредвидѣнному случаю, въ одной изъ дѣйствующихъ машинъ лопнулъ канатъ и, брошенный съ ужасающей силой въ сторону, мгновенно обвилъ, какъ змѣя, молодую графиню и увлекъ на дно глубокой шахты, гдѣ ее нашли совершенно искалѣченною, съ слабыми признаками жизни. Черезъ нѣсколько минутъ графиня умерла.

Отъ герцогини де Розанъ я отправился вторично къ Эдуарду де Вернѣлю, и на этотъ разъ засталъ его дома. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями и повелъ въ засѣданіе академіи наукъ, гдѣ присутствовало много знаменитостей: Эли де Бомонъ, маркизь де Вальянъ, Александръ Дюма (химикъ), Біотъ, де Сенармонъ, Леверье и др. Несмотря на мое сопротивленіе, меня посадили въ центральной части зала, на одно изъ мѣстъ, предназначенныхъ для почетныхъ гостей.

XXV.

Замокъ Saultemont.—Замокъ Бѣлой дамы.—Конюшни принца Конде въ Шантильи.—Возвращеніе въ Парижъ.—Выставка картинъ Поль-де-ла-Роша.—Посѣщеніе горной школы.—Опытъ химика Девиля.—Императрица Евгенія.

Стояла прекрасная лѣтняя погода. Эдуардъ де Вернѣль пригласилъ меня ѣхать въ замокъ его отца Saultemont, лежащій на пути въ Pont St. Maxence, куда мы отправились по желѣзной дорогѣ. Замокъ Saultemont имѣлъ тотъ-же видъ, что и прежде; но обѣ племянницы Э. де Вернѣля, которыхъ я зналъ дѣвочками, успѣли выйти замужъ въ мое отсутствіе; у одной изъ нихъ уже были дѣти. Онѣ приняли меня, какъ стараго друга, чрезвычайно радушно и повели къ старику де Вернѣлю, который находился въ безпомощномъ состояніи, сидѣлъ въ креслахъ, не могъ говорить и едва двигался, хотя одинадцать лѣтъ тому назадъ онъ былъ еще въ полной силѣ.

Вечеръ прошелъ незамѣтно въ оживленной бесѣдѣ, а на другой день Э. де Вернѣль предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ, съ утра, въ коляскѣ, чтобы познакомиться съ окрестностями, чѣмъ я съ удовольствіемъ воспользовался. Мы поѣхали въ Шантильи черезъ хорошенькій городокъ Санли, въ которомъ находится одна изъ самыхъ древнихъ церквей Франціи, которую мы и осмотрѣли. Затѣмъ мы проѣхали прекраснымъ лѣсомъ къ такъ наз. столу (table), гдѣ принцъ Конде послѣ охоты устраивалъ пиршества. Это круглая, открытая площадь, среди лѣса, въ центрѣ которой находился огромный камень съ плоской поверхностью въ видѣ стола. Мы поѣхали по одной изъ дорогъ, ведущихъ къ небольшому озеру, на берегу котораго находился «замокъ Бѣлой дамы» (Chateau de la reine Blanche). Если не ошибаюсь, это то самое мѣсто, куда удалилась, послѣ своего замужества, Матильда, героиня извѣстнаго романа Евгенія Сю, тогда какъ Лагюрто жилъ въ Шантильи. Замокъ Бѣлой дамы не великъ, имѣетъ двѣ башни и общій видъ весьма живописенъ, особливо при хорошей погодѣ.

Отсюда мы направились въ Шантильи, гдѣ осмотрѣли замокъ и садъ, нѣкогда принадлежавшіе принцу Конде, и знаменитыя конюшни, построенныя имъ съ такой роскошью, что мѣст-

ные жители говорили, что «лошади принца Конде помѣщены лучше, нежели онъ самъ». Въ ротондѣ этихъ конюшенъ, принцъ Конде далъ однажды великолѣпный ужинъ сѣверному принцу (Prince du Nord, впоследствии императоръ Павелъ I). Мы возвратились въ замокъ Saulemont въ восьмомъ часу вечера, такъ что намъ пришлось отобѣдать втроемъ: Э. де Вэрнѣль, князь де Броньи (мужъ его младшей племянницы) и я, послѣ чего мы отправились въ гостинную къ дамамъ пить кофе, и вмѣстѣ съ ними смотрѣли фейерверкъ, устроенный по случаю сельскаго праздника. Около полуночи, мы разошлись по своимъ комнатамъ и я простился съ гостепріимными хозяевами, такъ какъ на слѣдующее утро долженъ былъ поспѣть къ первому поѣзду желѣзной дороги.

По возвращеніи въ Парижъ, я отправился вмѣстѣ съ Деклуазо и молодымъ итальянскимъ ученымъ Квинтино Селла для осмотра минеральной коллекціи г. Ашара (M-g Achard), такъ какъ насъ интересовалъ кристаллъ кварца, о которомъ Ашаръ распустилъ самые преувеличенные слухи. Но оказалось, что кристаллъ не представлялъ ничего особеннаго, и то, что Ашаръ считалъ основнымъ пинакоидомъ, была неровная поверхность, происшедшая вслѣдствіе срастанія многихъ индивидовъ кварца между собою. Но за эту неудачу я былъ вполне вознагражденъ выставкою картинъ покойнаго Поль де ла Роша, устроенною съ благотворительною цѣлью, (въ пользу бѣдныхъ артистовъ), которую я посѣтилъ въ тотъ же день. Цѣна за входъ была самая умѣренная, а именно 1 франкъ. Всѣ лучшія произведенія знаменитаго мастера были собраны здѣсь; между ними находилась также извѣстная картина «Кромвель у гроба Карла I», купленная впоследствии графомъ Кушелевымъ-Безбородко и которую можно видѣть теперь въ С.-Петербургской Академіи Художествъ.

Слѣдующіе дни моего пребыванія въ Парижѣ были также заняты. 8-го іюня н. ст. я отправился рано утромъ къ академику де Сенармону, который накормилъ меня прекраснымъ завтракомъ и показалъ мнѣ много любопытныхъ опытовъ, касающихся явленій, обнаруживаемыхъ кристаллами въ поляризованномъ свѣтѣ. Затѣмъ Сенармонъ предложилъ мнѣ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ горную школу (L'école des mines), чтобы осмотрѣть минеральную

коллекцію школы, которая принадлежит къ числу наилучшихъ коллекцій Парижа. Витрины для минераловъ отличались прочностью и были чрезвычайно удобны для осмотра выставленныхъ предметовъ. Вообще Наполеонъ III настолько измѣнилъ внутреннее устройство парижской горной школы и произвелъ въ ней такія улучшения, что я едва узналъ ее. На плафонѣ главныхъ сѣней изображены были портреты извѣстныхъ ученыхъ: А. Гумбольдта, Кювье, Бровьяра и другихъ; стѣны были расписаны фресками, изображающими горные ландшафты; лабораторія приведена въ отличный порядокъ и все зданіе приняло опрятный видъ. Кварталь, въ которомъ помѣщена Горная школа, (Quartier latin), представлялъ тогда груду развалинъ, такъ какъ предполагено было совершенно измѣнить планъ мѣстности. Такія же перестройки шли по всему Парижу; ломались старые дома, воздвигались новыя зданія, прокладывались широкія улицы и новые бульвары. Но особенно поразилъ меня Булонскій лѣсъ, куда я поѣхалъ вечеромъ съ Э. де Вернёлемъ и гдѣ увидѣлъ полную метаморфозу.

Въ этотъ-же прїѣздъ въ Парижъ, я посѣтилъ парижскую Нормальную школу (L'école normale) и былъ въ лабораторіи знаменитаго французскаго химика Девиля, которому Наполеонъ III оказывалъ особенную протекцію и отпускалъ большія суммы для производства опытовъ. Девилю, между прочимъ, обязаны мы открытіемъ способа добыванія алюминія въ металлическомъ видѣ. Вообще всѣ опыты Девиля были настолько любопытны, что къ нему въ лабораторію собирались ученые чтобы присутствовать на нихъ. Однажды я отправился съ академикомъ Сенармонъ, минералогомъ Деклуазо въ лабораторію Нормальной школы, чтобы видѣть, какъ Девиль сплавить $3\frac{1}{4}$ килограмма платины. Это былъ прекрасный опытъ, вполне удавшійся, знаменитому химику. Плавленіе произведено было въ отражательной печкѣ такихъ малыхъ размѣровъ, что одинъ человекъ могъ безъ труда переносить ее съ одного мѣста на другое. Самое плавленіе произведено было горѣніемъ проводимыхъ въ печку газовъ кислорода и водорода. При плавленіи металла, свѣтъ былъ ослѣпительный, такъ что Девиль, державшій щипцы, въ которыхъ зацѣплены были пластинки платины, постепенно проводимыя имъ въ печку по мѣрѣ плавленія, — былъ въ синихъ очкахъ.

Девилль былъ человѣкъ очень веселаго нрава и, въ числѣ разныхъ анекдотовъ, разсказалъ намъ одинъ случай, бывшій съ нимъ въ Тюльери, при которомъ онъ находился нѣсколько мгновеній въ большомъ страхѣ. Девилль довольно часто бывалъ во дворцѣ, по приглашенію Наполеона III и императрицы Евгениі, и однажды принесъ съ собой нѣсколько научныхъ предметовъ, которые могли заинтересовать императорскую чету. Между прочимъ, онъ выложилъ на тарелку нѣсколько красивыхъ, но крайне ядовитыхъ кристалловъ, краснаго цвѣта, съ металловиднымъ отливомъ, образовавшихся при полученіи анилиновыхъ соединений, и поднесъ ихъ императрицѣ. Она пришла въ восхищеніе отъ прелестныхъ кристалловъ, внимательно разсматривала ихъ, потомъ, взявъ нѣкоторые изъ нихъ съ тарелки, совершенно неожиданно положила ихъ себѣ въ ротъ. — «Я обмеръ отъ ужаса, продолжалъ Девилль и закричалъ: «Выплюньте! Выплюньте!» такимъ грознымъ голосомъ, что императрица въ испугѣ выплюнула кристаллы. Разумѣется, ее тотчасъ же заставили выплюнуть ротъ, и случай этотъ прошелъ благополучно». При этомъ я спросилъ Девилля: «Ну, что бы вы сдѣлали, если бы императрица не выплюнула кристалловъ?» — «Я бы не поцеремонился въ этомъ случаѣ, отвѣтилъ Девилль, и залѣзъ бы къ ней въ ротъ обѣими руками».

XXVI.

Пріѣздъ въ Лондонъ.—Вечеръ у Ляйэля.—Британскій музей.—Засѣданіе геологическаго общества.—Раутъ у русскаго посланника.—Пріемъ у королевы въ с.-джексовъ дворцѣ.—Опера «Донъ-Жуанъ».—Королевскій балъ.—Хрустальный дворецъ.

14-го іюня я выѣхалъ изъ Парижа и на слѣдующій день уже былъ въ Лондонѣ, окруженный предметами и людьми совершенно инаго характера, чѣмъ во Франціи. Оправившись отъ дороги, я успѣшилъ явиться къ нашему посланнику графу Хрептовичу, а затѣмъ отправился къ Р. Мурчисону, который принялъ меня самымъ радушнымъ образомъ, равно какъ и его жена. Вечеръ провелъ я у геолога Ляйэля, гдѣ было много народу, и я получилъ много приглашеній отъ моихъ прежнихъ знакомыхъ, такъ какъ лондонскій сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Но по недостатку времени, я не могъ воспользоваться всѣми этими приглашеніями, и дѣло обошлось обмѣномъ визитовъ. Между тѣмъ я побывалъ въ Горной школѣ и Британскомъ музеѣ, гдѣ только что была отстроена новая зала для библіотеки, представлявшая ротонду съ громаднымъ куполомъ и всевозможными механическими приспособленіями для отыскиванія и добыванія книгъ на различныхъ полкахъ высокихъ и огромныхъ шкаповъ. При этомъ я подробно осматрѣлъ превосходную минеральную коллекцію музея, послѣ чего былъ на засѣданіяхъ геологическаго общества, гдѣ встрѣтилъ Мурчисона. По окончаніи засѣданія Мурчисонъ поѣхалъ домой переодѣться и отправиться на раутъ нашего посольства, на которомъ должно было собраться все высшее лондонское общество. Мурчисонъ, прощаясь со мною, спросилъ—буду ли я на раутѣ, и очень удивился, получивъ отрицательный отвѣтъ. Графъ Хрептовичъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ посланниковъ, носившихъ русскую фамилію, не удостоилъ меня, русскаго, приглашенія, такъ что я былъ поставленъ въ довольно целовкое положеніе относительно знакомыхъ мнѣ англичанъ, которые всѣ получили приглашеніе на раутъ.

Тѣмъ не менѣе, на слѣдующее утро, я получилъ отъ барона Николаи (совѣтника посольства) извѣщеніе, что 18-го іюня меня представлять въ С.-Джемскомъ дворцѣ англійской королевѣ Викторіи.

Въ назначенный день, въ 1½ пополудни, за мной заѣхалъ молодой графъ Бобринскій въ своей каретѣ; а черезъ полчаса мы подѣхали къ дворцу. Передъ воротами, которые открывались и закрывались, пропуская экипажи съ придворными изъ свиты королевы, стояла густая толпа любопытныхъ, а немного влѣво—военные музыканты верхомъ на лошадахъ. Прислуга во дворцѣ была въ парадныхъ, очень богатыхъ ливреяхъ. Вся лѣстница была установлена дворцовой стражей съ алебардами и въ живописныхъ костюмахъ, напоминавшихъ тѣ, какіе мы привыкли видѣть въ театрахъ.

Мы вошли въ залу, стѣны которой были обиты красной шелковой матеріей и покрыты большими портретами; окна выходили на внутренній дворъ, усаженный деревьями. Баронъ Николаи и графъ Бобринскій указывали мнѣ лицъ, играв-

шихъ тогда большую роль при англійскомъ дворѣ; но передъ моими глазами была такая пестрота, что у меня осталась въ памяти только фигура лорда Пальмерстона. Въ толпѣ особенно обращалъ на себя вниманіе индійскій принцъ, въ великолѣпномъ костюмѣ, украшенномъ множествомъ крупныхъ брилліантовъ.

Наконецъ, пріѣхала королева Викторія и начался пріемъ. Передъ королевой стоялъ камергеръ, со спискомъ въ рукѣ, и называлъ ей фамиліи, представлявшихся, которые слѣдовали одна за другими въ строгомъ порядкѣ. Пріемъ продолжался отъ 2¹/₂ до 5¹/₂ часовъ пополудни. Королева, въ коронѣ и лентѣ принимала всѣхъ стоя. Рядомъ съ нею стоялъ принцъ Альбертъ, подлѣ него эрцъ-герцогъ австрійскій, прусскій принцъ, пріѣхавшій къ своей невѣстѣ (впослѣдствіи императоръ германскій, умершій преждевременно отъ болѣзни горла), герцогъ Кембриджскій и т. д. Королева граціозно кланялась каждому изъ представлявшихся, а нѣкоторымъ подавала руку: мнѣ объяснили, что это были лица, получившія повышенія въ чинѣ и высочайшія награды. Каждый, которому королева протягивала руку, становился на одно колѣно и почтительно цѣловалъ ея руку. Едва откланялся я королевѣ и принцу Альберту, и едва хотѣлъ отдать поклонъ молодому прусскому принцу, какъ онъ придвинулся ко мнѣ и сталъ дружески жать мнѣ руку, говоря: «очень, очень радъ видѣть васъ, полковникъ!» Я былъ очень тронутъ милостивымъ обращеніемъ принца.

Вечеръ я провелъ въ итальянской оперѣ. Давали «Донъ-Жуанъ» Моцарта, въ которомъ партію Донны Анны пѣла Джулія Гризи; она много постарѣла, была почти развалина, но все-таки великолѣпная развалина....

Черезъ нѣсколько дней, а именно 24-го іюля, я былъ въ Букингамскомъ дворцѣ, на придворномъ балѣ, который по своему великолѣпію превосходилъ все-то, что мнѣ когда либо приходилось видѣть въ томъ родѣ. Я отправился на балъ вмѣстѣ съ графомъ Бобринскимъ, и, такъ какъ онъ состоялъ при посольствѣ, то насъ пропустили черезъ крыльцо посланниковъ безъ всякихъ затрудненій, между тѣмъ какъ другимъ пришлось долго ждать у главнаго подъѣзда, вслѣдствіе огромнаго стеченія каретъ. Лѣстница дворца была устлана коврами и уставлена массой роскошныхъ цвѣтовъ. Мы поднялись по этой лѣстницѣ, и прошли

нѣсколько залъ; вокругъ насъ толпились дамы въ широчайшихъ юбкахъ съ кринолинами, мужчины въ мундирахъ и фракахъ, такъ, что мы съ трудомъ добрались до дверей танцевальной залы и не сразу могли проникнуть въ нее.

Зала для танцевъ была вновь отдѣлана; о ней давно уже говорили въ лондонскомъ большомъ свѣтѣ и рассказывали чудеса. Это была грандіозная зала по величинѣ и высотѣ, въ убранствѣ которой помпейскій стиль сливался съ англійскимъ и гдѣ красный цвѣтъ являлся преобладающимъ. Всего оригинальнѣе было освѣщеніе. Хрустальные люстры повѣшены были такъ высоко, что снизу казались солнцами; на одной высотѣ съ ними въ продольныхъ стѣнахъ залы находились огромныя окна изъ цѣльныхъ граненныхъ стеколъ, за которыми горѣлъ газъ, такъ что вся верхняя часть залы была какъ бы объята пламенемъ. Внизу, въ глубинѣ залы, устроено было возвышеніе для королевской фамиліи, а напротивъ хоры для музыкантовъ, одѣтыхъ въ красный, съ бѣлыми галстуками; все остальное пространство, вдоль стѣнъ, было занято мѣстами для публики, устроенными въ видѣ амфитеатра.

Увлекаемый толпой, я медленно подвигался впередъ и, наконецъ, дошелъ до кадрили, въ которой участвовала королева, прусскій принцъ, эрцгерцогъ австрійскій, герцогъ кембриджскій и др., послѣ чего всѣ они вошли на возвышеніе и заняли свои мѣста. Тогда лица, находившіяся передъ возвышеніемъ, выступили въ рядъ и поклонились, поочередно, всѣмъ членамъ королевской семьи; за ними слѣдовали другіе, такъ что это было какъ бы повтореніемъ представленія въ с.-джемскомъ дворцѣ. Мнѣ также пришлось выступить впередъ и исполнить ту же церемонію. Откланявшись королевѣ, я отвѣсилъ поклонъ принцу Альберту и услышалъ, какъ ея величество сказала по англійски герцогинѣ кентской: «этотъ подполковникъ — русскій!» Когда я поровнялся съ прусскимъ принцемъ, то онъ отвѣтилъ на мой поклонъ самымъ дружескимъ поклономъ, какъ старому знакомому.

Прохаживаясь по заламъ, которыя были также богаты, какъ во всѣхъ дворцахъ и прекрасно освѣщены, я встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ: лорда Вестморленда и его двухъ сыновей, леди Стаффордъ, одну изъ первыхъ лондонскихъ красавицъ того времени, герцога Манчестерскаго, котораго я видѣлъ въ Бер-

лицѣ, у прусскаго короля. Онъ вступилъ со мной въ разговоръ, указывая мнѣ лицъ особенно извѣстныхъ въ модномъ свѣтѣ; между прочимъ, я попросилъ его назвать мнѣ фамилію очень хорошенькой блондинки, заинтересовавшей меня, и которая оказалась его женой. Герцогъ тотчасъ же представилъ меня ей; послѣ чего слѣдовало любезное приглашеніе навѣстить ихъ.

Когда я вернулся въ танцевальную залу, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Оркестръ игралъ вальсъ; королева, принцъ Альбертъ и другіе члены королевской фамиліи принимали участіе въ танцахъ, что придавало имъ еще большее оживленіе. Королева танцевала очень граціозно, такъ что никто не сказалъ бы, что она мать столькихъ дѣтей.

Было открыто два буфета: одинъ для чая и прохладительныхъ; другой для ужина, такъ что всѣ уживали *à la fourchette*, кромѣ королевы, которая въ это время удалась изъ залы. Послѣ ужина королева опять появилась, и танцы продолжались до двухъ часовъ ночи; но тутъ выступили камергеры съ большими жезлами и составили *cortège* королевы, которая прошла вдоль залы, раскланиваясь направо и налево. За нею слѣдовали всѣ члены королевской фамиліи и высочайшіе гости. Я оставался послѣ нихъ еще нѣкоторое время, чтобы посмотрѣть на толпу, а затѣмъ отправился домой.

Между тѣмъ, кончался срокъ моего пребыванія въ Лондонѣ. Я рѣшилъ послѣдовать совѣту Мурчисона и съѣздить посмотреть кристалльный дворецъ (*Crystall Palace*). Я вышелъ на набережную Темзы, и сѣлъ на одинъ изъ пароходовъ, которые черезъ каждые пять минутъ свуютъ по рѣкѣ, чтобы доѣхать до дебаркадера желѣзной дороги. Берега Темзы великолѣпны; но всего болѣе любовался я мостами, которые представляютъ *chefs d'oeuvre* искусства, благодаря смѣлости англійскихъ техниковъ. Минутъ черезъ двадцать ѣзды, по желѣзной дорогѣ, я достигъ цѣли моего путешествія. Много видѣлъ я на свѣтѣ, но ничто не поразило меня такъ, какъ кристалльный дворецъ—это огромное зданіе, сдѣланное почти все изъ стекла, окруженное роскошнымъ паркомъ съ прекрасными деревьями, зелеными газонами, разнообразными и роскошными цвѣтами. А внутри дворца чего только вѣтъ! растенія и деревья тропическихъ странъ, снимки древностей Рима, Греціи и пр. Тутъ и Египетъ, Турція, Италия, древняя Германія...

Отобѣдавъ во дворцѣ и погулявъ въ паркѣ, я вернулся въ Лондонъ.

XXVII.

Приѣздъ въ Парижъ.—Глобусъ Эли де-Бомона.—Повѣдка въ Chateau des Fleurs.—Дача графини Сиркуръ.—Пропажа вещей.—Вершина горы С.-Готгардъ.—Приѣздъ въ Туринъ.—Графъ Кавуръ.

Изъ Лондона выѣхалъ я 1-го іюля н. с., и въ тотъ же день вечеромъ былъ въ Парижѣ, гдѣ на слѣдующее утро получилъ письмо съ печатью, на которой были изображены два молотка съ надписью «Glückauf!»¹⁾. Я терялся въ догадкахъ, кто изъ горныхъ инженеровъ могъ написать мнѣ изъ Турина и, распечатавъ конвертъ, нашелъ въ немъ два письма; одно отъ итальянскаго ученаго Квинтино Селла, моего пріятели (съ которымъ я познакомился въ первый мой приѣздъ въ Парижъ); другое письмо было официальное и заключало извѣщеніе о моемъ избраніи въ члены-корреспонденты туринской академіи наукъ. Это избраніе было для меня особенно важно, въ виду предстоящей поѣздки въ Италію.

Я воспользовался временемъ, которое могъ провести въ Парижѣ, чтобы повидать знакомыхъ: Э. де-Вернёля, Деклуазо, Сенармона, Эли де-Бомона, который жилъ, по-прежнему, среди болѣе, чѣмъ скромной обстановки. Эли де-Бомонъ хотѣлъ подарить мнѣ глобусъ, на которомъ была нанесена его знаменитая пентагональная сѣть горъ; но я отклонилъ отъ себя этотъ подарокъ заявленіемъ, что такая драгоценная вещь будетъ болѣе на своемъ мѣстѣ и принесетъ бѣольшую пользу, если онъ пожертвуетъ ее нашему горному институту, тѣмъ болѣе, что даже въ Парижѣ нельзя было получить глобусъ ни за какія деньги. Эли де-Бомонъ послѣдовалъ моему совѣту, и хотя я рассчитывалъ, что это приношеніе вызоветъ награду жертвователю, но кажется ничего не вышло.

¹⁾ «Glückauf!»—терминъ чисто горный, употребляемый въ рудникахъ, при встрѣчѣ одного рабочаго съ другимъ, въ подземныхъ галлереяхъ, и выражающій пожеланіе благополучнаго возвращенія изъ шахты на свѣтъ Божій.

Быль я также въ засѣданіи парижской академіи наукъ, гдѣ встрѣтилъ дерптскаго профессора Шмидта, а затѣмъ осмотрѣлъ прекрасную минеральную колекцію г. Адама. Это былъ добрый старикъ, страстно преданный минералогіи, который жилъ въ rue de la Seine, въ шестомъ этажѣ, и такъ какъ онъ служилъ въ какомъ-то министерствѣ, то ежедневно поднимался на эту высоту, не смотря на свои 80 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, въ разговорѣ со мною, онъ сказалъ, между прочимъ: «Ахъ, г-нъ Кокшаровъ, вы не можете себѣ представить, какъ Парижъ подтачиваетъ жизнь!...»

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, гуляя по бульварамъ, я остановился передъ магазиномъ картинъ, и услышалъ за собою русскій разговоръ. Обернувшись, я увидѣлъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, князя и княгиню Одоевскихъ, которыя взяли меня съ собою въ нанятую ими коляску. Они пріѣхали на нѣсколько дней, и хотя до этого никогда не бывали въ Парижѣ, но рассчитывали познакомиться съ нимъ бѣглымъ взглядомъ, какъ залетныя птицы. Оба, наслышавшись много о bals-mabiles, гризеткахъ и пр., рѣшили взглянуть на одинъ изъ этихъ баловъ, и мы отправились втроемъ въ «Chateau des fleurs», гдѣ были полчаса времени. Хотя князю хотѣлось продолжить пребываніе въ замкѣ цвѣтовъ, но княгиня воспротивилась и настояла, чтобы мы оставили «этотъ вертепъ», какъ она выразилась. На мое замѣчаніе, что «она увозитъ князя въ тотъ моментъ, когда онъ началъ входить во вкусъ», княгиня отвѣтила, что она дѣлаетъ это, именно, по указанной мною причинѣ, и добавила: «Я не только забочусь о моемъ мужѣ, но также завладѣваю вами, въ интересахъ вашей жены». Пришлось уступить ея желанію, и мы отправились въ обратный путь.

Послѣ этой прогулки, я не замедилъ сдѣлать визитъ Одоевскимъ, но засталъ дома одну княгиню, которая приняла меня самымъ радушнымъ образомъ и много рассказывала. Оказалось, что княгиня путешествовала съ двумя маленькими попугаями, изъ которыхъ одинъ представлялъ новый видъ. Поэтому она уговаривала меня купить такого же попугая для моей жены и, даже, хотѣла подарить клетку для перевозки птицы въ Петербургъ. Но я не рѣшился на такой подвигъ.

Между тѣмъ, нездоровье и, отчасти, замедленіе въ присылкѣ

денегъ изъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ задержали меня въ Парижѣ долѣе, чѣмъ я предполагалъ, и такъ какъ стояли невыносимыя жары, то я нѣсколько разъ ѣздилъ на дачу графини Сиркуръ. Здѣсь мнѣ была отведена комната, которая по комфорту не уступала тѣмъ, какія мнѣ приходилось видѣть въ богатыхъ англійскихъ замкахъ; изъ оконъ открывался прелестный видъ на водопадъ Марли и долину Буживаль. У графини Сиркуръ я встрѣчалъ прежнихъ посѣтителей ея гостинной: П. А. Чихачева, Мишель Шевалье, академика Кузена, историка Минье, графа де Бюрри (сотрудника *Revue des deux Mondes*) и его жену, Лепле и др. Графиня Сиркуръ, узнавъ, что я ѣду въ Туринъ, дала мнѣ рекомендательныя письма къ графу Кавуру, (въ то время президенту совѣта министровъ) и къ его брату.

Въ Италію я отправился черезъ Мюнхенъ. Еще передъ моимъ отъѣздомъ изъ Парижа, на станціи желѣзной дороги, подошелъ ко мнѣ незнакомый полякъ и сказалъ по русски: «Вы ѣдете въ Мюнхенъ! Вы тамъ ужасно соскучитесь!...» Какъ видно, онъ былъ хорошій пророкъ! Нигдѣ время не тянулось для меня такъ долго, какъ въ этотъ пріѣздъ въ Мюнхенъ, чему способствовала пропажа моего чемодана, на желѣзной дорогѣ, со всѣми вещами и дорогими для меня иностранными минералами, съ которыми я нигдѣ не разставался. Только на четвертый день, послѣ многихъ хлопотъ, чемоданъ былъ отысканъ, и то, благодаря дружескому содѣйствію фонъ Кобелля, (знаменитый баварскій минералогъ и поэтъ).

Въ Швейцаріи я остановился только въ Цюрихѣ, гдѣ ознакомился съ нѣкоторыми изъ швейцарскихъ ученыхъ и подробно осмотрѣлъ извѣстную Визеровскую минеральную коллекцію. Природа поразила меня своимъ величіемъ; горы и ледники вездѣ сопровождали насъ. Затѣмъ, мы пересѣли въ почтовые кареты и стали подниматься на С. Готардъ, все выше и выше, втеченіе 5½ часовъ;—на вершинѣ горы была полная зима: все было покрыто снѣгомъ, какъ въ ноябрѣ, что составляло рѣзкій контрастъ съ только что оставленнымъ нами Люцерномъ, гдѣ стояла прекрасная лѣтняя погода и солнце сіяло во всемъ блескѣ. Мы спустились очень быстро и очутились въ Беллинзонѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ у подошвы С. Готарда, на границѣ Италіи; нѣмецкій испорченный говоръ уступилъ мѣсто итальянскому языку.

Въ Туринѣ я навѣстилъ моего знакомаго Квинтино Селла, который встрѣтилъ меня самымъ дружелюбнымъ образомъ, познакомилъ съ генераломъ Мармора, профессоромъ Сисмонди и др. Минеральныя коллекціи Турина оказались болѣе обширными и богатыми, нежели я предполагалъ; кромѣ того, Квинтино Селла показалъ мнѣ главные феномены оптическихъ свойствъ минераловъ, о которыхъ онъ получилъ основательныя свѣдѣнія отъ своего знаменитаго учителя де Сенармона. Меня также приглашали въ Геную, чтобы посмотриѣть машину, предназначенную для прорытія тунеля въ Mont Cenis; но я отказался отъ этой поѣздки, по недостатку времени.

Графъ Кавуръ, которому я представился въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, принялъ меня въ своемъ кабинетѣ и обошелся со мною очень привѣтливо. Почти съ первыхъ-же словъ, онъ спросилъ меня: съ кѣмъ я всего болѣе сошелся въ Туринѣ? Я отвѣтилъ, что, по роду моихъ занятій, я вижусь всего чаще съ Квинтино Селла, тѣмъ болѣе, что еще въ Парижѣ познакомился съ нимъ.—«Это выдающійся молодой человекъ, возразилъ мнѣ Кавуръ, онъ пойдетъ далеко!»¹⁾ Затѣмъ Кавуръ, видя изъ моей визитной карточки, что я горный инженеръ, пожелалъ знать мое мнѣніе о проектѣ прорытія Mont Cenis, къ осуществленію котораго должны были скоро приступить. На мой отвѣтъ, что мое мнѣніе не можетъ считаться компетентнымъ, такъ какъ я болѣе занимался кристаллами, нежели инженерными работами», графъ Кавуръ замѣтилъ: «Насъ страшатъ, что этотъ проектъ неисполнимъ. Таково мнѣніе Стифенсона и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ и французскихъ инженеровъ. Однако я надѣюсь, что предпріятіе увѣнчается успѣхомъ, такъ какъ проектъ предложенъ инженерами, составлявшими проектъ желѣзной дороги между Туриномъ и Генуею. Тотъ-же самый Стифенсонъ и другіе считали тогда и этотъ проектъ невозможнымъ, а вотъ, съ Божіею милостью, уже десять лѣтъ мы ѣздимъ по желѣзной дороге изъ Турина въ Геную»....

¹⁾ Прозорливость Кавура не обманула его; онъ какъ бы предвидѣлъ ту видную роль, каковую предстояла молодому ученому. Квинтино Селла († въ 1884 г.), заслужившій извѣстность какъ минералогъ и издатель мемуаровъ по натуральной исторіи, впоследствии былъ дважды министромъ Италіи, членомъ итальянскаго парламента и, наконецъ, президентомъ римской академіи наукъ.

Наша бесѣда была прервана прибытіемъ французскаго посланника герцога де Граммона, и я откланялся.

XXVIII.

Гонка гондолъ въ Венеціи. — Приѣздъ въ Вѣну. — Гайдингеръ. — Свиданіе съ Гумбольдтомъ въ Потсдамѣ. — Приѣздъ въ Боннъ. — Программа конгресса. — Экскурсія въ Кобленцъ. — Возвращеніе въ Петербургъ.

Изъ Турина я отправился въ Миланъ, а оттуда черезъ Верону, Виченцу, Monte bello, Lago di Grandi и Падую—въ Венецію, куда прибылъ 21-го августа 1857 г. Здѣсь я присутствовалъ на гонкѣ гондолъ, что составило великолѣпное зрѣлище, въ ясную погоду, подъ голубымъ небомъ Италіи. Окна домовъ, выходящихъ на Canale Grande, были всѣ драпированы и переполнены зрителями; такая-же пестрая нарядная толпа наполняла сотни живописно разукрашенныхъ гондолъ. Эрцгерцогъ австрійскій раздавалъ призы; всѣ гондольеры были въ старинныхъ національных костюмахъ. Вечеромъ я былъ въ оперѣ: давали Anna Bolena; теноръ былъ великолѣпный, а примадонной—г-жа Тедеско, которую я слышалъ въ Петербургѣ.

На слѣдующій день, рано утромъ, я отправился на пароходѣ въ Триестъ, а оттуда въ Вѣну; но здѣсь я не засталъ многихъ изъ тѣхъ, съ которыми рассчитывалъ видѣться, такъ какъ почти всѣ были на дачѣ, по случаю каникулярнаго времени. Мнѣ сказали, что знаменитый Гайдингеръ, (предсѣдатель королевскаго геологическаго института въ Вѣнѣ), живетъ въ деревнѣ Дорнбахъ, въ окрестностяхъ Вѣны, но что врядъ-ли мнѣ удастся его видѣть, такъ какъ онъ постоянно боленъ то подагрой, то мигренью.

Тѣмъ не менѣе, я отправился на удачу въ Дорнбахъ и, къ счастью, засталъ Гайдингера въ хорошемъ состояніи здоровья. Это была олицетворенная доброта. Хотя мы были знакомы только по письмамъ, но онъ заключилъ меня въ свои объятія и оставилъ у себя обѣдать «à la fortune du pot», какъ онъ выразился. Гайдингеръ усадилъ меня въ своемъ кабинетѣ и показалъ мнѣ нѣсколько опытовъ, при помощи изобрѣтеннаго имъ гониометра (Anschraubgoniometer). Мы обѣдали въ маленькомъ садикѣ, въ

обществѣ жены Гайдингера и его двухъ дочерей; затѣмъ гуляли по окрестностямъ. Гайдингеръ, прощаясь со мной, общалъ, несмотря на свое слабое здоровье, прїѣхать въ Вѣну, чтобы показать мнѣ находившіяся тамъ достопримѣчательности. На слѣдующій день, я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ нимъ королевскій геологическій институтъ (Geologische Reichsanstalt), помѣщенный въ прекрасномъ дворцѣ, нѣкогда принадлежавшемъ графу Разумовскому, а также знаменитую минеральную коллекцію (Hof Mineralien Cabinet), въ которой хранилось много прекрасныхъ вещей, собранныхъ искусною рукой.

Переѣзды изъ Вѣны въ Лейпцигъ, затѣмъ въ Дрезденъ и Берлинъ были для меня едва замѣтны; мнѣ казалось, что желѣзная дорога везетъ насъ съ быстротою птицы, когда я мысленно сравнивалъ этотъ способъ путешествія съ медленной ѣздой на лошадахъ, по тѣмъ же самымъ дорогамъ, одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Въ Берлинѣ повторилась та же исторія, что и въ Вѣнѣ; большинство моихъ знакомыхъ было въ отсутствіи: Густавъ Розе уѣхалъ въ Силезію, баронъ Гумбольдтъ жилъ въ Потсдамѣ и т. д. Я не рѣшился уѣхать изъ Берлина, не повидавъ Гумбольдта, и поэтому отправился въ Потсдамъ, гдѣ засталъ его здоровымъ и веселымъ. Онъ подробно разспрашивалъ меня о своихъ парижскихъ знакомыхъ, о моей поѣздкѣ въ Италію, и очень интересовался знать, въ какомъ положеніи дѣло о прорытіи тунеля въ Mont Cenis.

Отъ Гумбольдта я отправился къ Р. Мурчисону, который въ это время находился въ Потсдамѣ и, къ счастью, засталъ его дома. Мы осмотрѣли вмѣстѣ такъ-называемый «новый дворецъ», построенный Фридрихомъ Великимъ послѣ его войнъ, чтобы показать непріятелямъ, что его финансы не истощены войнами и что въ его распоряженіи большія суммы. Дворецъ, дѣйствительно, оказался роскошнымъ. Отсюда мы поѣхали въ Санъ-Суси и осмотрѣли всѣ его достопримѣчательности, такъ какъ королевская фамилія была въ отсутствіи.

11-го сентября 1857 года, я выѣхалъ изъ Берлина и отправился въ Боннъ, гдѣ остановился въ гостинницѣ «L'Etoile d'or». Разложивъ вещи, я сдѣлалъ визиты нѣкоторымъ ученымъ, былъ, между прочимъ, у Дегена (знаменитаго геолога) и Нѣггерата (также геолога), который показалъ мнѣ официальную бумагу,

полученную администраціей конгресса изъ С.-Петербурга съ извѣщеніемъ, что «я присланъ въ Боннъ, по повелѣнію Его Величества Государя, для участія въ ученомъ конгрессѣ, имѣющемъ быть въ текущемъ году». Въ четыре часа пополудни, я отправился въ городскую ратушу, чтобы записаться членомъ конгресса. Мнѣ выдали билетъ дѣйствительнаго члена (*membre effectif*), который давалъ мнѣ право присутствовать какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ засѣданіяхъ секцій, что стоило мнѣ 3 талера. Тамъ же я взялъ билетъ на первый обѣдъ членовъ конгресса и заплатилъ за него 1 талеръ 20 зильбергрошей.

При этомъ я получилъ программу съ подробнымъ росписаніемъ на всѣ восемь дней (съ 18—24-го сентября 1857 г.), втеченіе которыхъ долженъ былъ продолжаться конгрессъ, съ подробнымъ обозначеніемъ часовъ, общихъ и частныхъ засѣданій, времени завтраковъ, обѣдовъ, въ различныхъ отеляхъ города, предполагаемыхъ концертовъ и вечеровъ. Равнымъ образомъ, назначены были часы послѣобѣденныхъ экскурсій въ ближайшія мѣстности, какъ: Драхенфельсъ, Штольценфельсъ, Кобленцъ, Кельнъ, и проч.

Дамы могли сопутствовать членамъ конгресса въ этихъ экскурсіяхъ, бывать на общихъ собраніяхъ, обѣдахъ и вечерахъ. Въ заключеніе, составители программы настоятельно просили участниковъ предстоящихъ экскурсій обращать вниманіе на время отдыха и обратнаго возвращенія пароходовъ и поѣздовъ желѣзной дороги, такъ какъ здѣсь «точное соблюденіе часовъ являлось необходимою».

18-го сентября происходило первое публичное засѣданіе конгресса; болѣе тысячи натуралистовъ, врачей, постороннихъ посѣтителей и дамъ принимали въ немъ участіе. Все было превосходно устроено, въ прекрасномъ порядкѣ, такъ что съ этой стороны нельзя было желать ничего лучшаго. Рѣчи двухъ главныхъ распорядителей: профессора Нѣггерата и доктора Киліана произвели самое благопріятное впечатлѣніе на присутствующихъ, равно и рѣчь бургмейстера города Бонна. Затѣмъ были прочитаны привѣтственныя письма эрцъ-герцога Стефана, барона Гумбольдта и другихъ лицъ и учреждений. Тутъ услышалъ я и свое имя, при слѣдующемъ заявленіи Нѣггерата: «Мы получили

письмо отъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ, который также желалъ намъ выразить, какое живое участіе онъ принимаетъ въ нашемъ собраніи, пославъ къ намъ одного изъ своихъ со-членовъ, г. подполковника Кокшарова...» Но самое письмо не было прочитано, быть можетъ, потому что оно не подходило подъ общій тонъ писемъ, которыя пишутся въ подобныхъ случаяхъ. Послѣ собранія слѣдовалъ чудовищный обѣдъ, по числу участвующихъ лицъ, на которомъ было сказано много всякихъ рѣчей.

20-го сентября, мы ѣздили въ Кобленцъ. Въ это время тамъ жила наслѣдная прусская принцесса Августа, (впослѣдствіи императрица германская); она приняла въ своемъ дворцѣ всѣхъ пріѣхавшихъ гостей и сказала довольно длинную и приличную случаю рѣчь. Въ casino Кобленца былъ приготовленъ для насъ обѣдъ на 1,000 человекъ и иллюминація на Рейнѣ, а по возвращеніи въ Боннъ сожженъ былъ фейерверкъ. На слѣдующій день былъ балъ, устроенный городомъ въ честь конгресса; въ остальные дни опять слѣдовали засѣданія, торжественные обѣды, вечера, экскурсіи и пр., согласно съ упомянутой программой. Все это настолько утомило меня, что я нетерпѣливо ждалъ конца конгресса, чтобы вернуться въ Петербургъ къ семьѣ, и поэтому рѣшилъ отклонить отъ себя поѣздку въ Шаумбургъ, къ эрцгерцогу Стефану, который черезъ Гайдингера любезно приглашалъ меня и другихъ членовъ минералогической секціи провести нѣсколько дней въ его замкѣ, чтобы познакомиться съ его коллекціями и музеемъ. Я обратился къ профессору пражскаго университета Цефаровичу, ѣхавшему въ Шаумбургъ, и просилъ передать эрцгерцогу мою почтительную благодарность и извиненіе, что не воспользуюсь полученнымъ приглашеніемъ.

Я отправился въ Петербургъ черезъ Штетинъ, на пароходѣ, такъ какъ считалъ этотъ путь болѣе удобнымъ и безопаснымъ для перевозки моего новаго гониометра (Митчерлиха), пріобрѣтеннаго мною въ Берлинѣ у знаменитаго механика Эртлингга и который былъ дорогъ для меня не только по цѣнѣ, но и по тѣмъ услугамъ, какія онъ мнѣ могъ оказать впослѣдствіи по своей точности.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я усердно занялся минералогіей и, несмотря на многочисленныя лекціи, которыя принужденъ былъ

читать въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, я успѣлъ сдѣлать довольно важныя работы, доставившія мнѣ званіе экстраординарнаго академика С.-Петербургской академіи наукъ (24-го мая 1858 г.) и члена - корреспондента баварской академіи наукъ (13—25 августа 1858 г.).

XXIX.

Командировка въ Мюнхенъ на столѣтній юбилей баварской академіи наукъ.—Фонъ-Кобель.—Старый король Людвигъ.—Первое и второе засѣданіе академіи наукъ.—Обѣдъ у короля Максимилиана.—Минеральная коллекція герцога Лейхтенбергскаго.—Національный праздникъ.

Весной 1859 года я отправился въ третье заграничное путешествіе, такъ какъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Мюнхенъ, въ качествѣ депутата отъ горнаго института и С.-Петербургской академіи наукъ, которой я состоялъ членомъ 11-го марта я прибылъ въ Берлинъ и пошелъ въ университетъ къ Густаву Розе, которому показалъ и кристаллы эвклаза, открытые мною въ Россіи, (въ южномъ Уралѣ, въ казенныхъ дачахъ на рѣкѣ Санаркѣ). Густавъ Розе разсматривалъ ихъ съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что до этого эвклазъ былъ извѣстенъ только въ одномъ мѣстѣ земнаго шара, а именно въ Бразиліи, гдѣ онъ встрѣчается изрѣдка, вмѣстѣ съ алмазами.

Въ Мюнхенѣ я остановился въ «Bayrischer Hof». Погода была отвратительная; земля была покрыта снѣгомъ и, несмотря на холодъ, шелъ дождь, хотя мы обитатели сѣвера, почему-то, въ это время года, рассчитываемъ встрѣтить за границей цвѣты и пріятные прогулки.

Севернянъ, русскій посланникъ въ Мюнхенѣ, весьма симпатичный старикъ, принялъ меня какъ нельзя лучше. Когда я передалъ ему письмо нашего министра финансовъ А. М. Княжевича, съ просьбой оказать мнѣ покровительство, онъ сказалъ мнѣ: «Я предлагаю вамъ свою дружбу, такъ какъ вы не нуждаетесь въ покровительствѣ!»... Эти добродушныя слова не были пустою фразой съ его стороны, потому что во все время моего пребыванія въ Мюнхенѣ, онъ былъ въ высшей степени внимателенъ ко мнѣ, пригласилъ меня въ свою ложу, чтобы познакомить съ женой и пр.

Покончивъ съ официальными визитами, я отправился къ моему старому знакомому фонъ-Кобеллю, и, къ счастью, засталъ его дома. Кобелль во многихъ отношеніяхъ, представлялъ собою замѣчательную личность. Онъ былъ не только отличный минералогъ, химикъ и физикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся поэтъ и страстный охотникъ. Царствовавшій въ это время баварскій король Максимилианъ покровитель ученыхъ, особенно любилъ Кобелля и всегда бралъ его съ собою на охоту. Съ давнихъ поръ фонъ Кобелль ежегодно убивалъ по одной дикой козѣ, такъ что у него явилось убѣженіе, что тотъ годъ, въ который онъ не убьетъ козы, будетъ годомъ его смерти ¹⁾. Кабинетъ Кобелля не отличался роскошною обстановкою, а только обліемъ книгъ и опрятностью; изъ клѣтки, висѣвшей на окнѣ, безпрестанно вылетала большая канарейка, приближалась къ письменному столу хозяина и опять возвращалась на свое мѣсто. Разговоръ нашъ, преимущественно, касался празднованія столѣтняго юбилея баварской академіи, и Кобелль между прочимъ сообщалъ мнѣ, что его величество очень доволенъ тѣмъ, что Россія послала своего представителя на баварскій національный праздникъ.

Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня, какъ было объявлено въ программѣ, началась обѣдня въ обѣихъ церквахъ. Я отправился въ католическую церковь св. Михаила, нѣкогда принадлежавшую іезуитамъ, гдѣ месса была исполнена въ совершенствѣ, послѣ чего всѣ академики, члены-корреспонденты и иностранные депутаты собрались въ одной изъ небольшихъ залъ академіи наукъ. Вскорѣ появился старый король Людвигъ, (экс-король, отрекшійся отъ престола, послѣ происшествія съ балериною Лола Монтесть). Онъ отличался необыкновенною живостью, несмотря на свои годы, и былъ такъ привѣтливъ со всѣми и велъ себя съ такимъ тактомъ, что нельзя было сомнѣваться въ томъ, что онъ сохранилъ вполне свои умственные способности, хотя былъ немного глухъ и надо было возвышать голосъ въ разговорѣ съ нимъ. Я смотрѣлъ на него съ чувствомъ особеннаго уваженія, вспоминая все то, что онъ сдѣлалъ для искусства въ Мюнхенѣ и все то, что сдѣлано въ этомъ отношеніи, благодаря его покровительству.

¹⁾ Я слышалъ это отъ самого Кобелля, теперь уже умершаго. Не знаю, въ какой степени осуществилось его странное предчувствіе. Н. И. Ж.

Затѣмъ всѣ присутствовавшіе, слѣдуя за королемъ, вошли въ большую залу, декорированную цвѣтами и тропическими растеніями, гдѣ многочисленная публика ожидала начала торжественнаго засѣданія. Царствующаго короля Максимилиана не было; мнѣ сказали, что онъ никогда не появляется въ публикѣ вмѣстѣ съ старымъ королемъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ отцу пришлось бы занять второе, а не первое мѣсто.

Обръ-церемоніймейстеръ графъ Гиршъ посадилъ меня въ первомъ ряду кресель позади короля: этимъ почетомъ я былъ обязанъ моей роли представителя С.-Петербургской академіи наукъ и горнаго института. Засѣданіе началось рѣчами Мауера, (заступающаго мѣсто предсѣдателя Тирша), и Миллера, секретаря Академіи, послѣ чего слѣдовало чтеніе отчета, поздравительныхъ адресовъ и пр. По окончаніи засѣданія, всѣ академики, члены-корреспонденты и депутаты вернулись въ малую залу, гдѣ старый король и одинъ изъ принцевъ (братъ царствующаго короля) оставались въ нашемъ обществѣ цѣлый часъ. Меня представили королю и принцу; старый король тотчасъ узналъ русскую горную форму и заговорилъ со мною о русскихъ рудникахъ и объ Уралѣ; а принцъ преимущественно спрашивалъ меня о своемъ двоюродномъ братѣ, герцогѣ Максимилианѣ Лейхтенбергскомъ.

Въ три часа пополудни, баварская академія наукъ угостила обѣдомъ всѣхъ пріѣзжихъ гостей ученыхъ въ отелѣ «Bayeischer Hof». Во время обѣда, какъ и слѣдовало ожидать, произнесено было множество рѣчей, болѣе или менѣе удачныхъ, болѣе или менѣе остроумныхъ; затѣмъ всѣхъ насъ пригласили въ театръ, на даровой спектакль: давали античную греческую піесу, съ соответствующей обстановкой.

На слѣдующій день, было второе торжественное засѣданіе академіи наукъ, послѣ котораго всѣ академики депутаты и гости отправились къ королю на парадный обѣдъ. Насъ собрали въ одной изъ залъ, прилегавшихъ къ столовой; а въ 3¹/₂ часа появился молодой король Максимилианъ, предшествуемый камергерами, адъютантами и пр. Представленія продолжались довольно долго, потому что король хотѣлъ говорить съ каждымъ изъ насъ въ отдѣльности. Мнѣ онъ повторилъ то, что я уже слышалъ отъ Кобеля, а именно, выразилъ удовольствіе, что

«Россия прислала своего представителя въ Баварію на праздникъ ея Академіи Наукъ». За столомъ мнѣ оказали большой почетъ, такъ какъ посадили на четвертое мѣсто отъ короля. Обѣдъ былъ роскошный; между прочимъ, подавали свѣжую землянику и малину, что составляло рѣдкость по времени года, тѣмъ болѣе на такое значительное число обѣдающихъ. Король, послѣ обѣда, самъ подошелъ ко мнѣ, разговаривалъ довольно долго о моей службѣ въ академіи и горномъ вѣдомствѣ и спросилъ: сколько времени останусь въ Мюнхенѣ? Я отвѣтилъ, что думаю прожить еще пять или шесть дней.—Зачѣмъ же такое короткое время! возразилъ король и добавилъ съ привѣтливой улыбкой: Поживите у насъ подольше....

Послѣ королевскаго обѣда, былъ опять даровой спектакль и вечеръ въ «*Bayeischer Hof*», гдѣ я условился съ Кобеллемъ и Котта провести слѣдующее утро въ минеральномъ кабинетѣ баварской академіи наукъ. Коллекція оказалась во многихъ отношеніяхъ замѣчательною. Я встрѣтилъ здѣсь много превосходныхъ экземпляровъ русскихъ минераловъ, такъ какъ все собранное на Уралѣ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ поступило, послѣ его смерти, въ коллекцію Мюнхенской академіи наукъ. Между прочимъ, я увидѣлъ снова изслѣдованный мною кристаллъ багратіонита, который я подарилъ герцогу, по настоянію князя Багратіона (адъютанта герцога).

За официальными празднествами слѣдовали вечера и обѣды у частныхъ лицъ. Такимъ образомъ я присутствовалъ на званомъ обѣдѣ у знаменитаго химика Либиха и у другихъ лицъ. 18-го марта былъ дипломатическій обѣдъ у нашего посланника Северина, данный въ честь прусскаго посла, князя Левенштейна, только, что назначеннаго при баварскомъ дворѣ. Тутъ были представители австрійскаго посольства, папскій нунцій и пр.; дамы были въ красивыхъ туалетахъ и въ уборахъ съ дорогими камнями. Супруга князя Левенштейна была красавица и поэтому обращала на себя общее вниманіе.

Вечеромъ того же дня, мы были на національномъ праздникѣ (*Bier Fest*), устроенномъ городекою ратушею, по случаю юбилея академіи. Большая зала ратуши была великолѣпно украшена тропическими деревьями, вазами цвѣтовъ, и освѣщена семью большими люстрами съ золотыми и цвѣточными гиляндами. На стѣнѣ обозначены были года 1759—1859 и имена знаменитыхъ

ученыхъ, прославившихъ эту столѣтнюю эпоху существованія академіи. Музыка и прекрасные хоры дополняли блескъ праздника. Посреди залы разставлено было множество столовъ съ кружками пива и разными закусками. Было произнесено множество рѣчей и провозглашены тосты въ честь присутствующихъ и даже въ память умершихъ академиковъ, которые, по видимому, считались безсмертными. Фонъ Кобелль прочелъ, среди громкихъ рукоплесканій, три стихотворенія, написанныя имъ, по случаю юбилея. Своеобразная процессія окончила праздникъ. Появилась огромная бочка, съ крѣпкимъ пивомъ, (называемымъ въ Баваріи «Воскь-Віег»), украшенная гирляндами розъ и предшествуемая множествомъ молоденькихъ дѣвушекъ, съ бокалами въ рукахъ. Эта процессія напомнила мнѣ картины Рубенса, на которыхъ изображенъ Бахусъ со всѣми его атрибутами.

XXX.

Королевскій обѣдъ въ зимнемъ саду. — Король Максимилианъ. — Разговоръ съ баварской королевой. — Г-жа Пильманъ. — Фрейлины: Фуггеръ и Редвицъ. — Осмотръ дворца. — Портретъ королевы. — Недоразумѣніе по поводу орденовъ, присланныхъ изъ Мюнхена.

По окончаніи юбилейныхъ празднествъ, я получилъ вторичное приглашеніе на королевскій обѣдъ, тѣмъ болѣе почетное для меня, что число присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ было весьма незначительно. Входъ былъ назначенъ по такъ-называемой «черной» лѣстницѣ, ведущей въ «черную» залу, декорированную, какъ у древнихъ рыцарей. Отсюда меня провели въ другую залу, гдѣ уже находилась гофмейстерина г-жа де-Пильманъ, двѣ фрейлины-красавицы: (графиня Фуггеръ и баронесса Редвицъ), графиня Seyssel d'Aix, графъ Буттлеръ, виконтъ де-Вобланъ и два дежурныхъ генералъ-адъютанта. Едва представили меня всѣмъ этимъ лицамъ, какъ вошли ихъ величества. Королева, поговоривъ немного съ графиней de Seyssel d'Aix, обратилась ко мнѣ и, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, по поводу моего приѣзда въ Мюнхенъ, спросила меня о здоровьѣ вдовствующей императрицы и о предстоящемъ ей путешествіи. Во время этого разговора подошелъ король и

спросилъ: какъ я чувствую себя въ Мюнхенѣ? Имѣю-ли я извѣстія отъ моего семейства изъ Петербурга? и пр. Король говорилъ внятно, но довольно тихо; въ словахъ и движеніяхъ не было ничего рѣзкаго, и вообще онъ отличался изящными манерами джентльмена. Королева была еще молодая и очень красивая женщина, средняго роста, довольно полная, съ пріятнымъ и открытымъ выраженіемъ глазъ.

Слѣдуя за королемъ и королевой, мы вошли въ зимній садъ, посреди котораго былъ накрытъ столъ. Обѣдъ былъ превосходно изготовленъ, но я мало ѣлъ, потому что королева приказала мнѣ сѣсть рядомъ съ нею и все время разговаривала со мною. Она подробно спрашивала меня о русскихъ минералахъ, и при этомъ показала мнѣ свои серьги изъ русскихъ изумрудовъ, браслетъ, украшенный большимъ изумрудомъ, полученнымъ ею отъ князя П. М. Волконскаго, и пару изумрудныхъ грушъ, подаренныхъ ей вдовствующей императрицей. При этомъ она съ большою симпатіей отозвалась объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, портретъ котораго постоянно носила съ собою въ небольшомъ медальонѣ, на браслетѣ. Во время обѣда король всталъ и, съ бокаломъ въ рукѣ, провозгласилъ тостъ за здоровье императора Александра II, и чокнулся съ моимъ бокаломъ; тоже сдѣлала и королева.

Послѣ обѣда король довольно долго говорилъ со мною о горномъ вѣдомствѣ и объ освобожденіи крестьянъ, и въ заключеніе замѣтилъ, что мнѣ «пришлось совершить очень длинное путешествіе, чтобы пріѣхать въ Мюнхенъ». Это заставило меня выразить его величеству чувства моей сердечной признательности за всѣ оказанныя мнѣ милости, которыя, добавилъ я, «были достаточнымъ вознагражденіемъ за продолжительное путешествіе...» Затѣмъ король и королева удалились въ свои покои, а мы отправились по домамъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, я сдѣлалъ визитъ гофмейстеринѣ, г-жѣ Пильманъ, съ которой встрѣчался у нашего посланника. Г-жа Пильманъ была уже старуха, но самой симпатичной наружности, и при своемъ рѣдкомъ умѣ, пользовалась большимъ вліяніемъ при баварскомъ дворѣ. Она приняла меня очень любезно и, между прочимъ, сказала: «Я хотѣла уже послать къ вамъ сегодня нарочнаго! Королева желаетъ видѣть

какой-то камень, о которомъ вы говорили ея величеству, названіе его забыла, и еще другой, названный въ честь императора александритомъ; не можете-ли вы доставить мнѣ сегодня эти камни послѣ обѣда, чтобы я могла представить ихъ королевѣ...» Затѣмъ г-жа Пильманъ показала мнѣ подарки, полученные ею отъ высочайшихъ особъ въ разныя эпохи ея жизни, въ видѣ статуй, портретовъ, дорогихъ вещей, а также два вида Смольнаго монастыря. Оказалось, что она воспитывалась въ Петербургѣ, въ Смольномъ монастырѣ, и была привезена въ чужіе края покойной императрицей Маріей Феодоровной (супругой Павла I).

Въ тотъ же день, въ назначенный часъ, я принесъ требуемые королевой кристаллы эвклаза и александрита во дворецъ, на квартиру г-жи Пильманъ, но она еще не пріѣзжала съ королевскаго обѣда, такъ что мнѣ пришлось подождать нѣсколько минутъ въ ея гостиной. Она вошла въ сопровожденіи двухъ первыхъ красавицъ Мюнхена, — фрейлинъ Фуггерръ и Редвицъ и, указывая на нихъ, сказала: «Если я заставила васъ ждать себя, то вотъ вамъ вознагражденіе — солнце и луна, какъ ихъ называетъ вашъ посланникъ Северинъ...» (одна изъ фрейлинъ была брюнетка, другая — блондинка).

На другой день г-жа Пильманъ, остановивъ коляску у входа въ «Bayerischer Hof», отдала пакеть съ минералами въ контору гостиницы и велѣла передать мнѣ, что ея величество осталась очень довольна, что могла видѣть мои минеральныя рѣдкости. При этомъ она сообщила, что отдано королевское повелѣніе показать мнѣ на слѣдующее утро весь дворецъ со всѣми достопримѣчательностями, равно и членамъ русскаго посольства, если окажутся желающіе. Такимъ образомъ, мнѣ удалось подробно осмотрѣть дворецъ и видѣть интересовавшіе меня алмазы: синій (36 каратовъ вѣсомъ) и розовый. Въ такъ-называемой «Богатой капеллѣ» хранится, между прочимъ, драгоценная вещь въ историческомъ отношеніи, а именно, складень Маріи Стюартъ (золотой, эмалированный, съ образами), который она несла въ рукахъ, идя на эшафотъ, и съ которымъ не разставалась въ дни скорби и страданій.

Въ это же утро, царствовавшій баварскій король Максимиліанъ отправился на охоту съ фонъ-Кобеллемъ; но путешествіе

не было благополучно: королевскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, два вагона были опрокинуты и разбиты; но, къ счастью, ни самъ король и никто изъ находившихся при немъ въ поѣздѣ не пострадали.

Окончивъ прощальные визиты, я вернулся послѣ обѣда въ гостинницу, чтобы заняться укладкой вещей. Около 10 часовъ вечера, когда я былъ въ полномъ *deshabillé*, увязывая свой чемоданъ, кто-то постучался у моихъ дверей; я просилъ войти, въ увѣренности, что это кто-нибудь изъ прислуги. Не мало былъ я удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою оберъ-церемониймейстера двора, графа Гиршъ, который объявилъ мнѣ, что пріѣхалъ по приказанію королевы и что ея величество, узнавъ о моемъ отъѣздѣ, посылаетъ мнѣ свой фотографическій портретъ. Я былъ глубоко тронутъ такой милостью; но въ то время я не имѣлъ никакого понятія о придворныхъ обычаяхъ и даже не подозрѣвалъ, что мнѣ слѣдовало отложить свой отъѣздъ и лично явиться къ королевѣ съ благодарностью. Поэтому я ограничился тѣмъ, что написалъ письмо г-жѣ Пильманъ съ просьбой повергнуть къ стопамъ ея величества мою сердечную благодарность.

Но также неумѣло, какъ я поступилъ въ данномъ случаѣ, поступило и мое начальство въ Петербургѣ, относительно баварскаго двора. Нѣкоторое время спустя послѣ моего возвращенія изъ Мюнхена, его величество король баварскій прислалъ мнѣ черезъ наше министерство орденъ св. Михаила въ петлицу, безъ короны, и точно такой-же орденъ начальнику штаба горныхъ инженеровъ Самарскому-Быховцу, подпись котораго была на всѣхъ официальныхъ бумагахъ, касающихся моей командировки въ Мюнхенъ. Самарскій въ это время былъ въ чинѣ генералъ-маіора и, занимая довольно важный постъ, обидѣлся тѣмъ, что ему прислали орденъ въ петлицу и притомъ одинаковой степени съ орденомъ, назначеннымъ для меня — подполковника.

Вслѣдствіе этого обстоятельства наше министерство иностранныхъ дѣлъ, по вопросу объ орденѣ, вошло черезъ наше посольство въ сношеніе съ баварскимъ министерствомъ. Возбуждена переписка и кончилась тѣмъ, что оба ордена были отправляемы обратно въ Мюнхенъ, такъ какъ они не соответствовали чинамъ тѣхъ лицъ, которымъ посланы. Все это я узналъ отъ Е. П. Ковалевскаго, тогдашняго директора азіятскаго департамента

при министерствѣ и былъ глубоко огорченъ, особенно въ виду милостиваго пріема, оказаннаго мнѣ при баварскомъ дворѣ. Однако дѣлать было нечего! Исторія кончилась тѣмъ, что изъ Мюнхена мнѣ прислали орденъ св. Михаила высшей степени съ короной, въ петлицу, а Самарскому никакого ордена не прислали.

Но возвращаюсь къ моему разсказу.

XXXI.

Прѣздъ въ Штутгартъ.—Страстная недѣля. — Великая княгиня Ольга Николаевна.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Изъ Мюнхена я отправился въ Штутгартъ, куда прибылъ 4-го апрѣля 1859 года. Нашъ посланникъ В. П. Титовъ принялъ меня очень благосклонно; по его совѣту, я сдѣлалъ визитъ г. Циппелину, гофмаршалу великой княгини Ольги Николаевны, (въ то время наслѣдной прицесы виртембергской), и секретарю е. и. в. Аделунгу. Въ тотъ-же день вечеромъ я былъ въ театрѣ на духовномъ концертѣ и, между прочимъ, слышалъ превосходно исполненный «Requiem» Моцарта.

Погода была дождливая; изо дня въ день небо было покрыто тучами; но мнѣ пришлось пробытъ въ Штутгартѣ всю страстную недѣлю, такъ какъ великая княгиня велѣла передать мнѣ, чрезъ Аделунга, что приметъ меня послѣ заутрени въ Христово воскресенье. Пользуясь свободнымъ временемъ, я подробно осмотрѣлъ коллекцію естественной исторіи; но бывшія въ то время въ Штутгартѣ геологическая и минеральная коллекціи показались мнѣ довольно бѣдными. Затѣмъ вмѣстѣ съ Аделунгомъ и его женой, я совершилъ прогулку въ коляскѣ, по окрестностямъ города, и видѣлъ знаменитую виллу, гдѣ великая княгиня Ольга Николаевна проводила лѣто и гдѣ происходили блестящія празднества, во время присутствія въ Штутгартѣ императоровъ: Александра II и Наполеона III.

Отстоявъ заутреню Св. Христова воскресенія, явился я во дворецъ, гдѣ нашелъ въ сборѣ всю русскую колонію. Въ числѣ дамъ была А. А. Воейкова, съ которой я часто встрѣчался въ Петербургѣ, въ домѣ графини Блудовой; но всѣхъ красивѣе

и привлекательнѣе была сама великая княгиня Ольга Николаевна. Прежде всего меня представили ея супругу, наследному принцу виртембергскому, который былъ въ русской военной формѣ и съ орденомъ Андрея Первозваннаго. Онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ относительно моего путешествія и минеральной коллекціи герцога Максимилиана Лейхтенбергскаго, его родственника, какъ онъ выразился. Потомъ представили меня великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ; она была очень милостива со мной и довольно долго разговаривала о Мюнхенѣ. Наконецъ, я былъ представленъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, которая, видя горную форму, тотчасъ-же заговорила о своемъ покойномъ супругѣ герцогѣ Максимилианѣ Лейхтенбергскомъ, бывшемъ главнымъ начальникомъ горнаго института.

Столъ былъ великолѣпно сервированъ и по количеству всякихъ яствъ — настоящее русское розговѣнье. Посрединѣ длиннаго широкаго стола сидѣла великая княгиня Ольга Николаевна, по правую ея сторону священникъ, рядомъ съ нимъ великая княгиня Марія Николаевна, затѣмъ посланникъ В. П. Титовъ, дама въ громадномъ кринолинѣ, занимавшая два стула, за нею гр. Г. А. Строгановъ и т. д.; по лѣвую сторону в. к. Ольги Николаевны сидѣла какая-то дама, а за нею фрейлина Жуковская (нынѣ баронесса Вѣрманъ) и т. д. Меня посадили противъ великой княгини Ольги Николаевны, которая распрашивала меня о баварской Академіи Наукъ, совѣтовала познакомиться мнѣ съ штутгартскимъ профессоромъ Плинингеромъ и пр., и во время разговора перекатила мнѣ черезъ столъ фарфоровое яйцо.

Я вернулся въ гостиницу въ 4 часа утра, а на слѣдующее утро поѣхалъ изъ Штутгарта въ Парижъ, гдѣ провелъ нѣсколько дней, и, совершивъ небольшое путешествіе по Германіи, прибылъ въ Петербургъ, въ концѣ апрѣля 1859 года.

Прошло болѣе тридцати лѣтъ со времени моей командировки въ Мюнхенъ, по случаю празднованія столѣтняго юбилея баварской Академіи Наукъ. Бывалъ я и послѣ того не разъ за границей, путешествовалъ по Россіи, но все-таки бóльшая часть моей жизни и дѣятельности прошла въ Петербургѣ.

Въ теченіе этого времени совершилось не мало всякихъ событій; видѣлъ я и слышалъ многое, и было бы чѣмъ дополнить мои «Воспоминанія», чтобы довести ихъ до послѣднихъ лѣтъ. Но я оканчиваю ихъ 1859 годомъ, такъ какъ, по многимъ причинамъ, не считаю удобнымъ касаться новой исторіи.

Н. И. Кокшаровъ.

Приложенія.

III.

Штабъ корпуса горныхъ инженеровъ. С.-П.-Б. 9-го ноября 1843 года. № 5585.

Корпуса горныхъ инженеровъ г. поручику Кокшарову.

Принимая въ соображеніе, что дальнѣйшее пребываніе ваше въ Англіи, при незнаніи англійскаго языка, не принесетъ вамъ желаемой пользы, я съ доклада г. главноуправляющему корпусомъ горныхъ инженеровъ, предлагаю вашему благородію: оставивъ эту страну, переѣхать прямо въ Германію, гдѣ сначала осмотрѣть, согласно данной вамъ инструкціи, замѣчательныя геологическія коллекціи въ Боннѣ, Гейдельбергѣ и Фрейбергѣ, а потомъ, прибывъ въ Берлинъ, приѣхать въ январѣ 1844 г., заняться въ тамошней университетѣ, до половины будущаго лѣта, изученіемъ палеонтологіи, а также и минералогіи.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, прилагаю у сего переводный на ваше имя вексель въ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, назначенныхъ вамъ на покрытіе добавочныхъ издержекъ по поѣздкамъ вашимъ, о полученіи сего векселя вы не оставите меня увѣдомить, а равно о времени отъѣзда вашего изъ Англіи.

Начальникъ штаба генералъ-маіоръ Чевкинъ.

Старшій адъютантъ, полковникъ Самарскій.

IV.

Belgrave Square, Londres.

Mon cher Cock! Votre penchant a toujours été entre les minéraux et les dames, et vous voilà à la fin attrappé pour la vie! Je ne puis pas vous complimenter sur votre sagesse, en obtenant l'adoration d'une charmante fille sans de quoi vivre!

Votre paradis sera suivi par les résultats ordinaires. Vous aurez des enfants et ils coûteront davantage, que les minéraux. Ce sont des échantillons couteux et en prenant une femme vous auriez du (pauvre diable comme vous) afficher comme le curé français qui avait besoin d'une gouvernante.

Il faut qu'elle soit stérile!

Mais je ne veux pas vous quereller et me moquer de vous.

Vous partagez mes meilleurs vœux et ceux de ma femme.

Ainsi j'ai écrit chaudement à M-r de Brook (c'est un nom anglais), qui est, je suppose, le successeur ou remplaçant de Wrontchenko. Dieu sait si ces lettres produiront de l'effet.

Votre lettre m'est parvenu quand j'étais enseveli dans des préparatifs pour mon discours anniversaire audevant la société géographique. Tout à vous de cœur R. Im. Murchison.

Соболю. Е. И. К.

ТУРУСЫ НА КОЛЕСАХЪ.

1846 г.

Сообщаю на стр. «Русской Старины» одно небольшое дополнение къ «Турусамъ на колесахъ». («Русская Старина», изд. 1890 г., кн. IV)

П. В. Шейнъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что неизвѣстно по какой причинѣ запретили эту брошюру и полиція ее отобрала у всѣхъ книгопродавцевъ. Молва тотчасъ растолковала себѣ это дѣло по-своему, что тутъ-де изображены московскій оберъ-полиціймейстеръ и городской голова.—Въ книгѣ «Историческія свѣденія о цензурѣ въ Россіи» (Спб., 1862 г., 8 д., стр. 66—67) сказано: «Въ 1864 году гр. Орловъ ¹⁾ писалъ министру народнаго просвѣщенія: получено мною свѣдѣніе, что напечатанная въ недавнее время въ Москвѣ брошюрка, подъ названіемъ «Турусы на колесахъ», принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр.—«Пришла правда отъ Воскресенья въ Кадашахъ», означаетъ домъ бывшаго городского головы Шестова; на той-же страницѣ слова: «а то всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ» относятся какъ намекъ на московскаго оберъ-полиціймейстера ²⁾... тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о «Левушкѣ, забубенной головушкѣ, который махнулъ отъ сѣвера на югъ», въ чемъ видятъ ясно намѣреніе злословить генерала ³⁾, уѣхавшаго на югъ, въ Херсонскую губернію. Далѣе изъ словъ «кто съ темной ночи оброкъ бралъ» выводятъ общія мысли о брантъ-маіорахъ, а подъ выраженіемъ: «записнаго плута оправдалъ» разумѣютъ дѣло купца Сопова, произведенное бывшимъ полиціймейстеромъ».

Все это, конечно, мелкія библиографическія подробности, но онѣ составляютъ несомнѣнный интересъ въ такомъ дѣлѣ, какъ перепечатываніе книжныхъ рѣдкостей.

Кстати привожу изъ другаго экземпляра тѣ слова, которыя въ экземплярѣ «Русской Старины» оказались прорванными:

Стр. 202, строка 20-я сверху, читай:

«Какъ французикъ, веселая голова», и т. д.

На той-же страницѣ, строка 10-я снизу, читай:

«Каталея на такихъ конькахъ», и т. д.

А. Станкевичъ.

¹⁾ Алексѣй Федоровичъ, шефъ жандармовъ, начальникъ III-го отдѣленія.

²⁾ Въ адресъ-календарѣ на 1846 г. исправляющимъ эту должность показанъ И. Д. Лужинъ, а полиціймейстеромъ Л. Н. Верещагинъ.

³⁾ Точки въ печатномъ подлинникѣ, также какъ и раньше. А. С.

ЗАПИСКИ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДЕНА.

XII ¹⁾.

Отъ заключенія мира до коронаціи.

Юбилей отца.—Нравственный уровень офицерства.—Дѣятельность одного князя по торговлѣ.—Приказъ по 7-й пѣхотной дивизіи.—Съемки.—Выгранное пари.—На похоронахъ генерала Гилленшмидта.—Могилы воиновъ, убитыхъ подъ Севастополемъ.—Назначеніе генерала Карла Егоровича Врангеля командующимъ войсками въ Крыму.

1856 г.

17-го марта 1856 года отецъ мой праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ, и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь особеннымъ почтить этотъ день, но по разнымъ причинамъ я предпочелъ не придавать никакой officialности этому семейному празднику; а потому и ограничился тѣмъ, что просилъ постоянно обѣдающихъ у меня офицеровъ выпить за здоровье моего дорогаго юбиляра. Недѣли двѣ спустя я получилъ письмо, которымъ отецъ меня увѣдомлялъ, что 17-го марта государь назначилъ его шефомъ ²⁾ 4-й роты л.-гв. Сапер-

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 55—90, февраль, стр. 551—574, мартъ, стр. 655—680; т. LXVI, апрѣль, стр. 49—71; май, стр. 299—324.

²⁾ Не всѣмъ въ настоящее время извѣстно значеніе, которое въ то время придавалось подобному отличію; чтобы объяснить его наглядно, я умажу на примѣры: до 1840-хъ годовъ только члены императорской фамилии назначались шефами гвардейскихъ частей; первымъ изъ простыхъ смертныхъ, назначенныхъ

наго баталіона, которымъ онъ командовалъ въ 1816 году, подарилъ ему картину ¹⁾ съ портретами нѣкоторыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ баталіона и продлилъ еще на нѣсколько лѣтъ получаемую имъ аренду. Бывшіе и настоящіе подчиненные отца сдѣлали подписку и собрали капиталъ, на проценты котораго, съ высочайшаго соизволенія, положили содержать воспитанника (пансіонера генерала Дена) въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ. Все это меня чрезвычайно обрадовало, а предстоявшій миръ, въ скоромъ заключеніи котораго уже никто не сомнѣвался, давалъ мнѣ право надѣяться, что отецъ благополучно оставитъ кронштадтскую свою тяжелую обязанность, а по назначеніи великаго князя Николая Николаевича инспекторомъ по инженерной части — и должность инспектора и, наконецъ, послѣ продолжительной, дѣйствительно примѣрной, службы, поѣдетъ отдыхать въ Козенице.

Не помню котораго именно числа, но, кажется, еще въ мартѣ, дошло до насъ извѣстіе объ окончателъномъ заключеніи мира; почти никто въ нашемъ отрядѣ не спрашивалъ какою цѣною купленъ миръ, всѣ ему обрадовались; но армейскіе расчетливые офицеры, любящіе усиленные оклады военного времени, призадумались и пріуныли. Я не упоминаю здѣсь о впечатлѣніяхъ моихъ при близкомъ знакомствѣ съ офицерами армейскихъ полковъ того времени; впечатлѣнія эти были тяжелыя, мое національное патріотическое, а равно и военное чувство оскорблялись часто понятіями и поведеніемъ (нѣкоторыхъ) офицеровъ. Въ нравственномъ отношеніи, солдатъ нашъ стоялъ въ то время несравненно выше нашихъ офицеровъ, но я утѣшаюсь тѣмъ, что я вывожу это заключеніе изъ видѣннаго и испытаннаго мной только въ 7-й пѣхотной дивизіи, хотя не могу умолчать и о томъ, что бывшіе гвардейскіе офицеры, командовавшіе курскими дружинами, а именно — Рыльскою, С — въ, и Львовскою, И — въ — отличались

шефомъ гвардейской роты, былъ ген.-ф. кн. Паскевичъ — Преображенской роты, потомъ ген.-ф. кн. Волконскій — Семеновской; послѣ нихъ получилъ это отличіе инженеръ-генералъ Н. И. Денъ, а потомъ въ разное время гр. Риди геръ былъ шефомъ роты Семеновскаго полка и, наконецъ, гр. С. О. Апраксинъ былъ награжденъ такимъ же отличіемъ въ Кавалергардскомъ полку.

¹⁾ Находится теперь (1872 г.) въ моемъ маленькомъ Козеницкомъ кабинетѣ.

корыстолюбіемъ, вообще честный и безкорыстный полковой командиръ (въ 1840-хъ гг.) былъ что-то неслыханное и невидѣнное, въ родѣ той птицы, что французы называютъ «le merle blanc»

Я забылъ сказать, что когда я принималъ полкъ, къ нему была прикомандирована курская дружина; командиръ ея (маіоръ Я — въ) уже былъ преданъ суду за разныя противозаконныя дѣйствія и неприличное поведеніе, а на его мѣсто былъ назначенъ, по выбору генерала Ушакова, маіоръ И — кій, не помню изъ какого Егерскаго полка; когда я опрашивалъ эту несчастную дружину, не было ни одного рядоваго, который бы не принесъ мнѣ жалобы на своего батальоннаго и ротныхъ командировъ, которые не только не выдавали опредѣленнаго довольствія нижнимъ чинамъ, но еще обижались возбужденнымъ ими самими ропотомъ и, при всякомъ случаѣ, рвали бороды и волотили ратниковъ. Само собою разумѣется, что этотъ И — кій немедленно былъ преданъ суду и несчастные курскіе землепашцы, неожиданно сдѣлавшіеся воинами, вскорѣ были отправлены по домамъ.

Кажется, въ апрѣлѣ 1856 года, Смоленскій пѣхотный полкъ получилъ приказаніе перейти на сѣверную сторону Севастопольскаго рейда и занять мѣсто уже выступившаго Тобольскаго пѣхотнаго полка. Одинъ изъ моихъ близкихъ сосѣдей по бивуачному расположенію на Бельбекѣ, ***, обнаружилъ, по заключеніи мира, такую способность къ торговымъ оборотамъ, что я не могу не умолчать о его дѣятельности. Селеніе Біюкъ Сіопрель, гдѣ была расположена его калужская дружина, немедленно по заключеніи мира сдѣлалось большимъ складомъ контрабандныхъ товаровъ, а самъ князь — пособникомъ разныхъ французскихъ и итальянскихъ промышленниковъ, привозившихъ всевозможныя съѣстные припасы и напитки, получаемые моремъ въ Камышѣ и Балаклавѣ для сбыта нашимъ войскамъ. Кн. *** faisait l'article, какъ говорятъ французы, и кормилъ и поилъ у себя разную иностранную сволочь, а самъ уже собирался оставить свою дружину и ѣхать въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ онъ предложилъ мнѣ взять у него выписанные имъ изъ Москвы разныя запасы и вино; я объявилъ ему сколько и чего именно я хочу взять, въ убѣжденіи, что все мнѣ будетъ доставлено au

grix de revient. Оказалось, что ***, приславшій мнѣ счетъ, принятый мною, безспорно, съ полнымъ довѣріемъ, выговорилъ себѣ 50 проц. со ста барыша.

Извѣстіе о заключеніи мира пришло въ намъ чрезъ непріятельскую главную квартиру и затѣмъ немедленно во всѣхъ окрестностяхъ Севастополя нельзя было сдѣлать шагу не встрѣтивъ любопытныхъ французовъ или англичанъ. Сія послѣдніе рыскали толпами, верхомъ въ ненавистныхъ мнѣ красныхъ кафтанахъ; гордость, сильно уязвленное національное чувство непривычнымъ, небывалымъ поражениемъ причиняли мнѣ нравственныя страданія, заставлявшія меня ожидать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ приказанія оставить Крымскій полуостровъ. Но моимъ испытаніямъ суждено было продолжаться еще долго... Еще до перемѣщенія моего полка на сѣверную сторону Севастополя, было получено приказаніе назначить опредѣленное число самыхъ видныхъ кавалеровъ въ гвардію; этихъ нижнихъ чиновъ, какъ было сказано въ приказѣ по дивизіи, немедленно помѣстить отдѣльно отъ прочихъ, довольствоваться улучшенной пищею и обмундировать заново. Если я здѣсь привожу этотъ приказъ по 7-й пѣхотной дивизіи, то это, конечно, не для того, чтобы укорять тѣхъ, которые дѣлали подобныя распоряженія безсознательно, не чувствуя и не понимая, насколько они этимъ унижаютъ какъ отдающихъ, такъ и получающихъ подобныя приказанія, а для того, чтобы покаяться въ непростительномъ возмущеніи и дурномъ примѣрѣ, данномъ мною подчиненнымъ. Я объявилъ публично, что въ Смоленскомъ полку солдаты получаютъ сполна все, что на нихъ отпускается, что никакой улучшенной пищи на указанные средства быть не можетъ, что отдѣлять отличныхъ солдатъ отъ прочихъ, какъ отдѣляютъ свиней, предназначенныхъ на убой для откармливанія, я не позволю,—и запретилъ. Что касается обмундированія, то я ему не препятствовалъ, но приказалъ заготовить фуражныя шапки изъ выслужившихъ срокъ мундировъ, какъ по положенію слѣдуетъ, говоря, что мнѣ желательно, чтобы государь спросилъ: «что это за гадость?»

Противъ этого послѣдняго распоряженія сильно возсталъ А. К. Ушаковъ, но я настоялъ на своемъ. Что-же оказалось? Въ августѣ, когда я видѣлъ моихъ смоленскихъ кавалеровъ, въ день представленія ихъ государю штабъ-офицеромъ, приведшимъ

въ гвардейскій корпусъ выбранныхъ нижнихъ чиновъ изъ 3-го корпуса, на нихъ были новыя фуражки изъ офицерскаго сукна. Впослѣдствіи я узналъ, что генераль Ушаковъ, считая меня вѣроятно сумасшедшимъ, приказалъ заготовить нужное число фуражекъ для нижнихъ чиновъ Смоленскаго полка въ другомъ полку, а деньги за нихъ были отъ меня вытребованы, когда я былъ уже въ Рославль на постоянныхъ квартирахъ.

Въ подтвержденіе того, что я говорилъ уже прежде о совершенномъ незнаніи нашими офицерами мѣстности, прилегающей въ Севастополю, и отсутствіи въ нашей главной квартирѣ топографическихъ плановъ, я долженъ сазать, что въ одно прекрасное утро явился ко мнѣ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Вессель съ просьбою отъ начальника корпуснаго штаба назначить въ его распоряженіе 8 нижнихъ чиновъ для съемки окрестностей Севастополя. Я сначала не повѣрилъ, потомъ совѣтывалъ ему отложить эту работу до ухода непріятеля, говоря: «какъ вы не понимаете, что это позоръ», объяснялъ и повторялъ то же самое и начальству, но видя, что они не понимаютъ причинъ моего сопротивленія, я имъ просто объявилъ: «такъ берите для этихъ работъ, уличающихъ насъ въ преступномъ невѣдѣніи, изъ другихъ полковъ; смоленцевъ я не дамъ», — и не далъ.

Я не хвастаю, я каюсь; конечно, я бы никогда не позволилъ подчиненному мнѣ полковому командиру оказывать мнѣ такимъ образомъ явное сопротивленіе, но за то я могу также поручиться, что я никогда не согласился бы заявить нелѣпныя или унижительныя требованія для моихъ подчиненныхъ и для русской армии ¹⁾.

Многіе изъ нашихъ офицеровъ ѣздили, за невозможностью побывать въ Парижѣ, въ созданный войною, сволоченный изъ досокъ городокъ, близъ Камышской бухты и названный французами «Kamiesch» для разныхъ закупокъ, а въ особенности для развлеченія, потому что у французовъ былъ и театръ и «café chantant». Въ числѣ другихъ пріѣзжалъ ко мнѣ мой старый товарищъ по бессарабской тоскѣ, Романъ Ивановичъ К***.

¹⁾ Я считаю положительно унижительнымъ наивно сознаться предъ торжествующимъ непріателемъ въ такихъ промахахъ, которымъ наши враги обязаны своими успѣхами гораздо болѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ достоинствамъ.

Онъ пріѣхалъ въ моему обѣду и просилъ лошадей, чтобы на другой день съѣздить въ Камышь. Провели мы цѣлый день вмѣстѣ, а потому у насъ много было разговоровъ о прошедшемъ; я заставлялъ его рассказывать о его походахъ съ того времени, что мы не видѣлись, но запомнилъ только одинъ его рассказъ или, правильнѣе, наивную его исповѣдь касательно даннаго ему порученія взорвать Очаковскія укрѣпленія.

— «Повѣришь ли, говорилъ онъ мнѣ, всевозможныя мѣры были мной тщательно приняты; пороху я не жалѣлъ, онъ былъ рассыпанъ и по валгангу и на платформахъ, и представь себѣ»...

Я живо его перебилъ, говоря: представляю — все осталось цѣло.

— Какъ ты отгадалъ? спросилъ меня на это Романъ Ивановичъ—и довершилъ этимъ вопросомъ мое смущеніе и глубокую грусть; вотъ, думалъ я, секретъ всѣхъ нашихъ неудачъ и одна изъ причинъ постыднаго мира. Бывшій адъютантъ генераль-фельдцейхмейстера, артиллеристъ,

не только былъ пораженъ бездѣйствіемъ пороха, рассыпаннаго по валгангу, но даже не далъ себѣ труда доискаться причины поразившаго его явленія. Послѣ приведенія здѣсь въ точности этого воспоминанія, я чувствую и понимаю необходимость сказать, что я ничего не выдумалъ, ничего не преувеличилъ, а записалъ съ точностью дѣйствительно невѣроятный разговоръ

Разговорившись о К***, не могу не рассказать объ оригинальномъ выигранномъ мною у него пари. Не помню въ которомъ году, (Романъ Ивановичъ былъ еще генераль-майоромъ свиты), повстрѣчались мы съ нимъ въ Кирочной или Фурштатской улицѣ; онъ остановилъ меня и сообщилъ новость — о вончинѣ инспектора артиллеріи генерала Гилленшмидта; видя, что это извѣстіе принято мною чрезвычайно равнодушно, — онъ продолжалъ говорить съ озабоченнымъ видомъ: «кто-то будетъ назначенъ на его мѣсто?»

— Я тебѣ скажу, отвѣчалъ я,—Н. И. К.

Спокойствіе и увѣренность, съ которыми я это говорилъ, его поразили, тѣмъ не менѣе онъ сказалъ, прежде всего: «не можетъ быть», а потомъ сгаль допрашивать меня,—почему я такъ положительно это утверждаю? Я объяснилъ.

Иванъ Романовичъ обидѣлся, заспорилъ и, наконецъ, предложилъ пари, что К. не будетъ назначенъ инспекторомъ. Черезъ три дня высочайшій приказъ доставилъ мнѣ нѣсколько бутылокъ шампанскаго. Скончавшійся генералъ Гилленшмидтъ, бывшій прежде начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, былъ человѣкъ добрый и честный, но слабый и необыкновенно ограниченный; своею безотвѣтственностью и подобострастіемъ онъ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ приближенныхъ лицъ ген.-ф. кн. Паскевича еще на Кавказѣ, потомъ, не смотря на самую обыкновенную механическую службу, возвысился въ чинахъ, и наконецъ, вается въ 1849 г., достигъ высшей степени по артиллерійскому вѣдомству, не смотря на то, что плохо говорилъ по русски, (происходилъ онъ изъ мѣщанъ города Выборга). За годъ до его смерти, по случаю 50-ти лѣтнаго его юбилея въ офицерскихъ чинахъ, ему давали обѣдъ, говорили спичи и пили за его здоровье. Бѣдный инспекторъ артиллеріи, не приготовившійся отвѣчать, благодарилъ, какъ умѣлъ, запинаясь и въ заключеніе предложилъ тость за «успѣніе артиллеріи».

Для похоронъ генерала Гилленшмидта свита государя собралась въ лютеранской Анненской церкви; государь Николай Павловичъ уже давно пріѣхалъ, объѣхалъ войска, наряженные для погребенія, и остановился у входа въ церковь; морозъ былъ жестокий, а пасторъ Безе съ неисчерпаемымъ краснорѣчіемъ чрезвычайно пространно поминалъ заслуги и достоинства покойнаго; должно быть это продолжалось очень долго и государь что-нибудь сказалъ коменданту бар. Зальцу; что именно—я не знаю, достоверно только то, что вдругъ вбѣжалъ въ церковь генералъ Зальцъ и, приблизясь къ каедрѣ, громко сказалъ пастору: *högen Sie auf, der Kaiser wartet* («кончайте, императоръ ждетъ»). Amen («Аминь»), сказалъ пасторъ въ то же мгновение.

Эти воспоминанія увлекли меня далеко назадъ, а потому спѣшу возвратиться въ Крымъ, къ тому положенію, въ которомъ насъ тамъ застали заключеніе мира и весна 1856 г.

Число кладбищъ, въ окрестностяхъ Севастополя, если не ошибаюсь, доходило до 33-хъ. На этихъ могилахъ уже не возвышалось никакихъ насыпей; такъ какъ убитые предавались землѣ десятками и даже сотнями, то весьма естественно, что со временемъ небольшіе курганчики, насыпанные на могилахъ, не только

сравнились съ землею, но даже на большихъ могилахъ представляли видъ совершенно обратный, т. е. плоскую воронку. Даже мимо кладбищей неприятно было проѣзжать по случаю зараженного воздуха тяжелыми испареніями. Попечительное начальство не оставило безъ вниманія этого обстоятельства, столь опаснаго для общественнаго здравія, но вмѣсто того, чтобы еще раннею весною пригласить военное начальство посредствомъ нижнихъ чиновъ обнести кладбища канавами, а вынутую землю засыпать толстымъ слоемъ могилы, болѣе другихъ того требующія, новороссійскій генераль-губернаторъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ о своихъ опасеніяхъ на счетъ могущей распространиться заразы отъ большаго количества небрежно зарытыхъ труповъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, по здоровомъ обсужденіи предусмотрительнаго представленія, приказалъ командировать чиновниковъ на мѣсто для ближайшаго разсмотрѣнія дѣла, но безъ особыхъ полномочій. Въ числѣ этихъ чиновниковъ былъ Варпаховскій, пріѣзжавшій ко мнѣ въ то время, когда я по собственной инициативѣ и на свой страхъ ¹⁾ производилъ необходимыя работы на главномъ кладбищѣ вблизи расположенія моего полка. Я считалъ это необходимымъ въ гигиеническомъ отношеніи для моего полка и былъ увѣренъ, что православное войско не только безропотно, но усердно и охотно понесетъ труды, съ цѣлью почтить память своихъ храбрыхъ товарищей, павшихъ жертвами за отечество, и предохранить ихъ послѣднее жилище отъ прогулокъ скота и проѣзда по могиламъ представителей некрещеннаго населенія Крыма. Я не ошибся, и въ то время, когда писались чиновниками разные проекты, ближайшее къ расположенію моего полка большое кладбище было обнесено въ краткій срокъ глубокою канавою, были сдѣланы для входа ворота и надъ главными могилами, т. е. надъ тѣми, въ которыхъ покоилось наибольшее число невинныхъ жертвъ войны ²⁾, были насыпаны возвышенія и поставлены кресты.

¹⁾ Страхъ былъ не великъ, 1-е, потому что я былъ убѣжденъ въ необходимости того, что дѣлалъ, а къ тому же пріѣзжавшій въ то время ко мнѣ будущій оберъ-прокуроръ святѣйшаго сѣнода, а въ то время начальникъ штаба войскъ, оставшихся въ Крыму, Ал. Петр. Ахматовъ—не находилъ словъ для одобренія моихъ предпріятій.

²⁾ Эти могилы отличались отъ прочихъ не только своими размѣрами, но и тѣмъ, что въ особенности надъ ними образовались углубленія. В. Д.

Извѣстій объ утвержденнѣхъ высшимъ начальствомъ мѣропріятіяхъ по представленію генераль-губернатора до меня не доходило, не смотря на то, что я оставилъ Сѣверную сторону Севастополя лишь 23-го іюня 1856 г. Утромъ занимался я приготовленіями для предстоявшаго намъ продолжительнаго похода, а по вечерамъ я дѣлалъ дальнія прогулки верхомъ, на моемъ любимомъ ногайскомъ скакунѣ Мурваридѣ ¹⁾ (по случаю его безукоризненной бѣлизны это названіе ему дано А. П. Озеровымъ). Въ эти вечера я объѣзжалъ окрестности Севастополя и изучалъ непріятельскія осадныя (траншейныя работы); заѣхалъ даже разъ въ нашъ славный Севастополь, но видъ этихъ развалинъ, краснорѣчиво напоминавшихъ безслѣдныя усилія моего отца заблаговременно оградить нашъ единственный военный портъ въ Черномъ морѣ отъ постигшей его участи, и душевныя страданія покойнаго, для меня дѣйствительно незабвеннаго, государя Николая Павловича, послѣ первыхъ извѣстій о нашихъ неудачахъ въ Крыму, вдругъ такъ живо представились моему воображенію, и сердце мое такъ заняло, что я жестоко прищпорилъ неповиннаго ретиваго Мурварида и спѣшилъ какъ можно скорѣе оставить эти мѣста скорби и печали. Я скакалъ во всю прыть, и чуть было не столкнулся, не доѣзжая спуска къ Черной рѣчкѣ, съ прелестною амазонкою, сопровождаемою нѣсколькими французскими офицерами; впоследствии я узналъ, что эта прекрасная брюнетка была жена генерала Базена.

По вечерамъ я обыкновенно, въ одиночествѣ, пилъ чай предъ своей палаткой, при свѣтѣ двухъ походныхъ фонарей. Этотъ свѣтъ былъ виденъ на большое разстояніе, на совершенно ровной мѣстности, и часто привлекалъ ко мнѣ генерала Бялаго, моего бригаднаго командира. Въ одно изъ такихъ его посѣщеній онъ объявилъ мнѣ, что уже получено росписаніе постоянныхъ квартиръ для нашей дивизіи, и что Смоленскому полку предстоитъ расположиться въ городѣ Рославлѣ, Смоленской губерніи, на Московско-Брестскомъ шоссе, въ 375 верстахъ отъ Москвы. Затѣмъ я получилъ изъ главной квартиры е. в. приглашеніе прибыть въ Москву въ августѣ мѣсяцѣ и присутствовать при священномъ коронованіи государя. Послѣднее меня чрезвычайно

¹⁾ Персидское названіе жемчуга.

обрадовало; я въ ту же минуту составилъ не совсѣмъ законный проектъ употребить во зло это высочайшее приглашеніе, для того чтобы не только какъ можно скорѣе оставить свой полкъ, хозяйскія дразги, которыя приходились мнѣ ужъ слишкомъ не по сердцу, но и для посѣщенія моего отца, уже переѣхавшаго, какъ я это предвидѣлъ, на жительство въ Козенице. Затѣмъ я каждый день съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ выступленія полка, чтобы, благословивъ его на почти трехмѣсячный походъ, оставить его на первой дневкѣ и скакать безъ отдыха въ Козенице.

Карлъ Егоровичъ Врангель, старый мой знакомый, былъ назначенъ, по отъѣздѣ изъ Крыма генерала Лидерса, командовать войсками, расположенными въ Крыму. Въ началѣ іюня этотъ новый начальникъ производилъ инспекторскіе смотры всѣмъ войскамъ, въ томъ числѣ и Смоленскому полку, состояніемъ котораго остался доволенъ. Послѣ повѣрки суммъ, какъ я узналъ впоследствии, одинъ изъ моихъ ротныхъ командировъ хотѣлъ было, привармавивъ ротныя деньги, запечатать пустой ящикъ, но продѣлка эта была замѣчена товарищами, которые заставили его не только положить деньги обратно въ ящикъ, но и подать въ отставку.

Карлъ Егоровичъ пробылъ у меня цѣлыя сутки; это былъ хорошій, добрый и словоохотливый старикъ; онъ мнѣ много рассказывалъ о своей долготѣнной службѣ и, между прочимъ, одинъ эпизодъ, чрезвычайно оригинально обрисовывающій государя Николая Павловича и гр. Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Генералъ Врангель, командуя драгунскою дивизіею, пользовался особеннымъ вниманіемъ покойнаго государя; будучи разъ въ Петербургѣ, куда пріѣзжалъ представлять во дворѣ свою дочь, недавно предъ тѣмъ назначенную фрейлиною, и крайне нуждаясь въ деньгахъ, обратился онъ къ гр. Орлову съ просьбою исходатайствовать ему аренду. Гр. Орловъ обязательно взялся за это, но между тѣмъ время проходило, Врангель не получалъ никакого отвѣта, а нужда усиливалась и срокъ отпуска истекалъ. Предъ отъѣздомъ, въ видѣ исключенія ¹⁾, вѣроятно по слабости государя къ драгунскому корпусу, генералъ Врангель получилъ дозво-

¹⁾ Въ то время назначенныхъ пріемовъ у государя Николая Павловича не было — представлялись ему во время развода, а во дворцѣ только исключительно, во вѣдствіе особыхъ приказаній.

леніе откланяться государю въ Зимнемъ дворцѣ и былъ принятъ въ кабинетѣ въ присутствіи нечаянно находившагося тамъ графа Алексѣя Федоровича Орлова.

— «Въ надеждѣ, что гр. Орловъ уже докладывалъ государю о моей просьбѣ», говоритъ Карлъ Егоровичъ, «я вопросительно поглядывалъ на Орлова, думая, что мнѣ, можетъ быть, слѣдуетъ поблагодарить государя за оказанную милость, но Орловъ избѣгалъ моего взора».

Государь много говорилъ о его любимыхъ драгунскихъ полкахъ, но, наконецъ, вида, что аудіенція приходитъ къ концу и вспомнивъ всю затруднительность моего положенія,—призвавъ на помощь всю свою энергію,—я рѣшился лично представить государю свою просьбу, и началъ было: «Государь, у меня къ вамъ большая просьба»; какъ только вымолвилъ я эти слова, выраженіе лица государя мгновенно измѣнилось и онъ такъ грозно взглянулъ на меня, что вся моя рѣшимость меня оставила, а когда государь, перебивая меня, сказалъ: «Что? что?», я ему отвѣтилъ—«просьба моя заключается въ томъ, чтобы вы приказали выслать въ мою дивизію учителей изъ гвардіи для усовершенствованія пѣшаго строя».

Чело государя опять просвѣтлѣло и онъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, а гр. Орловъ говорилъ мнѣ, выходя отъ государя: «ну, братъ, ты ловко вывернулся»,—а объ арендѣ ни полслова, я же былъ такъ озадаченъ двойнымъ усиліемъ, что не настаивалъ на моей просьбѣ, и съ трудомъ уѣхалъ изъ Петербурга, едва успѣвъ занять незначительную сумму денегъ.

Карлъ Егоровичъ былъ женатъ на дѣвицѣ Шафнагель; онъ самъ рассказывалъ Владиміру Саввичу Семека ¹⁾, что будучи назначенъ командиромъ л.-гв. конно-егерскаго, что нынѣ драгунскій, полка--ему не чѣмъ было сдать свой армейскій полкъ; обстоятельства были до того затруднительны, что приходила даже мысль о самоубійствѣ. За нѣсколько дней до пріѣзда вновь назначеннаго полковаго командира, кто-то посовѣтовалъ ему занять денегъ у господина Шафнагеля; сѣрѣя сердце, Врангель отправился въ домъ этого господина просить въ займы 30 тысячъ

¹⁾ Начальникъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, впоследствии начальникъ 6-й пѣхотной дивизіи.

рублей ассигнаціями... У него онъ и познакомился съ его дочерью.

XIII.

Коронація.

Поѣздка по Крыму.—Балаклава.—Выступление войскъ изъ Крыма.—Свиданіе съ отцомъ.—Въ Москвѣ.—Въѣздъ государя.—Коронація.—Обѣдъ, данный московскимъ купечествомъ.—Награды.—Крестъ выхлопотанный Грейберу.

1856 г.

Въ началѣ іюня я хотѣлъ воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Крыму, чтобы осмотрѣть самую лучшую часть этого наслѣдія крымскихъ хановъ. Для этого я предпринялъ поѣздку чрезъ Симферополь въ Алушту, а оттуда въ Ялту, Ливадію, Орианду и Алушку... Хотя англичане доказали въ Керчи — на какіе грабежи и насилія они способны, даже въ городѣ, занятомъ безъ сопротивленія, они, вѣроятно, изъ опасенія могущественнаго въ Англіи общественнаго мнѣнія, не раззорили ни одной изъ всѣхъ предестныхъ дачъ, украшающихъ безподобный южный берегъ Крыма. Я безъ препятствія доѣхалъ въ коляскѣ до Алушки, но тутъ мнѣ объявили, что между Алушкой и Балаклавой во многихъ мѣстахъ дорога перекопана и что если я не хочу возвращаться тѣмъ самымъ путемъ, по которому пріѣхалъ, то я долженъ ѣхать верхомъ. Осмотрѣвъ Алушку, выкупавшись и налюбовавшись моремъ, я отобѣдалъ въ многочисленномъ обществѣ, преимущественно англичанъ, въ гостинницѣ, содержимой французомъ, и затѣмъ на татарской лошади отправился въ Балаклаву верхомъ.

Балаклава, которой я не видалъ прежде, въ то время представляла нѣчто въ родѣ Санъ-Франциско въ первые дни существованія этого города. По крайней мѣрѣ, воображеніе мое представляло мнѣ невольно это сравненіе, можетъ быть, совершенно неосновательно, по причинѣ разнородности населенія: тутъ были — англичане, французы, турки, греки, армяне, сардинцы; все это гнѣздилося какъ попало, на военныхъ и купеческихъ судахъ въ бухтѣ, а по берегамъ, въ палаткахъ, шалапахъ, баракахъ, omnibusахъ, вагонахъ и даже въ двухъ-этажныхъ деревянныхъ

домахъ, въ которыхъ, въ особенности во второмъ этажѣ, нельзя было ходить безъ опасенія провалиться. Я спѣшилъ домой, но уставши отъ переѣзда верхомъ 50 верстъ, желалъ найти болѣе покойное средство добраться до своей землянки, и потому, благодаря содѣйствию услужливаго итальянскаго фактора, нанялъ сардинскій омнибусъ, который за неимовѣрную цѣну 7 фунт. стерлинговъ, благополучно и довольно скоро доставилъ меня обратно въ распоряженіе Смоленскаго полка.

Наконецъ, наступилъ давно желанный день выступленія; всѣ наши полки уже выступили, я заключалъ шествіе и оставлялъ за собою лишь двѣ роты, не помню котораго, Черноморскаго баталіона, которыя впредь должны были составлять всю военную силу всего Крымскаго полуострова. Я сопровождалъ свой полкъ до какаго-то селенія на Альмѣ, въ сторонѣ отъ большой дороги, гдѣ ему назначена была дневка. Въ этомъ селеніи 25-го іюня—день рожденія государя Николая Павловича—я съ полкомъ отслужилъ панихиду, въ послѣдній разъ позавтракалъ ¹⁾ со своимъ штабомъ въ Крыму и затѣмъ съ полковымъ адъютантомъ Грейберомъ, уволеннымъ въ отпускъ въ Царство Польское, отправился въ путь съ чувствомъ какой-то торжественной радости и наслажденія. Подъѣзжая къ Херсону въ знойный день, я видѣлъ необыкновенный миражъ или, какъ его называетъ И. А. Гончаровъ—«Марево». Сначала я не могъ себѣ отдать отчета въ представлявшемся зрѣлищѣ; я видѣлъ великолѣпный городъ, т. е. большія зданія и многочисленныя церкви и колокольни, все это облитое водой, такъ что я невольно вскрикнулъ: «какое ужасное наводненіе», но затѣмъ разсуждая о неслыханности подобнаго происшествія въ іюлѣ, когда Днѣпръ обыкновенно, даже въ Херсонѣ, не изобилуетъ водой, я рѣшительно былъ въ недо-

¹⁾ Передъ отъѣдомъ я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во время всего похода и моего отсутствія для меня отводилась на ночлегахъ и дневкахъ квартира, какъ бы я не былъ въ отсутствіи, и чтобы всѣ лица, составляющія штабъ полка, приходили обѣдать въ эту квартиру, и для этого я оставилъ назначену деньги и повара. Я это дѣлалъ, спѣшу оговориться—потому, что мнѣ не хотѣлось, чтобы мой отъѣздъ изъ полка во время похода ухудшилъ положеніе тѣхъ, которые, конечно, находили удобнымъ не думать о хозяйствѣ и находить у меня готовый обѣдъ. При этомъ не могу не отдать справедливости скромности моего осиротѣвшаго штаба, потому что, по возвращеніи моемъ въ полкъ, подаанные мнѣ счета оказались ниже моихъ ожиданій. В. Д.

умѣннiи; наконецъ, съ приближенiемъ моимъ въ городу, все мною видѣнное исчезло какъ сонъ. Великолѣпныя зданiя, высокiя и разнообразныя церкви — все это замѣнилось хорошо мнѣ знакомыми весьма обыкновенными домами и домишками; голубая серебрястая вода—пыльными, желтоватаго цвѣта, пустынными улицами. Корыстолюбивое гостепрiимство Херсона хорошо мнѣ извѣстно со времени прежнихъ посѣщенiй этого города; гостиницы грека Куруты показались мнѣ на этотъ разъ благословенiемъ Божиимъ; превосходная ботвинья и холодное шампанское, въ большой залѣ, предохраненной ставнями отъ зноя, заставили меня скоро позабыть всѣ мученiя дороги и съ новыми силами и оживленною предпрiимчивостью продолжать путешествiе немедленно послѣ обѣда.

Теперь въ точности не могу припомнить, какими дорогами мы ѣхали, но съ достовѣрностью могу сказать, что мы проѣзжали черезъ Бердичевъ, Житомиръ, и въ Устилунигѣ проѣхали черезъ бывшую границу Царства Польскаго. Не доѣзжая Ивангородской крѣпости, я оставилъ своего спутника Грейбера и, нѣсколько часовъ спустя, я свидѣлся, наконецъ, съ моимъ престарѣлымъ нѣжно любимымъ отцомъ въ нашемъ тихомъ и уныломъ Козеницѣ. Здѣсь я пробылъ нѣсколько дней, радуясь бодрымъ видомъ отца, замѣтно отдохнувшаго, но попрежнему занимавшагося хозяйствомъ, интересовавшагося всѣмъ, что, по его мнѣнiю, могло увеличить доходы имѣнiя, не щадя ничего для достиженiя этой цѣли, утѣшаясь при постоянныхъ неудачахъ надеждою, что сынъ его пожнетъ то, что онъ посѣялъ.

Видя, однако, что имѣнiе не приноситъ дохода и что отецъ, не смотря на это, тратитъ деньги на разныя улучшенiя, я разъ дозволилъ себѣ замѣтить ему, что сестра и братъ могутъ быть недовольны тѣмъ, что онъ, дѣлая расходы на Козенице, еще увеличиваетъ часть мою, въ ущербъ того, весьма скромнаго, достоянiя, на которое они имѣютъ право. Я никогда не забуду взгляда и выраженiя лица моего отца, когда я съ нѣкоторымъ смущенiемъ высказалъ ему это. Онъ не возражалъ мнѣ тотчасъ, но, послѣ непродолжительнаго молчанiя, спросилъ меня: «если бы я тратилъ что имѣю на содержанiе любовницы, осмѣлился-ли бы ты дѣлать мнѣ внушенiя?—нѣтъ? такъ знай, что Козенице—моя любовница».

Я полагаю, однако, что мои слова подѣйствовали, потому что съ того времени отецъ началъ помышлять объ отдачѣ имѣнія въ аренду, чтобы обезпечить себѣ хотя незначительный, но вѣрный доходъ. Пробывъ, кажется, недѣлю въ Козеницѣ, я отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ пораженъ настроеніемъ публики и двора: казалось, что войны не бывало, никто ужъ не думалъ о тяжкихъ пожертвованіяхъ, ею вынужденныхъ, всѣ искали удовольствій, развлеченій, и говорили болѣе всего о предстоявшихъ торжествахъ коронованія. Дамы выписывали наряды изъ Парижа, а мужья тратили большія, а многіе и послѣднія, деньги, чтобы нанять за огромныя цѣны приличное помѣщеніе и обезпечить себя экипажемъ въ Москвѣ. Къ моему счастью, для свиты были приготовлены квартиры, и приглашеніе къ гофмаршальскому столу обезпечивало совершенно мое матеріальное благосостояніе. Чтобы не платить баснословныхъ цѣнъ извозчикамъ, я купилъ въ Петербургѣ пару лошадей, дрожки и верховую лошадь, нанялъ кучера и такимъ образомъ снаряженный, весело и беззаботно, въ многочисленной компаніи товарищей, отправился въ Москву около 12-го августа.

Черезъ день послѣ моего прибытія въ оживившійся первопрестольный городъ, пріѣхалъ государь, но не въ Кремль, а въ Петровскій дворецъ; высочайшій вѣздъ въ Москву былъ назначенъ на 25-е число, а до того государю предстояло еще восьмидневное уединенное пребываніе въ Останкинѣ, великолѣпномъ подмосковномъ имѣніи графа Шереметева, для обычнаго говѣнія предъ священнымъ коронованіемъ.

Въ день пріѣзда государя вся свита собралась вечеромъ для встрѣчи на парадномъ дворѣ Петровскаго дворца. Кромѣ свиты тамъ съѣхалось много дамъ, въ томъ числѣ В. И. К—на; возлѣ нея стояла какая-то безобразная со старческимъ лицомъ цыганка; видя, что эта старушка обмѣнивалась словами съ В. И., я поспѣшно спросилъ: «qui est cette hideuse sorcière?» (кто эта отвратительная колдунья?)—«C'est ma belle soeur» (это моя невѣстка), отвѣчала мнѣ В. И.

Казалось бы, хорошій урокъ не позволять себѣ никакихъ сравненій, не дѣлать никакой оцѣнки лицамъ мнѣ неизвѣстнымъ, но оказалось, что этого перваго предупрежденія было для меня недостаточно. На слѣдующій день Аванасій Алексѣевичъ Сто-

лыпинъ давалъ балъ; я игралъ въ ералашъ съ В. И. въ одной изъ гостинныхъ и былъ пораженъ видомъ проходящей пожилой женщины: высокой, чрезвычайно блѣдной, въ оригинальномъ шотландскомъ платьѣ; я обратился къ В. И. съ вопросомъ: «qui est cette Lucia di Lamermoor—à l'air si éploré?» (кто эта Lucia ди Ламерморъ—съ такимъ убитымъ видомъ?).

— «C'est ma tante» (это моя тетка), отвѣчала В. И., разразившаяся громкимъ смѣхомъ.

Мой старый знакомый А. А. Вонлярлярскій былъ также въ Москвѣ и жилъ у своей сестры Храповицкой, на Тверскомъ бульварѣ; чтобы вѣрнѣе его застать, я къ нему поѣхалъ рано утромъ и познакомился у него съ Елизаветой Александровной Храповицкою и дочерью ея Марією Владиміровною. Елизавета Ивановна Черткова и сестра ея, А. И. Чернышева-Кругликова, были также въ Москвѣ; я ихъ часто посѣщалъ какъ старыхъ добрыхъ и милыхъ знакомыхъ. Обѣдалъ я очень часто у Е. И. Н***, къ которой чувствовалъ всегда большую симпатію, не смотря на ея репутацію злой женщины. Репутація эта была основана лишь на томъ, что она не церемонилась рѣзко и часто беспощадно выражать свои мнѣнія и была нѣсколько озлоблена тѣмъ, что она сознавала себя не только не красавицей, но даже лишенною той женственной прелести, которую французы такъ мѣтко называли «le charme».

Торжества коронаціи еще не начинались и потому Москва, по многочисленному поселившемуся въ ней петербургскому обществу, потеряла въ моихъ глазахъ свою особенность; лишь по ночамъ, когда мы со многими товарищами оканчивали день въ цыганскомъ таборѣ, Москва вступала для насъ въ свое право первобытности и оригинальности. Кто-то изъ молодыхъ людей предложилъ сдѣлать «rique-rique» въ одной изъ дачъ Петровскаго парка. Е. И. Н*** составила списокъ кому участвовать и кого приглашать; «rique-rique» этотъ чрезвычайно удался и отличался избраннымъ обществомъ; великіе князья и иностранные принцы также пожелали въ немъ участвовать.

Наконецъ, отшельничество государя въ Останкинѣ окончилось, онъ возвратился въ Петровскій дворецъ, а 25-го, утромъ, весь дворъ собрался въ Петровскомъ для параднаго вѣзда государя въ Москву. Я не беру на себя трудной задачи описать въ подроб-

ности торжественности этого дня, но не могу умолчать, что на меня произвели глубокое впечатлѣніе доказательства, на каждомъ шагу представлявшіяся, всеобщей народной любви къ своему государю, скажу болѣе, той неразрывной, можно сказать, религиозной связи, существующей между народомъ и единодержавнымъ властителемъ всея Россіи. Вся гвардія была разставлена шпалерами отъ Петровскаго до Кремлевскаго дворца, полковая музыка играла, колокола всѣхъ сорока сороковъ гудѣли и по всему протяженію нашего торжественнаго шествія дружное «ура» не только войскъ, но сотенъ тысячъ народа ни на минуту не умолкало.

Мой вороной конь, недавно пріѣхавшій изъ Англіи и не имѣвшій понятія о томъ, какъ встрѣчаетъ Москва своего царя, относился недоброжелательно къ вѣрнопопуданническимъ манифестаціямъ, онъ билъ передомъ и задомъ; мои сосѣди сдавленной въ густую массу свиты проеживали его и со страхомъ отъ меня удалялись, а я сталъ серьезно опасаться представить публикѣ, не бывшее въ программѣ, комическое зрѣлище. Къ счастью, меня избѣгали, *le vide s'étant fait autour de moi* (толпа вокругъ меня разступилась), мой конь успокоился и я благополучно прибылъ въ Кремль. Тутъ мы получили приказаніе на другой день прибыть въ Кремлевскій дворецъ въ 7 часовъ утра, и разѣхались по домамъ ¹⁾.

Насталъ, наконецъ, и день коронаванія; въ 7 ч. утра я пріѣхалъ въ Кремль и отправилъ свой экипажъ домой, говоря, что приду домой пѣшкомъ, правильно предвидя невозможность отъехать экипажъ—въ неимовѣрной давкѣ Кремлевскихъ дворовъ и двориковъ, при огромномъ стеченіи народа. Вдовствующая императрица, шедшая въ соборъ впереди государя, съ короною на головѣ, поразила всѣхъ величественнымъ видомъ и граціозностью движеній; государь былъ блѣденъ и чрезвычайно серьезенъ. Тщетно я бы старался дать понятіе тѣмъ, которые не были очевидцами, великолѣпнаго зрѣлища, которое представилось нашему шествію,

¹⁾ Въ этотъ вечеръ всѣ лица, составлявшія свиту государя, получили награды, кромѣ Ал. Иван. Шаховскаго и меня. Ко мнѣ привезъ фельдъегерь только всѣмъ войскамъ въ этотъ день розданную медаль за войну 1853—1856 годовъ. В. Д.

когда государь сталъ спускаться по крыльцу—этого описать невозможно...

Наконецъ, прибыли мы въ Успенскій соборъ, внутреннее пространство котораго, къ сожалѣнiю, далеко не соответствовало требованiямъ церемонiи и многочисленности публики, не смотря на то что въ этотъ день, кромѣ участвовавшихъ въ церемонiи, никто не имѣлъ право входить соборъ. Все шло благополучно своимъ порядкомъ, но, къ несчастью, князьямъ и братьямъ Горчаковымъ суждено было нарушить спокойствiе и торжественность священнодѣйствiя. Кн. Михаилъ Дмитриевичъ Горчаковъ, державшiй государственный мечъ, вдругъ насильно передалъ его возлѣ него стоявшему гр. П. Д. Киселеву, бросился неровными и большими шагами къ выходу и скрылся въ патриаршемъ корридорѣ, куда изъ состраданiя, вскорѣ превратившагося въ ужасъ и оцѣпенѣнiе, послѣдовалъ за нимъ Л. В. Гечевичъ. Въ то время, какъ кн. Михаилъ Дмитриевичъ производилъ эту суматоху на правомъ флангѣ, кн. Петръ Дмитриевичъ Чоргунскiй (Горчаковъ) почувствовалъ себя дурно на лѣвомъ, но не успѣлъ ни выйти, ни предупредить сосѣдей—и съ грохотомъ упалъ въ обморокъ. Его должны были вынести на рукахъ. За исключенiемъ этихъ двухъ непредвидѣнныхъ происшествiй, все прошло благополучно и, по окончанiи духовной церемонiи, шествiе приняло обратное движенiе, но съ тою разницею, что государь шелъ въ коронѣ—со скипетромъ и державою въ рукахъ. По возвращенiи во дворецъ, государь еще выходилъ на наружную галерею дворца и кланялся народу, потрясавшему воздухъ оглушительными криками «ура». Потомъ, по особому церемонiалу, государь съ царскою семьею обѣдалъ въ Грановитой палатѣ, а когда этотъ обѣдъ окончился и государь удалился во внутреннiе покои, свиту позвали обѣдать во Владимiрскую залу; въ 8-мъ часу вечера, когда уже зажигались огни великолѣпной, по всей Москвѣ, иллюминаци, я отправился домой, собираясь отправиться по улицамъ въ экипажѣ, но, пришедъ домой, почувствовалъ такую усталость, что легъ спать и проспалъ до утра.

Московское купечество, кромѣ разныхъ огромныхъ пожертвованiй, которыми оно привыкло ознаменовывать радостныя событiя, просило позволенiя угостить государя и всѣхъ офицеровъ гвардiи обѣдомъ. Государь принялъ это приглашенiе и купечество

приступило къ огромнымъ приготовленіямъ къ обѣду на 3,200 челоѣвъ въ большомъ экзерциргаузѣ. Въ день, назначенный для обѣда, я заблаговременно пріѣхалъ къ экзерциргаузу и всталъ у главнаго входа группу, состоявшую изъ почетныхъ и почтенныхъ лицъ московскаго купчества. Вслѣдъ за мной пріѣхалъ генераль-губернаторъ гр. Арсеній Андреевичъ Закревскій. Завидя купцовъ, онъ подошелъ къ нимъ быстрыми шагами и грозно спросилъ: «Что вы тутъ дѣлаете?»

Одинъ старикъ отвѣчалъ: «собрались встрѣчать государя, в. с.».

— Что?... закричалъ Закревскій, — вы заплатили, ну и убирайтесь вонъ!

Купцы скрылись; я стоялъ какъ громомъ пораженный, не вѣря своимъ ушамъ. Это происшествіе, напоминающее времена Золотой орды, было доведено до свѣдѣнія государя; чтобы загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное выходкою гр. Закревскаго, государь приказалъ на другой день пригласить купцовъ, съ которыми такъ мило обошелся генераль-губернаторъ, во дворецъ къ гофмаршальскому столу и во время обѣда вышелъ къ нимъ во Владимірскую залу, благодарилъ купцовъ за вчерашній обѣдъ и провозгласилъ тостъ за московское купчество! Закревскій (впрочемъ, до времени) оставался генераль-губернаторомъ....

Царскія милости сыпались щедрою рукою, производство генераловъ и по гвардіи было огромное; *Ө. Ө. Бергъ* ¹⁾, *С. П. Сумароковъ* ²⁾ и *Олсуфьевъ* были пожалованы графами. Гр. *А. П. Шуваловъ* получилъ Андреевскую ленту... впрочемъ всѣхъ наградъ, въ то время пожалованныхъ, ни вспомнить, ни пересчитать невозможно. Я никогда не былъ жаденъ на награды, но, признаюсь, не ожидалъ, чтобы меня забыли во время коронаціи. *А. Н. Шаховской* получилъ орденъ за два мѣсяца до коронаціи и не дѣлалъ кампаніи, я-же въ теченіи трехъ лѣтъ и во время военныхъ дѣйствій получившій только золотую саблю, и то только благодаря стараніямъ *Грейга*, считалъ себя въ правѣ ожидать награды наравнѣ съ прочими. Въ то время я еще не былъ придавленъ нуждой, просить не умѣлъ, а потому, чтобы себя

¹⁾ Впослѣдствіи намѣстникъ Царства Польскаго и генераль-фельдмаршалъ.

²⁾ Командующій гвардейскими корпусами.

В. Д.

утѣшить, придумалъ средство, которое мнѣ вполнѣ удалось; вотъ въ чемъ оно состояло...

Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Крыма, до меня дошло свѣдѣніе, что дивизионный штабъ дозволилъ себѣ, не говоря мнѣ ни слова, вычеркнуть изъ сдѣланнаго мною представленія къ наградамъ моего полковаго адъютанта; пріѣхавши въ Петербургъ, я навелъ секретныя справки по этому вопросу въ инспекторскомъ департаментѣ и удостовѣрился, что дѣйствительно штабъ 7-й дивизіи или начальникъ дивизіи пожелали обидѣть моего полковаго адъютанта; вспомнивъ объ этомъ въ Москвѣ, когда я былъ обойденъ наградою, я рѣшился хлопотать за Грейбера, чтобы не ставить его въ положеніе, непріятность котораго я самъ ощущалъ. Я отправился на другой же день къ военному министру и просилъ его исправить ошибку, говоря, что я не допускаю, чтобы это было недоброжелательство со стороны начальника дивизіи къ отличному и мною, его ближайшимъ начальникомъ, удостоиваемому награды офицеру. Генераль Сухозанетъ, къ удивленію моему, принялъ мою просьбу очень благосклонно, но сказалъ мнѣ, что онъ готовъ все сдѣлать, все, что отъ него зависитъ, но только въ томъ случаѣ, когда генераль Лидерсъ подастъ о моемъ желаніи записку. На другой день рано утромъ, я поѣхалъ на Трубу, верстъ за шесть, къ А. Н. Лидерсу, и не расказывался въ томъ, потому что былъ имъ принятъ со свойственною ему любезностью и получилъ отъ него обѣщаніе еще въ тотъ же день послать просимую записку къ военному министру. Три дня спустя, на великолѣпномъ балу у государя, въ Александровской залѣ— Ник. Онуфріевичъ Сухозанетъ объявилъ мнѣ, что государь утвердилъ мое ходатайство, другими словами, что мой полковой адъютантъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами. Я былъ такъ радъ, что совершенно забылъ о своихъ собственныхъ невгодахъ, немедленно купилъ вѣстѣ для подарка Грейберу; а когда я его привезъ ему въ Рославль, оказалось, что представленіе, искаженное въ дивизионномъ штабѣ, еще не выходило и потому Грейберъ, благодаря моимъ стараніямъ, носилъ вѣстѣ уже въ то время, когда его доброжелатели еще и не знали, получаютъ ли они награды, о которыхъ пошло представленіе еще изъ Крыма. Въ полку это дѣло произвело самое

пріятное впечатлѣніе на всѣхъ; офицеры поняли, что я при случаѣ съумѣю похлопотать и настоять на своемъ.

За баломъ, о которомъ я только что упомянулъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ баловъ у графини Морни, у лорда Гранвиля, у кн. Павла Эстергази, потомъ еще у государя... Но я не могъ быть на всѣхъ этихъ балахъ; а именно у князя Эстергази я не былъ по причинѣ, которую другой на моемъ мѣстѣ, вѣроятно, тщательно бы утаилъ. Въ назначенный для этого праздника день, человѣкъ четырнадцать изъ старыхъ, т. е. николаевскихъ, флигель-адъютантовъ согласились дать прощальный обѣдъ гр. Мюлстеру, флигель-адъютанту короля прусскаго, котораго мы давно привыкли считать товарищемъ и который, будучи назначенъ командиромъ «Gardes du Corps» короля прусскаго, долженъ былъ немедленно послѣ московскихъ празднествъ оставить Россію. Заказанный по этому случаю обѣдъ въ Новотроицкомъ трактирѣ оказался превосходнымъ, но отличался сытностью, въ особенности, необыкновеннаго качества жаренымъ поросенкомъ. Возвратившись домой, я хотѣлъ переодѣться, чтобы ѣхать на балъ, но, къ моему удивленію и ужасу, мнѣ не удалось застегнуть мундира—и я отказался ѣхать на балъ.

XIV.

На зимнихъ квартирахъ въ Рославль.

Полковныя дѣла.—Начеть.—Мой образъ жизни въ Рославль.—Неудобства расквартированія полка по деревнямъ.—Положеніе полковыхъ офицеровъ.—Мѣры, предложенныя мною для улучшенія полковаго быта.—хлопоты по приведенію полка въ порядокъ.—Инспекторскій смотръ.—Увольненіе въ отпускъ.

1856—1857.

Какъ шумно и разнообразно ни было время коронаціи, но не могло насъ заставить забыть севастопольскихъ потерь, крымскихъ и дунайскихъ неудачъ, а въ особенности позора Парижскаго мирнаго договора. Присутствіе иностранцевъ, считавшихся за 5 мѣсяцевъ до того врагами, также не способствовало къ веселію. Въ половинѣ сентября 1856 г. оканчивались празднества, указанныя программой, и съѣхавшаяся публика стала по

немногу развѣзжаться. Послѣ шумной свѣтской жизни, мнѣ предстояло поселиться на зиму въ городѣ Рославль и, кромѣ книгъ и полковыхъ занятій, по части развлеченія, довольствоваться обществомъ своихъ офицеровъ, о развитости большинства которыхъ патріотическое и военное чувство не дозволяютъ мнѣ распространяться. Не имѣя возможности видѣть полеъ по случаю его пространнаго расквартированія въ двухъ уѣздахъ: Рославльскомъ и Ельненскомъ Смоленской губерніи, я могъ заниматься только хозяйственною частью, которую я засталъ въ плачевномъ состояніи, благодаря гнусному командованію И—ва и совершенной безпечности и неспособности временно командовавшаго полкомъ добраго и храбраго грузина кн. Э—ва. Кромѣ приведенія полка въ порядокъ по всѣмъ частямъ безъ исключенія, мнѣ предстояло зачислять изъ резервовъ въ ряды полка, кромѣ резервнаго Смоленскаго полка еще разныя резервныя части, распределяемыя между полками 7-й дивизіи по распоряженію начальника дивизіи, большею частью безъ предварительнаго предупрежденія являшіяся во звѣренный мнѣ полкъ часто безъ письменныхъ свѣдѣній, въ дурной одеждѣ и обуви, съ офицерами, дурно атестованными по формулярамъ. Какъ теперь помню, у одного штабсъ-капитана какаго-то резервнаго егерскаго полка, въ графѣ о способности, была слѣдующая незаконная, но замѣчательная аттестация: «кромѣ гнусныхъ вляузъ, ни на что не способенъ». Поступающіе ко мнѣ изъ резервовъ нижніе чины сдавали свое оружіе, о неисправности котораго трудно составить себѣ понятіе, и большею частью, смотря по старшинству поступленія на службу, снабжались разнаго цѣбта билетами, которые обозначали увольненіе въ безсрочный или временный отпускъ или въ отставку. Всѣхъ этихъ нижнихъ чиновъ надо было два раза осматривать и спрашивать, многимъ съ ихъ словъ составлять формулярныя списки и, наконецъ, наиболѣе нуждавшимся выдавать исправныя шинели и сапоги, чтобы имъ дать возможность, хотя бѣдствуя, достигнуть мѣста назначенія. Сколько помнится, всѣхъ уволенныхъ или прошедшихъ такимъ образомъ чрезъ Смоленскій полкъ было болѣе 9,000. Кромѣ того, чрезъ Рославль проходили ежедневно многочисленныя команды отпускныхъ, уволенныхъ изъ всѣхъ полковъ, расквартированныхъ въ западныхъ и польскихъ губерніяхъ; мнѣ было приказано ихъ осматривать и опрашивать;

въ случаѣ несправедливостей или несправности партіонныхъ офицеровъ, ихъ смѣнять и назначать другихъ изъ моихъ офицеровъ болѣе благонадежныхъ и тогда брать на себя отвѣтственность за исправность дальнѣйшаго слѣдованія командъ. По неопытности, мнѣ случилось два раза въ точности исполнить это приказаніе и, вмѣсто благодарности, получить въ послѣдствіи множество неприятностей. Не всѣ нижніе чины приходили съ ружьями, тѣмъ не менѣе, число ружей накопилось огромное; приказано было оставить штатное число на полкъ, сдѣлавъ выборъ изъ числа самыхъ исправныхъ, остальные сдать безъ браку, счетомъ, въ бобруйскій артиллерійскій арсеналь. По наивности, съ которою я постоянно принималъ à la lettre всякое приказаніе, я приказалъ сдѣлать ящики и, уложивъ въ нихъ самые неисправныя ружья, далъ предписаніе одному изъ моихъ офицеровъ, съ инструкціею сдать ихъ въ бобруйскій арсеналь, на точномъ основаніи полученнаго приказанія, т. е. счетомъ, не допуская сортировки и браковки. Это распоряженіе мое, я не знаю какимъ образомъ, сдѣлалось извѣстнымъ командирамъ Могилевскаго полка Вознесенскому и Полоцкаго — О***; эти опытные полковые хозяева пришли въ ужасъ отъ бѣдствій, которыхъ я неминуемо сдѣлаюсь жертвой, и прислали предупредить меня, съ дипломатическими предосторожностями, что де такъ дѣйствовать нельзя, что артиллерійское вѣдомство не посмотритъ на содержаніе циркулярнаго предписанія, въ которомъ сказано: самое неисправное оружіе сдать счетомъ, безъ браковки, а потребуетъ значительной суммы за неисправность, т. е. на исправленіе, и притомъ прибавляли, что де они на такихъ дѣлахъ зубы съѣли и порѣшили заплатить при сдачѣ ружей по 500 руб. сер., говоря:

— «Повѣрьте, не скупитесь, это васъ избавитъ отъ неприятной переписки и уплаты въ послѣдствіи суммы въ четверо или въ пятеро болѣе значительной».

Я благодарилъ моихъ опытныхъ и услужливыхъ товарищей, но не измѣнилъ даннаго предписанія и инструкцію для сдачи въ артиллерійское вѣдомство ружей, оказавшихся сверхъ числа, штатомъ опредѣленнаго, въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку, однимъ словомъ, не измѣнилъ принятому правилу идти прямо, не смотря на расчетъ и благоразуміе, во имя которыхъ добрые сослуживцы расточали мнѣ свои совѣты.

Затѣмъ прошелъ 1857 годъ, я успѣлъ сдать полкъ, жениться, цѣлые 10 мѣсяцевъ пропутешествовать за границу и, по возвращеніи въ Петербургъ въ августѣ 1858 года, получилъ увѣдомленіе, вполне оправдывавшее предусмотрительность, какъ они утверждали — на опытѣ основанную, гг. Вознесенскаго и О***. Увѣдомленіе это заключалось въ интересномъ извѣщеніи инспекторскаго департамента, что на меня вслѣдствіе сдачи въ бобруйскій арсеналъ совершенно негоднаго оружія сдѣланъ начетъ въ 2,500 руб. Положимъ, что злоупотребленіе въ самомъ гнусномъ смыслѣ дѣлалось бобруйскимъ арсеналомъ, но мнѣ не могло не показаться страннымъ, что артиллерійскій департаментъ, а за нимъ и инспекторскій, читая всю переписку по этому дѣлу, нисколько не усомнились тѣмъ обстоятельствомъ, что при совершенно однородныхъ обстоятельствахъ три полка одной дивизіи сдаютъ въ совершенной исправности огромное количество ружей, на которыя не получали артиллерійскаго ремонта, не смотря на дозволеніе сдавать безъ браковки самыя негодныя, и только одинъ, во время командованія имъ флигель-адъютантомъ Его Величества, дозволялъ себѣ сдать ружья въ такомъ отвратительномъ видѣ, что на ихъ исправленіе насчитывается 2,500 руб. Я былъ приведенъ въ яростное негодованіе и немедленно поднялъ шумъ, но врядъ-ли бы военное печальство избавило меня отъ этого нелѣпаго и возмутительнаго начета, если бы мои прежнія отношенія къ генералъ-фельдцейхмейстеру, не дали мнѣ возможности изложить все это дѣло ему съ полною откровенностью. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя меня увѣдомили, что такой-то начетъ артиллерійскаго арсенала приказано сложить и меня отъ всякой отвѣтственности освободить. Этотъ примѣръ торжества правды меня чрезвычайно обрадовалъ, не говоря уже о томъ, что пожертвовать почти годовымъ содержаніемъ, при далеко не блестящихъ обстоятельствахъ, было для меня не только неприятно, но положительно тяжело. При первой затѣмъ встрѣчѣ въ Варшавѣ съ г. Вознесенскимъ я ему разсказалъ все это дѣло — и не могъ не сказать: «видите, опытиѣ-то оказался я, не потерявшій вѣру въ справедливость; а за 500 р. можно купить въ Варшавѣ хорошенькую коляску — жаль, что вы ихъ Богъ знаетъ зачѣмъ подарили бобруйскому арсеналу.»

Возвращаясь къ осени 1856 года, я могу сказать, что я съ удовольствіемъ вспоминаю мой строгій и уединенный образъ

жизни того времени. Цѣлое утро посвящалось дѣламъ полка, кромѣ часа, въ который я ѣздилъ верхомъ на усиленныхъ аллюрахъ; обѣдать ко мнѣ собирались ежедневно: полковой священникъ, полковой и баталіонный лекари, казначей, адъютантъ, квартирмейстеръ, жалонерный офицеръ и командиръ 3-го баталіона, квартира котораго была неразлучна съ штабъ-квартирою полка. Послѣ обѣда съ однимъ изъ офицеровъ я ѣздилъ гулять по унылымъ окрестностямъ города Рославля, чтобы не дѣлать уступокъ назойливымъ требованіямъ дремоты, а по вечерамъ я съ особеннымъ удовольствіемъ, въ совершенномъ одиночествѣ и полнѣйшей тишинѣ, предавался съ любовью чтенію, въ которомъ недостатка никогда не было, по исправности, съ которою мнѣ доставлялись изъ Петербурга всевозможные книги и журналы.

Кромѣ полковаго штаба въ Рославлѣ помѣщался еще штабъ 1-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи. Бригаднымъ генераломъ былъ въ то время храбрый офицеръ изъ виленскихъ татаръ, Бялый; онъ служилъ въ молодыхъ чинахъ въ гвардіи въ Литовскомъ полку и пользовался особыми милостями великаго князя Михаила Павловича за примѣрную маршировку, безукоризненную салютовку и прочія достоинства, признаваемые лишь той эпохою, о которой теперь нельзя говорить подробно, чтобы не навлечь на себя нареканій въ преувеличеніи или просто въ умысленной и злостной лжи. Бялый былъ одаренъ хорошимъ аппетитомъ и выпить былъ не дуракъ, а потому любилъ у меня обѣдать, и чтобы имѣть хотя нѣкоторую практику на французскомъ діалектѣ, я приглашалъ иногда къ себѣ обѣдать М-ше Lefèvre, старую французенку-гувернантку, жившую у инженера путей сообщенія Б—ва, съ которымъ я не желалъ имѣть никакихъ сношеній... хотя былъ знакомъ съ подчиненнымъ ему штабсъ-капитаномъ ф. Мекъ. Это послѣднее знакомство сдѣлалось нечаянно, благодаря моему полковому адъютанту Грейберу. Фонъ-Мекъ былъ специально образованный офицеръ и хорошій человѣкъ, такъ что меня несколько не удивило, когда онъ въ послѣдствіи, благодаря постройкамъ желѣзныхъ дорогъ, составилъ себѣ огромное состояніе. Въ то время у него уже были деньги и я съ благодарностью вспоминаю, что онъ очень обязательно далъ мнѣ займы 2,000 р., когда послѣ всѣхъ расчетовъ мой преемникъ, полковникъ Реми, потребовалъ съ меня эту сумму,

и на мой вопросъ — «помилуйте, за что? — на все недостающее вы уже удовлетворены, неисправности, бывшія въ полку, съ большими расходами приведены въ порядокъ — за что же эти 2,000 руб.?»

На всѣ эти наивные вопросы, г. Реми отвѣчалъ мнѣ, насколько не смущаясь: «конечно, вы правы — мнѣ ничего, казалось бы, не слѣдуетъ, но все таки примите въ соображеніе, что я принимаю полкъ, а вы его сдаете... кромѣ того, я, по приглашенію корпуснаго командира, приѣхалъ принять полкъ не сдавая своего резервнаго батальона, чтобы васъ не задержать, такъ какъ вы слѣшите уѣхать за границу, а полку предстоитъ передвиженіе, которое не обойдется безъ затратъ для полковаго командира»....

Резоны г. Реми показались мнѣ убѣдительными; благодаря Меу, я ему заплатилъ 2000 рублей, которыхъ у меня на лицо не было, и тогда только понялъ, почему только не многіе любятъ принимать полки въ хорошемъ состояніи. Но я опять увлекся разговоромъ, а потому долженъ возвратиться къ осени 1856 года.

По возвращеніи моемъ изъ Москвы — квартирмейстеръ представилъ мнѣ счеты за время слѣдованія полка изъ Крыма въ Рославль и экономію отъ справочныхъ цѣнъ на фуражъ въ 3,500 руб. сер. На эти деньги я немедленно выписалъ изъ Варшавы полный хоръ инструментовъ, а изъ Петербурга все необходимое для устройства отличной оружейной мастерской и нанялъ оружейнаго мастера изъ нѣмцевъ. Чтобы дать возможность офицерамъ приобретать спеціально военныя познанія, я выписалъ цѣлое собраніе сочиненій по разнымъ отраслямъ военныхъ наукъ и въ двухъ экземплярахъ всѣ необходимыя руководства для офицеровъ, приготовляющихся поступить въ военную академію. Тихій и скромный образъ жизни давалъ мнѣ полную возможность вполне оцѣнить настоящее состояніе нашихъ войскъ, разумѣется, судя по одному Смоленскому пѣхотному полку. Чѣмъ болѣе я вникалъ во всѣ подробности, чѣмъ болѣе я прискивалъ средства къ улучшеніямъ или къ устраненію разнаго рода золь, тѣмъ болѣе меня поражала громадность недостатковъ и необходимыхъ средствъ для достиженія желаемаго.

Въ голодной губерніи, — а Смоленская имѣетъ довазанное право на это прилагательное, — мои три батальона были расквартированы очень широко, по 5 и 6 дворовъ на человѣка, такъ что въ случаѣ

приказанія немедленно собрать полкъ, при чудесахъ энергій и расторопности, для этого потребовалось бы трое сутокъ; при такой дислокаціи, рассчитанной для лучшаго продовольствія солдатъ, ограниченныхъ приваркомъ несчастныхъ сельскихъ жителей, питающихся всегда дурнымъ, а съ первыхъ чиселъ декабря, когда у нихъ истощаются ихъ жалкіе запасы капусты, свеклы, картофеля и коноплянаго сѣмени, однимъ дурнымъ хлѣбомъ, солдатъ перестаетъ быть солдатомъ; онъ предоставленъ себѣ и волѣ Божіей—не говоря уже о дурныхъ наклонностяхъ, развитію которыхъ дается большой просторъ по милости полнаго бездѣйствія и совершеннаго отсутствія не только необходимаго нравственнаго вліянія, но самаго простаго надзора ¹⁾). Распространеніе грамотности дѣлается немислимымъ, потому что собирая школы при ротныхъ дворахъ, батальонныхъ и полковыхъ штабахъ, сейчасъ возникаетъ вопросъ о продовольствіи, который можетъ быть разрѣшенъ весьма легко, но посредствомъ недостающаго рычага-денегъ. Офицеровъ обыкновенно стараются соединять при ротныхъ дворахъ или батальонныхъ и полковыхъ штабахъ, но это рѣдко удается, потому что для этого необходимы исключительно благоприятныя условія; во всемъ расположеніи моего полка—одинъ только ротный дворъ 3-й роты былъ прекрасно помѣщенъ въ господскомъ домѣ В. А. Кочубей ²⁾), которая благосклонно разрѣшила офицерамъ, по моей просьбѣ, занять ея усадьбу; въ маленькихъ городахъ бѣдные жители—безпрестанно и не безъ основанія приносятъ жалобы на дѣйствительно тягостную для нихъ квартирную повинность и потому, при всемъ желаніи полковаго командира имѣть вліяніе на офицеровъ, дѣйствовать на ихъ образъ жизни и мыслей, дѣлается также невозможнымъ; они по неволѣ живутъ въ деревняхъ, часто въ курныхъ грязныхъ избахъ, кое-какъ отдѣленные отъ семьи несчастнаго крестьянина. Въ Рославльскомъ уѣздѣ нѣтъ вовсе большихъ селъ, а

¹⁾ Едва-ли надо говорить, что все здѣсь написанное совершенно измѣнилось къ лучшему въ послѣднюю четверть вѣка вслѣдствіе тѣхъ преобразованій, какиміъ подверглась армія во всѣхъ сторонахъ своего устройства и быта; рассказъ сенатора В. И. Дена сохраняетъ за собою только историческій интересъ по отношенію къ безвозвратному прошедшему. Ред.

²⁾ Рожденная гр-ня Куселева-Вазбородко.

самыя названія многихъ изъ нихъ даютъ вѣрное понятіе о положеніи ихъ жителей,—такъ я помню маленькія несчастныя деревни подъ названіемъ: Голодаевка, Бѣдствелка, Костогрызовка и т. п.

Въ мое время прапорщикъ получалъ 15 р. сер. въ мѣсяцъ содержанія; почти всѣ офицеры Смоленскаго пѣхотнаго полка происходили изъ мелкой шляхты западныхъ губерній и не имѣли никакого состоянія, кромѣ весьма не многихъ; образованіемъ большею частью похвастать не могли и потому переносили съ большимъ геройствомъ свое грустное положеніе, чѣмъ молодые люди, привыкшіе къ лучшей обстановкѣ, образованные и внезапно лишенные всѣхъ средствъ быть въ обществѣ и получать книги. Мнѣ случалось видѣть, какъ прекрасно воспитанные молодые люди предавались отчаянію и дѣлались пьяницами; я старался ихъ поднять морально, занимать, раுவлекать, но ни одного не удалось спасти отъ овладѣвшей ими гнусной страсти. Число совершенно безполезныхъ офицеровъ, поведенія не приличнаго ихъ званію, было такъ значительно, что я вынужденъ былъ удалить 28 человекъ изъ полка; одного изъ нихъ, поляка, варшавскаго уроженца, Бер — го, я долженъ былъ приказать поднять пьянаго до безчувственности на базарной площади города Рославля и отправить на гауптвахту. Чтобы хотя разъ въ годъ видѣть роту въ полномъ составѣ, я приводилъ каждую роту поочередно въ городъ Рославль на три недѣли и, такимъ образомъ, получалъ возможность приводить въ исправность оружіе, аммуницію, обмундировку, но, увы, часто случалось задерживать роту долѣе трехъ недѣль, а въ концѣ года оказывалось, что двѣ или три роты вовсе не были при полковомъ штабѣ и потому являлись къ полковому сбору еще въ худшемъ противъ прочихъ видѣ.

Въ концѣ декабря, желая повидаться съ батюшкою, я просилъ отпуска въ С.-Петербургъ, и взялъ съ собою два проекта; мнѣ казалось, что предлагаемое мной такъ очевидно полезно, что съ радостью ухватятся за мои предложенія; вышло совсѣмъ иначе, мнѣ отказали и только 12 лѣтъ спустя, я не знаю по чьей инициативѣ, мои мысли приведены отчасти въ исполненіе. Въ одной запискѣ, поданной мной въ комитетъ военныхъ улучшеній, я доказалъ пользу и даже необходимость для линейной пѣхоты быть обученой саперному дѣлу, а для практики предлагалъ, по сношенію съ земствомъ, заняться исправленіемъ дорогъ и мѣстовъ

для установленія надежнаго сообщенія между разбросанными частями моего полка; въ другой я доказывалъ бесполезность храненія при ротахъ 11-ти-дневнаго провіанта, поясняя, что, при внезапномъ полученіи приказанія выступить, я могу во всякое время въ Рославль заготовить сухари, пока пользъ будетъ собираться и, отправивъ впередъ хлѣбноевъ, всегда буду имѣть время и возможность вполне обезпечить продовольствіе полка. Что храня провіантъ на ротныхъ полуфургахъ и требуя постоянной доброкачественности сухарей, я долженъ допустить злоупотребленіе, а именно согласиться на неполную выдачу пайка и безъ того нуждающимся жителямъ и въ заключеніе давая право ротному командиру, для необходимаго освѣженія сухарнаго запаса, удерживать часть пайка — мнѣ положительно невозможно контролировать дѣйствія ротнаго командира, т. е. удостовѣряться, не уменьшенъ-ли имъ выданный крестьянину паекъ болѣе, чѣмъ это было крайне необходимо для освѣженія сухарнаго запаса.

Первое изъ этихъ предложеній теперь (1872 г.) принято безъ его практической стороны, другое принято въ половину, т. е. сухарный запасъ уменьшенъ, кажется, на половину, а все-таки потрачиваемый провіантъ на освѣженіе сухарнаго запаса безъ пользы пропадаетъ, а дурному ротному командиру предоставленъ еще болѣе просторъ для злоупотребленій, ускользающихъ отъ возможнаго контроля даже бдительнаго и строгаго начальства. Равнодушіе, съ которымъ были приняты мои предложенія въ Петербургѣ, меня болѣе удивило, чѣмъ огорчило; я возбуждалъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ было, по моему убѣжденію, и легко и просто; другихъ вопросовъ я не касался, сознавая невозможность достигнуть хотя и необходимаго результата, какъ-то: прекращенія нищенскаго способа продовольствовать армію, можно сказать, подаваніемъ жителей, о пользѣ казарменнаго расквартированія, объ увеличеніи количества товара для обуви и т. п. Все это было мной брошено и, пользуясь особенно любезнымъ ко мнѣ расположеніемъ въ обширномъ кругу моихъ знакомыхъ (въ то время я еще любилъ общество), я предался совершенно свѣтскимъ увеселеніямъ, такъ что мнѣ даже рѣдко удавалось обѣдать съ отцемъ. Когда изрѣдка я чувствовалъ, что во мнѣ еще таится честолюбіе, я вспоминалъ обѣщаніе кн. А. И. Барятинскаго дать

мнѣ полкъ на Кавказѣ, что же касается моего Смоленскаго полка, то я уже рѣшился его оставить при первой возможности, подъ какимъ либо предлогомъ. Оказалось, однако, что третьей попыткѣ моей принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ; кн. Барятинскій, которому я не оставилъ никакой записки о своемъ желаніи перейти на Кавказъ, уѣхалъ, а просить или, правильнѣе, упрашивать и ходатайствовать чрезъ доброжелателей, мнѣ было не по вкусу и не по характеру, итакъ, просрочивъ нѣсколько недѣль, я скрѣпя сердце отправился въ февралѣ обратно въ городъ Рославль, и не безъ какого-то успокоительнаго удовлетворенія принялся попрежнему за книги и полковыя занятія.

Наконецъ, наступила весна, а съ ней и усиленныя заботы для приведенія полка дѣйствительно въ порядокъ; ружья почти всѣ уже были приведены въ исправность, но многія поступали въ починку по невозможности внушить солдатамъ обходиться бережно съ оружіемъ. Весь полкъ былъ вновь обмундированъ, обозъ былъ въ порядкѣ, всѣ лошади куплены молодыя, хорошія—однимъ словомъ, я бы совершенно спокойно ожидалъ предстоявшихъ смотровъ, если бы не встрѣчалъ полнѣйшей апатіи въ своимъ обязанностямъ между офицерами. Въ особенности молодые субалтернъ-офицеры удивляли меня своимъ равнодушіемъ, когда я имъ ежедневно доказывалъ не только, что они не знаютъ устава, но что они и не дѣлаютъ ничего, чтобы съ нимъ познакомиться. Мнѣ не хотѣлось оставлять полка до представленія его корпусному командиру, инспекторскій смотръ котораго уже былъ назначенъ въ первыхъ числахъ іюля. Наконецъ, пріѣхали мои старые знакомые, бар. Карлъ Егоровичъ Врангель, командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса и его начальникъ штаба, Владимиръ Саввичъ Семека.

Я не стану описывать смотровъ и ученій; почтенный и добрый бар. Врангель мало зналъ пѣхотную службу, но зато съ любовью осматривалъ обозъ и съ похвалою отзывался о лошадяхъ, и въ особенности остался доволенъ ковкою моихъ лошадей, на которую дѣйствительно обращено было вниманіе; кузнецы мои были мастера своего дѣла; кромѣ того, я привезъ изъ Петербурга англійскіе образцы подковъ и запасъ гвоздей изъ мягкаго и тагучаго желѣза. Но не могу не упомя-

нуть одной особенноти, которой, вѣроятно, никому не случилось видѣть при инспекторскомъ смотрѣ какой-либо части войскъ; дѣло въ томъ, что когда полкъ выстроился для смотра, три офицера изъ вновь зачисленныхъ изъ резервовъ были поставлены мной въ 20-ти шагахъ отъ праваго фланга музыкантовъ для подачи жалобъ корпусному командиру. Всѣ эти жалобы заключались въ томъ, что я объявилъ этимъ господамъ, что они въ Смоленскомъ полку, по своимъ весьма предосудительнымъ аттестаціямъ, служить не могутъ. Одинъ изъ нихъ приходилъ ко мнѣ объясняться и на мой рѣшительный отказъ считать его офицеромъ полка, котораго я гордился быть командиромъ, сказалъ мнѣ: «помилуйте, г. полковникъ, я не имѣю состоянія, если я оставляю службу—мнѣ придется умирать съ голоду».

Я ему на это отвѣчалъ: «если вы не можете съискывать себѣ пропитаніе трудомъ, то вы этимъ доказываете, что и служба не можетъ ожидать отъ васъ пользы, а потому умирайте; а въ Смоленскомъ полку для васъ мѣста нѣтъ».

Вслѣдствіе этого разговора, въ рапортѣ, поданномъ генералу Врангелю, офицеръ этотъ, къ сожалѣнію, я забылъ его фамилію, жаловался сначала на несправедливую аттестацію командира резервнаго полка, въ которомъ служилъ, и добавлялъ: «а на всѣ мои объясненія и просьбы оставить меня въ Смоленскомъ полку флигель-адъютантъ Денъ предложилъ мнѣ смерть».

Все это ужасно бы поразило корпуснаго командира, если бы онъ не былъ мной предупрежденъ, что я общалъ тремъ офицерамъ, которымъ я не считаю себя въ правѣ назначить мѣста въ рядахъ Смоленскаго полка, но долгомъ считаю доставить возможность законнымъ порядкомъ подать на меня жалобу, поставить ихъ на правомъ флангѣ полка, когда полкъ будетъ выстроенъ для инспекторскаго смотра.

По отъѣздѣ барона Врангеля, я получилъ письмо отъ своего хорошаго пріятеля А. Д. Герштенцевейга¹⁾. Этотъ старшій и добрый товарищъ увѣдомлялъ меня, что онъ съ удивленіемъ получилъ прошеніе мое объ увольненіи меня въ 10-ти мѣсячный отпускъ, уговаривалъ меня взять вазадъ прошеніе, говоря, что

¹⁾ Въ то время былъ помощникомъ дежурнаго генерала главнаго штаба е. в., генерала Катенина. В. Д.

онъ имѣеть особыя причины давать мнѣ этотъ совѣтъ. Я отъ души благодарилъ А. Д. Герштенцвейга за его дружеское ко мнѣ расположеніе, но просилъ дать ходъ моему прошенію, говоря, что я не вижу цѣли командованія полкомъ въ мирное время. 10 дней спустя я получилъ высочайшій приказъ объ увольненіи меня, по болѣзни, въ 10-ти мѣсячный заграничный отпускъ, и второе письмо Герштенцвейга, въ которомъ онъ порицалъ мое упорство и выражалъ сожалѣніе, говоря: «Ты уже былъ предназначенъ для командованія л.-гв. Стрѣлковымъ баталіономъ е. в.» и прибавлялъ: «во избѣжаніе непріятностей, совѣтую тебѣ, до отъѣзда за границу, не показываться на глаза государю».

Полкъ выступалъ въ Варшаву; къ счастью, г. Реми, назначенный на мое мѣсто, прибылъ въ Рославль за два дня до выступленія полка, я ему немедленно сдалъ полкъ и послѣ проводовъ, доказавшихъ, что я, впрочемъ, съ гордостью сознавалъ и прежде, а именно, что я заслужилъ уваженіе всѣхъ и даже расположеніе многихъ офицеровъ, а солдаты, съ которыми я разставался съ особенно горестнымъ чувствомъ, неоднократно наивно, хотя трусливо, но своеобразно выказывали свое сожалѣніе, когда я по обыкновенію ежедневно объѣзжалъ большіе сараи, въ которыхъ они были расположены по-ротно. Послѣдняя ате-стація солдатскаго сердца, инстинктивно оцѣнившаго мое искреннее расположеніе и любовь къ солдату, была единственною, но прекрасною наградою за время моего командованія въ теченіи одного года и 8 мѣсяцевъ Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

7-го іюля, послѣ полковаго обѣда, я заѣхалъ въ полковую церковь, гдѣ отъ всей души помолившись Богу, что сподобилъ меня благополучно прокомандовать полкомъ и сдать его безъ особенныхъ затрудненій и непріятностей, а спѣшилъ уѣхать въ Вонярово....

В. И. Денъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Полковникъ Савошинскій

1854 г.

Въ «Русской Старинѣ» над. 1890 г., томъ LXXV, книга мартъ, на стр. 678 В. И. Денъ въ своихъ интересныхъ запискахъ свидѣтельствуеть о доблестномъ поведеніи полковъ Селенгинскаго и Якутскаго въ сраженіи подъ Инкерманомъ и, между прочимъ, упоминаеть фамилію командира Селенгинскаго полка, полковника Лавошинскаго.

Въ то время командовалъ полкомъ мой дѣдъ, фамилія котораго была не Лавошинскій, а Савошинскій.

За крымскую кампанію онъ былъ награжденъ чиномъ генераль-маіора, орденомъ Св. Георгія 3-й степени и брилліантовымъ оружіемъ. Скончался 11-го марта 1870 г., въ г. Керчь, въ чинѣ генераль-лейтенанта и въ должности коменданта Керченской крѣпости. Тамъ онъ и погребень.

Мих. Гончаровъ,

подпоручикъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка.

г. Варшава. 23 апрѣля 1890 г.

Исправительная мѣра

до 19-го февраля 1861 г.

«Собственнаго моего человѣка кучера Игната наказать при стрѣлковомъ баталіонѣ розгами сто ударами,—за развратное повѣденіе и пьянство, въ присутствіи Жандарма и потомъ прислать ихъ обѣихъ за карауломъ обратно ко мнѣ. Генераль-Адъютантъ Лидерсъ.

«Одесса 1-го Сентября» (1859 г.).

«Г-ну Дѣжурному по баталіону».

Примѣчаніе. Этимъ дежурнымъ былъ юнкеръ 13-го стрѣлковаго баталіона, Николай Петровичъ Озеровъ, который исполнилъ распоряженіе помѣщика Лидерса, и, сохранивъ его автографъ, передалъ въ 1864 г. въ наше собраніе писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей.

В.

*
* *

Меня бранять, когда жалю
 Я причиняющихъ печаль
 Миѣ безсердечностью своею;
 Меня бранять, когда мнѣ жаль
 Того, кто въ слабости невольной
 Иль въ заблужденѣ согрѣшить.

Хоть и обидно миѣ, и больно,—
 Но пусть никто не говорить,
 Что сѣмя доброе бессильно
 Взойти добромъ; что только зло
 На нивѣ жатвою обильной
 Намъ въ назиданіе возшло.

Больнѣй внимать такимъ сужденьямъ,
 Чѣмъ грусть и скорбь сносить отъ тѣхъ,
 Кому мгновеннымъ увлеченьемъ
 Случится впасть въ ничтожный грѣхъ,

Не всё-ли виновны мы во многомъ,
 Не всё-ли братья о Христѣ?
 Не всё-ли грѣшны передъ Богомъ,
 За насъ распятымъ на крестѣ?

С.-Петербургъ.
 мая 1888.

Сирень.

Сирень распустилась у двери твоей
 И лиловыми манить кистями:
 О выйди! Опять любоваться мы ей
 Восхищенными будемъ глазами.

Смотри: гнутся вѣтви всё въ пышномъ цвѣту, —
 Какъ обильны онѣ и пушаты!
 Не долго глядѣть намъ на ихъ красоту
 И вдыхать этотъ запахъ душистый.

Весна промелькнетъ словно шаткая тѣнь,
 Какъ во снѣ пронесется крылатомъ.
 Скорѣй! Наглядимся-жь на эту сирень
 И уьемся ея ароматомъ.

Красное село.
 6 іюня 1888.

К. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1855 г. ¹⁾.

Февраль (продолженіе). 23. Въ болѣзни нѣсколько разъ навѣщаль меня министръ. Не смотря на то, что я ему, какъ онъ говоритъ, очень нуженъ, онъ совѣтуетъ мнѣ не спѣшить ни работою, ни выѣздами. Да я еще и не чувствую себя способнымъ къ дѣятельности.

Меня многіе навѣщали и навѣщаютъ. Разумѣется, теперь всѣ умы и языки двигаются около одного — около смерти Николая. Пропастъ слышишь толковъ о прошедшемъ и еще больше о будущемъ: одни нелѣпѣ другихъ.

24. Болѣзнь моя можетъ повредить моимъ отношеніямъ съ министромъ. Впрочемъ, я давно уже не питаю никакой увѣренности въ томъ, что моя дѣятельность нужна и полезна обществу.

27. Медленно возстановляются мои силы.

Сегодня церемонія похоронъ: тѣло переносится въ Петропавловскій соборъ. На улицѣ тишина, почти никого не видно. Всѣ столпились теперь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ слѣдовать процессія. Вотъ начался похоронный благовѣстъ въ церквахъ: теперь половина двѣнадцатаго часа.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; нояб., стр. 267—310; дек., стр. 549—582; изд. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323 — 334; декабрь, стр. 727 — 758; изд. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35 — 53; февраль, стр. 371 — 406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 271—296.

Какой урокъ человѣческому высокому!рїю!

28. Безъ рѣшительной готовности мужественно встрѣтить всякую случайность судьбы и жизни, нѣтъ независимости дѣйствій: человѣкъ вѣчно будетъ колебаться, какъ ладья среди зыби волнъ морскихъ.

При разрѣшеніи и изложеніи вопросовъ государственныхъ надо заботиться о двухъ вещахъ: во-первыхъ, отрывать въ глубинѣ задачи ея необходимое основаніе; во-вторыхъ, обнимать задачу со всѣхъ сторонъ, всегда имѣя въ виду то, чѣмъ могутъ поколебать ее или возразить противъ нея. Такимъ образомъ дѣло получаетъ твердую опору и заранѣе готово выдержать натискъ разныхъ случайностей.

Мартъ. 3. Сегодня въ первый разъ выѣхалъ къ министру поутру въ десять часовъ. Онъ очень обрадовался, сказалъ, что меня ожидаетъ много дѣла и что ему о многомъ надо со мною говорить. Сегодня онъ назначенъ дежурнымъ у гроба покойнаго Императора, слѣдовательно цѣлый день проведетъ въ хлопотахъ и внѣ дома. Просилъ меня завтра обѣдать или къ семи часамъ послѣ обѣда. Я засталъ у него Гаевского и Берте.

По временамъ, особенно вотъ въ эти дни послѣ болѣзни, у меня накопляется пропасть всякаго сора въ душѣ. Уныніе, всякаго рода колебанія, недовѣріе къ себѣ, къ людямъ и ко всему, чувство крайняго недовольства собою, по поводу разныхъ ошибокъ и недоразумѣній, а иногда и безъ всякаго повода; опасенія разнаго рода—цѣлое болото съ грязью и насѣкомыми—словомъ, нелѣпо и гадко! Физическія-ли тому причины или чисто нравственныя?

4. Похороны Государя Николая Павловича. Вечеромъ былъ у министра. Получилъ отъ него для просмотра отчетъ, съ просьбой написать къ нему заключеніе.

13. Занимался проектомъ инструкціи цензорамъ.

Надо, чтобы эта продолжительная болѣзнь моя послужила въ пользу экономіи моего духа. Должно обращать все къ своему усовершенствованію, и чѣмъ серьезнѣе случайность, съ которою мы встрѣчаемся, тѣмъ рѣшительнѣе должны быть ея послѣдствія.

Я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ на счетъ моихъ отношеній съ министромъ. Есть что-то, что погнуло этого вѣчно колеблющагося и колеблемаго человѣка въ сторону, противную

миѣ. Конечно, еще мало, но уже ощутительно для меня. Видно, канцелярія одолеваетъ разумъ. Придется имѣть объясненіе.

16. Человѣкъ въ болѣзни дѣлается ужаснымъ подлецомъ. Иногда онъ готовъ мужественно бороться съ природою, иногда пресмыкается передъ нею, готовый вымалывать у нея минуту облегченія. Большею частью онъ чувствуетъ себя приниженнымъ передъ этимъ страшнымъ могуществомъ, которое обращается съ нимъ, какъ со всякою земною грязью, безъ малѣйшаго уваженія къ его духовнымъ и нравственнымъ преимуществамъ.

— Господствующій порокъ людей нашего времени: казаться, а не быть. Все и во всемъ ложь: ложь въ сапогѣ, который жметъ ногу, вмѣсто того, чтобы служить ей обувию; ложь въ шляпѣ, которая не защищаетъ головы отъ холода; ложь въ кургузомъ, нелѣпномъ фракѣ, который покрываетъ задъ и оставляетъ открытымъ передъ; ложь въ привѣтной улыбкѣ, въ умѣ, который обманываетъ и обманывается, въ язвѣ, который употребляется, по выраженію Талейрана, для того, чтобы скрывать свои мысли; ложь въ образованіи наружномъ, поверхностномъ, безъ глубины, безъ силы, безъ истины—ложь, ложь и ложь, безконечная цѣпь лжей. И всего удивительнѣе въ этомъ порядкѣ вещей то, что онъ есть ложь и въ то же время порядокъ. Толкуйте тутъ о необходимости истины, когда безъ нея такъ хорошо и съ такою пользою для себя можно обходиться.

Но, не смотря на такія очевидныя преимущества лжи, я никакъ не могу побѣдить въ себѣ глубокаго отвращенія къ ней.

— Есть люди великіе величіемъ своего положенія или судьбы, а не величіемъ своего генія и характера. Это значить они предъявляютъ міру обязательство безъ исполненія. Такіе люди всю жизнь свою пародируютъ великихъ людей, бросаютъ современникамъ пыль въ глаза, а потомству даютъ уроки ничтожества человѣческаго.

17. Пора приняться серьезно за дѣла. Сегодня ровно два мѣсяца, какъ я пріѣхалъ изъ Москвы и началъ хворать.

20. Былъ по утру у министра. Говорили о дѣлахъ. Онъ сказалъ, что меня ожидаютъ нѣсколько важныхъ дѣлъ. Я представилъ ему, что, прежде всего, надо заняться ценсурою, ибо можетъ случиться, что Государь самъ объ этомъ вспомнить, такъ чтобы у насъ все было готово. Авраамъ Сергѣевичъ съ жаромъ

ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціею ценсорамъ. Итакъ надо всего себя погрузить въ это дѣло. Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры сѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и съ пьяницами. Но инструкція дѣло не легкое.

Вчера обѣдалъ у Струговщикова, а по утру былъ у меня Ребиндеръ, на-дняхъ пріѣхавшій изъ Кяхты, гдѣ онъ былъ около четырехъ лѣтъ градоначальникомъ. Радостно обналъ я этого благороднаго человѣка. Онъ не только не началъ гнить душою, а сдѣлался, напротивъ, еще лучше. Ребиндеръ пріѣхалъ сюда по дѣламъ китайской торговли и привезъ много свѣтлыхъ идей вообще о сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ. Послушаютъ-ли его?

27. Свѣтлое Воскресеніе. Привычки нарушаются. Вотъ праздникъ, который я любилъ встрѣчать въ церкви, подъ вліяніемъ идей, возбуждаемыхъ высокою религіозною мистеріею. Теперь я сижу дома. Причиной всему грязь, дождь и все еще плохое состояніе здоровья. Куда дѣвалась поэзія этой ночи! Такъ мало по малу исчезаетъ все, что радостно настраиваетъ душу и жизнь, роняетъ на пути украшенія, которыя придавали ей, можетъ быть, суетный, но свѣтлый и праздничный видъ.

Вотъ и торжественный благовѣстъ! Невольно приходитъ на умъ Фаустъ, слушающій пѣснь ангеловъ, славословящихъ день воскресенія! Думы за думами плывутъ и гонятъ сонъ. То грустно, то смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли задать себѣ задачу съ первыхъ дней юности сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ, работать надъ всяческимъ усовершенствованіемъ своимъ: и вотъ цѣлая жизнь сдѣлалась выраженіемъ этого покушенія, въ жертву которому принесено такъ много спокойствія, столько внѣшнихъ благъ и простыхъ, скромныхъ, но настоящихъ добродѣтелей.

31. Великій князь Константинъ Николаевичъ, желая сколько возможно усовершенствовать учебныя заведенія морскаго вѣдомства, отнесся къ нашему министру съ просьбой, чтобы назначили нѣсколько надежныхъ лицъ изъ министерства народнаго просвѣщенія для осмотра этихъ заведеній. Великій князь желаетъ воспользоваться ихъ замѣчаніями. Они должны вывнуть во всѣ подробности, для чего имъ будутъ присланы отчеты, программы и проч. Между прочимъ, назначенъ и я.

Мысль оригинальная и умная. Назначены еще: Давыдовъ, Ленцъ, Постельсъ, Сомовъ, Вышнеградскій.

Апрѣль. 3. Авраамъ Сергѣевичъ вдругъ заспѣшилъ съ проектомъ ценсурной инструкціи, а дѣло такое, что его и въ мѣсяцъ усидчивой работы не сдѣлаешь. А я началъ еще недавно. Впрочемъ, сегодня я прочелъ ему уже все сдѣланное—около половины цѣлаго. Пришелъ въ восторгъ, обнималъ. «Я многого ожидалъ отъ васъ», сказалъ онъ,—«но это превзошло мои ожиданія». Отлично, подумалъ я, но прочно-ли?

Положено представить Государю сначала какъ бы вступительную записку о ценсурѣ и о необходимости дать ей болѣе разумное направленіе, а затѣмъ и инструкцію.

— «Одна только бѣда», замѣтилъ Авраамъ Сергѣевичъ,— «что нынѣшніе цензора не въ состояніи будутъ слѣдовать правиламъ, которыя вы имъ предлагаете».

— «Неужели-же», отвѣчалъ я,— «вы думаете ихъ оставить на службѣ? Съ ними, конечно, ничего не пойдетъ. Но если улучшать ценсуру, то необходимо и отставить нынѣшнихъ ценсоровъ, по совершенной ихъ неспособности, и замѣнить ихъ лучшими людьми. На эти мѣста болѣе, чѣмъ на другія, необходимо сажать умныхъ людей. Надо рѣшительно принять за правило, что неимѣющій какой нибудь, хотя кандидатской степени, не можетъ быть ценсоромъ».

Рѣшено: какъ скоро Государь утвердитъ инструкцію, отставить нынѣшнихъ ценсоровъ и опредѣлить новыхъ. Въ этомъ случаѣ я позволяю себѣ дѣйствовать на пользу общую со вредомъ для нѣкоторыхъ. Да и надо сказать: въ самомъ дѣлѣ, кто велѣлъ этимъ господамъ принимать на себя бремя не по силамъ? Жалованье, вотъ, хорошее. А вѣдь сколько надѣлано гадостей, глупостей и, что хуже всего, подлостей! Иногда доходитъ до того, что не чувствуешь ни малѣйшаго сожалѣнія ко всѣмъ этимъ Е... А... П... Ш... Ихъ набрали Шихматовъ и Мусинъ-Пушкинъ. Е... завѣдывалъ конюшнею у Шихматова. А..., ***скій помѣщикъ, сдѣланъ ценсоромъ потому, что его начальникъ ему долженъ, а Б... ему родственникъ. Изъ старыхъ остался одинъ Фрейгангъ. Онъ служилъ еще въ мое время и тогда считался самымъ придирчивымъ и мелочнымъ ценсоромъ, а теперь онъ лучший, хотя самъ нисколько не перемѣнился къ лучшему.

6. Отдалъ записку о ценсурѣ для представленія, при личномъ докладѣ министра Государю Императору. - Одобрена.

7. Общее собраніе въ Академіи наукъ. Я присутствовалъ тутъ въ первый разъ. Было, между прочимъ, прочтено высочайшее утвержденіе меня въ званіи ординарнаго академика. Вмѣстѣ со мною утверждёнъ и преосвященный Макарій. Замѣчательный духовный умъ. Самая наружность его привлекательна. Я смотрѣлъ на него съ эстетическимъ удовольствіемъ, а послѣ подошелъ къ нему, и мы познакомились.

Главнымъ предметомъ засѣданія было избраніе новаго непремѣннаго секретаря на мѣсто умершаго Фусса. Тутъ боролись двѣ партіи: такъ называемая русская и нѣмецкая. Одна старалась провести своего кандидата—Буняковскаго, другая своего—Миддендорфа. Нѣмецкая партія обладаетъ большинствомъ голосовъ, слѣдовательно она должна была превозмочь.

Вражда къ нѣмцамъ сдѣлалась у насъ болѣзнью многихъ. Конечно, хорошо и слѣдуетъ стоять за своихъ—но чѣмъ стоять? Дѣломъ, способностями, трудами и добросовѣстностью, а не однимъ крикомъ, что мы, дескать, русскіе! Нѣмцы первенствуютъ у насъ во многихъ случаяхъ отъ того, что они трудолюбивѣе, а главное—дружно стремятся къ достиженію общей цѣли. Въ этомъ залогъ ихъ успѣха. А мы, во-первыхъ, стараемся сдѣлать все какъ-нибудь, по «казенному», чтобы начальство было нами довольны и дало намъ награду. Во-вторыхъ, гдѣ трое или четверо собралось нашихъ во имя какой-нибудь идеи, или для общаго дѣла, тамъ непременно ожидайте, что на другой или на третій день они перессорятся, да нагадать другъ другу и разбредутся. Одно спасеніе во внимательствѣ начальства. Вотъ и русская партія въ академіи: Давыдовъ и *** терпятъ не могутъ другъ друга: первый втораго потому, что онъ хорошо поставленъ при дворѣ, а второй перваго за то, что онъ предсѣдательствуетъ въ отдѣленіи и прежде его получалъ Владимірскую звѣзду. С—й готовъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно сильнѣйшему. У—въ, если хорошо пообѣдалъ и выспался, то ему ужъ ни до чего нѣтъ дѣла. О съ нѣкоторыхъ поръ привидывается ужаснымъ руссофиломъ, но въ сущности это хитрый хохоль, который въ тихомолку посмѣивается и надъ нѣмцами и надъ русскими, а любитъ деньги, лѣнность и комфортъ. Словомъ, все это въ рознь. Конечно, между

нашими есть много людей со способностями, но имъ не дана способность хорошо употреблять свои способности.

Выбранъ былъ Миддендорфъ. Впрочемъ и Буняковскій получилъ только двумя гѣлосами меньше—значить и нѣмцы давали ему тоже шары. Есть основаніе предпочесть Миддендорфа Буняковскому: послѣдній не знаетъ нѣмецкаго языка, а на этомъ языкѣ и на французскомъ производится вся корреспонденція академіи съ ученою Европою.

И. И. Давыдовъ приготовилъ, было, престранную вещь: протестъ противъ выбора кого-нибудь, кромѣ Буняковскаго, и изъясненіе желанія 2-го отдѣленія, чтобы выбранъ былъ именно онъ. И. И. предложилъ русскимъ подписать заготовленную имъ для прочтенія въ академіи бумагу. Я сильно возсталъ, находя это незаконной, неприличной и бесполезной выходкой. Къ счастью, меня поддержали другіе и дѣло обошлось безъ скандала. Русское отдѣленіе могло бы очутиться въ очень неловкомъ положеніи. Любому нѣмецкому члену стоило бы только подняться съ мѣста и сказать: «Милостивые государи, о чемъ вы хлопочете? Законъ каждому изъ насъ даетъ право голоса. Мы обязаны баллотировать секретаря. Баллотируйте и результатъ покажетъ, кого избираетъ академія. Къ чему тутъ окольные пути? Мы всѣ подчинены закону, а вы вводите какой-то странный способъ выбора» и т. д.

Я подалъ голосъ за Буняковскаго, между прочимъ, и потому что онъ очень хорошій человекъ.

9. Представлялся великому князю Константину Николаевичу, вмѣстѣ съ прочими членами комиссіи, назначенной для обзорѣнія морскихъ учебныхъ заведеній. Вотъ что онъ намъ сказалъ:

— «Прошу васъ, господа, осматривать ничѣмъ не стѣсняясь и высказывать намъ правду о недостаткахъ заведеній. Единственная моя цѣль—узнать правду. Обыкновенно, люди впадаютъ въ ошибки, когда думаютъ, что достигли совершенства. Мы должны знать наши несовершенства, ибо мы можемъ улучшаться. Въ заведеніяхъ морскихъ много недостатковъ, но въ чемъ они состоятъ и какъ ихъ исправить? Вотъ чего я отъ васъ ожидаю. Не торопитесь. Дѣлайте ваше дѣло, какъ вамъ удобнѣе и какъ вамъ позволятъ ваше время и свобода отъ другихъ занятій».

Я упомянулъ о программахъ.

— «Да», сказалъ онъ, — «программы надо хорошенько раз-

смотрѣть и привести въ порядокъ. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ онѣ хорошо составлены, но какъ идетъ самое дѣло—я не знаю,—но наружность хороша».

По этимъ словамъ и по тону, какимъ они были сказаны, видно, что великій князь не очень довѣряетъ программамъ и наружному процвѣтанію наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ очень привѣтливъ и въ немногихъ своихъ рѣчахъ обнаружилъ много ума и прекрасное направленіе. Онъ понимаетъ, какъ много у насъ фальши и властолюбія, хочетъ правды и доказываетъ это на дѣлѣ. Мы вышли отъ него совершенно довольные имъ. Великій князь не только хорошо говорить, но даже краснорѣчиво. У него во всемъ преобладаетъ стремленіе къ правдѣ и ясности.

Отъ него я и Давыдовъ заѣхали къ министру сообщить о результатѣ нашего представленія великому князю.

10. Опять нездоровь.

11. Не смотря на нездоровье, осматривалъ вмѣстѣ съ другими морской корпусъ. Я веду записку моихъ наблюденій.

13. По утру засѣданіе академіи. Читали часть областного словаря на букву Б. Бабникъ, бабить и проч.

Сейчасъ отъ министра. У него былъ личный докладъ Государю. Не знаю почему Авраамъ Сергѣевичъ далъ направленіе дѣлу о ценсурѣ не то, какое мы съ нимъ порѣшили послѣ нашего совѣщанія. Вмѣсто того, чтобы прочесть ему заготовленную записку, онъ на словахъ объяснилъ ему дѣло: вышло не то, что могло и чему слѣдовало видѣти. Министръ налегъ на комитетъ 2-го апрѣля, но не выразилъ основаній его зловредности, которыя были изложены въ запискѣ. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ онъ, министръ, теперь самъ членъ этого комитета, то послѣдній уже не можетъ быть такъ вреденъ. Объ инструкціи Авраамъ Сергѣевичъ вовсе не упомянулъ, а между тѣмъ это было необходимо. Боюсь, чтобы дѣло не было испорчено.

Еще министръ мнѣ сказалъ, что у него было въ портфель представленіе меня къ Владиміру. Но какъ Государь по другому случаю отказалъ въ наградѣ потому, что представленный къ ней не выслужилъ двухлѣтняго срока, то онъ уже не смѣлъ доложить обо мнѣ.

Не знаю, зачѣмъ онъ мнѣ это счелъ нужнымъ именно теперь

сказать и какъ это понимать. Тутъ какая-то хитрость. Но зачѣмъ, чего онъ хочетъ ею достигнуть?

По всему, однако, видно, что нынѣшній Государь хотя и благоволитъ къ намъ, но не съ излишкомъ, какъ послѣднее время покойный.

Онъ, впрочемъ, согласился, чтобы генераль-губернаторы не были попечителями. Мѣра полезная, о которой мы много толковали съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. При покойномъ Государѣ мы врядъ-ли бы добились этого. Но гдѣ-то наберутъ попечителей, какъ Государь выразился, хорошихъ? Надо разомъ трехъ.

Объяснялся съ министромъ еще о журналѣ народнаго просвѣщенія, то есть о раздѣлѣ редакціи между мною и Сербиновичемъ. Мнѣ придется тутъ довольно работать. Я буду получать половину редакторскаго оклада, т. е. 600 рублей. При моемъ матеріальномъ положеніи и этимъ нельзя пренебрегать.

18. Обѣдъ у министра, по случаю возвращенія профессорамъ и учителямъ пенсіона на службѣ. Тутъ были, между прочимъ: Я. И. Ростовцевъ, попечитель Московскаго университета Назимовъ, министръ финансовъ Брокъ, товарищъ его; Норовъ, генераль Милютинъ, Шульгинъ, Остроградскій и т. д. Вотъ люди все высшаго ранга, могущество и цвѣтъ чиновнаго міра, а нельзя себѣ представить ничего пустѣе разговоровъ за обѣдомъ и послѣ. Всѣхъ лучше былъ Яковъ Ивановичъ, который много шутилъ, если не остроумно, то по крайней мѣрѣ весело. Былъ тутъ еще одинъ савонникъ. Боже мой, что за физіономія!

19. Въ городѣ много толковъ о ценсурѣ. Тутъ, какъ и въ бѣльшей части толковъ и слуховъ, есть правда и ложь. Самъ Авраамъ Сергѣевичъ, къ сожалѣнію, подаегъ поводъ къ преувеличеніямъ. Ценсура составляетъ самый деликатный и наболѣвшій нервъ нашей общественной жизни: до него надо дотрогиваться осторожно.

20. Наша гражданственность еще не сложилась, потому что у насъ нѣтъ главнаго, безъ чего бываетъ сожитіе, но не гражданственность, а именно: духа общественности, законности и честности, обеспечивающихъ прочность взаимныхъ отношеній и договоровъ. У насъ мало нравственности, потому что мы не истребили въ себѣ многихъ пороковъ, искажающихъ нашу народность, и не развили многихъ добродѣтелей, ей присущихъ.

Вотъ о чемъ надо подумать и позаботиться нашимъ мыслителямъ, народнымъ вождямъ и наставникамъ, а не о политическихъ теоріяхъ и не о возбужденіи духа партій. Гоните прежде всего ложь и фальшь. Нравы прежде всего—нравы и духъ законности.

22. Сегодня кончилось дѣло по журналу съ Сербиновичемъ. На моемъ попеченіи будетъ вся учено-литературная часть журнала, т. е. весь журналъ, кромѣ официального отдѣла. У Сербиновича остается также хозяйственная часть и ценсурное просмотриваніе статей.

29. Все время мое расхищено служебными занятіями и заботами. Меня со всѣхъ сторонъ блокируютъ, какъ вѣрность. Только и знай, что отстрѣливайся то перомъ, то дѣломъ. А что въ этомъ? Только удовлетвореніе закону *perpetuo mobile*...

Надняхъ былъ приглашенъ на обѣдъ, который военно-учебныя власти давали министру, по случаю исходатайствованія пенсіона на службѣ преподающимъ. Обѣдъ давали подъ предсѣдательствомъ Ростовцева. Роскошь неописанная. Ъли и пили, какъ Рабелевскій Гаргантюа, кромѣ меня, который ѣлъ мало, а пилъ только воду. Ростовцевъ былъ, по обыкновенію, исполненъ шутовности. Министръ спрашивалъ отчего я не веселъ и скоро ли кончу мой проектъ о ценсурѣ. Я тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ домой. Въ этихъ собраніяхъ занять только желудокъ и голова настолько, насколько ей даетъ дѣла шампанское. Пошло и скучно,—скучно, потому что пошло.

Май 8. Вотъ я сижу въ маленькой коморкѣ въ Павловскѣ, на такъ называемой дачѣ, на углу 1-ой Матросской слободки и Пикова переулка. Собственно говоря, это уѣздный городокъ. Кругомъ живутъ Земляники, Тяпкины-Ляпкины и т. д.

Министръ пріѣзжалъ въ Павловскъ осматривать и устраивать купленную имъ дачу. Я провелъ съ нимъ часа два. Опять перемѣна. То онъ ужасно спѣшилъ съ ценсурнымъ проектомъ, а теперь желаетъ, чтобы онъ двигался потише. Человѣкъ этотъ перемѣнчивъ и шатокъ, если не въ видахъ своихъ, то въ способахъ ихъ осуществленія. Умъ его легко колеблется и не имѣетъ твердой точки опоры.

15. До вчерашняго дня май былъ истинно въ майской красѣ: тепло, свѣтло, иногда дождь, но теплый. Надняхъ была такая

гроза, какой я не помню здѣсь въ Петербургѣ: она сдѣлала бы честь Малороссіи. Она началась въ одиннадцать ночью и продолжалась до половины перваго. Но со вчерашняго дня такой холодъ, что недостаетъ только снѣгу для настоящей зимы. Такъ и должно быть. Первая половина мая была что-то неестественное, несправедливое: природа теперь поправляетъ свою ошибку.

17. Почти все время провожу въ городѣ. Иногда прѣвѣжаю на дачу вечеромъ, а на другое утро въ 8 часовъ опять уѣвѣжаю. Какіе страшные холода. Вчера, то есть въ Духовъ день, шелъ снѣгъ. Сегодня дождь пополамъ со снѣгомъ. Мы сидимъ въ комнатахъ и топимъ печи. Чтобы выходить гулять нужны шубы.

Я работаю надъ окончаніемъ ценсурнаго проекта. Выходитъ цѣлая книга. Что-то скажетъ мой Авраамъ Сергѣевичъ?

Въ четвергъ, прѣвѣхавъ съ дачи, я нашелъ у себя записку, въ которой извѣщали меня о смерти Всеволода Андреевича Косиковскаго, моего многолѣтняго добраго пріятеля. Онъ умеръ мгновенно отъ какого-то удара. Медики придумали ему прекрасное техническое названіе, отъ котораго смерть получаетъ характеръ почтеннаго ученаго событія. Косиковскій оставилъ у меня запечатанное духовное завѣщаніе, которое назначилъ открыть въ присутствіи его родственниковъ, черезъ недѣлю послѣ его смерти.

23. Кончилъ проектъ наставленій ценсорамъ. Вышло 26 листовъ моего черноваго письма. Сегодня окончательно пересмотрѣлъ по утру, а вечеромъ прочиталъ министру. Обычные восторги и объятія.

Я и самъ сознаю важность настоящаго моего труда. Министество уже не разъ принималось за исполненіе его, но ничего изъ этого не выходило. Это вышелъ теперь настоящій ценсурный уставъ, столь опредѣленный, какъ только могутъ быть законы этого рода. Произволь ценсоровъ обузданъ, литературѣ данъ просторъ и указаны мѣры противъ злоупотребленій. Это рѣшеніе трудной задачи. Я читалъ проектъ Марку Николаевичу Любощинскому, мнѣніе котораго для меня очень важно, ибо онъ оберъ-прокуроръ сената, одинъ изъ нашихъ лучшихъ юристовъ и человѣкъ не только теоретически, но и практически умный. Онъ его болѣе, чѣмъ одобрилъ.

Мы съ министромъ положили, что это будетъ внесено въ

главное управленіе цензуры, а оттуда представлено государю при краткомъ извлеченіи. Хорошо, еслибы этимъ и обошлось. Проектъ, впрочемъ, еще будетъ прочитанъ Ростовцеву.

Въ заключеніе я просилъ, и въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, чтобы не дѣлали никакихъ измѣненій безъ меня. Авраамъ Сергѣевичъ торжественно обѣщался.

Іюнь 2. Вотъ что со мной случилось. Духовное завѣщаніе Коссиновскаго вскрыто, въ присутствіи брата его Валентина, вдовы другаго брата и опекуна ея дѣтей. Въ пакетѣ оказалось двѣ бумаги: одна завѣщаніе, а другая—письмо брату. Последнее я вручилъ ему не читая. Имущество покойнаго оцѣнено въ 160 т. руб. сер. Изъ нихъ онъ 50 т. завѣщалъ дѣтамъ своего прежде умершаго брата, а 110 т. Валентину, съ тѣмъ чтобы онъ отчислилъ изъ нихъ 30 т. для его побочной дочери и сдѣлалъ еще нѣкоторыя выдачи, въ томъ числѣ, въ память нашей дружбы, мнѣ, какъ сказано въ письмѣ брату, три тысячи рублей, для изданія моихъ сочиненій. Мнѣ, какъ говорится, не имѣющему вопѣйки за душой, это было великимъ благомъ, и я отъ души поблагодарилъ моего добраго пріятеля. Но судьба посмѣялась надо мною: я всего въ теченіи нѣсколькихъ часовъ видѣлъ себя обладателемъ трехъ тысячъ. Читая завѣщаніе, мы сначала не замѣтили, что въ немъ соблюдены всѣ формы, кромѣ одной: завѣщаніе не подписано завѣщателемъ. Въ тотъ же день позднѣе я узналъ этотъ печальный промахъ покойнаго, сдѣланный имъ какъ-нибудь въ разсѣянности, хотя онъ вообще отличался осмотрительностью и большою аккуратностью. Я поѣхалъ къ Марку Николаевичу Любощивскому, который объявилъ мнѣ, что завѣщаніе не имѣетъ никакой силы. Значитъ, все разлетѣлось прахомъ. Какъ душеприкащикъ, я однако долженъ былъ соблюсти законную форму и представилъ актъ въ гражданскую палату, гдѣ его и объявили недѣйствительнымъ. Тѣмъ все и кончилось. Теперь имущество должно идти въ раздѣлъ по закону и Валентинъ получить только свою законную часть, а дочь покойнаго—ничего. Да, это горькая насмѣшка судьбы.

17. Академическія засѣданія вызываютъ меня въ городъ по два раза въ недѣлю. «Журналъ Министерства» тоже требуетъ моего присутствія тамъ. Это для меня значительная издержка времени и денегъ.

19. Занимался дѣлами съ Авраамомъ Сергѣевичемъ отъ 12-ти пополудни до 3-хъ. Онъ готовить личный докладъ государю. Много обсуждали важныхъ предметовъ, да не знаю, будутъ ли отъ этого плоды. Наши дѣла идутъ менѣе успѣшно съ нынѣшнимъ государемъ, чѣмъ шли послѣднее время при покойномъ. Министръ нашъ имѣлъ болѣе значенія при Николаѣ, которому нравился тонъ откровенности и прямодушія, принятый Авраамомъ Сергѣевичемъ. Покойный государь рѣшалъ самъ и скоро, и мы могли представлять ему о многомъ, не опасаясь отказа, особенно при извѣстномъ искусствѣ редакціи. Нынѣ не то. Императоръ видимо удрученъ войною, дѣла, не относящіяся къ ней, слушаетъ не съ полнымъ вниманіемъ, спѣшитъ и многого не рѣшается брать на себя, боясь ошибиться.

Блудовскій комитетъ намѣренъ представить государю и свои замѣчанія и соображенія относительно народнаго просвѣщенія. Какую въ этомъ роль будетъ играть министръ — неизвѣстно. Блудовъ говорилъ ему, что все будетъ передано на его окончательное усмотрѣніе, а а стороною слышалъ иное: хотять составить при министрѣ совѣтъ, который будетъ раздѣлять съ нимъ его власть и труды. Авраамъ Сергѣевичъ, было, думалъ предупредить Блудовскій докладъ, и просилъ меня обдумать это и составить записку. Но, по зрѣломъ размышленіи, мы оба убѣдились, что этого дѣлать не слѣдуетъ, а должно уже спокойно ожидать послѣдствій Блудовскаго доклада и тогда дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Между тѣмъ, вотъ какія дивія дѣла дѣлаются. Надняхъ министръ получилъ изъ Казани безъимянное письмо, написанное безграмотно и наполненное гнуснѣйшими доносами на казанскій университетъ. Письмо, по тону и содержанію, не заслуживало ни малѣйшаго вниманія, и министръ, не желая дать ему официальнаго хода, частнымъ образомъ показалъ его Дубельту, который, съ своей стороны, нашель его заслуживающимъ одно презрѣніе. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Министръ получилъ отъ графа Орлова отношеніе, изъ котораго видно, что доносъ произвелъ впечатлѣніе. Это очень огорчило Авраама Сергѣевича. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть письмо, чтобы увидѣть, что его писалъ какой-нибудь невѣжда и мерзавецъ изъ личной ненависти къ кому нибудь изъ университетскихъ, хотя оно и подписано

титоломъ, но безъ фамиліи. Кажется, подобную бумагу слѣдовало бы просто бросить въ огонь. Между тѣмъ, мы съ доброй часъ провозились, придумывая, какъ лучше отвѣчать на полученное отношеіе.

Страшный законъ судьбы: ты не получишь желаемой вещи прежде, нежели она не утратитъ для тебя половины своей прелести.

25. Въ четвергъ министръ былъ съ докладомъ у государя. Все сошло благополучно. Государь опять изъявилъ согласіе, чтобы генераль-губернаторы не были попечителями. Онъ также отвергъ мысль, представленную московскимъ и здѣшнимъ попечителями, чтобы студентамъ, не окончившимъ курсъ, предоставлено было опредѣляться въ военную службу прямо офицерами: отъ этого потерпѣтъ наука.

Я говорилъ еще Аврааму Сергѣевичу о «Ковкѣ-Горбункѣ»: его хотятъ печатать новымъ изданіемъ, а безтолковая цензура не пропускаетъ его. Елагинъ говоритъ въ своемъ докладѣ, что въ этой сказкѣ излагаются «несбыточные происшествія»!

Дѣло о ценсурѣ застряло въ канцеляріи. По приказанію министра, я отдалъ туда мою записку для перебѣленія: вотъ ужъ скоро мѣсяцъ она переписывается. Это ужасъ! Я говорилъ министру. Онъ отвѣчалъ, что канцелярія его безтолкова, а директоръ....., обѣщалъ подвинуть дѣло, но все забываетъ. Вотъ какъ дѣлаются у насъ серьезныя дѣла!

Хочу просить, чтобы назначили особаго чиновника для переписки моихъ бумагъ. Посредствомъ канцеляріи нѣтъ никакой возможности что-нибудь дѣлать.

Іюль 2. Опять работа за другихъ. Комиссія по морскимъ учебнымъ заведеніямъ представила отчетъ министру, отъ котораго онъ уже долженъ идти къ великому князю. Министръ нашель, что редакція отчета никуда не годится — и вотъ на меня пало несноснѣйшее дѣло исправить его. Отчетъ къ тому же очень великъ.

4. Работалъ часа четыре съ министромъ надъ отчетомъ. По крайней мѣрѣ, кончилъ. Надо было слѣшнить, потому что великій князь требуетъ отчета.

5. Собираюсь въ дорогу, въ Витебскъ. Я записался уже на мѣсто въ почтовой каретѣ.

12. Завтра отправляюсь въ путь. Попечитель далъ мнѣ порученіе осмотрѣть въ Витебскѣ гимназію и другія учебныя заведенія и снабдилъ меня казенною подорожною — безъ прогонныхъ денегъ, разумѣется. Министръ тоже хочетъ, чтобы я осмотрѣлъ тамъ еврейское училище. Итакъ все-таки служба.

13-го іюля, въ среду, я отправился въ почтовой каретѣ въ Витебскъ. Я взялъ наружное мѣсто. Товарищемъ моимъ былъ чиновникъ почтоваго департамента, И. А. Хилькевичъ, а внутри кареты сидѣли два чиновника: одинъ—министра государственныхъ имуществъ, Савицкій. Дорога до Острова была довольно безпокойная, тряская. Она испорчена огромными обозами, которые бесконечно тянутся по ней изъ Варшавы до Петербурга и обратно, включая въ себя всю нашу нынѣшнюю вѣнскую торговлю. Отъ Острова шоссе лучше. По дорогѣ мелькаютъ новыя, премиленькіе почтовые домики, съ садиками и цвѣтниками, точно на Петербургскихъ дачахъ. Только въ этихъ домикахъ нечего ни ѣсть, ни пить. Я попробовалъ въ Лугѣ спросить обѣдъ. Мнѣ подали на грязной сватерти цыплятъ, къ которымъ нельзя было близко подойти—такъ благоухали они.

22-го я пріѣхалъ въ Витебскъ ночью и на другой день осмотрѣлъ учебныя заведенія, вмѣстѣ съ директоромъ Красноумовымъ. Былъ у вѣшняго генераль-губернатора, у архіерея.

1-го августа, окончивъ всѣ свои дѣла въ Витебской губерніи, я отправился въ городъ Городецъ, чтобы встрѣтить тамъ могилевскій дилижансъ и сѣсть въ него. Но что, если я не найду тамъ мѣста? Мысль эта очень безпокоила меня. Едва пріѣхалъ я на станцію, содержатель почтовой гостинницы объявилъ мнѣ, что всѣ дилижансы, которые здѣсь проѣзжаютъ, обыкновенно бываютъ полны. Вотъ тебѣ и на! А мнѣ необходимо явиться въ Петербургъ въ сроку.

Раздались звуки почтоваго рожка. Явился дилижансъ.—«Есть мѣсто?» спрашиваю со страхомъ, боясь услышать роковой отвѣтъ.—«Нѣтъ!» отвѣчаютъ мнѣ. Что тутъ дѣлать? Дождаться слѣдующаго дилижанса, который здѣсь будетъ въ пятницу. Но вѣдь и тамъ можетъ не найтись мѣста — даже навѣрное. Кондукторъ мнѣ сказалъ, что въ Могилевѣ на два мѣсяца впередъ разобраны всѣ мѣста. Ѣхать на перекладныхъ? У меня была казенная подорожная. Но одному, перекладываться на каждой станціи—невыносимо.

Я позвалъ кондуктора.—«Не можешь-ли ты какъ нибудь помѣстить меня?» спросилъ я. Послѣ долгихъ переговоровъ, оказалось возможнымъ кое-какъ пріютиться на козлахъ, вмѣстѣ съ кондукторомъ, разумѣется, за порядочную плату ему съ ямщикомомъ. Въ гостинницѣ всѣ ужаснулись, какъ генераль поѣдетъ на козлахъ. Но генераль, съ ловкостью возла, вскочилъ на козлы и помчался, весело обзрѣвая съ высоты безконечную даль съ лѣсами и холмами. Сначала все шло хорошо, и я радовался своей рѣшимости сѣсть на козлы. Скоро, однако, оказались неудобства. Тѣсно; но это бы еще ничего. Спать нельзя—но это еще можно бы кое-какъ снести: я не падохъ на сонъ. Но сосѣдь мой кондукторъ оказался очень на него падкимъ, чему, конечно, не мало способствовали значительные приемы водки на каждой станціи. Онъ едва сѣлся на козлы, какъ начиналъ храпѣть и всею тяжестью своего грузнаго тѣла наваливался на меня. Я, конечно, выразилъ протестъ. Такъ ѣхалъ я съ горемъ пополамъ до Велижа. Въ этомъ городѣ мой кондукторъ вдругъ мнѣ объявляетъ, что такъ какъ ѣхать втроемъ на козлахъ неудобно, то онъ и броситъ меня въ Велижѣ на произволъ судьбы. Все вышло изъ-за того, что на послѣдней станціи станціонный смотритель замѣтилъ, что врядъ-ли ему удастся въ Петербургѣ скрыть, что онъ контрабандою везетъ генерала, и что въ такомъ случаѣ деньги, 20 руб., минуютъ его карманъ. Минута была рѣшительная и я, не смотря на все мое отвращеніе къ барскимъ и чиновническимъ замашкамъ, ужъ самъ оперся на свое генеральство и разразился такой трескотнею брани, что кондукторъ, очевидно неожиданный этого отъ «такого тихони» (какъ я слышалъ, онъ потомъ рассказывалъ ямщику), испугался и, бѣдный, съ этой минуты былъ до нельзя учтивъ и услужливъ. За то и я наградилъ его. Чтобы въ Петербургѣ у него не отобрали 20 руб., увидѣвъ во мнѣ сверхштатнаго пассажира, я остался въ Гатчино, а оттуда поѣхалъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. На прощанье далъ ему еще 5 руб. и, въ заключеніе, мы разстались вполне довольные другъ другомъ.

По пріѣздѣ, дня черезъ два, я явился въ Норову. Онъ тутъ же задалъ мнѣ работу, не сложную, но трудную по обстоятельствамъ. У него завязалась крупная переписка съ Васильчиковымъ: надо написать къ нему отношеніе—весьма дипломати-

ческое. Въ канцеляріи написали, но Авраамъ Сергѣевичъ имъ недоволенъ и обратился ко мнѣ. Проработалъ ночь и отдалъ министру. Восторги, объятія.

Товарищемъ министра назначенъ князь (Петръ Андреевичъ) Вяземскій.

27. Сегодня открытіе восточнаго факультета въ университетѣ. Молебень, рѣчи профессоровъ Попова и Казембека; завтракъ. Я былъ приглашенъ въ качествѣ члена и дѣлопроизводителя комитета, занимающагося устройствомъ факультета, а главное—въ качествѣ того, кому принадлежала первоначальная мысль открыть факультетъ, вмѣсто предполагаемаго отдѣльнаго института.

Авраамъ Сергѣевичъ представилъ меня князю Вяземскому. Во время отсутствія министра, намъ предписано завѣяться преимущественно устройствомъ цензуры.

30. Мои именины. Жена ѣздила въ городъ и привезла горестную вѣсть: Севастополь взятъ! Вотъ слово въ слово бюлетень отъ 27-го августа: — «Въ двѣнадцать часовъ пополуночи. Непрiятель получаетъ почти ежедневно новыя подтвержденія. Бомбардированіе продолжается огромное.—Уронъ нашъ болѣе 2,500 человекъ въ сутки».

Въ 10 часовъ утра. «Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно, 27-го августа, шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріателемъ на Западную и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастиона не было возможности ихъ выбить». «Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины».

Боже мой, сколько жертвъ! Какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человечество! Одного мановенія достаточно было, чтобы съ лица земли исчезло столько цвѣтущихъ жизней, пролито столько крови и слезъ, родилось столько страданій.

Мы не два года ведемъ войну—мы вели ее тридцать лѣтъ, содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу приобрѣла отъ того Россія?

У меня, по обыкновенію, въ этотъ день обѣдали ближайшіе друзья. Вечеромъ пришла съ матерью дѣвица Грюнбергъ ¹⁾, которая пропѣла своимъ прелестнымъ голосомъ нѣсколько піесъ. Но ничто не могло заглушить ни во мнѣ, ни въ моихъ гостяхъ щемящей боли отъ извѣстій съ театра войны.

Городскіе мои гости, около 11-ти часовъ, отправились на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ Петербургъ съ послѣднимъ поѣздомъ. Но, къ моему удивленію, черезъ полчаса вернулись. На желѣзной дорогѣ случилось несчастье: нѣсколько вагоновъ переломано. Говорятъ, много людей убито или изувѣчено. Гостей моихъ я кое-какъ приютилъ на ночь у себя.

31. Ѣздилъ въ городъ провожать Авраама Сергѣевича, который отправляется въ Москву и Казань осматривать университеты.

Членамъ комиссіи, осматривавшей морской корпусъ, велѣно объявить Высочайшее удовольствіе за ихъ труды. Великій князь очень доволенъ нашимъ отчетомъ, только замѣтилъ, что мы были не довольно строги.

Сентябрь 3. Князь Вяземскій (товарищъ министра) написалъ патріотическую статью противъ Парижской выставки, которую онъ считаетъ безтолковою и ненужною спекуляціею. Теперь такъ легки сообщенія и сближенія между народами, что, по мнѣнію князя, всякій, и безъ выставки, легко можетъ видѣть все достопримѣчательное по части искусства и промышленности въ разныхъ государствахъ. Князь забылъ, что, во первыхъ, не всѣ могутъ, не смотря на легкость сообщеній, разъѣзжать по Европѣ, съ цѣлью видѣть новѣйшія усовершенствованія въ чело-вѣческой дѣятельности. А во-вторыхъ, соединеніе въ одно всего, что создала эта дѣятельность великаго, прекраснаго и полезнаго, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ знакомство съ отдѣльными явленіями этого рода, разбѣянными по всѣмъ частямъ свѣта: возможность подобнаго соединенія уже сама по себѣ есть торжество образованности и дѣлаетъ честь вѣку и націи, устроивающимъ его. Чтобъ не понять этого, надо быть ужъ очень кваснымъ патріотомъ. Вотъ какъ мы изучаемъ міровыя событія и

¹⁾ Ю. Л. Грюнбергъ. См. «Русскую Старину» изданія 1889 г., ноябрь. Записки А. Г. Рубинштейна, стр. 519. Ред.

судимъ о нихъ! Лѣтъ пять тому назадъ, москвичи провозгласили, что Европа гниетъ, что она уже сгнила, а бодрствуютъ, живутъ и процвѣтаютъ одни славяне. А вотъ теперь Европа доказываетъ нашему невѣжеству, нашей апатіи, нашему высокоумному презрѣнію ея цивилизаціи, какъ она сгнила. О, горе намъ!

Всѣ радуются сверженію Бибикова. Это былъ тоже одинъ изъ нашихъ великихъ государственныхъ мужей школы прошедшаго. Это умъ, по силѣ и образованію своему, способный управлять пожарной командою и, пожалуй, возвыситься до начальника управы благочинія. Никто, кромѣ развѣ графа Петра Андреевича (Клейнмихеля), не понималъ лучше него системы рѣшительныхъ мѣръ, сущность которой превосходно опредѣлена словами одной сказки: «а нашъ богатырь, что медвѣдь въ лѣсу — гнетъ дуги не паритъ, сломитъ — не тужитъ».

18. Каждому человѣку отпущено отъ природы извѣстное количество силъ, изъ которыхъ онъ долженъ создать себя, или свой характеръ. Значитъ нравственная фізіономія наша зависитъ отъ двухъ основныхъ причинъ: темперамента и воли. Искусство управлять темпераментомъ, своими природными наклонностями и силами, есть самообладаніе.

Я часто рассказывался въ томъ, что переѣлъ, перепилъ и переговорилъ и никогда въ томъ, что не доѣлъ, не допилъ, не договорилъ.

15. Наше общество одарено способностью все дѣлать легко, но оно не выказываетъ способности дѣлать что нибудь какъ слѣдуетъ и какъ должно. Его девизъ: какъ-нибудь.

19. Въ публикѣ много говорятъ о статьѣ Погодина, написанной по случаю пріѣзда Государя въ Москву. По моему, тамъ много самохвальства: «Мы первый народъ въ мірѣ, мы лучше всѣхъ», и т. д. Но тутъ есть одво мѣсто замѣчательное, потому что оно выражаетъ общее чувство — это то, гдѣ авторъ говорить о «любезныхъ намъ именахъ Петра, Екатерины, Александра» — о Николаѣ ни слова. Говорятъ, Государь самъ пропустилъ эту статью въ печать. Мусиянъ-Пушкинъ не велѣлъ ее перепечатывать въ здѣшнихъ газетахъ.

25. Ѣздилъ въ Царское Село къ товарищу министра, князю Вяземскому, съ докладомъ. Читалъ проектъ инструкціи ценсорамъ. Онъ очень одобрилъ. Исправивъ писарскія ошибки, долженъ доставить князю проектъ для препровожденія къ графу

Блудову. Я говорилъ съ княземъ о многомъ, касающемся нашего министерства. Онъ мало знакомъ еще съ дѣлами и во всемъ соглашался. Впрочемъ, отъ этого врядъ ли можно ждать пользы. Почти всѣ наши сановники на все соглашаются и тѣмъ не мѣнѣе ничего не дѣлается. Во всякомъ случаѣ, князь—то, что называется человѣкомъ образованнымъ.

Совѣщаніе наше продолжалось три часа, наконецъ, князя позвали обѣдать къ Государынѣ.

День былъ прелестнѣйшій и такъ какъ я уже опоздалъ на ближайшій поѣздъ, то рѣшился проѣхать въ Павловскъ. Тамъ пообедалъ въ вокзалѣ, побродилъ по опустѣвшему парку, взглянулъ на мою лѣтнюю хижинну, послушалъ музыку Гунгля и въ три четверти десятаго отправился домой въ Петербургъ.

Октябрь 5. Приѣхалъ министр. Онъ былъ въ Москвѣ и Казани.

6. Вечеръ провелъ у министра въ дружеской, откровенной бесѣдѣ. Въ субботу онъ опять ѣдетъ—въ Дерптъ. Онъ доволенъ Казанскимъ университетомъ; Московскій намъ уже хорошо извѣстенъ.

— «А каково главное», спросилъ я: — «какъ тамъ учатъ и учатся?»

— «Хорошо», отвѣчалъ онъ.

Авраамъ Сергѣевичъ сказалъ въ Казани профессорамъ:

— «Наука, господа, всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей; но теперь она первая. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія. И такъ мы должны всѣ наши силы устремить на это великое дѣло» и т. д.

При проводахъ, одинъ изъ студентовъ, отъ имени своихъ товарищей, сказалъ министру: — «Увѣрьте Государя, что мы всѣ наши силы посвятимъ наукѣ».

Все это хорошія слова: дай Богъ, чтобы они обратились въ такія же дѣла. Теперь всѣ видятъ, какъ поверхностно наше образованіе, какъ мало у насъ существенныхъ умственныхъ средствъ. А мы думали столкнуть съ земнаго шара гніющій западъ! Не малому еще предстоитъ намъ у него поучиться!

Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чув-

ство подавлено; умственное развитие остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой — вѣры въ одну матеріальную силу.

7. Боже мой, какое горе, какая потеря для науки, для мысли, для всего высокаго и прекраснаго: Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученѣмъ сословіи человѣкъ, котораго можно было вполнѣ уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было безусловно вѣрить. Онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека.

Поѣхалъ сегодня въ католическую академію. Тамъ новая скорбь: митрополитъ Головинскій умеръ. Онъ заболѣлъ серьезно въ концѣ лѣта. Ему было всего 48-й годъ. Въ немъ я потерялъ человѣка тоже близкаго моему сердцу. Четырнадцать лѣтъ мы были связаны тѣсной дружбой и взаимнымъ уваженіемъ. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ умовъ въ Россіи. Я со слезами преклонился передъ его гробомъ. Нѣсколько священниковъ пѣли погребальные гимны. Толпы людей входили и выходили. Юноши академическіе, кажется, искренно тронуты.—«Господа», сказалъ я имъ:—«вы потеряли истиннаго пастыря и отца, общество—человѣка высокихъ чувствъ и ума, я потерялъ въ немъ друга».

8. Невольникъ умеръ за границую. Вчера получено объ этомъ телеграфное извѣстіе. А тамъ, подъ Карсомъ, мы потерпѣли поражение. Кинбурнъ взятъ. Все однѣ утраты и скорби—физическія и нравственныя. Вотъ уже дѣйствительно мы живемъ въ юдоли скорбей.

Отчего, между прочимъ, у насъ мало способныхъ государственныхъ людей? Оттого, что отъ каждаго изъ нихъ требовалось одно — не искусство въ исполненіи дѣлъ, а повиновеніе и, такъ называемыя, энергическія мѣры, чтобы всѣ прочіе повиновались. Такая неумудренная система могла-ли воспитать и образовывать государственныхъ людей? Всякій, принимая на себя важную должность, думалъ объ одномъ: какъ бы удовлетворить лично господствовавшему требованію, и умственный горизонтъ его невольно суживался въ самую тѣсную рамку. Тутъ нечего было разсуждать и соображать, а только плыть по теченію.

9. Еще одна смерть, только политическая и притомъ возбуждающая общую радость, а не печаль: Клейнмихель, наконецъ, подобно Бибикову, палъ и уничтожился. Вчера, говорить, онъ получилъ изъ Николаева отъ Государя записку, въ которой ему предлагаютъ подать въ отставку.

12. Продолженіе всеобщей радости, по случаю паденія Клейнмихеля. Всѣ поздравляютъ другъ друга съ побѣдою, которая, за недостаткомъ настоящихъ побѣдъ, составляетъ истинное общественное торжество.

Въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ виноватъ? Онъ ограниченъ. Ума у него настолько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка, но онъ не золъ отъ природы. Зло заключалось не въ немъ, а въ его положеніи, положеніе же его устроила судьба, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу въ насмѣшку русскому обществу.

16. Пріѣхалъ изъ Москвы Катковъ хлопотать о журналѣ. Послѣ разныхъ затрудненій, наконецъ, рѣшились дать ему позволеніе возобновить «Сынъ Отечества», какъ я первоначально совѣтывалъ ему и министру, для облегченія дѣла. Только Катковъ почему-то не хочетъ назвать своего журнала «Сыномъ Отечества», тогда какъ программу выхлопоталъ послѣдняго.

Въ обществѣ начинается прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурнаго — все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и по волѣ высшей власти, которая всѣмъ распоряжалась и одна вела куда хотѣла. Замѣчательныя личности и отдѣльные факты мало значатъ въ общей массѣ застоя: это пузыри, выскакивающіе на поверхности сонной влаги, взволнованной вдругъ паденіемъ въ нее какой-нибудь тяжести.

Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ! Русскій умъ удивительно склоненъ довольствоваться словами вмѣсто дѣлъ — начинать и оканчивать одними хорошими намѣреніями, которыми, какъ говорятся, вымощенъ адъ. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно ихъ сосредоточить на благія дѣла. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея граж-

данственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе.

Конца нѣтъ толкамъ о Клейнмихелѣ. Бѣдный! Чѣмъ онъ виноватъ? Его безжалостно опаявали почестями и властью. Голова его не могла этого вынести: мудрено ли, что онъ, наконецъ, совсѣмъ опьянѣлъ и потерялъ голову.

18. Былъ у министра, который возвратился изъ Дерпта, гдѣ былъ всѣмъ доволенъ. Секретный разговоръ объ одномъ изъ нашихъ профессоровъ, который будто бы проповѣдуетъ либерализмъ съ кафедръ: объ этомъ кто-то донесъ министру. Спрашивалъ моего мнѣнія. Чтобы не дать искрѣ разгорѣться, я взялся переговорить съ ректоромъ. Тутъ, конечно, нѣтъ намѣренія, а или неосторожность, или ложное истолкованіе словъ. Какъ бы то ни было—это очень непріятное дѣло и достойный человѣкъ можетъ пострадать, а мы и такъ не богаты подобными людьми.

Вечеромъ былъ у князя Вяземскаго. Продолжительный и искренній разговоръ. Я сильно нападаю на бюрократію и канцеляризмъ. Одинъ человѣкъ у насъ добивается директорства и, по простотѣ А. С. (Норова), можетъ этого добиться. Тогда великая бѣда будетъ угрожать министерству: это грубый и злой невѣжда. Надо по мѣрѣ силъ этому воспрепятствовать.

Получилъ Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Д. Н. Блудова, для разсмотрѣнія посмертныхъ сочиненій Жуковскаго, которыя хотятъ теперь издать. Другіе члены: Плетневъ, князь Вяземскій, Корфъ (Модестъ Андреевичъ) и Тютчевъ.

19. Былъ у графа Блудова. Онъ очень привѣтливъ. Говорилъ о Жуковскомъ съ большимъ уваженіемъ, также какъ и о всей литературѣ Карамзинскаго періода. Меня порадовала его живость и теплота отношенія ко всему, что касается ума, знанія и поэзіи.

26. Докладывалъ министру о «Журналѣ». Онъ утвердилъ объявленіе на 1856 годъ. Просилъ меня передѣлать отношеніе великому князю. Передѣлывать тутъ нечего: его надо вновь написать.

Авраамъ Сергѣевичъ еще просилъ рекомендовать ему кого-нибудь въ попечители. Людей способныхъ теперь трудно найги, ибо до сихъ поръ ихъ не хотѣли. Я предложилъ Ребиндера,

если онъ согласится. Министръ ухватился съ жаромъ за него и уполномочилъ меня открыть съ нимъ переговоры.

27. Заѣхалъ по утру въ Ребиндеру. Если его не станутъ настоятельно посылать въ Кяхту, онъ приметъ попечительство въ Харьковѣ или Кіевѣ.

Былъ у князя Вяземскаго. Экзаменовалъ въ университетѣ дѣвицъ. Присутствовалъ въ засѣданіи академіи, былъ у графа Блудова, гдѣ состоялось сегодня собраніе комитета по разсмотрѣнію сочиненій Жуковскаго. Собрались: Корфъ, Плетневъ, Тютчевъ. Графъ Блудовъ очень любезенъ. Толковали, какъ приняться за разсмотрѣніе сочиненій Жуковскаго. Положено раздѣлить ихъ на части, которыя каждый членъ по прочтеніи доставитъ другому.

Говорилъ съ графомъ о ценсурѣ и, разумѣется, не щадилъ ее. — «У нынѣшнихъ ценсоровъ», — сказалъ я, — «врожденная неприязнь ко всѣмъ книгамъ, кромѣ одной, которую они чтутъ высоко».

— «Какая-же это книга?» спросилъ графъ.

— «Книга прихода-расходная», — отвѣчала я, — «гдѣ они росписываются въ полученіи жалованья».

Ноябрь. 16. Около двухъ недѣль уже я пригвожденъ къ моему письменному столу. Авраамъ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ составить отчетъ государю о своемъ осмотрѣ университетовъ Московскаго, Казанскаго и Дерптскаго, гимназій и т. д. Ему написалъ, было, отчетъ Кисловскій, но министръ нашелъ его нигуда негоднымъ и даже мнѣ не показалъ.

Бѣда! Я захлебываюсь, тону въ дѣлахъ. Крѣпко тяжело приходится, а тутъ еще и головная боль по временамъ. Да и какъ не болѣть головѣ, когда случается въ сутки спать не больше трехъ часовъ.

17. Ну, слава Богу! Кончена египетская работа. Сегодня прочли съ министромъ и послѣдніе листы отчета.

19. Вечеръ у графини Ростопчиной. Она читала свою новую драму. Довольно таки скучна. Тутъ было нѣсколько княгинь, графинь, князь Вяземскій, Тютчевъ, Плетневъ, князь Одоевскій. Я возвратился домой въ два часа ночи.

Графиня очень аристократничала, нападала на низшія сословія, восхваляла высшее дворянство. Тютчевъ ей очень умно воз-

ражалъ. Мнѣ, плебею, ничего не оставалось, какъ молчать—и я молчалъ. Да и что сталъ бы я говорить болтунѣ, которая только саму себя слушаетъ?

Нѣтъ высшаго счастья, какъ споспѣшествовать счастью другихъ.

24. Вчера министръ имѣлъ личный докладъ у государя. Его величество превосходно принялъ писанный мною отчетъ обзорнѣйшаго министра. Государь вообще былъ благосклоненъ и на всѣ представленія министра отвѣчалъ согласіемъ.

Вечеромъ отъ Авраама Сергѣевича я поѣхалъ къ Тургеневу. Тамъ засталъ много литераторовъ: Майкова, Дружинина, Писемскаго, Гончарова, пріѣхавшаго изъ Севастополя (графа Льва Николаевича) Толстаго и т. д.

Кстати о Майковѣ. На-дняхъ онъ читалъ у меня свое новое стихотвореніе: «Сны». Оно написано уже въ другомъ духѣ, чѣмъ послѣднія его пьесы. Я совѣтую Майкову не вдаваться ни въ какія суетныя ученія или партіи, а быть просто художникомъ, къ чему у него истинное призваніе. У него большой талантъ: тѣмъ больше долженъ онъ бережно съ нимъ обращаться.

Здѣшніе литераторы написали поздравительный адресъ Щепкину, юбилей котораго празднуется въ Москвѣ въ субботу на этой недѣлѣ. Я также подписалъ адресъ. Щепкинъ почтенный, достойный человекъ. Въ немъ — умъ, талантъ, честность и при этомъ онъ самъ себя создалъ. Онъ стѣнитъ почести, которую ему хотятъ оказать.

Мнѣ удалось, наконецъ, провести *** въ цензора. Къ первому январю смѣняютъ трехъ цензоровъ, наиболѣе нелѣпыхъ. *** замѣнить одного изъ нихъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы не быть похожимъ на него. Онъ уменъ, съ большимъ тактомъ, будетъ честнымъ и хорошимъ цензоромъ. А съ другой стороны, это и его спасетъ отъ канцеляризма, въ которомъ онъ погибаетъ.

30. Графъ Блудовъ назначенъ президентомъ академіи наукъ. Сегодня всѣ члены академіи были представлены ему министромъ.

Мнѣ кажется, это хорошее назначеніе. Министръ при послѣднемъ своемъ докладѣ государю представилъ Блудова. Ему хотѣлось Меншикова: я отсовѣтывалъ. Къ Блудову и государь расположенъ. А главное—онъ человекъ просвѣщенный, любящій науку и литературу. Правда, онъ сдѣлалъ одно нехорошее дѣло: от-

няли было у насъ пенсіоны. Но какъ это случилось, мнѣ непонятно теперь, когда я его ближе узналъ. Подобная мѣра вовсе не въ его духѣ.

Декабрь 3. Графъ Блудовъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ общемъ собраніи академіи. Онъ какъ будто уже лѣтъ десять предсѣдательствуетъ: такъ хорошо знаетъ онъ дѣла академическія и такъ вѣрно о нихъ судить. Ни одного вопроса, ни одной бумаги не оставилъ онъ безъ вниманія и безъ своихъ, весьма дѣльныхъ, замѣчаній или объясненій съ тѣми, кого онѣ касались.

Говорить онъ много, но содержательно. Въ немъ еще много жизни, а ему уже семьдесятъ четыре года. Мы кончили засѣданіе въ 3 часа, начавъ его въ 12-ть.

Ходить въ рукописи по рукамъ замѣчательный приказъ великаго князя Константина Николаевича, отданный имъ по своему вѣдомству. Приказъ говорить о томъ, чтобы начальство въ отчетахъ своихъ не лгало, увѣряя, что все находится въ чудесномъ видѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Въ приказѣ есть ссылка на какую-то записку, въ которой весьма рѣзко говорится о разныхъ форменныхъ и официальныхъ лжахъ. Это производитъ большой шумъ въ городѣ. Министрамъ и всѣмъ подающимъ отчеты приказъ очень не нравится. Въ сущности же это прекрасное дѣло. Многимъ вообще не нравится, что начинаютъ подумывать о гласности и объ общественномъ мнѣніи.

7. Вечеръ у князя Вяземскаго. Погодинъ читалъ свою старую драму: „Петръ Великій“. Есть мѣста не дурны — прочее зѣло скучновато. Графъ Соллогубъ слѣдующими словами выразилъ свое неудовольствіе: — „Такое чтеніе — ужъ мое почтеніе!“ Да и никто не остался доволенъ. Не знаю, пріятно ли было князю Вяземскому и князю Львову слышать, какъ ихъ дѣды или прадѣды отличались въ северномъ заговорѣ противъ Петра, въ пользу царевича Алексѣя. Они выставлены въ такомъ видѣ, что ихъ, право, не лестно считать своими предками.

10. Мое двусмысленное положеніе при министрѣ, наконецъ, заставило меня прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Авраамъ Сергѣевичъ называетъ меня „своимъ другомъ“, поручаетъ мнѣ важныя дѣла. Я работаю съ нимъ, могу сказать, вполне безкорыстно, потому что не получаю даже никакого жалованья за то. И что

же: никогда не могу быть увѣренъ въ единственной наградѣ, которая въ сущности мнѣ нужна—въ пользѣ и прочности моего труда. Ибо у „друга моего“ есть другіе друзья въ его канцеляріи, которыхъ онъ часто слушается охотнѣе, чѣмъ меня, и по наущенію которыхъ то и дѣло раздѣлываетъ то, что передъ тѣмъ мы съ нимъ, казалось, такъ согласно воздвигали. Между тѣмъ силы мои истощаются въ непосильной работѣ, такъ какъ я долженъ же все-таки заботиться и о насущномъ хлѣбѣ для себя и для своей семьи. Написалъ Аврааму Сергѣевичу письмо, въ которомъ излагаю ему настоящее положеніе вещей—впрочемъ, отлично ему извѣстное—и говорю, не найдетъ ли онъ возможнымъ, для огражденія нашего общаго дѣла, какъ нибудь оформить мое положеніе въ министерствѣ такъ, чтобы я могъ посвящать ему больше времени и уже на равныхъ правахъ отбиваться отъ канцелярскихъ возней.

Вечеромъ въ тотъ же день получилъ очень любезную записку отъ Авраама Сергѣевича. Онъ сѣтуетъ на то, что я имѣю къ нему такъ мало довѣрія, тогда какъ онъ въ эту самую минуту занятъ не только обезпеченіемъ за собой моихъ трудовъ, но еще, какъ другъ, хлопочетъ и объ улучшеніи моей судьбы. Въ воскресенье я съ нимъ видѣлся. Самыя дружескія объясненія и увѣренія.

30. пышныя обѣщанія Авраама Сергѣевича разрѣшились. Мнѣ выдано «пособіе» въ 1,200 рублей. Авраамъ Сергѣевичъ точно хотѣлъ, прости Господи, заткнуть мнѣ глотку.

Получивъ отъ Гаевского официальное извѣщеніе о назначеніи мнѣ, по высочайшему повелѣнію, вышеупомянутыхъ денегъ, я долженъ былъ ѣхать къ министру. Онъ принялъ меня съ огорченнымъ видомъ и выразилъ сожалѣніе, что ему не удалось сдѣлать для меня всего, что онъ желалъ. Онъ, какъ говорить, дѣлалъ обо мнѣ докладъ государю, какъ «о человѣкѣ, который ему необходимъ и котораго должно имѣть въ виду для особенно важныхъ дѣлъ, ибо въ немъ способности соединены съ благороднымъ характеромъ», — и представилъ меня къ денежной и къ почетной наградѣ.

Государь выслушалъ его благосклонно и отвѣчалъ, что согласенъ дать мнѣ денегъ, но почетную награду (Владимірскій крестъ) не можетъ дать, потому что въ комитетѣ министровъ и то страшно

вопіють на массу наградъ по министерству народнаго просвѣщенія. Въ заключеніе государь замѣтилъ министру: отчего онъ не внесъ меня въ число двухъ лицъ, о которыхъ министры имѣють право ежегодно представлять государю внѣ установленнаго порядка?

На это Авраамъ Сергѣевичъ ничего не могъ отвѣтить, а мнѣ признался, что оплошалъ. Новыя обѣщанія и сѣтованія на недовѣріе въ нему.

А. В. Никитенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ.

Письма къ нему А. О. Смирновой.

1844—1851 ¹⁾).

Павино, 19-го іюня 1845 г.

Я у васъ въ долгу на два послѣднія ваши письма; этому причиною тоскливая лѣнь, которая мною такъ овладѣла, такъ затмила всѣ способности ума, что сама не знала, что говорила и дѣлала. Меня увѣряютъ, что я больна и что воды помогутъ; я пью эти воды и точно чувствую себя гораздо крѣпче тѣломъ, но духъ мой вовсе не спокойнѣе отъ этого, потому что безпрестанное воспоминаніе всѣхъ трудностей моего положенія должно наводить тоску, и какъ ни верти и не перевертывай, со всѣхъ сторонъ все выходитъ одно и то же.

Несчастныя данныя не есть хандра, не есть болѣзнь; но «сытый голоднаго не разумѣть» и еслибы я захотѣла кому-нибудь рассказать, что меня приводитъ въ уныніе, тотъ бы не повѣрилъ, смѣялся бы моему слабодушію, а не менѣе того нѣтъ силъгѣе страданій, какъ самолюбивое чувство, безпрестанно уязвленное.

Не думайте, что я не могу не жить въ томъ кругѣ, куда забросила меня судьба; совсѣмъ нѣтъ, я очень спокойна и счастлива, когда сижу съ братьями или друзьями, но жить такъ, какъ я бы хотѣла, мнѣ нельзя, потому что для дѣтей надобно поддерживать свѣтскія сношенія, и тутъ-то я и нахожу опять страданія и отчужденіе. Вы не повѣрите, до какой степени мнѣ тяжело и трудно даже съ Вельггорскими; болѣе или менѣе говорить о свѣтскихъ мелочныхъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», изд. 1888 г., томъ LVIII, апрѣль, стр. 31—72; іюнь, стр. 597—610; т. LIX, іюль, стр. 49—62; т. LX, октябрь, стр. 125—147.

интригахъ и приключеніяхъ, а я такъ живу далеко отъ всего, что не могу принести съ собою ничего въ составъ этого разговора. Вы лучше чѣмъ кто-либо поймете, какъ трудно тогда, когда питаешь въ себѣ чувство, что ничего нѣтъ общаго между тѣми, съ которыми живешь. Нельзя всегда выливать извнутри, а слишкомъ частыя сношенія съ людьми порождаютъ, наконецъ, какой-то застой въ умѣ и кончается тѣмъ, что, все переговоривши, нечего болѣе и сказать. Семейный и все семейный кругъ, наконецъ, дѣлается скученъ, а я почти не выхожу изъ него, исключая рѣдкихъ выѣздовъ къ графинѣ Нессельроде и во дворецъ.

Впрочемъ, что объ этомъ толковать? этого не передѣлаешь, и Божія воля мнѣ назначила теперь новую жизнь: Николай Михайловичъ (Смирновъ) получилъ мѣсто въ Калугѣ; онъ ѣдетъ на-дняхъ туда, а я въ октябрѣ туда переселяюсь. Слова ваши исполнились, любезный другъ, вы мнѣ писали: «васъ скоро не будетъ страшить губернаторство», и точно: я туда ѣду съ радостью; въ отсутствіи этихъ мелкихъ страданій, по крайней мѣрѣ, займусь дѣломъ, я буду читать и писать и тѣмъ наполню часы одиночества. Странно довольно, что мое одиночество вездѣ повторяется: въ Баденѣ, Ниццѣ, въ Парижѣ, во Франкфуртѣ все одно и то-же, наконецъ и тутъ, гдѣ, повидимому, мы дома.

Я писала княжнѣ Циціановой ¹⁾ и просила ее къ себѣ на житье въ Калугу, или, лучше сказать, на вѣки; она умная, добрая и меня любитъ; въ жизни также страдала много и потому отдала себя совершенно Богу. Можетъ быть, и вы къ намъ подѣдете, я тогда мы переговоримъ обо всемъ и передумаемъ вмѣстѣ многое, о чемъ прежде не говорили.

Странно довольно, что передъ моими глазами теперь безпрестанно подымается, какъ безобразный великанъ, все мое прошлое; тутъ сливаются и упреки себѣ, и часто возмущеніе сердца на судьбу, и ужасное отчаяніе для дѣтей; словомъ, всѣ призраки, угрюмые, наводящіе на лобъ морщины преждевременныя.

Принужденіе улыбаться въ свѣтѣ мнѣ такъ тягостно, что это похоже на гримасу, и даже чувствуется боль въ щекахъ отъ этого, если долго приходится остаться въ кругу съ чужими.

Еще предъ отъѣздомъ изъ города, я поручила Аркадію искать для васъ книги, но ни въ одной книжной лавкѣ ихъ нѣтъ, и потому я просила Самарина ихъ выписать изъ Москвы; онъ, кажется, писалъ Аксакову, но еще не получилъ отвѣта; онъ, т. е. Аксаковъ,

¹⁾ Тетка моей матери; скончалась въ 1885 г., въ глубокой старости.

кажется, уѣхалъ по разстройству дѣлъ въ деревню, и потому не перейте на мою неаккуратность.

Вы мнѣ не сказали, получены-ли вами книги, точно-ли всѣ онѣ до васъ дошли. Послѣднія ваши два письма, отъ 4-го и 18-го іюня, я получила и отвѣчаю на нихъ.

Я сама не могу вамъ растолковать, отчего Плетневъ мнѣ принесъ такъ мало денегъ и какіе тутъ расчеты ¹⁾; хотя онъ на дачѣ въ Лѣсномъ, я ему напишу и узнаю, когда и какъ вы будете впередъ получать свою пенсію. Плетневъ или боленъ или въ хандрѣ, я все это время находила его вялымъ и страннымъ; скажу съ Мухановымъ: «у каждаго Ермишки свои горькія дѣлашки».

Графъ Вѣльгорская пріѣхала не совсѣмъ здоровая, однако, ей уже лучше, и сегодня пріѣхалъ и Владиміръ Александровичъ (Солмогубъ); не знаю, какъ-то они встрѣтились и какого рода будутъ ихъ отношенія. Съ Нази ²⁾ я непременно сойдуся, хотя между нами такая большая разница лѣтъ; но мнѣ на это надобно время, теперь она еще не переговорила съ сестрами и подругами.

При провѣздѣ моемъ въ Москву, я отыщу Аксакова и Языкова и пошлю за Хомяковымъ; постараюсь отыскать и старушку Шереметьеву ³⁾; однако же, прошу васъ дать мнѣ ихъ адреса и имена собственныя, по крайней мѣрѣ. Представьте себѣ, что у меня нѣтъ ни одной души короткой въ Москвѣ, и если тамъ прійдется жить нѣсколько времени, то я со скуки пропаду. Мнѣ нужно ихъ видѣть не по одному чувству любопытства, но и потому, что все-таки мнѣ надобно знать ихъ понятія на счетъ того круга дѣятельности, который мнѣ предстоитъ; да и я таки могу имъ сказать кое-что.

Меня теперь занимають благотворительныя общества: я чувствую, что въ этомъ кругѣ дѣйствій есть что-то фальшивое, а не могу придумать, какимъ образомъ направить это. У насъ вездѣ заводятъ пріюты, школы, пансіоны; принято уже, что каждая губернаторша должна ими завѣдывать, отдавать отчетъ почти сюда, въ Петербургъ. Это считается почти доказательствомъ добродѣтели и доблестей гражданскихъ. Если я не буду этимъ же промыслять, то прослышу за весьма ненужную губернаторшу ⁴⁾ и могу даже повредить Николаю Михайловичу,

¹⁾ См. Соч. Гоголя, VI, 193.

²⁾ Соч. Гоголя, VI, 193: «Постарайтесь сойтись побольше и потѣнѣе съ Анной Михайловной». В. III.

³⁾ И. И. Шереметьева; она очень любила Гоголя. О. С.

⁴⁾ Отвѣтъ на это см. въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки: «Что такое губернаторша?» и въ письмѣ Гоголя, отъ 25-го іюня 1845 г. въ «Указат. къ письмамъ Гоголя», стр. 85, такъ какъ въ изданіи Кулиша есть пропускъ.

а между тѣмъ трудно мнѣ придумать, какъ вывернуться изъ этой колѣи, въ которую влѣзло все наше бытіе и, въ особенности, воспитаніе дѣвицъ, т. е. будущихъ матерей новаго поколѣнія. Надобно найти средину между совершеннымъ бездѣйствіемъ и этимъ полудѣломъ. Говорятъ, что архіерей очень хорошъ у насъ будетъ, и я считаю возможнымъ многому научиться у него. Вспомню я не разъ ваши «Мертвыя Души», но, къ несчастью, смѣяться больше не могу этимъ недостаткамъ; онѣ возбуждаютъ теперь во мнѣ сожалѣніе; не пеняйте на меня за эту правду ¹⁾. Кстати о книгахъ: «Тарантасъ» очень понравился государю, онъ очень часто о немъ говорилъ; я желала бы знать ваше мнѣніе о сей тарантеллѣ. Критика Плетнева была недурна, а скоро выйдеть въ «Москвитянинѣ» разборъ Самарина.

Здоровье императрицы (Александры Θεодоровны) все почти одинаково; на счетъ ея путешествія ничего не рѣшено; мнѣ грустно подумать о дворѣ; государь очень озадаченъ ея состояніемъ; много тутъ есть перемѣнъ, а есть и благодатныя; при оказіи я бы вамъ это все пересказала, но теперь нельзя. Разговоры его примѣтно серьезнѣе, — вотъ все, что могла замѣтить я, бывая тамъ разъ въ недѣлю, не болѣе, и не сохраняя никакихъ сношеній съ дворомъ, внѣ этого круга царскаго, гдѣ были со мною постоянно ласковы и милостивы. Прощайте, обнимаю васъ душевно и мыслію, другъ мой. Сколько пришлось мнѣ открыть и повѣдать того, что никому другому не сказала бы, пусть то останется межъ нами.

Павлено, 3-го іюля 1845 г.

Любезный, безцѣнный другъ мой, Николай Васильевичъ, письма ваши все болѣе и болѣе беспокоятъ и огорчаютъ меня. Душа моя хотѣла бы перелетѣть къ вамъ, быть съ вами неразлучно, прорадовать около вашей и свои и ваши болѣзни. Отсюда мнѣ оторваться невозможно. Николай Михайловичъ ѣдетъ въ концѣ іюля въ Калугу (если письма мои къ вамъ дошли, то вы знаете, что онъ назначенъ туда губернаторомъ). Мнѣ остается здѣсь кое-какія дѣла устроить, дожидаться Аркадія изъ Гельсингфорса, и придется ѣхать въ Калугу въ концѣ сентября, прежде дождей и худыхъ дорогъ. А вы въ Берлинѣ... какъ близко отъ насъ, и нѣтъ возможности надѣяться васъ видѣть. Это грустно и тягостно, и Богъ знаетъ, гдѣ и когда мы

¹⁾ См. Соч. Гоголя, VI, 204: «Вы коснулись «Мертвыхъ Душъ» и просите меня не сердиться за правду...» (VI, 204).

встрѣтися ¹⁾. Отъ Плетнева я вывѣдала, почему вы получили такъ мало денегъ за прошлую треть. Въ казначействѣ всѣ расчеты ведутся отъ 1-го генваря; приказаніе вышло гораздо позже и потому за генварьскую треть вы получили такъ мало. Въ сентябрѣ вы получите майскую треть сполна, 333 рубля серебромъ. Прошу васъ указать мнѣ, кому прислать. Буде вамъ нужны теперь деньги, то Плетневъ вамъ готовъ выслать изъ своихъ.

Віельгорскіе всѣ, слава Богу, здоровы. У нихъ теперь идетъ все мирно и спокойно. Софья Михайловна ждетъ своихъ родовъ въ концѣ юля или въ началѣ августа и супругъ очень утомился. Старая графиня, его матушка, тоже притихла, такъ что мнѣ совершенно нечего дѣлать, и слава Богу. Притомъ, Петербургъ не Ницца. Тамъ они жили вѣкъ свѣта и оттого слишкомъ увлекались семейнымъ бытомъ, а здѣсь есть тысячи развлеченій, полезныхъ и тѣмъ и другимъ. Я выдаю ихъ часто, боюсь даже надоѣсть имъ, потому что вѣкъ ихъ круга не вижу никого.

Если вамъ любопытно знать, каково мое расположеніе духа, скажу вамъ, что когда я одна дома, то мнѣ иногда очень грустно, но не скучно, но всякое прикосновеніе съ свѣтомъ дѣйствуетъ на меня болѣзненно. Мы съ вами никогда не говорили объ этихъ свѣтскихъ отношеніяхъ. На это были причины. Я на все смотрѣла сквозь живѣйшія увлеченія и была ко всему равнодушна, что не относилось къ чувству, мною обладающему; теперь же все проявилось въ моихъ глазахъ. Калуга, конечно, произведетъ большой переломъ въ моей жизни, и тутъ я вижу руку Божію; не менѣе того будетъ мнѣ тяжело тамъ въ первыя минуты. Вотъ мѣсяца четыре, какъ я оставила всѣ свои занятія, даже молитву и чтеніе евангелія. Ничто, рѣшительно ничто меня сильно не интересуется; душа болитъ, а сердце не любитъ. Мнѣ страхъ какъ бы хотѣлось совсѣмъ оставить свѣтъ, но я связана. Воля Божія была поставить въ такія отношенія, и каждый изъ насъ долженъ оставаться на своемъ постѣ, какъ говорятъ. Но какъ трудно иногда улаживать свою жизнь! Вы не повѣрите, что меня тянетъ на покой въ самый пустынный уголь, гдѣ бы мнѣ только отдохнуть. Жалобами, впрочемъ, ничего не перемѣнишь и все тѣснящее не высказать. Прошу васъ также все это оставить между нами и никому не говорить объ этомъ. Надобно бы, чтобы въ нравственномъ отношеніи я не гибла отъ этихъ, можетъ

¹⁾ Гоголь, въ свою очередь, приглашалъ А. О. Смирнову пріѣхать въ Эльголандъ (VI т., 193), гдѣ предполагалъ пользоваться морскими купаньями.

быть, мелочныхъ страданій и наполнила жизнь чѣмъ-нибудь; но посреди тѣхъ же обстоятельствъ и отношеній мнѣ трудно найти кругъ дѣйствія, и потому я вяну совершенно душою.

...Мое положеніе неизмѣнно; впрочемъ, оно менѣе въ моихъ рукахъ, чѣмъ чье-либо, и связано съ прошлыми обстоятельствами, а потому надобно мнѣ измѣнить свою душу, оградить ее, какъ чешуей, отъ жала гордости и самолюбія, или жить въ совершенномъ уединеніи, а это трудно или почти невозможно. Мнѣ иногда кажется, что я въ западѣ, и точно, это правда. Прощайте. Мнѣ кажется, вамъ уже должны надобѣть мои частыя повторенія одного и того же. Но вы знаете, что трудно говорить о другомъ, когда всѣ силы ума устремлены къ одному предмету.

Аркадій вручилъ для васъ книги Апраксину, который хотѣлъ вамъ ихъ вручить въ Гастейнѣ. Прощайте, другъ мой. Васъ я люблю искренно и съ увѣренностію, что вы никогда ко мнѣ не перемѣнитесь. Вы мнѣ нужны болѣе, чѣмъ вы думаете. Мы оба на разныхъ путяхъ и разными образами простирались въ свѣтѣ и были безъ опоры. На что мнѣ мой затѣшливый домъ съ галереями? На что богатое платье и жемчужное ожерелье? Это все для чужихъ готовится, а ко мнѣ никто не заглядываетъ ихъ посмотреть, да и не зачѣмъ ко мнѣ заглядывать. Прощайте, не браните меня, пожалѣйте обо мнѣ и любите меня, страдающую и обремененную жизнью, потому что жизнь иногда бремя ужасное, но которое мы обязаны все-таки носить. Христосъ съ вами. Ваша отъ души.

Павлино, 29 іюля 1845.

Гдѣ вы, любезный другъ мой? Давно отъ васъ нѣтъ писемъ, а душа моя жаждетъ всякаго дружескаго слова и наставленія. Николай Михайловичъ уѣхалъ уже въ Калугу; я въ совершенномъ одиночествѣ, и, еслибы не добрые и прекрасные мои сосѣди, я бы пропала съ тоски. Въ городѣ у меня только Вяземскіе и Нессельроды; но туда меня вовсе не тянетъ, душа тамъ не отдыхаетъ, а моей нуженъ безпрестанный отдыхъ. Куда, думаете вы, меня тянетъ? Именно въ Калугу. Это вѣдь странно, но оно такъ. Тамъ не найду я того свѣтскаго обращенія, тамъ иначе мыслить, говорить, но, вѣрно, тамъ болѣе простоты и чистосердечія. Боже, Боже мой! какъ здѣсь все основано на условіяхъ и какъ это тягостно!

На дняхъ я читала «*Servitude et grandeur militaire*» D'Alfred de Vigny. Пожалуйста, прочтите эту маленькую книжку. Она чрезвычайно замѣчательна въ томъ отношеніи, что, не упомывая ни слова

объ отреченіи отъ всякой суетности, отъ всякаго тщеславія въ жизни, отъ всякой добродѣтели, знаемой и уважаемой свѣтомъ, сочинитель ставитъ ее всего выше и только самыми простыми словами рассказываетъ исторію, въ которыхъ живо и прекрасно выражается его мысль. Это тѣмъ замѣчательно, что въ нашъ вѣкъ именно все стремится къ извѣстности, все ея алчетъ и жаждетъ, и смиренная доля уже почитается несчастіемъ. Замѣчательна эта книга еще потому, что въ ней нѣтъ ничего догматическаго, не слышенъ этотъ обветшалый языкъ католицизма, который пресмыкался въ своихъ оборотахъ только, а въ душѣ преподавателя таилъ и гордость и всякіе тщеславные замыслы. Тутъ все ново, живо, непринужденно и глубоко почувствовано со смиреніемъ и сознаниемъ, что смиреніе — первая добродѣтель. Прочтите ее, вы будете довольны. Давно говорилъ мнѣ объ этомъ великій князь Михаилъ Павловичъ, котораго она очень поразила, а теперь еще рекомендовалъ и Михаилъ Юрьевичъ (Вьельгорскій).

Въ своемъ одиночествѣ, я мало читаю, но много, много размышляю. Не знаю, что разовьется современемъ изъ этой жизни, которую мнѣ сдѣлали обстоятельства вопреки моему вкусу. Теперь только я поняла, до какой степени я свѣтская женщина и какъ меня избаловала моя придворная жизнь, которая продолжалась до сихъ поръ. Противорѣчій во мнѣ бездна. Когда свѣтъ меня искалъ и завлекалъ къ себѣ, я его бѣгала; теперь начинаю чувствовать одиночество, потому что меня свѣтъ оставляетъ.

Сейчасъ получила ваше письмо изъ Карлсбада. Не знаю, что и думать о вашей болѣзни. Остается только помолиться; но молитва моя за вами всегда слѣдовала. Богъ вѣдаетъ одинъ, каково будетъ слѣдствіе водъ. Мнѣ приходило на мысль, что не хорошо ли вамъ съѣздить въ Воронежъ помолиться? Тамъ многіе получили исцѣленіе. По пріѣздѣ моемъ въ Калугу, я сама имѣю намѣреніе туда отправиться съ княжной Циціановой, которая тамъ у меня будетъ жить. Вашихъ друзей я отыщу въ Москвѣ черезъ Аксакова или Хомякова. Погодинъ, кажется, разсорился съ ними. По крайней мѣрѣ, Кирѣевскіе болѣе не пишутъ въ «Москвитяинъ» и «Москвитяиннъ» выходить нерегулярно.

Здоровье императрицы поправилось вслѣдствіе хорошей постоянной погоды; однакоже Мандтъ пріѣхалъ, и говорятъ, что она ѣдетъ на зиму въ Италію. Надѣюсь, что Михаилъ Юрьевичъ поѣдетъ съ нею.....

1-го сентября вышлются вамъ деньги. Прощайте, мой прекрасный, добрый другъ. Намъ съ вами дался трудный годъ. Это воля Божія, а наше дѣло бороться, трудиться и бодрствовать. Ваша отъ души.

Павлинно, 11-го августа 1845 г.

Я давно къ вамъ не писала, любезный Николай Васильевичъ. Мнѣ все еще такъ грустно, что кромѣ жалобъ и пустыхъ упрековъ на судьбу ничего изъ головы не выходитъ. Грустно мнѣ и за васъ, и на васъ. Какъ нарочно, все то, что я люблю и къ чему имѣю привязанность, или страдаетъ, или погибаетъ. Иногда мнѣ кажется, что я *Settatore*, какъ *Prosperé* ¹⁾. Мнѣ трудно пересказать вамъ, сколько мною было передумано грустнаго и мрачнаго. Въ головѣ не осталось ни одной здоровой мысли; лѣнь страшная, все такъ гадко, что мочи нѣтъ. Всего хуже очерствѣніе души моей. Она не только не любитъ, но и не вѣруеть. Еще никогда я не находилась въ такой фазѣ. Губами твержу: «Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте, да не смущается сердце ваше», а душа отворачивается отъ этихъ словъ, какъ отъ горькой чаши. Что такое вѣра и надежда на промыслъ? и кому дается здѣсь желаемое? Вотъ въ какомъ состояніи я нахожусь, вотъ что повторяю себѣ безпрестанно. Кому и какъ дѣлать добро послѣ этого.

Письмо ваше, полное добрыхъ наставленій и хорошихъ совѣтовъ, какъ мнѣ обращаться съ чиновнымъ людомъ, я перечитала нѣсколько разъ. Увы! надобно много самоотверженія, чтобы жить такъ, какъ вы предполагаете, а у меня еще его совѣтъ нѣтъ. Впрочемъ, меня Калуга не пугаетъ, потому что все равно кажется мрачнымъ и скучнымъ.

Каково-то ваше здоровье, другъ мой? вотъ главный мой запросъ. Вамъ нужно воротить силы и кончить свое дѣло. Вы нужнѣе, чѣмъ кто-либо. Я не сомнѣвалась никогда, что «Мертвыя Души» заключаютъ въ себѣ высокое значеніе, которое должно было развиться въ послѣдующихъ томахъ, и потому и молилась, чтобы Богъ далъ вамъ силу окончить этотъ трудъ. Хорошая книга очень нужна въ нашу эпоху. Всѣ чувствуютъ потребность хорошей пищи, и всѣ какъ-будто ищутъ чего-то; скучаютъ неимоვნно, обезсиливаятъ въ тяжелой борьбѣ, и часто самые лучшіе погибаютъ не по своей винѣ, а отъ окружающей ихъ атмосферы.

Москвичей я желала бы видѣть. Если у меня нѣтъ достаточныхъ познаній, взгляды у меня по крайней мѣрѣ вѣрныя. Если Хомяковъ будетъ уже тамъ, я его непременно вызову къ себѣ; также и старика Аксакова. Съ дамами я не охотница знакомиться, не терплю чопор-

¹⁾ Monsignore Prosperé слылъ въ Римѣ Settatore—это шутка. О. С.

ность. До меня дошло слухами, что тамъ дѣлають глупости. Одинъ изъ нихъ, напимѣръ, напомнилъ мнѣ замѣчаніе городничаго учителю: «Александръ Македонскій, конечно, былъ великій человекъ, но зачѣмъ опять стулья ломать?» Не назову его; но знаю, что онъ не только стулья ломаетъ, но еще и платье свое изорвалъ на себѣ. Его почитаютъ помѣшаннымъ въ Москвѣ и это дошло ко мнѣ отъ очевидца и очень хорошо расположеннаго человека. Не знаю, такъ ли мнѣ только кажется, или оно точно такъ, но въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ сдѣлался большой переворотъ въ мыслительномъ мірѣ; замѣтно, предаются анализу, доискиваются какъ-бы точки равновѣсія между потребностями и данными, но, слава Богу, не въ западномъ глупомъ, конституціонномъ духѣ. О формѣ и помину нѣтъ, слава Богу — еще повторяю. Я увѣрена, что вамъ будетъ любопытно поговорить здѣсь съ молодыми людьми. Между ними есть много учащихъ и мыслящихъ.

Новости у насъ большія. На Кавказѣ идетъ все хорошо, государь доволенъ, и всѣ довольны. Взяли Дарго, вытѣснили Шамиля изъ его укрѣпленія, прошли чрезъ знаменитый Ичкеринскій лѣсъ, гдѣ такъ несчастливо (погибъ), тому назадъ два года, Грабе.

Рѣшено, что императрица на зиму ѣдетъ въ Италію, а именно въ Палермо. Государь на это согласился, хотя и очень тягостна для него разлука. Если вы будете въ Римѣ, вѣроятно, увидите Михаила Юрьевича, который поѣдетъ хотя не съ императрицей, но будетъ приглашенъ въ Палермо. Ѣдутъ всѣ 21 числа, потому что государь отпрапляется на югъ съ наслѣдникомъ. Герцогъ Лейхтенбергскій — въ Сибирь, по своей части, горной. Тутъ-то пойдутъ толки; а теперь пока еще все хлопочетъ объ укладкѣ. Государыню сопровождаютъ графъ Ан. Шуваловъ и Гр. Ст. Апраксинъ, фрейлины Тизенгаузенъ и Нелидова, а при в. кн. Ольгѣ Николаевнѣ Окулова. Ѣдутъ парохомомъ до Штетина, а тамъ и желѣзными и другими путями до Генуи, гдѣ будетъ ожидать ея величество пароходъ «Камчатка», съ которымъ она приплыветъ въ Палермо на видлу княгини Бутера ¹⁾.

... Прощайте, другъ мой. Напишите хоть нѣсколько строкъ о своемъ здоровьѣ. Я очень беспокоюсь о послѣдствіи Карлсбада. Съ кѣмъ вы тамъ видаетесь? Гдѣ вашъ пріятель Толстой? ²⁾ Ваша отъ души. Помолитесь за меня, а я за васъ съѣзжу помолиться въ Воронежъ зимою.

¹⁾ Рожд. Шаховская, 1-мъ бракомъ Шувалова, мать братьевъ Петра и Андрея Павл., 2-мъ за гр. Pollier, 3-мъ за княземъ Бутера Радани. 1-й мужъ княгини, гр. Шуваловъ, довезъ Наполеона I до Тулона, когда его повезли на островъ Эльбу въ 1814 году.

О. Смирнова.

²⁾ Александръ Петровичъ Толстой, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, въ домѣ котораго скончался Гоголь.

Павлино, 12 сентября 1845 года:

Гдѣ вы и что съ вами, любезный другъ Николай Васильевичъ? Вотъ четыре недѣли, какъ отъ васъ нѣтъ вѣсточки, а мнѣ нужно вамъ прислать сентябрьскую треть. Отъ Жуковского тоже не получаю никакого извѣстiя, и пишу такъ, на всякій случай, во Франкфуртъ: авось либо онъ знаетъ, гдѣ вы обрѣтаетесь. Полагаю, что вы давно оставили Карлсбадъ? Не могу понять, отчего вы хотя словомъ не увѣдомили меня о своемъ здоровьѣ и будущихъ намѣренiяхъ. Последнее письмо ваше отъ 26 iюля н. ст. пришло сюда 31 iюля ст. ст., а у васъ теперь 12 сентября. Это меня все очень смущаетъ. Мы съ Анной Михайловной часто говоримъ о васъ и сокрушаемся вашимъ молчанiемъ. Ради Бога, дайте вѣсточку о себѣ.

Николай Михайловичъ (Смирновъ) уже вступилъ въ должность, а я вступлю только въ началѣ октября. У насъ тамъ служить одинъ изъ Аксаковыхъ ¹⁾; я этому очень рада...

Последнiй «Москвитянинъ» плохъ и отзывается отсутствiемъ Хомякова и проч. Онъ весь напнтанъ Погодинымъ. Сологубъ пишетъ всякую дрянъ и сидитъ теперь у меня. Впрочемъ, его «Воспитанница» хороша и вамъ посвящена. Это разсказъ Щепкина, имъ (Сологубымъ) изложенный. Прощайте, другъ мой. Обнимаю васъ. А. С.

Приписка гр. В. А. Сологуба. Рабъ Божiй Александръ ²⁾ поручаетъ себя вашему дружжелюбному расположенiю. Что будетъ изъ него—неизвѣстно, а пока онъ рыжii. По крайней мѣрѣ, нянька утверждаетъ, что онъ рыжii. Это можетъ быть отъ моего пламеннаго воображенiя. «Воспитанница» теперь на воспитанiи у Никитенки, и какъ только принарядится, то выдетъ къ вамъ.

Жена моя, слава Богу, поправилась. Дочь выросла. Не забываете всѣхъ вамъ преданныхъ. Гр. Сологубъ.

Петербургъ, 19 сентября (1845 г.).

Вашу записку передала мнѣ Софья Михайловна. Наконецъ, вамъ немного лучше. Слава Богу! А мнѣ уже снились сны, ужъ подлинно чудесные. Снилось мнѣ, что я получила отъ васъ письмо, которое горѣло яркимъ лучомъ. И бумага, и почеркъ—все какъ будто преобразилось. Этотъ сонъ разсказанъ былъ въ домѣ Вiельгорскихъ, и всѣ ему удивлялись. Пусть оно такъ, пусть вы преобразились тѣломъ и духомъ, и да увидимъ мы своими глазами преображенiе вашихъ

¹⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

²⁾ Новорожденный сынъ В. А. Сологуба.

«Мертвыхъ Душъ» въ живительный источникъ любви и силы для нашихъ собственныхъ мертвыхъ душъ.

Сегодня я вамъ такъ рада, что не хочу о себѣ говорить, потому что себѣ я вовсе не рада. Теперь, впрочемъ, вотъ штука какая. Плетневъ ходилъ въ казначейство за вашими деньгами, и тамъ ему сказали, что для полученія оныхъ всякую треть вы должны высылать свидѣтельство посольства или консульства того мѣста, гдѣ вы обрѣтаетесь, о вашей драгоценной жизни. Такъ какъ за эту треть вы опоздали, то я Дювалю поручила 1,000 франковъ во Франкфуртъ Жуковскому. Онъ же, жукъ т. е., сидитъ теперь въ Нюренбергѣ ¹⁾, гдѣ ждетъ императрицу, но вернется скоро домой, и я ему напишу завтра, чтобы вексель выслать къ вамъ въ Римъ, въ посольство. Вы же вышлите Плетневу скорѣе свидѣтельство за сентябрьскую и декабрьскую трети. Тогда 1,000 франковъ выplatятъ здѣсь Дювалю, а другіе 1,000 вамъ вышлетъ Плетневъ въ Римъ....

Я переслала вашу послѣднюю записку Аксакову—порадовать старика доброй вѣстью о васъ. Вы, кажется, любите новости, а у насъ ихъ такъ много, что высказать ихъ трудно. Я же живу между Петербургомъ и Москвою; потому часто выдаю Самарина, напитаннаго еще духомъ премудрости вашихъ друзей и вѣрнаго ему по сихъ поръ, но грустящаго и, кажется, колеблющагося. Впрочемъ, то, что называютъ новостями собственно, т. е. мелочными ежедневными сплетнями, я не могу васъ ими потчивать, потому что живу внѣ свѣта.

Императрица у васъ въ Италія, государь на нашемъ югѣ и надняхъ долженъ воротиться въ Москву, куда ѣдетъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Между прочимъ скажу вамъ, что случай доставилъ мнѣ истинное наслажденіе говорить долго съ цесаревной. Она настоящее сокровище и душой и умомъ. Долго спрашивала меня о воспитаніи въ казенныхъ заведеніяхъ и дѣлала такіа вѣрныя, исполненныя здравомыслія замѣчанія, что я удивлялась, какъ въ эти лѣта, при этой жизни и столькихъ заботахъ, она могла такъ хорошо обдумать этотъ предметъ. Она принимаетъ въ Царскомъ селѣ разъ въ недѣлю, и всѣ разѣзжаются обвороженные ея милой, непринужденной обходительностію; особенно довольны ею старики и старухи, которыхъ она никогда не забываетъ, даже во время танцевъ. Говорятъ, что наследникъ любить ее гораздо болѣе еще, и тогда только и счастливъ, когда можетъ провести вечеръ съ нею съ глаза на

¹⁾ О пребываніи Жуковскаго въ это время въ Нюренбергѣ см. письмо Жуковскаго къ А. О. Смирновой, VI т. (седьмое изд.), стр. 526—527.

глазъ. Она совсѣмъ несвѣтская, по собственнымъ ея словамъ, но когда принимаетъ, то показывается именно такъ, какъ надобно. За такую цесаревну надобно благодарить Бога и просить, чтобы онъ ее сохранилъ для Россіи. Государь отъ нея безъ памяти. По русски она говорить очень хорошо и много читаетъ. Пушкинъ, Жуковский ей очень извѣстны. Михаила Павловича она очень тронула, изъявивъ ему желаніе слушать панихиду въ день св. Елизаветы. Всякое слово, которое она ему сказала, было исполнено самаго искренняго и глубокаго чувства. Пока императрица здѣсь была, о ней не говорили, потому что ей не слѣдовало себя выказывать. Вы понимаете, сколько надобно имѣть такту сердечнаго и сколько ума, чтобы при такихъ обстоятельствахъ себя не выказывать. Вотъ вамъ вѣсть хорошая. Вы охотникъ до такихъ очерковъ нравственныхъ, а я охотница оцѣнять достоинство и его выставять. На это я артистъ и съ непритворнымъ восхищеніемъ люблю говорить о тѣхъ, въ которыхъ чувствую душу и умъ.

Въ Павлинѣ живутъ благополучно и мирно. Меня отпустили съ сожалѣніемъ. Не умѣю вамъ пересказать, сколько я имъ благодарна за милыя ихъ ласки. Я не умѣю никакъ благодарить. Есть слова, которыя всегда похожи на комплименты; я ихъ не терплю. Прошу васъ, когда вы будете писать, передать имъ мою благодарность. Графиня Нессельроде проводитъ нынѣшнюю зиму въ Римѣ. Если вы ее случайно встрѣтите, хотя она плохо говоритъ по русски, не дичитесь¹⁾. У нея душа предобрая, не смотря на испорченность, неизмѣнимо въ такомъ положеніи, гдѣ всѣ льстятъ. Памятникъ Карамзину былъ открытъ 12 сентября. Тамъ отличался Погодинъ. Андрей Карамзинъ отвѣчалъ коротенькою рѣчью, которую вамъ выписываю по большой моей къ вамъ дружбѣ, за что прошу васъ быть мнѣ очень благодарнымъ. Вотъ какъ изъяснился Андрей Николаевичъ:

«Милостивые государи, ежели каждому русскому останется памятнымъ торжество, соединяющее насъ, то какими словами мнѣ, сыну Карамзина, выразить все, чѣмъ исполнена душа моя? Гений и талантъ не наследственные, но наследственно съ малолѣтства питаемое чувство любви къ родинѣ, пламенное, святое—преданность престолу и Государю. Мое русское сердце трепещетъ радостью, видя, какъ милое мое отечество цѣнитъ великіе труды, понесенные безсмертнымъ покойникомъ въ пользу русскаго дѣла и русскаго слова. Какъ сынъ его,

¹⁾ Знакомство Гоголя съ графиней Нессельроде дѣйствительно состоялось, но нѣсколько поздне; 27 января слѣдующаго года Гоголь писалъ: «Графиня Нессельроде мнѣ поправилась съ перваго раза» (VI, 233). Послѣ Гоголь давалъ ей нѣкоторыя порученія о своихъ сочиненіяхъ.

исполненный благодарности, съ умилениемъ и восторгомъ возношу заздравный кубокъ въ честь первыхъ виновниковъ торжества, въ честь благороднаго, просвѣщеннаго симбирскаго дворянства. Ура!»

Погодинъ, между прочимъ, сказалъ: «Да цвѣтеть Россія долго, долго, выразусь словами Карамзина, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!»¹⁾

Я получила письмо отъ Иванова. Не понимаю, отчего онъ не получаетъ денегъ. Это дѣло шло чрезъ Василя Алексѣевича Перовскаго, котораго я не выдаю здѣсь по причинѣ разныхъ обстоятельствъ. Посредникомъ былъ Ханыковъ; но его услали въ Ригу по комиссіи. Предъ отъѣздомъ я поговорю съ Прянишниковымъ. Онъ хорошій человѣкъ и любитель русскаго художества. Радуюсь за Иванова²⁾, что вы будете въ Римѣ: его надобно поторопить. Дѣти мои здоровы и беззаботно веселы. Дай Богъ, чтобы всегда такъ было. Вамъ собирается писать Самаринъ длинное письмо. Не ѣжьте съ нимъ: онъ прекрасно уменъ и любитъ васъ за вашу живую душу и за «Мертвыя Души». Молебень отслужу. Хотя охота молиться меня оставила теперь, но мои дѣти за васъ помолятся. Тоска, тоска и одиночество!

Москва, 30-го октября 1845 г.

... Современемъ вы узнаете отъ меня цѣлый рядъ тайныхъ душевныхъ происшествій, которыя сильно подѣйствовали на все мое существованіе и заключили, конечно, на вѣки страстную жизнь сердца моего. Вамъ это надобно знать, потому что вы не чужды всему случившемуся; имя ваше произносилось часто, ежедневно съ одинаковымъ душевнымъ участіемъ, съ одинаковою благодарностью за ваше доброе вліяніе, вы были тутъ неотлучно и освѣняли все, всякое слово, движеніе—освѣщали его. Разсталась я безъ страха, упрековъ и раскаянія, не смотря на тяжкую, очень тяжкую скорбь; встрѣчу всегда съ радостью и увѣренностью, что время и разлука не устранятъ ничего.

¹⁾ Мнѣніе Гоголя о рѣчи Погодина см. въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ перенески съ друзьями», «Карамзинъ», 3 изд. наследн., IV, 620.

²⁾ А. О. Смирнова много покровительствовала Иванову, что видно и изъ писемъ послѣдняго къ Гоголю. 15-го марта 1845 г. онъ просилъ Гоголя написать А. О., чтобы при пріѣздѣ Тона въ Петербургъ, она тотчасъ поговорила о немъ съ Лейхтенбергскимъ. Въ 1851 г. въ письмѣ отъ 20 мая онъ говорилъ также: «Прикидываюсь Смирновой, что у меня денегъ совсѣмъ уже нѣтъ: вѣдь къ тремъ тысячамъ нужно было прикладывать четвертую, чтобы продолжать трудъ, а просить четырехъ въ годъ—совершенно уже руки отваливаются со страха».

Мнѣ встрѣтилась душа живая, чистая, полная любви ко всему прекрасному, которая сама сторожить за собою, какъ за сокровищемъ, и боится не только утраты, но даже ослабленія своихъ святыхъ чувствъ и убѣжденій. Мнѣ встрѣтился и умъ свѣтлый, все понимающій, все наблюдающій, разумъ высокій, строгій судья самого себя.

Мнѣ встрѣтилось все, что даже и въ свѣтскомъ человѣкѣ необходимо. Природа щедро одарила, даже и общественнымъ положеніемъ, даже и красотой, это прекрасное существо, подъ влияніемъ котораго не только не потрясено вами побужденное во мнѣ чувство, но даже его и подкрѣпило. Не смотря на это доброе влияніе, въ душѣ моей была сначала сильная буря, въ ней пробудились старыя страстные порывы, — колебалась — волновалась вся; но, наконецъ, восторжествовало все; и убѣжденіе, что жертвою искупится жизнь прошлая и грѣшная, опять вошло въ душу и разсталась я съ грустью, но съ благодарностію. Хороша, тепла еще эта душа — и вѣрять и любить — и да сохранить ее Господь вѣчно въ своей красотѣ. Гдѣ и когда мы свидимся, мнѣ неизвѣстно; знаю только, что встрѣтимся, какъ братья. Васъ, любезный другъ мой, должна я благодарить много, и часто ежедневно васъ благодарили, благословляли и любили вѣжно, какъ роднаго брата. Черезъ три дня отправляюсь въ Калугу; дѣти уже вчера уѣхали со своимъ причтомъ. У меня кое-какія дѣлшкн, да и кое-кого надобно увидѣть; поджидаю Сергѣя Тимофеевича изъ деревни; сына ¹⁾ его въ терликѣ и мурманкѣ еще не видѣла. Вчера встрѣтилась съ Хомячкомъ у Мещерскихъ; тутъ Андрей Карамзинъ боленъ, и мать его, и Александръ тутъ. Тутъ и Тургеневъ ²⁾, все та же милая болтуныя. Какъ милъ Хомячокъ, какъ прелестно болтливъ, какъ дѣтски добръ, какой у него голосокъ, это пташка, сладко поющая. Къ сожалѣнію, онъ завтра ѣдетъ. Спасибо вамъ, и мнѣ теперь живѣе чувствуется душа въ каждомъ человѣкѣ. Съѣзжу къ Н. М. Языкову. Если-бы мнѣ можно было долѣе остаться, то непременно бы познакомилась съ Свербеевой и Елагинной; теперь возобновила съ старыми знакомство. Сегодня ѣду къ митрополиту съ княжной Циціановой; вѣдь вы знаете, что она со мною отправляется въ Калугу; она дѣвушка умная, живая и веселая, не смотря на всѣ горести, черезъ которыя прошла. Она мнѣ очень по сердцу, мы плачемъ и смѣемся вмѣстѣ; она все понимаетъ и любитъ меня. Потому съѣзжу съ ней въ Троицу помолиться и повидаться съ Голубовскимъ.

¹⁾ Конст. С. Аксаковъ.

²⁾ Братъ Н. И. Тургенева (декабреста).

А отчего вы, другъ мой сердечный, замолкли; въ Римѣ, въ посольствѣ, лежитъ длинное письмо къ вамъ ¹⁾).

Пишите ко мнѣ прямо въ Калугу, не забудьте увѣдомлять, что у васъ толкуютъ о царяхъ и каковъ нашъ ангелъ императрица. Вѣдь я не имѣю никакихъ сношеній съ придворными и съ дворомъ, кромѣ моихъ личныхъ сношеній съ царями. Ихъ я люблю, какъ любить отца и мать. Напишите же о нихъ, да скажите, съ кѣмъ вы выдаетесь, кто у васъ по душѣ и сердцу въ Римѣ. Итакъ прощайте до Калуги, неоцѣненный другъ мой. Съ Софьей Михайловной Сологубъ мы разстались вѣжно, со слезами. Это голубушка моего сердца; сейчасъ буду ей писать. Не хандрите, вотъ и я грущу, но не такъ уже хандрю. Хомяковъ кричитъ: «Иерусалиме, Иерусалиме для Гоголя». А что «Мертвыя Души»? Я за васъ тутъ вдѣпилась съ симбирскимъ губернаторомъ Булгаковымъ, ужъ онъ самъ такъ и лѣзетъ въ мертвыя души; видно, узналъ себя злодѣй въ какой-нибудь гадости. Говорить, что вы хохоль: такъ чтожъ? и я хохлячка, мы съ вами росли на галушкахъ и вареникахъ и не хуже Булгакова. Да что такое хохоль? Хохоль уменъ, пѣсни поетъ прекрасно, лѣнливъ, обманываетъ не хуже русскаго и, притомъ, еще помнитъ..... Его менѣе дубасили и это значить что-нибудь. И такъ прощайте, милый мой хохоль съ пидъ Пултавы, ваша отъ души съ благодарностію.

Если къ вамъ будетъ писать Самаринъ изъ Петербурга: отвѣчайте ему и не дичитесь съ нимъ ²⁾).

Калуга, 16-го декабря 1845 г.

Хочу написать вамъ хотя самое коротенькое письмо, любезный другъ мой; я здѣсь получила отъ васъ двѣ записочки: одну переславную мнѣ Софьей Михайловной, а другую попавшую ко мнѣ не знаю сама какимъ образомъ. У меня на душѣ лежалъ какъ будто какого рода грѣхъ,—такъ меня безпокоило, что я вамъ не отвѣчала въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Братъ мой Клементій писалъ: «Губернаторъ есть самое занятое лицо въ мірѣ, разумѣется, въ своемъ муравейникѣ»; если это справедливо, справедливо и то, что губернаторша тоже служить и ни подъ какимъ вѣдомъ не можетъ проживать какъ партикулярное лицо, какъ ей угодно. Кромѣ обязанностей обще-

¹⁾ См. отвѣтъ Гоголя въ VI, 234 стр.

²⁾ На эти слова Гоголь отвѣчалъ: «Вы писали мнѣ въ прежнемъ письмѣ моемъ, чтобы я не дичился съ Самаринимъ. На это скажу вамъ, что еще не дичился въ такомъ смыслѣ ни одного человѣка» и проч. VI, 234 стр.

ственныхъ, настигли на меня еще и домашнія. Сообразно тому, что сказала великій мудрецъ Клементій Осиповичъ на счетъ губернаторской дѣятельности, Николаю Михайловичу невозможно управлять своимъ имѣніемъ, и такимъ образомъ ко мнѣ въ руки перешло, кромѣ домашнихъ людей, еще и 4,000 душъ, которыми отнынѣ управляю вполне, съ правомъ закладывать и выкладывать, продавать лѣса, уничтожать фабрики и заводы, словомъ, упрощать хозяйство такъ, какъ только можно. По приѣздѣ моемъ въ Калугу, я нашла такой ужасный беспорядокъ въ домѣ, что съ утра до вечера проводила въ счетахъ и расправахъ, и если вамъ не писала, то рѣшительно по неимѣнію времени; къ этимъ занятіямъ, въ видѣ пріятныхъ прогулокъ и развлеченій, были визиты ко всѣмъ безъ изыятія служащимъ и нѣкоторымъ здѣсь живущимъ помѣщикамъ и почетнымъ купеческимъ женамъ. Кромѣ того, я посѣтила больницы, богадѣльни и вообще благотворительныя заведенія. Обрѣталась же я въ Калугѣ съ 13-го числа ноября, итого мѣсяцъ съ небольшимъ ¹⁾. Не пеняйте на мое молчаніе, по прочтеніи этой программы. Ни скучать, ни горевать не было еще времени; хорошо уже то, что явилась опять энергія. Отрадными минутами были вечера, которые мы проводимъ; дома тетушка княжна Цицианова, вамъ извѣстная по моимъ рассказамъ, братъ Левъ Арнольди, который тутъ служить по особымъ порученіямъ, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Собираются въ 8 часовъ и мы сидимъ до 11 и даже 12-ти. Въ губерніи если попадется порядочный человѣкъ, то вѣрно или замѣшанъ былъ какого нибудь числа и года, или разорился въ пухъ, живя въ Петербургѣ и за-границей, и не радѣлъ о своихъ помѣстьяхъ, или женился несчастливо; тетушка говорить, что всѣ съ изыянцемъ и что мы первые съ изыянцемъ. Въ этомъ мѣсяцѣ узнала я болѣе о Россіи и человѣчествѣ вообще, чѣмъ во все мое пребываніе во дворцѣ. Тамъ всѣ раны прикрыты золотой парчой, здѣсь вся внутренняя сторона едва прикрыта ломотьями. Гдѣ лучше люди, тамъ или здѣсь,—это Богу одному извѣстно. Между духовными лицами я отыскала одного стараго священника, который обратилъ Юрія Александровича Нелединскаго къ Богу и былъ его другомъ. Есть, говорятъ, умные люди, но что такое умъ безъ души и любви тамъ, гдѣ она должна преизбыточествовать, какъ въ губерніи, чтобы сдѣлать сколько нибудь пользы! Прекрасная женщина игуменья Ангелика, умная сердцемъ и очень смиренная, почти не живущая этой жизнью. Мы съ ней сошлись. Въ губерніи сидятъ тамъ и сямъ по монастырямъ люди удивительные; но вліаніе

¹⁾ Это первый приѣздъ въ ноябрѣ 1845 г.

ихъ не распространяется за монастырскія ограды. Въ 180 верстахъ отъ насъ, въ Болховѣ, живетъ Макарій, тотъ, который былъ у бурятъ; въ Петербургѣ онъ никому не полюбился и сидитъ теперь подъ гнетомъ, обучаетъ дѣтей и лечитъ больныхъ; преобразовалъ свой монастырь, который славился развратомъ. Такъ какъ княжна съ нимъ очень знакома, то и я намѣревалась къ нему съѣздить; мнѣ нужно переговорить съ нимъ на счетъ одного священника. Здѣсь есть заведеніе, такъ называемое Хлюстияское, гдѣ 600 человѣкъ и нѣтъ своего особеннаго священника, хотя есть церковь, и я хочу, чтобы онъ мнѣ далъ іеромонаха, ему извѣстнаго и имѣющаго склонность къ занятіямъ больничнаго священника.

Вышла прекрасная брошюрка Стурдзы объ обязанности духовныхъ лицъ въ тюрьмахъ и больницахъ. Не разъ вспоминали мы ваши «Мертвыя Души», любезный другъ; надобно быть точно ослѣпленнымъ, чтобы отвергать всю ихъ истину. Пожалуйста, не вѣрьте, если до васъ дойдутъ на мой счетъ какіе нибудь слухи; вообразите, что я не могу сдѣлать шагу, о которомъ бы на другой день не говорилъ весь городъ. Губернаторша была-ли у архіерея—на другой день всѣ ѣдутъ къ нему узнавать, что говорила; была-ли у всеобщей—на другую субботу отправляются ко всеобщей; была у купчихи—узнаютъ за чѣмъ и не просила-ли денегъ для бѣдныхъ. До сихъ поръ этою податью, въ виду блага общаго, я никого еще не облагала и надѣюсь, что безъ нея обойдусь. Мнѣ теперь иногда смѣшно, когда я подумаю, какъ все въ моей головѣ переименовалось. Въмѣсто громкихъ именъ: Нарышкиныхъ, Воронцова, Вьельгорскихъ, Карамзиныхъ — звучатъ только: Писаревъ, Яковлевъ, Брылевичъ, Салтановъ; вмѣсто приглашенія на обѣдъ, балъ или концертъ—впередѣ у меня визитъ къ архіерею, экзаменъ въ институтѣ, поѣздка въ богадѣльню, или, что всего тягостнѣе, мой пріемный день и балъ въ дворянскомъ собраніи. Въмѣсто разсужденій о камерѣ французской и католическомъ движеніи въ Германіи, продажа или покупка ржи въ голодающую западную Русь, перемѣна смотрительницы умалишенныхъ, которая изволила продавать булки, отпускаемая этимъ несчастнымъ, потому что они жаловаться не могутъ. И всѣ эти вещи замѣнили тотъ, можетъ быть, условный интересъ, и дни проходятъ незамѣтно, и всякій день новое дѣло и порядку все-таки еще нѣтъ. Странная вещь человѣкъ! Какая гибкость въ его умѣ и душѣ! Какъ скоро привыкаетъ онъ къ тому, что издали казалось ему грознымъ устрашающимъ.

Вчера я получила письмо отъ Плетнева, онъ пишетъ, что распорядился на счетъ вашего пенсіона; вы жалуетесь на зябкость—это

чувство чисто нервическое,—я увѣрена, что она пройдетъ въ Иерусалимѣ, а я между тѣмъ попрошу игуменю за васъ помолиться. Вы, вѣрно, знаете, что Тургеневъ ¹⁾ умеръ скоростыжно въ Москвѣ; не успѣлъ и причаститься, хотя первый его крикъ былъ, когда сдѣлалось ему дурно: «попа! попа!» У игуменьи вынимають часть за его упокой. Дѣти мои здоровы; они учатся и никого не видаютъ; это всего вѣрнѣе, потому что охотниковъ хвалить губернаторскихъ дѣтей весьма много. Пусть лучше будутъ какъ дикія, по крайней мѣрѣ, неиспорченныя. Надежда Ник. насъ очень забавляетъ, но ее надобно держать строго. Я жду братьевъ, Клементія изъ Клева и Александра изъ Петербурга. Прощайте, болѣе некогда писать. Люблю васъ по старому.

Р. С. Я писала А. П. Дурновой ²⁾ объ Ивановѣ; что она сдѣлается, не знаю. Она мнѣ писала, что вы были у нея однажды, и полагаетъ, что не нашли ее достойною вашихъ посѣщеній. Она очень испуганная и ее надобно расшевелить, душа у нея прекрасная и благородная, какъ у всѣхъ Волконскихъ, но она впала въ апатію, вслѣдствіе домашнихъ обстоятельствъ; прочтите ей то, что я пишу, старайтесь ее растормозить. Теперь у нея нѣтъ другой мысли, какъ сынъ,—вотъ вамъ ключъ къ ея уму и душѣ. Отъ другихъ радостей жизни она отказалась отъ 26 лѣтъ в жила всегда въ волю другимъ, что и убило въ ней всякую энергію. Она не дѣлаетъ зла, потому что ея добрая натура не виѣщаетъ зло, но добра она не дѣлаетъ положительно, потому что въ ней дѣятельности нѣтъ никакой. Всегда пишите: гдѣ вы, куда адресовать и куда вы собираетесь. Что нашъ царь въ Римѣ? ³⁾

А. О. Смирнова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Алекс. Ив. Т., умеръ въ 1845 г.

О. С.

²⁾ Упоминается въ письмахъ Гоголя (VI, 233): «Дурнову я видѣлъ нѣсколько разъ».

³⁾ Гоголь отвѣчалъ въ письмѣ отъ 27-го января 1846 г.: «Вы пишете извѣстить о пребываніи царя въ Римѣ. Онъ пробылъ четыре дня. Я его видѣлъ и любовался имъ издали, когда онъ прогуливался на Monte Pincio» и проч. (VI, 232).

В. III.

ПЕТРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ СОКОЛОВЪ

1787—1848 гг.

I.

Родоначальникъ акварельной живописи въ Россіи—П. Ѳ. Соколовъ родился въ Москвѣ въ 1787 г. ¹⁾ Изъ нѣкоторыхъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что онъ, потерявъ рано отца, былъ нелюбимымъ сыномъ матери; она не заботилась о немъ, и по вступленіи во второй бракъ за нѣкоего фонъ-Гильднера, опредѣлила своего сына въ академію художествъ.

Юные годы молодого художника протекли совершенно незамѣтно. Въ это время академія художествъ была заведеніемъ закрытымъ и пребываніе въ ней Петра Ѳедоровича Соколова не оставило въ немъ сладкихъ воспоминаній: пища была дурная, одежда грубая, рваная и истасканная; платье учениковъ старшихъ классовъ донашивалось младшими. Отношенія между учениками и профессорами были самыя ненормальныя.

Въ 1805 г. П. Ѳ. Соколовъ былъ удостоенъ малою серебряною медалю за рисунокъ и въ наградномъ спискѣ показанъ первымъ ²⁾; въ декабрѣ получилъ первую серебряную медаль, а въ 1809 г. награжденъ второю золотою медалью за представленную имъ программу на заданную тему: «Андромаха оплакиваетъ убитаго Гектора». Въ слѣдующемъ 1810 г. Петръ Ѳедоровичъ оставилъ академію, не получивъ первой золотой медали, дающей право на поѣздку за границу

¹⁾ Въ каталогѣ картинной галлерей императорской академіи худож. (Спб. стр. 180—181) сказано, что П. Ѳ. Соколовъ родился въ 1791 г. И. В.

²⁾ Сборн. матеріаловъ для исторіи императ. акад. худ., ч. I, стр. 486 и 514.

на казенный счетъ. Въ 1839 г., за извѣстность по части портретной акварельной живописи, онъ возведенъ въ званіе академика.

Изъ интересныхъ воспоминаній сына Петра Федоровича, А. П. Соколова («Русск. Старина» 1882 г., т. XXXIII) видно, что Петръ Федоровичъ, по крайне добродушному и веселому характеру, никогда не высказывалъ неудовольствія къ памяти его матери, «нашедшей впоследствии подъ его кровомъ сыновнюю любовь и уваженіе».

По выходѣ изъ академіи, Петръ Федоровичъ устроился въ какомъ-то семействѣ въ качествѣ учителя и черезъ это семейство онъ имѣлъ заказы и первыя средства для удовлетворенія своихъ юношескихъ потребностей. Историческая живопись не была призваніемъ Соколова; первыя удачныя попытки въ акварельномъ жанрѣ увлекли молодого художника и онъ посвятилъ себя исключительно портретной, акварельной живописи. Работы и заказы продолжались безъ перерыва; репутація его, какъ единственнаго акварельнаго живописца, установилась прочно. Черезъ посредство графа Апраксина, онъ былъ приглашенъ въ Аничковъ дворецъ, занимаемый великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, написать портретъ великаго князя (впоследствии императора) Александра Николаевича, въ то время трехлѣтняго ребенка. Удачное исполненіе этого портрета доставило Соколову цѣлую серію заказовъ отъ двора, гдѣ онъ написалъ массу портретовъ, въ томъ числѣ портретъ императрицы Елизаветы Алексѣевны и многихъ иностранныхъ принцевъ, съѣхавшихся по какому-то случаю въ Петербургъ.

Вслѣдъ за воцареніемъ императора Николая Павловича, Соколову поручено было исполненіе портретовъ и другихъ подрастающихъ членовъ августѣйшаго семейства и, наконецъ, самой императрицы Александры Федоровны. Портреты эти до сихъ поръ занимаютъ видныя мѣста во внутреннихъ покояхъ многихъ дворцовъ.

По заказу государыни, Соколовъ долженъ былъ написать портреты великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевнъ и ему необходимо было имѣть ихъ платица, чтобы заняться отдѣлкою ихъ на дому. Проѣзжая съ женой на какой-то званый вечеръ мимо Зимняго дворца, онъ остановился, чтобы захватить ихъ съ собою. Знакомый съ ходами и выходами дворца, онъ направился прямо въ дѣтскую половину, гдѣ помѣщался гардеробъ. Когда онъ вошелъ въ дѣтскую, ему представилась слѣдующая картина: посреди комнаты императоръ Николай Павловичъ, въ сюртукѣ, безъ эполетъ, и мимо него торжественное шествіе маленькой арміи, въ различныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ формахъ, съ барабанами и свистульками, малъ-мала меньше, съ комическою важностью старающихся держать строй,

чтобы заслужить милостивое одобрение своего командира. Увидѣвъ Соколова, императоръ велѣлъ ему остаться смотрѣть, «какой у него разводъ». Эта маленькая комедія продолжалась довольно долго, пока, наконецъ, государь не закончилъ церемоніи, разставивъ ноги и заставивъ весь отрядъ пройти подъ ними, какъ корабли проходили подъ колоссомъ Родосскимъ.

Морозъ былъ большой и жена Соколова чуть не замерзла, дожидаясь въ каретѣ возвращенія мужа ¹⁾.

Послѣ портретовъ великихъ князей, Петру Ѳедоровичу пришлось писать портретъ императора Николая Павловича, который вообще не любилъ позировать. Когда-же Николаю Павловичу показали вполнѣ удачный портретъ императрицы работы Петра Ѳедоровича, то императоръ назначилъ, черезъ князя П. М. Волконскаго, день и часъ, въ который Петръ Ѳедоровичъ долженъ былъ явиться во дворецъ. Послѣдній явился нѣсколько ранѣе, чтобы приготовить все, что нужно для сеанса. Наконецъ, вышелъ государь. Осмотрѣвъ комнату, онъ велѣлъ Соколову перенестись въ смежную и сѣлъ такъ неудобно, что тотъ рѣшился сдѣлать на этотъ счетъ замѣчаніе. Николай Павловичъ отвѣтилъ только повелительнымъ: «рисуй». Не успѣлъ Петръ Ѳедоровичъ набросать контуръ портрета, какъ императоръ всталъ, взялъ кисть, развелъ какую-то темную краску и, проведя подъ носомъ два громадныхъ уса, сказалъ Петру Ѳедоровичу: — «Это произведение ты можешь оставить себѣ на память».

Съ этого времени у Петра Ѳедоровича появилось такое количество заказовъ, что онъ долженъ былъ записывать кому и въ какие часы онъ назначилъ сеансъ. Все высшее общество посѣщало его тѣмъ болѣе охотно, что съ нимъ можно было поговорить не только какъ съ художникомъ, но и какъ съ человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ и развитымъ.

Петръ Ѳедоровичъ очень любилъ Москву и стремился переѣхать туда на постоянное жительство, что удалось ему лишь въ послѣдніе годы жизни. Впрочемъ, въ 1830-хъ годахъ онъ неоднократно прѣзжалъ въ Москву для изученія памятниковъ древности, причемъ оставался преимущественно у Е. И. Маковского ²⁾.

Петръ Ѳедоровичъ часто жаловался на ту рутину, которая, кстати сказать, и до сихъ поръ держитъ историческую живопись въ тѣсныхъ рамкахъ.

¹⁾ Рассказъ этотъ заимствованъ изъ статьи А. П. Соколова («Русская Старина», изд. 1882 г., т. XXXIII).

²⁾ Отца нашихъ превосходныхъ художниковъ Константина Егоровича и Владимира Егоровича Маковскихъ.

Такъ продолжалось до 1842 г., когда онъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, какъ своего, такъ и жены, долженъ былъ отправиться за границу. Въ Парижѣ онъ написалъ портреты многихъ лицъ изъ русской колоніи. Изъ работъ Петра Ѳедоровича за это время извѣстны портреты графинь В. и С., а также герцогини де-Серра-Капрюли.

Въ 1843 г. Петръ Ѳедоровичъ вернулся въ Россію и первое время поселился въ Петербургѣ. Въ 1846 г. онъ переѣхалъ окончательно въ Москву.

Въ 1848 г., около Харькова, особенно сильно свирѣпствовала холера. Петръ Ѳедоровичъ въ то время жилъ въ имѣніи «Мерчикъ» графини Орловой-Денисовой, близъ Харькова, и сдѣлался жертвой этой болѣзни. 3-го августа 1848 г. онъ похороненъ въ этомъ-же имѣніи. Въ академіи художествъ находится гипсовой слѣпокъ съ бюста покойнаго Петра Ѳедоровича Соколова, работы И. П. Витали.

Приложенный при этой книгѣ «Русской Старины» изд. 1890 г. портретъ нашего славнаго, перваго по времени и наилучшаго по таланту, русскаго акварелиста Петра Ѳедоровича исполненъ въ фототипическомъ, т. е. самомъ точномъ, снимкѣ съ оригинала, рисованнаго съ натуры художникомъ Брюлловымъ, братомъ великаго К. П. Брюллова. Подлинникъ былъ сообщенъ ред. «Русской Старины» — сыномъ акварелиста — А. П. Соколовымъ.

И. Н. Вожеяковъ.

XXV-ти ЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЗЯТІЯ ТАШКЕНТА

1865 г.—15-го іюня—1890 г.

15-го іюня 1890 года минеть четверть вѣка отъ одного изъ важнѣйшихъ моментовъ въ новѣйшей исторіи нашего Отечества.

Въ ночь на 15-ое іюня 1865 года горсть русскихъ солдатъ съ офицерами, прославившими уже себя боями Узунъ-агача, Пишпека, Аулиеата, Чимкента, Акмечети, Туркестана, Икана, Акбулака и Сары-тюбе, предводимая полнымъ несокрушимой энергіи безстрашнымъ „батыремъ“ Михаиломъ Григорьевичемъ Черняевымъ ¹⁾,—пробралась ночью по обширнымъ садамъ къ громадному, — богатому Ташкенту городу, обнесенному ровомъ и высокою каменною стѣною, городу, вмѣщавшему въ себѣ до 100 тысячъ жителей, городу, составлявшему весьма важный политическій и торговый пунктъ Средней Азии и безъ занятія котораго немислимо было уврѣпленіе русскаго вліянія въ средѣ разноплеменнаго и всегда враждебнаго Россіи мусульманскаго населенія страны, и, не смотря на упорное и ожесточенное сопротивленіе защитниковъ, взяла городъ штурмомъ.

¹⁾ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ, по происхожденію изъ дворянъ Новгородскихъ, воспитанникъ Дворянскаго полка, изъ котораго выпущенъ 14-го авг. 1847 г. въ л.-гв. Павловскій полкъ, прапорщикомъ; капитанъ генер. штаба въ іюль 1853 г., участникъ войны 1853—1854 гг., обороны Севастополя (1854—1855 гг.), экспедицій на Кавказъ въ 1860—1861 гг., главнокомандующій сѣрбскою арміею въ войнѣ противъ турокъ въ 1876 г., окончилъ высшее военное образованіе въ бывшей Военной академіи, нынѣ академіи генеральнаго штаба въ 1853 г.

Ред.

Ташкентъ, — справедливо замѣтилъ одинъ изъ туркестанцевъ, — не могъ быть оставленъ внѣ нашихъ предѣловъ: съ вступленіемъ нашимъ въ Среднюю Азію было ясно, что граница неминуема должна быть проведена по Сырь-Дарьѣ до Ходжента, гдѣ въ нее ўпираются Кураминскія горы, составляя такимъ образомъ прекрасную естественную границу. Ташкентъ всегда былъ притономъ всякой вольницы и бродячаго элемента, — не владѣя имъ, трудно было установить во вновь покоренномъ краѣ спокойствіе и порядокъ. Кромѣ того, на Ташкентъ простиралъ свои виды и уже протягивалъ къ нему руки эмиръ бухарскій, этотъ могущественный въ то время туркестанскій владѣтель и глава средне-азиатскаго мусульманскаго міра. Можно еще было бы терпѣть Ташкентъ независимый, но нельзя было допустить его въ рукахъ могущественнаго эмира: онъ бы служилъ ему прекраснымъ и сильнымъ опорнымъ пунктомъ противъ насъ. Владѣя Ташкентомъ, эмиръ стоялъ бы въ прекрасномъ стратегическомъ положеніи, а мы, находясь въ безводной пустынной степи, должны были бы стать въ экономическую отъ него зависимость, при которой не могли бы упрочить наше значеніе надъ покоренными уже инородцами. Напротивъ, овладѣвъ Ташкентомъ и проведя границу по Сыру, мы приобретаемъ высокое значеніе въ Средней Азіи, прочную границу, житницу, торговый и промышленный центръ и, успокоивъ край, прорубаемъ окно въ замкнутую варварскую Азію. Очевидно, не занявъ Ташкента, наши пионеры не исполнили бы своей задачи, не окончили бы своего дѣла, — и вотъ они, съ своимъ батыремъ ¹⁾ Черныевымъ, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1865 года, пробрались по громаднѣмъ наружнымъ городскимъ садамъ къ стѣнѣ и воротамъ Ташкента.

Напомнимъ, слѣдуя воспоминаніямъ Ю. Д. Южакова ²⁾, въ самомъ сжатомъ видѣ главнѣйшія черты великаго подвига Черныева и предводительствуемой имъ дружины героевъ.

Михаилъ Григорьевичъ вышелъ изъ Чимкента 23-го апрѣля 1865 года съ отрядомъ изъ восьми ротъ пѣхоты, двухъ сотенъ казаковъ, при десяти орудіяхъ.

Во время ближайшаго наблюденія за Ташкентомъ къ нему

¹⁾ Батырь — по выраженію туземцевъ, богатырь — по русски.

²⁾ «Воспоминанія стараго туркестанца», Спб. 1881 г., въ 8 д.

подошли двѣ роты и два орудія. Ташкентъ имѣлъ до 15 тысячъ гарнизона и вообще всѣхъ защитниковъ до 30 тысячъ человекъ.

Прежде чѣмъ отважиться на приступъ, Черняевъ рѣшилъ принудить Ташкентъ къ сдачѣ жаждой, отведя отъ него воду.

Для этого необходимо было ваять крѣпость Ніязбекъ, расположенную въ 30 верстахъ отъ Ташкента, въ томъ мѣстѣ, гдѣ громадныя оросительныя каналы Ташкента берутъ воду изъ Чирчика. Занятіемъ Ніязбека и отводомъ воды среди лѣта, Ташкенту наносился весьма сильный ударъ — онъ лишался воды, для садовъ, полей и скота: источники, имѣющіеся въ садахъ и внутри города, конечно, не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ жителей, не говоря о садахъ и поляхъ. Занявъ Ніязбекъ, Черняевъ двинулся къ Ташкенту и остановился выждать благоприятныхъ событій въ 8 верстахъ отъ него, на холмѣ Сарытюбѣ. Но на другой день, 9-го мая, онъ былъ атакованъ всѣми лучшими силами Коканскаго ханства, только наканунѣ пришедшими изъ Кокана вмѣстѣ съ правителемъ ханства, знаменитымъ Муллою Алинкуломъ на выручку Ташкента. Мулла Алимкулъ съ 40 т. скопищемъ, въ числѣ котораго было до 10 т. регулярной, форменной пѣхоты, при 48 орудіяхъ, на разсвѣтъ, съ залпами изъ всѣхъ орудій, напалъ на нашъ лагерь, но, послѣ 2 часоваго горячаго дѣла, былъ разбитъ на голову и, какъ оказалось потомъ, самъ былъ смертельно раненъ.

Черняевъ преслѣдовалъ непріятеля до самаго Ташкента съ тѣмъ, чтобы на плечахъ его ворваться въ городъ, но встрѣченъ былъ артиллерійскимъ огнемъ и, увидѣвъ стѣны, занятія многочисленными стрѣлками, не рѣшился рисковать своими небольшими, а главное — единственными силами, и надѣясь, что отсутствіе воды, при содѣйствіи сторонниковъ Россіи, отдастъ ему въ руки городъ, рѣшилъ выждать благоприятныхъ обстоятельствъ. Между тѣмъ изъ Ташкента получены были свѣдѣнія, что партія бухарская въ городѣ, состоящая изъ военныхъ и духовенства, взяла верхъ надъ русской партіей, состоявшей изъ торговаго, промышленнаго и земледѣльческаго классовъ, желавшей подчиниться намъ, и что городъ послалъ депутацію въ Бухару къ эмиру съ предложеніемъ вѣрноподданства. Это заставило Черняева сойти съ коканской дороги на восточной сторонѣ Ташкента, на бухарскую на южной сторонѣ, и потому, укрѣпивъ Сарытюбе, какъ промежуточный

пунктъ, онъ поставилъ отрядъ между Чиназомъ и Ташкентомъ. Между тѣмъ, ташкентцы, вынося значительныя лишеныя блокаднаго положенія, не думаютъ, однако, покориться русскому отряду. Въ такомъ положеніи дѣло стояло до половины іюня, когда получены были свѣдѣнія, что эмиръ, сзывая со всего ханства боевыя силы, собираетъ въ Уратюбе громадную армію и самъ уже выступилъ съ регулярными войсками изъ Самарканда съ цѣлю выручить Ташкентъ. Свѣдѣнія эти вывели Черняева изъ выжидательнаго положенія, и онъ рѣшился на чрезвычайно смѣлый шагъ: овладѣть этой громадой открытою силою. Въ противномъ случаѣ, ему пришлось-бы идти на встрѣчу эмиру, оставивъ, въ тылу на своемъ сообщеніи съ Чимкентомъ, Ташкентъ, съ 15.000 гарнизономъ и очутиться, такимъ образомъ, между двухъ огней, или снять блокаду и вернуться на Чимкентскую дорогу, предоставивъ Ташкентъ эмиру. Но это отступление нанесло бы такой ударъ нашему положенію и значенію, что было бы равносильно дѣйствительному пораженію, возвысило бы, напротивъ, эмира и навѣрно было бы для насъ началомъ конца. Оставалось одно: взять Ташкентъ до прихода эмира, тѣмъ болѣе, что генераль Черняевъ, по своимъ вопліѣ вѣрнымъ соображеніямъ, могъ рассчитывать на полный успѣхъ. Гарнизонъ города, хотя и значительный, но по обширности оборонительной линіи, былъ разбросанъ на громадномъ 24-хъ верстномъ протяженіи и потому, при внезапномъ нападеніи, не могъ сосредоточиться быстро въ одномъ пунктѣ противъ нападающаго. Также и артиллерія, размѣщенная на множествѣ барбетовъ, не могла быть скоро сосредоточена для обороны въ одномъ пунктѣ. Слѣдовательно, надо было только напасть нечаянно и въ такомъ пунктѣ, гдѣ не ожидаютъ. Такимъ образомъ, успѣхъ былъ рассчитанъ вѣрно. По взятіи же городской стѣны и крѣпости, естественно возьметъ верхъ русская партія и поможетъ окончательно овладѣть городомъ.

Отдѣливъ изъ своего отряда гарнизонъ для Ніязбека, для полеваго укрѣпленія Сарытюбе, для такого же на Ногай-вурганѣ и, кромѣ того, выдѣливъ 2 роты и 2 орудія и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ для занятія отдѣльнымъ отрядомъ коканской дороги на Куйлюкѣ, Черняевъ имѣлъ въ своемъ главномъ отрядѣ, предъ штурмомъ, всего около 1.100 штыковъ и сабель.

Съ этими-то слабыми силами онъ направился ночью къ камеланскимъ воротамъ города! Впереди шли охотники и штурмовая колонна, подъ начальствомъ штабсъ-капитана (впослѣдствіи генераль-лейтенанта) Абрамова; въ верстѣ за штурмовой колонной шелъ маіоръ Делаacroa съ 2 ротами и 2 орудіями; за нимъ въ верстѣ шелъ подполковникъ Жемчужниковъ съ 2¹/₂ ротами резерва при 4-хъ орудіяхъ; на окраинѣ или, вѣрнѣе сказать, на опушкѣ садовъ расположенъ былъ аррьергардъ изъ взвода пѣхоты и 1 сотни казаковъ, прикрывавшій часть обоза и сообщеніе съ маленькимъ полевымъ укрѣпленіемъ на Ногайкурганѣ въ 3 верстахъ отъ садовъ, гдѣ и находился весь главный обозъ отряда. Начальникъ отряда со своимъ маленькимъ штабомъ и казачьимъ конвоемъ находился при штурмовой колоннѣ.

Въ 2 часа утра штурмовая колонна подошла версты на 1¹/₂ къ стѣнѣ городской, сняла штурмовыя лѣстницы съ верблюдовъ и понесла ихъ на рукахъ. Охотники направлены были садами по обѣ стороны дороги, а колонна шла нѣсколько позади, также придерживаясь садовъ. Колонна двигалась съ такой тишиной, что охотники подошли къ самой стѣнѣ незамѣченные непріятельскимъ карауломъ, выставленнымъ впереди воротъ, который открылъ движеніе колонны, когда она уже, такъ сказать, наткнулась на него съ лѣстницами. Въ одно мгновеніе раздалось общее „ура“ — и караула какъ не бывало, а охотники въ мигъ поставили лѣстницы и уже лѣзли на стѣну. Все это совершилось такъ быстро, что защитники воротъ до 500 человѣкъ регулярной пѣхоты, никакъ не ожидавшіе такого удара, со сна были охвачены паникой и оказали весьма слабое сопротивленіе; бѣльшая часть бѣжала и только незначительная часть ея легла на мѣстѣ. Первымъ взшелъ на стѣну ротмистръ (нынѣ генераль-маіоръ) Вульфертъ ¹⁾, за нимъ подпоручикъ Мѣсяцевъ (убитъ), третьимъ поручикъ (нынѣ полковникъ) Шороховъ, за офицерами первымъ изъ нижнихъ чиновъ—унтеръ-офицеръ Хмѣлевъ. Священникъ Маловъ (нынѣ протоіерей, имѣющій наперсный крестъ на георгіевской лентѣ, мятру и орденъ св. Анны 1-й степени) находился при охотникахъ.

¹⁾ Раненъ на штурмѣ въ руку.

Овладевъ стѣной, часть людей немедленно стала отваливать ворота, наглухо заваленныя кирпичемъ, остальные бросились занимать ближайшіе сады и дома. Между тѣмъ подошелъ майоръ Делаacroa. Тогда Черняевъ направилъ Абрамова съ 250 человекъ направо, вдоль стѣны, на соединеніе съ куйлюкскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ ротъ при 2 орудіяхъ и сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Краевскаго, которому приказано было, снявшись съ позиціи на Куйлюкъ, подойти ночью къ стѣнѣ городской, но не открывать себя, пока не будутъ сами открыты или не услышать выстрѣловъ главнаго отряда.

Быстро и смѣло бросился Абрамовъ по дорогѣ, по банкету стѣны; но съ перваго же барбета былъ встрѣченъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и отчаяннымъ сопротивленіемъ 200 сарбазовъ (регулярная пѣхота). Рѣшительнымъ натискомъ непріятель былъ опрокинутъ и уничтоженъ, орудія заклепаны и сброшены въ ровъ и Абрамовъ двинулся далѣе. За первымъ былъ взятъ штыками такой же второй барбетъ съ орудіями, за вторымъ третій взятъ былъ съ боя; послѣдующіе же затѣмъ были оставлены защитниками, скрывшимися въ городъ. Абрамовъ, заклепавъ и сбросивъ съ барбета въ ровъ орудія, двигался далѣе, пока не дошелъ до коканскихъ воротъ, занятыхъ сильнымъ гарнизономъ непріятеля, перестрѣливавшимся съ отрядомъ полковника Краевскаго. Но услышавъ въ тылу своемъ крики „ура!“, гарнизонъ бросился въ городъ и такимъ образомъ Абрамовъ безъ сопротивленія соединился съ куйлюкскимъ отрядомъ. Принявъ къ себѣ пѣхоту этого отряда, поднявшуюся на стѣну на лямкахъ и ружьяхъ, Абрамовъ двинулся далѣе, а полковникъ Краевскій съ казаками и четырьмя конными орудіями бросился на перерѣзъ бѣгущему въ недалекомъ разстояніи изъ города непріятелю къ кашгарскимъ воротамъ.

Между тѣмъ Черняевъ, вызвавъ къ воротамъ резервы, послалъ вслѣдъ за Абрамовымъ майора Делаacroa съ 2 ротами и однимъ орудіемъ. Прибѣжавшіе резервы направлены были занять кругомъ ближайшіе сады, дома и улицы, которыя опомнившійся непріятель сталъ уже снова занимать и изъ-за савель открылъ огонь по цѣпи русскихъ стрѣлковъ. Отбросивъ непріятельскія партіи въ глубь города, Черняевъ ввелъ въ городскія улицы

подлѣ воротъ два легкихъ и три батарейныхъ орудія и открылъ огонь по городу и затѣмъ, стянувъ къ воротамъ и арріергардъ, устроилъ подлѣ воротъ перевязочный пунктъ—раненныхъ и убитыхъ уже набралось не мало.

Почти вслѣдъ за Делакроа Черняевъ отправилъ по той же улицѣ подполковника Жемчужникова съ 2 ротами при 2 орудіяхъ на поддержаніе Абрамова и для занятія цитадели. Такимъ образомъ, разославъ по частямъ войска, Черняевъ оставилъ себѣ у Камеланскихъ воротъ только около 200 человекъ пѣхоты и полсотни казаковъ (остальные казаки также были разосланы). Эти силы занимали на версту отъ воротъ двѣ большія улицы, сады и сакли и служили прикрытіемъ орудіямъ и воротамъ. Задній же фасъ позиціи со стороны садовъ оберегала милиціа изъ сыр-дарьинскихъ, семирѣченскихъ и также изъ вновь покоренныхъ киргизовъ.

Хотя Делакроа двинулся тотчасъ же вслѣдъ за Абрамовымъ, но онъ нашелъ всѣ барбеты вновь занятыми непріателемъ, такъ что почти каждый пришлось ему брать снова штыками. Также и Жемчужниковъ, шедшій вслѣдъ за Делакроа, находилъ барбеты вновь занятыми сарбазами, которыхъ приходилось также выбивать огнемъ и штыками. Делакроа, дойдя до кашгарскихъ воротъ, открылъ ихъ и впустилъ въ городъ съ артиллерією и казаками полковника Краевского, а Жемчужниковъ, занявъ цитадель, въ 7^{1/2} часовъ утра, присоединился къ нимъ.

Согласно указанному плану дѣйствій, они остановились между кашгарскими и коканскими воротами, гдѣ была ханская ставка, ожидать возвращенія Абрамова для того, чтобы, по соединеніи съ нимъ, дѣйствовать совокупными силами или порознь, какъ укажутъ обстоятельства, и спустя нѣсколько времени послали по разнымъ улицамъ партіи отъ 25 до 50 человекъ для открытія его и въ случаѣ надобности, чтобы оказать ему помощь. Абрамовъ съ 450 человекъ (къ нему присоединились, какъ сказано выше, 2 роты куйлюкского отряда) отправился далѣе вдоль городской стѣны къ карасарайскимъ воротамъ, оволо которыхъ по преимуществу расположена русская партія, съ цѣлью оказать на нее вліяніе. Дойдя до карасарайскихъ воротъ, Абрамовъ повернулъ влѣво въ городъ, чтобы выйти прямѣе къ указанному пункту между кашгарскими и коканскими воротами.

Но лишь только онъ вдался въ городскія улицы, какъ встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе — пришлось почти каждый шагъ брать боемъ. Сарты засѣли въ сакляхъ за деревьями, на деревьяхъ, за заборами, устроили на улицахъ баррикады; нужно было выбивать ихъ огнемъ и штыками и снова встрѣчать такое же сопротивленіе! Толпа до того была нафанатизирована духовенствомъ, сзывавшимъ въ центрѣ города народъ на защиту ислама и домашняго очага, что не только бросались на нашихъ солдатъ съ пиками, айбалтами (топорики на длинныхъ палкахъ), но и съ голыми кулаками—и конечно попадались на штыки. Молодцы абрамовскіе уже выбивались изъ силъ, отбиваясь отъ преслѣдующаго на каждомъ шагу непріателя и неся своихъ раненыхъ и убитыхъ—и весьма кстати встрѣтили, правда уже вблизи ханской ставки, высланную имъ оттуда на встрѣчу небольшую партію.

Надо быть очевидцемъ, чтобы понять радость, торжество и ликованіе, охватившія этихъ истинныхъ героевъ, когда Абрамовъ соединился съ отрядами Краевскаго, Жемчужникова и Делавроа, у нихъ составилась внушительная сила почти въ 900 человекъ. Стоявшіе на ханской ставкѣ не знали, гдѣ Абрамовъ, цѣль-ли онъ, не затертъ-ли, не задавленъ-ли въ улицахъ города? Бывшіе съ Абрамовымъ шли все впередъ и не знали, что дѣлается назади, не знали, встрѣтять-ли они на ханской ставкѣ кого нибудь; не опасаясь за себя, боялись за другихъ, трепетали за общее дѣло, не знали что съ Чернышевмъ, удерживаетъ-ли онъ Камеланскія ворота? И вдругъ они сходятся цѣлы, почти невредимы, дѣло не потеряно, Черныевъ держится! Они были въ разбродѣ, теперь сошлись—и могутъ разгромить городъ и выручить своего батыря, своего любимаго вождя, если бы ему угрожала опасности! И солдаты прыгали отъ радости, цѣловались между собой, при встрѣчѣ пѣсни запѣли, пустились въ плясъ — и ұстали какъ не бывало! Никто изъ участниковъ этого геройскаго дѣла не забудетъ до конца жизни этихъ славныхъ минутъ, этихъ сильныхъ ощущеній: тутъ всѣ были братья другъ другу, и всѣ и каждый отдѣльно чувствовалъ, сознавалъ себя героемъ, силой, что онъ дѣлаетъ дѣло, и не малое дѣло, несетъ службу и большую великую службу своему Царю, своей родинѣ!

Но вотъ прискакалъ гонецъ садами съ конвоемъ казаковъ,— Черняевъ требуетъ войска назадъ, къ позиціи: на него насѣдаютъ сарты изъ центра города.

Послѣ ухода Жемчужникова отъ Камеланскихъ воротъ, съ 5 часовъ утра до 2 часовъ пополудни, здѣсь было почти все спокойно; слегка насѣдавшій изъ садовъ и улицъ непріятель былъ легко отбрасываемъ назадъ. Но съ двухъ часовъ дня сарты стали крѣпко напирать съ разныхъ сторонъ. Всѣ имѣвшіеся на лицо силы Черняевъ разослалъ по окружавшимъ садамъ, саялямъ и улицамъ, такъ что у него оставалось только 18 человекъ пѣхоты, нѣсколько казаковъ и лазаретная прислуга, занятая перевязкой раненныхъ. Но и 18 человекъ пришлось послать на подкрѣпленіе въ улицу, ведущую прямо въ центръ города на базаръ. Сарты забаррикадировали всѣ улицы и вооружили ихъ орудіями. Пришлось брать баррикады уже штыками. Но съ слабыми силами удалаться въ глубь города было невозможно, поэтому приходилось оставлять взятую баррикаду и, опрокинувъ непріятеля, отступать назадъ къ воротамъ. Тогда непріятель снова устраивалъ баррикаду и снова насѣдалъ на цѣпь стрѣлковъ. Такъ держался Черняевъ до 5 часовъ, когда стали подходить къ нему Абрамовъ, Жемчужниковъ и друг. Прибывшими войсками быстро очищена была вся окружающая камеланскія ворота мѣстность.

Въ это время явилась депутація отъ торговцевъ и аксакаловъ (старшинъ) города съ изъявленіемъ покорности отъ торговцевъ и хлѣбопашцевъ. Но тогда же получено было свѣдѣніе, что на базарѣ, въ центрѣ города, собралось до 15.000 защитниковъ, которые влялись на коранѣ умереть за вѣру и за городъ. Тогда Черняевъ рѣшилъ зажечь саяли и дома полукругомъ отъ Камеланскихъ воротъ, чтобы отдѣлить себя ночью огненной полосой отъ центра города. Эта мѣра была необходима: весь отрядъ былъ утомленъ до крайности. Предыдущую ночь никто не спалъ и цѣлый день были всѣ на ногахъ, дрались съ непріателемъ, и естественно утомились до изнеможенія. Окруживъ Камеланскія ворота со стороны города густой цѣпью стрѣлковъ съ резервами, Черняевъ расположилъ отрядъ на ночлегъ въ очень тѣсномъ пространствѣ вокругъ воротъ; едва люди могли перехватить горячей пищи, какъ отрядъ храпѣлъ богатырскимъ сномъ,

между тѣмъ артиллерійскій огонь съ нашей стороны не умолкалъ. Къ 5 орудіямъ прибавлена была старушка (съ 1830-хъ годовъ валавшаяся въ Омскѣ), 2-хъ пудовая мортира и ракетный станокъ съ фугасными ракетами. Непріятель нѣсколько разъ пыривался напасть на утомленный русскій отрядъ, — и вотъ тутъ оправдалась вполнѣ предусмотрительность Черняева: непріятель, бросаясь изъ центра города черезъ огненную полосу, совершенно обнаруживалъ себя и попадалъ на пули нашихъ стрѣлковъ, которые, напротивъ, оставались въ тѣни и были для него совершенно замаскированы. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ непріятель прекратилъ серьезныя наступленія, но перестрѣлка не прекращалась всю ночь и по временамъ непріятель пытался тушить горящія сакли и дома и прорваться чрезъ освѣщенную полосу болѣе или менѣе значительными партіями; но попытки его не удавались.

Утромъ, 16-го іюня, Черняевъ командировалъ полковника Краевскаго съ 3 ротами и 2 орудіями собрать сброшенные съ барбетовъ орудія и взорвать цитадель.

Улицы, переулки, сакли и дома по всей дорогѣ, которую шель Краевскій, были опять заняты непріателемъ—и снова пришлось брать баррикады и сакли, очищать улицы и переулки. Окончивъ порученіе, Краевскій вернулся въ Камеланскимъ воротамъ, куда, между тѣмъ, явилась снова депутація отъ торговаго сословія съ просьбой прекратить огонь и съ заявленіемъ, что городъ сдается и если еще не явились съ покорностію всѣ аксакалы и почетные граждане, то лишь потому, что заняты возстановленіемъ порядка, успокоеніемъ черни и обезоруженіемъ забравшагося въ городъ съ разныхъ сторонъ всякаго сброда. Черняевъ прекратилъ огонь — и на другой день, утромъ 17-го іюня 1865 года, явились въ Черняеву аксакалы и всѣ почетные жители и сдали городъ безусловно. Отпуская представителей города, Черняевъ предупредилъ ихъ, что передъ вечеромъ, когда спадетъ жара, онъ прійдетъ въ городъ посмотрѣть базаръ.

Слухъ быстро распространился и къ назначенному времени весь Ташкентъ собрался на плоскихъ крышахъ своихъ домовъ по улицѣ, ведущей отъ лагеря, и на самомъ базарѣ, чтобы посмотрѣть на вождя безстрашныхъ русскихъ воиновъ, передъ которыми столь обширный и сильный городъ только что смирился.

Передъ вечеромъ Черняевъ съ своимъ адъютантомъ и только 5-ю казаками спокойно проѣхалъ на базаръ, гдѣ принялъ обычный достарханъ ¹⁾ и посѣтилъ именитыхъ и особенно вліятельныхъ ташкентцевъ. Такое довѣріе, такая смѣлость поразили и совершенно обезоружили ташкентцевъ—въ ихъ глазахъ Черняевъ сталъ уже непобѣдимымъ и сказочнымъ героемъ!

Итакъ, отрядъ въ 1.300 штыковъ и сабель при 10 орудіяхъ взялъ штурмомъ громадный городъ 24 версты въ окружности (не считая городскихъ садовъ) съ стотысячнымъ населеніемъ, вооруженный 63 орудіями, обороняемый 30 тысячами защитниковъ, изъ воиновъ до 5.000 регулярной пѣхоты и до 10.000 коканской кавалеріи ²⁾, затѣмъ два дня дрался на улицахъ города, взялъ штурмомъ до 40 баррикадъ и 10 барбетовъ, потерявъ убитыми 1 офицера и 25 нижнихъ чиновъ, ранеными 2 офицеровъ и 86 нижнихъ чиновъ, контуженными 4 офицеровъ и 24 нижнихъ чиновъ; кромѣ того ранено и контужено около 15 человѣкъ милиціи—всего 157 человѣкъ; взято 63 орудія, 16 большихъ знаменъ, множество ружей, 2.000 пудовъ пороха и 10.000 разныхъ снарядовъ.

„Съ покореніемъ Ташкента, доносилъ тогда М. Г. Черняевъ, мы приобретаемъ положеніе въ Средней Азій, сообразное съ достоинствомъ имперіи и мощью русскаго народа“.

Да, взятіе Ташкента послужило основаніемъ могуществу и высокому значенію Россіи въ Средней Азій и открыло двери въ этотъ невѣдомый, таинственный и богатый край русскаго торговлѣ и промышленности.

А. Н. П.

¹⁾ Угощеніе изъ разныхъ сладостей и фруктовъ.

²⁾ Регулярная пѣхота и коканская кавалерія, тотчасъ по взятіи нами Камеланскихъ воротъ, бѣжали изъ города въ Коканъ.

Императрица Екатерина II

(1780 г.)

Возобновить требованіе у венскаго двора о трактатной помощи тогда когда толикими державами мы угрожаемы.

Испаніи сказать нужно, что ей совѣтуемъ вооружиться, понеже Англія посылаетъ сила въ Средиземное морѣ.

Отъ Франціи негосировать демонстраціи.

Патріоты Голландскіе и ихъ присланнаго совѣтую менажировать.

Сію цыдулу сообщить вицѣ Канцлерю.

Примѣчаніе. Собственноручная записка императрицы Екатерины II, найденная въ бумагахъ гр. Остермана. Поступила отъ вдовы члена госуд. совѣта Е. Ѡ. Левшиной въ Московскій Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Сообщ. баронъ О. А. Бюлеръ.

Русскіе писатели первой четверти XIX-го вѣка.

I.

Мих. Матв. и Е. В. Херасковы (1733—1807).

Елизавета Вас. Хераскова (рожд. Неронова, † 1809) къ гр. Д. Н. Хвостову.

16-го августа 1808 года.

Милостивый государь мой графъ Дмитрій Ивановичъ! Почтенное письмо ваше отъ 4-го числа я получила, желаніе ваше имѣть описаніе жизни и сочиненій покойнаго мужа моего удостовѣряютъ меня въ дружбѣ вашей къ нему; вѣрте, что я съ сердечнымъ чувствованіемъ читала письмо ваше, и тѣмъ болѣе чувствительно, что я не могу удовлетворить желанію вашему въ разсужденіи сочиненій, а только могу сообщить вамъ, что Михайла Матвѣевичъ всѣ свои сочиненія начиналъ писать при началѣ весны: онъ часто говаривалъ, что весна внушаетъ ему новыя идеи, и что онъ не можетъ воспротивиться побужденію что-нибудь вновь сочинять. Россіяду онъ писалъ не менѣе семи лѣтъ; между тѣмъ начиналъ и оканчивалъ другія свои сочиненія; окончилъ Россіяду будучи въ С.-Петербургѣ. Память моя, исчезающая отъ безпрестанныхъ болѣзней моихъ, лишаетъ меня удовольствія уведомить васъ о всѣхъ подробностяхъ; но только могу сказать, что всѣ сочиненія его напечатаны въ 14-ти томахъ, а мелкія піесы въ разныхъ журналахъ, одна трагедія при жизни его послана въ Императорскую Академію и заслужила награжденія Академіи, которую угодно было также Академіи спросить мое согласіе для напечатанія ея, на что я и согласилась; но напечатана-ли—не знаю. Что принадлежитъ до жизни и предковъ Михайла Матвѣевича, то я со всѣми подробностями сообщила Академіи, гдѣ вы, будучи почетнымъ членомъ, достать легко можете. Фамилія ихъ, или—лучше сказать — графиня

Контагузена выѣхала съ роднымъ братомъ своимъ изъ Валахіи съ Матвѣемъ Андреевичемъ Херасковымъ въ Россію; государь Петръ I-й пожаловалъ ей, брату ея и наслѣдникамъ 5,000 душъ въ Малороссіи; графиня умерла, а скоро послѣ нея и отецъ М. Матв. умеръ; пожалованныя 5,000 душъ описаны остались въ казнѣ. При Екатеринѣ второй мужъ мой и два брата его просили о возвращеніи тѣхъ деревень, но какъ оныхъ оставалось за раздачею малое число, то и пожаловано имъ, вмѣсто того, тридцать тысячъ рублей. Въ коронацію пожалованъ М. М. статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, послѣ коронаціи, во второй пріѣздъ императрицы Екатерины II, М. М. написалъ Эпистолу, которая понравилась ей, она пожаловала ему золотую табакерку, наполненную червонцами, потомъ за поднесенную оду 2,000 р. пожаловала, и чрезъ нѣсколько лѣтъ пріѣдучи въ Москву,—табакерку съ брилліантами. Во второй ея пріѣздъ въ Москву онъ сдѣланъ директоромъ въ университетѣ, а при окончаніи Россіяды—кураторомъ, съ жалованьемъ 1,800 р. и пенсіи 1,000 р. Послѣ того пожалованъ орденъ 2-го класса Владиміра. При жизни Павла I пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, 600 душъ, орденъ Св. Анны 1-й степени и, по желанію его, при отставкѣ, дѣйств. тайн. совѣтникомъ. При вступленіи на престолъ Александра I вторично принять въ кураторы университета и прислана табакерка съ брилліантами. Во время коронаціи императоръ пожаловалъ перстень солитеръ и мнѣ орденъ 2-й ст. св. Екатерины,—конечно, по заслугамъ мужа моего, такъ какъ и по кончинѣ его 2,800 пенсіи мнѣ по смерти пожаловано. Вотъ все, что я могу припомнить; болѣзни мои и старость привели въ такую слабость, а болѣе горестъ, что я едва могу ходить, и то съ помощію другихъ. Кѣмъ и какія сочиненія переведены на иностранныя языки, я истинно не знаю.

(Собственноручно:)—Но знаю то что я сотненнымъ и истинны почетомъ квамъ есмь ваша Покорнейшая Е. Хераскова.

II.

Александръ Ефимов. Измайловъ (1779—1831).

Письмо его къ графу Д. И. Хвостову.

Архангельскъ, 31 января 1829.

Отъ души, отъ сердца благодарю ваше сіятельство за письма ваши и за приложенія въ стихахъ и въ прозѣ. Занятія мои по уѣздамъ въ Россійской словесности ограничивались чтеніемъ доношеній

отъ рекрутскихъ отдатчиковъ, мірскихъ приговоровъ и безтолковыхъ прошеній разнаго рода. Въ Шенкурскѣ однако написали карандашемъ стихи на печкѣ въ той комнатѣ, гдѣ прожилъ три недѣли, а въ Холмогорахъ на стѣнѣ надъ кроватью, на которой едва не умеръ. Сверхъ того простился въ стихахъ съ жителями Мезени и дорогою въ кибиткѣ сочинилъ сказку.

Итакъ памятникъ безсмертному Ломоносову готовъ! Хвала и вѣчная память покойному епископу Неофиту, а заслуженному пияту графу Хвостову и ваятелю Мартосу хвала и многи лѣта!

Невѣждамъ же, считающимъ за вздоръ
Поэзію, благій даръ Неба,
Проклатіе отъ Феба,
А отъ людей позоръ.

Вотъ, ваше сіятельство, вы и другіе поэты совѣтуете мнѣ все писать стихи; а многіе, добро бы невѣжды, но люди образованные, любители словесности, литераторы, въ томъ числѣ и польскій песь Булгаринъ, бранятъ меня за то, что я въ изгнаніи, отъ скуки и грусти, побесѣдую иногда съ Музою въ часы досуга, или безсонницы. Какъ не стыдно въ твои лѣта, въ твоемъ званіи (велико званіе вице-губернаторъ, а стиховъ-то, особенно сатирическихъ, вѣрно не написать противъ меня ни одному генераль-губернатору) заниматься такими пустяками? Стихи—пустяки!!! Добро бы говорили это дураки, а то умные люди. Вистъ и бостонъ—такъ не пустяки. Играй вице-губернаторъ въ карты каждой вечеръ до полуночи—никто не осудить—а напиши стишки въ альбомъ, колыми же паче басню,—стыдъ, срамъ, уголовное преступленіе! О варвары! На зло же имъ буду писать, только было-бы свободное время. Не знаютъ того, что басни прекращали мятежи (желудокъ и прочіе члены тѣла), спасали государства (собака въ родахъ, выпросившая у подруги своей кануру); что славнѣйшіе ораторы, даже церковные, употребляли съ пользою въ своихъ рѣчахъ басни и что даже Самъ Спаситель поучалъ притчами.

Для любопытства посылаю къ вашему сіятельству кошію съ отвѣта моего къ крестнику моему Булгарину. Мнѣ весьма понравился отвѣтъ вашъ ему, на вопросъ: были-ли подѣ судомъ? что были у безтолковыхъ журналистовъ. Не знаю чей переводъ изъ сатиръ Боало напечатанъ въ 1-й части Московскаго Вѣстника, а нижеслѣдующій стихъ годился бы эниграфомъ для многихъ нашихъ журналовъ:

Иль хвалимъ безъ ума, иль безъ толку бранимъ.

Особенно, по мнѣнію моему, невѣжество нашихъ журналистовъ

самозванцевъ критиковъ обнаруживается въ похвалахъ, не только людямъ одного съ ними прихода, но даже и истиннымъ геніямъ. И не мудрено: несравненно труднѣе чувствовать, коими же паче изъяснить и опредѣлить красоты, чѣмъ замѣтить ученическія ошибки и посмѣяться надъ ними.

Съ отличнымъ почитаніемъ, и пр. А. Измайловъ.

Любезнѣйшему моему крестнику, задорному польскому псу Брылану Церберовичу, остроумному, но не всегда основательному и взбалмошному Архипу Ѡаддеевичу здравія, подписчиковъ и всѣхъ благъ желаю.

Что ты лаешь понапрасну? Съ чего ты взялъ, что я хочу идти вѣчно путемъ Воейкова? Какимъ путемъ идетъ онъ, не знаю и знать не хочу; а я шель всегда и буду идти прямою дорогою. Ъду, не свищу; наѣдутъ—не спущу—окрещу, да и укушу такъ, что никогда не заживетъ. Съ чего ты взялъ, что я трогаю въ стихахъ здѣшнихъ бабъ, поповъ, чиновниковъ, начальниковъ и пишу пасквили? Да на кой чортъ писать мнѣ ихъ, когда могу писать басни? Правда, что однажды написалъ я въ альбомъ одной умной и почтенной дамы: здѣсь много женщинъ, мало дамъ. Что же за бѣда? Это истина. Конечно, здѣсь мало дамъ и не можетъ быть много. Умнымъ дамамъ даже было это пріятно, а дуры женщины, которыя обидѣлись этимъ, покричали, покричали, да и замолчали, когда растолковали имъ, что болѣе чести принадлежать къ малому, но избранному сословію, нежели къ многочисленному. Въ Архангельскѣ не писалъ я еще другихъ стиховъ, кромѣ застольныхъ въ честь государя, альбомныхъ и на заданныя рифмы; какіе каналы, мерзавцы смѣютъ распространять въ Петербургѣ слухи, будто я пишу пасквили? Бѣда имъ, если узнаю ихъ имена! Безсмертье, безсмертье хуже Геростратовскаго! Превзойду самъ себя, постараюсь сравняться съ Гиппонаксомъ, отъ стиховъ котораго встарину давились. Ты говоришь, что меня описываютъ извергомъ и лгутъ на мой счетъ чортъ знаетъ что. Пянулъ бы ты имъ, к—нымъ дѣтямъ, въ рожу! Ты самъ соглашаешься, что я добрый и честный человекъ; какъ же такъ, Ѡаддей, слушаешь ты злыхъ людей? Впередъ, когда будутъ при тебѣ говорить обо мнѣ худо, то ты потри себя за носъ, да и рѣжь правду-матку.

Пишешь ты, будто я не примѣчаю, что я игрушка въ рукахъ стараго интригана, который самъ сидитъ за угломъ и уськаетъ мною на Протагана Безсчетнаго. Врешь, Булгаринъ: не интриганъ Бухаринъ, хотя уменъ и тонокъ. Не уськалъ онъ мною на Протагана, а удерживалъ нѣсколько разъ за шиворотъ, а то досталось бы

отъ меня дуралею, старому прелюбодѣю и всѣмъ его кобелямъ и сукамъ, питающимся слезами и человѣческою кровью. Басня: Слоны и собаки нейдеть ко мнѣ. Тамъ польскій песъ за диорняшку-за-вирашку вызывалъ на дуэль слона и требовалъ, чтобъ онъ лизалъ, кого велеть—а слонъ

Брылана хоботомъ схватилъ,
Черезъ рѣшетку вмигъ его въ каналъ спустилъ,
И гдѣ-же? — въ полннѣ каналья очутился!

Если можно уподобить меня собакѣ, то развѣ такой, которая бережетъ хозяйское добро и лаетъ на воровъ, хотя бы то былъ самъ дворецкій.

Ты говоришь, что любишь меня душевно. А я люблю тебя сердечно! Да какъ и не любить Архипа Фаддеевича! Умень, собака, острякъ, нечего сказать! Весело и читать, весело и слушать: со смѣху уморить и часто правду говорить, да такъ остро, такъ забавно, что нельзя не расхохотаться. Люблю тебя, Фадденчъ, люблю, Венедиктовичъ!

Люблю, любить вѣкъ буду
Фаддея молодца!
Любовь мою кланите,
Жестокія сердца!

Стихи на А. Е. Измайлова

(1827).

До разсвѣта поднявшись, извожника взялъ
Журналистъ нашъ Измайловъ съ Песковъ,
И безъ отдыха гналъ, поспѣшалъ черезъ каналъ
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бируковъ ¹⁾.
Не съ Цертелевымъ онъ совокупно снѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ,
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За романсы, баллады путомъ.
Но во фракѣ былъ онъ, пылью фракъ занесенъ,
Какой цвѣтомъ—не можно узнать;
Огтониренъ вариантъ—въ немъ торчатъ, какъ чурбанъ,
Двадцати-фунтовая тетрадь.

¹⁾ Цемворъ.

Соскочивъ у воротъ, какъ съ полка жирный котъ,
 Кошелекъ изъ кармана досталъ,
 Расплатился съ возницей, въ ворота идетъ
 И Бориса въ очкахъ повстрѣчалъ.
 «Ты скажи мнѣ, Борисъ, что твой носикъ новись?
 «Откровеннѣе всегда ты душой;
 «Назови мнѣ враговъ — разгони ихъ, какъ крысъ,
 «Безопасенъ ты будешь со мной».
 — Пусть Фаддей замохчнитъ, какъ Церберъ не ворчитъ,
 Защити отъ него ты меня,
 А съ барономъ я слажу: баронъ только спитъ
 Среди ночи, средь бѣлаго дня.
 «Но скажи, наконецъ, что затѣялъ пришелецъ?
 «Онъ (клянусь небесами!) — пропалъ!»
 — Онъ кое-что въ запискахъ нашель, мой отецъ,
 И въ листочкахъ тебя онъ задралъ.
 И Измайловъ тогда изумленъ, пораженъ,
 И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ...
 «Успокойся, Борисъ! — будешь мною спасенъ!»
 И Борису онъ руку пожалъ ¹⁾.

Есть на Мойкѣ писатель въ огромныхъ стѣнахъ,
 Онъ подъ кроплю бѣжитъ отъ людей;
 Но вдали — онъ носитъ фонарь на глазахъ;
 И писатель сей — кто онъ? Фаддей!
 Есть другой — по друзьямъ знаменитый: кто онъ?
 Онъ въ просонѣ лишь смотритъ на свѣтъ:
 То поэтъ молчаливый и мрачный — баронъ,
 Для Плетнева онъ первый поэтъ ²⁾.

III.

Ив. Ив. Дмитріевъ.

Слѣдующій разсказъ объ извѣстномъ русскомъ писателѣ Ив. Ив. Дмитріевѣ (род. 10-го сентября 1760 г., † 3-го октября 1837 г.) не лишень значенія въ біографическомъ отношеніи, представляя новыя черты для характеристики личности поэта, нѣкогда пользовавшагося громкою извѣстностью. Записки И. И. Дмитріева («Взглядъ на мою жизнь», М. 1866) отличаются сухостью изложенія и представляютъ очень немного данныхъ для оцѣнки личности ихъ автора и современной ему литературы; гораздо болѣе полное понятіе о немъ можно составить по отзывамъ его современниковъ; здѣсь онъ рисуется

¹⁾ Борисъ Михайловичъ Федоровъ.

²⁾ Баронъ А. Дельвигъ.

гораздо ярче и опредѣленнѣе. Къ числу такихъ источниковъ принадлежать и слѣдующія замѣтки, составленныя, повидимому, однимъ изъ людей, лично знавшихъ Ивана Ивановича.

Доживая вѣкъ свой въ Москвѣ, Ив. Ив. Дмитріевъ въ наружности своей сохранялъ приличную ему важность. Высокій ростомъ, осанистый, величавый въ походкѣ, въ тонѣ голоса и во всѣхъ пріемахъ, онъ напоминалъ собой бывшаго министра. Личность его еще больше украшалась славой извѣстнаго въ свое время писателя. Но онъ былъ заманчивъ только издалека: кто узнавалъ его ближе, тотъ много разочаровывался.

Министръ по наружности, благородный въ своихъ стихотвореніяхъ, осторожный и приличный въ самыхъ эпиграммахъ и сатирахъ, правоучитель въ басняхъ, проповѣдникъ нѣжности къ людямъ и даже къ животнымъ, Дмитріевъ былъ совсѣмъ не тотъ въ домашней жизни и общественныхъ связяхъ. Онъ былъ скупъ, одѣвалъ людей своихъ дурно, кормилъ ихъ еще хуже. Поступалъ онъ съ ними, какъ степной помѣщикъ: при самомъ малѣйшемъ проступкѣ, или и такъ, потому только, что онъ вспылилъ, онъ тотчасъ прибѣгалъ къ средству: «въ усь и въ рыло». Однажды, въ первый день Пасхи, при постороннихъ, ни за что, онъ отсчиталъ слугѣ своему нѣсколько оплеухъ.

Съ знакомыми онъ обращался двулично: за глаза не щадилъ никого, а въ глаза казался каждому чуть не другомъ. Разъ, посреди гостей своихъ, онъ описывалъ Погодина самыми черными красками, называлъ его и подлецомъ и пронырой, говорилъ, что удивляется людямъ, которые принимаютъ къ себѣ такого негодяя. Вдругъ, какъ нарочно, прѣзжаетъ Погодинъ. Всѣ пришли въ смущеніе и ожидали исторіи, въ родѣ проводовъ въ шею. Ничего не бывало! Дмитріевъ вскочилъ съ мѣста, протянулъ дружески руку вошедшему гостю, упрекая его, что давно не навѣщалъ стараго знакомаго... Иногда съ кѣмъ нибудь изъ гостей онъ былъ чрезвычайно ласковъ и довѣрчивъ, такъ что можно было почестъ этого гостя самымъ близкимъ его другомъ; гость увѣзжаетъ—и Дмитріевъ, проводивъ его съ поклонами и просьбами навѣщать почаще, возвращается съ насмѣшкою надъ нимъ. Этимъ Ив. Ив. много терялъ въ обществѣ: люди почтенные, имѣющіе право на уваженіе, отставали отъ него; мелкіе стихоплеты, писатели ничтожныя по уму и образованію, всякій сбродъ наполняли его гостиную. За то онъ и тѣшился надъ ними, какъ хотѣлъ!

Нельзя, впрочемъ, не сказать, что Дмитріевъ имѣлъ способность смѣшнить и все видѣнное имъ представлять въ каррикатурѣ. Въ напечатанныхъ сочиненіяхъ онъ только переводчикъ или подражатель; въ разговорѣ онъ былъ самобытный рассказчикъ и сатирикъ: снималъ

виды съ природы, писалъ портреты, то оживленные смѣхомъ, то облитые желчью и ядомъ. Слушавшіе его иногда помирали со смѣху. .

Кстати сказать, между другими нравственными недостатками въ Дмитріевѣ была и зависть: онъ завидовалъ славѣ Крылова и не могъ равнодушно переносить похвалы этому баснописцу.

IV.

Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій.

Род. 1736 г., † 27-го октября 1821 г.

I. Письма его къ Аполлону Александровичу Майкову.

[1802 г.]

«Я льшу себя несомнѣнною надеждою, что требованіе мое 1,200 р. жалованья въ годъ и бенефисъ каждагодно-же не покажется немѣреннымъ: 1) что я былъ учителемъ, наставникомъ и инспекторомъ российской труппы 38 лѣтъ; 2) что я отдалъ на театръ моихъ собственныхъ трудовъ—драмъ, оперъ и комедій, числомъ больше 40, которыя донинѣ еще играютъ и доставляютъ дирекціи зрѣлищъ хорошіе сборы; 3) во время дирекціи кн. Юсупова, кромѣ бенефиса собственно въ пользу дирекціи, представлялъ я въ трагедіяхъ и комедіяхъ 62 раза, и слабымъ моимъ дарованіемъ доставилъ театральной кассѣ немало прибыли; 4) что я три раза подкрѣплялъ упадающій российский театръ новыми людьми, которыхъ ни откуда не выписывалъ, но самъ здѣсь сыскалъ, научилъ и предъ публику съ успѣхомъ представилъ; 5) что не было, да и нѣтъ ни единого актера или актрисы, который бы не пользовался, болѣе или менѣе, моимъ ученіемъ и наставленіями; что не появлялась, во время моего правленія, на театрѣ никакая пьеса, въ которой бы я совѣтомъ или поправкою не участвовалъ; 6) что я за всѣ сіи труды, сверхъ должности моей понесенные (кромѣ особенныхъ подарковъ Великія Екатерины за эрмитажный театр), по нѣкоторому фатализету, отъ дирекціи никогда ничего, кромѣ благодарности, не получалъ, даже до того, что ни прежде, ни по увольненіи моемъ отъ актерства и инспекторства не имѣлъ я ни одного бенефиса, когда нѣкоторые изъ моихъ учениковъ—говорю сіе, божуся, безъ всякой зависти—и больше жалованья, и ежегодный бенефисъ получаютъ».

Примѣчаніе. Это письмо относится, по всей вѣроятности, къ 1802 г., когда А. А. Майковъ былъ опредѣленъ въ театральную дирекцію и, въ отсутствіе главнаго директора, А. Л. Нарышкина, какъ старшій членъ, вступалъ его мѣсто.
Д. М.

II Письмо Ив. Ив. Дмитревскаго графу Д. И. Хвостову.

18-го ноября 1821 г.

«Сіяте́льнѣйшій графъ, милостивый государь! Отдавъ, какъ благодарный сынъ, послѣдній долгъ скончавшемуся родителю моему, члену россійской академіи, И. А. Дмитревскому, я желалъ бы, какъ признательный патріотъ, чтобы приличный надгробный памятникъ обозначилъ мѣсто, на коемъ погребенъ прахъ сего 89-лѣтняго старца, коего вся жизнь посвящена была на пользу отечественной драматической словесности, и который былъ, можно сказать, основателемъ и образователемъ россійскаго театра, занимая на ономъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, съ величайшею похвалою самыя труднѣйшія роли, доставивъ оному болѣе шестидесяти своего сочиненія и перевода отличныхъ піесъ и образовавъ многіе молодые таланты, кои украшали и теперь украшаютъ нашу сцену. Но имѣя недостаточное состояніе и семейство, состоящее изъ жены и трехъ дочерей, кои требуютъ содержанія и воспитанія, и при томъ задолжавъ довольно значительную сумму, какъ на лѣченіе болѣзненнаго и престарѣлаго моего родителя въ послѣдніе годы его жизни, такъ и на приличное его погребеніе, я не въ силахъ теперь самъ почтить прахъ его и самымъ малѣйшимъ надгробіемъ.

Сіяте́льнѣйшій графъ! зная какъ милостивое ваше расположеніе къ покойнику, такъ и благородное сердце ваше, всегда открытое для добродѣтели и вспомошествованія бѣднымъ, я осмѣливаюсь утруждать васъ моею просьбою о ходатайствѣ вашемъ у почтеннѣйшихъ членовъ россійской академіи и вольнаго экономическаго общества помочь мнѣ соорудить приличный памятникъ моему родителю, а ихъ сочлену. Свѣтъ ваше с—во доставите возможность сыну отдать послѣдній долгъ отцу и обяжете меня вѣчною къ себѣ благодарностію. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и пр. Иванъ Дмитревскій, коллежскій совѣтникъ».

Примѣчаніе. Приведенныя выше четыре письма и замѣтки о писателяхъ извлечены въ 1874 г. П. О. Морозовымъ изъ бумагъ принадлежащаго нашему журналу «Русская Старина» архива гр. Дм. Ив. Хвостова.

Ред.

V.

Павелъ Михайловичъ Строевъ

1796—1875.

Павелъ Михайловичъ Строевъ родился, бракомъ сочетался и умеръ въ Москвѣ. Родился онъ въ приходѣ Воскресенской въ Барашахъ церкви; въ 1796 г. іюля 27-го дня. Воскресенская въ Барашахъ церковь находится близъ Покровскихъ воротъ и замѣчательна по вызолоченной на ней главѣ въ формѣ короны, устроенной будто бы въ память того, что здѣсь государыня Елизавета Петровна тайно обвѣнчалась съ графомъ Разумовскимъ.

О рожденіи и крещеніи Павла Михайловича въ метрической книгѣ показанной Воскресенской церкви за 1796 г. значится такъ: «Іюля двадцать седьмаго числа, въ домѣ титулярнаго совѣтника Михаила Александровича Строева, родился сынъ Павелъ, крещенъ августа 8-го дня. Воспріемники были: оберъ-полиціѣмейстеръ Павелъ Михайловичъ Козловъ и генерала Николая Петровича Высотскаго жена Марья Петровна. Крестилъ священникъ Симоновъ Алексѣевъ съ причтомъ». Но по исповѣдной вѣдомости Воскресенской въ Барашахъ церкви за тотъ 1796 г. Михаилъ Александровичъ Строевъ, 36 лѣтъ, и жена его Варвара Николаевна 25 лѣтъ, съ дочерью Марьею 3-хъ лѣтъ, показаны живущими въ приходѣ Воскресенской въ Барашахъ церкви, въ домѣ надворнаго совѣтника Алексѣя Кузьмича Попова. Только съ 1798 г., по тѣмъ же вѣдомостямъ, рядомъ съ № дома А. К. Попова, началъ писаться особый № дома М. А. Строева. Въ 1808 г., у надворнаго совѣтника Михаила Александровича Строева значится вторая жена Елизавета Ѳедоровна 21 г. и дѣти: Павелъ 11-ти, Александръ 10-ти, Николай 5-ти лѣтъ.

Павелъ Михайловичъ Строевъ вѣнчался 1824 г. 29-го октября въ той же Воскресенской въ Барашахъ церкви. О бракѣ его въ метрической книгѣ означенной церкви за 1824 г. записано такъ: «Двадцать девятаго числа октября, коллежскаго совѣтника и кавалера Михаила Александровича Строева женился сынъ его, титулярный совѣтникъ и кавалеръ Павелъ Михайловичъ, взявъ за себя умершаго титулярнаго совѣтника Петра Дмитріевича Ставровскаго дочь дѣвицу Олимпиаду Петрову, оба первымъ бракомъ, о коихъ надлежащій обыскъ съ поручительствомъ чиненъ былъ. Поручители были, по жениху: братъ его родной, губернской секретарь Николай Михайловъ

Строевъ и московскій купецъ Семень Ивановъ, по невѣстѣ: губернской секретарь Иванъ Ивановъ, сынъ Соцъ. Вънчалъ священникъ Семень Ивановъ съ причтомъ». Домъ, въ которомъ родился и женился Павелъ Михайловичъ Строевъ, до позднѣйшаго времени принадлежалъ фамилии Строевыхъ. Въ 1867 г., по исповѣдной вѣдомости въ немъ значилось: коллежская совѣтница вдова Елизавета Федоровна Строева, 76 лѣтъ, и при ней дочь Екатерина Михайловна 47 лѣтъ. Нынѣ (1876 г.) домъ этотъ во владѣнн г. Архипова.

Въ послѣднiе годы своей жизни, Павелъ Михайловичъ Строевъ проживалъ въ приходѣ церкви св. Адриана и Наталiи, что близъ Сухаревой башни, на первой Мѣщанской улицѣ, въ домѣ купца Баскакова (бывшемъ Бари). Въ приходской метрической книгѣ о смерти его записано такъ:

«Генваря 5 числа умеръ дѣйствительный статскiй совѣтникъ Павелъ Михайловичъ Строевъ 79 лѣтъ, отъ старческаго извуренiя. Отпѣтъ 8 числа и погребенъ на Пятницкомъ кладбищѣ. Отпѣвалъ протоіерей Павелъ Казанскiй съ причтомъ.

Н. П. Розановъ (+).

1-го марта 1876 г.

Примѣчаніе. Помѣщаемъ эту справку изъ архива «Русской Старины» изъ уваженiя къ памяти славнаго русскаго археографа Павла Михайловича Строева; самъ сообщитель справки, Николай Петровичъ Розановъ, отличный знатокъ церковной исторiи московской епархіи, уже умеръ. П. М. Строевъ обезсмертенъ въ превосходномъ, обширномъ трудѣ, посвященномъ его жизни и ученой дѣятельности—Николаемъ Платоновичемъ Барсуковымъ.

Ред.

VI.

Николай Михайловичъ Карамзинъ

1819 г.

Помѣщаю на стр. «Русской Старины», случайно доставшееся мнѣ, письмо нашего знаменитаго исторiографа Н. М. Карамзина къ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ. Само письмо говоритъ объ его авторѣ, какъ о человѣкѣ, желавшемъ и творившемъ добро ближнимъ, если не матерьяльной поддержкой (извѣстно, что Карамзинъ былъ не богатъ), то тѣмъ святымъ правомъ, которое дала ему милосердная царица—правомъ быть у нея ходатаемъ за другихъ.

Ц—въ.

г. Тифлисъ.
9-го марта 1890 г.

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

Письмо къ Н. М. Лонгинову.

Милостивый государь, Николай Михайловичъ ¹⁾. Вручитель сего г. Ѳедоровъ, служащій въ департаментѣ министерства духовныхъ дѣлъ, имѣеть тринадцатилѣтнюю сестру, не имѣя никакихъ способовъ дать ей пристойное воспитаніе. Отецъ ихъ, надворный совѣтникъ, усердно служить государству 35 лѣтъ и живетъ однимъ скуднымъ жалованьемъ, равно какъ и сынъ. Два раза они просили о принятіи ея въ Смольный монастырь, но по жеребью ей не доставалось, а лѣта между тѣмъ уходятъ. Последнею ихъ надеждою есть милость государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны,—нельзя-ли помѣстить эту благородную дѣвицу въ Сиротское училище 1812 года, или, по крайней мѣрѣ, въ домъ трудолюбія, гдѣ, какъ мнѣ сказывали, также воспитываются бѣдныя? Императрица любитъ благотворить. Воспитаніе важно не менѣе пропитанія. Не скажу ничего болѣе, кромѣ того, что мнѣ не тяжело, а пріятно просить черезъ васъ государыню, не только именемъ, но и дѣлами всемилостивѣйшую.

Съ отличнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ.

20 марта 1819.

¹⁾ Николай Михайловичъ Лонгиновъ, секретарь императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ 1826 г., былъ статсъ-секретаремъ его величества, а впоследствии членомъ Государственнаго Совѣта; умеръ въ 1853 г., въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Ред.

МИХАИЛЬ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.

Къ очерку Н. П. Барсукова въ 10-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г.

1801—1842 гг.

Въ октябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1889 г. напечатана любопытная замѣтка Н. П. Барсукова, озаглавленная: «М. Т. Каченовскій», составленная, по просьбѣ г. редактора «Русской Старины», какъ объяснительная записка къ прекрасно-исполненному художникомъ Г. И. Грачевымъ портрету отца моего, помѣщенному въ той же книгѣ.

Приводя изъ формулярнаго списка свѣдѣнія о службѣ отца моего и указывая на источники для его будущей біографіи, которая, по словамъ почтеннаго автора замѣтки, потребовала-бы труда на нѣсколько книгъ, онъ не имѣлъ въ виду еще одвого, притомъ очень важнаго, матеріала для этого труда,—я говорю о некрологѣ отца моего, написанномъ товарищемъ его, профессоромъ И. И. Давыдовымъ, и помѣщенномъ въ № 37, отъ 9-го мая 1842 г., «Московскихъ Вѣдомостей». Кромѣ того, цѣлую массу матеріала для его біографіи представляютъ наши историческіе журналы—«Русская Старина» и другіе за все время ихъ существованія.

Въ алфавитныхъ перечняхъ именъ, встрѣчающихся въ тѣхъ журналахъ, прилагаемыхъ къ послѣднимъ книгамъ каждаго года: фамилія отца моего сопровождается рядомъ цифръ, указывающихъ на страницы статей, въ которыхъ она упоминается. Статьи эти преимущественно записки и воспоминанія современниковъ или учениковъ покойнаго.

Некрологъ, о которомъ я говорю, имѣетъ особенное значеніе

для будущаго біографа моего отца уже потому, что авторъ его, И. И. Давыдовъ, былъ близкимъ къ отцу моему человѣкомъ, онъ былъ воспріемникомъ сестры моей, еще здравствующей понынѣ, Анны Михайловны Козинеръ, вдовы доктора и, конечно, зналъ его какъ человѣка и семьянина лучше, чѣмъ другіе его біографы. Затѣмъ, лишившись отца на 16-мъ году моей жизни, я его помню очень хорошо, поэтому и личныя мои воспоминанія могутъ имѣть значеніе какъ матеріалъ для біографіи моего отца, — хотя мнѣ, по болѣзни и слабому зрѣнію, приходится быть краткимъ. Привожу ихъ здѣсь на ряду съ цитируемыми выписками изъ некролога, составленнаго И. И. Давыдовымъ.

I.

Отецъ мой былъ сынъ харьковскаго мѣщанина, торговца винами, грека Трофима Демьяновича Качони, фамилію же Каченовскаго онъ получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ которомъ, какъ и въ семинаріяхъ, даже позднѣйшаго времени, обычай измѣнять фамилію учащихся былъ въ большемъ ходу.

Какъ видно изъ замѣтки Н. П. Барсукова, М. Т. Каченовскій, еще въ 1801 г. бывшій полковымъ квартирмейстеромъ, въ 1805 г. съ ученою степенью магистра философіи становится преподавателемъ Московскаго университета. Это едва-ли не единственный случай достиженія профессуры лицомъ, получившимъ поверхностное образованіе въ учебномъ заведеніи съ болѣе чѣмъ ограниченою программю. Такой переходъ отъ занятій военнымъ дѣломъ къ занятіямъ ученымъ объясняется упорнымъ, усидчивымъ самообразованіемъ. Изучивъ языки французскій и нѣмецкій, М. Т. доставалъ себѣ, черезъ посредство знакомыхъ, лучшія произведенія иностранныхъ писателей въ бібліотекахъ богатыхъ помѣщиковъ южнаго края, а затѣмъ и въ Москвѣ, гдѣ онъ поселился. Все это время онъ жилъ въ крайней нуждѣ, поддерживая свое существованіе уроками въ частныхъ домахъ.

Привожу слова И. И. Давыдова, относящіяся къ послѣднему періоду военной службы отца моего.

«Казалось, бывшій квартирмейстеръ, бросивъ книги, станетъ добиваться воинскихъ почестей, пойдетъ пожинать лавры побѣдъ,

или заглохнетъ въ толпѣ сослуживцевъ; но въ немъ теплился свѣтъ науки, еще согрѣвалась любовь къ знаніямъ и, даже во мракѣ бѣдъ, на нѣсколько времени, какъ бы для нравственнаго очищенія, потемнившихъ жизнь юноши, свѣтила ему на трудномъ пути испытаній звѣзда другой славы—славы ученаго. Находясь подъ слѣдствіемъ по дѣлу ¹⁾, въ которомъ послѣ былъ оправданъ и найденъ безвиннымъ, и сидя подъ карауломъ на гауптвахтѣ, Мих. Троф. продолжалъ заниматься науками, для которыхъ пособія доставлялъ ему капитанъ его С. Н. Глинка, извѣстный нашъ писатель, также замѣчательный по удивительной борьбѣ идеальной своей жизни съ жизнью дѣйствительною. Съ восшествіемъ на престолъ Александра Павловича начинается духовное перерожденіе несчастнаго квартирмейстера. Оправданный по суду, онъ вышелъ въ отставку и поступилъ библиотекаремъ, а потомъ правителемъ канцеляріи къ графу А. К. Разумовскому, бывшему вскорѣ послѣ того полечителемъ Московскаго университета. И вотъ онъ уже въ своей сферѣ, преданный любимымъ занятіямъ. Огромная библіотека просвѣщеннаго вельможи открывала ему богатые источники для его любознательности».

Видное мѣсто въ некрологѣ, о которомъ я говорю, отведено обзорѣнью дѣятельности М. Т. Каченовскаго какъ литератора, журналиста и профессора. Замѣчательно, что первымъ изданнымъ трудомъ покойнаго былъ романъ «Тереза и Фальдони» (4 т. in 12, 1804), мало содержательный и въ духѣ господствовавшаго въ концѣ прошлаго столѣтія вольнаго, эротическаго направленія. О переводѣ этого романа отецъ мой впоследствии самъ отзывался съ горечью и неудовольствіемъ. Что же касается до другаго труда его того же времени: «Аѳинскіе вечера» (4 т., 1804 и 1805 гг.), то И. И. Давыдовъ отзывается о нихъ такъ: «Въ первомъ опытѣ переводчикъ всегда расканивалъ, какъ въ напрасной потерѣ времени, а второй трудъ принадлежитъ къ лучшимъ переводнымъ трудамъ. Внутреннее достоинство «Аѳинскихъ писемъ» признаетъ сочинитель Анахарсиса (Бартеlemi де Сентъ-Илеръ): даже еслибы зналъ онъ ихъ прежде собственнаго предпріятія, то, вѣроятно, не рѣшился бы еще писать о древности. Языкъ его правильный, точный, опредѣленный. Иногда

¹⁾ Объ оказавшемся въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку недочетѣ пороха.

въ слогѣ и языкѣ своемъ возвышается до ораторской настроенности: таковъ онъ въ переводахъ изъ Мосгейма.

«Въ отношеніи къ слогу, Мих. Троф. велъ жаркую битву съ двумя крайностями, равно ложными и вредными распространію истиннаго знанія и изящнаго вкуса—съ сентиментальными послѣдователями Карамзина, не понимавшими учителя своего, и съ поборниками славянизма, тогда превознесеннаго Шишковымъ».

Въ 1805 г. молодой магистръ получилъ въ университетѣ мѣсто преподавателя риторическихъ лекцій и одновременно русскаго языка въ академической гимназій. Въ слѣдующемъ году онъ уже докторъ философіи и профессоръ, что улучшило его матеріальное положеніе и дало возможность перемѣнить холостую жизнь на жизнь семьянина. Онъ женился въ 1809 г. на дочери штабъ-лекаря Х. Б. Бауера, Амалии Христіановнѣ. Дѣдъ мой по матери, родомъ изъ Гамбурга, поступивъ на русскую службу, служилъ нѣсколько лѣтъ въ Россійско-Американской компаніи и скончался въ 1820-хъ годахъ, состоя врачомъ при извѣстномъ дѣятелѣ временъ Екатерины II-ой—Трощинскомъ, когда вельможа этотъ, оставя службу, поселился въ своемъ имѣніи въ Черниговской губерніи.

Свадьба отца моего отпразднована была съ удивительною даже и для того времени простотою. Женихъ зашелъ передъ равнею обѣднею за невѣстою и оба отправились въ церковь св. Николая, называемую Большою Крестъ, на Ильинкѣ, гдѣ, отслушавъ богослуженіе, они и обвѣнчались въ присутствіи родныхъ и 2-хъ свидѣтелей изъ близкихъ знакомыхъ.

Отъ этого брака у нихъ было шесть человѣкъ дѣтей: сыновья: Егоръ, Михайлъ и Владиміръ и дочери: Надежда, Василиса и Анна, изъ нихъ до зрѣлаго возраста дожили Егоръ († 1875), Владиміръ (род. 1826 г.) и Анна (род. 1821 г.).

Вскорѣ послѣ женитьбы для отца моего явилась возможность пріобрѣсти свой собственный домъ, который и былъ имъ купленъ въ Сушевѣ, въ Щемиловскомъ пер. Домъ этотъ былъ очень невеликъ, но съ прекраснымъ большимъ садомъ и прудомъ, за которымъ протекала рѣчка Неглинная, имѣвшая въ этомъ мѣстѣ не болѣе сажени ширины. Въ 1820-хъ годахъ домъ былъ перестроенъ и сдѣланъ уже болѣе помѣстительнымъ. Въ мезонинѣ

были двѣ комнаты, раздѣленные корридоромъ; одна выходила окнами на дворъ и ее отецъ избралъ себѣ кабинетомъ. Въ немъ онъ занимался частно съ нѣкоторыми молодыми людьми, недовольствовавшимися одними его лекціями въ университетѣ. Изъ числа ихъ я помню Валуева, Константина и Ивана Сергѣевичевыхъ Аксаковыхъ и Ю. Ѳ. Самарина. Усталый и часто недовольный послѣ занятій съ нѣкоторыми изъ пользовавшихся его уроками, отецъ мой былъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа послѣ занятій съ Конст. и Ив. Серг. Аксаковыми и Ю. Ѳ. Самаринимъ и, не любя особенно дѣлиться своими впечатлѣніями, касающимися его кабинетныхъ занятій, онъ тѣмъ не менѣе любилъ говорить намъ о выдающихся способностяхъ этихъ его учениковъ.

Привѣтливо провожая съ лѣстницы мезонина въ залу Юрія Ѳедоровича Самарина и увидавъ, что я сижу за столомъ, уча урокъ, отецъ мой подозвалъ меня къ себѣ.

—«Учись, учись,—сказалъ онъ и, указывая на Юрія Ѳедоровича, добавилъ:—если ты хотя на половину будешь такъ уменъ и прилеженъ, какъ этотъ господинъ, то я буду вполне доволенъ».

Въ этихъ молодыхъ людяхъ отецъ мой провидѣлъ будущихъ славныхъ дѣятелей, которыми не перестанетъ гордиться Россія.

Другая комната, съ балкономъ въ садъ, была его гостинная. Въ ней-то отецъ принималъ посѣщенія знакомыхъ, кругъ которыхъ былъ очень невеликъ и ограничивался людьми, съ которыми его связывали ученые и литературные интересы. Нерѣдкимъ гостемъ здѣсь бывалъ и Ѳед. Вас. Самаринъ, отецъ Юрія Ѳедоровича, человекъ высшаго московскаго общества, занимавшій въ немъ одно изъ видныхъ мѣстъ не столько по богатству, сколько по солидному образованію и выдающимся качествамъ ума и души.

Другіе знакомые семейно принимались внизу, въ гостинной, куда уже выходила къ гостямъ и матушка. Къ послѣдней категоріи принадлежали профессора: И. И. Давыдовъ, Ив. Ал. Двигубскій, Петръ Вас. Побѣдоносцевъ, Ив. Мих. Снегиревъ, домашній докторъ нашъ, служившій въ Маріинской больницѣ, Кузьма Алексѣевичъ Щировскій, князь Петръ Ив. Шаляковъ, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», и нѣкоторые другіе.

Во время прїѣздовъ своихъ въ Москву, бывалъ у насъ рѣдкимъ, но горячо встрѣчаемымъ гостемъ знаменитый поэтъ нашъ Вас. Андр. Жуковскій, крестный отецъ брата моего Егора и мой. Я помню его отлично по послѣднему посѣщенію въ 1839 г.

Тогда печаталось въ типографіи Московскаго университета стихотвореніе его «Бородинская годовщина» и отецъ мой самъ держалъ его корректуру. Ко дню прїѣзда Вас. Андреевича въ августѣ 1839 г., князь П. И. Шаликовъ привезъ къ намъ тщательно запакованную связку брошюръ этого стихотворенія въ большую четверку листа. Отецъ, передавая ее В. А. Жуковскому, замѣтилъ, что брошюра напечатана безукоризненно и вполне достойна чести быть поднесенною на предстоявшемъ Бородинскомъ смотрѣ Высочайшимъ особамъ и ихъ гостямъ.

— «Ну, а ошибокъ не найдется?» спросилъ Жуковскій.

— Не найдется, я самъ держалъ корректуру.

— «Посмотримъ», съ улыбкою возразилъ поэтъ и, вынувъ изъ-подъ бичевы, обвязывавшей пачку, лежавшей на оберткѣ экземпляръ брошюры, сталъ немедленно читать.

— «Нашелъ! нашелъ!» вскрикнулъ онъ со смѣхомъ, направясь къ столу, — эта сцена происходила въ кабинетѣ отца моего, — взялъ перо и, обмокнувъ въ чернильницу, сдѣлалъ въ текстѣ условную корректорскую отмѣтку, повторилъ ее на поляхъ брошюры противъ одного стиха и поставилъ пропущенную, а можетъ быть — дурно оттиснутую при печатаніи точку.

Поправленный рукою Василя Андреевича экземпляръ этотъ доселѣ хранится у меня.

У отца моего было много знакомыхъ и въ другихъ сферахъ тогдашняго московскаго общества, съ которыми онъ встрѣчался въ англійскомъ клубѣ, посѣщаемомъ имъ очень часто.

Извѣстно, какое громадное значеніе имѣлъ тогда этотъ центр общественной жизни образованной Москвы, какъ чутко прислушивалась она къ его сужденіямъ, какъ относилась къ его рѣшеніямъ и приговорамъ.

Отецъ мой посѣщалъ клубъ именно для того, чтобы, отдыхая отъ трудовъ ученыхъ, читать тамъ выписывавшіяся во множествѣ иностранные газеты и журналы, а также мѣняться мыслями въ бесѣдѣ съ представителями общества о занимавшихъ его вопросахъ дня. Въ карты отецъ мой не игралъ никогда и

въ такъ называвшуюся «адскую комнату» клуба, гдѣ проигрывались цѣлыя состоянія, не заглядывалъ.

Семьянинъ онъ былъ прекрасный, насъ дѣтей любилъ горячо, но къ наружнымъ проявленіямъ этой любви, нѣжнымъ ласкамъ, относился сдержанно.

Мы очень дорожили знаками его вниманія, часто выказываемыми въ шутовскомъ тонѣ.

Подойдешь, бывало, къ нему во время вечерняго чая, когда онъ послѣ короткаго отдыха, слѣдовавшаго за обѣдомъ, бывалъ большею частію въ хорошемъ расположеніи духа, — возьмешь руку его и поцѣлуешь. Онъ потреплетъ по щекѣ и, пародируя Мольеровскаго Скупаго, съ улыбкою замѣтитъ:

— А что ты ласкаешься? Ужъ не далъ ли я тебѣ чего-нибудь ошибкою?

Страстный любитель чтенія, я пользовался по его выбору книгами его библіотеки.

— Нѣтъ ли чего еще почитать, папа? скажешь бывало, возвращая прочитанную книгу, и уже впередъ знаешь, что отецъ отвѣтитъ:

— Чти отца твоего и мать твою.

Вообще о характерѣ его И. И. Давыдовъ выражается такъ:

«Ничто не въ состояніи было отклонить его отъ пути истины и правосудія, когда онъ бывалъ въ нихъ убѣжденъ. Но тотъ же грозный и неумолимый судья порока и злоупотребленія, вспыльчивый при первыхъ впечатлѣніяхъ, какъ бывалъ онъ снисходителенъ къ слабостямъ и заблужденіямъ человѣческимъ! Съ какою охотою подавалъ онъ руку помощи слабымъ, ие рѣдко угнетеннымъ силою и могуществомъ! Какъ радушно дѣлился онъ опытомъ и знаніями своими со всѣми, прибѣгавшими къ нему за добрымъ совѣтомъ. Какъ веселъ бывалъ онъ въ дружескихъ бесѣдахъ, всегда острый и исполненный юмора».

Отецъ мой имѣлъ утѣшеніе видѣть, что его высокія качества человѣка и ученаго были по достоинству оцѣнены его непосредственнымъ начальникомъ, попечителемъ Московскаго учебнаго округа графомъ С. Г. Строгоновымъ; съ нимъ его связывали не только служебныя отношенія, но и занятія ученыя, которымъ высокособразованный графъ предавался съ увлеченіемъ. Принимая участіе въ относительно скромномъ матеріальномъ положеніи

отца моего, графъ, со свойственною ему деликатностью, старался быть ему полезнымъ и въ этомъ отношеніи. Такъ, при открытіи 2-й гимназіи, имъ основанной, графъ помѣстилъ меня казеннымъ пансіонеромъ въ состоящемъ при гимназіи пансіонѣ.

Благодѣянія графа нашему семейству продолжались и послѣ смерти отца. Изъ замѣтки Н. П. Барсукова видно, какое участіе принялъ графъ въ исходатайствованіи полной пенсіи моей матери. Что же касается до меня, то въ годъ смерти своей гр. Строгоновъ щедро помогъ мнѣ въ моемъ крайне стѣсненномъ тогда положеніи.

Здоровье отца моего было очень хорошее: крѣпкое тѣлосложеніе, поддерживаемое регулярною жизнью, обѣщало ему долготѣльную старость, но судьба судила иначе.

II.

Лѣтомъ 1841 г., въ кухонномъ флигелѣ нашего дома, перестлали полы, мѣняли накатникъ и отецъ ежедневно посѣщалъ стройку, наблюдая за ходомъ работъ. Зайдя, однажды, во второй половинѣ августа, съ этою цѣлью въ кухню, онъ оступился о лежавшее бревно и переломилъ себѣ правую ногу. Началось долгое, утомительное леченіе. Докторъ, профессоръ Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, занявшій послѣ него мѣсто ректора университета, наложивъ на большую ногу гипсовую повязку, подвѣсилъ ее къ укрѣпленной къ кровати дугѣ изъ обруча и обрекъ отца моего на долгую неподвижность. Больной пролежалъ всю осень и только зимою получилъ возможность передвигаться съ помощью костылей; къ веснѣ онъ ходилъ уже опираясь на палку. Все это время отецъ мой томился лишеніемъ обычной ему дѣятельности и очень упалъ духомъ. Изъ посѣщавшихъ его на скорбномъ одрѣ особенно былъ отцу пріятенъ извѣстный острякъ и анекдотистъ Ив. Мих. Снегиревъ, рассказы котораго, полные юмора, нерѣдко сгоняли морщины съ задумчиваго чела страдальца.

Полагаю, что въ дневникѣ Ив. Мих., хранящемся въ Ярославлѣ у И. А. Вахрамѣева, о чемъ упоминаетъ М. И. Семевскій въ своихъ «Путевыхъ замѣткахъ» (10-я книга «Русской Старины» 1889 г.), должны быть отмѣчены частыя посѣщенія отца моего Снегиревымъ.

Крутой переворотъ въ образѣ жизни отца моего повліялъ на его душевныя способности, и хотя весною 1842 г. онъ возобновилъ посѣщенія аудиторіи, но слушатели видѣли его уже блѣднымъ, ослабѣвшимъ, съ потухшими глазами.

Между тѣмъ физическое состояніе его здоровья особыхъ опасеній не внушало и потому смерть его поразила всѣхъ своею неожиданностью.

Встрѣтивъ Свѣтлый день Пасхи 19-го апрѣля 1842 г. за заутренней университетской церкви, отецъ мой, отдохнувъ немного, по обыкновенію, напился у себя въ кабинетѣ кофе, который всегда варилъ онъ самъ, кипятя кофейникъ надъ мѣднымъ тазомъ съ помощью фидибусъ, т. е. сложенныхъ въ видѣ ленты бумажекъ. Затѣмъ, почувствовавъ себя не совсѣмъ хорошо, обычныхъ визитовъ не дѣлалъ, и когда мать моя предложила пригласить какого либо врача изъ тѣхъ, которые явятся съ праздничнымъ визитомъ, то онъ отказался принять ихъ, ссылаясь на незначительность болѣзненнаго припадка, и просилъ не будить его къ семейному обѣду, добавивъ, что онъ позвонитъ, когда захочетъ кушать.

Обѣдали мы обыкновенно въ 2 часа, въ этотъ же день пообѣдали нѣсколько позднеѣ. Между тѣмъ пробило четыре часа, затѣмъ пять, а условнаго звонка изъ кабинета не было.....

Мать пошла тогда въ кабинетъ и, увидавъ отца сидящимъ въ его вольтеровскомъ креслѣ, съ книгою въ опущенной на столъ рукѣ, подумала, что онъ спитъ, но, подойдя ближе, убѣдилась, что онъ скончался.

Книга, за которою постигла отца моего смерть, была взята изъ библіотеки «Общества исторіи и древностей россійскихъ» «Bibliografia critica dell' Alessandro Ciampi». Она хранится тамъ и теперь съ загнутою страницею, на которой лежала рука покойнаго въ моментъ его кончины.

Похороны совершались 23-го апрѣля, въ приходской церкви Пимена, при многочисленномъ собраніи знакомыхъ и читателей памяти отца моего и почти при всемъ наличномъ составѣ студентовъ, провожавшихъ гробъ его до Міусскаго кладбища, которое онъ во время лѣтнихъ прогулокъ своихъ давно избралъ мѣстомъ своего погребенія.

Покойный отецъ мой снималъ съ себя портреты только два

раза въ теченіе всей своей жизни. Въ концѣ 1830-хъ годовъ императору Николаю угодно было поручить академику Чернецову написать картину освященіе Александровской колонны. У подножія памятника, по мысли императора, должны были быть изображены лица, дѣятельность которыхъ на различныхъ поприщахъ ознаменовала его царствованіе, при чемъ въ числѣ ихъ должны были находиться и тѣ, которые при освященіи памятника даже и не присутствовали. Отецъ мой попалъ въ число этихъ послѣднихъ и, по приѣздѣ Чернецова въ Москву, являлся къ нему нѣсколько разъ для сеансовъ, всегда одѣтый въ мундиръ.

Мнѣ не случилось видѣть картины Чернецова, но говорятъ, что портретъ отца моего вышелъ въ ней удачнымъ. Другой разъ отецъ, уступая желанію матушки, сваялся у преподавателя рисованія въ университетѣ. Портретъ вышелъ чрезвычайно похожъ. Копія съ него, гравированная художникомъ Г. И. Грачевымъ, помѣщена въ 10-й кн. «Русской Старины». Она снята съ портрета, находящагося у сенатора М. Н. Турунова.

Я знаю только двѣ копіи съ оригинала, хранящагося у насъ уже поврежденнымъ отъ сырости квартиръ, гдѣ ему приходилось висѣть на стѣнахъ. Съ этого-то портрета, еще въ 1840-хъ годахъ, снята неизвѣстнымъ мнѣ художникомъ копія для М. П. Погодина, другая копія, по просьбѣ В. А. Дашкова, снята для него художникомъ Крамскимъ.

Есть и еще портретъ, набросанный карандашомъ однимъ изъ учениковъ отца моего, воспитанникомъ Дворянскаго института; покойный изображенъ съ опущенными внизъ глазами, какъ-бы читающимъ что-то. Очевидно, онъ снятъ во время чтенія лекцій въ институтѣ.

Этотъ портретъ находится у меня.

Вл. Мих. Каченовскій.

Москва.

9-го марта 1890 г.

ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-ГО.

Разсказъ подполковника Кардиналовскаго.

[«Русская Старина», изд. 1890 г., т. LXXVI, апрѣль].

Въ дополненіе къ разсказу генерала Маньковскаго, помѣщенному въ нашемъ изданіи (т. LXXVI, апрѣль, стр. 149—157) о переправѣ императора Николая черезъ Нѣманъ въ 1846-мъ году, считаемъ необходимымъ привести разсказъ не только очевидца, но и участника въ событіи, поручика, впоследствии подполковника Кардиналовскаго († въ 1884 г.). Разсказъ этотъ составляетъ отрывокъ изъ его дневника и полученъ нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Ред.

Въ 1846 году Вологодскій пѣхотный полкъ стоялъ въ Ковенской губерніи, 2-ой баталіонъ котораго въ это время отправлялъ караульную службу въ самомъ городѣ Ковнѣ;—въ этотъ годъ городъ ждалъ императора Николая I-го, который долженъ былъ проѣзжать изъ С-Петербурга въ г. Варшаву. Былъ ноябрь мѣсяць: изъ штаба полка пришло приказаніе сформировать изъ 2-го баталіона, для встрѣчи государя императора, почетную роту, командованіе которою поручено было мнѣ, бывшему тамъ въ чинѣ поручика и командовавшему ротой.

26-го ноября ¹⁾ я былъ назначенъ дежурнымъ по карауламъ; прійдя на главную гауптвахту — засталъ тамъ коменданта, полковника Бабушкина, который приказалъ, чтобы почетная рота была тотчасъ готова, такъ какъ съ часу на часъ ждуть проѣзда государя. Приказаніе это передалъ я баталіонному командиру, майору Домбровскому, и, сдѣлавъ всѣ надлежащія распоряженія со своими офицерами роты, остался

. ¹⁾ Маньковскій относитъ описываемое здѣсь происшествіе къ 16-му ноября.

Ред.

ждать дальнѣйшихъ распоряженій на главной гауптвахтѣ. Такъ прошелъ въ ожиданіи цѣлый день; пробили вечернюю зорю. Исполнивъ всѣ обязанности дежурнаго, отправился я съ вечернимъ рапортомъ къ коменданту. Рѣшено было такъ: распустивъ всю почетную роту съ офицерами, оставить только 20 человекъ надежныхъ, крѣпкихъ людей подъ моею командою для спуска экипажа на паромъ, въ случаѣ, если-бы государь проѣхалъ ночью.

Ночь была звѣздная, морозъ съ каждымъ часомъ крѣпчалъ; не смотря на это, рѣка Нѣманъ не покрылась еще сплошнымъ льдомъ, а берега ея только замерзли; въ то время постоянного моста черезъ рѣку еще не было, поэтому переправа на ту сторону рѣки совершалась на паромѣ, теперь же ее устроили такъ: положили настилку на береговныя льдины, а къ ней причалили паромъ.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи прискакалъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что государь сейчасъ ѣдетъ. Команда моя была выстроена на берегу; черезъ нѣсколько минутъ подъѣхала коляска, въ которой сидѣли императоръ Николай Павловичъ и графъ А. Ф. Орловъ; верхъ коляски былъ поднять и фартукъ пристегнуть.

Поздоровавшись съ нами, государь приказалъ отпрягать лошадей и самъ, оставшись съ графомъ въ коляскѣ, приказалъ ее катить на паромъ. Дружно мои молодцы взялись за работу, но едва только въѣхали на настилку, — ледъ подъ нею началъ трещать все сильнѣе и сильнѣе; идя съ лѣвой стороны коляски, я старался всѣми силами ускорить ходъ ея, но едва успѣли переднія колеса экипажа стать на паромъ, ледъ подъ задними рухнулъ и вода мигомъ влилась въ коляску; передній конецъ парома поднялся и всѣ усилія людей втащить экипажъ на паромъ оказывались напрасными.

Была критическая минута; всѣ стояли на берегу въ какомъ-то оцѣпевѣннѣи; темнота ночи еще болѣе усиливала грозившую опасность.

Вдругъ раздался изъ глубины коляски голосъ императора: «Опустить верхъ!»

Слова эти подѣйствовали на меня подобно электричеству — дѣло было одной минуты броситься съ парома въ воду и подплыть къ коляскѣ. Я очутился какъ разъ у правой ея стороны, гдѣ сидѣлъ государь. Къ счастью, одною ногою попалъ я на бревно. Не помню уже — отстегнулъ или разорвалъ фартукъ у коляски и опустилъ верхъ, слышу только слова государя: «Спасайся самъ!»

Въ это время сильнымъ теченіемъ и льдиной оторвало меня отъ коляски и понесло-бы Богъ знаетъ куда, но Провидѣніе меня хранило. Я очутился на льдинѣ и первое, что услышалъ—были слова государя: — «Спасайте, ребята, своего офицера».

Государь стоялъ уже на паромѣ, коляска была вытащена. Чтобы доказать, что опасность уже миновала, я, въ свою очередь, закричалъ людямъ: «Ребята! подать государю доски!» — Пять человекъ нижнихъ чиновъ, которые были на берегу, перебросили на паромъ доски и, такимъ образомъ, государь съ графомъ Орловымъ благополучно возвратились обратно на берегъ.

Холодъ былъ ужасный; я былъ въ одномъ мундирѣ, который живо покрылся ледяной корой; языкъ не въ состояннн былъ повернуться, зубы немилосердно стучали. Государь подошелъ ко мнѣ, обнялъ и сказалъ: «Спасибо, какъ твоя фамилія? Запиши, Орловъ». Но языкъ мнѣ не повиновался, съ трудомъ отвѣтилъ я на вопросъ. Графъ Орловъ, протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «Благодарю васъ, поручикъ Кардиналовскій, помните, я вамъ жизнью обязанъ». Затѣмъ государь, взявъ меня за плечи, повернулъ кругомъ и началъ подталкивать, такъ какъ ноги мои совсѣмъ не слушались. Дойди до гауптвахты, государь отправился въ приготовленные ему покои, а я остался въ караульномъ домѣ ждать сухаго платья, поставивъ раньше къ выходу у царскихъ покоевъ парныхъ часовыхъ; это было послѣднее мое дѣло въ эту ночь. Къ утру 27-го ноября я почувствовалъ себя очень плохо, а къ вечеру того-же дня былъ уже безъ памяти и пролежалъ такъ четырнадцать дней, послѣ чего почувствовалъ полное одеревенѣніе рукъ и ногъ. Говорили мнѣ потомъ, что на другой день государь смотрѣлъ почетную роту, остался доволенъ, пожаловалъ 20 человекамъ, которые были при спускѣ экипажа, 100 р., а мнѣ 200 р. и приказалъ жандармскому штабъ-офицеру полковнику Маньковскому съ каждою почтою доносить графу Орлову о состояннн моего здоровья.

Меня помѣстили въ Ковенскій военный госпиталь ¹⁾; затѣмъ, по моей-же просьбѣ, перевели меня въ Динабургскій военный госпиталь ²⁾. По окончательномъ моемъ выздоровленнн, состоялось высочайшее повелѣніе, дать мнѣ, произведенному уже въ штабъ-капитану, хорошее мѣсто внѣ фронта ³⁾; поэтому 8-го февраля 1848 года прибылъ я въ г. Варшаву и, явившись намѣстнику Царства Польскаго, графу Паскевичу, вступилъ въ исправленіе должности начальника ночной полицейской стражи, причемъ былъ еще на костыляхъ.

Въ 1850 году, іюня 12, высочайшимъ приказомъ былъ произведенъ

¹⁾ Свидѣтельство ковенскаго военнаго госпиталя отъ 20 марта 1847 года за № 10.

²⁾ Свидѣтельство отъ Динабургскаго воен. госпиталя отъ 25 іюля 1847 г. за № 359.

³⁾ Объявленіе отъ генераль-гу-ернатора витебскаго, могилевскаго и смоленскаго за № 9471 отъ 28 августа 1847 года.

за отличіе въ капитаны. Не смотря на усиленное лѣченіе, я принужденъ былъ просить перемѣны мѣста службы, здоровье мое совсѣмъ разстроилось. Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го ноября 1856 г. я былъ назначенъ этапнымъ начальникомъ въ мѣстечкѣ Тересполь, а по представленіи бывшаго намѣстника князя М. Д. Горчакова отъ 28-го ноября 1856 г. за № 3903, произведенъ за отличіе въ маіоры. Съ упраздненіемъ этапныхъ начальниковъ, я, какъ немогущій служить во фронтѣ, просилъ увольненія меня въ отставку, на что пошло представленіе князя Горчакова, отъ 19 декабря 1860 г. за № 6356, о производствѣ меня за отличіе въ подполковники съ увольненіемъ отъ службы. Въ 1861 г. января 27-го послѣдовалъ высочайшій приказъ. Произвели меня въ подполковники, дали за 30 лѣтъ полный пенсіонъ, въ размѣрѣ 430 руб. въ годъ, и вотъ, слава Богу, не смотря на ужасныя ревматическія страданія, дотянулъ я свою старость до 73 года. Живу въ тихомъ уголкѣ Малороссіи, молю Бога, да старое время вспоминаю. Всевышній сподобилъ меня увидѣть и своихъ сыновъ вѣрными и честными русскими воинами....

А. А. Кардиналовскій.

Примѣчаніе. Адрианъ Алексѣевичъ Кардиналовскій умеръ 26 января 1884 года, въ г. Жптомірѣ.

Ред.

ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТУРЧАНИНОВЪ

1848 г.

Въ 1848 году, во время слѣдованія лейбъ-гвардіи Донской батареи изъ города Новочеркаска въ городъ Варшаву, на пути слѣдованія батареи, дѣлалъ инспекторскій смотръ графъ Ѳедоръ Васильевичъ Орловъ-Денисовъ; послѣ смотра, служившій тогда въ этой батарее поручикъ Иванъ Васильевичъ Турчаниновъ поднесъ Орлову-Денисову помѣщенные ниже стихи.

Турчаниновъ воспитывался въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ; прослужа въ батарее 5 лѣтъ, поступилъ въ 1850 году въ военную академію, гдѣ блистательно кончивъ курсъ наукъ, выпущенъ былъ въ генеральный гвардейскій штабъ. Не помню въ какомъ году онъ, съ научною цѣлью, посланъ былъ за границу, откуда онъ вслѣдствіе, какъ онъ доносилъ, «семейныхъ обстоятельствъ», просилъ военнаго министра исключить его изъ службы; Турчанинова, по его просьбѣ, исключили изъ службы, но признали его дезертиромъ; тогда онъ поступилъ въ Парижѣ капитаномъ во французскую службу, откуда командированъ былъ въ Алжиръ. Не знаю, долго-ли онъ служилъ въ рядахъ французской арміи, но только знаю, что Турчаниновъ поступилъ затѣмъ на службу въ Сѣверной Америкѣ, командовалъ отдѣльною частію въ Сѣверной арміи и участвовалъ въ войнѣ съ южанами за освобожденіе негровъ.

Сообщ. 6-го марта 1884 г. П. И. Брюзовъ.

КЪ ЗАПАДУ

Посвящено Ѳ. В. Орлову-Денисову.

Европы западной шумливые народы
 Бѣгутъ и пѣнятся, какъ бурные вала,
 И знамя мятежа, подъ выѣской свободы,
 Надъ стогнами столицъ ужъ вѣетъ среди мглы.
 Огонь дружить съ ножемъ, гуляя на просторѣ,
 Стоглавой гидрою чернѣя яростно реветъ,
 Короны скомканы, монархи на затворѣ
 И дерзость безъ стыда въ клочки порфиры рветъ.
 Дряхлѣющій старикъ, бурляный запады! скоро
 Залитый кровію собратій христіанъ,
 Ты бросишь, водружишь на площади позора
 Свободу, равенство и братство какъ тиранъ.
 Среди крамоль твоихъ, могучія державы
 Рукою сильною сѣмѣютъ власть схватить,
 И отъ тебя порхнеть обиженная слава,
 И горько старику въ оковахъ будетъ жить.
 Насъ звать ничтожными ты права не имѣешь,
 Мы не дадимъ сорвать съ насъ славнаго вѣнца,
 И отвернуть лица презрительно не смѣешь
 Отъ наступавшаго пятой на грудь твою борца;
 Насъ не собьетъ съ пути твоихъ страстей волненье,
 Насъ не порадуютъ свободы звѣрскій стонъ,
 Для насъ ихъ темень смыслъ, безмысленно значенье,
 И крѣпокъ русскій духъ и гордость и законъ.
 Кичливо не кладетъ нашъ умъ, еще не зрѣлый,
 Евангельскій глаголь на скверныя уста;
 Мечемъ дымящимся десницы огрубѣлой
 Не искажаемъ мы святой законъ Христа.
 Оставь же Русь идти стезею Провидѣнья,
 Пускай ей парчетъ потомство приговоръ;
 Но въ дни безславныя всеобщаго смятенья
 Ея не заклеятъ бистательный позоръ,
 И если вздумаешь будить могучую орлицу,
 Воспрыгнуть съ крикомъ крылатые птенцы
 И частоколомъ пикъ родимую границу,
 Какъ змѣемъ обовьютъ отважные Донцы,
 И спящій исполнитъ на западъ повернется,
 Стальною чешуей сверкая сквозь туманъ,

Изъ зѣва мѣднаго громъ глухо понесется
 И двинется въ моряхъ пловучій караванъ.
 И смерть среди боевъ отъ ужаса блѣднѣетъ,
 Посчитать тренеща всей гибели итогъ,
 Но не ослабѣетъ Русь войною пламенѣя,
 Съ ней слава Родины, съ ней Царь родной и Богъ!

Поручикъ Донской артиллеріи И. В. Турчаниновъ.

1848 г.

Каммергеръ Яковлевъ.

Въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., въ декабрьской книгѣ, въ статьѣ: «Политковскій», стр. 778-й, сказано: «Растрата Полтковскаго была покрыта камергеромъ Яковлевымъ въ два раза миллиономъ руб. серебромъ». По слухамъ же или даже газетамъ того времени извѣстно было, что Яковлевымъ пожертвовано на покрытие растраты инвалиднаго капитала три миллиона пятьсотъ тысячъ рублей, за что Яковлевъ получилъ въ награду, одновременно, чинъ коллежскаго совѣтника, орденъ Владиміра 3-й ст., званіе камергера и высочайшее благоволеніе.

Сообщ. Пафнутаевъ.

Г. Малмыжъ, Вятской губерніи.
 1874 г.

КНЯЗЬ ИВАНЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ПАСКЕВИЧЪ.

I.

Письмо кн. Паскевича-Варшавскаго къ Ник. Ив. Викинскому.

[вуквально].

5-го (17-го) іюля 1854 г.

Я получилъ письмо твое Любезный Другъ Иванъ Михайловичъ: Вы знаете что теперь я не командеръ въ Царствѣ а Инвалидъ которой лѣчиться въ Деревнѣ, слѣдственно я не могу тебѣ пособить. Мой Совѣтъ отдай всю складку т. е. заплати: ибо ты не будешь въ проиграше, если тебѣ такъ надаела служба, или дожидайся маего возвращенія: которое неизвѣстно когда будетъ—тебѣ всегда душевно преданный князь Варшавскій.

М. Гомель.

Примѣчаніе ред. Письмо фельдмаршала Ив. Ѳед. Паскевича получено отъ Николая Ивановича Викинскаго съ примѣчаніемъ: «Письмо это доказываетъ, что его свѣтлость дѣйствительно былъ контуженъ и лечился. Н. Викинскій».

«г. Калуга, 17-го марта 1875 г.».

II.

Последніе дни жизни, болѣзни и кончина кн. И. Ѳ. Паскевича.

1 ¹⁾.

29-го декабря (10-го января) 1855—1856.

М. г. Игнатій Лаврентьевичъ! Г. Лукаевичъ передалъ мнѣ

¹⁾ Письмо помощника статсъ-секретаря совѣта управленія Царства Польскаго, д. с. с. Петрова, къ министру статсъ-секретарю Царства, д. т. совѣтнику Туркулу—о послѣднихъ дняхъ жизни князя Варшавскаго гр. Паскевича Эриванскаго.

поклонъ. Благодарю ваше превосходительство отъ всей души за то, что вы сохраняете меня въ вашей памяти. Я не пишу къ вамъ оттого, что не смѣю обременять васъ чтеніемъ моихъ писемъ и разныя обстоятельства препятствовали мнѣ писать. Вы изволите знать и занятія мои и образъ моей жизни: утромъ въ канцеляріи, а послѣ обѣда въ замкѣ до утра. Такъ прошли 15 лѣтъ. Теперь только образъ жизни моей измѣняется.

Мѣсяца два тому назадъ, его свѣтлость часто вспоминалъ о васъ: спрашивалъ, скоро-ли вы сюда будете? Я говорилъ ему, основываясь на городскихъ вѣстяхъ, что вы собираетесь въ Варшаву. — Ласкали себя надеждою видѣть васъ здѣсь, но ожиданія наши не сбылись.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о болѣзни фельдмаршала. Еще лѣтомъ онъ началъ жаловаться на нездоровье. Во время холеры переѣхалъ въ Бельведеръ. Тамъ почти все время перемогался, но не лечился.

По вечерамъ никого не принималъ, кромѣ Бебутова, Фролова и меня—играли въ преферансъ, потомъ въ шахматы. Переѣхавши изъ Бельведера, болѣзненные припадки стали чаще проявляться, — въ особенности боль подъ ложечкой, — на что онъ всегда жаловался, какъ сталъ я его знать, хотя и изрѣдка. Въ октябрѣ мѣсяцѣ болѣзнь начала сильно развиваться и онъ пересталъ по вечерамъ играть въ карты—игралъ только въ шахматы, и жаловался мнѣ на сильную боль и на докторовъ; всѣмъ былъ недоволенъ и скученъ. Однажды, ходя со мною по комнатѣ, спросилъ:

— «Знаешь ли, кто здѣсь лучшій докторъ?»

Я отвѣчалъ, что хвалить Бонцѣвича Загоровскаго, Халубинскаго и другихъ.

— «Неправда. Лучшій докторъ Старынкевичъ. Онъ совсѣмъ умиралъ, а теперь выздоравливаетъ, а мои доктора не понимаютъ моей болѣзни».

Его свѣтлость былъ такого мнѣнія, что у него ревматизмъ въ желудкѣ.

Последнее время я ему проигрывалъ въ шахматы,—и онъ однажды сказалъ мнѣ: «кажется, я лучше сталъ играть, только это не долго»,—а во время болей говорилъ: «Хоть бы умереть безъ страданій!»

Замѣтно было, что онъ съ каждымъ днемъ становился слабѣе,—память и присутствіе ума нисколько не измѣнялись. Похудѣлъ чрезвычайно и въ силахъ совершенно упалъ. Грустно и тяжело смотрѣть. Онъ любилъ меня и я душевно къ нему привязанъ. Сердце такъ и

заболеть, когда подумаешь, кого теряешь. Недавно еще говорилъ мнѣ въ присутствіи княгини Волконской:

— «Прощай, любезный другъ, благодарю тебя за дружбу, съ тобою я провелъ спокойныя минуты въ жизни—подѣлуй меня—Богъ съ тобою!»

Теперь ожидаешь каждый день несчастія—надежды нѣтъ ни малѣйшей.—Такъ встрѣчаемъ мы новый годъ.

Дай Богъ, чтобы вы встрѣтили его въ добромъ здоровьи. Извините меня за это длинное письмо. Сердцу полегче, когда выскажешь горестъ человѣку, который знаетъ доброту души фельдмаршала и раздѣлять скорбь, а фельдмаршалъ истинно любилъ и уважалъ васъ.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и душевно почитающій васъ А. Петровъ.

2 ¹⁾.

26-го января 1856 г. Варшава.

М. г. Игнатій Лаврентьевичъ! Во-первыхъ, мнѣ весьма пріятно поздравить ваше высокопревосходительство съ новою монаршею милостію и пожелать вамъ при этомъ лучшаго здоровья, что, по моему, всего важнѣе въ жизни.

Во-вторыхъ, подѣлиться съ вами общею нашею, и въ особенности моею, горестію о потерѣ фельдмаршала. Вамъ извѣстно, сколько я любилъ и уважалъ его, — что раздѣляли со мной и съ нѣкоторыми изъ насъ также и вы. Кончина его была самая тихая и покойная. Онъ уснулъ безъ всякихъ мученій, обыкновенныхъ при смерти. Но за то онъ выстрадалъ много въ 2¹/₂ мѣсяца предъ тѣмъ. Болѣзнь его была страшная, мученія невѣроятныя. 18-го ноября, когда вполнѣ развилась его болѣзнь, мы опредѣлили ее за *Carcinoma ventriculi in ruolo* (т. е. въ отверстіи, соединяющемъ желудокъ съ кишками). Вскорѣ присоединился къ этому *scirrh* на спинѣ, въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ желудку. Потомъ, предъ залеченіемъ *scirrh*, было огромное кровотеченіе, при чемъ больной потерялъ было 8 фунтовъ крови, а можетъ быть 10 изъ воротной вены, чрезъ раздѣденную вѣтвь ея, окружающую желудокъ. Затѣмъ являлись: опухоль заушной желѣзы, запоръ урины, поносъ, опухоль желѣзы, окружающей горло.

¹⁾ Письмо главнаго инспектора медицинской части въ Царствѣ Польскомъ, дѣйств. ст. сов. Четыркина, къ министру статъ-секретарю Царства, дѣйств. тайв. сов. Туркулу—о послѣднихъ дняхъ жизни фельдмаршала кн. Варшавскаго.

Всѣ эти побочныя припадки проходили, а ракъ шелъ своимъ порядкомъ. По вскрытіи, послѣ смерти, нашли сагсіпото in ruгого и около его двѣ дыры, образованныя язвами, спереди и сзади, каждая величиною въ 1½ рубля серебромъ. Передняя прикрывалась, какъ тимпаномъ, печенью, совершенно испорченною, какъ бы сваренною; а задняя дыра закрыта также испорченною поджелудочною железю. Нельзя не удивляться, какъ можно было жить съ такими страшными измѣненіями. Забылъ сказать, что во входѣ желудка, т. е. отверстіе, соединяющее его съ пищепріимнымъ горломъ, былъ скирръ, занимающій также пальца на 4 в пищепріимное горло. Твердость была какъ хрящъ, а отверстіе и нижняя часть пищепріимаго горла такъ узки, что съ трудомъ можно было ввести палець. Но за то, какія легкія! Онъ могъ бы прожить съ ними еще 50 лѣтъ. Боголюбовъ и мы не видали ни у кого такого образованія груди и такихъ здоровыхъ легкихъ. Болѣзнь развивалась многіе годы. Вспомните постоянную боль подъ ложечкою и всегдашнее накопленіе кислотъ въ желудкѣ. Это былъ первый періодъ скирра. Понятны теперь раздражительность и многія измѣненія въ характерѣ въ послѣдніе часы. При страданіи печени и желудка—и не могло быть иначе.

Мы всѣ и по арміи и по Царству ждемъ большихъ перемѣнъ. Вамъ это лучше извѣстно.

Я бы покорнѣйше просилъ васъ приказать кому нибудь, если самимъ недосугъ, написать мнѣ нѣсколько словъ объ академіи нашей. Тайный совѣтникъ Пеликанъ писалъ мнѣ уже давно, что государю императору благоугодно было повелѣть называть академію наше будущее медицинское училище (въ Варшавѣ).

Съ душевнымъ уваженіемъ и проч. Романъ Четыркинъ.

Сообщ. 3-го марта 1876 г. Е. А. Виноградовъ.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Н. С. ГОЛИЦЫНА.

Н. П. Гречъ.—Н. А. Полевой.—А. П. Башуцкій.—Ф. Н. Гланка.—Одежды при Александрѣ I и Николаѣ I.—Перемѣны въ одеждѣ и въ складѣ обыденной жизни.—Юродство и шутовство.

Еслибы собрать остроты Н. И. Греча—всѣхъ набралось бы множество. Какъ извѣстно, онъ былъ остеръ и находчивъ. Привожу нѣсколько, которыя запомнилъ.

Однажды передъ засѣданіемъ, кажется въ Академіи Наукъ, когда только еще собирались на оное, Н. И. Гречъ сидѣлъ въ проходной комнатѣ на подоконникѣ и болталъ съ пріятелями. Одинъ изъ нихъ говоритъ ему: «Ну, на кого ты похожъ, Н. И., вѣдь ты одѣтъ сапожникомъ!»—А Н. И. отвѣчаетъ: «Да я и точно сапожникъ: набиваю ученыхъ головки», (техническій терминъ у сапожниковъ—набивать сапожныя головки на колодки).

* *

Въ издаваемой Гречемъ «Сѣверной Пчелѣ», въ фельетонахъ о новыхъ книгахъ, журнальныхъ статьяхъ и т. п., такъ и сыпались иногда краткія и довольно мѣткія его остроты. Предметомъ ихъ, между прочимъ, бывалъ Полевой, издававшій въ Москвѣ «Московский Телеграфъ», но плохо знавшій или вовсе не знавшій французскаго языка и дѣлавшій грубыя ошибки въ немъ. Однажды, когда въ модѣ былъ сѣрый цвѣтъ женскихъ матерій, по французски *gris-roussiéte*, Полевой перевелъ это по русски словомъ «грипусьд». А Н. И. отвѣчалъ на это коротко: «грипусьд?—Вуй, мусьд!» и только. Въ другой разъ Полевой перевелъ слово *doyen d'age* (старѣйшій лѣтами временный предсѣдатель собранія) русскимъ словомъ дойендауге! Этотъ переводъ послужилъ Н. И. предметомъ многихъ смѣшныхъ остротъ въ «Сѣв. Пчелѣ», которыя не припомню; знаю только, что съ этимъ «дойендауге» онъ долго не давалъ покоя Полевому.

Въ 1830-хъ годахъ въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ была извѣстна семья Салтыковыхъ: отецъ Сергѣй Васильевичъ—большой злоязычникъ, двѣ дочери дѣвицы—не уступавшія ему въ этомъ, и младшій сынъ, занимавшійся бездѣльемъ, ежедневно слонявшійся по Невскому проспекту и однажды вздумавшій издать собственнаго издѣлія книженку подъ заглавіемъ «Романъ въ двухъ главахъ». А въ «Сѣв. Пчелѣ» въ фельетонѣ тотчасъ явилась критика Н. И. Греча: «Романъ въ двухъ главахъ, а критика въ двухъ словахъ: «очень плохо».

* *

Покойный пріятель мой А. П. Башгудскій рассказывалъ, что бывъ адъютантомъ трехъ Спб. военныхъ генералъ-губернаторовъ сряду: графа Милорадовича, Голенищева-Кутузова и Эссена, онъ съ товарищами иногда одѣвались во фризовыя шинели (которыя носились тогда простонародьемъ) и отправлялись въ своего рода этнографическія экспедиціи, для изученія простонародныхъ нравовъ, въ любимыя мѣста собраній простонародья — въ кабаčky, на окраинахъ города. Тамъ они садились въ уголку, потребовавъ, для вида, вина или пива, наблюдали и потомъ записывали происходившія сцены.

Однажды они записали слѣдующую сцену: передъ стойкой тѣснилась большая толпа, въ хвостѣ стоялъ рослый гвардейскій солдатъ, а передъ нимъ все вертѣлся низенькій мужичонка, преграждавшій ему путь къ стойкѣ. Выведенный изъ терпѣнія, солдатъ перевернулъ его за плечо къ себѣ, ударилъ его рукою на отмашь въ щеку и величественно проговорилъ: «Дуракъ! ты не знаешь, что русскій солдатъ всегда человѣкъ откровенный и партикулярный!» Вся толпа обернулась и почтительно пропустила его къ стойкѣ.

* *

У Федора Николаевича Глинки въ 1820-хъ годахъ (до 1825 г.) бывали домашнія собранія ученыхъ и литераторовъ, большею частію уже немолодыхъ и чиновныхъ. При входѣ новаго гостя Ѡ. Н. рекомендовалъ ему присутствовавшихъ словами: «Все тайные совѣтники, но явные друзья».

Въ числѣ гостей почти всегда бывалъ Н. И. Гречъ, который по обыкновенію такъ и сыпалъ своими остротами и смѣшными рассказами, имъ же нѣсть числа. Самъ же Ѡ. Н. Глинка, замѣчательный поэтъ и духовный стихотворецъ, былъ также большой оригиналъ и на словахъ, и по наружности, и одеждѣ: всегда въ высокомъ до ушей бѣломъ галстухѣ, фракѣ или сюртукѣ тогдашняго покроя и въ гусарскіхъ сапогахъ съ кисточками.

* *

Какъ одѣвались лица образованнаго сословія въ 1-й половинѣ XIX вѣка въ Россіи?—Съ воцареніемъ Александра I, гоненія Павла I на французскія моды прекратились и моды эти снова вступили въ свои права, какъ для мужскаго пола, такъ особенно для женскаго, и именно моды времени французской имперіи. Но при этомъ отъ 18-го вѣка у мужчинъ сохранилось еще пудреніе волосъ и ношеніе бѣлыхъ чулковъ съ башмаками, лишь для выѣздовъ и выходовъ въ дурную или холодную погоду облакаемыхъ сверху въ высокіе сапоги (въ родѣ гусарскихъ). Круглыя шляпы замѣнили треугольныя (исключая парадной формы придворныхъ и гражданскихъ чиновъ). Бѣлый галстухъ очень высокій, до ушей, былъ тогда и во всѣхъ случаяхъ обязательнымъ, даже до 1830-хъ годовъ.

* *
*

У военныхъ форма изъ прежней прусской измѣнилась во французскую—съ мундирами, у которыхъ талія была очень высока и сзади узкія фалды, а воротники высокіе до ушей и застегнуты до подбородка на 4 крючка; на ногахъ носились постоянно мягкіе ботфорты (кромѣ легкой кавалеріи), а на головахъ треугольныя шляпы съ бѣлыми или черными султанами. Вся одежда военныхъ была узкая, въ обтяжку и вообще очень неудобная.

* *
*

Женская одежда также носилась по Парижскимъ модамъ времени имперіи: съ высокой таліей, короткими до обуви платьями, а головные уборы—высокіе съ буклями по сторонамъ, а въ особенно нарядныхъ случаяхъ съ разными токами (toques), беретами (bérêts) и т. п., съ перьями и цвѣтами. Все это существовало, болѣе или менѣе, во все царствованіе Александра I, въ женскихъ уборахъ и нарядахъ—кое-что съ измѣненіями по парижскимъ модамъ.

* *
*

По воцареніи Николая I тотчасъ послѣдовало важное и полезное измѣненіе въ военной формѣ: отиѣна ботфорты (исключая парадной формы генераловъ), и ношеніе панталонъ съ выпушкой до низу. Но высокіе воротники и талія и вся одежда въ обтяжку сохранились по прежнему, равно какъ и треугольныя шляпы съ султанами, замѣненныя лишь въ 1846 г. касками по образцу прусскихъ, съ волосяными бѣлыми или черными султанами. Въ одеждѣ гражданскихъ чиновъ долго еще сохранялись прежнія формы съ чулками и башмаками, но только въ парадныхъ случаяхъ. Обыкновенная же мужская и женская одежда носилась сообразно съ парижскими модами и у мужчинъ съ бѣлыми галстухами и съ гусарскими сапогами.

Но послѣ 2-й французской революціи 1830 года все измѣнилось

въ мужской и женской одеждѣ по образцамъ парижскимъ. вмѣсто бѣлыхъ галстуховъ воцарились черные, вмѣсто высокихъ сапогъ—панталоны до низу, а фраки и жилеты у модниковъ, въ подражаніе Парижу, стали появляться разноцвѣтные съ разнообразными затѣйливыми пуговицами. Императору Николаю Павловичу эти моды не нравились, и хотя не запрещались, но считались неприличными. Въ женскихъ же парижскихъ модахъ произошла та переиѣна, что талии и платья стали опускаться все ниже и ниже, а головные уборы съ множествомъ буклей и огромными шляпами въ родѣ кибитокъ, съ цвѣтами и перьями, достигали даже до безобразія.

Во 2-й половинѣ царствованія имп. Николая Павловича, какъ въ военной и гражданской формѣ, такъ и въ частныхъ одеждахъ, мужскихъ и женскихъ, стали постепенно происходить измѣненія. Въ военной формѣ, вмѣсто высокихъ воротниковъ и талій—болѣе низкіе, вмѣсто узкихъ мундировъ и сюртуковъ въ обтяжку—болѣе широкіе (примѣръ тому подавалъ самъ государь, а за нимъ л.-гв. Преображенскій полкъ); но ботформы въ генеральской парадной формѣ сохранялись по прежнему. Въ парадной формѣ придворныхъ и гражданскихъ чиновъ уже были отмѣнены чулки и башмаки, а вмѣсто нихъ введены бѣлые панталоны съ галуномъ. Въ частной же одеждѣ мужской и женской по прежнему происходили измѣненія по парижскимъ образцамъ.

* *
*

Съ воцареніемъ императора Александра II военная форма была совершенно измѣнена изъ мундировъ съ фалдами въ полукафтаны, ботфорты отмѣнены (кромѣ кирасировъ), а вмѣсто нихъ въ парадной формѣ установлены красные панталоны (по французскому образцу) съ золотымъ галуномъ, и въ военной формѣ вообще много упрощено, облегчено и стало свободнѣе, причѣмъ введено ношеніе очень удобныхъ плащей (пальто). Головной уборъ часто мѣняли, именно во французское кепи и т. п.

Наконецъ, съ воцареніемъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра III военная форма, наконецъ, изъ прежней прусской и французской, превратилась въ народную, русскую—полукафтаны съ кушаками, болгарскими мѣховыми шапками на головѣ и высокими до колѣнъ сапогами и съ дозволеніемъ притомъ всѣмъ военнымъ чинамъ носить бороды.

Все это придадо нашей арміи русскую народную наружность, совершенно отличную отъ западно-европейскихъ.

Что касается мужскихъ и женскихъ нарядовъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ, то о нихъ слѣдуетъ повторить то же, что уже не разъ сказано выше.

Вотъ вкратцѣ исторія преобразованій въ нашей официальной и частной одеждѣ въ 81 годъ сначала XIX вѣка въ образованномъ словии. Но и въ среднемъ, городскомъ, произошло тоже немало перемѣнъ по западнымъ образцамъ; въ низшемъ же, сельскомъ, за нѣкоторыми исключеніями, такихъ особенныхъ перемѣнъ не было.

* *

Къ перемѣнамъ въ одеждѣ слѣдуетъ прибавить преобразованія въ иныхъ житейскихъ предметахъ, напримѣръ времени суточного употребленія пищи, способахъ городскихъ передвиженій и проч. Въ отношеніи къ первому мы въ наше время удалились отъ старины къ антиподамъ.

До самыхъ временъ Петра I наши предки вставали съ пѣтухами и въ 3 часа утра шли къ утрени и обѣднѣ натошакъ, а только послѣ обѣдни обѣдали въ полдень, послѣ обѣда спали, и долго, а вечеромъ по захожденіи солнца вечеряли, и долго и исправно и ѣли и пили. Съ отмѣченіемъ Россіи Петромъ I многое изъ прежняго русскаго обычая измѣнилось: началось питіе кофе (чая, кажется, позже), фриштики, обѣды отъ полудня и позже не далѣе 2 час. съ кофе-піеніемъ, и вечеромъ ужины, болѣе или менѣе раніе или поздніе, трезвые или нетрезвые (послѣднихъ гораздо болѣе).

Позже во всемъ XVIII вѣкѣ при дворѣ, а за нимъ и въ обществѣ, обѣдали въ 2 ч. и ужинали по захожденіи солнца. Въ XIX же вѣкѣ началась эмансипація по парижскому образцу: установилось четырехкратное кормленіе,—утреннее, полуденное (полдникъ), обѣденное (при дворѣ и въ обществѣ въ 4 ч.) и вечернее. Съ ходомъ времени утреннее и полуденное (въ родѣ малаго обѣда) въ прежніе часы, но обѣды происходили все позже и теперь замѣнили прежніе ужины (въ 6, 7 и даже 8 час. вечера).

* *

Способы передвиженій въ столицахъ и большихъ городахъ Россіи тоже очень разнообразились; въ 1700—50-хъ годахъ при дворѣ и въ высшемъ обществѣ въ рыдванахъ (кареттахъ того времени), а въ среднихъ и низшихъ сословіяхъ—въ разныхъ немудреныхъ перевозочныхъ способахъ: одноколкахъ, линейкахъ, телѣжкахъ и т. п. Извозчиковъ, въ родѣ нынѣшнихъ, не было, а ихъ понемногу стали замѣнять разными общественными повозками. Но при Екатеринѣ II въ столицахъ стали появляться уже извозчики съ чудовищными одноколками — дрожками «гитарами», съ сидѣніемъ на нихъ верхомъ, какъ на сѣдлѣ. Ъзда въ каретахъ болѣе 100—150 лѣтъ производилась въ 4 и 6 лошадей цугомъ, съ форрейторами (по русски «фалетурами») и съ 2-мя и даже 3-мя ливрейными лакеями на запяткахъ; безъ нихъ и обойтись нельзя

было, потому что кареты были на высокомъ ходу и входить въ нихъ и выходить изъ нихъ можно было по опускной трехколѣвной подножкѣ. Но при Николаѣ I все это стало постепенно измѣняться изъ стараго въ новое и изъ безобразнаго въ болѣе приличное и удобное. И этимъ постепеннымъ ходомъ мы дошли, наконецъ, до теперешнихъ двухконныхъ, двухмѣстныхъ и четырехмѣстныхъ легкихъ каретъ на лежачихъ рессорахъ и резиновыхъ шинахъ и до подобнаго же рода легкихъ щегольскихъ колясокъ, дрожекъ, не исключая изъ послѣднихъ и извозничьихъ (пока еще безъ «верха» въ Петербургѣ, тогда какъ они давно имѣются въ Москвѣ и даже Царскомъ селѣ и Павловскѣ).

Вотъ какого «прогресса» въ вышензложенномъ мы достигли въ два безъ малаго вѣка!

* *

Въ до-петровскую старину въ Россіи процвѣтало юродство и шутовство. Изъ числа юродивыхъ (уродивыхъ) достойно выдѣляются бывшіе такими по истинному духовному настроенію, проводившіе святую жизнь и по смерти признанные церковью святыми и блаженными. Такими были, напримѣръ, св. Василій, Іоаннъ и Максимъ Блаженные, мощи которыхъ почиваютъ въ Москвѣ, и многіе другіе въ разныхъ мѣстахъ.

Но, за исключеніемъ ихъ, всѣ прочіе—публичные уличные юродивые были большею частію тунеядцы, плуты и негодные люди, морочившіе и обиравшіе народъ. Но были другаго рода юродивые не на улицахъ, а въ домахъ барскихъ и даже царскихъ, съ придачей къ нимъ разныхъ уродовъ, карловъ и карлицъ и т. п. Страсть къ нимъ была всеобщая, доказывавшая лишь низкое состояніе тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ. Къ немалому удивленію, эта страсть къ юродивымъ и шутамъ перешла въ обновленную Петромъ I Россію даже, до конца XVIII вѣка и почти до половины XIX-го. У самаго Петра I былъ извѣстный шутъ Балакиревъ, а у Анны Іоанновны придворныхъ шутовъ была цѣлая ватага (въ томъ числѣ князь Голицынъ, обвинчанный съ шутихой-калмычкой въ Ледяномъ домѣ, зимою, на Невѣ!). Они составляли обычную ежедневную забаву Анны Іоанновны. И позже, во времена Елизаветы Петровны и даже Екатерины II шуты не переводились въ барскихъ домахъ. Но немалого удивленія заслуживаетъ то, что барскіе шуты существовали и при Александрѣ I и даже въ 1-й половинѣ царствованія Николая I, хотя и въ меньшемъ противъ прежняго числѣ. Въ доказательство того можно привести извѣстнаго въ 1820-хъ и 1830-хъ годахъ въ Москвѣ и Петербургѣ барскаго шута Ивана Савельича.

* *

Савельичъ былъ преоригинальная личность, кажется изъ отстарныхъ приказныхъ, не лишенный нѣкотораго образованія. Онъ былъ человѣкъ не молодой, но и не очень старый, далеко не глупый, но большой плутъ, умѣвшій сдѣлаться любимцемъ высшаго общества и особенно дамъ. Они такъ избаловали его, что безъ него не обходилось ни одно собраніе въ высшемъ обществѣ, и онъ позволялъ себѣ, какъ съ мужчинами, такъ и съ дамами и даже дѣвцами невѣроятныя шутовства въ рѣчахъ и словахъ. Эти нравы въ Москвѣ вѣрно изобразилъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» и въ ея стихѣ: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Савельичъ былъ въ этихъ чопорныхъ собраніяхъ до такой степени безстыжимъ и развязнымъ, что теперь даже трудно повѣрить тому. Вотъ, напримѣръ, что онъ позволялъ себѣ съ дамами и дѣвцами, особенно красивыми. Подходя къ нимъ, онъ сначала ржалъ, какъ припускной жеребецъ, потомъ храпѣлъ подобно ему, и наконецъ, производилъ ртомъ непріличный въ порядочномъ обществѣ звукъ! И что же было отвѣтомъ на это? Хи, хи, хи и ха, ха, ха? Въ подобномъ родѣ были и всѣ его выходки, которыя онъ позволялъ себѣ потому, что ихъ позволяли ему, къ стыду тогдашняго московскаго высшаго общества. Но, кажется, что при этихъ шутовствахъ своихъ, онъ не прочь былъ служить и посредникомъ въ любовныхъ дѣлахъ... Въ 1830-хъ годахъ онъ былъ въ Петербургѣ, но уже далеко не въ той силѣ и славѣ, какъ бывало въ Москвѣ. Онъ былъ уже въ бѣдности и жилъ тѣмъ, что продавалъ въ разносъ дамскія шляпки, которыя дѣлали его дочери, причемъ, продавая эти шляпки, всякому приговаривалъ: «Ангель Божій!» А въ 1835—1836 гг. въ Петербургѣ былъ другой барскій шутъ, но уже въ другомъ родѣ и не чета Савельичу. Его приручили, какъ звѣря, къ себѣ одинъ баринъ и его пріятель, оба охотники до шутовъ и шутовства. Они одѣли его франтомъ, завивали его у парикмахера, румянили его и развозили съ собою къ знакомымъ, позволяя ему врать, но до известной мѣры. И онъ также позволялъ себѣ многое, даже передъ дамами.

Жалкія существа и такого рода шуты, и тѣ, которые забавлялись ими!

Этимъ послѣднимъ и кончились уже подобныя безобразія въ порядочномъ обществѣ первой половины XIX вѣка.

Кн. Н. С. Голицынъ.

МИХАИЛЬ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Эпизодъ изъ пребыванія его въ Вяткѣ.

Въ печати были замѣтки о пребываніи М. Е. Салтыкова въ Вяткѣ. Вотъ рассказъ, слышанный мною отъ бывшаго городскаго головы городка Орлова (Вятской губ.) А. В. Изергина.

А. Н. Кузнецовъ, кузнецъ изъ г. Орлова.

1889 г., авг.
Орловъ (Вятской губ.).

Извѣстно, что въ дореформенное время, всё служившіе по городскимъ выборамъ, болѣе или менѣе, зависѣли отъ губернскаго правленія и составляли, въ нѣкоторомъ родѣ, оброчную статью падавшихъ на взятку власть имѣвшихъ.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ, совѣтникомъ Вятскаго губернскаго правленія, по хозяйственному отдѣленію, служилъ М. Е. Салтыковъ, а головой въ уѣздномъ городѣ Орловѣ былъ избранъ купецъ и почетный гражданинъ А. В. Изергинъ, человѣкъ если и не особенно богатый, то, какъ говорится, «тароватый» и несомнѣнно гостеприимный хлѣбосоль. Вотъ къ нему-то разъ, предъ праздникомъ Рождества Христова, и прикатили непрошенные гости—два канцелярскихъ чиновника, подвѣдомственныхъ по службѣ Салтыкову; надо добавить, что старшій, назовемъ его хоть Индюковъ, уже занималъ видное мѣсто въ канцелярской іерархіи. Голова принялъ, конечно, гостей и радушно и съ подобающею честью, словомъ, угостилъ на славу. Предъ прощаніемъ, гости намекнули хозяину, что не худо бы ему послать съ ними совѣтнику Салтыкову ведро архангельскаго вина тенерифу, о достоинствѣ котораго яко бы дошли вѣсти до Салтыкова, а такъ же извѣстно якобы ему, совѣтнику, что лучший тенерифъ всегда водится въ запасѣ у орловскаго головы. Разумѣется, что Изергинъ съ готовностью вручилъ приказнымъ боченокъ съ виномъ.

Гости уѣхали. Пришла весна, Изергинъ по торговымъ дѣламъ уѣхалъ въ Архангельскъ, снова тамъ запасся хорошимъ виномъ и, возвратясь домой, по первому зимнему пути отправился по начальству

въ губернский городъ, приготовивъ совѣтнику уже анкерокъ (3 ведра) тенерафу.

Является къ Салтыкову. Разумѣется, обычный въ подобныхъ случаяхъ шаблонный разговоръ, кое-что о городскихъ дѣлахъ и засимъ, къ изумленію М. Е., голова просить приказать получить привезенный имъ тенерафъ.

— «Какой тенерафъ? Что вы вздумали?»

— Да для вашего высокородія прошлый годъ чиновники увезли отъ меня ведро, такъ я нынѣ ужъ и самъ догадался...

— «Какіе чиновники?»

Дѣло оказалось яснымъ. Приказные не побоялись, подъ носомъ у своего начальства, заполучить взятку на имя своего совѣтника. Это могло бы быть и въ порядкѣ вещей, еслибъ они не знали нюхомъ, что новый совѣтникъ не взяточникъ.

Дерзость выходила изъ ряда обыкновенной.

Разумѣется, Индюкову пришлось немедля оставить службу въ губернскомъ городѣ, что, впрочемъ, не помѣшало ему впослѣдствіи еще долго благоденствовать исправникомъ въ уѣздахъ, пока уже въ послѣ-реформенное время, попавъ на «подводный» камень, пришлось съ честію, пенсіономъ и съ кавалеріями выйдти въ отставку. Впрочемъ, и въ отставкѣ еще разъ довелось Индюкову приложить свои таланты къ общественной дѣятельности. Онъ былъ выбранъ старшиной-распорядителемъ въ какомъ-то благородномъ собраніи, но тутъ духъ времени, обуявшій насъ, духъ скептицизма, взялъ свое: на годичномъ собраніи члены усумнились въ правильности отчета, представленнаго ихъ избранникомъ, и если дѣло не дошло до суда, то, кажется, только потому, что не въ нашихъ нравахъ выносить соръ изъ избы, но все-же паки и паки г. Индюкову пришлось ретироваться съ попрацца общественной дѣятельности, и, наконецъ, мирно перейти ко отцамъ, доказавъ свою жизнью, что поговорка: «каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку», не всегда пустой звукъ.

Находятся люди, сисящіеся доказать, что въ твореніяхъ Мих. Евгр. Салтыкова-Щедрина много преувеличеній, предвзятый, слишкомъ мрачный взглядъ на вещи, но судя по вышерасказанному, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что «Губернскіе очерки» писаны съ натуры. Если даже у честнаго и эвергического начальника, каковъ былъ Михаилъ Евграфовичъ, подначальная мелочь не задумалась ударить такой фортель, то что-же было у тѣхъ шефовъ, которые сами-то уподоблялись «шукѣ зубастой?»

Сообщ. А. Кузнецовъ.

КЪ ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ

1859 г.

1859 года февраля 13-го дня, по указу его императорскаго величества святѣйшій правительствующій синодъ, имѣвъ разсужденіе объ особомъ, несвойственномъ духовному изданію, направленіи «Православнаго Собесѣдника», издаваемаго при Казанской духовной академіи, принятомъ имъ въ послѣднее время, находитъ, что нѣкоторыя статьи, помѣщенныя въ послѣдней книгѣ этого журнала, содержатъ въ себѣ совершенно неумѣстныя выраженія, неправильныя мысли и такія явныя несообразности, которыя непріятно видѣть въ печати, особенно въ изданіи духовной академіи. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: «Нѣчто о современныхъ отношеніяхъ римской церкви къ православной» (декабрь, 1858 г.) сочинитель утверждалъ, что покушенія латинской пропаганды безвредны и безопасны для Россіи, отвергалъ всякую пользу возраженій на ученіе римской церкви, обвиненія неправды ея и вообще всякаго препирательства съ нею; самъ же въ этомъ именно духѣ и притомъ весьма непочтительно, разбираетъ критически извѣстное сочиненіе достоуважаемаго православнаго писателя Авдія Востокова (Анатолія Могилевскаго) объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ церквамъ. Въ январьской книгѣ за 1859-й годъ, въ статьѣ «Голосъ древней русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей», преподобный Зосима Соловецкій, преподобный Іосифъ Волоколамскій и другіе св. отцы называются пророками и прообразователями грядущей славы чадъ Божіихъ (стр. 60), подъ которою разумѣются настоящія правительственныя распоряженія объ улучшеніи быта крестьянъ. Далѣе говорится, что церковь возвышалась до самой чистой идеи человѣческаго достоинства, гуманности, задолго прежде, чѣмъ искусственная цивилизація дошла до нея путемъ горькихъ опытовъ (стр. 63). Въ декабрьской книгѣ за 1858-й

годъ (на стр. 506) сказано: «Теперь Россія на зарѣ своего возрожденія». Подобное сему говорится и въ февральской книгѣ 1859 г.: «Видно пришелъ часъ Россіи!», «Она стремилась къ возрожденію» (стр. 236). Какъ будто возрожденіемъ одного-ли человѣка или цѣлаго народа можетъ быть что-либо иное, кромѣ св. крещенія, и какъ будто позволительно правительственнымъ мѣрамъ присвоивать одинаковое названіе со св. таинствомъ и одинаковую силу съ благодатію, нисходящею въ семь таинствъ! Въ той-же книгѣ (на стр. 227) совершенно несогласно съ православнымъ разумомъ св. церкви говорится о Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, будто древній міръ сдѣлалъ послѣднія сверхъестественныя усилія надъ собою, чтобы извлечь изъ всего существа своего, собрать со всѣхъ лучшихъ цвѣтовъ своей жизни все... для того, чтобы произвести ее. На стр. 227 сказано, что чело-вѣчество предъ Р. X. до того было близко къ возрожденію, что умъ человѣческій въ самыхъ событіяхъ міра уже предугадываетъ будущую эпоху. На стр. 237, безъ всякаго смысла, сказано: «Россія можетъ родить изъ себя жизнь аномальную, болѣзненную и, можетъ быть, мертвую». Во всѣхъ этихъ статьяхъ изобиліе иностранныхъ словъ: гуманность, идеальность, прогрессъ, цивилизація, комфортъ, парализировать, гармонировать, арена и друг., вовсе не соответствующихъ достоинству духовнаго изданія. Посему святѣйшій синодъ опредѣляетъ и т. д.

Примѣчаніе. Этотъ документъ я получилъ со списка гр. П. Т. Баранова, начальника Тверской губерніи, въ 1859 г., когда жилъ въ его домѣ, въ качествѣ воспитателя его сына.

П. В. Шейнъ.

ЕФИМЪ МИХАЙЛОВИЧЪ КРЫЖАНОВСКІЙ

въ 1865—1888 гг.

I.

Встрѣтился я впервые и затѣмъ скоро сошелся близко съ Е. М. Крыжановскимъ въ г. Варшавѣ, въ началѣ 1865 г., т. е. на мѣстѣ и во время самаго разгара преобразовательной въ Царствѣ Польскомъ дѣятельности Н. А. Милютина и князя В. А. Черкаскаго.

Для русскихъ людей, являвшихся тогда на службу въ Царство Польское, время это памятно тѣмъ, между прочимъ, что они скоро и близко сходились между собою, дѣйствовали согласно и единодушно, крѣпко держались другъ друга въ жизни и на службѣ, и вообще составляли какъ бы одну семью. Ни личныя особенности людей, ни принадлежность ихъ къ разнымъ кружкамъ и вѣдомствамъ не вносили розни въ одно общее для всѣхъ государственное дѣло. Хотя и существовала отдѣльная партія намѣстника графа Ѳ. Ѳ. Берга, не во всемъ сочувствовавшаго реформѣ и даже непріязненно расположеннаго къ руководителямъ ея, но ни намѣстникъ, ни приверженцы его не отдѣлялись видимо отъ общей русской семьи и стояли виѣшно за общее русское дѣло.

Выдающеюся чертою того времени было то, что исполнители реформы, слѣдуя въ общемъ направленію дѣлъ строго, точно и даже благоговѣнно указаніямъ Н. А. Милютина, князя В. А. Черкаскаго, а также Я. А. Соловьева, развивали свою дѣятельность во ввѣренныхъ имъ частяхъ довольно самостоятельно. Больше воодушевляемые и возвышаемые довѣріемъ руководителей реформы, чѣмъ стѣсняемые обыкновеннымъ формализмомъ службы, второстепенные и даже третъестепенные дѣятели довольно свободно развивали свою дѣятельность при исполненіи заданныхъ имъ задачъ.

Не считалось тогда неумѣстнымъ или страннымъ даже виѣшательство одного вѣдомства въ область другаго. Хотя, напр., учебное вѣдомство имѣло само по себѣ достойнаго представителя въ лицѣ Ѳ. Ѳ. Витте, энергичнаго двигателя учебной реформы въ Царствѣ,

но въ эту область, считавшуюся, по всей справедливости, одною изъ главныхъ въ дѣлѣ реформы, вмѣшивались постоянно: и князь В. А. Черкасскій, не дававшій О. О. Витте покоя своими предположеніями и проектами, и Я. А. Соловьевъ, завѣдывавшій дѣлами Учредительнаго комитета въ Царствѣ, и другіе. Я. А. Соловьевъ специально наблюдалъ за развитіемъ первоначальной русской школы въ гминахъ и селахъ: всегда имѣлась въ отчетахъ его графа о начальныхъ училищахъ. Вторили ему въ этомъ крестьянскія комиссіи, а комиссары по крестьянскимъ дѣламъ весьма много потрудились въ пользу школъ при первоначальномъ устройствѣ и обезпеченіи оныхъ. Это вмѣшательство, это вторженіе считалось тогда естественною помощью учебному вѣдомству со стороны другихъ вѣдомствъ. За то и другія вѣдомства пользовались не мало силами учебнаго персонала. Представитель внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ кн. Черкасскій въ особенности дѣнилъ содѣйствіе ему учебныхъ людей. Да, дорого и памятно это время для служившихъ тогда въ Царствѣ Польскомъ. При Милютинѣ и Черкасскомъ исчезали славянская рознь, русская лѣнь и разпатыанность; люди закаливались въ трудъ и, увлекаясь примѣромъ своихъ руководителей, горячо принимали къ сердцу интересы государства и общества, забывая часто о своихъ личныхъ интересахъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ службы въ Царствѣ Польскомъ явился въ Варшаву, въ исходѣ 1864 г., Е. М. Крыжановскій. До того времени онъ состоялъ преподавателемъ (бакалавромъ) Киевской духовной академіи и былъ извѣстенъ по Киеву О. О. Витте своими способностями, познаніями, учеными изслѣдованіями и особенно ревностію къ учебному и ко всякому другому дѣлу. Ему предоставленъ былъ важный тогда постъ начальника учебной дирекціи, въ вѣдѣніи котораго должны были находиться всѣ учебныя заведенія извѣстной мѣстности, не исключая и гимназій; главнымъ же на первыхъ порахъ дѣломъ начальника учебной дирекціи было переустройство учебной части на новыхъ началахъ, провозглашенныхъ высочайшими указами 30-го августа 1864 г. Выборъ учебной дирекціи для Ефима Михайловича былъ сдѣланъ не безъ вѣдома князя Черкаскаго, связывавшаго церковное дѣло съ учебнымъ въ мѣстностяхъ съ уніатскимъ населеніемъ. Это была Сѣдлецкая учебная дирекція, заключающая въ себѣ такъ называемое Подлясье, обитаемое русскимъ народомъ, совращеннымъ въ унію и отчасти въ полонизмъ. По сему вновь назначенный начальникъ Сѣдлецкой учебной дирекціи, по прибытіи своемъ въ Варшаву, представившись своему непосредственному начальнику О. О. Витте, представился затѣмъ и кн. Черкасскому. Впрочемъ, и помимо означеннаго выше мотива, Ефимъ Михайловичъ не могъ не

явиться къ князю. Личность князя Черкаскаго и его вліяніе на дѣла и людей были таковы, что онъ являлся какъ бы главнымъ на мѣстѣ вождемъ преобразовательнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ, почему всѣ русскіе люди, вызываемые сюда на какой-либо важный постъ, считали непремѣннымъ своимъ долгомъ не только представиться князю, но и часто бывать у него. Князь всегда радъ былъ случаю познакомиться съ вновь прибывшимъ человѣкомъ другаго вѣдомства, и часто, не довольствуясь бесѣдою съ нимъ въ дѣловомъ кабинетѣ, приглашалъ его, для ближайшаго знакомства съ нимъ, къ своему гостепріимному обѣденному столу. Ефимъ Михайловичъ, заранѣе восхищенный и увлеченный именемъ князя Черкаскаго, поспѣшилъ предложить себя къ его услугамъ. При первомъ же пріемѣ у князя, онъ былъ обласканъ послѣднимъ. Зоркій глазъ князя усмотрѣлъ сразу въ Ефимѣ Михайловичѣ отличнаго работника для учебнаго и уніатскаго дѣла.

Для этой двоякой дѣятельности, учебной и церковной, при томъ же дѣятельности организаторской, Е. М. Крыжановскій былъ отлично подготовленъ и приспособленъ. Одаренный прекрасными способностями, богато просвѣщенный наукою вообще, ознакомленный спеціально съ теоріею и съ практикой учебной части, столько же, если не болѣе, искусный въ ученіи и дѣлахъ церкви, горячій патриотъ, вѣрующій христіанинъ, неунынный труженикъ, живо движущійся и дѣйствующій, Е. М. Крыжановскій явился замѣтнымъ дѣтелемъ въ Царствѣ Польскомъ и былъ цѣнимъ вполнѣ по достоинству въ періодъ преобразовательной тамъ дѣятельности, цѣнимъ не только въ административной, но и въ общественной сферѣ.

Онъ воодушевленно принялся за устройство учебнаго дѣла во ввѣренной ему учебной дирекціи и велъ его едва ли не впереди своихъ товарищей. Изъ отчета по вѣдомству народнаго просвѣщенія въ Царствѣ, напечатаннаго въ циркулярѣ по варшавскому учебному округу за 1867 г., видно, что изъ числа вновь открытыхъ въ 1866 г. въ 10 учебныхъ дирекціяхъ и одной инспекціи 355 начальныхъ училищъ, въ Сѣдлецкой дирекціи открыто, сравнительно, самое большее число ихъ—66; на всѣ прочія дирекціи приходилось ихъ въ томъ году среднимъ числомъ по 32. Едва-ли не раньше другихъ начальниковъ дирекціи онъ издалъ программы преподаванія въ школахъ, съ подробнымъ указаніемъ содержанія предмета, метода изложенія и т. п. Раньше другихъ онъ началъ собирать въ лѣтнее вакаціонное время начальныхъ учителей для ознакомленія ихъ какъ съ русскимъ языкомъ, такъ и съ лучшими методами обученія. На этихъ учительскихъ сѣздахъ, повторявшихся ежегодно, онъ оживотворялъ всѣхъ и

все. Съ педагогическою стороною учительскихъ сѣздовъ онъ связывалъ и нравственную ихъ сторону. Вотъ какъ онъ отзывался о нравственномъ значеніи учительскихъ сѣздовъ (циркуляръ по варшавскому учебному округу за 1871 г., № 1, стр. 61): «Весьма важно и нравственное значеніе сѣздовъ, они одни могутъ дать учителю живую (а не призрачную) идею работы общими силами, дружно направленными къ одной общей цѣли, поддерживающими одна другую. Сознаніе такого характера своей работы сообщаетъ учителю тѣ возвышенныя побужденія, ту нравственную силу, которая должны служить душою школы и не замѣнимы въ учителѣ никакими, хотя бы наилучшими, педагогическими свѣдѣніями». Такимъ же живымъ духомъ, такими же возвышенными идеями и цѣлями проникнута была его дѣятельность по переустройству среднихъ учебныхъ заведеній, въ особенности грекоуніатскихъ. Хотя починъ учрежденій особыхъ грекоуніатскихъ гимназій и учительскихъ семинарій шелъ отъ князя Черкаскаго и хотя О. О. Витте самъ ближайшимъ образомъ руководилъ лучшимъ устройствомъ ихъ, но и Ефиму Михайловичу оставалось еще много живаго организаторскаго труда на мѣстѣ, при исполненіи мыслей князя Черкаскаго. А какъ плѣняла и воодушевляла его въ этомъ дѣлѣ идея кн. Черкаскаго создать интеллигентный русскій классъ въ средѣ обездоленнаго русско-уніатскаго населенія, состоявшаго почти исключительно изъ простонародья! Ефиму Михайловичу заранѣе видѣлись въ будущемъ пионеры русскаго дѣла въ Польшѣ изъ среды уніатовъ, прошедшихъ русскую гимназію, а затѣмъ одинъ изъ русскихъ университетовъ имперіи, гдѣ предположено уже было учредить для нихъ особая стипендіи.

Начальническія отношенія Ефима Михайловича къ учащимъ и учащимся въ гимназіяхъ отличались всегда простотою и задушевностью. Онъ никогда не ограничивался исполненіемъ своихъ обязанностей по уставу и по формѣ, но влагалъ въ каждое дѣло свою душу и направлялъ къ тому же и своихъ сослуживцевъ. Кому изъ нихъ не памяты вечернія бесѣды Ефима Михайловича, длившіяся нерѣдко за полночь, направленные къ тому, чтобы познакомить близко своихъ слушателей съ извѣстнымъ вопросомъ, носимымъ и лелѣемымъ имъ самимъ. А собесѣдникамъ Е. М. Крыжановскаго можно было многому поучиться у него. Какъ прошлое мѣстной школы, такъ и текущее живое движеніе ея онъ изучалъ до подробностей. Свидѣтельствуя о томъ его печатныя статьи: «О русскихъ школахъ и обученіи русскому языку въ Привислянскомъ краѣ до изданія указовъ 30-го августа 1864 г.» «Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ» и т. п. Не знаемъ, была-ли

напечатана его записка «О духовно-нравственномъ состояніи края и о средствахъ его возрожденія».

Столь же усердно служилъ Е. М. Крыжановскій, одновременно съ учебнымъ, и уніатскому дѣлу, руководимому княземъ Черкасскимъ. На очереди стоялъ тогда живой вопросъ о принятія дѣйствительныхъ и немедленныхъ мѣръ къ полному огражденію уніатовъ отъ захватовъ со стороны латинства и полонизма. За этою отрицательною стороною уніатскаго дѣла еще живѣе выдвигался вопросъ о возрожденіи уніатскаго населенія въ духѣ русской народности и греко-восточнаго исповѣданія. За указаніями въ семъ дѣлѣ, съ одной стороны, съ запасомъ собственныхъ помысловъ и собранныхъ на мѣстѣ свѣдѣній, Ефимъ Михайловичъ часто являлся въ Варшаву, то прямо къ князю Черкасскому, то въ состоящее при князѣ греко-уніатское управленіе. На мѣстѣ же, въ г. Сѣдлецѣ, онъ былъ чуть не ежедневнымъ собесѣдникомъ губерватора С. С. Громеки по греко-уніатскому дѣлу: бросался всюду, гдѣ совершалось важное событіе или движеніе въ этой области; при всякомъ удобномъ случаѣ бесѣдовалъ съ священниками и съ народомъ, велъ оживленную переписку съ лицами, стоявшими близко къ этому дѣлу и т. п. Нерѣдко видѣли Ефима Михайловича восторженнымъ при благопріятномъ оборотѣ дѣла или глубоко скорбящимъ и угнетеннымъ при неудачахъ его. И здѣсь, какъ и въ учебномъ дѣлѣ, онъ стремился проникнуть въ сущность предмета, уяснить его себѣ во всѣхъ подробностяхъ, а затѣмъ передать свое знаніе другимъ. Доказываютъ это многія его записки, объяснительныя и полемическія статьи и цѣлыя книжки по греко-уніатскому вопросу. Болѣе извѣстны въ этомъ отношеніи изданія его «Объ обрядахъ въ уніатской церкви», «О волненіяхъ уніатовъ на Подлясѣ», «Князь В. А. Черкасскій и холмскіе греко-уніаты», «Забужная Русь» и др.

При такой возбужденной дѣятельности, сопряженной съ частыми поѣздками по школамъ и приходамъ, физическій организмъ Ефима Михайловича, и безъ того слабый, сильно пошатнулся. Особенно стали для него вредны поѣздки по школамъ въ зимнее учебное время. Для поправленія здоровья его требовались сидѣніе на мѣстѣ и покой. Чувствуя нужду въ долгомъ серьезномъ леченіи и находя себя слабымъ для исполненія важнѣйшей обязанности начальника учебной дирекціи—посѣщенія учебныхъ заведеній, Ефимъ Михайловичъ сталъ подумывать объ отставкѣ. Но особенное вниманіе къ нему О. О. Витте и графа Д. А. Толстаго отклонило его отъ этого намѣренія. Вотъ что писалъ ему отъ имени графа одинъ изъ докладчиковъ послѣдняго:

«Пишу къ вамъ собственно по поводу неоднократныхъ спросовъ графа о состояніи вашего здоровья. Пишите мнѣ чаще объ этомъ и

поставьте меня въ возможность отвѣчать на вопросы графа, проникнутые искреннимъ сочувствіемъ къ вамъ. Въ послѣдній разъ графъ поручилъ мнѣ написать вамъ, что ваше здоровье весьма дорого для него, что онъ готовъ дать вамъ 3-хъ-мѣсячный заграничный отпускъ слѣдующею весною, надѣясь, что и Ф. Ф. Витте будетъ въ этомъ отношеніи согласенъ съ нимъ» (отъ 23-го января 1871 г.).

Уважено было начальствомъ и желаніе Ефима Михайловича перейти на болѣе уютное, какъ ему казалось, мѣсто директора 1-хъ варшавскихъ (русскихъ) гимназій, мужской и женской. Переводъ этотъ состоялся въ сентябрѣ 1871 года.

На новомъ мѣстѣ службы Ефимъ Михайловичъ нашель, дѣйствительно, нѣкоторое успокоеніе для тѣла, но духъ его, по прежнему не находилъ и не зналъ покоя. Не переставалъ онъ и здѣсь увлекаться то идеею, то сердечнымъ порывомъ. Постояннымъ же его стремленіемъ было расширить во вѣренныяхъ ему гимназіяхъ воспитательную часть и укрѣпить ее на коренныхъ русскихъ началахъ: государственномъ, народномъ и церковномъ. Къ сему направляемо было преподаваніе; дни церковныхъ праздниковъ, табельные дни, историческіе дни и т. п. праздновались съ рѣдкою въ другихъ гимназіяхъ торжественностью и непремѣнно съ воспитательною обстановкою: молитвою, рѣчами, бесѣдами, собраніями и т. д. Въ личныхъ отношеніяхъ начальства къ подчиненнымъ, служащихъ между собою, учащихся съ учащимися вносился домашній, семейственный элементъ. Тутъ бывалъ Ефимъ Михайловичъ простъ, откровененъ, сердеченъ, подчасъ бурливъ, подчасъ и безцеремоненъ.

Съ дѣтьми онъ старался стоять на родительской стопѣ, съ родителями ихъ входилъ чрезъ дѣтей въ близкую нравственную связь. Наставляя, поощряя и наказывая дѣтей, онъ приходилъ часто въ истинно христіанское умленіе, что выражалось у него внѣшно крестнымъ благословеніемъ поучаемаго ученика или ученицы. Съ радостью оказывалъ самъ или разыскивалъ откуда нибудь матеріальную помощь бѣднымъ воспитанникамъ и воспитанницамъ; хлопотливо заботился о нуждахъ сослуживца и объ его семьѣ въ случаѣ болѣзни или смерти послѣдняго. О запасѣ для себя на черный день никогда не думалъ, тратился на себя лично чрезвычайно мало. Хладнокровія и безучастности къ чему-нибудь или къ кому нибудь не замѣчалось въ немъ; онъ постоянно то радовался, то печалился, то негодовалъ; чаще же всего дебатировалъ изъ-за своихъ гимназій, изъ-за ученія и воспитанія въ нихъ. Молчаніе или бездѣйствіе его были думою, нерѣдко мрачною.

Одною изъ живыхъ заботъ Ефима Михайловича, какъ начальника русскихъ гимназій въ Варшавѣ, было лучшее, по возможности, устрой-

ство церкви въ 1-й мужской гимназіи. Стараніями его, эта церковь приведена въ благообразный видъ; богослуженію придано благолѣпіе, образованъ прекрасный гимназическій хоръ. И какъ усердно молился здѣсь Ефимъ Михайловичъ! Чтеніе въ церкви при богослуженіи составляло для него духовное наслажденіе. Въ устройствѣ церковнаго торжества, даже въ составленіи проповѣдей и рѣчей, произносимыхъ законоучителемъ, онъ принималъ самое близкое участіе. А кто изъ сослуживцевъ его по гимназіи не помнитъ его хлопотъ о приобрѣтеніи для гимназической церкви лика Спасителя въ терновомъ вѣницѣ, въ память мученической кончины Царя-Освободителя. Художественный образъ Спасителя, работы академика живописи Крамскаго, составляетъ нынѣ одно изъ лучшихъ украшеній церкви 1-й варшавской мужской гимназіи.

Увлекаясь, повидимому, всецѣло гимназическими дѣлами, Ефимъ Михайловичъ не забывалъ, однако-же, и униатскаго дѣла. Онъ отзвывался горячо на всякое движеніе въ униатскомъ, тогда волновавшемся, мірѣ; являлся, по временамъ, въ Сѣдлецѣ, въ Бѣлѣ и въ другихъ униатскихъ мѣстахъ, состязался объ униатахъ съ губернаторами и уѣздными начальниками, устно и печатно изъясняя возникающіе вопросы, полемизировалъ съ врагами дѣла и т. п.

Продолжалъ служить и дѣйствовать такъ Ефимъ Михайловичъ, не взирая на то, что время для воодушевленныхъ порывовъ и стремленій, мало по малу, проходило. Прежняя живая организаторская дѣятельность въ Царствѣ Польскомъ завершила свой кругъ. Со спены уходила, одинъ за другимъ, дѣятеля, понимавшіе и цѣнявшіе людей, подобныхъ Е. М. Крыжановскому. Дѣла входили въ обыкновенную колею. Ефимъ Михайловичъ, по своей натурѣ и характеру прежней своей дѣятельности, менѣе другихъ способенъ былъ войти въ строгія дисциплинарныя рамки.

II.

Ефимъ Михайловичъ Крыжановскій оставилъ службу въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1883 г. Больному физически, Ефиму Михайловичу, казалось, и нужна была отставка, съ полнымъ отдыхомъ, да лѣченіемъ.

Но не отдыха и покоя жаждала душа его; тѣлесныя же немощи его прекращались не столько отъ докторскаго лѣченія, сколько отъ животворной дѣятельности духа.

К. П. Побѣдовосцевъ, пріютившій у себя Ефима Михайловича, оцѣнилъ вполне его способности, знаніе и трудолюбіе; самый недостатокъ его, горячность въ словахъ и дѣлахъ, Константинъ Петровичъ направилъ къ одному добру и этотъ недостатокъ, въ послѣдній годъ жизни труженника, обратился въ святое рвеніе во славу Божію.

По духовному вѣдомству поручалось Ефиму Михайловичу исполненіе многихъ весьма важныхъ дѣлъ, касавшихся нашихъ западныхъ окраинъ. Изслѣдованіе и уясненіе темныхъ или запутанныхъ дѣлъ, подготовка ихъ къ разрѣшенію, а нерѣдко и самое исполненіе ихъ на мѣстѣ, составляли какъ бы особую специальность Ефима Михайловича.

Всякій вопросъ являлся у него обстоятельно изслѣдованнымъ и освѣщеннымъ.

Прежде всего, предметъ изслѣдовывался имъ исторически, и въ этомъ первоначальномъ процессѣ исполненія дѣла можно было видѣть Ефима Михайловича роющимъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ въ библіотекахъ, въ архивахъ и составляющимъ обширныя выписки изъ книгъ и дѣлъ. Заручившись историческими, статистическими и другими справками о дѣлѣ, Ефимъ Михайловичъ отправлялся на мѣсто къ живымъ людямъ для наблюденія и изслѣдованія живыхъ явленій. Насколько онъ оказывался отличнымъ изслѣдователемъ въ архивахъ, настолько же являлся онъ живымъ человѣкомъ въ прикосновеніи своемъ съ людьми. Въ результатѣ даннаго ему порученія являлась обстоятельная записка, статья или даже цѣлая книга объ изслѣдованномъ предметѣ. Укажемъ на важнѣйшія изъ исполненныхъ имъ порученій.

Въ Ригѣ Крыжановскій изслѣдовалъ и улаживалъ вкоренившіеся въ мѣстной духовной семинаріи неурядицы и пререканія между служащими; входилъ близко въ учебную часть семинаріи и уѣзднаго училища, дѣятельно участвовалъ въ училищномъ епархіальномъ совѣтѣ и въ лучшемъ устройствѣ церковно-приходскихъ школъ; способствовалъ мирному исходу дѣла о передачѣ древлеправославнаго храма воссоединеннымъ эстамъ; подготовлялъ празднество освященія собора въ Ригѣ и т. п.

Во Псковѣ изслѣдовалъ и уяснилъ положеніе духовной семинаріи монастырскаго и архіерейскаго хозяйства, особенно по свѣчному заводу и типографіи.

Самымъ важнымъ по Остзейскому краю дѣломъ его было изслѣдованіе остзейскаго вопроса въ отношеніи къ православію, уясненнаго имъ въ книжкѣ: «Остзейскій вопросъ и православіе». Кромѣ уясненія этого общаго вопроса, обслѣдованы имъ въ частности вопросы: о приходахъ въ Эстляндіи, о смѣшанныхъ въ Лифляндіи бракахъ,

о предбрачныхъ подпискахъ (1885 г.) о шестимѣсячномъ срокѣ, задерживавшемъ принятіе православія латышами, о переводѣ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на эстскій и латышскій языки и т. п.

Еще важнѣе было данное ему порученіе на Волыни. Можно смѣло сказать, что, только благодаря Ефиму Михайловичу, выяснено вполнѣ чешское дѣло на Волыни. Изъ обследованы обстоятельно: дѣла о переселеніи чеховъ на Волынь, о религиозномъ увлеченіи ихъ тамъ въ разныя стороны, о настоящемъ ихъ движеніи къ православію, о потребностяхъ ихъ, касающихся школъ, книгъ, періодическихъ изданій и т. п. На Волыни же, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ, Ефимъ Михайловичъ занимался собраніемъ свѣдѣній о религиозномъ бытѣ чеховъ-гусситовъ и о положеніи чешскихъ волостей. О трудахъ его на Волыни можно судить по его книжкѣ: «Чехи на Волыни».

Третья окрानна, въ которой онъ дѣйствовалъ по порученію К. П. Побѣдоносцева, былъ Привисляскій край: въ Варшавѣ, Холмѣ и Вѣлѣ онъ касался дѣлъ воссоединенныхъ униатовъ, а въ Лѣснѣ, Сѣдлецкой губерніи, входилъ въ устройство новообразованной женской общины. Наконецъ, послѣднимъ мѣстомъ его командировки былъ Кіевъ, гдѣ устроилось торжество 900-лѣтія крещенія Руси.

Среди постоянныхъ и часто срочныхъ занятій своихъ по службѣ при святѣйшемъ Синодѣ, Ефимъ Михайловичъ находилъ время и для сотрудничества въ журналахъ, сборникахъ, мѣсяцесловахъ по вопросамъ, живо интересовавшимъ его. Трудомъ его воспользовалась и императорская академія наукъ, приглашавшая его сдѣлать разборъ представленнаго для соисканія награды графа Уварова сочиненія А. Будиловича: «Русская православная старина въ Замостьѣ». За разборъ этого сочиненія Ефиму Михайловичу присуждена была золотая Уваровская медаль.

Особенно усердно и самоотверженно трудился Ефимъ Михайловичъ въ послѣдній годъ своей жизни по устройству учебнаго дѣла на Волыни среди чеховъ-колонистовъ. О жизни своей и занятіяхъ своихъ въ этотъ годъ онъ пишетъ роднымъ: «живется мнѣ хорошо; хотя труда много, но трудъ такой, который и воодушевляетъ, и поддерживаетъ, и утѣшаетъ». Въ послѣднемъ мѣсяцѣ своей жизни онъ былъ весь поглощенъ кіевскимъ торжествомъ 900-лѣтія крещенія Руси. Въ устройствѣ этого торжества онъ принималъ живое и дѣятельное участіе. Не обошлось и тутъ предварительно, какъ и во всякомъ его дѣлѣ, безъ ученыхъ изслѣдованій, полемики, препирательствъ и соглашеній съ людьми. Зато онъ вполнѣ наслаждался духовно самимъ праздникомъ въ родномъ Кіевѣ. Но сила и полнота испытанныхъ

имъ на этомъ торжествѣ впечатлѣннѣй такъ была велика, что ихъ не вынесъ болѣзненный его организмъ. Болѣзнь сердца, при излишкѣ тревожныхъ бленій, свела его въ могилу, вскорѣ послѣ торжества, 26-го іюля 1888 года. Оставляя онъ свое земное поприще, полное радостей и страданій, и отходилъ въ загробный міръ съ живымъ чувствомъ христіанской вѣры и надежды. «Господи, прими духъ мой», были послѣднія предсмертныя слова его.

Погребенъ Ефимъ Михайловичъ тамъ, гдѣ заранѣе приготовилъ себѣ могилу, въ Кіевѣ, на Щекавицѣ (Олеговой могилѣ). Умереть и почить тамъ было его завѣтнымъ желаніемъ и частою молитвою къ Богу. Господь, видимо теперь для насъ, услышалъ молитву его. Торжественно, въ глубокой скорби, проводили усопшаго къ могилѣ многочисленные его кіевскіе друзья, товарищи и почитатели. Въ числѣ лицъ, отдавшихъ послѣдній долгъ покойному, находились: митрополитъ сербскій Михаилъ, ректоръ кіевской духовной академіи, епископъ каневскій Сильвестръ, многіе изъ духовенства, профессора, члены городского общества и друг.

Всѣ, знавшіе Ефима Михайловича и надлежаще понявшіе его жизнь и службу, должны глубоко сожалѣть объ утратѣ этого полезнаго слуги правительства и общества; но едва-ли не болѣе всѣхъ, сердечно и глубоко, сожалѣлъ объ утратѣ въ своемъ вѣдомствѣ полезнѣйшаго труженика К. П. Побѣдоносцевъ, цѣнившій высоко службу покойнаго.

Вотъ какъ сердечно выразилъ свою скорбь Константинъ Петровичъ объ утратѣ своего сотрудника:

— «Какъ горько было мнѣ получить телеграмму о смерти Е. М. Крыжановскаго! Какъ она сразила меня, хотя сердце мое чуло недоброе при отъѣздѣ моемъ (заграницу). Нѣтъ нашего добраго Ефима Михайловича. Повѣрить трудно! Не вынесъ онъ торжества (кіевскаго), котораго такъ желалъ, къ которому такъ готовился! Упокой, Боже, его душу».

А вотъ оцѣнка службы покойнаго: «Ефимъ Михайловичъ, по отзыву К. П. Побѣдоносцева, былъ золотой человѣкъ; на Волынѣ, по учебному дѣлу, у чеховъ, онъ дѣлалъ чудеса. Онъ незамѣнимъ».

Иосифъ Сидореній.

Спб. 5-го іюня 1889 г.

„Двѣ характеристики русскихъ генераловъ XVIII и XIX вв.“.

1737 г. и 1820 г.

I.

Въ январьской книгѣ «Русской Старины», изд. 1890 года, томъ LXV, помѣщенъ Н. Б. Шильдеромъ историческій матеріалъ, подъ заглавіемъ: «Двѣ характеристики русскихъ генераловъ XVIII и XIX вв.», сдѣланныя графомъ Минихомъ и генераломъ Киселевымъ.

Графъ Минихъ, въ запискѣ, лично поданной имъ въ 1737 г. императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, представляетъ описаніе характеровъ и свойствъ генераловъ, бригадировъ и полковниковъ командуемой имъ арміи. Въ запискѣ аттестовано 31 лицо.

Генералъ Киселевъ, занимавшій съ 22-го февраля 1819 г. должность начальника штаба 2-й арміи при главнокомандующемъ графѣ Витгенштейнѣ, дѣлаетъ, какъ объяснено въ примѣчаніи къ его запискѣ, въ 1824 и 1825 гг., для императора Александра Павловича аттестациі тридцати двухъ генераловъ 2-й арміи, въ томъ числѣ и свою собственную.

При сопоставленіи этихъ двухъ характеристикъ, отдѣленныхъ одна отъ другой почти цѣлымъ столѣтіемъ, читателя прежде всего поражаетъ рѣзкая противоположность въ тонѣ аттестациі.

Графъ Минихъ говоритъ о своихъ подчиненныхъ тономъ серьезнымъ, спокойнымъ, сохраняя при этомъ достоинство въ выраженіяхъ, какъ того и требовала записка, представляемая императрицѣ. Изъ числа 31 своихъ подчиненныхъ графъ Минихъ только шесть лицъ находятъ неудобными къ продолженію службы.

Напротивъ того, генералъ Киселевъ, не смотря на болѣе просвѣщенное время, въ которое онъ жилъ, представляетъ императору Александру Павловичу списокъ о заслуженныхъ генералахъ 2-й арміи,

съ собственноручными отмітками, изложенными въ такихъ рѣзкихъ для аттестуемыхъ лицъ выраженіяхъ, которыя положительно немыслимы въ официальной бумагѣ, хотя бы секретной, тѣмъ болѣе въ запискѣ, предназначаемой для государя. Двадцать два генерала, по аттестаціи Киселева, оказываются негодными или вредными, пагубными для службы, неспособными, ничтожными, и только 9 удостоены болѣе или мевѣе удовлетворительнаго отзыва. Если дать вѣру аттестаціямъ генерала Киселева, то приходится выразить крайнее удивленіе, какъ сильно, сравнительно съ временемъ графа Миниха, понизился въ первой четверти текущаго столѣтія уровень военныхъ знаній и нравственныхъ достоинствъ генераловъ нашей арміи. Съ другой стороны, факты указываютъ, что многіе изъ генераловъ 2-й арміи, столь безпощадно порицаемыхъ начальникомъ своего штаба, участвовали въ войнахъ противъ Наполеона и ознаменовали себя боевыми отличіями и подвигами въ сраженіяхъ, прославившихъ русскія войска.

Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе въ приговорахъ Киселева съ дѣйствительными фактами?

Полагаемъ, что разъясненію истины можетъ послужить, въ значительной степени, ознакомленіе съ личными свойствами генерала Павла Дмитріевича Киселева.

О самомъ себѣ Киселевъ даетъ слѣдующую аттестацію: «Безъ прежнихъ заслугъ и потому безъ права на мѣсто, имъ занимаемое. Съ умомъ, а болѣе еще съ самолюбіемъ, отчего полезень быть можетъ. Честень и собою для пользы готовъ жертвовать. Но при неудовольствіи малѣйшемъ пожертвуетъ всѣмъ для удовлетворенія честолюбія своего» ¹⁾.

Дополнимъ эту оцѣнку нѣкоторыми свѣдѣніями о Киселевѣ изъ 1-го тома сочиненія А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». (Спб. 1882 г.).

П. Д. Киселевъ получилъ домашнее воспитаніе при помощи гувернера француза. Въ 1805 году, 17 лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу «коллегіи-юнкеромъ»; въ слѣдующемъ году переведенъ корнетомъ въ кавалергардскій полкъ, съ которымъ дѣлалъ фридландскую кампанію и отечественную войну до бородинскаго сраженія, затѣмъ поступилъ адъютантомъ къ Милорадовичу; въ 1814 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ; въ 1818 г. произведенъ въ генераль-майоры, а 22-го февраля 1819 г. назначенъ начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи.

Приближенные къ императору друзья и доброжелатели Киселева, хорошо знавшіе его характеръ: А. А. Закревскій, А. Ѳ. Орловъ

¹⁾ «Русская Старина», изд. 1890 г., т. I.XV, январь, стр. 122.

и князь А. С. Меншиковъ, какъ видно изъ ихъ переписки съ Киселевымъ ¹⁾, настойчиво совѣтовали ему сдерживать свой пылкій нравъ.

Такъ, во время командировки Киселева въ 1817 г. для раскрытія безпорядковъ во 2-й арміи по интендантской части и осмотра войскъ, князь Меншиковъ писалъ Киселеву: «Орловъ предупредилъ государя, что ты себѣ надѣлалъ много враговъ, что и правда. На твой счетъ распускаютъ: 1) что ты разглашалъ, что Розену не даютъ дивизіи потому, что онъ фуражный воръ; 2) что ты надмененъ и чванишься; 3) при осмотрѣ Васильчикова бригады зазнался неприлично въ присутствіи Беннигсена (бывшаго тогда главнокомандующимъ 2 арміей)... Твоя осанка и запальчивость, вѣроятно, подали поводъ къ этимъ слухамъ.... Прошу остерегаться».

Въ апрѣлѣ 1819 г., послѣ назначенія Киселева начальникомъ штаба 2-й арміи, А. Ѳ. Орловъ пишетъ ему: «... Будь остороженъ съ твоимъ характеромъ....»

Въ письмѣ къ Киселеву, отъ 1-го мая 1819 г., А. А. Закревскій говоритъ: «.... Умоляю тебя умѣрить свой нравъ... Спустя мѣсяць, 2-го июня, Закревскій повторяетъ Киселеву: «... Князь Волконскій велѣлъ тебѣ сказать, чтобы какъ можно вѣжливѣе обходился съ графомъ (Витгенштейномъ), чтобы всѣ подчиненные могли брать съ тебя примѣръ. Опять надокучаю тебѣ: умѣрь свой нравъ... При осмотрѣ войскъ вмѣстѣ съ графомъ ему ни въ чемъ не манкируй и покажи предъ всѣми свою подчиненность, чѣмъ переимѣнишь мнѣніе, о тебѣ въ арміи имѣющееся....»

Въ августѣ Закревскій пишетъ: «... Пожалуйста, въ бумагахъ корпуснымъ командирамъ будь вѣжливѣе....»

На эти настоятельные дружескіе совѣты Киселевъ отвѣчалъ Закревскому: «... По совѣтамъ вашимъ дѣйствую сколько могу; иногда однако-жъ порывы сердца увлекаютъ осторожность....».

Въ сентябрѣ слѣдующаго 1820 года Закревскій увѣдомляетъ Киселева: «До меня доходятъ слухи, что тебя въ арміи не любятъ.... Неужели ты не укротилъ порывистый нравъ свой, о чемъ я нѣсколько разъ уже писалъ тебѣ по пріѣздѣ твоемъ въ Тульчинъ....». А въ ноябрѣ того же года повторяетъ: «... Манера обхожденія заставила всякаго негодовать на тебя... Вспомни, сколько разъ писалъ я тебѣ, дабы по пріѣздѣ въ армію умѣрилъ свой нравъ.... Но ты, какъ вижу, не хотѣлъ меня послушать...

¹⁾ «Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. I, стр. 43, 71, 74, 75, 76, 91, 113 и 128.

Приведенныя выдержки изъ писемъ князя А. С. Меншикова, А. Ѳ. Орлова и А. А. Закревскаго доказываютъ, что П. Д. Киселевъ часто не умѣлъ владѣть собою и что въ арміи его не любили за его заносчивость и невѣжливое обращеніе.

Всѣ генералы 2-й арміи были гораздо старше Киселева и по лѣтамъ, и по службѣ. Еще въ 1817 г., при главнокомандовавшемъ графѣ Беннигсенѣ, они помнили его полковникомъ, и многіе изъ нихъ были свидѣтелями его выходовъ. Понятно то затаенное неудовольствіе, съ которымъ старыя заслуженные генералы приняли назначеніе его начальникомъ штаба своей арміи и которое Киселевъ, по своей пылкости, не только не сглаживалъ, но, напротивъ, обострялъ и усиливалъ. Если Киселевъ, какъ упрекаютъ его друзья, не могъ въ служебныхъ сношеніяхъ съ чинами арміи сдерживать свой пылкій нравъ, то тѣмъ менѣе онъ стѣснялся въ выборѣ выраженій, дѣлая характеристику непріязненно расположенныхъ къ нему генераловъ, въ особыхъ отмѣткахъ, которыя онъ писалъ, судя по ихъ содержанію и выраженіямъ, едва-ли для подвесенія государю, но, вѣроятно, собственно для себя.

Читая на стр. 119, 120, 121 и 122 январьской книги «Русской Старины» 1890 г. образчики аттестацій генераловъ 2-й арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и злоязычія Киселева, невольно задаешься вопросомъ: такимъ-ли языкомъ пишутся аттестаціи, предназначаемыя для Государя?

Необходимо замѣтить при этомъ, что объясненіе о томъ, что отмѣтки Киселева писаны въ 1824 и 1825 годахъ, ошибочно. Въ подстрочной выноскѣ, на стр. 121 означенной январьской книги «Русской Старины», относящейся къ командиру 1-й бригады 22-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіору Мордвинову 3-му, говорится, что Мордвиновъ убитъ Киселевымъ на дуэли въ 1823 г., а мы, съ своей стороны, прибавимъ къ этому, что еще за полгода прежде дуэли, въ 1822 г., Мордвиновъ уже не командовалъ бригадою¹⁾.

Но главное доказательство невѣрнаго опредѣленія времени, когда писались отмѣтки Киселева, заключается въ томъ, что упоминаемыя въ спискѣ генераловъ 2-й арміи пѣхотныя дивизіи: 13, 16, 18, 22 и 9, какъ видно изъ напечатаннаго въ 1851 г. «Историческаго описанія одежды и вооруженія російскихъ войскъ» (часть 10), сохраняли эту нумерацію только до 20-го мая 1820 г., а съ того времени получили другую послѣдовательную нумерацію 16, 17, 18, 19 и 20 дивизій.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Киселевъ писалъ свои отмѣтки не въ 1824 и 1825 гг., а гораздо ранѣе, никакъ

¹⁾ «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», т. I, стр. 175 и 176.

не позже 20-го мая 1820 г., т. е. вскорѣ по вступленіи въ должность начальника штаба, подъ живымъ впечатлѣніемъ первыхъ неприятныхъ встрѣчъ своихъ съ нерасположенными къ нему генералами 2-й арміи.

II.

Не ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ по поводу отмітокъ П. Д. Киселева о русскихъ генералахъ второй арміи, нижеподписавшіеся считаютъ себя нравственно обязанными сказать слово въ защиту священной для нихъ памяти ихъ отца, генераль-лейтенанта Петра Яковлевича Корнилова.

Въ своемъ спискѣ П. Д. Киселевъ сдѣлалъ о Корниловѣ такую отмітку:

«Генераль-лейтенантъ Корниловъ, командиръ 22-й пѣхотной дивизіи. Полковникомъ служилъ хорошо. Человѣкъ усердный, но служащій нынѣ для столовыхъ денегъ ¹⁾. Помѣститься можетъ въ разрядъ Козачковскихъ».

О послѣднемъ Киселевъ говорить въ отміткахъ слѣдующее: «Командиръ 16-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Козачковский ²⁾, старый слуга, стараго обряда, безъ всякой образованности, и исполнитель хорошій, но при надзорѣ. Во всякомъ другомъ государствѣ Козачковскій былъ бы полковникомъ и не болѣе бригаднаго командира».

Дѣйствительно, П. Я. Корниловъ былъ вполне русскій человѣкъ, стараго, какъ выразился П. Д. Киселевъ, обряда, цѣльная, вѣрующая и любящая русская натура, до мозга костей преданный государю и родинѣ; учился, какъ большинство русскихъ дворянъ того

¹⁾ Ту же самую укоризну о пристрастіи къ столовымъ деньгамъ П. Д. Киселевъ дѣлаетъ «чистосердечно и глубоко уважаемому имъ» фельдмаршалу графу Витгенштейну, когда на сдѣланный А. А. Закревскимъ вопросъ по поводу отправленія за границу 7-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Рудзевича, и оставленія графа Витгенштейна въ Тульчинѣ главнокомандующимъ 2-ю армію въ составѣ лишь одного 6-го корпуса, онъ отвѣтилъ Закревскому, 12-го апрѣля 1821 г., что графъ Витгенштейнъ принялъ это распоряженіе, «какъ слѣдуетъ человѣку подѣ 60 лѣтъ, которому столовыя деньги нужнѣе всего», («Графъ П. Д. Киселевъ и его время». Т. I, подстрочная выписка на стр. 145).

²⁾ Мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о службѣ сего генерала.

времени, въ родительскомъ домѣ, рано посвятилъ себя военной службѣ; военное образованіе получилъ въ боевой школѣ Суворова, Кутузова, графа Николая Каменскаго и Барклая-де-Толли; отличался безупречною храбростію и невозмутимымъ хладнокровіемъ; былъ любимъ подчиненными; умѣлъ возбуждать и одушевлять русскаго солдата въ минуты опасности и, многократно въ теченіи своей долговременной службы, жертвовалъ собою долгу чести и присяги.

Въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ факты, записанные въ послужномъ спискѣ П. Я. Корнилова и въ его біографіи, составленной нашимъ военнымъ историкомъ, А. В. Висковатовымъ и помѣщенной въ 1-мъ томѣ «Военной галлерей Зимняго дворца», изданія Межевича и Песочкаго.

Въ 1779 г., девяти лѣтъ отъ роду, Петръ Корниловъ былъ записанъ на службу капраломъ л.-гв. Измайловскаго полка. Въ 1790 г. изъ вахмистровъ конной гвардіи выпущенъ въ армію капитаномъ, и 25-го апрѣля того года, при преслѣдованіи шведовъ за р. Кюмень, въ Финляндіи, раненъ пулею въ берцовую кость лѣвой ноги.

Въ 1792 г., въ отрядѣ генерала Кречетникова, былъ при занятіи Варшавы, а въ 1794 г., подъ начальствомъ князя Цицианова, въ дѣлахъ подъ Вильной.

Во время итальянскаго похода генералиссимуса Суворова 1799 г., состоя въ чинѣ маіора и командуя то баталіономъ, то полкомъ, въ авангардныхъ отрядахъ сначала Розенберга, а потомъ сподвижника Румянцова-Дерфельдена, Корниловъ суворовскими маршами преслѣдовалъ непріятели отъ крѣпостей Мантуи, Пескьеры и Бресчиа, и особенно отличился 6, 7 и 8 іюня, въ трехъ-дневномъ пораженіи Макдональда на берегахъ Тидона и Требии, и 4-го августа—въ знаменитой битвѣ при Нови. Въ первомъ изъ сихъ дѣлъ, Корниловъ съ двумя ротами, ударивъ на непріятели въ штыки, спасъ разстроенный австрійскій баталіонъ; а въ сраженіи при Нови, успѣвъ зайти съ своимъ баталіономъ въ тылъ отступавшей непріятельской колонны, Корниловъ пресѣкъ ея отступленіе, и тѣмъ способствовалъ взятію въ плѣнъ двухъ генераловъ, 34 офицеровъ, 630 нижнихъ чиновъ, 22 пушекъ и 30 аммуниціонныхъ фуръ, о чемъ съ благодарностію свидѣтельствуетъ австрійскій генералъ баронъ Карачай въ выданномъ Корнилову аттестатѣ. При этомъ Корниловъ контуженъ ядромъ. Суворовъ аттестовалъ Корнилова такъ: «Отличался неустрашимую храбростію, былъ примѣромъ подчиненнымъ». Затѣмъ, въ Швейцаріи Корниловъ сражался съ непріятеlemъ: сентября 13-го—на Сенъ-Готардѣ, 14-го—у Чертова моста, 19-го и 20-го—подъ Мутенталемъ, при разбитіи корпуса Массены.

Наградю Корнилову за подвиги въ Италиі были Анненскій крестъ 2-й степени и командорскій орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а на Альпахъ—алмазные знаки на орденъ св. Анны.

Съ производствомъ въ полковники, Корниловъ былъ въ январѣ 1807 г. назначенъ командиромъ, а въ 1808 г.—шефомъ сформировавшагося тогда въ г. Мглинѣ 28 егерскаго полка, и въ 1809 г. поступилъ въ молдавскую армию, предводимую сначала Багратиономъ, потомъ графомъ Каменскимъ.

Въ 1810 г., находясь въ авангардѣ подъ начальствомъ Кульнева, Корниловъ съ 28 егерскимъ полкомъ перешелъ Дунай въ Гирсовѣ, участвовалъ въ осадѣ и взятіи Силистріи и въ обложеніи Шумлы. Здѣсь, 12-го іюня, полкъ Корнилова былъ выдвинутъ для подкрѣпленія отряда князя Трубецкаго. На пути слѣдованія къ этому отряду, до 7 тысячъ спаговъ, скрывавшихся въ дощичѣ, стремительно кинулись на Корнилова, какъ на вѣрную жертву. Это происходило въ виду главныхъ нашихъ силъ. Главнокомандующій и бывшая при немъ свита ожидали совершеннаго истребленія малочисленнаго отряда Корнилова; но онъ не потерялся въ минуту опасности, быстро свернулъ свой полкъ въ каре и, допустивъ турокъ на ближній выстрѣлъ, сильнымъ ружейнымъ огнемъ разсѣялъ ихъ густыя толпы и обратилъ въ бѣгство ¹⁾. Измѣнивъ первоначальный планъ атаки, графъ Каменскій рѣшилъ тѣснѣе обложить Шумлу войсками и линіей полевыхъ редутовъ, къ сооруженію коихъ было приступлено ночью на 26-е іюня. Корниловъ прикрывалъ работу одного изъ редутовъ, подъ сильнымъ огнемъ непріятельскимъ. Къ утру три фаса редута были готовы, но четвертаго не успѣли кончить, по причинѣ кремнистой почвы. Полтораста егерей 28-го полка засѣли въ этомъ открытомъ редутѣ, а Корниловъ съ однимъ баталіономъ оставленъ для ихъ подкрѣпленія. 26-го іюня, въ 3 часа пополудни, турки, подъ огнемъ всѣхъ своихъ батарей, жестоко напали на редутъ. Корниловъ съ горстью своихъ егерей устоялъ. На помощь къ нему поспѣшилъ генералъ Уваровъ, съ четырьмя полками. Завязался упорный бой, вынудившій главнокомандующаго подкрѣпить сражавшихся корпусомъ генералъ-лейтенанта Маркова. Замѣтивъ приближеніе свѣжихъ русскихъ колоннъ, турки прекратили свои яростныя атаки и залегли во рвахъ и окопахъ, но и отсюда были выбиты 28-мъ егерскимъ и Александрійскимъ гусарскимъ полками.

¹⁾ Объ этомъ, спустя почти 40 лѣтъ послѣ событія, свидѣтельствовалъ мнѣ въ 1848 г. графъ А. А. Закревскій, бывшій въ 1810 г. адъютантомъ графа Каменскаго. Ө. Корниловъ.

За 12-е юня Корниловъ награжденъ орденомъ св. великомученика Георгія 4-й степени, а за отличие въ дѣлѣ 26-го юня произведенъ въ генераль-майоры, съ оставленіемъ шефомъ 28-го егерскаго полка.

22-го юля, во время неудачнаго штурма крѣпости Рущука, Корниловъ, находясь въ колоннѣ генерала Уварова, былъ раненъ въ правый бокъ пулею на вылетъ ¹⁾.

Въ 1812 г., предъ началомъ отечественной войны, Корниловъ, съ 28-мъ егерскимъ полкомъ переведенъ былъ въ собирающуюся подъ начальствомъ Торماسова армію на Волыни и, поступивъ въ 18-ю дивизію князя Щербатова, участвовалъ при преслѣдованіи непріятеля отъ Брестъ-Литовска до Кобрина. Въ сраженіи при селеніи Городечнѣ, 31-го юля, Корниловъ, командуя 9-ю пѣхотною дивизіею въ корпусѣ генерала Маркова, во время атаки непріятелемъ нашего центра, бросился съ тремя баталіонами въ штыки на непріятельскія колонны и опрокинулъ ихъ, а 13-го августа озаменовалъ себя особенно неустранимостью при мѣстечкѣ Выжвѣ, гдѣ, бывъ окруженъ корпусомъ войскъ австрійскаго фельдмаршала Шварценберга, онъ съ 28-мъ егерскимъ полкомъ пробился на штыкахъ и открылъ отряду генерала Чаплица свободный путь къ отступленію.

Мужество Корнилова подлѣ Городечною и Выжвою было награждено орденомъ св. Анны 1-й степени.

По соединеніи арміи Торماسова съ Дунайскою адмирала Чичагова, когда Чичагову предписано было идти на перерѣзъ отступавшей арміи Наполеона, Чичаговъ, имѣя два авангарда подлѣ начальствомъ графа Ламберта и Чаплица, отрядилъ ихъ изъ Минска на Березину, съ приказаніемъ графу Ламберту занять Борисовъ, а Чаплицу береговое пространство отъ Борисова вверхъ по теченію Березины до Зембина. Нападеніе Удино на авангардъ графа Ламберта и предположеніе, что Наполеонъ устроить переправу чрезъ Березину ниже Борисова, заставили Чичагова не только перевести главныя войска къ Шабашевичамъ, но поворотить туда же и авангардъ Чаплица. Для наблюденія прибрежья отъ Зембина до Стахова оставленъ былъ, 13-го ноября, на правомъ берегу Березины, Корниловъ съ отрядомъ изъ 28-го и 32-го егерскихъ, Павлоградскаго гусарскаго и 2-хъ казачьихъ полковъ, 200 волынскихъ улановъ и роты конной артиллеріи.

Развѣдавъ 14-го ноября, что собравшійся на противоположномъ берегу непріятель, въ большихъ силахъ, располагаетъ переправиться

¹⁾ Сопровождавшаяся нервическою горячкою, эта рана едва не свела Корнилова въ могилу. Только его крѣпкая натура, да неуспынная забота его супруги, поспѣвшая къ нему на помощь, и искусство врачей сохранили его жизнь.

въ Студянкѣ и Веселовѣ, противъ Брилей и Зембина, и что Наполеонъ самъ распоряжается устройствомъ мостовъ и другихъ способовъ переправы, Корниловъ немедленно донесъ о томъ Чаплицу и Чичагову. Поставленный такимъ образомъ судьбою лицомъ къ лицу противъ Наполеона и главныхъ силъ его арміи, Корниловъ не смутился духомъ, и въ ожиданіи подкрѣпленія противопоставилъ непріятелю слабыя силы своего малочисленнаго отряда. На болотистомъ, поросшемъ лѣсомъ правомъ прибрежьи Березины нашлась одна небольшая площадка только для 4-хъ легкихъ конно-артиллерійскихъ орудій, которыхъ снаряды не достигали лѣваго берега и не наносили непріятелю никакого вреда.

Наполеону надлежало перейти Березину во что бы ни стало. По слѣдамъ его шли Милорадовичъ и Платовъ, за ними—главныя силы русскія, ведомыя Кутузовымъ; путь къ верховьямъ Березины преграждалъ Витгенштейнъ; недоумѣніе Чичагова могло разсѣяться и онъ могъ задвинуть ему переходъ чрезъ Березину. Спасая себя и свою армію, Наполеонъ велѣлъ истребить находившійся на другомъ берегу небольшой русскій отрядъ. На высотахъ лѣваго берега поставили батарею изъ 40 орудій большого калибра, и огонь ея мгновенно сбилъ и засыпалъ ядрами русскія пушки. Кавалерія французская бросилась вплавь, за каждымъ всадникомъ находился на лошади пѣхотный солдатъ, другіе пустились чрезъ рѣку на пароммахъ. Сильные отряды переправились выше у Веселова.

Тѣснимый несоразмѣрными непріятельскими силами, непрерывно умножавшимися, и занимая совершенно неудобную для боя болотистую мѣстность, Корниловъ принужденъ былъ отступать; но, слѣдуя узкою береговою дорогою, отступалъ медленно, шагъ за шагомъ, отбивая нападенія сильнаго французскаго отряда, прикрывавшаго переправу. Дойдя до первой площадки въ лѣсу, Корниловъ остановился и, выстроивъ свои 12 орудій, открылъ неравный бой. Около 3-хъ часовъ онъ оставался одинъ на избранной имъ позиціи. Наконецъ, къ нему прибылъ изъ Борисова Чаплицъ. Весь слѣдующій день войска простояли въ виду другъ друга безъ дѣла. Чаплицъ не возобновлялъ боя, убѣдившись въ невозможности остановить переправу французовъ.

Ноября 16-го, въ упорномъ сраженіи между Стаховымъ и Брилями, въ лѣсу, Корниловъ командовалъ правымъ флангомъ нашихъ войскъ.

Ноября 18, началось преслѣдованіе непріятеля. Командуя четырьмя полками въ авангардѣ Чаплица, Корниловъ форсированными маршами гналъ французовъ, и ежедневно, по день занятія Вильны, 29-го ноября, имѣя дѣла съ арріергардомъ Наполеона, отбивалъ орудія, обозы, тысячи плѣнныхъ, и захватилъ большое количество награбленнаго

непріятелемъ серебра, которое, по распоряженію Кутузова, поступило на возобновленіе украшеній московскаго Успенскаго собора.

1813 г., состоя въ 3-й арміи Баркляя-де-Толли, Корниловъ участвовалъ въ осадѣ Торна, и послѣ взятія этой крѣпости, присоединяясь къ главной арміи подъ Бауценомъ, былъ въ дѣлѣ при Кенигсвартѣ и въ кровопролитномъ бауценскомъ сраженіи 8-го и 9-го мая. Въ первый день этого боя, командуя егерскою бригадою, онъ препятствовалъ превосходнымъ силамъ непріятеля овладѣть селеніемъ Мальшвицъ, а во второй день прикрывалъ отступление 3-й западной арміи.

За осаду и взятіе Торна Корнилову пожалованы алмазные знаки 1-й степени ордена св. Анны, а за отличіе подъ Бауценомъ орденъ св. Владимира 2-й степени.

Послѣ Пойшвицкаго перемирія, получивъ командованіе 15-ю пѣхотною дивизіею въ корпусѣ графа Ланжерона, Корниловъ поступилъ въ силезскую армію Блюхера. Находясь въ авангардѣ, онъ участвовалъ почти во всѣхъ дѣлахъ этой арміи: 7-го августа подъ Зибенейхеномъ, 9-го—при отступленіи къ Гольдбергу, 11-го—подъ Гольдбергомъ и 14—въ Кацбахской битвѣ, гдѣ, стоя въ центрѣ у Геннерсдорфа, весь день удерживалъ свою позицію, неоднократно опрокидывая штыками наступавшаго на него непріятеля. У Левенберга, 17-го августа, Корниловъ способствовалъ пораженію непріятельскаго арріергарда; 24-го и 25-го, при отступленіи графа Ланжерона отъ Лобау за р. Нейсъ, командовалъ арріергардомъ, а 29-го—участвовалъ въ обратной переправѣ чрезъ Нейсъ и въ движеніи отъ Лобау къ Бауцену. Императоръ Александръ пожаловалъ Корнилову золотую шпагу съ алмазами и надписью «за храбрость», а король прусскій наградилъ его орденомъ Краснаго Орла 2-й степени.

Октября 4-го, въ первый день лейпцигскаго сраженія, находясь у селеній Клейнъ- и Гроссъ-Ветерицъ, на крайнемъ правомъ флангѣ силезской арміи, Корниловъ вытѣснилъ превосходившаго силами непріятеля изъ ближняго лѣса и тѣмъ обезопасилъ нашъ правый флангъ. На другой день онъ былъ въ авангардномъ дѣлѣ въ виду Лейпцига, а 6-го октября сражался подъ начальствомъ наслѣднаго принца шведскаго, особенно отличившись при кровопролитномъ овладѣніи Шенфельдомъ, послѣ занятія котораго лѣвое крыло Наполеоновой арміи было обойдено. Наслѣдный принцъ шведскій наградилъ Корнилова командорскимъ знакомъ ордена Меча.

При начавшемся затѣмъ преслѣдованіи непріятеля и по вступленіи союзныхъ войскъ во Францію, Корниловъ, командуя 15-ю пѣхотною дивизіею въ авангардѣ силезской арміи, былъ до 20-го декабря при блокадѣ Майнца. При переправѣ чрезъ Рейнъ, 22-го декабря, находясь

въ авангардѣ, онъ одинъ съ своею дивизіею, не взирая на упорное сопротивленіе, вступилъ въ укрѣпленный городъ Бингенъ и, сражаясь въ улицахъ, выгналъ непріятеля.

1814 г. января 17-го, по сближеніи силезской арміи къ Бріенну, Корниловъ съ своею дивизіею, находясь въ центрѣ арміи и занимая этотъ городъ, одинъ защищалъ его въ продолженіе цѣлаго дня, пока на подкрѣпленіе къ нему прибыли, уже вечеромъ, остальные войска Сакенова отряда. Въ сраженіи подъ Бріенномъ, 20-го января, Корниловъ отличился при занятіи Ларотьера. Императоръ Александръ, взиравшій на бріенскую битву съ Транскихъ высотъ, наградилъ мужество Корнилова Георгіевскимъ крестомъ 3-го класса.

Послѣ бріенской побѣды, Блюхеръ пошелъ къ Шалону и, остановясь у Вертю, отправилъ для преслѣдованія Макдональда: Юрка—на Эперне и Сакена—на Монмираль. Корниловъ слѣдовалъ за Сакеномъ въ отрядѣ Олсуфьева. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ 4,000 человекъ, былъ настигнутъ подъ Шампоберомъ, 29-го января, всею арміею Наполеона. Послѣ 12-ти-часоваго отчаяннаго боя, Олсуфьевъ былъ взятъ въ плѣнъ. Старшій по Олсуфьевѣ генералъ Корниловъ, рѣшившись не сдаваться непріятелю, собралъ остатки отряда, и вмѣстѣ съ генераломъ Удомомъ пробился на штыкахъ сквозь превосходныя непріятельскія силы. Не смотря на преслѣдованіе французовъ, на крайнюю усталость людей, разстрѣлявшихъ всѣ патроны, и на грязь, затруднявшую каждый шагъ, Корниловъ, пользуясь темнотою ночи и лѣсистю мѣстностію, успѣлъ достигнуть Портобинсона, сохранилъ 15 орудій и спасъ всѣ полковыя знамена, «а вмѣстѣ съ ними и честь», какъ писалъ онъ въ своемъ донесеніи. Изъ всего отряда Олсуфьева уцѣлѣло съ Корниловымъ 1,480 человекъ, съ коими Корниловъ и присоединился къ силезской арміи въ Вертю. Фельдмаршалъ Блюхеръ, въ письмѣ Корнилову, выразилъ благодарность и чувства уваженія къ храбрости русскихъ войскъ.

Командуя остаткомъ войскъ 9-го пѣхотнаго корпуса, Корниловъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ Блюхеровой арміи до отступленія ея къ Лаону и въ генеральномъ сраженіи у сего города 25-го и 26-го февраля.

Съ приближеніемъ союзныхъ войскъ къ Парижу, Корниловъ 17-го марта занялъ Сень-Дени и взялъ тамъ 10 орудій и до 2,000 французской пѣхоты; 18-го марта участвовалъ въ битвѣ подъ Парижемъ, а 19-го марта, послѣ вступленія императора Александра въ столицу Франціи, посланъ на Орлеанскую дорогу въ Лонжюмо.

По возвращеніи въ Россію, Корниловъ назначенъ командиромъ 22-й пѣхотной дивизіи, поступившей во 2-ю армію Беннигсена, а потомъ

графа Витгенштейна; въ 1818 г. за отличное состояніе дивизіи, произведенъ въ генераль-лейтенанты; въ 1820 г., при переформированіи арміи, 22-я дивизія переименована въ 19-ю, а въ 1827 г. Корниловъ назначенъ командиромъ 17-й пѣхотной дивизіи.

Преждъ началомъ турецкой войны 1828 и 1829 годовъ, между П. Д. Киселевымъ и П. Я. Корниловымъ происходила переписка, сохранившаяся въ домашнемъ архивѣ семейства Корниловыхъ. Киселевъ собственноручно писалъ Корнилову, изъ Тульчина, 18-го декабря 1827 г.: «Г. главнокомандующій желаетъ знать предварительно мнѣніе вашего пр—ства, изволите-ли полагать предпочтительнымъ командовать 5-мъ корпусомъ, переформированнымъ въ одну сводную дивизію, или же остаться командиромъ 17-й дивизіи». Хотя Корниловъ не скрывалъ отъ окружавшихъ своего предчувствія, что ему не вынести молдавскаго климата, но поспѣшилъ тогда же, 20-го декабря, отвѣтить Киселеву, что, начавъ командовать дивизіями съ 1813 года и состоя старшимъ въ російской арміи дивизионнымъ начальникомъ, всегда въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ, съ конми въ теченіи всей службѣ сдѣлалъ 16 кампаній и былъ въ 70 слишкомъ сраженіяхъ,—онъ, въ виду ожидаемой войны, считаетъ обиднымъ для себя предлагаемое ему командованіе сводною резервною дивизіею и предпочитаетъ остаться, подъ командою графа Витгенштейна, начальникомъ 17-й пѣхотной дивизіи.

Не мелкимъ денежнымъ расчетомъ столовыхъ денегъ руководился Корниловъ, давая такой отвѣтъ П. Д. Киселеву.

Съ открытіемъ въ 1828 году турецкой войны, Корниловъ, командуя 17-ю дивизіею, участвовалъ въ занятіи Молдавіи и Валахіи. Послѣ взятія Браилова и перехода главныхъ силъ за Дунай, Корниловъ получилъ приказаніе блокировать Журжу, занятую сильнымъ турецкимъ гарнизономъ. Ночью на 11-е іюня, отрядъ Корнилова пришелъ подъ Журжу. Десять дней прошли въ легкихъ вылазкахъ турокъ. 21-го іюня болѣе 6,000 турокъ, съ 8-ю орудіями, напали на нашъ лагерь. Завязался упорный 9-ти-часовой бой, кончившійся отбитіемъ непріятеля съ большимъ для него урономъ и тѣснѣйшимъ обложеніемъ Журжи.

Корниловъ бодрствовалъ, но труды и вредный для него молдавскій климатъ подорвали его здоровье, раны его раскрылись. Спустя нѣсколько дней послѣ дѣла 21-го іюня, онъ слегъ, и 10-го іюля почилъ на вѣки на боевомъ полѣ, въ виду Рушука, обогрѣннаго его кровію въ 1810 году.

П. Я. Корниловъ самъ вписалъ свое имя въ лѣтописи славы русскаго оружія. Его портретъ находится въ военной галлерей Зимняго

дворца, въ числѣ сподвижниковъ императора Александра I, побѣдносно пронесшихъ русскія знамена чрезъ всю Европу, а его имя увѣковѣчено на мраморныхъ стѣнахъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ.

Рядъ блестящихъ боевыхъ подвиговъ доказываетъ, что Корниловъ обладалъ не только безстрашіемъ и храбростію, но отличался хладнокровною распорядительностію, находчивостію и другими качествами хорошаго генерала, всегда съ честію выводившими его изъ самыхъ отчаянныхъ положеній.

Въ заключеніе скажемъ, и, вѣроятно, безпристрастный читатель согласится съ нами, что П. Д. Киселевъ былъ несправедливъ, сказавъ въ своихъ отмѣткахъ, что Корниловъ хорошо служилъ только полковникомъ и во всякомъ другомъ государствѣ былъ бы не болѣе бригаднаго командира.

Э. П. и И. П. Корниловы.

30-го апрѣля 1890 г.

Изъ Сюлли Прюдомма.

О! еслибъ знали вы, какъ больно
Жить безъ подруги одному —
То къ дому подошли-бъ невольно
Вы моему.

И знали-бъ вы, что взоромъ сладко
Вамъ утѣшать меня дано,
Вы заглянули-бы украдкой
Ко мнѣ въ окно.

Когда-бы знали вы, какъ много
Я въ жпзни выстрадалъ своей,
Тогда вы съли-бъ у порога
Моиxъ дверей.

А знали-бъ вы, что васъ люблю я,
Какъ никому васъ не любить —
Зашли-бы, счастье мнѣ даруя,
Вы можетъ быть.

Красное село
14 июня 1888.

* * *

На балконѣ, цвѣтущей весною,
Какъ заплѣи въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.

Тихій голосъ въ ушахъ раздавался, —
Но твоихъ я не слушалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину стпхъ мягкихъ очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ —
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.

Не могли-бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь. . . .
— Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтзарная, вешняя ночь!

Красное село
15 июня 1888.

К. Р.

[Изъ книги: «Новыя стихотворенія К. Р.» Спб. 1889 г.]

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1890 г.

ТОМЪ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ.

А П Р Ъ Л Ъ , М А Й , І Ю Н Ъ .

Записки и Воспоминанія.

	СТР
I. Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго: 1. Станиславъ Сестренцевичъ Богушъ.—2. Митрополитъ Головинскій, 1807—1855 гг.	158—166, 381—390
II. Императоръ Николай Павловичъ, въ воспоминаніяхъ Теобальда	353—359
III. Графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Изъ воспоминаній Н. А. Дмитріева-Мамонова.	175—184
IV. Дневникъ академика Александра Васильевича Никитенко, 1853—1855 гг.	25—48, 271—297, 611—638
V Записки сенатора Владиміра Иван. Дена, 1854—1857 гг.	49—71, 299—324, 577—608
Докторъ Мандтъ. Замятка въ Запискамъ В. И. Дена .	184
VI. Воспоминанія Николая Ивановича Кокшарова, 1818—1859 гг.	1—23, 249—270, 505—575

	стр.
VII. Петровский Полтавский кадетский корпусъ въ воспомина- ніяхъ одного изъ его воспитанниковъ, 1852— 1859 гг. Сообщ. Л. В. Картавецъ	393—409
VIII. Памятныя замѣтки Е. Н. Моллеръ, рожденной Му- равьевой, 1820—1872	355—342
IX. Очеркъ моего дѣтства и юношества. Диктовано моему сыну. Сообщ. е. и. в. князь Николай Максимиліано- вичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій.	476—481

Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка, рассказы, матеріалы,
замѣтки.

	стр.
I. Датскій королевичъ Вольдемаръ въ Москвѣ въ 1644— 1645 гг. Сообщ. Н. Оглобинъ.	343—345
II. Штуденты — домашніе наставники въ 1712 г. Сообщ. Д. П. Струковъ.	347—350
III. Первые кадетскіе смотры, 1734—1737 гг. Сообщ. Ал. Ив. Савельевъ.	351—352
IV. Кочубей и Племянниковъ (XVIII в.). Сообщ. М. Ф.	123—124
V. Побѣгъ Венювскаго изъ Камчатки, 1771. Сообщ. К. Военскій .	120—122
VI. Къ исторіи Пугачевского бунта. Въ степи у киргизь- кайсаковъ, мартъ — 1774 — июнь. Сообщ. В. Снѣж- невскій	107—119
VII. Императрица Екатерина II. Собственноручная записка ея, 1780 г. Сообщ. баронъ Ф. А. Бюлеръ	672
VIII. Митрополитъ Арсеній Мацѣвичъ. Историческая за- мѣтка. Сообщ. Н. И. Полетаевъ	438
IX. Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ. Сообщ. въ 1874 г. П. С. Лебедевъ.	140—148
X. Городъ Оленскъ въ Сибири. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.	72
XI. Русскіе солдаты въ прусской службѣ, 1713 — 1817. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ .	125—132

- XII Александръ Васильевичъ Суворовъ, два письма его: къ кв. Г. А. Потемкину 1784 г., сообщ. баронъ Ф. А. Бюлеръ, и къ Г. Р. Державину, 1794 г., сообщ. Н. К. Меллеръ 133—136
- XIII. Бѣгледы въ царствованіе императора Павла въ 1800 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій. 137—139
- XIV. Описание курицы, имѣющей въ профилѣ фигуру человека, съ присовокупленіемъ въкоторыхъ наблюденій и ея изображенія, изданное профес. Фишеромъ 439—446
- XV. Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и Петръ Яковлевичъ Корниловъ, 1819—1820 гг. Сообщ. Ф. П. и И. П. Корниловы 727—739
- XVI. Императоръ Николай Павловичъ 16-го ноября 1846 г. Сообщ. К. Маньковскій. 149—157
- XVII. Изъ жизни императора Николая I-го, 1846 г. Разсказъ А. А... Кардиналовскаго. 695—698
- XVIII. Императоръ Николай Павловичъ въ разсказахъ его служащихъ. Сообщ. А. И. Михайловъ. 361—364
- XIX. Императоръ Николай Павловичъ въ присутственных мѣстахъ С.-Петербурга. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 167—170
- XX. Замѣтки изъ воспоминаній князя Н. С. Голицына: Н. И. Гречъ. — Н. А. Полевой. — А. П. Башуцкій. — Ф. Н. Глинка. — Одежды при Александрѣ I и Николаѣ I — Перемѣны въ одеждѣ и въ складѣ обыденной жизни. — Юродство и шутовство 706—712
- XXI. Каммергеръ Яковлевъ. Сообщ. г. Пафнутьевъ. 701
- XXII. Полковникъ Сабошинскій, 1854 г. Замѣтка. Сообщ. М. Гончаровъ. 609
- XXIII. Осажденный Севастополь въ письмахъ убитаго офицера, А. К. Комстадіуса, 1853—1855. Сообщ. графъ Лидерсъ-Веймарнъ. 85—105
- XXIV. Князь Иванъ Фёдоровичъ Паскевичъ: 1. Письмо его къ Н. И. Викинскому, 1854 г. — 2. Послѣдніе дни жизни, болѣзни и кончина кн. И. Ф. Паскевича, янв. 1856 г. Сообщ. К. А. Висковатовъ 702—705
- XXV. Графъ Никитичъ и баронъ фонъ-деръ-Лауницъ. Сообщ. М. Л. Дубельтъ 171—174

	СТР.
XXVI. Исправительная мѣра до 19-го февраля 1861 г.	690
XXVII. Тѣлесныя наказанія въ Россіи и ихъ отиѣна 1240— ^{апрѣля} 17-го	73—83
1863 г. Очеркъ. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ	
XXVIII. Епископъ Кириллъ Мелитопольскій въ его письмахъ къ митрополиту Макарію Булгакову, 1857—1865 гг.	
Сообщ. Е. Н. Булгакова	211—220
X XIX. Болгарское ополченіе въ 1876—1878 гг. (Окончаніе).	
Сообщ. Ив. Степ. Ивановъ .	413—437
XXX. Ефимъ Михайловичъ Крыжавскій въ 1865—1888 гг.	
Очеркъ. Сообщ. Іосифъ Сидорскій.	717—726
XXXI. Графы Бобринскіе. Родословіе. Сообщ. Г. И. Сту- денкинъ	221—227
XXXII. Михайлъ Ильичъ Богаевскій, † 24 ноября 1889 г.	
Сообщ. А. Ѳ. Маккавѣевъ	248
XXXIII. Сергій Петровичъ Боткинъ, † 12-го декабря 1889 г.	
Очеркъ. Состав. Е. А. Головинъ	229—238
XXXIV. Дворянскій полкъ. 83-я годовщина его учрежденія.	
1807 г.—14-го марта—1890 г. А. Н. П.	239—248
XXXV XXV-ти-лѣтняя годовщина взятія Ташкента 1865 г.	
—15-го іюня—1890 г. Ред.	661—671
XXXVI. Императорское минералогическое общество: двадцати- пятилѣтній юбилей президентства въ этомъ обществѣ е. и. в. князя Николая Максимиліановича Романов- скаго, герцога Лейхтенбергскаго, 1865 г.—7-го мая— 1890 г. Ред.	467—475
XXXVII. Лейбъ-гвардіа Гродненскій гусарскій полкъ, 1824 г.	
— ¹⁸⁶⁵ 1890—1890 г. А. Н. П.	500—502
XXXVIII. Лейбъ-гвардіа Павловскій полкъ, 1790—15-го мая— 1890 г. Сообщ. М. С.	483—499
XXXIX. Замѣтки и поправки .	210, 238, 466 и 502

Исторія русской литературы.

- I. Русскіе писатели первой четверти XIX в: Мих. Матв. и Е. В. Херасковы (1733—1807).—II. Александръ Ефимов. Измайловъ (1779—1831). — III. Ив. Ив. Дмитріевъ.—IV. Иванъ Аонасѣевичъ Дмитревскій.—V. Павелъ Михайловичъ Строевъ (1796—1875).—VI. Николай Михайловичъ Карамзинъ, 1819 г. 673—684
- II. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Мало-архангельскѣ въ 1830 годахъ. Сообщ. Влад. Вас. Птицынъ. 410—412
- III. Владиміръ Фодосѣевичъ Раевскій. Его стихотворенія, 1822—1846 гг. 365—380
- IV. Елена Андреевна Ганъ и Осипъ Ив. Сенковскій, 1836—1838 гг. Сообщ. Н. Фадѣева 185—191
- V. Николай Платоновичъ Огаревъ. Его стихотвореніе 1839 г.: «Пѣсня». Сообщ. Н. А. Огарева. 199—200
- VI. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, 1801—1842 гг. Сообщ. Вл. Мих. Каченовскій 685—694
- VII. Павелъ Андреевичъ Фодотовъ. Его басни. Сообщ. П. В. Шейнъ. 193—198
- VIII. Иванъ Васильевичъ Турчаниновъ. Стихотвор. его: «Къ Западу», 1848 г. . 699—701
- IX. Николай Васильевичъ Гоголь. Письма къ нему А. О. Смирновой, 1844—1851. Сообщ. А. О. Смирнова 639—656
- X. Константинъ Дмитріевичъ Ушинскій. Сообщ. Павелъ Музыкантовъ . 210
- XI. Николай Ивановичъ Костомаровъ († 7-го апрѣля 1885 г.) въ воспоминаніяхъ одного изъ его учениковъ. Сообщ. Е. Гр. Гвоздиковъ 207—209
- XII. Орестъ Фодоровичъ Миллеръ. Мраморная доска въ память его рожденія. Сообщ. Ред. 346
- XIII. Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Эпизодъ изъ его пребыванія въ Вяткѣ. Сообщ. А. Н. Бузнецовъ. 713—714

XIV. Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Род. 12-го іюля 1828 г., † 17-го октября 1889 г. Сообщ. А. В. Смирновъ.	449—465
XV. Владиміръ Ѳедоровичъ Лугининъ, ученый русскій химикъ. Сообщ. М. А. Берманъ.	298
XVI. К. Д. Бальмонтъ. Его стихотвореніе	360
XVII. Б. К. Р—въ. Стихотворенія его. 24, 84, 106, 192, 228, 392, 482, 610	
XVIII. Къ исторіи цензуры, 1859 г. Сообщ. П. В. Шейнъ.	715—716
XIX. Табачникъ и порицатель. Народная сатира. Сообщ. Александръ Можаровскій	447—448
XX. Турусы на колесахъ, 1846 г. Сообщ. П. В. Шейнъ.	201—204
Замѣтка къ этой статьѣ. Сообщ. А. Станкевичъ	576

Исторія искусствъ.

- I. Рейссигъ—основатель рисовальной школы въ С.-Петербургѣ. Сообщ. Н. П. Собко 205—206
- II. Петръ Ѳедоровичъ Соколовъ, 1787—1848 гг., основатель акварели въ Россіи. Сообщ. И. Н. Божеряновъ. 657—660

Портреты.

- I. Портретъ Емельяна Пугачева, съ современнаго его портрета, писаннаго на холстѣ, принадл. Музею древностей въ г. Ростовъ-Великомъ, Ярославской губ. Сообщ. И. А. Шляковъ, гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ.
(См. стр. 112 и 466).
- II. Портретъ сенатора ген.-лейт. Владиміра Ивановича Дена, гравировалъ художникъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 249 и 466).
- III. Портретъ Петра Ѳедоровича Соколова, перваго по времени акварелиста въ Россіи. Фототипическій снимокъ съ рисунка Брюллова. Исполненъ снимокъ г. Скамони.
(См. стр. 505).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. II-й (1702—1703 гг.). Спб. 1889 г., б. 8 д., стр. XXIII+721+LXII. Съ приложеніемъ снимковъ современной гравюры и письма Петра Великаго. (На обортеѣ IV-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
2. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томы LXIX и LXX. Спб. 1889 г. и 1890 г., въ 8 д. (Тамъ-же).
3. Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1887 г. Спб. 1890 г., въ б. 8 д., стр. 279+78. (Тамъ-же).
4. Музыка и чувство. Матеріалы для психологическаго основанія эстетики музыки. А. А. Неустроева. Спб., 1890 г., 8 д., стр. 111. (Тамъ-же).
5. Русская Греко-Уніатская церковь въ царствованіе императора Александра I. Историческое изслѣдованіе по архивнымъ документамъ П. О. Бобровскаго. Спб. 1890 г., стр. XVI+396. (Тамъ-же).
6. Въ защиту Богдана Хмѣльницкаго. Соч. Г. Ѳ. Карпова. Историко-критическія объясненія по поводу соч. П. А. Кулиша: «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Москва, 1890 г., 8 д., стр. 104. (Тамъ-же).
7. Матеріалы къ изученію Пермскаго края. Чермезскій заводъ, его прошлое, настоящее и лѣтопись событій. Н. Н. Новокрестьянскихъ. Спб. 1889 г., въ 8 д., стр. 164. (Тамъ-же).
8. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу.—Н. П. Семенова, т. II.—Второй періодъ занятій. Съ портретомъ перваго предсѣдателя комиссій І. И. Ростовцева и изображеніями восьми членовъ финансовой комиссіи. Изд. Меркурія Елеазаровича Комарова. Спб. 1890 г., б. 8 д., стр. 1020. Посвящается государю императору Александру Александровичу. (На обортеѣ V-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
9. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсукова. Книга третья. Спб., 1890 г., въ 8 д., стр. VII + 387. (Тамъ-же).
10. Музыкальный календарь — альманахъ и справочная книжка на 1890 г. Состав. Н. М. Лисовскій. Спб. 1889 г. Изд. М. Бернарда, въ м. 8 д. (Тамъ-же).
11. Русскія юридическія древности. Томъ первый. Территорія и населеніе. Проф. В. И. Сергѣевича. Спб. 1890. XII+517 стр. (Тамъ-же).
12. Бѣлорусскія древности, изданныя А. М. Семеновскимъ. Вып. I. Спб. 1890 г., въ 8 д., XI+136 стр. (Тамъ-же).

13. Инн. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа, съ приложеніемъ 18 таблицъ рисунковъ. Томскъ. 1890 г. (Стр. 36+XII+II). (Тамъ-же).
 14. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Вып. I. (XVI в.). Михаилъ Литвинъ, В. де-Вижеръ, Л. Горецкій, Э. Ляссота. Переводъ К. Мельникъ (подъ ред. В. В. Антоновича). Кіевъ. 1890 г. (На обертѣ VI-й книги «Русской Старины» изд. 1890 г.).
 15. П. П. Столпянскій. Опытъ руководства для занятій ручнымъ трудомъ въ общеобразовательныхъ училищахъ. Спб. 1890 г. Стр. 103. (Тамъ-же).
 16. Д. Н. Анучинъ. Сани, лады и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда. Археолого-этнографическій этюдъ. Съ 44 рисунками въ текстъ. М. 1890 г. 4 д. Стр. 146. (Тамъ-же).
 17. Третья учебная экскурсія симферопольской мужской гимназій. Симферополь. Отчетъ, составленный по порученію педагогическаго совѣта В. Лашковымъ. Приложенія рисовалъ А. Архиповъ. Симферополь. 1890 г. 8 д., стр. 254. (Тамъ-же).
 18. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ник. Ив. Шишкина. Касимовъ. 1889 г. 8 д., стр. 172. (Тамъ-же).
-

